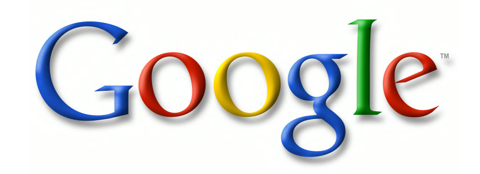
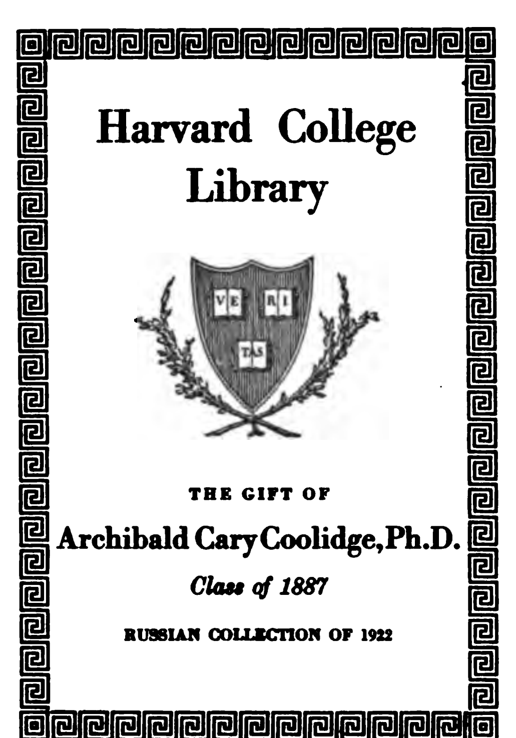



Harvard College
Library
VE RI TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
RUSSIAN COLLECTION OF 1922

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

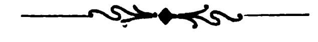
Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. И. КАРѢЕВА.

(1891 г.).

ТОМЪ ТРЕТІЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1891.

1888

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

ОТДѢЛЪ I.

Всеобщая исторія въ университетѣ [1]).

Н. И. Карѣева.

Приступая къ чтенію общаго историческаго курса, я всегда вхожу на каѳедру съ одною мыслью, съ тою же самою именно мыслью, которая передъ этимъ руководила мною при выработкѣ програмы всего курса и которой я стараюсь не забывать и потомъ, когда приходится составлять конспекты отдѣльныхъ лекцій, такъ что мыслью этою до извѣстной степени опредѣляются содержаніе и характеръ и цѣлаго курса, и всѣхъ его частей. Я могъ бы, конечно, оставить ее при себѣ, еслибы нѣкоторыя соображенія не заставляли меня познакомить васъ съ нею, какъ принципомъ, коимъ я руковожусь, когда такъ, а не иначе строю свои общіе историческіе курсы. Одно изъ обстоятельствъ, наталкивающихъ меня на это, заключается уже въ томъ, что при разговорахъ со студентами, касающихся ихъ факультетскихъ занятій вообще и въ частности занятія исторіей, мнѣ невольно приходится возвращаться къ одной и той же темѣ, повторять одну и ту же мысль, и она какъ-разъ совпадаетъ съ моимъ руководящимъ принципомъ, и вотъ, вмѣсто того, чтобы развивать одно и то же нѣкоторымъ изъ васъ и притомъ каждому въ отдѣльности, я собрался сегодня сказать то же самое вамъ всѣмъ и сразу, пользуясь для этого первой же своей лекціей. Къ такому рѣшенію подвинула меня и теперешняя постановка преподаванія всеобщей исторіи на нашемъ факультетѣ. Было время, когда всѣ части этого предмета считались

[1]) Лекція, читанная въ Петербургскомъ университетѣ студентамъ-филологамъ младшихъ семестровъ 2 сентября 1891 г., въ видѣ вступленія въ общій курсъ новой исторіи. Появленіе ея въ печати объясняется современнымъ положеніемъ всеобщей исторіи среди другихъ предметовъ, преподаваемыхъ на нашихъ историко-филологическихъ факультетахъ. Ср. Историч. Обозр., т. I, отд. I, стр. 254—255.

равно обязательными для всѣхъ студентовъ факультета, теперь же такою привилегіей пользуется только одна древняя исторія (да и то съ выключеніемъ Востока), такъ какъ средняя и новая отнесены къ числу предметовъ спеціальныхъ, которыхъ какъ бы можно и не знать и классическому филологу, и славистy. Если я читаю однако общій для всѣхъ курсъ по новой исторіи, „рекомендуемый" вамъ факультетомъ, то исходя изъ того принципа, о коемъ и буду говорить.

Каждый разъ, когда я вступаю на каѳедру, начиная тотъ или другой общій историческій курсъ, я всегда помню, что учеными вообще и въ частности спеціалистами по моему предмету станутъ весьма немногіе изъ моихъ слушателей, но что всѣмъ одинаково и безъ малѣйшаго изъятія можно и должно сдѣлаться образованными людьми. Дѣятельность ученаго требуетъ извѣстныхъ прирожденныхъ склонностей и способностей, встрѣчающихся вообще у меньшинства, образованіе же доступно каждому, и для того, чтобы его получить, нѣтъ надобности въ исключительныхъ природныхъ качествахъ. Однимъ словомъ, къ ученымъ и образованнымъ можно, пожалуй, примѣнить то, что было когда-то сказано о поэтахъ и ораторахъ, что одни nascuntur, а другіе fiunt. Поэтому весьма ошибочно было бы думать, чтобы единственною цѣлью преподаванія на нашемъ факультетѣ было приготовленіе ученыхъ по разнымъ спеціальностямъ, на немъ преподаваемымъ: это значило бы, во-первыхъ, или имѣть въ виду только небольшое меньшинство, посвящающее себя на всю жизнь занятію наукой, или искусственно притягивать всѣхъ къ дѣятельности, имъ несвойственной, забывая другіе ихъ интересы и потребности, а во-вторыхъ, это значило бы съузить задачу высшаго преподаванія и даже лишить будущихъ ученыхъ спеціалистовъ того общаго образованія, отсутствіе коего въ человѣкѣ не можетъ оправдываться никакою спеціальностью. Съ этою то мыслью я и соображаю свои курсы, и ее же развиваю обыкновенно въ разговорахъ со студентами нашего факультета, когда у насъ заходитъ рѣчь о слушаніи лекцій и чтеніи книгъ, относящихся къ факультетскимъ предметамъ. Ставъ на такую точку зрѣнія, предметы, преподаваемые на нашемъ факультетѣ, можно раздѣлить на болѣе общіе, имѣющіе болѣе, нежели другіе, образовательный характеръ и на болѣе спеціальные, т.-е. такіе, которые имѣютъ характеръ болѣе ученый, да и въ одномъ и томъ же предметѣ можно различать части и стороны болѣе общеинтересныя и общедоступныя, съ одной стороны, и спеціально-ученыя—съ другой, что, напр., въ нашей наукѣ и отражается на дѣленіи университетскихъ курсовъ на общіе и спеціальные. Такая точка зрѣнія, между прочимъ, находитъ свое выраженіе и въ теперешнемъ устройствѣ нашего факультета, дающемъ въ идеѣ сначала, т. е. въ первые два года общее образованіе,

чтобы посвятить два послѣдніе года спеціальнымъ занятіямъ. Насколько вообще послѣдовательно осуществляется эта идея въ дѣйствительности, насколько она не искажена въ своемъ примѣненіи, это другой вопросъ, который теперь разбирать не мѣсто, и здѣсь я не могу лишь не упомянуть объ отмѣченномъ уже отсутствіи средневѣковой и новой исторіи въ кругѣ общеобязательныхъ предметовъ нашего факультета, какъ о пробѣлѣ, который я и предполагаю восполнить своимъ теперешнимъ курсомъ. Но отступленія отъ указаннаго принципа возможны не только въ общей организаціи факультетскаго преподаванія и не только со стороны отдѣльныхъ профессоровъ, если они думаютъ лишь о приготовленіи будущихъ спеціалистовъ, мало заботясь объ общемъ образованіи своихъ слушателей,—отступленія эти сплошь и рядомъ имѣютъ свой источникъ и въ самихъ студентахъ: вотъ это-то и заставляетъ меня такъ часто въ разговорахъ съ вами возвращаться къ темѣ сегодняшней моей лекціи.

Студенческая филологическая среда знакома мнѣ приблизительно столько же лѣтъ, сколько каждый изъ васъ живетъ на свѣтѣ. Я еще очень хорошо помню и самъ себя студентомъ филологическаго факультета, и съ той поры въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ я имѣлъ массу наблюденій сначала надъ своими товарищами, потомъ надъ своими слушателями,—наблюденій, относящихся къ разнымъ періодамъ нашего недавняго прошлаго и къ тремъ университетамъ, съ коими я непосредственно имѣлъ дѣло. Нашъ факультетъ всюду слыветъ за наиболѣе ученый. По всей вѣроятности, ни на одномъ факультетѣ не оканчиваетъ курсъ такой большой процентъ будущихъ ученыхъ, принимая въ расчетъ сравнительно небольшое число студентовъ-филологовъ, и къ намъ поступаетъ относительно много молодыхъ людей, которые думаютъ посвятить себя занятію наукой. Мнѣ даже весьма часто приходилось наблюдать тотъ довольно общій фактъ, характеризующій студентовъ-филологовъ, что вступаютъ они въ университетъ уже большею частью съ болѣе или менѣе рѣзко обозначившимся тяготѣніемъ къ какой-либо спеціальности и на первыхъ же порахъ до-нельзя съуживаютъ кругъ своихъ научныхъ интересовъ. Тѣмъ бо́льшее вниманіе я всегда обращалъ на это явленіе, что одинъ изъ частныхъ его случаевъ представляетъ собственное мое прошлое: я помню, что на первыхъ порахъ своего пребыванія на историко-филологическомъ факультетѣ въ Москвѣ, и изъ профессорскихъ лекцій я дорожилъ только тѣмъ, и изъ рекомендованныхъ книгъ читалъ только то, что имѣло отношеніе къ моей „спеціальности", каковою сначала была, однако, не исторія. Къ счастью для себя, я еще рано понялъ, насколько было ошибочно такое отношеніе къ факультетскому преподаванію, и этимъ я былъ обязанъ отчасти курсамъ нѣкоторыхъ своихъ профессоровъ, дававшихъ

по старой традиціи московскаго университета широкую, образовательную, идейную постановку читавшимся ими предметамъ. Послѣ того, что я извѣдалъ самъ съ своимъ раннимъ спеціализированіемъ, я въ каждомъ студентѣ-филологѣ, дорожащемъ исключительно какою-нибудь спеціальною областью и относящимся индифферентно къ наиболѣе общеобразовательнымъ предметамъ факультета или даже видящемъ помѣху для своихъ спеціальныхъ занятій въ „необходимомъ злѣ“ слушанія прямо къ нимъ не относящихся курсовъ, узнавалъ когда-то и у меня бывшее настроеніе, признанное мною потомъ ошибочнымъ и вреднымъ. Понятное дѣло, что встрѣча съ подобнаго рода фактами заставляетъ меня всегда въ разговорахъ со студентами обращаться къ нимъ съ совѣтомъ—избѣгать слишкомъ ранней спеціализаціи своихъ занятій и заботиться о пополненіи своего общаго образованія, и по той же самой причинѣ я придаю большую важность общеобразовательной постановкѣ своихъ курсовъ. Конечно, научная дѣятельность, ожидающая нѣкоторыхъ изъ васъ, профессія преподавателя, выпадающая на долю большинства бывшихъ студентовъ нашего факультета,—не говоря о другихъ занятіяхъ, какія могутъ представиться студенту-филологу,—требуютъ спеціализаціи, въ однихъ случаяхъ большей, въ другихъ меньшей, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы тѣмъ было лучше, чѣмъ раньше и чѣмъ исключительнѣе человѣкъ сталъ бы спеціализироваться. Крайняя спеціализація, оторванная отъ почвы общеобразовательныхъ элементовъ науки, вообще можетъ быть только хилымъ и искривленнымъ растеніемъ, дающимъ плоды довольно сомнительнаго достоинства: это сказывается не только тогда, когда въ каждой наукѣ изслѣдуется что-либо частное безъ всякаго отношенія къ тому общему, какое представляетъ собою наука, но даже и въ томъ случаѣ, если и цѣлая наука отгораживается китайской стѣной отъ другихъ наукъ. Чтобы сознательно относиться къ своей наукѣ, необходимо понимать ея мѣсто и значеніе среди другихъ наукъ, представлять себѣ ясно, что она имъ можетъ дать и что дать ей онѣ могутъ, особенно же видѣть постоянно ту связь, какая существуетъ между нею и науками ей близкими и родственными: на юридическихъ факультетахъ есть даже особый предметъ преподаванія, касающійся всего этого по отношенію къ факультетскимъ предметамъ, и скажу мимоходомъ, что въ соотвѣтствіе такой юридической энциклопедіи не мѣшало бы создать и у насъ своего рода историко-филологическую пропедевтику [1]). Говоря вообще, весьма часто приходится отмѣчать печальныя слѣдствія слишкомъ ранней спеціализа-

---

[1]) Въ виду этого, напр., на 1891—2 годъ я объявилъ курсъ по исторической энциклопедіи, имѣющій отчасти и пропедевтическій характеръ.

ціи, которая особенно вредна именно въ силу своей преждевременности, т. е. до завершенія общаго образованія въ кругѣ извѣстныхъ наукъ и въ годы, имѣющіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ рѣшающее значеніе для всей послѣдующей дѣятельности человѣка.

Если въ молодыхъ людяхъ, вступающихъ въ число студентовъ-филологовъ, я нерѣдко встрѣчался съ нѣкоторою склонностью къ ранней специализаціи, не находившей иногда достаточнаго противовѣса со стороны университетскаго преподаванія, а въ иныхъ случаяхъ даже прямо или косвенно поощрявшеюся, то рядомъ съ этимъ я наблюдалъ и иного рода явленіе, которое также не могъ оставлять безъ вниманія. Лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ и при особыхъ условіяхъ ранняя наклонность къ специализаціи, замыкающейся въ самоѐ себѣ, одерживаетъ побѣду надъ другимъ, гораздо чаще встрѣчающимся вообще и болѣе свойственнымъ юношескому возрасту стремленіемъ. Возрастъ этотъ охватываетъ собою, говоря вообще, особенно тѣ годы, которые молодой человѣкъ интеллигентнаго общества проводитъ въ старшихъ классахъ гимназіи и на младшихъ курсахъ университета,—ту пору жизни, когда передъ пробуждающимися высшими формами самосознанія открываются у личности новыя стороны собственнаго *я* и съ новыхъ сторонъ открываются для нея окружающій міръ, и на почвѣ этого особаго психическаго состоянія у человѣка являются новые умственные запросы, доходящіе на высшихъ своихъ ступеняхъ до жажды знанія, столь отличной отъ самой сильной ребяческой любознательности, и рядомъ съ ними обнаруживается столь характерный юношескій идеализмъ, развивается стремленіе къ самостоятельному рѣшенію властно требующихъ отвѣта вопросовъ нравственности и общежитія. Никогда человѣкъ не бываетъ такъ жаденъ къ общимъ идеямъ, такъ воспріимчивъ къ идейному знанію,—а идейное знаніе и составляетъ суть общаго образованія въ отличіе отъ специальной учености, въ которой главное—значеніе фактическое,—и значило бы отталкивать отъ науки большу́ю часть молодежи, лишая ее такого преподаванія, которое соотвѣтствовало бы именно указаннымъ потребностямъ и стремленіямъ этой поры жизни [1]). Нужно особое предрасположеніе для того, чтобы заинтересоваться только однимъ фактическимъ содержаніемъ той или другой специальной науки, но достаточно лишь неиспорченныхъ ума и сердца, чтобы не испытывать глубокаго равнодушія передъ идейнымъ содержаніемъ каждой науки, сколько-нибудь освѣщающей намъ человѣческое существо съ его многообразными отношеніями къ природѣ и къ себѣ подобнымъ, его ду-

---

1) Объ этомъ подробнѣе смотри въ моей статьѣ „Что такое общее образованіе?“ *Русская школа*, 1891, окт.

ховный міръ и общественныя отношенія. Каждый человѣкъ, мало-мальски способный къ чисто ученой работѣ, всегда найдетъ на широкомъ полѣ знанія такой уголокъ, кропотливая работа надъ которымъ будетъ наиболѣе соотвѣтствовать его складу ума, интересамъ и вкусамъ, но далеко не всѣ приходятъ въ университетъ, чтобы отыскать себѣ такой уголокъ, да и тѣ, которые уже его себѣ отмежевали, не всегда зарываются въ немъ съ самаго начала, забывая весь остальной міръ: университетское преподаваніе должно удовлетворять тѣмъ потребностямъ, которыя естественно и необходимо развиваются въ юношескомъ возрастѣ при нормальныхъ условіяхъ воспитанія, должно поддерживать и развивать стремленіе къ самообразованію и съ своей стороны ему помогать наиболѣе широкимъ развитіемъ общихъ курсовъ съ идейнымъ содержаніемъ, отличающимся общеинтересностью и общедоступностью, не ставя во главу угла зданія того, что должно быть предлагаемо послѣ, когда наступаетъ пора спеціализироваться и когда молодой человѣкъ уже вполнѣ сознательно можетъ относиться къ предмету своихъ излюбленныхъ занятій. Не давать молодымъ людямъ той идейной пищи, которой они просятъ, значитъ—по отношенію къ однимъ—поселять въ нихъ равнодушіе къ наукѣ, разъ ея идейная сторона, такъ сказать, остается скрытою за фактической ученостью, по отношенію къ другимъ—поощрять въ нихъ склонность къ узкой спеціализаціи, не подозрѣвающей въ своей погонѣ за фактами, что у науки должна быть идейная сторона, и въ тоже время не гарантирующей знатока громадной массы фактовъ изъ одной области отъ печальнаго невѣжества во всемъ остальномъ.

Конечно, не всѣ науки, преподаваемыя въ университетѣ, способны вообще или въ одинаковой степени играть роль общеобразовательныхъ предметовъ. Я считаю себя счастливымъ, что наука, избранная мною, какъ спеціальность, принадлежитъ къ числу наиболѣе общеобразовательныхъ, разъ мы не будемъ отождествлять интереса историческаго съ интересомъ антикварнымъ или археологическимъ. Дѣлая послѣднюю оговорку, я вовсе не думаю отграничивать одинъ интересъ отъ другого хронологически: съ чисто исторической точки зрѣнія можно изучать самыя отдаленныя времена, какъ можно съ запросами и пріемами антикварія или археолога подходить къ событіямъ и явленіямъ чуть не вчерашняго дня: все дѣло именно въ точкѣ зрѣнія, и, конечно, лишь при извѣстной точкѣ зрѣнія исторія получаетъ тотъ смыслъ, о которомъ я говорю. Смотря на своихъ слушателей не какъ на будущихъ ученыхъ, а какъ на людей, ищущихъ общаго образованія въ предѣлахъ извѣстнаго круга наукъ, я именно нахожу, что одною изъ наиболѣе подходящихъ въ этомъ отношеніи наукъ является исторія, конечно, въ извѣстномъ пониманіи, потому

что, повторяю, есть исторія и исторія. Исторія — и съ нею только одна философія изъ наукъ нашего факультета,—прежде всего, выводитъ насъ внѣ все-таки тѣсныхъ границъ наукъ филологическихъ, изучающихъ проявленія одной только духовной стороны человѣка въ языкахъ, религіяхъ, литературахъ, художествахъ разныхъ народовъ, и вводитъ насъ въ область явленій соціальныхъ, т. е. политическихъ, юридическихъ и экономическихъ, изслѣдуемыхъ науками другого, наиболѣе родственнаго нашему факультета. Можно сказать, что эти два факультета подѣлили между собою изученіе человѣческаго міра, взявъ на себя одинъ—духовную его сторону, другой—сторону общественную, и что потому исторія, разсматривающая человѣка, и какъ существо духовное, и какъ существо общественное, должна была бы принадлежать обоимъ факультетамъ, а не одному только нашему. Болѣе тѣсное соединеніе исторіи съ филологіей имѣетъ свое историческое объясненіе, но историческое объясненіе никогда не можетъ претендовать на значеніе раціональнаго оправданія. Дѣло въ томъ, что историческая наука новаго времени зародилась, такъ сказать, въ лонѣ филологіи, до сихъ поръ иногда претендующей на главенство надъ нею и даже бывающей не прочь держать ее въ черномъ тѣлѣ, когда она стремится эманципироваться изъ-подъ старой опеки: было, дѣйствительно, время, когда историкъ долженъ былъ быть прежде всего филологомъ, да и теперь еще нѣкоторые отдѣлы нашей науки —отчасти по традиціи, отчасти по существу дѣла—находятся въ сильной зависимости отъ филологіи. Въ общемъ, однако, исторія въ настоящее время вполнѣ самостоятельная наука, и новѣйшія ея направленія имѣютъ теперь даже гораздо больше точекъ соприкосновенія съ науками юридическаго факультета, чѣмъ съ филологіей. Съ тѣхъ поръ, какъ юристы и экономисты стали исторически изучать явленія права и народнаго хозяйства, а историки, въ свою очередь, включили эти явленія, столь чуждыя интересамъ чистой филологіи, въ число предметовъ своего изученія, историческая наука уже не можетъ оставаться принадлежностью одного нашего факультета, и историкъ не можетъ болѣе опираться на одно филологическое образованіе. Исторія сближаетъ оба факультета и, можно сказать, возвышается надъ односторонностью каждаго, раздробляясь въ то же время на частныя исторіи языка, литературы, искусства, философіи и церкви на одномъ факультетѣ и исторіи государственныхъ учрежденій, права, хозяйственныхъ отношеній, общественныхъ теорій на другомъ. Что общая исторія не преподается юристамъ, какъ преподается она филологамъ, есть простая непослѣдовательность, еще очень недавно (до 1884 г.) устранявшаяся, однако, практикою отдѣльныхъ университетовъ. Наприм., въ московскомъ университетѣ, гдѣ я

учился, общіе курсы всеобщей и русской исторіи читались совмѣстно филологамъ и юристамъ, и то же до сихъ поръ дѣлается въ варшавскомъ университетѣ, въ которомъ и я нѣсколько лѣтъ подъ рядъ читалъ такіе курсы для студентовъ двухъ факультетовъ [1]). Съ другой стороны, отъ ищущихъ на историко-филологическомъ факультетѣ степени магистра исторіи требуется на экзаменѣ политическая экономія, читаемая только на юридическомъ факультетѣ, и весьма часто историческія диссертаціи на ученыя степени нашего факультета бываютъ болѣе понятны профессорамъ-юристамъ, чѣмъ профессорамъ-филологамъ. Въ самыхъ историческихъ курсахъ, читаемыхъ на этомъ факультетѣ все болѣе и болѣе отводится мѣста изложенію явленій политическихъ, юридическихъ и экономическихъ, такъ что студенты-филологи именно на историческихъ лекціяхъ выходятъ изъ того сравнительно тѣснаго круга явленій исторической жизни народовъ, коими занимаются другіе предметы факультета.

Являясь связующимъ звеномъ между двумя факультетами и тѣмъ самымъ особенно заслуживая названіе предмета общеобразовательнаго, исторія играетъ такую же роль по отношенію ко многимъ отдѣльнымъ дисциплинамъ нашего факультета: въ ней наиболѣе сосредоточено то общее, частныя стороны и проявленія котораго изучаются болѣе спеціальными исторіями церкви, философіи, литературы, искусства. Въ теоріи никто не рѣшится отрицать, что отдѣльное изученіе прошлаго религіи, философіи, литературы, искусства немыслимо въ совершенной оторванности отъ общей исторіи, которая, въ свою очередь, должна быть синтезомъ этихъ частныхъ изученій, безъ чего они были бы только disjecta membra dei. Историческій процессъ складывается изъ нѣсколькихъ параллельныхъ, такъ сказать, переплетающихся между собою и находящихся во взаимодѣйствіи процессовъ, обобщаемыхъ нами подъ названіями исторій государства и соціальнаго строя, права и экономическихъ отношеній, религіи и церкви, философіи, науки, литературы и искусства, и при изученіи каждаго такого процесса имѣется свой фактическій матеріалъ, имѣются свои точки зрѣнія, имѣются особые научные пріемы, но только тогда изслѣдователь, напр., права или литературы вполнѣ и всесторонне пойметъ свою область и оцѣнитъ отдѣльныя встрѣчающіяся въ ней явленія, когда пріобрѣтетъ способность мыслить изучаемую имъ категорію фактовъ въ связи съ другими категоріями и въ цѣломъ народной жизни, охватить которое и должно быть идеальною цѣлью общей исторіи. Общее факультетское образованіе поэтому должно

---

[1]) См. объ этомъ статью мою „Двѣ замѣтки объ историческомъ образованіи" (I. Постановка дѣла въ университетахъ). *Устои*. 1882, № 5.

класть въ свою основу исторію, какъ идейный центръ, въ коемъ сходятся радіусы отдѣльныхъ изученій, все болѣе и болѣе разобщающихся между собою по мѣрѣ приближенія къ периферіи съ господствующимъ на ней специализмомъ. Такимъ образомъ исторія, взятая, какъ изученіе историческаго процесса въ его нераздѣльной цѣльности, является однимъ изъ наиболѣе обобщенныхъ предметовъ факультета, и съ этой стороны онъ вмѣстѣ съ философіей является наиболѣе пригоднымъ для цѣлей общаго образованія, какъ подготовки къ спеціальнымъ занятіямъ, не говоря уже о томъ значеніи, какое исторія имѣетъ для моральнаго и соціальнаго воспитанія, составляющаго не менѣе, если не болѣе важную задачу общаго образованія.

Мало того: являясь по существу дѣла центральнымъ предметомъ на нашемъ факультетѣ и служа связью между нимъ и факультетомъ юридическимъ, исторія должна была бы играть важную роль и вообще въ университетскомъ образованіи. Идеалъ университета есть universitas omnium litterarum, но въ дѣйствительности ни у насъ, ни за границей не существуетъ общаго университетскаго образованія, такъ какъ самый университетъ, какъ universitas omnium litterarum, есть только идеалъ, коему въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ соединеніе нѣсколькихъ факультетовъ, дающихъ каждый совершенно различное образованіе, спеціальное въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ должно было бы быть образованіе универсальное, и могущее называться все-таки общимъ лишь по отношенію къ отдѣльнымъ научнымъ спеціальностямъ. Тѣмъ не менѣе соединеніе въ одномъ учрежденіи разныхъ факультетовъ, являющихся каждый въ отдѣльности какъ бы особою спеціальной школой, имѣетъ весьма важное значеніе, сближая между собою отдѣльныя науки и тѣмъ внося въ нихъ нѣкоторый элементъ универсальности. Университетскіе факультеты въ этомъ отношеніи имѣютъ большое преимущество передъ соотвѣтственными имъ высшими спеціальными школами: студентъ одного факультета можетъ слушать лекціи другого, и иногда прямо существуютъ совмѣстные для студентовъ двухъ факультетовъ курсы; онъ вступаетъ въ товарищескія отношенія не съ одними ближайшими своими коллегами, но и съ принадлежащими къ слушателямъ иныхъ спеціальностей и научается отъ нихъ новому; онъ пріучается смотрѣть на науки своего факультета, какъ на часть одного великаго цѣлаго—университетской науки, и это расширяетъ его умственный горизонтъ. Въ томъ же положеніи находятся и представители самой университетской науки, которые поставлены въ возможность обмѣниваться между собою знаніями, идеями, точками зрѣнія, вырабатывающимися въ далекихъ одна отъ другой спеціальностяхъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдѣльные фа-

культеты находятся, кромѣ того, въ болѣе тѣсной связи между собою, имѣя много частныхъ точекъ соприкосновенія и много общихъ, сближающихъ ихъ между собою интересовъ: таковы, какъ мы видѣли, факультеты историко-филологическій и юридическій, оба изучающіе человѣка и міръ его отношеній, и становясь на точку зрѣнія даже только спеціальныхъ интересовъ обоихъ факультетовъ, можно вообразить себѣ нѣкоторое такое общее образованіе, которое, будучи одинаково необходимо и пригодно какъ для филолога, такъ и для юриста, сливало бы оба эти факультета въ одинъ факультетъ гуманныхъ и соціальныхъ наукъ съ разными специальными отдѣленіями: историко-филологическія знанія, нужныя для юриста, и юридическія знанія, нужныя для филолога, и составляли бы изъ себя то, что должно было бы лечь въ основу общаго гуманно-соціальнаго образованія. Это, думаю я, должны были бы быть, кромѣ философіи, общія теоріи государства, права и народнаго хозяйства, взятыя съ факультета юридическаго, и общія теоріи человѣческаго духа и его проявленій въ мышленіи, языкѣ, нравственности, религіозномъ, философскомъ, литературномъ и художественномъ творчествѣ, извлеченныя изъ наукъ филологическихъ,—а рядомъ съ этими общими теоріями, изучающими разныя стороны человѣчности, исторія человѣчества, и пожалуй, послѣдняя, какъ наука, по идеѣ своей долженствующая разсматривать жизнь человѣчества во всѣхъ главныхъ ея проявленіяхъ, играла бы и тутъ вмѣстѣ съ философіей роль предмета, объединяющаго въ себѣ то, что всѣ эти теоріи разсматриваютъ каждая въ отдѣльности. Если при той размежевкѣ, которую въ знаніяхъ о человѣкѣ произвели между собою историко-филологическій и юридическій факультеты, и можно говорить о какомъ-либо преимуществѣ одного передъ другимъ въ смыслѣ большаго приближенія къ идеалу универсальности, то только принимая въ расчетъ чисто традиціонное, но въ настоящее время лишенное принципіальныхъ основаній пріуроченіе общеисторическаго преподаванія къ одному историко-филологическому факультету, хотя въ смыслѣ постановки общихъ теорій преимущество принадлежитъ факультету юридическому.

Исторія отстояла бы свое право на роль важнѣйшаго образовательнаго предмета въ общемъ университетскомъ образованіи и въ томъ случаѣ, если бы послѣднее вполнѣ соотвѣтствовало идеалу universitatis omnium litterarum. Общее образованіе въ области гуманныхъ и соціальныхъ наукъ не можетъ считаться достигшимъ совершенной универсальности, пока съ нимъ не соединено то общее образованіе, какое дается двумя факультетами, изучающими природу и человѣка съ его физической стороны, физико-математическимъ и медицинскимъ, находящимися также въ ближайшемъ другъ къ другу отношеніи.

Въ нашей литературѣ [1]) не разъ уже высказывалась мысль о такой коренной реформѣ университетскаго образованія, при которой факультеты превратились бы прямо въ высшія спеціальныя школы хотя бы и соединенныя въ одно цѣлое, но такъ, чтобы имъ предшествовало общее университетское т. е. высшее универсальное образованіе, соединяющее въ себѣ главнѣйшія, существеннѣйшія, самыя общія знанія о природѣ и человѣкѣ, такъ сказать, философію наукъ естественныхъ, гуманныхъ и соціальныхъ. Можно быть того или другого мнѣнія о такой реформѣ съ точки зрѣнія ея осуществимости и практичности, можно спорить о томъ, что должно преобладать въ такомъ универсальномъ образованіи — естествознаніе или гуманизмъ, но нельзя отрицать, что подобная организація высшаго образованія наиболѣе соотвѣтствовала бы идеалу universitatis omnium litterarum и идеѣ образованія общаго. Но и при такомъ расширеніи круга наукъ, входящихъ въ общеобразовательный курсъ, когда для того, чтобы найти мѣсто для болѣе важнаго, менѣе важному приходится сокращаться или прямо стушевываться, никто не рѣшается посягнуть на достоинство исторіи, какъ одного изъ наиболѣе важныхъ предметовъ въ этомъ кругѣ.

Само собою разумѣется, что въ послѣднемъ случаѣ разумѣется исторія не одного какого-либо народа, а то, что называется всемірной исторіей—и не въ смыслѣ суммы множества частныхъ исторій, а въ смыслѣ единой исторіи всего человѣчества и его цивилизаціи, преимущественно развивавшейся передовыми націями и оказывавшей свое вліяніе на народы, которые не принимали непосредственнаго участія въ этой работѣ. Конечно, у каждаго народа на первомъ планѣ должно стоять изученіе его собственной исторіи, представляющей изъ себя, какъ говорили еще не въ очень отдаленную старину, народное самосознаніе, и съ этой стороны я совершенно не буду касаться отечественной исторіи, для которой у насъ и въ гимназическомъ курсѣ, и въ университетскомъ преподаваніи отводится особое положеніе, но это и есть единственная частная исторія, заслуживающая того, чтобы быть выдѣленной въ особый и притомъ общій предметъ преподаванія, говорю: общій, ибо, какъ спеціальный, предназначаемый только для немногихъ предметъ, можетъ читаться частная исторія какой-угодно страны, какъ это и дѣлается, напр., у насъ на восточномъ факультетѣ, гдѣ можно прослушать курсъ по исторіи такихъ народовъ, которые совершенно игнорируются въ курсахъ всеобщей исторіи на нашемъ факультетѣ.

---

[1]) См. напр. статью проф. Н. Н. Вагнера, напечатанную въ *Новомъ Времени* (№ 2656, отъ 22 іюля 1883 г.), а также упомянутую выше статью мою въ окт. кн. *Русской школы* за 1891 г.

Рядомъ съ отечественною исторіей нашъ гимназическій курсъ [1]) ставитъ, а еще недавно ставила и организація факультетскаго преподаванія—исторію всеобщую въ ея трехъ главныхъ отдѣлахъ—древней, средней и новой. Такъ какъ этому предмету издавна приписывается общеобразовательное значеніе, то въ практикѣ средняго и тѣмъ болѣе высшаго преподаванія онъ является не простою суммою всевозможныхъ частныхъ исторій, какъ равноцѣнныхъ частей нѣкотораго сложнаго цѣлаго, а доведеннымъ до нѣкотораго единства изображеніемъ исторіи человѣчества въ его передовыхъ представителяхъ, каковыми были главнымъ образомъ народы европейскіе, греки и римляне во времена до-христіанскія и западные народы за послѣднія полторы тысячи лѣтъ. Расчлененіе этой общей европейской исторіи на двѣ части, изъ коихъ только одна получаетъ особое, привилегированное положеніе, объясняется, конечно, соображеніями, исходный пунктъ коихъ не имѣетъ ничего общаго съ научнымъ представленіемъ общей европейской исторіи, какъ единаго цѣлаго: преслѣдуя чисто практическія цѣли, оно само по себѣ не наноситъ никакого ущерба теоретическому единству того, что мы называемъ всеобщей исторіей, и въ такомъ пониманіи послѣдняя заслуживаетъ съ наибольшимъ правомъ названія гуманной науки, такъ какъ содержитъ въ себѣ наибольшее количество общечеловѣческаго матеріала, будучи въ самой идеѣ своей исторіей передового, прогрессирующаго человѣчества,—науки, безъ коей гуманное образованіе немыслимо [2]).

Доказывать значеніе изученія наслѣдія классическихъ народовъ въ цѣляхъ такого гуманнаго образованія,—конечно, если это изученіе не сводится къ грамматическому или антикварному толкованію,—я нахожу совершенно излишнимъ: ужъ столько объ этомъ было говорено и притомъ съ такими преувеличеніями, что я и не съумѣлъ бы обойтись здѣсь безъ избитыхъ общихъ мѣстъ. Тѣ и безъ меня вамъ извѣстные аргументы, однако, коими доказывается общечеловѣческій характеръ и образовательное значеніе классической цивилизаціи, mutatis

---

[1]) Ср. стр. 147—148 статьи В. Н. Беркута во II т. Истор. Обозрѣнія. Впрочемъ и въ гимназическомъ курсѣ средняя и новая исторія уступаютъ первенство исторіи классическихъ народовъ, и по этимъ двумъ частямъ предмета гимназисты получаютъ гораздо худшую подготовку, чѣмъ по древней исторіи,—лишній аргументъ въ пользу необходимости общихъ курсовъ по средней и новой исторіи для всѣхъ студентовъ ист.-фил. факультета.

[2]) Выдѣленіе классической исторіи изъ всеобщей, какъ нѣчто отъ нея независимое и даже ей противоположное,—къ чему весьма склонны классики,—было уже однажды предметомъ спеціальнаго разсмотрѣнія извѣстнымъ англійскимъ историкомъ Фриманомъ: я говорю о его лекціи „Единство исторіи", которую особенно и рекомендую прочесть. Ея переводъ приложенъ къ переводу „Сравнительной политики" Фримана. Спб. 1880.

mutandis, съ удобствомъ могутъ быть примѣнены и къ доказательству важности изученія исторіи цивилизаціи западно-европейской. Хотя и это—такая истина, доказывать которую не стоитъ труда, настаивать на ней я считаю необходимымъ, ради того, чтобы умолчаніе о ней не было принято за знакъ согласія съ отождествленіемъ „гуманнаго“ и „классическаго“: гуманное историческое образованіе, конечно, не можетъ ограничиться однимъ классическимъ міромъ, совершенно такъ же, какъ образованіе философское, литературное или художественное, политическое или юридическое не можетъ быть сведено къ знанію только того, что было написано греческими или латинскими авторами создано художниками тѣхъ же двухъ народовъ.

Считая съ этой стороны вопросъ о значеніи всеобщей исторіи въ факультескомъ курсѣ достаточно выясненнымъ, я поставлю его теперь на иную почву. Я готовъ даже сдѣлать временную уступку тому мнѣнію, по которому и общее образованіе на нашемъ факультетѣ имѣетъ цѣну только какъ необходимая ступень, какъ подготовка къ усвоенію спеціальныхъ знаній и методовъ спеціальнаго изслѣдованія. Съ этой, конечно, уже болѣе узкой точки зрѣнія смыслъ слова „общее образованіе“ значительно измѣняется, но даже усвоивъ это воззрѣніе, легко доказать, что безъ знанія западно-европейской исторіи многія спеціальности факультета не могутъ существовать, какъ слѣдуетъ. Для тѣхъ изъ васъ, у кого сильно стремленіе къ общему развитію, указывать на то, какіе для него элементы заключаются въ средневѣковой и особенно новой исторіи европейскаго Запада, я нахожу излишнимъ, но я могу предположить, что среди васъ легко встрѣтить и ту мѣрку, которая прикидывается къ каждой наукѣ по ея значенію для будущей спеціальности каждаго. Пусть будетъ даже такъ, что передо мною въ настоящее время только будущіе спеціалисты, способные оцѣнить читаемый мною предметъ лишь въ качествѣ предмета чисто вспомогательнаго: я готовъ встать и на эту точку зрѣнія, такъ какъ безусловно ея вовсе не отвергаю.

Прежде всего я буду говорить съ будущими классиками. Вамъ, господа, предстоитъ изученіе міра, цивилизація котораго была родоначальницей нашей современной цивилизаціи. Я не представляю себѣ, какъ можно изучать этотъ міръ,—именно понимая его цивилизацію, а не довольствуясь внѣшнимъ знаніемъ такихъ-то и такихъ-то фактовъ изъ исторіи этого міра,—разъ не будетъ понята его роль и оцѣнено его значеніе въ цѣломъ всемірно-историческаго процесса. Классикъ, думающій, что ему, какъ классику, можно и не знать того, что дѣлалось въ передовой части человѣчества, положимъ, послѣ 476 г. по Р. Х., не подозрѣваетъ цѣлой стороны, открываемой у этого міра съ точки зрѣнія всеобщей исторіи, того вліянія, которое міръ этотъ про-

должалъ оказывать и послѣ паденія своей цивилизаціи на исторію европейскихъ народовъ, не говоря уже о томъ, что непосредственно было унаслѣдовано новыми народами отъ древнихъ: вспомнимъ хотя бы такіе крупные культурные факты изъ исторіи Запада, каковы рецепція римскаго права, классическая сторона Ренессанса, ложный классицизмъ въ литературѣ, увлеченіе античными политическими идеями въ XVIII в. Не стремиться узнать въ интересахъ своей науки, что было самаго важнаго и существеннаго въ Европѣ послѣ 476 г., позволительно только такому классику, который не думаетъ объ историческомъ значеніи классическаго міра и вслѣдствіе этого вовсе не задаетъ себѣ вопроса о той роли, какая φύσει, а не θέσει принадлежитъ классицизму въ современной жизни.—Если знаніе средней и новой исторіи нужно филологу, изучающему языки и словесность грековъ и римлянъ, то еще менѣе было бы простительно разсуждать такимъ образомъ историку, спеціализирующемуся на античномъ мірѣ, будто знаніемъ этого послѣдняго онъ можетъ и ограничиться: онъ не только долженъ понимать, подобно всякому другому частному историку, значеніе своей части въ цѣломъ всемірно-историческаго процесса,—вслѣдствіе чего ему необходимо знать и „то, что было послѣ 476 г.“,—но ему нужно имѣть и вообще историческое образованіе, которое не можетъ быть получено путемъ изученія исторіи одного народа. Историческая жизнь—явленіе весьма сложное, и всѣ его главныя стороны никогда не встрѣчаются съ одинаковою полнотою и рельефностью въ жизни каждаго отдѣльнаго народа, въ силу чего только путемъ сравненія и сопоставленія историческихъ явленій у одного народа съ аналогичными или противоположными явленіями въ жизни другихъ оказывается возможнымъ понять тотъ или другой единичный фактъ, то или другое общее явленіе. Историкъ, далѣе, не можетъ обходиться безъ нѣкоторыхъ общихъ понятій, которымъ соотвѣтствуютъ извѣстныя реальныя отношенія исторической жизни, и лишь наблюдая однородныя отношенія у разныхъ народовъ, историкъ будетъ въ состояніи не смѣшивать мѣстнаго и временного въ изучаемыхъ имъ отношеніяхъ съ существеннымъ и постояннымъ или не приписывать исключительно національнымъ свойствамъ такую особенность, которая характеризуетъ каждый народъ на извѣстной ступени развитія или при извѣстныхъ условіяхъ. И историческая литература, наконецъ, весьма обширна, но въ ней есть нѣкоторыя классическія сочиненія, сочиненія великихъ мастеровъ исторической науки, касающіяся весьма различныхъ народовъ, эпохъ и явленій, сочиненія, которыя должны быть извѣстны каждому образованному историку, а между тѣмъ, ни одна литература по какой-либо частной исторіи не можетъ заключать въ себѣ всего самаго цѣннаго и важнаго, что только характеризуетъ современное состояніе

исторической науки. Въ послѣднемъ отношеніи несомнѣнное первенство принадлежитъ трудамъ западно-европейскихъ историковъ и особенно по исторіи народовъ, эпохъ и явленій средневѣковыхъ и новыхъ.

Тѣ же общія соображенія можно примѣнить и къ двумъ историческимъ спеціальностямъ, особо поставленнымъ въ нашемъ факультетскомъ преподаваніи: я говорю объ исторіи славянскихъ народовъ и объ исторіи Россіи, занятіе коими по той же причинѣ, какъ и занятіе историка-классика, необходимо требуетъ общаго историческаго образованія. Я не стану распространяться о славянскихъ народахъ, тѣсная связь исторіи коихъ (хотя и не всѣхъ, правда) съ западно-европейскимъ міромъ, связь политическая, церковная и культурная, обусловливаетъ необходимость особаго знакомства занимающагося ихъ исторіей съ исторіей западныхъ европейскихъ народовъ. Послѣднее можно примѣнить и къ новой исторіи Россіи, такъ какъ съ XVIII в. Россія все болѣе и болѣе играетъ роль въ общеевропейскихъ политическихъ дѣлахъ и сама все болѣе и болѣе подчиняется западному культурному вліянію, оцѣнка котораго немыслима безъ знанія самой западноевропейской исторіи за послѣднія столѣтія. На этомъ еще, однако, нельзя остановиться, разъ зашла рѣчь о томъ, въ какихъ отношеніяхъ важно для русскаго историка знаніе западно-европейской исторіи.

Двумя основными фактами нашей исторіи, въ ея отношеніи къ исторіи всемірной, можно признавать, во-первыхъ, то, что передъ нашимъ вступленіемъ въ исторію европейскій міръ уже успѣлъ раздѣлиться на два особые міра—на міръ греко-славянскій и романогерманскій, и что мы примкнули къ первому изъ нихъ, а во-вторыхъ, то, что подходитъ къ концу уже второе столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ мы все тѣснѣе и тѣснѣе примыкаемъ ко второму. Эти два факта въ свое время нашли, какъ извѣстно, діаметрально-противоположную оцѣнку въ школахъ такъ называемыхъ славянофиловъ и западниковъ, споръ между коими продолжается въ измѣненной формѣ и по сей день. Русскій историкъ не можетъ оставаться индифферентно-нейтральнымъ въ этомъ спорѣ или не выработать третьяго мнѣнія, но разъ онъ вступаетъ на эту почву, передъ нимъ возникаетъ историческій вопросъ о томъ, что же такое этотъ романо-германскій міръ, столь противоположный міру греко-славянскому, отъ коего мы заимствовали свою первоначальную культуру, и тѣмъ не менѣе сдѣлавшійся впослѣдствіи нашимъ цивилизаторомъ,—вопросъ, рѣшеніе коего можетъ быть дано только научнымъ, историческимъ пониманіемъ этого міра. Начиная съ XVIII в., русскій историкъ, а вмѣстѣ съ нимъ и историкъ русской литературы постоянно имѣетъ дѣло съ западнымъ вліяніемъ, и ему постоянно приходится обращаться къ Западу, когда онъ встрѣчается съ явленіями, на которыхъ сказывается это вліяніе,

но и раньше, въ виду того, что ожидало Россію вслѣдствіе предстоявшей ей европеизаціи, мысль его по временамъ обращается къ Западу, гдѣ вырабатывались образцы для сознательнаго или невольнаго подражанія. Еще ранѣе, для пониманія многихъ фактовъ русской исторіи, ему волей-неволей приходится сравнивать первоначальныя условія нашей исторической жизни съ условіями, при какихъ вступали на историческое поприще народы романскіе и германскіе.

Въ послѣднее время подъ вліяніемъ оживленія нѣкоторыхъ славянофильскихъ взглядовъ, принявшихъ форму новѣйшаго національизма, нерѣдко среди студентовъ, болѣе интересующихся русской исторіей и литературой, встрѣчается, какъ говорятъ, мнѣніе, будто бы для того, чтобы успѣшно заниматься русской исторіей, всеобщая исторія не только не нужна, но даже и можетъ быть помѣхой. Выставляются на видъ особые пути, по коимъ шло наше историческое развитіе: въ нихъ-де нѣтъ ничего общаго съ путями историческаго развитія на Западѣ, а потому знаніе послѣднихъ нисколько не поможетъ намъ понять первое, и пожалуй, даже лучше ихъ совсѣмъ не знать, чтобы избѣжать перенесенія чуждыхъ намъ точекъ зрѣнія на свое родное прошлое, столь своеобразное, что его можно мѣрить только своею собственною мѣрою, совсѣмъ не похожею на всякія другія мѣрки. Если дѣйствительно встрѣчается такое мнѣніе, я хотѣлъ бы думать, что оно не особенно распространено и объясняется только, какъ временное увлеченіе „Россіей и Европой" Данилевскаго, довольно много читавшейся за послѣднее время и среди студентовъ нашего факультета [1]). Нельзя, конечно, сразу не обнаружить наивности такого мнѣнія посредствомъ редукціи его ad absurdum: вѣдь въ сущности тутъ проповѣдуется та мысль, что самымъ лучшимъ спеціалистомъ по русской исторіи можетъ быть только тотъ, кто совсѣмъ лишенъ общаго историческаго образованія. Это все равно, что сказать, что самымъ лучшимъ знатокомъ римскаго права можетъ быть только знающій латинистъ, совершенно лишенный юридическаго образованія, такъ какъ новыя юридическія идеи и теоріи помѣшали бы ему проникнуть въ самый духъ римскаго права и понять его формы.

Односторонній спеціализмъ и узкій національизмъ обнаруживаются и въ другомъ мнѣніи объ отношеніяхъ, въ какихъ должны стоять между собою русская и всеобщая исторія въ университетскомъ курсѣ. Ссылаясь на взаимоотношенія между исторіей Россіи и другихъ народовъ, какъ на причину, заставляющую русскаго историка обращаться къ всеоб-

---

[1]) О томъ, что книга Данилевскаго, дѣйствительно, можетъ внушить мысли такого рода, см. статью мою „Теорія культурно-историческихъ типовъ" *Рус. Мысль* 1889, окт., стр. 2 и слѣд.

щей исторіи, я приводилъ только одинъ изъ доводовъ въ пользу своей общей мысли и притомъ доводъ, которому приписываю лишь второстепенное значеніе. Случалось мнѣ, однако, слышать этотъ же самый аргументъ, но какъ главный и единственный: существованіе у насъ курса всеобщей исторіи оправдывается съ этой точки зрѣнія тѣмъ соображеніемъ, что для историка Россіи нужно быть знакомымъ съ исторіей ея ближайшихъ сосѣдей, такъ или иначе вліявшихъ на ея внѣшнія и внутреннія дѣла,—и только. Не отрицая важности этого соображенія, я рѣшительно отказываюсь класть его въ основу дѣла: логическій отсюда выводъ, дѣлаемый самими сторонниками такого мнѣнія, заключается въ томъ, что всю европейскую исторію до XVIII в. нужно съ русской точки зрѣнія свести въ университетскомъ курсѣ главнымъ образомъ къ исторіи Швеціи, Ливоніи (позднѣе Пруссіи), Польши, Венгріи (позднѣе Австріи), Византіи и Турціи; Франція, Англія, Италія и Германія, тѣ европейскія страны, въ коихъ съ наибольшею силою и въ наибольшей полнотѣ совершалось историческое движеніе, отступаютъ на задній планъ или даже совсѣмъ вычеркиваются изъ исторіи важныхъ для насъ европейскихъ народовъ. Кромѣ узкаго націонализма, проявляющагося въ оцѣнкѣ важности чужой исторіи не съ общечеловѣческой точки зрѣнія, не съ точки зрѣнія всемірно-историческаго процесса, а по отношенію только къ одной частной исторіи, здѣсь проглядываетъ и слишкомъ узкій взглядъ на научную спеціальность русской исторіи: разъ сосѣдскія отношенія къ другимъ народамъ принимаются за главное, чѣмъ русскій историкъ можетъ интересоваться въ чужой исторіи, ему не нужно будетъ проникать во внутреннюю ея сущность, такъ какъ все дѣло сведется для него къ отношеніямъ войны, дипломатіи и, пожалуй, внѣшней торговли за весьма, сравнительно, немногими случаями культурныхъ заимствованій. Конечно, и тутъ былъ бы для него нѣкоторый выигрышъ, ибо всякое знаніе есть въ концѣ-концовъ выигрышъ, но при такой замѣнѣ общей цѣли преподаванія европейской исторіи задачею крайне спеціальною въ проигрышѣ было бы общее историческое образованіе и въ частности пониманіе настоящей европейской исторіи съ ея внутренними отношеніями. Послѣдовательно проводя принципъ сосѣдскаго интереса, мы должны были бы включить въ число важныхъ для насъ странъ, исторію коихъ намъ нужнѣе всего знать, и Персію, и среднеазіатскія ханства, и Китай. При изученіи всеобщей исторіи, какъ таковой, возможна и обязательна только всемірно-историческая точка зрѣнія. Какъ спеціалистъ, я могу отмежевать въ свое особое вѣдѣніе исторію той или другой страны, но какъ профессоръ всеобщей исторіи, я долженъ стоять именно на всемірно-исторической точкѣ зрѣнія, которая прежде всего есть точка зрѣнія, противополож-

ная оцѣнкѣ важности чужихъ исторій по ихъ отношенію къ нашей: ни географическій принципъ сосѣдства Россіи съ такими-то и такими-то странами, ни расовой принципъ родства русскаго народа съ другими славянами, руководствуясь коимъ тоже вѣдь можно было бы съузить понятіе общей исторіи, не могутъ играть роли тамъ, гдѣ все должно опредѣляться принципомъ культурной важности отдѣльнаго народа въ исторіи человѣчества. Разсуждая такимъ образомъ, мы въ исторіи Европы, какъ передовой части человѣчества, и выдвигаемъ послѣ гибели античной цивилизаціи на первый планъ четыре страны— Францію, Англію, Германію и Италію, и составляющія изъ себя романо-германскій міръ.

Кромѣ историческаго отдѣленія, на коемъ изучается исторія и классическихъ народовъ, и русская съ славянской, и западно-европейская, романо-германская, въ нашемъ факультетѣ существуютъ еще спеціальныя отдѣленія для филологическаго изученія этихъ же трехъ міровъ—греко-римскаго, славяно-русскаго и романо-германскаго. Поступая на спеціальныя отдѣленія, вы должны имѣть уже требуемую каждымъ отдѣленіемъ подготовку, каковая и дается въ первые четыре семестра обязательными курсами по классическимъ и русско-славянскимъ изученіямъ: ознакомленіе съ міромъ романо-германскимъ отсутствуетъ въ этой организаціи, какъ предметъ общеобязательный, такъ что будущіе классики и будущіе слависты непремѣнно уже выносятъ изъ первыхъ двухъ лѣтъ своего пребыванія въ университетѣ извѣстную подготовку по предметамъ своей будущей спеціальности, и то же самое должно быть дано и будущимъ историкамъ, отъ коихъ требуются и спеціальныя занятія по средней и новой исторіи, и будущимъ романистамъ и германистамъ, которымъ предстояло бы изучать „филологію“ націй, знакомыхъ имъ только по полузабытому гимназическому учебнику, если бы они фактически лишены были общаго курса по западно-европейской исторіи на младшихъ семестрахъ. Обращаюсь теперь къ будущимъ спеціалистамъ этихъ двухъ отдѣленій, въ особенности къ будущимъ историкамъ. Въ послѣдніе два года вашего пребыванія въ университетѣ отъ васъ потребуются самостоятельныя занятія въ области исторіи западныхъ народовъ, которыя, конечно, не могутъ не быть спеціальными, а такія занятія ни въ коемъ случаѣ не пойдутъ плодотворно и успѣшно безъ общей подготовки въ данномъ предметѣ: слушать общіе курсы, знакомиться съ элементами науки, по моему мнѣнію, уже поздно, когда предстоитъ работать самому. Я не отрицаю возможности спеціально работать и безъ общей подготовки, тѣмъ болѣе, что, къ сожалѣнію, это нерѣдко и бываетъ, но вѣдь и работа работѣ рознь. Начинать, конечно, всегда нужно съ маленькихъ вопросовъ, которые только и могутъ быть подстать на

первыхъ порахъ самостоятельныхъ занятій, но между ними есть вопросы и вопросы: одни такъ и остаются маленькими вопросами, хотя бы на нихъ потрачена была масса труда и даже учености, потому что они не связаны ни съ какими крупными вопросами науки, а стоятъ сами по себѣ, особнякомъ среди массы другихъ такихъ же мелкихъ вопросиковъ, между собою несвязанныхъ; другіе, наоборотъ, стоятъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ отношеніи къ очень крупнымъ задачамъ науки и сами потому вырастаютъ въ своемъ значеніи по мѣрѣ своего разрѣшенія. Разработка вопросовъ второй категоріи требуетъ необходимо общихъ знаній въ извѣстной области, безъ которыхъ къ каждому, повидимому, мелкому вопросу и приступить нельзя или онъ тотчасъ же лишается своего значенія, превращается въ вопросъ первой категоріи и требуетъ для своей разработки только извѣстной технической сноровки. Сводить неизвѣстное въ наукѣ, т.-е. то, что ждетъ своего изслѣдователя, къ суммѣ всѣхъ нерѣшенныхъ вопросовъ безъ всякаго разбора ихъ важности или неважности, конечно, очень удобно, потому что для этого требуются знанія, пріобрѣтаемыя одною памятью; но для того, чтобы умѣть выбирать вопросы и къ каждому изъ нихъ подходить съ надлежащей стороны, нужны идеи, дающіяся только общей подготовкой Лишь тогда, когда не цѣнятъ въ наукѣ идейнаго начала,—что опять-таки указываетъ на недостатокъ общаго образованія,—и можно оставаться глубоко равнодушнымъ къ тому, *что* изслѣдуется, думая, что важно лишь, *какъ* производится изслѣдованіе: и о гоголевскомъ Петрушкѣ можно сказать, что онъ умѣлъ читать, хотя его занимало не содержаніе читаемаго, а то, какъ изъ буквъ получаются слоги, а изъ слоговъ слова. Для тѣхъ изъ васъ, которые впослѣдствіи стали бы ученымъ образомъ заниматься исторіей западныхъ народовъ, общая подготовка—первое дѣло. Кромѣ практическихъ занятій, вамъ предстоятъ еще спеціальные курсы по средней и новой исторіи: предметъ такихъ курсовъ по необходимости бываетъ частный—исторія одного народа, да и то въ небольшой періодъ, какая-нибудь отдѣльная эпоха, извѣстное историческое явленіе, даже лишь одинъ важный историческій источникъ или постановка какого-либо вопроса въ исторической литературѣ,—но судите сами, кому можетъ принести больше пользы курсъ съ такимъ содержаніемъ, тому ли, у кого уже есть общее научное понятіе о предметѣ курса и болѣе или менѣе ясное представленіе о положеніи этого предмета въ цѣломъ науки или, по крайней мѣрѣ, о томъ цѣломъ, часть или сторону коего онъ составляетъ, или тому, кому все это неизвѣстно и кто первый разъ слышитъ обо всѣхъ этихъ вещахъ. Вотъ почему я такъ и настаиваю на важности общихъ

2*

курсовъ и для будущихъ специалистовъ и на томъ, чтобы эти курсы предшествовали специальнымъ курсамъ и самостоятельнымъ занятіямъ.

Не забывайте, наконецъ, что многіе изъ васъ будутъ преподавателями въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Школьное преподаваніе исторіи—дѣло весьма трудное, и быть можетъ, нѣтъ учебнаго предмета, который отъ преподавателя требовалъ бы общаго образованія въ такой степени, какъ исторія,—общаго образованія въ смыслѣ широкаго и всесторонняго пониманія исторической жизни, дающагося только изученіемъ всемірной исторіи.

Я, кажется, исчерпалъ всѣ главные аргументы въ пользу того, что вы и въ качествѣ учащейся молодежи вообще, и въ качествѣ будущихъ слушателей разныхъ специальныхъ отдѣленій нашего факультета, и въ качествѣ будущихъ дѣятелей науки и преподаванія, не должны пренебрегать общимъ образованіемъ, и что къ числу наиболѣе образовательныхъ предметовъ относится всеобщая исторія. Повторяю, что я не сталъ бы распространяться объ этомъ, если бы, съ одной стороны, не замѣчалъ среди студентовъ-филологовъ довольно частой наклонности къ ранней специализаціи, всегда обращающейся въ ущербъ общему образованію, и еслибы, съ другой стороны, читаемый мною предметъ имѣлъ одинаковую оффиціальную постановку съ другими предметами, предназначаемыми для студентовъ первыхъ четырехъ семестровъ. Хочу надѣяться, что послѣднее обстоятельство есть явленіе временное, возникновеніе коего объясняется переходной порой нашего факультета отъ недавней его организаціи, какъ по преимуществу специально-классической школы, къ его прежнему устройству съ общими историко-филологическими курсами въ первые два года и съ раздѣленіемъ остальныхъ двухъ лѣтъ между разными специальностями. Когда всеобщая исторія во всемъ своемъ составѣ займетъ старое свое мѣсто въ факультетскомъ преподаваніи, разговоры на одну изъ моихъ темъ сдѣлаются излишними, но другая тема—необходимость запасаться общимъ образованіемъ, избѣгать слишкомъ ранней специализаціи—вытекаетъ уже изъ явленій и отношеній непреходящихъ.

Итакъ, гг., я смотрю на васъ преимущественно, какъ на юношей, ищущихъ общаго образованія, не забывая при этомъ видѣть въ васъ въ извѣстномъ смыслѣ и специалистовъ, и стоя на этой точкѣ зрѣнія, я буду знакомить васъ въ общемъ курсѣ съ избраннымъ мною на этотъ годъ отдѣломъ всеобщей исторіи. Съ нѣкоторыми изъ васъ мнѣ придется имѣть дѣло впослѣдствіи, какъ съ специалистами, но и тогда я буду искать въ васъ общаго образованія, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть „духа жива" въ наукѣ. Одно—живая наука, другое—мертвая ученость: оживляетъ послѣднюю, превращаетъ ее въ

живую науку только идейность, дающаяся однимъ широкимъ общимъ образованіемъ. Этого образованія и совѣтую я вамъ искать въ университетѣ, не замыкаясь въ рамки того, что вамъ полагается по вашей спеціальности, и не обходя того, что предоставляется вашей собственной любознательности, которую я хотѣлъ бы видѣть въ васъ поднятой на степень истинной жажды настоящаго знанія. Отсюда еще одинъ совѣтъ—читайте, какъ можно больше читайте, но въ выборѣ книгъ прежде всего руководствуйтесь мыслью о томъ, что общее образованіе не должно быть приносимо въ жертву учености.

Поворотный моментъ въ исторіи землевладѣнія и землевладѣльческихъ классовъ въ Англіи.

М. М. Ковалевскаго.

Въ статьѣ, напечатанной мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ журналѣ „Русская Мысль“, я пытался установить тотъ фактъ, что секуляризація монастырской собственности въ Англіи въ царствованіе Генриха VIII имѣла ближайшимъ своимъ результатомъ перемѣщеніе приблизительно одной пятой или одной шестой всей состоящей подъ обработкой земельной собственности изъ рукъ аббатовъ и пріоровъ въ руки свѣтской знати. Сказаннымъ, очевидно, не исчерпываются всѣ послѣдствія, какія этотъ, по истинѣ поворотный моментъ англійской жизни вызвалъ въ сферѣ экономическихъ и соціальныхъ отношеній. Эти послѣдствія я и намѣренъ разсмотрѣть въ настоящей статьѣ, пользуясь для этой цѣли частью рукописными источниками, хранящимися въ центральномъ архивѣ въ Лондонѣ, частью многотомной литературой народныхъ балладъ, церковныхъ проповѣдей, экономическихъ и политическихъ памфлетовъ XVI-го вѣка. Недавнія перепечатки, предпринятыя по иниціативѣ моего друга Фернивалля сдѣлали легко доступной эти въ высшей степени интересные источники.

Если переворотъ, произведенный секуляризаціей въ сферѣ распредѣленія недвижимой собственности, бросается въ глаза самъ собой, то измѣненія, произведенныя ею въ экономическомъ и соціальномъ строѣ англійскаго общества, принадлежатъ къ числу тѣхъ скрытыхъ фактовъ, обнаруженіе которыхъ возможно лишь подъ условіемъ детальнаго изученія той среды, въ которой совершилось обезземеленіе монастырей и обогащеніе на ихъ счетъ по преимуществу новаго дворянства.

Текстъ парламентскихъ статутовъ, говорящихъ о секуляризаціи и о судьбѣ отнятыхъ у монастырей имуществъ, скорѣе можетъ ввести насъ въ заблужденіе насчетъ ближайшихъ послѣдствій этой мѣры для второстепенныхъ владѣльцевъ земли, нежели выяснить характеръ того переворота, какой произошелъ въ ихъ судьбѣ въ серединѣ XVI столѣтія. Сохраненіе исторически установившагося различія между такъназ. „demesne lands", т.-е. землями въ личномъ завѣдываніи собственниковъ, и „lands in tenantry",—землями, состоящими въ рукахъ второстепенныхъ владѣльцевъ, удержаніе и даже распространеніе системы копигольдовъ, иначе говоря оброчнаго крестьянскаго землевладѣнія, запрещеніе расширять пастбища въ ущербъ пахатей, сносить крестьянскія усадьбы или допускать разрушеніе ихъ отъ времени,—таково обычное содержаніе статутовъ 31, 32, 35 и 37 года правленія Генриха VIII, а также 2 и 3, 5 и 6 года царствованія его малолѣтняго преемника, Эдуарда VI; другими словами, всѣхъ тѣхъ законодательныхъ мѣропріятій, которыя прямо или косвенно затрогиваютъ вопросъ о порядкѣ землевладѣнія на секуляризированныхъ монастырскихъ имѣніяхъ. Такъ напр. статутъ 31 года правленія Генриха VIII въ 11-й своей статьѣ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы земли, отданныя монастырями въ копигольдъ, удержаны были въ неприкосновенности за ихъ временными обладателями, все равно: будутъ ли онѣ предоставлены имъ срокомъ „на одну жизнь или на цѣлый рядъ жизней". Владѣльцы ихъ, поясняетъ статутъ, не должны платить иной ренты, кромѣ той, которая выговорена имъ въ выданной на ихъ имя копіи съ помѣстныхъ протоколовъ, copies of court rolls. Правительство не только не высказывалось противъ удержанія старинной системы земельныхъ держаній, и въ томъ числѣ оброчнаго держанія крестьянъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже принимало открыто мѣры къ расширенію послѣдняго вида землевладѣнія. Такъ въ 35-ый годъ правленія Генриха VIII, въ виду упадка мѣстечка Вольсингамъ, расположеннаго въ окрестностяхъ древняго аббатства того же имени, Генрихъ VIII предписываетъ раздачу на условіяхъ копигольда земли, дотолѣ состоявшей въ личномъ завѣдываніи аббатовъ; онъ разсчитываетъ увеличить тѣмъ число поселенцевъ и оживить пришедшую въ упадокъ мануфактурную и торговую дѣятельность бурга [1]). Два года спустя, таже мѣра примѣняется къ безплоднымъ землямъ Генсле-Гисъ (Hounslow Heath), расположеннымъ въ графствѣ Миддельсексъ и вошедшимъ нынѣ въ предѣлы Лондона. Жители сосѣднихъ приходовъ предпочтительно предъ другими призываются къ полученію этихъ участковъ на правахъ копигольда; только въ случаѣ отказа съ ихъ

[1]) 35 Hen. VIII, гл. 13.

стороны дозволяется надѣленіе тѣми же землями посторонних лицъ, но уже въ арендное держаніе, сроком на 21 годъ. Въ слѣдующее за тѣмъ царствованіе система копигольда примѣняется къ землямъ герцога Сомерсетскаго, дотолѣ состоявшимъ въ личномъ завѣдываніи собственника [1]). Такимъ образомъ, въ ближайшіе годы, слѣдующіе за секуляризаціей, законодатель не только не заноситъ руки на старинную систему, оброчнаго держанія крестьянъ, но еще всячески старается расширить эту систему.

Консерватизмъ законодательства сказывается въ равной степени и по вопросу о количественномъ отношеніи пахатей къ пастбищамъ. Статутъ 5-го и 6-го года правленія Эдуарда VI въ главѣ 12 предписываетъ, чтобы въ каждомъ приходѣ число поступающихъ подъ обработку акровъ было не меньше того, какое можно было встрѣтить въ первый годъ правленія Генриха VIII. Санкціей закону является угроза взимать съ лицъ, виновныхъ въ его нарушеніи, денежный штрафъ въ размѣрѣ 5 шиллинговъ съ акра. Обращеніе прежней пахати въ пастбище дозволяется подъ условіемъ, чтобы равное число акровъ было выдѣлено изъ пустоши и засѣяно хлѣбомъ [2]). Если прибавить къ сказанному постоянную заботливость законодателя о поддержаніи, какъ онъ выражается, „стариннаго гостепріимства", о сохраненіи помѣщиками въ исправности доставшихся имъ отъ монастырей усадебъ и хозяйственныхъ построекъ и рядомъ съ этимъ о производствѣ собственниками нужныхъ поправокъ въ жилищахъ ихъ копигольдеровъ, въ котэджахъ, то едвали позволено будетъ сомнѣваться въ томъ, что сохраненіе стариннаго status quo въ сферѣ земельнаго владѣнія составляетъ постоянную заботу правительства въ ближайшее десятилѣтіе, слѣдующее за производствомъ секуляризація. Не мудрено поэтому, если, на основаніи изученія однихъ парламентскихъ статутовъ, историки, въ родѣ Фруда, оказались совершенно неспособными отмѣтить тотъ серьезный переворотъ, какой переживаетъ англійская система земельныхъ держаній въ интересующую насъ эпоху. Благія пожеланія, высказанныя законодателемъ, приняты были ими за выраженіе одновременныхъ имъ фактическихъ отношеній. Находя частое упоминаніе о надѣленіи крестьянина хорошей усадьбой и добрымъ надѣломъ, подъ условіемъ платежа невысокой, издревле освященной обычаемъ земельной ренты, они признали правленіе Генриха VIII и его ближайшаго преемника Эдуарда золотымъ вѣкомъ англійскаго крестьянства.

Но утверждая это, они упустили изъ виду, что въ прямомъ про-

---

[1]) 2 и 3. Ed. VI. гл 12.

[2]) 5 and 6 E. VI, cap. 6.

тиворѣчіи съ издаваемыми свыше постановленіями, происходитъ въ теченіе всего названнаго періода грандіозный процессъ обезземеленія англійскаго крестьянства, ближайшіе корни котораго лежатъ въ секуляризаціи монастырской собственности, тогда какъ болѣе отдаленные восходятъ до середины XV в. [1]).

Если отъ парламентскихъ статутовъ, свидѣтельствующихъ лишь о готовности законодателя задержать искусственными мѣрами совершающійся въ его время переворотъ въ сферѣ земельныхъ державій, мы обратимся къ изученію этого послѣдняго на основаніи дошедшихъ до насъ бытовыхъ данныхъ,—вниманіе наше прежде всего долженъ остановить на себѣ фактъ значительнаго расширенія системы рыцарскаго землевладѣнія. Фактъ этотъ непосредственно обусловливается переходомъ секуляризированныхъ земель духовенства въ руки свѣтской знати, новаго, созданнаго Тюдорами, дворянства. Господствующей формой церковной собственности было такъ-называемое въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ frankolmoigne или libera elemosina. Единственнымъ обязательствомъ, вытекавшимъ изъ такого вида собственности, являлось совершеніе тѣхъ или другихъ духовныхъ требъ, въ частности поминовеніе душъ усопшихъ благотворителей, щедрыя даренія которыхъ создали этотъ видъ собственности. Писатель XV-го вѣка, Литтельтонъ, опредѣляя природу francolmoigne, говоритъ, что исполненіе надѣленнымъ такихъ чисто религіозныхъ обязанностей устраняло необходимость „hommage“ или „акта покорности“, такъ какъ „для дарителей ничто не можетъ быть полезнѣе тѣхъ молитвъ, которыя изъ года въ годъ произносятся въ ихъ память“. Впрочемъ, изъ того же источника видно, что неисполненіе надѣленнымъ вышеуказаннаго обязательства не вело къ потерѣ имъ права собственности, а давало только поводъ къ обжалованію этого личнаго упущенія передъ церковнымъ начальствомъ. Объясненіе такому порядку вещей Литтельтонъ ищетъ въ томъ обстоятельствѣ, что поминовеніе усопшихъ и молитва за живыхъ не есть опредѣленный видъ службы, упущеніе которой давало-бы право говорить о несоблюденіи условій, на которыхъ сдѣлано дареніе. Вотъ почему, продолжаетъ онъ, внесеніе опредѣленности въ характеръ принимаемыхъ одареннымъ обязательствъ, точное обозначеніе тѣхъ дней, въ которые должна быть совершаема поминальная литургія по дарителѣ, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ изъятіе церковнаго владѣнія изъ категоріи земель, отданныхъ in liberam elemosinam, и приравненіе его къ общему виду свободнаго землевладѣнія или soccage. Нагляднымъ выраженіемъ такого различія является предъявляемое къ одаренному требованіе совершать въ пользу дарителя актъ принесенія

[1]) См. II гл. моего „Обществ. строя Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ“.

покорности и вѣрности (fealty). Специфическое названіе для только-что описаннаго вида владѣнія „tenure per divine service". Такъ какъ частная благотворительность въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ была главнымъ источникомъ надѣленія землею церквей или монастырей, и такъ какъ статутомъ Quia emptores запрещено было созданіе второстепенныхъ рыцарскихъ лэновъ, то неудивительно, если во владѣніяхъ церкви всего менѣе было представлена такъ-назыв. tenure in knight's fee или military tenure, иначе рыцарское держаніе. Тѣмъ не менѣе возможность пріобрѣтенія послѣдняго церковью была обусловлена тѣмъ обстоятельствомъ, что законъ дозволялъ передачу второстепенными владѣльцами своихъ рыцарскихъ лэновъ въ ея руки [1]) Только этимъ путемъ могли сосредоточиться въ рукахъ епископій и монастырей тѣ „благородныя бароніи и графства"—владѣнія сквайровъ и рыцарскіе лэны, на узурпацію которыхъ духовенствомъ жалуется одинъ стихотворный памфлетъ 1530 г. [2]). Послѣдствіемъ секуляризаціи по отношенію къ рыцарскому землевладѣнію было распространеніе его на всѣ земли, принадлежавшія дотолѣ in frankolmoigne. Статутъ 27-го года правленія Генриха VIII предписалъ раздачу секуляризированныхъ имуществъ не иначе, какъ въ рыцарское держаніе, а позднѣйшія постановленія отъ 35-го и 37-го года правленія того-же короля только ограничили дѣйствіе этого правила, изъемля изъ категоріи рыцарскихъ владѣній участки земли съ доходомъ не свыше 40 шиллинговъ въ годъ и дозволяя раздачу ихъ въ копигольдъ или городское держаніе (burgage tenure) [3]). Распространенность системы рыцарскаго держанія, начиная со второй

---

[1]) Issint si home seisie de certaine tenements qeux il tient de son seignior per service de chivaler, et il etc. graunta per licence mesmes les tenements a un Abbe etc. en frankolmoigne, Labbe tiendra immediat mesmes les tenements per servicor de chivaler de meme le seignior. Les tenures de Monsieur Littleton, a 1608, § 140.

[2]) См. A proper dialogue betwene a Gentillman and a husbandman eche complaynynge to other their miserable Colomite trough the Ambicion of Clergy e a. d. 1530.

Gentillman.

And thou shalt fynde, that in their handes.
Remayneth the cheefe lorde-shyppes and landes
Of poore gentillmens possesion.
— They hauve oure aunceters lyuelood and rentes.
Their principall fearmes and teneamentes,
With temporall fredomes and libertees;
They have gotten oute their Kingdomes
Many noble baronies and erldomes,
With esquyres landes, and Knightes fees.
(Follio IV).

[3]) 35. H. VIII и 37. H. VIII.

четверти XVI столѣтія, въ значительной степени обусловливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что первые пріобрѣтатели монастырскихъ земель, какъ общее правило, не удерживали ихъ въ личномъ владѣніи, а приступали къ отчужденію ихъ по частямъ, нерѣдко небольшими участками, достаточными, какъ значится въ статутѣ 35-го г. Генриха VIII, для покрытія лишь собственныхъ нуждъ покупателей. Проводя тотъ взглядъ, что въ потерѣ первыми пріобрѣтателями монастырской собственности купленныхъ и пожалованныхъ имъ земель слѣдуетъ видѣть кару Божію за святотатство, какимъ является въ его глазахъ наложеніе руки на монастырскую собственность, Спельманъ приводитъ любопытныя статистическія данныя о краткосрочности ихъ владѣнія. Въ графствѣ Кентъ, какъ показываетъ онъ, средняя продолжительность владѣнія первыхъ пріобрѣтателей секуляризированной собственности была 17 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, тогда какъ средняя продолжительность всякаго другого владѣнія одновременно 38 лѣтъ и 5 м. Нѣсколько долѣе монастырскія земли продолжали оставаться въ рукахъ не частныхъ лицъ, ихъ купившихъ, а рода послѣднихъ. Но и на этотъ разъ сравненіе средней продолжительности ихъ владѣнія съ тою, какая выпала въ удѣлъ другимъ видамъ свѣтскаго держанія далеко не представляется благопріятнымъ для покупателей монастырскихъ земель. Въ Кентѣ, напримѣръ, при средней продолжительности земельнаго владѣнія въ 80 лѣтъ, монастырскія земли остаются въ рукахъ надѣленныхъ ими родовъ всего 29 лѣтъ; тоже приблизительно повторяется и въ другихъ графствахъ. Монастырская собственность остается, напр., въ Гертфордширѣ 19 лѣтъ въ рукахъ перваго пріобрѣтателя, а въ рукахъ его рода—30; обыкновенная-же свѣтская собственность—$24^1/_2$ года въ первомъ случаѣ и 70 во второмъ. Въ графствахъ Эссексъ и Ворвикъ средняя продолжительность личнаго владѣнія монастырской землею: въ первомъ—17 лѣтъ, во второмъ $15^1/_2$; тѣми же землями родъ владѣетъ въ первомъ графствѣ 38 л., а во второмъ—27 л. На семидесяти приведенныхъ имъ случаяхъ изъ вышепоименованныхъ 3 графствъ Спельманъ устанавливаетъ тотъ общій выводъ, что личное владѣніе монастырской собственностью было среднимъ числомъ 17 л., а родовое 23 г.; тогда какъ всѣ другіе виды свѣтской собственности оставались въ рукахъ пріобрѣтателей 55, а въ рукахъ ихъ родовъ—70 лѣтъ. Къ такому-же выводу приводитъ Спельмана и детальное изученіе судебъ бывшей монастырской и свѣтской собственности въ одной изъ сотенъ Кентскаго графства, сотнѣ Скре. На основаніи 42 случаевъ онъ выводитъ среднюю продолжительность свѣтскаго землевладѣнія, которая для частнаго лица оказывается равной 15 годамъ и 8 мѣсяцамъ, для рода 29 годамъ. Разобранные имъ случаи перехода изъ рукъ въ

руки секуляризированной монастырской собственности въ сотнѣ даютъ ему въ выводѣ слѣдующія цифры: 23 г. и 4 м. личнаго и 80 лѣтъ родового владѣнія [1]).

Причина, обусловившая собою такую мобилизацію секуляризированныхъ земель можетъ быть выяснена и безъ обращенія къ тѣмъ теологическимъ догадкамъ, какими довольствуется Спельманъ. Проклятіе, тяготѣвшее по его мнѣнію надъ виновниками „въ святотатствѣ", очевидно должно было принять какую-либо опредѣленную форму, и этой послѣдней было то недоброжелательное отношеніе, въ какое стало къ нимъ населеніе секуляризированныхъ земель. Мы увидимъ нѣсколько ниже дѣйствительныя причины этого недоброжелательства, причины не столько религіознаго, сколько экономическаго свойства. Въ настоящее же время для насъ достаточно указать на одинъ фактъ его существованія, фактъ, хорошо засвидѣтельствованный современниками. Уже то обстоятельство, что крестьянское возстаніе въ Норфолькѣ, связанное съ именемъ Кёта, началось на земляхъ, нѣкогда принадлежавшихъ монастырю въ Вимондгамѣ, и приняло форму открытаго нападенія на новыхъ собственниковъ и разрушенія постановленныхъ ими загородей [2]), какъ нельзя лучше указываетъ на то, что общія причины недовольства крестьянъ помѣщиками сказались съ особенною силою и прежде всего на бывшихъ монастырскихъ земляхъ. Личная необезпеченность новыхъ земельныхъ собственниковъ, въ виду враждебности къ нимъ мѣстнаго населенія, однохарактерная съ той, какую еще недавно испытывали у насъ пріобрѣтатели конфискованныхъ польскихъ имѣній, вызвала въ тѣхъ и другихъ вполнѣ понятное желаніе избавиться какъ можно скорѣе отъ своей недвижимой собственности, реализировать помѣщенные въ нее капиталы. Къ этой главной причинѣ присоединились несомнѣнно и побочныя. Многіе изъ тѣхъ, въ руки которыхъ перешла монастырская собственность, за недостаткомъ оборотнаго и постояннаго капитала, сочли нужнымъ приступить къ отчужденію части поступившихъ въ ихъ руки помѣстій. Получивъ эти земли по весьма низкой оцѣнкѣ, они находили выгоду перепродавать ихъ мелкими участками. Ходячія жалобы на существованіе въ Англіи въ первой половинѣ занимающаго насъ столѣтія особаго класса скупщиковъ и „розничныхъ торговцевъ" не только предметами первой необходимости—хлѣбомъ, мясомъ и т. п., но и недвижимыми имуществами, обусловливаются существованіемъ только что описанныхъ нами отношеній.

---

[1]) Spelman. The history of sacrilege; стр. 64, 66, 67, 68, 69.

[2]) Kett's rebellion in Norfolk, by Fr. Russel, London, 1859 г., стр. 26 и слѣд.

При объясненіи причинъ, по которымъ секуляризированныя земли такъ скоро поступили въ продажу, не слѣдуетъ упускать изъ виду и законодательныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ тому, чтобы облегчить ихъ обращеніе на рынкѣ. Отчужденіе ихъ не только не было стѣснено статутомъ „Quia emptores", давно уже сдѣлавшимся неприменимымъ на практикѣ, но и находило прямое поощреніе со стороны законодателя, дозволившаго, какъ мы видѣли, продажу ихъ въ руки средняго сословія, безъ обязательства для покупателя нести рыцарскую службу. Неудивительно послѣ этого, если въ числѣ пріобрѣтателей весьма выдающееся мѣсто занимають купцы, если, какъ жалуется авторъ стихотворнаго произведенія, озаглавленнаго „Vox populi—vox Dei", купцы, отказываясь отъ дальнихъ странствій, не предпринимая иныхъ морскихъ путешествій, кромѣ поѣздокъ въ сосѣднюю Фландрію или Францію, „лежебочничаютъ" дома, занимаясь выдачей денегъ подъ залогъ земель и пріобрѣтеніемъ ихъ въ собственность „въ ущербъ джентельмэнамъ". Покупка дворянскихъ земель среднимъ сословіемъ достигла, по словамъ анонимнаго автора, такихъ размѣровъ, что любой купецъ сталъ располагать возможностью получать съ своихъ земель ежегодно 2 тысячи марокъ дохода. Видя въ этомъ своего рода общественное бѣдствіе—выходъ земли изъ службы, т.-е. прямой уронъ для оборонительныхъ средствъ страны, анонимный авторъ думаетъ бороться со зломъ законодательными мѣропріятіями. Надо, полагаетъ онъ, запретить пріобрѣтеніе купцами, подъ страхомъ штрафа, земель, доходъ которыхъ превышалъ-бы 40, 50 фунтовъ ежегодной ренты [1]). Приведенный отрывокъ не только указываетъ на размѣры, какіе приняло обращеніе земель на рынкѣ, но и на то, что запросъ, предъявленный на землю со стороны средняго сословія, необходимо долженъ былъ со временемъ явиться препятствіемъ къ дальнѣйшему расширенію системы рыцарскаго землевладѣнія. Уже въ 35 годъ правленія Генриха VIII законодатель начинаетъ считаться съ этими фактами, допуская обращеніе въ soccage или простое свободное владѣніе, земель, годовой доходъ которыхъ не выше 40 шил. Преемники Генриха VIII пошли еще далѣе въ томъ-же направленіи. Въ частности Елизавета предписаніемъ отъ 9-го мая 1600 г. сочла возможнымъ распространить право пріобрѣтенія земель въ свободную собственность на всѣ тѣ участки, доходъ съ которыхъ не превышаетъ 10 фунтовъ въ годъ, а нѣсколько времени спустя, въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ своего царствованія, она распространила эту льготу и на такіе, доходъ съ которыхъ равняется 40 ф. въ годъ, подъ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы отчуждаемыя земли не пред-

[1]) Ballads from manuscripts, т. I, стр. 132—3.

ставляли собою сплошного помѣстья; въ противномъ случаѣ—доходность ихъ не должна быть выше 20 ф. Желая облегчить частнымъ лицамъ пріобрѣтеніе казенныхъ земель, на которыя только и распространяются постановленія цитируемаго нами акта, Елизавета допускаетъ разсрочку въ производствѣ платежа: одна половина его вносится сразу, другая — десять дней со времени подписанія купчей и приложенія къ ней государственной печати [1]).

Несмотря на всѣ эти мѣропріятія, рыцарское землевладѣніе все-же является въ XVI в. несравненно болѣе распространеннымъ, нежели въ непосредственно предшествующія и слѣдующія за нимъ столѣтія. Самый фактъ разбросанности монастырскихъ земель и распродажи ихъ отдѣльными участками неизбѣжно повелъ къ увеличенію личнаго состава класса рыцарскихъ владѣльцевъ. Трудно ждать, конечно, числовой опредѣленности при установленіи тѣхъ или другихъ взглядовъ касательно отдѣльныхъ сторонъ общественной жизни Англіи въ XVI в. Для этого не достаетъ собраннаго на протяженіи всей страны и по одному плану статистическаго матеріала. Тѣ или другіе дѣлаемые нами выводы не могутъ быть подкрѣплены поэтому данными, происходящими въ одинаковой степени изо всѣхъ частей Англіи. Но мы располагаемъ фактами, относящимися нерѣдко къ цѣлому графству, подчасъ и къ цѣлой области. Такъ, по отношенію къ графству Герефордъ одна рукопись Британскаго музея (Harléian, № 762) обогащаетъ насъ слѣдующими любопытными фактами. Изъ числа 224 рыцарскихъ лэновъ, упоминаемыхъ этою рукописью, отъ 35 до 40 должны быть отнесены къ числу возникшихъ не ранѣе упраздненія монастырей. Такимъ образомъ въ первый годъ правленія Елизаветы, годъ составленія самой рукописи, число рыцарскихъ лэновъ въ графствѣ было по меньшей мѣрѣ на $^1/_6$ больше того, какое могло-бы быть констатировано въ немъ въ 1535 г., годъ производства секуляризаціи [2]).

Широкое господство рыцарскаго землевладѣнія указываетъ намъ на существованіе въ XVI в. одной изъ тѣхъ доходныхъ статей государственнаго казначейства, исчезновеніе которой сдѣлало необходи-

---

[1]) The Egerton papers, Camden Soc. 1840, стр. 285 и 302.

[2]) Въ числѣ 224 рыцарскихъ лэновъ не указано еще 31 помѣстье, зависимыя отъ епископа Герефордскаго. Неопредѣленность приводимой нами цифры—отъ 35 до 40—объясняется тѣмъ, что въ цитируемой рукописи на ряду съ помѣстьями (maneria) упоминаются еще имущественныя единицы, обозначаемыя терминомъ Scitum manerii, или что тоже—capitale messuagium, т.-е. та часть помѣстья, которая состояла въ личномъ завѣдываніи помѣщика. Первыхъ мы насчитали 35, вторыхъ—5. Рукопись составлялъ, какъ значится въ ней, Томасъ-Говардъ, armiger.

нымъ болѣе частое обращеніе правительства за денежными субсидіями къ парламенту, а слѣдовательно и болѣе рѣшительное вмѣшательство послѣдняго въ дѣла страны. Говоря это, я имѣю въ виду тѣ многообразные виды феодальныхъ сборовъ, источникомъ которыхъ являлось королевское право феодальной опеки, право отдачи въ замужество дочерей прямыхъ лэнниковъ, право облагать ихъ денежными пособіями (aides) въ опредѣленныхъ обычаемъ трехъ случаяхъ: плѣна сюзерена, отдачи въ замужество старшей дочери, поступленія въ рыцарство старшаго сына. Независимость правительства отъ парламента, составлявшая постоянную заботу Тюдоровъ, побудила Елизавету дорожить сохраненіемъ системы феодальныхъ платежей. Неудивительно поэтому, если, поступаясь доходомъ отъ незначительныхъ по своему протяженію земельныхъ участковъ, она въ тоже время упорно стояла до самаго конца своего царствованія за то, чтобы помѣстья съ доходностью въ 40 и болѣе фунтовъ отдаваемы были исключительно въ рыцарское держаніе, а владѣнія свыше 60 ф. могли быть обращаемы только въ непосредственные лэны короля (tenures in capite) [1]). Эту заботливость о судьбѣ своего доманіальнаго фонда Елизавета въ послѣдніе годы своего правленія довела до того, что рѣшилась сдѣлать заповѣдными и неотчуждаемыми уцѣлѣвшіе его остатки. Мотивъ такой мѣры указанъ въ ея письмѣ къ канцлеру Элесморъ. „Сохраненіе доменовъ, пишетъ она, избавитъ нашихъ преемниковъ отъ необходимости обращаться къ тѣмъ отяготительнымъ для народа пріемамъ, къ какимъ прибѣгали наши предки, въ виду оскудѣнія государственной казны". Побуждаемая этими соображеніями, Елизавета запрещаетъ дальнѣйшее отчужденіе доманіальной собственности до тѣхъ поръ, пока особой коммиссіей не будетъ приведенъ въ извѣстность ея наличный составъ [2]). Къ сожалѣнію, заботливость, обнаруженная правительствомъ по отношенію къ цѣлости доманіальнаго фонда, оказалась нѣсколько запоздавшей. Расточительность, съ какой Генрихъ VIII и его преемникъ, при ближайшемъ участіи лорда-протектора Соммерсета, распоряжались секуляризированными монастырскими землями и перешедшею отъ аббатствъ движимой собственностью, продавая, напр., за бездѣлицу колокола и церковную утварь [3]), или раздавая ихъ въ даръ своимъ приближеннымъ, лишила казну возможности извлечь изъ секуляризаціи ожидавшія отъ нея имущественныя выгоды. Но того-же отнюдь нельзя сказать о побочномъ доходѣ, доставляемомъ ей феодальными сборами, пріумноженными, какъ мы видѣли, фактомъ

[1]) Egerton papers, стр. 302.
[2]) Egerton papers, стр. 396.
[3]) См. John Weevel Antient funeral monuments, London. 1767, стр. CXX.

упраздненія монастырей. А это обстоятельство заставляетъ насъ дать нѣсколько иное освѣщеніе той отмѣнѣ рыцарскихъ держаній и вытекающихъ изъ нихъ повинностей, которая проведена была Кромвелемъ и санкціонирована новыми законодательными мѣропріятіями въ первый-же годъ реставраціи Стюартовъ. Маколей думаетъ, что Карлъ II заносилъ руку на нѣчто фактически несуществовавшее. Отмѣна рыцарскихъ держаній была тѣмъ возможнѣе, полагаетъ онъ, что послѣднія de facto перестали давать казнѣ какой-либо доходъ. Не такъ думаетъ Спельманъ, стоящій несравненно ближе къ эпохѣ отмѣны рыцарскихъ держаній; онъ не иначе выражается о налагаемыхъ ими повинностяхъ, какъ называя ихъ проказой, поражавшей собою всю страну. „Весьма немногіе, говоритъ онъ, избавлены отъ этого общественнаго бѣдствія" [1]). Что доходъ, поступавшій съ рыцарскихъ владѣльцевъ, далеко не былъ ничтоженъ, доказательствомъ этому можетъ служить уже тотъ фактъ, что возможной отмѣна рыцарскаго держанія сдѣлалась лишь подъ условіемъ введенія такой общей системы обложенія, каковъ акцизъ, сразу получавшій въ устахъ современниковъ наименованіе „голландскаго чорта" [2]).

Мы разсмотрѣли пока лишь тотъ видъ земельнаго владѣнія, который являлся наиболѣе распространеннымъ въ высшихъ классахъ общества. Намъ предстоитъ въ настоящее время сдѣлать то же по отношенію къ крестьянскимъ формамъ земельнаго держанія. Первый вопросъ, которымъ мы зададимся, состоитъ въ томъ, насколько уцѣлѣли въ XVI в. слѣды самаго несвободнаго изъ видовъ владѣнія, крѣпостного держанія или такъ-наз. tenure in villenage.

Въ актахъ и документахъ изъ временъ Генриха VII, собранныхъ и обнародованныхъ Герднеромъ, мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ упоминаніе какъ о такъ-наз. bond-men или villani, такъ и о случаяхъ отпущенія ихъ на волю. Такъ, мы имѣемъ освободительную грамоту самого Генриха VII отъ 16 ноября 1485 г., которой король отпускаетъ на волю трехъ своихъ крѣпостныхъ, вмѣстѣ съ ихъ семьями, оставляя за ними ихъ земли и имущества, другими словами—тѣ надѣлы и ту движимость, которые состояли въ ихъ пользованіи въ эпоху крѣпостной несвободы. Мотивы, приводимые королемъ, опредѣленно указываютъ на тотъ переворотъ, какой совершился въ сферѣ народныхъ воззрѣній на юридическое основаніе несвободы. „Изначала, значится въ актѣ, природа создала всѣхъ людей свободными; положительное право (jus gentium) подчинило нѣкоторыхъ ярму рабства

[1]) Spelman, H. of Sacrilege, стр. 233.

[2]) Янжулъ. Акцизъ въ Англіи (Опытъ изслѣдованія косвенныхъ налоговъ; гл. I).

(sub jugo servitutis). Благочестивымъ дѣломъ, заслугою передъ Богомъ считаемъ мы освободить изъ неволи такихъ-то лицъ, состоящихъ въ полной отъ насъ зависимости" [1]). Въ ближайшее царствованіе упоминанія о людяхъ несвободнаго состоянія, хотя и рѣдко, но продолжаютъ встрѣчаться, какъ въ протоколахъ вотчинныхъ судовъ, такъ и въ спискахъ платежей, получаемыхъ земельными собственниками, такъ, наконецъ, и въ описаніяхъ земельнаго состава помѣстій и ихъ населенія. Въ числѣ платежей, поступившихъ герцогу Бекингамскому въ 1519 году, значится, напримѣръ, 40 фунтовъ, уплаченные ему Вальтеромъ Паркеръ, какъ его бывшимъ крѣпостнымъ (bondman), отпущеннымъ герцогомъ на волю [2]). Отъ того же года дошло до насъ любопытное указаніе о продолжавшемся еще взиманіи помѣщиками „merchetum" или брачнаго платежа, въ случаѣ замужества крестьянской дѣвушки. Въ помѣстьи Скоттеръ, расположенномъ въ графствѣ Линкольнъ, нѣкая Алиса, дочь Вилльяма Овере, котораго вотчинные протоколы называютъ „nativus domini de Scotter", является въ помѣстный судъ и ходатайствуетъ о предоставленіи ей права выйти замужъ по собственному выбору (petit licentiam se spontanea voluntate maritari). Владѣлецъ (dominus) выражаетъ свое согласіе чрезъ посредство помѣстнаго сенешала, послѣ чего Алиса уплачиваетъ ему, какъ своему непосредственному сеньору (ut in capite), „marchatum" или „merchetum" въ 5 шилл. (dat domino de marchato—V s.) [3]). Два года спустя, при перечнѣ владѣній, принадлежащихъ герцогу Бекингаму въ Дэльѣ, между прочимъ, упоминаются и многіе „bondmen", какъ бѣдные, такъ и богатые [4]). Что крѣпостное состояніе не составляло въ это время рѣдкаго исключенія, что его можно было встрѣтить еще на протяженіи всей Англіи, въ этомъ убѣждаетъ насъ фактъ упоминанія о немъ англійскимъ юристомъ Фицгербертомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „въ разныхъ мѣстахъ королевства bondmen'ы продолжаютъ встрѣчаться и до-сего дня, что, прибавляетъ онъ, въ моихъ глазахъ является величайшимъ изъ тѣхъ злоупотребленій, какія терпятся закономъ". Фицгербертъ поясняетъ далѣе причины

---

1) Materials illustrative of the reign of H. VII, vol. I (from the book of the Duchy of Lancaster H. 7 reign and the Roll of the same Duchy); стр. 166. Henricus etc. Cum ab initio omnes homines natura liberos creavit, et postea jus gentium quosdam sub jugo servitutis constituit credimus penes Deum meritorium certos in villinagio nobis subiectos a tali servitute liberos penitus facere...

2) Letters and foreign and domstic of the reign of Henry VIII, т. III, ч. I, стр. 498.

3) Notes from the court Rolls of the mannor of Scotter (county of Lincoln), by Edward Peacock Febr. 21, 1878. Archeologia, т. 46, стр. 371; The earliest Scotter court Roll, 10 October. 1519.

4) Letters and papers, of the reign of Henry VIII, т. III, ч. 1, стр. 509.

своего отрицательнаго отношенія къ крѣпостной несвободѣ, и, дѣлая это, онъ не только знакомитъ насъ съ тѣми послѣдствіями, къ какимъ вела она въ сферѣ гражданскихъ отношеній, но и высказываетъ взгляды своихъ современниковъ на несправедливость крѣпостничества. „Злоупотребленіемъ считаю я, говоритъ онъ, признавать за христіаниномъ право держать въ неволѣ подобнаго же ему христіанина; предоставлять ему право владычествовать надъ его тѣломъ, надъ землями и имуществомъ, пріобрѣтенными имъ самимъ, его женою и дѣтьми; для меня, прибавляетъ онъ, такой образъ дѣйствій равнозначителенъ вымогательству". Изъ дальнѣйшихъ показаній Фицгерберта видно, что въ его время крѣпостничество являлось уже на столько вымирающимъ учрежденіемъ, что свободное или несвободное состояніе того или другаго лица было предметомъ довольно частыхъ споровъ въ судахъ, очевидно, въ виду того, что помѣщики не всегда обращались къ вынужденію крѣпостныхъ службъ и платежей, и что цѣлыя поколѣнія крѣпостныхъ вымирали, не подвергшись ни разу необходимости нести невыгодныя послѣдствія своей несвободы. Фицгербертъ жалуется на то, что многихъ свободныхъ людей нерѣдко принуждаютъ къ крѣпостнымъ службамъ, ссылаясь на то, что они во второмъ или третьемъ поколѣніи произошли отъ лицъ несвободныхъ, или на томъ простомъ основаніи, что они носятъ одни имена съ завѣдомо крѣпостными. Требуя суровыхъ наказаній для лицъ, обращающихъ въ крѣпостное состояніе свободныхъ людей, отнимающихъ у нихъ земли и имущества и лишающихъ ихъ тѣмъ самымъ возможности отстаивать свою свободу, Фицгербертъ возвращается къ нападкамъ на самый институтъ крѣпостного права. „Никто не долженъ, учитъ онъ, терпѣть иной несвободы, кромѣ той, какой требуетъ подчиненіе Богу и князю,—quia Deus non facit exceptionem personarum" [1]). Какъ бы иллюстраціей къ только что описаннымъ Фицгербертомъ порядкамъ предъявленія помѣщиками исковъ о несвободѣ служитъ любопытный документъ, сообщенный Фернивалю Брюэромъ, этимъ, какъ извѣстно, лучшимъ знатокомъ эпохи Генриха VIII. Я разумѣю протоколъ судебнаго разбирательства, произведеннаго въ 1527 году при участіи присяжныхъ, по иску герцогини Бекингамской на двухъ лицъ, считавшихъ себя свободными и признаваемыхъ ею потомками ея крѣпостныхъ. Дѣло кончилось признаніемъ со стороны отвѣтчиковъ, что они дѣйствительно bondmen'ы герцогини [2]).

[1]) Fitzherbert's Boke of taxation et Improvmentes. Cap. XIII, fol. XXVI Ср. статью Ферниваля: „On bondmen", во второмъ томѣ Bishop Percys. Folio MS, т. II, стр. LV и LVI.

[2]) Ballads from manuscripts; вступительный очеркъ, написанный Фернивалемъ къ балладѣ, озаглавленной: Now a Dayes, стр. 12—14, т. I.

Въ эпоху возстанія крестьянъ въ Норфолькѣ подъ предводительствомъ Кета крѣпостничество, повидимому, не было еще вполнѣ вымирающимъ учрежденіемъ, такъ какъ мятежники считаютъ нужнымъ включить въ число своихъ требованій и слѣдующую статью: „всѣ bondmen'ы должны быть объявлены свободными, ибо Господь всѣхъ сдѣлалъ свободными пролитіемъ своей драгоцѣнной крови" [1]). Надо признать тѣмъ не менѣе, что во второй половинѣ XVI-го вѣка гражданская свобода сдѣлала въ Англіи значительные успѣхи. Право утверждать это даетъ намъ не только фактъ отпущенія королевою на волю въ 1574 г. всѣхъ крѣпостныхъ, уцѣлѣвшихъ въ ея собственныхъ имѣніяхъ, но и то обстоятельство, что ни Томасъ Смисъ, авторъ трактата „de republica anglorum", появившагося впервые на латинскомъ языкѣ въ 1565 г., ни Гаррисонъ въ его описаніи Елизаветинской Англіи, ни словомъ не упоминаютъ о крѣпостныхъ. Первый изъ названныхъ писателей даже открыто высказывается противъ существованія въ его время какого-либо вида личной несвободы въ Англіи. Указывая на фактъ господства издревле, на ряду съ крѣпостными крестьянами (glebae adscripti), еще своего рода холоповъ или villains in gross, Томасъ Смисъ спѣшитъ прибавить, что и тѣхъ, и другихъ, не находятъ болѣе въ его время въ сколько-нибудь значительномъ числѣ. „О первыхъ, прибавляетъ онъ, я ни разу не встрѣтилъ упоминанія во всю мою жизнь; что же касается до вторыхъ, то ихъ такъ мало, что о нихъ и толковать не стоитъ. Это не мѣшаетъ, однако, нашему праву признавать оба эти вида несвободы" [2]). Послѣднее показаніе Смиса подтверждаетъ фактъ легальной отмѣны крѣпостничества сперва Кромвелемъ, а затѣмъ Карломъ II въ 1660-мъ году.

Упадокъ крѣпостного права въ Англіи XVI в. совершился подъ вліяніемъ тѣхъ самыхъ причинъ, которыя вели къ его постепенному исчезновенію въ предшествующія столѣтія. Причины эти въ немногихъ словахъ слѣдующія. По мѣрѣ возрастанія ренты, несвободный крестьянскій трудъ, какъ менѣе интенсивный, оказывается невыгоднымъ. Помѣщики сами находятъ расчетъ въ томъ, чтобы замѣнить систему обработки полей съ помощью содержимыхъ на ихъ средства крѣпостныхъ системой отдачи принадлежащихъ имъ участковъ сперва въ оброчное, а затѣмъ въ арендное держаніе. Такимъ образомъ, по отношенію къ Англіи я считаю возможнымъ повторить то же, что̀ было сказано мною нѣсколько лѣтъ назадъ по отношенію къ исторіи исчезновенія крѣпостного права въ другихъ государствахъ

---

1) Ketts rebellion in Norfolk, by Fr. Russel.

2) De republica Anglorum (англійское изданіе) стр. 123.

Европы. „Историкамъ западнаго крестьянства, говорилъ я, хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, что, при изолированности хозяйства, отсутствіи капиталистическаго производства и слабой интенсивности сельскаго труда, крѣпостная зависимость, какъ обезпечивающая крестьянамъ продовольствіе и покрывающая отвѣтственностью помѣщиковъ ихъ личную отвѣтственность передъ казною, переносится сравнительно легко: характерный примѣръ тому представляютъ въ XV вѣкѣ свободные крестьяне сѣверной Франціи, сотнями и тысячами переселявшіеся въ Бургундію—страну крѣпостного права,—въ надеждѣ избавиться отъ фискальнаго гнета, доводившаго ихъ до совершеннаго обнищанія. Обременительность крѣпостного права, начинается съ момента упадка прежняго натуральнаго хозяйства, развитія индустріализма и большей интенсивности земледѣлія, обусловливаемой возможностью сбыта сельскихъ продуктовъ на рынкѣ. Не случайностью слѣдуетъ считать поэтому то обстоятельство, что въ Италіи — странѣ по преимуществу торговой и городской—крѣпостное право падаетъ уже въ половинѣ XIII вѣка, что оно отмѣняется раньше въ Англіи, позднѣе во Франціи, всего же позже въ Германіи, причемъ наиболѣе отсталой въ дѣлѣ эмансипаціи является восточная ея половина, въ которой хозяйство всего долѣе остается экстенсивнымъ.

Тѣ частныя причины, которыя въ XVI в. ускорили процессъ исчезновенія крѣпостного права въ Англіи, носятъ, какъ намъ кажется, также чисто экономическій характеръ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы покажемъ, что переворотъ, происшедшій въ это время въ сферѣ сельскаго хозяйства, состоялъ въ сокращеніи земледѣлія и въ расширеніи скотоводства; что большая производительность послѣдняго заставила помѣщиковъ отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ той части земельнаго состава ихъ помѣстій, которая дотолѣ эксплуатируема была по преимуществу крестьянами, я разумѣю общинную пустошь; что возможность увеличенія своихъ доходовъ путемъ сдачи этой пустоши въ аренду или разведенія на ней овцы, побудила ихъ къ ограниченію до крайнихъ предѣловъ правъ общиннаго пользованія крестьянъ, которые, благодаря этому, поставлены были въ невозможность держать нужный для обработки скотъ и, слѣдовательно, волей-неволей принуждены были отказаться отъ тѣхъ выгодъ, какія искони обезпечивало имъ право оброчного держанія помѣщичьей земли. При такихъ перемѣнахъ въ сферѣ народнаго труда, очевидно, не было благопріятныхъ условій для удержанія прежняго крѣпостничества съ его наслѣдственнымъ владѣніемъ надѣльною землею и правомъ общиннаго пользованія въ помѣстныхъ угодьяхъ. Фермерство убило крѣпостничество или, вѣрнѣе сказать, явилось послѣднимъ условіемъ его вымиранія. Такъ какъ въ этомъ процессѣ раз-

витія фермерства не послѣднюю роль играла секуляризація монастырскихъ имуществъ и поступленіе ихъ въ руки зажиточныхъ членовъ служилаго сословія и купечества, давшихъ рѣшительное преобладаніе на нихъ новому, денежному хозяйству, то неудивительно, если упраздненіе монастырей явилось новымъ толчкомъ къ отмѣнѣ крѣпостного права.

Крѣпостное держаніе есть не болѣе какъ одинъ изъ тѣхъ видовъ крестьянскаго землевладѣнія, какіе унаслѣдованы были Англіей XVI-го вѣка отъ среднихъ вѣковъ. Мы указали, какова была его судьба въ занимающую насъ эпоху. Намъ остается сдѣлать то же по отношенію къ другимъ видамъ зависимаго крестьянскаго землевладѣнія и прежде всего по отношенію къ оброчному держанію или такъ называемому копигольду.

Въ сочиненіи, посвященномъ характеристикѣ общественнаго строя Англіи въ XV в., я имѣлъ случай указать, что оброчное землевладѣніе крестьянъ, или такъ-наз. copyhold, носило въ Англіи общій всему Западу характеръ вѣчно-наслѣдственной аренды; что размѣръ платимой крестьянами ренты, частью натуральной, частью денежной, оставался неизмѣннымъ; что владѣніе надѣльной землею открывало копигольдеру право пользованія въ общинныхъ угодьяхъ, и что доходъ землевладѣльца состоялъ не столько въ суммѣ получаемыхъ имъ съ крестьянина платежей, сколько въ разнообразіи натуральныхъ службъ и повинностей, изъ которыхъ далеко не всѣ носили чисто хозяйственный характеръ или могли найти выраженіе себѣ въ денежномъ эквивалентѣ [1]). Я показалъ въ томъ же сочиненіи, что начавшаяся уже въ XV в. замѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ сказалась, между прочимъ, въ фактѣ сдачи въ аренду такъ-наз. demesne lands, или земель въ личномъ завѣдываніи помѣщика въ руки тѣхъ же копигольдеровъ, но уже не въ вѣчное, а въ срочное владѣніе; что копигольдеры или оброчные крестьяне являются такимъ образомъ первыми по времени фермерами, получающими подъ наименованіемъ іоменовъ извѣстность хорошо обезпеченнаго класса, доставляющаго королю лучшихъ пѣхотинцевъ и являющагося залогомъ военнаго превосходства Англіи надъ континентальными державами и въ частности надъ Франціей. Какова, спрашивается теперь, судьба вѣчно-наслѣдственной аренды крестьянъ въ Тюдоровской Англіи? Получила ли эта система дальнѣйшее расширеніе? Были ли допущены копигольдеры по прежнему къ арендованію demesnelands, или же, наоборотъ, сфера распространенія оброчнаго владѣнія значительно была съужена, и

---

[1]) Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, гл. II.

крестьяне-арендаторы принуждены были уступить мѣсто представителямъ денежнаго капитала?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, намъ необходимо познакомиться съ отчетами управляющихъ помѣстьями или такъ-наз. minister's accounts, которые для XVI-го и слѣдующихъ столѣтій замѣняютъ рентали, иначе говоря, тѣ описи земельнаго состава помѣстій и производимыхъ въ нихъ натуральныхъ и денежныхъ платежей, въ которыхъ мы искали однохарактерныхъ указаній для исторіи земельныхъ держаній въ средніе вѣка. Содержаніе только что упомянутыхъ мною источниковъ весьма однообразно. Управляющій обыкновенно перечисляетъ всѣ доходныя статьи помѣстья: указываетъ, сколько кто долженъ заплатить за землю, состоящую въ его владѣніи, за пользованіе мельницей, за право участія въ общинныхъ угодьяхъ и т. п. Пробѣгая эти акты, изъ которыхъ весьма немногіе пока изданы, обыкновенно въ приложеніяхъ къ средневѣковымъ хартуляріямъ, большинство же доселѣ хранится въ частныхъ и публичныхъ архивахъ, мы знакомимся со всѣми тѣми видами земельныхъ держаній, какія представляетъ намъ англійское помѣстье XVI в. Мы безъ труда, въ частности, констатируемъ на основаніи ихъ тотъ фактъ, что, на ряду съ оброчными владѣльцами-копигольдерами, обозначаемыми именемъ „custumarii" или „tenentes per copiam curiae", встрѣчаются и лица, для которыхъ управляющій не находитъ другаго названія, какъ „firmarius" или „tenens ad voluntatem". Эти firmarii двоякаго рода: одни снимаютъ землю на рядъ лѣтъ, ad terminum annorum; другіе на годъ—tenentes hoc anno. Такъ-наз. demesne lands состоятъ въ рукахъ никого иного, какъ такихъ фермеровъ, почему въ отчетахъ управляющихъ весьма часто попадается выраженіе: firma terrarum dominicarum. Нерѣдко арендное держаніе передается еще терминомъ tenementum per indenturam sub sigillo, что само по себѣ указываетъ на фактъ засвидѣтельствованія контрактовъ помѣщика съ фермеромъ письменнымъ документомъ и приложеніемъ печати. Въ составъ аренды или „firma", на ряду съ опредѣленнымъ участкомъ земли входитъ еще право пользованія общинными угодьями (pastura communis или communia иначе libera communa), а также право рубить лѣсъ для топлива, загородей и построекъ или, какъ значится нерѣдко въ источникахъ: „fareboote, hedgeboote, houseboote". Если арендатору сдаются сполна всѣ земли, бывшія нѣкогда въ личномъ завѣдываніи помѣщика, къ нему вмѣстѣ съ ними поступаетъ обыкновенно и сельско-хозяйственный инвентарь, что передается въ разсматриваемыхъ нами документахъ описательно прибавкой слѣдующихъ словъ: „съ рабочимъ скотомъ, свиньями и гусями", (cum omnibus averiis, porcis et aucis). Нерѣдко къ арендатору переходитъ отъ собственника и право требовать отъ копигольдеровъ совершенія такъ-наз.

precaria autummi, т.-е. общественныхъ осеннихъ помочей при уборкѣ хлѣба, иначе обозначаемыхъ въ управительскихъ отчетахъ терминомъ sicclebоones, причемъ встрѣчается обложеніе его взамѣнъ добавочнымъ платежемъ. Carriagium, или право требовать отъ крестьянъ своза хлѣба въ клуню, также передается арендатору, который обязуется вознаградить за то помѣщика опредѣленнымъ числомъ шиллинговъ и пенсовъ. Платежъ аренды обыкновенно производится въ два срока: въ праздникъ Св. Мартина и на Пасху. Арендная плата вычисляется или такимъ образомъ, что каждая доходная статья обозначается отдѣльно (столько-то за firma manerii seu grangiae; столько-то pro pastura, столько-то de presio praecariorum; столько-то pro carriagio bladi и т. д.). Всего же чаще приводится одна общая сумма аренды, выражаемая въ шиллингахъ и фунтахъ [1]).

Дополняя эти свѣдѣнія о характерѣ земельныхъ арендъ въ XVI в. тѣми данными, какія на этотъ счетъ даетъ намъ самый текстъ арендныхъ контрактовъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ нихъ весьма точно обозначается весь наличный инвентарь помѣстья. Такъ, перечисляются рабочіе быки и указывается ихъ цѣна, приводится число квартеровъ хлѣба, овса, бобовъ и гороху; дѣлается отмѣтка о числѣ акровъ засѣяннаго озимаго поля; приводится счетъ хозяйственнымъ фурамъ, боронамъ и плугамъ, при чемъ дается подробное описаніе составныхъ частей каждаго плуга. Арендаторъ принимаетъ на себя обязательство возвратить все въ исправномъ видѣ; чтобы облегчить ему исполненіе этого обѣщанія, собственникъ открываетъ ему возможность пользоваться лѣсомъ не только для топлива и построекъ, но и для поправки плуговъ и боронъ (ploughebote and harroughbote). Срокъ, на который имѣніе сдается въ аренду, — 7, 14 и 21-годичный; встрѣчаются, впрочемъ случаи сдачи земли и на 41 годъ. Размѣръ платежей самый разнообразный. На ряду съ арендной платой, исчисляемой въ шиллингахъ, попадаются и такія, величина которыхъ равняется десяткамъ и сотнямъ фунтовъ. Послѣднія, впрочемъ, весьма рѣдки. Общественное состояніе арендаторовъ нерѣдко указано въ самихъ договорахъ короткими обозначеніями въ родѣ слѣдующихъ: gentilman; knight, т. е. рыцарь, yeoman (йоменъ), prior (пріоръ); citizien and grocer of London, т. е. гражданинъ, записанный въ цехи оптовыхъ торгов-

---

[1]) См. Ministers accounts of the possessions of monasteries and of other lands in the hands of the crown: 27 и 28 H. 8. County of Bedford (Record office—Augmentation office).

Cartularium Abbatthiae de Whisebi ordinis S. Benedicti. Ministers Accounts; 31—38. H. 8. (The publications of the Surtees Soc., 1879 г. vol. 72); стр. 719, 726, 728, 737, 764 и 765. См. также Rentale terrarum regis in com. Hereford et Gloucestre 30 H. 8 (Brit. Mus. Harl. 4131).

цевъ (grocers); mercaunt (купецъ) и т. п. [1]). Уже въ приведенныхъ мною памятникахъ, относящихся къ самому началу занимающаго насъ періода, къ царствованію Генриха VII, можетъ быть отмѣченъ фактъ сосредоточенія нерѣдко въ однихъ рукахъ нѣсколькихъ арендъ. Такъ, напримѣръ, Джеймсъ Блаунтъ „рыцарь" снимаетъ одновременно въ графствахъ Стаффордъ и Дерби пахати, парки, право выпаса свиней въ лѣсу и овецъ на пастбищахъ, право держать водяныя мельницы и право замѣщать по своему усмотрѣнію должности вотчинныхъ бальифовъ, все это подъ условіемъ уплаты собственнику суммы въ 80 фунтовъ въ годъ [2]). Жалобы на такое сосредоточеніе многихъ фермъ въ однѣхъ рукахъ встрѣчаются нерѣдко въ памфлетной литературѣ XVII вѣка. Для примѣра укажемъ хотя бы на родъ діалога, написаннаго въ стихотворной формѣ въ 1528 г. подъ характернымъ заглавіемъ: „Читай, безъ гнѣва" (Rede and be not wrothe). Выводимыя авторомъ лица, Билльямъ Рой и Іеремія Барло, развертываютъ передъ читателями скорбную лѣтопись всѣхъ безпорядковъ и нестроеній въ государствѣ. Между прочимъ они обвиняютъ аббатства въ томъ, что первыя они изобрѣли тотъ способъ угнетенія простонародья, который состоитъ въ сдачѣ въ однѣ руки дюжинъ фермъ. Съемщикомъ въ такихъ случаяхъ, говорятъ они, обыкновенно является богатый „frankleyn", т. е. зажиточный свободный человѣкъ. Снимая сразу двѣнадцать фермъ, онъ тѣмъ самымъ лишаетъ средствъ жизни 12 семействъ. Земли, дотолѣ состоявшія въ ихъ владѣнія и доставлявшія имъ средства къ пропитанію, теперь сосредоточиваются всецѣло въ его рукахъ [3]). Въ другомъ однохарактерномъ памфлетѣ, озаглавленномъ „Бесѣда джентельмена и крестьянина", повторяются тѣ же жалобы. Тогда какъ въ прежніе годы, говоритъ крестьянинъ, бѣдному поселянину не трудно было получить въ аренду участокъ земли съ усадьбой, согласно требованіямъ справедливости и разума, въ настоящее время 2, 3 и даже до 6 фермъ поступаютъ въ руки одного и того-же сквайра или богатаго купца, послѣдствіемъ чего является полное разореніе крестьянства [4]). Ни одинъ изъ выдающихся современниковъ не обхо-

---

[1]) Materials illustrative of the reign of H. VIII, т. I, стр. 499, 595, 258, 261, 264, 272, 313, 327 и 520 (from the booc of the Duchy of Lancaster for H. VIII reign and the Roll of the same Duchy. См. также Rentale terrarum regis in com. Hereford et Gloucestr 30 H. 8 (Harl. 4131 и Harl № 239). Арендные договоры временъ Маріи Жестокой—большинство срокомъ на 21 годъ.

[2]) Ibid., т. II, стр. 258.

[3]) A new waye they do invent lettynge a dozen farmers under one whych one or two ryche franckelyngis occupyinge a dozen mens lyvyngis take all in their owne handes alone (Rede and be not wrothe).

[4]) Dialogue between a gentilmann and husbondman., стр. 139.

дитъ молчаніемъ этого бьющаго въ глаза факта: и Старке, и Крауле упоминаютъ о немъ,—первый въ діалогѣ между кардиналомъ Полемъ и Лебсетъ; второй въ „петиціи, написанной, какъ значится въ ней, отъ имени бѣдныхъ общинъ Англіи". Скопленіе большаго или меньшаго числа фермъ въ рукахъ одного человѣка, жалуется первый изъ названныхъ писателей, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ и упадокъ земледѣлія, такъ какъ земля попадаетъ въ руки лицъ, неспособныхъ обработать ее собственнымъ трудомъ. Оно разоряетъ простонародье „бѣдныя общины Англіи", отымая у нихъ обычныя имъ заработки [1]). Мы встрѣчаемъ, пишетъ въ свою очередь Крауле, не мало земельныхъ владѣльцевъ, которые, не будучи лендлордами, ведутъ тѣмъ не менѣе тотъ же роскошный образъ жизни, что и они. Для этого имъ стоитъ только снять сразу нѣсколько фермъ, обездоливая и ограбляя тѣмъ самымъ „англійское простонародье". Бѣднымъ семьямъ не остается послѣ этого иного пути къ обезпеченію себѣ средствъ жизни, кромѣ найма у тѣхъ же съемщиковъ нужной имъ для земледѣлія площади [2]). Упоминаемые обоими писателями монополизаторы земли получаютъ на языкѣ современниковъ наименованіе ingrossers of farms или lease mongers, иначе говоря, съемщиковъ фермъ оптомъ и скупщиковъ арендъ. Подъ этимъ именемъ извѣстны они и прокламаціямъ Генриха VIII, требующимъ возвращенія крестьянамъ ихъ прежнихъ усадьбъ и надѣловъ [3]). Во второй половинѣ столѣтія число такихъ фермъ тѣмъ не менѣе не только не убываетъ, но еще замѣтно увеличивается, такъ что современникамъ Елизаветы: Стаффорду, Стебсу, Гаррисону — приходится повторять тѣже жалобы на обездоленіе ими „бѣдныхъ общинъ Англіи".

Отношеніе, въ какомъ фактъ развитія крупнаго фермерства стоитъ къ исчезновенію средневѣковаго оброчнаго владѣнія крестьянъ или копигольда, бросается въ глаза самъ собою. Изъ чего, какъ не изъ крестьянскихъ надѣловъ, слагаются тѣ обширныя аренды, обнимающія собою нерѣдко десятки мелкихъ держаній, о которыхъ говорятъ намъ вышеупомянутые писатели. Значеніе, какое развитіе фермерства имѣетъ для судебъ крестьянскаго землевладѣнія, отмѣчено уже современниками Генриха VIII. Крауле [4]), говоря о злѣ, причиняемомъ простонародью большими арендами, вмѣстѣ съ тѣмъ останавливается на

[1]) State P. 26 H. VIII, № 217.

[2]) Crowley's Works, стр. 165.

[3]) См. State Papers of H. VIII, т. IX, 262, Document 431, 1514 г. (Ballads from manuscripts, т. 1, appendix to „Now a dayes").

[4]) Crowley's Works, стр. 165. — Однохарактерныя жалобы встрѣчаемъ мы и въ Vox populi (Ballads from manuscripts, т. I, стр. 137).

фактѣ удаленія помѣщиками копигольдеровъ съ насиженныхъ ими мѣстъ. „Какъ бы честенъ, вѣренъ и спокоенъ ни былъ копигольдеръ, пишетъ онъ, по истеченіи срока его аренды его ставятъ въ необходимость или уплатить впередъ за право пользованія землею столько, сколько стоило бы пріобрѣтеніе его въ собственность, или же покинуть немедля занимаемую имъ усадьбу и идти на всѣ четыре стороны съ женой и дѣтьми, рискуя умереть отъ голоду. Современникъ Эдуарда VI, Генри Бриклöвъ, еще опредѣленнѣе указываетъ на связь между развивающимся фермерствомъ и исчезающей системой копигольдовъ. „Стоитъ только богатому съемщику земель, говоритъ онъ, и безъ того уже обремененному арендами, предложить собственнику бо̀льшую ренту противъ той, какую платитъ сидящій на землѣ копигольдеръ, и крестьянинъ сгоняется съ помѣстья, какъ бы велика ни была его бѣдность, послѣ чего ему не остается ничего иного, какъ сдѣлаться нищимъ и бродягою, изъ котораго со временемъ вырабатывается карманщикъ и воръ, оканчивающій жизнь на висѣлицѣ“. Цитируемый нами писатель указываетъ на сравнительно недавнее происхожденіе описанныхъ имъ порядковъ: „50, много 60 лѣтъ назадъ (Бриклöвъ пишетъ въ 1542 г.) аренды (leassys, т.-е. leases) вовсе не были извѣстны. Распространеніе ихъ въ наше время и обычай снимать ихъ оптомъ—одна изъ причинъ тому, что лэндлорды повышаютъ свои требованія. Поэтому, дай Богъ, чтобы эти аренды поскорѣе вышли изъ употребленія“. Бриклöвъ думаетъ, что „въ цѣломъ мірѣ нельзя встрѣтить болѣе несправедливыхъ порядковъ, какъ тѣ, въ силу которыхъ изъ-за одного каприза или изъза желанія оказать услугу пріятелю, лэндлордъ сгоняетъ крестьянина съ его надѣла и передаетъ его землю въ руки арендатора. Такой порядокъ вещей, думаетъ онъ, одинаково противенъ и чувству милосердія, и требованіямъ естественнаго закона“ [1]).

Современники Елизаветы, указывая на тѣ же порядки, считаютъ угнетеніе копигольдеровъ земельными собственниками однимъ изъ главныхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдаетъ англійскій народъ. „Лэндлорды, говоритъ Гаррисонъ, ежедневно напрягаютъ свой умъ къ изобрѣтенію новыхъ способовъ угнетенія копигольдеровъ, удвояя и утраивая ихъ ренты, нерѣдко увеличивая ихъ въ семь разъ противъ прежняго, наконецъ лишая ихъ надѣловъ подъ самыми ничтожными предлогами“ [2]). Дополняя эту картину, Стёбсъ прибавляетъ отъ себя: „при переходѣ копигольда по наслѣдству“ крестьянинъ подлежитъ уплатѣ высокой суммы (fyne). Чтобы сдѣлать возможнымъ ея платежъ, онъ поставленъ часто въ необходимость продать всю наличную движимость.

---

[1]) Henry Brinklow's Complayns стр. 9.

[2]) Harisson, стр. 241.

Не проходитъ, однако, и нѣсколькихъ лѣтъ, и, въ виду происшедшей перемѣны въ лицѣ владѣльца, земельный собственникъ предъявляетъ требованіе новаго платежа. Если копигольдеръ не въ состояніи сдѣлать его, ему приходится оставить помѣстье и превратиться въ нищаго [1]). Многіе лэндлорды, продолжаетъ тотъ же писатель, за десятки лѣтъ до истеченія срока уже требуютъ отъ крестьянъ-фермеровъ возобновленія ихъ контракта. Это показаніе подтверждаетъ въ свою очередь Гаррисонъ, говоря объ обычаѣ лэндлордовъ возобновлять договоры съ своими арендаторами за семь лѣтъ до срока. Неспособные выполнить это требованіе удаляются силою изъ помѣстья [2]).

Въ только-что приведенныхъ мною отрывкахъ дѣло идетъ, очевидно, о притѣсненіи земельными собственниками не однихъ копигольдеровъ, но и мелкихъ фермеровъ, какими издревле являлись тѣ же крестьяне-копигольдеры по отношенію къ отдѣльнымъ участкамъ demesne-land или земли, оставленной помѣщикомъ въ его личномъ завѣдываніи. Но если замѣна этихъ крестьянъ-фермеровъ крупными арендаторами объясняется срочностью ихъ арендная договора, то какъ, спрашивается, объяснить возможность упраздненія помѣщикомъ копигольда—этой по природѣ вѣчно—наслѣдственной аренды?

Что такое обезземеленіе крестьянства не могло совершиться безъ явнаго обхода закона, на это указываетъ отчасти другой изъ современниковъ Елизаветы, Стаффордъ, говоря: „въ теченіе всей моей жизни, не болѣе трети принадлежащихъ мнѣ земель могутъ сдѣлаться предметомъ моего личнаго распоряженія, такъ какъ однѣ состоятъ въ неистекшемъ еще арендномъ держаніи, а другими владѣютъ копигольдеры, на наслѣдственномъ правѣ“. Этимъ обстоятельствомъ Стаффордъ объясняетъ тотъ фактъ, что многіе земельные собственники, какъ лишенные копигольдами возможности выгодной эксплуатаціи своихъ полей, обращаются къ снятію въ аренду чужихъ участковъ, становятся сами lease mongers, т.-е. скупщиками фермъ.

Въ историко-экономической литературѣ вопросъ о порядкѣ перехода копигольда или вѣчно-наслѣдственной аренды въ фермерство

---

[1]) Природа уплачиваемыхъ копигольдеромъ fynes какъ нельзя лучше выступаетъ изъ содержанія той петиціи, какая представлена была Норфолькскими мятежниками въ 1549 г. „Мы просимъ васъ, значится, между прочимъ, въ этой петиціи, чтобы копигольды не несли большей ренты противъ той, какой они были обложены въ первый годъ правленія Генриха VII, и чтобы, въ случаѣ смерти собственника, копигольдеръ облагаемъ былъ лишь легкимъ поборомъ какъ-то: обязанъ былъ бы дать пѣтуха новому собственнику или уплатить ему мелкую монету „для памяти“.

[2]) Stubbes's, Anatomy of Abuses in England, стр. 31 и 32.

[3]) Stafford's, A brief conceipt of english policie. 1581, стр. 18.

[4]) Ibid., стр. 33 и 18.

остается доселѣ нетронутымъ. Говоря это, я хочу сказать, что большинство писателей довольствуется констатированіемъ самаго факта. Ни одинъ не останавливается подробно на указаніи вызвавшихъ его причинъ и тѣхъ путей, какими сдѣланъ былъ возможнымъ этотъ крупный переворотъ въ общественномъ строѣ Англіи.

Развитіе фермерскаго хозяйства въ ущербъ и въ замѣну оброчнаго принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу тѣхъ фактовъ, происхожденіе которыхъ обусловливается не частными злоупотребленіями и захватами, какія-бы жалобы ни заявляли на этотъ счетъ современники, а воздѣйствіями неотвратимыхъ экономическихъ причинъ. Естественный ростъ населенія, вызывающій возрастаніе ренты и потому необходимость перехода къ болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйничанья; направленіе народнаго труда въ сторону скотоводства и отвлеченіе его отъ земледѣлія, частью въ виду возрастающаго запроса на англійскую шерсть, частью благодаря поощренію шерстяной торговли правительствомъ, по соображеніямъ фискальнымъ, и одновременному стѣсненію имъ вывозной торговли хлѣбомъ въ видахъ предупрежденія голодовокъ; наконецъ, свободное обращеніе на рынкѣ того вида собственности, который въ средніе вѣка едвали могъ считаться въ строгомъ смыслѣ слова мѣновою цѣнностью, я разумѣю землю—все это вмѣстѣ взятое незамѣтно подготовило тотъ процессъ вымиранія вѣчно-наслѣдственной аренды или копигольда, первыя проявленія котораго могутъ быть отмѣчены уже въ концѣ XV-го столѣтія. Но это не мѣшаетъ, однако, тому, чтобы нѣкоторые частные факты и въ числѣ ихъ секуляризація монастырской собственности, не играли въ названномъ процессѣ восполняющей, правда, но въ то же время далеко не второстепенной роли, чтобы ими не могъ быть ускоренъ самый ходъ его развитія и расширена сфера его дѣйствія. Свобода субинфеодацій и земельныхъ отчужденій, благодаря обходу судами, начиная съ XV вѣка постановленій статута „Quia emptoris“ и тѣхъ законодательныхъ ограниченій, какія ставила по отношенію къ распоряженію недвижимой собственностью средневѣковая система „entails“, должны были очевидно, содѣйствовать развитію свободнаго арендного договора. Перенось же центра тяжести сельскаго хозяйства съ земледѣлія на скотоводство, вызывая въ земельныхъ собственникахъ стремленіе положить конецъ тѣмъ наслѣдственнымъ правамъ общиннаго пользованія, какія по отношенію къ пастбищной землѣ имѣли крестьяне-копигольдеры, необходимо долженъ былъ отразиться и на огораживаніи общинныхъ выпасовъ, „comons“ и на стремленіи помѣщиковъ поставить границы дальнѣйшему расширенію системы наслѣдственнаго оброчнаго держанія. Но когда ко всѣмъ этимъ причинамъ присоединилась новая, когда $^1/_5$ часть всей земельной собственности Англіи

подверглась внезапному перемѣщенію и очутилась въ рукахъ лицъ, не связанныхъ съ ея фактическими воздѣлывателями общностью прошлаго и озабоченныхъ исключительно возможно выгодной эксплуатаціей ихъ или просто спекуляціей ими на рынкѣ, исчезли сами собою условія дальнѣйшаго удержанія, по крайней мѣрѣ, на протяженіи вышеназванныхъ земель той системы вѣчно-наслѣдственной аренды, которая, какъ мало отвѣчающая измѣнившимся за послѣднее время экономическимъ условіямъ, могла быть поддерживаема только навыкомъ и обычаемъ.

Изъ современниковъ Ашамъ повидимому первый вполнѣ созналъ связь, существующую между упраздненіемъ монастырей и столь невыгодной для простонародья системой фермерскаго хозяйства. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ герцогу Сомерсетскому онъ, задавшись вопросомъ: „кто виновники современныхъ бѣдствій“ (Qui auctores sunt tante miserie?) спѣшитъ отвѣтить: тѣ, которые обложили прежнія монастырскія владѣнія высокими годовыми платежами (Sunt illi qui hodie praedia monasteriorum gravissimis annuis redditibus auxerunt). Поясняя свою мысль, онъ прибавляетъ: „hi homines expilant totam republicam. Villici et coloni universi laborant et parcunt, ut istis satisfaciant“, что въ переводѣ значитъ: „Люди эти ограбили все государство. Крестьяне и свободные владѣльцы воздѣлываютъ поля и разводятъ парки исключительно имъ въ угоду“. Отсюда, замѣчаетъ онъ далѣе, пошло разореніе стольких семействъ, упадокъ стольких хозяйствъ. Отсюда и исчезновеніе йоманри (yomanry), благороднѣйшаго украшенія и силы Англіи, фактъ, прибавляетъ онъ, который заслуживаетъ особеннаго сожалѣнія“. („Hinc tot familiae dissipatae, tot domus collapsae. Hinc quodomnium miserrimum est, nobile ille decus et robur Angliae, nomen inquam yomanorum Anglorum fractum et collisum est.“) [1]).

Спрашивается, однако, почему копигольдеры секуляризированныхъ земель ранѣе другихъ могли быть принесены въ жертву измѣнившимся экономическимъ условіямъ? Развѣ они не находили той же защиты своему исконному, вѣковѣчному владѣнію въ обычаѣ, какими пользовались одновременно копигольдеры свѣтскихъ лордовъ; развѣ тѣ и другіе не могли въ равной степени отстоять свои права ссылками на письменные документы, на тѣ „копіи“ или выписки изъ помѣстныхъ книгъ, названіе которыхъ дало прозвище самому сословію? Развѣ ихъ притязанія лишены были de jure судебной

---

[1]) Epistola отъ 21 ноября 1547 г. (Ascham's Works ed. Giles, т. I, стр. 140—141). Ту же мысль развиваетъ анонимный авторъ трактата, составленнаго въ 1591 г. (Br. Mus. Cole MS. 12). Цитир. Gasquet. Henry VIII and the english Monasteries. v. IV, p. 416.

охраны и они не могли добиться признанія ихъ въ исковомъ порядкѣ, однимъ словомъ, какія обстоятельства поставили ихъ въ особенно неблагопріятныя условія, сдѣлали ихъ беззащитными въ борьбѣ съ развивающимся фермерствомъ?

Отвѣчая на рядъ вышеприведенныхъ вопросовъ, современныя свидѣтельства говорятъ намъ о преднамѣренномъ истребленіи комиссарами по отчужденію монастырскихъ земель всѣхъ относящихся къ нимъ документовъ, въ частности протоколовъ вотчинныхъ судовъ, о вымогательствѣ новыми собственниками отъ копигольдеровъ выданныхъ имъ прежними владѣльцами письменныхъ записей (copies of court rolls), наконецъ о преднамѣренномъ распространеніи ими въ средѣ оброчныхъ крестьянъ ложныхъ слуховъ на счетъ того, будто бы съ переходомъ собственности въ руки свѣтскихъ владѣльцевъ сами собою погашаются ихъ старинные титулы владѣнія.

„Едва монастырская земля перейдетъ въ руки того или другого свѣтскаго лорда, пишетъ авторъ памфлета, озаглавленнаго „Ходатайство бѣдныхъ общинъ Англіи“ и помѣченнаго 1546 годомъ, какъ новый собственникъ угрозами склоняетъ копигольдеровъ къ выдачѣ ему документовъ, удостовѣряющихъ ихъ право наслѣдственнаго владѣнія, документовъ, выданныхъ имъ монастырями и нерѣдко закрѣпленныхъ парламентомъ. Это дѣлается каждый разъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто акты этого рода потеряли свою силу, благодаря перемѣнѣ въ лицѣ собственника, такъ что, если своевременно не замѣнить ихъ арендными контрактами, крестьянамъ не останется иного выхода, кромѣ оставленія помѣстья. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда бывшая монастырская собственность, не подвергаясь отчужденію, только сдается въ двадцатиоднолѣтнюю аренду, съемщикъ старается убѣдить копигольдера, что заключенный имъ договоръ уничтожаетъ силу всѣхъ предшествующихъ контрактовъ и въ томъ числѣ тѣхъ выписей изъ вотчинныхъ протоколовъ („copies“), на которыхъ опирается ихъ владѣніе. Принимая на вѣру все сказанное, копигольдеръ сплошь и рядомъ обмѣниваетъ свои старинные документы на новые арендные контракты, не смотря на то, что въ первыхъ за нимъ выговорено право владѣть землею изъ поколѣнія въ поколѣніе, а вовторыхъ рѣчь идетъ не болѣе, какъ о двадцати-одно-лѣтнемъ срокѣ [1]).

Нерѣдко къ такимъ болѣе или менѣе маскированнымъ способамъ обхода закона присоединяются со стороны новыхъ собственниковъ и явные акты насилія. „Бѣдный Кодръ, жалуется авторъ стихотворнаго произведенія, озаглавленнаго Times Whistle и принадлежащаго къ са-

---

[1]) A supplication of the poore commons a. 1546, стр. 79 (Early english text society).

мому концу занимающей насъ эпохи, вмѣстѣ съ коттеджомъ владѣлъ и небольшимъ участкомъ земли, воздѣлываемымъ собственнымъ его трудомъ. На средства, доставляемыя этимъ участкомъ, онъ безбѣдно содержалъ жену и шесть маленькихъ дѣтей. Нынѣ же Антелегонъ, его сосѣдъ, видя, что земля Кодра прилегаетъ къ его собственной и что она съ удобствомъ можетъ быть занята подъ садъ, захватилъ ее въ свои руки и насильно удерживаетъ за собою. Бѣдный Кодръ въ виду своей нищеты поставленъ въ необходимость искать въ судахъ „sub forma pauperis", т.-е. подъ условіемъ даровой защиты. Его противникъ между тѣмъ нанимаетъ себѣ лучшаго адвоката и въ противность законамъ выходитъ побѣдителемъ изъ спора съ своимъ бѣднымъ сосѣдомъ; несчастный же Кодръ съ женой и дѣтьми становится нищимъ; все это творится, благодаря несправедливому угнетенію, достойному всякаго проклятія", прибавляетъ отъ себя авторъ [1]).

Какъ бы подкрѣпляя эти послѣднія показанія, Латимеръ съ каѳедры громитъ адвокатовъ и судей, говоря, что отъ нихъ бѣдному человѣку трудно добиться правды, совѣта или помощи [2]).

Но, можетъ быть, во всѣхъ этихъ обличеніяхъ и жалобахъ слѣдуетъ видѣть не болѣе, какъ обычное преувеличеніе сатириковъ, своего рода каррикатуру, а не правдивый снимокъ съ дѣйствительности? Такое допущеніе было бы возможно, еслибы дошедшіе до насъ процессы копигольдеровъ съ покупщиками монастырскихъ земель не подтверждали до мелочей всѣхъ показаній памфлетной литературы. Возьмемъ для примѣра хотя бы споръ копигольдеровъ Глоссодель въ графствѣ Дерби, помѣстья, нѣкогда принадлежавшаго аббатству Бедингворкъ, съ графомъ Шрьюсберійскимъ, получившимъ его въ правленіе Елизаветы въ обмѣнъ за земли въ Ирландіи. Споръ этотъ тянется два года, сопровождается арестомъ двухъ главныхъ коноводовъ и кончается полнымъ пораженіемъ для крестьянства. Въ чемъ же, спрашивается, лежитъ ближайшій поводъ къ процессу, что составляетъ предметъ самого иска? Въ прошеніи на имя королевы истцы въ слѣдующихъ словахъ выражаютъ свое недовольство новымъ собственникомъ: „графъ не только возвысилъ втрое размѣръ платимой ими ренты, но, вопреки старинным соглашеніямъ, заставилъ ихъ уступить ему обратно часть состоявшей въ ихъ владѣніи земли, которая немедленно затѣмъ обведена была загородью" [3]). Просители ссылаются на тотъ фактъ, что въ означенномъ помѣстьѣ предки ихъ поселены со временъ завоеванія, что ихъ земельныя держанія опираются на

---

[1]) The times Whistle, стр. 49. Early english text Soc).
[2]) Latimer's Sermons ed. 1844 г., стр. 99 и 127.
[3]) Record Office. State papers. Elizabeth v. 147. a. 1580.

стародавнемъ обычаѣ, однимъ словомъ, что они такъ наз. custumarii или „customary tenants". Протоколы вотчинныхъ судовъ истреблены или находятся въ рукахъ ихъ противника. Выписей изъ нихъ или такъ наз. „copies" они не сохранили. Тайный Совѣтъ высказывается поэтому противъ ихъ притязаній. Въ помѣстьѣ, говоритъ онъ, не существуетъ никакихъ древнихъ обычаевъ, отличныхъ отъ тѣхъ, какіе извѣстны въ сосѣднихъ имѣніяхъ. Фактъ смѣны арендаторовъ предшественниками современнаго владѣльца не подлежитъ сомнѣнію, а слѣдовательно, истцы не копигольдеры, а простые арендаторы (leaseholders), снявшіе у собственника землю на рядъ лѣтъ или пожизненно, не говоря уже о тѣхъ, которые владѣютъ ею „at will", т.е. „до перваго востребованія". Быть можетъ, въ данномъ случаѣ Совѣтъ и былъ правъ, но что ручается намъ за то, что на практикѣ не возникало сотни случаевъ однохарактерныхъ споровъ, въ которыхъ юридическая сторона искомаго права не могла быть съ точностью выяснена за недостаткомъ или потерею необходимыхъ документовъ, въ которыхъ фактическимъ владѣльцамъ, поставленнымъ въ необходимость доказывать исконность ихъ правъ, пришлось въ концѣ-концовъ отступить отъ своихъ требованій, такъ какъ подкрѣплявшіе ихъ акты или были истреблены, или находились въ рукахъ ихъ противниковъ. Исходъ самаго процесса во всякомъ случаѣ любопытенъ для насъ тѣмъ, что указываетъ обычный переходъ прежнихъ наслѣдственныхъ арендаторовъ въ срочныхъ фермеровъ. Пятьдесятъ два лица, замѣшанные въ процессѣ, подаютъ графу письменное прошеніе, въ которомъ, ходатайствуя объ освобожденіи зачинщиковъ высказываютъ готовность владѣть впредь своими держаніями на правахъ пожизненныхъ арендаторовъ и на тѣхъ условіяхъ, какія самому графу угодно будетъ предписать имъ [1]).

Обходъ закона и явные акты насилія, какъ-бы часто они ни повторялись, сами по себѣ еще не даютъ объясненія такому общераспространенному явленію, какъ замѣна въ XVI вѣкѣ оброчнаго держанія свободной арендой. Покупщики монастырскихъ земель могли пользоваться фактомъ истребленія или скрытія комиссарами принадлежащихъ ихъ помѣстьямъ архивовъ, могли вводить въ заблужденіе слишкомъ довѣрчивыхъ копигольдеровъ, ссылаясь на исчезновеніе прежнихъ земельныхъ порядковъ съ происшедшей перемѣной въ лицѣ собственника. Естественное нерасположеніе, какое монастырское крестьянство должно было питать къ этимъ новымъ владѣльцамъ, озабоченнымъ прежде всего увеличеніемъ своихъ доходовъ, могло не разъ

[1]) Имена просителей сопровождаются крестами—вѣрный признакъ безграмотности.

быть причиной насильственнаго удаленія его изъ помѣстій подъ всякими благовидными и неблаговидными предлогами. Но все это не объясняетъ еще намъ причины и не указываетъ путей, которыми въ XVI вѣкѣ на протяженіи всей Англіи сталъ совершаться процессъ развитія фермерскаго хозяйства и произошло вымираніе средневѣковой системы наслѣдственныхъ крестьянскихъ держаній. Сдѣлаться общераспространенными эти два параллельныя движенія могли лишь съ того момента, когда въ нихъ въ большей или меньшей степени оказались заинтересованными всѣ стороны: и земельные собственники, и копигольдеры, и фермеры; когда интересъ однихъ къ развитію свободнаго арепднаго контракта сталъ сходиться съ интересомъ другихъ къ прекращенію средневѣкового оброчнаго держанія, другими словами, когда копигольдъ оказался убыточнымъ для съемщика въ такой-же степени, какъ для собственника, и тотъ, и другой въ равной мѣрѣ стали стремиться къ замѣнѣ его свободнымъ и срочнымъ наймомъ. Что такой исходъ на самомъ дѣлѣ имѣлъ мѣсто, по крайней мѣрѣ во второй половинѣ столѣтія, объ этомъ говорятъ намъ между прочимъ такіе факты, какъ предложенный въ 1588 году проектъ обложенія земельными налогами не только собственности, фригольда, но и копигольда, или наслѣдственной аренды, проектъ, въ которомъ между прочимъ говорится, что копигольдеры охотно сами сдаютъ свои владѣнія въ арендное пользованіе, что съемщиками весьма часто являются фригольдеры или зажиточные купцы. Такъ называемые „leasemongers", или скупщики фермъ, по словамъ автора упомянутыхъ петицій, нерѣдко получаютъ свои аренды непосредственно отъ этихъ наслѣдственныхъ [1]) владѣльцевъ чужой земли, и это свидѣтельство находитъ подтвержденіе себѣ въ словахъ экономиста Стаффорда, говорящаго, что собственники земель, не имѣя возможности распорядиться ими по собственному выбору, въ виду держащейся на нихъ системы наслѣдственной аренды, нерѣдко сами становятся фермерами и снимаютъ землю между прочимъ и у копигольдеровъ [2]). Съ другой стороны, прежде чѣмъ сами крестьяне сочли нужнымъ включить въ число своихъ требованій запретъ увеличивать число копигольдовъ путемъ обращенія земельными собственниками въ наслѣдственную аренду участковъ пріобрѣтаемой ими въ фригольдъ земли, прежде чѣмъ Норфолькскіе мятежники подъ предводительствомъ Кета сдѣлали изъ этого требованія особую статью своей петиціи, необходимо должны были произойти такія перемѣны въ системѣ народнаго хозяйства которыя, сдѣлали невыгодными для самихъ крестьянъ дальнѣйшее удержаніе системы наслѣдственнаго

[1]) Record office.—State Papers Elizabeth, т. 208 № 45, a 1588.
[2]) Stafford's. A brief Conceipt of english policie, стр. 18.

оброчнаго владѣнія. Спрашивается, что же это были за перемѣны? Онѣ состояли въ расширеніи скотоводства насчетъ земледѣлія. Этимъ фактомъ объясняется, по нашему мнѣнію, готовность собственниковъ положить конецъ дальнѣйшему существованію наслѣдственныхъ держаній съ ихъ неизмѣнной, разъ на всегда установленной земельной рентой, и перейти къ системѣ срочныхъ арендъ, дѣлающихъ возможнымъ прогрессивное повышеніе наемной платы за землю, по мѣрѣ увеличенія спроса на нее. Съ перваго взгляда такое утвержденіе можетъ показаться произвольнымъ. Копигольдеры, повидимому, должны были упорно держаться за порядокъ вещей, при которомъ весь доходъ отъ постепеннаго увеличенія ренты поступалъ исключительно въ ихъ пользу. Но, разсуждая такимъ образомъ, мы совершенно упускаемъ изъ виду, что тотъ же хозяйственный переворотъ, который сдѣлался источникомъ неожиданныхъ выгодъ копигольдеровъ, отразился, между прочимъ, и на сокращеніи ихъ правъ общиннаго пользованія, благодаря чему выгоды, доставляемыя системой наслѣдственныхъ арендъ необходимо должны были сократиться.

Историки и экономисты далеко не сходятся между собою въ рѣшеніи вопроса о томъ, въ чемъ состоялъ хозяйственный переворотъ, пережитый Англіей въ XVI вѣкѣ. Большинство ограничивается утвержденіемъ, что скотоводство стало заступать въ это время мѣсто земледѣлія, послѣдствіемъ чего было огораживаніе не только общинныхъ пастбищъ, но и такъ наз. „открытыхъ полей“ (open fields), что районъ посѣвовъ тѣмъ самымъ подвергнутъ былъ значительному сокращенію, тогда какъ полеводство въ такой же мѣрѣ было расширено. Другіе, и во главѣ ихъ Нассе, полагаютъ, что параллельно съ этимъ движеніемъ сталъ совершаться переходъ трехпольной системы хозяйничанья въ болѣе интенсивную плодопеременную, такъ какъ въ противномъ случаѣ Англія не въ состояніи была бы прокормить своего съ каждымъ поколѣніемъ возрастающаго населенія, не прибѣгая къ закупкѣ хлѣба на иностранныхъ рынкахъ, чего мы въ XVI-мъ вѣкѣ, однако, не встрѣчаемъ.

Прежде чѣмъ высказать наше мнѣніе по этому вопросу, пересмотримъ всѣ тѣ факты, которые обыкновенно приводятся для иллюстраціи сельскохозяйственнаго быта Англіи въ занимающую насъ эпоху.

Характеризуя общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, я имѣлъ случай указать, что съ середины XV-го вѣка уже замѣтно въ земельныхъ собственникахъ стремленіе къ огораживанію открытыхъ полей и что Ричардомъ III приняты были мѣры къ обузданію этого стремленія. Борьба съ претендентомъ задержала появленіе закона противъ „enclosures“, но не на долго, такъ какъ преем-

никъ Ричарда, Генрихъ VII, въ четвертый годъ своего правленія счелъ нужнымъ привести въ исполненіе проектъ своего предшественника. Историкъ этого царствованія, Беконъ, слѣдующимъ образомъ излагаетъ ближайшіе мотивы закона 1489-90 года. „Возведеніе загородей, говоритъ онъ, къ этому времени сдѣлалось весьма обычнымъ, благодаря чему пахатная земля, которую нельзя воздѣлывать при отсутствіи нужнаго числа рабочихъ рукъ и удобренія, начала уступать мѣсто пастбищу, при которомъ достаточно держать немногихъ пастуховъ; земельныя держанія, пожизненныя, срочныя и до востребованія (at will), доходомъ съ которыхъ жили йомены, перешли въ виду этого въ личное завѣдываніе помѣщиковъ и обращены были въ demesne lands [1]). Послѣдствіемъ этого было уменьшеніе числа жителей, упадокъ благосостоянія въ средѣ простонародья, запустѣніе приходовъ, уменьшеніе доходовъ, доставляемыхъ церковной десятиной и т. п.".

Въ приведенномъ отрывкѣ великій англійскій мыслитель весьма опредѣленно указываетъ, въ какомъ направленіи происходилъ въ концѣ XV столѣтія тотъ сельско-хозяйственный переворотъ, природу котораго мы желаемъ выяснить. Земельные собственники, находя овцеводство болѣе выгоднымъ для себя, перестали давать въ аренду свои «demesne lands» и занялись разведеніемъ на нихъ овцы, послѣдствіемъ чего очевидно должно было явиться сокращеніе района пахатной земли и уменьшеніе числа помѣстныхъ поселенцевъ. Объ огораживаніи общинныхъ пастбищъ, какъ и объ отмѣнѣ средневѣковой системы вѣчно-наслѣдственной крестьянской аренды (копигольда) у Бекона еще нѣтъ и помину. Нечего прибавлять, что онъ не говоритъ также ни слова о переходѣ отъ трехпольной системы къ многопольной, очевидно по той причинѣ, что такой переходъ не имѣлъ еще мѣста въ описываемую имъ эпоху. Прибавимъ, что переворотъ, о которомъ онъ ведетъ рѣчь, по собственному его утвержденію, коснулся однихъ лишь demesne lands, т. е. земель въ личномъ управленіи помѣщика. Въ виду этого онъ не могъ встрѣтить въ дѣйствующемъ правѣ никакихъ препятствій къ своему осуществленію. Отношенія собственника къ фермеру, согласно закону, опредѣлялись всецѣло путемъ договора. Снявшіе землю до востребованія обязаны были вернуть ее во всякое время; срочные арендаторы по истеченіи срока договора, не имѣли права настаивать на его возобновленіи. Иное дѣло, еслибы переворотъ, о которомъ идетъ рѣчь затронулъ интересы копигольдеровъ, интересы, опирающіеся на стародавнемъ обычаѣ, признававшемъ за ними право вѣчно-наслѣдственнаго владѣнія, или еслибы онъ сказался въ огораживаніи общинныхъ пастбищъ,

[1]) Fr. Bacon. History of king Henry VII th., 1858 г., стр. 93.

4*

т.-е. въ насильственномъ сокращеніи добавочныхъ доходовъ, извлекаемыхъ крестьянами изъ ихъ надѣловъ. Но ничего подобнаго не было на самомъ дѣлѣ. Районъ земледѣлія по необходимости сокращался потому, что помѣщики находили болѣе выгоднымъ занятіе овцеводствомъ; но границы этому сокращенію были положены тѣмъ фактомъ что перемѣна, о которой идетъ рѣчь, не выходила за предѣлы земель въ личномъ ихъ завѣдываніи. Иниціаторами въ дѣлѣ замѣны земледѣлія овцеводствомъ, повидимому, явились монастыри. Причину тому слѣдуетъ искать, по всей вѣроятности, въ томъ, что аббаты и пріоры не въ примѣръ другимъ земельнымъ собственникамъ имѣли обыкновеніе оставлять въ личномъ завѣдываніи цѣлыя помѣстья, обыкновенно прилегающія къ самимъ обителямъ [1]). Немудрено поэтому если народныя баллады XVI вѣка упоминаютъ о настоятеляхъ, какъ о первыхъ по времени овцеводахъ.

Примѣру духовныхъ владѣльцевъ вскорѣ послѣдовали и свѣтскіе. Вмѣсто того, чтобы раздавать demesne lands въ аренду крестьянамъ, они стали обращать ихъ въ пастбища и разводить на нихъ овцу. Правительство сочло нужнымъ защитить интересы крестьянъ-фермеровъ и въ 1484 г. Генрихъ VII обнародовалъ съ этою цѣлью два указа. Первымъ, изданнымъ для острова Уайта, запрещено было держать въ личномъ завѣдываніи участокъ земли, приносящій болѣе 10 ф. годового дохода; вторымъ, дѣйствіе котораго распространено было на всю Англію, приказано было сохранять за лицами, снявшими землю у собственниковъ за послѣдніе три года, по меньшей мѣрѣ 20 акровъ земли. Объ этихъ двухъ мѣрахъ Беконъ выражается такимъ образомъ: король и парламентъ не сочли нужнымъ запретить огораживаній, что было бы равносильно установленію препятствій къ усовершенствованію хозяйства. Не признали они также полезнымъ сдѣлать хлѣбопашество обязательнымъ занятіемъ, такъ какъ это значило бы вести борьбу съ природою и личною выгодой. Они приняли только мѣры къ устраненію тѣхъ видовъ огораживанія, которые въ конечномъ результатѣ грозили запустѣніемъ и обезлюденьемъ королевства [2]). Санкціей указамъ служило слѣдующаго рода предписаніе: при неисполненіи требованій короля и парламента ближайшій сюзеренъ провинившагося владѣльца въ правѣ былъ захватить половину его участка и держать за собою до возстановленія на немъ прежнихъ порядковъ хлѣбопашества и поселенія [3]).

Какъ плохо были проведены на практикѣ вышеизложенныя мѣро-

---

[1]) Сравни Thorold Rogers, History of agriculture and prices, т. V стр. 2.

[2]) Bacon Works. H. of. H VII, bis.

[3]) Насcе, въ русскомъ переводѣ, стр. 91.

прiятiя, можно судить на основанiи слѣдующихъ данныхъ. Въ 1517 году комиссары, посланные въ графства Норфолькъ, Iоркъ, Герфордъ, Соусгемптонъ, Стафордъ, Беркъ, Глостеръ и Кембриджъ для собранiя свѣдѣнiй о томъ, сколько земли съ 1494 г. обращено было изъ пахати въ пастбище, обнаруживаютъ тотъ фактъ, что сотни и тысячи акровъ, двадцать лѣтъ назадъ бывшiе подъ обработкою, нынѣ лежатъ впустѣ [1]). Неудивительно поэтому, если, издавая въ 1514 и 1515 годахъ новые указы противъ сокращенiя района воздѣлываемой площади. Генрихъ VIII открыто заявляетъ, что пахати продолжаютъ переходить въ пастбища и что число крестьянскихъ усадебъ сокращается съ каждымъ годомъ.

Общая сумма акровъ, отнятыхъ у земледѣлiя, обнаруживаемая показанiями комиссаровъ, однако, далеко не такова, чтобы мы въ правѣ были думать, что фактъ, о которомъ въ настоящее время идетъ рѣчь, принялъ уже во второмъ десятилѣтiи 16 столѣтiя тѣ широкiе размѣры, какiе приписываютъ ему современники. Въ Норфолькѣ, Iоркѣ и Глостерѣ овцеводство сдѣлало повидимому наибольшiе успѣхи. Въ первомъ до 9 тысячъ акровъ (6 тысячъ десятинъ) было отнято у плуга, въ Iоркѣ 4 тысячи и приблизительно то же число въ Глостерѣ. Менѣе замѣтенъ упадокъ земледѣлiя въ графствахъ Беркъ, Салопъ и Кембриджъ, въ которыхъ комиссары не насчитываютъ въ общей сложности и 5,000 акровъ вновь заведеннаго пастбища, а еще менѣе въ Гемпширѣ, Стаффордширѣ или Герфордширѣ, въ которыхъ мѣсто тысячъ и десятковъ тысячъ акровъ, вновь отведенныхъ подъ овцеводство, заступаютъ сотни.

Въ общей сложности приростъ пастбищъ во всѣхъ и каждомъ изъ 8 названныхъ графствъ не превышаетъ собою 22,532 акровъ или что тоже 15 тысячъ десятинъ,—величина слишкомъ незначительная, чтобы существенно повлiять на положенiе хлѣбнаго рынка, и объясняющая намъ причину, по которой средняя цѣна квартера пшеницы въ перiодъ времени отъ 1484 по 1515 не выше той, какую мы встрѣчаемъ во второй половинѣ 15-го столѣтiя [2]).

Продолжая дѣло своего предшественника, Генрихъ VIII въ 1514, 32 и 34 годахъ принимаетъ новыя мѣры къ тому, чтобы задержать процессъ развитiя полевого хозяйства. Пахатныя земли, обращенныя ихъ владѣльцами подъ пастбище, повелѣно на будущее время возвращать снова подъ плугъ. Всѣмъ и каждому запрещено держать

---

[1]) Inquest concerning inclosures in the county of Norfolk and Iork съ 1517. Br. Mus. Lansdown I, 153 — 194). См. Georg Schanz. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters, т. II, стр. 671.

[2]) Thorold Rogers, H. of agriculture, т. IV, стр. 286.

болѣе двухъ тысячъ овецъ, все равно, будетъ ли то на собственной землѣ или на съемной. Санкціей этому послѣднему запрещенію служитъ штрафъ въ 3 шилинга и 3 пенса, взыскиваемыхъ за каждую овцу свыше положеннаго числа. Штрафъ этотъ распредѣляется поровну между королемъ и лэннымъ сеньеромъ. Наконецъ въ 27 годъ правленія Генриха постановлено, что въ помѣстьяхъ на каждые 30—50 акровъ пахатной земли должно приходиться по меньшей мѣрѣ одно жилое строеніе. Если ближайшій сюзеренъ не станетъ слѣдить за исполненіемъ этого предписанія, право контроля переходитъ къ слѣдующимъ за нимъ въ іерархическомъ порядкѣ и въ концѣ концовъ къ королю [1].

Предисловія къ только что изложеннымъ законамъ указываютъ на то, что обращеніе пахотей въ пастбища за послѣднее время стало принимать новыя формы. Прежде, пока оно не выходило за предѣлы demesne lands, задѣвались имъ интересы однихъ крестьянъ-арендаторовъ. Теперь опасность грозитъ уже и бѣдному земледѣльцу (poor husbondman), копигольдеру, съ незапамятныхъ временъ воздѣлывавшему землю и поставленному нынѣ въ необходимость покинуть ее. Указы Генриха VIII упоминаютъ о селеніяхъ въ 200 человѣкъ, жители которыхъ почти поголовно принуждены были выселиться; они говорятъ о крестьянахъ, остающихся безъ крова и переходящихъ въ бродягъ и нищихъ; о лицахъ, стягивающихъ въ свои руки возможно большее число земельныхъ держаній и заводящихъ стада овецъ въ 20 и 24 тысячи головъ. Все это, очевидно, указываетъ на то, что развитіе полеводства вышло за предѣлы demesne lands и задѣло интересы не однихъ крестьянъ-фермеровъ, но и копигольдеровъ или вѣчно наслѣдственныхъ владѣльцевъ. На это же указываютъ и нѣкоторые изъ современныхъ писателей, какъ-то Томасъ Морусъ въ его Утопіи, анонимный авторъ сатиры, озаглавленной Now a dayes, Старке, Тридже и другіе: „Овцы, говоритъ первый, поглощаютъ цѣлыя поля, города и селенія. Дворяне, джентельмены, а также и нѣкоторые аббаты обращаютъ всѣ земли въ огороженныя пастбища; разрушаютъ усадьбы, сживаютъ съ лица земли цѣлыя селенія и ничего не оставляютъ на мѣстѣ, кромѣ церкви и овчарни“. Тысячи акровъ обносятся заборомъ по волѣ ненасытнаго собственника: крестьянинъ-земледѣлецъ выгоняется насильственно съ надѣла или принуждается къ оставленію его хитростью, обманомъ и тяжкимъ угнетеніемъ. Всякаго рода обиды и притѣсненія доводятъ его нерѣдко до продажи своего участка [2]. Въ этихъ словахъ очевидно дѣло идетъ уже не объ однихъ

[1]) Statutes of the Realm. 6 H. 8 c. 5; 7 H. 8 cl. 25 H. 8 cap. 13, 27 H. 8 стр. 22.

[2]) Utopia, Introduction изд. Dibdin. 1878, стр. 180.

интересахъ фермеровъ demesne lands, а о насильственномъ разрывѣ той связи, которая издревле существовала между землею и воздѣлывавшимъ ея крестьянствомъ. Тоже слѣдуетъ и изъ тѣхъ нападокъ, какія возводитъ на современниковъ авторъ сатиры „Now a dayes". Селенія приходятъ въ упадокъ, земля остается невоздѣланной, пахати исчезаютъ и мѣсто ихъ занимаетъ пустышь. Большіе господа готовы цѣлый міръ обратить въ овчарню [1]).

Въ діалогѣ между кардиналомъ Полемъ и Лепсетомъ, Старке воспроизводитъ тѣ же жалобы: „Нѣтъ человѣка, говоритъ Лепсетъ, который бы не былъ очевидцемъ огораживанія открытыхъ полей и обращенія въ пастбища способной къ обработкѣ и дотолѣ воздѣлываемой земли", послѣдствіемъ чего является исчезновеніе въ нѣсколько дней цѣлыхъ деревень [2]).

Но всего опредѣленнѣе указываетъ на характеръ совершающагося процесса Тридже въ своемъ памфлетѣ, озаглавленномъ: „Петиція двухъ сестеръ, церкви и государства, касательно возстановленія старинныхъ „commons", упраздненныхъ путемъ огораживаній". Памфлетъ этотъ появился въ 1604-мъ году, когда процессъ, о которомъ идетъ рѣчь, очевидно, долженъ былъ быть въ полномъ ходу. Вотъ какими красками описываетъ его авторъ: „Собственники помѣстій и фригольдеры посягаютъ на старые порядки, въ силу которыхъ всѣ пахатныя земли лежали въ открытыхъ поляхъ, что дѣлало возможнымъ пользованіе ими со стороны бѣдныхъ. Нынѣ каждый желаетъ, чтобы его поле выдѣлено было ему въ исключительное пользованіе" [3]).

Фактическое подтвержденіе всѣмъ этимъ заявленіямъ даютъ намъ судебныя разслѣдованія, произведенныя въ графствѣ Кэмбриджѣ въ серединѣ XVI-го столѣтія. Явленія въ родѣ слѣдующаго упоминаются въ нихъ на каждомъ шагу:

„Земля Андрю Лэмба должна была бы лежать въ открытомъ полѣ вмѣстѣ съ другими Lamnas lands; на самомъ же дѣлѣ, она обведена оградой. Квинсъ Колледжъ захватилъ въ свои руки часть общаго поля, извѣстнаго подъ именемъ Гослингъ Гранъ, не заплативъ никому ни шиллинга вознагражденія и т. п." [4]).

На ряду съ обращеніемъ въ пастбища не только demesne lands, но и тѣхъ открытыхъ полей (open fields), которыя въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ составляли надѣльную землю крестьянскаго міра, начинается и процессъ огораживанія пастбищъ, common, которое

---

[1]) Ballads from manuscripts, т. I, стр. 97.
[2]) Starkey's Dialogue (Early English text Society, extra series XII, стр. 96).
[3]) Цитировано у Scrutton'a. Commons and Common fields, 1887 г., стр. 96.
[4]) Cooper. Annals of Cambridge, цитировано тѣмъ же Scrutton, ibid., стр. 87.

въ Англіи XV и предшествующихъ столѣтій играло ту же роль, какая въ южной Германіи и Швейцаріи принадлежитъ доселѣ такъ-наз. альмендамъ, во Франціи biens communaux, а въ Россіи общиннымъ угодьямъ. Виды этого общиннаго владѣнія въ Англіи были тѣже, что и на континентѣ. Если не говорить о лѣсѣ, доставляющемъ матеріалъ для топлива, для изготовленія сельско-хозяйственныхъ орудій и постройки жилищъ, англійскій common представляетъ собою или разсѣянные въ разныхъ частяхъ помѣстья участки луговой земли или степи, въ которыхъ рабочій скотъ въ періодъ оранки находитъ ночью необходимый ему подножный кормъ, или толоку, т.-е. лежащее подъ паромъ поле, фактъ нераздѣльный съ существованіемъ державшейся всѣ средніе вѣка трехпольной системы, или же наконецъ обросшую кустарникомъ площадь, на которой пасется на ряду со скотомъ помѣщика и сельское стадо. Въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ слабая густота населенія при рѣшительномъ преобладаніи земледѣлія надъ скотоводствомъ дѣлало излишнимъ регулированіе взаимныхъ отношеній лэндлордовъ и копигольдеровъ въ пользованіи сельскими угодьями. Но съ тѣхъ поръ, какъ собственники стали или сами заводить большія стада овецъ или сдавать свои земли фермерамъ-овцеводамъ, вопросъ объ опредѣленіи правъ помѣщиковъ и копигольдеровъ на „common“ сдѣлался вопросомъ первой важности. Каждая изъ сторонъ старалась захватить „common“ всецѣло въ свои руки. Помѣщики доказывали, что право допускать или не допускать копигольдеровъ на общинныя угодья принадлежитъ имъ однимъ и что отъ нихъ же зависитъ установленіе условій пользованія и, въ частности, опредѣленіе числа головъ, какое каждый крестьянскій дворъ вправѣ высылать на общій выгонъ. Копигольдеры въ свою очередь требовали подчиненія въ этомъ отношеніи, какъ собственниковъ, такъ и ихъ фермеровъ, установленнымъ обычаемъ порядкомъ. Все это вмѣстѣ взятое порождало рядъ столкновеній и недовольствъ и вело обыкновенно къ тому, что лэндлорды обносили загородями „commons“ и тѣмъ обращали ихъ въ предметъ индивидуальнаго владѣнія. Юристы XVI-го вѣка и въ числѣ ихъ Фицгербертъ не разъ отстаивали право собственника на неограниченное пользованіе угодьями, а слѣдовательно и на огораживаніе ихъ. Дѣлая исключеніе для тѣхъ участковъ общаго поля, которые, лежа подъ паромъ, служили выгономъ для скота, Фицгербертъ утверждаетъ, что по отношенію къ прочимъ угодьямъ лэндлордъ является полнымъ господиномъ: отъ воли его зависитъ допускать или недопускать къ пользованію ими копигольдеровъ и, въ случаѣ допущенія, опредѣлять размѣръ этого пользованія [1]). Еще съ среднихъ вѣковъ установлено

[1]) Fitzherbert. On surveying.

было въ помѣщичьихъ судахъ правило, по которому копигольдеры могли посылать на общинныя угодья лишь собственный скотъ, а таквмъ считается не всякая купленная ими скотина, а только та, которая провела зиму въ ихъ собственныхъ стойлахъ. При такихъ условіяхъ неудивительно, если бо̀льшее или меньшее число головъ, высылаемыхъ копигольдеромъ на common, стало зависѣть въ концѣ концовъ отъ величины его надѣла, такъ какъ послѣднимъ опредѣлялось количество скота, какое онъ могъ прокормить зимою. Неудивительно также, если въ задачу вотчинныхъ судовъ вошло между прочимъ разслѣдованіе съ помощью присяжныхъ не только вопроса о томъ, не посылаетъ ли кто изъ общинниковъ чужаго скота, но и того, соотвѣтствуетъ ли величинѣ его участка число выгоняемыхъ имъ головъ [1]).

Въ вотчинныхъ распорядкахъ XVI-го вѣка мы уже встрѣчаемъ строгое опредѣленіе самаго числа головъ крупнаго и мелкаго скота, какое каждый дворъ копигольдеровъ вправѣ держать на „common". „Quod nemo servat super unam virgatam terre nisi duos porcos", читаемъ мы напр. въ протоколахъ вотчиннаго суда въ Вимбледонѣ, составленныхъ въ 15-й годъ правленія Генриха VIII [2]). Nullus vocatus a hosbondman, постановляетъ въ свою очередь судебное собраніе помѣстья Скоттеръ въ Линкольнѣ въ 1559 году, custodiet ultra quadraginta oves pro una bovata terre [3]).

Съ своей стороны копигольдеры, защищая свои освященныя обычаемъ права отъ посягательствъ снявшихъ у помѣщика землю фермеровъ-овцеводовъ, нерѣдко принимаютъ рѣшенія въ родѣ слѣдующихъ: „quod non habens tenuram costumalem, non debet habere communiam... прибавляя: ab antiquo usitatum fuit quod nulli qui habent terram liberam per cartam non debent comunare, neque succidere aliquem arborem, nisi illi qui tenent terram costumalem [4]). Всѣ эти споры, слабый лишь отголосокъ которыхъ дошелъ до насъ благодаря протоколамъ вотчинныхъ судовъ, приводятъ въ концѣ концовъ къ тому результату, что лэндлорды, признавая себя, согласно толкованіямъ юристовъ, единственными собственниками не входившихъ въ составъ open fields общинныхъ угодій или commons, рѣшаются окружить ихъ загородями и совершенно закрыть доступъ къ нимъ крестьянамъ-копигольдерамъ. Къ серединѣ XVI-го столѣтія это огораживаніе принимаетъ такіе

---

[1]) См. The articles of enquiry at a court baron and a court leet, въ Common place book of the XV th. century ed. by Lucy Toulmin Smith 1866 г.

[2]) Extracts from the court Rolls of the manor of Wimbledon, стр. 81.

[3]) Notes from the Court Rolls of the manor of the Scotter (County of Lincoln) by Edward Peacock въ Archaeologia, т. 46, стр. 373.

[4]) Extracts from the Court Rolls of Wimbledon, стр. 53 и 71.

широкіе размѣры, что становится злобою дня. И законодательство и церковная проповѣдь, не говоря уже о народной и письменной литературѣ, ставятъ его на первый планъ, при перечисленіи тѣхъ бѣдъ, отъ которыхъ страдаетъ англійское простонародье. Въ правленіе Эдуарда VI лордъ-протекторъ Сомерсетъ [1]) издаетъ особый указъ, которымъ предписываетъ лицамъ, виновнымъ въ огораживаніи, немедленно снести загороди подъ страхомъ высокой пени, платимой поденно за каждый просроченный день. Церковные проповѣдники, Латимеръ и Джильпинъ громятъ съ каѳедры „огораживателей“ и полеводовъ (graziers) [2]). Появившійся въ 1547 г. памфлетъ „Vox populi“, указывая на то, что никогда въ Англіи не было столько овецъ, какъ нынѣ, связываетъ этотъ фактъ съ размноженіемъ числа жадныхъ лордовъ, огораживателей (inclosieres), присвоителей общинныхъ угодій (commones) [3]). Въ свою очередь Крауле въ хорошо извѣстномъ трактатѣ „Waie to Wealth“ (Дорога къ обогащенію) дѣлаетъ слѣдующее обращеніе къ лэндлордамъ: „Своими огораживаніями вы отняли у бѣдныхъ принадлежащіе имъ по праву „commons“. Когда король издалъ указъ, запрещавшій вамъ такой образъ дѣйствій, вы все же продолжали настаивать на своемъ и изыскивать способы къ тому, чтобы побудить самихъ копигольдеровъ дать согласіе на огораживанія. Съ этою цѣлью вы такъ стали притѣснять тѣхъ изъ нихъ, кто оказывалъ вамъ въ этомъ противодѣйствіе, что по неволѣ у всѣхъ вскорѣ прошла охота къ сопротивленію, изъ страха вызвать ваше недоброжелательство“ [4]). Сломайте ваши загороди, тѣ крѣпкіе плетни, которыми по вашему приказанію обведены и пахати, и общинная пустошь, и которые стоятъ много слезъ англійскому поселянину, прежде извѣстному своимъ весельемъ [5]).

Неудивительно послѣ сказаннаго, если и крестьянскія возстанія, ознаменовавшія собою послѣднія десятилѣтія правленія Генриха VIII и первые годы его преемника, молодого короля Эдуарда VI, въ значительной степени вызываются фактомъ огораживанія общинныхъ угодій, что проявляется не только въ фактѣ ломанія загородей возставшими въ 1535 г. въ Кревенѣ крестьянами, но и въ томъ обстоятельствѣ, что Норфолькскіе мятежники въ 1549 г. включаютъ въ число своихъ требованій, чтобы commons были предоставлены въ исклю-

---

[1]) См. Holinshed's Chronicle, т. III, стр. 1002.

[2]) Latimer's Sermons, ed. 1869, p. 33. Gilpin's Sermon before Ed. VI, стр. 33, ed. 1630.

[3]) Ballads from Manuscripts, т. I, стр. 134 и 126.

[4]) Crowley's Waie to Wealth, стр. 144.

[5]) Crowley's pleasure and payne, стр. 122.

чительное пользованіе фригольдеровъ и копигольдеровъ и чтобы лэндлордъ не имѣлъ въ нихъ болѣе никакого права [1]).

Это огораживаніе общинныхъ пастбищъ не только дѣлало возможнымъ увеличеніе размѣровъ овцеводства, производимаго самимъ ли собственникомъ, или снявшимъ у него землю арендаторомъ, но и вело еще косвенно къ оставленію помѣстья копигольдеромъ и мелкимъ фермеромъ, т.-е. въ конечномъ результатѣ приводило къ расширенію раіона земель, способныхъ быть обращенными подъ пастбище. Это положеніе требуетъ съ нашей стороны нѣсколькихъ поясненій. Мелкое крестьянское хозяйство возможно лишь подъ условіемъ существованія наряду съ надѣломъ еще общинныхъ угодій, на которыхъ крестьянинъ могъ бы прокормить не только нужный ему въ хозяйствѣ рабочій скотъ, но и то число коровъ, овецъ, свиней и домашней птицы, которое частью покрываетъ его личный запросъ, частью доставляетъ ему нѣкоторый добавочный доходъ въ формѣ яицъ, сыра, поросятъ, телятъ и барашковъ, обыкновенно поступающихъ въ продажу. Разъ доступъ къ угодьямъ загражденъ крестьянину, онъ не только лишается возможности получать нѣкоторый придатокъ къ тому, что доставляетъ ему ежегодно пользованіе его надѣломъ, но и теряетъ возможность обработки послѣдняго. При такихъ условіяхъ для него выгоднѣе или продать свой участокъ лэндлорду или сдать его въ арендное держаніе, хотя бы тому же самому фермеру, который снимаетъ помѣщичью землю. Примѣры того и другого одинаково представляетъ намъ исторія земельныхъ отношеній Англіи въ занимающій насъ періодъ.

„Крестьянинъ и мелкій фермеръ, жалуется анонимный авторъ трактата „О реформѣ злоупотребленій“, трактата, появившагося въ 1551 г., не сидятъ сами на своихъ надѣлахъ, снимаемыхъ ими за небольшую ренту, но сдаютъ фермерамъ за вознагражденіе въ три раза большее. Въ свою очередь джентльменъ, не получая съ имѣнія достаточнаго дохода, становится полеводомъ, „grazier“, арендуетъ чужую землю и разводитъ на ней овцу“ [2]). То же, на разстояніи 30-ти лѣтъ, повторяетъ и Стаффордъ, замѣчая, что стѣсненные существованіемъ на нхъ земляхъ досрочныхъ и наслѣдственныхъ арендъ, соб-

[1]) См. State Papers H. 8, т. VIII, № 991 и 992. Письмо sir Richard Tempest to Cromwell. 82 чел. привлечены къ отвѣтственности за pulling down of enclosures of moors and wastes... Въ петиціи Норфолькскихъ мятежниковъ мы читаемъ: „We pray that all freeholders and copieholder may take the profightes of all commons, and ther to comon, and the lordes not to comon or take profightes of the same“.

[2]) On the Reform of abuses. Lanbath library, цитировано Lee, King Edward the VI.

ственники сами снимают земли у копигольдеровъ и заводятъ на нихъ овецъ Такимъ образомъ возникаютъ тѣ обширныя фермы, соединяющія въ себѣ десятки крестьянскихъ надѣловъ, на которыя жалуются составители баллады.

„Лэндлорды и фермеры, желая, какъ выражается авторъ „Vox populi", получить съ хозяйства наибольшій доходъ, разводятъ на нихъ овецъ и рогатый скотъ, совершенно упразднивъ земледѣліе" [1]). Парламентскія петиціи даютъ полное подтвержденіе этимъ фактамъ. „Джентльмены, жалуются общины въ обращеніи, сдѣланномъ ими королю въ 1548 году [2]), становятся полеводами (grasiers) и овцеводами (sheepmasters); они запускаютъ хлѣбопашество; многое множество селеній и хозяйственныхъ построекъ ниспровергнуто ими, земля, прежде воздѣлываемая плугомъ, теперь вся подъ овцою..." Видя въ этомъ великое народное бѣдствіе, общины ходатайствуютъ о томъ, чтобы впредь запрещено было лицамъ, владѣющимъ землею наслѣдственно или пожизненно (in fee simple, fee taile or for terme of his ownlife), арендовать земли у короля или частныхъ лицъ, разъ доходъ, получаемый ими съ ихъ собственныхъ владѣній, достигаетъ суммы ста марокъ въ годъ. Если кто изъ названныхъ лицъ сниметъ участокъ доманіальной земли, онъ подлежитъ штрафу въ 10 фунтовъ за каждый мѣсяцъ аренды. Никакая ферма не должна заключать въ себѣ болѣе одного помѣстья. Даже на собственныхъ земляхъ, на такъ-назыв. demesne lands, собственникъ не вправѣ допускать подъ пастбище неопредѣленное количество акровъ, но долженъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы доходъ отъ овцеводства и разведенія рогатаго скота не превышалъ 100 ф. въ годъ; въ противномъ случаѣ, онъ несетъ ежемѣсячно штрафъ въ 10 фунтовъ. Общины ходатайствуютъ также о принятіи мѣръ къ тому, чтобы общинныя пастбища (commons) не служили исключительно интересамъ помѣщика. Изъ 1,000 головъ овецъ, лэндлордъ вправѣ посылать на common всего 200 и то лишь срокомъ съ 6-го мая по день св. Михаила Архангела.

Мы привели содержаніе этого любопытнаго и до сихъ поръ неизданнаго документа не потому, чтобы онъ сколько-нибудь повліялъ на дѣятельность законодателя, а потому, что въ немъ какъ нельзя лучше рисуется то положеніе, какое заняло англійское овцеводство въ серединѣ XVI-го столѣтія. Выходя за предѣлы demesne lands, оно обхватило собою теперь многія земли, прежде бывшія въ рукахъ хлѣбопашцевъ-копигольдеровъ, а также общинныя угодья,

---

[1]) Ballads from Manuscripts, стр. 137. Stafford's: Brief conceipt of english policie, стр. 18.

[2]) Record office. State Papers Ed. VI, т. 5, № 22.

огораживаемыя нынѣ лэндлордами и вытравляемыя исключительно ихъ стадами. Любопытно было бы опредѣлить числовыми данными размѣры, какіе приняло въ это время обращеніе пашень въ пастбища. Ждать точныхъ статистическихъ вычисленій въ серединѣ XVI в. мы, разумѣется, не вправѣ; достаточно съ насъ и того, если въ сочиненіяхъ современниковъ намъ встрѣтится приблизительная оцѣнка числа исчезнувшихъ плуговъ, т.-е. участковъ земли, которые тяжелый плугъ carruca, съ шести или восьмиголовною упряжью въ состояніи поднять въ одинъ рабочій день. Такую именно попытку представляетъ намъ трактатъ неизвѣстнаго автора, озаглавленный: „Certayne causes gatthered together, whorein is showed the decaye of England only by the great multetude of shepe“ и написанный между 1550 и 1553 годами. Изъ содержанія его мы узнаемъ, что успѣхи, сдѣланные въ серединѣ XVI в. овцеводствомъ въ ущербъ земледѣлію, были особенно чувствительны въ слѣдующихъ трехъ графствахъ: Оксфордъ, Бекингамъ и Норсгемптонъ, что въ первомъ со временъ Генриха VII упразднено было цѣлыхъ сорокъ плуговъ земли и что каждый изъ такихъ плуговъ доставлялъ содержаніе, по меньшей мѣрѣ, шести лицамъ, такъ что сельское населеніе графства потеряло въ общемъ цѣлыхъ 240 человѣкъ. Такъ какъ средній урожай каждаго изъ упомянутыхъ плуговъ равнялся 30 квартерамъ ежегодно, то потеря, понесенная хлѣбопашествомъ, можетъ быть выражена въ слѣдующихъ цифрахъ: ежегодно графство производитъ на 1,200 квартеровъ менѣе хлѣбнаго зерна, чѣмъ оно производило во времена Генриха VII. Четырехъ квартеровъ достаточно для прокормленія человѣка въ теченіе круглаго года, а отсюда слѣдуетъ, что графство потеряло возможность доставить пропитаніе приблизительно 300 человѣкамъ ежегодно.

Авторъ цитируемаго памфлета допускаетъ, что въ каждомъ изъ остальныхъ двухъ графствъ хлѣбопашество понесло не меньшія утраты и послѣдовательно приходитъ къ заключенію, что въ однихъ взятыхъ имъ для примѣра трехъ графствахъ 900 человѣкъ лишилось со времени Генриха VII необходимыхъ средствъ къ пропитанію.

Задаваясь вопросомъ о томъ, насколько сократился районъ пахатной земли во всей Англіи, авторъ цитируемаго нами памфлета отправляется въ своемъ вычисленіи отъ признанія, что нѣтъ селенія въ Англіи, въ которомъ число плуговъ не уменьшилось бы, по меньшей мѣрѣ, на одинъ плугъ. Такъ какъ, говоритъ онъ, повторяя въ этомъ отношеніи Фиша, автора памфлета, озаглавленнаго „Supplication of the beggers“, число общинъ въ Англіи 50,000, то число плуговъ, упраздненныхъ со временъ Генриха VII равняется той же цифрѣ; но каждый плугъ среднимъ числомъ даетъ 30 квартеровъ хлѣбнаго зерна въ годъ, изъ чего слѣдуетъ, что англійское хлѣбопашество въ сере-

динѣ XVI в. стало доставлять ежегодно на 1.500,000 квартеровъ меньше противъ прежняго. Этотъ дефицитъ ведетъ въ результатѣ къ сокращенію числа сельскихъ жителей на цѣлыхъ 375,000 человѣкъ. Такое значительное сокращеніе количества производимаго Англіей хлѣба должно было отразиться на возвышеніи его цѣны. Оно необходимо должно было вызвать недостачу въ пшеницѣ и побудить бѣднѣйшіе классы замѣнить ее въ ихъ ежедневномъ быту болѣе дешевыми сортами хлѣба: рожью и ячменемъ. Если, на самомъ дѣлѣ, перечисленныя явленія обнаружились въ болѣе слабой степени, чѣмъ можно было ожидать, то потому лишь, что 50-е годы XVI-го вѣка представляютъ рядъ прекраснѣйшихъ урожаевъ. Это обстоятельство, разумѣется, должно было задержать возрастаніе цѣнъ на хлѣбъ. При всемъ томъ въ періодъ отъ 1549 по 1551 гг., квартеръ пшеницы стоилъ уже 16—20 шиллинговъ, тогда какъ въ предшествующія два десятилѣтія средняя цѣна его не доходила и до 8. Правда, главнѣйшая причина этого удвоенія цѣны на пшеницу лежитъ въ обезцѣниваніи серебра [1]), но нѣкоторая доля вліянія должна быть признана и за указанными нами фактами. Подтвержденіе этому мы находимъ въ томъ обстоятельствѣ, что явленія, какими обыкновенно сопровождается возрастаніе спроса хлѣба, не остались безъизвѣстными Англіи XVI-го столѣтія. Стаффордъ, трактатъ котораго появился въ 1581 г., говоритъ, что за послѣднія 30 лѣтъ, не смотря на рядъ хорошихъ урожаевъ, чувствовалась значительная нужда въ пшеницѣ [2]), а Гаррисонъ, говоря о пищѣ англичанъ второй половины XVI вѣка, замѣчаетъ, что бѣдныя семьи пекутъ хлѣбъ изъ гречихи и ячменя, а также изъ бобовъ и овса [3]), такъ что, прибавляетъ онъ, пища крестьянина и городского рабочаго не лучше лошадиной. Увеличившійся спросъ на хлѣбъ сказался, между прочимъ, въ созданіи цѣлаго класса лицъ, спекулировавшихъ на повышеніе его цѣны. Эти такъ-назыв. ingrossers и regretters, т.-е. скупщики и перепродавцы, составляютъ постоянный предметъ жалобъ со стороны авторовъ памфлетовъ, сатириковъ-стихотворцевъ и проповѣдниковъ-обличителей. Одинъ изъ послѣднихъ, Томасъ Леверъ, приводитъ характерный примѣръ подобныхъ спекуляцій, разсказывая, какъ въ 1550 году зерно, купленное у воздѣлывателя за 8 фунтовъ, было перепродано затѣмъ сперва за 10, потомъ за 12 и, въ концѣ концовъ, за 14 фунтовъ; онъ говоритъ, что одновременно нѣсколько квартеровъ солода, оплаченные 3-мя шиллингами 4-мя пенсами квартеръ, затѣмъ, послѣ перехода изъ

[1]) Thorold Rogers. H. of agric., т. IV.
[2]) Stafford, стр. 40 и слѣд.
[3]) Harrisson. Description of England, т. I, стр. 153.

рукъ въ руки, достались послѣднему по времени покупателю за 6 шилл. квартеръ [1]).

„Съ наступленіемъ хорошей жатвы, жалуется, въ свою очередь, Вилліамъ Форрестъ [2]), богатые люди скупаютъ хлѣбъ, расчитывая на неурожаи въ ближайшіе годы и на возможность съ помощью перепродажи купленнаго увеличить свой достатокъ. Такое поведеніе заслуживаетъ, прибавляетъ онъ, небесной кары. Бѣднякъ самою своею бѣдностью поставленъ въ необходимость продать немедля, а богачъ скупаетъ себѣ, да скупаетъ, расчитывая обогатиться на счетъ будущихъ покупателей".

Раздраженіе сельскаго населенія противъ скупщиковъ хлѣба принимаетъ нерѣдко къ концу столѣтія угрожающій характеръ. Коегдѣ, какъ наприм., въ Оксфордширѣ, въ 1591 году возникаютъ открытые мятежи, своевременно подавляемые, однако, правительствомъ. Возставшіе намѣреваются идти на Лондонъ и соединиться въ немъ съ подмастерьями. Изъ устъ нѣкоторыхъ участниковъ заговора слышатся угрозы въ родѣ слѣдующихъ: „надо перебить всѣхъ джентльменовъ и всѣхъ вообще богатыхъ людей, которые скупаютъ хлѣбъ и искуственно возвышаютъ на него цѣну. Довольно жить рабами. Дѣла не поправятся, пока не будутъ перебиты всѣ джентльмены" [3]).

Все сказанное не оставляетъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что съ середины XVI-го вѣка развитіе овцеводства и обусловленное имъ сокращеніе числа запашекъ, приняли размѣры по-истинѣ опасные для благосостоянія народныхъ массъ.

Выходомъ изъ такого положенія могло быть или возвращеніе къ старымъ порядкамъ или переходъ къ болѣе интензивнымъ системамъ земледѣлія. Отъ современниковъ, повидимому, ускользаетъ эта дилемма. Въ ихъ глазахъ нѣтъ другого исхода, кромѣ возвращенія къ тѣмъ сельско-хозяйственнымъ отношеніямъ, какія существовали въ Англіи во времена Генриха VII: „Сломайте загороди, учитъ своихъ соотечественниковъ Крауле, возвратите крестьянину его копигольдъ и, если онъ сданъ вами въ аренду, выкупите его у фермера и верните въ руки того, кто владѣлъ имъ ранѣе" [4]). Не брать высокихъ рентъ и довольствоваться тѣми, которыя взимаемы были предками, не огораживать общинныхъ угодій, не обращать земель въ пастбища и не

---

[1]) Sermon at St. Pauls Cross, 14 Dec. 1550, by Thomas Lever, стр. 129 (Arbers Repriots).

[2]) Pleasant poesy of prinselie practeise by William Forrest preeiste, a 1548, стр. 87.

[3]) State. P. Elizzabeff., стр. 261, № 10.

[4]) Crowley's pleasure and payne, стр. 122 и 123.

сосредоточивать въ своихъ рукахъ нѣсколькихъ фермъ—таковы также совѣты, какіе Филиппъ Стебсъ считаетъ нужнымъ преподать англійскимъ джентльменамъ [1]).

Только-что приведенныя воззрѣнія составляютъ содержаніе не одной лишь дидактической литературы, къ которой принадлежатъ произведенія Стебса и Крауле; они высказываются также открыто во всякаго рода петиціяхъ, изготовляемыхъ для представленія королю и парламенту. Наконецъ, отголосокъ ихъ можно найти даже въ законодательныхъ актахъ. Въ числѣ бумагъ, изданныхъ Кемденскимъ обществомъ подъ общимъ наименованіемъ Egerton papers, встрѣчается одинъ документъ, озаглавленный Redres sof the Commonwealth (возрожденіе государства) и помѣченный 3 марта 1549 года. Въ этомъ документѣ, представляющемъ собою запись на черно всякаго рода законопроектовъ для устраненія существующихъ въ государствѣ злоупотребленій и безпорядковъ, мы между прочимъ читаемъ: повелѣть, чтобы владѣлецъ стольких-то акровъ не имѣлъ права снимать какихъ-либо фермъ, если поступающіе съ нихъ урожаи не идутъ на покрытіе потребностей его самого и его семьи; да и то лишь въ томъ случаѣ, когда доходовъ съ собственной его земли не достаточно для этой цѣли. Постановить также, чтобы никто впредь не держалъ въ своихъ рукахъ болѣе двухъ фермъ. Мировые судьи должны быть уполномочены слѣдить за выполненіемъ этихъ мѣропріятій; они должны привлекать нарушителей ихъ къ отвѣтственности, подъ страхомъ денежнаго штрафа [2]).

Десять лѣтъ спустя, въ 1559 году, въ „Соображеніяхъ, представленныхъ парламенту“ [3]), заботы о поднятіи хлѣбопашества сказываются въ еще болѣе осязательной формѣ. „Пусть, читаемъ мы въ нихъ, будутъ приведены въ исполненіе статуты 4-го года правленія Генриха VII и 5-го года царствованія его сына, изданные съ цѣлью поддержанія земледѣлія, противодѣйствія факту разрушенія крестьянскихъ усадебъ и исчезновенія селеній“. Удовлетворяя этимъ требованіямъ, англійское правительство второй половины XVI ст. издаетъ рядъ указовъ (такъ-называемыхъ proclamations) съ цѣлью задержать процессъ обращенія пахатей въ пастбища и сдѣлать невозможнымъ искусственное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ скупщиками. Суровыя наказанія грозятъ виновнымъ въ неповиновеніи и въ томъ числѣ мировымъ судьямъ, повидимому, далеко не энергично приводившимъ въ исполненіе подобнаго рода предписанія [4]).

[1]) Philipp Stubbs. Anatomy of abuses, ч. II, стр. 26 и слѣд.
[2]) The Egerton papers (Camden Society) 18840, стр. 11.
[3]) См. Calendar of the Marquis of Salisbury, a 1883, стр. 162.
[4]) См. a proclamation for the maintenance of tillage March 1568 (A booke,

Нечего говорить, что правительственнымъ мѣрамъ второй половины столѣтія такъ же мало удается задержать процессъ развитія овцеводства и обусловленнаго имъ огораживанія открытыхъ полей и общинныхъ пастбищъ, какъ и предшествовавшимъ по времени законамъ обоихъ Генриховъ и Эдуарда VI, и вотъ по какой причинѣ: „Британская почва, говоритъ въ своемъ описаніи Елизаветинской Англіи не разъ цитированный уже нами Гаррисонъ, болѣе годна для скотоводства, чѣмъ для земледѣлія. Хлѣбопашество не занимаетъ поэтому въ Англіи и четвертой части годной къ обработкѣ земли“ [1]). Въ свою очередь и иностранцы, оставившіе намъ дневники своихъ путешествій ко двору Елизаветы, на каждомъ шагу упоминаютъ о безчисленныхъ стадахъ овецъ, попадавшихся имъ по обѣимъ сторонамъ пути [2]).

Бранденбуржецъ Гентцнеръ въ своемъ латинскомъ описаніи нравовъ и обычаевъ англичанъ, передаетъ, очевидно, слышанное имъ въ самой Англіи утвержденіе, что по меньшей мѣрѣ одна треть острова запущена подъ пастбища рогатаго скота и овецъ [3]). Объясняя причины такихъ быстрыхъ успѣховъ овцеводства, Стаффордъ приписываетъ ихъ тому обстоятельству, что оно доставляетъ больше дохода, какъ собственнику, такъ и фермеру. „Многіе изъ насъ, говоритъ онъ, давно уже признали, что доходность хлѣбопашества весьма незначительна; поэтому тѣ, кто въ старые годы владѣлъ двумя-тремя или четырьмя плугами земли, запустили часть ихъ подъ поле. Встрѣчаются и такіе, которые всю пахать замѣнили пастбищами и этимъ путемъ нажили хорошія деньги. И въ наше время, прибавляетъ онъ не проходитъ дня, чтобы кто-нибудь изъ насъ не обратилъ въ пастбище засѣваемую имъ прежде площадь“. Хлѣбопашество сдѣлалось настолько невыгоднымъ, что Стаффордъ считаетъ возможнымъ вложить въ уста выводимаго имъ фермера слѣдующаго рода соображеніе: „Говоря по правдѣ, я, который не счелъ нужнымъ загородить моего поля и продолжаю сѣять на немъ пшеницу, едва ли былъ бы въ со-

---

containing all such proclamations, as were published during the Reign of the late Q. Elizabeth, fol. 113). Edward the Sixth proclamation against regraters forstallers and such other as at the present are the notable oppressors and devourers of this cuntrey 20 July, 1551 (State papers. Ed. VI, v. 13, a 1551, № 31). A proclamation against the unreasonable encrease of prices of graine. Last day of July 38, Elizabeth (1596). (A book of proclamations, fol. 338). Подобныя же proclamations отъ 2-го ноября 1596 г. (Ibid., fol. 340).

¹) Harrisson. Description of England, т. I, стр. 28.

²) „Между Лондономъ и Оксфордомъ, читаемъ мы въ дневникѣ герцога Виртембергскаго Фридриха, напечатаннаго въ 1602 г., пасется такое несмѣтное число овецъ по обѣимъ сторонамъ дороги, что невольно приходишь въ изумленіе“ (Rye, England as seen by foreigners, стр. 30).

³) Ibid, стр. 109.

стояніи уплатить ренту моему лендлорду, еслибы не держалъ еще небольшого стада овецъ, свиней, а также гусей и куръ, которые въ сложности доставляютъ мнѣ большій доходъ, чѣмъ весь хлѣбъ, поступающій съ моего участка" [1]).

Въ интересахъ расширенія овцеводства помѣщики по прежнему не останавливаются ни передъ огораживаніемъ открытыхъ полей и общинныхъ угодій, ни передъ искусственнымъ прекращеніемъ системы копигольда, сопровождающимся разрушеніемъ усадебъ и исчезновеніемъ цѣлыхъ селеній. Вмѣсто того, чтобы дать подданнымъ примѣръ сохраненія старинныхъ, освященныхъ обычаемъ порядковъ, Филиппъ и Марія сами предписываютъ управителямъ своихъ помѣстій въ Корнваллиссѣ давать на правахъ фригольда во временную аренду земли, дотолѣ состоявшія въ пользованіи копигольдеровъ и ссылаются при этомъ на то, что такой порядокъ распоряженія землею всѣми признается несравненно болѣе выгоднымъ [2]). Во все время правленія Елизаветы процессъ огораживанія и замѣны копигольда лизгольдомъ или арендньмъ держаніемъ продолжаетъ совершаться почти безпрепятственно. „Благодаря обращенію пахатей въ пастбища, жалуется Филиппъ Стебсъ, почти цѣлыя графства сосредоточиваются въ рукахъ одного арендатора-овцевода и бѣдные крестьяне не всегда могутъ удержать за собою даже столько земли, сколько нужно для прокорма одной или двухъ коровъ. Тогда какъ прежде у крестьянъ были свои обширныя угодья, въ настоящее время все въ частной собственности, все въ рукахъ немногихъ алчныхъ джентльменовъ, которымъ, кажется, всегда всего мало. Не рѣдкость встрѣтить между ними такихъ, которые разрушаютъ жилища крестьянъ, сносятъ селенія, упраздняютъ цѣлые приходы, оставляя на мѣстѣ только пастуха съ его собакой, да стада овецъ, нерѣдко въ 10 и даже 20 тысячъ головъ" [3]). „Даже въ тѣхъ помѣстьяхъ, въ которыхъ общинныя угодья еще не огорожены, бѣдные получаютъ отъ нихъ немного выгоды, говоритъ въ свою очередь Гаррисонъ, такъ какъ богатые и сильные вытравляютъ пастбище всецѣло своимъ скотомъ, посылая на него несмѣтное число овецъ и рогатаго скота, несравненно большее противъ того, какое полагается имъ по обычаямъ" [4]). „Отъ трехъ золъ болѣе всего страдаетъ граж-

---

[1]) Stafford, стр. 45.

[2]) Forasmuch as Weare given to understande that a great commoditie maye growe unto us by the alyenatinge sellinge and makinge freeholde such lands, tenements and hereditaments as are solden of us by copie ol courte roll or at will ol any honor. manor lands, tenements and hereditaments, etc (Ms. Br. Mus. Harleian. № 608, Plut. L. I, lol. 1).

[3]) Philipp Stubbs. Anatomy of abuses, т. II, стр. 27 и 28.

[4]) Harrisson. Description of England, т. I, стр. 179.

данскій быть англичанъ, пишетъ авторъ памфлета, озаглавленнаго: „Скорбное прошеніе парламенту“: отъ того, во-первыхъ, что дворяне и джентльмены сдѣлались фермерами и захватили въ свои руки заработокъ бѣдныхъ общинъ; отъ того, во-вторыхъ, что алчные арендаторы соединяютъ ферму съ фермой, тогда какъ каждая въ отдѣльности и безъ того слишкомъ велика; наконецъ, въ-третьихъ, отъ того, что у владѣльцевъ коттеджей лендлорды и фермеры отняли прилегающую къ ихъ усадьбамъ землю, такъ что имъ негдѣ даже выпасти корову“ [1]).

Что въ приведенныхъ свидѣтельствахъ нельзя видѣть тѣхъ преувеличеній, которыя такъ обычны въ сочиненіяхъ подобнаго рода, лучшимъ доказательствомъ тому служатъ факты въ родѣ слѣдующихъ: въ ноябрѣ 1582 года жители помѣстья Блибаро представляютъ въ тайный совѣтъ слѣдующаго рода искъ противъ лендлорда: „Онъ загородилъ пятьсотъ акровъ земли, служившихъ дотолѣ общиннымъ выгономъ. Огораживая свое поле, онъ прихватилъ и земли фригольдеровъ, лежавшія чрезполосно съ его землями, а также церковную землю (или такъ-наз. glebe-lands). Издревле проведенныя дороги имъ загорожены. Валежникомъ и хворостомъ пользуется исключительно одинъ лендлордъ. Онъ же отнялъ у поселянъ право свободнаго пользованія водопоемъ и обложилъ ихъ денежнымъ взносомъ. Устроенное имъ помѣщеніе для кроликовъ грозитъ вытравленіемъ прилегающихъ къ нему нивъ фригольдеровъ. Открытыя дотолѣ поля обведены загородями; земледѣліе на нихъ прекращено и взамѣнъ его установлено овцеводство [2]).

Два года раньше однохарактерную жалобу представили королевѣ копигольдеры помѣстья Глоссандель. По ихъ словамъ, земельный собственникъ, графъ Шрьюсберійскій, отнялъ у нихъ часть ихъ „common“ и принудилъ ихъ къ обведенію всего захваченнаго имъ заборомъ. На оставленной за ними части онъ ежегодно пасетъ 240 головъ скота, который съѣдаетъ одинъ всю траву“ [3]).

Въ сѣверныхъ графствахъ, Нортумберландѣ, Вестмореландѣ и Кумберландѣ, какъ слѣдуетъ изъ письма Вилльяма Джемса, декана Дергамскаго капитула къ лорду Берле, процессъ огораживанія полей и снесенія усадебъ, развитіе овцеводства и упадокъ земледѣлія, сказались въ XVI вѣкѣ съ особенною силой. По свидѣтельству названнаго лица, изъ 800 акровъ, еще недавно состоявшихъ подъ обработкой, въ 1597 г. не оставалось 160. Въ одной Дергамской епископіи

---

[1]) The lamentable complaint ol the commonaltie to the high Court of Parliament, a 1586.

[2]) State papers. Elizabeth, v. 159, № 55 (Record office).

[3]) State papers Elizabeth. v. 147, a 1580.

число плуговъ на цѣлыхъ пятьсотъ меньше противъ прежняго, благодаря чему земля опустѣла и селенія снесены въ окружности. Многимъ приходится дѣлать шестьдесятъ миль отъ Карлайля до Дергама, чтобы купить нужный имъ для прокорма хлѣбъ. Нерѣдко на разстояніи двадцати миль нельзя найти ни одного жителя [1]).

Во внутреннихъ графствахъ, если судить по Оксфордширу, положеніе было не многимъ лучше. Подготовлявшееся въ 1596 году возстаніе, во-время раскрытое и потушенное правительствомъ, было вызвано, между прочимъ, и фактомъ огораживанія открытыхъ полей и общинныхъ угодій. Заговорщики прямо ставили себѣ цѣлью разрушеніе плетней, заграждающихъ, по словамъ одного изъ допрошенныхъ лицъ, всѣ проходы и проѣзды и отнимающихъ землю у хлѣбопашества. Слѣдственная коммиссія, наряженная для раскрытія причинъ возстанія, въ своемъ донесеніи, между прочимъ, говоритъ и о возведеніи загородей такими лицами, какъ серъ Виллькамъ Спенсеръ, мистеръ Фреръ, мистеръ Пауеръ и цѣлымъ рядомъ другихъ джентльменовъ изъ Бондберга и сосѣднихъ мѣстностей, о захватѣ лендлордами common fields и о снесеніи ими хуторовъ и селеній, какъ наприм., Іотеръ-Итонъ [2]).

И такъ, изъ двухъ упомянутыхъ мною выше исходовъ, поворота къ старымъ порядкамъ и перехода къ болѣе интенсивной системѣ хозяйничанья, первый оказался на дѣлѣ невозможнымъ.

Овцеводство продолжало развиваться, вызывая по прежнему огораживаніе общинныхъ полей и пастбищъ, исчезновеніе не только отдѣльныхъ крестьянскихъ усадьбъ, но и цѣлыхъ поселковъ.

Оставался такимъ образомъ только одинъ путь примиренія новыхъ сельско-хозяйственныхъ порядковъ съ не уменьшающимся, а наоборотъ, возрастающимъ, въ виду умножившагося населенія, запросомъ на хлѣбъ—путь улучшенія самого хлѣбопашества, замѣны экстенсивной, трехпольной системы, системой интенсивнаго, переложнаго хозяйства. Путь этотъ пройденъ былъ англичанами далеко не сразу. Въ первой половинѣ столѣтія мы не только не слышимъ ничего объ обращеніи къ болѣе усовершенствованнымъ пріемамъ хозяйничанья, но, наоборотъ, встрѣчаемся нерѣдко съ жалобами на то, что поля воздѣлываются хуже, чѣмъ прежде. О разведеніи кормовыхъ травъ, играющихъ такую важную роль въ многопольной системѣ хозяйства, еще нѣтъ и помину. Овощи, дотолѣ доставляемыя заграничнымъ ввозомъ, начинаютъ разводиться въ Англіи только со временъ Генриха VIII и въ нѣкоторомъ изобиліи встрѣчаются лишь при Елизаветѣ. Посадка

---

[1]) State Papers. Elizabeth. vol. 262, Jan. 1597, № 10.
[2]) State Papers. Elizabeth, vol. 262, January-April, 1597.

конопли и льну въ это время составляетъ еще нововведеніе, всячески рекомендуемое и поощряемое правительствомъ. Плантаціи хмѣлю въ сколько-нибудь значительномъ числѣ появляются только при Елизаветѣ.

Все это вмѣстѣ взятое приводитъ насъ къ убѣжденію, что переходъ къ плодоперемѣнной системѣ хозяйства совершился въ Англіи по преимуществу во второй половинѣ столѣтія. Нѣмецкій экономистъ Нассе, ранѣе другихъ обратившій вниманіе на этотъ вопросъ, видитъ первыя указанія на многопольную систему хозяйства въ сочиненіи Фицгерберта, появившемся въ 1539 году и озаглавленномъ „Book of surveying“. Въ этой книгѣ ставится на видъ возможность увеличенія дохода съ имѣній и указываются необходимые къ тому пути. Въ числѣ другихъ слѣдующій: такъ какъ въ помѣстьѣ (manor) сверхъ трехъ полей, встрѣчается нерѣдко еще три отдѣльныхъ пастбища, одно для лошадей, другое для овецъ, третье для рогатаго скота, то Фицгербертъ даетъ землевладѣльцамъ совѣтъ соединить въ каждомъ изъ шести вышеописанныхъ частей поля всѣ свои надѣлы въ одно. Такимъ образомъ уничтожится, полагаетъ онъ, старое дѣленіе пахатной земли на мелкія полосы, общинное право пользованія открытыми полями (open fields), исчезнетъ необходимость и общаго пастбища (common). Каждый лендлордъ пріобрѣлъ бы при такихъ условіяхъ шесть отдѣльныхъ участковъ—три образовалось бы изъ пахатной земли, три изъ пастбищъ. Эти участки ему слѣдовало бы обнести загородью. Къ этимъ рекомендуемымъ имъ мѣрамъ Фицгербертъ присоединяетъ еще одну—обращать пахатную землю въ лугъ, каждый разъ, когда она истощена хлѣбопашествомъ и, наоборотъ, засѣвать по временамъ участки луга хлѣбнымъ зерномъ. Благодаря такой практикѣ полагаетъ онъ, землевладѣлецъ не будетъ терять удобренія, доставляемаго ему пасущимся на лугахъ скотомъ! Изъ содержанія книги видно, что защищаемая ея авторомъ новая хозяйственная система далеко не была еще въ полномъ ходу. Но стоитъ лишь перейти къ вѣку Елизаветы, и передъ нами предстанутъ не только горячіе противники прежней трехпольной системы съ ея открытыми полями и для всѣхъ обязательнымъ требованіемъ хозяйственныхъ работъ, но и факты, доказывающіе примѣненіе во многихъ мѣстностяхъ новой плодоперемѣнной системы, связанной съ огораживаніемъ и разведеніемъ какъ кормовыхъ травъ, такъ и промышленныхъ растеній: льна и пеньки, хмѣлю и шафрану и т. п. Туссеръ въ своихъ „Пятисотъ правилахъ образцоваго земледѣлія“, какъ и Стаффордъ въ своемъ „Обозрѣніи обычныхъ жалобъ соотечественниковъ“ становятся рѣшительно на сторону огораживаній. Старинному общинному хозяйству первый приписываетъ всевозможные недостатки: оно не только вредитъ производству, но еще способствуетъ развитію лѣнности, воровства и т. д. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно

удержалось, населеніе бѣднѣе; гдѣ есть загороди—тамъ оно зажиточнѣе. Бѣднякъ съ двумя акрами огороженной земли богаче, чѣмъ съ двадцатью, лежащими въ открытомъ полѣ. При открытомъ полѣ неизбѣжно трехпольное хозяйство и обусловленный имъ обязательный для всѣхъ сѣвооборотъ, необходимо также существованіе общаго выпаса, „common". Другое дѣло на земляхъ огороженныхъ. Туссеръ восхваляетъ ту свободу, какой пользуются на нихъ сельскіе хозяева какъ по отношенію къ выбору злаковъ, такъ и по отношенію къ замѣнѣ ихъ промышленными растеніями. Онъ указываетъ на возможность частой смѣны посѣвовъ. Паръ засѣвается сперва ячменемъ, затѣмъ слѣдуетъ переходъ къ гороху и пшеницѣ, наконецъ, снова обращеніе истощенной почвы подъ паръ, пастбище или степь [1]).

Стаффордъ также рѣшительный защитникъ огораживаній. Опытъ, говоритъ онъ, показываетъ ихъ пользу. Тѣ графства, въ которыхъ болѣе всего загородей, отличаются наибольшимъ благосостояніемъ. Предосудительно не самое огораживаніе, а захватъ общинной земли собственникомъ, самовольно возводящимъ ограду. Еслибы каждый общинникъ получалъ при огораживаніи свою долю, ничего иного нельзя было бы ждать отъ огораживаній, кромѣ пользы [2]).

Туссеръ и Стаффордъ называютъ намъ тѣ графства, въ которыхъ вслѣдъ за системой огораживаній установился новый порядокъ плодоперемѣннаго хозяйства. Это Суффолькъ и Эссексъ, Кентъ и Норсгемптонъ. Наоборотъ, старинное общинное хозяйство съ характеризующей его трехпольной системой продолжаетъ держаться въ Лейчестерѣ, Норфолькѣ и Кэмбриджѣ. Еслибы не чрезполосица, думаетъ послѣдній изъ названныхъ писателей, всѣ селенія по собственному почину перешли бы къ системѣ огороженныхъ полей. Чрезполосица такимъ образомъ является главнымъ препятствіемъ къ сельско-хозяйственному перевороту, польза котораго, по замѣчанію Гарриссона, видна уже изъ того, что одинъ акръ огороженнаго поля даетъ болѣе чѣмъ полтора акра неогороженнаго [3]).

Не слѣдуетъ думать, однако, чтобы переворотъ, о которомъ идетъ рѣчь, охватилъ собою къ концу столѣтія уже большую часть страны. Стаффордъ предостерегаетъ насъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній. По меньшей мѣрѣ въ половинѣ Англіи, говоритъ онъ, ренты на землю остаются прежнія [4]), очевидно потому, что земля сдана на началахъ долгосрочной или вѣчно-наслѣдственной аренды. Съ этимъ показаніемъ

---

[1]) Нассе, русскій пер. стр. 102 и 103.
[2]) Stafford, стр. 40.
[3]) Harrisson, т. I, стр. 179.
[4]) Stafford, стр. 33.

нельзя не сопоставить свидѣтельства Елизаветинскаго судьи Кока, говорящаго что въ его время копигольдъ занималъ еще треть всей страны. Копигольдъ, т. е. крестьянская надѣльная земля, разсѣянная полосами по тремъ полямъ, очевидно, предполагаетъ отсутствіе загородей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плодоперемѣнной системы хозяйства. Мы не ошибемся поэтому, сказавъ, что переворотъ, о которомъ идетъ рѣчь, захватилъ собою менѣе двухъ третей всей воздѣлываемой площади; это объясняетъ намъ, почему, и при усовершенствованныхъ пріемахъ хозяйничанья, все же чувствовалась еще потребность въ расширеніи засѣваемаго хлѣбомъ поля. Этой потребности удовлетворяло не обращеніе пастбищъ обратно въ пахати, а осушеніе болотъ и вообще утилизація признанной дотолѣ неудобной земли, особенно въ графствахъ Кэмбриджъ, Линкольнъ и Норфолькъ, а также корчеваніе лѣсовъ [1]) и обращеніе многихъ недавно возникшихъ парковъ снова въ пахати [2]). О томъ и о другомъ одинаково говоритъ Гарриссонъ, указывающій въ частности на Суссексъ и Серре, какъ на тѣ графства, въ которыхъ лѣсоистребленіе, благодаря устройству желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ и истребленію ими большого количества топлива, происходитъ особенно быстро [3]). Всѣ эти факты, вмѣстѣ взятые, объясняютъ намъ причину того, что за исключеніемъ немногихъ неурожайныхъ годовъ, когда, какъ напр., въ 1597, бушель пшеницы доходилъ въ Оксфордширѣ до 4 шиллинговъ двухъ пенсовъ [4]), цѣны на хлѣбъ во второй половинѣ столѣтія оставались болѣе или менѣе постоянными, превышая среднимъ числомъ въ полтора раза тѣ, которыя держались въ первой половинѣ до 1548 года включительно [5]).

---

[1]) Harrisson, стр. 185.
[2]) Harrisson стр. 184.
[3]) Harrisson, стр. 191.
[4]) S. P. Elet, v. 261.
[5]) Thorold Rogers, т. IV, стр. 290.

Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній.

М. А. Дьяконова.

Авторъ статьи „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“ [1]), желая доказать своеобразную мысль, будто петровская реформа въ области церковнаго управленія была „совершеннымъ, по разуму русскаго народа, выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей“, и что потому и „уничтоженіе у насъ патріаршества встрѣчено было народомъ сдержанно-спокойно“,—снова поднялъ старый вопросъ объ отношеніяхъ церковнаго и государственнаго авторитетовъ въ древней Руси. Въ какой мѣрѣ справедливъ оптимистическій взглядъ автора на поводы и слѣдствія петровскихъ церковныхъ реформъ, не подлежитъ разсмотрѣнію въ настоящей замѣткѣ. Здѣсь имѣется въ виду лишь указать, что постановка вопроса объ отношеніи авторитетовъ едва ли могла удовлетворить читателей. Авторъ и слишкомъ бѣгло коснулся этого вопроса, имѣющаго однако серьезное значеніе для его темы, и притомъ всецѣло слѣдуетъ мнѣнію, высказанному еще митр. Платономъ въ „Краткой церковной россійской исторіи“. Между тѣмъ основная мысль почтеннаго писателя,—что „власть митрополитовъ всероссійскихъ, отъ начала Владиміра до великаго князя Іоанна Васильевича, гораздо была бóльшая и митрополиты были въ большомъ уваженіи, нежели наступившіе патріархи“ — далеко не исчерпываетъ всѣхъ сторонъ дѣла. Правда, авторъ вышеупомянутой статьи дополняетъ эту мысль, утверждая, что изначала митрополиты (особенно греки) стояли съ московскими великими князьями въ та-

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1891 г., апрѣль, стр. 4—42.

кихъ же договорныхъ отношеніяхъ, какъ и великіе князья Тверской и Рязанскій и Великій Новгородъ, и называетъ нашихъ митрополитовъ духовными князьями, а врученіе посоха митр. Симону объясняетъ, какъ прекращеніе договорныхъ отношеній между великимъ княземъ и митрополитомъ и какъ „мирное присоединеніе удѣла этого духовнаго русскаго князя", подобное присоединенію Пскова. Но всѣ эти добавленія, по нашему мнѣнію, не только не разъясняютъ вопроса, но излишне его осложняютъ. Сравнивать и даже отождествлять междукняжескія отношенія съ отношеніями представителя духовной власти къ княжескимъ правительствамъ неловко уже потому, что князей было много, а митрополитъ одинъ. Между князьями шла борьба за личное и территоріальное политическое преобладаніе, и договоры должны были внести хоть нѣкоторую ясность и устойчивость въ столь непрочныя, измѣнчивыя подъ вліяніемъ политическаго счастья междукняжескія отношенія. Митрополиты довольно рано среди этой политической борьбы явились отнюдь не въ качествѣ равносильной политической стороны, а въ роли посредниковъ и миротворцевъ и сохранили эти традиціи до половины XV вѣка [1]). Ссылка автора на такъ-называемую Уставную Грамоту великаго князя Василія Дмитріевича и митр. Кипріана, которую авторъ называетъ договорной грамотой, отнюдь не имѣетъ рѣшающаго значенія; да и самая эта грамота въ политическомъ смыслѣ является вовсе не актомъ соглашенія, но актомъ пожалованія, милости.

Мы позволимъ себѣ здѣсь напомнить иную точку зрѣнія въ исторіи политическихъ отношеній между представителями духовной власти и княжескими правительствами до раздѣленія единой митрополіи всея Руси и до начала автокефальности Московской митрополіи.

Борющіеся за политическое преобладаніе князья очень рано оцѣнили важное политическое значеніе митрополита всея Руси. Съ одной стороны для княжескихъ правительствъ слишкомъ очевидной представлялась выгода имѣть въ своемъ стольномъ городѣ каѳедру высшаго представителя помѣстной церкви—митрополита, который въ значительной мѣрѣ могъ содѣйствовать возвышенію авторитета мѣстнаго князя [2]). Съ другой же стороны мѣстными правительствами сознавались и политическія

[1]) Объ отношеніяхъ духовенства русскаго къ князьямъ съ XI до половины XV в. въ Приб. къ твор. св. Отцовъ 1858 г., стр. 327—403; *Самаринъ*, сочиненія, т. V, стр. 183 и слѣд.; *Ѳ. Терновскій*, Участіе древлерусскихъ архіереевъ въ дѣлахъ общественныхъ, Труды Кіев. Духов. Акад. 1870 г., т. I, 474—511.

[2]) *Макарій*, V, 289; *Соловьевъ*, III, изд. 5, 272.

невыгоды подчиненія Кіеву въ церковномъ отношеніи всѣхъ прочихъ княженій. Отсюда вытекали двоякаго рода попытки князей. Во-первыхъ, почти всѣ князья хлопочутъ ослабить церковную зависимость отъ Кіева, присвоивая себѣ право избирать кандидатовъ на епископскія каѳедры, а нѣкоторые изъ нихъ стремятся даже къ выдѣленію своихъ княжествъ изъ состава митрополіи всея Руси и къ образованію изъ нихъ особыхъ митрополій съ подчиненіемъ ихъ исключительно константинопольскому патріарху. Во-вторыхъ, когда каѳедра кіевской митрополіи, вслѣдствіе упадка Кіева, не могла уже играть прежней роли, и митрополитъ всея Руси, покинувъ ее, перетягивался къ новому центру исторической жизни, то каждому изъ соперничающихъ въ борьбѣ за преобладаніе князей было весьма важно перетянуть въ свой стольный городъ представителя всей русской церкви. Въ этомъ пунктѣ интересы князей и митрополита совпадали, ибо насколько выгодно было князю имѣть при себѣ митрополита для усиленія своего вліянія, въ такой же мѣрѣ и митрополиту было выгоднѣе жить при дворѣ и пользоваться покровительствомъ сильнѣйшаго князя, который вѣрнѣе могъ обезпечить представителю духовенства охрану и приумноженіе церковныхъ стяжаній [1]).

Примѣры вмѣшательства княжескихъ правительствъ въ дѣла о замѣщеніи епископскихъ каѳедръ извѣстны по лѣтописямъ съ начала XII в. Особенно часты извѣстія этого рода для Руси сѣверо-восточной. Весьма вѣроятно, что подобная практика получила здѣсь особенное распространеніе именно потому, что на сѣверо-востокѣ замѣчается гораздо бо́льшая обособленность княженій, а потому, быть можетъ, и яснѣе выражено стремленіе къ бо́льшей самостоятельности и въ церковномъ отношеніи [2]).

На сѣверо-востокѣ задумана и первая попытка церковнаго обособленія. Андрей Боголюбскій, потратившій столько стараній на возвышеніе г. Владиміра, предположилъ учредить въ немъ особую митрополію. На совѣщаніи съ боярами князь мотивировалъ свои планы слѣдующимъ образомъ: „хощу бо сей градъ обновити митропольею, да будетъ сей градъ великое княженіе и глава всѣмъ“, и всѣ бояре „возлюбиша тако быти“. Попытка эта, однако, не удалась: посланный кандидатомъ на новую митрополію Ѳеодоръ не былъ утвержденъ въ этомъ званіи патріархомъ Лукой Хризовергомъ, не смотря на то, что

---

[1]) *Соловьевъ*, IV, изд. 5, 282—283; *Бестужевъ-Рюминъ*, I, 399; *свящ. П. Николаевскій*, Учрежденіе патріаршества въ Россіи, Христіанск. Чт. 1879 г., іюль—августъ, 21—23.

[2]) *Соловьевъ*, III, изд. 5, 62—63; *Макарій*, III, изд. 2, 244—246; *Голубинскій*, Ист. русск. церкви, т. I, ч. 1. 310—312.

это дѣло, повидимому, подготовлялось исподоволь, и у князя Андрея съ константинопольскимъ правительствомъ были въ то время очень дружественныя отношенія [1]). Но для насъ сохраняетъ все свое значеніе тотъ фактъ, что въ цѣляхъ возвышенія даннаго княжескаго стола, считалось необходимымъ имѣть при немъ митрополичью каѳедру.

Существуютъ указанія, что въ первой половинѣ XIII в. былъ особый митрополитъ въ княжествѣ Галицкомъ. Извѣстный впослѣдствіи митрополитъ всея Руси Кириллъ уже въ 1243 г. упоминается въ званіи митрополита [2]). Вскорѣ затѣмъ этотъ „Курилъ митрополитъ идяше посланъ Даниломъ и Василкомъ на поставленіе митрополье русской“. Изъ сопоставленія этихъ извѣстій можно заключить, что Кириллъ сначала былъ лишь митрополитомъ галицкимъ [3]).

Тогда было время тяжелыхъ смутъ какъ на Руси, такъ и въ Византіи. Послѣ раззоренія Кіева татарами исчезъ неизвѣстно куда митр. грекъ Іосифъ. Константинопольскій же патріархъ переживалъ трудное время латинскаго владычества. Съ этого то времени и возникаетъ борьба между князьями изъ-за вопроса о мѣстѣ резиденціи митрополита. Начавшись между князьями южными и сѣверными, она временно сосредоточивается между князьями сѣверными—тверскими и московскими, а затѣмъ возгорается съ особенной силой между Литвой и Москвой.

Здѣсь нѣтъ нужды слѣдить за всѣми подробностями этой борьбы, но нѣкоторыя черты княжеской политики за это время заслуживаютъ вниманія.

Указанными обстоятельствами прежде другихъ воспользовался сильный галицкій князь Даніилъ, который своего особаго митрополита выставилъ кандидатомъ въ митрополиты всея Руси. Даніилъ, конечно, разсчитывалъ видѣть резиденцію своего избранника вблизи себя. Новопоставленный митрополитъ, однако, перетягивается къ новому исто-

[1]) П. С. Л., IX, 222 и 225, 209. Проф. Голубинскій предполагаетъ, что Андрей Боголюбскій, потерпѣвъ указанную неудачу, не отказался окончательно отъ своихъ плановъ: онъ думалъ „сдѣлать своего ростовскаго епископа автокефальнымъ или независимымъ отъ митрополита всея Руси“. Такъ объясненъ извѣстный инцидентъ съ Ѳеодорцемъ. См. Ист. русск. церкви т. I, ч. 1, 289, 373—376. Еслибы это предположеніе могло быть подкрѣплено болѣе точными данными, то оно явилось бы новымъ подтвержденіемъ княжескихъ стремленій къ церковной самостоятельности.

[2]) Лѣт. по Ипатск. сп., ст. 528: „Даниилъ же, затворивъ холмъ, еха ко брату си Василкови, поима съ собою Курила митрополита“.

[3]) Тамъ же, 537. Издатель Лѣтописи именуетъ Кирила митроп. Холмскимъ (?). Макарій о митр. Кириллѣ высказывается неясно и считаетъ всѣ другія извѣстія о галицкой митрополіи до XV в. подложными. Ист. церкви, IV, 8 и прилож. I и II.

рическому центру. Во Владимірѣ-на-Клязьмѣ онъ проводитъ большую часть жизни и не назначалъ до 1274 года епископа на вакантную каѳедру владимірской епископіи, вѣроятно, потому, что самъ управлялъ ею. Здѣсь онъ созвалъ церковный соборъ, здѣсь и умеръ.

Его преемникъ, митрополитъ Максимъ, окончательно переноситъ на сѣверо-востокъ свою каѳедру и поселяется въ стольномъ городѣ великаго княженія владимірскаго. Здѣсь вслѣдствіе особыхъ политическихъ и экономическихъ условій политическая роль митрополитовъ становится гораздо болѣе замѣтной и дѣятельной. Тѣмъ бо́льшее значеніе получаетъ для враждующихъ сторонъ поддержка представителя церкви, и тѣмъ важнѣе было съумѣть заручиться этой поддержкой.

Въ возгорѣвшейся борьбѣ между Москвой и Тверью, послѣ смерти великаго князя Андрея Александровича въ 1304 г., митр. Максимъ принялъ сторону тверскаго князя Михаила Ярославича противъ Юрія московскаго. Мотивы такого предпочтенія не вполнѣ ясны, но самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію [1]). Тверь, однако, не долго пользовалась выгодами своего положенія: митр. Максимъ скончался въ слѣдующемъ же году. Не желая утратить это преимущество великій князь Михаилъ Ярославичъ торопится выставить своего кандидата въ митрополиты и посылаетъ въ Константинополь для поставленія игумена Геронтія [2]). Но въ тоже время волынскій князь Юрій Львовичъ шлетъ въ Константинополь своего кандидата, ратскаго игумена Петра, для поставленія митрополитомъ въ Галичъ, „восхотѣвъ галичскую епископію въ митрополію претворити" [3]). Переселеніе митрополита всея Руси на далекій сѣверъ и желаніе избавиться отъ его вліяній, руководимыхъ чуждыми интересами сѣвернаго великаго княжества, представлялись волынскому князю достаточно вѣскими поводами къ задуманному обособленію. Игуменъ Петръ былъ поставленъ митрополитомъ всея Руси; игумену же Геронтію было отказано между прочимъ потому, что „не достоитъ мірянамъ избранія святительскія творити".

Митрополитъ Петръ явился въ сѣверо-восточную Русь не только чужимъ кандидатомъ и чужимъ человѣкомъ, но и нежеланной помѣхой на пути къ достиженію политическихъ плановъ тверскаго князя. Удивительно ли, что здѣсь встрѣтили его очень недружелюбно. Лѣтопись глухо говоритъ, что врагъ рода человѣческаго, „нѣкихъ подгнети не хотѣти того пришествія" [4]). Грамота константинопольскаго

[1]) Объ этомъ см. П. С. Л. V, 207; VII, 188—189.
[2]) Степ. Книга I, 414; *Макарій*; IV, 15.
[3]) Степ. Книга, тамъ же.
[4]) П. С. Л., X, 191.

патріарха Нифонта къ тверскому князю и исторія Переяславскаго собора съ очевидностью указываютъ, кто были эти нѣкіи [1]).

Столкновеніями тверского князя съ митр. Петромъ и съумѣли воспользоваться извѣстнымъ образомъ московскіе князья: они не замедлили оказать митрополиту покровительство и такимъ образомъ заручились его симпатіями и активной поддержкой [2]). Не напрасно митр. Петръ прослылъ патрономъ Москвы.

Соперники князья въ борьбѣ за преобладаніе не даромъ такъ горячо стараются заручиться симпатіями митрополита и перетянуть его на свою сторону. При успѣхѣ они спѣшатъ извлечь изъ этого всѣ политическія выгоды. Тверской князь, первый заручившійся симпатіями митрополита, показалъ примѣръ, какъ можно утилизировать этотъ фактъ: онъ первый, подражая титулу митрополита, сталъ называть себя великимъ княземъ всея Руси [3]). При этомъ, быть можетъ, не столько имѣлось въ виду отмѣтить главенство даннаго князя въ сферѣ объединительной политики, какъ предуказать мѣсто для будущихъ митрополитовъ, такъ какъ, безспорно, самое подходящее мѣстопребываніе для митрополита всея Руси было при дворѣ великаго князя *всея Руси*. Что на это направлены были помыслы тверскаго князя, указываетъ и его попытка имѣть на митрополіи собственнаго кандидата въ лицѣ Геронтія. Счастливый соперникъ Михаила Ярославича—московскій князь, заручившись расположеніемъ митр. Петра, до мелочей подражаетъ политикѣ своего врага: онъ также принимаетъ титулъ великаго князя всея Руси и также выставляетъ своего кандидата въ митрополиты. Надо думать по его настоянію митр. Петръ даже „воименовалъ на митрополію" какого-то архимандрита Ѳеодора, конечно, сторонника Москвы [4]).

Въ борьбѣ за митрополію Тверь была побѣждена Москвой. Князья современники по своему оцѣнили достигнутые Москвой результаты: „имъ не много сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща" [5]).

---

[1]) Р. И. Б., VI, № 16, I; о Переяславскомъ соборѣ: *Соловьевъ*, IV, изд. 5, 260; *Макарій*, IV, 15—19; *Карповъ*, Оч. росс. іерарх., 3 и 9; *В. Ключевскій*, Житія святыхъ, 74, пр. 2 и стр. 84, пр. 1; *Борзаковскій*, Ист. Тверск. княж., прилож. № 2; *А. Павловъ*, Прав. Соб. 1867 г. ч. 2, стр. 241.

[2]) П. С. Л. VII, 186; X, 178; VIII, 197 и 199.

[3]) Объ этомъ см. замѣтку: „Кто былъ первый великій князь всея Руси", Библіографъ, 1889 г. № 1.

[4]) Житіе св. Петра, составл. еп. Прохоромъ, у *Макарія* IV, прил. III стр. 311.

[5]) П. С. Л., X, 195.

Политическая борьба Москвы съ Литвой уже первыхъ шагахъ тѣсно сплетается съ борьбой за митрополію и митрополита. Борющіяся стороны руководствуются при этомъ совершенно тѣми же политическими расчетами; но здѣсь эти церковно-государственныя цѣли выражены яснѣе, такъ какъ и самая борьба приняла болѣе острый характеръ.

Энергичные литовскіе князья, Ольгердъ и Витовтъ, имѣютъ своихъ особыхъ литовскихъ митрополитовъ, какъ политическій противовѣсъ стоящимъ на сторонѣ Москвы митрополитамъ всея Руси. Ольгердъ добивается поставленія Романа, „будучи настроенъ противъ митрополита (Алексѣя) и желая мстить ему на всю жизнь за то, что онъ не давалъ ему власти въ Великой Руси, но сдѣлалъ ее совершенно недоступною для него". За Романа литовскій князь ходатайствуетъ въ Константинополѣ „подъ тѣмъ предлогомъ, будто его народъ не желаетъ имѣть митрополитомъ киръ Алексѣя, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы при помощи Романа, дружески къ нему расположеннаго, пріобрѣсти себѣ власть и въ Великой Руси" [1]). Послѣ смерти митрополита Романа Ольгердъ требуетъ въ Константинополѣ особаго митрополита „на Кіевъ, *Смоленскъ*, *Тверь*, Малую Русь, Новосиль, *Нижній-Новгородъ*", желая очевидно такимъ способомъ преградить путь московскимъ вліяніямъ въ предѣлахъ союзныхъ съ Литвой княжествъ. Позднѣе онъ повторилъ свое требованіе и указалъ кандидата въ лицѣ Кипріяна, угрожая взять митрополита отъ латинской церкви, если просьба его не будетъ уважена. Кипріянъ и былъ поставленъ митрополитомъ кіевскимъ и литовскимъ, хотя потомъ и явился претендентомъ на митрополію всея Руси [2]).

Послѣ смерти митр. Кипріяна въ 1406 г., наканунѣ готоваго разрыва между Литвой и Москвой, Витовтъ отправилъ для поставленія въ митрополиты полоцкаго епископа Ѳеодосія, „штобы сѣдѣлъ на столѣ кіевскоѣ митропольи по старинѣ, строилъ бы церковь по давнему, *яко нашъ*, занежъ божіимъ изволеньемъ мы то мѣсто обладаемъ, Кіевъ". Когда же въ Константинополѣ назначили митрополитомъ Фотія, то Витовтъ говорилъ: „царь и патріархъ прислали къ намъ своего митрополита", и принялъ его только потому, что „онъ нялся паки здѣ у насъ быти". Очевидно Витовтъ хотѣлъ сосредоточить въ Кіевѣ управленіемъ митрополіей всея Руси, что вполнѣ

---

[1]) Соборное опредѣленіе патріарха Нила 1380 г., Р. И. Б., VI, прил., стр. 168.

[2]) Р. И. Б., VI, прил., стр. 172; Новгор. Синод. Лѣт., 365; П. С. Л. VIII, 25.

гармонировало съ обширными политическими планами этого князя [1]). Но когда обнаружилось, что Фотій не оправдалъ ожиданій Витовта, то послѣдній отправилъ въ Константинополь жалобу на Фотія и просилъ поставить митрополитомъ въ Кіевѣ Григорія Цамблака, а Фотія изгналъ съ Кіевской митрополіи, увѣдомивъ его объ этомъ посланіемъ литовскихъ епископовъ [2]).

Московскіе князья, въ свою очередь, ни на одинъ моментъ не допускаютъ мысли о переводѣ митрополичьей каѳедры въ предѣлы Литвы или о принятіи на митрополію всея Руси литовскаго ставленника. Политическія услуги, оказанныя Москвѣ митрополитами Петромъ и особенно Алексѣемъ, съ совершенной очевидностью подтвердили преимущества въ положеніи московскаго правительства. Не даромъ же великій князь Иванъ Ивановичъ предъ смертью возложилъ на митр. Алексѣя все бремя правленія государствомъ при малолѣтнемъ сынѣ. Въ своихъ духовныхъ грамотахъ, написанныхъ въ 1356 г., великій князь распорядился только раздѣломъ наслѣдства между сыновьями и племянникомъ, не упомянувъ ни словомъ о дальнѣйшей судьбѣ своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Но одно позднѣйшее оффиціальное свидѣтельство прямо указываетъ, что „великій князь московскій и всея Руси (Іоаннъ) передъ своей смертью не только оставилъ на попеченіе тому митрополиту (Алексѣю) своего сына, нынѣшняго великаго князя всея Руси Димитрія, но и *поручилъ управленіе и охрану всего княжества, не довѣряя никому другому* въ виду множества враговъ внѣшнихъ, готовыхъ къ нападенію со всѣхъ сторонъ, и внутреннихъ, которые завидовали его власти и искали удобнаго времени захватить ее [3]). Значитъ въ малолѣтство Димитрія первенствующая

---

[1]) А. З. Р., I, № 25; *Соловьевъ*, IV, изд. 5, 269—270. Иначе у *Макарія*, IV, 86.

[2]) А. З. Р., I, № 23 и 25; Р. И. Б., VI, № 37.

[3]) Соборное опредѣленіе патріарха Нила 1380 г., Р. И. Б., VI, прил., стр. 166. Объ этомъ же говоритъ и соборное опредѣленіе патріарха Антонія 1389, хотя въ другомъ тонѣ: „Когда же великій князь Московскій Іоаннъ, умирая, возложилъ на него (митр. Алексѣя) попеченіе, заботу и промышленіе о своемъ сынѣ Димитріи, то онъ весь предался этому дѣлу..., *принявъ на себя мірское начальствованіе*“. Тамъ же, стр. 198. Особенно любопытно въ этомъ свидѣтельствѣ полное умолчаніе о боярахъ: великій князь ввѣрилъ сына и все княжество исключительному попечительству митрополита, не довѣряя никому другому. Значитъ онъ не довѣрялъ и боярамъ. Причины столь страннаго на первый взглядъ распоряженія вскрываются изъ смутныхъ событій кратковременнаго княженія Ивана Ивановича: въ 1356 г. большіе бояре московскіе отъѣхали съ женами и дѣтьми въ Рязань. Великій князь такимъ образомъ потерялъ своихъ лучшихъ совѣтниковъ. Правда, черезъ два года ему удалось перезвать обратно двоихъ изъ отъѣздчиковъ; но на нихъ, какъ и на меньшихъ бояръ, великій князь побоялся положиться. П. С. Л. X, 228—229.

политическая роль принадлежала митр. Алексѣю, имя котораго стоитъ рядомъ съ великокняжескимъ и во всѣхъ позднѣйшихъ крупныхъ мѣропріятіяхъ княженія Донскаго.

„И при отцахъ нашихъ не бывало такихъ митрополитовъ, каковъ сей!—благословляетъ московитянъ на пролитіе крови", жаловался Ольгердъ патріарху на митр. Алексѣя, обвиняя его въ томъ, что онъ „и ни къ намъ ни приходитъ, ни въ Кіевъ не наѣзжаетъ... мы зовемъ митрополита къ себѣ, и онъ не идетъ къ намъ". При такихъ отношеніяхъ совершенно понятны настойчивыя требованія Ольгерда о поставленіи особаго митрополита для Литвы и союзныхъ съ ней княжествъ. Понятно и поставленіе особаго митрополита въ Галичъ съ подчиненіемъ ему епископій Холмской, Туровской, Перемышльской и Владимірской. Патріархъ, извѣщая объ этомъ митр. Алексѣя, замѣчаетъ: „и тебѣ не слѣдуетъ жаловаться, потому что отъ тебя то сталось" [1]). Митрополитъ Алексѣй, оказавъ важное содѣйствіе политическому объединенію сѣверо-восточной Руси, содѣйствовалъ тѣмъ самымъ скорѣйшему раздѣленію единой митрополіи всея Руси.

Въ силу указаннаго антогонизма московское правительство отказалось, напр., принять Кипріана митрополитомъ послѣ смерти митр. Алексѣя. Кипріанъ явился претендентомъ на каѳедру митрополіи всея Руси, будучи уже литовскимъ митрополитомъ. Его изгнали изъ Москвы съ „великимъ безчестіемъ" и не только потому, что онъ становился поперекъ дороги кандидату московскаго правительства—Митяю, но и потому, что онъ былъ литовскимъ ставленикомъ. Самъ митр. Кипріянъ писалъ объ этомъ: „великій князь кладетъ на меня вины, что былъ есмь въ Литвѣ первое" [2]). Несомнѣнно, что и Фотій не рѣшился предпочесть Кіева Москвѣ по настоянію московскаго правительства.

Стремленіе княжескихъ правительствъ обезпечить за собой поддержку со стороны митрополита въ борьбѣ за преобладаніе поставило ихъ въ необходимость принять самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ о поставленіи митрополитовъ. Если и раньше князья вмѣшивались въ эту неподлежащую имъ сферу церковнаго управленія, то, начиная съ XIV в., самый насущный интересъ побуждалъ ихъ къ тому въ гораздо большей степени. Поэтому московскій и литовскій князья проявляютъ въ этомъ дѣлѣ замѣчательную энергію. Послѣ удачнаго опыта проведенія своего кандидата въ лицѣ митр. Алексѣя, московское правительство не хочетъ выпустить изъ своихъ рукъ распоряженіе дѣлами о поставленіи въ санъ высшаго іерарха и даже какъ бы игнорируетъ права патріархата. Оно четыре раза изгоняетъ изъ

[1]) Р. И. Б., VI, прил. №№ 23 и 25.
[2]) Р. И. Б., VI, № 20.

Москвы митр. Кипріана, не принимаетъ поставленнаго митрополитомъ Пимена, даже лишаетъ его сана, а потомъ по усмотрѣнію приглашаетъ на митрополію сначала Кипріяна, затѣмъ Пимена. Также поступаютъ Ольгердъ съ митр. Алексѣемъ, Витовтъ съ Фотіемъ. Политика константинопольскаго патріархата въ значительной мѣрѣ споспѣшествуетъ упроченію такой практики. Хотя патріархи и желаютъ сохранить единство митрополіи всея Руси, въ видахъ болѣе прочнаго подчиненія себѣ русской церкви, однако исполняютъ всѣ настойчивыя требованія о поставленіи особыхъ митрополитовъ; они не останавливаются и передъ раздробленіемъ митрополіи, лишь бы не утратить изъ сферы своего вліянія всѣ ея части. При такихъ условіяхъ всякая оппозиція константинопольскаго патріархата стремленіямъ Москвы и Литвы не могла имѣть серьезнаго значенія, и княжескія правительства не останавливаются даже передъ такой крайней мѣрой, какъ полное устраненіе патріархата отъ поставленія митрополитовъ. Дмитрій Донской склоняется къ мысли о поставленіи своего любимца Митяя соборомъ русскихъ епископомъ, хотя этотъ планъ и не былъ осуществленъ въ виду готовности патріарха исполнить желаніе князя [1]). Когда въ Константинополѣ не было выполнено требованіе Витовта о поставленіи Григорія Цамблака, то послѣдній былъ поставленъ въ митрополиты соборомъ литовскихъ епископовъ [2]). Наконецъ къ этой же мѣрѣ приходитъ и московское правительство.

Въ то самое время, однако, когда митрополитъ всея Руси становится яблокомъ раздора между князьями, начинаютъ раздаваться протесты противъ вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла о поставленіи митрополитовъ. Эти протесты идутъ и изъ Константинополя, и изъ среды мѣстнаго духовенства. Уже кандидатъ тверскаго князя игуменъ Геронтій не былъ поставленъ митрополитомъ между прочимъ потому, что „не достоитъ міряпамъ избранія святительскія творити". Митр. Кипріянъ обвинялъ Дмитрія Донскаго въ нарушеніи апостольскихъ правилъ за его покровительство Митяю: „аще который епископъ, писалъ онъ, *мірскихъ князей помощію* святительство пріобрящетъ, да изверженъ и отлученъ будетъ и способницы ему вси"; по его мнѣнію ничто ни могло быть злѣйши того, какъ пріобрѣтеніе божественнаго дарованія *„купленіемъ, мздою или силою княжескою"* [3]). Трагическій конецъ княжескаго любимца Митяя далъ поводъ совре-

---

[1]) П. С. Л., VIII, 29—30; Р. И. Б., VI, прил., стр. 206.

[2]) А. З. Р. I, № 24; Р. И. Б., VI, № 38; Лѣт. вел. кн. Литовскихъ, стр. 43; П. С. Л., V, 259; VIII, 88; Никон. лѣт., V, 59; Степ. книга, II, 34—35; *Татищевъ*, IV, 471.

[3]) Р. И. Б., VI, 178.

менникамъ упрекнуть его и кольнуть самого князя „избраніемъ и хотѣніемъ мірскимъ“ [1]). По поводу избранія Григорія Цамблака московскія извѣстія передаютъ пренія епископовъ съ Витовтомъ: епископы сначала отказывались исполнить требованіе князя, не желая нарушать священныя правила, которыя запрещаютъ ставить двухъ митрополитовъ въ одной области; на замѣчаніе же Витовта, что вся страна кіевская въ его области, и что онъ проситъ поставить митрополита въ своей области на Кіевъ, епископы возразили: „аще ты нынѣ пріялъ новокіевскую область и се твоя есть земская власть, а не церковная святительская; ино бо есть власть церковная святительская, ино есть власть царская земная; да ты своя земскія вещи управляешь яко царь, епископъ же своя святительскія вещи управляетъ яко святитель“ и проч. [2]). По тому же поводу поставленія Григорія митр. Фотій въ окружномъ посланіи приводитъ выдержки изъ священныхъ правилъ, запрещающихъ мірской власти вмѣшиваться въ поставленіе епископовъ, и послѣ объявляетъ отлученіе и проклятіе Цамблака, какъ пріобрѣвшаго санъ не рукоположеніемъ патріарха, но „мірскими властями и по своему хотѣнію“ [3]).

Это вмѣшательство свѣтской власти въ столь важное дѣло церковнаго управленія не только возбуждало принципіальный вопросъ объ отношеніи властей, но затрогивало также серьезную тему о подчиненіи русской церкви константинопольскому патріархату, права котораго нарушались энергической политикой Дмитрія Донскаго, Ольгерда и Витовта. Поэтому одновременно и въ тѣсной связи съ вопросомъ о неправомѣрности вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла о поставленіи митрополитовъ проводился взглядъ, что единственно правильнымъ порядкомъ, соотвѣтствующимъ священнымъ правиламъ, является поставленіе митрополитовъ константинопольскимъ патріархомъ. Еще епископъ суздальскій Діонисій возражалъ противъ проекта возвести Митяя въ санъ митрополита соборомъ епископовъ и много возбранялъ великому князю, говоря: „не подобаше сему тако быти“; онъ очевидно защищалъ права патріарха [4]). Митр. Фотій указалъ, что Григорій Цамблакъ и литовскіе епископы должны считаться осужденными и отлученными не только потому, что приняли святительство отъ мірскаго зачала, но также и потому, что пріобрѣли санъ не разсужденіемъ и рукоположеніемъ св. великаго патріарха. О томъ же

---

[1]) П. С. Л., VIII, 31; Никон. лѣт., IV. 233.

[2]) Никон. лѣт., V, 59; Степ. книга, II, 34—35; *Татищевъ*, IV, 471.

[3]) Р. И. Б., VI, стр. 340—341 и 348—349; № 40; П. С. Л., IV, 116; VIII, 89—90.

[4]) П. С. Л., VIII, 30.

событіи современникъ замѣтилъ, что Григорій поставленъ „по повелѣнію Витовтову епископы, а не патріархомъ, не по заповѣди св. отецъ и апостолъ“ [1]). Въ устраненіи же практиковавшихся случаевъ изгнанія или непринятія митрополитовъ митр. Кипріанъ выставилъ общее положеніе, что „княземъ не годится казнити святителевъ; есть у мене патріархъ большій надъ нами, есть великій сборъ“. Князь можетъ только жаловаться имъ; но только патріархъ и соборъ могутъ „съ исправою казнить“ митрополита [2]).

Защита правъ константинопольскаго патріархата явилась однимъ изъ важныхъ средствъ огражденія церковной іерархіи отъ посягательствъ свѣтской власти. Двое изъ послѣднихъ поставленныхъ въ Константинополѣ митрополитовъ всея Руси—Кипріанъ и Фотій—въ своихъ прощальныхъ грамотахъ не безъ тенденціи подчеркиваютъ о своемъ поставленіи въ Константинополѣ „по богопреданному апостольскому уставу“ [3]). По всѣмъ вѣроятіямъ, еще при митр. Кипріанѣ выработанъ былъ или исправленъ „чинъ избранія и поставленія въ епископы“, по которому новопоставленный долженъ былъ приносить слѣдующій обѣтъ: „не хотѣти ни пріимати иного митрополита, *развѣе кою поставятъ изъ Царяграда*, какъ есмы то изначала пріяли“ [4]). Въ этотъ же чинъ было внесено нѣсколько правилъ, ограждающихъ подчиненіе епископовъ митрополиту отъ вмѣшательства свѣтской власти [5]).

Въ этихъ попыткахъ русской духовной іерархіи отстоять свою самостоятельность подъ прикрытіемъ исключительной зависимости отъ Константинополя не принималось въ соображеніе одно не ускользнувшее отъ вниманія современниковъ противорѣчіе, именно то, что и въ Константинополѣ поставленіе митрополитовъ происходило съ согласія „св. самодержца“, о чемъ всегда отмѣчалось въ настольныхъ грамотахъ. Княжескія правительства имѣли объ этомъ самыя точныя свѣдѣнія и при извѣстныхъ условіяхъ не только не возражали противъ такой практики, но и сами слѣдовали ей, ходатайствуя предъ патріархомъ и царемъ о поставленіи митрополитовъ. Такъ Семенъ

---

[1]) Новгор. Синод. лѣт., стр. 409.

[2]) Р. И. Б., VI, № 20.

[3]) Никон. Лѣт., V, 4; П. С. Л., VI, 145.

[4]) Р. И. Б., VI, стр. 454. Хотя этотъ чинъ по старѣйшему его списку отнесенъ къ 1423 г., но онъ несомнѣнно существовалъ и раньше, потому что митр. Фотій въ окружномъ посланіи 1415—1416 г. указываетъ литовскимъ епископамъ: „ся есте обѣщали каждыѝ васъ на своемъ исповѣданіи, еже не пріимати иного митрополита, но токмо иже отъ Константина-града посылаемаго отъ зборныя и апостольскія церкви“. Тамъ же, 328.

[5]) Тамъ же, стр. 439, 453—454.

Ивановичъ проситъ царя и патріарха о поставленіи владыки Алексѣя; Витовтъ, изгнавъ Фотія, проситъ царя и патріарха дать ему другого митрополита. Но когда императоръ Мануилъ отказалъ ему въ этой просьбѣ, то соборъ литовскихъ епископовъ въ окружномъ посланіи объяснилъ такой отказъ желаніемъ получить неправедные прибытки, и потому счелъ своимъ правомъ избрать митрополита собственною властью. Епископы указывали при этомъ, что, не разрывая съ православною вѣрою и признавая патріарховъ, они не могутъ допустить „на церковь Божію насилованіе царево“, такъ какъ патріархъ и соборъ не могутъ поставить митрополита по правиламъ, но кого царь повелитъ, отчего „купуеться и продаеться даръ св. Духа“; поэтому они и разсудили, „яко не праведно есть пріимати таковыя митрополиты, иже куплею поставлени бываютъ отъ царя, мірянина будуща человѣка, а не по волѣ патріарховѣ и преданію сущаго сбора апостольскаго“ [1]). Такимъ образомъ константинопольское правительство могло быть обвинено въ томъ же самомъ противоканоническомъ дѣйствіи, въ которомъ обвинялись и княжескія правительства.

Надо, однако, думать, что проповѣдь идеи объ исключительной зависимости русской духовной іерархіи отъ константинопольскаго патріархата сдѣлала нѣкоторые успѣхи среди московскихъ правящихъ классовъ и содѣйствовала подъему авторитета константиноградскихъ властей. Митр. Фотій, напримѣръ, свидѣтельствуетъ, что великій князь Василій Дмитріевичъ послѣ смерти митр. Кипріана послалъ въ Константинополь увѣдомленіе, „яко да его же по Божію хотѣнію изберутъ и пришлютъ, той есть намъ и св. святитель Кіевскій и всея Руси по старой пошлинѣ“ [2]). Но всего рельефнѣе эти вліянія проявились въ дѣлѣ о поставленіи Іоны соборомъ епископовъ. Крупная церковная реформа, хотя и предпринятая по серьезнымъ церковно-религіознымъ мотивамъ и подъ покровомъ каноническихъ правилъ, проведена была политической иниціативой: великій князь созвалъ соборъ русскихъ епископовъ и *повелѣлъ* ему поставить въ митрополиты Іону [3]). Несомнѣнно у московскаго правительства было гораздо больше вѣсскихъ поводовъ приступить къ такому новшеству, чѣмъ, напримѣръ, у Витовта; однако въ Москвѣ проводили реформу съ гораздо большею осмотрительностью и даже съ видимою нерѣшительностью. Хорошо извѣстенъ цѣлый рядъ окружныхъ грамотъ, посланій,

---

[1]) Р. И. Б., VI, № 38.

[2]) Р. И. Б., VI, 329—330.

[3]) П. С. Л., VI, 167. Ср. *А. Поповъ*, Историко-литературный обзоръ древнерусской полемической литературы противъ латинянъ, въ „Словѣ избранномъ отъ св. писавій“ и проч., стр. 381.

словъ для оправданія дѣйствій великаго князя, митр. Іоны и собора епископовъ. Самъ великій князь шлетъ извинительное посланіе императору, проситъ не помолвить, „яко дерзостнѣ сіе створихомъ, еже створихомъ, не обославъ великого вашего господства", и заявляетъ, что русская церковь во всемъ по древнему благочестію повинуется цареградской церкви и требуетъ оттуда благословенія [1]). Хотя великій князь и не испрашивалъ на этотъ разъ разрѣшенія объ узаконеніи новаго порядка, но есть основанія предполагать, что хлопоты объ этомъ не переставали озабочивать московское правительство, которое два раза посылало въ Царьградъ игумена Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Кассіана „о церковномъ исправленіи" [2]).

Эти заботы правительства вызваны были серьезными опасеніями: среди видныхъ представителей духовенства нашлись протестующіе противъ новаго порядка избранія митрополитовъ. Выдающійся изъ столповъ русскаго благочестія, Пафнутій Боровскій, не хотѣлъ признавать Іону митрополитомъ: послѣднему донесли, что Пафнутій „не велитъ звати его митрополитомъ". Іона вызвалъ Пафнутія для объясненій, и на вопросъ—„како соборная наша завѣщанія соблюдаеши ли или попираеши, оплювая"—послѣдній отвѣчалъ митрополиту „негладостнѣ и неподпадательно, яко же подобаетъ гладостно и подподательно къ великовластнымъ глаголати" [3]).

При наличности такихъ явленій для московскаго правительства представлялось особенно настоятельнымъ получить изъ Константинополя санкцію церковной реформы. Однако старанія его не увѣнчались успѣхомъ. Константинопольскій патріархатъ не только не прислалъ желаемой подтвердительной грамоты, но, повидимому, даже отнесся къ реформѣ очень сурово, такъ что дѣло дошло, кажется, до „формальнаго разрыва" между Москвой и Константинополемъ. Цѣлый рядъ косвенныхъ указаній дѣлаетъ такое заключеніе весьма вѣроятнымъ [4]).

---

[1]) Р. И. Б., VI, 583—584.

[2]) *Макарій*, VI, 22.

[3]) Посланіе Іосифа Волоцкаго къ Третьякову, Сборн. Публичн. Библ., QXVII, № 64, л. 226—227; Похвально слово митр. Іонѣ, *Макарій*, VI, 17, прим. 17; *Калачовъ*, О кормчей, прил. 4; Описаніе ркп. Синодальн. Библіот. II, ч. 3-я, стр. 260.

[4]) Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь сводъ извѣстныхъ намъ данныхъ въ подтвержденіе указанной мысли. Высказанная впервые *свящ. П. Николаевскимъ* въ статьѣ „Учрежденіе патріаршества въ Россіи" (Христіанское Чтеніе 1879 г., часть вторая, стр. 17, прим.) и вѣско поддержанная *проф. А. Павловымъ* въ его критическомъ трудѣ „Теорія восточнаго папизма" (Православное Обозрѣніе 1879 г., декабрь, стр. 760—765), эта мысль до сихъ поръ не пользуется правомъ гражданства въ литературѣ. Всѣ новыя сочиненія,

Митр. Іона, извѣщая кіевскаго князя Александра Владиміровича (прежде 31 января 1451 г.) о своемъ поставленіи, указываетъ ему на „раздвоеніе и размышленіе“ въ царяхъ и патріаршествѣ отъ турецкаго и латинскаго насилованія, слѣдствіемъ чего явилось въ Царьградѣ „иномудрствованіе и приближеніе къ латинамъ“. Въ подтвержденіе такого обвиненія Іона сослался на то, что въ соборной константинопольской церкви и „на палатѣ царевѣ почало быти написано папино поминовеніе“ [1]). Константинопольскій же патріархъ Григорій Мамма (съ 7 іюля 1446 по августъ 1451 г.), на запросъ того же кіевскаго князя „о единочествѣ съ латыною на которомъ дѣлѣ сталось“, подтверждаетъ, что папино имя на службахъ дѣйствительно поминается, но что обо всемъ дѣлѣ соединенія церквей „научитъ и накажетъ словомъ и дѣломъ“ митр. кіевскій и всея Руси и всечестной кардиналъ Исидоръ. Къ этому патріархъ прибавляетъ, что „*иніи* глаголаху вамъ лживо и неподобно, иже суть разорители церкви Божіи, тіи суть *отлучены отъ насъ*... Аще бы которіи *митрополиты* и владыки или которыи иноцы, не пріимайте ихъ въ ваше православіе...“ [2]). Совершенно естественной является догадка, что въ числѣ иныхъ ложно глаголющихъ, которые отлучены, и митрополитовъ, уклонившихся отъ православія, на первомъ мѣстѣ подразумѣвается митр. Іона и московское правительство. Наряду съ этимъ фактомъ слѣдуетъ отмѣтить весьма дружественныя отношенія Москвы съ іерусалимскимъ патріархомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ описаныхъ событій, іерусалимскій патріархъ Іоакимъ шлетъ великому князю Василію Васильевичу прощенную грамоту, въ которой, признавая его благочестивымъ и православнымъ, увѣдомляетъ: „имѣетъ наше смиреніе господарство твое прощено во всемъ *церковномъ запрещеніи*“. Въ другой своей грамотѣ патр. Іоакимъ говоритъ, что уполномочилъ

касающіяся вопроса о началѣ автокефальности русской церкви, продолжаютъ говорить о полученномъ изъ Константинополя согласіи или обходятъ эту деталь молчаніемъ. См. *свящ. М. Альбовъ*, Краткій курсъ лекцій по церковному праву, Спб. 1882, стр. 112—113; *Д. Иловайскій*, Исторія Россіи, т. II, стр. 247; *П. Знаменскій*, Руководство къ русской церковной исторіи, Казань, 1886 г., стр. 64; *А. Доброклонскій*, Руководство по исторіи русской церкви, изд. 2, стр. 149. Лишь *проф. Н. С. Суворовъ* склоняется повидимому на сторону новой постановки вопроса, Курсъ церковнаго права, т. I, стр. 136 и прим. 30.

[1]) Р. И. Б., VI, 557—559.

[2]) *А. Поповъ*, Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 332—334; *А. Павловъ*, Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, въ XIX присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 274—275.

своего протосинкелла Іосифа давать „прощеніе грѣховъ требующимъ отъ него и *грамоту отпустную*, еже о грѣсѣхъ человѣкомъ“ [1]).

Это бьющее въ глаза сопоставленіе съ одной стороны отлученія, наложеннаго константинопольскимъ патріархомъ на „иныхъ разорителей“ церкви Божіей, а съ другой—разрѣшенія отъ церковнаго запрещенія, даннаго іерусалимскимъ патріархомъ великому князю и народу, заставляетъ принять высказанное уже предложеніе, что „сближеніе съ отдаленнымъ Іерусалимомъ вызвано было разрывомъ съ Константинополемъ“ [2]).

Преемникъ митр. Іоны, архіепископъ Θеодосій, былъ поставленъ въ митрополиты необычнымъ, даже неканоническимъ способомъ: по желанію великаго князя и по соглашенію съ нимъ Іона избралъ и благословилъ на митрополію Θеодосія и грамоту благословенную положилъ на престолъ Успенской церкви [3]). Согласно этому соборъ епископовъ и поставилъ Θеодосія въ митрополиты. О патріархѣ цареградскомъ, объ его согласіи, утвержденіи и благословеніи не было и рѣчи, говорятъ, потому, что въ Россіи существовала тогда патріаршая грамота, которою предоставлено русскимъ митрополитамъ ставиться у себя дома безъ сношеній съ Царьградомъ [4]). О подобной грамотѣ дѣйствительно упоминается въ оффиціально составленномъ при патр. Филаретѣ сказаніи о началѣ патріаршества въ Россіи, перешедшемъ и въ Никоновскую кормчую [5]). Но тенденціозность этихъ извѣстій едва ли можетъ въ настоящее время подвергаться сомнѣнію [6]). Поэтому слѣдуетъ иначе объяснить умолчаніе о патріаршей санкціи при поставленіи Θеодосія: въ Константинополь не хотѣли обращаться, да это

---

[1]) А. И., т. I, № 72, и *Макарій*, VIII, стр. 351, прим. 443.

[2]) *А. Павловъ*, Теорія восточнаго папизма, Правосл. Обозр., 1879 г. декабрь стр. 764.

[3]) Р. И. Б., VI, № 93, ср. *А. Поповъ*, Историко-литературный обзоръ полемическихъ сочиненій, стр. 392—393.

[4]) *Макарій*, VI, 50 и 21—23.

[5]) Д. къ А. И. т. II, № 76, стр. 189: „Належащія ради нужа греческимъ властемъ отъ нечестивыхъ варваръ не возмогоша рустіи митрополиты въ Константинъ градъ поставленіи ради святительскаго шествія творити, ниже посланія свободна имѣти: и тамъ единою *посланіемъ* съ четырми патріархи согласившися, и по согласію пріяша и сіи рустіи митрополити власть *отъ греческихъ патріархъ, паче же отъ константинопольскаго* еже... своими епископи избранія митрополія творити и поставлятися“... Въ Никоновской редакціи сказанія встрѣчаемъ очень важный варьянтъ: „того ради единою посланіемъ съ четырьми патріархи согласившеся и по согласію пріяша и рустіи митрополити отъ *палестинскихъ патріархъ*, еже... и проч. Печатн. Кормчая, 1804 г., л. 7.

[6]) *Свящ. П. Николаевскій*, указ. соч., стр. 17, прим. 1, *проф. А. Павловъ*, l. c., стр. 764—765, прим. 55.

и было неудобно, если существовалъ формальный разрывъ съ патріархатомъ. Но принять благословеніе отъ другого патріарха митр. Өеодосій былъ готовъ: въ 1464 г. онъ съ удовольствіемъ сообщилъ паствѣ, что іерусалимскій патріархъ „самъ поиде въ землю нашу, хотя намъ, по свышней ему силѣ благодати св. Духа, *дати свое благословеніе отъ руки своя*“ [1]). Патріархъ не дошелъ въ Русь: онъ умеръ на дорогѣ. Вмѣсто себя за сборомъ милостыни онъ прислалъ своего протосинкелла Іосифа, котораго поручилъ митр. Өеодосію рукоположить въ митрополиты Кесаріи Филипповой, что, конечно, и было исполнено. Русскій митрополитъ, недавно еще получавшій поставленіе въ Константинополѣ, теперь самъ поставляетъ митрополита. Лучшаго подтвержденія автокефальности русской церкви нельзя было желать московскому правительству [2]).

Такимъ образомъ іерусалимскій патріархатъ дѣйствуетъ всецѣло въ интересахъ Москвы. Ничего подобнаго относительно константинопольскаго патріарха неизвѣстно [3]). Напротивъ, московское правительство всѣми мѣрами старается оградиться отъ его притязаній. Въ этихъ цѣляхъ, между прочимъ, при митр. Өеодосіи, но еще при жизни великаго князя Василія Васильевича, составленъ былъ особый трактатъ для оправданія автокефальности русской церкви, именно такъ называемое „слово избранно отъ св. писаній еже на латыню и сказаніе о съставленіи осмаго сбора латыньскаго и о изверженіи Сидора прелестнаго, и о поставленіи въ рустѣй земли митрополитовъ, о сихъ же похвала благовѣрному великому князю Василію Васильевичу всея Руси“ [4]). Не заключая въ себѣ какихъ-либо новыхъ основаній къ утвержденію автокефальности русской церкви, слово это является

---

[1]) А. И. ч. I № 78, стр. 128. Здѣсь находимъ важное указаніе на значеніе Сіонскаго храма: о немъ митр. Өеодосій замѣтилъ, что это *„всѣмъ церквамъ глава и мати сущи всему православію“*. Значитъ главенство константинопольской соборной церкви въ то время не признавалось.

[2]) *Проф. А. Павловъ*, l. c., 763; П. С. Л. VIII, 151; Никон. Лѣт., VI, 2.

[3]) Въ подтвержденіе противоположной мысли обыкновенно ссылаются на грамоту митр. Іоны къ патр. Геннадію, гдѣ сказано: „благословенія отъ твоея великія святыни требовати хощемъ, также ото всѣхъ, кто ли ни будетъ патріархъ на патріаршествѣ“. А. И. т. I, № 263. Но эта грамота сохранилась безъ начала и безъ обозначенія именъ митрополита и патріарха. Лишь по догадкѣ издателей она приписана Іонѣ и адресована Геннадію. Проф. Павловъ съ большею вѣроятностью относитъ грамоту къ числу документовъ по сношенію Москвы съ Іерусалимомъ: вышеприведеннымъ словамъ грамоты вполнѣ соотвѣтствуетъ указаніе митр. Өеодосія, что іерусалимскій патріархъ шелъ въ Москву, „хотя намъ дати свое благословеніе отъ руки своея“. *Проф. Павловъ*, l. c., 764.

[4]) *А. Поповъ*, Историко-литературн. обзоръ полемич. сочиненій, стр. 360—390.

какъ бы сводомъ мотивовъ къ церковной реформѣ, которыми руководилось московское правительство: флорентійская унія и измѣна грековъ православію выдвинуты здѣсь какъ исключительное основаніе права самостоятельнаго поставленія митрополитовъ на Москвѣ, у гроба св. Петра.

Въ Москвѣ не ограничились, однако, этими мѣрами публицистической защиты и прибѣгли къ болѣе реальнымъ средствамъ для огражденія себя отъ константинопольскихъ притязаній. Послѣ окончательнаго раздѣленія митрополіи, когда эксъпатріархъ Григорій поставилъ Исидорова ученика Григорія митрополитомъ въ Кіевъ, на московскомъ соборѣ 1459 г. русскіе епископы повторили данное при поставленіи обѣщаніе: „быти неотступнымъ" отъ митр. Іоны и „повиноваться ему во всемъ". Къ этому они присоединили и другой обѣтъ быть неотступными и повиноваться также и тому митрополиту, который послѣ смерти Іоны будетъ поставленъ на Москвѣ, въ соборной церкви, у гроба св. Петра митрополита [1]). Невозможно допустить, чтобы въ извѣстномъ спорѣ съ Григоріемъ московскій соборъ упустилъ сослаться на грамоту четырехъ патріарховъ, если бы таковая существовала.

Но что такой грамоты вовсе не было, лучшимъ доказательствомъ служитъ заявленіе московскаго правительства по поводу полученнаго изъ Царьграда предупрежденія о попыткахъ Исидорова ученика Григорія добиться въ Константинополѣ признанія за нимъ правъ на единую митрополію всея Руси. Сообщившій объ этомъ въ Москву митрополитъ Кесаріи Филипповой Іосифъ, московскій ставленикъ, указалъ, что Григорій просилъ патріарха отправить по этому дѣлу посла къ великому князю. Попытка Григорія потерпѣла неудачу въ Константинополѣ по основаніямъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ автокефальности московской митрополіи [2]). Но въ Москвѣ эти сообщенія произвели большой переполохъ, и великій князь по соглашенію съ митрополитомъ и соборомъ прибѣгъ къ крайней мѣрѣ и умыслилъ

---

[1]) Р. И. Б., VI, стр. 630; ср. ib., № 92.

[2]) Въ 1465—1470 г. Иванъ III писалъ объ этомъ архіепископу новгородскому слѣдующее: Григорій „посылалъ до Цараграда посла своего, ищучи себѣ благословенія и подтвержденія отъ царьградскаго патреярха, а хотячи того, какъ бы ему быти у насъ въ дому пречистыя Богородицы и у чюдотворца Петра на Москвѣ, да чтобы о немъ патреархъ посла своего послалъ до меня, да отъ того деи много порекль злата... И тотъ деи патріярхъ Симонъ человѣкъ деи разсудителенъ, да у того же Григорьева посла поминковъ не принялъ, а отрекъ деи ему такъ: азъ самъ живу въ убожествѣ, въ бесерменскихъ рукахъ, въ чюжой неволѣ, а наше ся уже православіе изрушило". Р. И Б., VIII, 710—711.

„того ми посла патреарша, ни Григорьева, и въ землю свою впущать не велѣть: не требую его, ни его благословенья, *имѣемъ его отъ себя самаго того патреярха чюжа и отречена* и его посла и того окаяннаго Григорія" [1]). Этимъ торжественнымъ отреченіемъ московское правительство не только подчеркивало отсутствіе какой-либо зависимости отъ Константинополя, но формально заявляло о полномъ прекращеніи сношеній съ бывшимъ представителемъ вселенской церкви: идти дальше на пути „формальнаго разрыва" было некуда.

Надо думать, что для огражденія себя отъ подобныхъ попытокъ со стороны патріарха или кіевскаго митрополита московское духовное правительство придумало и ввело въ вышеупомянутый епископскій обѣтъ существенныя прибавки. Въ повольной грамотѣ на поставленіе митрополита, переписанной на имя тверскаго епископа Вассіана (поставленнаго въ 1478 г.), сказано: „а къ митр. Спиридону, нарицаемому Сатанѣ, *взыскавшему въ Цариградѣ поставленія*, въ области безбожныхъ турокъ отъ поганаго царя или кто будетъ иный митрополитъ поставленъ отъ латыни или *отъ турскаго области*, не приступати мнѣ къ нему, ни пріобщенія, ни соединенія ми съ нимъ не имѣти никакова" [2]). Въ чинѣ же епископскаго исповѣданія временъ митр. Симона (1495—1511) этотъ обѣтъ введенъ какъ общее правило [3]), поэтому же вполнѣ естественной является и замѣна обѣщанія въ чинѣ избранія и поставленія въ епископы—не принимать инаго митрополита, „развѣе кого поставятъ изъ Царяграда"—другимъ обѣтомъ: не признавать другаго митрополита, „развѣе кого поставятъ отъ нашего великаго истиннаго православія... а не отъ латынъ, ни отъ иныхъ которыхъ раздѣленій церковныхъ нашему великому истинному православію" [4])

Указанныя прибавки получаютъ серьезное практическое значеніе и легко объясняются только при допущеніи того формальнаго разрыва, о которомъ шла рѣчь выше; наоборотъ, онѣ не могли бы имѣть мѣста, какъ совершенно излишнія и ненужныя, если бы су-

---

[1]) Р. И. Б., VI, стр. 711.

[2]) Р. И. Б., VI, стр. 684, прим. 2 и легенды №№ 92 и 109.

[3]) Тамъ же, стр. 451, прим. 3: „отрицаюся же и проклинаю Григоріева Цамблакова церковнаго раздранія, яко же и есть проклято; такожде отрицаюся Исидорова къ нему пріобщенія и ученика его Григорія, церковнаго раздрателя, и ихъ похваленія и съединенія къ латинству, съ ними же и Спиридона, нарицаемаго Сатану, *взыскавшаго въ Царьградѣ поставленія* въ области безбожныхъ турокъ поганаго царя. Такожде и всѣхъ тѣхъ отрицаюся, еже по нимъ когда случится кому пріити на Кіевъ отъ Рима латинскаго или *отъ Царяграда Турецкія державы*".

[4]) Тамъ же, стр. 454, прим. 10.

ществовала патріаршая грамота, утверждающая автокефальность русской церкви. Не даромъ же возражалъ противъ этихъ прибавокъ Максимъ Грекъ и даже написалъ на эту тему особое сказаніе [1]). На судѣ его обвиняли между прочимъ въ томъ, что онъ говорилъ многимъ: здѣсь на Москвѣ митрополитъ поставляется своими епископами русскими безъ благословенія патріарха цареградскаго, „а все то за гордость не пріемлютъ патріаршескаго благословенія, ставятся собою *самочинно* и безчинно". Максимъ оправдывался, что онъ лишь желалъ узнать, почему русскіе митрополиты не ставятся по прежнему обычаю у цареградскаго патріарха? Но хотя ему и говорили, что патріархъ цареградскій далъ благословенную грамоту русскимъ митрополитамъ, „поставлятися имъ вольно своими епископы на Руси, но онъ много тое грамоты пыталъ и до сѣхъ мѣстъ не видалъ ея" [2]).

И такъ вопреки волѣ константинопольскаго патріархата русская церковь получила автокефальность политическими мѣрами московскаго правительства. Эта крупная церковная реформа имѣла важное значеніе и въ исторіи отношеній церкви къ государству. Съ устраненіемъ правъ константинопольскаго патріархата отпало одно изъ важныхъ средствъ огражденія церковной іерархіи отъ посягательствъ свѣтской власти, и преобладаніе государственнаго авторитета надъ церковнымъ съ этихъ поръ было упрочено.

Но вопросъ объ отношеніи властей очень скоро послѣ описанныхъ событій былъ снова поставленъ, хотя при другихъ условіяхъ и по инымъ поводамъ.

---

[1]) Сочиненія, ч. III, стр. 154: „Сказаніе къ отрицающимся на поставленіе и клянущимся своимъ рукописаніемъ русскому митрополиту и всему священному собору, еже не принимати поставленія на митрополію и на владычества отъ римскаго папы латинскія вѣры и отъ цареградскаго патріарха, оны во области безбожныхъ турковъ поганаго царя и поставленнаго отъ нихъ не пріимати".

[2]) Прѣніе митр. Даніла съ инокомъ Максимомъ Святогорцемъ, стр. 5 и 13.

Верховники и дворянство [1]).

(Историческія замѣчанія по поводу книги: *Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в. Д. А. Корсакова*).

Е. А. Бѣлова.

Настоящая книга сборникъ статей, которыя авторъ помѣщалъ въ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ съ 1878 по 1887 г. Всѣ очерки и замѣтки относятся преимущественно ко времени отъ кончины перваго русскаго императора Петра I-го до Екатерины II-й. Исторія этого времени совсѣмъ еще не подвергалась строгому критическому изслѣдованію, явленія этого времени совсѣмъ не приведены въ связь не только съ отдаленными, но и ближайшими, предшествовавшими событіями.—Жестокія казни, которыя разразились надъ Долгорукими и Д. М. Голицынымъ, униженіе, которому хотѣли подвергнуть фамилію Голицыныхъ, въ лицѣ одного изъ ея членовъ въ дикой забавѣ, извѣстной подъ названіемъ свадьбы въ Ледяномъ Домѣ, казнь Волынскаго и другія подобныя событія болѣе всего занимали авторовъ монографій съ ихъ внѣшней стороны. Поэтому и опускали изъ виду что всѣ означенныя событія имѣли корни въ отдаленномъ прошломъ. Вотъ объ этой-то связи политическихъ процессовъ XVIII ст. съ отдаленнымъ прошлымъ мы и будемъ говорить. Указаніе на эту связь необходимо для уясненія фактовъ, которыхъ въ отдѣльныхъ очеркахъ касается лежащій передъ нами сборникъ. Бо́льшая часть книги, заглавіе которой выписано нами, посвящена процессамъ верховниковъ и противниковъ ихъ. У насъ слова аристократія и дворянство въ понятіи большинства грамотныхъ людей почти тождественны, что на

[1]) Рефератъ въ Историч. Общ. при Петербуг. Унив. 9 окт. 1891 г.

самомъ дѣлѣ не одно и тоже. Попытка верховниковъ, при вступленіи на престолъ Анны, вызвать реакцію дворянства противъ существующаго порядка, вполнѣ показала различіе ихъ интересовъ. Авторъ сборника въ данномъ случаѣ вполнѣ различаетъ аристократію отъ дворянства. Мы поэтому постараемся съ своей стороны показать причину различія и разлада въ связи съ общимъ ходомъ русской исторіи.

Русское боярство московскаго періода сложилось изъ потомства мужей, старшихъ членовъ княжескихъ дружинъ, мужей, по выраженію проф. Сергѣевича, сильныхъ своею силою, а не пожалованіемъ. Къ этимъ мужамъ присоединились потомки князей изъ племени св. Владиміра, единокровные съ московскими государями и потомки Гедимина, В. к. Литовскаго, единокровные съ польской королевской фамиліей Ягеллоновъ, а по брачнымъ связямъ и съ племенемъ св. Владиміра. Къ нимъ же примкнули потомки татарскихъ царевичей. Основываясь на своемъ происхожденіи, бояре и присвоили себѣ право быть исключительно членами Боярской Думы и воеводами. Этотъ порядокъ сталъ нарушаться только при Алексѣѣ Михаиловичѣ; при отцѣ его онъ былъ еще крѣпокъ: тридцать одна фамилія владѣла исключительнымъ правомъ занятія высшихъ должностей ихъ членами.

И это несмотря на тѣ удары, которые боярству нанесъ Грозный.

Ниже бояръ стояли сословія дѣтей боярскихъ и дворянъ. Они были безъ всякихъ политическихъ притязаній.

Естественно, что между этими сословіями и боярствомъ существовалъ разладъ.

Разладъ въ верхнихъ слояхъ русскаго общества обнаружился впервые при объединеніи Восточной Руси въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го в., когда возникъ вопросъ—кто будетъ наслѣдовать Ивану III—его сынъ Василій отъ второго брака или его внукъ Дмитрій Ивановичъ, сынъ Ивана Молодого, сына Ивана III отъ перваго брака, слѣдовательно обнаружился тогда, когда и самое слово дворянинъ имѣло не то значеніе, какое оно получило при Петрѣ. —Кто былъ сторонникомъ Василія?—Дьяки и дѣти боярскіе. Кто былъ сторонникомъ Дмитрія? Аристократія и во главѣ ея бояре-князья Патрикѣевы, предки Голицыныхъ и Ряполовскіе. Вожди той и другой партіи почти всѣ сложили головы на плахахъ за исключеніемъ Патрикѣева.

Не то ли же было въ XVIII ст.? Представитель аристократическаго элемента князь Д. М. Голицынъ принадлежалъ къ упорнымъ противникамъ реформы Петра, но противленіе его основывалось на весьма узкой тенденціи. Вся она выражается въ слѣдующихъ его словахъ: „къ чему намъ нововведенія; развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ живали наши отцы, безъ того, чтобы иностранцы являлись къ намъ и давали намъ законъ?“

Развѣ вы не слышите тотъ же боярскій голосъ, что Софья Палеологъ пришла къ нашему настроенію, голосъ XV в., что худо перемѣнять старые обычаи на новые? Изъ-за этой перемѣны бояре XV в. возненавидѣли Софью Палеологъ, изъ-за этой же перемѣны князь Д. М. Голицынъ не могъ простить разводъ Петра съ Лопухиной, ненавидѣлъ Екатерину Скавронскую и ея дочерей. Патрикѣевы и Ряполовскіе, защищали права Димитрія изъ ненависти къ сыну Софьи, Голицыны и Долгорукіе выбрали на престолъ Анну изъ ненависти къ потомству Екатерины Скавронской.

Бояре XV и XVI в. не могли понять стремленій обоихъ удивительныхъ, какъ выразился Пушкинъ, Іоанновъ; такъ и въ XVIII в. Голицыны, представители старины, не понимали Петра.

Историки очень много занимались идеалами, на которыхъ выросла власть московскихъ государей. Проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, разбирая Историческіе очерки г. Дьяконова о власти московскихъ государей, сдѣлалъ цѣнное замѣчаніе, что г. Дьяконовъ опустилъ изъ виду важный факторъ,—чаяніе русской землей—ея единства.

Вотъ на этомъ-то чаяніи, помимо всѣхъ идеаловъ, и выросла власть московскихъ государей, а такъ-называемые идеалы византійскіе или иные только внѣшняя оболочка, орудіе для исполненія чаянія единства русской земли.—По нашему убѣжденію это чаяніе единства русской земли и должно быть поставлено на первомъ планѣ при объясненіи исторіи образованія власти московскихъ государей. Въ этой исторіи это чаяніе единства не только одинъ изъ факторовъ, по выраженію К. Н. Бестужева-Рюмина, но главный и руководящій факторъ. Идеалы власти—это нѣчто книжное, а сознаніе необходимости объединенія русской земли—жизненный фактъ, сама жизнь. Безъ потребности, изъ жизни вытекающей, книжный идеалъ и остался бы въ книгахъ, если только безъ нея онъ могъ явиться. Не идеалы сокрушили, смяли, истёрли въ порошокъ удѣльныя княжества, а потребности жизни. Отъ этого такъ ничтожны, такъ слабы оказались передъ московскимъ государемъ *даже* Великіе князья Тверскіе, и Великіе князья Рязанскіе, такія сильныя вѣчевыя общины, какъ Новгородъ и Псковъ. Такой-то стихійной силѣ бояре думали противостоять съ преданіями, вынесенными изъ обломковъ дружинно-вѣчевой старины.

Отыскивая идеалы, на которыхъ будто бы выросла власть московскихъ государей, историки посмотрѣли и на Іоанновъ только какъ на государей, увеличивавшихъ свою власть, и незамѣтили, что они оба были прежде всего люди идеи—единства русской земли. Къ такимъ людямъ идеи принадлежалъ и Петръ — его идея просвѣщеніе русской земли. Отъ того-то они всѣ трое такъ и страшны, холодно безпощадны къ тѣмъ, которые становились поперегъ дороги на путяхъ

къ осуществленію ихъ идей. Когда Ивана III просили освободить его братьевъ изъ заключенія, онъ отвѣчалъ: освободить ихъ и они, по смерти моей, снова замутятъ русскую землю и Русь снова будетъ рабою татаръ. И такъ въ умѣ его главная идея благо, единство русской земли, родство отступаетъ на заднiй планъ. Назначеніе Василія наслѣдникомъ приписываютъ интригамъ Софьи, не лучше ли приписать мнѣнію Іоанна, что Василій болѣе способенъ понять его дѣло, чѣмъ внукъ Дмитрій, сторонникъ павшихъ удѣльныхъ князей? Бояре, особенно княжата отъ племени Св. Владиміра, исключительно занятые родовыми счетами, могли ли это понять? Внукъ Ивана III, царь Иванъ Васильевичъ, не придававшій никакого значенія происхожденію, вразумлялъ ихъ отъ священнаго писанія, что Богъ и изъ камней можетъ создать чадъ Авраама, а на постоянныя напоминанія о племени Св. Владиміра отвѣтилъ, что не тѣ чада Авраама, которыя отъ сѣмени Авраама, а тѣ, которыя живутъ по заповѣди Авраама. Если взглянуть на дѣло безпристрастно, то увидимъ, точно также, какъ бояре при Іоаннѣ III за перемѣны, вызванныя жизнію, возненавидѣли Софью, такъ при Петрѣ Голицыны, Долгорукіе перенесли всю ненависть на Екатерину Скавронскую—не за ея недостатки или пороки, а за реформы мужа и за ея происхожденіе. (См. стр. 224 въ разбираемой книгѣ). Для Петра же значеніе происхожденія не существовало. Интригамъ Екатерины и Меншикова приписали гибель царевича Алексѣя послѣ рожденія Екатериною сына, забывая, что еще въ 1704 г. Петръ писалъ сыну: „я взялъ тебя въ походъ показать тебѣ, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Я сегодня или завтра могу умереть; но знай, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру.—Ты долженъ любить все, что служитъ къ благу и чести отечества, долженъ любить вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, свои они будутъ или чужіе, и не щадить трудовъ для общаго блага. Если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ, то я не признаю тебя своимъ сыномъ". Въ другомъ письмѣ къ сыну Петръ говоритъ, лучше чужой да хорошій, чѣмъ свой да дурной. Вотъ вамъ второе съ нѣкоторыми перемѣнами изданіе исторіи отношеній Іоанна къ Софьѣ и ко внуку отъ перваго брака!

Люди, подобные Голицыну, судили Петра съ точки зрѣнія рутины, между тѣмъ какъ Петръ разрушалъ установившуюся рутину съ верху до низу, внѣ ея они жизни не понимали, а онъ ненавидѣлъ и презиралъ жизнь въ предѣлахъ этой рутины. Кровавaго столкновенія съ развалившимся боярствомъ у него не было именно потому, что оно развалилось. Уже Шакловитый назвалъ боярство зяблымъ деревомъ. Петръ поэтому сквозь пальцы смотрѣлъ на глухую оппозицію боярства, а представителямъ ея князьямъ Голицынымъ Ди-

митрію и Михаилу даже оказывалъ уваженіе за ихъ государственныя и военныя заслуги. При томъ же у Петра было много другихъ враговъ въ лицѣ разнаго сорта суевѣровъ.

По смерти Петра настала эпоха временщиковъ, опасное и суетное время по выраженію современниковъ, и вотъ въ это-то опасное и суетное время двѣ фамиліи задумали воскресить боярскія притязанія, облачивъ ихъ въ шведскій мундиръ. Не было историка, который не порицалъ бы олигархической попытки Долгорукихъ и Голицыныхъ, но месть, которая надъ ними разразилась, жестокость этой мести и со стороны Анны, *нечаянно* получившей отъ нихъ престолъ, отзывающаяся крайней неблагодарностію, набросила особенный колоритъ на эти событія, возбудивъ къ нимъ справедливое состраданіе.

Меншиковъ началъ рядъ вышеупомянутыхъ временщиковъ, когда палъ этотъ Голіафъ, какъ называли его современники, всѣ радовались, но вотъ настало время Долгорукихъ, стало еще хуже, близкіе люди не смѣли другъ съ другомъ говорить, расхищеніе государственнаго имущества происходило совершенно беззастѣнчиво и вотъ эта фамилія, непопулярность которой росла съ конца XVII в., входитъ въ планы другой фамиліи захватить въ свои руки верховную власть. Не эти планы насъ изумляютъ, съ ними мы уже знакомы со временъ Шуйскихъ, а то, что такіе умные люди, какъ Дмитрій и Михаилъ Голицыны, вступили въ союзъ съ фамиліей, которая въ концѣ XVII в., своею надменностію, соединенною съ административною неспособностію, произвела стрѣлецкіе бунты (см. Ж. М. Н. П. 1881 г., январь, февраль, мои статьи „Московскія смуты въ концѣ XVII в.“), которая при Петрѣ II наводила на всѣхъ ужасъ.— Когда замыселъ верховниковъ сталъ извѣстенъ, единодушный испугъ дворянства засвидѣтельствовалъ шаткость этого замысла; кромѣ того, что дворянство испугалось олигархическаго преобладанія нѣсколькихъ фамилій, способнаго подавить остальное дворянство, оно испугалось и властолюбивой жестокости и надменности Долгорукихъ, отъ которой только-что надѣялись избавиться по смерти Петра II-го. Такое отношеніе массы дворянства къ дѣлу верховниковъ объясняетъ быстрое, безслѣдное паденіе ихъ дѣла. Нужна была вся безтактность правительства Анны, чтобы заставить Россію забыть старыя вины Долгорукихъ и сдѣлать эту фамилію самою популярною изъ всѣхъ фамилій, которыя ведутъ свой родъ отъ племени св. Владиміра. Д. А. Корсаковъ приводитъ слѣдующія слова внука Ивана Алексѣевича, князя Ивана Михайловича: конецъ столь неожиданный, столь страшный, исполненный столькихъ страданій—искупилъ всѣ грѣхи юности князя Ивана, и его кровь, оросившая новгородскую почву, эту древнюю

колыбель русской политической жизни, должна примирить его память со всѣми врагами нашего рода.

И примирила. Иначе и быть не могло. У г. Корсакова обстоятельно изложены средства, которыми у Ивана Долгорукаго старались въ Березовѣ выпытать мнимыхъ сообщниковъ, подпаивая двадцатилѣтняго болтливаго Долгорукаго. Страшныя подробности казни Долгорукихъ извѣстны всѣмъ, казни эти не могли не вызвать ужаса и негодованія даже въ XVIII в., Когда Долгорукіе были сосланы, всѣ молчали и относились къ ссылкѣ ихъ равнодушно, но когда, спустя нѣсколько лѣтъ, извлекли ихъ изъ ссылки для новаго процесса и казней, тогда сочувствіе обратилось на сторону Долгорукихъ. Это сочувствіе обнаружилось всего болѣе при Елизаветѣ Петровнѣ; когда вывели на казнь Остермана и Миниха, на площади, среди народа раздались крики за Долгорукихъ. Процессъ князя Димитрія Голицына былъ менѣе извѣстенъ въ массѣ народа; но среди грамотнаго люда всѣхъ сословій, этотъ процессъ, по своему приказному крючкотворству, долженъ былъ сильно ронять авторитетъ власти Анны. Никакія государственныя цѣли, никакія государственныя соображенія не руководили Анною при этихъ процессахъ. Ею руководилъ только страхъ, чтобы случайно доставшійся ей престолъ не перешелъ въ потомство Петра. Поэтому, когда Долгорукихъ допрашивали, то всячески вымогали у нихъ признанія въ сношеніяхъ съ царевною Елизаветою, несмотря на весьма извѣстныя враждебныя отношенія къ ней Долгорукихъ.

Всѣ эти подозрѣнія относительно Елизаветы, хотя временно усиливали опасность, въ которой она находилась по смерти Екатерины I-й или Петра II-го, но потомъ послужили ей въ пользу. Эти подозрѣнія прокладывали ей дорогу къ престолу. Послѣ заключенія Димитрія Голицына въ Шлиссельбургѣ и казней Долгорукихъ, Волынскаго, все чаще и чаще стали вспоминать о потомствѣ Петра Великаго, что и повело къ перевороту, доставившему Елизаветѣ престолъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ такъ отозвался о замыслахъ верховниковъ:

„Еслибы гордые замыслы Долгорукихъ и прочихъ совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостного состоянія, ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство, нынче же желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противъ общаго зла“. (Соч. Пушкина въ одномъ томѣ изд. Павленкова, стр. 1138).

Пушкинъ основу нашего дальнѣйшаго развитія видѣлъ въ освобожденіи крестьянъ, и въ томъ же отрывкѣ онъ говоритъ: политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ. Замѣчательно, что Пушкинъ судилъ, какъ историкъ, между тѣмъ многіе историки судятъ объ этомъ дѣлѣ, какъ поэты. Онъ на первомъ планѣ поставилъ политическій вопросъ, понимая что послѣ рѣшенія его легче будетъ рѣшить филантропическіе и экономическіе вопросы.

Исторія Польши подтверждаетъ вышеприведенныя слова Пушкина: гордая польская олигархія, вкупѣ со всею шляхтою, наканунѣ паденія Польши, готова была умертвить тѣхъ членовъ сейма, которые осмѣливались говорить объ освобожденіи крестьянъ.

Замыслы верховниковъ—послѣдній отголосокъ боярщины, уже перерождавшейся въ вельможество.

Въ заключеніе нашихъ словъ о верховникахъ, прежде чѣмъ перейдемъ къ дворянству, считаемъ небезполезнымъ сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній. На стр. 132, говоря о пріѣздѣ въ Новгородъ Ушакова, начальника Тайной розыскныхъ Дѣлъ Канцеляріи, и о допросѣ Ивана Долгорукаго о зломъ умыслѣ, „чтобы въ Россіи самодержавію не быть, а быть бы республикѣ", авторъ, къ сожалѣнію, не выяснилъ, что подало поводъ къ подобнаго рода допросамъ? Намъ кажется, что его же книга даетъ матеріалъ для разрѣшенія этого вопроса. На стр. 254 упоминается, что въ числѣ книгъ у кн. Д. М. Голицына находились сатиры итальянца Боккалини, въ которыхъ Испанія представлялась представительницею тираніи, а Венеція—убѣжищемъ свободы. Понятно, что олигархическая венеціанская республика возбуждала сочувствіе верховниковъ, имъ не могъ не нравиться Венеціанскій Сенатъ, члены котораго выбирались изъ ограниченнаго круга аристократическихъ фамилій, причемъ изъ числа этихъ же фамилій выбирался и пожизненный король подъ названіемъ дожа, зависѣвшій отъ Сената. Можетъ быть, нравилась и трехчленная коллегія Государственныхъ Инквизиторовъ, охранявшихъ власть аристократіи даже отъ нея самое; но спрашивается, что могло быть пріятнаго для массы русскаго дворянства въ замѣнѣ одного тогдашняго начальника Тайной Канцеляріи Ушакова еще болѣе полномочными тремя инквизиторами, тремя тиранами? Еще ближе была къ Россіи другая аристократическая республика—Польша, которая отличалась отъ Венеціи только тѣмъ, что дальновидная венеціанская аристократія очень заботилась о матеріальномъ благосостояніи народа, оставляя его въ умственномъ отношеніи при примитивныхъ дѣтскихъ понятіяхъ. Въ Польшѣ такой дальновидности не бывало. Венеціанскую систему могли усвоить только іезуиты, которые этой системой, въ XVIII в., руководствовались въ Парагваѣ. Устройство, которое верховники хотѣли дать Россіи, и Во-

лынскій, какъ увидимъ ниже, называетъ республикою. Вообще, чтобы въ головахъ читателей не путались понятія, нужно чаще напоминать, что до основанія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, въ XVIII ст. всѣ республики были болѣе или менѣе аристократическаго строя, что подъ словомъ свобода понималась безконтрольная власть аристократіи надъ народомъ.

Въ такъ-называемомъ дѣлѣ о поддѣлкѣ Долгорукими завѣщанія мало придано значенія датскому послу Вестфалену и его совѣту возвести на престолъ княжну Екатерину Алексѣевну Долгорукую, невѣсту покойнаго Императора. Намъ кажется, что Вестфаленъ не поддерживалъ, а направлялъ въ этомъ дѣлѣ князей Ивана и Алексѣя Долгорукихъ. Опасенія усиленія Голштинскаго Дома, по тогдашнимъ отношеніямъ Даніи, были настолько сильны, что, можетъ быть, не безъ его вліянія состоялось и самое избраніе Анны Іоанновны. Замыселъ о подложномъ завѣщаніи былъ такъ нелѣпъ, что никакіе источники, не провѣренные строгой критикой, не убѣдятъ насъ, будто въ этомъ замыслѣ видную роль игралъ князь Василій Лукичъ Долгорукій. Почему же этотъ Василій Лукичъ не поддержалъ князя Алексѣя Григорьевича, когда послѣдній, намѣкая о престолонаслѣдіи дочери своей, показалъ „нѣкое письмо, якобы завѣтъ Петра II?“ Иностранцы говорятъ, что у княжны Долгорукой была сильная партія, но Соловьевъ замѣтилъ, что тѣ же иностранцы говорятъ о всеобщемъ нерасположеніи къ Долгорукимъ. Гдѣ же сильная патрія? Д. А. Корсаковъ говоритъ, что Василій Лукичъ, опытный, искусный дипломатъ, никогда не шелъ къ цѣли прямою дорогою, но кто же шелъ тогда прямымъ путемъ? Избраніе Анны на престолъ есть дѣло далеко не прямое.—Постараемся это показать. Соловьевъ такъ говоритъ объ избраніи Анны Іоанновны: „почему князь Димитрій Голицынъ остановилъ свой выборъ на Аннѣ, это понятно: онъ смотрѣлъ не очень благосклонно на бракъ Петра Великаго съ Екатериною и на дѣтей, отъ этого брака произошедшихъ; притомъ, когда пресѣклось мужское колѣно, то имѣли право обратиться къ старшей женской линіи; завѣщаніе Екатерины І-й установило порядокъ престолонаслѣдія, *нельзя было приводить, какъ актъ неоспоримый*; кромѣ молодости и отсутствія серьезности въ поведеніи, цесаревну Елизавету отстраняли отъ трона права племянника, сына старшей сестры, герцога Голштинскаго; но малолѣтство послѣдняго не давало никакого обезпеченія, а пріѣздъ его отца никому не могъ быть желаемымъ. Анна же слыла женщиною очень умною, отличалась серьезностію поведенія, величественною, царственною наружностью; пріѣзжая въ Петербургъ и Москву изъ Митавы всегда съ просьбами о помощи, о поддержкѣ, она старалась заискать расположеніе всѣхъ и потому

оставляла послѣ себя пріятное воспоминаніе (Ист. Россіи, Т. XIX, стр. 243).

Вотъ какъ историкъ, объясняя избраніе Анны, оправдываетъ его; но, для опроверженія этихъ разсужденій, сопоставимъ съ ними его же сужденія объ Аннѣ, высказанныя черезъ нѣсколько страницъ: „Мы уже нѣсколько разъ встрѣчались съ герцогинею Курляндскою и все въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ея жизни. Жизнь ея до сихъ поръ была дѣйствительно незавидная. Раннее и бездѣтное вдовство въ странѣ слабой, за вліяніе на которую спорили три сильныхъ сосѣда, сдѣлало изъ Анны игрушку политическихъ отношеній и соображеній; она стала невѣстою всѣхъ бѣдныхъ принцевъ, желавшихъ получить Курляндію въ приданое; планы о бракѣ ея составлялись и раздѣлывались, смотря по отношеніямъ между Россіей, Польшей и Пруссіей; непріятное было положеніе Анны при великомъ дядѣ; еще непріятнѣе при Екатеринѣ I и Петрѣ II. Чаша униженія была выпита до дна; а натура была жестокая, гордая, властолюбивая, чувствительная къ униженію. Во всемъ препятствія, борьба: за отношенія къ Бестужеву гоненіе отъ матери царицы Прасковьи, на которую Анна была очень похожа *жестокостью и энергіею*; понравился Морицъ-Саксонскій, неблагодарный рабъ разстроиваетъ дѣло; изъ-за Бирона непріятная исторія съ Бестужевымъ. Выбрали въ Императрицы, когда Аннѣ было уже 37 лѣтъ; но князь Василій Лукичъ привезъ ограничительные пункты и требуетъ, чтобы Биронъ не ѣздилъ въ Москву“ (тамъ же, стр. 269).

Въ этомъ отрывкѣ очень умная, серьезная Анна является уже съ добавочной характеристикой. Натура ея гордая, жестокая, властолюбивая, жестокостію напоминающая мать ея царицу Прасковью.

Чтобы уяснить себѣ, какъ мало историческаго безпристрастія въ этихъ сужденіяхъ, вникнемъ въ причины, которыя, по мнѣнію историка, давали болѣе правъ Аннѣ. Сперва о личностяхъ: Елизавету отстраняла отъ престола ея молодость и отсутствіе серьезности; Анна же слыла женщиною очень умною; отличалась серьезностью поведенія, говоритъ историкъ. Неизвѣстно, на чемъ основана репутація очень сильнаго ума Анны и еще болѣе серьезности ея поведенія? Въ чемъ состояло отсутствіе серьезности у Елизаветы? Молодая дѣвушка любила веселиться. Развѣ это преступленіе?—Вотъ что говоритъ о Елизаветѣ тотъ же историкъ передъ ея вступленіемъ на престолъ: „Опальное положеніе, уединенная жизнь Елизаветы при Аннѣ послужили къ выгодѣ для цесаревны. Молодая, вѣтренная, шаловливая красавица, возбуждавшая разныя чувства, кромѣ чувства уваженія, исчезла. Елизавета возмужала, сохранивъ свою красоту, получившую теперь спокойный, величественный,

царственный характеръ“ (Т. XXI, стр. 123). Развѣ въ 1730 г. нельзя было надѣяться, что Елизавета, вступая на престолъ, измѣнится? Развѣ двадцатилѣтнюю дѣвицу можно было отстранить отъ престола за веселость и шаловливость? Елизавета и по вступленіи на престолъ любила веселиться, но развѣ забавы Анны не были во сто разъ хуже и вреднѣе для нравовъ общества? Припомните ледяной домъ. Говорили о фаворитахъ Елизаветы, и потому цѣломудренные верховники избрали Анну. Да развѣ верховникамъ неизвѣстны были отношенія Анны къ Бестужеву? Развѣ не они требовали, чтобы Анна не брала съ собою Бирона, развѣ они его отношеній къ Аннѣ не знали?

И такъ первая причина избранія ханжествомъ и лицемѣріемъ закрываетъ виды верховниковъ.

Вторая причина избранія Анны, выставляемая Соловьевымъ— та, что, за пресѣченіемъ мужского колѣна дома Романовыхъ, *имѣли право* обратиться къ старшей женской линіи. Во 1-хъ кто имѣлъ право, кромѣ Земскаго Собора, рѣшать важный вопросъ о престолонаслѣдіи? Во 2-хъ въ младшей женской линіи былъ членъ фамиліи мужского пола, что признаетъ и самъ Соловьевъ, именно внукъ Петра—сынъ герцога Голштинскаго. Малолѣтство его не могло лишить его права на престолъ, а учрежденіе регентства, его составъ опять-таки могли быть рѣшены только Земскимъ Соборомъ. Если рѣчь идетъ о правѣ, о которомъ въ этомъ дѣлѣ, конечно, никто не думалъ, то право сына герцога Голштинскаго было несомнѣнно и помимо завѣщанія Екатерины I, которое нельзя было считать актомъ несомнѣннымъ, ибо въ дѣйствительности трудно рѣшить—кто его подписывалъ.

Что же заставляло верховниковь избрать Анну? Отвѣчаемъ прямо—одна ненависть къ реформамъ Петра и изъ за нихъ къ его семейству. Князь Дмитрій Михайловичъ по своимъ воззрѣніямъ вполнѣ принадлежалъ эпохѣ стараго боярства и, по своему гордому аристократизму, онъ, какъ выразился г. Корсаковъ, съ высокомѣріемъ, доходящимъ почти до презрѣнія, относился къ Мартѣ Скавронской и къ дочерямъ ея — Аннѣ и Елизаветѣ (стр. 224). Голицынъ, кромѣ того, могъ думать, что Анна, глубоко унижаемая при дворѣ Петра, гдѣ ее иначе не называли, какъ Ивановна, изъ чувства мести, будетъ содѣйствовать верховникамъ разрушить дѣло Петра; но верховники, какъ изъ ненависти къ нѣмцамъ, такъ и изъ желанія скрыть любовныя похожденія избранницы своей, потребовали, чтобы она не брала съ собою Бирона и этимъ требованіемъ задѣли ее за самую чувствительную струну.

Въ этомъ пунктѣ и таился разладъ Анны съ верховниками! Планы верховниковъ разоблачали ихъ конфиденты. Бригадиръ Козловъ, пріѣхавъ въ Казань, прямо говорилъ Волынскому, тогдашнему

губернатору, что въ случаѣ, если Анна не будетъ согласна на проведеніе плановъ верховниковъ, то ее отошлютъ назадъ въ Курляндію; пусть будетъ довольна и тѣмъ, что она Россійская Государыня (Соловьевъ, т. XIX, стр. 263, 264). Вотъ вамъ и толки о правахъ. Объ этихъ толкахъ мы и говоримъ только ради выясненія побужденій избрать Анну на престолъ. Все сказанное нами ясно показываетъ, что толки о легкомысліи Елизаветы и правахъ Анны были только пустыми словами лицемѣрія, что этими толками прикрывались эгоистическія побужденія верховниковъ, не болѣе. Удивительно, что Соловьевъ выставляетъ эти толки, какъ нѣчто серьезное, но еще удивительнѣе, что Д. А. Корсаковъ одного Василія Лукича Долгорукаго выставляетъ хитрецомъ, который шелъ кривыми путями.

Нельзя оставить безъ вниманія рѣзкое и одностороннее, мимоходомъ высказанное сужденіе Д. А. Корсакова о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, якобы губителѣ *русскихъ* архіереевъ. Хотя Д. А. Корсаковъ мимоходомъ упоминаетъ о Ѳеофанѣ, но взглядъ на этого сотрудника Петра характеризуетъ въ значительной степени и взгляды его на преобразовательную эпоху вообще. Поэтому мы и позволимъ себѣ остановиться на этой выдающейся личности въ нашей исторіи XVIII в. Подъ эгидой религіозной ревности, архіереи неученые, какъ Георгій Дашковичъ, и ученые, но необразованные, какъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, вели борьбу съ Ѳеофаномъ противъ науки *вообще*, какъ безсознательныя орудія іезуитовъ, руководимыя только своими личными, эгоистическими побужденіями. Дозволимъ себѣ напомнить дѣло, поводомъ къ которому послужила книга Стефана Яворскаго „Камень Вѣры“. Книгу эту запретилъ еще Петръ Великій, дабы, говоритъ Соловьевъ, не возбудить религіозной вражды, вовсе несоотвѣтствовавшей цѣлямъ преобразованія. И Стефанъ Яворскій, подъ видомъ опроверженія лютеранизма, дѣйствительно возбуждалъ вражду противъ иноземцевъ вообще и противъ служившихъ въ Россіи въ особенности, притомъ же возбуждалъ въ формѣ, несоотвѣтствующей его сану. Вотъ отрывокъ изъ книги „Камень Вѣры“, который приводитъ Соловьевъ: „Приходятъ къ намъ иноземные наставники въ овчихъ кожахъ, а внутри волки хищные, отворяющіе подъ видомъ благочестія двери всѣмъ порокамъ. Ибо что проистекаетъ изъ этого нечестиваго ученія? Убивай, кради, любодѣйствуй, лжесвидѣтельствуй, дѣлай, что угодно, будь равенъ самому сатанѣ по злобѣ; но только вѣруй во Христа и одна вѣра спасетъ тебя. Такъ учатъ эти хищные волки“ (Ист. Россіи, т. XX, стр. 290—291). Всякій, и не будучи богословомъ, пойметъ, какъ искажено здѣсь ученіе Лютера объ оправданіи вѣрою, безъ которой, по его мнѣнію, самъ по себѣ человѣкъ ничего не можетъ выдумать добраго. Послѣ Петра изданіе этой книги поручили Ѳеофи-

лакту Лопатинскому, арх. Тверскому. Протестантскіе теологи Буддей и Мосгеймъ доказали, что всѣ возраженія Стефана Яворскаго противъ лютеранства ничего самостоятельнаго не имѣютъ, что они заимствованы у полемистовъ католическихъ. Испанскій доминиканецъ Рибейра вступился за Стефана Яворскаго и задѣлъ Ѳеофана Прокоповича, какъ архіерея, склонявшагося, по его мнѣнію, къ лютеранизму, а Ѳеофилактъ Лопатинскій дошелъ до того, что приписалъ книгу Буддея Ѳеофану! Лопатинскому запретили писать; вслѣдъ за тѣмъ выходитъ „Молотокъ на Камень Вѣры", брошюра, написанная какимъ-то протестантомъ, автора не нашли, но нашли переводчиковъ книги Рибейры, защитниковъ Лопатинскаго, и вышло дѣло. Въ Молоткѣ Стефанъ Яворскій названъ іезуитомъ, католикомъ. Ѳеофанъ естественно долженъ былъ защищаться. Кто же виноватъ-то? Кто дорожитъ умственнымъ и культурнымъ развитіемъ Россіи, тотъ не оправдаетъ враговъ Ѳеофана, которые довели его до того, что онъ, по его словамъ, *во снѣ пугался и на-яву боялся.* Да еще говорятъ, что *онъ* губилъ русскихъ архіереевъ. Говорятъ о ненависти Ѳеофана къ Долгорукимъ; но должно имѣть въ виду, что между Долгорукими и Голицыными съ одной стороны и Ѳеофаномъ съ другой была принципіальная вражда. Умнѣйшій изъ Долгорукихъ Василій Лукичъ, какъ и указалъ Корсаковъ, былъ орудіемъ іезуитовъ и особенно аббата Жюбе распространенія въ Россіи католицизма и въ Ѳеофанѣ видѣлъ серьезнаго противника. Съ другой стороны, могъ ли Ѳеофанъ оставаться равнодушнымъ къ проискамъ іезуитовъ и къ сознательнымъ или безсознательнымъ орудіямъ ихъ [1])?

Борьба протестантовъ и католиковъ на русской почвѣ не новость. Мы не говоримъ уже о вѣковыхъ попыткахъ папъ присоединить къ ихъ паствѣ русскихъ, но нельзя не указать, что со временъ реформаціи послѣдователи ея сами высматриваютъ въ Россіи союзницу въ борьбѣ съ папствомъ. Въ концѣ XVII в. іезуиты пріобрѣли сильное вліяніе въ Москвѣ, патріархъ Адріанъ говорилъ: „умри я, и вся Москва очутится въ рукахъ іезуитовъ". Замѣчательно, что іезуиты свое пораженіе

---

[1]) Петръ Великій наблюдалъ равновѣсіе между Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и Стефаномъ Яворскимъ. Оба ему были нужны: Стефанъ Яворскій былъ очень авторитетенъ и его книга. „Знаменія пришествія Антихриста", значительно разсѣяла глупые толки, что Петръ антихристъ. Петръ прощалъ Яворскому многое; но еще болѣе нуженъ ему былъ Ѳеофанъ—защитникъ знанія, науки. Петръ, говоритъ Соловьевъ, отнялъ у церкви патріарха, но зато далъ ей знаніе, науку. Это сильное орудіе мало уважали преемники власти Петра до Екатерины. Представителемъ этого орудія и былъ Ѳеофанъ. Естественно, что по смерти Петра сторонники Яворскаго обрушились на него, и онъ принужденъ былъ всѣ силы своего ума обратить на свою защиту.

въ Москвѣ болѣе приписывали проискамъ протестантовъ, чѣмъ проницательности русскихъ духовныхъ властей. Тогда въ концѣ XVII в., сознаніе о необходимости для Россіи ученья, о необходимости европейской науки, проявилось весьма сильно. Но гдѣ искать эту науку? Большинство грамотныхъ людей думало искать знанія въ странахъ католическихъ, но Петръ поворотилъ дѣло въ другую сторону и указалъ на страны протестантскія, преимущественно на Англію и Голландію. (См. Ж. М. Н. П., январь-февраль 1887 г., мои статьи: „Московскія смуты конца XVII в.").

Олигархическіе замыслы верховниковъ въ связи съ указанными нами религіозными вопросами получаютъ еще болѣе освѣщенія.

Дворянство не только не стало на сторону верховниковъ, но оказало имъ сильнѣйшую оппозицію. Причина оппозиціи весьма рельефно изображена въ письмѣ казанскаго губернатора Волынскаго: „Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ или уже и сдѣлано, чтобы быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій; и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и припуждены будемъ горше прежняго идолопоклонствовать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понынѣ между главными какъ бы согласно ни было, однако впредь у нихъ конечно безъ раздоровъ не будетъ и такъ одинъ будетъ миловать, а другіе, на того яряся, вредить и губить станутъ. Второе, понеже нашъ народъ наполненъ трусостію и похлѣбствомъ (угодничествомъ) и для того, оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и манить главнымъ персонамъ для бездѣльныхъ своихъ интересовъ или страха ради".

Далѣе Волынскій опасается даже, что бездѣльные, т.-е. личные или ничтожные интересы возьмутъ до такой степени верхъ, что Россія останется безъ войска, особенно, если изъ арміи будетъ выпущено подлое (т.-е. низшее) шляхетство (дворяне-пахари), которое разучится работать и будетъ разбоями добывать хлѣбъ.

Такимъ же сильнымъ противникомъ верховниковъ и еще сильнѣйшимъ былъ В. Н. Татищевъ, историкъ и государственный человѣкъ. Его исторія до смутнаго времени окончена была около 1740 г.,—онъ умеръ въ 1760 г.,—а напечатана была только при Екатеринѣ II, въ 1768 г. Императрица Елизавета, находясь подъ вліяніемъ духовенства, не дозволила ее печатать, ибо у Татищева встрѣчаются рѣзкіе нападки на духовенство, и авторъ за эти нападки прослылъ атеистомъ.

Очень жаль, что авторъ сборника не перепечаталъ вполнѣ своихъ статей о Волынскомъ, помѣщавшихся въ журналѣ „Древняя и Новая Россія" за 1876—77 гг., дополнивъ ихъ матеріалами, которые

вышли послѣ. Такая перепечатка съ дополненіями была бы цѣннымъ вкладомъ въ литературу по русской исторіи. Настоящая же статья, написанная по просьбѣ М. И. Семевскаго, по поводу устройства памятника на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина, Хрущова, значительно сокращена, научный характеръ потеряла, да и назначенію своему—почтить память невинно погибшихъ—не удовлетворяетъ. Имя Волынскаго вызвало сочувствіе поэта Рылѣева и оправдательный отзывъ Екатерины II. Кто не знаетъ стиховъ Рылѣева:

„Отецъ семейства, приведи
„Къ могилѣ мученика сына,
„Да закипятъ въ его груди
„Святое чувство гражданина".

А вотъ и отзывъ Екатерины II: „Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако, не измѣнникъ, но, напротивъ того, добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ направленіямъ своего отечества. И такъ смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ". Авторъ приводитъ эти слова, но они ослаблены уже неумѣренной темнотой красокъ. При данномъ же случаѣ, по поводу памятника, слова Екатерины II и стихотвореніе Рылѣева должны были бы руководить перомъ автора или онъ долженъ былъ отказаться взять на себя этотъ небольшой, особенно для него, трудъ. Вообще, темныя стороны въ дѣятельности Волынскаго, съ легкой руки Шишкина, очень ужъ преувеличиваются. и давать имъ много мѣста въ статьѣ, которая имѣла значеніе надгробнаго слова, едва ли согласно даже съ чувствомъ правды. Рѣчь на этотъ разъ должна была бы идти о томъ, за что погибъ Волынскій.

Для характеристики дворянства XVIII в. любопытна статья. „Никита Алферовичъ Кудрявцевъ и его потомство". Она даетъ много любопытныхъ, бытовыхъ подробностей, уясняющихъ нашу исторію XVIII вѣка. Н. А. Кудрявцевъ—одинъ изъ второстепенныхъ дѣятелей при Петрѣ Великомъ, въ родѣ Курбатова, извѣстнаго прибыльщика. Чтобы не вдаваться въ излишнія подробности, укажемъ на двѣ личности изъ потомства Никиты Кудрявцева по женской линіи, на Андрея Петровича Нормацкаго и на сына его Петра Андреевича. Авторъ такъ характеризуетъ перваго: „А. П. былъ крутъ и даже жестокъ съ своими крѣпостными; въ его домѣ, первоначально выстроенномъ съ башнями, тайниками и подземельями, находились тюрьмы съ цѣпями, кольцами, колодками, рогатками, т. наз. кобылами и прочими орудіями домашняго помѣщичьяго „нравоученія"; но не этими, слишкомъ обыденными дѣяніями для того времени, закрѣпилъ Нормацкій свое имя въ народной памяти: онъ прославился

просто грабежомъ и разбоемъ, промыслами весьма популярными и выгодными въ то время въ среднемъ и нижнемъ Поволжьи; ими занимались всѣхъ чиновъ люди: и бѣглые крестьяне, и солдаты, и колодники, и заводскіе рабочіе и инородцы; бывали грабители и разбойники и изъ дворянъ-помѣщиковъ (и довольно было, добавимъ мы), типическимъ представителемъ которыхъ является А. П. Нормацкій" (Изъ жизни рус. дѣятелей, стр. 58). Его село Шуранъ, притонъ бѣглыхъ, развилось въ организованное разбойничье гнѣздо, мимо котораго не было, по свидѣтельству современниковъ, ни проходу, ни проѣзду. Замѣчательны его отношенія къ Лаишевской воеводской канцеляріи, которая трусила шуранскаго барина. „Андрей Петровичъ производилъ періодическіе набѣги, „конно и оружно" на сіе присутственное мѣсто и просто-на-просто разгонялъ подъячихъ и сжигалъ компрометирующія его бумаги" (тамъ же, стр. 59). Росъ этотъ субъектъ и мужалъ въ царствованіе Анны и Елизаветы, разбойничалъ, должно полагать, въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы и въ царствованіе Екатерины до 1772 г. Утопленъ былъ въ Иртышѣ по приказанію самоуправнаго сибирскаго губернатора Чичерина.

Петръ Андреевичъ Нормацкій, сынъ предыдущаго, учившійся въ Казанской гимназіи, со времени ея основанія въ 1758 году, былъ нрава тихаго, съ мистическимъ настроеніемъ, сооружалъ церкви и колокола отъ Казани до Шурана. „Народъ, говоритъ авторъ, до сихъ поръ весь колокольный звонъ отъ Казани до Шурана считаетъ сооруженнымъ Нормацкимъ. Онъ возмущался помѣщичьимъ произволомъ надъ крѣпостными и мечталъ объ освобожденіи собственныхъ крестьянъ" (тамъ же стр. 61).

Дворяне Казанской губерніи, невозмущавшіеся подвигами его отца, подали Императрицѣ прошеніе о сумасбродныхъ намѣреніяхъ Петра Нормацкаго. Онъ признанъ былъ сумасшедшимъ и водворенъ на жительство въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Весьма жаль, что авторъ не добился самъ или не указалъ, къ какому времени этотъ фактъ относится, былъ онъ до Грамоты 1785 г. или послѣ? Во всякомъ случаѣ онъ запечатлѣнъ тѣмъ духомъ нетерпимости, который все болѣе и болѣе мыслящихъ людей выкидывалъ, такъ сказать, изъ среды дворянства въ ряды бюрократіи,—этотъ духъ нетерпимости, который требовалъ отъ своихъ членовъ подчиненія мнѣніямъ дворянской массы. Благодаря этому духу, оно должно было передать въ руки бюрократіи всю силу въ государствѣ, на что и не имѣетъ права роптать. Лучшія, благороднѣйшія силы прогрессивнаго движенія вышли изъ среды дворянства, но эти силы болѣе всего и боролись противъ узкосословной закорузлости большинства дворянства. Напрасно удивляются, что сословіе, выставившее столь

много замѣчательныхъ военныхъ и гражданскихъ дѣятелей, всегда было слабо, какъ корпорація. Извѣстный нашъ экономистъ кн. Васильчиковъ впервые сдѣлалъ это замѣчаніе о корпоративной слабости дворянства, причину которой мы видимъ отчасти въ означенной нетерпимости и въ томъ историческомъ процессѣ, посредствомъ котораго сформировалось это сословіе.

Нынѣшнее дворянство въ томъ видѣ, какъ его застала Грамота 1785 г., сформировано умомъ дальновиднѣйшихъ русскихъ государей — Іоанна Грознаго и Петра Великаго. Дворяне въ удѣльный періодъ составили личную стражу князей; въ ряду дружинниковъ это былъ самый послѣдній рядъ, вполнѣ зависѣвшій отъ князя. Дворянинъ получалъ отъ князя землю, но терялъ ее, если оставлялъ у него службу. Эта потеря отличала дворянъ отъ бояръ и дѣтей боярскихъ, которые ни въ какомъ случаѣ земель не теряли. Дворянинъ, слѣдовательно, былъ лицо вполнѣ зависимое отъ князя. Іоаннъ Грозный былъ первый государь, который возвысилъ наименованіе дворянинъ, учредивъ чинъ Думнаго Дворянина. Проф. Загоскинъ, въ исторіи права, такъ выражается объ этомъ учрежденіи: „оно должно было служить средствомъ умѣренія аристократическаго элемента въ составѣ Думы Боярской; оно давало возможность вводить въ составъ Думы людей *незнатнаго происхожденія*, людей, для которыхъ закрытъ былъ или затрудненъ доступъ къ высшимъ чинамъ боярина и окольничаго". Отъ Грознаго до Петра В., число Думныхъ Дворянъ все возрастало, вмѣстѣ съ тѣмъ и названіе дворянинъ становилось все почетнѣе, а Петръ В. подъ этимъ именемъ объединилъ вмѣстѣ съ дворянами и потомство князей, бояръ, дѣтей боярскихъ. Всѣ стали дворяне, при чемъ Петръ даровалъ право на дворянство прапорщикамъ и гражданскимъ чиновникамъ 8 класса, которые происходили не изъ дворянъ.

Грозный вѣрно намѣтилъ назначеніе дворянства, возвышавшееся по его указанію, Петръ—закончилъ дѣло. Грозный дворянина противопоставилъ потомкамъ тѣхъ мужей, которые, по вышеприведенному выраженію пр. Сергѣевича, были сильны собственною силою. (См. Князь и Вѣче).

Мудрено ли, что замыслы Долгорукихъ и Голицыныхъ сокрушились объ это сословіе.

Въ теченіи XVIII в. выслужившееся вельможество не только замѣнило родословное боярство, но затемнило и самыя преданія о немъ Многое измѣнилось, но и вельможество не отказывалось отъ стремленій къ олигархической конституціи. Въ началѣ XIX в. извѣстный князь Платонъ Зубовъ, послѣдній любимецъ Екатерины II, пожалованный въ князья Романо-германскимъ императоромъ графъ

Строгоновъ, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей Александра I, мечтали о такой олигархической конституціи. Возникъ вопросъ—на кого опереться? О народѣ и говорить было нечего. На дворянство?

Но вотъ что по поводу дворянства высказалъ Строгоновъ, и его слова могутъ служить иллюстрацiей и къ событіямъ временъ верховниковъ: „Сословіе это самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу наиболѣе глупое; вотъ картина большей части нашего сельскаго дворянства. Тѣ же, которые получили нѣсколько тщательное образованіе, немногочисленны... Большая часть дворянства, состоящаго на службѣ, къ несчастію, ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды и очень часто служитъ плутуя"...

Что вызвало этотъ рѣзкій, черезъ-чуръ рѣзкій отзывъ? Дальнѣйшія слова Строгонова объясняютъ въ чемъ дѣло, вотъ они: „Всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію *правъ дворянства*, выполнялась съ изумительною точностію и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодамъ и чести сословія". (Семейство Разумовскихъ, Васильчикова, т. II, стр. 57).

Inde irae! дворяне исполняли мѣры правительства, противныя чести и выгодамъ дворянства. Но ни слова не говорится, выгоды, эти были ли выгодны другимъ сословіямъ и государству? Съумѣли ли бы сами порицатели дворянства согласить свои выгоды съ выгодами государства? Въ заключеніе замѣтокъ о дворянствѣ, должно сказать, что вслѣдствіе различныхъ элементовъ, вошедшихъ въ его составъ, въ его средѣ, уже при Аннѣ, обнаружился разладъ между родовитымъ шляхетствомъ и, по выраженію XVIII в., подлымъ шляхетствомъ. (См. выше письмо Волынскаго [1]).

---

[1]) Читателю нечего докладывать насколько интересна книга Д. А. Корсакова, сколько вопросовъ она возбуждаетъ. Наши замѣчанія вызваны побужденіемъ видѣть ея второе, исправленное изданіе. Поэтому мы еще выразимъ желаніе, чтобы тамъ, гдѣ авторъ ссылается на архивные документы, ссылки эти подтверждались бы обстоятельными выписками, безъ которыхъ архивныя работы теряютъ цѣну. Пожелаемъ также и болѣе внимательной корректуры и чтобы не встрѣчались описки въ родѣ, напр., такой, что внукъ Ивана III назывался Иванъ Дмитріевичъ.

Выслуженныя вотчины въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.

А. С. Лаппо-Данилевскаго.

Со второй половины XVI вѣка вещное вотчинное право въ Московскомъ государствѣ осложнилось такою формой землевладѣнія, о которой мы до этого времени почти ничего не знаемъ. При царѣ Иванѣ Грозномъ правительство стало выдавать служилымъ людямъ вотчины въ видѣ награды за исправную и нерѣдко тяжелую службу [1]). Въ дѣлопроизводствѣ по пожалованію разныхъ лицъ такими выслуженными вотчинами, въ объемѣ правъ, какими пользовались подобнаго рода вотчинники, наконецъ, въ экономическихъ и юридическихъ послѣдствіяхъ, вызванныхъ этими пожалованіями, возможно отмѣтить довольно любопытныя особенности, которыя, однако, не подвергались спеціальному изслѣдованію.

Натуральное хозяйство и недостатокъ въ денежныхъ капиталахъ принуждали Московское правительство къ замѣнѣ денежныхъ расходовъ по содержанію войскъ раздачею земельныхъ участковъ. Эти

---

[1]) *К. Неволинъ*, Исторія гражданскихъ законовъ, ч. II, кн. 2, § 277. По мнѣнію К. Неволина (ibid., § 282) земли жаловались въ вотчину еще въ XIV в. Иное мнѣніе высказалъ *В. Сергѣевичъ* (Вольные и невольные слуги Московскаго государства въ „Наблюдателѣ“ 1887 года, № 2, стр. 64, прим. 11). По этому мнѣнію полъ Волока Ламскаго даны были Родіону Нестеровичу въ 1332 году въ вотчину въ смыслѣ наслѣдственнаго кормленія. Въ самомъ дѣлѣ, самый терминъ „вотчина“ означалъ, главнымъ образомъ, законный способъ пріобрѣтенія имущества по наслѣдованію (Ср. *К. Аксаковъ*, Собр. соч., т. I, стр. 416; *А. Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, стр. 22), а неопредѣленность законодательства по вопросу о выслуженныхъ вотчинахъ еще въ XVI вѣкѣ подтверждаетъ справедливость сказаннаго въ текстѣ.

участки раздавались служилымъ людямъ Московскаго государства, какъ средство для службы и вознагражденіе за службу. Въ помѣстныхъ дачахъ сказывалась та и другая точка зрѣнія; въ вотчинныхъ—скорѣе вторая. Приэтомъ вотчина выдавалась не за всякую службу, а за службу почему-либо особенно тяжелую. Выслуженная вотчина была такимъ образомъ своего рода служебнымъ отличіемъ ея владѣльца.

Чаще всего (по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ XVII в.) подобнаго рода вотчины выдавались лицамъ, претерпѣвшимъ „осадныя сидѣнія". Важнѣйшихъ осадныхъ сидѣній въ XVII вѣкѣ было два: одно при царѣ Василіи (1610 г.), другое при царѣ Михаилѣ (1618 г.). Рѣже встрѣчаются пожалованія за Троицкое, еще рѣже за Устюжское осадныя сидѣнія [1]). За осадныя сидѣнія въ небольшихъ городахъ, какъ напр., Лихвинѣ, Михайловѣ, Галичѣ, Зарайскѣ, также выдавалось вознагражденіе служилымъ людямъ, но не въ видѣ вотчиннаго оклада, а въ видѣ увеличенія помѣстнаго и денежнаго окладовъ и разныхъ царскихъ подарковъ, кубковъ, шубъ, мѣховъ и лоскутовъ разныхъ матерій [2]).

Не одни осадныя сидѣнія однако давали право служилому человѣку на вотчинную дачу: выслуженныя вотчины выдавались и за походы, какъ напримѣръ, Смоленскій и Виленскій походы 7162—7164 годовъ [3]) и за походы противъ Дорошенка [4]). Служилые люди, ходившіе въ Троицкій походъ на защиту царей Ивана и Петра отъ стрѣльцовъ въ 1682 г. или противъ татаръ въ 1670-хъ годахъ и въ 1682 году, получили вотчины въ вознагражденіе [5]). По окончаніи походовъ, по случаю заключенія мира, напримѣръ, съ крымскимъ ханомъ и турецкимъ султаномъ въ 1681 году или съ Польшей въ 1686 году, служилые люди также награждались вотчинными дачами [6]). Наконецъ,

---

[1]) Такъ, напримѣръ, за Артеміемъ Ивановичемъ Чагинымъ въ Тверскомъ уѣздѣ была вотчина за Троицкое осадное сидѣніе (Арх. Мин. Юстиціи, Дозорная кн. Тверского уѣзда 7123 года, кн. 467, л. 153). Жалованная грамота за Устюжское осадное сидѣніе 7128 г., апр. 14 хранится въ Императ. Публичн. Библіотекѣ. Ср. *К. Калайдовичъ* и *П. Строевъ*, Описаніе рукоп. Ѳ. Толстова, отд. I, № 411 (№ 294). М. 1825 г.

[2]) Временникъ М. О. И. Д., т. IV, Матеріалы, стр. 21—24.

[3]) П. С. З., т. II, № 631 (1676 года, февраль 23); № 640 (1876 года, мая 9).

[4]) Доп. къ А. И., т. IX, № 30 (1668 г., марта 27). П. С. З., т. II, № 671 (1677 г. янв. 8); № 732 (1678 г.. сент. 29).

[5]) П. С. З., т. II, № 1114 (1685 г., марта 28). *Е. Щепкина*, Старинные помѣщики на службѣ и дома, Спб., 1890 г., стр. 40. Доп. къ А. И., т. IX, № 92 (1682 г. февр. 1); № 120 (1682 г. февр. 20).

[6]) П. С. З., т. II, № 863 (1681 г. мая 3); № 1187 (1686 г. апрѣля 26); № 1197 (1686 г. іюня 29). *Е. Щепкина*, Ibid.

въ жалованныхъ грамотахъ такія награды мотивируются иногда какимъ-либо особеннымъ усердіемъ, выказаннымъ служилыми людьми во время приготовленій къ походу, мобилизаціи войскъ. Такъ, напримѣръ, Новгородскимъ дворянамъ велѣно было дать вотчины изъ ихъ помѣстныхъ окладовъ за то, что они сами собою изъявили готовность идти на помощь Государю въ 1682 году [1]). Но служилый человѣкъ могъ отличиться и не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ осадныхъ сидѣніяхъ или походахъ; въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ право на нѣсколько вотчинъ и дѣйствительно получалъ ихъ. Такъ напримѣръ, Богданъ Мотовиловъ владѣлъ въ Ярославскомъ уѣздѣ вотчиною „за царя Васильево осадное сидѣніе и за королевичевъ приходъ“. Жильцамъ Гаврилу и Кириллѣ Болотовымъ выдано было въ вотчину: первому за крымскіе походы—43 чети (полудесятины), по случаю заключенія мира съ Польшей—28 ч. и за Троицкій походъ 36 ч., всего 107 четвертей; у Кириллы оказалось нѣсколько больше, всего 143 ч. Наоборотъ, служилые люди, которые „были на службахъ близко домовъ своихъ, а на бояхъ не были или въ тѣхъ городѣхъ по приказомъ были“, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ службахъ вотчинами не награждались. [2]). Вышеуказанные поводы пожалованія разныхъ лицъ вотчинами не имѣли одинаковаго значенія за весь разсматриваемый нами промежутокъ времени. Первоначально служилые люди награждались по заслугамъ; съ теченіемъ времени, однако, награды эти стали выдаваться скорѣе въ силу обычая всѣмъ участникамъ похода.

Такая перемѣна, быть можетъ, находилась въ связи съ процессомъ смѣшенія помѣстій съ вотчинами. Пока помѣстье отличалось отъ вотчины, пока понятіе о помѣстьѣ тѣснѣе связано было съ понятіемъ объ условномъ владѣніи, а вотчинныя права приближались къ полнымъ правамъ собственности, выдача вотчинъ изъ государственныхъ порозжихъ или помѣстныхъ земель равносильна была отчужденію этихъ земель въ частныя руки. Но когда помѣстья стали мало-помалу смѣшиваться съ вотчинами, то и раздача послѣднихъ не могла

---

[1]) П. С. З., т. II, № 1079 (1684 г. мая 31); № 1155 (1686 г. янв. 18). Ср. А. И., т. II, № 311, Ш. А. о. до Ю. Б., т. I, № 30, VI. *В. Берхъ*, Древ. госуд. грам. Пермской губ., № XXXIV. Сб. кн. Хилкова, № 50. Бывали также случаи, когда исправная служба вознаграждалась не вотчинною дачею, а увеличеніемъ помѣстнаго оклада. См., напр., П. С. З., т. I, № 404.

[2]) Имп. Публ. Библ.. Писц. кн. Ярославскаго уѣзда 7135—7137 гг., F IV, № 524, ст. 78. *Е. Щепкина*, Ibid., стр. 40. При перечисленіи поводовъ пожалованія мы опустили случаи вознагражденія отдѣльныхъ лицъ за какія-либо чрезвычайныя услуги, оказанныя самому государю или членамъ его семейства, какъ случаи исключительные и весьма рѣдко встрѣчающіеся.

уже имѣть для правительства такихъ опасныхъ послѣдствій: и вотчинная земля изъ службы не выходила. Впрочемъ, и при такихъ условіяхъ выслуженная вотчина продолжала выдаваться для того, „чтобы царское жалованіе за ихъ (т.-е. пожалованныхъ лицъ) великое дородство и крѣпость и храбрая служба за вѣру и за свое отечество и послѣднимъ родамъ была на память; (чтобы) ихъ службу и терпѣніе воспоминали впредь дѣти ихъ и внучата и правнучата и кто по нихъ въ роды ихъ будутъ такомъ за вѣру крестьянскую и за святыя Божіи церкви и за свое отечество противъ злодѣевъ нашихъ стояли мужественно безо всякаго позыбанія"...

Поводами и цѣлями пожалованія опредѣлялся и кругъ тѣхъ лицъ, которымъ жаловались вотчины. Чаще всего, конечно, такія вотчины выдавались служилымъ людямъ, военнымъ чинамъ. Бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы московскіе, городовые дворяне и дѣти боярскія и всякихъ чиновъ служилые люди даже (хотя и рѣдко) иноземнаго происхожденія награждались вотчинными дачами [1]). То же бывало съ гражданскими чинами, дьяками, быть можетъ, купцами [2]). Даже монастыри иногда получали такого же рода вознагражденія. Такъ напримѣръ, царь Алексѣй Михайловичъ далъ Тихвинскому монастырю вотчину „за осадное сидѣніе отъ литовскихъ и отъ нѣмецкихъ людей и за терпѣніе" [3]). Если лица, имѣвшія право на вотчинныя дачи, умирали до вознагражденія ихъ заслугъ, самое право на эти вотчины передавалось по наслѣдству; правительство признавало такого рода переходъ законнымъ, ибо выдавало наслѣдникамъ умершаго вотчину, выслуженную ихъ наслѣдодателемъ [4]).

Несмотря на разнообразіе субъектовъ пожалованія, объектомъ послѣдняго являлись обыкновенно земельные участки. Эти участки выдавались, однако, изъ разноразрядныхъ земель, въ разномъ количествѣ и на разныхъ правахъ. Довольно рѣдко встрѣчаются примѣры пожалованія изъ черныхъ земель. Такъ напримѣръ, въ 1571 г. отданъ былъ Собакину черный погостъ Телешово. Ѳ. И. Мстиславскому за Московское осадное сидѣніе дано было (въ 1618—1619 г.) нѣсколько го-

---

[1]) Перечисленіе служилыхъ людей, претерпѣвшихъ второе Московское осадное сидѣніе (1618 г.) и слѣд., выслужившихъ вотчины, см. въ С. Г. Г. и Д., т. III, № 40. Разрядн. кн., т. I, стр. 561—575. П. С. З., т. II, № 814, ст. 5.

[2]) А. о. до Ю. Б., т. I. № 72. III (1672 г.). Доп. къ А. И., т. IX, № 120 (1682 г. февр. 20). По случаю мира съ Турціей въ 1681 г. и Польскаго мира 1687 г. купцы получили помѣстья, П. С. З., т. II. № 1233 (1687 г. янв. 17).

[3]) Доп. къ А. И., т. IX, № 20 (1677 г. іюня 20).

[4]) П. С. З., т. II, № 1114 (1685 г. марта 28). Памятн. книжка Арх. Мин. Юстиціи, М. 1890 г., стр. 43.

сударевыхъ черныхъ волостей по Ветлугѣ въ вотчину [1]). Чаще производилась раздача выслуженныхъ вотчинъ изъ дворцовыхъ имѣній. Такихъ вотчинъ было, напримѣръ, въ одномъ Бѣлёвскомъ уѣздѣ до 21-й [2]). Но еще чаще выслуженныя вотчины (по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ) стали выдаваться въ видѣ опредѣленнаго процента помѣстнаго оклада. Едва ли не первымъ общимъ указомъ подобнаго рода былъ указъ царя Василія 1610 года, указъ, которымъ пятая часть (20%) помѣстья лица, претерпѣвшаго Московское осадное сидѣніе, выдавалась ему въ вотчину [3]). Быть можетъ, первоначально, подобнаго рода награду получали всѣ служащіе люди, несмотря на ту ступень служебной лѣстницы, какую они занимали. Съ теченіемъ времени, однако, опредѣляющимъ началомъ того количества четвертей земли, которое выдавалось изъ помѣстья въ вотчину, стало отчасти именно такое положеніе. Указомъ, о которомъ мы впервые узнаемъ по одному распоряженію 1668 года и который впослѣдствіи повторялся не разъ, хотя и въ нѣсколько видоизмѣненныхъ редакціяхъ, велѣно было выдавать изъ помѣстья въ вотчину:

Боярамъ	500	четвертей.
Кравчимъ	350 или 380	„
Окольничимъ	300	„
Постельничему и думному генералу . . .	280	„
Стряпчимъ съ ключемъ.	230	„
Печатнику.	220	„
Дворянамъ думнымъ.	200 „ 250	„
Дьякамъ думнымъ.	200 „ 230	„

„а стольникомъ комнатнымъ и стольникомъ и генераломъ и полковникомъ и стряпчимъ и дворяномъ Московскимъ и дьякомъ и жильцомъ и городовымъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и другихъ чиновъ людемъ велѣно давать съ окладовъ ихъ съ 100 чети по 20 четей“ [4]). Такимъ образомъ, для вознагражденія каждаго изъ высшихъ разрядовъ служилаго люда существовали особыя нормы; но для низшихъ разрядовъ по прежнему придерживались одной общей нормы. Впрочемъ,

[1]) *В. Борисовъ*, Описаніе Шуи, стр. 187; *А. Өедотовъ-Чеховскій*, Акты гражд. расправы древней Россіи, Кіевъ, 1860, т. I, № 99. стр. 316. Доп. къ А. И., т. IX, № 30.

[2]) Бѣлевская Вивліоѳика, изд. Н. Елагинымъ, т. II. №№ 3, 5—7, 10, 11, 18, 21—25, 27—30, 32, 35—37, 43, 44.

[3]) Симбирскій Сборникъ, изд. *Д. Валуевымъ*, М. 1844, отд. III, №№ 1—2.

[4]) Указная кн. пом. приказа, изд. *В. Сторожевымъ* въ Опис. Арх. Мин. Юстиціи, т. VI, стр. 25—26. Г. Сторожевъ считаетъ этотъ указъ неизданнымъ; мы встрѣчаемъ его, однако, правда, въ нѣсколько видоизмѣненной редакціи въ П. С. З., т. I, №№ 450 (1668 г.) и 512 (1672 г.). Думные генералы, упоминаемые въ этомъ указѣ, встрѣчаются уже въ 1676 г. (Древн. Росс. Вивл., ч. XX, стр. 149).

изрѣдка бывали исключенія. Такъ, напримѣръ, указомъ 18 января 1686 года велѣно было выдать Новгородскимъ дворянамъ, изъявившимъ готовность идти на помощь государю въ 1682 году „вполы" противъ Московскихъ и городовыхъ дворянъ, по 5 четей съ сотни; какъ видно, Московскіе дворяне получили по этому случаю 10%, Новгородскіе 5% своихъ помѣстныхъ окладовъ въ вотчину. Въ другой разъ (въ 1682 г.) дьяку Ивану Горохову, за службу его въ приходъ Турскихъ и Крымскихъ людей, выдано было изъ 303 четей его помѣстья до 200 четей въ вотчину [1]). Кромѣ вотчинныхъ дачъ служилые люди вознаграждались, какъ извѣстно, увеличеніемъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ, а также разною драгоцѣнною утварью и тканями [2]).

Для того, чтобы знать имена тѣхъ служилыхъ людей, которые достойны были награды (вотчинной дачи), отмежевать причитающіеся на ихъ долю участки и выдать имъ крѣпостные акты на такіе участки, правительству нужно было прибѣгать къ довольно сложному дѣлопроизводству. Лица, достойныя награды, перечислялись въ особыхъ спискахъ. Существовалъ осадный списокъ лицъ, что сидѣли въ осадѣ съ царемъ Василіемъ; къ сожалѣнію этотъ списокъ сгорѣлъ во время пожара 3 мая 1626 года [3]). Есть также указанія на книгу московскаго осаднаго сидѣнія 1618 года; но и эта книга, насколько намъ извѣстно, не сохранилась [4]). Для такихъ же цѣлей, при выдачѣ награды за походъ или по случаю заключенія мира, вѣроятно могли служить разнородныя приказныя книги по военному и гражданскому вѣдомству, какъ-то: боярскія книги, десятни, разряды и разныя росписи войскъ. Но недостаточно было самому правительству отмѣтить лицо, достойное награды. По обнародованіи указа, объявлявшаго о предстоящей наградѣ, каждый служилый человѣкъ долженъ былъ самъ заявить о своемъ существованіи, подать челобитную на имя Государя въ помѣстный приказъ. Приказной дьякъ провѣрялъ такую челобитную „вѣстовыми и послужными столпами", писалъ ее въ докладъ и по милости Государя докладывалъ по выписи. За выписью слѣдовалъ обыкновенно указъ Государя и приговоръ думы, повидимому не всегда необходимый, такъ какъ онъ не всегда встрѣчается [5]). Когда, такимъ образомъ, утверждено было за служилымъ человѣкомъ право получить

---

1) П. С. З., т. II, № 1079. Доп. къ А. И., т. IX, № 120.

2) Временникъ, М. О. И. и Д., т. IV, Матеріалы, стр. 21—24. П. С. З., т. II, № 658, 680, 732, 739.

3) Указн. кн. Пом. пр., изд. В. Сторожевымъ, стр. 61.

4) Древн. Росс. Вивл., ч. XX, стр. 307.

5) П. С. З., т. I, № 512. Временникъ М. О. И. и Д., т. IV, Матеріалы, стр. 9—21.

жалованную грамоту, выдавалась и самая грамота. Она писалась обыкновенно на большомъ листѣ съ затѣйливо разукрашенной заставною буквой за красной восковою печатью [1]). Указомъ 2 мая 1676 года жалованныя грамоты на вотчины велѣно печатать въ приказѣ книгъ печатнаго дѣла. Съ грамотъ взимались пошлины (по 2 деньги съ четверти вотчинной дачи) въ помѣстный приказъ [2]). Предоставленный служилому человѣку участокъ земли въ вотчину надо было отмѣрить и записать отмѣренную землю въ разрядъ вотчинъ, чѣмъ окончательно закрѣплялись права новаго вотчинника [3]). Но по недостатку, а иногда и по неисправности писцовъ, особенно до 1620 года, трудно было правительству точно отмѣрить помѣщикамъ количество четвертей ихъ помѣстнаго оклада, назначенное имъ въ вотчину. Послѣдняя отмѣрялась примѣрно и часто по размѣрамъ превосходила законныя нормы. Такъ напримѣръ, Булгакъ Ширшинъ въ Шуйскомъ уѣздѣ получилъ въ

---

[1]) Изъ подлинныхъ рукописныхъ грамотъ подобнаго рода я имѣлъ подъ руками всего четыре; онѣ хранятся въ Имп. Публ. Библіотекѣ. По первой Вас. Куз. Безобразовъ получаетъ участокъ въ Рузскомъ станѣ Бѣлевскаго уѣзда (7128 г. февр. 22), по второй Алексѣй и Ив. Юрьев. Александровы—участокъ въ Мстиславскомъ станѣ Каширскаго уѣзда (7128 г. марта 9). Третьей предоставляется Вас. Ив. Стрѣшневу участокъ въ Московскомъ уѣздѣ (7128 г. апр. 14), четвертой—Прокоф. Бестужеву въ Кинешемскомъ уѣздѣ. Печать изъ краснаго воска при этихъ грамотахъ обыкновенная: на одной сторонѣ гербъ, на другой надпись: „Божіей милостію великій государь и великій князь Михаилъ Өедоровичъ всеа Руси самодержецъ и многихъ господарствъ Господарь и обладатель". Приношу благодарность завѣдующему рукописнымъ отдѣленіемъ Имп. Публ. Библіотеки И. А. Бычкову, который доставилъ мнѣ возможность ознакомиться съ этими грамотами.

[2]) П. С. З., т. I, № 425; т. II, № 639. Жалованныхъ грамотъ XVII вѣка на выслуженныя вотчины напечатано значительное количество. Кромѣ общеизвѣстныхъ изданій Археографической Коммиссіи (А. Э.; А. И.; Доп. къ А. И.; А. о. до Ю. Б.; Р. И. Б.) можно найти подобнаго рода грамоты хотя бы въ слѣдующихъ изданіяхъ: Общее собр. Тамбовской Арх. Ком. 1886 г. февр. 17 (грамота 1610 года). *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи, М., 1853 г. № 10 (1613 г.). Влад. Губ. Вѣд. 1877 г., № 51. *Дубасовъ*, Очерки Тамбовскаго края, вып. I, стр. 167. Симбирскій Сборникъ, изд. *Д. Валуевымъ*, т. I, № 4 (1614 г.). *В. Берхъ*, Царствованіе Михаила Өедоровича, Приб. VIII и IX (1615 г.) Влад. Губ. Вѣд. 1856 г., № 18 (1616 г.). Древ. Росс. Вивл., ч. XVII, стр. 185—188 (1617 г.). С. Г. Г. и Д., ч. III, № 48 (1619 г.). Костр. Губ. Вѣд. 1856 г., № 18. *В. Берхъ*, Ibid., Приб. XX. *П. Ивановъ*, Обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, стр. 131 (1620 г.). Временникъ М. О. И. и Д., т. XX, стр. 17—19. Древ. Росс. Вивл., ч. IX, стр. 168—173 (1621 г.). Влад. Губ. Вѣд. 1872 г., № 35 (1622 г.); Ibid., 1876 г., № 23 (1624 г.). Древн. Росс. Вивл., ч. IX, стр. 151—155 (1627 г.); ч. XI, стр. 290. Влад. Губ. Вѣд. 1857 г., № 19 (1649 г.). Москов. Губ. Вѣдом. 1856 г., № 29 (1685 г.). Ср. также предшествовавшія и нижеслѣдующія примѣчанія

[3]) Уложеніе, гл. XVII, ст. 16.

вотчину 51 четь, вмѣсто 50, Ермолай Свѣчинъ въ Новоторжскомъ 116 вмѣсто 110, Тарасъ Хитрово владѣлъ въ Калужскомъ уѣздѣ 170 четвертями, вмѣсто 120 [1]). Кромѣ выписи съ отмѣрныхъ, межевыхъ или писцовыхъ книгъ, новый вотчинникъ получалъ изъ помѣстнаго приказа послушную грамоту, которой повелѣвалось крестьянамъ слушаться новаго господина. Такая послушная грамота выдана была, напримѣръ, крестьянамъ деревни Увеса, которая дана была Ефрему Огареву въ вотчину „за Московское осадное сидѣніе королевичева приходу" [2]). Наконецъ, отмѣренныя выслуженныя вотчины записывались въ особыя „книги записныя жалованнымъ грамотамъ". Книги эти „заключали въ себѣ записи, кому и когда пожалована вотчина. При этомъ въ книгахъ означалось точное описаніе пожалованной земли, т.-е. гдѣ какой и сколько земли и угодій пожаловано" [3]).

Все это дѣлопроизводство по пожалованію служилыхъ людей выслуженными вотчинами не отличалось быстротой. При большомъ количествѣ дѣлъ и маломъ совершенствѣ приказнаго дѣлопроизводства, жалованныя грамоты выдавались медленно и не всегда исправно. Даже заслуженные и извѣстные дѣятели не могли сразу добиться законнаго вознагражденія. Такъ, Д. П. Пожарскій три раза писалъ челобитныя государю, въ которыхъ подробно излагалъ свои заслуги и только въ 1627 году получилъ желаемое. Каждое дѣло требовало особыхъ справокъ, особаго доклада, особаго рѣшенія; такой порядокъ, разумѣется, былъ крайне тяжелымъ при большомъ количествѣ дѣлъ. Еще болѣе труднымъ стало вершеніе дѣлъ вообще и дѣлъ по пожалованію выслуженными вотчинами въ частности со второй половины 1626 года, т.-е. послѣ московскаго пожара, истребившаго большое количество дѣлъ. Рѣшеніе правовыхъ казусовъ, основанное на сравненіи даннаго случая съ прежде бывшими, и требовавшее, слѣдовательно, постоянныхъ справокъ въ прежнихъ книгахъ и столпахъ, теперь по многимъ вопросамъ потеряло точки опоры. Старались окольными путями, справками въ разныхъ приказахъ, найти остатки и намеки на рѣшенія сгорѣвшихъ дѣлъ, а все это требовало значительнаго времени. Неудивительно поэтому, что дѣла по пожалованію выслуженными вотчинами

---

[1]) *Я. Гареминъ*, Акты Шуи, № 10. Сборникъ кн. Хилкова, Спб., 1878 г., № 50. Прилож. къ родословн. книгѣ рода Хитрово, М. 1867 г., Прил. № 18, стр. 287.

[2]) Извѣстія Тамбов. уч. арх. ком., вып. XVI, Тамб. 1887 г., стр. 47.

[3]) Памятн. кн. Арх. Мин. Юстиціи, М., 1890 г., стр. 43. Въ книгахъ боярскихъ отмѣчалась также прибавка помѣстнаго оклада и увеличеніе размѣровъ жалованія. Ср. *П. Мрочекъ-Дроздовскій*, Областное управленіе въ XVIII в. въ Опис. Арх. Мин. Юстиціи, т. III, стр. 147, прим. 20.

иногда тянулись очень долго. Нерѣдко служилый человѣкъ получалъ обѣщанное вознагражденіе лишь черезъ нѣсколько лѣтъ.

Но не одна медлительность дѣлопроизводства затрудняла выдачу выслуженныхъ вотчинъ. Съ одной стороны, правительство принуждено было иногда реальныя нормы такихъ вотчинныхъ окладовъ отчасти превращать въ фиктивныя; съ другой—бывали случаи, когда и сами служилые люди незаконно владѣли земельными участками, будто бы на правахъ выслуженной вотчины. Дѣйствительная величина помѣстнаго оклада не всегда соотвѣтствовала тѣмъ его размѣрамъ, какіе назначены были служилому человѣку правительствомъ. Такъ напримѣръ, въ Каширскомъ уѣздѣ во второй половинѣ XVI вѣка, за помѣщиками и новиками числилось въ дѣйствительности 63,149$^1/_3$ четвертей, тогда какъ, судя по ихъ окладамъ, они должны были бы владѣть 84,150 четвертями земли [1]). Поэтому встрѣчались случаи когда размѣры выслуженныхъ вотчинъ на дѣлѣ бывали меньше, чѣмъ должны были бы быть, такъ какъ составляли извѣстный % неполныхъ помѣстныхъ окладовъ. Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ Уложеніемъ, по которому такимъ помѣщикамъ изъ новыхъ получаемыхъ ими помѣстій велѣно додать то, чего недоставало имъ въ вотчинномъ ихъ окладѣ [2]). Но, если въ однихъ случаяхъ, служилые люди не вознаграждались сполна, то, въ другихъ, самовольно захватывали поземельные участки на правахъ выслуженныхъ вотчинъ. Въ 1628 г., напримѣръ, помѣщики села Хорошева Веневскаго уѣзда, Туляне и Каширяне, били челомъ государю и подавали челобитную писцамъ. Помѣщики указывали на то, что одинъ изъ вотчинниковъ, Филимонъ Константиновъ, „вылгалъ" свою вотчину, „что при царѣ Василіѣ вотчинной грамоты ему не давано" и что „окладъ онъ себѣ и чети въ селѣ Хорошевскомъ прилгалъ" [3]). Розыскъ и суды по подобнаго рода челобитнымъ тянулись иногда очень долго. Такъ, Ивану Урусову въ 1613 году, дана была жалованная грамота на вотчину въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Въ 1621 г. на Урусова подана была челобитная въ незаконномъ владѣніи и лишь въ 1631 году подтверждены были его права на ту же вотчину [4]). Та-

---

[1]) Писц. кн. Московск. госуд., т. I, отд. II, стр. 1534—1535.

[2]) Улож., гл. XVII, ст. 19. Лица, которыя лишились своихъ вотчинъ, находившихся въ предѣлахъ уступленной Польшѣ территоріи (Дорогобужъ, Бѣлая, Невль, Серпѣйскъ, Новгородокъ Сѣверскій, Стародубъ, Рославль), получали, сколько имъ слѣдовало, изъ новыхъ своихъ помѣстныхъ окладовъ въ другихъ уѣздахъ государства. Улож., гл. XVII, ст. 20.

[3]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Веневскаго уѣзда 7135—7136 г., F IV. № 385, ст. 56. А. Э., т. III, № 190.

[4]) *Іер. Иліодоръ*, Описаніе Борисоглѣбскаго монастыря, Тверь, 1851 г., стр. 92 и 102.

кимъ образомъ, на Ивана Урусова подана была ложная челобитная. Для того, чтобы устранить подобнаго рода недоразумѣнія, Уложеніе постановило въ подобныхъ случаяхъ справляться по осаднымъ спискамъ, сыскивать накрѣпко и ставить челобитчиковъ съ очей на очи съ обвиняемыми въ незаконномъ владѣніи вотчинниками; „а за очи и не сыскавъ допряма тѣхъ вотчинъ не отнимать“ [1]).

Служилые люди не даромъ стремились завладѣть даже незаконнымъ образомъ земельными участками на правахъ выслуженныхъ вотчинъ. Эти права были довольно обширны, особенно въ первой трети XVII вѣка. До этого времени они не опредѣлились. Въ судебникѣ 1550 г. выслуженныя вотчины еще не упоминаются. Въ второй половинѣ XVI вѣка правительство оставляло за собою возможность признавать или не признавать право наслѣдства выслуженными вотчинами не только за родственниками, но даже и за дѣтьми вотчича [2]). Сборнымъ приговоромъ (духовенства и бояръ) 9 октября 1572 года было постановлено: „у котораго (вотчинника) въ грамотѣ будетъ ему одному вотчина написана и послѣ его та вотчина на Государя. А не будетъ у кого Государевы грамоты такія вотчины послѣ того, кого не станетъ, на Государя, хотя у кого и дѣти будутъ“ [3]). Впрочемъ, уже во второй половинѣ XVI вѣка выдавали иногда жалованныя грамоты на выслуженныя вотчины, съ предоставленіемъ полныхъ правъ распоряженія [4]). Но окончательно расширяется объемъ правъ выслужившихся вотчинниковъ лишь въ теченіе первой трети XVII в. Такая перемѣна въ характерѣ законодательныхъ нормъ касательно выслуженныхъ вотчинъ объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ вліяніемъ, какое имѣлъ на ходъ его развитія усилившійся въ смутное время высшій землевладѣльческій классъ. Въ договорѣ 1610 г. есть условіе, въ силу котораго вновь избираемый царь не долженъ былъ нарушать землевладѣльческихъ правъ и не могъ отнимать прежде данныхъ земель [5]); такое ограниченіе могло относится и къ выслуженнымъ вотчинамъ. Въ жалованныхъ грамотахъ за царя Васильево осадное сидѣніе уже вовсе не говорится о какихъ-либо ограниченіяхъ въ наслѣдованіи, а въ такихъ же грамотахъ за осадное сидѣніе „въ королевичевъ приходъ“ выслуженныя вотчины на время были прямо

---

[1]) Улож., гл. XVII, ст. 17.

[2]) А. Э., т. I, № 304. А. И., т., № 41.

[3]) А. И., т. I, № 154. Указн. кн. Пом. пр., ст. XIX. Ср. также *М. Владимірскій-Будановъ*, Христоматія по русскому праву, вып. III (изд. 1-е), стр. 36.

[4]) А. о. до Ю. Б., т. I, № 30, III. А. Э., т. 1, №№ 141, 160, 162, 215. Ср. *Г. Блюменфельдъ*, О формахъ землевладѣнія, Од. 1883 г., стр. 163—164.

[5]) С. Г. Г. и Д., т. II, № 199, стр. 394.

сравнены съ вотчинами купленными. Мало того. Указомъ 28-го ноября 1620 года велѣно было дворянамъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ и всякимъ приказнымъ людямъ, которымъ даны были жалованныя грамоты на вотчины за царя осадное Васильево сидѣніе при государѣ и царѣ Василіѣ, переписывать эти грамоты по новому государеву Уложенію противъ тѣхъ жалованныхъ вотчинныхъ грамотъ, которыя даны за Московское осадное сидѣніе въ королевичевъ приходъ [1]).

Съ прибытіемъ изъ плѣна патріарха Филарета, положеніе дѣлъ измѣнилось. Не даромъ арх. Пахомій охарактеризовалъ его, какъ нравомъ опальчиваго, мнительнаго и настолько „владѣтельнаго, яко и самому царю боятися его“. „Боляръ же и всякаго чина царскаго синклита“, продолжаетъ Пахомій, (патріархъ) „зѣло томяше заточенми необратными и инѣми наказанми“ [2]). Подъ непосредственнымъ вліяніемъ патріарха вотчины выслуженныя сравнены были съ родовыми, слѣдовательно, права ихъ владѣльцевъ понижены. Дальнѣйшее законодательство не измѣнило этой точкѣ зрѣнія на выслуженныя вотчины.

Права, какія жалованныя грамоты предоставляли вотчинникамъ на выслуженныя вотчины, въ XVII вѣкѣ состояли въ слѣдующемъ: Лица, пожалованныя вотчинами, владѣли и пользовались ими, также могли отдать ихъ въ приданое, заложить, продать, словомъ, имѣли право распоряжаться ими. Права эти связаны были не только съ лицомъ пожалованнымъ, но и съ его наслѣдниками. Выслуженныя вотчины со всѣми правами и обязанностями, какія лежали на нихъ, переходили къ женѣ или родственникамъ выслужившагося вотчига въ нисходящей и боковой линіяхъ.

Первоначально въ основѣ подобныхъ переходовъ, вѣроятно, лежала мысль о естественной, кровной связи членовъ рода между собою. Такой порядокъ предполагалъ естественный переходъ имущества отъ одного лица къ другому, смотря по ихъ степени родства, и, слѣдовательно, не нуждался въ духовномъ завѣщаніи, не подчинялся какимъ-либо законодательнымъ нормамъ. Съ теченіемъ времени наслѣдованіе получило у насъ болѣе сложный и опредѣленный характеръ. Личность нѣсколько высвободилась изъ родовыхъ путъ, но прикрѣплена была къ государству. Поэтому и наслѣдованіе стало не только законнымъ способомъ пріобрѣтенія, но и продолженіемъ личности умершаго въ лицѣ его наслѣдника, поскольку эта личность, главнымъ образомъ, опредѣлялась ея обязанностями къ государству.

---

[1]) Указн. кн. Пом. пр., ст. XIV. *М. Владимірскій-Будановъ*, Ibid., стр. 222.

[2]) *А. Поповъ*, Изборникъ, стр. 316.

Вышеуказанныя условія не могли, конечно, способствовать развитію у насъ завѣщательнаго права. Завѣщательное право предполагаетъ свободную волю завѣщателя, а таковой въ древней Россіи не существовало. Неудивительно поэтому, что и въ наслѣдованіи выслуженными вотчинами духовное завѣщаніе, судя по немногимъ скуднымъ указаніямъ, не играло, да и не могло играть особенной роли. До закона 1627 г. (см. ниже) вотчинникъ имѣлъ право передавать (по духовному завѣщанію) свою вотчину женѣ. Особенное значеніе получило духовное завѣщаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда вызвано было религіознымъ чувствомъ, когда вотчинникъ отдавалъ свою выслуженную вотчину въ монастырь по душѣ. Наконецъ, вотчинникъ иногда помимо своихъ прямыхъ наслѣдниковъ, передавалъ свое имущество чужеродцамъ [1]). Но подобнаго рода проявленія свободной воли завѣщателя не всегда сообразовались съ государственными интересами того времени; они вели къ переходу недвижимыхъ имѣній въ руки такихъ лицъ, которыя (какъ напримѣръ, женщины) не способны были отправлять съ этихъ земель лежавшія на нихъ обязанности, или становились собственностью привиллегированныхъ владѣльцевъ (какъ напримѣръ, монастырей); наконецъ, переходя иной разъ помимо прямыхъ наслѣдниковъ-родственниковъ въ чужія руки, такія земли ускользали изъ-подъ непосредственнаго правительственнаго надзора; родственники умершаго владѣльца иногда лишались наслѣдства, съ котораго должны были бы отправлять службу въ пользу государства, и, наоборотъ, тѣ же имѣнія могли сдѣлаться собственностью такихъ лицъ, которыя и безъ того уже были въ состояніи служить государству. Причины эти привели правительство къ необходимости ограничить свободу завѣщаній, выработать нормы наслѣдованія по закону болѣе сообразныя съ государственными интересами. Естественно, что оно обратилось прежде всего къ выясненію вопроса о правахъ наслѣдованія женъ, такъ какъ его разрѣшеніе тѣснѣе всего связано было съ государственными интересами, и потомъ уже коснулось вопросовъ о переходѣ выслуженныхъ вотчинъ къ монастырямъ или въ руки чужеродцевъ.

По жалованнымъ грамотамъ на выслуженныя вотчины, которыя выдавались до 3 дек. 1627 года, если дѣтей у вотчича не было, то и жена пожалованнаго вотчинника по закону наслѣдовала и пользовалась правомъ распоряженія вотчиной [2]). Если же вдова бывшаго вотчича снова выходила замужъ, а другихъ прямыхъ наслѣдниковъ не было, то вотчина поступала въ разрядъ помѣстныхъ земель, а въ

---

[1]) См. прим. 4-е на стр. 124.

[2]) *А. Өедотовъ-Чеховскій*, А. г. р., т. I, № 99 (стр. 316).

монастырь выдавались выкупныя деньги по душѣ вотчича. Иногда, однако, такая вотчина выдавалась безпомѣстному или мелкопомѣстному жениху вдовы прежняго вотчича [1]). Такой порядокъ установился еще тогда, когда Филарета Никитича не было въ Москвѣ. Но на дальнѣйшее развитіе законодательства по этому вопросу вліяніе патріарха очевидно. Онъ указалъ на несоотвѣтствіе наслѣдственныхъ правъ, предоставленныхъ вдовѣ вотчинника, съ правилами Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ. Указаніе это могло имѣть тѣмъ бо̀льшій вѣсъ, что въ наслѣдованіи родовыми вотчинами вдовы также особенными правами не пользовались: жена могла наслѣдовать по мужу (кромѣ выслуженной) одною купленною, но не родовою вотчиной. Естественно поэтому, что статья жалованныхъ грамотъ о наслѣдованіи жены по мужу его выслуженною вотчиной подверглась переработкѣ. Указомъ 3 декабря 1627 года правительство признало дѣйствующими правила Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ, а не прежде выданныя вотчинныя грамоты, „потому что вотчинныя грамоты писаны не по правилу". Такимъ образомъ, закономъ 1627 года наслѣдственныя права жены были почти уничтожены; право наслѣдовать выслуженными вотчинами оставлено было за родными и двоюродными братьями бывшаго вотчича, тогда какъ вдова получала лишь четвертую часть его „животовъ", т.-е. движимой собственности и свое приданое [2]). Но и на такомъ рѣшеніи вопроса законодательство не могло остановиться. Указъ 1627 года тотчасъ-же сталъ примѣняться. У бездѣтныхъ вдовъ отнимались вотчины, выслуженныя ихъ мужьями, передавались въ родъ бывшаго вотчича или, при несуществованіи прямыхъ наслѣдниковъ, превращались въ помѣстья. Такая постановка дѣла вскорѣ, вѣроятно, оказалась неудобной; бездѣтныя вдовы могли заложить или продать свои вотчины до указа 1627 года, накопилось много дѣлъ, которыя рѣшить было трудно въ виду неопредѣленности существовавшаго законодательства. Поэтому въ 7140 (1631—1632) г. изданъ былъ новый законъ, разъясненный Уложеніемъ. По этому закону указъ 1627 г. примѣнялся лишь со времени его появленія. Тѣ же бездѣтныя вдовы, которыя наслѣдовали вотчинами до 3 декабря 1627 г., получили право пожизненнаго пользованія ими. За то права распоряженія вдовъ выслуженными вотчинами были стѣснены: вдовы не могли ни вложить такія вотчины въ монастырь по душѣ, ни заложить или продать ихъ, такъ какъ по смерти вдовъ выслуженныя вотчины отхо-

---

[1]) *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи, № 14.

[2]) Указн. кн. пом. пр., ст. VI. См. *М. Владимірскій-Будановъ*, Христ. вып. III, стр. 230—231; 226. Улож., гл. XVII, ст. 1. *А. Өедотовъ-Чеховскій*, А. г. р., т. I, № 110, стр. 390.

дили въ родъ ихъ мужей или за недостаткомъ законныхъ наслѣдниковъ обращались въ помѣстья [1]). Но и эти ограниченія прежняго указа (3 декабря) оказались недостаточными. Вдова служилаго человѣка, у котораго были помѣстья или купленныя вотчины, получала часть помѣстья на прожитокъ и могла наслѣдовать купленною вотчиною. Въ тѣхъ случаяхъ, однако, когда покойный ея мужъ владѣлъ лишь одною вотчиною, вдова, въ силу вышеприведенныхъ законоположеній, могла остаться не причемъ. Уложеніе смягчило суровость подобной точки зрѣнія. Оно въ извѣстной мѣрѣ признало права матерей или женъ на выслуженныя вотчины, часть которыхъ выдавалась имъ въ пожизненное пользованіе по разсмотрѣнію, если по смерти ихъ мужей за ними не оставалось помѣстій или купленныхъ вотчинъ [2]). Но и эти уступки оказались не вполнѣ достаточными. Вотчинники, вѣроятно, путемъ частныхъ сдѣлокъ, напримѣръ, уплатою денежныхъ суммъ, старались иногда отклонить законныхъ наслѣдниковъ отъ претензій на вотчины, которыя передавали своимъ женамъ помимо этихъ наслѣдниковъ. Въ виду подобнаго рода злоупотребленій патріарху Іосифу послана была память Государя и думы: патріархъ долженъ былъ отказывать въ свидѣтельствованіи и печатаніи духовныхъ, въ которыхъ выслужившіеся вотчичи передавали свои вотчины бездѣтнымъ женамъ [3]).

Такимъ образомъ исторія законнаго порядка наслѣдованія выслуженными вотчинами по женской линіи сводится главнымъ образомъ къ постепенному и возможно болѣе опредѣленному ограниченію правъ наслѣдованія женщинъ. Такой рядъ ограниченій слагался подъ вліяніемъ двоякаго рода интересовъ: интересовъ церкви, которая была представительницей каноническаго взгляда на женщину, слѣдовательно, не могла сочувствовать идеѣ равноправности ея съ мужчиной, хотя бы въ области однихъ гражданскихъ правъ; интересы государства, въ силу которыхъ правительство предоставляло права наслѣдованія выслуженною вотчиною подъ условіемъ обязательной наслѣдственной службы, что очевидно возможно было лишь при наслѣдованіи по одной мужской линіи. Но ни каноническій взглядъ, ни государственная точка зрѣнія не вылились бы въ законодательныя опредѣленія, если бы разложеніе древнерусскаго, родового патріархальнаго строя не грозило бы нарушить осуществленіе этихъ убѣжденій. Въ разлагавшемся родѣ женщина все болѣе и болѣе

[1]) Указн. кн. пом. пр., ст. XXVII. См. *М. Владимірскій-Будановъ*, Ibid., стр. 243. Улож., гл. XVII, ст. 10.

[2]) Улож., гл. XVI, ст. 57; гл. XVII, ст. 2, 4, 5, 8, 11—12, 27, 49.

[3]) П. С. З., т. I, № 34.

высвобождалась изъ-подъ власти главы рода, пріобрѣтала все бóльшую и бóльшую сумму личныхъ и имущественныхъ правъ. Это высвобожденіе повліяло на характеръ наслѣдованія вообще и на наслѣдованіе выслуженными вотчинами въ частности: женщина получила, было, мѣсто на ряду съ наслѣдниками мужескаго пола. Но такой порядокъ стоялъ въ противорѣчіи съ понятіями древняго каноническаго права. Церковь указала правительству на это противорѣчіе, а правительство поспѣшило имъ воспользоваться для огражденія государственныхъ интересовъ.

Итакъ, цѣлымъ рядомъ законодательныхъ ограниченій уничтожено было право вотчинника завѣщать свою выслуженную вотчину женѣ. Такую же замѣну завѣщательнаго права наслѣдованіемъ по закону возможно прослѣдить и по вопросу объ отдачѣ выслуженныхъ вотчинъ въ монастырь по душѣ. Законъ первоначально не воспрещалъ подобнаго рода вкладовъ. Много сохранилось жалованныхъ грамотъ, въ которыхъ дозволяется отдача выслуженной вотчины въ монастырь по душѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ законнымъ наслѣдникамъ предоставляется право выкупить эти вотчины изъ монастыря „по полтинѣ за четь“ [1]). При выкупѣ вотчинъ изъ монастыря родственникомъ вкладчика соблюдались нѣкоторыя формальности. Изъ Москвы, по наказной памяти изъ Большого Дворца или монастырскаго приказа, отправлялся одинъ изъ второстепенныхъ приказныхъ чиновниковъ, напр. подъячій, для переписи и отказа выкупаемой земли. Подъячему повелѣвалось ѣхать въ выкупаемую землю, и, не доѣзжая версты за двѣ или за три, взять съ собою тамошнихъ людей въ понятые, поповъ, дьяконовъ, старостъ, цѣловальниковъ и крестьянъ, сколько человѣкъ пригоже. Вмѣстѣ съ понятыми подъячій долженъ былъ переписать населеніе, съ означеніемъ вновь прибывшихъ со времени вклада; описывались также: дворы, скотъ, хлѣбы „молоченый и стоячей“. Къ переписнымъ книгамъ прикладывали руки подъячій-писецъ и понятые, а самыя книги посылались въ Большой Дворецъ или вѣроятно, въ монастырскій приказъ въ тотъ промежутокъ времени, когда недвижимыми имуществами духовенства завѣдывалъ этотъ приказъ. Въ извѣстномъ намъ частномъ случаѣ выкупныя деньги отданы были Вельяминовыми въ приказъ Большого Дворца, а Богоявленскій монастырь (въ Москвѣ) получилъ ихъ изъ приказа и далъ въ приказъ роспиську. Тогда вотчина записана была за Вельяминовыми въ вотчинныя записныя книги помѣстнаго приказа, а Вельяминовымъ выданы были крѣпостные акты. Дѣло тянулось съ 1643 по 1654 годъ [2]).

---

[1]) А. И., т. III, № 9. Доп. къ А. И., т. V, № 75, и мн. др.
[2]) *А. Ѳедотовъ-Чеховскій*, А. г. р., т. II, № 122, стр. 232—240.

Если ближайшіе родственники-наслѣдники не выкупали вотчины, данной за службу и вложенной въ монастырь, то выкупъ по полтинѣ за четь производился самимъ правительствомъ. Въ такомъ случаѣ оно зачисляло выкупленную вотчину въ разряды „порозжихъ“ земель [1]). Со второй половины XVII в. законъ строже начинаетъ относиться ко вкладу выслуженныхъ вотчинъ въ монастырь по душѣ. Уложеніе прямо запретило подобнаго рода вклады. Постригшіеся не могли удерживать за собою свои выслуженныя вотчины послѣ постриженія, даже въ томъ случаѣ, если постриглись еще до появленія настоящаго закона. Что же касается самихъ вотчинъ постригшихся, то онѣ возвращались ближайшимъ родственникамъ вотчинника; эти родственники обязаны были кормить и одѣвать постригшагося. Въ жалованныхъ грамотахъ на выслуженныя вотчины второй половины XVII в. нерѣдко повторяется запрещеніе вотчиннику вкладывать свою выслуженную вотчину въ монастырь по душѣ [2]).

Наконецъ, и въ третьемъ рядѣ случаевъ, въ которыхъ сказывалось завѣщательное право, также появились законодательныя ограниченія. Такъ же, какъ и при вкладѣ выслуженныхъ вотчинъ въ монастырь, право передавать свое имущество чужеродцу по духовному завѣщанію ослаблено было тѣмъ, что законные наслѣдники умершаго вотчинника получили возможность выкупить вотчину изъ чужого рода по полтинѣ за четь [3]). Закономъ 19 іюня 1679 г. дозволена была за отсутствіемъ прямыхъ и ближайшихъ наслѣдниковъ мужескаго и женскаго пола безденежная поступка выслуженныхъ и родовыхъ вотчинъ дальнимъ родственникамъ и чужеродцамъ. За родственниками, однако, осталось право, такъ сказать, родовой преэмпціи (т.-е. покупки продаваемой вотчины преимущественно передъ другими покупателями) и родового выкупа, совершаемыхъ послѣ предварительной оцѣнки имущества, причемъ выкупныя деньги посылались въ посольскій приказъ на окупъ плѣннымъ [4]). Право выкупа, предоставленное родственникамъ умершаго вотчича, не распространялось, однако, на такія вотчины выслуженныя или родовыя, которыя вотчинникъ еще при жизни заложилъ или продалъ, которыя взяты были у покупщика или залогопринимателя на Государя и розданы были въ помѣстье другимъ лицамъ [5]).

---

[1]) Ср. прим. 1-е на стр. 123.

[2]) Улож., гл. XVII, ст. 34, 42—44. Доп. къ А. И., т. V, № 75. Извѣстія Тамбовской ученой архивной ком., вып. XVIII, Тамб. 1888, стр. 61—66.

[3]) Ср. прим. 1-е на стр. 123.

[4]) П. С. З., т. II, №№ 765, 766. Ср. Ibid., № 860 (1681 г. янв. 28). Статьи о пом. и вотч. Сверхъ того о вотчинахъ ст. 1.

[5]) П. С. З., т. II, № 860 (1681 г., янв. 28, ст. 2).

Такимъ образомъ, завѣщательный порядокъ, который сказывался въ наслѣдованіи женами выслуженныхъ вотчинъ умершихъ вотчинниковъ, во вкладахъ такихъ вотчинъ въ монастырь по душѣ, въ переходахъ такихъ имѣній къ чужеродцамъ по завѣщанію, этотъ порядокъ долженъ былъ уступить мѣсто наслѣдованію по закону. Законъ принялъ во вниманіе старыя начала естественной, кровной связи членовъ рода между собою и нѣсколько переработалъ эти начала въ опредѣленныя законодательныя нормы. По жалованнымъ грамотамъ первой трети XVII в. (до 3 Дек. 1627 г.) выслуженныя вотчины переходили по наслѣдству къ дѣтямъ вотчинника, его внучатамъ и правнучатамъ мужскаго и женскаго пола. При жизни сыновей (прямыхъ наслѣдниковъ) всѣмъ имуществомъ наслѣдовали эти послѣдніе; незамужнимъ дочерямъ выдавалась лишь часть изъ помѣстій или вотчинъ на прожитокъ, а при выходѣ замужъ — приданое [1]). Но бывали случаи и болѣе сложные. Когда по смерти сыновей вотчинника оставались ихъ наслѣдники мужескаго пола и все еще живы были дочери вотчинника, являлся вопросъ, кого считать законнымъ наслѣдникомъ: внука или дочь покойнаго вотчича? Вопросъ этотъ оставался неразъясненнымъ въ нашемъ законодательствѣ до временъ Уложенія, да и само Уложеніе не даетъ на него отвѣта. Лишь благодаря частному случаю, вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ 1649 г. государевымъ указомъ и приговоромъ боярскимъ. Преимущественное право наслѣдованія предоставлено было наслѣдникамъ мужескаго пола, внучатамъ бывшаго вотчинника. При этомъ почти единовременно отказано было въ правѣ наслѣдованія выслуженною вотчиною внучатамъ вотчича отъ его дочери, которая сама по чему-либо не владѣла вотчиною; значитъ, если дочь умирала, не дождавшись отдѣла и не наслѣдовавши отцовской вотчины, то и ея потомки лишались права наслѣдованія [2]). Женщина, такимъ образомъ, лишена была права представленія. Кромѣ вопроса о наслѣдованіи выслуженными вотчинами нисходящими родственниками, законодательство XVII в. коснулось и вопроса о правахъ наслѣдованія родственниковъ въ боковой линіи. При существованіи племянниковъ и племянницъ по родному брату и сестеръ умершаго вотчинника законодательство первоначально укрѣпило право наслѣдованія выслуженною вотчиною за вторыми: наслѣдство переходило къ роднымъ сестрамъ съ сыновьями, „а буде сыновей нѣтъ и съ дочерьми, для того, что при братьяхъ сестра не вотчинница“. Государевъ указъ и приговоръ боярскій въ 1676 году, установлявшіе такое рѣшеніе, вскорѣ, однако (10 августа слѣдующаго года), подверглись существен-

---

[1]) Улож., гл. XVII, ст. 2. П. С. З., т. I, №№ 32, 33.

[2]) П. С. З., т. I, № 32, 33; т. II, № 700 (Новоуказ. статьи, II, 3).

ному видоизмѣненію. Таже точка зрѣнія, въ силу которой при братьяхъ сестры не наслѣдницы и на которую отчасти опирался указъ 1676 года, получила болѣе широкое примѣненіе. По боярскому приговору 1677 года, выслуженною вотчиною стали наслѣдовать племянники умершаго вотчинника, „братей родныхъ сыновья"; лишь въ случаѣ ихъ отсутствія наслѣдство дѣлилось между племянницами и сестрами бывшаго владѣльца [1]). Такимъ образомъ, право наслѣдованія выслуженными вотчинами закономъ признано было прежде всего за сыновьями и внучатами вотчича; за отсутствіемъ ближайшихъ наслѣдниковъ мужескаго пола, имущество переходило къ дочерямъ выслужившагося вотчича.

Вопросъ о законномъ порядкѣ наслѣдованія выслуженными вотчинами осложнялся, когда дѣло шло объ иноземцахъ. Онъ рѣшенъ былъ лишь позднимъ царскимъ указомъ и приговоромъ боярскимъ 29 марта 1680 года; въ силу этого указа, при наслѣдованіи иноземческими выслуженными вотчинами, принимались въ разсчетъ только тѣ наслѣдники, которые приняли православіе [2]).

Пользованіе всѣми вышеуказанными вещными и наслѣдственными правами порождало хозяйственныя и юридическія послѣдствія, частью предвидѣнныя, частью и не предвидѣнныя правительствомъ.

Выдача выслуженныхъ вотчинъ повела къ образованію особаго разряда земель въ разныхъ уѣздахъ, напримѣръ въ Московскомъ, Ярославскомъ, Костромскомъ, Галицкомъ, Веневскомъ, Рязанскомъ. Земли эти въ писцовыхъ книгахъ записывались отдѣльно отъ другихъ, такъ что за лицомъ, владѣвшимъ двумя вотчинами, одною родовой или купленной, другою—выслуженной, та и другая числились порознь; иногда, хотя, къ сожалѣнію, и не во всѣхъ писцовыхъ книгахъ, тотъ и другой видъ поземельныхъ владѣній исчислялся отдѣльно въ итогахъ земель, подводимыхъ въ концѣ описаній становъ и уѣздовъ. Но подобный разрядъ земель сложился не сразу. Такъ, напримѣръ, въ Тверскомъ уѣздѣ, судя по писцовой книгѣ 1539—40 г. на 24407 четвертей числилось всего 895 четвертей выслуженныхъ вотчинъ; т.-е. всего 3,67%. Процентъ этотъ окажется еще менѣе значительнымъ, если изъ вышеприведеннаго числа (895 четв.) выключить земли, данныя по разнымъ несудимымъ и тому подобнымъ грамотамъ. По писцовой же книгѣ Тверскаго уѣзда 1628 г. (7135—7136) въ уѣздѣ считалось земли помѣщичьей, вотчинниковой, крестьянской, наѣзжей, перелогу и земли, поросшей лѣсомъ (не считая порожнихъ земель) всего 61865 четвертей; изъ нихъ на долю выслужившихся вотчинни-

---

[1]) П. С. З., т. II, № 700 (Новоуказ. статьи, II, 11).
[2]) П. С. З., т. II, № 814, ст. 5.

ковъ приходилось $5280^1/_2$ четвертей земли или 8,53%. Такимъ образомъ, въ Тверскомъ уѣздѣ значительно возрасло не только абсолютное количество выслуженныхъ земель, но и соотношеніе этихъ земель ко всей территоріи, занимаемой Тверскимъ уѣздомъ [1]). Слѣдуетъ замѣтить притомъ, что выслуженныя вотчины не имѣли одинаковаго значенія въ разныхъ уѣздахъ Московскаго государства, хотя бы мы и разсматривали эти уѣзды за одинъ и тотъ же промежутокъ времени. Въ уѣздахъ центральной полосы [2]), выслуженныя вотчины встрѣчались на ряду съ довольно значительнымъ количествомъ родовыхъ или купленныхъ вотчинъ. Наоборотъ, въ уѣздахъ южной полосы, гдѣ иногда вовсе не бывало родовыхъ или купленныхъ вотчинъ, выслуженныя имѣнія являлись единственными представителями вотчинной формы землевладѣнія. Такъ, напримѣръ, въ четырехъ станахъ Бѣлевскаго уѣзда (Лабодинскомъ, Дураковскомъ, Благовѣщенскомъ, Рузскомъ) въ 1620-хъ годахъ едвали не всѣ вотчины были выслуженными [3]). Но во всѣхъ уѣздахъ, гдѣ бы онѣ ни находились, характеръ пожалованія выслуженнаго вотчиною нѣсколько измѣнился со времени прикрѣпленія крестьянъ. До прикрѣпленія крестьянъ въ сущности жаловалась одна земля съ правомъ назвать на нее „охочихъ, гулящихъ“ людей; со времени прикрѣпленія служилый человѣкъ получалъ земельный участокъ съ прикрѣпленными къ нему крестьянами. Стало развиваться пожалованіе населенными имѣніями, столь распространенное въ XVIII в. и прекращенное лишь Императоромъ Александромъ первымъ въ 1801 году. — Выдача выслуженныхъ вотчинъ производилась, какъ извѣстно, всего чаще перечисленіемъ опредѣленнаго процента помѣстнаго оклада въ вотчинную дачу. Въ силу такого мѣропріятія новая выслуженная вотчина обыкновенно граничила съ прежнимъ помѣстьемъ. Неизвѣстно, предоставлено-ли было самимъ помѣщикамъ выбирать тѣ участки помѣстья, какіе обращались въ вотчину или такой выборъ производился правительствомъ. Судя, однако, по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что дѣло происходило такъ, какъ еслибы помѣщики распоряжались самостоятельно. Даже случайныя сопоставленія въ немногихъ уѣздахъ приводятъ къ заключенію, что помѣщики отдѣляли себѣ изъ своихъ помѣстныхъ окладовъ едва ли не лучшія земли въ вотчины, тѣмъ болѣе, что земли выслуженныхъ вотчинъ, наравнѣ съ

---

[1]) *Г. Блюменфельдъ*, О формахъ землевладѣнія, стр. 153. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Тверск. уѣзда 7135—7136 гг. Кн. 871—875.

[2]) Объ этомъ дѣленіи Московскаго государства на полосы см. *А. Лаппо-Данилевскаго*: Организація прямаго обложенія, Спб., 1890 г., стр. 78—82.

[3]) Бѣлевская Вивл., изд. Н. Елагинымъ, М., 1858, т. 1 и 2. Ср. *Г. Блюменфельдъ*, О формахъ землевладѣнія, стр. 153.

другими родами вотчинъ одабриванію не подлежали [1]); тѣже сближенія показываютъ намъ, что на эти земли выслужившіеся вотчинники переводили наибольшее число своихъ холоповъ, крестьянъ и бобылей, что въ виду этого и обработанной пашни въ такихъ выслуженныхъ вотчинахъ оказывалось болѣе, чѣмъ въ помѣстьяхъ. Такія наблюденія можно сдѣлать по писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ; онѣ показываютъ, что служилые люди того времени еще сознавали юридическія различія, какія существовали между вотчиннымъ и помѣстнымъ владѣніемъ и старались перетянуть воз-

[1]) По писцовымъ книгамъ Костромскаго уѣзда Вятскаго стана 7137 г. (Арх. Мин. Юстиціи, кн. 209 и 210), Тверскаго уѣзда 7137—139 гг. (Ibid., кн. 871—875) п Бѣлевскаго уѣзда 7134—7136 гг. (изд. Н. Елагинымъ, М., 1858 г. 2 т.), можно составить слѣдующую таблицу, доказывающую сказанное въ текстѣ:

Уѣздъ или станъ.	РАЗРЯДЫ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.	На 100 барск. дворовъ приходится людск. дв.	На 100 барск. дворовъ приходится крестьянскихъ дв.	На 100 барск. дворовъ приходится бобыльскихъ дв.	Средняя населенность сотни крестьян. и боб. дворовъ.	Процентное соотношеніе пахани. земли къ непаханной (т. е. перелогу и лѣсомъ порослей).	
						паханная.	непаханная
Вятскій станъ Костромскаго уѣзда.	Помѣстья	40	1067	717	177	13,9	86,1
	Вотчины, данныя за осад. сидѣніе	33	610	320	162	51,6	48,4
	Вотчины мірскія	—	—	—	—	—	—
	„ духов.	—	—	—	237	26,1	73,9
Тверской уѣздъ.	Помѣстья	15	267	231	166	10,5	89,5
	Вотчины, данныя за осад. сидѣніе	73	260	407	239	56,6	43,4
	Вотчины мірскія	32	238	270	179	16,3	83,7
	„ духов.	137 *)	670	667	125	6,6	93,4
Бѣлевскій уѣздъ.	Помѣстья	50	208	301	228	24,5	75,5
	Вотчины данныя за осад. сидѣніе	171	600	873	259	38,6	61,4
	Вотчины духов.	171	857	971	148	23,7	76,3

*) Считая служекъ и дѣтенышей.

можно большее количество пашенныхъ четвертей, подневольныхъ и прикрѣпленныхъ къ землѣ лицъ въ сферу вотчинной юрисдикціи [1]). Такое явленіе было своего рода неожиданностью для правительства. Если оно и предвидѣло образованіе новаго типа землевладѣнія, если само и способствовало его развитію, то, во всякомъ случаѣ, не имѣло въ виду развивать этотъ типъ во вредъ помѣстной системѣ, которая тѣснѣе выслуженныхъ вотчинъ связана была съ государственною службой.

Но вредное вліяніе, какое могла бы имѣть эта форма землевладѣнія, устранено было постепеннымъ сліяніемъ помѣстнаго и вотчиннаго типа землевладѣній, уравненіемъ вотчинъ съ помѣстьями въ служебномъ отношеніи. Такому уравненію въ извѣстной мѣрѣ способствовала и новая форма землевладѣнія. Хотя права вотчичей и выслуженныхъ и родовыхъ вотчинъ были большею частью одинаковы, однако бывали случаи, когда выслуженныя вотчины стояли ближе къ помѣстьямъ, чѣмъ къ вотчинамъ родовымъ или купленнымъ. Вотчины выслуженныя схожи были съ помѣстьями въ томъ отношеніи, что и тѣ и другія были пожалованы. Отсюда и дальнѣйшія два ограниченія правъ владѣнія выслуженными вотчинами: ограниченія эти коснулись владѣльческихъ правъ на припаханныя земли и на вклады выслуженныхъ вотчинъ въ монастыри по душѣ.

Владѣльцы родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ старыхъ дачъ и владѣльцы вотчинъ новыхъ дачъ имѣли не совсѣмъ одинаковыя права на припаханныя земли. И тѣ и другіе лишались вновь распаханныхъ земель въ двухъ случаяхъ: 1) если эти земли распаханы были за предѣлами вотчины, въ такъ-называемыхъ примѣрныхъ земляхъ, собственно говоря не принадлежавшихъ вотчинникамъ; 2) если владѣльцы утаивали существовавшіе у нихъ крѣпостные акты и книги на такія земли. Но и тѣ и другіе вотчинники сохраняли за собою земли, распаханныя въ законныхъ предѣлахъ ихъ вотчинныхъ дачъ, съ однимъ различіемъ: владѣльцы вотчинъ новыхъ дачъ, (изъ дворцовыхъ земель, черныхъ волостей и изъ старыхъ помѣстій) по подачѣ челобитій и добровольномъ предъявленіи старыхъ выписей изъ писцовыхъ книгъ, получали право владѣть припаханными ими землями; эти земли, однако, записывались за такими владѣльцами въ помѣстные ихъ оклады. Наоборотъ, такія же земли, распаханныя изъ угодій родовыхъ или выслуженныхъ вотчинъ старыхъ дачъ, записывались за владѣльцами въ

---

[1]) Улож., гл. XV, ст. 3; гл. XVI, ст. 46—48. О томъ, что разумѣть подъ одабриваніемъ, см. *А. Лаппо-Данилевскаго*: Организація прямого обложенія, стр. 233—238.

ихъ вотчинныя же дачи [1]). Очевидно, слѣдовательно, что этимъ закономъ 12 марта 1620 г. (подтвержд. 20 сентября 1623 и 25 октября 1626 г.) правительство ставило хозяйственную эксплуатацію выслуженныхъ вотчинъ новыхъ дачъ въ такую тѣсную связь съ помѣстными дачами, какой не признавало между этими послѣдними и вотчинами родовыми или выслуженными старыхъ дачъ. Другою особенностью, которая нѣсколько сближала выслуженныя вотчины съ помѣстьями, было отношеніе законодательства ко вкладамъ выслуженныхъ вотчинъ въ монастырь по душѣ. Какъ указано было выше, выслуженныя вотчины, вложенныя по душѣ, не оставались во владѣніи монастыря; если вотчинникъ дѣлалъ вкладъ и этой вотчины не выкупали родственники вотчинника, правительство выкупало вотчину. Приводя это законоположеніе, Уложеніе вслѣдъ за тѣмъ объявляетъ, что съ нынѣшняго времени рѣшено на соборѣ распространить такое же правило на купленныя и родовыя старинныя вотчины. Этимъ Уложеніе ясно даетъ понять, что законодательство строже относилось ко вкладу выслуженныхъ вотчинъ, чѣмъ родовыхъ и купленныхъ въ монастырь и, слѣдовательно, ставило въ этомъ отношеніи выслуженныя вотчины ближе къ помѣстьямъ, чѣмъ къ вотчинамъ въ тѣсномъ смыслѣ [2]).

Такимъ образомъ, выслуженныя вотчины пополнили собою градацію древне-русскихъ формъ землевладѣнія. Между родовыми вотчинами и помѣстьями вдвинуты были вотчины выслуженныя; онѣ ближе стояли къ родовымъ вотчинамъ, но нѣкоторыми юридическими признаками связаны были и съ помѣстьями, слѣдовательно, сглаживали различія между вотчиной и помѣстьемъ. Дотолѣ нѣсколько разрозненныя звенья (купленныя, родовыя вотчины и помѣстья) связаны были новымъ звеномъ въ одну непрерывную цѣпь. Каждое изъ послѣдующихъ звеньевъ этой цѣпи все тѣснѣе охватывало понятіе о частной недвижимой собственности и въ формѣ помѣстнаго землевладѣнія стремилось низвести это понятіе до минимума. Но когда различія между конечными звеньями этой цѣпи стали сглаживаться, когда права вотчинниковъ были съужены и расширены были права помѣщиковъ, тогда и отдѣльныя звенья этой цѣпи слились въ одну цѣльную массу, изъ которой образовалось новое понятіе о „недвижимой вещи". Указомъ о единонаслѣдіи 23 марта 1714 года, между прочимъ, уравнены были купленныя, родовыя, выслуженныя вотчины и помѣстья (также дворы и лавки) подъ однимъ общимъ наименованіемъ „недвижимыхъ вещей"; относительно всѣхъ этихъ недвижимостей назначенъ былъ одинъ и

[1]) Указн. кн. пом. прик., изд. *В. Сторожевымъ* (Описаніе Арх. Мин. Юстиціи, т. VII), стр. 51, 54—59. Улож., гл. XVII, ст. 18.

[2]) Указн. кн. пом. пр., ст. LVIII. Улож., гл. XVII, ст. 17, 42.

тотъ же общій порядокъ наслѣдованія [1]). Указомъ 17 марта 1731 г., которымъ отмѣненъ былъ законъ 1714 г. объ единонаслѣдіи, самые термины „вотчина“ и „помѣстье“ признаны однозначущими. Наконецъ, 3-го мая 1783 г. указъ Анны Ивановны 1731 г. о соединеніи помѣстій съ вотчинами распространенъ былъ на Рижскую и Ревельскую губерніи; онъ превратилъ манленныя деревни, нѣчто въ родѣ помѣстій, въ прямыя наслѣдственныя имѣнія [2]). Такое сліяніе вотчинъ съ помѣстьями въ одно общее понятіе о недвижимой вещи устраняло возможность существованія между ними какихъ-либо посредствующихъ ступеней. Естественно поэтому, что послѣ „пунктовъ“ 1714 года и указа 1731 г. древнее понятіе о выслуженной вотчинѣ исчезло. Но пожалованіе населенныхъ имѣній, какъ чрезвычайное вознагражденіе за службу, продолжалось и въ теченіе XVIII ст.; за это время, однако, такія имѣнія приравнивались обыкновенно къ родовой недвижимой собственности и лишь указомъ 22 февраля 1805 г. признаны были благопріобрѣтенными. Точка зрѣнія, какой придерживался законъ 1805 г., естественно удержалась и въ современномъ законодательствѣ [3]). Къ этому же времени относится и прекращеніе пожалованій населенныхъ имѣній. Еще указомъ 21 марта 1736 года вотчинной коллегіи запрещено было раздавать земли, но только въ помѣстья по челобитнымъ дворянъ [4]); такимъ образомъ этимъ указомъ вовсе не устранялось пожалованіе недвижимой собственности, какъ чрезвычайное вознагражденіе за заслуги. Правда, при избраніи Анны Ивановны, въ одномъ изъ пунктовъ присяги высказано было требованіе, чтобы впредь населенныхъ имѣній не жаловать; но это требованіе оставалось невыполненнымъ до 1801 года, когда императоръ Александръ I прекратилъ пожалованіе населенныхъ имѣній [5]).

---

[1]) П. С. З., т. V, № 2789.

[2]) П. С. З., т. IV, № 5658; т. XXI, № 15 719. Ср. *А. Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство въ Россіи, Спб. 1870 г., стр. 91 и 248—251.

[3]) П. С. З., т. VIII, № 5717, т. XXVIII, № 21632. Любопытно прошеніе гр. Разумовскаго, поданное Екатеринѣ II-й, объ обращеніи ранговыхъ гетманскихъ маетностей въ вѣчное и потомственное его пользованіе.—О пожалованіи дворянъ населенными имѣніями въ XVIII в. см. вообще *А. Романовича-Славатинскаго*: Ibid., стр. 152—169. *К. Неволинъ*, Ист. гражд. зак., ч. II, кн. 2 § 226. Св. Зак. Гражд., ст. 397, п. 1. О различіи благопріобрѣтеннаго имѣнія отъ родового въ современномъ гражданскомъ правѣ см. *К. Побѣдоносцева*: Курсъ гражданскаго права, ч. I, изд. 3. Вотчинныя права, стр. 51—102; ср. стр. 58—59.

[4]) Этотъ указъ, какъ замѣтилъ уже *А. Романовичъ-Славатинскій* (Ibid., стр. 154), находится въ другомъ указѣ отъ 29 ноября 1804 г. въ П. С. З., т. XXVIII, № 21536.

[5]) *Д. Корсаковъ*, Воцареніе имп. Анны Іоанновны, Каз., 1880 г., Прил.,

Краткое изложеніе тѣхъ частныхъ особенностей, изъ которыхъ сложилась исторія выслуженныхъ вотчинъ въ XVI—XVII вв., даетъ возможность отмѣтить и нѣкоторыя общія черты развитія древнерусскаго гражданскаго и государственнаго права. За это время въ этой исторіи нельзя не замѣтить той перемѣны, какая стала обнаруживаться въ характерѣ семейныхъ отношеній. Власть мужа надъ женой начала смягчаться; женщина чуть было не получила довольно значительныхъ имущественныхъ правъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ правахъ распоряженія вотчинниковъ стала сказываться меньшая зависимость ихъ отъ рода, чаще стало отчуждаться выслуженное имущество въ руки чужеродцевъ. За то въ тѣхъ же правахъ распоряженія выслужившіеся вотчинники стѣснены были правительствомъ въ виду государственныхъ интересовъ; выслуженная вотчина была собственностью неполной, несвободной по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока съ нею связана была государственная служба. Поэтому въ исторіи наслѣдованія выслуженными вотчинами нельзя не отмѣтить довольно любопытнаго столкновенія между завѣщательнымъ и законнаслѣдственнымъ правомъ, столкновенія, которое закончилось въ пользу второго. Въ такого рода стѣсненіяхъ сказывалось порабощеніе личныхъ интересовъ государственнымъ. Въ XVII в. выслуженную вотчину получало всякое лицо, состоявшее на государственной, военной или гражданской службѣ, было ли это лицо дворянскаго или не-дворянскаго происхожденія; въ XVIII в. пожалованными имѣніями награждались преимущественно дворяне [1]). Въ XVII в. подобнаго рода награда выдавалась (хотя и неравномѣрно) всѣмъ служилымъ людямъ; въ XVIII в.—лицамъ, которыя ближе всего стояли къ престолу. Въ первомъ случаѣ такое пожалованіе имѣло характеръ обычаемъ установленной государственной награды, хотя и называлось государевой милостью; во второмъ — оно исходило скорѣе отъ самого монарха, было государевой милостью, хотя и облекалось въ формы государственной награды за дѣйстви-

---

стр. 18. *М. Богдановичъ*, Исторія царствованія имп. Александра I, т. I, Спб. 1869, стр. 97—98. Самый терминъ „населенное имѣніе" сохранился и въ современномъ законодательствѣ, въ смыслѣ дворянскаго имѣнія, заселеннаго крестьянами. Зак. Гр., ст. 1350 (о выкупѣ).

[1]) Указомъ 25 октября 1730 года боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ велѣно распродать свои недвижимыя имѣнія и запрещено было пріобрѣтать такія имѣнія въ уѣздахъ и городахъ (П. С. З., т. VIII № 5633). Указомъ 14 марта 1746 года къ этимъ разрядамъ причислены были лица, написанныя въ купечество и въ цехи, также казаки, ямщики и прочіе разночинцы (П. С. З., т. XII, № 9267). Ср. еще указъ 6 февраля 1758 г. (Ibid., т. XV, № 10796). Лишь въ 1848 году крѣпостнымъ крестьянамъ снова предоставлено было право покупать и пріобрѣтать, съ согласія ихъ помѣщиковъ, недвижимыя ненаселенныя имущества въ собственность.

тельныя отличія по службѣ. Характерною особенностью Московской выслуженной вотчины было также то, что она скорѣе приближалась къ типу родового, чѣмъ благопріобрѣтеннаго имѣнія. Въ этой особенности ясно сказывалась та связь, какая существовала между службою и родомъ, правительственною должностью и общественнымъ положеніемъ въ Московскій періодъ нашей исторіи. Въ самомъ развитіи законодательства по вопросу о выслуженныхъ вотчинахъ нельзя не отмѣтить типическихъ чертъ. Общія положенія почти отсутствуютъ. Частные случаи вызываютъ такія же частныя рѣшенія, которыя служили образцами для послѣдующихъ случаевъ подобнаго рода. Неудивительно, поэтому, что законодательныя опредѣленія лишь послѣ нѣкоторыхъ колебаній, а иной разъ и недоразумѣній, окончательно укладывались въ обще-обязательныя нормы.

Такимъ образомъ въ исторіи выслуженныхъ вотчинъ отражается не только спеціальный рядъ гражданскихъ отношеній, но и нѣсколько общихъ моментовъ древне-русской жизни XVI—XVII вв.; этимъ самымъ и вопросъ о выслуженныхъ вотчинахъ за указанное время получаетъ надлежащее положеніе и освѣщеніе.

Іюль 1891 г.
с. Васильевка Волчанскаго уѣзда.

Преподаваніе исторіи въ швейцарскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

А. Сапожникова.

Будущіе активные граждане швейцарской республики—дѣти школьнаго возраста—знакомятся уже въ первомъ году своей школьной жизни съ главнѣйшими событіями и лицами исторіи того или другого кантона и всей Швейцаріи.

Сказки о бабѣ-ягѣ, Иванѣ-дурачкѣ или Кащеѣ безсмертномъ, составляющія первую пищу умственной жизни русскаго ребенка, замѣняются у швейцарскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ анекдотическими разсказами о великихъ людяхъ ихъ отечества. Не зная о существованіи русалокъ, вѣдьмъ, колдуновъ и т. п., швейцарскій ребенокъ получаетъ взамѣнъ всего этого рядъ образовъ, почерпнутыхъ изъ области миѳовъ и сагъ своей родной исторіи и несомнѣнно менѣе вредныхъ, нежели росказни о домовыхъ. Ошибка въ постановкѣ преподаванія исторіи въ швейцарскихъ первоначальныхъ школахъ заключается не въ анекдотическомъ изложеніи историческихъ событій, а въ ограниченіи послѣднихъ только областью отечественной исторіи, особенно въ школахъ горной Швейцаріи, жители которой доходятъ въ своемъ фанатическомъ патріотизмѣ до максимума. Такъ, въ Бернскихъ первоначальныхъ школахъ обязательная программа (минимальная) сводится къ изученію слѣдующихъ тринадцати историческихъ событій по учебнику:

1) Герцогъ Берхтольдъ V, 2) Рудольфъ Габсбургскій, 3) Вильгельмъ Телль, 4) изгнаніе фогтовъ, 5) битва при Моргартенѣ, 6) Рудольфъ Эрлахскій, 7) Арнольдъ Винкельридъ, 8) Бургундская война, 9) Ульрихъ Цвингли, 10) реформація, 11) Песталоцци, 12) Карлъ Нейгаузъ и 13) генералъ Дюфуръ [1]).

[1]) Unterrichtsplan für die Primarschulen des Kantons Bern. 1890.

Изученіе вышеуказанныхъ 13 историческихъ событій распредѣляется на первые три года. Начиная съ четвертаго года учитель сообщаетъ ученикамъ законченныя біографическія картины изъ отечественной исторіи, какъ напримѣръ, о Дивикѣ Галлусѣ, Карлѣ Великомъ, королевѣ Бертѣ, основаніи города Берна, Рудольфѣ Габсбургскомъ, Альбрехтѣ Австрійскомъ, Вильгельмѣ Теллѣ, союзѣ въ Рютли и изгнаніи фогтовъ. Въ пятомъ учебномъ году дѣти получаютъ свѣдѣнія о битвѣ при Моргартенѣ, великодушныхъ солотурнцахъ, Бернѣ до битвы при Лаупенѣ, Арнольдѣ Винкельридѣ, битвѣ при Шпейхерѣ, битвѣ при С.-Якобѣ, о Карлѣ Смѣломъ и Никлаусѣ Flüe'ѣ. Въ шестомъ—о битвѣ при Дорнахѣ, Томасѣ Платтерѣ, Венги, Нейенегѣ, Песталоцци, Эмануэлѣ Фелленбергѣ, Етерѣ изъ Linth'а, генералѣ Дюфурѣ. Начиная съ 7-го учебнаго года, дѣти знакомятся уже и съ нѣкоторыми главными событіями изъ всемірной исторіи. Такъ, въ программу седьмого учебнаго года введены: свайныя постройки, переселеніе народовъ, Магометъ, Карлъ Великій, распространеніе христіанства въ Швейцаріи, Берхтольдъ V, освобожденіе лѣсныхъ кантоновъ, битва при Лаупенѣ, союзъ восьми старыхъ кантоновъ, битвы при Земпахѣ, Нефелѣ и при Штонѣ, Констанцкій соборъ, Іоаннъ Гуттенбергъ, битва при С.-Якобѣ и Анна Зейлеръ. Программа восьмого года такова: бургундская война, Христофоръ Колумбъ, Союзъ тринадцати кантоновъ, Лютеръ, реформація въ Бернѣ, Францъ Нэгели, іезуиты, Густавъ Адольфъ, крестьянскія войны, Давелъ и Генци, вторая битва при Филмергенѣ, Фридрихъ Великій, Георгъ Вашингтонъ, генералъ Веберъ; въ девятомъ году сообщаются краткія свѣдѣнія о конституціи Швейцаріи. Почти во всѣхъ кантонахъ преподаваніе исторіи въ первоначальныхъ школахъ ограничивается лишь сообщеніемъ и объясненіемъ событій отечественной исторіи, касаясь фактовъ всемірной исторіи лишь по стольку, по скольку они имѣютъ отношеніе къ фактамъ швейцарской исторической жизни [1]). Очень симпатично стремленіе нѣкоторыхъ швейцарскихъ педагоговъ—сдѣлать центромъ преподаванія исторіи не политическія событія, а только культурно-историческія, каковое стремленіе отчасти осуществилось въ Ст.-галленскихъ школахъ, въ которыхъ дѣти перваго школьнаго года знакомятся только съ отдѣльными культурными событіями до общешвейцарской эпохи [2]). Учительскій совѣтъ общины Andelfingen,

[1]) См. Lehrplan für die Primar-und Repetirschulen des Kantons Glarus 1877; Lehrplan für die Primarschulen des Kantons Solothurn 1885; Gesetz vom 9 Mai 1870 über den Primar und Sekundarunterricht. Freiburg 1870; Plan d'études pour les écoles primaires du Canton de Vaud. Lausanne. 1881.

[2]) Schweizerische Lehrerzeitung. 1889, № 12.

цюрихскаго кантона постановилъ, что впредь въ новыхъ учебникахъ исторіи должны быть выдвинуты на первый планъ культурно-историческія событія, даже въ ущербъ политическимъ [1]). Въ нѣкоторыхъ кантонахъ употребляютъ при преподаваніи историческія картины. Такъ, напримѣръ, въ кантонѣ Солотурнъ каждая школа обязательно должна имѣть слѣдующія двѣнадцать картинъ изъ швейцарской исторіи: 1) королева Берта, 2) присяга въ Рютли, 3) выстрѣлъ Телля, 4) битва при Лаупенѣ, 6) нахожденіе трупа Винкельрида, 7) швейцарцы при Муртенѣ, 8) храбрая швейцарка, 9) обновленіе союза въ Гуттвилѣ, 10) послѣдній день стараго Берга, 11) битва при Ротентурмѣ и 12) на полѣ битвы при Ст.-Якобѣ. Другія картины изъ швейцарской исторіи не обязательны, но желательны. Однако, не смотря на заботливость преподаванія, успѣхи въ исторіи въ большинствѣ школъ гораздо ниже, нежели въ другихъ предметахъ, что особенно сказывается при рекрутскихъ экзаменахъ [2]). Особенно незначительны успѣхи въ исторіи въ одноклассныхъ школахъ обоего пола, въ которыхъ отчасти обращаютъ большое вниманіе на хронологію и вообще лишь въ незначительномъ объемѣ преподается исторія кантона [3]). Кстати замѣтимъ, что вообще преподаваніе исторіи незавидно поставлено въ четырехъ кантонахъ Фирвалдштедтскаго озера, Швицѣ, Ури, Люцернѣ и Унтервальденѣ. Кромѣ культурно-историческихъ данныхъ сообщаются также географическія свѣдѣнія различныхъ мѣстностей театра всемірной исторіи, что между прочимъ практикуется въ кантонѣ Солотурнѣ.

Въ школахъ для дальнѣйшаго обученія (Fortbildungsschulen) преподаются важнѣйшіе моменты изъ швейцарской исторіи отъ реформаціи до Пятнадцатаго союза или же краткій очеркъ древней исторіи и реформаціи. Въ такихъ же школахъ для дѣвочекъ въ женевскомъ кантонѣ читаютъ въ первомъ году—общій обзоръ древней и средней исторіи; во второмъ—новую исторію отъ эпохи Возрожденія до 1789 г.; въ третьемъ году—новѣйшую исторію до 1848 года [4]).

Слѣдующій разрядъ школъ—это такъ-называемыя Secundarschulen или школы старшаго разряда, отчасти соотвѣтствующія пяти классамъ нашихъ реальныхъ училищъ. Исторія преподается въ нихъ уже болѣе связно, хотя все еще обращается большое вниманіе на біографи-

---

[1]) Ibid., № 11.

[2]) Erziehungsfreund, органъ католическаго воспитательнаго общества. 1887, № 1.

[3]) Bericht über die Schulen Nidwalden's vom Jahre 1878/79.

[4]) Programme de l'école complémentaire. Cours des soirs destinés aux jeunes filles. 1883—84.

ческій элементъ,—и удѣляется нѣкоторое время для всеобщей исторіи. Такъ программа подобихъ школъ бернскаго кантона содержитъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы исторіи: общую исторію, преимущественно біографическую и исторію Швейцаріи до Вестфальскаго мира въ первомъ и второмъ учебныхъ годахъ; древнюю и среднюю исторію въ болѣе связномъ разсказѣ въ третьемъ и наконецъ, новую исторію и особенно швейцарскую отъ вестфальскаго мира въ четвертомъ году. Кромѣ того учениковъ старшаго класса знакомятъ съ главнѣйшими положеніями кантональной и союзно-швейцарской конституціи [1] [2]). Въ тессинскихъ школахъ старшаго разряда читаютъ въ первомъ и второмъ классахъ отечественную исторію, а въ третьемъ очеркъ всеобщей исторіи [3]). Вообще въ послѣднее время замѣчается среди швейцарскихъ педагоговъ стремленіе къ ограниченію преподаванія исторіи въ первыхъ двухъ классахъ одной отечественной исторіей [4]). Въ школахъ бернскаго кантона, имѣющихъ только два класса преподаютъ общую исторію, преимущественно біографически и всю швейцарскую исторію отъ основанія союза до настоящаго времени съ указаніемъ основныхъ положеній кантональной и обще-швейцарской конституціи. Школы же, имѣющія 6 классовъ, придерживаются слѣдующей программы: первый и второй классы общая исторія, по возможности біографически; исторія Швейцаріи отъ вестфальскаго мира; третій классъ—древняя и средняя исторія съ указаніемъ на болѣе важныя историческія лица и событія, а также важнѣйшіе историко-культурные факты; четвертый годъ—изобрѣтенія, открытія земель, реформаціонное время и его культурныя условія, особенно въ Швейцаріи; пятый классъ—новая исторія отъ аугсбургскаго религіознаго мира (1555) до начала французской революціи 1789 г. и отечественная исторія за этотъ періодъ; шестой классъ—новѣйшая исторія отъ 1789 г. до настоящаго времени, отечественная исторія и конституція кантона и Швейцарія. Нелишне познакомить читателей съ указаніями министерства народнаго просвѣщенія бернскаго кантона на преподаваніе исторіи. Преподаваніе исторіи въ школахъ старшаго разряда должно производиться не только для того, чтобы вообще познакомить учениковъ съ важнѣйшими событіями изъ исторіи швейцарскаго народа и всего человѣческаго рода, но и для того, чтобы расширить кругъ ихъ міровоз-

---

[1]) Unterrichtspläne für die Secundarschulen (Realschulen) des Kantons Bern. 1874.

[2]) Gesetz vom 9 Mai 1870 über den Primar und Secundarunterricht. Freiburg. 1870.

[3]) Regolamento per le Scuole Maggiori. Lugano. 1866.

[4]) Bericht über die Verhandlungen der Zürcherischen Schulsynode von 1890.

зрѣнія, обострить ихъ способность мышленія, будить ихъ чувства и волю къ нравственнымъ подвигамъ и особенно развивать учениковъ въ любви къ родинѣ и свободѣ. Кромѣ того учитель долженъ помнить, что преподаваніе исторіи является прекраснымъ средствомъ для изученія отечественнаго языка и для пріученія учениковъ къ устному пересказу. Кромѣ этого, при преподаваніи исторіи надо обратить вниманіе на слѣдующіе пункты: 1) не требуется, чтобы всѣ отдѣлы всемірной и отечественной исторіи разрабатывались одинаково подробно, но все-таки вся исторія должна быть изучаема, а не только отдѣльные періоды ея; 2) преподаваніе исторіи, особенно въ старшихъ классахъ не должно знакомить учениковъ съ эхомъ ружейныхъ залповъ эгоистичныхъ завоевателей и бездушныхъ тиранновъ, не должно ограничиваться изображеніями возникновенія и паденія большихъ монархій, а должно главнымъ образомъ слѣдить за стремленіями народовъ къ свободѣ, за успѣхами въ торговлѣ, промышленности и изобрѣтеніяхъ и вообще во всѣхъ областяхъ умственной и физической культуры. Тѣмъ не менѣе, продолжаетъ министръ, преподаваніе исторіи должно основываться на принципѣ чистой любви къ истинѣ и должно быть по возможности не партійно. Подтасовкой фактовъ обосновывать свои собственныя политическія, соціальныя и религіозныя убѣжденія и сдѣлать учениковъ страстными адептами послѣднихъ и слѣпыми врагами противоположныхъ взглядовъ и мнѣній—значитъ согрѣшить по отношенію къ духу исторіи, который всегда долженъ быть духомъ истины. Учитель долженъ помнить, что онъ имѣетъ дѣло съ незрѣлой молодежью, съ дѣтскимъ міромъ и не долженъ пускаться въ критическія изслѣдованія, далеко выходящія изъ идейнаго круга и способности пониманія учениковъ. Ясное пониманіе событій обусловливается яснымъ представленіемъ той мѣстности, въ которой онѣ произошли. Поэтому учитель долженъ предварительно познакомить учениковъ съ данной мѣстностью. Наконецъ, послѣдній пунктъ инструкціи гласитъ, что учитель долженъ упражнать въ прочтенномъ до тѣхъ поръ, пока ученики не овладѣли вполнѣ предметомъ. Для этого недостаточно одно спрашиваніе отдѣльныхъ событій, а необходимо, чтобы ученики связно передавали преподанное имъ [1]).

Въ женскихъ секундарныхъ школахъ программа исторіи почти такая же, какъ и въ мужскихъ. Такъ въ Базельскомъ кантонѣ во второмъ классѣ преподается швейцарская исторія отъ древнѣйшихъ временъ до Аппенцелевской войны, въ третьемъ классѣ—швейцарская исторія отъ аппенцелевскихъ войнъ до преобразованія швейцар-

---

[1]) См. прим. 8.

скаго союза и наконецъ, въ четвертомъ классѣ—всемірная исторія, и повторяется пройденное въ прежнихъ классахъ [1]).

Въ Бернѣ въ коммерческомъ отдѣленіи читаютъ отдѣльные эпизоды изъ культурной исторіи важнѣйшихъ періодовъ и народовъ; въ семинарскомъ отдѣленіи читаютъ: въ третьемъ классѣ—древнюю и среднюю исторію до Гогештауфеновъ, во второмъ классѣ—общую исторію отъ Рудольфа Габсбургскаго до французской революціи и исторію Швейцаріи до реформаціи, въ первомъ—новѣйшую общую и швейцарскую исторію. Кромѣ того въ третьемъ классѣ ученицы упражнялись въ историко-педагогическихъ работахъ на темы: Конфуцій, древне-іудейское воспитаніе, Ликургъ, Пиѳагоръ, римское воспитаніе, Христосъ [2]).

Въ высшихъ женскихъ школахъ, соотвѣтствующихъ нашимъ женскимъ гимназіямъ, преподаваніе исторіи имѣетъ, по мнѣнію швейцарскихъ педагоговъ, цѣлью познакомить ученицъ съ главными событіями отечественной и всемірной исторіи и съ культурными стремленіями выдающихся народовъ и на историческомъ прошломъ развивать любовь къ прекрасному и благородному. Преподаваніе распадается на 2 курса, распредѣляемые на 2-й и 3-й учебные годы и на слѣдующіе 3 года. Первый—подготовительнаго характера выбираетъ изъ всей области исторіи тѣ моменты, которые интересны и понятны дѣтямъ соотвѣтственнаго возраста; второй—разрабатываетъ хронологически событія исторіи съ указаніемъ причинъ и слѣдствій и распредѣляетъ свой матеріалъ такъ, чтобы въ третьемъ году можно было дойти до новѣйшей исторіи. Такова постановка преподаванія исторіи въ Базельской высшей женской школѣ, въ которой каждая ученица должна передать связно только что разсказанное учителемъ и для облегченія обзора историческихъ событій можетъ пользоваться не только учебникомъ, но и конспектомъ.

Программа здѣсь слѣдующая: A) *Низшее отдѣленіе*. Классы II и III: Отдѣльные историческіе эпизоды изъ древней, средней и новой исторіи, преимущественно біографически; классъ IV—исторія древности съ включеніемъ переселенія народовъ и исторіи Франціи до Карла Великаго. B. *Старшее отдѣленіе*: классъ V—средняя исторія отъ Карла Великаго до конца XV столѣтія. Реформаціонный періодъ отъ вестфальскаго мира до настоящаго времени [3]).

---

[1]) Lehrziel der Mädchen Secundarschule in Basel. 1883.

[2]) Jahresbericht über die Mädchen Secundarschule der Stadt Bern. 1888—1890.

[3]) Lehrplan der Töchterschule in Basel. 1883.

Для примѣра преподаванія исторіи въ прогимназіяхъ приведемъ програму бернской прогимназіи [1]) за 1884 г. II классъ—біографическія изображенія древней, главнымъ образомъ греческой и римской исторіи до великаго переселенія народовъ; II классъ—средняя исторія отъ переселенія народовъ до реформаціи; III классъ—исторія Швейцаріи отъ древнѣйшихъ временъ до реформаціи; IV классъ—всемірная исторія отъ реформаціи до вестфальскаго мира и исторія Швейцаріи за этотъ періодъ; V классъ—всемірная исторія отъ вестфальскаго мира до французской революціи 1789 г. или до 1815 г. и отечественная исторія за этотъ періодъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ стремленіе швейцарскихъ педагоговъ къ увеличенію преподаванія отечественной исторіи повліяло на програму вышеназванной прогимназіи, такъ что ученики послѣдней въ 1890 г. знакомились въ первомъ классѣ—съ эпизодами изъ швейцарской исторіи до бургундскихъ войнъ, во второмъ—съ средней исторіей, въ третьемъ—съ исторіей Швейцаріи отъ древнѣйшихъ временъ до битвы при Мариньяно и въ четвертомъ—съ всеобщей и отечественной исторіей отъ реформаціи до вестфальскаго мира [2]). Въ Солотурнской прогимназіи преподавалась въ первомъ классѣ древняя исторія, во второмъ—средняя, въ третьемъ—греческая и римская и въ четвертомъ средняя [3]). Въ гимназіяхъ программа исторіи распредѣляется по классамъ слѣдующимъ образомъ:

I классъ—древняя исторія (въ Бернскомъ кантонѣ въ 1884 г.), отъ Александра Великаго до Августа съ соотвѣтственными географическими свѣдѣніями (Обвалденъ); средніе вѣка и новая исторія отъ 476 до 1600 г. (Женева); средняя исторія, особенно отечественная (Тургау); швейцарская исторія до 1874 г. (Бернъ 1890 г.); средняя исторія (Лозанна); новая исторія (Солотурнъ); швейцарская исторія (Ури).

II классъ—средняя исторія до реформаціи (Бернъ 1884); древняя исторія до 476 г. (Бернъ 1890); отъ крестовыхъ походовъ до тридцатилѣтней войны (Обвалденъ); отъ 1600 года до нашихъ дней (Женева); французская революція и эпоха Наполеона (Тургау); новая исторія (Лозанна); введеніе въ общую исторію культуры (Солотурнъ); отъ реформаціи до нашего времени (Ури).

III классъ—средняя исторія до 1555 г. съ включеніемъ швейцарской исторіи (Бернъ 1890); исторія античной культуры (Солотурнъ);

[1]) Unterrichtsplan für die Secundarschulen, Progymnasien und Gymnasien des Kantons Bern. 1884.

[2]) Jahresbericht über das Städtische Gymnasium in Bern. 1890.

[3]) Jahresbericht über die Kantonsschule von Solothurn für 1890—91.

отъ реформаціи до паденія Наполеона (Ури); отъ реформаціи во Франціи до новѣйшаго времени (Обвалденъ); новая исторія до французской революціи или до 1815 г. (Бернъ 1884); отечественная исторія (Женева, Тургау, Лозанна).

IV классъ—всемірная исторія 1600—1815 г. (Бернъ 1890); исторія современной культуры (Солотурнъ) [1]).

Женевскимъ гимназистамъ совѣтуются начальствомъ для прочтенія слѣдующія сочиненія: исторія Вебера, Duperrex, Vulliet, Lebas, Мишле, Гиббона, de-Baunechose, Тьерри, Merle d'Aubigné, Вольтера, Маколея, Гизо, Минье и т. д. Въ реальныхъ гимназіяхъ читаютъ:

въ I-мъ классѣ: время великихъ открытій и изобрѣтеній (Бернъ 1884); исторія Швейцаріи отъ итальянскихъ войнъ до 1848 г. (Обвалденъ); Юлій Цезарь, переселеніе народовъ, эпоха каролинговъ, германская имперія, крестовые походы, открытія, начало реформаціи (Тургау); исторія 17 и 18 столѣтій, отъ англійской до французской революціи (Бернъ, 1890 г.); исторія Швейцаріи отъ реформаціи до нашего времени (Ури). *Во II-мъ классѣ:* новѣйшая исторія отъ французской революціи до настоящаго времени и отечественная исторія (Бернъ, 1884); древняя исторія до Александра Великаго (Обвалденъ); англійская и французская исторія въ 16 и 17-мъ столѣтіи, семилѣтняя война, французская революція, походы Наполеона до Люневилльскаго мира (Тургау); французская революція до 1795 года, повтореніе швейцарской исторіи (Бернъ 1890); исторія Швейцаріи (Ури). *Въ III-мъ классѣ:* исторія математики и естествознанія (Бернъ, 1884); отъ Александра Великаго до Августа (Обвалденъ); исторія швейцарскаго союза, новая союзная конституція въ ея главныхъ основаніяхъ (Тургау); новая исторія отъ французской революціи (Бернъ, 1890); всемірная исторія отъ реформаціи до паденія Наполеона (Ури). Наконецъ, въ *IV-мъ классѣ:* новѣйшая исторія отъ реставраціи до 1848 г. (Бернъ 1890 г.).

Программа коммерческихъ училищъ слѣдующая: I классъ—повтореніе швейцарской исторіи, новѣйшая исторія сосѣднихъ народовъ; II классъ—исторія торговли до среднихъ вѣковъ (въ бернскомъ кантонѣ). Въ Лозаннскомъ коммерческомъ училищѣ преподается въ I классѣ—общая и отечественная исторія нашего времени и во II классѣ—исторія индустріальныхъ изобрѣтеній.

---

[1]) См. прим. 1 на стр. 140; Jahresbericht über die Kantonal-Lehranstalt zu Sarnen (Obwalden, 1880—81); Programme des Cours du Gymnase, Genève, 1883; Thurgauische Kantonsschuleprogramm für das Schuljahr 1888/89; Programme général pour les colléges communaux. Lausanne, 1870, Jahresbericht über die Urnerische Kantonsschule in Altdorf. 1890/91.

Въ техническихъ школахъ читается: въ *первомъ* году: повтореніе древней исторіи, средневѣковая исторія (Цюрихъ), главныя событія швейцарской исторіи (Лозанна) и отдѣльные эпизоды изъ исторіи древности (Солотурнъ). Во *второмъ* классѣ: новая исторія до 1700 г. и швейцарская исторія отъ основанія союза до 1700 г. (Цюрихъ); краткая исторія Швейцаріи (Лозанна) и эпизоды изъ швейцарской исторіи отъ древности до нашего времени (Солотурнъ). Въ *третьемъ* классѣ: новая и новѣйшая исторія отъ 1700 г. и отечественная исторія за этотъ же періодъ (Цюрихъ); древняя исторія Востока и Греціи (Лозанна) и древняя и средняя исторія (Солотурнъ). Въ *четвертомъ* классѣ: древняя исторія съ указаніями на культурно-историческіе моменты (Цюрихъ); римская исторія и отечественная исторія въ это время (Лозанна); швейцарская исторія отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени (Солотурнъ). Въ *пятомъ* классѣ: средняя исторія (всеобщая и отечественная) (Лозанна); исторія античной культуры (Солотурнъ). Въ *шестомъ* классѣ: всеобщая и отечественная исторія новаго времени (Лозанна); исторія современной культуры (Солотурнъ). Въ *седьмомъ* году—новѣйшая отечественная и всеобщая исторія (Лозанна) и въ *восьмомъ* году—исторія индустріальныхъ изобрѣтеній (Лозанна) [1]).

Въ цюрихскомъ техническомъ училищѣ задаются ученикамъ разъ въ мѣсяцъ письменныя работы въ классахъ по различнымъ вопросамъ исторіи. Кромѣ того каждый ученикъ 3-го и 4-го классовъ долженъ въ теченіе года прочесть на дому какое-нибудь крупное историческое произведеніе и о прочитанномъ долженъ отдать отчетъ учителю. При вступленіи въ цюрихскую техническую школу требуется знаніе главныхъ событій древности.

Объ успѣхахъ по исторіи въ швейцарскихъ низшихъ и средне-учебныхъ заведеніяхъ имѣются противоположные отзывы школьныхъ инспекторовъ. Изъ недостатковъ, указанныхъ школьными инспекторами, отмѣтимъ: незначительный объемъ и неточное преподаваніе отечественной исторіи, незначительный объемъ всеобщей исторіи (въ Унтервальденскомъ кантонѣ), безполезное заучиваніе хронологическихъ данныхъ (тамъ же); преподаваніе ограничивается только исторіей лѣсистыхъ и горныхъ кантоновъ (тамъ же), въ иныхъ школахъ исторія преподается исключительно въ видѣ опредѣленій, именъ и чиселъ, безъ всякаго историческаго пониманія (С.-Галленъ) [2]).

О требованіяхъ, предлагаемыхъ государствомъ школѣ, можно въ

---

[1]) Lehrplann der Industrieschule in Zürich. 1875.

[2]) Bericht über die Inspektion der Land-Realschulen des Kantons St.-Gallen, 1889/90, von Herrn H. Wiget Erziehungsrat.

значительной мѣрѣ судить по вопросамъ, предлагаемымъ всѣмъ новымъ рекрутамъ на рекрутскихъ экзаменахъ.

Такъ, для полученія высшей отмѣтки (I), необходимы правильные отвѣты на слѣдующіе вопросы: слѣдствія французской революціи для Швейцаріи? важнѣйшія слѣдствія для Швейцаріи отъ вторженія французовъ въ 1798 г.? причины швабской войны? важныя событія въ XV столѣтіи? въ какой зависимости былъ Невшатель отъ Пруссіи и по какому поводу эта зависимость уничтожилась? исторически извѣстныя мѣстности въ тессинскомъ кантонѣ и чѣмъ онѣ извѣстны? краткое изложеніе причинъ крестьянской войны? важнѣйшія слѣдствія швабской войны? старая цюрихская война? какія личности способствовали вторженію французовъ въ Швейцарію? когда и гдѣ Швейцарія объявлена независимой отъ германской имперіи? въ какой иностранной военной службѣ швейцарцы отличились? важныя рѣшенія съѣзда представителей кантоновъ въ Стансѣ? важнѣйшія событія въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія?

Для полученія второй отмѣтки (II) необходимы правильные отвѣты на вопросы: первые учители христіанства въ Швейцаріи? какіе кантоны были вскорѣ послѣ швабской войны приняты въ швейцарскій союзъ? по какому поводу Цюрихъ вступилъ въ швейцарскій союзъ? гражданскія войны въ Швейцаріи? битвы въ швабской войнѣ? генералъ Генрихъ Дюфуръ, его біографія? извѣстнѣйшіе реформаторы въ Швейцаріи? битва при Нэфельсѣ? религіозныя войны въ Швейцаріи? послѣ какихъ событій былъ въ Стансѣ съѣздъ представителей швейцарскихъ кантоновъ? кой-что о маіорѣ Давелѣ и Рудольфѣ Брунѣ? кому былъ нѣкогда подчиненъ кантонъ Аппенцель и въ какихъ битвахъ отвоевалъ онъ себѣ свободу? какія части Швейцаріи были раньше подчинены бернскому кантону? кое-что о Гансѣ Вальдманнѣ?

Для третьей отмѣтки необходимы отвѣты на вопросы: назови восемь первыхъ кантоновъ швейцарскаго союза? напиши что-нибудь о Никлаусѣ изъ Флюэ (Niklaus von der Flüe)? послѣ какой войны приняты Фрейбургъ и Солотурнъ въ швейцарскій союзъ? назови исторически-извѣстную мѣстность въ люцернскомъ кантонѣ и скажи кратко, что тамъ произошло? кто потерпѣлъ при Грандсонѣ (Grandson) пораженіе? противъ кого воевали бернцы при Лаупенѣ? напиши что-нибудь объ Арнольдѣ Винкельридѣ? назови извѣстныхъ лицъ изъ бургундской войны? скажи что-нибудь о битвѣ при Земпахѣ (Sempach)? назови первыя битвы за свободу и скажи, кто побѣдилъ? гдѣ сражался Карлъ Смѣлый противъ швейцарцевъ? гдѣ швейцарцы потерпѣли пораженіе? гдѣ сражались гларнцы за свободу и противъ кого? назови главныя битвы въ бургундскихъ войнахъ? гдѣ сражались швейцарцы противъ французовъ?

Наконецъ, для четвертой отмѣтки (IV) необходимы отвѣты на вопросы: назови нѣкоторыя поля битвъ въ Швейцаріи? назови нѣсколько извѣстныхъ лицъ изъ швейцарской исторіи? какіе были первые кантоны швейцарскаго союза? какія лица основали союзъ на Рютли? противъ кого сражались швейцарцы при Моргартенѣ? какіе кантоны основали союзъ на Рютли? кто послалъ фогтовъ въ кантоны при Фирвальдштетскомъ озерѣ? какая была первая битва за свободу въ Швейцаріи? противъ какихъ народовъ сражались швейцарцы? назови швейцарскаго предводителя и скажи гдѣ онъ отличился? гдѣ былъ основанъ швейцарскій союзъ и какими кантонами? разскажи что-нибудь о Вильгельмѣ Теллѣ? гдѣ сражались швейцарцы противъ австрійцевъ? гдѣ жилъ Гесслеръ и кѣмъ онъ былъ? назови одного извѣстнаго историческаго дѣятеля нашего кантона [1]).

Осенью 1886 г. изъ 701 студента 657 получили по исторіи отмѣтки I и II и три студента IV, а въ 1887 году даже одинъ учитель получилъ третью отмѣтку (III) [2]). Въ 1880 году никакихъ знаній по исторіи не имѣли 2,937 рекрутъ изъ 23,492, призывавшихся въ этомъ году, т.-е. 12,5%, а въ 1889 году 1,081 изъ 23,037 или 4,7%. Самыя элементарныя свѣдѣнія по исторіи имѣли въ 1880 году 6,059 или 25,8%, а въ 1889 году 4,721 или 20,5%. На вопросъ: „чѣмъ знаменитъ Генрихъ Песталоцци"? даны были отвѣты: онъ изобрѣтатель громоотвода; изобрѣтатель желѣзныхъ дорогъ; дѣятельный проповѣдникъ; провозгласитель Евангелія; храбрый воинъ и т. д. „Что вы знаете объ Арнольдѣ Винкельридѣ"? Отвѣты: отличился при Муртенѣ; проложилъ дорогу для жены и дѣтей; только утромъ увидѣли, что онъ мертвъ; предпринялъ различныя постройки; Карлъ Смѣлый отличился въ битвѣ при Земпахѣ; памятникъ при Грейфенскомъ озерѣ напоминаетъ намъ о Винкельридѣ и т. д. „Что вы знаете о Гансѣ Вальдманѣ"? Отвѣты: онъ былъ проповѣдникомъ; онъ былъ здоровый человѣкъ изъ лѣса; онъ хотѣлъ построить красивый домъ, но пришелъ король и запретилъ ему, и Вальдманъ получилъ сильный ударъ въ голову; онъ былъ знаменитый художникъ и скульпторъ; онъ хотѣлъ быть первымъ на судѣ мертвецовъ и т. д.

Въ 1889 г. изъ каждыхъ 100 рекрутъ получили по исторіи отмѣтки IV или V, т.-е. самыя худшія:

въ Тургау	12	въ Базелѣ (деревни)	16
„ Шафгаузенѣ	14	„ Цюрихѣ	19
„ Гларусѣ	20	„ Аппенцеллѣ	17
„ С.-Галленѣ	25	„ Ааргау	23
въ Бернѣ	31		

[1]) Ph. Reinhard. Vaterlandskunde. Fragen, gestellt an den Rekrutenprüfungen. Bern. 1890.

[2]) Schweizerische Lehrerzeitung. 1890, № 22.

Въ 1890 г. 24% изъ всѣхъ призывавшихся рекрутъ ничего не знали по исторіи Швейцаріи; въ Тессинскомъ кантонѣ изъ 100 рекрутъ 54 получили отмѣтки IV и V, причемъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ этого кантона послѣдняя цифра возрастаетъ до 60 (Mendrisio), 63 (Беллинцона и Бленіо) и даже до 85 (Ривьера)[1].

Хорошія отмѣтки I или II имѣли изъ 100 рекрутъ въ 1881 г. 29 человѣкъ, въ 1886—35 и въ 1890—41. Плохія отмѣтки, какъ указано выше, имѣли въ 1890 г.—24 человѣка, въ то время какъ въ 1881—42 и въ 1886—32, такъ что въ общемъ можно сказать, что число швейцарскихъ гражданъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ отечественной исторіей, съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Наконецъ, приведемъ еще слѣдующую таблицу результатовъ рекрутскихъ экзаменовъ, косвеннымъ образомъ иллюстрирующихъ успѣхи въ преподаваніи исторіи въ отдѣльныхъ кантонахъ Швейцаріи. Изъ 100 рекрутъ въ 1890 г. получили по исторіи:

	отмѣтки I или II (лучшія)	отмѣтки IV или V (худшія)
въ Цюрихѣ	49	17
„ Бернѣ	37	27
„ Люцернѣ	33	29
„ Ури	22	42
„ Швицѣ	37	30
„ Обвальденѣ	44	25
„ Нидвальденѣ	40	21
„ Гларусѣ	48	13
„ Цугѣ	42	17
„ Фрейбургѣ	37	22
„ Солотурнѣ	42	25
„ Базелѣ (городѣ)	58	14
„ Базелѣ (деревняхъ)	36	26
„ Шафгаузенѣ	61	9
„ Аппенцеллѣ I	38	18
„ „ II	18	46
„ С.-Галленѣ	35	33
„ Граубюнденѣ	35	26
„ Ааргау	49	19
„ Тургау	55	13
„ Тессинѣ	16	54
„ Ваадтѣ	42	18
„ Валлисѣ	36	22
„ Невшателѣ	49	16
„ Женевѣ	55	11
во всей Швейцаріи	*41*	*24*

[1]) Ibid., № 30.

Въ общемъ замѣчается улучшеніе въ успѣхахъ по исторіи въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но полнѣйшіе успѣхи могутъ быть достигнуты только тогда, когда ученики послѣ окончанія школы имѣютъ возможность совершенствоваться въ различныхъ классахъ общаго знанія: въ повторительныхъ, воскресныхъ и вечернихъ и другихъ, что, къ сожалѣнію, въ настоящее время не можетъ имѣть мѣста для большинства дѣтей рабочихъ и крестьянъ. Нѣкоторые швейцарскіе педагоги задумывались надъ этимъ вопросомъ и пришли къ убѣжденію, что низкій уровень знанія въ народѣ зависитъ отъ того, что дѣти довольно рано отдаются на работы въ фабрики и заводы и послѣ дневной утомляющей физической работы неспособны къ какому бы то ни было умственному труду. На этомъ основаніи многіе изъ швейцарскихъ учителей являются самыми горячими приверженцами фабричнаго законодательства, особенно по отношенію къ дѣтскому труду.

О постановкѣ преподаванія исторіи въ учительскихъ институтахъ можетъ дать слѣдующая краткая программа учительской семинаріи въ Маріабергѣ: введеніе въ швейцарскую исторію, люди и эпоха свайныхъ построекъ, С.-Галленскій монастырь, исторія основанія швейцарскаго союза, бургундская война и Гансъ Вальдманъ, паденіе стараго швейцарскаго союза и наконецъ, государствовѣдѣніе. Въ бернскомъ кантонѣ будущіе учителя гимназій и школъ второго разряда должны посѣщать лекціи по исторіи въ университетѣ и принимать участіе въ практическихъ работахъ при историко-педагогическомъ отдѣленіи историческаго семинарія. Въ будущемъ 1891/92 академическомъ году назначены для учительскихъ кандидатовъ въ бернскомъ университетѣ слѣдующія лекціи по исторіи: 1) общая исторія древности (4 часа въ недѣлю); 2) общая исторія новѣйшаго времени отъ французской революціи (4 часа); 3) швейцарская исторія отъ 1830 г. до настоящаго времени; 4) повтореніе швейцарской исторіи и особенно государствовѣдѣнія; 6) швейцарская исторія отъ реформаціи до конца 18-го столѣтія.

Въ лѣтнемъ семестрѣ читаютъ для учителей: общую исторію среднихъ вѣковъ, общую исторію новаго времени отъ начала реформаціи, исторію Швейцаріи отъ основанія союза до реформаціи, исторію Швейцаріи отъ 1798 до 1830 года, повтореніе швейцарской исторіи съ упражненіями въ преподаваніи.

Въ нѣкоторыхъ учительскихъ институтахъ, какъ напр., въ Роршахѣ предлагаются воспитанникамъ на переходныхъ экзаменахъ темы для письменныхъ работъ по исторіи министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Такъ, въ 1889 году предложены на первомъ курсѣ темы: арабы

и исламъ, на второмъ—Германія съ 1815 года, а на выпускныхъ экзаменахъ—реставрація и регенерація [1]).

Для упражненія учителей въ историческихъ работахъ С.-Галленская газета для учителей предлагаетъ въ каждомъ нумерѣ темы по исторіи слѣдующаго содержанія: 1) важнѣйшіе конгрессы послѣ паденія Наполеона I; 2) почему только Савойскій домъ могъ способствовать осуществленію національнаго единства Италіи? [2])

Для университетовъ нѣтъ постоянной программы по исторіи и потому, чтобы получить понятіе о томъ, что даетъ университетъ студенту изъ области историческихъ наукъ, надо познакомиться съ распредѣленіемъ лекцій за послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ университетахъ.

Прежде всего замѣтимъ, что каѳедра швейцарской исторіи отдѣлена отъ каѳедры общей исторіи.

Въ бернскомъ университетѣ существуютъ одна каѳедра по швейцарской и другая по общей исторіи; кромѣ того 2 экстраординарныхъ профессора читаютъ лекціи по исторіи искусствъ, 1 приватъ-доцентъ —по древней исторіи, 1 по швейцарской исторіи, 1 по общей, 1 по исторіи искусствъ и 1 по исторіи швейцарскаго законодательства.

Въ цюрихскомъ университетѣ читаютъ по исторіи два профессора и три приватъ-доцента.

Въ женевскомъ университетѣ читаетъ съ 1885 г. приватъ-доцентъ лекціи по философіи исторіи, а въ цюрихскомъ съ 1888 г. по доисторической археологіи.

Въ цюрихскомъ университетѣ читались въ 1888 и 1889 годахъ слѣдующія лекціи: 1) исторія римской имперіи; 2) новая исторія до XVIII ст.; 3) консульство и первая Наполеоновская имперія; 4) исторія Швейцаріи отъ XVII до XIX ст.; 5) изъ швейцарской исторіи XV и XVI ст.; 6) исторія культуры Швейцаріи отъ XIV до конца XVIII ст.; 7) участіе Швейцаріи въ гуманистическомъ движеніи; 8) исторія живописи въ XVI и XVII ст.; 9) древняя исторія; 10) Греція эпохи Перикла; 11) исторія политическихъ и религіозныхъ движеній въ послѣднія столѣтія средневѣковья; 12) исторія французскихъ Бурбоновъ до 1789 г.; 13) исторія революціоннаго періода 1789—1814; 14) исторія Швейцаріи (до конца XVI ст.); 15) исторія Швейцаріи (1815—1848); 16) исторія древней Греціи; 17) эпоха Фридриха Великаго; 18) новѣйшая исторія съ 1814 года; 19) основаніе швейцарскаго союза; 20) литература по исторіи Швейцаріи; 21) ученіе объ историческихъ памятникахъ. Кромѣ вышеприведенныхъ лекцій для

[1]) St.-Gallen Schulblätter. 1889, №№ 7 и 8.

[2]) Idid., №№ 1 и 2.

студентовъ читался также рядъ лекцій для публики (безплатно), привлекающихъ обыкновенно большое число слушателей, особенно слушательницъ, почти изъ всѣхъ слоевъ состоятельнаго общества. Эти лекціи служатъ отчасти повторительными курсами различныхъ частей исторіи и отчасти могучимъ средствомъ для самообразованія.

Къ сожалѣнію, приходится констатировать фактъ, что въ то время, какъ двери аудиторій широко раскрыты для всякаго желающаго, замѣчается одновременно съ этимъ обстоятельствомъ полнѣйшее отсутствіе на публичныхъ лекціяхъ представителей ремесленнаго и рабочаго люда, наиболѣе нуждающагося въ самообразованіи [1]).

Изъ такихъ лекцій, читанныхъ въ цюрихскомъ университетѣ за 1888 и 1889 годы упомянемъ слѣдующія: 1) исторія французскихъ Бурбоновъ; 2) повтореніе новой исторіи; 3) исторія тридцатилѣтней войны; 4) исторія культуры средневѣковой; 5) избранныя событія всемірной исторіи въ переходный періодъ отъ средневѣковья къ новому времени; 6) новѣйшая исторія съ 1815 до 1870 года; 7) исторія германской конституціи и 8) швейцарская исторія.

При каждомъ изъ швейцарскихъ университетовъ имѣются такъ-называемые историческіе семинаріи, въ которыхъ студенты исполняютъ различныя историко-практическія работы подъ руководствомъ профессоровъ. Такъ, при цюрихскомъ университетѣ студенты, записавшіеся въ историческіе семинаріи, упражняются въ критико-историческихъ изслѣдованіяхъ по древней исторіи (2 часа въ недѣлю), въ чтеніи лекцій по древней исторіи (педагогическія упражненія), въ чтеніи памятниковъ (2 ч.), въ изслѣдованіяхъ по исторіи искусствъ (2 ч.), по швейцарской исторіи (2 ч.), въ критическихъ изслѣдованіяхъ по средней исторіи.

Въ бернскомъ университетѣ въ продолженіи 1890 и 1891 гг. читались и читаются слѣдующія лекціи по исторіи: 1) исторія древности (4 часа въ недѣлю); 2) общая исторія отъ реформаціи до 1648 г.; 3) исторія швейцарской крестьянской войны и ея слѣдствія; 4) исторія Швейцаріи отъ 1830 до 1847 г.; 5) исторія Швейцаріи въ XVII—XVIII ст.; 6) исторія французской революціи 1789—1792 г.; 7) исторія папства въ средніе вѣка (1 ч.); 8) исторія римской имперія; 9) общая исторія новѣйшаго времени отъ 1789 г.; 10) исторія Швейцаріи отъ реформаціи до исхода 18-го ст.; 11) исторія Швейцаріи отъ 1830 г. до настоящаго времени; 12) общая исторія отъ 1815 до 1848 г.; 13) общая исторія среднихъ вѣковъ; 14) исторія Швейцаріи отъ основанія союза до реформаціи; 15) исторія Швейцаріи отъ 1798 до 1830 г.; 16) исторія отъ 1848 г. до 1871 г. Публично читались

---

[1]) Большая часть публичныхъ лекцій читается по вечерамъ.

слѣдующія лекціи: 1) эпоха гуманизма; 2) женщина въ классической древности; 3) древнѣйшая исторія римскаго народа; 4) исторія гуманизма; 5) исторія періода реставраціи 1815—1830 гг.

Въ историческихъ семинаріяхъ при бернскомъ университетѣ студенты упражнялись въ повтореніи общей исторіи, въ критическомъ изслѣдованіи вопроса о Вильгельмѣ Теллѣ, въ чтеніи памятниковъ, въ объясненіи послѣднихъ, въ хронологіи, въ чтеніи пробныхъ лекцій, въ самостоятельныхъ работахъ по источникамъ, въ исторіографіи и т. д.

За лучшія семинарскія работы студенты получаютъ преміи (50—75 франковъ) отъ дирекціи народнаго просвѣщенія, причемъ надо замѣтить, что каждый студентъ въ продолженіе двухъ семестровъ обязательно долженъ представить одну работу.

Въ женевскомъ университетѣ также читаются публичныя лекціи по исторіи: такъ въ 1885/86 г. читались: 1) историческая роль Рима; 2) Наполеонъ I; 3) Швейцарія въ 1798 г. и т. д.

Наконецъ замѣтимъ, что въ историческихъ семинаріяхъ принимаетъ участіе очень ограниченное число студентовъ, обыкновенно только тѣ учащіеся, которые намѣрены спеціализироваться по одной избранной ими наукѣ. Такъ, въ историческомъ семинаріи цюрихскаго университета принимало участіе въ 1888 г. въ педагогическихъ опытахъ 8 человѣкъ (лѣтомъ) и 9 (зимою); въ критико-историческихъ упражненіяхъ—6 и 3; въ чтеніи источниковъ 3 и 3, въ культурно-историческихъ упражненіяхъ 5, по швейцарской исторіи 9 (зимою). Лѣтомъ одинъ студентъ получилъ премію въ 75 франковъ, а зимою два по 50 франковъ. Въ 1889 г. работало въ семинаріи 4—12 человѣкъ (лѣтомъ) и 4—9 человѣкъ (зимою), причемъ за три работы даны преміи по 50 франковъ. Въ бернскомъ университетѣ работало въ историческомъ семинаріи въ 1889/90 г. 12 студентовъ.

---

[1]) Rapport du Departement de l'instruction publique pour l'année 1885/86, Genève.

[2]) Jahresbericht der Direktion des Erziehungswesen in Zürich. Schuljahr 1888/89.

ТАБЛИЦА НЕДѢЛЬНЫХЪ УРОКОВЪ ПО ИСТОРІИ ВЪ ШВЕЙЦАРСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

№№	УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.	КЛАССЫ:							
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
1	Кантональная учительская семинарія въ Кюснахтѣ . . .	3	3	3	3				
2	Цюрихская городская семинарія для учительницъ	3	3	3	3				
3	Учительская семинарія бернскаго кантона въ Горвилѣ .	3	3	2½	2				
4	Семинарія для учительницъ бернскаго кантона въ Делемонтѣ.	2	2	3					
5	Ааргауская учительская семинарія въ Ветингенѣ . . .	2	2	2	2				
6	Семинарія для учительницъ въ Аарау	2	2	2					
7	Кантональная учительская семинарія въ Солотурнѣ . .	2	3	3					
8	Кантольная учительская семинарія въ Крейцлингенѣ . .	3	2½	2½					
9	Нѣмецкая семинарія для учителей и учительницъ:								
	въ Ситенѣ	2	2						
	въ Бригѣ	2	2						
10	Французская семинарія для учителей и учительницъ:								
	въ Ситенѣ	2	3						
	въ Бригѣ	2	2						
11	Женская средне-учебная школа въ Цюрихѣ	2	2						
12	Женская средне-учебная школа въ Винтертурѣ	3	3						
13	Женская средне-учебная школа въ Бернѣ:								
	а) обще-образоват. отдѣленіе	1	1	2	2	3			

№№	УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.	КЛАССЫ:							
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	b) коммерческое отдѣленіе.	1							
	c) семинарія	2	2	2					
16	Женская средне-учебная школа въ Базелѣ	—	1	2	2	3	3	3	
	Женская средне-учебная школа въ Базелѣ высшіе классы .	3	3						
17	Женская средне-учебная школа въ Женевѣ:								
	a) младшіе классы . .	2	2	2	2				
	Старшіе классы:								
	b) общеобразоват. отдѣленіе	2	1	2					
	c) педагогическое отдѣленіе.	2	1	2					
18	Прогимназія въ Цюрихѣ . .	2	2	3	3				
19	Гимназія	—	—	—	—	3	3		
20	Подготовительные классы техническаго училища въ Цюрихѣ.	3	3						
	Техническое отдѣленіе . . .	—	—	3	2½	3			
	Коммерческое отдѣленіе. . .	3	3						
21	Гимназія въ Винтертурѣ . .	2	2	2	2	2	2	3	
22	Техническая школа	2	2	2	3				
23	Прогимназія въ Бернѣ . . .	2	2	2	2				
24	Гимназія	2	2	3	2	3			
25	Реальная гимназія	2	2	2	1				
26	Коммерческая школа. . . .	1	1						
27	Гимназія въ Бургдорфѣ. . .	2	2	2	2	2	3	3	3
28	Гимназія въ Porrentrug. . .	2	2	2	2	2	3	3	3
29	Реальное училище въ Люцернѣ	2	2	2	2	2	2		
30	Гимназія	2	2	2	2	3	3		

№№	УЧЕВНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.	К Л А С С Ы:							
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
31	Лицей	4	4						
32	Реальное училище въ Альдорфѣ	2	2	2					
33	Гимназія	2	2	2	2	2	2		
34	Реальное училищѣ Maria Hilf въ Швицѣ	2	2	2					
35	Гимназія	2	2	2	2	3	3		
36	Философское отдѣленіе . . .	2							
37	Гимназія бенедиктинцевъ въ Швицѣ	2	$1^1/_2$	$1^1/_2$	$1^1/_2$	$1^1/_2$	$1^1/_2$		
38	Лицей	2	2						
39	Реальное училище въ Сарненѣ.	2	2						
40	Гимназія	2	3	1	1	2	2		
41	Гимназія бенедиктинцевъ въ Обвальденѣ	2	2	2	2	$2^1/_2$	2		
42	Гимназія капуциновъ въ Нидвальденѣ	2	2	2	2	2			
43	Прогимназія въ Цугѣ . . .	2	2						
44	Гимназія	2	2	2	2	2			
45	Гимназія и реальное училищѣ Апенцеллѣ	3	3	3	3	3	2		
46	Гимназія въ Ваадтѣ	3	3	2	2	2	3		
47	Гимназія въ Солотурнѣ . . .	3	2	2	2	2	3	4	
48	Техническая школа	2	2	2	3	2	2		
49	Гимназія въ Фрейбургѣ . . .	3	2	2	2	2	2		
50	Техническая школа	2	2	2	2	2			
51	Гимназія въ Базелѣ	2	2	2	2	3	4	4	4
52	Реальное училище	1	2	3	2	3	2	2	
53	Коммерческіе классы . . .	2	2	2					
54	Гимназія въ Шафгаузенѣ . .	3	2	2	2	2	3		
55	Гимназія въ С.-Галленѣ. . .	—	2	2	2	3	3	2	

№№	УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.	КЛАССЫ:							
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
56	Техническая школа.	2	2	2	2				
57	Коммерческая школа. . . .	3	2	2					
58	Гимназія въ Курѣ (Граубюнденъ)	—	—	3	3	3	3	3	
59	Реальное училище	2	2	3	3	3	2		
60	Семинарія	—	2	3	3	3			
61	Прогимназія въ Аарау . . .	2	2						
62	Гимназія	3	3	3	3				
63	Техническая школа	2	2	3	3				
64	Гимназія въ Фрауенфельдѣ . .	2	3	2	3	3	3	2	
65	Техническая школа	2	2	2	2	2½	3	2	
66	Гимназія въ Тессинѣ . . .	2	2	2	2	2			
67	Лицей	3	3	3					
68	Гимназія въ Лозаннѣ . . .	2	1	1	1	2	2	2	
69	Техническая школа	2	2	2	2	2	2		
70	Техническая школа въ Гитенѣ (Валлисъ).	1½	1½	2½	1½				
71	Гимназія	1½	1½	1½	1½	1½	2	2	
72	Лицей	3	3						
73	Гимназія въ Невшателѣ . .	3	3						

Замѣтка объ историческихъ книжкахъ „для народа" [1]).

Н. А. Рубакина.

Въ этой небольшой замѣткѣ намъ хотѣлось бы обратить вниманіе людей науки на тотъ отдѣлъ исторической литературы, который, къ сожалѣнію, слишкомъ мало останавливаетъ на себѣ ихъ вниманіе, хотя онъ, несомнѣнно, вполнѣ заслуживаетъ иного отношенія. Мы говоримъ объ отдѣлѣ историческихъ книжекъ для народа. „Исторія для народа", эти слова, если хоть немного вдуматься въ нихъ, звучатъ нѣсколько странно,—какъ будто бы совокупность историческихъ знаній не для всѣхъ одна и таже; какъ будто бы составители народныхъ книжекъ черпаютъ матеріалъ для нихъ не изъ той сокровищницы, доступной одинаково для всѣхъ, куда люди науки по мѣрѣ силъ и стараній каждый стремится внести и свою долю. Къ сожалѣнію, это такъ и есть на самомъ дѣлѣ: „исторія для народа"—это нѣчто особое, нѣчто ни на что непохожее, весьма далекое отъ той исторіи, которую мы знаемъ, какъ науку нелицепріятную, науку, стремящуюся точно установить, провѣрить, освѣтить факты, открыть въ нихъ закономѣрныя отношенія, подняться отъ фактовъ къ законамъ историческаго развитія. Исторія для народа—совсѣмъ не то, а что она такое, я и постараюсь показать ниже, сдѣлавъ краткое обозрѣніе этой области, въ которую, какъ въ Аидъ, спускаются только тѣни ученыхъ мужей, а гдѣ сами ученые мужи не появляются.

---

[1]) Матеріалами при составленіи этой замѣтки послужили: 1) Рукописные отвѣты на нашъ „Опытъ программы изслѣдованія литературы для народа" и библіографія народныхъ книгъ, составлявшаяся на основаніи этихъ отвѣтовъ („Сѣверный Вѣстникъ" 1890—91 г., „Русское Богатство" 1888—90 г.). 2) Что читать народу? 2 тома. 3) Каталогъ книжн. магазина Глазунова, составл. г. Межовымъ и др.

Историческихъ книгъ для народа издано не мало. Въ обоихъ томахъ извѣстнаго сборника, составленнаго учительницами харьковской воскресной школы и озаглавленнаго: „Что читать народу?“ зарегистровано 605 книгъ. Это число далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и должно быть увеличено во много разъ. Во-первыхъ, въ него не вошли книжки *лубочныя*, которыя не должно смѣшивать съ народными или дешевыми изданіями; между тѣмъ лубочная историческая литература крайне многочисленна и разнообразна; во-вторыхъ, однимъ изъ источниковъ историческихъ знаній (и къ тому же не изъ послѣднихъ), откуда народъ знакомится съ исторіей, являются историческіе романы и повѣсти, которые въ сборникѣ „Что читать народу?“ отнесены большею частью въ отдѣлъ беллетристики (напр. „Сократъ“, „Крезъ“, „Франциськъ Ассизскій“ и др.). Въ-третьихъ наконецъ, къ историческимъ книжкамъ слѣдуетъ отнести и многочисленныя житія святыхъ, откуда народъ почерпаетъ (хотя и очень скудныя) свѣдѣнія изъ исторіи,—о римскихъ императорахъ, о князьяхъ, и т. д. Сюда же прибавимъ и книжки по церковной исторіи, которыхъ существуетъ въ дешевыхъ изданіяхъ тоже не мало. Такимъ образомъ, область исторической литературы для народа необходимо должна быть расширена.

Было время,—и очень недавно,—когда повсюду господствовало убѣжденіе, что для народа, т.-е. для всѣхъ тѣхъ, кто по разнымъ условіямъ получилъ образованіе ниже средняго или не получилъ никакого, въ области беллетристики доступны только тѣ произведенія, которыя написаны особымъ языкомъ, на особыя темы, упрощены, пояснены, снабжены и поученіями, и назиданіями и т. д. Въ настоящее время взглядъ этотъ значительно покачнулся и во всякомъ случаѣ находитъ себѣ больше противниковъ, чѣмъ защитниковъ. Изслѣдованія того, что̀ и какъ читаетъ народъ, показали, что общее число беллетристическихъ произведеній, доступныхъ весьма неподготовленнымъ слушателямъ, гораздо больше, чѣмъ это предполагалось раньше, что въ деревнѣ и на фабрикѣ находятъ себѣ радушный пріемъ, читаются, понимаются, вызываютъ споры произведенія такихъ писателей, какъ Шекспиръ [1]), Костомаровъ, Шашковъ [2]) и т. д. Наблюденія надъ читателемъ изъ народа дали богатый матеріалъ, который въ концѣ концовъ долженъ реабилитировать этого читателя въ глазахъ тѣхъ, которые слишкомъ привыкли смотрѣть на него сверху внизъ. Распространеніе школъ и грамотности, увеличеніе числа и улучшеніе со-

¹) См. „Что читать народу“, т. I и II.

²) См. мой докладъ комитету грамотности: „Къ характеристикѣ читателя и писателя изъ народа„ „Сѣверный Вѣстникъ“ 1891, № 4—5).

става книгъ, вращающихся въ народной средѣ, обусловливаютъ то явленіе, что область литературы для народа постепенно расширяется. „Народу нужны не *народныя* книги, а *дешевыя*, пишетъ намъ одинъ читатель изъ народа, потому что онъ *бѣднякъ*, а не *дуракъ*". Къ числу книгъ, вполнѣ пригодныхъ для народнаго чтенія, въ сборникѣ „Что читать народу?" вполнѣ справедливо отнесены многія сочиненія, предназначавшіяся ихъ авторами для культурныхъ читателей. Тоже самое явленіе, хотя и идущее несравненно медленнѣе, замѣчается и въ области книгъ научно-популярныхъ. Напр., „Свѣтила науки" Фигье, „Жизнь европейскихъ народовъ" Е. Н. Водовозовой, „Разсказы про дикаго человѣка" Д. Коропчевскаго находятъ довольно широкій и радушный пріемъ въ деревнѣ, среди крестьянъ, окончившихъ курсъ сельской школы. Разумѣется, въ научной области *особая* литература для народа, упрощенная до возможнаго предѣла, будетъ существовать еще долго, но измѣненія къ лучшему и въ этомъ отношеніи несомнѣнны. У насъ въ распоряженіи между прочимъ имѣются рукописные отзывы фабричныхъ и крестьянъ о сочиненіяхъ г. Гольцева (Законодательство и нравы въ Россіи въ XVIII в.), Шашкова (крестьяне при Екатеринѣ II), Шелгунова, А. Шеллера.

Какъ ни мало на фабрикѣ и въ деревнѣ читателей такихъ книгъ, тѣмъ не менѣе они уже есть, и это не подлежитъ сомнѣнію...

Врядъ ли можно сомнѣваться тоже, что историческія книжки, сравнительно съ книжками другихъ отдѣловъ, могутъ расчитывать на наиболѣе широкій кругъ читателей. Это зависитъ не только отъ того интереса, съ которымъ относится народъ къ разсказамъ о своемъ прошломъ, но и отъ самаго предмета исторіи. Популяризація знаній естественно-историческихъ, требующая такъ часто опытовъ, наблюденій, подробнаго и точнаго знакомства съ предметами, еще невиданными въ деревнѣ, сопряжена съ бо́льшими затрудненіями, чѣмъ популяризація исторіи: люди и ихъ дѣйствія всегда понимаются легче, чѣмъ отвлеченныя силы природы; точныя понятія изъ области естественныхъ наукъ усваиваются съ бо́льшими усиліями, чѣмъ знанія о герояхъ и дѣяніяхъ, нравахъ и обычаяхъ прежнихъ временъ. Правда, эти герои и обстановка представляются въ терминахъ настоящаго, но для пониманія какой-либо естественно-исторической книжки нерѣдко и совсѣмъ терминовъ нѣтъ или они такъ далеки отъ того, что видятъ глаза, такъ условны, что все объясненіе, построенное на нихъ, держаться въ головѣ читателя не имѣетъ возможности. Тѣ, кому приходилось бесѣдовать съ крестьянами о движеніи земли вокругъ солнца, знаютъ, какихъ усилій мысли требуетъ усвоеніе этой истины, какъ трудно замѣнить одно представленіе, полученное изъ ежедневныхъ наблюденій, другимъ, выведеннымъ изъ разсужденій, и изъ фактовъ,

недостаточно извѣстныхъ, отвлеченнымъ путемъ. Физика, химія представляютъ для популяризатора еще бо́льшія трудности. Исторія принадлежитъ къ числу тѣхъ наукъ, которыя легче другихъ поддаются популяризаціи.

Изъ этого можно было бы думать, что и популяризація въ этой области сдѣлала бо́льшіе успѣхи, что разные отдѣлы историческихъ знаній здѣсь выражены наиболѣе полно, что самому неподготовленному читателю, стремящемуся познакомиться съ прошлымъ человѣчества, не говоря уже о прошломъ своей родины, остается только выбирать. Къ сожалѣнію, до сего времени мы ничего подобнаго не видимъ. Отдѣлъ общедоступныхъ историческихъ книгъ крайне бѣденъ, такъ бѣденъ, что самый нетребовательный человѣкъ не можетъ не придти въ изумленіе. Бросимъ сначала взглядъ на книжки по русской исторіи. Если бы всѣ историческія книжки, помѣченныя въ каталогѣ Межова (Книжн. магазина Глазунова) распредѣлить по рубрикамъ, такъ чтобы каждая рубрика соотвѣтствовала тому или иному вѣку, то распредѣливъ по этимъ рубрикамъ всѣ имѣющіяся книжки (оставляя въ сторонѣ житія святыхъ и разсказы изъ священной исторіи, чего мы касаться и не будемъ), можно было бы изобразить всю наличность исторической „народной литературы“ въ видѣ кривой линіи (откладывая на оси абсциссъ вѣка, и на оси ординатъ—число книгъ). Количественная бѣдность этой литературы, изображенной такимъ способомъ, выступаетъ весьма наглядно. Прежде всего бросается въ глаза крайняя скудость книжекъ о до-историческихъ временахъ и о первобытной культурѣ. Лучшею изъ нихъ до сего времени остаются разсказы Б. Павловича „О бытѣ народовъ арійскаго племени въ до-историческое время“. Эта книжка появилась въ 1873 г., и съ тѣхъ поръ въ „литературѣ для народа“ первобытный человѣкъ почти не показывается, какъ будто бы этого отдѣла исторической науки и не существуетъ. О первобытной культурѣ намъ извѣстна лишь хорошо составленная, но трудно изложенная книга Д. Коропчевскаго „Разсказы про дикаго человѣка“ и нѣсколько разсказовъ, и то большею частью заимствованныхъ изъ дѣтскихъ книжекъ (Висковатова,—о развитіи письменности, В. Самойловичъ и нѣк. др.). О бытѣ древнихъ славянъ историки „для народа“ тоже не распространяются. О Владимірѣ Святомъ и принятіи христіанства уже существуетъ цѣлая литература чрезвычайно разношерстная, — начиная съ размалеванныхъ книжекъ московскихъ лубочниковъ и кончая благообразными изданіями Св. Синода и „интеллигентныхъ издателей“. Изслѣдуя начерченную нами кривую, можно замѣтить, что около выдающихся событій русской исторіи, и къ тому же главнымъ образомъ исторіи *внѣшней*, касающейся войнъ и правителей, эта кривая повышается; точно также повышается

она и у нѣкоторыхъ событій внутренней исторіи (начало христіанства 988 г., смутное время, 19 февраля). Богаче другихъ она о татарскомъ погромѣ, объ отечественной войнѣ, объ Иванѣ Грозномъ [1]), о Петрѣ Великомъ. Что касается до пробѣловъ, то нѣкоторые отдѣлы, можно сказать, совсѣмъ отсутствуютъ или выражены крайне скудно. Напр., исторія закрѣпощенія крестьянъ, если можно такъ выразиться, помѣстилась въ „исторической литературѣ для народа" какъ бы бочкомъ. Правда, нѣкоторыя книжки какъ будто бы и носятъ заглавія, напоминающія это событіе внутренней жизни нашего народа, но это только кажется. Даже лучшія книжки касаются этого предмета слегка. Время отъ Петра Великаго до Екатерины II тоже не богато описаніями; о Павлѣ I существуетъ всего на всего одна плохая книжка (изд. „Мірскаго Вѣстника"). Отмѣтимъ еще одну интересную подробность: объ Иванѣ Грозномъ большинство книжекъ изложено въ беллетристической формѣ (если не считать книжекъ о Ермакѣ и покореніи Казани) [2]); что касается до книжекъ научно-популярныхъ, то лучшая изъ нихъ опять-таки вышла въ 1874 г. и написана тѣмъ же Б. А. Павловичемъ, о которомъ мы уже говорили. По мѣрѣ приближенія къ нашему времени, личность Ивана Грознаго какъ бы находитъ все менѣе и менѣе мѣста въ „исторической литературѣ для народа".—Народныя былины существуютъ въ нѣсколькихъ дешевыхъ изданіяхъ, болѣе или менѣе передѣланныя и „приспособленныя" къ школѣ; лубочники-издатели никольскаго рынка (въ Москвѣ) изъ года въ годъ издаютъ десятки плохихъ и нерѣдко безграмотныхъ книжонокъ съ пересказами и передѣлками былинъ [3]). Лишь въ прошломъ году московскій издатель И. Сытинъ издалъ цѣлую серію сводныхъ былинъ, составленныхъ довольно удовлетворительно гг. Л. Р. по хорошимъ источникамъ и безъ искаженій. Окидывая всю наличность исторической литературы для народа однимъ взглядомъ, не трудно видѣть, что даже въ томъ случаѣ, если бы *всѣ* историческія книжки, которыя помѣчены въ каталогахъ, существовали въ продажѣ и понынѣ, то и тогда бы по нимъ народъ не могъ познакомиться со многими весьма знаменательными моментами русской исторіи (напр., 1725 — 1762 г., какъ мы уже замѣтили, народной литературой почти не охвачены).

---

[1]) Въ своемъ рефератѣ Спб. Комитету грамотности г-жа Свѣшникова привела много интересныхъ данныхъ о варіантахъ, въ которыхъ появляется излюбленный лубочный романъ. Напр., романъ „Царь Іоаннъ Грозный" выходитъ то въ 3, то въ 4 частяхъ; а не то его заглавіе мѣняется въ Малюту Скуратова; имена героевъ и героинь мѣняются тоже и т. д.

[2]) Тоже много варіантовъ.

[3]) Иныя передѣлки не имѣютъ съ былинами ничего общаго, напр. „Илья Муромецъ и боярская дочь или русскіе въ началѣ XVII вѣка, во время чернаго года".

Не могъ бы народъ по нимъ познакомиться и съ исторіей своей культурной жизни, исторіей быта, вѣрованій, политическихъ и гражданскихъ учрежденій и т. д. Многія, очень хорошія, или во всякомъ случаѣ лучшія книжки въ настоящее время уже распроданы (напр., отдѣльныя изданія большинства историческихъ разсказовъ Б. Павловича), другія, хотя и не распроданы, но неизвѣстно въ какихъ складахъ находятся (и тамъ гніютъ), третьи, наконецъ, лишены по тѣмъ или инымъ причинамъ права пребыванія въ школьныхъ библіотекахъ, которыя до сего времени служатъ главными распространителями книгъ, изданныхъ интеллигентными издателями; не допущенныя въ школу, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ не допускаются и въ народныя читальни, которыя начинаютъ у насъ заводиться въ разныхъ уголкахъ. Поэтому можно себѣ представить, какіе обрывки историческихъ знаній доходятъ до народа. Впрочемъ, о качествѣ „историческихъ книжекъ для народа" мы скажемъ ниже, а теперь посмотримъ, существуютъ ли какія-либо болѣе или менѣе систематическія обозрѣнія всей русской исторіи и какія именно. Въ числѣ лучшихъ слѣдуетъ отмѣтить „Разсказы про старое время па Руси" А. Ѳ. Петрушевскаго, и ихъ продолженіе „Разсказы про Петра В. и его время", „О Суворовѣ" его же; „Родную старину" В. Д. Сиповскаго (до Петра В.); „Разсказы изъ русской исторіи" В. И. Водовозова (до XVI в.); „Общедоступныя чтенія о русской исторіи" Сергѣя Соловьева. Вообще же говоря, общихъ обозрѣній русской исторіи крайне мало, не говоря уже про то, что нѣкоторыя изъ нихъ по цѣнѣ для народа почти недоступны (напр. „Родная Старина").

Что касается до исторіи всеобщей, то врядъ ли бы мы ошиблись, сказавъ, что до народа доходятъ изъ этой области не отрывки, а какіе-то лоскутки, отбросы, которые не только не имѣютъ никакой связи между собою, но оставляютъ въ тѣни цѣлыя эпохи, многіе народы, оставившіе въ жизни человѣчества замѣтные слѣды. Недавно, напримѣръ, Сытинъ выпустилъ „Кратвую исторію Египта" въ 1½ коп. (36 страницъ); существовала (теперь распроданная) недурная книжка, изд. О. Бакстомъ, „Разсказы о древнихъ людяхъ,—египтянахъ и лидійцахъ"; небезполезная книжка „Сакья Муни" Шюре. Нѣсколько времени тому назадъ Маракуевъ сталъ издавать „Плутарха" въ плохомъ русскомъ переводѣ; въ изданіяхъ Суворина („Дешевой библіотекѣ") попадаются такія книжки, какъ „Герои и героини греческихъ трагедій" (изложеніе миѳовъ по произведеніямъ нѣкоторыхъ классическихъ писателей). Эти книжки не столько могутъ дать знанія неподготовленному читателю, сколько требуютъ знаній отъ него самого, чтобы быть понятыми, и только съ большой натяжкой могутъ быть отнесены къ числу книжекъ народныхъ. Въ текущемъ году появилась въ свѣтъ „Исторія Греціи" В. Д. Сиповскаго, напи-

санная по тому же плану, какъ его „Родная старина"; но и эта книжка врядъ ли найдетъ широкое распространеніе среди народа, по своему языку. Книжки изъ римской исторіи болѣе чѣмъ сосредоточиваются на исторіи христіанъ и гоненій на нихъ (Житія Святыхъ). Большою популярностью среди лубочниковъ пользуется сюжетъ „Послѣдніе дни Помпеи", существующій въ десяткахъ варіантовъ. Отдѣлъ древней исторіи, можно сказать, все еще гораздо богаче книгами, чѣмъ отдѣлъ исторіи средней и новой. Такимъ образомъ, тѣ самыя знанія, которыя могли бы помочь уясненію путемъ сравненія западно-европейской жизни съ русской, какъ разъ до народа не доходятъ. Если бы мы попытались и отдѣлъ исторіи всеобщей изобразить кривою линіей, то эта линія ползла бы по оси абсциссъ. Этотъ отдѣлъ—почти непочатый уголъ, и человѣкъ, желающій поработать надъ популяризаціей историческихъ знаній, нашелъ бы здѣсь широкій просторъ для своего выбора.

Переходимъ теперь къ качественному анализу имѣющейся наличности „исторической литературы для народа". Что это за свѣдѣнія изъ исторіи, которыя доходятъ до народа? Кто ихъ популяризаторы и издатели? Какъ понимаютъ они свою задачу? Что они стремятся дать своему читателю? Насколько они знаютъ его?

Всю наличность исторической литературы для народа можно раздѣлить по ихъ издателямъ на слѣдующія главныя рубрики: 1) издатели-лубочники, типичными представителями которыхъ являются московскіе издатели съ никольскаго рынка,—Манухины, Леухины, Абрамовы и др. Къ этой рубрикѣ слѣдуетъ отнести — Сытина (въ Москвѣ), Кузина, Холмушина (въ Спб.). 2) Издатели изъ интеллигенціи. Эти послѣдніе довольно рѣзко различаются между собою и каждый имѣетъ болѣе или менѣе свою физіономію. Сюда относятся главнымъ образомъ „Постоянная комиссія по устройству народныхъ чтеній", „Общество распространенія полезныхъ книгъ", редакціи журналовъ „Мірской Вѣстникъ", „Чтеніе для солдатъ", „Досугъ и Дѣло". Затѣмъ слѣдуютъ такіе издатели, какъ извѣстная фирма „Посредникъ", „Правда" (В. И.), „Народная библіотека", „Начальная школа", „Читальня народной школы", и т. д. Мы не будемъ долго останавливаться на каждой рубрикѣ издателей; не будемъ даже перечислять ихъ всѣхъ, чтобы не выходить изъ предѣловъ нашей краткой и отрывочной замѣтки, но постараемся дать лишь общія ихъ характеристики. Прежде всего издатели-лубочники. До настоящаго времени, ихъ изданія расходятся въ огромномъ числѣ экземпляровъ; есть не мало мѣстъ, куда проникаютъ только тѣ книжки, которыя попадаютъ въ коробъ офени, но разъ книжка туда попала, такъ или иначе она найдетъ себѣ покупателя. Изъ отвѣтовъ на мой „Опытъ програмы изслѣдо-

ванія литературы для народа“ между прочимъ видно, какія историческія книжки попадаютъ къ офенямъ. Таковы напр. „Гисторія о падечіи Трои“, изд. 1757 г., „Древняя исторія, сочиненная чрезъ Роллена“, переведенная В. Тредіаковскимъ, „Всемірная исторія“ въ вопросахъ и отвѣтахъ Гамердерфера и др. Историческія книжки лубочныхъ издателей въ огромномъ большинствѣ случаевъ составлены безграмотно, принадлежатъ перу людей, въ исторіи ничего не понимающихъ, а лишь пересказывающихъ первую попавшуюся „историческую“ книжку,—Карамзина, Полевого, Булгарина („Дмитрій Самозванецъ“), Гоголя („Бульба“), А. Толстого („Князь Серебряный“), Зотова („Таинственный монахъ“) и т. д. Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя книжки просто поразительны, и по прилагаемому отрывку можно судить, какого сорта историческія свѣдѣнія онѣ даютъ. Отрывокъ этотъ мы заимствуемъ изъ лубочнаго изданія московскаго торговца Абрамова „Таинственный монахъ“. Вотъ онъ. „Началъ царь продолжать войну съ турками, оконченную неудачно. Главной помогой были инженеры и строители. Петръ предпринялъ путешествіе въ чужіе края. Уничтожилъ самовластіе, улучшилъ законы, и пріятнѣе пошла общественная жизнь. Какъ теперь, хотя уже и значительно рѣже (sic), существовали и существуютъ злонамѣренные люди, какъ ничтожные паразиты, единственно изъ своихъ выгодъ, презирая общую пользу, и пользуясь грубымъ количествомъ массъ (sic)“. (точка). Сохраняемъ орѳографію подлинника. Эта книжка безъ всякихъ измѣненій и улучшеній перепечатывается изъ года въ годъ въ десяткѣ тысячъ экземпляровъ и находитъ себѣ сбытъ. Не многимъ лучше весьма распространенные въ народѣ „историческіе романы“ „Гуакъ“, „Францыль“, „Фродьяволъ“, „Юрій Милославскій“, „Князь Серебряный“ (послѣдніе два въ передѣлкахъ, имѣющихъ мало общаго съ оригиналомъ). Житія святыхъ тоже составлены крайне небрежно, напр., одно житіе (Кипріана Карѳагенскаго) до 3/4 наполнено разсказами о бѣсахъ и ихъ дѣятельности. Передѣлка произведенія Гоголя „Тарасъ Бульба“ получаетъ заглавіе то „Тараса Черномора“, то „Разбойника Тараса Черноморскаго“, то „Капитана Урвана“, и т. д.. Впрочемъ, въ настоящее время среди лубочниковъ замѣчается сильное стремленіе улучшать свои изданія. Напр. Сытинымъ издано около полутора десятка историческихъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, составленныхъ хотя и не талантливо, но, во всякомъ случаѣ, по хорошимъ источникамъ (напр. „Бояринъ Вышата“ Михеева, „Царская невѣста“ Дементьевой, „Бояринъ Кучка“ ея же, „Ермакъ“ Полушина, и т. д. Какъ курьезъ, отмѣтимъ беллетристически изложенную г. Котельвой „Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ“, гдѣ, какъ извѣстно, играетъ большую роль дьяволъ (Лупъ-Мефистофель). Дьяволъ-Лупъ описанъ такъ живо и увлекательно, что вводитъ

читателя въ сомнѣніе. О немъ фабричные рабочіе спрашивали у меня, „правда ли, что все это было?“ Среди лубочныхъ книжекъ есть книжки новѣйшей формаціи, снабженныя размалеванной картинкой и проводящія кое-какія тенденціи, о качествѣ которыхъ даетъ полное понятіе изданная петербургскимъ лубочникомъ Кузинымъ „Наталія или русская женщина въ отечественную войну 1812 г.“ разсказъ К. Голохвастова. „Наши враги, читаемъ мы здѣсь, прекрасно знаютъ, чѣмъ мы сильны, и потому, вмѣсто того, чтобы идти на насъ честнымъ боемъ, давно уже объявили намъ войну, но войну не гласную, а тайную, подпольную“... „Явились люди, которые послушались ихъ словъ, и по деревнямъ и селамъ начала распространяться штунда“... и т. д. Въ старину было не то, и какъ примѣръ доблести христіанской и гражданской, авторъ разсказываетъ о нѣкоей Наталіи, которая угостила цѣлый отрядъ французовъ отравленнымъ виномъ и тѣмъ доказала, что между нею и штундою нѣтъ ничего общаго. Иные истор. разсказы „Святополкъ Окаянный“, того же автора, даютъ кое-какія *и* историческія свѣдѣнія. Среди лубочныхъ изданій, по заглавію историческими, есть такія, которыя съ исторіей не имѣютъ никакихъ точекъ соприкосновенія. Напр. московскій лубочникъ-издатель „толстыхъ книгъ“ Земскій на каждомъ романѣ печатаетъ слово „историческій“: „Львиная пасть“ Троллопа, „Золотой домъ“ Террайля и т. д., —все это историческіе романы.

Изъ предыдущаго видно, какого качества тѣ историческія знанія, которыя несутъ въ народъ лубочныя книжки. Книжекъ этихъ ежегодно расходится огромное количество,—и онѣ проникаютъ въ самые глухіе уголки. Какъ ни печально, что уровень сообщаемыхъ ими знаній крайне низокъ, все-таки нельзя не понимать, что слишкомъ большихъ требованій къ авторамъ-лубочникамъ нечего и предъявлять. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію издателей „интеллигентныхъ“, къ которымъ эти требованія предъявлять не только можно, но и должно.

Значительное количество книжекъ по русской исторіи издано слѣдующими фирмами: „Постоянной коммиссіей по устройству народныхъ чтеній“ и редакціями журналовъ „Досугъ и Дѣло“ и „Мірской Вѣстникъ“. „Постоянная коммиссія“ существуетъ съ 1872 г. Какъ извѣстно, ей дано полномочіе одобрять или не одобрять книги для чтенія въ аудиторіяхъ; до публичныхъ чтеній допускаются только тѣ книги, которыя одобрены „Постоянной коммиссіей“. Полномочіями своими Коммиссія пользуется весьма строго: число изданныхъ ею для народныхъ чтеній книгъ весьма значительно; одобрено же книгъ, представленныхъ ей на разсмотрѣніе, крайне мало. Напр. въ отчетѣ Кіевской коммиссіи нар. чтеній мы читаемъ, что изъ всѣхъ представ-

ленныхъ книгъ допущено всего двѣ; изъ представленныхъ Казанской коммиссіей ни одной... Постоянной коммиссіей изданъ цѣлый рядъ чтеній по русской исторіи; эти чтенія охватываютъ собою всю русскую исторію. Чтобы судить о взглядахъ Постоянной коммиссіи на исторію, обратимся къ одному изъ большихъ ея изданій,—„Настольной книгѣ для народа". Первая часть этой книги, составленная, по словамъ издателя, профессоромъ Н. А. Астафьевымъ и московскимъ ученымъ Н. Д. Квашнинымъ-Самаринымъ [1]), озаглавлена: „Исторія всемірная и русская". Все это изложено на 150 страницахъ. Всемірной исторіи отведено 74 страницы, русской—76. Въ отдѣлъ всемірной исторіи вошла исторія священная (Ветхаго и Новаго завѣта) и исторія церкви, которымъ посвящено около половины всего отдѣла. Исторія Ассиріи и Вавилона занимаетъ три страницы, исторія Греціи и Рима—по одной. Приговоръ о грекахъ проф. Астафьевъ даетъ такой: „Служа твари вмѣсто Творца и предаваясь страстямъ, они были въ этомъ отношеніи не лучше другихъ". „Какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ, то предалъ ихъ Богъ превратному уму дѣлать непотребства", свидѣтельствуетъ ап. Павелъ (Рим. ч. I, 28). О томъ, что дали греки человѣчеству—не говорится ни слова. Ссылки на св. Писаніе, въ осужденіе разныхъ лицъ и народовъ, разсыпаны по всей книгѣ. Про Магомета узнаемъ, что „онъ не требуетъ отъ человѣка *ни* борьбы съ его страстями и похотями, ни любви къ Богу и ближнему (sic) (стр. 52)". На стр. 70 читаемъ, что Франція „разбогатѣла, возвеличилась и прославилась въ царствованіе Людовика XIV", хотя (читаемъ нѣсколькими строками ниже) „своими безпрестанными войнами Людовикъ сильно разорилъ страну"; на стр. 71 Людовикъ XVI названъ „добрѣйшимъ"; французская революція приписана главнымъ образомъ „своекорыстнымъ честолюбцамъ, смущавшимъ голодный народъ внушеніями". „Государство погибало, но тутъ выступилъ умный и смѣлый генералъ Бонапартъ, любимый солдатами и народомъ" (72). „Великая французская революція была подавлена, заключаетъ проф. Астафьевъ свой очеркъ всемірной исторіи, „но ея духъ,—духъ своеволія и безбожія, разошелся по всей Европѣ, прельщая легкомысленныхъ и неосторожныхъ, не твердыхъ въ благочестіи, и внося повсюду вражду и смуту. Таково время, въ которое и мы теперь живемъ. Здѣсь умѣстно вспомнить предостереженіе апостола Павла (слѣдуетъ ссылка на текстъ)". Изъ предыдущаго видно, что Постоянная коммиссія слѣдитъ за научною точностью сообщаемыхъ ею свѣдѣній довольно небрежно, и не только не даетъ въ своей „Настольной книгѣ

---

[1]) Первый далъ „свѣдѣнія о всемірной исторіи", второй „краткую и систематическую лѣтопись русской исторіи".

по исторіи“ ничего цѣльнаго, не только не освѣщаетъ и даже не знакомитъ читателя съ общимъ ходомъ развитія человѣчества, но даже искажаетъ факты. Неужели это нужно „не только для удовлетворенія лишь нашей любознательности, но также и для назиданія нашего“, какъ самъ же г. Астафьевъ говоритъ (стр. 74)? Какъ бы то ни было, въ изданіяхъ Постоянной коммиссіи исторія превращается въ назиданіе, а назиданіе нужно для борьбы съ „духомъ своеволія и безбожія, въ которомъ мы теперь живемъ“; фактическая же достовѣрность описываемыхъ событій отодвинута на второй планъ. Вслѣдствіе такой постановки дѣла, весьма естественно, стараясь сдѣлать свой предметъ сколь возможно назидательнѣе, Постоянная коммиссія, ради такой благой цѣли, значительно уклоняется отъ истины. Тотъ же взглядъ проходитъ и чрезъ всю серію изданій ея по русской исторіи. Напр., въ книжкѣ „О рукописномъ дѣлѣ и книгопечатаніи на Руси“ сообщается, что богослужебныя книги на Руси искажены были потому, что для переписки „стало недоставать монашескихъ рукъ“ (11). Но, оставляя въ сторонѣ фактическія неточности, недомолвки, умолчанія, которыми изобилуютъ изданія коммиссіи и которыя такому солидному учрежденію слѣдовало бы тщательно избѣгать, мы замѣчаемъ въ ея изданіяхъ и другіе крайне существенные на нашъ взглядъ недостатки. Во-первыхъ, внутренней стороны исторической жизни русскаго народа эти изданія почти не касаются, а обращаютъ вниманіе прежде всего на одну внѣшнюю исторію князей и царей, на войны, походы и т. д. Въ „Настольной книгѣ для народа“ этотъ недостатокъ доходитъ даже до курьеза. На стр. 90 даны свѣдѣнія о семи князьяхъ, вродѣ слѣдующихъ: „Василій I Ярославичъ (1271—1276). Этотъ великій князь жилъ въ Костромѣ и умеръ въ 1276 г.“. И больше ничего. Благодаря такому способу изложенія, русская исторія сведена къ исторіи князей и царей, а эта послѣдняя сведена на ихъ перечисленіе; изложеніе становится сухимъ, впечатлѣніе отъ книги ослабляется до минимума, и деревенскіе и фабричные читатели говорятъ про такія книги: „онѣ изъ разныхъ словъ составлены“, „ихъ не читать, а учить надо“. Второй существенный недостатокъ изданій Постоянной коммиссіи, это своеобразный взглядъ на читателя изъ народа, который замѣтенъ во всѣхъ ея изданіяхъ; какъ будто бы Постоянная коммиссія боится знакомить этого читателя съ темными сторонами прошлаго, съ недостатками тогдашняго строя; съ другой стороны, личности правителей идеализируются. Даже приводя такіе факты, въ которыхъ выразилась лишь жестокость даннаго вѣка, Постоянная коммиссія старается ихъ иногда оправдать, доказать, что именно это и было нужно. Увлеченія ея доходятъ до того, что въ одномъ мѣстѣ она защищаетъ убійство (повѣшеніе) четырехлѣтняго младенца (сына Ма-

рины Мнишекъ). (См. брошюру „Царствованіе Михаила Θедоровича", Спб. 1885 г.). „Марину заключили въ темницу, гдѣ она скоро умерла, читаемъ мы въ вышеуказанной книжкѣ. Казнили и сына Марины. Правительство *было вынуждено на такую жестокую мѣру противъ невиннаго ребенка: если бы его оставили въ живыхъ*, нашлись *бы* люди, которые затѣяли *бы* новыя смуты, и тогда погибъ *бы* не одинъ невинный, но тысячи невинныхъ" (стр. 15). Отсюда слѣдуетъ, по мнѣнію Постоянной коммиссіи, что иногда не мѣшаетъ вѣшать и невинныхъ дѣтей. Не забудемъ къ тому же, что эта книжка предназначена къ чтенію въ публичной аудиторіи.

Изъ предыдущаго видно, что къ числу недостатковъ изданій Постоянной коммиссіи относятся: тенденціозность ихъ, которой приносится въ жертву научность, назидательность ихъ, къ тому же сомнительной нравственности, недостаточное вниманіе къ исторіи собственно народа, крестьянства, къ исторіи культуры, взглядъ на читателя какъ на ребенка, который какъ будто бы не сможетъ самъ разобраться въ фактахъ и оцѣнить по достоинству ихъ свѣтлыя и темныя стороны. На самомъ дѣлѣ, разумѣется, это не такъ, въ чемъ легко убѣдиться, познакомившись съ отзывами читателей изъ народа объ историческихъ книжкахъ. Эти отзывы весьма поучительны и могли бы служить назиданіемъ для самой коммиссіи, которая, повидимому, на нихъ обращаетъ мало вниманія. Напр. послѣ чтенія одной брошюры (изд. П. ком.) о Петрѣ, одна баба обратилась къ учительницѣ съ такимъ вопросомъ: „Петръ-то Великій—святой былъ?" „Не знаю, чему приписать такой вопросъ, пишетъ учительница: благоговѣнію ли передъ личностью Петра, перепутала ли баба лица, смѣшала Петра Великаго съ Александромъ Невскимъ?". Ни то, ни другое, а—дѣло объясняется лишь тѣмъ, что темныя стороны Петра убраны изъ книжки и заглажены... Фабричный рабочій пишетъ о книжкѣ „Александръ Невскій": „зачѣмъ авторъ хочетъ показать читателю вредъ вѣчевого устройства? Вѣдь мнѣ кажется, это не вѣрно: вѣдь бѣдныхъ всегда было больше и бѣдный навѣрно зналъ лучше, какъ помочь своему горю" и т. д. Отзывы эти показываютъ, что погрѣшности изданій Постоянной коммиссіи не остаются у читателей незамѣченными; читатель изъ народа подмѣчаетъ ихъ, безсознательно ли, какъ эта баба, или сознательно, какъ этотъ рабочій...

Мы съ намѣреніемъ остановились такъ долго на изданіяхъ Постоянной коммиссіи, во-первыхъ, потому, что дѣятельность ея, въ связи съ ея исключительнымъ, привилегированнымъ положеніемъ, тѣмъ самымъ получаетъ весьма большое значеніе, во-вторыхъ, потому, что книжки, изданныя редакціями „Мірской Вѣстникъ", „Досугъ и Дѣло" и Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ имѣютъ не мало существенныхъ

черть, схожихъ съ изданіями Постоянной коммиссіи. Такъ напр., журналъ „Мірской Вѣстникъ“ [1]) издавался съ 1863 года и существуетъ, какъ кажется, и въ настоящее время подъ другимъ названіемъ („Чтеніе для народа“); „Досугъ и Дѣло“ издается съ 1867 г.; оба журнала въ теченіе своей дѣятельности издали не мало книжекъ по русской исторіи (большей частію перепечатки статей, помѣщенныхъ на страницахъ этихъ журналовъ). Въ изданіяхъ того и другого журнала тенденціозность замѣтна менѣе, чѣмъ у П. К., хотя все-таки замѣтна; въ изданіяхъ „Мірского Вѣстника“ къ тому же нерѣдко видно небрежное отношеніе къ выбору фактическаго матеріала, напр., въ книжкѣ о Петрѣ неизвѣстный авторъ говоритъ лишь о личности царя и молчитъ о русской жизни того времени; въ книжкѣ о Екатеринѣ Великой говорится прежде всего о войнахъ, и не указана связь между событіями и т. д.; въ изданіяхъ „Досугъ и Дѣло“ полнѣе чѣмъ въ изданіяхъ „Пост. ком.“ и „мір. В.“ затрогивается внутренняя сторона русской исторіи, больше страницъ посвящается описанію культурной, бытовой жизни (въ составленіи книжекъ, изданныхъ „Досугъ и Дѣло“, принимали участіе такіе люди, какъ С. Максимовъ, проф. Бестужевъ-Рюминъ и друг.); но съ другой стороны, изданія „Досугъ и Дѣло“ отличаются сухостью, тяжеловѣсностью и невозможнымъ языкомъ [2]). „Общество распространенія полезныхъ книгъ“ существующее въ Москвѣ съ 1861 г., до сего времени выпустило въ свѣтъ болѣе 500 названій книгъ, въ томъ числѣ не мало историческихъ. Но и на этихъ послѣднихъ отпечатлѣлся существенный недостатокъ, свойственный огромному большинству изданій этого общества: слащавость, поучительность, кромѣтого, не чужды имъ тѣже недостатки, какія мы находимъ и въ изданіяхъ Постоянной коммиссіи. Нѣкоторыя біографіи историческихъ лицъ, изданныя Обществомъ, похожи скорѣе на апокрифическія житія,

[1]) Ред. „Мірской Вѣстникъ“ издается журналъ „Чтеніе для солдатъ“. Многія народныя изданія этихъ редакцій проникнуты квасным патріотизмомъ, доходящимъ до ужасныхъ размѣровъ (напр., разсказъ „Родительское благословеніе)“.

[2]) Редакціей „Досугъ и Дѣло“ изданъ цѣлый рядъ книжекъ воинственныхъ, для солдатъ; чтеніе солдатское редакція смѣшиваетъ съ народнымъ и преподноситъ народу подчасъ книжки весьма сомнительной нравственности, напр., „Зауръ-бекъ“, гдѣ описывается „хорошій человѣкъ“ Басмановъ (по происхожденію горецъ, хотя и ярый врагъ горцевъ), въ надеждѣ получить 300 р. за поимку Зауръ-бека, предаетъ этого послѣдняго властямъ. Въ книжкѣ „Данило Ивановъ“ герой хвалится: „я не мужикъ, а отставной унтеръ-офицеръ“. Въ комедіи „Отставной трубачъ“ Тхоржевскаго выставленъ идеальный солдатъ въ числѣ качествъ котораго—глупость. (См. „Что читать народу“ т. II). Въ разсказѣ Соловьева „Лапотникъ и бархатникъ“ разсказчикъ (солдатъ) громитъ новые суды.

чѣмъ на біографіи; такова напр., книжка „Потемкинъ Таврическій“ Трескина: „Потемкинъ былъ студентъ Московскаго университета... Ученіе однакожъ (sic) не мѣшало ему находить время на дѣла божественныя“ (6 стр.). „Охотно онъ также посѣщалъ діакона Дорофея и своего приходскаго священника и велъ съ ними бесѣды о божественномъ“. „Какъ будто самъ Богъ подготовлялъ Потемкина“. „Промыслу какъ бы (sic) угодно было“ и т. д. Вообще на изданіяхъ Общества распространенія полезныхъ книгъ лежитъ отпечатокъ квасного патріотизма (это особенно бросается въ глаза въ книжкѣ „Аѳоня богатырь“), а собственно исторія отодвинута на второй планъ.

О второй группѣ интеллигентныхъ издателей историческихъ книгъ для народа, къ сожалѣнію, много говорить намъ не придется, уже потому одному, что эта группа крайне бѣдна представителями. Во-первыхъ, извѣстная фирма „Посредникъ“, въ основу своей издательской дѣятельности кладетъ, какъ извѣстно, проповѣдь морали; этою моралью проникнуты и немногочисленныя книжки историческаго содержанія, изданныя ею. Типичной представительницей этихъ послѣднихъ можетъ служить книжка неизвѣстнаго автора „Александръ Македонскій, знаменитый завоеватель, *прозванный* великимъ“. Въ этой книжкѣ изображенъ не тотъ Александръ, который при всѣхъ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ оставилъ свѣтлый слѣдъ въ развитіи человѣчества, а Александръ—необузданный человѣкъ, служащій лишь себѣ и своему тщеславію, проливающій кровь, какъ воду, человѣкъ, стоявшій на низшей ступени нравственности. Зся книжка носитъ характеръ проповѣди противъ войны и насилія. Несомнѣнно, эта проповѣдь имѣетъ огромное значеніе, особенно въ настоящее время, когда книжный рынокъ заваленъ „историческими книжками“, прославляющими квасной патріотизмъ, войну и кровавые подвиги, освящаемые эпитетомъ патріотическихъ; несомнѣнно это такъ, но тѣмъ не менѣе, какъ далека эта книжка отъ исторической науки! Затѣмъ, „Посредникомъ“ изданъ цѣлый рядъ жизнеописаній философовъ и „учителей жизни“ („Сократъ“, „Діогенъ“, „Маркъ Аврелій“, „Власъ Паскаль“ „Гоголь, какъ учитель жизни“); въ однѣхъ книжкахъ проповѣдь морали еще болѣе оттѣсняетъ, а въ иныхъ (Маркъ Аврелій, Гоголь) и совсѣмъ вытѣсняетъ исторію. Лучшія изъ этихъ книжекъ „Сократъ“ и „Діогенъ“. На третьемъ мѣстѣ въ историческихъ изданіяхъ „Посредника“ слѣдуетъ поставить житія святыхъ (Петра Мытаря, Павлина) и нѣкоторыя біографіи (Гуса, Франциска Ассизскаго), и на четвертомъ нѣкоторые разсказы, переносящіе въ прошлое и воспроизводящіе передъ читателемъ хоть отчасти былую историческую обстановку („Совѣстный Данило“, и „Прекрасная Аза“, “Галя“, „Братъ на брата“ (93 годъ, В. Гюго), „Фабіола“ („Катакомбы“ Е. Туръ).

Изъ другихъ интеллигентныхъ фирмъ, издающихъ историческія книжки, укажемъ „Дешевую библіотеку“ Суворина, магазинъ „Начальная школа“ Е. Тихомировой, „Читальню народной школы“, г-жу В. И. („Правда“), „Народную библіотеку“, „Товарищество общественной пользы“. Въ „Дешевую библіотеку“ Суворина между прочимъ вошла цѣликомъ „Исторія государства Россійскаго“, Карамзина (по 20 к. за томъ), такіе историческіе романы, какъ „Соборъ парижской Богоматери“ В. Гюго, „Человѣкъ, который смѣется“, его же, „Во время оно“ Уоллэса и др. „Дешевая библіотека“ Суворина, какъ мы уже сказали, не имѣетъ въ виду читателей неподготовленныхъ; изданія, входящія въ составъ этой библіотеки, не упрощаются, не подчищаются, не сопровождаются поясненіями; все ихъ отличіе отъ всякихъ другихъ—низкая цѣна (10—40 к.). Въ деревню изданія Суворина почти не проникаютъ. Того же принципа—издавать произведенія лучшихъ авторовъ безъ передѣлокъ, но по низкой цѣнѣ, держится и г. Маракуевъ, издатель цѣлой серіи книгъ, носящей названіе „Народной библіотеки“. Сущность своей дѣятельности г. Маракуевъ, въ одной изъ своихъ брошюрокъ, оправдываетъ такъ: „надо мужика, деревенщину, признать за человѣка, *которому доступно все*, что доступно и городскому обывателю; разъ мы признаемъ, что мужикъ—человѣкъ,—вопросъ разрѣшается просто: дайте ему доступъ ко всему высокому, истинно человѣческому,—все равно, откуда бы оно ни было взято, съ запада или востока“ [1]). Этому принципу г. Маракуевъ слѣдуетъ не только въ издательствѣ книгъ беллетристическихъ, но и книгъ научныхъ, въ томъ числѣ и по исторіи. Книжекъ по русской исторіи, изданныхъ г. Маракуевымъ, намъ неизвѣстно. По исторіи всеобщей г. Маракуевымъ изданы нѣкоторые переводы (полные) изъ Плутарха, „Паденіе Константинополя“ (изъ Гиббона), и т. д. Историческія книжки этой фирмы не многочислонны,

Съ 1888 г. въ С.-Петербургѣ издается журналъ для дѣтей изъ народа „Читальня народной школы“, выходящій отдѣльными книжечками (40—50 книжечекъ въ годъ); книжки эти имѣютъ характеръ смѣшанный,—однѣ изъ нихъ („Русская исторія“ Д. Тихомирова) написаны крайне упрощеннымъ языкомъ и приспособлены для дѣтей, другія („Колумбъ“, „Смутное время“, „Гутенбергъ“) будутъ понятны лишь взрослымъ. Изданія этой фирмы, равно какъ и вышеописанныхъ, недостатками „Постоянной коммиссіи“ не отличаются. Во всякомъ случаѣ благодаря этимъ послѣднимъ фирмамъ (къ которымъ нужно еще прибавить изданія книжн. магазина Ѳедорова

---

[1]) В. Н. Маракуевъ. Что читалъ и читаетъ русскій народъ. Публичная лекція въ Политехнич музеѣ. М. 86 г., стр. 37.

(въ Спб.), „Правда“ (В. И.) свѣдѣнія по исторіи доходятъ до народа хотя въ очень краткомъ въ наименѣе искаженномъ видѣ. Въ изданіяхъ магазина „Начальной школы“, рядомъ съ книжками хорошими, попадаются весьма курьезныя, какъ напр., „Герои вѣры“ Хитрова; эта книжка и историческая (въ ней разсказывается о Маркѣ Авреліи и первыхъ христіанахъ), и полемическая, и въ ней же проповѣдь морали. И то, и другое, и третье ея качество можно видѣть изъ слѣдующей выписки: „Императоръ Маркъ Аврелій былъ мудрецъ; но есть мудрость Божія и есть мудрость человѣческая. Мудрость человѣческая, безъ руководства мудрости божественной, есть безуміе въ очахъ Божіихъ. Маркъ Аврелій считается (sic) стоикомъ. Стоиками назывались мудрецы, которые гордились тѣмъ, что они одни понимали истинный смыслъ жизни (sic) и болѣе всего надѣялись на свой разумъ... Ахъ, эта пресловутая вѣра въ разумъ“! (стр. 4—5). На стр. 11 авторъ книжки видитъ въ ученіи и характерѣ Марка Аврелія одинъ изъ признаковъ революціи...

На этомъ мы и закончимъ наше обозрѣніе фирмъ, издающихъ историческія книжки „для народа“. Изъ этого обзора можно видѣть, какого рода историческія свѣдѣнія доходятъ до народа, какъ понимаютъ разные издатели и авторы свою задачу, что они *стремятся* дать и внушить своему читателю, и на основаніи всего этого нельзя не сказать, что положеніе исторической литературы для народа дѣйствительно крайне печально. Безспорно, среди массы никуда негоднаго хлама, среди вороха весьма жалкихъ брошюръ, попадаются изрѣдка и хорошія, но какъ ихъ мало, и съ какимъ трудомъ доходятъ онѣ до народа! Правда, въ числѣ авторовъ, писавшихъ для народа, мы встрѣчаемъ имена такихъ почтенныхъ ученыхъ, какъ Бестужевъ-Рюминъ, Соловьевъ, Костомаровъ, имена такихъ педагоговъ, какъ Водовозовъ, Острогорскій, Стоюнинъ, но опять-таки невольно бросается въ глаза тотъ весьма печальный фактъ, что книжки для народа не сильно влекутъ къ себѣ работниковъ изъ числа людей ученыхъ, и потому ихъ стряпаютъ столичныя барыни, никогда не видавшія деревни, пишутъ ихъ офицеры, полагающіе, что народу нужны такія же книжки, какъ и солдатамъ, пишутъ ихъ всѣ, кому какъ Богъ на душу положитъ. Хотя и значительно пошатнувшись, до сего дня еще держится предразсудокъ среди ученыхъ людей, что писать для народа унизительно. А не унизительно оставлять народъ въ невѣдѣніи? Не унизительно забывать о немъ? Не унизительно смотрѣть сложа руки, какъ въ этотъ самый народъ и лубочники, и неумѣлые радѣтели льютъ со всѣхъ сторонъ самыя извращенныя свѣдѣнія о его прошломъ? Говорятъ, исторія должна давать гражданское воспитаніе, а она у насъ даетъ таковое? Не только не даетъ, но и извращаетъ воззрѣнія самого народа. Что-

бы не быть голословнымъ, укажемъ на огромное количество военныхъ брошюръ, распространяемыхъ urbi et orbi, какъ будто-бы нашъ народъ такъ любитъ читать о войнѣ! Или проповѣдь такихъ нравоученій, какъ необходимость казнить и невинныхъ,—какъ будто бы такое мнѣніе нужно нашему народу, умѣющему прощать и любить даже преступниковъ! *Въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ, составители книгъ для народа совсѣмъ не знаютъ своихъ читателей, судятъ о нихъ à priori, судятъ даже нерѣдко съ предвзятой точки зрѣнія, создаютъ о нихъ совершенно ложныя представленія, которыя и обусловливаютъ ложную постановку популяризаціи.* Этотъ выводъ, какъ намъ кажется, достаточно иллюстрированъ вышеприведенными примѣрами; этотъ выводъ прилагается даже къ книжкамъ, написаннымъ спеціалистами, когда онѣ, напр., страдаютъ сухостью.

Здѣсь не лишнимъ все-таки будетъ указать, до чего доходитъ иногда незнаніе читателя изъ народа писателемъ „для народа". Одни писатели считаютъ народъ какимъ-то чистымъ листомъ бумаги, на которомъ напишешь любое нравоученіе; другіе считаютъ его какъ бы ребенкомъ, который ищетъ въ книгѣ развлеченія, а не знанія; третьи наоборотъ, полагаютъ, что народъ пойметъ книгу, какимъ бы языкомъ она написана ни была, и т. д. и т. д. Напр., В. А. Абаза въ своей книжкѣ „Русская исторія" убѣждаетъ читать его исторію между прочимъ потому, что „читавшій родную исторію скорѣе темнаго человѣка распознаетъ коварныя наставленія разныхъ смутителей". Неизвѣстно, на этомъ ли основаніи, или на какомъ другомъ, ознакомленію со всѣми реформами Царя-Освободителя отведена всего одна страница; при перечисленіи выдающихся дѣятелей названы М. Н. Катковъ, И. С. Аксаковъ и кн. Мещерскій, о другихъ же сподвижникахъ императора Александра II, имена которыхъ всѣ привыкли встрѣчать въ исторіи минувшаго царствованія, вовсе не упоминается. (Что читать народу, т. II, стр. 656). Вотъ книжка „Разсказы дѣдушки про сѣдую старину", изд. Мамонтова. Рѣчь идетъ о первобытномъ человѣкѣ, о его религіи и проч. и вдругъ неизвѣстный авторъ вкладываетъ въ уста первобытнаго человѣка гимнъ солнцу, который оказывается ничѣмъ инымъ, какъ извѣстнымъ стихотвореніемъ Жуковскаго: „знать солнышко утомлено" и т. д. Или: вѣщій старикъ объясняетъ своимъ товарищамъ, что говорятъ вороны. Въ переводѣ на человѣческій языкъ рѣчь вороновъ означаетъ... стихо твореніе Пушкина „Воронъ къ ворону летитъ". Вотъ разсказъ Лапина „Несчастное дитя", гдѣ маленькій Иванъ (Грозный) разговариваетъ съ своей нянькой:— Дядя Ваня ляля! — „Ляля"! — А тѣ бяки?—„Бяки"!—Ты ихъ не боялся?—„Что бояться? Я „царь". А не то въ книжкахъ, составленныхъ знающими и понимающими людьми, такъ много матеріала,

такъ много именъ и фактовъ, что право затрудняешься отнести ихъ къ числу „популяризацій". Общій недостатокъ языка популяризацій, сдѣланныхъ учеными людьми, — длинные періоды, запутанная рѣчь, иностранныя слова, отвлеченныя выраженія нерѣдко понимаемыя читателемъ изъ народа совсѣмъ въ иномъ смыслѣ (напр. „тѣло", „былина", въ смыслѣ былинка, см. „Что читать народу"), „дружина" (въ смыслѣ дружба и т. п.).

Всѣ эти факты, всѣ эти выписки показываютъ прежде всего то, что писатели для народа не знаютъ своихъ читателей [1]). Было бы крайне желательно, чтобы за популяризацію историческихъ знаній взялись люди какъ знакомые съ предметомъ, такъ и знающіе читателя изъ народа. Среди нашихъ молодыхъ ученыхъ есть люди, счастливо соединяющіе въ себѣ оба эти условія. Они-то и должны поработать надъ созданіемъ научно-популярныхъ книжекъ по русской и всеобщей исторіи, такихъ книжекъ, которыя были бы понятны и деревенскимъ, и фабричнымъ читателямъ.

Общій хотя и бѣглый обзоръ нынѣ существующихъ историческихъ книгъ „для народа" показалъ намъ, что „исторія для народа" далеко не то, что *наука* исторія; этотъ же общій обзоръ позволяетъ высказать пожеланіе, чтобы появились *дешевыя* и *популярныя* книжки, удовлетворяющія слѣдующимъ требованіямъ:

Во-первыхъ, желательно, чтобы „исторія для народа" была тою же *наукою*, а не средствомъ для назиданія, какъ думаютъ объ этомъ многіе.

Во-вторыхъ, желательно, чтобы въ народныхъ книжкахъ нашла себѣ побольше мѣста исторія культуры, а не только исторія политической жизни, исторія внутренняя, а не только внѣшняя, исторія быта, а не однѣхъ войнъ.

Въ-третьихъ, желательно, чтобы въ исторической книжкѣ для народа возможно больше мѣста находила исторія собственно *народа* и чтобы жизнеописанія отдѣльныхъ личностей *не застилали*, а лишь дополняли исторію народныхъ массъ.

Въ-четвертыхъ, желательно, чтобы авторы популярныхъ историческихъ книжекъ не ограничивались, описательной, такъ-сказать, стороной исторіи, а въ своихъ книжкахъ знакомили читателей съ духовной ея стороной, которая и доступна, и интересна читателю изъ народа.

Въ-пятыхъ, желательно, чтобы было обращено авторами больше вниманія на популяризацію *всеобщей* исторіи, которая, какъ мы видѣли, въ народной литературѣ выражена крайне скудно.

---

[1]) См. „Къ характерстикѣ читателя и писателя изъ народа".

Въ-шестыхъ, желательно, чтобы работая надъ популяризаціей историческихъ знаній, авторы не смотрѣли на своего читателя, какъ на „дитя малое, неразумное“, а смотрѣли бы какъ на такого же человѣка, какъ они сами, человѣка со своею головой, хотя и съ меньшимъ запасомъ знаній и разумѣнія. Желательно вообще, чтобы гг. „писатели для народа“ *знали* тѣхъ, для кого они пишутъ [1]).

Въ-седьмыхъ, наконецъ, желательно, чтобы авторы *возможно больше* обращали вниманія на *форму* изложенія, чтобы ихъ произведенія, *по формѣ*, были доступны сколь возможно большему кругу читателей, а для этого, необходимо избѣгать длинныхъ періодовъ, вычурныхъ оборотовъ, излишней цвѣтистости слога, слащавой и всякой другой поддѣлки подъ народный языкъ, избѣгать также иностранныхъ словъ, отвлеченныхъ терминовъ, словъ, употребляемыхъ въ литературномъ или „культурномъ“ языкѣ въ иномъ значеніи, и т. д. и т. д.

Желательно, наконецъ, чтобы нашлось больше работниковъ, сколь возможно больше работниковъ, ибо самое дѣло велико, а народъ, которому постепенно распространяющаяся грамотность все больше и больше открываетъ доступъ къ книгѣ,—эту книгу *ждетъ*...

---

[1]) Эта мысль развита особо въ моей статьѣ „Къ характеристикѣ читателя и писателя изъ народа“ (Сѣв. Вѣстн. 1891 г., № 4—5).

Историческая хроника.

Состоянiе историческихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ. — Историческiе курсы въ русскихъ университетахъ за 1891—92 г.—Къ вопросу о преподаванiи исторiи въ университетахъ.—Историческая наука въ петербургскомъ и московскомъ университетахъ въ 1890 году.—Романо-германская филологiя въ петербургскомъ университетѣ.—Магистерскiе экзамены и оставленные при университетѣ въ Петербургѣ за 1891 г.—Вступительныя лекцiи по исторiи.—Историческiе диспуты.—Присужденiе академическихъ премiй въ 1891 г.—Археологическiй институтъ въ Петербургѣ.—Новое изданiе Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ.—Ученыя Общества.—Засѣданiя исторической секцiи учебнаго отдѣла моск. Общ. распространенiя техническихъ знанiй въ 1891 г.—Разъясненiе Мин. Нар. Просв. объ испытанiяхъ зрѣлости по исторiи.—Разныя извѣстiя.

Состоянiе историческихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ.

Приводимъ на основанiи оффицiальныхъ данныхъ („Ж. М. Нар. Просв.", 1891, апрѣль) свѣдѣнiя о состоянiи историческихъ каѳедръ въ шести университетахъ, въ коихъ дѣйствуетъ уставъ 1884 г. Свѣдѣнiя эти относятся къ началу нынѣшняго года (до 1 февраля).

Петербургскiй университетъ. Всеобщая исторiя. Орд. проф. доктора: В. Васильевскiй, Н. Карѣевъ. Испр. должн. о. пр. маг. Ѳ. Соколовъ. Приватъ-доц.: маг. Г. Форстенъ, канд. В. Регель и И. Гревсъ. Командир. за границу канд. И. Гревсъ. Оставленные при университетѣ: А. Покровскiй, Е. Соловьевъ, П. Погодинъ, Б. Тураевъ. Всего 10 лицъ, изъ коихъ 2 докт. и 2 магистра.

Русская исторiя. Испр. должн. э. о. проф. маг. С. Платоновъ. Прив.-доц.: магистры Е. Шмурло, I. Сениговъ, А. Лаппо-Данилевскiй и Н. Чечулинъ. Оставленный при университетѣ канд. В. Мякотинъ. Всего 6 лицъ, изъ коихъ 5 магистровъ. Итого въ петербургскомъ университетѣ 16 лицъ.

Московскій университетъ. Всеобщая исторія. Орд. проф. доктора: Герье и Виноградовъ. Приватъ-доц.: магистранты: Фортунатовъ, Безобразовъ, Корелинъ и Михайловскій. Командир. за границу: Виноградовъ. Оставлены при университетѣ: Моравскій и Ардашевъ. Всего 8 лицъ, изъ коихъ 2 доктора.

Русская исторія. Орд. проф. докторъ Ключевскій. Приватъ-доценты: магистры Якушкинъ, Линниченко и магистрантъ Милюковъ. Оставленъ при университетѣ Гутьяръ. Всего 5 лицъ, изъ коихъ одинъ докторъ и два магистра. Итого въ московскомъ университетѣ 13 лицъ.

Казанскій университетъ. Всеобщая исторія: Орд. проф. доктора: Осокинъ и Смирновъ. Оставленъ при университетѣ Фроловъ. Всего 3 лица, изъ коихъ 2 доктора.—Русская исторія: Орд. проф. докторъ Корсаковъ. Прив.-доценты: маг. Лихачевъ и докт. Ѳирсовъ. Оставленъ при университетѣ канд. Ѳирсовъ. Всего 4 лица, изъ коихъ 2 доктора и 1 магистръ. Итого въ казанскомъ университетѣ 7 лицъ.

Университетъ Св. Владиміра. Всеобщая исторія. Орд. проф. доктора: Фортинскій и Лучицкій. Оставленъ при университетѣ канд. Ясинскій. Всего 3 лица, изъ коихъ 2 доктора. Русская исторія. Орд. проф. доктора: Иконниковъ и Антоновичъ. Прив.-доц. маг. Голубовскій. Всего 3 лица, изъ коихъ 2 доктора, 1 магистръ. Итого въ кіевскомъ университетѣ 6 лицъ.

Харьковскій университетъ. Всеобщая исторія. Испр. должн. э. о. пр. маг. Бузескулъ. Прив.-доц. канд. Лапинъ. Всего 2 лица, изъ коихъ 1 магистръ.

Русская исторія. Орд. проф. докторъ Багалѣй, прив.-доц. докторъ Буцинскій. Всего 2 лица, оба доктора. Итого въ харьковскомъ университетѣ 4 лица.

Новороссійскій университетъ. Всеобщая исторія. Орд. проф. доктора: Надлеръ и Успенскій. Прив.-доц. магистрантъ Режабекъ. Всего 3 лица, изъ коихъ 2 доктора.

Русская исторія. Орд. проф. докторъ Перетятковичъ. Прив.-доц. докторъ Маркевичъ. Всего 2 доктора. Итого въ новороссійскомъ университетѣ 5 лицъ.

Всего въ 6 университетахъ ординарныхъ профессоровъ—17, экстраординарныхъ—2, приватъ-доцентовъ—21, оставленныхъ при университетѣ—11, т. е. 51 человѣкъ, изъ коихъ 40 преподаютъ и 11 готовятся къ профессорской дѣятельности. Изъ 51 историка 29 всеобщихъ, 22 русскихъ [1]).

Впрочемъ, въ настоящее время въ этомъ составѣ произошли

---

[1]) Изъ 51 лица членами Истор. Общества состоятъ 35 ч. (15 въ Петербургѣ, 7 въ Москвѣ, 3 въ Казани, 5 въ Кіевѣ, 2 въ Харьковѣ и 3 въ Одессѣ).

нѣкоторыя перемѣны. Е. Ф. Шмурло назначенъ и. д. э. о. проф. въ Дерптъ. Въ Кіевъ къ двумъ преподавателямъ всеобщей исторіи прибавился третій въ лицѣ и. д. э. о. пр. докт. Н. М. Бубнова. Въ Казань переведенъ изъ Дерпта на каѳедру русской исторіи о. п. докт. А. Г. Брикнеръ, получившій, впрочемъ, командировку за границу. Кромѣ того, есть новые оставленные при университетахъ (см. ниже). Въ число прив.-доц. по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ Петербургѣ вступилъ маг. А. Н. Щукаревъ, читающій греческія древности.

Историческіе курсы въ русскихъ университетахъ.

С.-Петербургскій университетъ. Осенній семестръ. Всеобщая исторія. Общій курсъ исторической энциклопедіи (для желающихъ) пр. Н. И. Карѣева (1 ч.). Древняя исторія: общій курсъ исторіи Греціи и Рима до конца IV столѣтія до Р. Х. пр. Ѳ. Ѳ. Соколова (4 ч.), спеціальный курсъ по исторіи римской имперіи его же (2 ч.) и чтеніе греческихъ надписей его же, спец. курсъ о греч. государственныхъ древностяхъ пр.-доц. А. Н. Щукарева (4 ч.); семинарій по исторіи древней философіи пр. А. И. Введенскаго (2 ч.). Средняя исторія: общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ до распаденія монархіи Карла В. пр. В. Г. Васильевскаго (4 ч.), спец. курсъ съ практич. упражненіями студентовъ объ источникахъ для внутренней исторіи Византіи его же (2 ч.); спец. курсъ по исторіи Византіи X—XII вв. пр.-доц. Регеля (2 ч.). Общій курсъ введенія въ славяновѣдѣніе пр. В. И. Ламанскаго (2 ч.) и спец. о славянскихъ древностяхъ его же (3 ч.). Новая исторія: общій курсъ о главнѣйшихъ явленіяхъ новой зап.-евр. исторіи пр. Н. И. Карѣева (2 ч.) и спеціальный по исторіи второй половины XVIII в. его же (2 ч.), практич. занятія по исторіи XVIII в. его же (2 ч.); спец. курсъ по исторіи реформаціи въ Германіи пр.-доц. Г. В. Форстена (2 ч.) и по исторіи Ливонскаго ордена до 1561 г. его же (1 ч.). Русская исторія: общій курсъ и. д. э. пр. С. Ѳ. Платонова (4 ч.), практич. занятія по разбору источниковъ для исторіи Моск. Руси его же (2 ч.); спец. курсъ о древнѣйшемъ бытѣ восточн. славянъ (1 ч.) и о сельскомъ управленіи въ до-Петровской Руси (1 ч.) пр.-доц. І. П. Сенигова; по исторіи сословій въ Россіи XVIII в. пр.-доц. А. С. Лаппо-Данилевскаго (2 ч.) и о русскихъ мемуарахъ XVIII в. пр.-доц. Н. Д. Чечулина (2 ч.). Исторія церкви: исторія древней церкви (2 ч.), исторія русскаго раскола (2 ч.) и исторія церковной исторіи (2 ч.) пр. И. Е. Троицкаго.

Весенній семестръ. Всеобщая исторія. Общій курсъ ист. энциклопедіи пр. Н. И. Карѣева (для желающихъ, 1 ч.). Древняя исторія Востока пр. Ѳ. Ѳ. Соколова (2 ч.). Древняя исторія: общ. курсъ

исторіи Греціи и Рима до Р. Х. его же (4 ч.) и чтеніе греч. надписей его же; спец. курсъ: историческій и антикварный комментарій къ „Аѳинской политіи“ Аристотеля (2 ч.) пр.-доц. А. Н. Щукарева. Средняя исторія: тѣ же курсы. Новая исторія: у пр. Н. И. Карѣева тѣ же курсы; спец. курсъ по исторіи реформаціи въ Германіи пр.-доц. Г. В. Форстена (2 ч.) и по исторіи Швеціи въ XVIII в. его же (1 ч.). Русская исторія: тѣ же курсы, исключая спец. курса С. Ѳ. Платонова, измѣненнаго на обозрѣніе русской исторіографіи (2 ч.). Исторія церкви: исторія восточной церкви (2 ч.), исторія протестантскихъ сектъ (2 ч.) и спец. курсъ по разбору источниковъ исторіи восточной церкви въ византійскій періодъ (2 ч.) пр. И. Е. Троицкаго.

Московскій университетъ. Осенній семестръ. Исторія древняго востока: спец. курсъ пр.-доц. М. С. Корелина (3 ч.), и по исторіи древнихъ Персовъ (для желающихъ—1 ч.) его же; спец. курсъ по исторіи буддизма (для желающихъ—2 ч.) пр.-доц. В. М. Михайловскаго. Древняя исторія: общій курсъ по исторіи Греціи пр. П. Г. Виноградова (4 ч.) и семинарій по греч. исторіи его же (2 ч.); по исторіи древней философіи (2 ч.) пр.-доц. С. Н. Трубецкаго; по исторіи античнаго искусства (для спеціалистовъ классиковъ) пр. И. В. Цвѣтаева (4 ч.); курсъ греч. древностей пр. А. Н. Шварца (3 ч.) и римскихъ древностей пр.-доц. П. И. Касицына (3 ч.). Средняя исторія: спец. курсъ по исторіи Византіи и южныхъ славянъ пр.-доц. П. В. Безобразова (2 ч.) и семинарій по исторіи Ѳеофилакта Симокатта (2 ч.); по исторіи зап. славянъ пр.-доц. Линниченка (2 ч.) и семинарій по исторіи славянъ (1 ч.). Новая исторія: общій курсъ по исторіи XVIII в. (2 ч.) пр. В. И. Герье, его же спец. курсъ по исторіи Франціи въ XVII в. (для желающихъ—2 ч.) и семинарій для спеціалистовъ по новой исторіи (2 ч.); курсъ по исторіи Франціи въ XIX в. пр.-доц. С. Ѳ. Фортунатова (1 ч.) и курсъ о Кальвинѣ и кальвинизмѣ пр.-доц. Р. Ю. Виппера (1 ч. для желающихъ); по исторіи новой философіи пр.-доц. Л. М. Лопатина (2 ч.). Русская исторія: общій курсъ пр. В. О. Ключевскаго (4 ч.) и его же обзоръ русской исторіографіи съ семинаріемъ (2 ч.); спец. курсъ пр.-доц. П. Н. Милюкова по русской историч. географіи (2 ч.), пр.-доц. В. Е. Якушкина по исторіи царствованія имп. Александра I (1 ч.) и пр.-доц. И. А. Линниченка—обзоръ теорій русской исторіи (для желающихъ—1 часъ). Исторія церкви: общій курсъ о религіозномъ состояніи дохристіанскаго міра и началѣ христіанства (2 ч.) и спеціальный по церковной исторіографіи до XIX вѣка (для желающихъ—2 ч.) пр. А. М. Иванцова-Платонова.

Весенній семестръ. Древняя исторія: общій курсъ по политической исторіи римской имперіи (2 ч.) и по культурной ея исторіи (1 ч.)

пр.-доц. М. С. Корелина, и тѣ же остальные курсы, исключая пр. Виноградова. Средняя исторія: общій курсъ пр. П. Г. Виноградова (4 ч.) и семинарій по средней исторіи (2 ч.) и тѣ же остальные курсы. По новой и русской исторіи тѣ же курсы. Исторія церкви: исторія вост. христіанства послѣ раздѣленія церквей (2 ч.) и по церковной исторіографіи XIX в. (для желающихъ—1 ч.) пр. А. М. Иванцова-Платонова.

Харьковскій университетъ. Осенній семестръ. Исторія востока: общій курсъ (2 ч.), практич. занятія (2 ч.) и древняя географія (1 ч.) пр.-доц. В. В. Лапина. Древняя исторія: общій курсъ греч. исторіи (4 ч.) и. д. э. пр. В. П. Бузескула; курсъ греч. древностей (4 ч.) пр.-доц. А. Н. Деревицкаго; по древней философіи пр. Ѳ. А. Зеленогорскаго (3 ч.). Средняя исторія: исторія южн. славянъ (2 ч.) пр. М. С. Дринова; исторія итальянской живописи въ XV и XVI вв. пр.-доц. А. Н. Деревицкаго (2 ч.). Новая исторія: общій курсъ В. П. Бузескула (2 ч.); исторія новой философіи (3 ч.) пр. Зеленогорскаго. Русская исторія: общій курсъ до Петра В. (5 ч.) пр. Д. И. Багалѣя, и спец. курсъ о внутреннемъ бытѣ московскаго государства въ XVII в. (для желающихъ—1 ч.) его же; спец. курсы по исторіи царствованія Александра I и Николая I (3 ч.) и по исторіи завоеванія и заселенія Сибири (2 ч.) пр. П. Н. Буцинскаго [1]). Исторія церкви: общій курсъ по исторіи христіанства до IX в. (6 ч.) пр. А. С. Лебедева. Весенній семестръ. Древняя исторія: общій курсъ римской исторіи (4 ч.), спец. курсъ по исторіи римской имперіи (1 ч.) и практич. занятія по римской исторіи (1 ч.); спец. курсъ исторіи аѳинской демократіи (1 ч.) В. П. Бузескула: по др. философіи пр. Зеленогорскаго (3 ч.). Средняя исторія: по исторіи зап. славянъ (2 ч.) пр. М. С. Дринова и по исторіи архитектурныхъ стилей пр.-доц. А. Н. Деревицкаго (2 ч.). Новая исторія: общій курсъ (4 ч.) и практич. занятія (1 ч.) В. П. Бузескула и по новой философіи пр. Ѳ. А. Зеленогорскаго (3 ч.). Русская исторія: курсъ по русской исторіографіи (2 ч.) и семинарій по русской исторіи (4 ч.), пр. Д. И. Багалѣя; общій курсъ новой р. исторіи пр. П. И. Буцинскаго (5 ч.). Исторія церкви: общ. курсъ отъ IX вѣка до послѣдняго времени (6 ч.) пр. А. С. Лебедева.

Университетъ св. Владиміра. Осенній семестръ. Исторія Востока: общій курсъ (2 ч.) пр. Ѳ. Я. Фортинскаго. Древняя исторія: общій курсъ исторіи Рима (2 ч.) пр. Н. М. Бубнова, курсъ греч. древностей (2 ч.) пр. І. А. Леціуса; по исторіи греч. философіи (3 ч.) пр.-доц. Гилярова и его же семинарій (6 ч.); по исторіи греч. искусства (3 ч.) и

---

[1]) Въ этомъ полугодіи пр. Буцинскій лекцій не читаетъ и находится въ отпуску.

практич. занятія по греч. пластикѣ и графикѣ (3 ч.). Средняя ист.: общ. курсъ среднихъ вѣковъ (3 ч.) пр. Ѳ. Я. Фортинскаго и семин. (1 ч.) его же; спец. курсъ пр. И. Бубнова (2 ч.); по энциклопедіи славяновѣдѣнія (2 ч.) пр. Т. Д. Флоринскаго. Новая ист.: общ. курсъ ист. Европы XIV—XV вв. (4 ч.) пр. И. В. Лучицкаго и ист. Пруссіи (2 ч.) его же; по ист. итальянскаго искусства въ эпоху Возрожденія (2 ч.) пр.-доц. Г. Г. Павлуцкаго. Русская ист.: общ. курсъ по древней русской ист. до прекращенія удѣловъ (2 ч.), спец. по ист. зап. Руси (2 ч.) и практич. занятія (2 ч.) пр. В. Б. Антоновича; общ. курсъ по московскому періоду р. ист. (3 ч.) и спец. объ источникахъ р. ист. (3 ч.) пр. В. С. Иконникова; спец. курсъ по ист. московскаго государства въ XVII в. (3 ч.) пр.-доц. П. В. Голубовскаго. Ист. церкви: общ. курсъ (4 ч.) пр.-доц. С. Т. Голубева.

Весенній семестръ—тѣ же курсы, исключая пр. И. В. Лучицкаго, читающаго: общ. курсъ по ист. Европы XVI—XVII вв. (4 ч.) и семинарій по ист. Пруссіи XVII в. (2 ч.); пр. В. С. Иконникова, читающаго: общ. курсъ по новому періоду р. исторіи (3 ч.), спец. по р. исторіографіи XVIII и XIX вв. (2 ч.) и семинарій (1 ч.); пр.-доц. П. В. Голубовскаго—по ист. Россіи въ концѣ XVIII вѣка (3 ч.), и пр.-доц. С. Т. Голубева, читающаго общій курсъ ист. церкви (2 ч.) и ист. русской церкви (2 ч.).

Новороссійскій университетъ. Осенній семестръ: Древняя ист.: общ. курсъ по ист. Рима въ царскій и республиканскій пер. (2 ч.) пр. Ѳ. И. Успенскаго; спец. курсъ по римской ист. императорскаго пер. (2 ч.) прив.-доц. Ф. В. Режабека и по римской эпиграфикѣ времени Антониновъ (1 ч.) его же; спец. курсъ по исторіи и топографіи древняго Рима (для студентовъ классиковъ—1 ч.) прив. доц. О. Ѳ. Базинера; курсъ о частныхъ и религ. древностяхъ Греціи (3 ч.) пр. Э. Р. Штерна (для классиковъ); по ист. греч. философіи (2 ч.) пр.-доц. А. П. Казанскаго и семин. его же (2 ч.); общ. курсъ ист. греч. искусства (4 ч.) и практич. занятія по классич. археол. (2 ч.) и. д. э. пр. А. А. Павловскаго. Средняя ист.: общ. курсъ по исторіи юго-западн. славянъ (2 ч.) и спец. по исторіи Византіи въ періодъ иконоборцевъ (2 ч.) пр. Ѳ. И. Успенскаго; общ. курсъ по исторіи зап. славянъ (2 ч.) пр. А. А. Кочубинскаго; семин. по исторіи XI ст. (2 ч.) пр. В. К. Надлера. Новая ист.: общ. курсъ съ конца XV до конца XVIII в. (4 ч.) пр. В. К. Надлера; по исторіи новой философіи (3 ч.) прив.-доц. Н. Н. Ланге. Русская ист.: общ. теоретическій курсъ древней р. исторіи до ц. Михаила Федоровича (3 ч.), спец. о Россіи въ эпоху Петра В. (2 ч.) и семин. (1 ч.) пр. Г. И. Перетятковича; общ. курсъ ист. Россіи съ 1613 года (3 ч.), спец. о внутреннемъ бытѣ московскаго государства въ XVII вѣкѣ (2 ч.) и семинарій (1 ч.) пр. А. И. Мар-

кевича. Ист. церкви: общій курсъ исторіи христіанской церкви (4 ч.) и спец. по церковной исторіографіи (1 ч.) и по исторіи восточнаго православнаго монашества (1 ч.) пр. Н. Ѳ. Красносельскаго.

Весенній семестръ—тѣ же курсы, исключая пр. Э. Р. Штерна, читающаго о частныхъ и религіозныхъ древностяхъ римлянъ (3 ч.), пр. А. А. Павловскаго, читающаго очеркъ художественной миѳологіи древнихъ грековъ (4 ч.) и пр. А. И. Маркевича, читающаго иной спеціальный курсъ, именно о внутреннемъ бытѣ русскаго государства въ XVIII вѣкѣ (2 ч.).

Казанскій университетъ. Исторія древней Греціи (3 ч. въ осеннемъ полугодіи) проф. Н. А. Осокина. Спеціальный курсъ по греческой исторіографіи съ практическими упражненіями, проф. Ѳ. Г. Мищенко (2 ч.). Исторія древняго Рима (3 ч.), проф. Н. А. Осокина. Спеціальный курсъ о „Жизни Василія Македонянина“ Константина Багрянороднаго, проф. Д. Ѳ. Бѣляева (1 часъ). Исторія западныхъ славянъ (4 ч.) съ практическими занятіями (2 ч.), проф. И. Н. Смирнова. Новѣйшая исторія съ 1800 по 1848 г. (2 ч.), проф. Н. А. Осокина. Общій курсъ русской исторіи отъ смутнаго времени (3 ч.) проф. Д. А. Корсакова. Спеціальный курсъ о преобразовательной дѣятельности Петра В. (2 ч.) съ изученіемъ источниковъ (1 ч.), его же. Спеціальный курсъ по исторіи Россіи отъ 1725 по 1801 г. (4 ч.) съ практическими занятіями (2 ч.) проф. Н. А. Ѳирсова. Общій курсъ исторіи церкви (4 ч.) и спеціальный курсъ по исторіи монашества (2 ч.) проф. Ѳ. А. Курганова. Кромѣ того историко-географическій семинарій (1 ч.) у проф. Осокина.

Росписаніе лекцій въ Варшавскомъ университетѣ не было еще напечатано, когда составлялась настоящая хроника. По частнымъ извѣстіямъ, въ этомъ университетѣ читаются слѣдующіе курсы: Исторія Греціи для спеціалистовъ-историковъ и классиковъ, проф. Любовича. Общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ для студентовъ 1 и 2 к., проф. Павлинскаго. Исторія Англіи (спец. к.), его же. Исторія Европы въ исходѣ XVIII вѣка (спеціальный курсъ), проф. Любовича. Практическія упражненія по исторіи XVIII в., у него же. Общіе курсы по русской исторіи, проф. Цвѣтаева и Филевича, и они же читаютъ еще по одному спеціальному курсу.

— Обозрѣніе преподаванія исторіи въ Дерптскомъ университетѣ будетъ помѣщено въ IV т. Ист. Обозр.

Къ вопросу о преподаваніи исторіи въ университетахъ.

Въ іюльской книгѣ „Ж. М. Н. П.“ помѣщено „нѣсколько свѣдѣній объ окончательныхъ университетскихъ испытаніяхъ въ коммис-

сіяхъ въ 1889 и 1890 гг.". Приводимъ изъ этого отчета одно мѣсто, касающееся преподаванія въ историко-филологическихъ факультетахъ. „Наиболѣе важныя измѣненія въ пересмотрѣнныхъ программахъ сдѣланы по историко-филологическому факультету, соотвѣтственно допущенному въ 1889 году раздѣленію, съ третьяго года ученія, студентовъ на три отдѣленія: классическое, славяно-русское и историческое. Испытанія 1889 года привели къ убѣжденію, что принятая въ 1885 г. система, по которой изученіе классическихъ языковъ сдѣлано было въ одинаковомъ объемѣ обязательно для всѣхъ студентовъ факультета и раздѣленіе факультета не допускалось, не повела къ такому поднятію знаній по древнимъ языкамъ, какъ ожидалось. Подведеніе всѣхъ подъ одинъ уровень оказалось въ ущербъ имѣющимъ особую склонность къ занятіямъ классическими языками, не поднявъ особенно этого общаго уровня. А вмѣстѣ съ тѣмъ занятія другими предметами по необходимости съузились. Уступая общему заявленію и предсѣдателей коммиссій, и преподавателей, министерство допустило раздѣленіе факультета.

Одинъ изъ профессоровъ классическихъ языковъ, пользующійся заслуженнымъ авторитетомъ въ своей области и бывшій въ 1890 г. предсѣдателемъ филологической коммиссіи въ Новороссійскомъ университетѣ, высказалъ въ своемъ отчетѣ слѣдующія замѣчанія, имѣющія общій интересъ, какъ наблюденія и соображенія лица, весьма компетентнаго: „Что касается устныхъ экзаменовъ, то помимо исполненія своей прямой обязанности, я искалъ въ нихъ разрѣшенія вопроса, который возникалъ во мнѣ при всякаго рода испытаніяхъ въ Московскомъ университетѣ послѣ введенія устава 1884 года: какіе предметы преподаванія наиболѣе привлекаютъ къ себѣ вниманіе лучшихъ студентовъ? Какъ классику, мнѣ бывало прискорбно постоянно убѣждаться въ томъ странномъ фактѣ, что классическіе языки отнюдь не принадлежатъ къ числу такихъ излюбленныхъ предметовъ; какъ филологу, мнѣ приходилось жалѣть о томъ, что и вообще ни одна наука историко-филологическаго факультета не имѣетъ между студентами порядочнаго числа приверженцевъ, кромѣ всеобщей исторіи (со включеніемъ исторіи классическихъ народовъ). Судя по испытаніямъ въ коммиссіи за текущій годъ, Новороссійскій университетъ представляетъ съ этой стороны полное сходство съ Московскимъ: изъ 8 получившихъ дипломъ студентовъ двое наиболѣе зрѣлыхъ въ умственномъ отношеніи спеціально занимаются исторіей. О предпочтеніи, отдаваемомъ учениками здѣшняго университета этой наукѣ, свидѣтельствуетъ и то, что изъ этихъ 8 шестеро окончили курсъ по группѣ Б (исторической). Насколько я могу судить по слухамъ, въ другихъ университетахъ наблюдается то же самое. Очевидно, причины этой односторонности

въ научномъ интересѣ именно лучшихъ студентовъ лежатъ глубже и зависятъ отъ условій не мѣстныхъ, не случайныхъ, а общихъ и постоянныхъ, связанныхъ, слѣдовательно, со взаимнымъ отношеніемъ предметовъ университетскаго преподаванія по уставу 1884 года. Признавая классическую систему единственнымъ средствомъ для всесторонняго и равномѣрнаго развитія духовныхъ силъ, я все-таки не считалъ себя вправѣ утаить отъ министерства свое, выведенное изъ опыта мнѣніе о послѣдствіяхъ внѣшняго превозвышенія одного предмета преподаванія надъ другими, вмѣсто внутренняго сосредоточенія этихъ предметовъ около одного главнаго, съ такимъ преподаваніемъ послѣдняго, чтобы онъ служилъ къ освѣщенію и дополненію прочихъ, причемъ, такъ какъ важность для насъ классическаго міра состоитъ именно въ томъ, что его знанія и плоды его опыта легли въ основу нашей цивилизаціи, элементъ историческій долженъ быть поставленъ на подобающую ему высоту. Я позволилъ себѣ здѣсь остановиться на этихъ мысляхъ потому, что, состоя членомъ испытательныхъ коммиссій со времени ихъ учрежденія, каждый разъ я невольно думаю о томъ, что большая часть испытуемыхъ готовится къ педагогическому поприщу и стараюсь выяснить себѣ вопросъ, что эти будущіе учителя могутъ дать своимъ ученикамъ? По этой то причинѣ я придаю особенное значеніе устнымъ испытаніямъ, на которыхъ экзаменующійся долженъ говорить о томъ, о чемъ я самъ его спрошу, имѣя въ виду не только его познанія, но и умѣнье справиться съ ними и передать ихъ безъ предварительнаго обдумыванья, и вообще его умственное развитіе и степень общаго образованія въ смыслѣ не обширности его, которой нельзя требовать отъ нашего студента, а способности соединенія свѣдѣній изъ различныхъ усвоенныхъ имъ себѣ наукъ въ одно неразрывное цѣлое: условіе, при соблюденіи котораго даже небольшія познанія для дальнѣйшаго личнаго развитія и вліянія на окружающихъ бываютъ плодотворнѣе значительной учености въ видѣ склада разрозненныхъ частностей. Стремясь къ этой цѣли, я, въ качествѣ предсѣдателя испытательной коммиссіи, считалъ своею обязанностью принимать посильно дѣятельное участіе въ устныхъ испытаніяхъ по всѣмъ предметамъ преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ, дополняя вопросы экзаменаторовъ и при случаѣ требуя отъ экзаменующагося разъясненія или параллелей изъ другихъ отраслей пройденнаго имъ курса. Такимъ путемъ я пришелъ къ тому заключенію, что нынѣшняя серія подвергавшихся испытанію дастъ двухъ очень дѣльныхъ учителей исторіи, одного учителя русскаго языка и одного или историка или классика, если не блестящихъ, то во всякомъ случаѣ добросовѣстныхъ; еще изъ одного, судя по его способностямъ, можетъ при доброй волѣ съ его стороны, выработаться

со временемъ недурной преподаватель классическихъ языковъ: пропорція, напоминавшая мнѣ результаты такихъ же испытаній въ Москвѣ, съ тою лишь разницей, что тамъ на каждую серію экзаменующихся приходится хоть одинъ хорошій классикъ [1])".

Историческая наука въ Петербургскомъ университетѣ въ 1890 г.

Кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя относительно этого предмета были нами уже сообщены въ „Хроникахъ" I и II томовъ „Историч. Обозр.", приводимъ выдержки изъ „Отчета о состояніи и дѣятельности Императорскаго С.-Петербургскаго университета за 1890 г.", составленнаго э. о. проф. С. А. Бершадскимъ и вышедшаго изъ печати въ концѣ октября сего года.

Въ отчетномъ году возведено въ высшія ученыя степени 11 лицъ —9 въ степень магистра и 2 въ степень доктора. Изъ нихъ степень магистра получили по ист.-филолог. факультету: 1) Николай Дмитріевичъ Чечулинъ—степень магистра русской исторіи, по защищеніи диссертаціи „Города Московскаго государства въ XVI в."; Павелъ Владиміровичъ Безобразовъ—магистра всеобщей исторіи, по защищеніи диссертаціи „Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ. Часть первая. Біографія Михаила Пселла"; 3) Александръ Сергѣевичъ Лаппо-Данилевскій—магистра русской исторіи, по защищеніи диссертаціи „Организація прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій"; 4) Иванъ Порфиріевичъ Филевичъ—магистра русской исторіи, по защищеніи диссертаціи „Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе"; 5) Александръ Николаевичъ Щукаревъ—магистра всеобщей исторіи, по защищеніи диссертаціи „Изслѣдованія въ области каталога аѳинскихъ архонтовъ" [2]). Всѣ пять диссертацій были по исторіи. (Докторскія диссертаціи были по другимъ предметамъ). Изъ практическихъ занятій со студентами, имѣющихъ отношеніе къ исторіи, Отчетъ упоминаетъ о слѣдующихъ:

Проф. Н. П. Кондаковъ руководилъ занятіями студентовъ въ помѣщеніи музея древностей при Университетѣ. Студенты постоянно пользовались въ помѣщеніи атласами и брали на домъ изъ библіотеки

---

[1]) Въ печатномъ „Обозрѣніи преподаванія" въ Казанскомъ университетѣ на 1891—2 годъ (стр. 3—4) высказывается сомнѣніе, будетъ ли существовать въ этомъ году классическое отдѣленіе ист.-фил. фак. въ этомъ университетѣ.

[2]) См. описанія диспутовъ въ первыхъ двухъ томахъ Истор. Обозр.

музея книги. Студентъ Яковъ Смирновъ составилъ „Описаніе древностей Южной Россіи, найденныхъ въ 1882 году" и печатаетъ это описаніе въ „Отчетахъ Императорской Археологической коммиссіи". Проф. Н. И. Карѣевъ велъ со студентами практическія занятія въ весеннемъ семестрѣ 1890 года по изученію памятниковъ политическаго законодательства во Франціи съ 1789 года. Проф. Ѳ. Ѳ. Соколовъ велъ занятія съ желающими изъ числа студентовъ высшихъ курсовъ разъ въ недѣлю, у себя на дому. Предметомъ занятій было чтеніе греческихъ надписей. Прив.-доц. С. Ѳ. Платоновъ руководилъ вмѣстѣ съ профессоромъ Замысловскимъ занятіями студента VII сем. Рождественскаго, состоявшими въ извлеченіи и изслѣдованіи извѣстій о Россіи, находящихся въ сборникѣ XVII—XVIII вв. „Theatrum Europaeum". На юридическомъ факультетѣ прив.-доц. М. И. Свѣшниковъ руководилъ въ теченіе осенняго полугодія 1890 года практическими занятіями студентовъ-юристовъ по даннымъ имъ для прочтенія наиболѣе крупнымъ произведеніямъ по государственному праву XVII и XVIII вѣка. По выслушаніи доклада, преподаватель предлагалъ высказать свои замѣчанія и недоумѣнія студентамъ, принимающимъ участіе въ его семинаріи. Послѣ выясненія того, что представляется наиболѣе требующимъ объясненія въ разбираемомъ сочиненіи, преподаватель давалъ свои разъясненія. Въ прошедшемъ полугодіи были сдѣланы доклады о произведеніяхъ школы естественнаго права, о сочиненіяхъ Монтескье, Руссо и книгѣ Щеглова „Исторія соціальныхъ системъ", томъ II-й. Кромѣ того, студентамъ юридическаго факультета было предложено разобрать и разработать поуѣздно матеріалы, имѣющіеся въ библіотекѣ университета по исторіи земскихъ учрежденій въ Россіи по предложенной преподавателемъ программѣ. Далѣе въ Отчетѣ отмѣчены научно-литературные труды профессоровъ и другихъ преподавателей университета. По историко-филологическому факультету указаны, между прочимъ, слѣдующіе труды:

Проф. И. В. Помяловскій издалъ: 1) „Повѣсть Аммонія Мниха объ отцахъ, убіенныхъ въ Синаѣ и Раиѳѣ, по списку Московской Духовной Академіи". 2) „Житіе св. Саввы освященнаго въ древнерусскомъ переводѣ, по списку Общества Любителей Древней Письменности". Проф. Н. П. Кондаковъ издалъ: 1) „Русскія древности въ памятникахъ искусства". 2) „Опись памятниковъ древности въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи, составленная по Высочайшему повелѣнію". Грузинскія надписи прочтены и истолкованы Димитріемъ Бакрадзе. Съ 82 рисунками въ текстѣ. Спб. 1890. Проф. Н. И. Карѣевъ напечаталъ: Второй выпускъ сочиненія „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи". Статьи: 1) „Новое историческое общество" („Новости", № 2); 2) „Разработка теоретиче-

скихъ вопросовъ исторической науки" („Русская Мысль", № 3); 3) Юриспруденція и теорія историческаго процесса („Юридическій Вѣстникъ", № 7 и 8); 4) Къ вопросу о свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса („Вопросы философіи и психологіи", № 4); 5) Новая историческая теорія („Сѣверный Вѣстникъ", № 11); 6) Новѣйшіе труды по исторіи французской революціи (въ сборникѣ „Историч. Общ. при С.-Петерб. университетѣ"); 7) Новые отвѣты критикамъ („Русское Богатство", № 12); 8) Статья о В. В. Бауерѣ въ словарѣ Венгерова; 9) „Философія, исторія и теорія прогресса" (въ сборникѣ „Историческаго Общества при С.-Петерб. университетѣ"); 10) „Иностранные историческіе журналы" (статья, напечатанная въ сотрудничествѣ съ Г. В. Форстеномъ; помѣщена въ томъ же сборн.). Прив.-доц. П. А. Сырку издалъ, между прочимъ, 2 вып. „Исторія исправленія книгъ въ Болгаріи XVII в." и „Описаніе Турецкой имперіи", сдѣланное русскимъ, бывшимъ въ плѣну у турокъ въ XVII в. „Научный Боснійскій журналъ" (Баллада о построеніи мостовъ) и „Два слова о греко-болгарскомъ вопросѣ", которыя выпущены въ свѣтъ и отдѣльными книгами. Прив.-доц. Г. В. Форстенъ напечаталъ въ „Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія" за сентябрь 1890 г. „Архивныя занятія въ Любекѣ и Данцигѣ"; за декабрь—„Письма и политическіе трактаты Акселя Оксенштирны". Въ сборникѣ Историческаго Общества было напечатано: „О политикѣ Швеціи въ 30-лѣтнюю войну (сношенія съ Франціей). Къ печати приготовлено изслѣдованіе „О сношеніяхъ Швеціи съ Россіей въ малолѣтство Христины". Прив.-доц. И. А. Шляпкинъ напечаталъ: „Св. Димитрій Ростовскій" (изъ исторіи реформы Петра В.). Спб. 1891 и Сочиненіе Посошкова о школѣ (неизданное) со вступит. статьею (приготовляется къ печати). Прив.-доц. Платоновъ напечаталъ въ журналѣ „Библіографъ" (№ 5—6 за 1890 г.) статью „О началѣ Москвы" и въ „Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія" критическій разборъ сочиненія г. Чечулина „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ" („Журн. Минист. Народнаго Просвѣщенія" 1890 года, май). Прив.-доц. В. Э. Регель напечаталъ „О хроникѣ Козьмы Пражскаго". Критическое изслѣдованіе. Спб. 1890. Печатается: Analecta Bysantino-Russica. Fontes rerum bysanticarum. Tom. I, fasc. 1. Прив.-доц. Шмурло напечаталъ „Восьмой археологическій съѣздъ". Спб. 1890 годъ. Прив.-доц. І. П. Сениговъ приготовилъ къ печати статьи слѣдующаго содержанія: 1) „Отсутствіе бога войны у Восточныхъ Славянъ". 2) „Преобладаніе нравственно-религіознаго элемента надъ политическимъ въ произведеніяхъ народной поэзіи". 3) „Почему древнѣйшему быту русскаго народа не свойственъ юридическій характеръ?" Собралъ матеріалы для изслѣдованія „О земскомъ самоуправленіи въ царствованіе Іоанна Грознаго". Прив.-

доц. А. С. Лаппо-Данилевскій напечаталъ сочиненіе: 1) „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій". Спб. 1890 г. Статьи: 2) Поверстная и указная книга ямскаго приказа, въ Библіографѣ, № 11; 3) Критическая статья на соч. г. Эварницкаго „Публичныя лекціи по археологіи Россіи" и 4) Критическая замѣтка на соч. Ин. Кузнецова „О курганахъ Минусинскаго округа", обѣ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.—По юридическому факультету: проф. В. И. Сергѣевичъ напечаталъ первый томъ „Русскихъ юридическихъ древностей". Проф. Ѳ. Ѳ. Мартенсъ напечаталъ въ ноябрьской книжкѣ журнала „Русская Мысль"—статью „О первоначальныхъ сношеніяхъ Россіи съ Англіей". Проф. С. А. Бершадскій продолжалъ печатать акты ко внутреннимъ отношеніямъ В. Княжества Литовскаго въ началѣ XVI в. Проф. В. Н. Латкинъ издалъ вторымъ (дополненнымъ) изданіемъ: „Курсъ лекцій по внѣшней исторіи права", а также напечаталъ: 1) въ „Историческомъ Вѣстникѣ"—девять рецензій на вновь вышедшія книги; 2) въ „Славянскомъ календарѣ" на 1891 годъ статью „Сербская церковь на основаніи новаго церковнаго закона", и 3) въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ" статью „Вѣчевое и соборное начало въ древнерусской государственной жизни". Прив.-доц. Н. М. Коркуновъ напечаталъ: „Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ". Часть I.—Статьи въ „Юридической Лѣтописи": 1) „А. Д. Градовскій". 2) „Великое княжество Финляндское". 3) „Комитетъ Министровъ", и въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1890 г., № 12, разборъ книгъ г. Александренко „Англійскій тайный совѣтъ", и др. По факультету вост. языковъ отмѣтимъ соч. э. проф. Д. А. Хвольсона „О Сиро-Несторіанскихъ надгробныхъ надписяхъ, найденныхъ въ Семирѣчіи". Въ этомъ сочиненіи издано около 230 надписей и указано на ихъ историческое значеніе въ отношеніи распространенія христіанства между турко-татарскими племенами; также указано подробно на благотворное вліяніе христіанства на эти дикіе народы. Затѣмъ проф. Н. И. Веселовскій 1) въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія напечаталъ статью „Иванъ Даниловичъ Хохловъ, русскій посланникъ въ Персію и Бухару въ XVII столѣтіи". 2) Печатаетъ II-й томъ „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Персіей". Проф. А. А. Цагарелли напечаталъ книгу „Переписка Грузинскихъ царей и владѣтельныхъ князей съ Русскими Государями въ XVIII вѣкѣ. I й томъ". Прив.-доц. С. М. Георгіевскій издалъ книгу, озаглавленную „Важность изученія Китая". Прив.-доц. Н. А. Мѣдниковъ печатаетъ „Исторію Палестины по арабскимъ источникамъ". Изд. Правосл. Палестинск. Общества. Въ приложеніи къ этому отчету помѣщена рѣчь проф. А. А. Цагарели „Сношенія Россіи съ

Кавказомъ въ XVI—XVIII столѣтіяхъ". Кромѣ того, помѣщена въ приложеніи и „записка о наградахъ студентовъ медалями въ 1891 г.", изъ коей явствуетъ, что не въ примѣръ прежнему времени въ 1890 г. на ист.-фил. фак. не было представлено ни одного сочиненія по исторіи. На факультетѣ вост. языковъ на тему по исторіи Востока „Исторія Восточнаго Туркестана съ XVII столѣтія", представлено три сочиненія. Первое мѣсто между ними по достоинству занимаетъ сочиненіе № XVII съ девизомъ „Безъ девиза". Прежде всего оно выдается значительнымъ объемомъ, соотвѣтствующимъ порядочному печатному тому, чѣмъ невольно вызывается удивленіе къ необычайному трудолюбію автора, достигшаго такихъ результатовъ въ 10-ти мѣсячный срокъ. Но еще больше это сочиненіе обращаетъ на себя вниманіе по внутреннему содержанію, обнаруживая въ авторѣ основательное знакомство съ пріемами и методами ученыхъ трудовъ. Притомъ диссертація за № XVII представляетъ разработку новаго, еще не тронутаго матеріала, который автору диссертаціи приходилось изучать съ большимъ стараніемъ. Такъ какъ европейскіе ученые сравнительно довольно занимались судьбой Восточнаго Туркестана, то имѣется въ исторической литературѣ нѣсколько изслѣдованій объ этой странѣ и изданы нѣкоторые источники; но самые главные, китайскіе и маньчжурскіе, за небольшимъ исключеніемъ, оставались не изслѣдованными. Поэтому, при заданіи настоящей темы требовалось обратить главное вниманіе на эти послѣдніе. Авторъ и исполнилъ это требованіе съ большимъ тактомъ и экономіей въ трудѣ. Извѣстный уже матеріалъ занимаетъ у него второстепенное мѣсто и приводится въ тѣхъ случаяхъ, когда это нужно для поясненій, дополненій описываемыхъ событій или въ виду противорѣчій, встрѣчающихся въ источникахъ. Китайскими источниками авторъ диссертаціи воспользовался вполнѣ, не упуская никакихъ мелочей. Работѣ своей онъ предпосылаетъ обстоятельный обзоръ источниковъ, которыми пользовался, подробно излагаетъ ихъ содержаніе, показываетъ значеніе и опредѣляетъ характеръ. Въ введеніи старается выяснить положеніе Восточнаго Туркестана въ борьбѣ Чжунгаръ съ Китаемъ и причины, по которымъ послѣдній стремился водвориться въ этой странѣ. Самая же диссертація состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой излагается политическая исторія Восточнаго Туркестана съ XVII столѣтія и здѣсь авторъ приводитъ всѣ доклады, представленія и указы, сохранившіеся въ китайской литературѣ относительно В. Туркестана, приводитъ цѣликомъ, въ переводѣ—свидѣтельство въ пользу основательнаго знанія изучаемыхъ имъ языковъ. Такимъ образомъ получается исторія страны по оффиціальнымъ, канцелярскимъ документамъ, важнымъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ отлично раскрываются всѣ дѣйствія, планы и намѣре-

нія китайскаго правительства, направленныя къ водворенію китайской власти въ Восточномъ Туркестанѣ. Такъ какъ эти документы довольно многочисленны, идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ безъ значительныхъ перерывовъ и подробно обсуждаютъ положеніе страны, то отсюда понятно, почему этотъ матеріалъ даетъ нѣсколько иной видъ исторіи В. Туркестана, полнѣе, яснѣе и болѣе достовѣрнѣе, чѣмъ можно было предполагать раньше. Разумѣется, главнымъ образомъ въ этихъ документахъ излагаются военные походы, постоянно вызываемые возмущеніями туркестанцевъ, никогда не мирившихся съ китайскимъ господствомъ, хотя бы и основанномъ на принципахъ умиротворяющей политики. Во второй части авторъ излагаетъ мѣры китайскаго правительства къ внутреннему устройству В. Туркестана. Онъ обсуждаетъ эти мѣры, показываетъ вліяніе ихъ на мѣстное населеніе и старается отыскать причину частыхъ возстаній туркестанцевъ. Авторъ довелъ свою работу только до конца XVIII столѣтія. Это никоимъ образомъ не можетъ быть поставлено ему въ вину, такъ какъ при широтѣ задуманнаго имъ плана для осуществленія его потребно нѣсколько лѣтъ усидчиваго труда, и было бы желательно, чтобы авторъ продолжилъ свои изслѣдованія; но и то, что имъ теперь представлено, вполнѣ заслуживаетъ быть напечатаннымъ. Къ этому надо прибавить, что авторъ постоянно проявляетъ самостоятельность воззрѣній: онъ не подчиняется безотчетно взглядамъ своихъ предшественниковъ, самъ вдумывается въ причинность событій и старается угадать ихъ смыслъ. Въ виду такихъ выдающихся и рѣдкихъ достоинствъ этой диссертаціи, авторъ ея, студентъ факультета восточныхъ языковъ IV семестра Дмитрій Позднѣевъ удостоенъ награды золотой медалью. Слѣдующая диссертація подъ № XI, съ девизомъ „Побѣда—даръ Аллаха", отличается инымъ характеромъ. Въ началѣ авторъ даетъ подробный географическій очеркъ Восточнаго Туркестана, и такъ какъ историческая географія этой страны мало изслѣдована, то ему и удалось, на основаніи китайскихъ источниковъ, сдѣлать нѣсколько цѣнныхъ поясненій и пополнить прежнія свѣдѣнія. Въ изложеніи же исторіи В. Туркестана авторъ главнымъ образомъ занимается европейскими источниками или переведенными съ восточныхъ языковъ, китайскіе и маньчжурскіе служатъ ему скорѣе добавленіемъ, чѣмъ основнымъ матеріаломъ. Отношеніе къ источникамъ у автора этой диссертаціи также нѣсколько иное, чѣмъ у предыдущаго. Для него обыкновенно дѣло представляется такъ, какъ сказано въ документахъ, онъ рѣдко примѣняетъ къ нимъ критическій взглядъ, чтобы освободить факты отъ китайской окраски и отдѣлить привнесенную китайцами тенденцію для разнаго рода политическихъ соображеній. Это, надо предполагать, произошло оттого, что авторъ задумалъ изложить всю исторію

В. Туркестана отъ древнѣйшихъ временъ до послѣдняго, съ большею остановкою на XVII и XVIII столѣтіяхъ, на что естественно у него не хватало времени, и онъ долженъ былъ спѣшить и поспѣшность эта отразилась на ознакомленіи съ основными источниками. Но такая широта вовсе не требовалась темой и авторъ по собственному желанію увеличилъ свою задачу. Къ числу крупныхъ достоинствъ надо отнести стремленіе автора разрѣшить нѣкоторые темные вопросы въ исторіи Восточнаго Туркестана, какъ, напримѣръ, опредѣленіе времени завоеванія этой страны чжунгарами. Умѣнье автора подойти къ такимъ вопросамъ и путемъ изслѣдованій подвинуть разрѣшеніе ихъ встрѣчается въ диссертаціи его довольно часто. Въ виду этихъ достоинствъ и трудности задачи—сдѣлать полный обзоръ исторіи Восточнаго Туркестана въ такой короткій срокъ — и принимая въ соображеніе, что диссертація съ девизомъ „Побѣда—даръ Аллаха“ представляетъ хорошій студенческій трудъ, который нѣсколько теряетъ отъ сравненія съ предыдущей, выдающейся во всѣхъ отношеніяхъ работой, авторъ ея, студентъ факультета восточныхъ языковъ VIII семестра Александръ Шебякинъ признанъ достойнымъ награды золотой медалью. Третье сочиненіе № 1-й съ девизомъ „Историческій процессъ въ его абстрактной сущности слагается изъ двухъ эволюцій“ и проч. доводитъ исторію В. Туркестана до послѣдняго времени; но все XIX столѣтіе является здѣсь простою компиляціею изъ прежнихъ трудовъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ лишь изложеніе событій въ XVIII столѣтіи на основаніи китайскихъ источниковъ. Здѣсь авторъ представляетъ политическое устройство страны и объясняетъ причины тяготѣнія восточной ея части къ Китаю, а западной — къ Чжунгарамъ. Такое раздвоеніе вліяло на ходъ событій въ исторіи Восточнаго Туркестана. Авторъ останавливается на этомъ подробно, благодаря чему объясняется сравнительная легкость завоеванія страны китайцами, но трудность привлеченія населенія ея западной части на сторону китайскаго правительства. Внутренній раздоръ, который китайцы отлично умѣли поддерживать, служилъ для мусульманскихъ правителей большимъ препятствіемъ упрочить свою власть въ Восточномъ Туркестанѣ. Эти раздоры, подробно выясненные авторомъ диссертаціи, и послужили главной причиной тѣхъ печальныхъ событій, какими характеризуется вся новая исторія этой страны, подпадавшей то подъ власть Ходжей, то китайцевъ, и всѣ эти перемѣны сопровождались страшной рѣзней. За обстоятельное изложеніе этихъ событій на основаніи китайскихъ источниковъ, авторъ диссертаціи студентъ факультета восточныхъ языковъ Николай Богоявленскій удостоенъ награды серебряной медалью.

Историческая наука въ Московскомъ университетѣ въ 1890 г.

Заимствуемъ изъ отчета Московскаго университета за прошлый годъ (Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12 января 1891 года. Москва 1891) все, что можетъ спеціально интересовать читателей „Историческаго обозрѣнія“.

1) Подъ рубрикой „ученые труды членовъ университета“ значится между прочимъ слѣдующее (называя только работы, имѣющія отношеніе къ исторіи).

По факультету историко-филологическому. Заслуженный профессоръ Герье въ январьской и февральской книжкахъ „Вѣстника Европы“ напечаталъ статью о Тэнѣ, какъ историкѣ, и прочелъ 10 публичныхъ лекцій о средневѣковомъ міровоззрѣніи. Ординарные профессора: Стороженко помѣстилъ въ сборникѣ изданномъ въ память С. А. Юрьева статью „Вольнодумецъ эпохи Возрожденія“. Цвѣтаевъ напечаталъ: 1) I-й томъ „Учебнаго атласа античнаго ваянія“, 2) статьи „нѣкоторыя ученія объ античномъ искусствѣ“, 3) отчетъ о „византійскомъ альбомѣ гр. А. С. Уварова“—въ трудахъ московскаго Археологическаго Общества; читалъ на московскомъ Археологическомъ съѣздѣ докладъ „Ученая разработка вопроса о живописи Римскихъ катакомбъ“. Ключевскій въ журналѣ „Русская Мысль“ напечаталъ статью „Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси“; прочиталъ 10 публичныхъ лекцій по исторіи Россіи въ XVII в. Гротъ напечаталъ статьи: 1) „Что такое метафизика“ въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ январь 1890, 2) „Жизненныя задачи психологіи“ тамъ же, сентябрь; прочиталъ 10 публичныхъ лекцій по психологіи. Миллеръ напечаталъ въ Этнографическомъ Обозрѣніи статьи: 1) „Кавказскія сказанія о циклопахъ“ (кн. IV), 2) „Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ“ (кн. V), 3) Рецензію труда Д. Н. Анучина—Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда (кн. V) и 4); нѣсколько рецензій сочиненій, относящихся къ этнографіи; въ журналѣ Мин. Нар. Просв. двѣ рецензіи IX и X выпусковъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ (іюнь и ноябрь); въ Дневникѣ Антропологическаго Отдѣла Общества Л. Е. А. и Э. (Вып. V-й) статью: „Курганы села Троицкаго-Кайнарджи“; Виноградовъ напечаталъ въ „Русской Мысли“ статьи: „Фюстель де Куланжъ. Итоги и пріемы его научной работы“ и „Американская демократія“, читалъ публичные курсы, подъ заглавіемъ „Условія образованія государства въ Запад-

ной Европѣ“ и „Обновленіе Германіи въ IX вѣкѣ“. Экстраординарные профессора: Шварцъ издалъ изслѣдованіе „о такъ-называемыхъ Панаѳенейскихъ скифосахъ“. Соколовъ напечаталъ: Пространное житіе Авраамія Ростовскаго, съ предисловіемъ. Ярославль 1890 г. и нѣсколько рецензій въ журналахъ. Приватъ-доценты: Веселовскій въ сборникѣ „Въ память Юрьева“ помѣстилъ нѣсколько матеріаловъ для исторіи новѣйшей русской литературы и приготовилъ къ печати біографическое излѣдованіе о Гоголѣ. Лопатинъ напечаталъ слѣдующія статьи: 1) Положеніе этической задачи въ современной философіи (Вопросы философіи и психологіи № 2); 2) Критика эмпирическихъ началъ нравственности (тамъ же № 3); 3) Нравственное ученіе Канта (тамъ же № 4); 4) Теоретическія основы сознательной нравственной жизни (тамъ же № 5); 5) Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ, какъ мыслитель (Сборникъ въ память С. А. Юрьева). Михайловскій напечаталъ въ журналѣ „Русская Мысль“: Обзоръ географическихъ новостей за 1889 г. Милюковъ 1) въ „Древностяхъ“ Московскаго Археологическаго Общества (т XIII) напечаталъ рефератъ: „Гдѣ былъ городъ Бездежъ“; 2) На VIII Археологическомъ съѣздѣ читалъ рефератъ: „О мѣстѣ и времени дѣйствія въ запискѣ греческаго топарха“; 3) Для „Исторической Записки о дѣятельности Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за 25 лѣтъ“ составилъ некрологи: Аристова, Бодянскаго, Костомарова, Погодина и Соловьева; 4) Въ „Русской Мысли“ напечаталъ а) Отчетъ о дѣятельности VIII Археологическаго съѣзда (апрѣль), б) статью: „Русская аграрная политика прошлаго столѣтія“ (май), в) нѣсколько рецензій; 5) Литературно-научный обзоръ въ Athenaeum, Iuly 5, за 1889—90 г.; 6) Началъ печатаніе диссертаціи „Государственное хозяйство Россіи начала XVIII в. въ связи съ реформой Петра Великаго“ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (сентябрь, октябрь, ноябрь). Бѣльскій напечаталъ въ Пант. Литературы 1890 г. статью „Изъ исторіи русскихъ паломничествъ“. Безобразовъ напечаталъ слѣдующія статьи: 1) „Черты Византійскихъ нравовъ и культуры“ (Наблюдатель, мартъ, апрѣль, май, іюнь); 2) „Будущее переселеніе народовъ“ (Наблюдатель, декабрь); 3) „Орлеанская дѣва“ (Русское Обозрѣніе, іюнь); 4) „Марія Стюартъ“ (Русское Обозрѣніе, декабрь). Линниченко напечаталъ: 1) Брачные разводы въ древней Польшѣ и Юго-Западной Руси (Юридическій Вѣстникъ, № 12); 2) Научная дѣятельность В. Б. Антоновича (Газета Гатцука); 3) Ромуальдъ Губе (некрологъ, Юридическій Вѣстникъ, № 11); 4) Въ какомъ году впервые появились на Руси пушки (замѣтка въ Кіевской Старинѣ, № 1). Корелинъ читалъ въ Политехническомъ Музеѣ 10 публичныхъ лекцій „Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства“ и напечаталъ ихъ въ журналѣ „Рус-

ская Мысль“ 1890 г. (февраль, май, іюнь, августъ, октябрь и декабрь). Шефферъ, состоя сотрудникомъ журнала „Berliner Philologische Wochenschrift, написалъ рецензіи на слѣдующія сочиненія: Fr. Lauer, Parteien und Politiker in Megara und Athen; H. Lehner, über die athenischen Schatzverzeichnisse des IV Jahrh. Щукаревъ, Аѳинскіе архонты въ III в. до Р. Хр.; Мищенко, Полибій Т. 1; L. Cantarelli i motaci spartani. Изъ нихъ двѣ рецензіи изданы въ №№ 43 и 47, остальныя три уже напечатаны, но будутъ изданы лишь въ первыхъ номерахъ 1891 года въ означенномъ журналѣ. Аппельротъ помѣстилъ въ журналѣ „Гимназія“ за окт. 1890 г. статью „Арей въ миѳологіи и памятникахъ искусства“; Астафьевъ напечаталъ статьи: въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“: „Нравственное ученіе графа Л. Н. Толстаго и его критики“ (въ 4 книгѣ журнала), издано въ распространенномъ видѣ брошюрою подъ заглавіемъ „ученіе графа Л. Н. Толстаго въ его цѣломъ“ б) въ журналѣ „Русское Обозрѣніе“ мартъ мѣсяцъ „Національное самосознаніе и общечеловѣческія задачи“, издано въ распространенномъ видѣ брошюрою подъ заглавіемъ: „Національность и общечеловѣческія задачи“; въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“: „Къ спору съ Вл. С. Соловьевымъ“ (въ октябрьской книжкѣ журнала); въ газетѣ „Московскія Вѣдомости“: 7) „Объясненіе съ К. Н. Леонтьевымъ“ (по вопросу о національности) въ № 29 іюня (стр. 9—13).

По юридическому факультету. Заслуженный профессоръ Павловъ составилъ, по порученію Академіи Наукъ, рецензію на сочиненіе проф. Суворова: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“, напечаталъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью: „Неизданный памятникъ древняго русскаго церковнаго права“. Ординарные профессора: Янжулъ прочелъ публичную лекцію „О гуманитарныхъ движеніяхъ въ Англіи“ въ С.-Петербургѣ въ пользу Литературнаго фонда и повторилъ ее въ Москвѣ въ пользу Костромской народной читальни, прочелъ публичную лекцію объ „Обществахъ университетскаго образованія“ и напечаталъ ее въ „Вѣстникѣ Европы“, прочелъ рефератъ въ Статистическомъ Обществѣ „Женскій трудъ въ Америкѣ“ и напечаталъ его въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“; Чупровъ прочелъ публичный курсъ изъ 10 лекцій подъ заглавіемъ: „Очеркъ народнаго хозяйства и экономическихъ воззрѣній въ концѣ среднихъ вѣковъ и при переходѣ къ новому времени“; Боголѣповъ издалъ для *своихъ слушателей* два выпуска „Пособія къ лекціямъ по Исторіи Римскаго права“; Гр. Камаровскій напечаталъ статьи: 1) въ Русской Мысли „О международныхъ съѣздахъ 1889 г.“, „О нѣкоторыхъ новыхъ фактахъ въ отношеніяхъ государствъ къ иностранцамъ“, „Столкновеніе Швейцаріи

съ Германіею изъ-за права убѣжища"; 2) въ Юридическомъ Обществѣ: „О трудахъ Бульмеринга" (напечатано въ Юридическомъ Вѣстникѣ). „О рабочей конференціи въ Берлинѣ 1890 г.". Экстраординарный профессоръ Звѣревъ напечаталъ статью „Къ вопросу о свободѣ воли"; Филипповъ напечаталъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ (май, іюнь 1890 г.) статью „О цѣляхъ наказанія по узаконеніямъ Петра Великаго" и приготовилъ къ печати изслѣдованіе „О наказаніи при Петрѣ Великомъ". (Стр. 23—25).

2. Изъ рубрики, озаглавленной „Занятія студентовъ въ семинаріяхъ". приводимъ слѣдующія свѣдѣнія за 1890 г.:

Въ семинаріи по исторіи античнаго искусства, подъ руководствомъ ординарнаго проф. И. В. Цвѣтаева, для студентовъ классическаго отдѣленія VII семестра, занятія состояли въ ознакомленіи съ памятниками греческаго ваянія по гипсовымъ слѣпкамъ университетскаго музея и по разнымъ иллюстрированнымъ изданіямъ, принадлежащимъ кабинету изящныхъ искусствъ университета, университетской библіотекѣ, Россійскому Историческому Музею и Московскому публичному и Румянцевскому Музеямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ читалась и объяснялась съ исторической стороны XXXVI книга Плинія Старшаго Naturalis historia; историко-художественныя объясненія, вызываемыя этимъ текстомъ, студенты почерпали изъ трудовъ Брунна Geschichte der griechichen Künstler, Овербека Geschichte der griechischen Sculptur, Баумейстера Denkmäler des klassischen Alterthums и другихъ спеціальныхъ монографій и археологическихъ изданій.

Въ семинаріи по русской литературѣ, у экстраординарнаго проф. М. И. Соколова (2 часа въ недѣлю) предметомъ занятій служилъ разборъ памятниковъ повѣствовательной литературы преимущественно XVIII в., съ которой участники (всѣ студенты словеснаго отдѣленія V семестра и нѣкоторые съ другихъ семестровъ) предварительно ознакомились по изложенію акад. Веселовскаго въ Исторіи Русской литературы Галахова; писались студентами въ установленной очереди и разбирались другими студентами при участіи преподавателя рефераты объ отдѣльныхъ памятникахъ и небольшихъ группахъ памятниковъ, отвѣчавшіе на заранѣе намѣченные преподавателемъ вопросы.

Въ семинаріи заслуженнаго проф. В. И. Герье по исторіи средневѣковой культуры матеріаломъ для семинарскихъ работъ и письменныхъ рефератовъ служили сочиненія и письма Августина, Бернарда Клервальскаго и папы Иннокентія III, а по новой исторіи—документы и мемуары XVIII вѣка съ относящимися къ нимъ пособіями.

Въ семинаріи ординарнаго проф. П. Г. Виноградова занимались изученіемъ источниковъ по исторіи Карла Великаго: въ началѣ полу

годія было разобрано нѣсколько наиболѣе важныхъ капитуларіевъ, а затѣмъ приступлено было къ обсужденію сочиненій на заданныя профессоромъ по этой эпохѣ темы.

Въ семинаріи по русской исторіи у ордин. проф. В. О. Ключевскаго студенты историческаго отдѣленія V и VII семестровъ знакомились съ главными видами источниковъ древне-русской исторіи и разсматривались составленные студентами рефераты о лѣтописяхъ, договорахъ Олега и Игоря съ греками, о Русской Правдѣ и другихъ памятникахъ.

Въ семинаріи по тому же предмету пр.-доц. П. Н. Милюкова студенты знакомились съ главнѣйшими видами оффиціальныхъ памятниковъ Московскаго государства (XVI и XVII вѣковъ), относящихся къ служилому сословію, финансамъ, администраціи и суду. Независимо отъ этого желающимъ предложены были работы по лѣтописямъ Московскаго періода и по разрядной книгѣ XVI в. (стр. 37—40).

3. Въ рубрикѣ „Испытанія на ученыя степени и званія" (стр. 71) приводятся названія докторскихъ и магистерскихъ диссертацій въ 1890 году. Изъ нихъ назовемъ слѣдующія: кн. Трубецкой—Метафизика въ древней Греціи, Соболевскій—De praepositionum usu Aristophaneo, Якушкинъ—Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вѣкѣ. Выпускъ первый. XVIII в., Левитскій—Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ.

Романо-германская филологія въ Петербургскомъ университетѣ.

Въ хроникѣ I т. „Историческаго Обозрѣнія" (стр. 263—264) было отмѣчено образованіе при Петербургскомъ университетѣ „Неофилологическаго Общества", возникшаго изъ романо-германскаго отдѣленія Филологическаго Общества, а въ той-же хроникѣ (стр. 254) было указано на то, что въ Петербургскомъ университетѣ рядомъ съ классическимъ, славяно-русскимъ и историческимъ отдѣленіями ист.-фил. факультета устроено еще особое романо-германское отдѣленіе, коего въ другихъ университетахъ не существуетъ. Для читателей „Историческаго Обозрѣнія" небезынтересно будетъ познакомиться съ работами Неофилологическаго (романо-германскаго) Общества и устройствомъ романо-германскаго отдѣленія, такъ какъ оба эти учрежденія посвящены интересамъ исторіи западныхъ литературъ, имѣющей столько точекъ соприкосновенія съ общей исторіей.

Каѳедра исторіи всеобщей литературы была впервые введена въ наши университеты уставомъ 1863 года (§ 13). Уставъ 1884 г. пере-

именовалъ ее въ каѳедру „исторіи западно-европейскихъ литературъ“ (§ 55). Въ Петербургскомъ университетѣ начать чтеніе лекцій по новой каѳедрѣ пришлось А. Н. Веселовскому, который впослѣдствіи и явился инициаторомъ и организаторомъ романо-германскаго отдѣленія какъ въ филологическомъ Обществѣ, такъ и въ историко-филологическомъ факультетѣ. Весьма естественно, что въ своей вступительной лекціи, читанной въ 1870 году (О методѣ и задачахъ исторіи литературы, какъ науки), онъ поставилъ рядъ вопросовъ: „Какая потребность русской университетской науки въ каѳедрѣ всеобщей литературы? Какое мѣсто займетъ она среди другихъ каѳедръ? Будетъ ли она служить тому, что принято называть общимъ образованіемъ, или ей предоставлено будетъ преслѣдовать болѣе спеціальныя научныя цѣли? Все это, говоритъ онъ, вопросы, которые разрѣшитъ практика, и полная программа этого преподаванія явится лишь въ концѣ его, согласно съ указаніями опыта“. Затѣмъ лекторъ перешелъ къ объясненію того, какъ его предметъ понимается въ Германіи, Франціи и Италіи. „Въ Германіи, какъ извѣстно, каѳедра всеобщей литературы существуетъ, какъ каѳедра романской и германской филологіи. Характеристика этой каѳедры дана въ самомъ названіи „филологія“. Профессоръ читаетъ какой-нибудь старо-французскій, старо-нѣмецкій или провансальскій текстъ (вы замѣтите, что дѣло идетъ преимущественно о старыхъ текстахъ); напередъ предлагаются краткія грамматическія правила, диктуются парадигмы спряженій и склоненій, въ особенности метрики, если текстъ стихотворный; затѣмъ слѣдуетъ самое чтеніе автора, сопровождаемое филологическими и литературными комментаріями. Такимъ образомъ читаются: „Эдда“, „Беовульфъ“, „Нибелунги“ и „Пѣсня о Роландѣ“. Намъ такая спеціализація недоступна, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ; во всякомъ случаѣ, она не нашла бы себѣ достаточно послѣдователей, хотя несомнѣнная польза, которую изслѣдователь русской старины могъ бы извлечь изъ болѣе близкаго знакомства съ памятниками англо-саксонской и скандинавской литературъ, легко можетъ устранить сомнѣнія относительно утилитарности или же непосредственной приложимости подобнаго рода занятій. Иногда нѣмецкая программа расширяется въ сторону собственно литературнаго комментарія: по поводу „Нибелунговъ“, напримѣръ, ни одинъ профессоръ не преминетъ поговорить о распрѣ, до сихъ поръ раздѣляющей нѣмецкихъ ученыхъ по вопросу о рукописяхъ, въ которыхъ сохранился этотъ древній памятникъ нѣмецкой поэзіи. Но онъ пойдетъ еще далѣе: онъ будетъ говорить о его отношеніяхъ къ предшествовавшимъ народнымъ и литературнымъ пересказамъ той же саги, о его отголоскахъ въ позднѣйшей пѣснѣ и въ названіяхъ мѣстностей, о его мѣстѣ вообще въ кругу сказаній о нѣмец-

хихъ герояхъ и т. п. Такимъ образомъ, выходя изъ узкой спеціальности, ограниченной разборомъ и толкованіемъ древняго текста, мы переходимъ къ болѣе плодотворному анализу. Но здѣсь еще разъ поднимается вопросъ о примѣнимости такого курса. Объ общеобразовательной пользѣ подобнаго рода разысканій разумѣется не можетъ быть и рѣчи; но и вопросъ о научной ихъ примѣнимости—я разумѣю приложимость относительно русской науки—по крайней мѣрѣ наводитъ на сомнѣнія. Темныя судьбы древне-верхне-нѣмецкой письменности не могутъ возбудить въ насъ особеннаго интереса, мы не прочь принять къ свѣдѣнію результаты изслѣдованія по этой части, но едва-ли вздумаемъ предпринять самое изысканіе. Съ другой стороны, несомнѣнно, что вопросъ о нѣмецкихъ сагахъ и французскихъ chansons de gestes можетъ освѣтить намъ многія особенности русскаго пѣсеннаго творчества, что русская литература XVIII вѣка непонятна безъ хорошаго знакомства съ современнымъ движеніемъ мысли въ Англіи и во Франціи, но все это задачи, предоставленныя историку русской литературы или еще ожидающія его вниманія, историкъ же общей литературы можетъ приготовить ему матеріалы, но самъ приступить къ рѣшенію вопроса въ данномъ приложеніи не рѣшится, изъ опасенія, чтобъ орудіе анализа не разрослось въ его рукахъ до комической несоразмѣрности съ значеніемъ явленія, которое онъ возьмется освѣтить".

Сдѣлавъ такую характеристику романо-германской филологіи, лекторъ указалъ на то, какъ преподается исторія литературы во Франціи и въ Италіи. „Я, говоритъ онъ, назвалъ бы такую постановку общеобразовательной, еслибы это названіе не потребовало объясненія. Предметомъ изслѣдованія избирается обыкновенно какая нибудь знаменательная въ культурномъ отношеніи эпоха: напримѣръ, итальянское возрожденіе XVI вѣка, англійская драма и т. п.; но всего чаще какой-нибудь великій человѣкъ долженъ отвѣчать за единство взгляда, за цѣлость обобщенія: Петрарка, Сервантесъ, Данте, и его время, Шекспиръ и его современники". Отмѣтивъ недостатки такой постановки, проф. Веселовскій указалъ и на ея преимущества. „Именно это изложеніе представляетъ всего болѣе мѣста тому, что мы можемъ назвать матеріаломъ общаго образованія: широкимъ историческимъ взглядамъ, характеристикѣ культуры, философскимъ обобщеніямъ историческаго развитія. Только въ научной состоятельности этихъ обобщеній мы склонны иной разъ усомниться". Свое отношеніе къ обѣимъ школамъ онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Что касается до фактическаго изложенія, которое займетъ насъ въ послѣдующихъ курсахъ, то здѣсь программѣ придется колебаться между полнымъ обобщеніемъ, которое мы готовы назвать идеаломъ истори-

ческой науки, и тѣмъ узко спеціальнымъ изслѣдованіемъ, примѣры котораго мы видѣли на нѣмецкихъ каѳедрахъ".

Въ настоящее время какъ дѣятельность Неофилологическаго Общества, такъ въ особенности организація преподаванія на романо-германскомъ отдѣленіи указываютъ намъ, въ какомъ направленіи былъ разрѣшенъ вопросъ, поставленный въ началѣ лекціи, изъ коей приведены были эти выдержки.

Сначала о Неофилологическомъ Обществѣ, которое до декабря 1889 г. существовало, какъ романо-германское отдѣленіе Филологическаго Общества. Перемѣна названія была „вызвана желаніемъ нѣсколько расширить предметы занятій, главнымъ образомъ въ области сравнительнаго изученія произведеній народной литературы, чтобы не ограничиваться исключительно предѣлами романо-германскаго міра" (Отчетъ Имп. Спб. Унив. за 1890 г.). Пользуясь отчетами этого Общества за 1887—1889 и 1890 гг. (Ж. Мин. Нар. Просв. за 1891 г.), мы представимъ здѣсь краткія указанія относительно его дѣятельности. Съ осенняго полугодія 1887 г. по исходъ 1889 г. состоялось 25 засѣданій общества, на которыхъ было прочитано 40 рефератовъ: изъ нихъ 11—по сравнительному изученію литературы, по изслѣдованію отдѣльныхъ памятниковъ старинной письменности, біографическому и литературному толкованію авторовъ, 11—по народной словесности и изученію народныхъ преданій, повѣрій и представленій, 4—по лингвистикѣ и изученію новыхъ языковъ, 3—по вопросамъ метода и отвлеченныхъ принциповъ научныхъ изысканій, 3—по новѣйшей литературѣ, 2—перевода на русскій языкъ произведеній иностранной литературы, 4—сообщенія о новыхъ книгахъ и 2—некролога. Втеченіе 1890 года состоялось 10 засѣданій общества, на которыхъ было прочитано 28 рефератовъ: изъ нихъ 9—по сравнительному изученію литературы, народной словесности, народныхъ преданій и вѣрованій, 2—по этнографіи, лингвистикѣ и археологіи, 1—по новымъ языкамъ, 3—по новѣйшей литературѣ, 5—переводовъ на русскій языкъ произведеній иностранной литературы 7—сообщеній о новыхъ книгахъ и изданіяхъ и 1—некрологъ. Уже изъ этихъ цифръ до нѣкоторой степени выясняется направленіе работъ общества: наибольшее количество ихъ (за 3½ года изъ 68 рефератовъ 31) посвящено сравнительному изученію литературы и народныхъ сказаній, наименьшее—новѣйшей литературѣ (6) и вопросамъ метода и отвлеченныхъ принциповъ научныхъ изысканій (3). Еще болѣе уяснится это направленіе, если мы перейдемъ къ разсмотрѣнію содержанія наиболѣе многочисленной группы рефератовъ. Большинство ихъ занимается разборомъ отдѣльныхъ литературныхъ мотивовъ (рефераты А. Н. Веселовскаго о „славяно-романскихъ" повѣстяхъ, о „безразличныхъ" у Данте,

о „Сказаніи Анфилога царя", замѣтки его же о русскихъ былинахъ; рядъ рефератовъ разныхъ лицъ о „дикомъ охотникѣ"), хронологическими изслѣдованіями объ отдѣльныхъ произведеніяхъ (рефераты г. Гудлета о времени написанія Данте „Vita Nuova", г. Бойля—о выработкѣ бѣлаго стиха у Шекспира), филологическими сближеніями (рефератъ г. Балабановой о статьѣ г. Cerquant), наконецъ передачей отдѣльныхъ легендъ. Лишь немногія сообщенія ставятъ болѣе широкіе вопросы; таковы рефератъ Е. В. Балабановой „объ отношеніи ирландскихъ и сѣверо-шотландскихъ сказаній къ Оссіановымъ пѣснямъ Макферсона" и разсмотрѣніе г. Батюшковымъ теоріи г. Jeanroy о происхожденіи французской лирической поэзіи. Мы не хотимъ поднимать здѣсь сложнаго вопроса о направленіи и методѣ историко-литературныхъ работъ вообще, вопроса, далеко еще не рѣшеннаго и въ спеціальной литературѣ, но такъ мало обращающаго на себя вниманіе Общества, но не можемъ не констатировать того факта, что на томъ пути, по которому идетъ это послѣднее, у него найдется гораздо болѣе точекъ соприкосновенія съ филологами, чѣмъ съ историками, и въ этомъ смыслѣ самое названіе Общества Неофилологіи можетъ считаться дѣйствительно удачнымъ. То же, что въ работахъ Общества могло бы интересовать и историковъ, по большей части носитъ совершенно случайный и спеціальный характеръ.

Отъ постановки изученія исторіи литературы въ ученомъ обществѣ перейдемъ къ преподаванію этого предмета въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Программа требованій, предъявляемыхъ студентамъ на экзаменѣ по исторіи западно-европейской литературы, довольно широка. Она охватываетъ собою средневѣковый періодъ въ видѣ литературы католической церкви и школы, поэзіи рыцарства и литературы реалистической, литературу эпохи возрожденія въ Италіи, Германіи, Франціи, Англіи и Испаніи, по исторіи новой литературы (17 и 18 вв.) въ Англіи, Франціи, Германіи и Италіи. Но два обстоятельства поражаютъ нѣсколько странно въ этой программѣ. Первое изъ нихъ—это отсутствіе въ ряду именъ итальянскихъ гуманистовъ Петрарки, который оказывается какъ бы совершенно вычеркнутымъ изъ исторіи итальянской литературы: средневѣковый періодъ ея заканчивается Данте, а эпоха возрожденія начинается съ Боккачіо. Второй пробѣлъ еще болѣе существеннаго характера и заключается въ томъ, что исторія новой литературы останавливается на концѣ 18-го столѣтія. Такимъ образомъ изложеніе французской литературы прекращается на Бомарше, нѣмецкой—зрѣлыми произведеніями Шиллера и Гёте и возникновеніемъ романтизма, причемъ дальнѣйшія судьбы этого направленія очевидно остаются безъ характеристики. Вся литература 19-го столѣтія остается внѣ рамокъ университетской про-

граммы [1]). (См. програмну испытаній въ историко-филологической коммиссіи Ж. М. Н. Пр. 1891, № 2, часть офф.).

Такова програмна, въ которой романо-германская филологія не выдѣлена еще въ самостоятельную группу предметовъ. Въ дѣлѣ преподаванія такое выдѣленіе уже состоялось и мы представимъ теперь перечень лекцій, читающихся на этомъ отдѣленіи въ настоящемъ 1891/2 уч. году. Въ осеннемъ семестрѣ читаются: по исторіи литературы—общій курсъ исторіи зап.-европейской литературы пр.-доц. П. И. Вейнбергомъ (3 ч.), спеціальные—практическія упражненія по зап.-евр. литературѣ (2 ч.) и чтеніе итальянскихъ авторовъ (2 ч.) пр. А. Н. Веселовскимъ, франц. литература 16 вѣка—пр.-доц. Ѳ. Д. Батюшковымъ (1 ч.) и исторія зап.-европейской литературы XIV и XV вв. пр.-доц. Р. О. Ланге (2 ч.), всего 10 часовъ, а безъ практическихъ упражненій и чтенія авторовъ—6 часовъ; по филологіи: историческая грамматика итальянскаго языка пр. А. Н. Веселовскимъ (2 ч.), старо-французскій языкъ (2 ч.) и введеніе въ романскую филологію (2 ч.) пр.-доц. Батюшковымъ, введеніе въ германскую филологію (2 ч.), готскій языкъ (1 ч.) и историческая грамматика нѣмецкаго языка (2 ч.) прив.-доц. Ѳ. А. Брауномъ и историческая грамматика англійскаго языка пр.-доц. Ланге (2 ч.), всего 13 часовъ. Въ весеннемъ семестрѣ предположено читать: по исторіи литературы: общій курсъ исторіи зап.-евр. литературы пр.-доц. П. И. Вейнбергомъ (3 ч.) и спеціальные—исторія франц. литературы 19-го вѣка имъ же (1 ч.), практическія упражненія по зап.-евр. литературѣ (2 ч.) и чтеніе итальянскихъ авторовъ (2 ч.) пр. А. Н. Веселовскимъ, чтеніе франц. авторовъ 16 вѣка (2 ч.) и франц. литература 16 в. (1 ч.) пр.-доц. Батюшковымъ, практическія упражненія по исторіи нѣм. литературы пр.-доц. Брауномъ (1 ч.) и исторія зап.-евр. литературы 14 и 16 вв. пр.-доц. Ланге (2 ч.), всего 14 часовъ, а безъ практическихъ упражненій и чтенія авторовъ 7 часовъ; по филологіи: провансальскій языкъ пр. А. Н. Веселовскимъ (2 ч.), сравнительная грамматика романскихъ нарѣчій пр.-доц. Батюшковымъ (2 ч.), сравнительная грамматика германскихъ нарѣчій (2 ч.) и историческая грамматика нѣмецкаго языка (2 ч.) пр.-доц. Брауномъ и историческая грамматика англійскаго языка пр.-доц. Ланге (2 ч.), всего 10 часовъ. Изъ этого перечня не трудно видѣть, что и въ университетскомъ пре-

[1]) Параллельное этому явленіе имѣется и въ изученіи исторіи русской литературы, гдѣ систематическое изложеніе прерывается на Жуковскомъ и Батюшковѣ и затѣмъ только прибавляется: „сверхъ того испытуемый долженъ выказать знакомство съ произведеніями Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова и Гоголя“. Но такое знакомство и дается и требуется еще въ гимназіи, университетскія же требованія, намъ кажется, должны быть нѣсколько шире.

подаванiи исторія западно-европейскихъ литературъ получаетъ главнымъ образомъ филологическую постановку.

Магистерскіе экзамены въ Петербургскомъ университетѣ въ 1891 г.

Въ петербургскомъ университетѣ держали магистерскій экзаменъ по всеобщей исторiи послѣ 1 янв. 1891 г. слѣдующія лица: Н. М. Бубновъ (нынѣ докторъ вс. ист. и проф. кіевскаго университета), А. Вороновъ (по рус. ист.), Х. М. Лопаревъ (по вс. ист.), А. И. Покровскій (по вс. ист.), С. М. Середонинъ (по рус. ист.), Е. А. Соловьевъ (по вс. ист.). Изъ нихъ, кромѣ г. Бубнова, уже защитившаго магистерскую свою диссертацію, за которую факультетомъ ему дано было прямо докторство, готовая диссертація имѣется только у одного г. Середонина (Сочиненія Джильса Флетчера „On the russe common wealth", какъ историческій источникъ).

Оставленные при петербургскомъ университетѣ въ 1891 г.

Осенью 1891 г. оставлено было при петербургскомъ университетѣ для приготовленія къ магистерскому званію по историко-филологическому факультету нѣсколько лицъ, изъ коихъ три историка, одинъ—по русской исторіи (Сергѣй Васильевичъ Рождественскій), два другіе по всеобщей (Эрвинъ Давидовичъ Гриммъ и Вильгельмъ Богдановичъ Каттерфельдъ). Сообщаемъ краткія о нихъ свѣдѣнія.

С. В. Рождественскій род. въ 1868 г., учился въ гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1887 г.; въ томъ же году поступилъ на ист.-фил. фак. петербургскаго университета и послѣдніе два года провелъ на историческомъ его отдѣленіи; окончилъ курсъ въ 1891 г. Кромѣ того, будучи на 2 к., посѣщалъ вечернія занятія по палеографіи въ Археологическомъ институтѣ. Въ „Ж. М. Нар. Просв." (май 1891 г.) помѣщена статья г. Рождественскаго подъ заглавіемъ „Свѣдѣнія о Россіи въ историческомъ сборникѣ Theatrum Europaeum".

Вильгельмъ Богдановичъ Каттерфельдъ родился въ 1869 г. въ Ярославлѣ; въ 1879 г. поступилъ въ мѣстную гимназію, по окончаніи курса въ которой въ 1887 г. перешелъ на историко-филологическій факультетъ Петербургскаго Университета. Въ нынѣшнемъ 1891 г., г. К. выдержалъ испытаніе въ историко-филологической коммиссіи, теперь состоитъ преподавателемъ 7-й гимназіи въ Петербургѣ, а въ

октябрѣ былъ оставленъ при университетѣ по каѳедрѣ всеобщей исторіи. До сихъ поръ занимался преимущественно исторіей XVIII в.

Эрвинъ Давидовичъ Гриммъ родился въ 1870 г., въ 1879 г. поступилъ въ частную гимназію К. И. Мая, окончивши которую въ 1887 году, онъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Петербургскаго университета; государственный экзаменъ сдалъ въ маѣ 1891 г. и въ сентябрѣ того же года былъ оставленъ при университетѣ по каѳедрѣ всеобщей исторіи; думаетъ заниматься преимущественно новой исторіей.

Вступительныя лекціи по исторіи.

21-го марта и 12-го апрѣля 1891 г. магистрантомъ Р. Ю. Випперомъ были прочитаны двѣ пробныя лекціи для пріобрѣтенія права приватъ-доцентуры.

Темой для первой лекторъ избралъ: „*Государственныя идеи Штейна*" (прусскаго министра). Лекторъ поставилъ себѣ цѣлью показать вліяніе новаго принципа національнаго государства, выдвинутаго французской революціей, на развитіе политическихъ воззрѣній одного изъ консервативнѣйшихъ умовъ Германіи въ переходную эпоху крушенія старой имперіи и освободительныхъ войнъ. Въ первоначальныхъ воззрѣніяхъ Штейна, столь расходившихся съ основными теченіями XVIII в., онъ отмѣтилъ чисто политическое направленіе и отсутствіе идей соціальной реформы, какъ ее понимали въ концѣ прошлаго вѣка. Съ идеей общественной самодѣятельности и самоуправленія (по образцу Англіи) у Штейна соединяется позднѣе вліяніе прусской государственной школы, уже тронутой просвѣщеніемъ XVIII в. отсюда у него представленіе о всемогущемъ государствѣ, въ которомъ живая дѣятельная власть опирается на общественное содѣйствіе. Отъ этого идеала и логически, и исторически подъ давленіемъ тяжелыхъ для національной жизни событій и подъ вліяніемъ примѣра революціонной Франціи, а съ другой стороны Испаніи и Россіи, пришелъ Штейнъ къ програмѣ національной политики, въ которой представители власти являются лишь орудіями верховной національной воли. Такимъ образомъ создается у него тѣсное сплетеніе тенденцій національныхъ и конституціонныхъ.

Тема второй лекціи (по назначенію факультета) была: *программа французской буржуазіи въ Генеральныхъ Штатахъ XIV в.* Лекторъ началъ съ разбора мнѣній современныхъ историковъ, (Pico, Desjardins), въ которыхъ онъ отмѣтилъ преувеличенный взглядъ на политическія тенденціи третьяго сословія и оригинальность его програмы въ рево-

люціонную эпоху 1355—8 гг. Для того, чтобы оріентироваться въ этой программѣ онъ разсмотрѣлъ политическую подготовку, которую буржуазія прошла до кризиса, а съ другой стороны, ея требованія въ началѣ XV в. послѣ администраціи Карла V. Въ результатѣ изученія самой программы буржуазіи въ революціонную эпоху, при помощи этихъ сравненій, оказалось возможнымъ установить слѣдующее: буржуазія въ XIV в. не представляетъ еще компактной, одушевленной однородными тенденціями массы; политическія стремленія слабы въ ея средѣ и, быть можетъ, стоятъ въ связи съ отживающимъ коммунальнымъ движеніемъ; рядомъ съ административной реформой, въ которой буржуазія отчасти руководится школой монархіи, выдвигается соціальная реформа. На почвѣ этихъ послѣднихъ и создается сближеніе третьяго сословія съ монархіей, скрѣпляющееся въ сущности именно съ этой эпохи.

— Лекція назначеннаго въ дерптскій университетъ на каѳедру русской исторіи проф. Е. Ф. Шмурло состоялась 5-го сентября въ актовой залѣ университета. Темой лекціи было „опредѣленіе отношеній русской исторіи ко всеобщей". Вотъ вкратцѣ содержаніе этой лекціи:

„Недалеко то время, когда подъ исторіей охотнѣе понимали исторію политическую, выдвигали событія внѣшней жизни и почти исключительно останавливались на дѣятельности правительственной машины. Другой взглядъ, которому принадлежитъ несомнѣнное будущее, цѣнитъ въ исторіи прежде всего исторію общества, его учрежденій, послѣдовательную смѣну идей. Поэтому исторія перестаетъ рисоваться въ видѣ тѣхъ суздальскихъ картинъ, гдѣ громадная армія, едва видимая глазу, копошится у копытъ боеваго коня, на которомъ сидитъ несоразмѣрно великій главнокомандующій. Если мысль о жизни „толпы" сама собою приходитъ на умъ теперь, въ XIX в., когда постоянно наблюдаешь движенія народныхъ массъ, подъемъ народнаго духа, пробужденіе національнаго самодостоинства и т. п. то „толпа" жила и много раньше. Ришелье, Людовикъ XIV, Петръ Великій, Фридрихъ II—это дѣти своего вѣка, выразившія его желанія и нужды. Ихъ дѣятельность—не переворотъ, а исполненіе исторической задачи. Вышесказанное не даетъ еще однако права пренебрегать исторіей внѣшней; ибо и личность, война или сношенія дипломатическія суть также отраженія, подчасъ даже наиболѣе яркія—человѣческой жизни. Въ сущности и „внѣшняя", и „внутренняя" исторіи не изображаютъ еще самую жизнь, а лишь одни ея проявленія; и если мы подчеркиваемъ необходимость изученія внутреннихъ явленій прошлаго, то потому что въ исторической литературѣ еще нѣтъ недостатка въ исключительномъ предпочтеніи внѣшней.

Передъ историкомъ нынѣ особенно выпукло рисуется многообразіе

факторовъ, изъ коихъ слагается исторія. Природа, раса, языкъ, религія, условія экономическія, правовыя и т. д. не только оцѣниваются нынѣ иначе, но и проявленіе ихъ въ жизни общества изучается въ неразрывномъ цѣломъ, въ совокупномъ взаимодѣйствіи. Большимъ шагомъ впередъ было приложеніе къ явленіямъ историческимъ методовъ и пріемовъ, выработанныхъ на почвѣ естествознанія. Идея развитія лежитъ въ основѣ серьезныхъ историческихъ трудовъ нашего времени. Такимъ образомъ, исторія становится изученіемъ дѣятельности человѣка во всей полнотѣ его соціальной жизни; исторія имѣетъ дѣло съ цѣльнымъ, стройнымъ организмомъ, жизнь котораго есть развитіе, постоянное видоизмѣненіе.

Но глубина не исключаетъ ширины изученія прошлаго. Жизнь народовъ не останавливается у границы территоріальной или племенной. Любая народность что-нибудь да заимствуетъ у другой или въ свою очередь воздѣйствуетъ на нее. Это духовное общеніе продолжается даже и послѣ политической смерти народа. Поэтому въ сущности только одна есть исторія—исторія человѣческаго рода, и неправильно дѣлить народы на историческіе и неисторическіе.

Какъ въ солнечной системѣ каждая планета выполняетъ двѣ функціи: вмѣстѣ съ солнцемъ мчится къ созвѣздію Геркулеса и въ то же время имѣетъ свою орбиту, такъ и любая народность—а, значитъ, и Россія—участвуетъ въ міровой жизни и вырабатываетъ, кромѣ того, національную исторію. Поэтому изученіе русской исторіи должно вестись съ точки зрѣнія ея аналогій и отличій отъ исторіи всеобщей.

Въ числѣ первыхъ можно отмѣтить: единство расы и религіи (христіанской); одновременность выступленія славянскаго и германскаго племенъ на историческое поприще; значеніе Византіи для восточной Европы, аналогичное съ значеніемъ Рима для западной; правовые и государственные идеалы, выработанные на римской почвѣ и переданные новымъ народамъ (сводъ Юстиніана, всемірная монархія и пр.); феодализмъ и удѣльно-вѣчевой порядокъ, какъ выраженія одной и той же стадіи въ развитіи государства; начало XVI столѣтія, какъ общая пора для перехода отъ „Среднихъ“ къ „Новымъ“ вѣкамъ; образованіе абсолютныхъ монархій (абсолютизмъ XVII-го вѣка и просвѣщенный абсолютизмъ XVIII-го); жизненность вопросовъ экономическихъ для нашего времени; вліяніе французской революціи, сказавшееся, главнымъ образомъ, въ распространеніи идей: демократической, конституціонной и національной.

Наиболѣе вліятельными факторами, обусловившими отличія русской исторіи, были: характеръ страны, строй экономическій, вліяніе греко-византійскихъ началъ, начало общинности, взаимныя отношенія

церкви и государства, условія, при какихъ возникло Русское государство и которыя отразились, между прочимъ, на своеобразныхъ чертахъ удѣльно-вѣчеваго періода, на отношеніяхъ населенія къ верховной власти и на самомъ ростѣ самодержавія русскихъ государей. Реформа Петра Великаго, по своему характеру и размѣрамъ также не находитъ себѣ аналогіи въ исторіи другихъ народовъ, а потому и въ ходѣ умственнаго развитія русскаго общества XVIII и XIX столѣтій неизбѣжно найдутся свои отличительныя свойства. Несходство замѣчается и въ отношеніяхъ Россіи къ Азіи, въ идеѣ „Третьяго Рима" и въ такъ называемомъ Восточномъ вопросѣ.

— 4 Сентября кандидатъ Историко-филологическаго факультета В. А. Мякотинъ читалъ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ вступительную лекцію въ курсъ новой русской исторіи. Указавъ на то, что періодъ новой исторіи Россіи начинаютъ обыкновенно съ эпохи Петра Великаго, онъ посвятилъ свою лекцію общей характеристикѣ этой эпохи и взглядовъ на нее, вырабатывавшихся въ обществѣ и ученой литературѣ. Въ жизни народовъ бываютъ такія эпохи, когда происходитъ смѣна изжитаго направленія, стараго міровоззрѣнія новымъ, смѣна, сопровождающаяся сильной борьбой. Именно такую борьбу за направленіе представляетъ собой время Петра и эта раздвоенность, борьба старыхъ началъ съ новыми ясно сказывается въ тогдашней литературѣ, наиболѣе полно отражающей жизненныя стремленія. Русскіе литературные дѣятели того времени рѣзко распадаются на двѣ партіи: защитниковъ новизны и противниковъ ея, и въ ихъ же сочиненіяхъ вскрывается смыслъ этой новизны, заключающейся въ сближеніи съ Западомъ. Самое это сближеніе и борьба изъ-за него пріобрѣтаютъ особенный характеръ благодаря дѣятельной роли, какую играетъ во всемъ этомъ правительство, стоящее во главѣ партіи реформы. Таковы были наиболѣе существенныя черты Петровскаго времени и, отмѣтивъ ихъ, лекторъ перешелъ къ изложенію тѣхъ взглядовъ, какіе на это время составились. Первоначально они сводились къ объясненію реформы изъ одной личной воли преобразователя, изъ его единичнаго сознанія, за которымъ путемъ механической силы принуждено было слѣдовать все общество, причемъ та и другое противополагались предшествовавшему состоянію общества, какъ нѣчто, совершенно его отрицавшее. Такъ смотрѣли на реформу ея современники и ближайшіе потомки и вся разница во взглядахъ заключалась въ томъ. что одни изъ нихъ были безусловными приверженцами реформы и преобразователя, другіе—врагами. Этотъ взглядъ подвергся видоизмѣненію лишь во второй половинѣ 18-го вѣка, когда подъ вліяніемъ болѣе безпристрастной критики съ одной стороны, національной гордости—съ другой, въ дѣятельности Петра и его пра-

вительства стали находить ошибки и увлеченія, въ московскомъ обществѣ не однѣ темныя стороны, но свѣтлыя. Однако и теперь преобразователь и окружавшее его общество понимались какъ различныя силы, правительство считалось единственнымъ активнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ реформы и само концентрировалось въ личности царя, только эта личность стала принимать болѣе человѣческій обликъ. Возникшая около того же времени научная обработка исторіи также обратила свое вниманіе на время Петра, но при слабости науки не она вносила руководящіе взгляды въ жизнь общества, а наоборотъ изъ ходячихъ въ послѣднемъ воззрѣній она почерпала себѣ указанія и сообразно имъ формировала свой матеріалъ. Поэтому труды русскихъ историковъ по Петровской эпохѣ отъ Щербатова и Болтина до Устрялова включительно отражаютъ лишь въ себѣ создавшіеся уже въ обществѣ взгляды и вся ихъ заслуга заключается въ разработкѣ фактической исторіи и внесеніи этимъ путемъ новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ фактовъ въ обиходъ общественнаго мышленія. Оригинальныя по формѣ, если, не по сущности своей точки зрѣнія на Петровскую реформу были установлены въ спорѣ славянофиловъ съ западниками. Но и положенія обѣихъ этихъ школъ почерпались по преимуществу не изъ изученія исторіи даннаго времени, а являлись отраженіемъ философскихъ увлеченій, охватившихъ тогдашнее русское интеллигентное общество. Оба ученія представляютъ собою чисто абстрактныя схемы развитія въ цѣломъ своемъ видѣ; поскольку же они относятся къ реформѣ Петра, въ нихъ проявляется все та же старая вѣра въ неограниченное могущество личности. Апріорность обѣихъ школъ, вынуждавшая у нихъ оговорки каждый разъ, какъ онѣ сходили на почву реальныхъ фактовъ, была очень сильна, но тѣмъ не менѣе ихъ литературный споръ не остался безъ положительнаго вліянія на изученіе вопроса, выяснивъ до нѣкоторой степени участіе общества и народа въ дѣлѣ преобразованія. Научная точка зрѣнія на Петровскую реформу впервые была установлена С. М. Соловьевымъ, указавшимъ на преемственность явленій 17 и 18 вѣка. Самъ Соловьевъ не вполнѣ освободился еще отъ старыхъ взглядовъ, самъ онъ болѣе стремился указать эту преемственность въ образованіи той или другой оригинальной черты фигуры Петра, чѣмъ въ ходѣ внутреннихъ процессовъ народной жизни. Но установленная имъ точка зрѣнія—примѣненіе къ Петровской эпохѣ историческаго закона преемственности явленій, пониманіе ея въ связи съ прошлымъ Московскаго государства—получила полное право гражданства въ наукѣ и въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ была примѣнена къ важнѣйшимъ вопросамъ государственной и общественной жизни. Благодаря этому является возможность установить правильный взглядъ на реформу Петра и зна-

ченіе ея въ исторіи Россіи и представить 18-й вѣкъ въ послѣдней не въ видѣ отдѣльныхъ фактовъ и событій, а въ видѣ постепеннаго развитія основныхъ процессовъ общественнаго быта.

— 9-го ноября, въ залѣ торжественныхъ собраній спб. духовной академіи, въ присутствіи всей корпораціи профессоровъ и студентовъ академіи читалъ пробную лекцію (pro venia legendi) преподаватель виленской духовной семинаріи П. И. Жуковичъ, приглашенный совѣтомъ академіи для занятія профессорской каѳедры по русской гражданской исторіи, оставшейся вакантной по смерти заслуженнаго ординарнаго профессора М. О. Кояловича. По выслушаніи лекціи совѣтъ академіи призналъ г. Жуковича достойнымъ занятія профессорской каѳедры и постановилъ ходатайствовать предъ св. синодомъ объ утвержденіи его въ должности профессора по русской гражданской исторіи. Г. Жуковичъ извѣстенъ въ ученой литературѣ, какъ авторъ книги „Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени“ (Спб. 1883), посвященной исторіи реформаціи и католической реакціи въ Польшѣ.

Историческіе диспуты.

15-го марта, въ часъ дня, въ залѣ торжественныхъ собраній Университета св. Владиміра состоялась публичная защита г. Павловскимъ диссертаціи „Живопись Палатинской капеллы въ Палермо“, представленной для полученія степени магистра исторіи и теоріи искусствъ. Оффиціальными оппонентами были назначены профессоръ Праховъ и приватъ-доцентъ Павлуцкій. Въ качествѣ неоффиціальнаго оппонента выступилъ приватъ-доцентъ кіевской Духовной Академіи Дмитріевскій.

Въ своей вступительной рѣчи г. Павловскій коснулся вопроса о значеніи Палатинской капеллы въ исторіи византійскаго искусства и высказалъ свой взглядъ на характеръ послѣдняго. Г. Павловскій не раздѣляетъ общепринятаго мнѣнія о безжизненности византійскаго искусства, мнѣнія, которое, по словамъ диспутанта, возникло подъ вліяніемъ постановленій Никейскаго собора, окончательно дефинировавшаго основные типы иконографіи. Религіозный характеръ средне-вѣковой жизни Византіи всецѣло отразился на произведеніяхъ византійской живописи, содержаніемъ которой служили апокрифическія сказанія. Византійское искусство не было понятно западу, въ художественномъ отношеніи шедшему совершенно по иному пути. Единственно, что могъ оцѣнить Западъ въ византійскомъ искусствѣ—это богатую декоративную сторону послѣдняго, представляющую цѣлую гамму красокъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія законовъ композиціи и правилъ размѣщенія красокъ въ византійскомъ искусствѣ служитъ мозаика, прекрасно сохранившаяся въ Палатинской капеллѣ въ Палермо, основанной въ 1143 г. норманскимъ княземъ Рожеромъ II. Въ живописи Палатинской капеллы, представляющей въ рядѣ изображеній исторію событій ветхаго и новаго завѣта, авторъ различаетъ два самостоятельныхъ элемента, именно стѣнную мозаику, всецѣло относящуюся къ сферѣ византійскаго искусства, и живопись потолка, являющуюся продуктомъ арабскаго творчества. Задачей своего изслѣдованія о Палатинской капеллѣ авторъ ставитъ выясненіе руководящей идеи и принциповъ росписи этого храма, изученіе котораго представляется тѣмъ интереснѣе, что иконографическія композиціи Палатинской капеллы относятся къ тому періоду въ развитіи византійскаго искусства, когда послѣднее переносится на русскую почву. Сравненіе Палатинской капеллы съ другими однородными памятниками искусства XII в. авторъ считаетъ задачей крайне сложной и недоступной ему вслѣдствіе отсутствія спеціальнаго образованія. „И въ настоящей работѣ, говорилъ авторъ, сдѣлано много такихъ промаховъ, какихъ, безъ сомнѣнія, не сдѣлалъ бы семинаристъ, спеціально знакомый съ византійскимъ искусствомъ". Въ заключеніе рѣчи диспутантъ выразилъ благодарность г. Прахову, какъ своему учителю, руководившему имъ въ теоретич. занятіяхъ искусствомъ.

Профессоръ Праховъ, указавъ на удачное примѣненіе авторомъ въ его работѣ аналитическаго и синтетическаго пріемовъ изслѣдованія, какъ на одно изъ выдающихся достоинствъ разбираемой диссертаціи, остановился на тѣхъ сторонахъ изученія Палатинской капеллы, которыя или совсѣмъ не затронуты г. Павловскимъ въ его изслѣдованіи, или недостаточно освѣщены, но которыя представляютъ значительный интересъ въ особенности по отношенію къ русскому искусству. „Кіевъ, говорилъ г. Праховъ, неравнодушенъ къ памятникамъ византійскаго искусства XII в.—времени, когда византійское вліяніе упрочилось у насъ. XII вѣкъ—начало нашей національной жизни въ духовно-религіозномъ отношеніи, какъ свидѣтельствуютъ о томъ памятники народной поэзіи и искусства. Русскія церкви XII в. изгоняютъ у себя греческія надписи и оставляютъ лишь русскія монограммы. Въ кіево-софійскомъ соборѣ, основанномъ между 1037 и *1045 годомъ, когда совершилось раздѣленіе церквей Западной и Восточной,* еще замѣчается смѣшеніе греческихъ и русскихъ реченій. Но самая важная надпись, надпись на стѣнѣ запрестольника „примите и ядите" уже написана по-русски. Въ памятникѣ 1140—1179 г., въ Кирилловской церкви, основанной Всеволодомъ II Ольговичемъ,

существуютъ лишь русскія надписи; то же наблюдаемъ и въ Спасѣ Новгородскомъ и въ др.

„Основаніе Палат. капеллы въ 1143 г. норманскимъ княземъ, продолжалъ г. Праховъ, современно вышеприведеннымъ русскимъ памятникамъ. Норманъ, завоевавшій Сицилію, находится подъ двойнымъ вліяніемъ: византійскимъ и арабскимъ; то и другое сказывается въ Палат. капеллѣ. Мы, русскіе, не имѣемъ для XII вѣка чистыхъ памятниковъ визант. искусства, но имѣемъ аггломераты. Группу такихъ однородныхъ аггломератовъ представляютъ Чефалу, Монреале, соборъ св. Марка въ Венеціи, Гелатскій монастырь въ Имеретіи и, наконецъ, Палат. капелла въ Палермо. Сравненіе этихъ аггломератовъ между собой пролило бы много свѣта на уясненіе характерныхъ особенностей визант. искусства XII вѣка. На эту сторону дѣла г. Павловскимъ мало обращено вниманія. Переходя къ вопросу о троякаго рода надписяхъ въ Палат. капеллѣ, греческихъ, латинскихъ и арабскихъ, г. Праховъ замѣтилъ, что греческія и латинскія стоятъ вмѣстѣ, а арабскія—особнякомъ, что тѣ и другія не имѣютъ хронологическихъ датъ и что надписи на важнѣйшихъ мѣстахъ мозаики представляютъ рифмованные стихи, напоминающіе, по своей грубости, русскія вирши. Это обстоятельство, по словамъ г. Прахова, имѣетъ особенную важность: если эти стихи относятся къ XII вѣку, что весьма вѣроятно, то мы имѣемъ древнѣйшіе образцы такъ наз. новолатинской поэзіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказательство значительнаго присутствія въ Палат. капеллѣ третьяго художественнаго элемента — западнаго; присутствіе этого элемента особенно сказывается въ изображеніяхъ апостола Петра, безусловно отразившихъ на себѣ вліяніе папскихъ доктринъ, обнаружившихся уже во время раздѣленія церквей. Вопросъ о западномъ вліяніи на живопись Палат. капеллы почти совершенно игнорируется г. Павловскимъ.

Далѣе, въ работѣ г. Павловскаго нѣтъ отвѣта на интересный съ психологической точки зрѣнія вопросъ о соединеніи въ капеллѣ живописи арабской съ византійской, которое, конечно, обусловливалось не религіознымъ чувствомъ. Примѣры такого соединенія арабской и византійской живописи г. Прахову, по его словамъ, приходилось наблюдать лично въ Абиссинскомъ монастырѣ и въ Омаровой мечети въ Іерусалимѣ, и въ Коптскомъ монастырѣ въ Каирѣ. Въ продолжительной рѣчи г. Праховъ пытался установить связь между эллинскимъ и византійскимъ искусствомъ и дефинировать послѣднее, какъ олицетвореніе Божества въ эллинскомъ искусствѣ. При этомъ былъ сдѣланъ обстоятельный очеркъ развитія греческой колонизаціи. Въ заключеніе рѣчи г. Праховъ замѣтилъ, что диссертація г. Павловскаго носитъ характеръ естественно-историческаго очерка, а не художе-

ственно - историческаго, какимъ должна быть она по существу своему. Причина этого та, что г. Павловскій „самъ не испыталъ того восторга, какимъ непремѣнно проникся бы при видѣ Палат. капеллы".

Г. Павлуцкій въ своихъ возраженіяхъ указалъ прежде всего на неточность заглавія книги „Живопись Палатинской капеллы въ Палермо", обѣщающаго гораздо болѣе содержанія, нежели даетъ его книга, посвященная на самомъ дѣлѣ исключительно разсмотрѣнію *мозаичной* живописи капеллы, что книга издана не такъ изящно, какъ слѣдовало бы въ виду ея художественнаго интереса, что помѣщенные въ книгѣ рисунки сдѣланы очень неудачно, что, наконецъ, въ книгѣ нѣтъ обзора и характеристики источниковъ, которыми диспутантъ пользовался для составленія своей диссертаціи. На серьезныя возраженія г. Павлуцкаго относительно орнаментики Палат. капеллы диспутантъ заявилъ, что знакомство съ орнаментикой составляетъ слабую сторону его образованія.

Весьма существенныя возраженія диспутанту были сдѣланы г. Дмитріевскимъ. Какъ на основной недостатокъ всего изслѣдованія, онъ указалъ на то обстоятельство, что г. Павловскій ознакомился съ описываемымъ имъ памятникомъ искусства не лично, а на основаніи снимковъ, произведенныхъ пенсіонерами Академіи Художествъ гг. Померанцевымъ и Чагинымъ, а также и на то, что во многихъ случаяхъ характеристику стиля, техники и орнамента мозаики Палат. капеллы диспутантъ беретъ цѣликомъ изъ соч. Кондакова „Исторія визант. искусства по миньятюрамъ греческихъ рукописей". Кромѣ того, г. Павловскій въ своемъ трудѣ обнаруживаетъ полное незнакомство съ богословско-литургической литературой. Такъ, напр., Софроній—дѣятель VII в. смѣшанъ имъ съ Софроніемъ Ш, литургистомъ, жившимъ отъ 1288 до 1334 года и заимствовавшимъ свой толковательный трудъ о храмѣ изъ сочиненія Ѳеодора Андидскаго—дѣятеля XII вѣка,—которому принадлежитъ символическое объясненіе храма, какъ цѣлаго, и его отдѣльныхъ частей. Софроній VII вѣка, которому г. Павловскій приписываетъ упомянутое сочиненіе Софронія XIII вѣка, не могъ быть послѣдователемъ Ѳеодора Андидскаго, жившаго въ XII вѣкѣ. Оппонентъ при этомъ замѣтилъ, что указанные промахи не принадлежатъ г. Павловскому, а взяты изъ книги проф. Кондакова „Путешествіе на Синай" и даже съ опечатками. Такъ, напримѣръ, на стр. 45-й г. Павловскій удержалъ двѣ крупныя ошибки оригинала: 1) годы дѣятельности Софронія I, въ качествѣ іерусалимскаго патріарха, отнесены къ періоду времени между 629 и 638 гг., тогда какъ въ дѣйствительности они относятся ко времени между 634 и 644 гг.; 2) годы дѣятельности архіепископа константинопольскаго Германа отнесены къ періоду 715 — 740 гг., тогда какъ они

относятся къ періоду 715—730 гг. Далѣе оппонентъ указалъ на то, что г. Павловскій находится въ противорѣчіи съ самимъ собою, утверждая, что арабское вліяніе сказалось только въ живописи потолка капеллы, тогда какъ роспись самого храма всецѣло носитъ характеръ византійскій. На стр. 93 и 100 авторъ самъ опровергаетъ свое основное положеніе, замѣчая, что „въ мозаикѣ, подъ текстомъ: Исаакъ благословляетъ Іакова, сына своего, мы находимъ, однако, въ одеждѣ Ревекки и Іакова нѣчто, чуждое чистому византинизму, выдающее мѣсторожденіе художника, исполнявшаго эту картину. Особенное вниманіе наше обращаетъ тутъ головной уборъ Іакова мавританскаго характера" (стр. 93) и что на картинѣ, изображающей Рождество Христово „головы Саломеи и ея помощницы закутаны въ повязки, мавританскаго характера, встрѣчающіяся совершенно тождественными только въ Марторанѣ" (стр. 100). Такимъ образомъ, по собственному сознанію автора, и на стѣнной живописи капеллы замѣчается арабское вліяніе. Что касается головного убора Ревекки и Саломеи, то, по замѣчанію г. Дмитріевскаго, ничего общаго съ мавританскими повязками онъ не имѣетъ. Арабы не надѣвали чалмы на женщинъ. Головной уборъ Ревекки, признаваемый авторомъ за мавританскій, является не чѣмъ инымъ, какъ еврейскимъ, и понынѣ встрѣчается на Востокѣ, у іерусалимскихъ евреевъ.

Затянувшееся время диспута не позволило г. Дмитріевскому представить возраженій касательно другихъ сторонъ труда г. Павловскаго. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія членовъ факультета г. Павловскій былъ удостоенъ степени магистра исторіи и теоріи искусствъ.

— 19 мая 1891 г. въ петербургскомъ университетѣ происходилъ магистерскій диспутъ канд. Н. М. Бубнова, представившаго въ видѣ диссертаціи трехтомный трудъ подъ заглавіемъ „Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ". Диспутъ начался рѣчью Н. М. Бубнова, въ которой онъ высказалъ, приблизительно, слѣдующія мысли. Прежде всего заявилъ, что работа его значительно отступила отъ того первоначальнаго плана, съ которымъ онъ приступилъ къ собиранію матеріала для нея. Въ началѣ задачей его было изобразить исторію второй половины X вѣка, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, Герберта, какъ личность, проникавшую почти во всѣ жизненныя отношенія того времени. А X вѣкъ—вѣкъ крупныхъ политическихъ трансформацій и эпоха пробужденія интереса къ наукѣ. Достаточно сказать, что въ этомъ столѣтіи Франція становится политико-національнымъ цѣлымъ, Германія дѣлается имперіей и связываетъ свою судьбу съ Италіей, во Франціи проявляется небывалая оппозиція папской власти, начинается рѣшительный антагонизмъ меж-

ду Франціей и Германіей, и послѣдняя вступаетъ въ фазисъ отчаяннаго „Drang nach Osten". Кажется, довольно и общаго и спеціальнаго интереса для того, чтобы взяться русскому историку за разрѣшеніе намѣченной задачи. Но степень трудности осуществленія исторической задачи въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ состоянія источниковъ; а въ данномъ случаѣ оказалось, что главнѣйшій источникъ для исторіи X вѣка—письма Герберта—совсѣмъ не разъясненъ, не понятъ, и раньше чѣмъ извлекать изъ него какія-нибудь фактическія данныя, надо установить, въ какомъ порядкѣ времени идутъ его письма. Ошибка издателей писемъ до Havet заключалась, именно, въ томъ, что они предполагали, будто письма собраны какими-то коллекціонерами, столѣтіе спустя послѣ смерти Герберта разъѣзжавшими по Европѣ съ цѣлью ихъ собиранія. Но, руководясь апріорнымъ соображеніемъ, Н. М. Бубновъ пришелъ къ предположенію о существованіи черновой тетради Герберта, на основаніи которой составлены всѣ рукописные codex'ы писемъ и главной цѣлью работы поставилъ обосновать историческими фактами свою гипотезу. Повидимому, эта задача удалась, такъ какъ Havet, выпустившій свое изданіе писемъ Герберта въ 1889 году, пришелъ самостоятельно къ тѣмъ же выводамъ, какіе изложены г. Бубновымъ въ первой части труда, появившейся въ 1888 году. Но трехтомное изслѣдованіе г. Бубнова не ограничивается разъясненіемъ послѣдовательности писемъ Герберта: оно заключаетъ въ себѣ и изслѣдованіе другихъ источниковъ X вѣка, въ особенности Рихера, затѣмъ содержитъ изложеніе политической и церковной исторіи конца X столѣтія, причемъ много разъясняетъ въ отношеніи Германіи и Франціи при Оттонахъ II и III. Такимъ образомъ, г. Бубновъ старался показать, какъ естественнымъ путемъ первоначальная его задача значительно съузилась, но онъ утѣшалъ себя мыслію, что и работа въ томъ видѣ, въ какомъ она исполнена, рѣшаетъ нѣкоторые вопросы, пожалуй, окончательно, а къ разрѣшенію другихъ подготовляетъ путь.

По окончаніи рѣчи диспутанта сталъ говорить проф. В. Г. Васильевскій. Свои замѣчанія профессоръ началъ съ того, что указалъ на экстраординарность труда Н. М. Бубнова, труда, который и по объему и, въ особенности, по тщательности и талантливости работы представляетъ рѣдкое явленіе въ ряду русскихъ ученыхъ произведеній. Достоинство труда тѣмъ значительнѣе, что автору его пришлось приводить источники въ порядокъ, пришлось создавать фундаментъ: приступивъ къ изслѣдованію темы „Гербертъ и его время", темы, предложенной возражателемъ, г. Бубновъ нашелъ, что отвѣтъ на нее не можетъ быть данъ до тѣхъ поръ, пока не приведенъ въ надлежащій видъ основной источникъ, т.-е. сборникъ писемъ Герберта, который

въ изданіи Olleris, лучшемъ, какое было въ то время, представлялся г. Бубнову невозможнымъ для пользованія. Разъ сознавъ это, г. Бубновъ не остановился передъ трудностями работы надъ рукописями и, пріобрѣтя прекрасную палеографическую подготовку, блистательно обнаружившуюся въ разборѣ такъ называемыхъ Тироновыхъ знаковъ, довелъ дѣло до конца. Результатомъ работы въ этомъ направленіи была I-я часть изслѣдованія „Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ“ (1888 г.). Французскій ученый Havet, издатель писемъ Герберта, выпустившій свой трудъ на другой годъ послѣ выхода въ свѣтъ первой части работы г. Бубнова, приходитъ къ одинаковымъ съ нимъ выводамъ вполнѣ самостоятельно и тѣмъ доказываетъ истинность результатовъ изслѣдованія диссертанта. Но цѣнность всей работы г. Бубнова яснѣе видна изъ того, что даже такой первостепенный ученый, какъ Giesebrecht, въ своей Geschichte d. Kaiserzeit, дѣлаетъ ошибки въ изложеніи исторіи конца X вѣка вслѣдствіе того. что не имѣетъ настоящаго критерія для пользованія письмами Герберта, того критерія, который даетъ изслѣдованіе русскаго ученаго. Мало того, это изслѣдованіе очень важно и другими достоинствами: оно содержитъ прекрасную біографію Герберта и на ряду съ нею ясное и близкое къ истинѣ изображеніе политическихъ и церковныхъ отношеній Германіи, Франціи и Италіи въ концѣ X вѣка. Особенно интересна по новизнѣ и силѣ изображенія та часть біографіи Герберта, какая рисуетъ намъ этого замѣчательнаго дѣятеля до аббатства его въ Боббіо; здѣсь задачей первостепенной важности является вопросъ объ отношеніи учености Герберта къ арабской образованности и весьма любопытно, что въ этомъ вопросѣ диспутантъ, съ большою основательностью, выставляетъ положеніе, что Гербертъ ничего не заимствовалъ у арабовъ, а жилъ традиціями классической науки. Въ другомъ вопросѣ уже политической исторіи, въ вопросѣ объ избраніи Гугона Капета, авторъ предлагаетъ очень умное объясненіе этого факта, которое съ большой послѣдовательностью подкрѣпляется анализомъ цѣлаго ряда подробностей, сюда относящихся. Не менѣе важно и установленіе диссертантомъ правильной точки зрѣнія на реймское дѣло, въ которомъ, съ такой ясностью, какъ показалъ г. Бубновъ, обнаружилась оппозиція папству. Не входя въ детальную оцѣнку какъ отмѣченныхъ частей работы, такъ и ея всей, проф. Васильевскій замѣтилъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда автору приходится касаться фактическихъ мелочей, онъ умѣетъ придать имъ интересъ, связывая ихъ съ общими вопросами, никогда не удовлетворяясь констатированіемъ ихъ, но всегда стремясь или придти на основаніи ихъ къ общему выводу, или связать подробности съ крупными, важными фактами; это, конечно, большое достоинство—не растеряться въ мело-

чахъ: отсюда только и узнается крупный историческій талантъ. При большомъ критическомъ тактѣ, талантѣ обобщенія, г. Бубновъ проявилъ и художественное дарованіе, которое замѣтно выступаетъ въ умѣніи улавливать психологическія черты и строить, на основаніи ихъ, характеристики. Но при всѣхъ достоинствахъ работа диспутанта не свободна отъ нѣкоторыхъ, правда, второстепенныхъ, недостатковъ. Прежде всего, непонятно, для чего г. Бубновъ такъ усердно разбираетъ ошибочныя мнѣнія незначительныхъ ученыхъ, стремясь, повидимому, совсѣмъ погубить ихъ ученую репутацію; въ такомъ подробномъ разборѣ этихъ мнѣній нѣтъ необходимости потому, что ошибочность ихъ выводовъ видна прямо изъ сопоставленія съ положеніями диссертанта. Н. М. Бубновъ на это возразилъ, что онъ считалъ нужнымъ внимательный анализъ указанныхъ мнѣній потому, что на нѣкоторыя изъ нихъ ссылается Giesebrecht, а также и для того, чтобы избавить будущихъ изслѣдователей отъ необходимости къ нимъ возвращаться, ихъ провѣрять. Далѣе, проф. Васильевскій указалъ на то, что, если Гербертъ и увлекался имперской идеей, то, во всякомъ случаѣ, она не была преобладающей въ его міросозерцаніи и не всегда опредѣляла его образъ дѣйствій; такъ, нѣкоторые факты прямо противорѣчатъ этому утвержденію диссертанта, а другіе для своего объясненія вовсе не нуждаются въ такой гипотезѣ. Именно, письмо Герберта къ византійскимъ императорамъ Василію II и Константину VIII, въ которомъ онъ называетъ ихъ императорами „священной имперіи“, какъ будто идетъ въ разрѣзъ съ утвержденіемъ диспутанта, такъ какъ, если бы оно было вѣрно, то такое обращеніе не было бы возможно. Затѣмъ, приверженность Герберта къ Оттонамъ II и III вовсе не нуждается въ томъ объясненіи г. Бубновъ, по которому она вытекаетъ изъ желанія архіепископа видѣть Оттоновъ обладателями всего культурнаго міра, а проще можетъ быть объяснена желаніемъ Герберта сохранить за собою аббатство въ Боббіо.

На это г. Бубновъ замѣтилъ, что первый изъ приведенныхъ г. Васильовскимъ фактовъ не такъ противорѣчитъ защищаемой имъ теоріи, какъ это кажется возражателю: дѣло въ томъ, что письмо въ Византію было написано Гербертомъ не по личной иниціативѣ, а по просьбѣ Гугона, а потому должно было служить выраженіемъ не личныхъ мнѣній и вкусовъ архіепископа, а оффиціальныхъ отношеній и взглядовъ; второй же фактъ, опять-таки, проще толкуемый пр. Васильевскимъ, можетъ быть объясненъ и согласно воззрѣніямъ диссертанта. Продолжая возраженія, пр. Васильевскій отмѣтилъ ошибочность нѣкоторыхъ терминовъ, какими пользуется диспутантъ; такъ, онъ miles передаетъ обыкновенно выраженіемъ „солдатъ“ вмѣсто „рыцарь“, fidelis переводитъ „вѣрный“ вмѣсто „вассалъ“. Кромѣ этого, слабой стороной изложенія является

обыкновеніе диссертанта употреблять выраженія, взятыя изъ современнаго жизненнаго оборота и совсѣмъ неприложимыя къ жизни X вѣка; такъ, онъ совсѣмъ неудачно употребляетъ понятія: „государственный преступникъ", „престижъ", „котировать" и др.

Вторымъ оффиціальнымъ оппонентомъ былъ проф. Н. И. Карѣевъ [1]). Свои замѣчанія онъ началъ съ заявленія, что ему придется много говорить, такъ какъ трудъ Н. М. Бубнова обширенъ и этому труду очень много приписано. Недостатки диссертаціи г. Бубнова стоятъ въ связи съ ея сущностью, въ связи съ той задачей, какую она преслѣдуетъ. Эта задача—хронологическое размѣщеніе писемъ Герберта, и самъ диссертантъ считаетъ „однимъ изъ главныхъ тезисовъ" своего труда то положеніе, что „въ сборникѣ писемъ Герберта нѣтъ ни одного письма, которое было бы написано до назначенія Герберта аббатомъ Боббіо или послѣ его избранія въ архіепископы Равенны" (II, 895). Возражателю кажется особенно страннымъ то, что г. Бубновъ, думавшій написать сперва біографію Герберта въ связи съ исторіей его времени, заявляетъ, что „чѣмъ болѣе погружался онъ въ литературу предмета, тѣмъ менѣе симпатичной казалась ему его задача", и что онъ „не могъ противустоять необыкновенной привлекательности вопроса" о хронологическомъ распредѣленіи писемъ Герберта и т. п. Доказательству того, что письма въ сборникѣ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, посвящены обѣ части труда,—первая, разсматривающая „рукописи и редакціи сборника писемъ Герберта", и вторая, заключающая въ себѣ „хронологическій синтезъ данныхъ этой переписки", который, равнымъ образомъ, имѣетъ цѣлью подтвердить лежащую въ его основѣ хронологическую систему писемъ Герберта" и „не преслѣдуетъ собственно никакой другой цѣли", такъ что самъ авторъ называетъ лишь „побочными результатами изслѣдованія" новую группировку и освѣщеніе разныхъ фактовъ изъ политической и религіозной исторіи Франціи конца X вѣка. Таковъ общій характеръ труда диспутанта, признающаго, впрочемъ, что „въ немъ много деталей", которыя онъ самъ „выкинулъ бы, какъ вещь ненужную, если—бы писалъ политическую исторію Франціи въ концѣ X-го вѣка" (II, стр. XIII, 895, 942). Въ самомъ дѣлѣ, ради пріуроченія писемъ Герберта къ опредѣленнымъ датамъ, а иногда просто, какъ кажется оппоненту, безъ всякой нужды, г. Бубновъ загромождаетъ свою книгу массой лишнихъ эпизодовъ, иногда разсказами о событіяхъ, не получившихъ никакого историческаго значенія (II, 111, 125, 199, 329, 512 и др.), разнаго рода мелочами, не пропуская безъ подробнаго анализа ни

[1]) Ср. замѣчанія его на книгу г. Бубнова въ іюльской книжкѣ „Вѣстн. Европы".

одного почти письма, хотя бы, по собственнымъ словамъ диссертанта, такое письмо „по своему содержанію имѣло мало общаго съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ“ (II, 334), „не заключало въ себѣ никакихъ намековъ на какое-нибудь извѣстное историческое событіе“ (II, 335), хотя бы оно было написано неизвѣстно къ кому по поводу нападенія неизвѣстнаго лица на крестьянъ неизвѣстно гдѣ расположенной мѣстности и хотя бы неизвѣстнымъ осталось, каковъ былъ результатъ написанія этого письма (II, 557), причемъ обыкновенно разбираются всѣ мнѣнія, какія когда-либо и гдѣ-либо высказывались о датахъ, адресатахъ и испорченныхъ мѣстахъ отдѣльныхъ писемъ. Съ этой стороны, „пересчитывая до конца“ (вспомнимъ Шопенгауеровское различеніе между „ergründen“ и „zu Ende zählen“), диссертантъ совершенно исчерпываетъ предметъ и, какъ кажется оппоненту, даже хватаетъ черезъ край, дѣлая массу ни къ чему не нужныхъ мелкихъ предположеній (II, 538, 666 и др.). Н. М. Бубновъ, возражая проф. Карѣеву, замѣтилъ, что все сказанное до сихъ поръ оппонентомъ имѣетъ какъ будто бы цѣлью доказать съ несомнѣнностью, что главною задачей диссертанта было установленіе хронологической послѣдовательности писемъ Герберта; но дѣло въ томъ, что диссертантъ этого не только никогда не отрицалъ, но напротивъ на это указывалъ, какъ во введеніяхъ къ I и II частямъ труда, такъ и въ рѣчи передъ диспутомъ, которая къ тому же достаточно опредѣленно указываетъ, почему такой, а не иной характеръ приняла его работа.

Въ отвѣтъ на возраженіе диспутанта, Н. И. Карѣевъ сказалъ, что онъ намѣренно такъ подробно характеризировалъ детальность и, пожалуй, точность изслѣдованія г. Бубнова при разрѣшеніи чисто хронологическихъ вопросовъ, чтобы оттѣнить ея неточность, недостаточную опредѣленность и основательность въ крупныхъ вопросахъ. Первый изъ такихъ побочныхъ крупныхъ вопросовъ, который пытается разрѣшить диссертантъ, это—біографія Герберта. Своей попыткѣ въ этомъ направленіи г. Бубновъ придаетъ слишкомъ большое значеніе, говоря, что „ему удалось проникнуть въ душу Герберта глубже, чѣмъ это выпало на долю его біографовъ“ (II, 936). Оказывается, что въ этой біографіи знаменитаго дѣятеля диссертантъ допускаетъ прямыя ошибки и противорѣчія. Такъ, онъ называетъ Герберта „французомъ по происхожденію“ (I, стр. VII), а Францію—его отечествомъ (II, 88), а на самомъ дѣлѣ, источники говорятъ о немъ: „Aquitanus genere“, „natione Aquitanus“; самъ Гербертъ во Франціи чувствуетъ себя „пришельцемъ, чужеземцемъ“ (advena et peregrinus, II, 589—90), а кромѣ того, источники той эпохи дѣлаютъ различіе между Franci и Aquitani.

Н. М. Бубновъ, отвѣчая на это замѣчаніе, заявилъ, что ему хорошо извѣстно происхожденіе Герберта изъ Аквитаніи, что видно

изъ его фразы: „онъ (Гербертъ) родился въ Аквитаніи“ и примѣчанія къ ней, въ которомъ приведены указанія источниковъ: „Aquitanus genere“, „natione Aquitanus“ (II, 13); но ему кажется, что онъ имѣлъ право называть Герберта „французомъ“, такъ какъ Аквитанія—часть Франціи. Что же касается словъ Герберта о томъ, что онъ „чужеземецъ“, „изгнанникъ“ во Франціи, то они объясняются довольно просто тѣмъ фактомъ, что Герберта влекло къ Германіи, къ Оттонамъ и тѣмъ соображеніемъ, что не всякій бываетъ „патріотомъ своего отечества“. Далѣе, Н. И. Карѣевъ указалъ на то, что напрасно диспутантъ считаетъ „единственной настоящей цѣлью дѣятельности Герберта“ (II, 892) служеніе дѣлу Оттоновъ, въ которыхъ онъ видѣлъ государей, способныхъ возстановить имперію классической поры; вѣдь самъ же г. Бубновъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что изъ вѣрности Оттонамъ „Гербертъ не постыдился сдѣлать себѣ одинъ изъ способовъ стяжанія“. Затѣмъ, весьма искусственнымъ является объясненіе г. Бубнова, что переходъ Герберта на службу къ Гугону Капету является измѣной не Оттону, а Гугону, „котораго онъ вводилъ въ заблужденіе своей призрачной вѣрностью“. Къ разряду такихъ же противорѣчивыхъ отзывовъ о міросозерцаніи Герберта относится и заявленіе диссертанта, что въ томъ *классическомъ* идеалѣ имперіи, съ какимъ носился Гербертъ, „не было мѣста для теократическихъ притязаній папъ“ (II, 919), когда нѣсколько раньше г. Бубновъ дѣлаетъ его представителемъ *средневѣковой* идеи „всемірной монархіи съ императоромъ и папой во главѣ“ (II, 132).

Въ отвѣтъ на слова Н. И. Карѣева Н. М. Бубновъ замѣтилъ, что противорѣчія, на которыя указалъ возражатель, являются не результатомъ ошибочнаго изображенія диссертантомъ личности Герберта, а слѣдствіемъ естественнаго склада человѣческаго характера и образа мыслей, гдѣ идеальныя стремленія нерѣдко уживаются съ практическими поползновеніями: такъ и Гербертъ, служа идеалу классической имперіи съ Оттонами во главѣ, не забывалъ и своихъ матеріальныхъ интересовъ, заставлявшихъ его стремиться къ удержанію аббатства Боббіо. А что касается послѣдняго изъ указанныхъ проф. Карѣевымъ противорѣчій, то оно не такъ значительно, какъ представляется съ перваго взгляда: мечтая о возстановленіи римской имперіи въ предѣлахъ блестящей поры ея существованія, Гербертъ, конечно, не могъ не отвести въ ней подобающаго положенія и папѣ, такъ какъ съ паденіемъ язычества прекратилось и соединеніе въ рукахъ главы имперіи свѣтской власти съ духовной, но отсюда, конечно, далеко еще до признанія „теократическихъ притязаній папъ“. Затѣмъ Н. И. Карѣевъ указалъ неясность и даже невѣрность изображенія диссертантомъ церковныхъ идей Герберта. Выходитъ, по его словамъ, что

этотъ архіепископъ, впослѣдствіи папа, является въ своемъ „Реймскомъ соборѣ“ проповѣдникомъ „ученія, переносящаго насъ въ эпоху реформаціи“, что будто „Реймскій соборъ“—„одно изъ первыхъ и блестящихъ проявленій духа новѣйшихъ временъ, духа реформаціи“. Но стоитъ обратить вниманіе на то, что Гербертъ въ этомъ сочиненіи ссылается на каноны соборовъ и папскія декреталіи, не исключая и тѣхъ, которыя встрѣчаются въ лже-исидоровомъ собраніи (I, стр. XI), чтобы признать такое сближеніе Герберта съ реформаторами церкви неосновательнымъ. Затѣмъ самъ г. Бубновъ говоритъ, что его „оппозиція противъ папства была случайностью“ (II, 893) и что въ качествѣ папы Гербертъ сталъ проповѣдывать идеи, діаметрально противоположныя его прежнимъ заявленіямъ (II, 902 и слѣд.).

Отвѣчая на эти замѣчанія оппонента, Н. М. Бубновъ доказывалъ основательность своихъ отзывовъ о церковныхъ идеяхъ Герберта, во-первыхъ, ссылкой на то, что измѣненіе взглядовъ Герберта на папскую власть есть историческій фактъ, а во-вторыхъ, указаніемъ на то, что, имѣя въ виду духъ, а не букву фразы о томъ, что Гербертъ проповѣдуетъ „ученіе, переносящее насъ въ эпоху реформаціи“, не трудно согласиться, что человѣкъ, пытающійся поставить границы папской власти, напоминаетъ намъ борца эпохи реформаціи. Наконецъ, Н. И. Карѣевъ обратилъ вниманіе на 5-ю главу II-й части, въ которой идетъ рѣчь о причинахъ избранія въ короли Гугона Капета. Здѣсь оппонентъ нашелъ прежде всего тотъ недостатокъ, что г. Бубновъ не разсмотрѣлъ подробно взглядовъ Гизо на этотъ вопросъ, сказавъ лишь нѣсколько словъ о „неосновательности теоріи феодальной“, причемъ даже не упомянулъ о томъ, кому эта теорія принадлежитъ. Далѣе, не менѣе странно, по словамъ возражателя, поступилъ диссертантъ и съ теоріей Тьерри (въ XII письмѣ Lettres sur l'histoire de France), изложивъ ее не по сочиненію Тьерри, а со словъ Люшера и не совсѣмъ вѣрно истолковавъ ея смыслъ. Дѣйствительно, можно ли называть теорію Тьерри узко-расовой, когда она почти такъ же объясняетъ причину возведенія Гугона въ короли, какъ это сдѣлано диспутантомъ. Оказывается, что и союзъ послѣднихъ Каролинговъ Франціи съ Германіей, и походы Оттоновъ къ Парижу толкуются г. Бубновымъ совершенно согласно съ Тьерри. Выходитъ, слѣдовательно, что объясненіе избранія Гугона, предлагаемое диссертантомъ, по которому основатель династіи Капетинговъ является ставленникомъ національно-французской партіи, повторяетъ мнѣніе, давно высказанное Тьерри. Н. М. Бубновъ, возражая проф. Карѣеву, сказалъ, что онъ потому воспользовался изложеніемъ содержанія XII-го письма Ог. Тьерри, какъ оно сдѣлано у Люшера, что и авторитетъ этого ученаго, и согласіе его изложенія съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое

вынесено было диссертантомъ изъ чтенія Lettres sur l'histoire de France, не оставляли сомнѣній въ правильности Люшерова объясненія указаннаго письма. И поэтому диспутантъ настаиваетъ на томъ, что Ог. Тьерри и въ вопросѣ объ избраніи Гугона Капета руководится своей расовой теоріей, по которой выходитъ, что избранный король былъ представителемъ той партіи, которая стремилась свергнуть династію германскихъ завоевателей, чтобы поставить на ея мѣсто династію чисто національную, возвращавшую Францію къ порядкамъ до-завоеванія. (На сторону г. Бубнова въ оцѣнкѣ теоріи Ог. Тьерри сталъ и В. Г. Васильевскій).

Въ заключеніе диспута нѣсколько словъ сказалъ, въ качествѣ частнаго оппонента, проф. Горчаковъ. Указавъ на то, что не имѣлъ возможности внимательно познакомиться съ трудомъ г. Бубнова, такъ какъ получилъ его незадолго до диспута, профессоръ замѣтилъ, что, вникнувъ въ содержаніе „Реймскаго собора", онъ полагаетъ болѣе правильнымъ считать Герберта не Vorläufer'омъ реформаціи, а скорѣе католикомъ-консерваторомъ, желавшимъ возвратиться къ порядкамъ, установленнымъ Никейскимъ соборомъ; если уже называть Герберта Vorläufer, то лишь въ томъ смыслѣ, что онъ является провозвѣстникомъ теоріи liberté de l'Eglise gallicane.

По окончаніи диспута, защита диссертаціи признана была единогласно удовлетворительною и факультетъ, признавая выдающіяся достоинства труда г. Бубнова, большинствомъ голосовъ (противъ одного) постановилъ ходатайствовать передъ Совѣтомъ Университета объ удостоеніи диспутанта прямо степени доктора всеобщей исторіи. (Отчетъ этотъ составленъ С. Л. Степановымъ).

— 24 мая въ большой словесной аудиторіи московскаго университета состоялся публичный диспутъ приватъ-доцента по каѳедрѣ исторіи русскаго права А. Н. Филиппова, представившаго для полученія степени магистра государственнаго права диссертацію подъ заглавіемъ „О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою". Диспутъ по обычаю начался рѣчью диспутанта (въ московскомъ университетѣ нѣтъ обычая читать curriculum vitae диспутанта), въ которой онъ указалъ на основанія, руководившія имъ при выборѣ темы, именно на малоизслѣдованность вопроса о наказаніи по петровскому законодательству и на историко-юридическій интересъ вопроса какъ вообще, такъ и для боевой эпохи Петра (наказаніе, какъ фактъ реформы). Упомянувъ затѣмъ о причинахъ отпора реформѣ со стороны общества, г. Филипповъ остановился на измѣненіи понятія о самомъ преступленіи при Петрѣ и закончилъ рѣчь общей характеристикой цѣлей наказанія по петровскому законодательству.

По окончаніи рѣчи г. Филипповымъ прочитаны были двѣнад-

цать положеній къ его диссертаціи. Приводимъ здѣсь наиболѣе интересныя для историковъ положенія.

1. Петровская реформа отличалась всестороннимъ характеромъ и коснулась нормъ права государственнаго, гражданскаго быта и нравовъ. Въ области перваго—ея наиболѣе сильною стороною было переустройство центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій; наиболѣе слабою—рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи; въ мѣропріатіяхъ, касавшихся отдѣльныхъ сословныхъ группъ, реформа лишь завершала старо-московскій процессъ ихъ закрѣпощенія на службу государства и, въ общемъ, *не отличалась преобразовательнымъ характеромъ* (исключеніе „табель о рангахъ" и нѣк. друг. узаконенія). Немного новаго содержанія внесено реформою и въ нормы права гражданскаго, такъ какъ преобразовательное движеніе болѣе коснулось внѣшнихъ формъ быта и нравовъ, чѣмъ измѣненія ихъ сущности. Общеотрицательное отношеніе законодательства ко многимъ старымъ порядкамъ жизни имѣло само по себѣ большую важность, хотя насильственность многихъ мѣропріятій съ одной стороны, доведеніе государственнаго вмѣшательства въ интересы личности до крайняго напряженія—съ другой, значительно ослабляли воспитательное значеніе реформы. Народное образованіе, начавшее сильно развиваться при Петрѣ В., могло бы содѣйствовать болѣе глубокому усвоенію реформы обществомъ; но оно, въ цѣломъ, отличалось не общепросвѣтительнымъ, а профессіональнымъ характеромъ.

2. Особый, боевой характеръ петровской эпохи отразился важными послѣдствіями на законодательствѣ о наказаніи. Между задачами, преслѣдовавшимися при организаціи карательныхъ мѣръ, на первое мѣсто выдвинулось устрашеніе жестокостью и позоромъ грядущихъ каръ. Затѣмъ нужда въ людяхъ и средствахъ привела къ тому, что личный трудъ преступника съ одной стороны, его имущественные достатки—съ другой, явились важными составными частями тѣхъ сложныхъ мѣръ наказанія, какія вообще любило законодательство вѣка.

3. Наказаніе эпохи отличалось рядомъ характерныхъ чертъ, частію унаслѣдованныхъ отъ предъидущаго историческаго періода, частію развитыхъ при Петрѣ В. Такъ наказаніе было мало индивидуализировано: оно не считалось неизбѣжнымъ для преступника и постоянно замѣнялось извлеченіемъ выгодъ изъ его труда, знаній или имущества; санкціи наказанія отличались неопредѣленностью и допускали большой произволъ при примѣненіи наказаній и т. д. Изъ 9-го положенія приводимъ вторую его половину: „въ общемъ, законодательство о наказаніи не отличалось преобразовательнымъ характеромъ и преслѣдовало не столько интересы правосудія, сколько задачи общегосударственной политики".

Оффиціальными оппонентами были проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій и приватъ-доцентъ М. В. Духовской, сторонними — приватъ-доцентъ П. П. Пустороелевъ и В. А. Гольцевъ.

Г. Мрочекъ-Дроздовскій началъ съ указанія на трудность задачи, взятой на себя диспутантомъ, и на правильную постановку вопроса, въ силу которой нормы наказанія при Петрѣ разсматриваются съ исторической точки зрѣнія. Однако историческій анализъ, по мнѣнію оппонента, не доведенъ въ книгѣ г. Филиппова до надлежащей глубины, вслѣдствіе чего не получается достаточно яркаго освѣщенія изучаемыхъ авторомъ явленій. Послѣ этого общаго вступленія г. Дроздовскій обратился къ спору по поводу указанія г. Филиппова на начало *устрашенія*, какъ цѣль наказанія при Петрѣ. Сдѣлавъ маленькій экскурсъ въ эпоху Русской Правды и затѣмъ Судебниковъ и Уложенія, г. Дроздовскій утверждалъ, что начало устрашенія при Петрѣ отнюдь не представляетъ новости, что оно только сильнѣе развилось при Петрѣ, что оно вовсе не объясняется исключительно боевымъ характеромъ эпохи, но также тѣмъ, что самое понятіе о наказаніи находилось тогда въ этомъ періодѣ своего развитія, что, наконецъ, у г. Филиппова начало устрашенія, какъ цѣль наказанія, недостаточно освѣщено. Не отрицая боевого характера эпохи, оппонентъ настаивалъ на томъ, что усиленіе начала устрашенія въ изучаемую эпоху объясняется какъ рѣзкостью новшествъ, такъ и *трусостью самого Петра*". Г. Филипповъ въ своемъ отвѣтѣ замѣтилъ, что онъ въ сущности не расходится въ своей книгѣ съ тѣмъ, что было высказано г. Дроздовскимъ, что онъ стоитъ только за усиленіе этого начала при Петрѣ, а вовсе не за его новизну, что на 147 страницѣ его сочиненія прямо говорится: цѣль наказанія по петровскимъ указамъ та же, что и по Уложенію царя Алексѣя, даже самая оговорка Уложенія „чтобъ на то смотря другимъ неповадно было" продолжаетъ встрѣчаться и въ петровскихъ и послѣ Петра В. появлявшихся узаконеніяхъ, ясно знаменуя тѣмъ, что *старая* законодательная задача устрашенія продолжалась и въ XVIII вѣкѣ (срв. слова г. Филиппова на стр. 131 его сочиненія: „Особый, *боевой* характеръ эпохи сказывается въ вопросѣ о наказаніи въ томъ, что начало *устрашенія*, какъ цѣль наказанія, является здѣсь вообще *преобладающимъ*, имъ пользуется законодатель не только какъ средствомъ для борьбы съ обыкновенными, не менѣе, чѣмъ предшествующей эпохѣ, данному времени, свойственными, проявленіями злой воли человѣка но и *какъ средствомъ для проведенія въ жизнь своихъ нововведеній*"). Далѣе г. Дроздовскій возражалъ противъ положенія г. Филиппова, которое встрѣчаемъ на 154 стр. его сочиненія: „нельзя не отмѣтить какъ *весьма оригинальной* черты петровскаго времени, того именно,

что теперь законъ запрещалъ (а слѣдовательно, и каралъ за нарушеніе) очень много такого, что являлось совершенно безразличнымъ съ нравственной точки зрѣнія". Г. Дроздовскій не соглашался съ тѣмъ, что „это—*весьма оригинальная*" черта петровскаго времени, утверждая что это всегда такъ бываетъ, ибо „у всякаго времени и свои преступленія", что дѣйствія безразличныя съ нравственной точки зрѣнія карались и въ до-петровскую эпоху, при чемъ приводилъ въ примѣръ мѣстническіе счеты, нерѣдко заканчивавшіеся тяжелымъ наказаніемъ одной изъ сторонъ. Г. Филипповъ въ своемъ отвѣтѣ настаивалъ на неудачности примѣра, приведеннаго г. Дроздовскимъ, говоря, что наказывали не за то, что такой-то билъ челомъ о невмѣстности, а за то, что несправедливо билъ челомъ и тѣмъ позорилъ своего противника.

Слѣдующее замѣчаніе г. Дроздовскаго касалось 170 стр. сочиненія диспутанта, гдѣ читаемъ, что Петръ В. много сдѣлалъ для того, „чтобъ созданіемъ инстанцій между учрежденіями достигнуть закономѣрности въ движеніи частныхъ и общихъ жалобъ населенія". Г. Дроздовскій указывалъ на то, что стѣсненіе подачи челобитныхъ государю началось еще задолго до Петра; въ 20-й статьѣ X-й главы уложенія царя Алексѣя прямо говорится, что челобитья о всякихъ дѣлахъ должно направлять въ приказы („кто въ которомъ приказѣ вѣдомъ"), и лишь послѣ отказа въ правосудіи со стороны приказа можно бить челомъ государю („а не бивъ челомъ въ приказѣ, ни о какихъ дѣлѣхъ государю никому челобитенъ не подавати... а будетъ кто учнетъ о какомъ дѣлѣ бити челомъ и челобитныя подавати государю, въ приказѣ не бивъ челомъ, и такимъ челобитчикомъ за то чинити наказаніе—бити батоги"...) Г. Филипповъ упустилъ изъ виду приведенную сейчасъ статью уложенія. Дальнѣйшій рядъ замѣчаній г. Дроздовскаго касался исключительно первой части сочиненія диспутанта, посвященной общему обзору петровскихъ реформъ (результаты этого обзора изложены въ первомъ положеніи, вышеприведенномъ). Учрежденіе Св. Синода диспутантъ (стр. 22) поставилъ въ связь съ сопротивленіемъ великорусскаго духовенства реформамъ Петра, примыкая къ мнѣнію Н. Кедрова, что „въ общемъ хорѣ народнаго ропота, ославившаго царя врагомъ мірскимъ, міроѣдомъ и антихристомъ, *духовенство тянуло всегда самыя высокія ноты*". Г. Дроздовскій рѣзко высказался противъ существованія какой-либо борьбы между Петромъ и высшимъ духовенствомъ, говорилъ, что представители высшаго духовенства были только приспѣшниками Петра, рабскими поклонниками новшествъ до nec plus ultra (при этомъ г. Дроздовскій ссылался на одну запись по русски латинскими буквами, сдѣланную арх. Аѳанасіемъ холмогорскимъ), что, если реформѣ

и оказывалось сопротивленіе, то *исключительно* со стороны „оборванныхъ рясокъ“, т. е. низшаго духовенства. Учрежденіе Св. Синода, продолжалъ г. Дроздовскій, стоитъ въ связи не съ мнимымъ сопротивленіемъ высшаго духовенства, а „съ увлеченіемъ Петра коллегіальностью и нѣмецкими образцами“. Г. Филипповъ, *безусловно не* соглашаясь съ г. Дроздовскимъ, приводилъ въ защиту своего изложенія текстъ Духовнаго Регламента, показанія котораго г. Дроздовскій отвергалъ, говоря, что Ѳеофана нельзя оправдывать Ѳеофаномъ же, что Ѳеофанъ Прокоповичъ — приспѣшникъ Петра и ничего больше. Послѣ нѣсколькихъ неважныхъ замѣчаній относительно 35—37 стр. сочиненія диспутанта и его отношенія къ указу отъ 23 марта 1714 г. и къ характеру подушной подати (указаніе на одинъ апрѣльскій указъ 1722 г., игнорированный г. Филипповымъ), г. Дроздовскій закончилъ свои возраженія обычными комплиментами.

Второй оффиціальный оппонентъ М. В. Духовской, примыкая отчасти къ возраженіямъ г. Дроздовскаго, настаивалъ на томъ, что изъ сочиненія диспутанта не видно, чтобы въ петровскую эпоху расширилось начало устрашенія, какъ основная цѣль наказанія; что нѣкоторыя побочныя цѣли наказанія (конфискація, штрафы и т. п.; см. стр. 183, 184, 196) не представляютъ характерныхъ особенностей петровскаго законодательства; что вообще произошло измѣненіе не въ понятіи о цѣляхъ наказанія, а въ самомъ понятіи о преступленіи; что отсутствіе идеи исправленія также отнюдь не составляетъ особенности петровской эпохи. Что касается характерныхъ чертъ наказанія по петровскому законодательству, то у г. Филиппова (срав. стр. 198) ихъ намѣчено немного, и онѣ не составляютъ особенностей эпохи. Не составляетъ особенности эпохи и то обстоятельство, что Петръ отступалъ отъ принципа индивидуальности наказаній (стр. 200—209). Если же при невозможности наказать *всѣхъ*, наказывали по выбору *нѣкоторыхъ*, то дѣло тутъ не въ измѣненіи идей, а просто въ недостаткѣ процесса. Указавъ затѣмъ на важное *практическое* значеніе историческаго изученія цѣлей наказанія по русскому законодательству въ виду предстоящихъ реформъ въ русскомъ уголовномъ кодексѣ, настойчиво подчеркнувъ затѣмъ, что болѣе частое количество случаевъ наказанія далеко не говоритъ объ измѣненіи идей о цѣляхъ наказанія, г. Духовской закончилъ свои возраженія указаніемъ на одну теоретическую ошибку диспутанта, смѣшавшаго способъ примѣненія наказанія съ характерной чертой наказанія (стр. 216). Въ своихъ отвѣтахъ г. Духовскому г. Филипповъ не сказалъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что высказывалъ г. Дроздовскому, указавъ лишь на двѣ фактическихъ ошибки (объ Ижорской канцеляріи и конфискаціи при Екатеринѣ II) въ возраженіи второго оппонента

и признавъ неважность своего теоретическаго отступленія. Формулируя возраженія оффиціальныхъ оппонентовъ, можно свести ихъ къ слѣдующему: цѣль и характерныя черты наказанія при Петрѣ были тѣ же, что и до него; при немъ такъ же, какъ и до него, отсутствовала идея исправленія; ради интересовъ государства Петръ наказывалъ дѣянія, безразличныя съ точки зрѣнія нравственности, что практиковалось и до него. Извлеченіе выгодъ изъ труда преступника, его знаній и имущества практиковалось не только въ до-петровской Руси, но и во всей тогдашней Европѣ; при Петрѣ измѣнилась лишь идея преступленія, расширилась область наказуемыхъ дѣяній, идея же наказанія осталась безъ измѣненій.

И. П. Пустороcлевъ сдѣлалъ четыре частныхъ замѣчанія въ довольно живомъ изложеніи. Онъ указалъ прежде всего на то, что г. Филипповъ, отказываясь установить точно отношеніе между болѣзненными наказаніями, по одному только извѣстному ему случаю рѣшается однако признать, что плети вообще тяжелѣе кнута (стр. 335, 341). Г. Пустороcлевъ, доказавъ противное, замѣтилъ, какъ рискованно дѣлать обобщающіе выводы безъ достаточнаго запаса фактовъ. Для своей аргументаціи г. Пустороcлевъ воспользовался извѣстнымъ изслѣдованіемъ Н. Д. Сергѣевскаго „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка" (Спб. 1888), предложивъ эффектное описаніе внѣшняго вида кнута и плети. Г. Филипповъ, не отрицая безусловно справедливости замѣчанія г. Пустороcлева, прибавилъ, что орудія наказанія— кнутъ и плети—сами по себѣ не могли его интересовать, тѣмъ болѣе, что еще до него проф. Н. Д. Сергѣевскій такъ классически описалъ ихъ въ цитованномъ оппонентомъ сочиненіи. Второе замѣчаніе г. Пустороcлева касалось слѣдующаго утвержденія г. Филиппова (стр. 174—175): „устрашеніе было основною цѣлью узаконеній петровскаго времени о наказаніи, при чемъ эта цѣль достигалась то жестокостью каръ, то ихъ ограниченнымъ характеромъ; въ исключительныхъ случаяхъ эта цѣль переходила въ истребленіе преступниковъ...; *еще болѣе рѣдко и исключительно преслѣдовалась наказаніемъ, кажется, цѣль исправленія*". Противъ послѣдней фразы и было направлено возраженіе г. Пустороcлева, по мнѣнію котораго монастырское покаяніе и „смиреніе", приправленное плетьми, не могло носить въ себѣ идеи исправленія, какъ цѣли наказанія. Третье замѣчаніе г. Пустороcлева имѣло цѣлью указать на невозможность одной фразы г. Филиппова (на стр. 270), именно: „что касается *тѣлесныхъ наказаній*, а затѣмъ и наказаній, лишающихъ человѣка чести и добраго имени, то, будучи неотмѣнимыми и невознаградимыми съ нашей современной точки зрѣнія, они не были всегда и въ той же мѣрѣ таковыми съ точки зрѣнія нашихъ предковъ".

Очевидно, что вторая половина фразы никакъ не можетъ относиться къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Наконецъ, послѣднее замѣчаніе предложено было г. Пустораслевымъ въ видѣ вопроса къ 325 стр. сочиненія: могла ли администрація произвольно удлинять или уменьшать сроки ссылки, — на что г. Филипповъ предположительно далъ утвердительный отвѣтъ.

В. А. Гольцевъ говорилъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ въ общей характеристикѣ петровскаго законодательства въ зависимости отъ неправильной постановки одного теоретическаго вопроса (на стр. 88). Г. Филипповъ, приведя выдержку изъ статьи гр. М. М. Сперанскаго о двухъ порядкахъ законовъ — государственныхъ и гражданскихъ,— прибавляетъ: „законы, управляющіе тѣмъ и другимъ порядкомъ отношеній, полны началъ разнородныхъ, несовпадающихъ другъ съ другомъ ни въ своихъ цѣляхъ, ни въ средствахъ". Такое рѣзкое раздѣленіе вполнѣ неправильно, по мнѣнію В. А. Гольцева; существуй оно въ дѣйствительности, столкновеніе разнородныхъ началъ привело бы къ тому, что мы называемъ анархіей. Выдержками изъ разныхъ мѣстъ первой части (стр. 8, 9, 25) сочиненія диспутанта г. Гольцевъ настаивалъ на противорѣчіяхъ въ сужденіяхъ г. Филиппова о коллегіальномъ началѣ, проводившемся Петромъ. Г. Филипповъ по поводу перваго возраженія замѣтилъ, что на своей фразѣ онъ не настаиваетъ и вообще не придаетъ ей значенія, допустивъ ее лишь для картинности противопоставленія, со вторымъ же возраженіемъ не согласился.

По окончаніи возраженій В. А. Гольцева деканъ юридическаго факультета В. Легонинъ прочиталъ отзывъ факультета о книгѣ г. Филиппова, въ которомъ выставлялись на видъ главнымъ образомъ большая начитанность автора и его осторожность въ выводахъ, а затѣмъ объявилъ г. Филиппова удостоеннымъ искомой степени магистра государственнаго права (Сообщено В. Н. Сторожевымъ).

— 13-го октября въ петербургскомъ университетѣ кандидатъ М. Н. Крашенинниковъ защищалъ представленную имъ для полученія степени магистра римской словесности диссертацію: Римскіе муниципальные жрецы и жрицы. Эпиграфическое изслѣдованіе. Спб. 1891 (154 стр.). Краткую вступительную рѣчь свою диспутантъ началъ съ выясненія заглавія и содержанія своей работы: подъ муниципальными культами онъ разумѣетъ культъ римскихъ общинъ кромѣ самого Рима, противополагая такимъ образомъ муниципальнымъ культамъ столичные; интересуясь лишь культами, носившими національный римскій характеръ, онъ счелъ себя въ правѣ оставить въ сторонѣ культы греческихъ общинъ, не удовлетворявшіе, по его мнѣнію, этому условію. Отмѣтивъ затѣмъ крайнюю скудость и неудовлетворительность научной литературы о римскомъ муниципальномъ жречествѣ, диспу-

тантъ указалъ и на тѣ трудности, какія онъ долженъ былъ преодолѣть, пополняя этотъ крупный пробѣлъ въ наукѣ о римскихъ древностяхъ: обиліе эпиграфическаго матеріала (ок. 30.000 надп.) и масса связанныхъ съ предметомъ работы спорныхъ вопросовъ. Первый оффиціальный оппонентъ, проф. И. В. Помяловскій отмѣтилъ солидныя достоинства диссертаціи г. Крашенинникова, которую приходится не читать, а изучать. Это одинъ изъ первыхъ въ Россіи опытовъ систематической утилизаціи латинскихъ надписей,—и опытъ весьма удачный. Авторъ самымъ тщательнымъ образомъ и совершенно самостоятельно (не полагаясь на indices къ C. I. L.) собралъ весь матеріалъ, подвергъ его самой основательной провѣркѣ (внеся много поправокъ къ чтенію и объясненію надписей даже такими авторитетами, какъ Момзенъ и другіе издатели C. I. L.) и наконецъ классифицировалъ его надлежащимъ образомъ, такъ что было бы трудно спорить противъ постановки и метода работы; цѣнность послѣдней увеличивается и почти полнымъ отсутствіемъ предшественниковъ. Перейдя затѣмъ къ недоумѣннымъ вопросамъ, проф. Помяловскій выразилъ сожалѣніе, что, выставивъ такую рѣзкую разницу между функціями и положеніемъ жрецовъ муниципальныхъ и столичныхъ, авторъ, вообще очень скупой на бумагу, совершено не аргументируетъ своего положенія въ самомъ началѣ работы, отмѣчая кое-какіе пункты этого различія лишь въ дальнѣйшемъ изложеніи, и то лишь мимоходомъ. Оппонентъ указалъ еще нѣсколько мелкихъ недоразумѣній: нельзя сказать, что „въ періодъ царей сакрально-административныя функціи принадлежали *всецѣло* царю“ (стр. 45); собраніе всѣхъ граждавъ общины нельзя противоставлять собранію 17 трибъ (изъ 35) какъ comitia—*concilium'у* (стр. 89); рѣдкій провинціализмъ [s]epe[l]itus едва-ли могъ бы найти себѣ мѣсто въ тарквинійской надписи, а потому нельзя принять это предложенное авторомъ возстановленіе (стр. 150, прим. 304). Прив.-доц. И. И. Холоднякъ (замѣнившій отсутствовавшаго по болѣзни второго оффиціальнаго оппонента, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго) упрекалъ диспутанта въ недостаточномъ вниманіи къ лингвистикѣ. Онъ не соглашался съ предложенной г. Крашенинниковымъ (стр. 45—46) этимологіей слова pontifex. Обширныя критическія примѣчанія г. Крашенинникова (помѣщенныя отдѣльно отъ текста) г. Холоднякъ сравнивалъ съ толчками направо и налѣво, помощью которыхъ попавшій въ толпу старается изъ нея выбраться; одинъ примѣръ такого рода невѣжливости былъ указанъ оппонентомъ—именно по отношенію къ ни въ чемъ неповинному Альмеру (стр. 72, пр. 37). Другія замѣчанія пр.-доц. Холодняка касались болѣе мелкихъ неточностей. Г. Холоднякъ ополчился на диспутанта — археолога въ качествѣ лингвиста; въ качествѣ романиста выступилъ противъ диспу-

танта-филолога *изучавшій въ Берлинѣ римское право* г. Свадковскій. Онъ доказывалъ, что цитуемый въ Dig. 50, 4, 6 рескриптъ (названный въ диссертаціи почему-то указомъ) вовсе не противорѣчитъ— какъ это предполагаетъ авторъ (стр. 135, пр. 197) — другимъ текстамъ Дигестъ и находится на своемъ настоящемъ мѣстѣ, ни о винѣ переписчиковъ, ни о недосмотрѣ редакторовъ тутъ не можетъ быть рѣчи; Дигесты вообще отличаются замѣчательной цѣлостностью. Признавъ правильность всѣхъ замѣчаній проф. Помяловскаго, диспутантъ оказался крайне неуступчивымъ относительно остальныхъ двухъ оппонентовъ, и диспутъ прошелъ довольно оживленно. Защита признана была факультетомъ удовлетворительной.

— 27-го октября въ актовой залѣ московской духовной академіи состоялся магистерскій диспутъ С. Бѣлокурова, представившаго для соисканія ученой степени магистра церковной русской исторіи диссертацію, подъ заглавіемъ „Арсеній Сухановъ". Изъ прочитаннаго предъ диспутомъ секретаремъ академіи curriculum vitae диспутанта видно, что авторъ уже давно заявилъ себя многочисленными, болѣе или менѣе обширными сочиненіями по русской исторіи. Количество трудовъ его, изъ которыхъ нѣкоторые печатались въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, достигаетъ до 35. Будучи прикомандированъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и состоя при московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, авторъ „Арсенія Суханова" имѣлъ возможность пользоваться многочисленными источниками, еще не опубликованными и находящимися въ рукописяхъ, благодаря чему его сочиненіе отличается новизною свѣдѣній и выводовъ. Оффиціальными оппонентами были: проф. русской церковной исторіи Е. Е. Голубинскій и Н. Ѳ. Каптеревъ. Частнымъ оппонентомъ выступилъ проф. по каѳедрѣ русскаго раскола Н. И. Субботинъ. Всѣ они очень лестно отозвались о трудѣ молодого ученаго, указавъ, однако, на нѣкоторые промахи и недостатки. Диспутъ затянулся до 3-хъ часовъ. Объявленіе совѣтомъ академіи объ удостоеніи диспутанта искомой имъ степени встрѣчено было студентами и многочисленною публикою долго несмолкавшими апплодисментами.

Историческое преподаваніе въ Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ.

Заимствуемъ изъ сентябрьской книги „Журн. Мин. Нар. Пр." нѣкоторыя свѣдѣнія объ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ въ 1890 и 1891 гг.

„Къ концу мая 1891 года въ I курсѣ института состояло 20

студентовъ, во II—10, въ III—17, изъ нихъ 8 на разрядѣ древнихъ языковъ и 9 на разрядѣ исторіи и географіи, въ IV курсѣ 18, изъ нихъ 5 на разрядѣ древнихъ языковъ и 13 на разрядѣ исторіи и географіи. Большая часть студентовъ двухъ высшихъ курсовъ занималась также русскимъ языкомъ и русскою словесностью, кромѣ предметовъ своей спеціальности, а именно изъ числа студентовъ III курса 16, IV курса 10. Замѣнившій проф. Замысловскаго г. Лаппо-Данилевскій въ младшихъ курсахъ читалъ общіе курсы русской исторіи, для студентовъ разряда исторіи и географіи старшихъ курсовъ прочиталъ древнѣйшую редакцію Русской Правды, а также прошелъ спеціальный курсъ: общественный строй Московскаго государства до эпохи преобразованія.

Желающіе изъ студентовъ старшихъ курсовъ разряда древнихъ языковъ писали, взамѣнъ домашнихъ чтеній, курсовыя сочиненія на заданныя профессорами темы, разработка которыхъ требовала чтенія древнихъ авторовъ или изученія надписей. Студентами разряда древнихъ языковъ было представлено четыре сочиненія. Между прочимъ студентъ III курса Маминъ написалъ сочиненіе на тему, предложенную проф. Шеборомъ: „Кліентство въ Римѣ по эпиграммамъ Марціала". Другія темы были чисто-филологическія.

Студенты разряда исторіи и географіи III и IV курсовъ писали годичныя сочиненія на темы, предложенныя профессоромъ Астафьевымъ, представлено девять сочиненій студентами IV курса. Студентъ Ядрышевъ написалъ на тему: „Славянскій князь Готшлакъ и его сыновья Бутуй и Генрихъ" (изъ исторіи прибалтійскихъ славянъ). Сочиненіе написано по Гольмольду (chronica Slavorum), при пособіи главнымъ образомъ сочиненіи Гизебрехта (Wendische Ceschichte). Студентъ Лежинскій представилъ, хотя небольшое, но прекрасно написанное сочиненіе на тему: „Борьба послѣднихъ Каролинговъ съ Капетингами". Студентъ Молчановъ представилъ весьма удовлетворительное сочиненіе на тему: „Неаполитанскій походъ Карла VIII", небольшое, но талантливо написанное по двумъ классическимъ источникамъ того времени, Гвиччіардини и Филиппу де-Коммину, принадлежавшимъ къ двумъ противнымъ сторонамъ. Студентъ Немаюнскій представилъ прекрасное сочиненіе на тему „Византія въ X вѣкѣ по Луитпранду и Краузе". Студентъ Корчагинъ написалъ сочиненіе на тему: „Посольство Луитпранда въ Грецію". Студентъ Давыдовъ представилъ большой и добросовѣстный трудъ на тему: „Первыя пять лѣтъ войны грековъ съ остготами" (535—540). Къ сочиненію приложены тщательно составленная карта Италіи и планъ осады Рима. Студентъ Петръ Виноградовъ написалъ на тему: „Послѣдній періодъ войны Юстиніана съ готами". Студентъ Аароновъ представилъ хорошее со-

чиненіе на тему: „Исторія Фронды до Рюэльскаго мира“. Студентъ Тодоровъ написалъ на тему: „Рыцарство“. На темы, предложенныя профессоромъ Соколовымъ, подано десять сочиненій, изъ нихъ девять студентами III курса и одно IV курса. Студентъ III курса Ловягинъ представилъ весьма удовлетворительное сочиненіе на тему: „Іеронъ сынъ Іерокла“. Студентъ Глѣбовскій избралъ тему: „Антигонъ Досокъ“. Студентъ Устиновъ представилъ сочиненіе на ту же тему; студенты Михайловъ, Вьюнниковъ и Крюковъ на тему: „Периклъ во время Пелопонесской войны“; студентъ Долгинъ на тему: „Исторія Эгины до Пелопонесской войны“; студентъ Тулиновъ на тему: „Покореніе Крима римлянами“; студентъ Монблановъ на тему: „Война Антіоха съ римлянами“. Студентъ IV курса Немаюнскій представилъ сочиненіе на тему: „Филопименъ“.

На темы, предложенныя проф. Лаппо-Данилевскимъ, представлено три сочиненія, студентами IV курса. Студентъ Крохинъ представилъ работу: „О крестьянахъ Новгородской области по писцовымъ книгамъ конца XV и первой половины XVI вѣка“. Студентъ Терновскій представилъ работу: „О колонизаціи Сибири въ царствованіе Михаила Ѳедоровича“. Студентъ Келтуяла написалъ сочиненіе на тему: „Отзывы (важнѣйшихъ) современныхъ исторіографовъ о личности и дѣятельности Богдана Хмѣльницкаго“.

Командированный въ Грецію Сергѣй Селивановъ, студентъ Института выпуска 1889 года, работалъ втеченіе минувшаго года весьма успѣшно. Онъ совершилъ поѣздку въ Малую Азію, при чемъ большую часть времени употребилъ на объѣздъ и археологическое и топографическое изслѣдованіе острова Родоса, гдѣ нашелъ замѣчательныя по своей древности надписи. Топографія и древности Родоса будутъ темою его магистерской диссертаціи. Втеченіе года Селивановъ напечаталъ: 1) Замѣтки о раскопкахъ въ Греціи въ 1890 г.; 2) Разборъ изслѣдованія Леншау de rebus Prienensium; 3) Inscriptiones Rhodiae ineditae въ Mittheilungen des deutschen archaeol. Institutes zu Athen (и въ русской обработкѣ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“).

Присужденіе академическихъ премій въ 1891 г.

19-го сентября 1891 г., въ малой конференцъ-залѣ Императорской академіи наукъ происходило публичное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи Я. К. Грота. Непремѣнный секретарь академіи, академикъ А. А. Штраухъ, прочиталъ отчетъ о присужденіи академіею наукъ премій митрополита Макарія въ 1891

году. На долю коммиссіи, назначенной, подъ предсѣдательствомъ академика А. А. Штрауха, изъ академиковъ Я. К. Грота, К. С. Веселовскаго, В. Г. Имшенецкаго, Ѳ. Ѳ. Бейльштейна, К. Н. Бестужева-Рюмина, Ѳ. А. Бредихина и Н. Ѳ. Дубровина, выпала особенно трудная задача при оцѣнкѣ достоинствъ представленныхъ на настоящій конкурсъ сочиненій, такъ какъ онъ оказался особенно многочисленнымъ и изобиловалъ выдающимися трудами, а между тѣмъ, согласно Высочайше утвержденному положенію для присужденія академіею наукъ премій митрополита Макарія, въ одинъ конкурсъ можетъ быть выдаваемо не болѣе двухъ полныхъ премій (по 1500 руб. каждая) и трехъ неполныхъ (по 1000 руб. каждая), раздробленіе же премій, вообще, не допускается.

Всего на соисканіе представлено 31 сочиненіе, изъ нихъ 3 рукописныхъ; изъ представленныхъ сочиненій 2 были устранены коммиссіею изъ конкурса, какъ не отвѣчающія условіямъ положенія и правиламъ о преміяхъ митрополита Макарія; кромѣ того, два сочиненія, по желанію самихъ авторовъ, были изъяты изъ конкурса. Изъ всѣхъ представленныхъ сочиненій коммиссія признала два достойными полныхъ и три—неполныхъ премій; кромѣ того, одно сочиненіе, представляющее значительный интересъ и вносящее по изслѣдуемому вопросу много новаго, коммиссія рѣшила отложить до слѣдующаго конкурса съ тѣмъ, чтобы авторъ могъ пополнить свой трудъ новыми изслѣдованіями.

Первое увѣнчанное полною преміею сочиненіе озаглавлено: „Русская армія въ семилѣтнюю войну. Соч. г.-м. Масловскаго. Томъ I—III. Москва, 1886 — 90 г.“. Рецензентъ этого сочиненія, академикъ г.-л. Н. Ѳ. Дубровинъ, обратилъ вниманіе на то, что авторъ поставилъ себѣ цѣлью выяснить обстановку важнѣйшихъ происшествій этой эпохи, по возможности, во всѣхъ деталяхъ, чтобы имѣть право дѣлать изъ нихъ прочные и основательные выводы. Это тѣмъ болѣе важно, что семилѣтняя война имѣетъ для исторіи русскаго оружія особенное значеніе, во-первыхъ, потому, что мы боролись съ геніальнымъ королемъ-полководцемъ, а во-вторыхъ, потому, что мы дѣйствовали на такихъ театрахъ войны, которые остаются наиболѣе вѣроятными и въ будущихъ нашихъ войнахъ. Трудъ ген.-маіора Масловскаго, по мнѣнію академика Н. Ѳ. Дубровина, безспорно заслуживаетъ внимательнаго изученія, и каждый дорожащій честью, славою и судьбою нашей арміи найдетъ въ немъ историческую правду.

Второе увѣнчанное полною преміею сочиненіе принадлежитъ Н. И. Тавильдарову и озаглавлено: „Химическая технологія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ“, въ 2-хъ томахъ съ атласомъ чертежей.

Неполныя преміи присуждены: 1) сенатору Н. И. Семенову за

его капитальный трудъ „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“, т. II. Второй періодъ занятій коммиссіи по крестьянскому дѣлу. Спб. 1890 г.; 2) покойному профессору А. Л. Дювернуа за его сочиненіе „Словарь болгарскаго языка“. Москва, 1886—1889 гг., и 3) профессору Любовичу за его сочиненіе „Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ“, представляющее продолженіе вышедшей въ 1884 году „Исторіи реформаціи въ Польшѣ“.

Сочиненіе сенатора Семенова посвящено любопытнѣйшему моменту въ исторіи освобожденія крестьянъ—моменту выработки редакціонными коммиссіями, въ ихъ общихъ присутствіяхъ, Положенія 19-го февраля 1861 г. и можетъ служить ключомъ и комментаріемъ для выясненія смысла и духа нынѣ дѣйствующихъ законоположеній о крестьянахъ. Сочиненіе это, по отзыву профессора университета св. Владиміра, Романовича-Славатинскаго, безспорно займетъ видное мѣсто въ нашей исторической литературѣ, тѣмъ болѣе, что подобныя монументальныя работы рѣдки и въ болѣе богатыхъ литературахъ иностранныхъ.

Представленный вдовой покойнаго А. Л. Дювернуа трудъ послѣдняго „Словарь болгарскаго языка“ подходитъ, по отзыву его рецензента, бывшаго министра народнаго просвѣщенія болгарскаго княжества, а нынѣ профессора Императорскаго харьковскаго университета, М. С. Дринова, къ толковому словарю Даля, который онъ превосходитъ документальностью, уступая ему въ полнотѣ. Приводимыя авторомъ выписки изъ памятниковъ, записанныхъ въ разныхъ концахъ болгарской племенной области, заключаютъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ какъ вообще для изученія болгарскаго языка, такъ и для дальнѣйшихъ лексикографическихъ работъ въ этой области.

Сочиненіе профессора варшавскаго университета Любовича содержитъ массу новыхъ фактовъ, представляемыхъ исторіею польскаго протестантизма. Авторъ отмѣчаетъ слабость собственно религіознаго элемента въ реформаціонномъ движеніи въ Польшѣ и выдвигаетъ на первый планъ политическія и экономическія причины борьбы шляхты съ духовенствомъ. Много трудовъ пришлось преодолѣть проф. Любовичу при составленіи его труда, о которомъ съ величайшею похвалою отозвался проф. Карѣевъ.

Изъ прочихъ сочиненій, участвовавшихъ въ настоящемъ соисканіи, коммиссія признала особенно достойнымъ преміи сочиненіе генерала Тилло, но, за раздачею бывшихъ въ ея распоряженіи денежныхъ наградъ, коммиссія присудила ему почетный отзывъ.

Въ заключеніе академикъ А. А. Штраухъ сообщилъ, что коммиссія положила выразить глубокую признательность отъ имени академіи постороннимъ ученымъ, существенно способствовавшимъ пра-

вильному разрѣшенію самой задачи коммиссіи, а именно: члену-корреспонденту Императорской академіи наукъ И. А. Чистовичу, члену консультаціи министерства юстиціи П. А. Муллову, профессорамъ военно-медицинской академіи А. И. Лебедеву, Н. И. Быстрову и В. А. Ратимову, профессору спб. университета Н. И. Карѣеву, проф. лѣсного института Л. В. Ходскому, проф. спб. консерваторіи Сакетти, проф. московскаго университета Р. Ѳ. Брандту, проф. университета св. Владиміра А. В. Романовичу-Славатинскому, профессорамъ харьковскаго университета А. С. Лебедеву, М. С. Дринову, К. А. Андрееву и В. К. Надлеру, профессору новороссійскаго университета А. В. Клоссовскому и проф. варшавскаго университета И. П. Филевичу.

— 25-го сентября, въ маломъ конференцъ-залѣ Императорской академіи наукъ происходило публичное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи, д. т. с. Я. К. Грота.

Въ настоящемъ году, какъ видно изъ отчета, прочитаннаго непремѣннымъ секретаремъ академіи А. А. Штраухомъ, въ соисканіи наградъ графа Уварова приняли участіе 8 сочиненій, въ томъ числѣ 3 отложенныхъ отъ предыдущаго конкурса. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій конференція академіи назначила, подъ предсѣдательствомъ ординарнаго академика д. с. с. Штрауха, коммиссію, въ составъ которой вошли академики: д. т. с. А. Ѳ. Бычковъ, т. с. М. И. Сухомлиновъ, д. с. с. В. Г. Васильевскій, д. с. с. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, д. с. с. А. А. Куникъ, д. с. с. Л. Н. Майковъ и ген.-лейт. Н. Ѳ. Дубровинъ.

Изъ представленныхъ на конкурсъ 8 сочиненій одно отложено до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, за неполученіемъ рецензіи отъ лица, принявшаго на себя разсмотрѣніе этого сочиненія, а изъ оставшихся семи коммиссія признала достойными малыхъ премій по 500 р. каждая слѣдующія 5 сочиненій: I. „Организація прямого обложенія въ московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованій“. Изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго, II. „Власть московскихъ государей“, Соч. М. Дьяконова. III. „Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII в.“. Соч. К. Я. Грота. IV. „Матеріалы и замѣтки по старинской славянской литературѣ“. Соч. проф. М. Соколова. V. „Города московскаго государства въ XVI в.“. Сочиненіе Н. Д. Чечулина.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе денежныхъ премій, но въ то же время признавая неоспоримыя достоинства за сочиненіями И. Каманина: „Статистическія данныя о евреяхъ въ Юго-западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка (1765—1791 гг.)“ [1]) и И. А.

[1]) Объ этомъ сочиненіи см. рефератъ С. А. Бершадскаго и возраженія на него В. А. Мякотина во II отдѣлѣ настоящаго тома.

Чистовича: „С.-Петербургская духовная академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888 гг.)“, коммиссія признала справедливымъ присудить авторамъ этихъ двухъ сочиненій почетные отзывы, „по недостатку суммъ для награжденія ихъ денежными преміями“.

Книга А. С. Лаппо-Данилевскаго, по отзыву ея рецензента, доцента московскаго университета П. Н. Милюкова, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ явленій въ русской исторической литературѣ послѣдняго времени и основана на обильномъ и важномъ, доселѣ почти нетронутомъ, матеріалѣ. Неотъемлемая заслуга автора заключается въ томъ, что вопросы государственнаго хозяйства московской Руси являются у него центральнымъ предметомъ изученія; въ его книгѣ финансовая исторія разсматривается въ связи съ общею государственною жизнью нашего отечества.

Существеннымъ недостаткомъ книги г. Лаппо-Данилевскаго является неудачный выборъ самаго плана сочиненія: автору пришлось различныя части функціонирующаго механизма изображать попутно; благодаря этому, изображеніе областной финансовой администраціи разбивается между отдѣлами о раскладкѣ и о взиманіи. Рецензентъ ставитъ автору въ особенную заслугу солидную подготовку, съ какой онъ приступилъ къ разработкѣ этой книги. Авторъ основательно знакомъ съ современной финансовой теоріей и съ важнѣйшими сочиненіями по финансовой исторіи разныхъ странъ Европы и обнаруживаетъ на каждой страницѣ замѣчательную эрудицію и начитанность въ области русскихъ печатныхъ источниковъ. Вообще же, изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго составляетъ, какъ по количеству и новизнѣ собраннаго матеріала, такъ и по цѣнности многихъ выводовъ автора, крупный шагъ впередъ въ изученіи русской финансовой исторіи.

Г. Дьяконовъ поставилъ задачею своего труда вопросъ о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ государей. Справедливо считая этотъ вопросъ еще не окончательно выясненнымъ, хотя не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти заимствована изъ Византіи, авторъ ставитъ себѣ болѣе скромную задачу „дать своимъ трудомъ только возможность нѣсколько оріентироваться въ данномъ вопросѣ“.

Въ своемъ отзывѣ о книгѣ г. Дьяконова рецензентъ послѣдней, директоръ ярославскаго юридическаго лицея, профессоръ С. М. Шпилевскій, отмѣчаетъ, между прочимъ, что авторъ упустилъ, по отношенію къ главному вопросу своего изслѣдованія, весьма существенный фактъ: въ развитіи идеи самодержавія могучимъ факторомъ было, именно, то, что московское государство явилось осуществителемъ исконнаго чаянія русскаго народа—единства русской земли, на что

было указано впервые К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ; но почтенный рецензентъ при этомъ оговаривается, что этотъ пробѣлъ не составляетъ существеннаго ущерба для исполненія авторомъ принятой на себя задачи.

Переходя къ оцѣнкѣ того новаго, что внесено авторомъ въ разсматриваемые имъ вопросы, путемъ разбора и повѣрки по первоначальнымъ источникамъ всего высказаннаго въ нашей литературѣ, проф. Шпилевскій признаетъ, что авторъ поставилъ для своего изслѣдованія полезную для отечественной исторіи задачу, и что изложеніе этой задачи выразилось у г. Дьяконова въ ученомъ трудѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ науки и критики и способствующемъ къ уясненію предмета, насколько это возможно при наличности имѣющихся источниковъ.

Оцѣнка труда К. Я. Грота „Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ“ сдѣлана В. Г. Васильевскимъ. По мнѣнію рецензента, слѣдуетъ, вообще, признать, что, сколько бы ни было поводовъ къ несогласію съ авторомъ относительно его общихъ взглядовъ, его добросовѣстность и основательность не подлежатъ сомнѣнію. Книга г. Грота имѣетъ за собою много достоинствъ, дающихъ автору, по отзыву почтеннаго рецензента, право на малую уваровскую премію.

Сочиненіе профессора московскаго университета М. И. Соколова „Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ“ обогащаетъ русскую литературу важными источниками, доказывающими вновь чрезвычайное богатство церковно-славянской литературы въ апокрифическихъ текстахъ, и бросаетъ новый свѣтъ на литературное общеніе и взаимность, существовавшія съ раннихъ временъ между южными славянами (болгарами, сербами) и Россіею. По отзыву академика И. В. Ягича, сочиненіе проф. Соколова не ограничивается этимъ вкладомъ въ науку, хотя онъ, уже самъ по себѣ, достоинъ полнѣйшаго признанія: оно присоединяетъ къ напечатаннымъ текстамъ довольно много пояснительныхъ замѣтокъ и остроумныхъ соображеній для критической и литературной оцѣнки напечатанныхъ памятниковъ, такъ что, рядомъ съ изданіемъ новыхъ текстовъ, тутъ же получается научное изслѣдованіе предмета, содержимаго въ напечатанныхъ памятникахъ. Подробное разсмотрѣніе сочиненій проф. Соколова приводитъ достоуважаемаго рецензента къ тому заключенію, что „богатое содержаніе новыхъ текстовъ, подробный анализъ каждаго изъ нихъ, и въ особенности остроумныя соображенія о происхожденіи апокрифическаго сказанія о крестномъ древѣ, представляютъ этотъ трудъ въ такомъ видѣ, что онъ безусловно достоинъ награжденія одною изъ премій, находящихся въ распоряженіи академіи“.

Наконецъ, пятое, увѣнчанное преміею, сочиненіе, а именно: трудъ Н. Д. Чечулина „Города московскаго государства въ XVI вѣкѣ", представляетъ двойной интересъ: собственно историческій и методологическій; первый заключается въ предметѣ изслѣдованія, второй— въ его матеріалѣ. По свойству явленій, на которыя обращено особенное вниманіе автора, трудъ его можно назвать, по отзыву профессора московскаго университета, В. И. Ключевскаго, изслѣдованіемъ о соціально-экономическомъ положеніи городовъ въ московскомъ государствѣ XVI вѣка. Основнымъ источникомъ для этого автору послужили писцовыя книги. Авторъ поступилъ очень обдуманно и цѣлесообразно, распредѣливъ свой матеріалъ географически, по мѣстностямъ, а не по разнымъ сторонамъ городского быта. Онъ разбираетъ сначала данныя объ отдѣльныхъ городахъ и только въ послѣдней главѣ даетъ общій разносторонній очеркъ городовъ. Сохранившійся запасъ писцовыхъ книгъ далъ автору возможность расположить въ своемъ обзорѣ описываемые имъ города полосами, по направленію съ сѣверо-запада къ юго-востоку. Наблюдая въ каждой полосѣ количество городского населенія, его общественный составъ, численныя отношенія составныхъ частей или классовъ, занятія и повинности городскихъ жителей, землевладѣніе, торговлю, ремесла и промысловыя заведенія въ городахъ, г. Чечулинъ, по отзыву рецензента, не только тщательно выбираетъ изъ своего источника черты, изображающія городъ со всѣхъ этихъ сторонъ, но и слѣдитъ за тѣмъ, какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ различались между собою города разныхъ полосъ, а также дѣлаетъ попытку объяснить происхожденіе этихъ различій. Трудъ г. Чечулина, основанный на внимательномъ изученіи малотронутаго источника, даетъ читателю не мало цѣнныхъ, освѣщающихъ предметъ фактовъ и еще больше матеріала для выводовъ, могущихъ усилить это освѣщеніе.

Въ заключеніе отчета, непремѣнный секретарь академіи, д. с. с. А. А. Штраухъ, сообщилъ присутствовавшимъ, что коммиссія положила назначить установленныя для рецензентовъ золотыя уваровскія медали: директору ярославскаго юридическаго лицея, заслуженному профессору С. М. Шпилевскому, профессору Императорскаго московскаго университета В. И. Ключевскому, привать-доценту того же университета П. Н. Милюкову и профессору Императорскаго с.-петербургскаго университета, о. М. И. Горчакову.

Археологическія Общества въ 1890 г.

Отчетъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1890 г. былъ прочитанъ въ годичномъ собраніи секретаремъ В. Г. Дружининымъ. Къ 1 января текущаго года Общество состояло изъ 18 почетныхъ членовъ, 119 дѣйствительныхъ членовъ, 71 русскихъ и 50 иностранныхъ членовъ-сотрудниковъ. Въ отчетномъ году общихъ собраній было пять, въ томъ числѣ одно экстренное. Въ этихъ собраніяхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ, читались сообщенія членами Общества: С. В. Арсеньевымъ—о древностяхъ острова Готланда; Н. И. Веселовскимъ,—о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ Таврической губ. втеченіе лѣта 1890 года; Н. П. Лихачевымъ—объ исторіи бумажнаго производства въ Россіи, и В. В. Сусловымъ—о производившейся подъ его наблюденіемъ реставраціи соборовъ: Преображенскаго XII вѣка во Псковѣ и собора того же вѣка и наименованія въ г. Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Совѣтъ Общества имѣлъ пять засѣданій и занимался хозяйственными дѣлами Общества. Отдѣленіе археологіи русской и славянской имѣло три засѣданія, въ коихъ читали сообщенія: Д. В. Айналовъ—о трехъ христіанскихъ сосудахъ, найденныхъ въ Керчи; Ѳ. А. Броунъ—о результатахъ произведенныхъ имъ раскопокъ на Мангупѣ лѣтомъ 1890 года; Э. Л. Вольтеръ—о своихъ раскопкахъ въ Лидскомъ и Трокскомъ уѣздахъ Виленской губерніи; А. С. Лаппо-Данилевскій—о золотыхъ предметахъ, найденныхъ въ курганѣ близь Крымской станицы; С. Ѳ. Платоновъ—о лѣтописныхъ извѣстіяхъ о началѣ Москвы, и Е. К. Рѣдинъ—о диптихѣ Эчміадзинскаго монастыря.

Восточное отдѣленіе имѣло пять засѣданій; сообщенія читали: И. С. Голенищевъ—объ открытой имъ плитѣ Дарія; В. А. Жуковскій—объ археологической поѣздкѣ его въ Закаспійскую область; С. Ѳ. Ольденбургъ—о санскритской версіи сказки Шемякинъ судъ; В. В. Радловъ—объ уйгурской надписи на камняхъ съ развалинъ Кара-Корума по снимкамъ г. Ядринцева; баронъ В. Р. Розенъ—о древнѣйшей грамматикѣ турецкаго и монгольскаго языковъ; о сборникѣ шуточныхъ реченій грамматическихъ, реторическихъ и тому подобныхъ, бывшихъ въ ходу у арабскихъ ученыхъ; о рукописи Альфораги, А. Г. Туманскій—объ ученіи асхабадскихъ бабистовъ; К. Ѳ. Шебунинъ—древній куфическій алькоранъ, хранящійся въ Императорской Публичной библіотекѣ. Въ истекшемъ году Обществомъ выпущены въ свѣтъ: второй томъ извѣстнаго капитальнаго труда В. В. Латышева—„Inscriptiones“; XX томъ трудовъ Восточнаго отдѣленія.

содержащій въ себѣ документы по исторіи дипломатическихъ сношеній Московской Руси съ Персіей при царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ, изданные Н. И. Веселовскимъ и заключающіе въ себѣ новый и весьма цѣнный матеріалъ. Кромѣ того Восточное отдѣленіе выпустило въ свѣтъ три выпуска IV тома своихъ Записокъ и 1-й вып. V-го. Продолжалось печатаніе Записокъ Общества, и въ скоромъ времени должны появиться 1-й и 2-й выпуски V тома. Желая привлечь ученыя силы къ разработкѣ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ составляетъ настоятельную необходимость въ настоящемъ состояніи археологіи, Общество учредило двѣ преміи, по 400 р. каждая, на соисканіе которыхъ поставило двѣ задачи, имѣющія цѣлью изученіе сочиненія императора Константина Багрянороднаго о церемоніяхъ Византійскаго двора, а именно первую—на срокъ 1-го января текущаго года—систематическій обзоръ главныхъ частей большого дворца, и вторую, на срокъ 1-го мая: ежедневные пріемы Византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи. Выработкой и постановкой этихъ темъ Общество обязано своимъ сочленамъ В. Г. Васильевскому и Н. П. Кондакову. (Извлечено изъ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1891, августъ).

— Императорское Московское Археологическое Общество въ 1890 году продолжало начатыя ранѣе и предприняло новыя археологическія изслѣдованія въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ, на Кавказѣ изслѣдованія были продолжаемы, главнымъ образомъ, предсѣдателемъ Общества графиней П. С. Уваровой, затѣмъ А. С. Хахановымъ, П. Д. Давидовымъ, В. Л. Тимофѣевымъ, кн. Нижерадзе и г. К. Мочаваріани; къ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи изслѣдованія производили: Д. Н. Маминъ, А. А. Спицынъ и г. П. Назаровъ; въ Сибири—Н. Я. Словцовъ; въ западныхъ губерніяхъ—В. Н. Сизовъ и Е. Р. Романовъ, а въ центральныхъ губерніяхъ—Н. Ю. Зографъ, Θ. Θ. Коврайскій, В. Н. Сизовъ, А. В. Щербачевъ и В. І. Лабунскій. Засѣданій Общества было 15, въ томъ числѣ 6 обыкновенныхъ, 8 распорядительныхъ и экстраординарныхъ и 1 годичное. Въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ были прочитаны слѣдующіе доклады: Д. Н. Анучина—о нѣкоторыхъ новыхъ матеріалахъ по археологіи Сибири, полученныхъ отъ мѣстныхъ изслѣдователей; о новыхъ изданіяхъ, русскихъ и иностранныхъ, по археологіи; по поводу новыхъ дополненій къ изслѣдованію „Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда“; о раскопкахъ крестьянина Валдайскаго уѣзда, Горохова; о раскопкахъ дряговичскихъ могильниковъ профессоромъ В. Б. Антоновичемъ; С. І. Долгова—о передѣлкѣ главы о Московскомъ государствѣ въ 76-ти-главой космографіи; объ описаніи Владимірскаго Успенскаго собора второй половины XVII в.; В. Т. Георгіевскаго—о программѣ преподаванія церковной археологіи

въ духовныхъ семинаріяхъ; Н. Ю. Зографа—о раскопкахъ въ Московской губерніи лѣтомъ 1890 года; А. Н. Кирпичникова—о поѣздкѣ на Аѳонъ и въ Аѳины въ 1890 г.; В. І. Лабунскаго—о раскопкахъ въ Калужской губерніи въ 1890 г.; В. Ѳ. Миллера—о Добрынѣ-змѣеборцѣ; В. Н. Сизова—о раскопкахъ въ Смоленской и Могилевской губерніяхъ въ 1890 г.; М. И. Соколова—о рукописномъ греческомъ лицевомъ сборникѣ прореченій изъ собранія гр. А. С. Уварова и о Хрисмологіонѣ Николая Спафарія; С. С. Слудскаго—о мнѣніи барона Ж. де-Байе о готскихъ древностяхъ въ Россіи; графини П. С. Уваровой—о могильникахъ Осетіи; А. С. Хаханова—объ археологическихъ трудахъ Д. З. Бокродзе по поводу его кончины; Н. В. Цвѣтаева—о византійскомъ альбомѣ гр. А. С. Уварова; о путешествіи по Греціи въ 1889 году; А. И. Шварца—о древне-греческихъ рельефахъ, найденныхъ въ могильникахъ южной Россіи; В. Н. Щепкина—о памятникѣ „золотого шитья“ начала XV вѣка. Кромѣ этихъ докладовъ, въ засѣданіяхъ Общества были прочитаны слѣдующіе отчеты, сообщенія и рефераты его иногородныхъ членовъ и постороннихъ лицъ: Н. П. Авенаріуса—свѣдѣнія о древностяхъ Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губерніи; А. Атанясанца—древній археологическій монастырь Летвицацикъ и древняя крѣпость при селеніи Бдугани; Н. Е. Бранденбурга—случай совмѣстнаго погребенія человѣка и лошади, его же—копія съ наказа о перестройкѣ и починкѣ Московской кремлевской стѣны между Спасскими воротами и Москвой рѣкой въ 1681 году; г. Городцова—описаніе мѣстонахожденія каменныхъ бабъ въ Рязанской губерніи, открытыхъ въ 1880—89 гг.; г. Гошкевича—отчетъ о поѣздкѣ лѣтомъ 1888 г. въ Черкасскій уѣздъ, совмѣстно съ профессоромъ Завитневичемъ; кн. Г. Д. Гуріели—о древнихъ развалинахъ Гуріи и турецкой Грузіи; А. К. Жизневскаго—замѣтка по поводу поступившаго въ Тверской музей фотографическаго снимка съ изображенія послѣдняго тверского великаго князя Михаила Борисовича, изъ Несвижскаго замка; В. З. Завитневича—объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Черниговской и Минской губерніяхъ въ 1890 г.; г. Іоакимова—перечень мѣстностей Елизаветпольской губерніи, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи; г. Іосселіани—Чхорская церковь; г. Куклинскаго—описаніе раскопокъ кургана близъ г. Пинеги въ 1871 году; его же—о портретѣ Петра Великаго 1698 года; г. Малиновскаго—объ археологическихъ развѣдкахъ лѣтомъ 1888 г. въ Селитряномъ городищѣ; г. Мачаваріани—объ археологическихъ изысканіяхъ его въ Мингреліи; А. Н. Поливанова—о раскопкахъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ; Е. Р. Романова—о раскопкахъ въ Могилевской губерніи въ 1890 г.; г. Салахъ-бекъ-Зохрабъ-бекова—ханская пещера; Г. Трубачева — описаніе дольменовъ близъ станціи Баракаевской;

графа Л. де-Флери—Les tresses de cheveux de la nécropole de Mourano et celles des dames napolitaines au XIV siécle; Θ. Θ. Чекалина—о слѣдахъ болгаро-татарскаго поселенія около с. Канадея, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи; А. В. Щербачева—о раскопкахъ близъ села Верхней Мануиловки, Кременчугскаго уѣзда, Полтавской губерніи съ 1887 по 1889 г. Кромѣ того, въ портфелѣ Общества остались еще недоложенныя статьи разныхъ лицъ, а товарищъ предсѣдателя Общества Д. А. Анучинъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ знакомилъ Общество съ раскопками въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ изъ провинціальныхъ газетъ. Состоящая при Обществѣ Восточная коммиссія, находившаяся подъ предсѣдательствомъ сперва Θ. Е. Корша, а затѣмъ В. Θ. Миллера, имѣла втеченіе 1890 года 6 засѣданій, на которыхъ прочитаны были слѣдующіе доклады: М. О. Аттая—разборъ арабскихъ надписей на мечети при ханскомъ дворцѣ въ Баку; В. А. Грингмута—къ фонетикѣ египетскаго, преимущественно коптскаго языка; К. И. Додаева—о грузинскихъ аспиратахъ и адфрикатахъ; Х. И. Кучукъ-Іоаннесова—о трудѣ мхитариста о. Алишана „Айраротъ"; В. Θ. Миллера—изъ изслѣдованій по ведійской миѳологіи; Л. З. Маріанца—образованіе множественнаго числа въ армянскомъ языкѣ; М. В. Никольскаго—о современномъ положеніи вопроса о суммерскомъ языкѣ; его же—о фрагментѣ ассирійской клинообразной надписи изъ собранія князя П. А. Путятина; его же—о фрагментѣ ассирійскаго барельефа того же собранія; И. И. Соловейчика—о правильномъ чтеніи имени Моавитскаго царя Меши; С. С. Слудскаго—о тюркской надписи сиркскимъ шрифтомъ на каменной бабѣ; В. К. Трутовскаго—текіе Афганъ-Махатмедъ султана въ г. Касимовѣ и вновь открытыя въ ней могильныя плиты съ надписями; Г. Е. Церетели—собраніе надписей и приписокъ въ рукописяхъ Гелатскаго монастыря; А. С. Хаханова—источники по вопросу о введеніи христіанства въ Грузіи; барона Р. Р. Штакельберга—о финско-иранскихъ лексическихъ отношеніяхъ; М. С. Щекина—разборъ надписей на геммахъ, представленныхъ въ Общество, и его же—о поѣздкѣ по Египту, Сиріи и Палестинѣ лѣтомъ 1890 г. Въ 1890 г. коммиссія издала 2-й выпускъ 1 тома своихъ Трудовъ, подъ заглавіемъ „Древности восточныя". Въ составъ этого выпуска, вышедшаго подъ редакціей секретаря коммиссіи М. В. Никольскаго, вошли нѣкоторые изъ названныхъ выше докладовъ, а также другія статьи. Кромѣ того, отчетъ Общества сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ. (См. отчетъ, читанный въ годичномъ засѣданіи 26 февраля 1891 г. секретаремъ В. К. Трутовскимъ).

Археологическій Институтъ.

Археологическій Институтъ въ С.-Петербургѣ, основанный въ 1877 г. извѣстнымъ юристомъ-историкомъ Н. В. Калачовымъ, имѣетъ своей ближайшей задачей приготовленіе спеціалистовъ по русской старинѣ для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ. Архивное дѣло живо интересовало Н. В. Калачова и было въ глазахъ его дѣломъ высокой важности для исторической науки и науки права. Калачовъ былъ хорошо знакомъ съ положеніемъ русскихъ архивовъ, тѣмъ болѣе, что съ 1865 года онъ самъ управлялъ однимъ изъ важнѣйшихъ нашихъ архивовъ, Московскимъ архивомъ Министерства Юстиціи. Постановка архивнаго дѣла у насъ въ Россіи казалась ему весьма неудовлетворительной по сравненію съ тѣмъ, что сдѣлано по этой части на Западѣ Европы, особенно во Франціи, Бельгіи и Баваріи.

Парижская Ecole des chartes, подготовляющая опытныхъ архивистовъ, казалась Калачову образцомъ, достойнымъ подражанія. И вотъ Калачовъ задался мыслью образовать и въ нашемъ отечествѣ такихъ архивистовъ, какихъ онъ видѣлъ на Западѣ. Для осуществленія своихъ плановъ онъ воспользовался только что возникшими у насъ Археологическими съѣздами. На 1-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ (въ мартѣ 1869 г.) Калачовъ возбудилъ вопросъ объ устройствѣ отечественныхъ архивовъ и повторилъ свой рефератъ на 2-мъ съѣздѣ въ С.-Петербургѣ (въ декабрѣ 1871 г.), присоединивъ на этотъ разъ просьбу къ членамъ съѣзда указать, чтó можно бы сдѣлать для устройства нашихъ архивовъ. Члены съѣзда отнеслись съ живымъ участіемъ къ предложенію Калачова и постановили ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи особой временной коммиссіи изъ представителей разныхъ вѣдомствъ для обсужденія вопроса о наилучшемъ устройствѣ нашихъ архивовъ. Ходатайство съѣзда было уважено и въ февралѣ 1873 года съ Высочайшаго разрѣшенія была учреждена временная коммиссія подъ предсѣдательствомъ Калачова. Коммиссія, душой которой былъ Калачовъ, выработала два проекта:

1) *Главной архивной коммиссіи*, какъ центральнаго правительственнаго учрежденія, имѣющаго доставить единство и благоустройство многочисленнымъ архивамъ Россіи, со штатомъ 34,000 р. ежегодно.

2) *Археологическаго Института*, какъ учебнаго учрежденія въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ ежегоднымъ штатомъ въ 15,000 р. Ни тотъ, ни другой проекты не могли осуще-

ствиться на счетъ правительства за неимѣніемъ свободныхъ суммъ. Тогда Калачовъ, надѣясь найти жертвователей, исходатайствовалъ разрѣшеніе открыть Археологическій Институтъ на частныя средства. 23 іюля 1877 г. было Высочайше утверждено положеніе объ Археологическомъ Институтѣ, какъ учрежденіи, открываемомъ въ С.-Петербургѣ на частныя средства, въ видѣ опыта, на 4 года, съ цѣлію приготовлять спеціалистовъ по русской старинѣ для занятія мѣстъ въ архивахъ.

Положеніе 23 іюля 1877 г. было смѣнено Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 11 января 1880 г.; на основаніи послѣдняго положенія и существуетъ Археологическій Институтъ. Открытіе Института состоялось 15 января 1878 г.

Въ 1882 году Археологическому Институту по ходатайству г. Министра Народнаго Просвѣщенія была назначена правительственная субсидія на три года въ размѣрѣ 6,000 р. ежегодно, которая въ 1886 году была обращена въ постоянную.

Въ январѣ 1888 г. Его Имп. Высоч. в. кн. Сергію Александровичу благоугодно было принять Археологическій Институтъ подъ свое Августѣйшее покровительство. Археологическій Институтъ — учено-учебное установленіе, состоящее въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ввѣренное особому директору, опредѣляемому и увольняемому Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Профессора и преподаватели назначаются Министромъ Народнаго Просвѣщенія по представленіямъ директора. Педагогическими дѣлами завѣдуетъ совѣтъ, хозяйственными—правленіе.

Институтъ имѣетъ право избирать въ почетные члены лицъ, оказавшихъ ему нравственныя услуги, или ежегодно вносящихъ въ его пользу по 500 р. (Почетнымъ членамъ присвоивается заурядъ и, пока состоятъ въ этомъ званіи, V классъ по должности, и V разрядъ по мундиру министерства народнаго просвѣщенія). Курсъ ученія двухгодичный и безплатный.

Въ слушатели Института принимаются только лица, окончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Лица со среднимъ образованіемъ могутъ слушать лекціи въ качествѣ постороннихъ слушателей. Изъ прослушавшихъ двухгодичный курсъ и успѣшно выдержавшихъ испытанія, лица съ высшимъ образованіемъ получаютъ аттестатъ на званіе дѣйствительныхъ членовъ, а лица со среднимъ образованіемъ — свидѣтельство на званіе членовъ-сотрудниковъ Археологическаго Института. Положеніемъ 23 іюля 1877 г., а равно и Положеніемъ 11 января 1880 г. намѣчена слѣдующая программа преподаванія наукъ въ Археологическомъ Институтѣ:

1) Палеографія вообще и въ особенности русская.

2) Русскія древности по частному и общественному быту до XVIII ст. включительно вообще, и въ особенности по части юридической.

3) Хронологія, генеалогія, нумизматика, сфрагистика, геральдика, основанія науки объ архивахъ, и древняя географія вообще и въ особенности Россіи до XVIII ст. включительно.

Первымъ директоромъ Института былъ Н. В. Калачовъ († 25 окт. 1885 г.), которому выпала трудная задача не только устроить Институтъ и самому быть главнымъ труженикомъ въ дѣлѣ преподаванія, но и находить средства для существованія Института втеченіе пяти лѣтъ (до 1883 г.), пока существованіе Института не было обезпечено болѣе или менѣе правительственной субсидіей (въ 6,000 р. ежегодно).

Благодаря своей энергіи, Калачовъ одолѣлъ всѣ трудности, естественно связанныя съ началомъ всякаго новаго дѣла, и втеченіе 4-хъ лѣтъ создалъ основанному имъ Институту право на существованіе въ глазахъ правительства и общества. Явились пожертвованія, которыя дали возможность не только сряду же по основаніи начать преподаваніе въ Институтѣ, устраивать поѣздки слушателей для знакомства съ архивами, раскопками, древностями, нѣкоторымъ изъ слушателей выдавать стипендіи, но и предпринять изданіе своего органа „Сборника Археологическаго Института" (кн. I 1878 г., кн. II 1879, кн. III и IV 1880 г., кн. V вып. 1, 1881 г., вып. 2, 1886 г.), продолженіемъ котораго былъ „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи" (вып. I—IV 1885 г., V и VI 1886 г., вып. VII 1888 г.) Калачовъ ставилъ Археологическому Институту слѣдующія почтенныя задачи въ будущемъ:

1) Сближать провинціальныхъ любителей старины, занимающихся изслѣдованіемъ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, съ тѣми научными силами, какими располагаютъ столицы.

2) Привести существующіе архивы въ порядокъ, описать ихъ и сдѣлать доступными для пользованія, а равно создать историческіе архивы и музеи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ нѣтъ, но гдѣ они могутъ быть.—Въ этомъ трудномъ дѣлѣ Калачовъ возлагалъ надежды на *губернскія ученыя архивныя коммиссіи,* основавшіяся по его мысли въ различныхъ губернскихъ городахъ Россіи (Проектъ губ. учен. архивн. коммиссій Высочайше утвержденъ 13 апрѣля 1884 г.) и поставленныя подъ руководство Археологическаго Института.

Задача этихъ мѣстныхъ историческихъ обществъ состоитъ прежде всего въ созданіи губернскихъ историческихъ архивовъ путемъ выдѣленія документовъ, имѣющихъ только историческій интересъ, изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ, путемъ пріобрѣтенія таковыхъ отъ

частныхъ лицъ, а также въ собираніи свѣдѣній о древностяхъ края, образованіи музея, печатаніи историческихъ и юридическихъ документовъ и вообще въ пробужденіи историческаго интереса къ мѣстной старинѣ въ провинціальномъ обществѣ. Копіи описей и указателей губернскихъ историческихъ архивовъ должны поступить въ Археологическій Институтъ и составить современемъ весьма важное для русской исторической науки справочное бюро. — Преемникомъ Калачова въ Археологическомъ Институтѣ, втеченіе 6 лѣтъ (1885—1891 г.) неутомимо преслѣдовавшимъ осуществленіе его плановъ, былъ профессоръ и ректоръ С.-Петербургскаго Университета (до 7-го іюля 1887 г.) Иванъ Ефимовичъ Андреевскій († 20 мая 1891 г.), о которомъ Институтъ навсегда сохранитъ благодарную память. Преподаваніе въ Археологическомъ Институтѣ, несмотря на всѣ заботы покойнаго Ивана Ефимовича еще не достигло полноты, намѣченной въ „Положеніи объ Арх. Институтѣ", главнымъ образомъ потому, что Институтъ располагаетъ болѣе, чѣмъ скромными средствами (бюджетъ Института не превышаетъ 8,000 р.). Въ минувшемъ 1890—91 учебномъ году въ Археологическомъ Институтѣ читались слѣдующіе предметы:

1) Наука объ архивахъ читалась директоромъ Института проф. И. Е. Андреевскимъ.

2) Палеографія и 3) Метрологія — преп. Д. И. Прозоровскимъ.

4) Нумизматика—преп. А. К. Марковымъ.

5) Юридическія древности—проф. В. И. Сергѣевичемъ.

6) Церковныя древности—проф. Н. В. Покровскимъ.

Сверхъ того существовали практическія занятія по описанію архивовъ подъ руководствомъ А. П. Воронова и по чтенію древнихъ актовъ подъ руководствомъ гр. Н. С. Ланского. Кромѣ лекцій, читаемыхъ утромъ отъ 10 до 12, въ Институтѣ бывали вечернія собранія еженедѣльно (по четвергамъ) подъ руководствомъ И. Е. Андреевскаго для разсмотрѣнія трудовъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій, дѣятельности историческихъ и археологическихъ обществъ и бесѣдъ по вопросамъ археологіи и исторіи. Въ этихъ вечернихъ собраніяхъ могли присутствовать также бывшіе питомцы Института, его дѣйствительные члены и члены-сотрудники. Ежемѣсячно устраивались публичныя собранія, на которыхъ читались рефераты для публики. Въ нынѣшнемъ учебномъ году въ Археологическомъ Институтѣ произошли слѣдующія перемѣны: на мѣсто директора назначенъ членъ Археографической коммиссіи тайн. сов. А. Н. Труворовъ, который взялъ на себя преподаваніе чтенія актовъ за отъѣздомъ гр. Н. С. Ланского; курсъ архивовѣдѣнія въ настоящемъ учебномъ году Совѣтъ Института поручилъ читать А. П. Воронову.

При Институтѣ довольно значительная библіотека (до 10,000 т.), основаніемъ которой послужили книги, пріобрѣтенныя Н. В. Калачовымъ на 1000 р., ассигнованныхъ ему на этотъ предметъ по ходатайству г. Министра Народнаго Просвѣщенія. Далѣе библіотека пополнялась преимущественно путемъ пожертвованій, изъ которыхъ самымъ крупнымъ было: вдовы Н. В. Калачова, Л. А. Калачовой, передавшей Институту библіотеку покойнаго ея мужа, заключавшую въ себѣ свыше 4,000 книгъ археологическаго, историческаго и юридическаго содержанія. Въ нынѣшнемъ году вдова И. Е. Андреевскаго А. Н. Андреевская пожертвовала въ Институтъ часть библіотеки Ивана Ефимовича (болѣе 1000 т.). Кромѣ книгъ, въ библіотекѣ Института имѣется до 500 рукописей. При Институтѣ имѣется музей, образовавшійся частью изъ пожертвованій, частью изъ предметовъ, добытыхъ слушателями Института во время раскопокъ. Общее число предметовъ, находящихся въ Институтскомъ музеѣ, достигаетъ 4000. Число слушателей въ Археологическомъ Институтѣ за послѣдніе годы бываетъ болѣе 30 человѣкъ на двухъ курсахъ, хотя Институтъ кончившимъ въ немъ курсъ лицамъ не даетъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ.

Подробнѣе можно ознакомиться по статьѣ И. Е. Андреевскаго „Десятилѣтіе Археологич. Института“ (Русская Старина 1888 года, февраль), по „Сборнику Арх. Института“ и „Вѣстнику Археологіи и Исторіи“.

Новое изданіе Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Къ числу тѣхъ историческихъ трудовъ, появленіемъ которыхъ въ свѣтъ мы обязаны существующей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и договоровъ, недавно присоединилось еще новое „Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся къ Грузіи“ (т. I съ 1768 по 1774 г. подъ редакціей проф. А. Цагарели. Спб. 1891 г.). Это—работа, относящаяся къ изученію прошлыхъ судебъ Кавказа и состоящая исключительно изъ актовъ, хранящихся въ помянутомъ архивѣ. Она—не первый трудъ подобнаго содержанія въ нашей литературѣ. Еще въ 1861 году покойнымъ М. Броссе на средства Академіи Наукъ былъ изданъ подъ заглавіемъ „Переписка на иностранныхъ языкахъ Грузинскихъ Царей съ Россійскими Государями отъ 1639 по 1770 г.“ (Спб. 1861 г.) сборникъ *всѣхъ* сохранившихся до нашего времени въ томъ же московскомъ

архивѣ документовъ на *иностранныхъ* языкахъ за время съ 1639 по 1770 г., касающихся сношеній между Россіей и Грузіей. Два года тому назадъ въ „Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“ (за 1888 г. кн. III) появился трудъ С. А. Бѣлокурова, вышедшій потомъ и отдѣльною книгою подъ заглавіемъ „Сношенія Россіи съ Кавказомъ“ (М. 1889 г. т. I, 1578—1613 гг.), содержащій всѣ безъ исключенія документы по 1613 г., сохранившіеся въ Московскомъ Архивѣ [1]). Работа проф. Цагарели, представляющая изъ себя сборникъ актовъ того же Архива за 1768 — 1774 гг. по сношеніямъ Россіи съ Грузіей, является такимъ образомъ продолженіемъ двухъ предыдущихъ трудовъ гг. Броссе и Бѣлокурова. Содержаніе настоящаго изданія составляютъ документы за время первой Турецкой войны, которой они главнымъ образомъ и касаются, именно дѣйствій русскаго корпуса войскъ совмѣстно съ грузинскими войсками въ Закавказьѣ противъ Турціи и событій, сопряженныхъ съ этимъ. Начинаясь „разсужденіемъ о способахъ, какими грузинцы преклонены быть могутъ къ воспріятію участія въ настоящей съ Портою Оттоманскою войнѣ“ (1768 г.), оно оканчивается грамотами Императрицы Екатерины II къ царямъ Ираклію и Соломону съ извѣстіями о заключеніи съ Турціей Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора. Впрочемъ, не всѣ документы за указанное время (1768—1774 гг.), хранящіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, вошли въ настоящій сборникъ, а только нѣкоторые, выбранные изъ числа ихъ проф. Цагарели, который отдавалъ при этомъ предпочтеніе прежде всего памятникамъ, имѣющимъ отношеніе къ историко-политическимъ событіямъ, потомъ военнымъ, экономическимъ, религіознымъ, научнымъ, описаніямъ Грузіи и смежныхъ странъ въ разныхъ отношеніяхъ и т. п. Настоящіе документы имѣютъ большую важность какъ для исторіи сношеній Россіи съ Грузіей, такъ и для исторіи послѣдней страны, ибо содержатъ значительное число этнографическихъ и генеалогическихъ данныхъ и массу другихъ любопытнѣйшихъ свѣдѣній о Грузіи, особенно въ донесеніяхъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ, бывшихъ тамъ въ то время. Настоящіе акты, пишетъ проф. Цагарели, „вѣроятно, еще не скоро бы увидѣли свѣтъ, еслибы я въ многоуважаемомъ Директорѣ упомянутаго Архива не встрѣтилъ живѣйшаго сочувствія и дѣятельной поддержки къ приведенію въ исполненіе этого предпріятія“ (стр. XXXII).

---

[1]) Въ тѣхъ же Чтеніяхъ (1887 г. кн. II) С. А. Бѣлокуровымъ напечатаны акты, касающіеся посольства въ Мингрелію въ 1637 г. дьяка Елчина и свящ. Захарьева, вошедшіе въ составъ его книги: „Матеріалы для Русской Исторіи“ (М. 1888 г.).

Настоящій трудъ составляетъ только начало предпринятаго коммиссіей изданія. Въ составъ II-го тома имѣютъ войти акты на *грузинскомъ* языкѣ съ примѣчаніями и дополненіями, а также и съ новыми переводами, гдѣ это будетъ необходимо.

Ученыя Общества.

Намъ доставлены проф. А. И. Маркевичемъ слѣдующія извѣстія о засѣданіяхъ одесскаго историко-филологическаго общества:

Въ состоявшемся 30 апрѣля засѣданіи проф. В. К. Надлеръ сдѣлалъ крайне интересное сообщеніе на тему „объ отношеніи Наполеона I къ Россіи“ до нашествія, въ началѣ 19 вѣка, по документамъ, вновь изданнымъ историческимъ обществомъ въ С.-Петербургѣ, подъ редакціей проф. Трачевскаго. Документы эти нѣсколько измѣняютъ прежній взглядъ на Наполеона, какъ на абсолютнаго монархиста, стремившагося ко всемірной монархіи. Лекторъ не соглашался съ толкованіемъ профессора Трачевскаго и утверждалъ, что новые документы подтверждаютъ старинный приведенный взглядъ и не подрываютъ его. Нѣкоторыя замѣчанія по поводу реферата были сдѣланы профессоромъ Маркевичемъ и Афанасьевымъ. Въ слѣдующемъ очень интересномъ рефератѣ „о происхожденіи ереси стригольниковъ“ проф. Ѳ. И. Успенскій доказывалъ, что ересь стригольниковъ имѣла не мѣстное происхожденіе въ Новгородѣ и Псковѣ, какъ доказываютъ оффиціальные историки церкви Филаретъ черниговскій и митрополитъ Макарій московскій, а имѣла тѣсную связь съ религіозно-политическими движеніями въ Византіи того времени. Въ частности лекторъ ставилъ происхожденіе названной ереси въ связь съ личностью извѣстнаго архіепископа Солунскаго Григорія Паламы, знаменитаго въ церковной исторіи по бывшему въ Византіи (въ XIV вѣкѣ) спору „о Фаворскомъ свѣтѣ“. Замѣчанія были сдѣланы преподавателемъ г. Маврогановъ. Въ состоявшемся 20 марта засѣданіи проф. А. И. Маркевичъ сдѣлалъ сообщеніе на тему „О колонизаціи Слободской Украйны“. Референтъ сообщилъ, что онъ разсмотрѣлъ 237 актовъ и копій, хранящихся въ библіотекѣ графовъ Толстыхъ и относящихся къ означенной колонизаціи. Содержаніе нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ актовъ референтъ списалъ, а остальнымъ сдѣлалъ описаніе. Въ этихъ актахъ имѣются свѣдѣнія бытовыя, юридическія и проч. Затѣмъ, г. Г. Е. Афанасьевъ сдѣлалъ сообщеніе, составляющее главу его сочиненія: „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ концѣ XVIII в.“. 15 октября состоялось засѣданіе византійскаго отдѣленія Историко-филологическаго Общества, въ которомъ проф. Ѳ. И. Успен-

скій сдѣлалъ сообщеніе „О монастырѣ св. великомученика Мамонта" на основаніи „типиковъ" или уставовъ этого монастыря, изъ которыхъ одинъ—копія—находится въ Константинополѣ, другой—оригиналъ—въ Парижѣ. Референтъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Начиная съ XI вѣка восточные монастыри отдавались подъ эгиду харистикаріевъ. Этотъ обычай идетъ параллельно съ западнымъ обычаемъ, предоставляющимъ пользоваться имуществомъ духовенства для цѣлей государства. На западѣ обычай этотъ установился съ VIII столѣтія и, какъ извѣстно, повелъ къ развитію феодализма, а на востокѣ впервые обнаруживается въ XI вѣкѣ и, по имѣющимся указаніямъ, встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе со стороны духовенства, обнаружившаго естественную непріязнь по отношенію къ харистикаріямъ. 2) Второй выводъ касается собственно мѣста расположенія монастыря. Референтъ, указавъ на то, что монастыри въ то время служили какъ бы подгородными дачами для лицъ свѣтскихъ, замѣчаетъ, что монастырь св. Мамонта, благодаря своему хорошему мѣстоположенію, служилъ мѣстопребываніемъ и царей. Далѣе есть основаніе утверждать, что монастырь св. Мамонта былъ расположенъ не вблизи городской стѣны, невдалекѣ отъ „Влахернскаго" монастыря, какъ это ранѣе предполагали, а дальше, въ концѣ „Золотого рога", гдѣ въ настоящее время находится мусульманское кладбище „Эюбъ". Затѣмъ проф. Коршъ доложилъ письменное сообщеніе члена Общества г. Мочульскаго объ одномъ изъ апокрифовъ греко-славянской письменности.

— Одесскому Обществу исторіи и древностей прислано завѣдующимъ судакскою генуэзскою крѣпостью описаніе плиты, найденной въ крѣпости, съ генуэзской надписью, въ которой упоминается о сольдайскомъ консулѣ Тартаро, окончившемъ срокъ своей должности втеченіе 1471 г. или отказавшемся отъ нея, по примѣру многихъ, слагавшихъ съ себя званіе консула по причинѣ опасности отъ турокъ послѣ завоеванія ими Константинополя. Общество обратилось къ приславшему описаніе съ просьбою переслать плиту въ Одессу для музея Общества.

— Въ засѣданіи Харьковскаго историко-филологическаго общества 12 мая 1891 г. были прочитаны три реферата, ихъ коихъ два имѣютъ историческое содержаніе. Первый изъ нихъ былъ прочитанъ А. С. Вязигинымъ на тему: „о кончинѣ царевича Димитрія". Сущность реферата, прочитаннаго г. Вязигинымъ, такова. Современное положеніе вопроса о родѣ смерти царевича Димитрія побуждаетъ пересмотрѣть данныя источниковъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи. Между ними выдающееся мѣсто занимаетъ такъ-называемое сыскное дѣло. Но внѣшняя критика доказываетъ, что оно не дошло до насъ въ полномъ объемѣ, да и напечатано неправильно склееннымъ.

Это обстоятельство затрудняетъ задачу внутренней критики, которая однако въ концѣ-концовъ дѣлаетъ очень возможнымъ существованіе падучей у Димитрія. Что же касается рода его смерти, то невѣроятность сопровождающихъ обстоятельствъ (характеръ припадковъ, мѣсто раненія, орудіе, присутствіе 7 лицъ), крайнія несообразности и вопіющія противорѣчія въ показаніяхъ лицъ, допрошенныхъ слѣдователями, побуждаютъ признать самоубійство въ высшей степени невѣроятнымъ. Сверхъ того сличеніе данныхъ розыска съ сказаніями иностранцевъ и русскими источниками приводятъ къ тому заключенію, что мать царевича видѣла убѣгающихъ убійцъ, а потому ея глубокая увѣренность и породила кровавый самосудъ, отдѣльныя картины котораго не воспроизводитъ сыскное дѣло въ виду пристрастія слѣдователей. Что же касается мнѣнія, высказаннаго въ майской книжкѣ „Истор. Вѣстн." за текущій годъ (что виновникомъ смерти царевича былъ Шуйскій), то оно совершенно голословно и не подтверждается никакими свидѣтельствами.

Другое сообщеніе было сдѣлано проф. *В. П. Бузескуломъ* „О Ѳемистоклѣ и Эфіальтовой реформѣ ареопага" (замѣтка по поводу 25-й главы вновь открытаго трактата Аристотеля). Референтъ остановился на одномъ изъ тѣхъ сообщеній этого памятника, которыя противорѣчатъ тому, что намъ до сихъ поръ было извѣстно,—именно на разсказѣ объ участіи Ѳемистокла въ дѣлѣ реформы ареопага, произведенной Эфіальтомъ. Сличеніе свидѣтельствъ прежнихъ нашихъ источниковъ приводитъ къ заключенію, что такого участія допустить нельзя уже въ силу хронологическихъ соображеній; при томъ разсказъ трактата о роли Ѳемистокла въ дѣлѣ реформы ареопага самъ по себѣ внушаетъ сомнѣнія въ его достовѣрности и принадлежности самому Аристотелю: этотъ разсказъ слишкомъ анекдотиченъ—сообщаются подробности о двуличіи Ѳемистокла и объ испугѣ Эфіальта—а о самой сущности реформы говорится въ нѣсколькихъ словахъ. При томъ Плутархъ, любившій анекдоты и пользовавшійся Аристотелемъ, ничего не сообщаетъ намъ о роли Ѳемистокла при совершеніи переворота; можно думать, что въ томъ текстѣ трактата, который былъ подъ руками у Плутарха, такого разсказа не было. Является такимъ образомъ предположеніе, что разсказъ этотъ—позднѣйшая вставка. Вообще вновь найденнымъ трактатомъ слѣдуетъ пользоваться осторожно: предварительно необходимъ детальный анализъ его извѣстій и критическая провѣрка ихъ.

3-й референтъ *В. И. Харціевъ* прочиталъ выдержки изъ своей обширной работы о нѣкоторыхъ мотивахъ южно-славянской народной поэзіи (главнымъ образомъ болгарской). Замѣчанія по поводу этого реферата сдѣланы были М. Е. Халанскимъ.

Въ засѣданіи 10 окт. читанъ былъ рефератъ М. М. Плохинскаго о „Мазепѣ, какъ великорусскомъ помѣщикѣ“ (по даннымъ семейнаго архива кн. Барятинскаго) и происходили выборы предсѣдателя (проф. М. С. Дринова) и секретаря (проф. Н. Ѳ. Сумцова). Недавно вышелъ въ свѣтъ третій томъ „Сборника Харьковскаго Ист.-Фил. Общ.“ Вотъ его содержаніе.

1) Отчетъ о дѣятельности Истор.-Филол. Общества въ 1890/91 академическомъ году, составленный секретаремъ Общества Н. Ѳ. Сумцовымъ, и отчетъ объ архивѣ Общества съ 1-го октября 1889 по 1-е октября 1890 г. 2) В. Саввы, О времени и мѣстѣ крещенія русской великой княгини Ольги (опытъ историко-критическаго разбора. 3) М. Плохинскаго, Матеріалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украйны. Бобровники. Стрѣльцы (съ приложеніемъ документовъ). 4) П. Иванова. Народные разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ (матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда). 5) Н. Ѳ. Сумцова. Колдуны. вѣдьмы и упыри (библіографія) 6) Д. И. Багалѣя. Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіеся къ исторіи Слободской Украйны (критико-библіографическій очеркъ). Выпускъ 2-й: 1885—1890 годы. Часть I-я: обзоръ источниковъ. 7) В. П. Бузескула. Библіографическая замѣтка о книгахъ, изданныхъ въ Харьковѣ. 8) Нѣсколько мелкихъ замѣтокъ.

Засѣданія исторической секціи Учебнаго отдѣла моск. Общ. Распр. техн. зн. въ 1891 г. [1]).

Засѣданіе 7 января 1891 г. Въ началѣ засѣданія присутствовавшій въ собраніи предсѣдатель С.-Петербургскаго Историческаго Общества, проф. Н. И. Карѣевъ, заявивъ о сочувствіи членовъ Общества къ работѣ московской исторической секціи, выразилъ отъ имени Общества желаніе войти съ послѣднею въ болѣе тѣсное и правильное общеніе и съ этою цѣлью предложилъ печатать въ приложеніяхъ къ Историческому Обозрѣнію отчеты о засѣданіяхъ исторической секціи. Собраніе рѣшило поручить секретарямъ составленіе отчетовъ о каждомъ засѣданіи, а о прошедшихъ собраніяхъ дать общій отчетъ.

Затѣмъ Р. Ю. Випперъ доложилъ *Общую схему изложенія курса реформаціи.* Работа имѣла въ виду не только указать руководящія точки зрѣнія въ изложеніи названной эпохи, но и намѣтить группи-

[1]) См. краткій отчетъ о дѣятельности секціи въ 1890 во II отд. II тома Истор. Обозр.

ровку основныхъ явленій ея, согласно опредѣленію общаго плана работъ, которое референтъ предлагалъ въ первомъ полугодіи.

Референтъ исходилъ отъ того взгляда, что эпоху реформаціи слѣдуетъ изучать не по странамъ, а по періодамъ, сообразно основнымъ теченіямъ и ступенямъ, которыя она проходитъ. Помимо доводовъ научнаго характера здѣсь указывалось на слабость національныхъ движеній, на группировку партій, народностей и государствъ на основаніи рѣзко обозначенныхъ религіозныхъ и политическихъ стремленій, приводились и педагогическія соображенія (возможность синхронистическаго изложенія событій въ разныхъ странахъ). Референтъ допускалъ ограниченіе относительно Англіи, позже проходящей ступени реформаціи; изложеніе исторій этой страны можетъ въ меньшей степени подчиняться общей группировкѣ. Разобравши съ цѣлью провѣрки своихъ воззрѣній рядъ употребительнѣйщихъ русскихъ и иностранныхъ учебныхъ книгъ, учебники Иловайскаго, Функе, Фукса, Трачевскаго, Шульгина, Дюперре и книгу Гейссера, и отмѣтивши тѣ факты новой исторіи, которые надо предполагать извѣстными при началѣ изученія эпохи реформаціи, референтъ подраздѣлилъ явленія самой эпохи на слѣд. періоды:

1) *періодъ ранней реформаціи* (1517—до половины 50 годовъ XVI в.). Излагается исторія Германіи (на первомъ планѣ и детальнѣе), Франціи, Англіи. Отмѣчается характеръ гуманистической, народной и правительственной оппозиціи католичеству, объясняются различныя соціальныя стремленія, захваченныя реформаціей. Международныя отношенія связываются съ исторіей Германіи (центральное положеніе Карла V); сюда же должна быть отнесена реформа Цвингли. Отдѣлъ заканчивается картиной распространенія протестантизма въ половинѣ XVI в. и объясненіемъ причинъ его разложенія.

2) *періодъ католической реакціи, кальвинизма и религіозныхъ войнъ* (1555—до смерти Елизаветы и Генриха IV). Въ основѣ изложенія должно лежать объясненіе связи религіозныхъ идей съ политическими стремленіями и указаніе параллелизма католической реакціи и новой формы протестантизма. Отдѣлъ начинается характеристикой возрождающагося католичества и кальвинизма въ его типической формѣ въ Женевѣ. Въ центрѣ Испанія и Нидерланды. Далѣе исторія Франціи, Англіи и Шотландіи (Польши), и коротко Германія. Заканчивается глава указаніемъ результатовъ католической реакціи и религіозныхъ войнъ.

3) *періодъ 30-ти лѣтней войны, торжества абсолютизма во Франціи и парламентаризма въ Англіи.* Періодъ этотъ характеризуется упадкомъ реформаціонныхъ идей, отступленіемъ религіозныхъ

мотивовъ передъ политическими и экономическими стремленіями въ жизни народовъ. Исторія Франціи доводится до смерти Мазарини, къ исторіи Англіи въ этомъ періодѣ присоединяется отдѣлъ, излагающій событія до 1688 года. Варіантъ для исторіи Англіи: эпоха Елизаветы переносится изъ втораго отдѣла и связывается съ эпохой Стюартовъ.

На рефератъ возражали С. Ѳ. Фортунатовъ и Н. И. Карѣевъ. Возраженія сводились главнымъ образомъ къ указанію на дробность дѣленія періода, предложеннаго референтомъ, и на важность утрачиваемой черезъ это цѣлостности исторіи отдѣльныхъ народовъ (болѣе всего Англіи, въ своемъ развитіи стоящей особо). Въ виду этого, Н. И. Карѣевъ находилъ желательнымъ разбить курсъ исторіи реформаціи на два отдѣла: въ первомъ разсмотрѣть общее движеніе идей и политики реформаціоннаго періода, во второмъ событія, имѣющія мѣстное значеніе, по странамъ.

Засѣданіе 28 января. Собраніе продолжало обсужденіе прочитаннаго въ предыдущемъ засѣданіи доклада Р. Ю. Виппера.

Въ виду того, что референтъ предлагалъ свою работу какъ опытъ новаго направленія занятій секціи, собраніе разсматривало не только содержаніе прочитанной схемы, но и общій принципъ и пріемы работы.

Большинство высказалось противъ обязательнаго утвержденія подобныхъ схемъ въ деталяхъ, опасаясь того, что онѣ стѣснятъ будущаго составителя учебника въ выборѣ матеріала. Поэтому, согласившись съ общими идеями, которыя референтъ положилъ въ основу курса реформаціи, собраніе утвердило цѣликомъ лишь тѣ части схемы, которыя предполагалъ разработывать самъ референтъ, относительно же остальныхъ постановило соображаться лишь съ вышеупомянутыми общими идеями курса.

Обсуждавшійся въ связи съ изложеніемъ реформаціи вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли отнести исторію Польши вообще къ отдѣлу всеобщей или русской исторіи, остался нерѣшеннымъ.

Засѣданіе 11 февраля. В. Н. Беркутъ прочиталъ рефератъ о преподаваніи исторіи въ прусскихъ гимназіяхъ по инструкціямъ 1837—82 гг. Преподаваніе исторіи проходитъ три ступени: 1) курсъ пропедевтическій, 2) этнографическій, 3) всемірно-историческій. Для перваго (біографическія данныя, сказанія и важнѣйшія событія древняго міра и исторіи Германіи) нѣтъ особыхъ уроковъ (сообщ. на урокахъ географіи, Закона Божія и нѣмецкаго языка). Цѣль втораго и третьяго курсовъ—дидактическая и этическая (развитіе нравственнаго и патріотическаго чувства). Во второмъ курсѣ народы разсматриваются какъ законченныя личности. Въ третьемъ—характерная

черта—прагматизмъ изложенія; ознакомленіе съ народами опредѣляется степенью ихъ вліянія на народъ нѣмецкій или ихъ культурно-историческимъ значеніемъ. Въ этомъ курсѣ культурной исторіи вообще отведено широкое мѣсто.

Затѣмъ Е. Н. Щепкинъ прочиталъ *детальную схему по средневѣковой исторіи Англіи*. Общія положенія доклада заключались въ слѣдующемъ:

Древнѣйшую исторію англосаксовъ можно распредѣлить между первыми циклами обще-европейской исторіи. Начиная съ Альфреда, средневѣковая исторія Англіи должна быть изложена, какъ одинъ процессъ—именно процессъ образованія англійскихъ государственныхъ учрежденій. По внутреннему содержанію и ходу внѣшнихъ событій исторія Англіи можетъ быть переплетена съ исторіей Франціи, тогда какъ, напротивъ, исторія Германіи можетъ быть связана съ исторіей Италіи и даетъ случай изложить аскетическій идеалъ, папство, имперію и т. д. Въ основу своей схемы конституціонной исторіи Англіи референтъ положилъ извѣстное дѣленіе Стѐббса. Сообразно этому онъ предлагалъ:

въ 1-омъ отдѣлѣ отъ Альфреда до норманскаго завоеванія остановиться на характеристикѣ областныхъ мірковъ и подробно изложить англо-саксонскія учрежденія,

во 2-мъ отдѣлѣ (норманскій періодъ — до Генриха II) объяснить развитіе феодальнаго строя и центральной администраціи,

въ 3-ьемъ (Генрихъ II и сыновья его) показать сростаніе учрежденій англо-саксонскаго типа съ центральными учрежденіями норманскаго типа. Великая Хартія должна быть охарактеризована, какъ памятникъ феодальнаго строя, и съ этою цѣлью должны быть приведены еще нѣкоторыя помимо трехъ обычно-вводимыхъ въ учебникъ,

въ 4-омъ остановиться на борьбѣ за Хартію и подробно изучить постепенное образованіе парламента.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ обсужденіи реферата П. Н. Милюковъ, предлагая нѣкоторыя сокращенія въ программѣ, съ другой стороны указалъ на необходимость выдѣленія разницы между англійскимъ и французскимъ феодализмомъ; далѣе онъ замѣтилъ, что указанные періоды англійской исторіи можно разнести и на общіе циклы.

Дальнѣйшее обсужденіе было отложено.

Засѣданіе 25 февраля. С. В. Зенченко прочиталъ *детальную схему по начальному періоду русской исторіи* (до смерти Ярослава I). Основныя явленія, которыя, по мнѣнію референта, надо слѣдить за этотъ періодъ, слѣд.: 1) города, 2) варяжство и 3) христіанство. Главнымъ основаніемъ для выдѣленія относящагося сюда фактическаго матеріала должна служить лѣтопись; гдѣ ея недостаточно, надо поль-

зоваться научной разработкой вопросовъ, связанныхъ съ этимъ періодомъ. Не имѣя пока въ виду давать планъ учебника по данному періоду, референтъ указалъ лишь рядъ результатовъ, которые должны быть достигнуты при преподаваніи: объясненіе торговыхъ сношеній и путей въ древней Руси и въ связи съ этимъ развитія городскихъ центровъ; появленіе князей, дружинъ, отношенія ихъ къ городамъ и сословный строй; культурное вліяніе Византіи въ связи съ княжескими походами. Факты должны быть распредѣлены по княженіямъ и изложеніе въ классѣ сводится къ прочитыванію отрывковъ изъ лѣтописи и толкованію ихъ. Факты внутренняго строя не должны быть выдѣляемы въ особыя главы. Норманскій вопросъ излагается догматически и въ связи съ средневѣковой исторіей норманновъ.

Въ преніяхъ по реферату указывалось главнымъ образомъ на неясность разграниченія матеріала чисто лѣтописнаго и обработаннаго, затѣмъ на мозаичность изложенія въ результатѣ примѣненія пріема, рекомендованнаго референтомъ; въ частности на неясность постановки начальнаго факта русской исторіи. Послѣдній вопросъ вызвалъ споръ о помѣщеніи вообще въ учебникѣ и школьномъ изложеніи преданій.

Особое мнѣніе высказалъ В. О. Ключевскій, указавшій новую основу для выбора матеріала и иную группировку явленій. В. О. находилъ предложенный планъ слишкомъ сложнымъ, а критерій для выбора матеріала неяснымъ. Какъ педагогическую опору, онъ предлагалъ въ свою очередь слѣдующую объединяющую мысль для этой части курса: „разсказать, какъ представляли себѣ возникновеніе государства люди XII в., современники составителя перваго лѣтописнаго свода“. Такимъ образомъ берется лѣтописный матеріалъ въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ глазомъ преподавателя, и дополняется данными другихъ источниковъ, но лишь тамъ, гдѣ лѣтопись даетъ какой-нибудь намекъ, опорный пунктъ. Желательная группировка, по мнѣнію В. О., дана въ учебникѣ Соловьева. Явленія начальнаго періода должны быть сведены къ: 1) объединенію славянскихъ племенъ; сюда же относится и картина управленія; начать должно съ разселенія племенъ, предпославъ географическій очеркъ, 2) борьбѣ со степнымъ населеніемъ, 3) мирнымъ и враждебнымъ сношеніямъ съ Византіей, куда относится и введеніе христіанства.—Вводить характеристику сословнаго строя опасно и не нужно для объясненія періода, тѣмъ болѣе, что въ моментъ смерти Ярослава перелома нѣтъ.

Возраженія (П. Н. Милюкова, Е. Н. Щепкина и О. П. Герасимова) противъ высказаннаго В. О. Ключевскимъ плана сводились къ указанію на искусственность въ выборѣ и освѣщеніи матеріала и не-

соотвѣтствіе между изложеніемъ разобраннаго періода и періодовъ послѣдующихъ.

Собраніе въ большинствѣ высказалось за принятіе схемы В. О. Ключевскаго и въ частности за сохраненіе въ учебникѣ преданія о начальномъ фактѣ русской исторіи.

Засѣданіе 11 марта. Собраніе вернулось къ обсужденію доклада Е. Н. Щепкина. Прежде всего референтъ нашелъ возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя сокращенія въ предложенной имъ схемѣ (выпустить Хартію Генриха I, въ изложеніи Великой Хартіи ограничиться обычно приводимыми тремя статьями, не говорить о переизданіи Хартіи въ 1216 г. и о возстановленіи ея при Эдуардѣ I и вообще слить царствованія трехъ Эдуардовъ въ общую характеристику развитія сословнаго представительства; объясненіе усиленія королевской власти послѣ войны Розъ должно быть отнесено къ отдѣлу новой исторіи).

Затѣмъ В. А. Фуксъ прочиталъ докладъ, въ которомъ съ возраженіями на разбираемую схему Е. Н. Щепкина связывались общія соображенія о преподаваніи средневѣковой исторіи. В. А. указалъ прежде всего на то, что этотъ отдѣлъ долженъ быть представленъ ученикамъ съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) слѣдуетъ выдвинуть явленія, исключительно принадлежащія Среднимъ Вѣкамъ и отличающія ихъ отъ древняго и новаго міра, 2) факты средневѣковой исторіи должны быть представлены, какъ первая ступень въ развитіи современныхъ государствъ и народовъ. Для первой цѣли необходимо сгруппировать факты около трехъ центровъ: 1) происхожденіе, развитіе и господство феодальнаго строя, 2) господство религіозныхъ идей, 3) вступленіе въ политическую жизнь городского класса и усиленіе королевской власти. Для второй—факты должны быть расположены по государствамъ и національностямъ.—Соглашаясь съ общей мыслью схемы Е. Н. Щепкина, что средневѣковая исторія Англіи входитъ во второй изъ названныхъ цикловъ и должна быть представлена, какъ исторія развитія опредѣленнаго государственнаго типа, В. А. сдѣлалъ слѣд. дополненія и возраженія: 1) изучать подробно англо-саксонскія учрежденія затруднительно; важно отмѣтить для Англіи слабость римскаго вліянія, 2) необходимо выдвинуть политическую роль англійской аристократіи, 3) Великая Хартія должна быть представлена не какъ феодальный памятникъ, а какъ утвержденіе англо-саксонскаго права и какъ первое выраженіе конституціоннаго сознанія.

П. Н. Милюковъ и Р. Ю. Випперъ указывали на односторонній подборъ матеріала въ схемѣ Е. Н. Щепкина: оставаясь въ рамкахъ исторіи государственнаго развитія Англіи, слѣдуетъ однакоже выдѣлить политическую роль духовенства и смягчающее вліяніе римскаго права въ эпоху Генриха II и его сыновей.

Со всѣми указанными замѣчаніями, за исключеніемъ предложеннаго В. А. Фуксомъ опредѣленія Великой Хартіи, Е. Н. Щепкинъ согласился и его схема, исправленная въ этомъ смыслѣ, была принята собраніемъ.

Засѣданіе 25 марта. Е. Н. Щепкинъ прочиталъ *детальную схему по исторіи эпохи открытій и изобрѣтеній.* По мнѣнію референта, на этомъ отдѣлѣ лучше всего можно прослѣдить коллизію науки съ обычнымъ изложеніемъ въ учебникахъ. Сущность предложеннаго референтомъ заключалась въ слѣдующемъ: 1) Между средневѣковой и новой исторіей должно помѣстить очеркъ переходной эпохи, для которой точное соблюденіе хронологическаго порядка изложенія ослабляется. Сюда относятся изобрѣтенія, открытія, гуманизмъ, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, рецепція и т. п. 2) Въ исторіи изобрѣтеній (книгопечатанія, компаса, пороха) важно обратить вниманіе на постепенное подготовленіе изобрѣтенія, а затѣмъ на его примѣненіе (порохъ и правительственное войско). Въ отношеніи двухъ послѣднихъ изобрѣтеній важно отмѣтить передачу съ Востока. 3) Въ изложеніи исторіи открытій важно отмѣтить подготовку ихъ двумя путями: а) распространеніе античныхъ географическихъ познаній и б) раскрытіе Азіи. 4) Въ предпріятіи Колумба слѣдуетъ указать средневѣковыя черты. 5) Параллельно съ открытіемъ Америки слѣдуетъ изложить открытія португальцевъ. 6) Отмѣтить отношенія европейцевъ къ туземцамъ. 7) Въ связь съ приливомъ драгоцѣнныхъ металловъ поставить переходъ къ денежному хозяйству. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ преніяхъ М. С. Корелинъ высказался въ пользу отнесенія большей части отмѣченнаго Е. Н. Щепкинымъ матеріала въ хрестоматію вмѣсто учебника. Главу объ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ слѣдуетъ вообще сократить въ учебникѣ. Нѣтъ нужды давать особую переходную эпоху къ новой исторіи; послѣднюю надо начать прямо съ Возрожденія, которое познакомитъ съ новымъ общественнымъ настроеніемъ; открытія и изобрѣтенія должны быть связаны съ характеристикой Возрожденія, такъ какъ они были до извѣстной степени результатомъ этого новаго настроенія (интересъ къ путешествіямъ). П. Н. Милюковъ находилъ такую постановку эпохи Возрожденія слишкомъ широкой. Открытія вытекаютъ, главнымъ образомъ, изъ интересовъ купеческихъ; глава объ этомъ можетъ быть отнесена къ курсу среднихъ вѣковъ. Въ началѣ курса новой исторіи удобно поставить общую характеристику политическаго и соціальнаго строя европейскихъ государствъ въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Болѣе всего споровъ вызвалъ вопросъ о постановкѣ эпохи Возрожденія. Въ заключеніе референту было предложено согласиться на устраненіе особой главы объ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ и на разнесеніе относящагося

сюда матеріала по другимъ главамъ, въ виду того, что XIV и XV вв. вовсе не болѣе заслуживаютъ названія эпохи изобрѣтеній, чѣмъ XVIII и XIX вв. Книгопечатаніе предложено было отнести къ эпохѣ Возрожденія, съ котораго должно начать новую исторію. Референтъ согласился на такую формулу.

Засѣданіе 8 апрѣля. М. К. Любавскій сдѣлалъ сообщеніе *о желательныхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ курсѣ исторіи Литовской Руси до Люблинской уніи* сравнительно съ существующими учебниками. Сначала изложены были общія соображенія: 1) изложенію исторіи Литовской Руси должны быть отведены отдѣльныя мѣста въ учебникѣ и самое изложеніе должно быть подробнѣе, чѣмъ дѣлается обычно: необходимо выставить всѣ данныя мѣстнаго историческаго развитія, которыя приводили къ сближенію Литовской Руси съ Польшею и подготовили унію. 2) Курсъ исторіи Литовской Руси до 1569 г. долженъ быть разбитъ на двѣ главы: въ *первой* (до начала борьбы съ Москвою въ концѣ XV в.) должно объяснить объединеніе Западной Руси подъ властью велик. кн. Литовскаго, правительственную децентрализацію Литовско-Русскаго государства и политическое господство литовскаго панства; глава эта должна быть помѣщена вслѣдъ за разсказомъ объ объединеніи Сѣверо-Восточной Руси до Ивана III (здѣсь провести параллель историческаго развитія Литовской и Московской Руси). Во *второй* главѣ (отъ княженія Александра до Люблинской уніи) должно объяснить сближеніе Литовской Руси съ Польшею на почвѣ государственнаго и общественнаго устройства и въ сферѣ культурной; эта глава слѣдуетъ за разсказомъ о царствованіи Ивана IV. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ излагать въ одной главѣ слитно исторію Западной Руси втеченіе XVI и первой половины XVII в., въ виду того, что послѣ Люблинской уніи выдвигаются совершенно новыя теченія. Затѣмъ референтъ прочелъ *детальную схему изложенія перваго періода*, составленную на основаніи изложенныхъ общихъ соображеній. Изложеніе начинается съ описанія состоянія югозападной Руси послѣ татарскаго погрома. Важнѣйшія добавленія къ обычному изложенію въ учебникахъ слѣд.: подробное объясненіе земельныхъ пріобрѣтеній Гедимина; разсказъ объ отношеніяхъ между сыновьями Гедимина для выдѣленія роли великокняжеской власти; стремленіе Витовта къ уничтоженію удѣльной системы; подробное изложеніе городельской жалованной грамоты боярству; разсказъ о смутахъ 1430—40 гг. и очеркъ судебно-административнаго устройства земель Литовскаго государства; распространеніе привилегій Литовской шляхты на всѣ земли великаго княжества; подробное изложеніе привилеевъ 1457 и 1492 гг.

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ преніяхъ *П. Н. Милюковъ* поддер-

живалъ мнѣніе референта о необходимости расширенія курса исторіи Литвы и возражалъ лишь противъ нѣкоторыхъ частностей. Собраніе соглашалось однако съ мнѣніемъ другихъ оппонентовъ (М. И. Боголѣпова, М. С. Корелина и Р. Ю. Виппера), которые настаивали на сокращеніи даже обычнаго матеріала въ области исторіи Литовской Руси. Мнѣніе это мотивировалось второстепеннымъ, главнымъ образомъ мѣстнымъ интересомъ фактовъ разобраннаго референтомъ періода и необходимостью, въ виду ограниченнаго времени, слѣдить въ курсѣ русской исторіи лишь за главнѣйшими теченіями, группируя ихъ всякій разъ около одного центра (для даннаго періода—Москва). На основаніи этого референту было предложено: 1) для перваго періода (до конца XV в.) ограничиться общимъ внѣшнимъ очеркомъ; 2) политико-соціальный строй Литовской Руси изобразить въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ онъ является въ половинѣ XVI в. съ нѣкоторыми историческими объясненіями. Референтъ не согласился на эти предложенія и просилъ собраніе отсрочить окончательное сужденіе до представленія имъ детальной схемы по второму періоду.

Засѣданіе 15 апрѣля (послѣднее въ учебномъ году). *М. С. Корелинъ* поставилъ нѣсколько вопросовъ и сдѣлалъ нѣсколько предложеній относительно будущаго *учебника*.

Референтъ предложилъ предпослать учебнику *введеніе* съ слѣдующимъ содержаніемъ: 1) раздѣленіе на расы, объясненіе понятія всемірной исторіи; 2) характеристика доисторическаго быта, 3) объясненіе политической и исторической терминологіи. Собраніе высказалось въ большинствѣ противъ помѣщенія во введеніи 1-го и 3-го пунктовъ въ виду отвлеченности предмета и недостатка у учениковъ данныхъ для пониманія его въ началѣ курса. Внесеніе 2-го пункта нашло цѣлесообразнымъ. Референтъ поставилъ далѣе вопросъ о *размѣрахъ* учебника и предлагалъ опредѣлить число страницъ для каждаго курса. Собраніе, не высказываясь окончательно, поставило размѣръ учебника въ связь съ количествомъ уроковъ въ учебномъ году и средней нормой задаваемаго къ каждому уроку отдѣла изъ текста учебника. (При двухъ недѣльныхъ часахъ минимумъ уроковъ въ году 45, средняя норма урока 3—4 страницы, отсюда 135—180 страницъ на годовой отдѣлъ въ учебникѣ). По вопросу о *характерѣ* учебника, собраніе высказалось за смѣшанный типъ, соединяющій въ себѣ изложеніе конспективное съ повѣствовательнымъ. По двумъ послѣднимъ вопросамъ, поставленнымъ референтомъ, объ употребленіи одного или нѣсколькихъ шрифтовъ въ учебникѣ и о внесеніи въ текстъ рисунковъ собраніе окончательно не высказалось. Рисунки были признаны желательными, а также схематическія карты въ текстѣ.

Затѣмъ происходили *выборы членовъ бюро*. Избрано прежнее бюро:

А. Н. Поливановъ—предсѣдатель, В. Н. Беркутъ—товарищъ предсѣдателя, Р. Ю. Випперъ, С. В. Зенченко—секретари. Въ концѣ засѣданія М. С. Корелинъ предложилъ съ сентября будущаго учебнаго года приступить къ составленію учебника и начать съ древней исторіи. Такъ какъ большинство признало желательнымъ окончить составленіе учебника по одному, по крайней мѣрѣ, курсу древней исторіи, нѣсколько членовъ собранія взяли на себя обязательство не только выработать въ этотъ срокъ тѣ отдѣлы древней исторіи, которые они взяли на себя, но также въ случаѣ необходимости замѣнить въ другихъ отдѣлахъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые не успѣли бы приготовить въ тотъ же срокъ взятые ими отдѣлы. Это обязательство приняли: В. Н. Беркутъ, М. П. Боголѣповъ, Р. Ю. Випперъ, М. С. Корелинъ, Е. Н. Щепкинъ. На выраженное большинствомъ желаніе, чтобы подобная же работа одновременно началась для курса русской исторіи, со стороны присутствовавшихъ русскихъ историковъ было заявлено, что составленіе учебника по русской исторіи представляетъ огромныя трудности и станетъ возможнымъ лишь послѣ появленія крупнаго общаго сочиненія, которое объединитъ въ себѣ результаты новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій.

Засѣданіе 23 сентября. А. Н. Поливановъ сообщилъ *Общую схему класснаго изложенія начальной эпохи среднихъ вѣковъ* (отъ паденія Западной имперіи до Карла Великаго). Референтъ положилъ въ основу своей работы сочиненія Фюстель де-Куланжа и Феликса Дана. Что касается до выбора и распредѣленія матеріала, онъ имѣлъ въ виду выдѣлить два рода явленій: 1) упадокъ римской образованности; 2) возникновеніе новыхъ государствъ, народовъ и общественнаго строя; далѣе референтъ исходилъ изъ соображенія, что соціологическія картины съ трудомъ усваиваются учениками; что факты общественнаго и культурнаго развитія должны быть связываемы по преимуществу съ лицами и событіями.

Содержаніе вышеозначеннаго отдѣла курса разбито было референтомъ на слѣдующіе параграфы:

§ 1. Общая характеристика состоянія Западной Римской имперіи IV и V вв. по Р. Х. (богатство ея, города, виллы, уменьшеніе среднихъ классовъ и увеличеніе несвободныхъ, преобладаніе религіозныхъ интересовъ, неспособность къ самозащитѣ, чужеземные элементы въ войскѣ) и сопоставленная съ нею характеристика быта германцевъ (главн. образ. по Тациту). Въ результатѣ должно получиться не только объясненіе противоположныхъ началъ, вносимыхъ римлянами и германцами, но и объясненіе причинъ торжества новыхъ народовъ надъ Римомъ.

§ 2. Начало великаго переселенія (375—450 гг.).

§ 3. Аттила. Паденіе Западной имперіи. Англосаксы.

§ 4. Франки при Хлодвигѣ. Начало слiянiя франковъ и галло-римлянъ.

§ 5. Теодорихъ. Кассiодоръ, Боэцiй (и Исидоръ?), какъ писатели важные по своему влiянiю на средніе вѣка.

§ 6. Паденіе остготскаго государства. Бенедиктъ въ Монтекассино и вообще о началѣ монастырей. Лангобарды.

§ 7. Римъ въ концѣ VI в. Григорій I. Возвышеніе папства до половины VIII в.

§ 8. Преемники Хлодвига. Палатные меры. Общественный строй франкскаго государства. Администрація. Роль духовенства.

§ 9. Пиппинъ Короткій, Бонифацій, Папская область.

Глава о Византіи и арабахъ, по мнѣнію референта, должна подвергнуться бо́льшему дробленію, чѣмъ обыкновенно дѣлается. Послѣ Юстиніана слѣдуетъ говорить о Магометѣ и завоеваніяхъ арабовъ, а затѣмъ объ иконоборствѣ.

Въ послѣдовавшихъ преніяхъ обсуждалось лишь содержаніе перваго параграфа. Е. Н. Щепкинъ и М. С. Корелинъ находили, что характеристика Римской имперіи должна быть отнесена въ курсъ древней исторіи, а курсъ среднихъ вѣковъ, чтобы у учениковъ запечатлѣлось различіе эпохъ, долженъ быть начатъ съ изображенія первоначальнаго быта новыхъ народовъ.

Напротивъ О. П. Герасимовъ, В. Н. Беркутъ, В. А. Фуксъ и Р. Ю. Випперъ находили, что контрастъ между римскимъ и германскимъ бытомъ только тогда получитъ свое педагогическое значеніе, если характеристика германцевъ (по Цезарю и Тациту) будетъ отнесена въ курсъ древней исторіи на подобающее ей по хронологической связи мѣсто. Въ основѣ изложенія отдѣла имперіи долженъ лежать параллелизмъ развитія двухъ элементовъ, римскаго и германскаго. Курсъ среднихъ вѣковъ начнется съ изображенія ихъ рѣшительнаго столкновенія. П. П. Мельгуновъ замѣтилъ референту, что у него мало выдвинута роль церкви въ эпоху паденія. Дальнѣйшія пренія были отложены.

Засѣданіе 7 октября. Продолженіе преній по докладу А. Н. Поливанова. О. П. Герасимовъ находилъ нужнымъ, вмѣсто подробной картины римской имперіи и германскаго быта въ началѣ средневѣковаго курса, отмѣтить лишь нѣсколько основныхъ явленій, съ которыми придется считаться позднѣе (единство имперіи, романизація и эллинизація границы имперіи, отношенія германцевъ и римлянъ до переселенія). Явленія перваго періода средневѣковой исторіи (395—768) О. П. предполагалъ разсматривать по тремъ группамъ:

1) факты, относящіеся къ римской имперіи и ея идеѣ (пре-

клоненіе германцевъ предъ Римомъ, романизація отдѣльныхъ народовъ);

2) факты, выясняющіе подготовку и развитіе феодализма (характеристика политическаго строя у германцевъ въ раннюю эпоху предполагается данною въ предшествующемъ курсѣ; здѣсь—попытки королей приспособить германцевъ къ новому строю, порядки у лангобардовъ и франковъ и т. п.);

3) факты, выясняющіе возвышеніе папства (роль епископовъ въ IV в. и въ эпоху переселенія; положеніе епископа римскаго, отношеніе папъ къ Западу и Византіи). Е. Н. Щепкинъ находилъ, что о феодализмѣ слѣдуетъ говорить цѣльно, одинъ лишь разъ и притомъ послѣ Карла Великаго. Р. Ю. Випперъ предлагалъ въ началѣ средневѣковаго курса отмѣтить появленіе аскетическаго идеала, связавши его внѣшнимъ образомъ съ соч. Августина. Въ схему А. Н. Поливанова Р. Ю. находилъ нужнымъ включеніе характеристики быта и понятій по Варварскимъ правдамъ. Въ заключеніе собраніе обсуждало двѣ схемы, предложенныя еще въ предшествующемъ засѣданіи В. Н. Беркутомъ и Е. Н. Щепкинымъ. Голоса присутствовавшихъ (10) раздѣлились поровну и рѣшеніе вопроса о томъ, съ чего слѣдуетъ начинать курсъ средневѣковой исторіи, было отложено.

Засѣданіе 21 октября. А. Н. Поливановъ прочиталъ учебный текстъ перваго урока средневѣковой исторіи, подъ заглавіемъ „Римляне и германцы“, сообразованный со схемой, которая раньше была представлена самимъ референтомъ. Текстъ сопровождался объяснительной запиской, главная цѣль которой состояла въ оправданіи принятой докладчикомъ терминологіи и въ выясненіи спорныхъ вопросовъ. Къ тексту были сдѣланы замѣчанія проф. П. Г. Виноградовымъ, М. С. Корелинымъ и П. Н. Милюковымъ. П. Г. Виноградовъ находилъ необходимымъ болѣе органически связать изображеніе свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ въ картинѣ римской имперіи III и IV вв.; слѣдуетъ болѣе подчеркнуть экономическія перемѣны къ концу имперіи, особенно прекращеніе рабства и развитіе колоната. Упадокъ политической жизни не должно объяснять отвлекающей силой религіозныхъ интересовъ. Въ картинѣ быта германцевъ до переселенія надо отмѣтить слабость родовыхъ началъ, свободно-крестьянскій характеръ германскаго общества и ничтожность рабовладѣнія. Политическій строй долженъ быть данъ по Тациту; о королевской власти надо сказать въ связи съ образованіемъ союзовъ. М. С. Корелинъ находилъ, что статистическія изображенія, подобныя представленному, вообще мало пригодны для учебника и должны быть относимы въ хрестоматію; учебникъ долженъ дать конспективное изложеніе процесса политической и соціальной исторіи. П. Н. Милюковъ указалъ на

необходимость двухъ раздѣльныхъ картинъ имперіи въ III—IV вв., а въ V вѣкѣ (Сообщено Р. Ю. Виппероиъ).

Разъясненіе Министерства Народнаго Просвѣщенія объ испытаніяхъ зрѣлости по исторіи.

Нельзя не привѣтствовать появленія слѣдующаго циркуляра г-на попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа:

„Управленіе С.-Петербургскаго учебнаго округа отъ 7 мая сего года, за № 4038, входило къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія съ представленіемъ, въ которомъ указывало на то, что по § 69 новыхъ правилъ объ испытаніяхъ учениковъ VIII класса, назначенъ экзаменъ только по древней и русской исторіи, между тѣмъ, какъ по правиламъ 1872 г. (§ 61) ученикамъ VIII класса на испытаніи по исторіи должны были предлагаться, кромѣ того, вопросы по средней и новой исторіи и что *подобное уменьшеніе требованій на испытаніи должно понизить уровень познаній учениковъ по одному изъ наиболѣе важныхъ предметовъ гимназическаго курса.* Хотя учебными планами 1890 г. курсъ VIII класса посвященъ прежде всего повторенію древней исторіи, а затѣмъ преимущественно отечественной исторіи, но *повтореніе сведется исключительно къ курсамъ древней и отечественной исторіи и послѣдняя притомъ будетъ повторяться внѣ связи съ важнѣйшими событіями изъ исторіи всеобщей.* На этихъ основаніяхъ управленіе округомъ ходатайствовало о возстановленіи прежнихъ требованій къ испытуемымъ, согласно тексту § 61 старыхъ правилъ, что, кромѣ улучшенія дѣла, устранитъ еще и явное противорѣчіе между §§ 69 и 75 новыхъ правилъ, могущее быть источникомъ не малыхъ затрудненій. Вслѣдствіе сего, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 3-го іюня 1891 года, за № 9733, изъяснилъ, что какъ новые учебные планы программы, такъ и *правила объ испытаніяхъ имѣютъ въ виду не уменьшеніе уровня познаній по всеобщей исторіи оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ, а наоборотъ, увеличеніе знаній и большую ихъ основательность по средней и новой исторіи*, что совершенно ясно изъ слѣдующихъ положеній: 1) На прохожденіе курса средней исторіи съ соотвѣтствующею частью отечественной назначенъ новыми учебными планами годъ при 3-хъ урокахъ въ недѣлю, тогда какъ прежде тотъ же курсъ проходился въ годъ при 2-хъ урокахъ. 2) На прохожденіе курса новой исторіи съ соотвѣтственною частью отечественной назначено 2 года при двухъ урокахъ въ недѣлю, тогда какъ прежде на тотъ же курсъ полагалось только 3 полугодія. 3) Новыми правилами установлено въ VII классѣ испытаніе изъ всего курса новой исторіи, такъ что безъ удовлетворительныхъ познаній по сему отдѣлу исторіи ученикъ не можетъ быть переведенъ въ VIII классъ

испытаніе, котораго не было по правиламъ 1872 г. Притомъ же повтореніе въ VIII классѣ неизбѣжно коснется и тѣхъ отдѣловъ всеобщей исторіи, которые находятся въ тѣсной связи съ исторіей отечественной, ибо это требуется объяснительною запискою по исторіи (стр. 121). Всѣ эти измѣненія, слѣдуетъ ожидать, ведутъ не къ уменьшенію, а къ увеличенію знаній по всеобщей исторіи и къ большей основательности ихъ. Если, съ одной стороны, отечественной и древней исторіи и отведено въ гимназіи болѣе видное мѣсто,—порядокъ, принятый во всѣхъ школахъ Европы,—то съ другой, и постановка всеобщей исторіи въ нашихъ гимназіяхъ, при новыхъ правилахъ и программахъ, несомнѣнно улучшилась. Что касается до явнаго противорѣчія между §§ 69 и 75 новыхъ правилъ, то оно только кажущееся, ибо § 69 имѣетъ въ виду экзаменъ для учениковъ VIII кл., § же 75—и постороннихъ лицъ, почему въ послѣднемъ упоминаются даже тѣ предметы, по коимъ испытаній для учениковъ вовсе не полагается, такъ: логика, географія, физика и математическая географія. Впрочемъ, тотъ же характеръ имѣютъ §§ 61 и 67 правилъ 1872 г. и въ этомъ отношеніи не сдѣлано никакого измѣненія. Объ этомъ объявляется по округу для свѣдѣнія и руководства".

Разныя извѣстія.

— Проф. С. Ѳ. Платоновъ, читавшій въ старшемъ курсѣ Александровскаго Лицея новую русскую исторію, оставилъ съ 1 сентября нынѣшняго года преподаваніе въ этомъ учебномъ заведеніи, и на его мѣсто былъ выбранъ совѣтомъ оставленный при университетѣ по каѳедрѣ русской исторіи В. А. Мякотинъ. Въ то же время оставилъ Лицей послѣ сорока одного года службы преподаватель исторіи въ младшемъ курсѣ Е. А. Бѣловъ, котораго замѣнили Ф. К. Неслуховскій (въ VI классѣ) и К. А. Ивановъ (въ V и IV классахъ).

— На высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ исторія въ нынѣшнемъ году преподается слѣдующими лицами: древняя на I-мъ курсѣ (греческая при 2 часахъ въ недѣлю) и на II курсѣ (римская при 3 часахъ въ недѣлю)—магистрантомъ С. Л. Степановымъ, средняя на III курсѣ—проф. Н. И. Карѣевымъ (общій курсъ при двухъ лекціяхъ) и прив.-доц. Г. В. Форстеномъ (исторія XIV и XV вв. при двухъ лекціяхъ), русская—проф. С. Ѳ. Платоновымъ. Въ будущемъ году средняя исторія (4 часа) будетъ читаться прив.-доц. И. М. Гревсомъ, новая на IV курсѣ—прив.-доц. Форстеномъ (реформаціонный періодъ, 2 ч.) и проф. Карѣевымъ (XVIII вѣкъ, 2 ч.).

— Въ Петербургскомъ университетѣ на 1891—92 г. объявлено три общеобразовательныхъ курса „для студентовъ всѣхъ факультетовъ и всѣхъ семестровъ" профессорами: Н. П. Вагнеромъ (энцикло-

педія естествознанія 2 ч. въ нед.), А. И. Введенскимъ (философія, 1 ч. въ нед.) и Н. И. Карѣевымъ (историческая энциклопедія, 1 ч. въ недѣлю). Второй изъ этихъ курсовъ не состоялся за болѣзнью профессора, который предполагалъ прочесть популярную критику философскихъ направленій. Курсъ проф. Вагнера заключаетъ въ себѣ и исторію естествознанія съ біографіями наиболѣе выдающихся натуралистовъ. Курсъ проф. Карѣева относится къ области теоріи исторіи и ея отношеній къ другимъ наукамъ (философіи, психологіи, соціологіи, юриспруденціи, политической экономіи, др. гуманитарнымъ наукамъ и естествознанію).

— Весною 1891 г. при музеѣ военно-учебныхъ заведеній („Соляной городокъ") образовался научный отдѣлъ, отъ имени котораго осенью и зимою этого года читается цѣлый рядъ публичныхъ лекцій въ видѣ небольшихъ курсовъ (нѣкоторыя лекціи уже начались). На историческія темы объявлены слѣдующіе курсы. Всеобщая исторія: Н. И. Карѣевъ—„Возрожденіе и реформація" и А. С. Трачевскій—„Исторія востока" и „Эпоха Наполеона I". Русская исторія: С. Ѳ. Платоновъ—„Русское общество передъ реформой Петра В." и М. И. Семевскій—„Петръ Великій". Одинъ изъ курсовъ проф. Трачевскаго (Востокъ) и курсъ г. Семевскаго начаты были еще въ прошломъ учебномъ году. Кромѣ того, назначены лекціи проф. Холодковскаго—О Фаустѣ, Каптерева—„О психическихъ свойствахъ женщины сравнительно съ мущиною", Брауна—о наукѣ объ языкѣ, Вейнберга—О современномъ французскомъ романѣ, Незеленова—О Бѣлинскомъ и славянофилахъ.

— Приводимъ свѣдѣнія о публичныхъ лекціяхъ по исторіи и исторіи литературы, читавшихся весною нынѣшняго (1891) года въ Одессѣ. Проф. В. К. Надлеръ 31 марта и 14 апрѣля прочелъ двѣ лекціи на тему „Борьба эллиновъ за освобожденіе", въ которыхъ указалъ главные моменты какъ подготовки возстанія и веденія его, такъ и отношенія къ греческому вопросу со стороны европейскихъ государствъ. Приводимъ программы обѣихъ лекцій: первой: „Характеръ и значеніе греческаго возстанія. Общій и мѣстный интересъ. Одесса—колыбель греческой независимости. Причины греческаго движенія. Судьбы эллиновъ подъ османскимъ владычествомъ. Моменты, способствовавшіе возрожденію греческой національной идеи. Тайныя общества и ихъ значеніе въ исторіи греческаго движенія. Греческіе патріоты въ Одессѣ и основаніе гетеріи филликовъ. Организація гетеріи и ея распространеніе въ Россіи и на турецкомъ востокѣ. Александръ Ипсиланти во главѣ гетеріи. Возстаніе въ Румыніи. Бѣгство Ипсиланти и гибель его сподвижниковъ. Возстаніе въ Мореѣ и на островахъ Архипелага. Повсемѣстное избіеніе турокъ. Османская месть и мученическая кончина патріарха Григорія IV"; второй: „Война за неза-

висимость. Вожди и герои греков. Хiосская катастрофа и греческiе брандеры. Фило-эллины и паликары. Внутреннiя смуты и борьба с турками. Мехмет-Али и Ибрагим-паша. Война на морѣ. Египтяне в Мореѣ. Геройская защита Мессалонги. Вмѣшательство христiанской Европы. Наваринскiй бой и освобожденiе Грецiи". Проф. Ѳ. И. Успенскiй читал публичную лекцiю на тему „О взятiи Константинополя крестоносцами" по слѣдующей программѣ: „Первоначальная цѣль IV крестоваго похода. Затрудненiя по уплатѣ за перевоз в Египет. Политическая интрига. Союз Гогенштауфенов с Византiей. Переворот в Константинополѣ и бѣгство царевича Алексѣя. Константинопольское наслѣдство. Движенiе крестоносцев на Зару. Подкуп вождей. Средства защиты Константинополя. Вымогательство денежных взносов. Взятiе Константинополя. Трехдневный грабеж и расхищенiе святых. Вознагражденiя князей и рыцарей земельными владѣнiями. Карающая неправду Немезида. Взгляд современнаго русскаго лѣтописца на IV крестовый поход". Проф. А. И. Маркевич читал двѣ публичныя лекцiи на тему: „Южная Русь при Петрѣ В." Магистр исторiи Г. Е. Аѳанасьев читал двѣ публичныя лекцiи (в военном собранiи) о Наполеонѣ I. Первая из них была посвящена очерку политическаго положенiя Францiи наканунѣ переворота 19 Брюмера и характеристикѣ личности Наполеона, вторая— внутренней и внѣшней политикѣ Наполеона, причем лектор задался мыслью разъяснить вопрос, как отразились личныя качества Наполеона на его дѣятельности.

По исторiи литературы читались слѣдующiя публичныя лекцiи: Проф. Ѳ. Е. Корш прочел двѣ лекцiи (21 марта и 7 апрѣля) на тему: „Очерки из исторiи ново-греческой поэзiи" по слѣд. программѣ: 1) „Юморист и сатирик—Ахиллес Порасх. Обзор его произведенiй. Его образцы. Оцѣнка его поэтическаго творчества и причины его извѣстности. Георгiй Сури. Его журнал. Значенiе его сатиры. 2) Аристотель Валаорити. Жизнь его. Элементы, влiявшiе на его поэзiю. Содержанiе его поэм. Лирическiя стихотворенiя. Образцы того и другого рода сочиненiй в русских переводах. Характеристика его дарованiя и техники". Проф. А. И. Кирпичников прочел двѣ лекцiи (19 и 25 марта) на тему: „Историко-литературное значенiе Байрона". Первая из них была посвящена личности поэта, вторая—его литературной дѣятельности и была прочитана по слѣдующей программѣ: „Влiянiе Байрона на Пушкина и Лермонтова. Перiоды поэтической дѣятельности Байрона. Чайльд-Гарольд" и байронизм; отношенiе послѣдняго к романтизму. „Гяур" и „Абидосская невѣста", „Корсар", „Лара", „Осада Коринѳа", „Паризина". Второй перiод: „Шильонскiй узник", „Манфред", „Беппо", „Мазепа", „Марино Фальери", „Небо и Земля",

„Сарданапалъ“, „Двое Фоскари“, „Преображенный уродъ“, „Каинъ“, „Донъ-Жуанъ“. Общій выводъ. Судьба байронизма въ З. Европѣ и въ Россіи. Байронъ и Наполеонъ“. Наконецъ, въ Одессѣ читалъ публичныя лекціи на французскомъ языкѣ французскій писатель Губертъ де-Галлье; первая его лекція была посвящена была А. Доде (20 марта), вторая (22 марта)—Э. Золя, третья (27 марта)—Полю Бурже и Гюи де-Мопассану и четвертая (1 апрѣля)—представителямъ современной французской драматургіи—Александру Дюма-сыну и Виктору Сарду.

— Въ Харьковѣ устроенъ рядъ публичныхъ лекцій въ пользу голодающихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лекцій имѣютъ отношеніе къ исторіи. Такъ, проф. А. С. Лебедевъ прочелъ лекцію о „Христіанской благотворительности въ первые вѣка христіанства“; 10-го ноября проф. Д. И. Багалѣй долженъ былъ читать „О стихійныхъ бѣдствіяхъ и борьбѣ съ ними въ Россіи въ старину“; 17 ноября проф. П. И. Ковалевскій (психіатръ)—„О королѣ Баварскомъ Людовикѣ и его сумасшествіи“.

— Въ Петербургскомъ университетѣ въ данную минуту организуется рядъ публичныхъ лекцій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Объ историческихъ лекціяхъ будетъ сообщено въ IV томѣ „Историческаго Обозрѣнія“.

— 12 Октября 1891 года въ актовомъ залѣ Новороссійскаго университета состоялась защита диссертаціи экстраординарнымъ профессоромъ московскаго университета г. Шварцемъ на тему „о государствѣ аѳинскомъ, сочиненіи неизвѣстнаго автора V вѣка до Р. Х.“, на соисканіе степени доктора классической филологіи. Диспутъ продолжался два съ лишнимъ часа и велся лишь между г. Шварцемъ и оффиціальными оппонентами, проф. Коршемъ и Штерномъ. Факультетъ нашелъ защиту вполнѣ удовлетворительной и постановилъ ходатайствовать предъ совѣтомъ университета объ утвержденіи г. Шварца въ степени доктора классической филологіи.

Положенія г. Шварца были слѣдующія: 1. Произведеніе, извѣстное подъ названіемъ Ξενοφῶντος Ἀθηναίων Πολιτεία, не принадлежитъ Ксенофонту.

2. Догадки, высказанныя въ различное время касательно лица, которому должно быть приписано сочиненіе трактата, довѣрія не заслуживаютъ.

3. По формѣ своей, сочиненіе напоминаетъ схему рѣчи, обычную въ памфлетахъ IV вѣка.

4. Сочиненіе дошло до насъ въ искаженномъ видѣ, но, какъ кажется, не было окончательно отдѣлано для изданія и самимъ авторомъ.

5. Особенно пострадала вторая часть трактата (гл. III).

6. Въ дошедшемъ до насъ текстѣ можно различить двѣ группы мыслей, слабо связанныхъ между собой грамматически, различныхъ по тону и, повидимому, относящихся къ нѣсколько иному времени.

7. Можно думать, что и написаны были различныя части этого трактата въ различное время, разными лицами, и только случайно связаны были вмѣстѣ позднѣйшими переписчиками.

8. Главная часть трактата писана не позднѣе 424 года.

9. Олигархъ, писавшій ее, трезво оцѣниваетъ выгодныя стороны демократической формы правленія и настроенъ патріотически.

10. Авторъ выдѣленныхъ мѣстъ относится съ нескрываемой враждой къ демократіи и крайне несправедливо обсуждаетъ ея политику.

11. Главная часть трактата показываетъ несомнѣнную близость къ рѣчамъ защитниковъ демократіи въ исторіи Өукидида.

12. Въ выдѣленныхъ мѣстахъ можно усмотрѣть сильное вліяніе на автора ихъ политической комедіи аттиковъ.

13. Вліяніе софистики сказалось въ памфлетѣ съ достаточной силой.

14. Вліяніе Горгіевой манеры писать еще незамѣтно.

15. Вниманіе, которое обращено было въ V вѣкѣ на отношеніе аѳинской демократіи къ союзникамъ, вызвало со стороны автора особенно тщательное разсмотрѣніе этого вопроса. Имъ обусловлено отчасти и строеніе самаго произведенія.

16. Ходъ мысли въ главной части памфлета вполнѣ послѣдователенъ, и для возстановленія его какихъ либо перестановокъ не требуется.

17. Выдѣленныя мѣста отличаются случайнымъ характеромъ, не всегда относятся къ словамъ текста, при коихъ они приписаны, но родственны другъ другу по выражаемымъ ими мыслямъ.

18. Формулировка такъ называемаго εἰσαγγελτικοῦ νόμου относится ко времени *до* архонта Эвклида.

Обзоръ литературы по русской исторіи за 1890 г. *).

А. И. Браудо.

I. Сочиненія общаго содержанія.

Полемика, вызванная извѣстной книгой Данилевскаго продолжалась и въ обозрѣваемомъ году, но ничего существенно новаго не дала намъ. Вл. Соловьевъ [1]), въ статьѣ, написанной по поводу книги Н. Страхова „Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ", старается еще разъ опровергнуть теорію Н. Данилевскаго о культурно-историческихъ типахъ и доказываетъ безнравственность тѣхъ выводовъ, къ которымъ приходитъ Данилевскій. Къ этому же спору относится статья его „Самосознаніе или самодовольство" [2]).

Болѣе подробному разбору подвергъ теорію стараго и новаго славянофильства Чуйко, [3]) который, заявивъ, что все писавшееся до сихъ поръ писалось людьми, принадлежавшими той или другой партіи, а потому пристрастными, разбираетъ теоріи всѣхъ выдающихся руководителей славянофильства (также критику этого ученія со стороны Аполлона Григорьева) вплоть до Страхова и Данилевскаго. Опровергая мнѣніе Страхова, что самъ Герценъ въ концѣ-концовъ сдѣлался славянофиломъ, онъ приходитъ къ заключенію, что новѣйшее славянофильство, потерявъ свой теоретико-философскій характеръ, превратилось отчасти въ грубый шовинизмъ и вступило въ связь съ

*) См. обзоръ литер. по русской исторіи за 1888 и 1889 годы во II томѣ „Истор. Обозрѣнія".

[1]) Вл. Соловьевъ, Мнимая борьба съ Западомъ. Р. М. 1890, 8, 1—21.

[2]) В. Соловьевъ. Самосознаніе или самодовольство. Р. О. 1890, 6, 671—687.—

[3]) Чуйко, Старое и новое славянофильство. Наблюдатель. 1890, 1, 2.

такими явленіями жизни, которыя не могутъ вызывать къ себѣ сочувствія. Въ посмертной запискѣ Юзефовича [4]) доказывается, „что славянофилы усвоили себѣ тѣ именно начала, которыя составляютъ коренную непримиримую рознь между нашей и западноевропейской культурой. Вопреки всему смыслу нашего соборнаго строя, они выступаютъ поборниками западнаго индивидуализма со всѣми его доктринерскими droit de l'homme“. Западная зараза вошла такимъ образомъ къ намъ черезъ прорубленное Петромъ окно только спустя почти столѣтіе послѣ него и не онъ виновенъ въ томъ, что мы стали брать изъ Европы ненужное намъ. Соборный же строй нашей жизни разрушенъ былъ европейскими реформами Александра I и замѣненъ измышленнымъ Сперанскимъ на основахъ феодальнаго индивидуализма новымъ строемъ. Авторъ рекомендуетъ возвращеніе къ Петровскому строю (правительствующій сенатъ съ коллегіальными министерствами). Кромѣ того онъ рекомендуетъ выходъ Россіи изъ Европейскаго концерта, т.-е. полное политическое обособленіе, и многія другія мѣры. Общій интересъ представляютъ далѣе сочиненія Пыпина [5]) и Первольфа [6]). Во введеніи Пыпинъ между прочимъ возстаетъ противъ той группы ученыхъ, которая московскую государственную и бытовую формы считаетъ полнымъ и правильнымъ выраженіемъ русской народности. Въ вышедшемъ первомъ томѣ онъ разсматриваетъ ходъ изученія народности въ 18-мъ вѣкѣ, эпоху Александра I, дѣятельность Надеждина, Сахарова и т. д., до сороковыхъ годовъ. Исторія русской этнографіи, говоритъ онъ, начинается только съ петровской реформы, когда впервые возникла сознательная мысль объ изученіи народа и народности. Такимъ образомъ петровская реформа не только не „оторвала“ нашего общества отъ народа, но наоборотъ. 3-й томъ сочиненія Первольфа посвященъ выясненію проявленія славянской идеи въ политическихъ и культурныхъ сочиненіяхъ западныхъ славянъ.—Въ сочиненіяхъ, которыя давали бы намъ общій обзоръ русской исторіи, чувствуется по прежнему недостатокъ. Нельзя не упомянуть при этомъ о сочиненіи англійскаго профессора Морфиля [7]), который на 400 стр. компактной печати далъ намъ добросовѣстный очеркъ исторіи Россіи; время до Петра В. занимаетъ 132 стр., царствованіе Петра 132—174 стр. *).

[4]) М. Юзефовичъ, Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи. Кіевъ. 1890, 47.—[5]) А. Пыпинъ, Исторія русской этнографія. т. I. Спб. 1890, VIII+424 (И. В. 1890, 7, С.).—[6]) I. Первольфъ, Славяне, ихъ взаимныя отношенія, т. III, ч. I. Варшава. 1890 (В. Е. 1890, 7. А. П.). —[7]) Morfill, Russia. London. 1890 XXI+394.

*) Указанія на нѣкоторые труды справочнаго характера мы относимъ къ концу обзора.

II. Время до XVI-го вѣка.

Доброй половиной работъ по древнѣйшей исторіи мы обязаны VIII-му археологическому съѣзду. Работы эти, правда, не напечатаны, но главнѣйшіе выводы прочитанныхъ на съѣздѣ рефератовъ могутъ войти въ научный обиходъ благодаря подробному изложенію рефератовъ въ статьяхъ Шмурло [8]), Багалѣя [9]) и Милюкова [10]), главнымъ же образомъ въ первой. Самоквасовъ [11]) развиваетъ поддержанную Кочубинскимъ и Иловайскимъ теорію о существованіи въ послѣдніе вѣка Римской имперіи славянской стихіи, какъ туземной, на берегахъ Нижняго Дуная. Даковъ референтъ считаетъ такимъ образомъ славянами. Къ вопросу о происхожденіи Руси относятся два реферата: Хвольсона [12]) о сочиненіи арабскаго писателя Ибнъ-Хордадбега, которое вслѣдствіе найденной недавно болѣе ранней редакціи (847 года) является самымъ древнимъ источникомъ о руссахъ и изъ котораго видно, что арабы знали руссовъ много раньше появленія на Руси тѣхъ норманновъ, которымъ приписывается основаніе Русскаго государства. Поэтому прежде всего слово русскіе съ норманнами ничего общаго не имѣетъ. А. Будиловичъ [13]), разобравъ филологически слово Русь, отрицаетъ славянское его происхожденіе, а также возможность заимствованія его изъ языковъ финнскаго, литовскаго, шведскаго и вообще какого либо сѣвернаго народа. Будиловичъ отвергаетъ варяжскую теорію, но признаетъ доказаннымъ присутствіе въ древне-русскомъ языкѣ германскаго наслоенія, однако болѣе древняго, нежели варяжская эпоха. Наслоеніе это референтъ относитъ къ Готамъ, отыскивая слѣды готскаго вліянія въ русскомъ языкѣ. Слово Русь соотвѣтствуетъ готскому Hrôthis, встрѣчающаяся же въ исландскихъ сагахъ Hrôdh-gotaland—Русь-Готландія, обозначаетъ готскую область, совпадавшую приблизительно съ землею Полянъ. Уже въ прошломъ году В. Г. Васильевскій высказалъ возможность новой готской теоріи происхожденія русскаго имени, которая въ рефератѣ Будиловича и находитъ себѣ новое подтвержденіе. Въ дебри до-рюриковской Руси

---

8) Е. Шмурло, VIII археологическій съѣздъ. Ж. М. Н. П. 1890, 5, 6. — 9) Багалѣй, VIII археол. съѣздъ въ Москвѣ. К. С. 1890, 3. — 10) Милюковъ, VIII арх. съѣздъ. Москва. 1890.— 11) Самоквасовъ, О происхожденіи Русскихъ Славянъ и причинѣ появленія кладовъ римскихъ монетъ въ области Центральной Европы (докладъ арх. съѣзду).— 12) Хвольсовъ, О Руссахъ арабскаго писателя первой половины IX-го вѣка Ибна-Хордадбега (докладъ арх. съѣзду). — 13) А. Будиловичъ, Къ вопросу о происхожденіи слова Русь (докладъ арх. съѣзду).

ведетъ насъ также очень интересная работа Ѳ. Успенскаго [14]). Авторъ сближаетъ извѣстіе о Руси, читаемое у Симеона Магистра, съ византійскимъ преданіемъ о патріархѣ Іоаннѣ, состоящимъ въ томъ, что Іоаннъ чарами прогналъ наступающее подъ предводительствомъ трехъ вождей племя; вожди эти перессорились между собой и двое изъ нихъ погибли въ борьбѣ. Затѣмъ авторъ не переведенное еще точно извѣстіе о Руси у Симеона Магистра читаетъ такъ: Русь знаменитые Дромиты, названы отъ нѣкоего сильнаго Росса, избѣжавъ вліянія напущенныхъ Богомъ или нечистою силою насланныхъ и овладѣвшихъ ею чаръ. Чары Іоанна въ византійскомъ преданіи авторъ сближаетъ съ чарами, которымъ подпала Русь въ разсказѣ Симеона и нападаетъ такимъ образомъ на важный слѣдъ византійскаго преданія о Руси до-рюриковой, на слѣдъ знакомства Византіи съ Русью при императорѣ Ѳеофилѣ и патріархѣ Іоаннѣ, т.-е. до 842 года. Тутъ же необходимо упомянуть о новой попыткѣ объясненія извѣстныхъ отрывковъ Газе; отвергая объясненіе Васильевскаго и Успенскаго, Милюковъ [15]) однако же, точно также какъ и послѣдній ученый, перестаетъ искать объясненія данныхъ этой записки въ сферѣ русско-византійскихъ отношеній, а приводитъ ихъ въ связь съ участіемъ венгровъ въ борьбѣ Болгаръ съ Византіей, происходившей между 889—892 годами въ предѣлахъ теперешней Бессарабіи. При этомъ онъ опровергаетъ мнѣніе Газе, что рукопись эта должна быть отнесена къ X-му вѣку. Опроверженіе Малышевскимъ догадки арх. Леонида о происхожденіи св. Ольги подверждается Лопаревымъ [16]) и отчасти Иловайскимъ [17]). Первый не согласенъ лишь съ тѣмъ, что Псковъ основанъ до призванія Варяговъ и находитъ вообще невозможнымъ возвышать значеніе Пскова въ ущербъ дѣйствительному значенію Изборска. Завитневичъ [18]) разбираетъ вопросъ о томъ славянскомъ племени, которое въ лѣтописныхъ спискахъ встрѣчается подъ разными именами Уличей, Лютичей и Суличей. Путемъ разныхъ историческихъ, филологическихъ и археологическихъ сопоставленій онъ приходитъ къ заключенію, что лучшимъ чтеніемъ слѣдуетъ признать Суличи, и что такое племя дѣйствительно могло существовать. Тутъ же отмѣтимъ интересное изслѣдованіе Павлова [19]) относительно церковнаго устава Св. Владиміра. Павловъ доказываетъ подлинность его, которую, какъ извѣстно, отрицалъ Ка-

[14]) Ѳ. Успенскій, Патріархъ Іоаннъ VI грамматикъ и Русь-Дромиты у Симеона Магистра. Ж. М. Н. П. 1890, 1, 1—34.—[15]) П. Милюковъ, О времени и мѣстѣ дѣйствія въ запискѣ Греческаго Топарха (докладъ арх. съѣзду).—[16]) Хр. Лопаревъ, Рецензія на статью Малышевскаго „Происхожденіе русской вел. княгини Ольги“ Библіографъ. 1890, 9—14.—[17]) Иловайскій, Историческія отмѣтки. Р. В. 1890, 1, 192—208.—[18]) В. Завитневичъ, Существовало-ли Славянское племя Суличи? Труды VII-го арх. съѣзда, т. I. Москва. 1890.—[19]) А. Павловъ, Къ вопросу о подлинности церковнаго устава Св. Владиміра (докладъ арх. съѣзду).

рамзинъ и теперь отрицаетъ Голубинскій. Подобно Русской Правдѣ уставъ этотъ, какъ доказываетъ Павловъ, составленъ не путемъ формальнаго законодательства, а путемъ частной кодификаціи отдѣльныхъ постановленій, которыя почти всѣ принадлежатъ Св. Владиміру. А. Верещагинъ [20]) опровергаетъ твердо сложившееся мнѣніе, что Вятка въ XII вѣкѣ была заселена новгородскими выходцами и доказываетъ недостовѣрность „вятскаго лѣтописца" на основаніи показаній котораго сложилось мнѣніе о такой новгородской колоніи. „Вятскій лѣтописецъ", доказываетъ авторъ въ другой работѣ, вообще не можетъ считаться достовѣрнымъ источникомъ, о новгородской же колоніи въ Вяткѣ онъ писалъ лишь по преданіямъ [21]). Платоновъ [22]) по поводу доклада Забѣлина [23]) (на VIII арх. съѣздѣ) опровергаетъ мнѣніе этого ученаго о томъ, что основаніе Москвы на водномъ пути, который былъ перекресткомъ древнихъ торговыхъ путей, было вызвано экономическими причинами. Платоновъ изслѣдуетъ лѣтописныя извѣстія и находитъ, что извѣстія объ основаніи Москвы въ 1147 и 1156 годахъ не заслуживаютъ вполнѣ довѣрія. Существованіе ея можетъ быть удостовѣрено только въ 70-хъ годахъ XII-го вѣка и лѣтописи говорятъ намъ не о торговой, а о погранично-военной роли Москвы; основаніемъ ея преслѣдовалась цѣль обороны съ юга. Интересно изслѣдованіе Тихомірова [24]) о Псковской лѣтописи, которую авторъ, не смотря на вставки, считаетъ болѣе цѣнной сравнительно съ другими сводами, напр., Лаврентьевскимъ, Никоновскимъ и др. Эта лѣтопись важна тѣмъ, что въ ней особенно рельефно выражаются взгляды, міровоззрѣніе, суевѣрія и предразсудки русскихъ людей. Характерно отношеніе псковскихъ лѣтописцевъ къ правительству; всѣ бѣды они сваливаютъ на московскихъ намѣстниковъ, князей же московскихъ считаютъ добрыми, даже виновника уничтоженія псковской независимости; характерно также недовольство всѣми московскими нововведеніями. Тутъ же укажемъ на изданную уже въ прошломъ году археограф. коммиссіей подъ редакціей А. Ѳ. Бычкова и Бестужева-Рюмина „Лѣтопись Аврамки", причемъ конецъ сборника, заключающій въ себѣ литовскія лѣтописи, отложенъ до того тома, въ которомъ будутъ помѣщены всѣ Литовскія лѣтописи [25]). В. Завитневичъ [26])

[20]) К. Верещагинъ, Откуда почерпнуты и насколько достовѣрны вообще показанія „вятскаго лѣтописца". Труды VII-го Арх. Съѣзда т. I. 119—135.—[21]) А. Верещагинъ, Заселена-ли была Вятка Новгородскими выходцами въ XII-мъ вѣкѣ? Труды VII-го арх. съѣзда, т. I. 104—118. — [22]) С. Платоновъ, О началѣ Москвы. Библіографъ. 1890, 57—63. — [23]) И. Забѣлинъ, Древнѣйшее населеніе Москвы (докладъ арх. съѣзду). — [24]) И. А. Тихомировъ, Первая Псковская лѣтопись послѣ паденія Пскова. Ж. М. Н. П. 1890, 2, 245—252. — [25]) Лѣтописный сборникъ, именуемый Лѣтописью Авраамки. (Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. XVI). Спб. 1890, 160+70. — [26]) В. Завитневичъ, О крестѣ, кото-

старается доказать подлинность извѣстнаго, недавно найденнаго креста, которымъ, судя по надписи на немъ, преподобный Сергій благословилъ Димитрія на борьбу съ Мамаемъ. Для исторіи духовной жизни народа интересно изслѣдованіе Тимоѳеева [27]), который доказываетъ, „что ересь жидовствующихъ есть не самобытное движеніе, а лишь логическій выводъ изъ того броженія умовъ, которое въ XIV и XV вѣкахъ, охвативъ Западъ, охватило и Русь". Черты юдаизма въ ереси авторъ отрицаетъ. Небольшой очеркъ Westman'a [28]), намъ конечно ничего новаго не сообщающій, знакомитъ французовъ съ дипломатическими отношеніями Россіи къ иностраннымъ державамъ и съ положеніемъ иностранцевъ въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ до Ивана III. Новыя данныя изъ Венеціанскихъ архивовъ относительно пріѣзда венеціанца Тревизана въ Россію при Иванѣ III сообщилъ Pierling [29]).—Прежде чѣмъ перейти къ исторіи XVI и XVII вѣковъ, отмѣтимъ нѣсколько новыхъ работъ по исторіи древней литературы. Архимандриту Леониду [30]) мы обязаны изданіемъ (по рукописи XV в., принадлежащей Моск. Дух. Акад.) извѣстныхъ „Бесѣдъ Кесарія", которыя еще Шлецеръ, не знавшій о хроникѣ Амартолы, считалъ источникомъ Нестора. Во введеніи издатель указываетъ на значеніе этого сочиненія, какъ первоисточника Георгія Амартолы и нашей Толковой Палеи. Литература „Слова о Полку Игоревѣ" обогатилась тремя работами. Симони [31]) далъ намъ новое изданіе текста, поправки и замѣчанія къ тексту Пекарскаго. Козловскій [32]) изслѣдовалъ происхожденіе различій въ спискѣ, изданномъ Мусинымъ-Пушкинымъ и Пекарскаго. Различными сопоставленіями онъ старается возстановить подлинный текстъ. Лексикологія слова, изданная Барсовымъ [33]), имѣетъ значеніе не только по отношенію къ этому памятнику; объясненіе многихъ словъ проливаетъ свѣтъ на исторію быта, понятій и учрежденій того времени, когда возникъ разбираемый памятникъ. Павловъ [34]) издалъ найденное имъ въ сборникѣ XV вѣка (въ Ру-

---

рымъ, по словамъ находящейся на немъ надписи, благословилъ преподобный Сергій великаго князя Димитрія на борьбу съ Мамаемъ (докладъ арх. съѣзду).— [27]) С. Тимоѳеевъ, Первыя раціоналистическія секты на Руси (докладъ арх. съѣзду).— [28]) Westman, Diplomatie de l'ancienne Russie. Revue d'histoire diplomatique. 1890, 174—208. — [29]) Pierling, Un Vénitien à Moscou au XV-e Siècle. Gian Battista Trevisan. Revue des questions historiques. v. 47, 596, 605. — [30]) Арх. Леонидъ, 4 бесѣды Кесарія. (Посл. Др. Письм.. вып. 95). Спб. 1890.— [31]) П. Симони, Текстъ Слова о Полку Игоревѣ. Древности, т. 13,2, 16—46. — [32]) И. Козловскій, Палеографическія особенности погибшей рукописи Слова о Полку Игоревѣ. Древности, т. 13,2, 1—15. — [33]) Е. Барсовъ, Слово о Полку Игоревѣ, т. III, Лексикологія Слова. А.—М. Москва. 1890. (Ж. М. Н. П. 1890, 5. А. Будиловичъ). — [34]) А. Павловъ, Неизданный памятникъ русскаго Церковнаго права XII-го вѣка. Ж. М. Н. П. 1890, 10, 275—300.

мянцевскомъ Музеѣ) анонимное древне-русское архіерейское поученіе духовенству, очень интересное по содержанію и языку. Павловъ доказываетъ, что поученіе принадлежитъ владыкѣ Новгородскому Ильѣ-Іоанну (1165—1186), второму преемнику Исидора Новгородскаго; оно содержитъ въ себѣ рядъ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ наставленій и правилъ. Тутъ же упомянемъ о двухъ памятникахъ, изданныхъ архимандритомъ Леонидомъ [35]): Слово о перенесеніи мощей преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, соч. Мниха Нестора, XI-го в. и „Похвала преподобному отцу нашему Ѳеодосію игумену Печерскому“ неизвѣстнаго автора XIII вѣка (Серапіона архимандрита Печерскаго?)

Въ другой работѣ тотъ-же ученый вооружается противъ легенды о томъ, что всѣ священныя книги—(60 уставныхъ книгъ) переведены были на славянскій языкъ съ греческаго по приказанію Меѳодія. Лишь 53 книги, доказываетъ онъ, могутъ быть отнесены къ древнѣйшему (Меѳодіеву) переводу, 5 относятся къ болгарскому переводу (890—927), а 2 къ русскому XV в., причемъ съ греческаго переведены лишь 57 книгъ. Въ той же работѣ авторъ говоритъ о богослужебныхъ книгахъ перевода IX и X вв., болгарскихъ сочиненіяхъ и переводахъ X в. и сочиненіяхъ и переводахъ болгарскихъ книжниковъ X и XI вв. [36]). А. Веселовскій [37—38]) продолжалъ свои мелкія замѣтки къ былинамъ: Къ былинѣ о Садко, финнскіе варіанты былины объ Ильѣ Муромцѣ, кто такой Бравлинъ въ житіи св. Стефана Сурожскаго, былины о Ставрѣ Годиновичѣ и пѣсни о дѣвушкѣ воинѣ, Илья—шахъ и связь его съ нашимъ Ильей.—Халанскій [39]), изслѣдуя былину о жидовинѣ, разсматриваетъ сербскія сказанія о „джидахъ“ — великанахъ и возстаетъ противъ отождествленія „джидовъ“ съ хазарами.—Данныя сербскаго эпоса даютъ основаніе оставить попытку искать историко-этническаго основанія для сказанія о джидахъ. Основа ихъ чисто эпическая — древнѣйшія общія всѣмъ народамъ сказанія о великанахъ.—Не восходитъ ли теперешнее сербское „джидъ“ черезъ древне-сербскую форму ГИГЪ къ греческому γίγας? Изслѣдованіе Потанина [40]) относительно сказанія о Гэсэръ-ханѣ служитъ какъ-бы продолженіемъ извѣстному труду Стасова; но авторъ обращаетъ вниманіе не на индійскія и устныя тюркскія и монгольскія,

---

[35]) Арх. Леонидъ, Два памятника древне-русской Кіевской письменности XI и XIII. Ч. М. О. И. Д. 1890, 2, 1—26. — [36]) Арх. Леонидъ, Библіографическія разысканія въ области древнѣйшаго періода слав. письменности IX—X вв. Ч. М. О. И. Д. 1890, 3, 1—28. — [37]) А. Веселовскій, Мелкія замѣтки къ былинамъ. Ж. М. Н. П. 1890, 3, 1—56. — [38]) А. Веселовскій, Мелкія замѣтки къ былинамъ. Ж. М. Н. П. 1890, 5, 56—73. — [39]) Халанскій, Былина о Жидовинѣ. (Оттискъ изъ русскаго Филолог. Вѣстника). Варшава. 1890, 23. — [40]) Г. Потанинъ, Монгольское сказаніе о Гэсэръ-ханѣ. В. Е. 1890, 9, 121—158.

а на книжное монгольское сказаніе о Гэсэръ-ханѣ и сближаетъ это сказаніе въ его различныхъ варіантахъ съ русскими былинами. Этимъ сближеніемъ русскихъ былинъ съ монголо-тибетскимъ сказаніемъ объясняются нѣкоторыя собственныя имена въ русскихъ былинахъ. Наиболѣе обширной и выдающейся работой въ этой области является изслѣдованіе Жданова [41]). Авторъ отвергаетъ мнѣніе объ исключительно великорусскомъ составѣ и характерѣ нашихъ былинъ, также какъ и предположеніе, что всѣ былины Кіевскаго цикла представляютъ лишь слегка подновленные памятники до-монгольской эпохи. „Корни нашихъ былинъ тянутся въ ту именно эпоху Кіевской Руси, которыя указываются господствующими въ былинахъ подборомъ именъ и географическихъ названій". Изслѣдуя ходъ литературной исторіи былинъ о князѣ Романѣ, авторъ пытается опредѣлить, что̀ въ этихъ пѣсняхъ принадлежитъ первоначальной основѣ, и въ чемъ можно видѣть слѣды позднѣйшихъ измѣненій. Въ историческихъ чертахъ былинъ о князѣ Романѣ, въ ихъ географической и этнографической терминологіи замѣчается такая же борьба двухъ теченій, какъ и въ подробностяхъ, касающихся состава былинъ. Одно теченіе указываетъ на западно-русскія отношенія, второе вноситъ черты восточно-русскихъ отношеній. Первое теченіе есть, безъ сомнѣнія, древнѣйшее, первоначальное, основное. А. Кирпичниковъ [42]) открылъ, что въ оригинальномъ греческомъ житіи св. Димитрія Солунскаго, нѣтъ описанія чуда „о двоѣ дѣвицѣ, еже отъ Срацинъ въ церковь свою принесе"; описаніе это имѣется въ русскомъ народномъ стихѣ объ этомъ святителѣ; такимъ образомъ, литературная дѣятельность нашихъ предковъ распространялась и на обработку чудесъ о греческихъ святыхъ. Л. Майковъ [42а]) издалъ найденную въ матеріалахъ, собранныхъ Истоминымъ „Бесѣду о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Царьграда". Памятникъ, какъ доказываетъ Майковъ, состоитъ изъ двухъ частей: „Бесѣды", въ которой авторъ указываетъ на паломничество, какъ на долгъ каждаго благочестиваго человѣка, и самой „повѣсти" о поклоненіи святымъ мѣстамъ Царьграда. Первая написана не позже половины XV в., вторая же не позже начала XIV в. и вставлена лишь составителемъ „Бесѣды".

III. XVI и XVII вв.

Обзоръ литературы по исторіи Россіи XVI вѣка можемъ начать съ сочиненія Сергѣевича [43]), которое большей своей частью

---

[41]) И. Ждановъ, Пѣсни о Князѣ Романѣ. Ж. М. Н. П. 1890, 4, 5. — [42]) А. Кирпичниковъ, Особый видъ творчества въ древне-русской литературѣ. Ж. М. Н. П. 1890, 4, 306—314. — [42а]) Майковъ, Матеріалы и изслѣдованія по старинной Русской литературѣ I. Спб. 1890. (Ж. М. Н. П. 1890, 9, Дестунисъ). [43]) В. Сергѣевичъ, Русскія юридическія древности, т. I. Территорія и насе-

относится къ эпохѣ до XVI вѣка. Въ первой части авторъ разсматриваетъ государственную территорію древней Руси, термины волость, княженіе, удѣлъ, города и пригороды. Особенно интересенъ здѣсь взглядъ автора на дѣятельность и значеніе Калиты. Вопреки мнѣнію всѣхъ историковъ онъ доказываетъ, что Калиту никоимъ образомъ нельзя считать первымъ собирателемъ земли русской, такъ какъ онъ, наоборотъ, первый примѣнилъ къ наслѣдованію вновь созданнаго княженія порядокъ частнаго наслѣдованія; раздѣливъ свой удѣлъ между всѣми своими наслѣдниками, онъ показалъ, что думалъ не о величіи Московскаго государства, а о безбѣдномъ устройствѣ ближнихъ себѣ. Единое Московское государство образовалось вопреки видамъ его. Основателемъ же новаго порядка былъ Димитрій Донской подъ вліяніемъ бояръ, естественныхъ сторонниковъ объединительной политики, такъ какъ имъ нужны были богатыя кормленія, а такихъ было тѣмъ больше, чѣмъ меньше было князей. Далѣе авторъ доказываетъ, что титулъ царство и государство входитъ въ употребленіе только при Иванѣ IV. Во второй части изслѣдуются вопросы о населеніи удѣльно-вѣчевой Руси и Московскаго государства, о холопахъ и крестьянахъ. Авторъ касается вопроса объ общинномъ землевладѣніи, существованіе котораго онъ отвергаетъ, и вопроса о развитіи крѣпостного права. При этомъ онъ опровергаетъ мнѣніе Ключевскаго о томъ, „что крѣпостное право явилось юридическимъ утвержденіемъ мысли, послѣдовательно развившейся изъ кабальнаго права посредствомъ приложенія условій служилой кабалы къ издѣльному крестьянству“; онъ доказываетъ, что наши памятники всегда строго различаютъ понятіе служилой кабалы отъ понятія крѣпостной зависимости. Далѣе слѣдуетъ подробное разсмотрѣніе положенія разныхъ разрядовъ свободнаго населенія древней Руси: о торгово-промышленномъ и служиломъ классѣ, о дворцовыхъ чинахъ, дьякахъ и подъячихъ. Интересенъ общій выводъ автора, что Русь до-петровская вовсе не представляетъ какой-либо твердой, неизмѣнной старины, и что въ такомъ видѣ ее нельзя противопоставить новѣйшей Россіи, измѣнившей старому быту въ подражаніе чужимъ образцамъ. „Москва второй половины XV, XVI и XVII вв. еще менѣе походитъ на Русь до-московскую, чѣмъ на имперію Россійскую временъ Екатерины II“. Затѣмъ необходимо упомянуть о III томѣ Исторіи Россіи, Иловайскаго [44]), который весь посвященъ XVI вѣку (нѣкоторыя главы его

вніе. Спб. 1890. (И. В. 1890, 6, В. Латкинъ. Наблюдатель. 1890, 5. Р. В. 1890, 6. Ю. В. 1890, 7/8 Н. Сторожевъ). — [44]) Д. Иловайскій, Исторія Россіи, т. III. Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI в. Москва. 1890, 12. (Оживленная полемика, которую вызвалъ этотъ трудъ и которая придала

были уже раньше напечатаны въ видѣ статей въ разныхъ журналахъ). Сочиненіе начинается изображеніемъ Литовско-русскихъ отношеній при Василіи III. Слѣдующія главы посвящены затѣмъ Литовской Руси при Ягеллонахъ, Люблинской уніи, царствованіямъ Ивана IV, Ѳедора Ивановича и Бориса Годунова, исторіи юго-восточныхъ окраинъ и покоренію Сибири. Далѣе авторъ даетъ характеристику государственнаго строя Московской Руси и разсматриваетъ церковную унію и значеніе польщизны, казачества и еврейства въ Западной Руси.

Необходимымъ дополненіемъ къ вышедшей въ прошломъ году работѣ Чечулина о городахъ XVI в., служатъ рецензіи Симсона [45]) и Платонова [46]).—Симсонъ оспариваетъ нѣкоторые выводы Чечулина, въ особенности относительно подмосковныхъ городовъ, о запустѣніи центральныхъ городовъ во второй половинѣ 16 вѣка, мнѣніе, что присоединеніе Поволжья къ русскому государству нарушило правильное теченіе жизни въ самомъ центрѣ государства, оттягивая туда населеніе изъ центральныхъ городовъ и др. Подтверждая новыми данными многіе выводы автора, Симсонъ указываетъ на то, что авторъ слишкомъ мало воспользовался печатнымъ и архивнымъ матеріаломъ помимо писцовыхъ книгъ.—Платоновъ, указывая на то же самое, говоритъ, что изслѣдованіе Чечулина о городахъ есть скорѣе предварительная разработка данныхъ писцовыхъ книгъ XVI в. о городахъ; кромѣ того, разработка эта не даетъ ни полнаго опредѣленія города, такъ какъ не изслѣдуется его военное и административное значеніе, ни полнаго очерка жизни торгово-промышленныхъ общинъ, такъ какъ авторъ изслѣдуетъ только тѣ изъ всѣхъ такихъ общинъ, которыя находились при крѣпостяхъ и жили подъ вліяніемъ служилаго люда: гарнизона и администраціи. Чечулинъ изслѣдовалъ не факты, а источники, потому что, изслѣдуя разные вопросы, онъ всегда остается въ предѣлахъ тѣхъ данныхъ, которыя заключаетъ въ себѣ его основной источникъ; отсюда многіе выводы не полны, не ясны и не всегда вѣрны. Полемика по поводу объясненія Чечулинымъ значенія термина „земцы“ разрѣшена Сторожевымъ [47]) въ томъ смыслѣ, что они, какъ вполнѣ справедливо полагаетъ Чечулинъ, были дѣйствительно дворянами и владѣли населенными и ненаселенными помѣстьями. Говоря о характерѣ исторіи древней Руси, нельзя не упомянуть о длящемся уже два года спорѣ между Голохвастовымъ [48]) и Иловайскимъ [49]) по поводу значенія слова кормленіе (См. Русск. Арх.

ему столь большую извѣстность, вся относится къ 1891 году).— [45]) Симсонъ. Ж. М. Н. П. 1890, 3, 204—233.—[46]) Платоновъ. Ж. М. Н. П. 1890, 5, 140—154.—[47]) Н. Сторожевъ, О „земцахъ“. Ю. В. 1890, 5/6. — [48]) П. Голохвастовъ, Боярское кормленіе. Р. А. 1890, 6, 209—248. — [49]) Д. Иловайскій. Историко-критическія замѣтки. Р. С. 1890, 4, 423—437.

1889, 1, 4, 5). Споръ пріобрѣтаетъ особое значеніе вслѣдствіе заявленія Голохвастова, что объясненіе слова „кормленіе" въ смыслѣ дохода искажаетъ весь смыслъ нашей исторіи. Кормленщики, доказываетъ онъ, были государственными чиновниками, а не простыми арендаторами княжескихъ доходовъ отъ суда и пошлинъ, арендаторами, отъ которыхъ населеніе бѣжало. Голохвастовъ доказываетъ, что кормомъ назывался служебный гонораръ намѣстника и тіуна; то же, что получали праветчики и доводчики, называлось всегда поборомъ; слово это происходитъ не отъ кормить, а отъ кормленствовать—gubernare и означало подать за кормленство.—Изъ литературы по исторіи Ивана Грознаго отмѣтимъ продолженіе работы Ясинскаго [50]) о Курбскомъ. Разбирая ту часть историческаго труда Курбскаго, которая посвящена разсказу о казняхъ, совершенныхъ Іоанномъ во вторую половину его царствованія, Ясинскій посредствомъ сопоставленія данныхъ послужного списка, лѣтописей, синодиковъ, наказныхъ рѣчей посламъ и свидѣтельствъ иностранныхъ писателей, доказываетъ, что разсказъ Курбскаго вполнѣ подтверждается. Иностраннымъ писателямъ, говоритъ онъ, оказывалось у насъ до сихъ поръ слишкомъ мало довѣрія. — Тутъ же упомянемъ о небольшой библіографической замѣткѣ, въ которой мы доказываемъ, что извѣстное посланіе Крузе, одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ для вопроса о казняхъ Іоанновыхъ въ 1572 году, обращено было не къ Кетлеру, какъ до сихъ поръ полагали, а къ Хоткѣвичу, и что считавшійся до сихъ поръ самостоятельнымъ источникомъ разсказъ Гоффа о тѣхъ же событіяхъ есть то же посланіе Крузе, которое было, такимъ образомъ, напечатано уже въ 1578 г. [51]). — Лихачевъ [52]), изслѣдуя происхожденіе Адашева, прежде всего опредѣляетъ положеніе его при дворѣ: онъ былъ комнатнымъ спальникомъ и стряпчимъ (по всей вѣроятности также и постельничимъ), а затѣмъ сдѣланъ былъ окольничимъ. Фамильное прозвище Адашевыхъ восточнаго происхожденія; родъ Адашевыхъ записанъ въ родословцахъ въ видѣ послѣдней 43-й главы. Въ то время, какъ всѣ историки согласно повѣствуютъ о незнатности его рода, Лихачевъ, на основаніи нѣкоторыхъ документовъ изъ архива Мин. Юст. въ Москвѣ, устанавливаетъ происхожденіе рода Адашевыхъ отъ костромскихъ вотчинниковъ Ольговыхъ и принадлежность ихъ къ высшему слою служилыхъ костро-

---

[50]) А. Ясинскій, Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ. К. У. И. 1890, 1, 209—259. — [51]) А. Браудо, Посланіе Таубе и Крузе къ Герцогу Кетлеру. Ж. М. Н. П. 1890, 10, 386—395 — [52]) Н. П. Лихачевъ, Происхожденіе А. Θ. Адашева, любимца Ивана Грознаго. И. В. 1890, 5, 378—392.

мичей.—Михайловъ [53]) снова возбуждаетъ поднятый въ прошломъ году споръ о Домостроѣ. Всѣ неправильные выводы Некрасова, доказываетъ авторъ, произошли отъ того, что онъ въ основу своего изслѣдованія положилъ списокъ Московскаго Общества Ист. и Древн., „на томъ основаніи, что онъ де древнѣе и полнѣе всѣхъ", забывая, что и въ позднѣйшихъ спискахъ можетъ сохраниться болѣе древняя редакція памятника. Предисловіе къ Домострою въ спискѣ Общества явилось позднѣе самаго текста Домостроя, оно принадлежитъ не автору, а редактору памятника и слито только съ полной редакціей его; поэтому редакцію Коншинскаго списка, гдѣ нѣтъ этого предисловія, нужно считать болѣе древней. Михайловъ опровергаетъ мнѣніе Некрасова, что всѣ 3 части Домостроя существовали въ литературѣ отдѣльно. „Домострой писанъ отъ начала до конца однимъ лицомъ, ссылки же предисловія нужно понимать въ смыслѣ указанія не на труды разныхъ авторовъ, а просто на части Домостроя". Въ приложеніи авторъ сообщаетъ о двухъ спискахъ памятника въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Чечулинъ [54]) составилъ на основаніи изданныхъ и рукописныхъ писцовыхъ книгъ списокъ встрѣчавшихся въ 16-мъ в. некрещеныхъ именъ. Между ними мы находимъ массу словъ, отъ которыхъ образовались современныя намъ русскія фамиліи; мы видимъ, что и такія фамиліи какъ Злобинъ, Невѣжинъ стали фамильными прозвищами не какъ обозначеніе качества. А. Маркевичъ [55]) описываетъ находящуюся въ Парижѣ разрядную книгу, о которой М. Строевъ сообщалъ, что она заключаетъ въ себѣ годы 1543—1579; разрядныя же книги, относящіяся спеціально къ половинѣ XVI вѣка, какъ извѣстно, очень рѣдки; оказалось однако, что рукопись обнимаетъ годы 1492—1579. Д. Лебедевъ [56]) отыскалъ проповѣдь, произнесенную въ одномъ изъ придворныхъ соборовъ по случаю изгнанія Крымскаго Хана Саинъ-Гирея изъ-подъ Москвы 31 іюля 1541 г. По содержанію и по лексикологическимъ особенностямъ проповѣдь чрезвычайно сходна съ нѣкоторыми твореніями Сильвестра. Культурно-историческое значеніе имѣетъ подробная опись движимаго церковнаго имущества Ипатьевскаго монастыря, замѣчательная по своей древности, подробности и систематичности [57]). Форстенъ [58]) ра-

[53]) А. Михайловъ, Къ вопросу о Домостроѣ. Ж. М. Н. П. 1890, 8, 332—369. — [54]) Чечулинъ, Личныя имена XVI в, не встрѣчающіяся въ православныхъ святцахъ. Библіографъ, 1890, 73 — 87. — [55]) А. Маркевичъ, Разрядная книга въ Парижской Національной Библіотекѣ. Ж. М. Н. П. 1890, 2, 303—309.— [56]) Лебедевъ, Неизвѣстный русскій проповѣдникъ временъ юности великаго князя Ивана Васильевича (докладъ арх. съѣзду). — [57]) М. Соколовъ. Переписныя книги Костромскаго Ипатіевскаго монастыря 1595 г. XII+60.— [58]) Г. Форстенъ, Архивныя занятія въ Любекѣ и Данцигѣ по исторіи балтійскаго вопроса. Ж. М. Н. П. 1890, 8, 291—331.

зобралъ хранащіяся въ Любекскомъ архивѣ акты касательно сношеній Любека съ Московскимъ государствомъ въ 16 и 17 вв. („Ruthenica“ и „Miscellaneorum Russicorum. Volumina V.“) 1-й отдѣлъ распадается на 3 части и обнимаетъ время съ половины 16 в. до 1719 г. (о первыхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ, Псковомъ и Ревелемъ). Во второмъ отдѣлѣ заключаются сношенія Любека съ Ревелемъ по такъ называемому Нарвскому вопросу, акты по дѣлу Ганса Шлитте, Капелле и др. На послѣднихъ Форстенъ останавливается подробно (1577—1603). Англійскій купецъ Капелле былъ захваченъ въ Любекѣ со всѣми своими товарами, которые онъ намѣревался провести въ Нарву; Форстенъ сообщаетъ переговоры по этому дѣлу, интриги Капелле противъ Любека и переписка Любека съ воеводой нарвскимъ и самимъ Грознымъ. Далѣе Форстенъ подробно излагаетъ рядъ актовъ конца XVI в., выясняющихъ отношенія Ревеля къ Любеку, вопросъ о нарвской торговлѣ и стремленіе Любека возстановить въ Новгородѣ свою прежнюю контору, сношенія Любека съ московскимъ правительствомъ и т. д. Все сообщаемое очень интересно для исторіи торговыхъ сношеній Россіи съ Западомъ. Для исторіи сношеній между Римомъ, Польшей и Россіей во второй половинѣ XVI в. весьма любобытно новое изслѣдованіе извѣстнаго знатока этихъ отношеній Пирлинга [59]). Въ трудѣ, который объединяетъ всѣ прежнія изслѣдованія автора по этому же вопросу, очень подробно излагается исторія сношеній папскаго престола съ Московскимъ Государствомъ въ 1547—1580 гг., въ особенности отношенія Баторія къ Москвѣ и дѣятельность Поссевина. Для исторіи сношеній съ Персіей въ царствованіе Ѳедора Іоанновича находимъ много новыхъ данныхъ въ изданіи Н. Веселовскаго [60]) (изъ Моск. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ). Тутъ помѣщены акты о посольствѣ Григорія Васильчикова и пріѣздѣ персидскихъ пословъ, о посольствахъ князя Звенигородскаго, князя Василія Васильевича Тюфякина для постановленія съ персидскимъ шахомъ крѣпкой дружбы и неподвижнаго противъ общихъ недруговъ соединенія. Часть этого сырого матеріала разработана въ интересной замѣткѣ Сугорскаго [61]). Тутъ же упомянемъ о рефератѣ Н. Веселовскаго [62]), который разсказываетъ намъ о судьбѣ и дѣятельности русскаго посла въ Персіи Хохлова. Будучи посланъ еще Василіемъ Шуйскимъ на Теркъ, онъ былъ захваченъ Заруцкимъ и

[59]) Pierling, Papes et Tsars (1547—1597) D'après des documents nouveaux. Paris. 1890, 514. — [60]) Н. И. Веселовскій, Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Моск. Руси съ Персіей, т. I. Царств. Ѳедора Іоанновича. Тр. Вост. Отд. Имп. Арх. Общ. т. XX. Спб. 1890, 3+453.—[61]) Сугорскій, Сношенія съ Персіей при Годуновѣ. Р. В. 1890, 10, 104—124.— [62]) Н. Веселовскій, Иванъ Даниловичъ Хохловъ, русскій посланникъ на Востокѣ (докладъ арх. съѣзду).

посланъ къ Аббасу, гдѣ онъ занялъ очень почетное положеніе, навлекшее на него даже подозрѣнія на родинѣ. Но уже въ 1621 г. мы видимъ его посломъ въ Бухарѣ. Можно отмѣтить также рецензію того же ученаго на изданные въ прошломъ году Бѣлокуровымъ матеріалы для исторіи сношеній нашихъ съ Грузіей (Ж. М. Н. П. 1890, 2). Къ XVII вѣку переноситъ насъ начало интересной работы В. Ключевскаго [63]), который задался цѣлью разобрать вопросъ о составѣ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси въ связи съ устройствомъ мѣстныхъ міровъ и общественныхъ классовъ, представители которыхъ призывались на земскіе соборы; вопросъ о происхожденіи земскихъ соборовъ и развитіи соборнаго представительства, какъ оно отражалось въ постепенномъ измѣненіи соборнаго состава; онъ желаетъ изучить природу древне-русскаго представительнаго начала, которое такъ отлично было отъ западно-европейскаго. До сихъ же поръ у насъ, какъ извѣстно, путемъ сравненія земскихъ соборовъ съ представительными учрежденіями запада выяснилось лишь то, чѣмъ у насъ не были земскіе соборы. Слѣдующимъ наиболѣе важнымъ и законченнымъ изслѣдованіемъ по исторіи XVII в. является сочиненіе Лаппо-Данилевскаго 64) объ организаціи прямого обложенія. Помимо всего печатнаго матеріала, авторъ основывается на обширномъ рукописномъ: писцовыя и переписныя книги Моск. Арх. Мин. Юстиціи и Императорской Публ. Библ., и дѣлопроизводство тѣхъ финансовыхъ приказовъ, которые были присоединены къ посольскому приказу (въ Моск. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ). Во введеніи авторъ характеризуетъ развитіе и ростъ прямыхъ налоговъ и личныхъ повинностей до XVII в., вліяніе внутреннихъ политическихъ причинъ на ходъ этого развитія, и разбираетъ попытки Московскаго правительства XVII в. упростить существовавшую систему прямыхъ налоговъ, ихъ классификацію и терминологію, причемъ замѣчается отсутствіе строго опредѣленной системы налоговъ. Въ первой главѣ авторъ говоритъ о распредѣленіи прямыхъ налоговъ, тяжесть которыхъ падала, главнымъ образомъ, на крестьянъ и посадскихъ людей и даетъ очеркъ крестьянской и посадской общины. Во второй главѣ онъ характеризуетъ значеніе и достовѣрность писцовыхъ и переписныхъ книгъ, и способы составленія народныхъ переписей, на которыхъ основывалась правительственная раскладка податей. Далѣе онъ разсматриваетъ тѣ податныя единицы, которыми правительство измѣряло налогоспособ-

63) В. Ключевскій, Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси. Р. М. 1890, 1, 141—178.—64) А. Лаппо-Данилевскій, Организація прямаго обложенія въ Московскомъ Государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Спб. 1890 (И. В. 1890, 8. В. М.; Ж. М. Н. П. 1890, 8, М. Дьяконовъ; Ю. В. 1890, 11, Н. Сторожевъ).

вость плательщиковъ—соху, живущую четверть и дворъ. Разсматривая государственныя росписи и смѣты, авторъ приходитъ къ заключенію, что правительство не держалось пропорціональности обложенія: оно сообразовалось не столько съ благосостояніемъ народнаго хозяйства, сколько съ военными нуждами, и держалось поэтому репартиціонной системы обложенія. Но распредѣленіе податей между плательщиками оно должно было предоставить тяглой общинѣ. Во второй главѣ авторъ разсматриваетъ, какъ происходила раскладка податей внутри крестьянской и посадской общины. Далѣе онъ изслѣдуетъ движеніе сборовъ изъ областныхъ учрежденій въ центральныя и отсутствіе правильной организаціи этого движенія, въ 4-й главѣ—личныя повинности, въ 5-й—распредѣленіе поступленій по центральнымъ учрежденіямъ. Онъ характеризуетъ тутъ переходъ отъ вотчиннаго принципа распредѣленія сборовъ къ территоріально-сословному: вмѣсто дворцовыхъ учрежденій (Большой Дворецъ), финансовыми центрами отдѣльныхъ областей являются четверти. Затѣмъ авторъ разбираетъ попытки правительства измѣнить эту систему: усиленіе значенія Большой Казны и Монастырскаго Приказа, стремленіе правительства объединить центральные органы финансоваго управленія. Авторъ заканчиваетъ характеристикой государственнаго контроля XVII вѣка. Трудъ этотъ сообщаетъ намъ много данныхъ не только для финансовой исторіи государства, но и вообще для характеристики XVII вѣка, общественныхъ отношеній и правительственной политики, развитія централизаціи, поглощенія частныхъ интересовъ государственными и т. д.

Законченное теперь изслѣдованіе Цвѣтаева [65]), которое объединяетъ всѣ прежнія работы автора, даетъ намъ характеристику отношеній протестантовъ къ русскимъ; авторъ подробно останавливается на смѣшанныхъ бракахъ, на протестантской пропагандѣ и затѣмъ разсматриваетъ законную сферу дѣятельности и вліянія протестантовъ въ русской средѣ; онъ говоритъ о томъ, какъ иноземцы помогали удовлетворенію возникавшихъ въ жизни политико-экономическихъ и культурныхъ потребностей государства, двора, а затѣмъ и общества. По поводу вопроса о томъ, откуда вытекала та широкая вѣротерпимость, которой пользовались иноземцы, указываемо было на то, что вытекала она вовсе не изъ самаго духа русскаго народа, а просто вызывалась практическими соображеніями—иноземцевъ терпѣли, какъ необходимое зло. Указывалось также и на то, что авторъ игнориро-

[65]) У. Цвѣтаевъ, Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, ч. I. Ч. М. О. И. Д. 1890, 1, 329—782. (В. Е. 1890, 9, И. В. 1890, 11, Д. Багалѣй).

валъ судьбы протестантизма на юго-западѣ Россіи. Характеристику вліянія иноземцевъ и заимствованій у насъ въ разныхъ сферахъ жизни далъ тотъ же авторъ въ небольшомъ очеркѣ 65а). Въ слѣдующемъ сочиненіи авторъ обѣщаетъ разсмотрѣть тотъ же вопросъ въ эпоху преобразованій.—Къ смутному времени относится работа Скворцова 66), который далъ намъ біографическій очеркъ одной изъ наиболѣе выдающихся личностей того времени, архимандрита Троицко-Сергіева монастыря Діонисія Зобнинскаго. Скворцовъ доказываетъ, что патріотическія грамоты, разсылавшіяся тогда, оказывали большое вліяніе на нижегородское ополченіе и что участіе Палицына въ этомъ дѣлѣ было вовсе не столь значительно, какъ и вообще дѣятельность его во время осады монастыря. Иконниковъ 67) разсматриваетъ отношенія Лжедимитрія къ Сигизмунду III. Въ то время, какъ въ Польшѣ русскіе бояре вели интригу о сверженіи Димитрія, этотъ послѣдній задался цѣлью, опираясь на враждебную Сигизмунду III партію, свергнуть его и подчинить Польшу Москвѣ. Изслѣдованіе написано по поводу извѣстной работы Левитскаго о Лжедимитріи и по поводу напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1886 г. выписокъ изъ приходо-расходныхъ книгъ Красно-Холмскаго Антоніева монастыря, изъ которыхъ видно, что самозванецъ въ 1606 году собиралъ лошадей для „польскаго похода“.—О русскихъ рукописяхъ стокгольмскаго архива, которыя представляютъ данныя, характерныя для уясненія положенія областей, занятыхъ въ смутное время шведами, сообщилъ Якубовъ 68); описанныя имъ рукописи относятся къ такъ-называемой Делагардіевской коллекціи, о которой сообщалъ Соловьевъ въ отчетѣ о своей поѣздкѣ въ Скандинавію. Якубовъ даетъ намъ описаніе этихъ рукописей и въ приложеніяхъ помѣщаетъ тексты нѣкоторыхъ изъ нихъ: сюда относятся „столбцы“ (1590—1613) и, между ними, акты о такъ называемомъ Псковскомъ товарномъ дѣлѣ, возникшемъ изъ за того, что Делагарди запретилъ торговлю съ Псковомъ, затѣмъ акты, касающіеся измѣнническихъ помѣстій 1614—1616 гг. Тутъ же издатель помѣщаетъ рядъ челобитныхъ къ Делагарди, къ пресвѣтлѣйшему государю Карлу Филиппу Карлусовичу, Густаву Адольфу Карлусовичу и др. Далѣе слѣдуютъ дозорныя, кормовыя и приходо-расходныя книги разныхъ новгородскихъ пятинъ. Въ 1-мъ томѣ актовъ Москов-

65 а) Цвѣтаевъ, Къ исторіи культуры въ Россіи въ XVI и XVII вв. Варшава. 1890.—66) Д. Скворцовъ, Діонисій Зобнинскій, Архимандритъ Троицко-Сергіеваго Монастыря. Тверь. 1890. — 67) В. Иконниковъ. Димитрій Самозванецъ и Сигизмунъ III. Чт. въ Ист. Общ. Нест. Лѣт. т. IV. — 68) К. Якубовъ, Русскія рукописи Стокгольмскаго Государств. Архива. Ч. М. О. И. Д. 1890, 1, 4, 1—38 39—78.

скаго государства 69) помѣщено 718 документовъ, обнимающихъ 64 года (1571—1634), громадное большинство ихъ (672) относится однако къ царствованію Михаила Θедоровича. Дѣла эти касаются самыхъ разнообразныхъ сторонъ государственной жизни. Тутъ помѣщены столбцы о разныхъ дѣлахъ гражданскаго и уголовнаго характера, воеводскія отписки о происшествіяхъ въ городахъ и уѣздахъ, характерныя для дѣятельности воеводъ и московской администраціи, списки бояръ и окольничихъ и т. д., въ первое время царствованія Михаила Θедоровича, отписки воеводъ пограничныхъ городовъ о событіяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Большая половина документовъ относится къ войнѣ 1633, 34, а также и 1619 гг. Обширный матеріалъ къ исторіи московскихъ народныхъ волненій 17-го в. сообщилъ Зерцаловъ 70), который въ предпосланномъ имъ введеніи къ документамъ утверждаетъ, что открытое недавно Платоновымъ описаніе мятежа 1648 года не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ не сообщаетъ ничего новаго; далѣе авторъ выясняетъ подробности относительно того, сколько времени продолжались смуты и т. д. Изъ документовъ о мятежахъ 1848 года мы узнаемъ, какія лица получали незадолго до смуты награды изъ казны, знакомимся съ отдѣльными эпизодами мятежа, съ челобитными разныхъ лицъ о вознагражденіи за убытки, понесенные во время мятежа. Въ документахъ относительно мятежа 1662 г. помѣщены собранные по царскому указу Строгановымъ, Милославскимъ и дьяками сказки старостъ и торговыхъ людей о причинахъ свирѣпствовавшей тогда дороговизны, указы и приговоры, которыми правительство пыталось смягчить тяжесть положенія, разъискныя дѣла и т. д. Часть этихъ документовъ была уже, впрочемъ, напечатана. С. Терпигоревъ 71), воспользовавшись новыми документами, опубликованными Тамбовской и Рязанской архивными коммиссіями, очень живо рисуетъ совершенно невыносимое положеніе народонаселенія во время непосредственно предшествовавшее мятежу Стеньки Разина. Народъ тысячами уходилъ въ лѣса и образовывалъ банды, которыя и объединилъ Разинъ. Далѣе авторъ описываетъ борьбу правительства съ этими шайками и жестокую расправу съ ними. Въ Арзамасѣ князь Долгорукій въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ казнилъ 10,000 человѣкъ. Интересно и то, что воеводы побѣдители вздумали было взятыхъ въ плѣнъ мятежниковъ обращать въ своихъ

69) Акты Московскаго Государства т. I. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571 — 1634. Спб. 1890. — 70) А. Зерцаловъ, О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ 1648, 1662 и 1771 п. Ч. М. О. И. Д. 1890, 3, 1—439. — 71) С. Н. Терпигоревъ, Раскаты Стенькина грома въ Тамбовской землѣ. И. В. 1890, 6.

крѣпостныхъ. Тутъ же отмѣтимъ небольшія замѣтки Дубасова [72—74]) къ исторіи Тамбовскаго края въ это время. Въ одной изъ нихъ авторъ по межевымъ дѣламъ сенатскаго архива, переданнымъ въ Тамбовскую архивную коммиссію, говоритъ о развитіи въ XVII в. русскаго землевладѣнія въ Тамбовскомъ краѣ и объ усиленіи русскаго элемента, объ условіяхъ жизни служило-земледѣльческаго населенія. Въ другой статьѣ, представляющей дополненіе къ первой, авторъ даетъ характеристику условій мѣстной жизни, которая отличалась только отрицательными сторонами: безчинства доходили до того, что священники часто становились во главѣ разбойничьихъ шаекъ. Въ третьей разсказывается о набѣгахъ Стеньки Разина (также о Пугачевѣ и о первомъ холерномъ годѣ въ Тамбовской губерніи). Въ XII т. Русской Исторической Библіотеки [75]) напечатаны акты, касающіеся приходовъ, церквей и монастырей, вошедшихъ въ 1682 г. въ составъ вновь учрежденныхъ для борьбы съ расколомъ Холмогорской и Устюжской епархій. Большинство актовъ касается спеціально церковнаго хозяйства и быта, но они даютъ также много матеріала для характеристики быта XVII вѣка вообще. Они рисуютъ намъ, какъ говорятъ издатели, невозможно мрачную картину общественныхъ нравовъ съ верхнихъ до нижнихъ слоевъ и полнѣйшее нравственное безсиліе органовъ власти. Масса подробностей указываетъ, кромѣ того, какъ несходенъ былъ строй общественной жизни на сѣверѣ съ строемъ жизни Московской. Изданные Звѣревымъ [76]) акты знакомятъ насъ съ возникновеніемъ и устройствомъ Покровскаго дѣвичьяго монастыря въ Воронежской епархіи; акты эти доходятъ до 1700 г. и заключаютъ въ себѣ царскія грамоты, челобитныя и другіе документы. Знаменскій [77]) напечаталъ начало біографіи преподобнаго Макарія Жабынскаго, дѣятельность котораго принадлежитъ Тульскому краю и относится къ концу 16-го и началу 17-го вѣка. Тутъ же отмѣтимъ небольшой очеркъ Діева о Капитонѣ, расколоучителѣ XVII-го вѣка (очеркъ сообщенъ Титовымъ изъ бумагъ Діева). Барсуковъ [78]) сообщаетъ нѣсколько но-

---

[72]) И. Дубасовъ, Къ исторіи инородческаго землевладѣнія въ Россіи. Р. О. 1890, 3, 252—266. — [73]) И. Дубасовъ, Изъ окраинно-русской бытовой исторіи. Р. О. 1890, 6, 750—764. - [74]) И. Дубасовъ, Тамбовскія смуты. Наблюдатель, 1890, 11, 108—122. — [75]) Акты Холмогорской и Устюжской епархій, ч. I (1500—1699). Русская Историч. Библ. т. XII). Спб. 1890, XIII—1480 столбцовъ+126. — [76]) С. Звѣревъ, Древніе акты Воронежскаго Покровскаго Дѣвичьяго Монастыря. Труды Ряз. Арх. Ком. за 1889 г., т. VI. Рязань. 1890.— [77]) И. Знаменскій, Полузабытый подвижникъ русской церкви конца 16-го и начала 17-го вѣка. Извѣстія Тамб. Арх. Комм. Вып. 26—30. Тамбовъ. 1890. — [78]) А. Барсуковъ, Всероссійскій патріархъ Іакимъ Савеловъ. (Сообщ. въ Общ. Л. Др. Письм.). Спб. 1890, 16.

выхъ данныхъ къ біографіи преемника Никона, патріарха Іоакима, который происходилъ изъ рода Можайскихъ дворянъ Савеловыхъ (нѣсколько мелкихъ документовъ изъ фамильнаго архива Савеловыхъ).— И въ текущемъ году мы можемъ отмѣтить нѣсколько работъ, относящихся къ исторіи Сибири. Подъ редакціей А. Титова [79]) изданъ сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ, въ которомъ помѣщены и списки съ чертежей Сибири, XVII в. (нѣкоторыя изъ вошедшихъ въ сборникъ статей были уже раньше напечатаны). Наиболѣе интересны: Описаніе новыя земли, сирѣчь Сибирскаго царства, новый переводъ соч. Крижанича „Historia de Sibiria" и повѣсть о человѣцѣхъ, незнаемыхъ въ восточной странѣ и о языцѣхъ разныхъ. Послѣдняя подробно изслѣдована Анучинымъ [80]). Онъ приводитъ, и раньше уже, впрочемъ, извѣстный, текстъ этого сказанія по рукописи Соловецкаго монастыря и затѣмъ даетъ комментарій къ нему, стараясь подъискивать обращавшимся тогда въ народѣ баснословнымъ сказаніямъ реальныя основанія. Кузнецовъ [81]) напечаталъ 34 документа, главнымъ образомъ изъ дѣлопроизводства Томской воеводской избы. Особенно интересны данныя, характеризующія отношеніе московскаго правительства къ инородцамъ, и акты, относящіеся къ царствованію и дѣятельности Петра Великаго. Очень характерны сообщенныя Оглоблинымъ [82]) (изъ столбцовъ Сибирскаго приказа въ Моск. Арх. Мин. Юст.) челобитныя заброшенныхъ въ Сибирь русскихъ людей о высылкѣ къ нимъ русскихъ „гулящихъ", т.-е. свободныхъ женокъ, безъ которыхъ они никакъ не могли обойтись, такъ какъ должны были исполнять и полевыя, и „избныя" работы. Далѣе авторъ описываетъ безобразія семейной жизни сибирскихъ служилыхъ людей и семейный развратъ; главнымъ образомъ страдали инородцы, возмущенія которыхъ и происходили, главнымъ образомъ, изъ-за женщинъ. Интересный бытовой матеріалъ представляетъ также другое сообщеніе того же автора, въ которомъ онъ опредѣляетъ по явочной книгѣ (изъ Моск. Арх. Мин. Юст.) 1615—1616 гг. количество потребленнаго населеніемъ города Ельца вина, число праздниковъ, пирушекъ и т. д. Въ общемъ, находитъ авторъ, число праздниковъ было очень не велико, такъ что теперешнее обиліе ихъ есть явленіе позднѣйшее, размѣры пирушекъ были скромны и пьянство было очень умѣренное. Поводомъ къ пирушкамъ были, главнымъ образомъ, семейные празд-

---

[79]) А. Титовъ, Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Изданіе Юдина. — [80]) I. Анучинъ, Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древности, т. 14. 227—313. — [81]) Кузнецовъ, Историческіе акты Сибири XVI и XVII вв. Томскъ. 1890.—[82]) Н. Оглоблинъ, „Женскій вопросъ" въ Сибири въ XVII в. И. В. 1890, 7, 195—207.

ники [83]). Три небольшихъ, характерныхъ для культурной исторіи, эпизода сообщилъ Соколовъ [84]) изъ архива Казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи: исторія помѣщика Михаила Симонова, занимавшагося разбоемъ, и челобитныя по поводу разбоевъ и грабежей. Въ третьемъ сообщеніи авторъ описываетъ жизнь сосланной въ Алатырскій уѣздъ Авдотьи Нарышкиной и дѣло, возникшее вслѣдствіе постоянныхъ ссоръ ея съ приставомъ. Лаппо-Данилевскій [85]) познакомилъ насъ съ содержаніемъ сборника (извѣстнаго по описанію рукописей Ѳ. Толстого), который даетъ много интереснаго для характеристики ямскаго дѣла въ XVII в. Въ первой и второй части сборника сообщается разстояніе различныхъ городовъ государства отъ Москвы и другъ отъ друга, а также разстояніе разныхъ заграничныхъ городовъ и государствъ отъ Москвы (поверстная книга), третья часть заключаетъ въ себѣ рядъ указовъ, касающихся ямского дѣла въ первой половинѣ XVII вѣка. Лашковъ [86]) началъ изданіе актовъ Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ, относящихся къ сношеніямъ нашимъ съ Крымомъ. Онъ печатаетъ русскіе современные переводы (собранные Малиновскимъ) крымскихъ шертныхъ грамотъ, записей ханскихъ пословъ и т. д., за исключеніемъ тѣхъ документовъ, которые обнародованы уже въ 5 т. Зап. Од. Общ. Ист. и Древностей. Предметомъ всѣхъ этихъ документовъ, большинство которыхъ относится къ XVII вѣку, были дѣла торговыя; кромѣ того, нѣкоторыя имѣли цѣлью уладить вообще сношенія Россіи съ Крымомъ. Общему обозрѣнію содержанія этихъ документовъ посвященъ былъ докладъ Ѳ. Лашкова [87]) на VIII арх. съѣздѣ. Исторію сношеній съ Франціей находимъ въ I т. сборника, изданнаго Рамбо [88]). Томъ этотъ обнимаетъ время до 1748 г. Въ довольно обширномъ предисловіи редакторъ даетъ очеркъ сношеній съ Франціей, которыя характеризуются пятью періодами: 1) до 1654 г.; 2) 1654—1726; 3) 1726—1756; 4) 1756—1774; 5) 1774—1789. До 1654 г. Россія для Франціи политическаго значенія не имѣла; до этого времени, т.-е. до войны съ Польшей, сношенія съ Россіей имѣли лишь торговое значеніе; авторъ подробно останавли-

---

[83]) Н. Оглоблинъ, Елецкая „явочная книга“ 1615—16 г. Ч. М. О. И. Д. 1890, 2, 1—20. — [84]) А. Соколовъ, Черты нравовъ изъ русскаго быта въ XIII в. (Сообщеніе въ Об. Л. Др. П.). Спб. 1890, 27.— [85]) А. Лаппо-Данилевскій, Поверстная и указная книга ямскаго приказа. Библіографъ, 1890, 93—107.— [86]) Лашковъ, Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московск. Государствомъ въ 16 и 17 вв. Изв. Таврич. Арх. Ком. №№ 9, 10. Симферополь. 1890.— [87]) Ѳ. Лашковъ, Обозрѣніе шертныхъ грамотъ по сношеніямъ Московскаго Госуд. съ Крымскимъ ханствомъ въ XVI и XVII стол. (докладъ арх. съѣзду) .— [88]) Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France. Russie, v. I. Paris. 1890. LVIII+500.

вается на нихъ. Далѣе онъ описываетъ сношенія въ царствованіе Алексѣя Михайловича, время московскихъ волненій и сношенія Софьи. Сочиненіе изобилуетъ массой новыхъ данныхъ. Голомбіевскій 89) разрѣшаетъ вопросъ относительно круга дѣятельности „столовъ", т.-е. отдѣленій разряда, и ихъ числа. Теперешнее раздѣленіе дѣлъ разряднаго архива на девять столовъ сохранилось отъ половины XVIII в., но оно уже не соотвѣтствуетъ распредѣленію, существовавшему въ XVII вѣкѣ, и изъ состава документовъ извѣстнаго стола въ настоящее время нельзя опредѣлить кругъ его дѣятельности, каковую ошибку сдѣлалъ Загоскинъ въ своемъ сочиненіи „Столы Разряднаго Приказа". По двумъ найденнымъ имъ описаніямъ разряда 1626, 1668 гг. и „записнымъ книгамъ" приказа, Голомбіевскій доказываетъ, что число столовъ было не 9, а 5, и выясняетъ затѣмъ функціи ихъ. Сторожевъ 90), въ прочитанномъ имъ на археологическомъ съѣздѣ рефератѣ, опредѣляетъ значеніе „*десятенъ*" иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. „Десятни суть описанія уѣздныхъ служилыхъ людей московскаго государства, составлявшіяся по мѣрѣ надобности, въ финансово-стратегическихъ интересахъ, и получившія значеніе юридическаго доказательства права владѣть населеннымъ помѣстьемъ". Десятня отвѣчаетъ на вопросъ о характерѣ нормальной дислокаціи московскаго помѣщичьяго войска, о связи уѣзда со своимъ городомъ въ этомъ отношеніи, а также на вопросъ о наличномъ составѣ служилыхъ людей каждаго города. Во всякомъ случаѣ, ими нужно пользоваться наравнѣ съ писцовыми книгами. Кромѣ того Сторожевъ 91) далъ намъ опись десятенъ XVI и XVII вв. съ тремя приложеніями описей разнаго рода книгъ Разряда и напечаталъ текстъ 4-хъ десятенъ 92). Тотъ же авторъ изслѣдовалъ вопросъ о значеніи засѣчныхъ книгъ, какъ источника, и сдѣлалъ опытъ возстановленія на современной картѣ засѣчныхъ чертъ въ мѣстностяхъ Калужской, Тульской, Рязанской и отчасти Тамбовской губерній. 3 типа дозорныхъ книгъ засѣкъ занимаются описаніемъ „засѣчнаго межевого деревья, отдѣльныхъ частей засѣчной черты и описаніемъ укрѣпленій и засѣчныхъ порухъ разнаго рода" 93). Ардашевъ 94) изслѣдовалъ

89) А. Голомбіевскій, Столы разряднаго приказа въ 1668 — 1670 гг. Ж. М. Н. П. 1890, 7, 1—16. (докладъ археологическому съѣзду). — 90) Сторожевъ, Десятни, какъ источникъ для изученія исторіи русскаго провинціальнаго дворянства въ XVI и XVII вв. (докладъ арх. съѣзду). Ю. В. 1890, 3, 487—498.— 91) Въ описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. арх. Министерства Юстиціи, т. VII. Москва.— 92) В. Н. Сторожевъ, Четыре верстальныхъ десятни первой половины XVII в. Библіографъ, 1890, 150—156. — 93) Сторожевъ, Засѣчныя книги, какъ историко-географическій источникъ (докладъ археологич. съѣзду). — 94) Н. Ардашевъ, Къ вопросу о коллегіальности приказовъ (докладъ арх. съѣзду).

вопросъ о существованіи коллегіальной системы въ приказахъ Московскаго государства, относительно котораго до сихъ поръ существовали самыя разнообразныя мнѣнія. Авторъ, основываясь на данныхъ относительно Помѣстнаго приказа, утверждаетъ, что „внутреннее устройство въ немъ къ концу XVII вѣка представляло довольно сложную, но при этомъ очень правильную схему распредѣленія дѣлъ между судьями, схему, которая была основана на личномъ началѣ, причемъ только при исключительныхъ условіяхъ выступала коллективность рѣшенія". Отмѣтимъ также 1-й выпускъ полнаго собранія сочиненій Крижанича [95]), которое будетъ издано Моск. Общ. исторіи и древностей. Въ 1-мъ выпускѣ помѣщено описаніе путешествія изъ Львова въ Москву. Зубовскій [96]) напечаталъ замѣтку изъ библіотеки Чудова монастыря, изъ которой явствуетъ неизвѣстный доселѣ годъ и день рожденія Сильвестра Медвѣдева (27 января 1641 г.); затѣмъ авторъ опровергаетъ господствовавшее до сихъ поръ мнѣніе, что Сильвестру Медвѣдеву принадлежатъ тридцать словъ и поученій, находящихся въ одномъ сборникѣ Моск. Синод. Библіотеки. Большинство ихъ принадлежитъ Епифанію Славинецкому, Симеону Полоцкому и Коріону Истомину. Оглоблинъ [97]) реабилитируетъ заслуги русскаго мореплавателя Дежнева, который за 80 лѣтъ до Беринга открылъ проливъ, названный именемъ этого послѣдняго. Въ столбцахъ Сибирскаго приказа онъ нашелъ, между прочимъ, челобитную Дежнева якутскимъ воеводамъ о выдачѣ ему жалованья, изъ которой явствуетъ, что въ 1648 г. онъ прошелъ Беринговъ проливъ. На основаніи этой челобитной и другихъ, которыя сообщены авторомъ въ приложеніи, онъ даетъ намъ біографическій очеркъ Дежнева; далѣе онъ даетъ намъ критику Беринговскихъ открытій и разсѣеваетъ сомнѣнія сибирскаго историка Словцова относительно открытія Дежнева.

4) XVIII вѣкъ.

Наиболѣе выдающейся работой по исторіи эпохи реформъ является изслѣдованіе Милюкова [98]) о государственномъ хозяйствѣ Россіи, которое служитъ какъ бы продолженіемъ и дополненіемъ упомянутаго уже труда Лаппо-Данилевскаго. Въ 1-й главѣ авторъ разсматриваетъ основныя черты государственнаго хозяйства Россіи XVII-го

---

[95]) Юрій Крижаничъ, Собраніе сочиненій, вып. I. Ч. М. О. И. Д. 1890, 4, 1—15.—[96]) П. Зубовскій, Къ біографіи Сильвестра Медвѣдева. Ж. М. Н. П. 1890, 9, 149—157.—[97]) Н. Оглоблинъ, Семенъ Дежневъ (1638—1671). Ж. М. Н. П. 1890, 12, 249—306. — [98]) П. Милюковъ, Государственное хозяйство въ Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго. Ж. М. Н. П. 1890, 9, 10.

вѣка (классификація доходовъ, финансовая администрація, военная организація и т. д.) и приходитъ къ тому выводу, что хозяйство это ко времени Петра Великаго является уже продуктомъ весьма многочисленныхъ *перемѣнъ*, совершившихся въ теченіе всего XVII столѣтія. Послѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ уцѣлѣло уже лишь немногое изъ тѣхъ чертъ, которыми характеризовалось государственное хозяйство начала XVII-го вѣка. Въ то время, какъ начало XVII вѣка характеризуется неразвитостью прямой подати, эта послѣдняя приблизилась въ началѣ Петровскаго царствованія къ размѣрамъ косвенной. Прежде всѣ сборы распредѣлялись по территоріальнымъ финансовымъ округамъ, теперь же выдвинулись спеціальныя учрежденія, распредѣлившія между собою важнѣйшія поступленія. Такимъ образомъ мы видимъ стремленіе къ дифференціаціи финансоваго управленія и концентраціи сборовъ, стремленіе къ увеличенію постоянной прямой подати; все это вызвано было потребностью правильнаго и постояннаго дохода на военныя нужды, сосредоточеннаго по возможности въ однѣхъ рукахъ. Эта глава доведена до 1679—81 гг. Во второй разсматривается приказное хозяйство 1682—1709 гг., состояніе государственнаго хозяйства къ началу сѣверной войны, учрежденіе государственнаго контроля (Ближней канцеляріи), ратуши, измѣненія въ сферѣ областныхъ приказовъ. За этотъ періодъ выясняется окончательное паденіе областныхъ финансовыхъ приказовъ XVII в., появленіе цѣлаго ряда новыхъ военныхъ приказовъ съ финансовымъ значеніемъ и стремленіе увеличить доходность сборовъ, какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ, путемъ ихъ сосредоточенія и путемъ увеличенія налоговъ; такимъ образомъ въ теченіе 5 лѣтъ къ $1^1/_2$ милліонамъ стараго государственнаго дохода прибавилось еще столько же. Въ третьей главѣ излагается разрушеніе приказнаго строя (1701—1709), увеличеніе военныхъ расходовъ, поступленія ратуши, усиленная эксплоатація регальныхъ правъ, балансъ доходовъ и расходовъ по росписямъ 1701—1709 гг., первый дефицитъ. Много новыхъ данныхъ дастъ намъ, безъ сомнѣнія, предпринятое кн. Ѳ. А. Куракинымъ изданіе своего фамильнаго архива. Вышедшій первый томъ этого изданія [98a]) редактирование котораго поручено М. Семевскому, заключаетъ въ себѣ весьма интересныя данныя для исторіи Петра В., а именно указы и письма Петра къ князю Борису Куракину, дневникъ и заграничныя путевыя замѣтки князя за 1705—1708 гг., и сочиненіе его „Исторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и ближнихъ къ нему людяхъ“, обнимающая собой 1682—95 гг. (См. Р. С. 1890, 10). Второй томъ редактируемаго А. Ѳ. Бычковымъ монументальнаго изданія писемъ и

[98a]) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, т. I. Спб. 1890, XXVI + 387.

бумагъ Петра Великаго обнимаетъ собой 1702—1703 годы и содержитъ такимъ образомъ данныя, относящіяся къ самому разгару дѣятельности царя [98б]). Въ написанной по поводу этого тома небольшой замѣткѣ, Полевой [98в]) указываетъ на поразительную силу духа царя, на то, что вездѣ, во всѣхъ дѣлахъ онъ оставался живымъ человѣкомъ, вѣрнымъ другомъ, товарищемъ; вездѣ видно его неистощимое остроуміе, его гуманность и заботливость по отношенію къ своимъ друзьямъ. Одно письмо Петра къ Карлу XII отъ 1 дек. 1698 г. сообщилъ Чумиковъ [98г]). Для уясненія процесса перехода русскаго войска XVII-го в. къ „регулярству" много интересныхъ соображеній представляютъ двѣ работы Масловскаго [99—100]). Авторъ поставилъ себѣ задачей уяснить, „положилъ ли Петръ Вел. основаніе русскому регулярному войску на тонкомъ слоѣ привозной иноземной земли или на русской почвѣ, постепенно подготовленной къ этому исторіей". Для этого авторъ характеризуетъ устройство и службу помѣстнаго войска и въ другой статьѣ первые годы боевой дѣятельности Петра В. Авторъ разсматриваетъ устройство и службу помѣстной полевой конницы, городовыхъ войскъ и иноземныхъ полковъ. Помѣстная система приносила пользу въ томъ отношеніи, что сдѣлала войско національнымъ и установила принципъ личной службы; оборона границъ и внутреннихъ важныхъ пунктовъ была организована безусловно замѣчательно. Первыя реформы Петра замѣчательны введеніемъ образцово-простого устава и тѣмъ, что „канцелярская работа прежнихъ центральныхъ военныхъ учрежденій почти прекратила свою дѣятельность". Авторъ очень высоко ставитъ Петра, какъ полководца. Между прочимъ онъ разсматриваетъ и извѣстный вопросъ о причинахъ отъѣзда Петра изъ подъ Нарвы 18-го ноября 1700-го г. Причины эти были желаніе принять личное участіе въ сосредоточеніи русско-саксонскихъ войскъ у Печоръ и тѣмъ или отвлечь силы Шведовъ отъ Нарвы до ея паденія, или ударить Карлу XII во флангъ или тылъ при его наступленіи къ крѣпости. Первый выпускъ труда Баскакова [101]), который задался цѣлью написать исторію кампаніи 1706—1709 гг. (отъ Гродны до Полтавы), заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ событій до кампаніи и довольно обширный топографическій очеркъ Польскаго, Литовскаго, Украин-

[98б]) Письма и бумаги Императора Петра Великаго, т. II (1702—1703). Спб. 1889, 73 + 721 + 62. — [98в]) П. П., Живыя слова Петра Великаго. И. В. 1890, 4. 171—175. — [98г]) Письмо Петра I къ Карлу XII. Ч. М. О. И. Д. 1890, 3. 7—8. — [99]) Масловскій, Помѣстныя войска русской арміи въ XVII вѣкѣ. В. С. 1890, 9. 5—36. — [100]) Масловскій, Первая боевая дѣятельность Петра Великаго. В. С. 1890, 11. 5—29. — [101]) Баскаковъ, Сѣверная война 1700—1721. Вып. I. Спб. 1890, VII+263.

скаго, Полѣсскаго и Полтавскаго театровъ войны. Бобровскій 102) въ своихъ бесѣдахъ о военныхъ законахъ Петра I, характеризуетъ вторженіе западныхъ идей въ военное дѣло, духъ воинскаго устава и приходитъ къ выводу, что уставъ этотъ во многомъ превосходилъ иностранные военные законы того времени. Изъ болѣе мелкихъ изслѣдованій отмѣтимъ слѣдующія: Расходная книга Патріаршаго приказа кушаньямъ, подававшимся патріарху Адріану 103), интересна потому что показываетъ намъ, какъ печальна была обстановка этого послѣдняго патріарха въ сравненіи съ всемогущими Филаретомъ и Никономъ. А. Маркевичъ 104) излагаетъ содержаніе статейнаго списка московскаго гонца въ Крымъ въ 1692—95 гг. Василія Айтемірова (по списку съ него въ библіотекѣ Троицко-Сергіевой лавры). Цѣль посольства была продолженіе мирныхъ переговоровъ, которые, какъ извѣстно, ни къ чему не привели. Списокъ сообщаетъ много новыхъ данныхъ для исторіи политическихъ событій въ Крыму, исторіи Польши и Малороссіи въ это время. Филипповъ 105) доказываетъ, что цѣлью новыхъ наказаній, вводившихся Петромъ, было устрашеніе, которымъ Петръ пользовался для проведенія въ жизнь своихъ нововведеній; наказаніями этими онъ боролся противъ протеста общества и потому они постигали часто дѣянія, съ моральной точки зрѣнія не представлявшія ничего предосудительнаго. Изрѣдка только преслѣдовалась цѣль обезопасенія государства или исправленія преступниковъ. Изъ другихъ работъ укажемъ на изданные Побѣдоносцевымъ 106) матеріалы изъ производства суднаго приказа, относящіеся къ 1702—20 гг.

Два очерка къ характеристикѣ культуры начала XVIII в., сообщили Оглоблинъ 107) и Востоковъ 108). Первый служитъ прекрасной характеристикой быта служилыхъ людей того времени: Елецкіе выборные люди подали въ 1703 г. жалобу на своего воеводу Милюкова, вслѣдствіе его невозможныхъ грабительствъ. Разрядный приказъ вполнѣ обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ всѣ недостатки своей организаціи

---

102) Бобровскій, Бесѣды о военныхъ законахъ Петра I. В. С. 1890, 1, 2.—103) Расходная книга Патріаршаго приказа кушаньямъ, подававшимся патріарху Адріану и разнаго чина лицамъ, съ Сентября 1698 по Августъ 1699. Изд. А. Вахрамѣева. Москва. 1890.—104) А. Маркевичъ, Пребываніе въ Крыму Московскаго гонца, подъячаго Василія Айтемірова (докладъ арх. съѣзду). Изв. Тавр. Арх. Ком. № 9, 48—61.—105) А. Филипповъ, О цѣляхъ наказанія по узаконеніямъ Петровскаго царствованія. Ю. В. 1890, 5—6, 3—41.—106) К. Побѣдоносцевъ, Матеріалы для исторіи приказнаго судопроизводства въ Россіи. Ч. М. О. И. Д. 1890, 4, 1—175.—107) Н. Оглоблинъ, «Смутное Время» въ городѣ Ольшанскѣ. И. В. 1890, 8. 428—444.—108) А. Востоковъ, Петрушка Герцикъ. И. В. 1890, 9. 629—640.

и слабость своего авторитета. Дѣло кончилось тѣмъ, что разрядъ одновременно назначилъ 4-хъ воеводъ, которые и вели между собой постоянную междоусобную войну, сдѣлавшую положеніе жителей совершенно невыносимымъ. Возможность такихъ безобразій, попускаемыхъ центральной властью, указываетъ, по мнѣнію автора, на какое-то броженіе, свойственное переходнымъ эпохамъ. Авторъ утверждаетъ, что за весь XVII в., при его строгомъ и твердо установившемся строѣ служилыхъ отношеній и распорядковъ, нельзя подъискать аналогичныхъ фактовъ. Очеркъ Востокова знакомитъ насъ съ кое-какими чертами семейнаго быта и отношеній той же эпохи. Кн. Долгорукій, человѣкъ уже европейски образованный, желалъ избавиться отъ своей жены, женщины строго стариннаго закала и притомъ же много старшей его. Подкупомъ онъ уговорилъ приближенныхъ княгини обвинить её въ сношеніяхъ съ малороссомъ Петрушкой Герцикомъ. Возникшее по этому поводу характерное дѣло и сообщаетъ Востоковъ по документамъ Моск. Арх. Мин. Юст. Характерны также напечатанныя Миловидовымъ [109]) два дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ и объ укрывательствѣ ихъ (начала XVIII-го вѣка). По рукописямъ Діева, А. Титовъ [110]) далъ намъ очеркъ расколоучителя діакона Александра, котораго дѣятельность относится къ первой четверти XVIII-го вѣка и который былъ казненъ въ 1721 году. Очень интересенъ составленный Борисовымъ [111]), на основаніи документовъ Архива Воронежскаго Статистическаго Комитета, очеркъ судьбы австрійскаго инженера Де-Лаваля, который въ борьбѣ Петра противъ Азова игралъ весьма выдающуюся роль; о причинѣ послѣдовавшей затѣмъ немилости къ нему Петра мы ничего не знали до сихъ поръ. Авторъ очень подробно описываетъ дѣятельность Де-Лаваля въ Азовѣ, невозможное поведеніе его, возбудившее противъ него не только русскихъ, но и всѣхъ иностранцевъ, служившихъ съ нимъ вмѣстѣ; далѣе борьбу его съ княземъ Прозоровскимъ, воеводой Азовскимъ, и розыскъ по дѣлу объ измѣнѣ Де-Лаваля, кончившійся заключеніемъ его въ тюрьму.

Довольно смутный эпизодъ восшествія на престолъ Екатерины I освѣщенъ въ статьѣ Haller'a [112]). Изложеніе этого эпизода возможно благодаря, главнымъ образомъ, извѣстіямъ французскаго посла Кампредона и голштинскаго резидента Бассевица. Первому, какъ извѣстно, слѣдуетъ Соловьевъ, второму—Германъ въ своей „Geschichte des rus-

---

[109]) Миловидовъ, Дѣла изъ Архива Костромскаго Губернскаго Правленія. Костромская Старина, вып. I, 75 — 104. — [110]) А. Титовъ, Діаконъ Александръ, расколо-учитель діаконова толка въ лѣсахъ Керженскихъ. Ярославская Старина, вып. V, 6 — 15. Ярославль 1890. — [111]) Борисовъ, Антоній де-Лаваль. Р. В. 1890, 12. 3—46.—[112]) Haller, Die Thronbesteigung Kaiserin Katharina I. Russische Revue, XIX, 2, 3.

sischen Staats“. Haller старается доказать, что разсказъ Кампредона недостовѣренъ и опровергаетъ утвержденіе Соловьева, что не Бассевицъ, а Меньшиковъ и Толстой были главными виновниками восшествія на престолъ Екатерины I. Заслугой Екатерины авторъ считаетъ уже и то, что ей удалось уничтожить попытку боярской партіи учредить регентство. Слѣдующее время до воцаренія Екатерины II не особенно богато новыми матеріалами. Ардашевъ [113]) издалъ проекты регламентовъ вотчинной коллегіи 1723, 1732 и 1740 гг. Регламентъ, составленный по указу Петра пролежалъ 9 лѣтъ не разсмотрѣнный, то же самое произошло съ передѣланнымъ проектомъ 1731 г. Въ 1738 году проектъ возвращенъ былъ въ коллегію съ приказаніемъ пересмотрѣть и дополнить его и застрялъ тамъ. По прошествіи 2-хъ лѣтъ сенатъ послалъ въ коллегію 20 солдатъ „для задержанія секретарей и служителей безвыходно, за карауломъ, пока не оконченъ будетъ проектъ“. Коллегія отвѣтила, что сенатъ не указалъ „резону“, что̀ надлежало дополнить. Но и составленный затѣмъ въ 1740 г. третій проектъ не получилъ никогда санкціи закона. Изданіе весьма ярко характеризуетъ исторію реформы центральнаго помѣстно-вотчиннаго учрежденія и преобразованія приказовъ въ коллегіи вообще. Сначала Вотчинная коллегія не въ состояніи была справиться съ множествомъ стекавшихся въ нее дѣлъ, вслѣдствіе чего учреждена была, отдѣльная отъ Общаго Присутствія Коллегіи Контора Неспорныхъ Дѣлъ и введено было дѣленіе на Департаменты. Ардашевъ указываетъ на то, что эти послѣднія мѣропріятія видимо возвращаются къ тому самому, съ чѣмъ было порвано въ первый моментъ реформы. Такимъ образомъ, говоритъ онъ, не слѣдовало ли, вводя новое начало коллегіальности въ устройство и дѣятельность учрежденія, не уничтожать и стараго пріема раздѣленія трудовъ между судьями съ вершеніемъ дѣлъ въ разныя руки, а соединить и то, и другое. Далѣе, по исторіи учрежденій укажемъ на статью В. Нечаева [114]) „Раскольническая контора“ (1725—1764), которая разсматриваетъ судьбу этого учрежденія и даетъ обзоръ законодательства относительно раскола эпохи преобразованія. Въ III т. Сенатскаго Архива [115]) напечатаны Журналы и Опредѣленія Сената за мартъ, апрѣль и май 1741 г. VII-ой томъ полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія [116]), который обни-

[113]) Ардашевъ, Регламентъ вотчинной коллегіи 1723, 32, 40 гг. Ч. О. И. Д. 1890 1, 1—218 (И. В. 1890, 8. В. Латкинъ). — [114]) Въ VII-мъ т. описанія документовъ и бумагъ Мин. Юстиціи.— [115]) Сенатскій Архивъ, т. III. Спб. 1890, 620+64. — [116]) Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣд. Росс. Имп. т. VII. Спб. 1890.

маетъ собою первые три года царствованія Анны Іоанновны, даетъ намъ богатый бытовой матеріалъ не только для исторіи русской церкви. Къ той же области относятся матеріалы для біографіи Алексія Титова[117]), арх. Рязанскаго и Муромскаго; сюда вошли указы, протоколы Святѣйшаго Синода, донесенія Титова Св. Синоду (съ начала 18-го вѣка до 1736 г.). Масловскій [118]) издалъ матеріалы для исторіи Ставучанской кампаніи; обсуждая дѣятельность Миниха, онъ приходитъ къ убѣжденію, что Минихъ рѣшительно не обладалъ должною инициативой; указываетъ на недостатки организаціи, огромные обозы и многое другое. Далѣе тутъ напечатанъ рядъ документовъ для исторіи похода вспомогательнаго корпуса русскихъ войскъ въ войну за австрійское наслѣдство (1748 г.). Масловскій опровергаетъ мнѣніе Бестужева-Рюмина о пользѣ, принесенной этимъ походомъ въ финансовомъ и политическомъ отношеніяхъ, и указываетъ на то, что походъ этотъ способствовалъ развитію русскаго военнаго дѣла и служилъ хорошей школой дисциплины; русскій корпусъ составилъ себѣ прекрасную репутацію за границей. Тутъ же помѣщены документы къ исторіи войны съ Турціей въ 1736—39 гг., для разрѣшенія вопроса объ историческомъ развитіи системы обороны нашихъ южныхъ окраинъ. Сергѣевскій [119]) доказываетъ, что извѣстный указъ сената 1754 г., принимаемый обыкновенно за тотъ документальный актъ, которымъ произведена отмѣна смертной казни въ Россіи, на самомъ дѣлѣ лишь пріостанавливалъ приведеніе въ исполненіе смертныхъ приговоровъ впредь до разсмотрѣнія вопроса. Матеріалы [120]) для исторіи Имп. Акад. Наукъ сообщаютъ много интереснаго для біографіи Ломоносова и Тредьяковскаго, для извѣстнаго дѣла о Шумахерѣ и т. д.; VI томъ заключаетъ въ себѣ исторію Акад. Наукъ Миллера съ добавленіями Штриттера.

Вторая половина упомянутаго уже сборника Рамбо заключаетъ въ себѣ документы для исторіи дипломатическихъ сношеній съ Франціей въ царствованіе Петра, Анны Іоанновны и отчасти Елизаветы до происшедшаго въ 1748 году разрыва. Особенно подробно излагаются сношенія Петровской эпохи—исторія обоихъ неудачныхъ посольствъ Балюза; переговоры Головина, Шафирова и Куракина съ Шатонефомъ въ Амстердамѣ и др., а также посольствъ Шетарди.

---

[117]) В. Титовъ, Матеріалы для біографіи Алексѣя Титова, архіепископа Рязанскаго и Муромскаго. Труды Ряз. Комм. за 1889, IV. Рязань, 1890.— [118]) Д. Масловскій, Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. II. Ч. О. И. Д. 1890, 2. XVI + 294. — [119]) Сергѣевскій, Смертная казнь при Имп. Елизаветѣ Петровнѣ. Ж. Гр. и Уг. Права. 1890, 1,51—60.— [120]) Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ, т. V, 1067, VI, 635, Спб. 1889, 90 (И. В. 1890, 6. В. М.).

Изслѣдованіе Якушкина [121]) о поземельной политикѣ XVIII в., помимо темы, интересно и вызванной имъ полемикой. Цѣлью автора было, по его собственнымъ словамъ (В. Е. 1890, II) доказать, что проведенный въ „Положеніи“ 19 февраля принципъ обезпеченія крестьянскаго быта въ государственномъ интересѣ, и ограниченія поземельныхъ правъ частнаго владѣнія, есть прямое продолженіе аграрной политики правительства въ XVIII в. Задавшись такой цѣлью, авторъ долженъ былъ, какъ онъ утверждаетъ, сосредоточить изслѣдованіе преимущественно на актахъ законодательства. Замѣтка эта вызвана была статьей Слонимскаго [122]), въ которой онъ приписываетъ автору проповѣдываніе такой идеи: „фактическія права народныхъ массъ и отдѣльныхъ лицъ не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія и должны безусловно исчезать передъ государственнымъ интересомъ, а интересъ государства есть то, что названо такъ въ оффиціальныхъ указахъ“. Въ первой части авторъ доказываетъ обоснованную уже Неволинымъ мысль, что право государства ограничивать частное землевладѣніе ради государственныхъ и общественныхъ цѣлей широко примѣнялось въ 18 в., въ особенности же при Петрѣ В. Во второй части онъ разсматриваетъ исторію не спеціально крестьянскаго, а поземельнаго надѣла вообще, какъ основного фактора всей нашей экономической и финансовой политики 18 и 19 вв. Онъ показываетъ, какъ въ 18 вѣкѣ охрана помѣстнаго служилаго надѣла смѣнилась заботой объ обезпеченіи извѣстнаго поземельнаго надѣла крестьянству. Милюковъ же [123]) доказываетъ, что въ 18 вѣкѣ необходимо строго различать надѣлъ крестьянъ помѣщичьихъ и государственныхъ. „Истинный смыслъ аграрной политики 18 вѣка, говоритъ онъ, заключается въ широкомъ проведеніи вотчинныхъ правъ государства, въ осуществленіи его права собственности на крестьянскую землю, не находившуюся въ собственности помѣщиковъ и въ уничтоженіи свободной крестьянской собственности. По отношенію же къ помѣщичьему крестьянству аграрная политика XVIII в. есть политика полнѣйшаго невмѣшательства“.

Большая часть интересной книги Щепкиной [124]) удѣлена 18 вѣку; но авторъ прослѣживаетъ судьбу дворянскаго рода Болотовыхъ съ конца XVI вѣка (по документамъ Моск. Арх. Мин. Юст.); онъ описываетъ, какъ мало-по-малу московскіе служилые люди ста-

---

[121]) В. Якушкинъ, Очерки по ист. русской поземельной политики въ XVIII и XIX вв. Вып. I. XVIII в. Москва. 1890, 204+150, 2 р. (И. В. 1890, 9. В. М.).— [122]) Л. Слонимскій, Поземельная политика въ прошломъ. В. Е. 1890, 8. 641—678. — [123]) Милюковъ, Русская Аграрная политика прошлаго столѣтія. Р. М. 1890, 5. 198—213.—[124]) Е. Щепкина, Старинные помѣщики на службѣ и дома (1578—1762). Спб. 1890. 223. 1 р. 20 к.

новятся дворянами-землевладѣльцами, описываетъ военную ихъ службу, добываніе помѣстій, земельные процессы, сближеніе Болотовыхъ съ иноземцами, служба ихъ въ новыхъ иноземныхъ полкахъ; въ Болотовыхъ авторъ показываетъ намъ людей, которые очень рано поняли Петра и готовы были идти за нимъ. Послѣднія главы, какъ мы уже говорили, представляютъ очерки нравовъ XVIII вѣка, причемъ авторъ сравниваетъ иногда русскіе нравы съ нравами Западной Европы и указываетъ, напр., на то, что дѣло воспитанія было поставлено у нашихъ сосѣдей въ то время нисколько не лучше, чѣмъ у насъ. Весь 18 вѣкъ обнимаетъ интересный культурный очеркъ художественнаго развитія нашихъ предковъ, составленный Михневичемъ [125]). Авторъ указываетъ, какъ убито было всякое эстетическое чувство въ до-Петровскую эпоху и какъ оно мало-по-малу начало проявляться въ разныхъ сторонахъ жизни. Онъ характеризуетъ дѣятельность Петра для развитія художественнаго вкуса въ обществѣ; описываетъ дѣятельность пребывавшихъ въ Россіи художниковъ, скульпторовъ, архитекторовъ и т. д.. при Петрѣ, Аннѣ Іоанновнѣ, Елизаветѣ, учрежденіе Академіи Художествъ, дѣятельность И. И. Шувалова, дѣятельность Екатерины по Эрмитажу, ея покупки для него при посредничествѣ Гримма, дѣятельность русскихъ вельможъ.

Переходя къ литературѣ спеціально Екатерининскаго времени, мы должны начать 1-мъ томомъ „Исторіи Екатерины" Бильбасова [126]), который доводитъ въ этомъ томѣ свое изложеніе только до 1762 г., такъ что сочиненіе относится скорѣе къ Елизаветинскому, чѣмъ къ Екатерининскому времени. Содержаніе этого тома изложено въ статьѣ А. В—на [127]), а также въ небольшой замѣткѣ Полевого. Въ многочисленныхъ рецензіяхъ было указываемо на то, что Бильбасовъ поставилъ себѣ задачей написать только личную исторію Екатерины, какъ государыни и женщины, и что онъ, предоставивъ ей вездѣ слово, слишкомъ поддается ея обаянію и принимаетъ все на вѣру. Онъ почти не провѣряетъ достовѣрности ея мемуаровъ и характеристику Петра III, основываетъ только на ея показаніяхъ. Авторъ слишкомъ много мѣста удѣляетъ разбору мелочныхъ придворныхъ дрязгъ и при этомъ упускаетъ изъ виду общую связь событій. Чуть ли не самое видное мѣсто въ этомъ томѣ принадлежитъ матери Екатерины, Іоганнѣ Елизаветѣ. Такимъ образомъ книга представляетъ, какъ указывалось въ одной рецензіи, „калейдоскопическій рядъ картинокъ, связанныхъ между собой мозаическимъ вкрапленіемъ разныхъ по объему біогра-

---

[125]) Михневичъ, Русскіе эстетики XVIII вѣка. Наблюдатель, 1890, 2, 3, 4, 5.—[126]) В. Бильбасовъ, Исторія Екатерины II, т. I. Спб. 1890. VII+643-5 р.—[127]) А. В—нъ, Новая исторія Екатерины II. В. Е. 1890, 7. 274—315.

фическихъ справокъ объ Екатеринѣ и ея матери" 128—129). Интересная характеристика чарующаго впечатлѣнія личности Екатерины находимъ въ изданныхъ графомъ Фицтумомъ въ (апрѣльской книжкѣ Revue des deux mondes. См. Р, А. 1890, 6) анонимныхъ запискахъ современницы Екатерины. Имя этой современницы извѣстно намъ, какъуказываетъ Л. Майковъ 130), въ статьѣ объ этихъ запискахъ, изъ послѣдняго сочиненія Бильбасова: это графиня Варвара Николаевна Головина, рожденная Голицына, внучка И. И. Шувалова—очень выдающаяся личность. Въ напечатанномъ Фицтумомъ отрывкѣ ея записокъ рѣчь идетъ о путешествіи въ Крымъ, о сватовствѣ Густава IV, о смерти Екатерины. Путешествіе Екатерины въ Крымъ до мельчайшихъ подробностей описано Есиповымъ 131), который пользовался архивными документами (Кабин. Е. В.; Арх. Мин. Имп. Двора, гдѣ хранится особый журналъ путешествія, письмами императрицы къ Брюсу и др.). Описаніе представляетъ нѣкоторыя черты, характерныя для личности Екатерины, ея времени, отношеній ея къ окружающимъ и ужасной роскоши двора. Въ двухъ главахъ изложеніе доведено до 29 января, когда императрица выѣхала изъ Козельска въ Кіевъ. Два печальные эпизода личной исторіи Екатерины подробно изслѣдованы Брикнеромъ 132—133). Одна статья посвящена выясненію извѣстнаго происшествія съ принцессой Августой, женой Фридриха принца Виртембергскаго. Брикнеръ, основываясь, главнымъ образомъ, на письмахъ Екатерины къ Гримму, показываетъ, какъ заботливо относилась Екатерина къ печальному положенію принцессы, преслѣдуемой тираномъ-мужемъ. Выславъ принца за границу (только вслѣдствіе его безчеловѣчнаго обращенія съ женой) и поселивъ Августу въ замкѣ Лоде, она рѣшила не выдавать ее родителямъ ея, пока не выяснится, что они не вернутъ ее ея мужу. Такимъ образомъ, обвиненіе Екатерины въ неожиданно послѣдовавшей смерти принцессы является простой клеветой (Къ тому же выводу приходитъ и Шумигорскій въ біографіи Маріи Θеодоровны). Вопросъ же объ отношеніяхъ между Августой и приставленнымъ къ ней въ качествѣ адьютанта Польманомъ и о преступленіи послѣдняго долженъ остаться открытымъ. Еще подробнѣе Брикнеръ излагаетъ исторію извѣстнаго сватовства Густава IV. Кромѣ общеизвѣстныхъ источниковъ, авторъ пользуется и списанными

---

128) П. Полевой, Молодость Екатерины II. И. В. 1890, 3. 573—597.— 129) А. Быковъ, Новый трудъ по исторіи Екатерины II. Наблюдатель, 1890 6. 16—29.—130) Л. Майковъ, Вновь найденныя записки о Екатеринѣ II. Р. О. 1890, 6. 811—829.—131) Г. Есиповъ, Путешествіе императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г. К. С. 1890. 11, 12.—132) А. Брикнеръ, «Зельмира» (1782—88). И. В. 1890. 8, 9.—133) А. Брикнеръ, Густавъ IV и Екатерина II. В. Е. 1890, 8, 9, 10, 11.

въ Берлинскомъ Архивѣ донесеніями прусскаго посланника Тауэнцина. Брикнеръ полагаетъ, что разрывъ произошелъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что всѣ слишкомъ поздно, чуть ли не въ самый день обрученія принялись за рѣшеніе вѣроисповѣднаго вопроса; въ концѣ онъ указываетъ на продолжавшіеся еще и послѣ смерти Екатерины переговоры о бракѣ. Апологіи Екатерины посвящена статья Шумигорскаго [134]), въ которой авторъ разбираетъ участіе императрицы въ журнальномъ движеніи (1769 г.); онъ опровергаетъ мнѣніе Добролюбова, что Екатерина своими литературными трудами хотѣла лишь укрѣпить личное свое положеніе на престолѣ; цѣлью ея было путемъ обмѣна мыслей опредѣлить истинныя потребности народа, двойственность же ея направленія (во „Всякой Всячинѣ"), объясняется тѣмъ, что она должна была взвѣшивать каждое свое слово, ибо всѣмъ извѣстно было участіе ея въ журналѣ. Авторъ старается доказать, что Екатерина не могла иначе дѣйствовать и должна была избрать дорогу среднюю между требованіями высшей правды, съ одной стороны, и нравственнымъ уровнемъ общественныхъ классовъ, съ другой. Высказанное Бильбасовымъ [135]) мнѣніе, что извѣстная „Тайна противо-нелѣпаго общества" не принадлежитъ Екатеринѣ, вызвало возраженіе Остроглазова [136]), который доказываетъ несомнѣнную принадлежность этого сочиненія Екатеринѣ, на основаніи записокъ Храповицкаго и др. и публикаціи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" относительно изданія этого сочиненія. Въ той же замѣткѣ авторъ сообщаетъ болѣе подробныя свѣдѣнія о родословномъ словарѣ Спиридова, изданномъ въ двухъ частяхъ въ Москвѣ въ 1793/94 гг. О второй части этого словаря до сихъ поръ не было ничего извѣстно. Дѣятельность Екатерины въ области женскаго образованія хорошо выяснена въ изслѣдованіи Лихачевой [137]), въ первыхъ трехъ главахъ котораго излагается исторія женскаго образованія въ Россіи въ до-екатерининское время, съ 1086 года. Авторъ пользовался архивнымъ матеріаломъ изъ архивовъ: Канцеляріи Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, IV Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, Мин. Нар. Просв. и Св. Синода. Авторъ очень высоко ставитъ дѣятельность Екатерины, которая сразу же признала образованіе одинаково для лицъ обоего пола дѣломъ государственнымъ.

---

[134]) Е. Шумигорскій, Государыня-Публицистъ. Р. А. 1890, 1. 5—52.— [135]) В. Бильбасовъ, Тайна противо-нелѣпаго общества, открытая не причастнымъ оному, 1759 г. Р. С. 1890, 3. 763—775.—[136]) И. Остроглазовъ, Библіографическая замѣтка. Р. А. 1890, 7. 331—344.—[137]) Е. Лихачева, Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). Спб. 1890, 296, 2 р. (И. В. 1890, 3. М. С—скій).

При вступленіи Екатерины на престолъ не было ни одного женскаго учебнаго заведенія, а послѣ ея смерти, кромѣ Воспит. Общ. для 200 благ. дѣвицъ и при немъ училища для 240 мѣщанскихъ дѣвицъ, кромѣ своекоштныхъ воспитанницъ, было еще 1120 дѣвушекъ въ училищахъ разныхъ губерній. Вопреки мнѣнію графа Д. Толстого, авторъ утверждаетъ, что педагогическія воззрѣнія Императрицы (въ извѣстной „Инструкціи Салтыкову") сложились подъ преимущественнымъ вліяніемъ Монтэня.—Въ бумагахъ прусскаго посла Сольмса [138]) мы находимъ данныя относительно возникновенія мысли о раздѣлѣ Польши. Кромѣ дипломатическихъ вопросовъ Сольмсъ даетъ много характернаго для исторіи Петербургскаго и придворнаго общества, и описываетъ между прочимъ паденіе Григорія Орлова. Изъ другихъ работъ и матеріаловъ по исторіи царствованія Екатерины упомянемъ о слѣдующихъ. Внукомъ шурина Безбородко И. П. Новицкаго передано въ редакцію Русскаго Архива собраніе бумагъ, принадлежавшихъ Безбородкѣ и оставшихся неизвѣстными біографу его Григоровичу; пока редакція напечатала 12 писемъ къ Безбородкѣ—Румянцева, Завадовскаго, Храповицкаго и другихъ, очень интересное письмо извѣстной своими отношеніями къ Петру III Елизаветы Романовны Воронцовой (Полянской) къ Екатеринѣ, въ которомъ она проситъ принять дочь ея на службу при особѣ императрицы [139]). Небольшая замѣтка въ „Кіевской Старинѣ" посвящена отцу князя Безбородко, который съ 1741—62 г. былъ генеральнымъ писаремъ, обвиненъ былъ во взяточничествѣ, но былъ оправданъ [140]). Документы напечатанные въ XIII т. Матеріаловъ для исторіи русскаго флота [141]), относятся главнымъ образомъ къ военной и административной дѣятельности Балтійскаго флота за 1783—89 гг. Общій Морской Списокъ [142]), изданный подъ редакціей Ѳ. Веселаго, даетъ намъ свѣдѣнія о службѣ чиновъ морскаго вѣдомства въ царствованіе Екатерины. Въ упомянутыхъ уже выше матеріалахъ Зерцалова напечатанъ экстрактъ коммиссіи, учрежденной по дѣлу о московскомъ мятежѣ 1771 г., производство общаго собранія правительствующаго сената по этому дѣлу и др. документы. Сообщенныя Н. Токаревымъ [143]) изъ Арх. Мин. Юст. „Молдавскія и Мунтянскія дѣла"

---

[138]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 72. Спб. 1890.— [139]) Изъ бумагъ князя А. А. Безбородки. Р. А. 1890, 10. 145—160.—[140]) А. Л., Генеральный писарь Андрей Безбородко. К. С. 1890, 1. 135—140.—[141]) Матеріалы для исторіи Русскаго Флота, т. XIII. Спб. 1890, VI+737.—[142]) Общій морской Списокъ. Части III, IV, V. Спб. (Ж. М. Н. П. 1890, 12). — [143]) Въ VII т. Описанія документовъ и бумагъ Москов. Арх. Мин. Юстиціи. Москва 1890.

(1763—1764) даютъ очеркъ управленія русскими властями обоихъ румынскихъ княжествъ во время Первой Турецкой войны. Въ IV-мъ томѣ [144]) актовъ, относящихся до исторіи присоединенія Крыма къ Россіи, главное мѣсто занимаетъ переписка и донесенія посла Я. Булгакова и письма чрезвычайнаго посланника Веселицкаго. Лашковъ [145]) передаетъ содержаніе найденныхъ имъ въ канцеляріи таврическаго губернатора дѣлъ, которыя относятся ко второй турецкой войнѣ. Дѣла эти касаются разрыва съ Портой; между ними найдена переписка правителя Таврической области Каховскаго, относительно разныхъ мѣръ предосторожности, какъ напр., арестованіе товаровъ и денегъ у армянъ и грековъ, которые приняты были въ русское подданство, удаленіе жителей изъ приморскихъ деревень внутрь страны и др., интересно дѣло о возникшихъ среди мусульманъ волненіяхъ. Тотъ же авторъ печатаетъ продолженіе ордеровъ князя Потемкина Каховскому [146]). Описаніе Орловымъ [147]) штурма Измаила въ 1790 г. даетъ много интереснаго для характеристики дѣятельности Суворова. Авторъ пользовался рукописями военно-ученаго архива. Суворова онъ ставитъ очень высоко и доказываетъ, что штурмъ этотъ, какъ образецъ искусства, не потерялъ значенія и въ настоящее время. Въ Библіографѣ [148]) продолжается начатое уже раньше (въ 1885 и 1886 гг.) печатаніе замѣтокъ Болотова о разныхъ событіяхъ его времени; напечатанныя въ обозрѣваемомъ году разсказываютъ главнымъ образомъ о событіяхъ 1795 года, о польской войнѣ и объ успѣхахъ и походахъ Суворова, о воспѣваніи польской войны нашими поэтами; наиболѣе интересна довольно подробная замѣтка „о переворотѣ, учиненномъ съ винными откупами и заводами и исторіи винной продажи въ послѣднія предъ симъ времена“, которая представляетъ интересныя свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ при откупахъ, о корчемствѣ, имѣвшемъ гибельное вліяніе на нравственное и экономическое состояніе народа, о спаиваніи его откупщиками и винными заводчиками, — въ общемъ очень непривлекательная картина Екатерининскаго времени. Въ 3-хъ новыхъ главахъ біографіи Маріи Θеодоровны, составленныхъ Шумигорскимъ [149]), мы находимъ много характернаго для выясненія отношеній Екатерины къ велико-княжеской четѣ и развитія характера Павла. Авторъ описываетъ путешествіе Павла съ женой за-границу

---

[144]) Присоединеніе Крыма къ Россіи, т. IV (подъ редакціей Н. Дубровина). Спб. 1889, XXVII+1007.—[145]) Θ. Лашковъ, Матеріалы для исторіи второй Турецкой войны 1787—91 г. Изв. Тавр. Арх. Ком. №№ 9, 10.—[146]) Ордера князя Потемкина. Изв. Тавр. Арх. Ком. № 10, 1—9.—[147]) Орловъ, Штурмъ Измаила 1790. В. С. 1890, 12. 197—240.—[148]) А. Т. Болотовъ, Современникъ или Записки для потомства. Библіографъ, 1890.—[149]) Е. Шумигорскій, Императрица Марія Θеодоровна. Р. А. 1890, 5. 17—78.

въ 1781—82 гг. и доказываетъ, что путешествіе это только усилило вѣру Павла въ необходимость строгаго и мелочнаго контроля надъ теченіемъ народной жизни, и что онъ еще болѣе проникся высоко аристократическими идеями. Авторъ констатируетъ далѣе фактъ сближенія послѣ путешествія Маріи Өеодоровны съ Екатериной и высказываетъ даже предположеніе, что первое недоразумѣніе, возникшее въ супружеской жизни Павла съ женой, развилось изъ различія взглядовъ супруговъ на Екатерину. Въ VII-й главѣ авторъ описываетъ дѣло Бибикова, разгромъ Панинской партіи; отношенія Екатерины къ велико-княжеской четѣ по вопросу о воспитаніи дѣтей и т. д. Въ VIII главѣ изложеніе доведено до 1789 г. Авторъ характеризуетъ происшедшую перемѣну въ характерѣ Павла вслѣдствіе сознанія полной безотрадности его положенія. Интересны приводимыя выдержки изъ писемъ Павла къ Румянцеву (изъ Госуд. Архива). Описывая далѣе отношенія между Екатериной и Павломъ, авторъ констатируетъ несомнѣнное намѣреніе Императрицы устранить сына отъ наслѣдованія престола. Тутъ же упомянемъ о 28 письмахъ Марьи Өеодоровны, относящихся къ 1797—1802 гг. и характеризующихъ заботы ея о Смольномъ [150]). Вышедшій IV томъ матеріаловъ для жизне-описанія Н. П. Панина [151]) обнимаетъ любопытную дѣятельность Н. Панина въ Берлинѣ въ 1799 г. до отозванія его оттуда и назначенія вице-канцлеромъ. Задачей Панина было заставить Пруссію присоединиться къ коалиціи противъ Франціи, т.-е. помирить ея съ Австріей. В. Иконниковъ [151]) далъ намъ біографическій очеркъ и характеристику дѣятельности одного изъ симпатичнѣйшихъ дѣятелей Екатерининскаго, Павловскаго, а отчасти и Александровскаго времени—А. Беклешова (1743—1808), который былъ рижскимъ губернаторомъ, генералъ-губернаторомъ орловскимъ и курскимъ; при Павлѣ онъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Малороссіи и въ втеченіе 7-ми мѣсяцевъ занималъ высшее мѣсто генералъ-прокурора (за это время интересно его секретное предписаніе губернскимъ властямъ болѣе осторожно и внимательно относиться къ крестьянскимъ движеніямъ). При Александрѣ онъ былъ опять генералъ-прокуроромъ и умеръ Московскимъ губернаторомъ. Шильдеръ [153]) составилъ біографическій очеркъ одного изъ сподвижниковъ Суворова, офицера Московскаго Гренадерскаго Полка Грязева и напечаталъ пока только часть дневника его (событія 1799 г.),

---

[150]) Ө. А. Бюлеръ, Императрица Марія Өеодоровна въ ея письмахъ къ Лафонъ и Пальменбахъ. Р. С. 1890, 8. 413—436.—[151]) А. Брикнеръ, Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина, т. IV. Спб. 1890. XI+408.—[152]) В. Иконниковъ, Александръ Андреевичъ Беклешовъ. К. С. 1890, 2. 255—304.—[153]) Н. Шильдеръ, Записки Грязева. Р. В. 1890, 2, 3, 6.

который подъ заглавіемъ: „Мой журналъ“ обнимаетъ время съ 1793—1800 гг.

5) XIX в.

Переходя къ эпохѣ Александра I, мы видимъ, что два вопроса продолжаютъ наиболѣе занимать нашихъ историковъ—политическія отношенія Россіи къ Западной Европѣ, спеціально къ Франціи, и исторія присоединенія Финляндіи, въ связи съ такъ - называемымъ финляндскимъ вопросомъ. Первый томъ издаваемаго подъ редакціей Трачевскаго [154]) сборника документовъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Наполеономъ обнимаетъ послѣдній годъ царствованія Павла и первые два царствованія Александра (1801—1803). Въ обширномъ введеніи авторъ характеризуетъ отношеніе Екатерины и Павла къ Франціи, къ великой революціи и даетъ очеркъ политики директоріи по отношенію къ Россіи. Напечатанные въ немъ документы (264) извлечены изъ Парижскаго Арх. Иност. Дѣлъ и Петербургскаго Государственнаго и представляютъ очень много данныхъ характерныхъ для дѣятельности нашей дипломатіи и ея представителей, въ особенности графа Моркова. Тутъ напечатаны рескрипты Павла и Александра Колычеву и Моркову, донесенія этихъ послѣднихъ и др. Много интересныхъ документовъ напечатано въ примѣчаніяхъ, напр. доклады Талейрана Бонапарту. Всѣ эти документы, какъ говоритъ между прочимъ издатель, выставляютъ Наполеона новой исторіи полнѣйшимъ ея рабомъ, такъ что каждый замыселъ его и шагъ не былъ вполнѣ его достояніемъ. Въ вышедшихъ дальнѣйшихъ главахъ своего интереснаго изслѣдованія Шильдеръ [155]), основываясь на новыхъ данныхъ (въ особенности Париж. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ), продолжаетъ доказывать свою основную мысль, что разрывъ съ Франціей послѣдовалъ въ угоду совершенно чуждымъ намъ интересамъ. Онъ очень подробно излагаетъ дѣятельность Толстого въ Парижѣ и въ то время какъ Соловьевъ и Богдановичъ прославляли Толстого за то, что онъ не раздѣлялъ ложныхъ надеждъ русской политики и предвидѣлъ грозу 1812-го года, Шильдеръ доказываетъ, что планы Александра относительно дружбы съ Наполеономъ рушились

---

[154]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 70. Спб. 1890. CXII+780+XXI. (И. В. 1890, 6. С. Т—въ. В. Е. 1890, 6. Russische Revue, Bd. 19, s. 316—338, A. Brückner: Russland und Frankreich).— [155]) Н. Шильдеръ, Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе Александра I. Р. С. 1890, 1. 143—221.

только благодаря Толстому, который (будучи впрочемъ въ этомъ отношеніи представителемъ всего общественнаго мнѣнія) велъ въ Парижѣ свою собственную политику, направленную къ разрушенію союза съ Франціей. Разсматривая далѣе переговоры Александра I съ Коленкуромъ въ С.-Петербургѣ, онъ приходитъ къ тому же выводу, что дѣйствительному точному соглашенію съ Наполеономъ, а слѣдовательно и задуманному въ Тильзитѣ міровому раздѣлу препятствовали: 1) происшедшее, вслѣдствіе неопытности Александра, разногласіе между словесными Тильзитскими соглашеніями съ Наполеономъ и письменной ихъ формулировкой, 2) прусскія симпатіи русскаго двора и 3) своеобразная дѣятельность гр. Толстаго въ Парижѣ. Татищевъ [156]) въ своемъ изслѣдованіи вполнѣ подтверждаетъ эти выводы Шильдера. Онъ опровергаетъ крѣпко утвердившееся у насъ мнѣніе о невыгодности для насъ дружбы съ Наполеономъ, выясняетъ сущность политической системы, установлявшейся Тильзитскимъ миромъ и пользу ея для Россіи и доказываетъ вѣроломство Пруссіи по отношенію къ Россіи послѣ Аустерлица. Пока у прусскаго короля и его совѣтниковъ не угасла надежда при помощи Франціи распространить господство Пруссіи на всю сѣверную Германію, они предпочитали русскому французскій союзъ. Въ то время какъ единственнымъ побужденіемъ прусской политики было своекорыстіе, Александръ руководствовался однимъ только великодушнымъ стремленіемъ спасти Европу. Татищевъ пользовался перепиской французскихъ пословъ въ Петербургѣ съ Талейраномъ и Шампаньи, перепиской Савари и Коленкура съ Наполеономъ и многими другими данными. Онъ подробно излагаетъ посольство Убри въ Парижъ и указываетъ на то, что и тутъ инструкція посла состояла въ цѣломъ рядѣ ходатайствъ за вереницу иностранныхъ государствъ. Тотъ же авторъ [157]) впервые издалъ переписку по поводу предполагавшагося брака Наполеона съ Анной Павловной; изъ переписки этой явствуетъ прямое соотношеніе между отказомъ въ рукѣ Великой Княгини и рѣшеніемъ Наполеона не ратификовать подписанную уже Коленкуромъ конвенцію о Польшѣ, по которой онъ обязывался не только не возстановлять королевства Польскаго, но и самое имя Польша и Поляки не употреблять впредь въ публичныхъ актахъ. Переписка эта (между Наполеономъ и Коленкуромъ, Наполеономъ и Александромъ I) показываетъ, какъ глубоко уязвленъ былъ Наполеонъ колебаніемъ русскаго двора, какъ послѣдовавшій вслѣдствіе этого бракъ его съ австрійской эрцгерцогиней,

---

[156]) С. Татищевъ, Міровой раздѣлъ.—Отъ Тильзита до Эрфурта. Р. В. 1890, 3, 4. — [157]) С. Татищевъ, Тайная переписка о предполагавшемся бракѣ Наполеона съ вел. княжной Анной Павловной. Р. А. 1890, 9. 5—39.

которую ему давно предлагалъ австрійскій дворъ, совершенно измѣнилъ политическую систему, установленную въ Тильзитѣ и скрѣпленную въ Эрфуртѣ.—Литература по вопросу о присоединеніи Финляндіи вся примыкаетъ къ вышедшему въ прошломъ году труду Ордина. Глинскій [158]), характеризуя книгу Ордина, какъ злую книгу, указываетъ на то, что Ординъ задался цѣлью не только всю Финляндію и финляндцевъ посадить на скамью подсудимыхъ, но и Екатерину II и Александра I, къ которому онъ въ высшей спепени несправедливо относится. Изъ новыхъ работъ отмѣтимъ письмо Германсона [159]) и акты, изданные Бореніусомъ [160]). Первый доказываетъ, что финляндцы пользовались всѣми правами наравнѣ съ шведами, что основные законы „форма правленія 1772 г." и „актъ соединенія и безопасности" 1789 г. давали земскимъ чинамъ очень широкія права и что они именно имѣлись въ виду Александромъ I при утвержденіи конституціонныхъ законовъ Финляндіи. Единственный параграфъ акта 1789 г., лишавшій земскихъ чиновъ права иниціативы по законодательнымъ вопросамъ, былъ отмѣненъ Имп. Александромъ II. Точно также и Бореніусъ, издавшій всѣ касающіеся Финляндіи повелѣнія и манифесты русскихъ императоровъ, доказываетъ, что Александръ I Боргосскимъ манифестомъ утвердилъ за Финляндіей всѣ законы, которые считались основными, а не только нѣкоторые касавшіеся частной жизни. П. М. [161]), излагая современный политическій и соціальный строй Финляндіи находитъ, что событіямъ Боргосскаго сейма придаютъ слишкомъ много значенія: важно не то, что происходило и что говорилось на сеймѣ, а то, что было утверждено верховной властью, т.-е. тѣ акты, о которыхъ говоритъ Германсонъ въ своемъ письмѣ: въ 1809 г., доказываетъ онъ, сохранены были всѣ изданные до 1809 г. для Шведскаго королевства законы. Въ другой статьѣ, написанной по поводу соч. Ордина и подписанной тѣми же иниціалами (П. М.) [162]), доказывается между прочимъ, что ни Боргосскій сеймъ, ни акты 1772 и 1789 г. не могутъ имѣть практическаго значенія послѣ того, какъ въ 1869 г. Имп. Александръ II утвердилъ новый сеймовый уставъ. Мих—ъ [163]) разбираетъ статью Р. Кастрена: „Боргосскій мирный трактатъ", написанную еще въ 1877 году такъ какъ она была одна изъ первыхъ, въ которыхъ излагались политическія ученія финлянд-

---

[158]) Б. Глинскій, Великодушное покореніе. И. В. 1890, 4. 176—191. — [159]) Германсонъ, По вопросу о законахъ Финляндіи. В. Е. 1890, 6. 776—798.—[160]) Г. Бореніусъ, Акты для выясненія политическаго положенія В. Княж. Финляндскаго. Гельсингфорсъ, 1890 (И. В. 1890, 9. В. Латкинъ).—[161]) П. М., Финляндія и ея учрежденія. С. В. 1890, 6, 7.—[162]) П. М. Ж., М. Н. П. 1890, 7. 109—142.—[163]) Мих—ъ, Начало Финляндскихъ притязаній. Р. А. 1890, 7. 289—304.—[164]) К. Ординъ, Финляндскія коммиссіи и конституція. Р. В. 1890, 3. 156—170.

скихъ обособителей. Авторъ во всѣхъ своихъ взглядахъ солидаренъ съ Ординымъ и также нападаетъ на русскую политику по отношенію къ Финляндіи. Далѣе укажемъ на новую работу Ордина [164]), который доказываетъ, что и при шведскомъ управленіи, т.-е. при законахъ 1772 и 1789 гг. король имѣлъ такую обширную власть, что даже если признать финляндскую автономію, то и тогда предположенное переустройство почтоваго, таможеннаго дѣла лежитъ въ полной власти русскаго правительства. Финляндскій сенатъ есть только исполнительный органъ русской верховной власти. Статья написана какъ бы въ руководство тѣмъ 3 коммиссіямъ, которыя разрабатываютъ въ настоящее время вышеупомянутые вопросы. Въ другой работѣ авторъ излагаетъ исторію монетнаго вопроса въ Финляндіи [165]). Упомянемъ наконецъ о статьѣ Коркунова [166]), доказывающаго, что Финляндія не состоитъ ни въ личной, ни въ реальной уніи съ Россіей. (Того же мнѣнія держится и Латкинъ). Литература о 1812 годѣ не особенно богата. Въ бѣлорусскихъ преданіяхъ Шамшуры [167]), о происхожденіи которыхъ ничего неизвѣстно, разсказывается объ укрѣпленіяхъ Дрисскаго лагеря въ 1812 г. и судьбѣ его; авторъ описываетъ нѣкоторыя черты пребыванія въ этой мѣстности французовъ, на пути въ Россію и обратно, разсказываетъ, какъ истребляли ихъ бѣлоруссы, и говоритъ, что наши западные сосѣди жестоко обманутся, если, повѣривъ нашимъ Полякамъ и Жидамъ, будутъ льстить себя надеждой найти въ бѣлоруссахъ хорошихъ себѣ подданныхъ. Къ 1812 г. относятся затѣмъ воспоминанія Козловскаго [168]) о первыхъ трехъ дняхъ пребыванія французовъ въ Москвѣ, продолженіе записокъ Золотухиной [169]), въ которыхъ она описываетъ путешествіе свое въ Западный Край для свиданія съ мужемъ, бывшимъ въ походѣ, и наиболѣе интересныя воспоминанія одного неизвѣстнаго помѣщика, которыя заключаютъ въ себѣ исторію сформированія Пензенскаго ополченія, волненія возникавшія по этому поводу, походъ черезъ Тамбовъ, Кіевъ въ Польшу, Силезію и дальше. Авторъ передаетъ то громадное впечатлѣніе, которое произвела на него европейская жизнь и разсказываетъ, какъ онъ по возвращеніи мечталъ о разныхъ нововведеніяхъ и объ освобожденіи крестьянъ [171]). Очень интересенъ также напечатанный от-

---

[165]) К. Ординъ, О Финляндской монетѣ. Р. В. 1890, 5. 126—158.—[166]) Н. Коркуновъ, Великое княжество Финляндское. Юрид. Лѣтопись 1890, 4.—[167]) Бѣлоруссъ Максимъ Шамшура, Бѣлорусскія преданія о 1812 годѣ. Р. А. 1890, 7. 321—330.—[168]) Г. Козловскій, Москва въ 1812 г. занятая французами. Р. С. 1890, 1. 105—114. — [169]) А. И. Золотухина, Записки. Р. С. 1890, 1. 1—20. — [170]) Воспоминанія ветерана 1813 — 14 г. Труды Саратовск. Арх. Ком. 149 — 229. Т. III, Вып. I.

рывокъ изъ записокъ историка Михайловскаго-Данилевскаго [171] (редакція напечатаетъ также и имѣющіеся отрывки за 1818 и 1823 гг.), который описываетъ финансовое положеніе Россіи передъ войной, дѣятельность Гурьева, котораго онъ очень защищаетъ, Бородинскую битву, дѣятельность Ростопчина, дѣло Верещагина. Дѣятельность Московскаго дворянства и извѣстнаго атамана Платова Данилевскій выставляетъ въ очень непривлекательномъ свѣтѣ. Далѣе онъ описываетъ пребываніе свое въ главной квартирѣ, Тарутинскій бой, и отъѣздъ свой вслѣдствіе раны въ Петербургъ. Свѣдѣнія о запискахъ и литературныхъ трудахъ Данилевскаго находимъ въ замѣткѣ написанной, по поводу столѣтія дня его рожденія, Шильдеромъ [172]. Онъ защищаетъ Данилевскаго и указываетъ на тотъ никому неизвѣстный или оставленный безъ вниманія фактъ, что всѣ рукописи Данилевскаго подвергались до печати самой безжалостной ампутаціи; цензуру эту онъ описываетъ очень подробно. Кромѣ печатныхъ трудовъ Данилевскій оставилъ громадный матеріалъ для исторіи Александра I и 20 томовъ записокъ съ 1808—27, 1829, 1831 гг. Въ высшей степени интересны замѣтки о 1816 годѣ [173], въ которыхъ онъ описываетъ путешествіе свое съ государемъ по Россіи и даетъ между прочимъ небольшую замѣтку о Сперанскомъ и Магницкомъ. Во второмъ томѣ сборника матеріаловъ изъ архива Канцеляріи Его Величества [174] напечатаны Высочайшіе указы, рескрипты и исходящій журналъ отношеніямъ графа Аракчеева къ разнымъ лицамъ. Всѣ эти документы относятся къ 1813 году и представляютъ интересъ для историка отечественной войны. Тутъ же напечатаны документы по управленію Тарнопольской областью (1810—11), Молдавіей и Валахіей (1806—12), документы, касающіеся присоединенія Финляндіи (1809—15) и др. Укажемъ далѣе на нѣсколько другихъ работъ къ исторіи эпохи Александра I. Щелковъ [175] на основаніи матеріаловъ Харьковскаго Университетскаго Архива описываетъ личность извѣстнаго профессора математика Осиповскаго и характерную для тогдашняго времени исторію удаленія его отъ должности ректора и профессора, причемъ выясняетъ, что причиной этого удаленія былъ не одинъ какой либо случай, а общее различіе во взглядахъ между Осиповскимъ и назначеннымъ въ 1817 г. попечителемъ, извѣстнымъ Карнѣевымъ. Л. Май-

---

[171]) А. Михайловскій-Данилевскій, Записки. И. В. 1890, 10. 130—168.— [172]) Н. К. Шильдеръ, А. И. Михайловскій-Данилевскій. Р. С. 1890, 11. 524—534.—[173]) Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. Р. В. 1890, 9, 10. — [174]) Сборникъ Историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собств. Его Имп. Вел. Канц. Вып. III.—Ред. Дубровина. Спб. 1890.—[175]) И. Щелковъ, Изъ исторіи Харьковскаго Университета. Ж. М. Н. П. 1890, 10. 358—385.

ковъ [176]) сообщилъ переводъ замѣтки Буле, описывающій обѣдъ у графа Румянцова (1824 г.) (Изъ Blätter für literärische Unterhaltung за 1828 г.). Замѣтка эта представляетъ интересъ для біографіи Карамзина и для характеристики Румянцева. Южаковъ [177]) представилъ сжатый сводъ разныхъ данныхъ, разсѣянныхъ по мемуарамъ и частнымъ ученымъ изслѣдованіямъ, данныхъ, которыя касаются эпизода паденія Сперанскаго. Главнымъ образомъ авторъ эксплоатируетъ извѣстныя записки де-Санглена, на которыя до сихъ поръ не было еще обращено должнаго вниманія. Гаршинъ [178]) представилъ краткую характеристику дѣятельности Козодавлева на основаніи біографіи его, помѣщенной Сухомлиновымъ въ VI т. его Исторіи Россійской Академіи; онъ описываетъ дѣятельность Козодавлева при Екатеринѣ по народному образованію, гуманную дѣятельность его по крестьянскому вопросу въ должности Министра Внутр. Дѣлъ при Александрѣ I и литературную. Карцовъ [179]) доказываетъ, что мысль о военныхъ поселеніяхъ принадлежала Александру I и что въ теоріи она была очень хороша; онъ оправдываетъ начальство этихъ поселеній, доказываетъ, что оно не пренебрегало и нравственными мѣрами для улучшенія народнаго быта и всѣ нападки на этотъ институтъ объясняетъ „привычкой порицанія прошлаго". Въ изданномъ Шильдеромъ [180]) отрывкѣ изъ вышеупомянутыхъ записокъ Михайловскаго-Данилевскаго мы имѣемъ описаніе нѣкоторыхъ изъ эпизодовъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Императора Николая. Во время петербургскихъ волненій Данилевскій былъ въ Кременчугѣ и описываетъ арестъ Пестеля, бунтъ Муравьева съ Черниговскимъ пѣхотнымъ полкомъ; далѣе онъ разсказываетъ о Петербургскихъ событіяхъ и даетъ цѣлый рядъ замѣтокъ о разныхъ участникахъ заговора, а также замѣтокъ общаго характера о тогдашнемъ воспитаніи, нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ молодаго государя и т. д. Подробный разсказъ о событіяхъ конца 1825 и начала 26-го года мы имѣемъ въ біографіи Рылѣева. Авторъ ея Сиротининъ [181]), задался цѣлью показать, какимъ образомъ Рылѣевъ сталъ заговорщикомъ и какъ глубоко и горько онъ раскаявался затѣмъ въ своихъ заблужденіяхъ. Для біографіи другого декабриста, князя Оболенскаго, интересны 5 писемъ его (1830—43 гг.) къ его шурину Протасьеву, въ которыхъ описы-

---

[176]) Л. Н. Майковъ, Н. М. Карамзинъ у графа Н. П. Румянцова въ 1824 г. Р. С. 1890, 9. 449—456. — [177]) С. Южаковъ, Паденіе Сперанскаго. Р. М. 1890, 11. 111—131.—[178]) Евг. Гаршинъ, Одинъ изъ русскихъ Гракховъ прошлаго столѣтія. И. В. 1890, 9. 621—628.—[179]) Карцовъ, О военныхъ посланіяхъ графа Аракчеева. Р. В. 1890, 2, 3, 7. — [180]) Михайловскій-Данилевскій, Вступленіе на престолъ Имп. Николая I. Р. С. 1890, 11. 489—523.—[181]) А. Сиротининъ, К. Θ. Рылѣевъ. Р. А. 1890, 6. 113—208.

вается жизнь его въ ссылкѣ [182]). Въ напечатанной IV главѣ записокъ генерала Одинцова [183]) описывается отреченіе Константина, событія въ Варшавѣ, пріѣздъ Имп. Николая, коронованіе его и канунъ революціи, характеризуются также отношенія Константина Павловича къ Полякамъ. Событія революціи описываются въ запискахъ одного изъ извѣстныхъ вожаковъ возстанія Мохнацкаго [184]), начало которыхъ было напечатано въ 1884 г. Въ напечатанной теперь X главѣ авторъ останавливается главнымъ образомъ на отношеніяхъ революціоннаго патріотическаго клуба къ Администраціонному Совѣту и описываетъ депутацію въ Вержбно къ Константину Павловичу. Въ вышедшимъ II-мъ томѣ біографіи Паскевича Щербатовъ [185]) сообщаетъ много новыхъ данныхъ для исторіи военныхъ событій 1826—27 гг. Мы имѣемъ тутъ впервые систематическое описаніе Персидской кампаніи, изъ котораго мы выносимъ совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ изъ записокъ Н. Муравьева (въ Русскомъ Архивѣ). Авторъ пользовался неизданной перепиской Паскевича съ Имп. Николаемъ I и Михаиломъ Павловичемъ. В. К. П. [186]) авторъ статьи „Карьера Паскевича“ (о 1-мъ томѣ его біографіи) оправдываетъ свой взглядъ, что карьеру Паскевича все же необходимо считать необычайно счастливой и указываетъ на неблаговидную роль, которую Паскевичъ игралъ по отношенію къ Ермолову, когда былъ посланъ на Кавказъ, чтобы слѣдить за нимъ и въ случаѣ необходимости смѣстить его. Авторъ выясняетъ причины недовѣрія молодого Государя къ Ермолову (навѣты нѣмецкой партіи и замедленіе присяжнаго листа съ Кавказа). Щербатовъ же выставляетъ Паскевича въ положеніи жертвы случая и каприза людей враждебныхъ Ермолову. Въ напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ письмахъ Воронцова къ Ермолову [187]), особенно интересны подробности о дѣйствіяхъ на Кавказѣ, начиная съ знаменитаго Даргинскаго похода (1845 г.) до посѣщенія Кавказа Имп. Александромъ Николаевичемъ; онѣ также очень важны для оцѣнки Ермолова. Отвѣты на эти письма помѣщены въ 36 томѣ Арх. Воронцова [188]); тутъ мы имѣетъ письма Ермолова, когда онъ былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ и его же къ Воронцову, когда

---

[182]) М. Головинскій, Декабристъ князь Г. П. Оболенскій, И. В. 1890 1. 115—145. — [183]) А. А. Одинцовъ, Записки. Р. С. 1890, 1. 21—34. — [184]) Мохнацкій, Записки. Польское возстаніе1830—31 г. Р. С. 1890, 3. 681—711.—[185]) Щербатовъ, Ген.-Фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Т. II. Августъ 1826—Октябрь 1827. Спб. 1890. 331+278. 5 р. (Р. В. 1890, 5).—[186]) В. К. П. Осада Ермолова, И. В. 1890, 7. 165—179.—[187]) Письма князя М. С. Воронцова къ А. П. Ермолову. Р. А. 1890, 2, 3, 4.—[188]) Архивъ князя Воронцова. кн. XXXVI. Москва 1890. (И. В. 1890, 4. В. М.).

тотъ былъ уже намѣстникомъ Кавказа: изъ писемъ этихъ мы знакомимся съ планами Ермолова, его взглядами на окружающихъ лицъ. Въ этомъ же томѣ помѣщены письма князя Циціанова и Ермолова къ М. С. Воронцову, а также переписка послѣдняго съ Д. Арсеньевымъ и С. Маринымъ. Изъ двухъ напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ писемъ Воронцова къ Бенкендорфу [189]) интересно первое изъ Одессы отъ 1833 г., въ немъ Воронцовъ разсуждаетъ объ ужасахъ, которые влечетъ за собой крѣпостное право, о позорѣ, которымъ оно покрываетъ Россію. Николаи [190]) въ подробномъ описаніи Даргинскаго похода защищаетъ Воронцова отъ нареканій за неудачу этой экспедиціи; Воронцовъ не виноватъ былъ въ томъ, что столичные кабинетные стратегики возлагали на нее неосуществимыя надежды. Дубровинъ въ своихъ очеркахъ Кавказской войны описываетъ (на основаніи XIV тома Кавказскаго Сборника) нашу борьбу въ Дагестанѣ въ 1830 и 31 гг., на Кубани въ 1846 и дѣятельность нашу на Кавказѣ въ 1846 г. [191]). Тутъ же укажемъ на воспоминанія К. Бороздина [192]) о Муравьевѣ; онъ описываетъ вызовъ Муравьева государемъ изъ Варшавы, разсказываетъ о просьбѣ государя, чтобы Муравьевъ главнымъ образомъ былъ бережливѣе и прекратилъ воровство. Бороздинъ осуждаетъ формалистику и мелочность Муравьева, а суровость его режима объясняетъ его ненавистью къ Воронцову; не менѣе прискорбенъ разладъ его съ Барятинскимъ, который Зиссерманъ объясняетъ немилостью къ Муравьеву молодого государя изъ-за того будто бы, что Имп. Николай приказалъ наслѣднику во время своего разговора съ Муравьевымъ подвинуть послѣднему кресло. Бороздинъ же разладъ этотъ объясняетъ опять-таки тѣмъ, что Барятинскій былъ очень друженъ съ Воронцовымъ. При всей суровости Муравьева у него очень часто попадаются весьма справедливыя рѣшенія; своей цѣльной личностью онъ поддержалъ престижъ власти и сдѣлалъ казнѣ крупныя сбереженія. Другія воспоминанія того же автора относятся къ его дѣятельности въ Кахетіи; онъ подробно описываетъ положеніе ея и исторію Закатальскаго возстанія 1863, а также рецидивъ его въ 1877 г. [193]). Тутъ же укажемъ на продолженіе біографіи покорителей Кавказа—князя Барятинскаго и графа Евдокимова, хотя напечатанныя въ обозрѣваемомъ году главы обнимаютъ уже время съ начала 60-хъ годовъ. Зиссерманъ [194]) описываетъ учрежденіе обще-

[189]) Два письма князя М. С. Воронцова къ графу Бенкендорфу. Р. А. 1890, 7. 305—316. — [190]) А. П. Николаи, Изъ воспоминаній о моей жизни. Р. А. 1890, 6. 248—278.—[191]) Дубровинъ,Очерки Кавказской войны. В. С. 1890, 8, 10.—[192]) К. А. Бороздинъ; Воспоминанія о Н. Н. Муравьевѣ. И. В. 1890, 1. 2. — [193]) К. Бороздинъ, Лезгинское возстаніе въ Кахетіи въ 1863 г. Р. В. 1890, 7, 9.—[194]) А. Зиссерманъ, Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Р. А. 1890, 11, 12.

ства возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, обсужденіе этого дѣла въ Кавказскомъ Комитетѣ, описываетъ далѣе жизнь Барятинскаго послѣ увольненія его съ Кавказа, переписку его съ различными лицами, разбираетъ взгляды Барятинскаго на различные государственные вопросы; между прочимъ онъ приводитъ интересное письмо князя къ Министру Внутреннихъ дѣлъ о положеніи сельскаго населенія. Ореусъ [194]) въ послѣднихъ главахъ біографіи Евдокимова описываетъ дѣйствія 1863—64 гг., покореніе Кавказа, выходъ графа въ отставку и частную жизнь его до послѣдовавшей въ 1873 году смерти.

Весьма нелестные отзывы о русскомъ обществѣ и о русскихъ вообще находимъ въ напечатанномъ Шильдеромъ отрывкѣ изъ записокъ Гагерна [195]); отрывокъ этотъ относится къ 1839 г. (см. Р. С. 1886 г., т. 51). Нѣсколько данныхъ къ исторіи раскола находимъ въ запискахъ графа Чапскаго [196]) объ особомъ характерѣ и значеніи Ярославскаго раскола, различныя секты котораго онъ и описываетъ. Чапскій былъ однимъ изъ чиновниковъ коммиссіи, образованной гр. Перовскимъ въ 1849 г. для изслѣдованія раскола. Болѣе обширный отчетъ одного изъ чиновниковъ, посланныхъ въ то же время для изслѣдованія раскола, напечаталъ Яхонтовъ [197]). Въ отчетѣ этомъ описывается борьба съ раскольниками, главнымъ образомъ въ Кременчугѣ, Черниговской и Могилевской губерніяхъ. Особенно интересна критика дѣятельности духовенства. Много характернаго для общественной исторіи Николаевскаго времени мы находимъ въ 3 т. біографіи Погодина, которая обнимаетъ 1830—31 годы [198]). Очень много новыхъ данныхъ для исторіи первой половины XIX-го вѣка находимъ въ бумагахъ графа Закревскаго, изданныхъ подъ редакціей Дубровина [199]). Тутъ помѣщена переписка Закревскаго съ княземъ П. Волконскимъ (1815—52), Ермоловымъ (1812—28), Ростопчинымъ (1812—1824), М. С. Воронцовымъ (1812—26), Денисомъ Давыдовымъ и Сабанѣевымъ. Въ 35-мъ томѣ архива Воронцова [200]) помѣщена переписка М. С. Воронцова съ Бенкендорфомъ и Маринымъ. Въ описаніи Венгерской войны офицеромъ Алексѣенко [201]), служившимъ

---

[194]) И. Ореусъ, графъ Н. И. Евдокимовъ. Р. С. 1890, 2. 461—495.—[195]) Гагернъ, Записки. Р. С. 1890, 2. 321—339.—[196]) Чапскій, Записка о расколѣ въ Ярославской губ. въ первой половинѣ 19-го вѣка. Ярославск. Стар. Вып. 5. 13—48.—[197]) Яхонтовъ, Матеріалы для исторіи раскола. III. Записка о расколѣ по поповщинѣ. Труды Ряз. Арх. Ком. за 1889, т. IV. Рязань 1890. — [198]) Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. III. Спб. 1890. (И. В. 1890. 5. Б. Г—скій).—[199]) С. Р. И. О., т. 73. Спб. 1890. XIV + XVI + 616. — [200]) Архивъ Воронцова, т. 35. Москва 1889. 502+XX. [201]) А. Алексѣенко, Воспоминанія стараго служаки. Венгерская война. Р. А.

въ Сѣвскомъ полку, доказывается между прочимъ, что Николай подалъ помощь Австріи исключительно ради предупрежденія возстанія своихъ польскихъ провинцій. Къ исторіи Крымской кампаніи относятся нѣсколько мелкихъ замѣтокъ: письма умершаго отъ ранъ офицера Констадіуса [202]) объ осадѣ Севастополя съ 3 дек. 1853—15 сент. 1855, записки дивизіоннаго квартирмейстера, въ которыхъ описывается переходъ черезъ Дунай, осада Силистріи, неудачный штурмъ и характеристика генерала К. Шильдера [203]). Интересныя свѣдѣнія о Крымской кампаніи находимъ также въ запискахъ Дена. Для исторіи политическихъ нашихъ отношеній къ западу интересно изложеніе Филипповымъ [204]) двухъ первыхъ томовъ новаго труда Зибеля. Авторъ характеризуетъ отношенія Николая къ Пруссіи, дѣла которой онъ настолько считалъ своими собственными, что заботился о внутреннемъ упроченіи ея; отношенія эти опять указываютъ на то, что Николай вездѣ отстаивалъ начала, вытекавшія изъ трактатовъ, которые онъ считалъ удовлетворительными съ консервативной точки зрѣнія, при чемъ русскіе интересы оставались на второмъ планѣ. Далѣе Филипповъ излагаетъ отношенія Николая къ Гессенскому вопросу, исторію Ольмюцкой пунктуаціи, и отношенія Австріи и Пруссіи къ Россіи во время Крымской войны. Поведеніе Австріи, которое Зибель оправдываетъ опасеніями ея за своихъ южныхъ славянъ, было дѣйствительно возмутительно, но какой благодарности можно было требовать отъ Пруссіи за Ольмюцкій трактатъ! Зибель разсказываетъ, какъ сильно было общественное мнѣніе въ Пруссіи возбуждено противъ Россіи, въ особенности были противъ нея Бунзенъ и будущій имп. Вильгельмъ, который долженъ былъ взять отпускъ съ удаленіемъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. Далѣе интересно выясненіе отношенія Пруссіи къ польскому возстанію: планъ Пруссіи оккупировать Польшу, борьба Горчакова противъ совмѣстныхъ дѣйствій Пруссіи и Россіи въ Польшѣ и недовольство Имп. Александра II Горчаковымъ. Эта „прусско-русская конвенція, укрѣпившая за Пруссіей русскую дружбу была первымъ камнемъ, положившимъ основу будущему величію Пруссіи“. Въ заключеніе Зибель сообщаетъ совершенно неизвѣстный до сихъ поръ фактъ о существованіи собственноручнаго письма Александра II къ Вильгельму съ предложеніемъ, чтобы Пруссія съ Россіей объявили войну Австріи и Франціи. За-

1890, 10, 161—198.—[202]) Осажденный Севастополь, сообщ. графа Лидерсъ-Веймартъ. Р. С. 1890, 4, 85—105.—[203]) А. Стренгъ, На Дунаѣ и подъ Силистріей въ 1854 г. Р. С. 1890, 12, 665—678.—[204]) М. Филипповъ, Россія и Нѣмецкія державы въ 1840—1860 годахъ. И. В. 1890, 2, 374—405. См. также статью К. Арсеньева „Первыя побѣды Бисмарка“ въ В. Е. 1890. 10.

манчивый проектъ этотъ былъ по настоянію Бисмарка отвергнутъ. Отношеніе Австріи къ Россіи въ эпоху Крымской кампаніи выясняется въ изслѣдованіи Петрова [205]), которое составляетъ часть приготовляемаго авторомъ труда о Восточной войнѣ 1853—56 г. Въ то время, какъ до сихъ поръ извѣстны были только напечатанные въ сборникѣ Мартенса протоколы засѣданій вѣнскихъ конференцій 1855 г., авторъ впервые воспользовался донесеніями нашихъ дипломатовъ въ Вѣнѣ, Горчакова и Титова, хранящимися въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Авторъ весьма подробно излагаетъ переговоры Горчакова съ Буолемъ и колебанія послѣдняго между Россіей и западными державами, исторію переговоровъ на конференціяхъ, въ особенности по поводу извѣстнаго 3-го пункта (ограниченіе нашего Черноморскаго флота). Австрія своей двойной политикой не удовлетворила ни Россіи, съ которой она рѣшила не воевать, ни западныхъ державъ,—всѣ германскія правительства были недовольны анти-русской политикой австрійскаго двора. Пруссія въ особенности не желала быть вовлеченной въ войну противъ Россіи въ интересахъ Австріи. Далѣе авторъ выясняетъ вліяніе хода военныхъ событій подъ Севастополемъ на ходъ переговоровъ. Положеніе союзниковъ было таково, что Наполеонъ хотѣлъ уже снять осаду и очистить Крымъ, но въ это время прусскій министръ Мантейфель черезъ шпіона узналъ содержаніе частныхъ писемъ прусскаго военнаго агента въ Петербургѣ Мюнстера къ генералу Герлаху и черезъ третье лицо сообщилъ французскому послу въ Берлинѣ. Разсказы этихъ писемъ объ отчаянномъ положеніи Россіи заставили Наполеона продолжать осаду. Изъ литературы, относящейся спеціально къ царствованію Александра, укажемъ на 2-ой томъ труда Семенова [206]), который излагаетъ ходъ работъ второго періода занятій редакціонныхъ коммиссій. Въ этотъ второй періодъ были составлены и пересмотрѣны доклады всѣхъ 3-хъ отдѣленій редакціонныхъ коммиссій, представленные ими общему присутствію въ первый періодъ занятій; кромѣ того начаты и окончены совѣщанія съ депутатами перваго призыва. Особенно ясно характеризуется отношеніе государя къ реформѣ. Семеновъ до мелочныхъ подробностей описываетъ обѣдъ, который далъ Ростовцевъ депутатамъ перваго призыва съ цѣлью сближенія ихъ съ членами редакціонныхъ коммиссій, болѣзнь и смерть Ростовцева, волненія по поводу слуховъ о новомъ предсѣдателѣ; онъ даетъ характеристику графа Панина, который

---

[205]) А. Петровъ, Русскіе дипломаты на Вѣнскихъ конференціяхъ 1855 года. И. В. 1890, 4, 5, 6.—[206]) Н. Семеновъ, Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Имп. Александра II, т. II-й. Спб. 1890. (И. В., 1890, 5. Б. Г—скій. Р. В. 1890, 4.

назначенъ былъ предсѣдателемъ потому, что хотя и не сочувствовалъ эмансипаціи, но былъ безусловно преданъ волѣ государя. Въ приложеніяхъ напечатаны между прочимъ письма и доклады Ростовцева. Ясинскій 207) описалъ волненія помѣщичьихъ крестьянъ до эмансипаціи (въ 1855 г.); причину этихъ волненій онъ видитъ въ неправильномъ толкованіи манифестовъ 14 дек. 1854, 29 янв. 1855 гг. Танковъ 208) описываетъ волненія крестьянъ Курской губ. при введеніи уставныхъ грамотъ; причиной волненій были ложные слухи, распускавшіеся въ крестьянской средѣ; такъ особенно много волненій вызвалъ слухъ, что тѣ изъ крестьянъ, которые будутъ продолжать въ теченіе двухъ лѣтъ работать по прежнему, получатъ затѣмъ землю даромъ. Танковъ описываетъ затѣмъ дѣятельность мировыхъ посредниковъ и губернатора В. И. Дена (см. его записки). Военнымъ событіямъ этого царствованія удѣляется какъ и до сихъ поръ, масса мелкихъ замѣтокъ, воспоминаній и мы можемъ указать лишь на нѣкоторыя. Двѣ работы посвящены воспоминаніямъ о взятіи Ташкента Черняевымъ въ 1865 г. 209—210). Старый Красноводецъ 211) описываетъ неимовѣрно трудную дѣятельность Красноводскаго Отряда по рекогносцировкѣ неизвѣстной еще тогда пустыни на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Колюбакинъ 212) продолжаетъ описаніе дѣятельности Эриванскаго отряда въ кампанію 1877—78 гг. (дѣятельность отряда противъ Мухтара-Паши). Остаповъ 213) описываетъ дѣятельность 14-й пѣхотной дивизіи въ эту же войну т.-е. главн. обр. оборону Шипкинскаго перевала. Ивановъ 214), продолжая свою работу о болгарскомъ ополченіи, описываетъ дѣятельность его съ мая 1877 года; по поводу его статьи было указываемо на то, что онъ слишкомъ идеализируетъ болгаръ и нехорошо относится къ дѣятельности князя Черкасскаго. Въ защиту этого послѣдняго выступилъ П. Матвѣевъ 215), напечатавшій записку князя о Болгаріи, представленную имъ черезъ графа Д. А. Милютина государю. Интересна также статья Бобрикова 216),

---

207) М. Ясинскій, Волненія помѣщичьихъ крестьянъ Кіевской губерніи въ 1855 г. Чт. въ Ист. Общ. Нест. Лѣтоп., Т. IV.—208) А. Танковъ, Крестьянскія волненія въ Курской губеріи въ 1862 году. И. В. 1890, 8, 343—379.—209) А. Н. М., Двадцатилѣтіе взятія Ташкента (1865—1890). Р. В. 1890, 6, 211—232.—210) А. Н. П., 25-лѣтняя годовщина взятія Ташкента. Р. С. 1890, 6, 661—671.—211) Старый Красноводецъ, Красноводскій отрядъ, его жизнь и служба со дня высадки на восточный берегъ Чернаго моря по 1873 г. В. С. 1890, 1, 2, 3. (См. полемику, возбужденную этой статьей: Ломакинъ въ В. С. 1890, 5, и В. Маркозовъ въ В. С. 1890, 12). — 212) Колюбакинъ. Эриванскій отрядъ. В. С. 1890, 6, 7, 8.—213) Остаповъ, Изъ записокъ участника войны 1877—78 гг. В. С. 1890, 3, 4, 5, 8, 9, 10.—214) И. С. Ивановъ, Болгарское ополченіе въ 1876—1878 гг. Р. С. 1890, 5, 413—437.—215) П. Матвѣевъ, Записка князя В. А. Черкасскаго о Болгаріи. Р. В. 1890, 12, 301—315.—216) Г. Бобри-

въ которой онъ описываетъ поѣздку свою во время войны въ Сербію, куда онъ былъ командированъ для того, чтобы регулировать вопросъ объ участіи сербовъ въ военныхъ дѣйствіяхъ; онъ долженъ былъ выдать имъ субсидію и изслѣдовать ихъ готовность къ принятію участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; онъ описываетъ состояніе сербскихъ внутреннихъ силъ борьбу, которую ему пришлось выдержать съ княземъ Миланомъ и планъ дѣйствія сербскихъ войскъ. Дѣятельность генерала Куропаткина во время Ахалъ-Тэкинской экспедиціи описываетъ Калитинъ [217]). Упоминать о цѣломъ рядѣ часто весьма цѣнныхъ воспоминаній и записокъ, относящихся къ 19-му вѣку, которыми мы обязаны главнымъ образомъ „Русской Старинѣ", мы не имѣемъ возможности; обзору нѣкоторыхъ изъ нихъ посвящены статьи А. В—на [218—219]), къ которымъ мы и отсылаемъ читателя. Въ нихъ характеризуется значеніе и содержаніе записокъ Долгорукаго, Тургенева, Шаховскаго, Золотухиной, Ростопчина, Блудовой, Ростиславова, Анненковой, записокъ Лебедева, Граббе и Дена о Крымской войнѣ, Никитенки, Полевого и др.

6) Юго-Западная Россія.

Въ изданныхъ подъ редакціей В. Антоновича мемуарахъ Южной Руси [220]) мы имѣемъ (въ переводѣ г-жи Мельникъ) мемуары Михаила Литвина, дающія много свѣдѣній для характеристики внутренняго быта Литвы, извлеченіе ихъ записокъ де-Виженера, записки Горецкаго и дневникъ Ляссоты; переводчикъ даетъ также и біографическіе очерки авторовъ этихъ мемуаровъ. Владимірскій-Будановъ [221]), основываясь на актахъ, извлеченныхъ изъ книгъ виленскаго центральнаго архива, даетъ намъ исторію обычнаго права въ примѣненіи къ семейнымъ отношеніямъ. Авторъ выясняетъ, какъ сначала бракъ, заключенный при помощи гражданскихъ формъ, равносиленъ былъ съ бракомъ вѣнчальнымъ въ глазахъ церкви, государственной и судебной власти и какъ въ XVI и XVII вв. первый признается лишь до тѣхъ поръ, пока не возникаетъ спора о вытекающихъ изъ него правахъ. Далѣе онъ изслѣдуетъ характеръ родительской власти и

ковъ, Участіе Сербіи въ послѣдней войнѣ. Р. В. 1890, 10.—[217]) П. Калитинъ, Ахалъ-Текинская экспедиція. Р. В. 1890, 5. (Статья не окончена).—[218]) А. В—нъ, Историческія Новости. В. Е. 1890, 5, 6.—[219]) А. В—нъ, Литературныя воспоминанія и „переписка„. В. Е. 1890, 10, 11, 12.—[220]) Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Вып. I, XVI в. Кіевъ 1890. III + 190.—[221]) М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Черты семейнаго права Западной Россіи въ половинѣ XVI стол. Чтен. въ Истор. Общ. Нест. Лѣт., т. IV.

личныя права супруговъ. Для исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ, исторіи колонизаціоннаго движенія въ этой мѣстности (Побожье — полоса земли по обоимъ берегамъ Буга, отъ Винницы до Саврани) много данныхъ представляетъ сокращенный переводъ вышедшей въ Краковѣ въ 1890 году работы Ролле [222]) (Po inkursyi kozackiej), основанной главнымъ образомъ на документахъ фамильнаго архива Адама Ярошинскаго въ Тавровѣ. Излагая исторію этого рода, авторъ даетъ интересную картину различныхъ вѣяній той эпохи, онъ описываетъ имущественные процессы, окраинную помѣщичью и общественную жизнь вообще и характеризуетъ процессъ перехода мелкихъ имѣній въ однѣ руки. Въ актахъ по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи [223]) напечатаны привилегіи польскихъ королей. универсалы Богдана Хмельницкаго, характеризующіе его, какъ правителя. Стороженко [224]) сообщилъ интересное для исторіи малороссійскаго землевладѣнія второй половины 17-го вѣка спорное дѣло изъ-за земельныхъ владѣній между переяславскимъ полковникомъ Полуботкомъ и лубенскимъ—Свѣчкой. Дѣло это, благодаря паденію Самойловича и тому, что Свѣчка вошелъ въ милость къ Мазепѣ, въ 1690 г. рѣшено было въ его пользу. Въ изданномъ подъ редакціей А. Лазаревскаго Мотыжинскомъ архивѣ [225]) помѣщены документы, касающіеся рода Сулимъ; купчія крѣпости, судебныя рѣшенія по спорамъ объ имуществѣ, завѣщанія и т. д. 17-го и 18-го вв., изъ нихъ многіе имѣютъ и общій интересъ для исторіи Малороссіи. Сборникъ этотъ есть главнымъ образомъ дополненіе къ изданному Лазаревскимъ же въ 1884 г. Сулимовскому архиву. Въ изданномъ подъ редакціей Каманина и Истомина первомъ томѣ Сборника матеріаловъ [226]), въ которомъ предполагается помѣщать отдѣльные документы, не вошедшіе въ изданія Кіевск. арх. коммиссіи, наиболѣе интересны матеріалы къ исторіи городского самоуправленія по Магдебургскому праву (1566 г.), которые затрогиваютъ разбиравшійся уже, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго обзора, Каманинымъ вопросъ о злоупотребленіяхъ въ городскихъ магистратахъ; они состоятъ изъ документовъ слѣдственнаго дѣла, производившагося мѣщанами города Владиміра-Волынскаго надъ ихъ войтомъ. Въ данныхъ этихъ Каманинъ видитъ подтвержденіе своего

---

[222]) (Н. М.) Побожье въ XVII и XVIII в. К. С. 1890, 9, 11, 12.—[223]) Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи (1630—1690). Чтен. въ Ист. Общ. Нест. Лѣт., т. IV.—[224]) Н. Стороженко. Полуботокъ или Свѣчка? К. С. 1890, 12, 434—447.—[225]) Мотыжинскій архивъ, акты переяславскаго полка XVII—XVIII вв. Кіевъ. 1890, VI, 223, XVIII. К. С. 1890, 9. А. М.—[226]) И. Каманинъ и М. Истоминъ, Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Арх. Кіевъ. 1890. (К. С. 1890, 11, Я. Ш).

взгляда, что общественное мнѣніе въ городахъ было болѣе сильно въ ранніе періоды существованія Магдебургскаго права. Изъ другихъ матеріаловъ, вошедшихъ въ сборникъ, наиболѣе интересны данныя, прекрасно характеризующія бытъ студентовъ Кіево-Могилянской коллегіи и отношенія ихъ къ кіевскимъ жителямъ. Содержаніе студентовъ было до того скудно, что они прибѣгали къ грабежамъ и воровству. Въ 1700 г. дѣло дошло до борьбы между мѣщанами и студентами. Далѣе въ Сборникѣ приводится рядъ дѣлъ изъ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи въ 1616, 1748, 1758 и 1734—80 гг. Упомянемъ далѣе о продолжаемыхъ Нейманомъ [227]) очеркахъ, въ которыхъ разсказывается исторія Өедора Гневошевича Стрижевскаго (конецъ XVI и начало XVII-го в.) и его потомства, исторія исчезнувшаго православнаго рода Кощичей-Стрижевскихъ и переходъ ихъ роскошныхъ имѣній къ полякамъ. Востоковъ [228]) на основаніи нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ изъ столбцовъ Сибирскаго приказа показываетъ, что Московское правительство вовсе не отнеслось съ неслыханной жестокостью къ зачинщикамъ малороссійскихъ смутъ, Выговскимъ и Нечаю, какъ нѣкоторые полагаютъ; Даніилъ Выговскій умеръ по дорогѣ въ Москву, Нечай и другіе родственники Выговскаго были сосланы въ Сибирь. Весьма интересны сообщенныя Востоковымъ же [229]) новыя данныя о посольствѣ Шакловитаго къ Мазепѣ (1688 г.). До сихъ поръ всѣ, упоминая объ этомъ посольствѣ лишь вскользь, утверждали, что Шакловитый подъ предлогомъ совѣщанія о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ долженъ былъ тайно развѣдать, до какой степени можно было положиться на казаковъ и на самого Мазепу. Востоковъ напечаталъ найденный имъ въ столбцахъ Сибирскаго приказа статейный списокъ посольства Шакловитаго и боярскій приговоръ, въ которомъ также помѣщены отвѣты на цѣлый рядъ предложеній, сдѣланныхъ гетманомъ послу. Главная цѣль посольства была просить совѣта гетмана о предстоящемъ походѣ. В. Голицынъ, какъ видно, мечталъ о походѣ противъ турокъ, о Константинополѣ, но Мазепа разбилъ сразу эту мысль и предложилъ самый скромный планъ нападенія на Крымъ; онъ говорилъ, что походъ должно начать по самому раннему зимнему пути, чтобы по льду еще проникнуть въ Крымъ, минуя Перекопъ. Планъ, какъ извѣстно, былъ принятъ, но не исполненъ. Всѣ другія статьи касаются разныхъ вопросовъ о походѣ же, а также отношеній къ запорожцамъ и Польшѣ

---

[227]) Ц. Нейманъ, Люди старой Брацлавщины. К. С. 1890, 8, 264 - 281.— [228]) А. Востоковъ, Судьба Выговскихъ и Ивана Нечая. К. С. 1890, 1, 35—46.—[229]) А. Востоковъ, Посольство Шакловитаго къ Мазепѣ въ 1688 г. К. С. 1890, 5, 199—226.

и сношеній между этими послѣдними. Интересны также сообщенныя Н. Стороженко [230]) нѣкоторыя свѣдѣнія объ Иванѣ Стороженкѣ, дѣятельность котораго отчасти также относится къ царствованію Петра; онъ участвовалъ въ походѣ 1722 года къ Дербенту, а позже былъ между прочимъ членомъ „Коммиссіи для составленія свода малороссійскихъ законовъ". Въ біографіи Павла Полуботка [231]) главнымъ образомъ описываются столкновенія его съ вновь учрежденной малороссійской коллегіей и ея президентомъ Вельяминовымъ, жалоба Полуботка въ Сенатъ, 12 пунктовъ Вельяминова и челобитная Полуботка Петру. Какъ извѣстно, Вельяминовъ одержалъ побѣду, такъ какъ новая инструкція Петра еще увеличила его власть и лишала старшину всякихъ льготъ и правъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ Полуботка авторъ усматриваетъ безкорыстную дѣятельность на пользу Малороссіи. Вновь изданный списокъ Черниговской лѣтописи [231a]) отличается отъ изданныхъ въ 1856 г. главнымъ образомъ тѣмъ, что идетъ до 1725 г., не прерываясь послѣ 1703 года; это довольно подробное описаніе 22-хъ лѣтъ (1703—1725) является такимъ образомъ впервые въ печати. Для исторіи колонизаціи новые матеріалы сообщены Багалѣемъ [232]); документы эти относятся главнымъ образомъ къ XVII-му вѣку, но наиболѣе важные документы (числомъ 10) относятся къ XVIII-му вѣку, между ними укажемъ на „экстрактъ о слободскихъ полкахъ 1734 г." и „описаніе городовъ и мѣстечекъ", доставленное въ Екатерининскую коммиссію. Документы эти, извлеченные изъ Моск. Арх. Мин. Юст. (строельныя книги), изъ харьковскаго историческаго архива, изъ церковно-археологическаго музея Кіевской Духовной Академіи, даютъ громадный матеріалъ для исторіи внутренняго быта края, характеристики его географическаго, административнаго и экономическаго положенія. Тутъ же можно упомянуть и о работѣ Грушевскаго [233]), который собралъ разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ данныя о состояніи южнорусскихъ господарскихъ замковъ и значеніе ихъ въ исторіи колонизаціи края; они составляли какъ бы узлы, которыми болѣе или менѣе прочно привязывалось населеніе къ территоріи повѣта. Наиболѣе значитель-

---

[230]) Н. Стороженко, Полковникъ прилуцкій Иванъ и бунчуковый товарищъ Григорій Стороженко. К. С. 1890, 4, 167—173.— [231]) Я. Ш., Павелъ Полуботокъ, полковникъ Черниговскій (1705—1724). К. С. 1890, 12, 522—538.— [231 a]) Черниговская Лѣтопись по новому списку съ пред. А. Лазаревскаго. К. С. 1890, 4, 5.—[232]) Д. Багалѣй, Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губерній. Сборн. Харьк. Ист.-Фил. Общ., т. 2. Харьковъ. 1890. (К. С. 1890, 9. И. Каманинъ).—[233]) М. Грушевскій, Южно-Русскіе Господарскіе Замки въ половинѣ XVI в. К У. И. 1890, 2, 1—33.

ныя работы относятся къ исторіи 18-го вѣка. Шульгинъ [234]) далъ намъ подробное изслѣдованіе послѣдняго изъ столь частыхъ въ 18-мъ вѣкѣ возстаній крестьянъ южной Руси на правомъ берегу Днѣпра. Онъ указываетъ, что движеніе это несправедливо называется гайдамачествомъ, такъ какъ возставало само крестьянство, гайдамаки же были только ихъ ревностными пособниками. На основаніи разныхъ мемуаровъ и изслѣдованій считали до сихъ поръ доказаннымъ, что движеніе это было чисто партизанскимъ, безъ всякой организаціи, что оно было самымъ кровавымъ и доказало звѣрство малорусскаго крестьянина; далѣе, что оно, будучи очень значительнымъ, имѣло въ виду только защиту вѣры и было вызвано самимъ русскимъ правительствомъ. Авторъ, провѣривъ весь печатный матеріалъ, пользовался также неизданными еще документами изъ Архива Кіевскаго губернскаго правленія, главнымъ же образомъ книгой военно-судной Кодненской коммиссіи, которая заключаетъ въ себѣ показанія гайдамаковъ и крестьянъ. Основываясь на этихъ матеріалахъ, авторъ доказываетъ, что коліи не были разбойничьими шайками и что у нихъ былъ общій, весьма опредѣленный планъ (завладѣть Кіевскимъ воеводствомъ), который онъ и выясняетъ подробно, изслѣдуя дѣйствія отдѣльныхъ вожаковъ возстанія; изъ нихъ особенно симпатична дѣятельность Неживаго. Изслѣдуя участіе народа въ возстаніи, онъ приходитъ къ выводу, что движеніе это, по проявленіямъ народной ненависти, никоимъ образомъ не можетъ сравниться съ Хмельнищиной и ей подобными; фанатическое настроеніе отдѣльныхъ лицъ не слѣдуетъ принимать за настроеніе цѣлаго народа. Коліевщина есть лишь слабый отблескъ того, что бывало на Украйнѣ раньше, въ 17 и даже началѣ 18 вѣка. Участіе въ этомъ движеніи лѣвобережцевъ, гайдамаковъ и запорожцевъ было очень незначительно. Расправа польскихъ властей съ возставшими была такъ ужасна, что послѣ усмиренія возстанія на Украйнѣ осталось очень мало крестьянъ-хозяевъ и степи запустѣли. То, что возстаніе не было вызвано русскимъ правительствомъ, авторъ считаетъ доказаннымъ, но почему русскіе дѣятели (Панинъ, Репнинъ, Румянцевъ) сочли нужнымъ подавить возстаніе собственными силами, разъ оно возникло изъ-за тѣхъ же правъ, которыя защищали на польскомъ сеймѣ послы Екатерины? Дѣло въ томъ, что это движеніе „диссидентовъ“, вспыхнувъ какъ разъ послѣ того, какъ Россія добилась для нихъ нѣкоторыхъ правъ, этимъ самымъ дискредитировало дѣло русскаго правительства, которое въ это время еще стремилось сохранить Польшу и поддерживало ее, желая ее имѣть союзницей.

---

[234]) Я. Шульгинъ, Очеркъ Коліевщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ. К. С. 1890, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

Наиболѣе обширнымъ является изслѣдованіе Теличенка[235]), которое посвящено изученію сословныхъ нуждъ и желаній малороссіянъ, на основаніи наказовъ и актовъ, напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ“, 43 томѣ Сборника Историческаго Общества и 2 томѣ Исторіи новой Сѣчи Скальковскаго. Наказы эти интересны также и тѣмъ, что указываютъ намъ на реакцію Малороссіи противъ ассимиляціонной политики Екатерины II. Характеризуя броженіе, вызванное въ Малороссіи манифестомъ 14 декабря 1766 года, Теличенко указываетъ на то, что и шляхетство, и казачество боялись Коммиссіи Уложенія, такъ какъ опасались потери своихъ правъ и открытія различныхъ злоупотребленій; при этомъ онъ, вопреки мнѣнію Авсѣенки (въ его книгѣ „Малороссія въ 1767 году“), доказываетъ „весьма замѣтное вмѣшательство Румянцева и въ избирательную борьбу, и въ сочиненіе наказовъ“, изъ которыхъ онъ вычеркивалъ многое, что могло быть непріятно Екатеринѣ; но въ тоже время Румянцевъ старался дать мѣщанамъ возможность свободно высказывать свое мнѣніе и защищалъ ихъ отъ давленія шляхетства. Затѣмъ авторъ весьма подробно излагаетъ высказанныя въ наказахъ просьбы шляхетства и духовенства. Черезъ всѣ наказы проходитъ стремленіе шляхетства добиться того, чтобы малороссіяне остались на томъ же положеніи, „на какомъ Богданъ Хмѣльницкій подъ державу великороссійскую приступилъ“. Такъ какъ большинству шляхетскихъ родовъ рѣшительно недоставало доказательствъ своего званія и такъ какъ въ правительственныхъ сферахъ господствовало убѣжденіе, что въ Малороссіи дворянъ нѣтъ, то мы во всѣхъ наказахъ встрѣчаемъ просьбы о томъ, чтобы малороссіяне признаны были дворянами. Далѣе интересны просьбы объ освобожденіи отъ повинностей; на ужасную отсталость указываютъ просьбы относительно внутренняго устройства, суда и управленія; въ то же время онѣ прекрасно рисуютъ хаотическое состояніе края. Лишь по вопросу объ образованіи шляхетство было исполнено лучшихъ желаній, но и то только относительно своего сословія; оно просило объ учрежденіи дворянскаго корпуса, университета и о воспитаніи лицъ женскаго пола. Теличенко опровергаетъ утвержденіе Авсѣенки и Латкина, что въ малорусскомъ обществѣ того времени не было провинціальной обособленности. Наоборотъ, оно въ наказахъ очень ревниво оберегало свои привилегіи. Екатерина же, конечно, отказала шляхетству въ желаніи его создать изъ Украйны statum in statu, хотя и удовлетворила просьбы его о нобилизаціи. Далѣе Теличенко разбираетъ проекты, переданные въ Синодъ тремя епархіями Мало-

---

[235]) И. Теличенко, Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской коммиссіи. К. С. 1890, 8, 9, 10, 11, 12.

россіи; въ проектахъ этихъ видно стремленіе къ возстановленію самостоятельности Кіевской митрополіи, независимости духовныхъ судовъ и желаніе подчинить своему суду монастырскихъ крестьянъ. Далѣе духовенство проситъ о признаніи за нимъ правъ шляхетства и разрѣшеніи пріобрѣтать казачьи грунты, объ освобожденіи отъ разныхъ повинностей. Монастыри стремились сохранить за собой положеніе крупныхъ собственниковъ; въ общемъ о духовенствѣ авторъ говоритъ, что „старина" была для него вожделѣннымъ раемъ и что эпоха съ возсоединенія до 1767 г. ничему не научила его, а была временемъ полнѣйшаго застоя. Выводы этой работы дополняются документами, напечатанными въ 68-мъ томѣ Сборника Императорскаго Историческаго Общества [236]), въ которомъ помѣщены дворянскіе депутатскіе наказы лѣвобережной Малороссіи (Черниговской и Полтавской губ.) и Слободской украины (Харьковской губерніи). Значительная часть первыхъ уже была напечатана, слободско-украинскіе же наказы являются впервые; между ними укажемъ на просьбы о запрещеніи крестьянамъ ихъ вольнаго перехода съ одного мѣста на другое. Тутъ же упомянемъ о спискахъ черниговскихъ дворянъ, владѣвшихъ недвижимою собственностью въ уѣздѣ [237]); списки эти должны были быть составлены по требованію жалованной грамоты 1785 г. Въ приложеніяхъ къ нимъ напечатанъ интересный указъ Петра III гетману Разумовскому, которымъ предписывалось малороссійскому шляхетству прислать въ герольдію эти списки съ точными доказательствами шляхетства. Доказательства эти оказались весьма слабыми: ссылка на договорные „пункты" Хмельницкаго, заслуги малороссійскаго народа и т. п. Интересно стихотвореніе, написанное по поводу назначенія Кречетникова малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ (1790), какъ свидѣтельство о тѣхъ непорядкахъ, которые явились въ новыхъ учрежденіяхъ, введенныхъ въ Малороссіи всего за 8 лѣтъ [237а]). Много данныхъ для изученія бытовой, экономической жизни югозападной Россіи находимъ въ изданныхъ переписяхъ еврейскаго населенія [238]). Переписи эти относятся къ 1765—91 гг. и извлечены изъ Кіевскаго центральнаго архива. Въ обширномъ введеніи (239 стр.) редакторъ Каманинъ пытается выяснить значеніе актовъ для характеристики тогдашней культуры и рѣшенія вопроса объ экономическомъ вліяніи одной народности на другую. Новыхъ выводовъ мы въ этомъ введеніи не находимъ. Защищая дестовѣрность матеріала, Каманинъ старается

---

[236]) С. Р. И. О., т. 68. Спб. 1889, 1—741. — [237]) Списки Черниговскихъ дворянъ 1783 года. Черниговъ. 1890, 186.— [237а])А. Л., Голосъ „Малороссія" конца XVIII в. К. С. 1890, 3, 454—457.— [238]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. V, т. 2, вып. 1. Кіевъ. 1890, 239, 1045, 4 р.

доказать, что земледѣліемъ евреи никогда не занимались, несмотря на покровительство закона, что они страшно эксплоатировали население и были главной причиной разложенія польскаго государства. Укажемъ затѣмъ на нѣкоторые новые матеріалы, спеціально относящіеся къ исторіи Литвы. Изданные за 1539, 1540, 1541—42 годы цѣликомъ, а за 1555 и слѣдующіе—въ извлеченіи, Акты гродненскаго земскаго суда [239]) даютъ массу матеріаловъ для характеристики общественной жизни и быта той эпохи. Въ предисловіи редакторъ Снитко даетъ обозрѣніе актовъ. Напечатанные въ XI томѣ Археогр. Сборника [240]) документы для исторіи Брестскаго Симеоновскаго монастыря, представляютъ дополненіе къ документамъ, напечатаннымъ въ VII-мъ томѣ актовъ Виленской Археографической Коммиссіи, которые разъясняютъ судьбы православной церкви въ Брестѣ. Въ предисловіи редакторъ Щербицкій даетъ очеркъ исторіи Брестскаго монастыря. Напечатанные во второмъ отдѣлѣ того же сборника документы извлечены изъ Архива Литовской Духовной Консисторіи и всѣ относятся къ исторіи судьбы православной церкви въ западномъ краѣ, борьбы ея и русскаго правительства съ католичествомъ и уніей; они характеризуютъ внѣшнее и внутренее состояніе монастырей, состоявшихъ въ вѣдѣніи Переяславскихъ и затѣмъ Минскихъ епископовъ, исторію учрежденія такъ-называемой „наивысшей консисторіи“ и „Радзивиловской коммиссіи“ и др. Тѣхъ же вопросовъ касается печатавшееся въ Ж. Мин. Нар. Просв. и вышедшее затѣмъ отдѣльно сочиненіе Бобровскаго [241]), о которомъ мы упоминали уже въ прошломъ обзорѣ. Въ то время, какъ большинство мнѣній сходится въ томъ, что главными виновниками возсоединенія уніатовъ были Имп. Николай и митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, Бобровскій развѣнчиваетъ послѣдняго и переноситъ центръ вопроса въ Александровское время, считая главной причиной возсоединенія внутреннюю борьбу въ уніи между латинизированнымъ, отшатнувшимися отъ церковно-славянскаго языка, отъ греческихъ обрядовъ, Базиліанскимъ орденомъ и бѣлымъ духовенствомъ. Въ этой то борьбѣ главное мѣсто принадлежитъ Лисовскому, Красовскому, Тупальскому, Сосновскому и Бобровскому. Авторъ рисуетъ намъ интереснѣйшую картину духовнаго и общественнаго образованія въ Западной Россіи, дѣятельность Ад. Чарторыскаго, князя Голицына, Новосильцева, библейскихъ комитетовъ, массонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ, и характеризуетъ взгляды рус-

---

[239]) Акты Виленской Коммиссіи, т. XVII. Вильна. 1890, LXXIII+559.— [240]) Археогр. Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Зап. Руси, т. XI. Вильна. 1890. XL + 372.—[241]) П. Бобровскій, Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Спб. 1890, XVI + 394. 3 р. (И. В. 1890, 7. К. С. К. К. С. 1890, 4. Арх. Ли—къ).

скаго правительства на Западную Россію. Авторъ пользовался документами архива Св. Синода и Мин. Нар. Просв. по виленскому учебному округу. Сочиненіе это вызвало рецензію Кояловича [242—243]), который утверждаетъ, что если бы авторъ ознакомился съ уніатскими дѣлами архива канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода, то ему пришлось бы измѣнить свои выводы по всѣмъ главнѣйшимъ вопросамъ. Онъ доказываетъ, что вопросъ о преобразованіи базиліанскихъ монастырей былъ поднятъ въ Россіи совершенно независимо отъ жалобъ бѣлаго уніатскаго духовенства, отрицаетъ давно существовавшій антагонизмъ между бѣлымъ духовенствомъ и базиліанскимъ орденомъ и значеніе дѣятельности Брестскихъ канониковъ. Обзоръ этой литературы закончимъ послѣднимъ томомъ издаваемой П. Н. Батюшковымъ [244]) трилогіи; томъ этотъ посвященъ Литвѣ и состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ дается историческій очеркъ Бѣлоруссіи и Литвы, составленный Н. Петровымъ и Малышевымъ; во второмъ—очеркъ ея современнаго положенія, составленный М. Городецкимъ и заключающій въ себѣ изложеніе внутренняго объединенія Сѣверо-Западнаго края съ Россіей, возсоединенія уніатовъ, возстановленія въ краѣ православія и русской народности; въ различныхъ рецензіяхъ указывалось на неудачную группировку матеріала, затѣмъ на то, что ученый аппаратъ въ такомъ популярномъ изданіи совершенно излишенъ, что изложеніе часто теряетъ объективный характеръ, и сочиненіе превращается въ публицистическій памфлетъ по содержанію и по тону. Кутейниковъ [245]) излагая содержаніе книги приходитъ къ неутѣшительному выводу, что не смотря на всѣ старанія правительства, вопросъ о взаимномъ отношеніи народностей въ Западномъ краѣ далекъ еще отъ разрѣшенія, а мѣры и средства еще до сихъ поръ предлагаются только отрицательныя.

Изъ сочиненій справочнаго характера укажемъ на слѣдующія: расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ краткія замѣтки о всѣхъ дворянскихъ родахъ Россійской имперіи, изданныя Бобринскимъ [246]), VIII т. исторической библіографіи Ме-

---

[242]) Кояловичъ, Ж. М. Н. П. 1891, 6, 295—363.—[243]) П. Бобровскій, Отвѣтъ на критику М. О. Кояловича, Ж. М. Н. П. 1890, 11, 217 — 244. — [244]) Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края. Спб. 1890. (К. С. 1890, 6. И. Новицкій. Р. А. 1890, 11. А. Бычковъ).— [245]) Н. С. Кутейниковъ, Изъ историческихъ судебъ Западнаго края. И. В. 1890, 2, 406—429. — [246]) А. Бобринскій, Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссіской Имперіи, т. I, II. Спб. 1890, XXXVIII+756, XLII+795, 8 р.

жова [247]) изданное Бокачевымъ [248]) перечисленіе каталоговъ важнѣйшихъ нашихъ библіотекъ, архивовъ, и библіографическихъ указателей, библіографическій списокъ трудовъ академика А. Ѳ. Бычкова [249]), 1-й и 2 томы энциклопедическаго словаря [250]) (на буквы а—аут). вновь вышедшіе выпуски критико-біографическаго словаря Венгерова [251]) (буквы Ба—Вез). Изъ многочисленныхъ описаній рукописей: Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1887 г. [252]), въ которомъ находимъ весьма цѣнныя сообщенія о поступившихъ въ нее рукописяхъ; изъ нихъ наиболѣе важны бумаги В. С. Попова (часть Рѣшетиловскаго Архива), и письма Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго; Памятная книжка Моск. Арх. Мин. Юстиціи [253]) даетъ намъ понятіе о составныхъ его частяхъ, Викторовъ [254]) описалъ болѣе 2200 рукописей въ 14 монастыряхъ, 2 соборахъ и 3 семинаріяхъ Сѣверной Россіи. Далѣе укажемъ на описи рукописей Тверскаго Музея [255]), Таврическаго Историческаго Архива [256]), Архива Саратовской Троицкой церкви [257]), Макаріева Унженскаго Монастыря [258]), Солотчинскаго Монастыря [259]), Московской Купеческой управы [260]) и Московскаго Отдѣленія Главнаго Штаба [261]).

---

[247]) Межовъ, Русская историческая библіографія за 1865—76 г., т. VIII. 1) Азбучно-систем. указатель на русскомъ языкѣ (Н—Я), 2)—на иностранныхъ языкахъ (A—Z). Спб. 1890, 438. — [248]) Н. Бокачевъ, Описи русскихъ библіотекъ и библіографическія изданія, находящіяся въ исторической и археолог. библіотекѣ П. Бокачева. Спб. 1890, XVIII + 392 + XVIII. 5 р.—[249]) Библіографическій списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика А. Ѳ. Бычкова. Спб. 1890, 34.—[250]) Энциклопедическій Словарь, издаваемый подъ редакціей И. Е. Андреевскаго, т. I, Па. Спб. 1890, 954, 480.—[251]) С. Венгеровъ, Критико-библіографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. 22—28. Спб. 1890, 336.—[252]) Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1887 г. Спб. 1890, 279 + 23 + 75. — [253]) Памятная Книжка Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Москва. 1890, IV + 234. — [254]) Викторовъ, Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи. Спб. 1890, II + 378. — [255]) М. Сперанскій, Описаніе рукописей тверскаго музея. Ч. М. О. И. Д. 1890, 4, VII, 1—313. — [256]) А. Сѣницкій. Описаніе дѣлъ Таврическаго Архива. Изд. Тавр. Арх. Ком. № 9, 10.—[257]) Соколовъ, Описаніе архива Саратовской Троицкой церкви. Тр. Сарат. Арх. Ком., 43—148, т. III, вып. 1. — [258]) Херсонскій‘ Рукописи изъ Архива Макаріева Унженскаго Монастыря. Костромская Старина, 1—48, вып. I.—[259]) А. Доброклонскій, Описаніе дѣлъ Архива Солотчинскаго монастыря. Труды Раз. Комм. 1889 г., т. IV. — [260]) Опись дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Московской купеческой управы, т. I. Москва. 1890, 438.—[261]) Опись дѣлъ секретнаго повытья Московскаго отдѣленія общаго Архива Главнаго Штаба. Москва, 1890. XIII + 192 + 10.

Указатель именъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ обзорѣ русской исторической литературы за 1890 г.

Цифра обозначаетъ № подстрочнаго примѣчанія. Что касается до сокращеній въ этихъ примѣчаніяхъ, то В. Е.=Вѣстникъ Европы, В. С.=Военный Сборникъ, Ж. М. Н. П.=Журналъ Мин. Нар. Просв., И. В.=Истор. Вѣст., К. У. И.=Кіевскія Университетскія Извѣстія, К. С.=Кіевская Старина, Р. А.=Русскій Архивъ, Р. В.=Русскій Вѣстникъ, Р. М.=Русская Мысль Р. С.=Русская Старина, С. Р. И. О.=Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, Ч. М. О. И. Д.=Чтенія въ Моск. Общ. Исторіи и Древностей, Ю. В.=Юридическій Вѣстникъ.

Новыя книги.

Съ 1 іюля по 1 декабря 1891 г. въ Редакцію „Историческаго Обозрѣнія" были доставлены слѣдующія изданныя въ 1891 г. книги:

1. Курсъ всеобщей исторіи (элементарный). Сост. *И. Беллярминовъ*. Изд. 2-е, исправл. и дополн., съ рис. и картами. Спб. 1891. 8°. 224 стр. Ц. 80 к. (1-е изд. было одобрено Уч. Ком. М. Н. Пр. для IV и V кл. реальн. уч.). Руководство составлено примѣнительно къ примѣрной программѣ.

9. Элементарный курсъ русской исторіи. Сост. *И. Беллярминовъ*. Изд. 2-е, испр. и снабж. картами въ текстѣ (1-е изд. было одобрено Уч. Ком. М. Н. Пр. для III кл. м. гимн. и р. уч.). Спб. 1891 г. 129 + VI стр. Ц. 50 к.

3. *М. Грушевскій*. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1891. 4°. XVI + 517 стр. (съ картой и родосл. табл.). Ц. 2 р. 75 к. Работа г. Грушевскаго входитъ въ серію областныхъ монографій по русской исторіи, написанныхъ на темы, предложенныи историко-филологическимъ факультетомъ университета св. Владиміра. Изслѣдованіе распадается на четыре отдѣла. Въ первомъ собраны историко-географическія данныя; второй отдѣлъ (3 главы) обнимаетъ обзоръ внѣшней исторіи земли до монгольскаго нашествія; третій заключаетъ очеркъ политико-общественнаго строя и быта земли за это же время; въ послѣднемъ отдѣлѣ сведены всѣ вообще данныя о Кіевской землѣ отъ монгольскаго нашествія до конца XIV вѣка.

4. *М. Грушевскій*. Волынскій вопросъ 1097—1102 г. (Отт. изъ ж. „Кіевская Старина"). Кіевъ. 1891. 8°. 37 стр. Ц. 30 к. Критическій разборъ существующихъ въ наукѣ воззрѣній на южно-русскія между-княжескія отношенія конца XI и начала XII в.

5. *А. Деревицкій*. О началѣ историко-литературныхъ занятій въ

древней Греціи. Харьковъ 1891. 8°. V+226 стр. Ц. 2 р. Сочиненіе г. Деревицкаго имѣетъ главнымъ образомъ въ виду лишь знаменитыя „Таблицы" Каллимаха и отчасти пинакографическія работы его ближайшихъ послѣдователей; но авторъ почелъ необходимымъ связать разсмотрѣніе означеннаго предмета съ исторіею александрійскаго музея и птолемэевой библіотеки, а равно предпослать всему изслѣдованію краткій очеркъ историко-литературныхъ студій въ доалександрійскій періодъ.

6. М. Ю. Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Опытъ историко-литературной оцѣнки *Н. Котляревскаго.* Спб. 1891. 8°. 295 стр. Ц. 2 р. Авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ историческое значеніе поэта въ жизни русскаго общества; онъ пытался охарактеризовать Лермонтова, какъ выразителя мыслей современнаго ему общества и какъ самостоятельную умственную и нравственную силу, оказавшую свое вліяніе на современниковъ. Лермонтовъ былъ для автора прежде всего крупнымъ типомъ русскаго интеллигентнаго человѣка тридцатыхъ годовъ, а его поэзія—матеріаломъ для исторіи его времени. Поставивъ себѣ такую задачу, г. Котляревскій сосредоточилъ все вниманіе на мысляхъ поэта и на его настроеніи и не касался подробно ни фактической стороны его біографіи, ни эстетической оцѣнки его произведеній.

7. Что такое научная философія? Этюдъ *В. Лесевича.* Спб. 1891. 8°. 256 стр. Ц. 2 р. Трудъ автора—не критическое изслѣдованіе, а этюдъ или абрисъ картины, долженствующей изобразить ходъ развитія избраннаго имъ понятія и окончательную его формулировку; авторъ счелъ нужнымъ прослѣдить предшествовавшія и родственныя научной философіи направленія, выразившіяся во французскомъ и англійскомъ позитивизмѣ, и затѣмъ переходитъ къ современному состоянію ея въ Германіи.

8. *Э. Лависсъ.* Общій очеркъ политической исторіи Европы. Перев. *П. Д. Первова,* препод. Елецкой гимназіи. Москва. 1891. 8°. 91 стр. Ц. 50 к. „Этотъ очеркъ представляетъ послѣдовательность великихъ историческихъ явленій и остается указать, какъ произошли вещи".

9. Госпожа Роланъ. Историко-литературный этюдъ *Н. Мировича.* Изд. ж. „Пантеонъ Литературы". Спб. 1891. 8°. 192 стр. Ц. 1 р. Авторъ старается дать, по первоначальнымъ источникамъ правдивое и безпристрастное представленіе личности и общественной дѣятельности этой замѣчательной женщины.

10. *Д. А. Столыпинъ.* Ученіе О. Конта. Начала соціологіи. По вопросу объ организаціи земельной собственности и пользованія землей. Москва. 1891. 8°. 252 стр.

11. Ученіе Конта и примѣненіе его къ рѣшенію вопроса объ организаціи земельной собственности и пользованія землею. Къ исторіи отечественной культуры. Личная и общинная крестьянская собственность. *Д. Столыпинъ*. М. 1891. 8°. 95 стр.

12. Составъ рязанскаго дворянства по десятнямъ XVII вѣка. Сообщ. *В. Н. Сторожевъ*. Рязань. 1891. 4°. 14 стр. (Изъ Трудовъ Ряз. уч. арх. комм. 1890 г). Задача сообщенія лишь археографическая—дать важный матеріалъ для будущихъ работниковъ.

13. Тверское дворянство XVII вѣка. Вып. I. Составъ Зубцовскаго и Ржевскаго дворянства по десятнямъ XVII в., въ обработкѣ *В. Н. Сторожева* (Изд. Тверской уч. арх. комм.). Тверь 1891. 8°. 116 стр. Систематическій обзоръ десятенъ по Зубцеву и Ржеву.

14. *С. М. Середонинъ*. Сочиненіе Джильса Флетчера „Of the Russe Common Wealth", какъ историческій источникъ. Спб. 1891. 8°. VI + 399 стр. Задачей своей авторъ считалъ опредѣлить достоинство какъ всего сочиненія, такъ и отдѣльныхъ сообщеній Флетчера. Во введеніи даны общія замѣчанія о Флетчерѣ и его сочиненіи; систематическій обзоръ самыхъ извѣстій раздѣленъ на слѣдующія главы: 1) историко-географическія извѣстія; 2) извѣстія о населеніи и его бытѣ; 3) извѣстія о власти; 4) извѣстія объ управленіи. Въ заключеніе сводятся итоги изслѣдованія и дается общая характеристика труда Флетчера.

15. О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформою. Историко-юридическое изслѣдованіе *А. Филиппова*, прив.-доц. Имп. Моск. Ун. Москва. 1891. 8°. X + 457 стр. Ц. 3 р. Изслѣдованію началъ наказанія по законодательству эпохи авторъ предпосылаетъ краткій общій очеркъ основныхъ началъ петровскаго законодательства; самое изслѣдованіе распадается на изученіе вопроса о наказаніи: 1) по указамъ и 2) по В. Уставу.

16. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга V. Изд. подъ ред. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ. 1891. 4°. 33 + 172 + 145 стр. Ц. 2 р. 50 к. Содержаніе: *Отд. I.* Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Общества въ 1890 г. *Отд. II. Изслѣдованія.* Нѣсколько мѣстъ начальной лѣтописи. А. И. Соболевскаго. Страница изъ исторіи Екатер. наказа (объ отмѣнѣ пытки) В. С. Иконникова. —Евреи въ лѣвобер. Украинѣ въ XVIII в. И. М. Каманина.—Луцкая старина. О. И. Левицкаго.—Гадяцкая старина. В. И. Василенко. —Малороссійское ополченіе 1812 г. Н. В. Стороженко.—О церкви и иконѣ св. Богородицы „Пирогощи", упом. въ лѣтописяхъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ. И. И. Малышевскаго.—Замокъ кн. Семена Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ. В. З. Завитневича.— Къ исторіи открытія Золотыхъ Воротъ. Н. Н. Оглоблина.—Описаніе

Черноморья, сост. Эм. д'Асколи въ 1634 г. Н. П. Дашкевича. *Отд. III. Матеріалы.* Descrizione del Mur negro et della Tartaria per il. d. Em. d'Ascoli. 1634.—Письмо канцл. Олбр. Гаштольда къ з. подскарбію въ нач. XVI в. о защитѣ Кіева отъ татаръ.—Акты по ист. монаст. землевладѣнія въ Малороссіи (1637—1730 гг.).—Акты по упр. Малороссіею гр. П. А. Румянцева за 1767 г.—Къ исторіи водворенія въ Кіевѣ уніи.—Матеріалы для исторіи западно-русской церкви.

17. Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ университетѣ. Томъ IX. *Вып. 1.* Каз. 1891. 8°. 156 стр. Ц. 1 р. 25 к. Содержаніе: Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ коммиссіи 1767 в. Н. Н. Ѳирсова.—Памяти П. Д. Шестакова. Н. А. Ѳирсова.—Толковая икона с. Царицына (съ фот. снимкомъ) Н. В. Сорокина.—Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. Н. З. Тихова.—Ирихи у Чувашъ. В. К. Магнитскаго.—Русскія имена и прозвища въ XVII в. А. И. Соколова.—Свадебные обычаи казанскихъ татаръ. М. Н. Пинегина. Вып. 2. Каз. 1891. 289 стр. Ц. 1 р. 75 к. Содержаніе: Пермяки. Истор.-этногр. очеркъ И. Н. Смирнова (Цѣль автора—дать научно-систематизированный и восполненный личными наблюденіями сводъ данныхъ объ избранной народности).

18. Извѣстія Таврической ученой архивной коммиссіи. Годъ пятый. Подъ ред. Арс. Маркевича. Симферополь. 1891. *№ 12.* Содержаніе: Памятники дипл. сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVII в.. хрон. въ М. Гл. Арх. М. И. Д. (Оконч.). Сообщ. Ѳ. Лашковъ. Ордера кн. Потемкина правителю Таврической области. Сообщ. Г. Кирѣенко. Матеріалы для исторіи 2-й турецкой войны (по дѣламъ арх. канц. Тавр. губернатора) Ѳ. Лашкова. Керченскія древности. Х. Ящуржинскаго. Къ памятникамъ г. Неаполиса. Проф. Ал. Маркевича. Доп. списокъ кургановъ въ Тавр. губ. А. Дьяконова. Дѣла канцеляріи Николаевскаго военнаго губернатора (Дѣло о возстан. въ Севастополѣ комм. порта). П. Иванова. Описаніе дѣлъ Таврич. Истор. Архива. Отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за 1890 г. Протоколы засѣданій Коммиссіи. 1891 г. *№ 13.* Содержаніе: Ордера кн. Потемкина.—Дѣла арх. Тавр. Губ. Правл. (относ. сохраненія памятниковъ старины въ губерніи). А. Стевена.—Важное археологическое открытіе въ Крыму. Собщ. К. Косцюшко-Валюжинича.—Раскопка кургана въ д. Кояшъ Симфер. у., Н. Романченко.—Генуэзская плита, найд. въ Ѳеодосіи. О. Ретовскаго.—Къ ист. Екатерининскихъ миль въ Крыму. Арс. Маркевича.—Протоколы засѣданій.

19. Земля и земледѣлецъ. Экономическое и статистическое изслѣдованіе *Л. Б. Ходскаго.* Т. I. (V + 266 стр.) и II (314 + 109 стр.).

Спб. 1891. Ц. 5 р. Главному предмету своего изслѣдованія—крестьянскому землевладѣнію въ Россіи—посвященъ весь II-й томъ („Земля и земледѣлецъ въ Россіи"); этой болѣе практической части труда предпосылается, въ I-мъ томѣ, часть теоретическая, именно очеркъ развитія поземельной собственности вообще, разборъ нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ о землѣ и краткій очеркъ современнаго распредѣленія поземельной собственности и аграрной политики въ типическихъ въ этомъ отношеніи иностранныхъ государствахъ (Соединенномъ Королевствѣ, Германіи, Франціи и С. А. Штатахъ).

20. Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся къ Грузіи. Томъ I (1768—1774 гг.). Подъ ред. проф. А. А. Цагарели. Съ картою Закавказья 1771 г. Спб. 1891, LXXII+518 стр. Объ этомъ изданіи см. въ хроникѣ настоящаго тома.

NB. О книгахъ, доставленныхъ Историческому Обществу, но здѣсь не отмѣченныхъ, будутъ даны болѣе подробныя замѣтки въ IV томѣ.

Историческія статьи въ главныхъ русскихъ журналахъ за 1890 г.

Независимо отъ годичныхъ обзоровъ по русской исторіи редакція „Историческаго Обозрѣнія" предполагаетъ помѣщать систематическіе списки историческихъ статей и рецензій на русскія историческія книги въ главныхъ нашихъ общихъ и спеціальныхъ журналахъ [1]). Въ предлагаемомъ спискѣ помѣщено около 500 указаній на историческія статьи и около 250 указаній на рецензіи, относящихся къ 29 журналамъ. Работа эта была произведена нѣкоторыми членами Общества, а общую редакцію этой работы принялъ на себя В. А. Мякотинъ.

Статьи общаго характера.

Астафьевъ. П. Е. Національное самосознаніе и общечеловѣческія задачи. Р. О. 1890 г. мартъ. 267—297.

В. А. Гольцевъ. Эволюція идей—силъ. Р. М. іюль, 80—89.

Н. Карѣевъ. Къ вопросу о свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса. В. ф. и п. кн. 4, 113—142.

Н. Карѣевъ. Юриспруденція и теорія историческаго процесса. Ю. В., іюль—ав., 269—277.

Н. И. Карѣевъ. Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки. Р. М. мартъ, 170—190.

Н. Карѣевъ. Новые отвѣты критикамъ. Р. Б. янв. 180—188, сент. 117—132.

Н. Карѣевъ. Новая историческая теорія. С. В., нояб., 71—74.

К. Kautsky. Общественные инстинкты у людей. С. В., сент., 58—92.

К. Kautsky. Общественные инстинкты въ мірѣ животныхъ. С. В., іюнь, 77—94.

Колубовскій. Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи. В. ф. и п. кн. 4, 1—32.

Летурно. Эволюція собственности. Р. Б., январь, приложеніе, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь, іюль.

Лютославскій. О значеніи и задачахъ исторіи философіи. Вопр. филос. и псих., кн. 3, 45—63.

Овсянико-Куликовскій. Очерки

---

[1]) Въ списокъ вошли именно слѣдующіе журналы: Библіографъ (Библ.), Вопросы философіи и психологіи (В. ф. и п.), Восходъ (В.), Вѣра и Разумъ (В. и Р.), Вѣстникъ Европы (В. Е.), Душеспасителное Чтеніе (Д. Чт.), Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Ж. М. Н. П.), Историческій Вѣстникъ (И. В.), Кіевская Старина (К. С.), Кіевскія Университетскія Извѣстія (К. У. И.), Наблюдатель (Н.), Православное Обозрѣніе (П. О.), Православный Собесѣдникъ (П. С.), Прибавленія къ изданію Твореній св. Отцевъ (Приб. къ изд. Тв. св. Отцевъ), Русская Мысль (Р. М.), Русская Старина (Р. С.), Русская Школа (Р. Ш.), Русскій Вѣстникъ (Р. В.), Русское Богатство (Р. Б.), Русское Обозрѣніе (Р. О.), Странникъ (Странн.), Сѣверный Вѣстникъ (С. В.), Труды Кіевской Духовной Академіи (Т. К. Д. Ак.), Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета (Уч. З. И, К. Ун.), Филологическія Записки (Ф. З.), Христіанское Чтеніе (Хр. Чт.), Церковный Вѣстникъ (Ц. В.), Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія (Чт. въ общ. л. д. пр.) Юридическій Вѣстникъ (Ю. В.); всего 29 журналовъ,

изъ исторіи мысли. Вопр. филос. и псих., кн. 2, 159—189.

Вл. Соловьевъ. Самосознаніе или самодовольство. Р. О., № 6, стр. 671—685.

Соловьевъ Вл. С., Японія. Р. О., 1890 г. іюль, 182—202.

Г. Тардъ. Общественная роль подражанія. Р. Б. май—іюнь, 197—205, іюль, 98—103.

Тихоміровъ Л. Новая школа соціальной науки. Р. О., 1890 г. мартъ 441—452.

Л. В. Ходскій. Земля и землевладѣлецъ. С. В., іюнь, 111—142, іюль, 75—111, августъ, 53—92.

Статьи по всеобщей исторіи.

1) *По древней исторіи.*

Н. А. Александровскій. Раскопки Епидаврійскаго святилища Асклепія. Ж. М. Н. П., отдѣлъ класс. филологіи, іюнь, стр. 81—128.

Н. М. Благовѣщенскій. Римскіе кліенты Домиціанова вѣка. (Бытовой очеркъ). Р. М., апр. 31—70.

В. П. Бузескулъ. Къ вопросу о политическомъ демократизмѣ Өукидида (Отвѣтъ Ө. Г. Мищенку). Ж. М. Н. П. отд. класс. филологіи, дек., стр. 142—150.

(Вышнегорскій А.) Географ. описаніе Аравіи. Глава изъ „Географіи" Таквимъ-аль-больдана (Абульфеды). Прав. Собес. № 4, стр. 503—523. № 8, стр. 373—382.

А. Гиляровъ. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель (Опытъ историко-философской критики). Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1890, № 10,стр. 1—82.

Деревицкій А. Музей и библіотека Лагидовъ въ Александріи. Культурно-истор. очеркъ. В. и Р., отд. 2. № 20, стр. 291.—329.

Г. С. Дестунисъ. Очерки греческой загадки съ древнихъ временъ до новыхъ. Ж. М. Н. П., іюль, стр. 66—98, авг., стр. 262—290.

Елисѣевъ. На развалинахъ Карөагена. Р. О. № 3 стр. 219—252.

С. А. Жебелевъ. Замѣтка о мѣстоположеніи авата въ Епидаврійской святынѣ Асклипія. Ж. М. Н. П., сент., отдѣлъ класс. филологіи, стр. 112—116.

Зеленогорскій Ө. проф. Греческіе трагики и софисты. (Литер.-филос. движеніе въ Аөинахъ послѣ Перс. войнъ). В. и Р. отд. 2, № 10, стр. 409—436. № 11. стр. 455—471.

Зеленогорскій Ө. проф. Изъ исторіи греческой философіи. В. и Р., отд. 2, № 3. стр. 109—123.

Н. Ивановъ. Первобытная исторія индоевропейцевъ на основаніи данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія. Ф. З. I, 1—28.

Вл. Плотниковъ. Главныя черты арійской доисторической культуры по даннымъ сравнит. языкознанія. Ф. З. II, 5—23.

М. И. Каринскій. Безконечное Анаксимандра. Ж. М. Н. П., апр., стр. 314—378. май, стр. 74—119, іюнь, стр. 223—263.

Корсунскій И. Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (окончаніе). В. и Р., отд. 2, № 4, стр. 171—190.

Корсунскій И. Ученіе Аристотеля и его школы (перипатетической) о Богѣ. В. и Р., отд. 2, № 9, с. 363—381. № 11, с. 472—490. № 14, с. 41—56. № 16, с. 146—176. № 19, стр. 261—274. № 21, стр. 365—382. № 23, стр. 474—492.

В. В. Латышевъ. Къ исторіи города Ольвіи. Ж. М. Н. П., февр., отд. класс. филологіи, стр. 68—71.

Лесевичъ. Религіозная свобода по эдиктамъ царя Асоки Великаго. Вопр. филос. и психол., кн. I, 163—188.

О. О. Луньякъ. Къ вопросу объ отношеніяхъ Демосөена къ Исократу. Ж. М. Н. П., февр., отд. класс. филологіи, стр. 72—81.

Лейкфельдъ П. пр.-д. Къ ученію Аристотеля о безсмертіи души. В. и Р., отд. 2, № 18, стр. 225—254.

Л. Новые споры по очень старому вопросу изъ исторіи жизни Константина Великаго. П. О., № 1, стр. 72—99.

Мартыновъ А. Нравственное ученіе Климента Александрійскаго по сравненію съ стоическимъ, Приб. къ изд. Твор. св. Отцевъ, № 1, стр. 142—177.

Ө. Г. Мищенко. Федерація этолянъ и ахеянъ. Ж. М. Н. П., май, стр. 154—164.

Ө. Мищенко. Въ чемъ источникъ непреходящихъ достоинствъ древнеэллинскихъ классиковъ. Р. М., іюль, 90—107.

Ө. Г. Мищенко. Өукидидъ-сторонникъ аөинской демократіи. Ж. М. Н. П., авг., отдѣлъ класс. филологіи, стр. 33—48.

В. И. Модестовъ. Эпикуреизмъ и современный интересъ къ нему. Р. М. мартъ, 41—57.
Д. П. Никольскій. Юридическое положеніе иностранцевъ въ древнемъ Римѣ. Ж. М. Н. П. отдѣлъ класс. филологіи, іюль, стр. 18—29.
Г. Павлуцкій. Фидій. Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 5, стр. 19—96.
Э. Л. Радловъ. Русскія работы по исторіи греческой философіи. Ж. М. Н. П., апр., стр. 384—409.
В. Э. Регель. О мѣстоположеніи древнихъ Абдеръ. Ж. М. Н. П., май, отд. класс. филологіи стр. 75—80.
П. А. Ровинскій. Раскопки древней Діоклеи, произведенныя по указанію и на счетъ Его Высочества Черногорскаго Князя Николая. Ж. М. Н. П., отдѣлъ класс. филологіи, іюль, стр. 1—17.
Сjавваитскій М. Египетскія казни и исходъ израильтянъ изъ Египта. (Рѣчь предъ защитою магистер. диссерт.). Хр. Чт. № 1—2, стр. 174—189.
Садовъ Ѳ. Нравственныя понятія и нравственная философія образованнаго общества въ древнемъ Римѣ. В. и Р., отд. 2. № 13, стр. 21—40.
С. М. Селивановъ. Самосъ и Пріена предъ судомъ царя Лисимаха и родосскаго народа. Ж. М. Н. П., апр., отд. класс. филологіи, стр. 1—40.
Соловьевъ. Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки. Р. О. № 8, ст. 620—648. № 10, ст. 485—516.
А. Трачевскій. Воспитательные идеалы классическаго міра. Р. Ш., мартъ, 14—24, апр. 15—36, авг. 19—41, окт. 13—31.
Кн. Трубецкой. Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи. Вопр. филос. и псих. кн. 4, 1—36.
Цвѣтковъ П. Аврелій Пруденцій Клементъ (оконч.). Приб. къ изд. Твор. св. отцевъ. № 1, стр. 3—62.
С. Шестаковъ. О происхожденіи Иліады Гомера. Уч. зап. Имп. Казан. унив., іюль—авг., 67—108.
П. Щепотьевъ. Врачебная этика древнихъ индійскихъ и греческихъ врачей. Уч. Зап. Имп. Казан. Унив., іюль—августъ, 54—66.

2) По средней исторіи.

Безобразовъ. Орлеанская дѣва. Русс. Обозр. 1890. № 7, стр. 63—78.
П. Безобразовъ. Черты византійскихъ нравовъ и культуры. Наблюдатель, мартъ, 32—52, апрѣль, 156—174, май, 225—234, іюнь, 72—98.
Борисъ, архим. Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніи къ древней греко-римской образованности. Труды Кіевской дух. акад., № 9, стр. 43—61; № 10, стр. 206—216; № 11, стр. 344—363. 2) Правосл. Собес., № 1, стр. 86—92; № 2, стр. 181—185.
Н. М. Бубновъ. Мотивы избранія Гугона Капета на царство. Журн. Мин. Нар. Просв., ноябрь; стр. 135—174.
Гессе Д. „Священная Римская Имперія“. Русс. обозр. 1890 г. ноябрь, 141—162.
В. Клячинъ. Турскіе Генеральные Штаты 1483 г. и ихъ значеніе въ исторіи французскихъ представительныхъ учрежденій. Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1890, № 12, стр. 31—50.
М. Г. Моргулисъ. Біографическіе этюды изъ Талмудической эпохи. Восходъ, іюль, стр. 7—27.
В. Э. Регель. О хроникѣ Козьмы Пражскаго. Журн. Мин. Нар. Пр., августъ, стр. 221—261, сентябрь, стр. 108—148.
Соловьевъ. Изъ исторіи Византіи. Русс. Вѣст. № 9, стр. 236—64. № 11, стр. 194—225.
Г. В. Форстенъ. Архивныя занятія въ Любекѣ и Данцигѣ по исторіи балтійскаго вопроса. Журн. Мин. Нар. Просв., авг., стр. 291—331.
К. С. Шварсалонъ. Восточный вопросъ въ новомъ сочиненіи по исторіи папства. Журн. Мин. Нар. Просв., сентябрь, стр. 205—233.

3) По новой исторіи.

М. А. А. Чарльзъ Дарвинъ и его теорія. Р. Мысль, іюнь, 83—107, іюль, 42—65.
К. Арабажинъ. Казиміръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность. Кіевскія Универс. Извѣстія, 1890, № 9, стр. 1—80; № 10, стр. 81—182; № 12, стр. 183—238.
Н. Арсеньевъ. Джонъ Говардъ и его значеніе въ тюремной реформѣ. Наблюдатель, май, 236—246.
К. Арсеньевъ. Новый историкъ Герм. имп. В. Е., апрѣль, с. 785—802.
Е. Б—въ. Новые матеріалы къ біографіи Фердинанда Лассаля. Сѣв. Вѣст., октябрь, 91—104.
Безобразовъ. Марія Стюартъ. Ист·

очеркъ. Русск. Обозр., № 12, стр. 544—576.

Борисовъ. Антоній де-Лаваль. Рус. Вѣстн., № 12, стр. 1—46.

А. Быковъ. Оттонъ Бисмаркъ-Шенгаузенъ. Наблюдатель, май, 114—137.

А. Вальполь. Р. Мысль, сентябрь, 101—118.

М. В. Ватсонъ. Португалія и ея литература. Р. Мысль, августъ, 51—75, сентябрь, 54—70.

П. Виноградовъ. Американская демократія. Рус. М., дек., 53—79.

Де-Вогюе. Письма о современномъ положеніи Франціи. Русское Обозрѣніе 1890 г. Мартъ, 371—389. Апрѣль, 810—826. Май, 300—316.

В. Герье. Ипполитъ Тэнъ и его значеніе въ исторической наукѣ. В. Е. Январь, стр. 1—65 и Февраль, стр. 463—501.

В. Гольцевъ. Лоренцъ Штейнъ. Юр. Вѣстн. Ноябрь, 382—389.

К. И. Развитіе національнаго сознанія въ Германіи. Русск. М., дек., 91—123.

И. И. Иванюковъ. Значеніе берлинской конференціи по рабочему вопросу. Р. Мысль, сент., 1—32.

Н. Каблуковъ. Очеркъ исторіи русскаго законодательства по обезпеченію народнаго продовольствія. Юр. Вѣстн., дек., 529—560.

К. Kautsky. Вѣкъ гуманизма и реформаціи. (Церковь, Гуманизмъ). Сѣв. Вѣстн., февраль, 141—174.

В. Клячинъ. Борьба канцлера Мопу съ французскими парламентами въ царствованіе Людовика XV. Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1890, № 11, стр. 1—30.

Гр. Л. А. Комаровскій. Столкновеніе Швейцаріи съ Германіей изъза права убѣжища. Р. Мысль, іюнь, 52—71.

В. Лебедевъ. Лоренцъ фонъ-Штейнъ. Сѣв. Вѣстн., ноябрь, 1—10.

И. Лёбъ. Еврей въ исторіи и въ легендѣ. Публичная лекція. Перев. В. Л. Ранцева. Восходъ, іюль, стр. 28—66.

А. А. Мануиловъ. Новѣйшія изслѣдованія по исторіи крестьянства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи. Р. Мысль, іюнь, 147—170.

Мануиловъ. Политическіе процессы второй имперія (По поводу дѣла Булавже). Юр. Вѣстн., февраль, 244—274; апрѣль, 549—576.

М—скій. Заатлантическая демократія. Русск. Вѣстн., № 10, стр. 105—160, № 11, стр. 262—296, № 12, стр. 195—246.

М. В. П—въ. Ж. Ж. Руссо. Рус. Мысль, іюнь, 113—131.

А. В. П—въ. Рабле, его жизнь и произведенія. Р. Мысль, іюль, 108—130.

А. Плещеевъ. Жизнь Диккенса. Сѣв. Вѣстн., январь, 223—240, февраль, 191—210, мартъ, 215—242, іюль, 201—240, августъ, 249—264, октябрь, 199—234.

В. Пискорскій. Франческо Ферруччи и его время. Кіевскія Универс. Извѣстія, № 2, ч. 2, стр. 1—56, № 3, ч. 2, стр. 57—88, № 11, стр. 89—134.

А. Пыпинъ. Гердеръ. В. Е., мартъ, стр. 277—322, апрѣль, стр. 625—673.

В. М. Р. Изъ исторіи нѣмецкой литературы XIX вѣка. Р. Мысль, августъ, 102—135, октябрь, 103—121.

Радловъ. Вольтеръ и Руссо. Вопр. филос. и псих., кн. II, 1—22, кн. IV, 37—64.

Радловъ. Жизнь Джордано Бруно. Русск. Обозр., № 10, стр. 640—673.

Соловьевъ. Вл. Серг. Китай и Европа. Русск. Обозр. № 2, стр. 673—697, № 3, стр. 187—207, № 4, стр. 761—777.

Соловьевъ. Японія (историч. характеристика). Русск. Обозр., № 7, стр. 182—202.

С. М. Станиславскій. Еврейскій Эзопъ. Восходъ, іюль, стр. 130—147.

П. А. Сырку. Болгарская этнографія. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., май, стр. 188—203.

Ухтомскій. Мекка въ политическомъ и религіозномъ отношеніи. Русск. Обозр., № 2, стр. 718—732.

А. Яхонтовъ. Французское общество и народъ въ періодъ первой революціи. Наблюдатель, сент., 50—93.

4) По исторіи церкви.

Антоній, архим. Древнее ученіе египетской религіи о богахъ, о безсмертіи человѣческой души и странствованіи ея послѣ разлуки съ тѣломъ. Приб. къ изд. Твор. св. Отцевъ, № 1, стр. 178—205.

Арсеньевъ, И. Фальсификація рим.-католическихъ катехизисовъ въ ученіи о папской непогрѣшимости. Душ. Чт. № 4, стр. 423—428. № 5, стр. 69—74.

Б—въ, А. Баптизмъ. Тр. Кіевск. Дух. Акад. № 11, стр. 329—343.

Б—въ, П. Историческая достовѣрность книгъ Паралипоменонъ. Апологетическій этюдъ. Чт. въ Общ.

люб. Дух. Просв. № 2, стр. 205—253.

Б—въ, П. Мнимые слѣды тотемизма въ религіи древнихъ евреевъ. Чт. въ Общ. люб. дух. просв. № 7, стр. 1—25.

Б—въ, С. Философія и христіанство, по ученію св. Іустина мученика. Чт. въ Общ. люб. дух. просв., № 8, стр. 201—215.

Бердниковъ, И. Церковное право православн. церкви по воззрѣніямъ канониста-западника. Прав. Соб., № 2, стр. 186—230. № 5—6, стр. 65—157.

Богдашевскій, Д. И. Лжеучители, обличаемые въ первомъ посланіи св. ап. Іоанна. Труды Кіевск. дух. ак. № 3, стр. 483—521. № 4, стр. 674—713. № 5, стр. 60—91. № 6, стран. 280—305; № 7, стр. 408—441. № 8, стр. 545—564.

Богородскій, Я. Къ вопросу о библейской исторіи міротворенія (Нѣсколько замѣчаній на статью Архангельскаго „Библейская космогонія", Прав. Собес. 1889 г.). Прав. Собес., № 1, стр. 21—85.

Будринъ, Е. Теологія социніанъ. О лицѣ Іисуса Христа. Прав. Собес., № 3, стр. 293—329. № 4, стр. 419—455.

Будринъ, Е. Теологія социніанъ. О служеніи Іисуса Христа. Прав. Соб., № 8, стр. 295—321.

Вержбиловичъ, М. І. Пророческое служеніе въ израильскомъ (десятиколѣнномъ) царствѣ (продолж., съ 1889 г.). Труды Кіевской дух. акад., № 2, стр. 255—314. № 10, стр. 217—266.

Вертеловскій, А. Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству. В. и Р., отд. 1, № 6, стр. 315—339. № 8, стр. 437—468.

Воронцовъ, В. Языкъ Евангелій, какъ доказательство ихъ подлинности (по Wigouroux, Rev. de qu. hist. 1889). Чт. въ Общ. люб. дух. просв. № 2, стр. 303—346.

Глубоковскій, Н. Апологетическій трудъ Θеодорита, епископа Киррскаго, какъ одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ литературной борьбы христіанства съ язычествомъ, Чт. въ Общ. люб. дух. просв., № 1. стр. 81—137.

Громовъ, П. Ученія объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ въ западной Европѣ. Вѣра и Разумъ, отд. 1, № 17, стр. 237—268. № 18, стр. 309—336.

Деревицкій, А. Очерки изъ исторіи христіанскаго искусства до Константина В. В. и Р., отд. 1, № 5, стр. 299—314. № 7. стр. 421—436. № 8, стр. 488—512.

Дмитріевскій, А. А. (доц.). Киновіальныя правила пр. Саввы Освящ., врученныя имъ предъ кончиной преемнику своему игум. Мелиту (Вновь открытый памятникъ аскетич. письменности, 524 г.). Труды Кіевской дух. акад., № 1, стр. 170—192.

Добронравовъ, В. Десять лѣтъ изъ исторіи старокатолическаго движенія (1871—1881). Христ. Чт., 1890 г. № 9—10, стр. 257—317. № 11—12, стр. 545—592.

С. М. Дубновъ. Возникновеніе цадикизма. Беръ, проповѣдникъ изъ Межирича, преемникъ Бешта и проч. ученики Бешта (1760—1772 г.). (Окончаніе). Восходъ, 1889, ноябрь и дек., 1890, январь, ст. 23—42.

С. М. Дубновъ. Исторія хасидскаго раскола. На основаніи первоначальныхъ источниковъ, печатныхъ и рукописныхъ. Восходъ, февраль, 88—111, мартъ, 83—100, апр., 74—92, май, іюнь, 37—45, іюль, 67—84, авг., 3—20.

Ж. Критика и исторія относительно жизни Іисуса Христа. В. и Р., отд. 1. № 23, стр. 673—706, № 24, стр. 755—796 (Пер. ст. абб. Дидона изъ R. de d. Mondes, 1890).

Ждановъ, А. Откровеніе Господа о 7 азійскихъ церквахъ. Чт. въ Общ. люб. дух. пр., № 9, 247—360, № 10, 449—481, № 11—12, 493—510.

Заозерскій, Н. Объ источникахъ церковнаго права въ III—V вв. по Р. Х. (Церковноправообразующая дѣятельность св. соборовъ, помѣстныхъ и вселенскихъ). Твор. Св. Отцевъ, № 4, стр. 253—836.

З—въ, А. Бенигнизмъ и аттриціонизмъ. Очеркъ изъ исторіи римско-католической морали (по Деллингеру и Рейшу). В. и Р., отд. 1, № 11, стр. 681—706.

З—въ, А, Казуистика и судьбы ея въ римско-католической церкви. Очеркъ изъ исторіи римско-католической морали. В. и Р., отд. I, № 4, стр. 185—210.

М. Корелинъ. Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства. Рус. М., дек., 1—37, октябрь, 1—23.

Корнѣенко, І. Участіе императора Юстиніана въ дѣлахъ церковнаго устройства, управленія и суда. (Ист. очеркъ). Странн., № 6—7, стр. 242—267, № 8, стр. 478—492, № 11, стр. 407—427, № 12, стр. 618—639.

Лебедевъ, А. Греческіе церковные историки IV, V и VI вв. Чт. въ Общ. люб. дух. пр. № 1, стр. 32—80; № 2, стр. 254—302, № 4, стр. 469—534, № 5—6, стр. 640—663, № 7, стр. 26—69.

Лебедевъ, А. Очерки Византійско-восточной церкви отъ к. XI до половины XV в. Пр. къ изд. Тв. св. отцевъ, № 1, стр. 63—141, № 2, стр. 241—294, № 3, стр. 53—128, № 4, стр. 177—252.

Маловъ, Е. (прот.). Моисеево законодательство по ученію Библіи и по ученію Корана. Опытъ объясненія одного изъ очевиднѣйшихъ противорѣчій въ Коранѣ. Прав. Собес., № 3, стр. 330—362; № 4, стр. 456—463; № 7, стр. 284—294; № 8, стр. 383—395; № 9, стр. 10—56; № 10, стр. 161—197.

Малышевскій, И. И. (проф.). Восточные проповѣдники вѣры и современные имъ мученики въ Галліи въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ II в. Тр. Кіев. Дух. Ак. № 7, стр. 375—407.

Малышевскій, И. И. (проф.). Свв. Людмила и Вячеславъ (Рѣчь въ общ.собр. Кіев. Слав. Благотв. Общ.). Тр. Кіев. дух. ак., № 1, 158—169.

Малышевскій, И. И. Св. Іоаннъ Златоустъ въ званіи чтеца, въ санѣ діакона и пресвитера. Тр. Кіев. Дух. Ак., № 10, 161—191.

Никитинъ, А. А. Синагога іудейская, какъ мѣсто общественнаго богослуженія. Тр. Кіевск. Дух. Ак., № 3, стр. 471—482; № 4, стр. 637—673; № 7, стр. 442—457; № 8, стр. 565—606; № 9, стр. 62—80; № 11, стр. 439—480; № 12, стр. 611—643.

Никитинъ, А. Фарисеи и саддукеи и отношеніе ихъ къ христіанству въ апостольскій вѣкъ. Чт. въ Общ. люб. дух. просв., № 3, стр. 390—424.

О—въ, Ст. Гоненіе на христіанъ въ царствованіе Коммода. Прав. Обоз., № 11—12. стр. 697—705.

О—въ, С. Христіанство въ Западной Европѣ въ послѣднее стол. (1788—1888). Чт. въ Общ. люб. дух. пр., № 8, стр. 230—246 (Извл. изъ соч. Селля: „Aus d. Gesch. d. Christenthums Barmst. 1888).

Остроумовъ, А. Очеркъ прав. церк. права. Положеніе церк. права на Востокѣ до пад. Виз. Прилож. къ ж. В. и Р. къ № 22, со стр. 53—64; къ № 23, 65—80.

Т. П. Исторія Силоама и его значеніе. Чт. въ Общ. люб. дух. просв. № 8, стр. 143—200.

Пальмовъ, И. (проф.). Цареградскій патріархъ Фотій и его отношеніе къ современному ему славянству. Стр.. № 12, стр. 586—617.

Петръ, архим. Состояніе Западной церкви въ первой половинѣ XV в. Приб. къ изд. Твор. св. Отцевъ, № 1, стр. 206—215; № 3, стр. 129—141.

Горскій-Платоновъ, П. (проф.). Вторая книга „Исходъ" въ перев. и съ объясненіями. В. и Р., отд. I (церк.). № 1, стр. 16—34; № 3, стр. 115—133; № 5, стр. 253—273; № 7, стр. 373—397; № 9, стр. 513—531; № 11, стр. 625—651; № 14, стр. 57—72; № 17, стр. 269—282; № 18, стр. 337—357; № 21, стр. 534—554, № 22, стр. 579—597; № 24, стр. 707—721.

Покровскій, Ѳ. Я. (доц.). По поводу возраженій современной критики противъ существованія Моисеева закона ранѣе древнѣйшихъ пророковъ-писателей (Рѣчь, произн. на год. актѣ Кіевской дух. ак., 1889 г.). Труды Кіевской духовн. ак., № 1, стр. 61—98.

Поповичъ, К. Патріархъ іерусалимскій Софроній, какъ богословъ, проповѣдникъ и пѣснописецъ. Тр. Кіев. Дух. Ак., № 8, 503—544; № 9, 3—42.

Похв. слово св. вlк. Димитрію Солунскому, изд. (въ греч. подл. и съ р. пер.) Чт. въ Общ. л. др. просв. Прил. къ № 1 (стр. 1—13).

Предтеченскій. С. Развитіе вліянія папскаго престола на дѣла западн. церквей до конца IX в. Пр. Соб., № 9, стр. 98—160. № 10, стр. 226—294. № 12, стр. 89—139.

Пѣвницкій, В. В. Къ исторіи древней христіанской проповѣди. Проповѣдь на лат. Западѣ въ первые три вѣка христіанства. Т. К. д. ак., № 7, стр. 335—374.

Розовъ, А. В. Христіанская Нубія (прод. съ 1889 г.). Труды Кіевской дух. акад. № 2, стр. 315—362; № 3, стр. 395—457; № 4, стр. 591—636; № 5, стр. 92—151; № 6, стр. 234—279.

Садовъ, А. Теологія Секста Проперція (Оч. изъ религіозной исторіи Рима). Хр. Чт. № 7—8, стр. 175—186.

Соколовъ, В. Обрѣзаніе у евреевъ. Прав. Соб. № 2, стр. 231—292. № 3, стр. 397—414. № 4, стр. 464—502. № 7, стр. 237—283. № 8, стр. 338—372. № 9, стр. 71—97. № 10, стр. 212—225.

Спасскій, А. Гусъ и Виклефъ. Чт. въ Общ. люб. дух. просв. № 7, стр. 70—142.

Стояновъ, Т. Тысячелѣтняя годовщина со времени блаж. кончины Константиноп. патріарха Фотія. В. и Р., отд. 1. № 19, стр. 413—442.

Стуковъ, Ѳ. Лютеранскій догматъ объ оправданіи вѣрою. (Историко-критическій очеркъ). Прав. Соб. № 3, стр. 363—396. № 7, стр. 208—236. № 8, стр. 322—337. № 9, стр. 57—70. № 10, стр. 198—211.

П. А. Сырку. Греко-болгарскій церковный вопросъ. Журн. Мин. Нар. Просв., августъ, стр. 380—402.

Терновскій, С. Праздникъ кущей у евреевъ. (Рѣчь въ год. собр. Каз. д. акад.). Пр. Собес. № 11, стр. 334—360.

С. Уманецъ. Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ Исламѣ. Спб. 1890. Историч. Вѣст., іюнь, 668—673. Ст. А. Баязитова.

Фарраръ, Ф. въ перев. А. П. Лопухина. Вселенскіе отцы церкви (изъ новаго сочиненія Фаррара). (Свв. Григорій и Василій Вел.) Странникъ, № 1, стр. 3—13. № 2, стр. 155—169. № 3, стр. 341—357. № 4, стр. 513—530. № 5, стр. 3—27.

С. Шестаковъ. Іоаннъ, ректоръ въ церковной исторіи Евагрія. Уч. Зап. Имп. Казан. Унив., сент. и окт., 97—132.

Статьи по русской исторіи.

1) *Отдѣльные эпизоды, мемуары, воспоминанія и біографіи.*

Аренсъ, Е. И. Изъ плаванія на клиперѣ „Стрѣлокъ" въ 1883—1885 гг. Русс. обозр. 1890 г. іюль, 220—256, августъ, 573—620, сентябрь, 53—107.

Е. В. Барсовъ. Г. Ѳ. Карповъ (некрологъ). Ж. М. Н. П., соврем. лѣтопись, іюнь, стр. 212—215.

Барсуковъ, А. Юрій Александровичъ Головкинъ. Рус. Ст. VII, 222—223.

Де-Вай, бар. Рефератъ о крестѣ, которымъ преп. Сергій благосл. кн. Димитрія Ив. на борьбу съ Мамаемъ, читанный въ Общ. франц. Антикваріевъ (Перев. съ франц.). Т. К. Д. А. № 12, стр. 665—668.

Бергъ. Посмертныя записки. Р. С. II, 293—320.

Вильбасовъ. Тайна противунелѣпаго общества. Р. С. III, 764—774.

Бобриковъ. Изъ записокъ Г. Л. Стренга. На Дунаѣ и подъ Силистріею. Р. С., т. 68, с. 665—678.

Бобриковъ. Участіе Сербіи въ послѣдней войнѣ. Р. В. № 10, стр. 21—46.

К. Бороздинъ. Воспоминанія о Н. Н. Муравьевѣ. И. В., январь, 86—101, февраль, 307—323.

А. И. Браудо. Посланіе Таубе и Крузе къ Герцогу Кетлеру. Ж. М. Н. П., октябрь, стр. 386—395.

А. Брикнеръ. „Зельмира". Эпизодъ изъ исторіи царствованія императрицы Екатерины II. И. В., августъ, 277—303.

А. Г. Брикнеръ. „Екатерина II и Густавъ IV". В. Е., августъ, стр. 783—806, сентябрь, стр. 5—36, октябрь, стр. 480—508.

Булгаковъ. Епископъ Кириллъ Мелитопольскій. Письма къ высокопреосвященному Макарію Булгакову. 1) Р. С., т. 68, стр. 187—208. 2) Р. С., I, 131—142; V, 211—220.

Н. П. Буличъ. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета. Уч. Зап. Имп. Каз. Ун., янв., февр., 1—144, мартъ, апрѣль, 145—276, май, іюнь, 127—244, сент., окт., 133—208.

Бюлеръ. Императрица Марія Ѳеодоровна въ ея письмахъ къ Лафанъ и Палменбахъ. Р. С., VIII, 413—436. Р. С., т. 68, стр. 215—219.

Бюлеръ. Собственноручная записка Екатерины II. Р. С., VI, 672.

А. Быковъ. Новый трудъ по исторіи Екатерины II. Набл., іюнь, 16—29.

Бѣлуха - Кахановскій. Воспоминанія Царскосельскаго Лицеиста IV выпуска, 1820 — 1826. Р. С., III, 833—849.

Паризо де Ла-Валеттъ. Письмо вел. кн. Михаила Павловича къ гр. Ланжерону. Р. С., т. 68, стр. 473—474.

Валуевъ. Замѣтки на записки гр. Муравьева. Р. С., III, 857—863.

В. Г. Васильевскій и баронъ В. Розенъ. Иванъ Павловичъ Минаевъ (некрологъ). Ж. М. Н. П., іюль, соврем. лѣтопись, стр. 36—40.

А. И. Введенскій. Научная дѣятельность М. И. Владиславлева. Ж. М. Н. П., соврем. лѣтопись, іюнь, стр. 181—211.

Лидерсъ-Веймарнъ. Осажденный Севастополь, въ письмахъ убитаго офицера Комстадіусе. Р. С., IV, 85—105.

Висковатовъ. Князь Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ. Письма къ Кякинскому и послѣдніе годы жизни. Р. С., VI, 702—705.

ства эшафота и позорнаго столба около 1831 г. Р. С, VII, 219.

Сидорскій. Ефимъ Михайловичъ Крыжановскій. Р. С., VI, 717—726.

Слѣпцова Жозефина. Воспоминанія о Василіи Алексѣевичѣ Слѣпцовѣ. Р. С., I, 233—241.

Слѣпцовъ. Къ разсказу „Случай въ Петербургѣ“ въ 1848 г. Р. С. т. 68, с. 228.

Соболевскій А. И. проф. „Память и похвала“ св. Владиміру и „Сказаніе“ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ (по поводу статьи г. Левитскаго). Хр. Чт. № 5—6, стр. 791—804.

П. Соколовскій. Къ вопросу о состояніи промышленности въ Россіи въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII столѣтія. Учен. Зап. Имп. Казанск. Унив., май, іюнь, 1—58.

Степановъ. Воспом. Москва въ1812 г., занятая Французами. Р.С. I, 105—114.

В. Стороже въ. Десятни, какъ источникъ для изученія исторіи русскаго провинціальнаго дворянства въ XVI и XVII вв. Историко-юридическая замѣтка. Ю. В., мартъ, 487—497.

В. Н. Стороже въ. Къ исторіи политическихъ и религіозныхъ процессовъ въ Россіи. Ю. В., сент., 170—171.

Струковъ. Штуденты домашніе наставники въ 1712 г. Р. С., V, 347—350,

Студенкинъ. Графы Бобринскіе. Р.С. IV, 221—227.

Студенкинъ. Императоръ Николай Павловичъ въ присутственныхъ мѣстахъ Петербурга. Р. С., IV, 167—170.

Суворовъ Ал. Вас. Два письма его къ Потемкину и одно къ Державину. Р. С., IV, 133—136.

Суворовъ. Челобитная устюжскихъ земскихъ людей патріарху Адріану на архіепископа Велико-Устюжскаго Александра 1696 г. Р. С., т. 68, с. 438—442.

Сугорскій. Сношенія съ Персіей при Годуновѣ. Р. В., № 10, стр. 105—124.

Ѳ. И. Успенскій. Патріархъ Іоаннъ VII Грамматикъ и Русь-Дромиты у Симеона Магистра. Ж. М. Н. П., янв., стр. 1—34.

А. Н. Филипповъ. О цѣляхъ наказанія по узаконеніямъ петровскаго царствованія. Ю. В., май — іюнь, 3—41.

М. Филипповъ. Россія и нѣмецкія державы въ 1840—1860 годахъ. И. В., февраль, 374—405.

Философовъ, Сиверсъ и Проворовъ. — Александръ Клеоникович Ушаковъ. Рус. Ст., т. 68, с. 541—545 и 702.

А. Чебышевъ. Николевъ. Историколитер. очеркъ. Фил. Зап. III, 1—34.

Чумаковъ. Лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ 1803—1862 г. Р. С., II, 341—370.

Шильдеръ. Вступленіе на престолъ императора Николая I въ запискахъ Г. Л. Михайловскаго-Данилевскаго. Р. С., т. 68, с. 489—534.

Шильдеръ. Двѣ характеристики русскихъ генераловъ 18 и 19 ст., сдѣланныя Минихомъ и Киселевымъ. Р. С. I, 115—124.

Шильдеръ. Записки Грязева. Р. В., II, 238—255. III, 208—235. VI, 115—157.

Шильдеръ. Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. Р. В. №10, стр. 78—104.

Шильдеръ. Россія въ отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе Александра I, гл. III. Р. С., I, 143—221.

Шильдеръ. Эпизодъ изъ Аустерлицкаго боя. Р. С., т. 68, с. 209—214.

Е. Ф. Юнге. Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. К. С., № 1, стр. 22—34.

Юрловъ. Пожары въ Симбирскѣ въ 1864 г. Къ запискамъ сенатора Дена. Р. С., т. 68, с. 481—484.

А. Ясинскаго. Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ. К. У. И., № 1, ч. 2, стр. I—IV, 209—259.

2) *Исторія ученыхъ и учебныхъ учрежденій, ученыхъ съѣздовъ и образованія.*

Андреевскій. Губернскія ученыя архивныя коммиссіи въ 1889 г. Р. С., т. 68, с. 551—574.

Д. Анучинъ. Къ исторіи Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома и Павловскаго кадетскаго корпуса. И. В., сентябрь, 613—520.

Брайловскій С. Очерки изъ исторіи просвѣщенія въ Московской Руси въ XVII в. Чт. въ Общ. люб. дух. просв, № 3, стр. 425—450; № 9, стр. 361—405.

Н. В. Духовная школа при Николо-Перервинскомъ монастырѣ 1775—1890 гг. Чт. въ О. Л. д. пр. № 10, с. 195—251.

Н. Вессель. Начальное образованіе и народныя училища въ Западной Европѣ и въ Россіи. Р. Ш., февраль, 20—41, май, 9—31, сентябрь, 20—42.

Восьмой Археологическій Съѣздъ въ Москвѣ Члена Съѣзда. П. О., № 3, стр. 553—578.

Голубевъ. С. Т. Кіево-могилянская коллегія при жизни своего фундато-

ра, кіевск. митр. Петра Могилы (Рѣчь на актѣ Кіевск. Дух. Ак.). Т. К. Д. А. № 12, стр. 535—557.

М. А. Д. Полтавскій кадетскій корпусъ въ первые годы его существованія. И. В., ноябрь, 444—476.

Императорская Академія Наукъ въ 1889 году. Ж. М. Н. П., февр., соврем. Лѣтопись, стр. 49 -91 (Отчетъ историко - филологическаго отдѣленія, стр. 70—78).

Императорское Московское Археологическое Общество въ 1889 году. Ж. М. Н. П., соврем. Лѣтопись, іюль, стр. 1—9.

Императорское Русское Историческое Общество въ 1889 году. Ж. М. Н. П., апр., соврем. Лѣтопись, стр. 25—32.

Корсунскій И. Наша общеобразовательная школа. Д. Ч. № 8, стр. 425—428. № 9, стр. 49—73, № 10. стр. 208—221, № 11, стр. 339—358, № 12, стр. 520—533.

Миклашевскій. Петровская сельскохозяйственная академія въ 1865 xi/21, 1890 гг. Р. С., т. 68, с. 546—550.

Петровъ, Н. И. (проф.). Отчеты и извѣстія церк.-арх. Общества при Кіевской Духовной Академіи. Тр. К. Д. А., № 3, с. 522—526, № 7, стр. 469—502; № 8, с. 362—364; № 10, с. 326—328.

Пятидесятилѣтіе Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Ж. М. Н. П., январь, совр. лѣтопись, стр. 1—4.

С. Т—въ. Съѣздъ археологовъ въ Москвѣ. И. В., мартъ, 667—673.

Учебный планъ преподаванія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ исторіи, примѣрная программа исторіи и объяснительная записка къ учебному плану исторіи. Ж. М. Н. П., декабрь, въ отдѣлѣ „Правител. распоряж.", стр. 149—189.

Д. Цвѣтаевъ. Къ исторіи культуры въ Россіи въ XVI и XVII вв. Ф. З., I, 1—20.

Цвѣтаевъ, Д. В. Первыя нѣмецкія школы въ Москвѣ. П. О., № 5—6. стр. 121—142.

Е. В. Шмурло. Восьмой археологич. съѣздъ. Ж. М. Н. П. Совр. лѣтоп., май, стр. 1—47; іюнь, стр. 83—146.

И. П. Щелковъ. Изъ исторіи Харьковскаго университета. Ж. М. Н. П., окт., стр. 358—385.

3) *Исторія литературы.*

Автобіографическая „сказка" малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго. Сообщилъ О. И. Левицкій. К. С., № 9, стр. 477—85.

П. Владиміровъ (проф.). Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя. Письмо Н. В. Гоголя 1827 г. къ Г. И. Высоцкому и предполагаемый портр. Гоголя-студента. К. У. И., № 5, ч. 2, стр. 1—46.

А. В—въ. С. Т. Аксаковъ о Гоголѣ. В. Е. сентябрь, стр. 341—352.

О. Герасимовъ. Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ. В. ф. и п., кн. 3, 1—44.

И. П. Житецкій. Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго. К. С., № 6, стр. 494—532.

С. Н. К. Воспоминанія о М. Е. Салтыковѣ. И. В., ноябрь, 318—342; декабрь, 603—631.

Н. М. Кибальчичъ. Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ. К. С., № 2, стр. 175—184.

А. Кирпичниковъ. Былыя знаменитости русской литературы. II. Антоній Погорѣльскій. И. В., октябрь, 45—82.

В. И. Модестовъ. Русская наука въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Р. М., май, 73—91.

А. Н. Пыпинъ. Грибоѣдовъ (историческія замѣтки). В. Е., январь, с. 185—225.

Павлищевъ, Л. И. Изъ Семейныхъ воспоминаній о Пушкинѣ Р. О., сентябрь, с. 158—186.

С. Ш. Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности В. Р. Зотова. И. В., ноябрь, 505—513.

Розановъ. Важнѣйшія теченія русской философской мысли. В. ф. и п., кн. 3, 1—36.

В. И. Семевскій. Н. Д. Хвощинская-Заіончковская. Р. М., октябрь, 49—89.

А. Скабичевскій. Н. А. Добролюбовъ въ своей перепискѣ. С. В., ноябрь, 163—187.

С. Трубачевъ. Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности А. Θ. Бычкова. И. В., ноябрь, 477—487.

Фетъ. Воспоминанія о Боткинѣ, Тургеневѣ, графѣ Толстомъ. Р. О., № 1, стр. 7—72; № 2, стр. 463—514, № 3, стр. 5—44; № 4, стр. 479—506. № 5, стр. 49—68, № 7, стр. 6—29, № 8, стр. 451—470.

В. Чуйко. Старое и новое славянофильство. Наблюдатель, январь, 42—67; февраль, 145—181; мартъ, 90—107.

Шенрокъ. Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры (1829—1831). В. Е., іюль, стр. 248—272 и авг., стр. 487—521.

В. Шенрокъ. Н. В. Гоголь и А. С.

Данилевскій. В. Е., январь, стр. 71—119 и февраль, стр. 563—620.

Н. В. Шугуровъ. Илья Ивановичъ Квитка, неизвѣстный писатель конца прошлаго и начала текущаго стол. К. С., 1890, № 3, стр. 441—453.

Д. Языковъ. Учено - литературная дѣятельность Н. С. Тихонравова. Р. М., 90—102.

4) Областная исторія.

Бороздинъ. Лезгинское возстаніе въ Кахетіи 1863 г. (Личныя воспоминанія). Р. В., VII, 51—77; IX, 172—192.

Буцинскій, П. (проф.). Открытіе Тобольской епархіи и первый Тобольскій архіепископъ Кипріанъ. В. и Р., отд. 1, № 21, стр. 555—578; № 23, стр. 639—672.

А. А. Востоковъ. Посольство Шакловитаго къ Мазепѣ въ 1688 г. К. С., № 5, стр. 199—226.

А. А. Востоковъ. Судьба Выговскихъ и Ивана Нечая. К. С., № 1, стр. 35—46.

Вояжъ по Малой Россіи г. генерала отъ инфантеріи Беклешова. К. С., № 3, стр. 457—463.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI вѣка. Историко-статистич. очеркъ. К. У. И., № 2, ч. 2, стр. 1—33.

М. Довнаръ-Запольскій. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до начала XIII стол. К. У. И., № 11, стр. 1—62; № 12, стр. 63—98.

Дубасовъ, И. И. Изъ исторіи инородческаго землевладѣнія въ Россіи. Р. О. 1890 г., мартъ, 252—266.

Дубасовъ, И. И. Изъ окраинно-русской бытовой исторіи XVII в. Р. О. 1890 г., іюнь, 750—64.

Г. В. Есиповъ. Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г. К. С. № 11, стр. 175—194; № 12, стр. 391—411.

А. Я. Ефименко. Бѣдствія евреевъ южной Руси XVII в. К. С. № 6, с. 307—409.

Ивановъ. Русская колонизація въ Туркестанскомъ краѣ. Р. В., № 11, стр. 226—244.

Н. Колюпановъ. Административное и судебное устройство царства польскаго отъ конституціи 1815 года до реформы 1864 г. Ю. В., окт., 175—191; ноябрь, 335—358.

Н. Кутейниковъ. Изъ историческихъ судебъ западнаго края. И. В., февраль, 406—429.

А. Л. Генеральный писарь Андрей Безбородко. К. С., № 1, стр. 135—140.

А. Л. „Голосъ Малороссіи“ конца XVIII вѣка (стихи по поводу назначенія Кречетникова малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. К. С., 1890, № 3, стр. 454—7.

А. Л. Михайло Бороховичъ, гадяцкій полковникъ. 1687—1704. Къ портр. К. С., № 3, стр. 527—531.

А. Л. Тепловка. Страница изъ исторіи стараго Батурина. К. С., № 12, стр. 337—345.

И. Линниченко. Брачные разводы въ древней Польшѣ и юговападной Руси. Ю. В., дек., 503—528.

И. Лучицкій. Займанщина и формы займочнаго владѣнія въ Малороссіи. Ю. В., мартъ, 391—424.

А. Н. М. Двадцатипятилѣтіе взятія Ташкента. Р. В., IV, 210—252.

Маминъ. Варнаки. Р. С., II, 540—550.

А. И. Маркевичъ. Марковичи. К. Ст. № 10, приложеніе, стр. 1—32; № 11, прилож., стр. 33—55.

Матеріалы для исторіи Олонецкаго края, Х. Ч. № 7—8, стр. 252—255; №9—10, стр. 525—527 (письма 1804—1812).

Миронъ. Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г. К. С., № 4, стр. 101—120.

Ц. Г. Нейманъ. Люди старой Брацлавщины. К. С., № 8, стр. 264—281.

Н. Оглоблинъ. Женскій вопросъ въ Сибири въ XVIII вѣкѣ. И. В., іюль, 190—207.

Н. Оглоблинъ. Смутное время въ городѣ Ольшанскѣ. И. В., августъ, 428—444.

Парвовъ, П. Религіозное состояніе Лифляндіи при императорѣ Николаѣ I. Хр. Чт. № 5—6, стр. 753—790.

Поповъ. Остятскіе князья. Р. С., т. 68, стр. 457—460.

Проф. А. А. Потебня. Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. К. С., № 1, стр. 91—94.

Рѣпинскій. Городъ Оленскъ въ Сибири. Р. С., IV, 72.

Семевскій. 25-лѣтіе взятія Ташкента. Р. С., VI, 661—671.

Снѣжневскій. Къ исторіи Запорожскаго бунта. Р. С., III, 790—796; IV, 107—119.

Н. В. Стороженко. Полковникъ прилуцкій Иванъ и бунчуковый товарищъ Григорій Стороженки (къ портретамъ). К. С., № 4, стр. 167—173.

Н. В. Стороженко. Полуборокъ или

Свѣчка? (Эпизодъ изъ исторіи малороссійскаго землевладѣнія второй половины XVII вѣка). К. С., № 12, стр. 434—447.

Ив. В. Теличенко. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи. К. С., № 8, стр. 161—191, № 9, стр. 390—419, № 10, стр. 94—122, № 11, стр. 251—272, № 12, стр. 471—493.

И. П. Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе (продолженіе). Ж. М. Н. П., январь, стр. 95—135, февр., стр. 253—302, мартъ (окончаніе), стр. 119—168.

Е. Чешихинъ. Движеніе лифляндскихъ крестьянъ въ 1845 г. Наблюдатель, январь, 204—239, февраль, 275—298, мартъ, 335—348, апрѣль, 187—192.

Я. Ш. Павелъ Полуботовъ, полковникъ черниговскій (1705—1724). К. С., № 12, стр. 522—538.

Я. Н. Шульгинъ. Очеркъ Коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1868 и ближайшихъ гг. К. С., № 2, стр. 185—220, № 3, стр. 381—418, № 4, 22—52, № 5, 255—306, № 6, 406—426, № 7, 1—21, № 8, 192—223.

Н. М. Ядринцевъ. Прошлое и настоящее монголовъ. Р. М., мартъ, 80—93.

5) Исторія церкви.

Н. И. Барсовъ. Какъ училъ о крестномъ знаменіи святѣйшій Іовъ, патріархъ Московскій и всея Руси? По поводу книги преосвященнаго Никанора: „Бесѣда о перстосложеніи". Спб. 1890. Ж. М. Н. П., декабрь, стр. 376—377.

Г. Воскресенскій. Голосъ перваго русскаго естествоиспытателя объ отношеніи естествознанія къ религіи. Д. Чт., № 11, стр. 442—451, № 12, стр. 485—491.

А. Г—въ. Судьба Евангелія учительнаго Кирилла Транквиліона-Ставровецкаго. Чт. въ Общ. люб. дух. просв., № 4, стр. 535—575.

Григорій архим. Первоначальникъ и основатель Бѣлобережской пустыни. Схимонахъ Симеонъ. Душеп. Чт., № 6, стр. 142—148.

П. Громовъ. Преобразовательная дѣятельность Петра В. по церковному управленію въ Россіи. В. и Р., отд. 1. № 22, стр. 598—638.

К. А. Докучаевъ-Басковъ. Подвижники и монастыри крайняго сѣвера. Хр. Чт., № 1—2, стр. 239—278, № 7—8, стр. 239—251, № 11—12, стр. 787—814.

В. З. Завитневичъ (доц.). Къ вопросу о годѣ рукоположенія въ кіевскіе митрополиты св. Макарія и о мѣстѣ его мученической кончины. Труды кіевской дух. акад., № 1, стр. 149—157.

Н. Каптеревъ. Сношенія іерус. патр. Досиѳея съ русск. правительствомъ (1669—1707). Чт. въ общ. л. д. пр., № 11—12, стр. 511—596. Правосл. Обозр., № 9, стр. 134—189. Эта статья *начата была* печатаніемъ въ Прав. Обозр.; въ Чтеніяхъ она опять печатается съ начала, безъ всякой, однако оговорки.

И. Корсунскій. Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣдн. дѣятельности митр. Филарета (Дроздова) (прод.). В. и Р., отд. 1, № 5, стр. 274—298, № 10, стр. 587—611, № 13, стр. 1—28.

И. Корсунскій. Труды Московской Духовной Академіи по переводу Св. Писанія и твореній св. отцовъ на русскій языкъ, 1814—1889 г. Приб. къ изд. Твор. св. Отцовъ, № 2, стр. 217—240.

Къ исторіи русской богословской мысли 30-хъ годовъ тек. стол.: изъ переписки братьевъ Ш.-Шихматовыхъ. Хр. Чт., № 1—2. стр. 76—113, № 3—4, стр. 313—333, № 5—6, стр. 596—625, № 7—8, стр. 3—64.

Н. Лавровъ. Матеріалы для исторіи русской церкви. Молитвца ц. Ивана Вас. Гр. предъ взятіемъ Казани. Прощ. ц. Алексія М. предъ кончиной. Гробница Матвѣева, или изображеніе смерти незабвеннаго сына отечества (ркп. XVIII в.). Чт. въ Общ. л. д. пр., отд. 3, № 11—12. стр. 267—275.

Проф. Амф. С. Лебедевъ. О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи бѣлогородской съ суевѣріями. К. С., № 1, стр. 1—21.

Н. Левитскій. Нѣсколько данныхъ касательно нѣкоторыхъ сочиненій первыхъ расколоучителей объ антихристѣ. (По поводу матеріаловъ, изданныхъ г. Бороздинымъ и проф. Субботинымъ). Хр. Чт., № 11—12, стр. 695—738.

Ф. М. Оч. ист. распростр. христіанства среди Тунгусовъ и Якутовъ. Чт. въ Общ. л. д. пр., отд. 2, № 7, стр. 229—262.

N. Замѣтка по поводу ст. г. Е. Лебедева „Неточности касат. преемства

нынѣшней каѳедры московской". Хр. Чт., № 1—2, стр. 237—238.

Н. Къ вопросу о приведеніи раскольниковъ къ присягѣ. (Историческая справка). Хр. Чт., № 7—8, стр. 65—95.

Никаноръ архіеп. Бесѣда о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Странн., № 1, стр. 15—48, № 2, стр. 170—205, № 3, стр. 358—402.

П. Докторскій диспутъ по русской исторіи (диспутъ проф. Цвѣтаева). Пр. Об., № 11—12, стр. 775—780.

А. С. Павловъ. Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка. Ж. М. Н. П., окт., стр. 275—300.

Ѳ. П—кій. Движеніе эстовъ и латышей въ православіе въ 1845—49 гг. По поводу VII т. Соч. Ю. Ѳ. Самарина. Пр. Об., № 5—6, стр. 236—258.

А. И. Пономаревъ (проф.). Славянорусскій прологъ въ его церк.-просвѣт. и нар.-литер. значеніи (рѣчь на актѣ Спб. д. ак.). Хр. Чт., № 3—4, стр. 527—568, № 5—6, стр. 574—595.

М. Г. Поповъ. Матеріалы для исторіи патріарха московскаго Питирима. Хр. Чт., № 9—10, стр, 489—523.

М. Путинцевъ (прот.). Алтайскій миссіонеръ іеромонахъ Дометіанъ. Душеп. Чт., № 5, стр. 23—30, № 6, стр. 149—156, № 7, стр. 260—267.

А. Титовъ. Матеріалы для исторіи русской церкви. (Тверскіе епископы. Ростовская іерархія. Рязанскіе епископы). Чт. въ Общ. л. д. пр., отд. 3, № 3, стр. 7—63, № 5—6, 65—139, № 9, стр. 177—193.

М. Толстой гр. Святые властители русской земли. Душесп. Чт., № 3, № 4, № 5, стр. 40—47, № 6, стр. 125—132.

Рецензіи на историческія сочиненія.

Абаза. Очерки изъ исторіи и стародавняго быта. Казаки: Донцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы. Реценз. Р. В., № 11, ст. 313—315.

Я. В. Абрамовъ. Что сдѣлало земство и что оно дѣлаетъ? 1889 г. Н., январь, 24—25.

Адріановъ. Греческіе и римскіе писатели, читаемые въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. I. Цицеронъ. Кіевъ 1889. Ж. М. Н. П., янв., и наша учебная литература, стр. 18—20.

Акты Московскаго государства, изданные подъ редакціею Н. А. Попова. Томъ I разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571—1634. С.-Пб. 1890. Ж. М. Н. П., іюль, стр. 189. Рец. Ред. Р. С. VIII (обертка).

Акты, относящіеся до гражданской расправы древней Россіи, собралъ А. Ѳедотовъ-Чеховскій. Кіевъ, 1863, 2 тома. Рец. Н. Д. Чечулина. Ж. М. Н. П., окт., стр. 396—403.

Аландскій. Исторія Греціи. Кіевъ. 1885. Рец. Ѳ. Г. Мищенка въ Учен. Зап. Имп. Казанск. Унив., янв.-февр.

В. Александренко. Англійскій тайный совѣтъ и его исторія. Томъ I. Часть I. Отъ начала XIII ст. до смерти Генриха VIII. 1888. Часть II (1547—1649). 1890. Рец. Н. М. Коркунова. Ж. М. Н. П., дек., стр. 237—243. 365—374. И. В., октябрь, Рец. В. Латкина.

Андреевъ и Невѣдомскій. Всеобщая исторія Георга Вебера. Рецензія П. Безобразова, Р. О., 1890 г., мартъ, 472—478.

Андріевичъ. Сибирь въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Ч. I и II. 1) В. Е., май, с. 395—399. 2) Р. М., августъ, 360—361.

Н. Ардашевъ. Регламентъ вотчинной коллегіи въ проектахъ 1723, 1732 и 1840 годахъ. Москва. 1890. И. В., августъ, 454—456. Рец. В. Латкина.

Арандаренко. Досуги въ Туркестанѣ. Рец. кн. Ухтомскаго, Р. О., № 8, ст. 889—898.

Аркадьевъ. Словарь Библіофичес. т. е. словъ, касающихся книжнаго и печатнаго дѣла. Рец. Ред. Р. С., IX, обертка.

Архангельскій. Мухамеданская космогонія. Рец. к. Ухтомскаго. Р. О., № 10, стр. 945—951.

Архивъ князя Воронцова. Книга 36. Москва. 1890. И. В., апрѣль, 221—223. Рец. В. М.

1) Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый коммиссіею для разбора др. актовъ и проч. Кіевъ. 1888.

2) Стороженко. Н. В. Западно-русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. Кіевъ. 1888. Рецензія (общая) Ив. Новицкаго, К. С., № 5, стр. 382—386.

А. И. Барбашевъ. Торнскій миръ (1411 г.). Ж. М. Н. П., ноябрь, стр. 80—104.

Барсовъ. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. Т. III. М. 1890 г. Р. М., апрѣль, 164—166. 2) Рец. ред. Р. С., VII, обертка.

Барсуковъ. Бѣлоруссія и Литва. В. Е., май, стр. 392—395.

Барсуковъ Н. Жизнь и труды По-

година; кн. III. Р. В. Рец. А. М., III, 270—279. 2) И. В., май, 465—6. Рец Б. Г-скаго. 3) В. Е., февраль (библіограф. листокъ) и мартъ, 429—30. 4) Рец. К. Н. Бестужева-Рюмина. Ж. М. Н. П., мартъ, 233—8. 5) С. В., августъ, 111—3.

П. Батюшковъ. Бѣлоруссія и Литва. Спб. 1890 г. Р. М., августъ, 368—369.

П. Безобразовъ. Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселъ. М. 1890 г. Р. М., май, 202—207. 2) Н., апрѣль, 21—4.

К. Ф. Беккеръ. Древняя исторія. Ч. I. Спб. 1890. Н., іюль, 31—32. 2) И. В., мартъ, 621—2. Рец. С. 3) Р. М., мартъ, 133—4.

Э. Берендтсъ. Государственное хозяйство Швеціи. Ч. I. Спб. 1890 г. С. В., октябрь, 90—91.

С. А. Бершадскій. Шауль-Юдичъ Валь изъ Бреста Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. Историч. легенда. Спб. 1889. Рецензія И. Каманина. К. С., № 6, стр. 565—569.

Біографія Ал. Ив. Кошелева. Рец. ред. Р. С., III (обертка). 2) Рец. К. Н. Бестужева-Рюмина. Ж. М. Н. П., мартъ, 169—82.

Бильбасовъ. Исторія Екатерины II. томъ I. Реценз. 1) Безобразова Р. О., 1890, № 2, стр. 935—937. 2) И. В., мартъ, 679—683. Рец. Полеваго. 3) Рец. Мих. Семевскаго, Р. С., II. 595—9. 4) Рец. К. Н. Бестужева Рюмина. Ж. М. Н. П., апр., 379—84. 5) Р. М., іюнь, 256—8.

Гр. Александръ Бобринскій. Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской Имперіи. 2 ч. Спб. 1890. Рецензія М., К. С., № 4, стр. 189—190.

П. Бобровскій. Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Спб. 1890. 1) И. В., іюль, 214—218. Рец. Н. С. К. 2) Ж. М. Н. П., мартъ, 261—2. 3) Рец. М. О. Кояловича. Ж. М. Н. П., іюнь, 295—363. 4) Рец. Арк. Л—нко, К. С., № 4, 180—2.

Бойезенъ. Краткое руководство по греческимъ древностямъ. Перевелъ со второго нѣмецкаго изданія, обработаннаго Эмиліемъ Санто, К. Зембергъ. Рига. 1890. Ж. М. Н. П., авг., наша учебная литература, стр. 74—75.

Г. Борепіусъ. Акты для выясненія политическаго положенія Великаго Княжества Финляндскаго. Гельсингфорсъ. 1890. И. В., сент., 682—685. Рец. В. Латкина.

Борисъ Архимандритъ. Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніи къ древней греко-римской образованности. Пер. II (313—529). Казань. 1890, Библіогр. замѣтка, Z, Тр. К. Д. Ак. № 5, стр. 152—164. И. В. сент., 685—87. Рец. С. А—ва.

С. Браиловскій. Каріонъ Истоминъ (Жизнь его и сочиненія). М. 1889. С. Браиловскій. Очерки изъ исторіи просвѣщенія въ Московской Руси въ XVII вѣкѣ. М. 1890. Ж. М. Н. П., іюль, стр. 188—189.

Джемсъ Брайсъ. Американская республика. Ч. I.—Національное правительство. Ч. II.—Правительство штатовъ. Москва. 1890. Переводъ В. Невѣдомскаго. И. В., декабрь, 814—817. Рец. А. К. 2) Р. Б. апр., 167. іюль, 143. 3) Н. дек., 18—20. 4) Рец. В. Н. Сторожева. Ю. В. апр. 5) Н. май. 17—18. 6) ч. III. Рец. В. С—ва. Ю. В. нояб. 475—9.

Брамсонъ. Краткіе очерки классической миѳологіи для учащихся обоего пола. Кіевъ, 1889 г. Р. М. окт. 487—488.

Брикнеръ. Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина т. II. Замѣтка В. Е. Іюнь, (библіограф. лист.).

Георгъ Бузольтъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Перев. студ. харьк. Ун. Харьковъ. 1890 г. Р. Ш. окт., 159. Замѣтка Н. Карѣева, 2) Рец. Ѳ. Г. Мищенко. Ж. М. Н. П, дек., 329—36. 3) И. В. нояб., 535—7. Рец. А. Н. Д—р—а.

Ѳ. Булгаковъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Т. I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Спб. 1890. И. В. іюль, 213—214. Рец. В. М. 2) Р. В. VI. 287—290. 3) Рец. И. Ж., К. С. 7, стр. 155—8. 4) В. Е. іюнь с. 822—830.

С. А. Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Вып. I, 1578—1613 гг. М. 1889. Статья Н. И. Веселовскаго Ж. М. Н. П., февр., стр. 367—385.

Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Издано П. Н. Батюшковымъ. Спб. 1890. Рецензія Ив. Новицкаго, К. С., № 6, стр. 558—565. 2) Рец. П. А. В. Ж. М. Н. П., мартъ, стр. 257—60.

П. Вахрамѣевъ. Городъ Любимъ и упраздненныя обители въ Любимѣ и его уѣздѣ. Москва. 1890. И. В, сент., 692—694. Рец. А. К.

Веберъ. Всеобщая исторія т. XII, перевода Андреева и Невѣдомскаго. 1) Рец. Безобразова. Р. О., № 3, стр.

472—478. 2) И. В., авг., 458—9. Рец. А. К. 3) Н., апр., 19—20.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ I. Спб. 1886—1889. Рецензія А. О. К., Ж. М. Н. П., февр., стр. 346—352.

Веселаго. Общій морской списокъ. III, IV, V. Царствованіе Екатерины II отъ А. до Ѳ. Рец. ред. Р. С. VIII (обертка).

А. Веселовскій. Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха. Спб. 1889 г. Р. М., іюль, 313—315.

М. И. Веске. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань. 1890. Учен. Зап. Имп. Каз. Унив., май—іюнь.

В. Витевскій. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Казань. 1890. И. В., сен., 690—692. Рец. А. Б—ва. 2). Рец. П. М. М., Ж. М. Н. П., февраль, 361—367. 3). Рец. ред. Р. С., (обертка).

П. Владиміровъ. О житіи Св. Алексія человѣка Божія.—Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888 Ж. М. Н. П., нояб., совр. лѣтоп. стр. 3—8. (Присужденіе Увар. премій).

М. Владимірскій-Будановъ. Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права. Выпускъ I. Помѣстья литовскаго государств. Выпускъ II—черты семейнаго права XVI в. Кіевъ. 1890. И. В., нояб.. 537—540. Рец. В. Б.

Всеобщая исторія. литературы; подъ редакціей сперва В. Корша, затѣмъ А. Кирпичникова. Выпускъ XXIV. Спб. 1890. И. В. ноябрь, 533—535. Рец. В. З.

И. Гарусовъ. Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Спб. 1890. И. В., дек., 820—822. Рец. С. А—ва.

Е. Гаршинъ. Новгородскія древности. Археологическій эскизъ. Спб. 1890. И. В., мартъ, 709—710. Рец. В. М.

Гейсманъ. Славяно-турецкая борьба 1876 г. Рец. Ред. Р. С., I, (обертка).

Генеральный планъ. Императорскаго Воспитательнаго; для приносныхъ дѣтей, Дома и госпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ Москвѣ. Спб. 1889. И. В., янв., 202—203, Рец. В. М.

Георгіевскій. Важность изученія Китая. Р. В., № 11, стр. 315—317.

В. кн. Георгій Михайловичъ. Монеты царствованія императора Николая I. Спб. 1890. Рец. Н. П. Чернева. Ж. М. Н. П., октябрь, стр. 412—416.

Свящ. А. Гиляревскій. Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ Василій Григоровичъ Барскій. М. 1889. Рец. Ив. Новицкаго, К. С., № 2, стр. 359—363.

В. Гошкевичъ. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ. К. 1890. Рец. Н. Б., К. С., № 4, стр. 182—184. 2) Ж. М. Н. П., мартъ, с. 264.

П. Головачевъ. Сибирь въ Екатерининской коммиссіи. Этюдъ по исторіи Сибири XVIII в. М. 1889. И. В., апрѣль, 223—224. Рец. В. Л—на.

А. Головачева-Панаева. Воспоминанія. Спб. 1890. И. В. 694—696. Рец. А. Д.

А. Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты. Спб. 1890. Р. М., октябрь, 465—466.

П. Голубовскій. Половцы въ Венгріи. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1889. Рец. Н. М. К. С., № 3, стр. 571—572.

Горацій. Оды и эподы. Избранныя оды Горація профессоромъ В. Модестовымъ. Спб. 1889. Р. М., окт., 476—477.

Константинъ Гротъ. Изъ исторіи Угріи и Славянства въ XII вѣкѣ (1141—1173). Варшава. 1889. Рец. П. Г., К. С. № 10, стр. 158—165. И. В., январь, 200—202. Рец. А. Б—ва.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI в. Историко-статистическій очеркъ. К. 1890. Рец. П. Г., К. С., № 8, стр. 333—4.

Н. Дашкевичъ. Романтика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада. I. К. 1890. Ж. М. Н. П., сентябрь, стр. 273.

Дверницкій. Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Рец. ред. Р. С., III (обертка).

Деревицкій. Гомерическіе гимны. Харьковъ. 1889. Р. М., сент., 416.

А. Дмитріевъ. Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріал., преимущественно о пермскомъ краѣ. В. I. Древности бывш. Перми Великой. Пермь. 1889. И. В., мартъ, 687—688. Рец. А—ина.

А. Дмитріевъ. Очерки изъ исторіи губернскаго города Перми съ основанія поселенія до 1845 г. Съ приложеніемъ лѣтописи города Перми съ 1845 до 1890 г. Пермь, 1889. Ж. М. Н. П., апр., стр. 472.

Древности сѣверо-западнаго края. Т. I. Вып. 1. Изд. императорской археологической коммиссіи. Спб.

1890. Рец. В. Я., К. С., 1890, № 11, стр. 355—6.

Дубровинъ. Присоединеніе Крыма къ Россіи. Рец. ред., I (на обертке). Р. С.

В. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей. Очерки изъ исторіи политическихъ идей древней Руси. Спб. 1889. И. В., февраль, 452—457. Рец. В. Л—на.

М. Единскій. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, и его литературные труды. К. 1889. Рец. Н. М., К. С., № 1, стр. 164—166.

М. Захарченко. Исторія Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ. К. 1889. И. В., январь, 211. Рец. А. Б—ва.

М. М. Захарченко. Кіевъ теперь и прежде. К. 1888. Рец. Н. М., К. С., № 1, стр. 141—156.

В. Звѣринскій. Матеріалъ для историко-этнографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи. I. Преобразованія старыхъ и учрежденіе новыхъ монастырей съ 1764—95 по 1-е іюля 1890 г. Спб. 1890. Ж. М. Н. П., ноябрь, стр. 245—246.

Г. Зенгеръ. Еврейскій вопросъ въ древнемъ Римѣ. Варшава. 1889. Ж. М. Н. П., февраль, стр. 387.

Зиссерманъ. Фельдмаршалъ князь Барятинскій. Рецевз. Р. В., III, 280—1. Р. М., августъ, 361.

Змѣевъ. Былое врачебной Россіи. Рец. ред. Р. С., VIII (обертка). Р. М., сентябрь, 434—5.

Извѣстія Таврической ученой коммиссіи, подъ ред. Ѳ. Лашкова. Вып. 5, 6, 7, 8, 9 и 10. Рец. Арк. Л—нка. К. С., 1890, № 12, стр. 539—44. Р. М., августъ, 367—8.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительн. примѣчаніями, подъ ред. Л. Георгіевскаго и С. Манштейна. Царское Село. 1890. И. В., декабрь, 824—825. Рец. С. А—ва.

Иловайскій, Д. И. Исторія Россіи, т. III. Рец. П. В. Безобразова. Р. О. 1890, декабрь, 821—937.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей и юбилейный XV томъ его записокъ. Одесса, 1889. И. В., февраль, 457—461. Рец. Д. А—лова.

И. М. Іостъ. Исторія іудейства и его сектъ. К. 1890. С. В., августъ, 113—115.

Историческіе акты XVII столѣтія (1633—1699). Матеріалы для исторіи Сибири. Собралъ и издалъ И. Кузнецовъ. Томскъ. 1890. Ж. М. Н. П., декабрь, стр. 377—378.

И. Каманинъ и М. Истоминъ. Сборн. историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива. К. 1890. Рец. Я. Ш. К. С., № 11, стр. 349—354.

Каринскій. Безконечное Анаксимандра. Рец. Радлова. Р. О., № 9, стр. 471—475. Ж. М. Н. П., дек., стр. 374—6. Рец. С. А. А.

Геннадій Карповъ. Въ защиту Богдана Хмельницкаго. М. 1890. И. В., мартъ, 674—678. Рец. Н. Лихачева.

Н. Карѣевъ. Польскія реформы XVIII в. Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. Спб. 1890. И. В., апр., 217—220. Рец. Б. Г—скаго. Рец. П. В. Безобразова. Р. О. 1890, октябрь, 961. Рец. С. Л. Пташицкаго. Ж. М. Н. П., мартъ, 199—204.

Карѣевъ. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Рец. Безобразова, Р. О. № 4, стр. 909—916. Р. В., апрѣль, стр. 163—6. Б. Е., февраль (въ библіографическомъ листкѣ).

Клетна (Конецъ XVII в.—1889). Историческій очеркъ. Брянскъ. Спб. Ж. М. Н. П., май, стр. 218—219.

Л. Р. Клячко. Еврейская нравственно-поучительная и историческая хрестоматія, въ трехъ частяхъ, съ приложеніемъ словаря къ 1-й части, Варшава, 1890 г. (75—167—48 стр. in 12°). Рец. С. М. Восходъ, авг., отдѣлъ современной лѣтописи, стр. 32—34. Библіографія.

И. А. Козеко. А. А. Титовъ. Лѣтопись Двинская. М. 1889. Ж. М. Н. П., январь, стр. 167—172.

Колосовъ, Вл. Исторія тверской духовной семинаріи. Тверь. 1889. Рец. Г. А., П. О., № 1, стр. 128—161.

А. Кротковъ. Русскій флотъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II съ 1772 по 1783 г. Спб. 1890. И. В., май, 461—462. Рец. А. К.

Колюпановъ. Біографія А. И. Кошелева. В. Е., апрѣль, стр. 867—872. Р. М., май, 200—202.

Е. Крыловъ. Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи. Выпускъ I. Исторія Греціи и Рима. М. 1890. Ж. М. Н. П., сент., „наша учебная литература", стр. 1—8. Р. М., іюль, 332—34.

Кубанское казачье войско. 1696—1888 гг. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ. Изданъ подъ редакціей Е. Д. Фелицына при уча-

стіи Ф. А. Щербины. Воронежъ. 1888. рецензія Н. М. К., С., № 2. стр. 363—365.

И. Кузнецовъ. Древнія могилы Минусинскаго округа. Томскъ. 1889. Ж. М. Н. П., май, стр. 214—215. 2) А. С. Лаппо-Данилевскій. Ж. М. Н. П., октябрь, 419—24.

Юліанъ-Кулаковскій. Философъ Эпикуръ и вновь открытыя его изреченія. С. В., апрѣль, 77—78.

П. Кумской. Историческій вопросникъ, примѣненный къ учебнымъ руководствамъ Белярминова и Иловайскаго. Вып. I. Древняя Исторія. Тифлисъ. 1890. Ж. М. Н. П., сент., „Наша учебная литература", стр. 9—10. Р. М., апрѣль, 180—81.

Куно-Фишеръ. Публичныя лекціи о Шиллерѣ. Москва. 1890, С. В., ноябрь, 103—105.

А. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. I. Полкъ Стародубскій. Кіевъ. 1889. Ж. М. Н. П., нояб., совр. лѣтоп., стр. 8—12 (присужденіе Увар. премій).

Ламе-Флери. Исторія открытія Америки. Спб. 1890. Р. М., сентябрь, 437.

А. Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованія. Спб. 1890. И. В., августъ, 449—455. Рец. В. М. 2) В. Евр. сент. (замѣтка въ библіографическомъ листкѣ). 3) Рец. М. А. Дьяконова. Ж. М. Н. П., авг., 370—80. 4) С. В., окт., 86—88. 5) Ю. В., ноябрь, 462—75. Рец. Сторожева. 6) Р. М., сент., 412—14.

Г. Ласкинъ. Ираклій. Визант. государство въ первой половинѣ VII в. Харьковъ. 1889. Уч. Зап. Имп. Казан. Унив., іюль, августъ.

В. В. Латышевъ. Очеркъ греческихъ древностей. Часть II: богослужебныя и сценическія древности. Спб. 1889. Рец. Н. И. Новосадскаго. Ж. М. Н. П., мартъ, стр. 182—199.

В. В. Латышевъ. 1) Дополненія и поправки къ собранію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго поберeжья Чернаго моря. (Отд. оттискъ изъ „Записокъ Имп. Археол. Общества", т. IV, стр. 120—153. 2) Греческія надписи, найденныя въ 1881—1888 гг. на берегахъ Киммерійскаго Боспора и Херсонеса Таврическаго. Спб. 1890, Рец. Ѳ. Мищенко, К. С, 7. стр. 137—141.

С. Левитскій. Православіе и народность. М. 1880 г. Р. Б., мартъ, 205—207.

Ф. Ленорманъ. Индійцы, арабы, мидяне и персы. Исторія происхожденія и цивилизаціи древняго Востока. Перев. Каманина. Кіевъ. 1890. И. В.. апрѣль, 227. Рец. О. А—ва.

Ѳ. Леонтовичъ. Старый земскій обычай. Одесса. 1889. И. В., мартъ, 697—701. Рец. В. Латкина.

И. Леопардовъ и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древностей, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. I. Кіевъ. 1890. Рец. Н. Б. К. С., № 12, стр. 544—46.

Э. Леру. Словарь Гомеровской миѳологіи и географіи. Перевелъ съ франц. И. Боговскій. Кіевъ 1890. Ж. М. Н. П., авг., „наша учебная литература", стр. 77—78.

Е. Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). Спб. 1890. Ист. В., мартъ, 694—697. Рец. М. С—скій. 2) В. Е. Январь (библіограф. лист.) 3) Рец. ред. Р. С. I (обертка). 4) С. В., мартъ, 81.

Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI вѣка. Спб. 1888. Ж. М. Н. П., ноябрь, совр. лѣтоп., стр. 12—17 (присужденіе Увар. премій).

Лопухинъ, А. Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. 2 т. Спб. 1889. Рец. Богородскій, Я. Что такое библейская исторія? (По поводу сочиненія Лопухина). П. С., № 5—6, стр. 158—197. Ж. М. Н. П., апр., стр. 470. И. В., августъ, 463—66. Рец. С. А—ва.

Любовичъ, Н. Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ. Варш. 1890. Рец. 1) Н. Я., Ц. В.. № 14, стр. 245—246. 2) Н. С. К., И, В., іюнь, 673—4.. 3) Р. М., апр., 158—160. 4) С. Л. Пташицкаго. Ж. М. Н. П., май, стр. 164—72.

Лѣтописный сборникъ, именуемый Лѣтописью Авраамки (Полное собраніе Русскихъ лѣтописей XVI т. Спб. 1889). Рец. И. А. Тихомирова. Ж. М. Н. П., іюль, стр. 168—171.

Д. Льюисъ. Исторія философіи. Спб. 1889. Наблюдатель, ноябрь, 13—16.

Л. Майковъ. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. I. Бесѣды о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. Спб. 1890. Рец. Г. С. Деступиса, Ж. М. Н. П., сент., стр. 233—269.

А. Макшеевъ. Историческій обзоръ

Туркестана и наступательнаго движенія въ него русскихъ. Спб. 1890 г. Р. М., октябрь, 465.

Н. Д. Малашкинъ. Учебный атласъ по Русской исторія. Рязань. 1889. Ж. М. Н. П., авг., „наша учебная литература", стр. 90—94.

I. О. Мандельштаммъ. Біографическій словарь всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ св. Писаніи. Варшава. 1889 (420 стр. in 8°). Рец. С. М., В., іюль; отд. библіографіи, стр. 33.

А. И. Маркевичъ. Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Новороссійскаго университета. Историческая записка. Одесса. 1890. Ж. М. Н. П., авг., стр. 413.

Ев. Марковъ. Путешествіе на востокъ. въ Цареградъ и Архипелагъ. Въ странѣ фараоновъ. Рец. 1) Р. В., № 12, ст. 320—323. 2) Р. О., № 12. с. 897—9.

Матеріалы для біографія Н. А. Добролюбова. Т. 1. Москва, 1890 г. Наблюд., октябрь, 14—16. Р. М., іюнь, 258—259.

Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. II подъ ред. графини Уваровой. М. 1889. Ж. М. Н. П., май, стр. 213—214.

Матеріалы для исторія Императорской Академіи Наукъ. Томъ пятый (1742—1743). Спб. 1890. И. В., іюнь, 680—683. Рец. В. М.

М. Матинскій. Опера комическая С.-Петербургскій гостиный дворъ. Перепечатано съ перваго изданія 1791 г. Одесса, 1890. Ж. М. Н. П., сент., стр. 274.

Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Вып. 1. Перев. К. Мельникъ. Кіевъ. 1890. И. В., октябрь, 248—249. Рец. В. Б.

И. Михалевичъ. Подольская гимназія въ Винницѣ. Каменецъ-Подольскъ. 1890. Рец. И. Каманина. К. С., 1890, № 10, стр. 171—172.

Мотыжинскій архивъ Акты переяславскаго полка XVII—XVIII вв., изданіе Андрея и Александра Савицкихъ. Кіевъ, 1890. Рец. А. М., К. С., № 9, стр. 519—521.

Д. Нагуевскій. Основы библіографіи по исторіи римской литературы. Библіографія по исторіи римской литературы въ Россіи съ 1709 по 1888 г. Рец. В. А. Алексѣева въ Фил. Зап., III.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ. 1889. И. В., мартъ, 705—706, рец. В. Л—на.

Общій Морской списокъ. Части III, IV и V. Царствованіе Екатерины II. Спб., 1890. Ж. М. Н. П., декабрь, стр. 377.

Н. Овсянниковъ. Тверь въ XVII в. Историческій и археологическій путеводитель по Твери. Тверь. 1889. И. В., январь, 190—192. Рец. В. Б.

Огородниковъ. Очеркъ исторіи Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи. Рец. Ред. Р. С., VIII, обертка.

Олесницкій, А. А. проф. Ветхозавѣтный храмъ въ Іерусалимѣ.(Кіевъ? Мѣсто и годъ изд. не обозн.; 2 тт.) Библ. зап. И. Троицкаго—Хр. Чт., № 1—2, стр. 215—224.

Описаніе документовъ и бумагъ Моск. архива Мин. Юст. 1889. Библіогр. V—VI.

Оранскій. 25-лѣтіе русской народной школы въ Гельсингфорсѣ. Рец. Р. В., IX, 299—301.

К. Ординъ. Покореніе Финляндіи. 2 тома. Спб., 1889. Рец. П. М., Ж. М. Н. П., іюль, стр. 109—142 2) Рец. Павлова. Р. В., IV, 135—163.

Н. А. Осокинъ. Исторія среднихъ вѣковъ. Т. II. Казань, 1889. Набл., мартъ, 20—21.

Павловъ, А., проф. 50-я гл. Кормчей книги, какъ истор. и практ. ист. русск. брачн. права. М., 1887. Рец. проф. Лашкарева (Рец. соч., удост. Св. Синодомъ преміи м-та Макарія). Хр. Чт., № 9—10, стр. 468—488.

Г. Павлуцкій Фидій. Кіевъ, 1890. Ж. М. Н. П., іюль, стр. 189—190.

Памятная книжка Московскаго архива министерства юстиціи. Рец. Ред. Р. С., VII (обертка).

Роб. Пельманъ, проф. Краткій оч. греческой исторіи. Перев. Шамонина. М.. 1890. Р. Шк., октябрь, 159—160. Замѣтка Н. Карѣева.

А. Перепелкинъ. Историческая записка о 30-лѣтней дѣятельности Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства и его президента I. Н. Шатилова 1860—1889 г. М. 1890. Р. М., сентябрь, 432—433.

М. Петровъ. Лекціи по всемірной исторія, изданныя подъ ред. проф. В. Надлера. Т. IV. Исторія новыхъ вѣковъ въ обработкѣ проф. Надлера и приватъ-доцента Бузескула. Выпускъ I. Харьковъ, 1890. Р. Шк., августъ, 167—169. Замѣтка Карѣева.

Оскаръ Пешель Народовѣдѣніе. Перев. подъ ред. Э. Петри. Спб. 1890. С. В., ноябрь, 101—102. 2) Набл., декабрь, 14—17.

М. Пинегинъ. Казань въ ея прошломъ и настоящемъ. Спб., 1890. И. В., октябрь, 244—248. Рец. Н. Л—а. 2) В. Е., іюнь, 827—829.

Плутархъ. Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Изданіе Народной Библіотеки (В. И. Маракуева). Москва, 1889. Вып. I и II. Ж. М. Н. П., сент., стр. 269—272.

В. Покровскій. Историческая хрестоматія. М. 1889. Р. М., іюнь, стр. 276—277.

П. Полевой. Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1890. Рец. П. Г., К. С., № 9, стр. 515—519. 2) Ж. М. Н. П., сент., Наша учебная литература, стр. 10—16.

Полибій. Всеобщая исторія въ сорока книгахъ. Перев. съ греч. Ѳ. Г. Мищенка, съ его предисловіемъ, примѣчаніями, указателемъ, картами. Т. I. М., 1890. 1) Ж. М. Н. П., май, стр. 215. 2) Р. М., окт., 476.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XVI. Спб., 1889. Рец. П. Г., К. С., № 5, стр. 391—394. 2) Ж. М. Н. П., апр., стр. 471.

В. Поплавскій и А. Лященко. Повторительный курсъ русской исторіи (отъ Владиміра св. до Іоанна IV). Житомиръ. 1888. Ж. М. Н. П., май, стр. 22—26 „наша учебная литература“.

Поповичъ-Липовацъ. Черногорцы и черногорскіе женщины. Рец. Р. В., IV, 317—319.

Max von Proskaetz. Von Newastrand nach Samarkand. Рец. Ухтомскаго. Р. О. № 7, стр. 449—450.

Проскринитарій Арсенія Суханова. Прав. Палест. Сборн. Спб. 1889. (Ред. проф. Ивановскаго). Рец. изданія, А. Родосскаго. Странн. № 1, стр. 155—164.

Пузыревскій. Пол.-русск. (1831 г.) война. Рец. ред. Р. С., III, (оберт.).

Путешествіе въ Россію. Датскаго посланника Якова Ульфельда въ XVI вѣкѣ. Переводъ съ латинскаго, съ предисловіемъ Е. Барсова. М. 1889. Рец. А. М. Брауде, Ж. М. Н. П., іюль, стр. 171—173. 2) Ж. М. Н. П., апр., 479—472.

А. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. т. I. Спб. 1890. И. В., іюль, 212—213. Рец. С. 2) С. В., сентябрь, 107—109.

П. Ровинскій. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. т. I. Спб. 1890 г. С. В., октябрь, 89.

П. А. Ровинскій. Продолженіе раскопки древней Діоклеи. Ж. М. Н. П., окт., отд. класс. фил., стр. 17—22.

Розановъ. Мѣсто христіанства въ исторіи. Рец. Соловьева. Р. О. № 9, стр. 475—477. 2) Ж. М. Н. П., апр., стр. 469—470. 3) Р. Б., февраль.

П. Рѣдкинъ. Изъ лекцій по исторіи философіи права. т. I—IV. С. В., іюль, 129—132.

Свящ. Арсеній Рождественскій. Южно-русскій штундизмъ. Изслѣдованіе. Спб. 1889. Рец. В. М., К. С., № 3, стр. 559—567.

А. Сопуновъ. Двинскіе или Борисовы камни. Витебскъ 1890. И. В., іюль, 223—224. Рец. М. Г—цкаго.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томы LXVI, LXVII, LXVIII. Спб. 1889. И. В., январь, 195—197, Рец. С. Т—чева. 2) И. В., іюнь, 683—84. 3) Набл., февр., 15—19. 4) В. Е., іюнь, 1890 г., стр. 835—37.

Сборникъ Историческихъ Матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Имп. Величества Канцеляріи. Вып. 3-й. Изд. подъ ред. Н. Дубровина. Спб. 1890. Ж. М. Н. П., окт., стр. 426—427. 2) Р. С., II (обертка) Рец. ред.

Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси, изданный коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Кіевъ 1888. Рец. Ив. Новицкаго, К. С., 1890, № 3, стр. 568—571. 2) И. В., май, 464—5. Рец. В. М.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. IX. Тифлисъ, 1890. Рец. В. Ѳ. Миллера. Ж. М. Н. П., іюнь, стр. 363—376. 2) Р. С., II (обертка). Рец. ред.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургскаго Коммерческаго училища. 3 тома. Спб. 1889. И. В., мартъ, 708—709. Рец. А. Б—ва.

Сборникъ русскаго историческаго общества. т. 10. Спб. 1890 г. Набл., май, 20—22.

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. 2. Харьковъ, 1890 г. Рец. И. Каманина, К. С., № 9, стр. 512—515. 2) В. Е., февраль, стр. 861—5.

С. Селивановъ. Замѣтки о раскопкахъ въ Греціи въ 1890 г. Ж. М. Н. П., окт., отд. класс. фил. стр. 1—16.

Селифантовъ. Родословная Селифантовыхъ и Румянцевыхъ. Рец. ред. Р. С. IX (обертка).

Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II, т. II. Рец. Р. В., IV, 319--321. 2) И. В., май, 458—9. Рец. Б. Г — скаго. 3) Ж. М. Н. П., февр., 385—7. 4) Ю. В., апрѣль, 694—6. Рец. Сторожева.

А, М. Семевтовскій. Бѣлорусскія древности. Вып. 1, Спб. 1890 г. Рец. Арк. Лященко. К. С., № 3, стр. 53—576. 2) Р. М., августъ, 369. 3) И. В. мартъ, стр. 707—8, рец. Z.

Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. т. I. Территорія и населеніе. Рец. Р. В., VI, 281—287. 2) Ю. В., іюль—августъ, 477—84. Рец. Сторожева. 3) И. В., іюнь, 662—8. Рец. В. Латкина. 4) С. В., май, 108—10. 5) В. Е., апрѣль, 872—4. 6) Набл., май, 18—20.

И. Смирновъ. Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. т. VIII, вып. 2. Вотяки. Казань. 1890. И. В., іюль, 218—221. 2) Рец. В. Б. 3) Рец. ред. Р. С., III (обертка). Набл., іюль, 30—31.

Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ отоманской Порты. Рец. Р. В., VIII, 248—251.

И. Созоновичъ. Очеркъ средневѣковой нѣмецкой эпической поэзіи и литературная судьба пѣсни о Нибелунгахъ. Варшава, 1889 г. Р. М., октябрь, 480—481.

П. А. Соколовскій. Дѣятельность земства по устройству ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Спб. 1890. Статья П. М. М., Ж. М. Н. П., янв., стр. 208—212.

Сочиненія Тацита. Русскій перев. съ примѣч. и статьей В. И. Модестова. Спб. 1887. Статья проф. Зѣлинскаго въ Фил. Зап. I и II.

Струковъ. Архивъ русской артиллер. п. р. Бранденбурга. т. I (1700—1718). Рец. ред., май, 219. Р. С. II (обертка). Ж. М. Н. П., май, 219.

Стрѣльбицкій, И. Исторія русскаго раскола, изв. подъ имен. старообрядчества. (Примѣн. къ прогр. дух. семин.). Одесса, 1889. Библ. замѣтка Н., Хр. Чт. № 1, 2 стр. 224—236.

Сыромятниковъ. Сага объ Эйрикѣ Красномъ. Рец. Р. В. № 10, стр. 245—247.

Е. Сѣцинскій. Бакота, древняя столица Понизья. Каменецъ-Подольскъ, 1889. Древнѣйшія православн. церкви въ Подоліи. Церковь-замокъ въ с. Сутковцахъ, перичевскаго уѣзда (Каменецъ-Подольскъ, 1889). Рец. Н. М., К. С., 1890, № 6, стр. 573—575.

С. Татищевъ. Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и полемическ. статьи. Спб. 1890. И. В., іюль, 208—211. Рец. П. М

Тельнихинъ врачъ. Помощь самообразованію. Сборникъ публичныхъ лекцій, популярно-научныхъ статей и литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей. Рец. ред. Р. С., IX (обертка).

Титовъ. Лѣтопись Двинская. Р. С., II (обертка). Рец. ред. 2) Рец. И. А. Козеко. Ж. М. Н. П., янв., 167—72.

А. А. Титовъ. Ярославскіе пожары въ 1767 и 1768 г. Ярославль, 1889. Ж. М. Н. П., февр., стр. 390.

Токмаковъ. Сборникъ истор. матеріаловъ для составленія лѣтописей по Калужской епархіи. Вып. I. Калуга. 1890. И. В., іюнь, 675—677. Рец. Н. Н.

Токмаковъ. Сборникъ матеріаловъ для историческаго и церковно-археологическаго описанія Вологодской губерніи. Вып. I. Вологда, 1890. И. В., іюнь, 675—677. Рец. А. К.

И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. II. Древности скиѳо-сарматскія. Спб. 1889. Рецензія Ѳ. Мищенка, К. С., № 3, стр. 552—559. 2) Рец. К. Н. Бестужева-Рюмина. Ж. М. Н. Пр., окт. 416—419. 3) В. Е., окт. 853—4.

А. С. Трачевскій. Древняя исторія. Спб., 1889 г. Наблюд., мартъ, 17—20. 2) Истор. В., янв., 197—200. Рец. А. К. 3) Библіогр. V—VI; 4) Р. Б. мартъ, 207: 5) С. В., мартъ, 81—2

А. С. Трачевскій. Новая исторія. Спб., 1889 г. Наблюдатель, мартъ, 17—20.

Кн. Трубецкой. Метафизика въ древней Греціи, рец. В. Соловьева Р. О., № 10, стр. 931—45.

Труды Комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи. Вып. 4-й. Каменецъ-Подольскъ. 1889 г., рец. И. Каманина, К. С., № 8, стр. 337—8.

Труды Саратовской ученой архивной коммиссіи. Т. II, вып. 2. Саратовъ 1890. Ж. М. Н. П., апр., стр. 474.

Тэнъ. Чтенія объ искусствѣ, перев. Чудинова, 1889 г. Наблюдатель, янв., 21—29.

Пятидесятилѣтній юбилей академика А. Ѳ. Бычкова, Ж. М. Н. Пр. ноябрь, совр. лѣтоп., стр. 23—31.

Гр. А. С. Уваровъ. Византійскій альбомъ. Посмертное изданіе, т. I, вып. I М. 1890, съ атласомъ. Ж. М. Н. П. іюнь, стр. 384.

Уляницкій. Сношенія Россіи съ

Среднею Азіею и Индіею въ 16—17 вѣкѣ. Рец. Р. В., № 10, ст. 244—245.

С. Уманецъ. Очерки развитія религіозно-философской мысли въ Исламѣ. Спб. 1890. Набл., ноябрь, 17—18.

Ѳ. И. Успенскій. Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ. Одесса, 1890. Рец. К. Н. Бестужева-Рюмина. Ж. М. Н. Пр., августъ, стр. 409—412.

Ч. Файфъ. Исторія Европы XIX в., перев. Лучицкой, Москва, 1890 г. С. В., октябрь, 88—89. 2) И. В., апр., 210—213. Рец. В. М.

Фаминцынъ. Гусли. Рец. Редак., Р. С. VII (обертка).

Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе, р. Бестужева-Рюмина, Р. В., V, 277—288.

Е. Филимоновъ. Краткій историческій очеркъ подворно-статистическихъ изслѣдованій въ Россіи. Вятка, 1889 г., Р. М., іюль, 306—307.

А. Л. Форштеттеръ. Дунай, какъ международная рѣка. Москва. 1890. Рецензія В. Э. Грабаря. Ж. М. Н. Пр., авг., стр. 403—409.

Харьковскій Сборникъ. Вып. 3-й. Харьковъ, 1889. Рец. Н. Г., К. С., № 2, стр. 371—373.

Харьковскій Сборникъ. Вып. 4-й. Харьковъ, 1890. Рец. Н. В., К. С., 1890, № 12, стр. 546—9.

Хвольсонъ. Сирійско-Несторіанскія надгробныя надписи въ Семирѣчьѣ. Рец. Э. Ухтомскаго, Р. О., 1890 г., авг., 887—889.

Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. В. Е., сент., стр. 386—390, 2) Р. В., IX, 292—5. 3) Рец. И. А. Л., Ж. М. Н. П., іюль, 151—63. 4) Рец. З., Тр. Кіевск. дух. Ак., № 9, стр. 148—55. 5) Рец. П., Стран., № 5, 150—56.

П. Цвѣтковъ. Аврелій Пруденцій Клементъ. М. 1890. Ж. М. Н. Пр., май, стр. 216—217.

С. Цыбульскій. Военное дѣло у древнихъ грековъ. Часть I. Вооруженіе и составъ греческаго войска. Объяснительный текстъ къ I и II-й таблицамъ для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей. Спб. и Москва, 1889. Ж. М. Н. Пр., іюнь, Наша учебная литература, стр. 50—52. 2) Филол. Зап., V.

Н. Чечулинъ. Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Спб., 1889. И. В., апр., 213—215. Рец. W. 2) Рец. С. Ѳ. Платонова. Ж. М. Н. Пр., май, стр. 140—54. 3) П. О. Самсона. Ж. М. Н. Пр., мартъ, 204—33. 4) Ю. В., февраль, с. 372—6, рец. В. М.

Н. Чечулинъ. Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. Спб. 1889. И. В., янв., 203—205. Рец. С. Т—чева.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 4 книги п. р. Барсова. Рец. Ред. Р. С., VIII, обертка.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца. Книга четвертая. Издана подъ редакціей Дашкевича. Кіевъ, 1890. 1) И. В., окт., 242—244. Рец. В. М. 2) Рецензія К. Н. Бестужева-Рюмина. Ж. М. Н. Пр., окт., 410—12. 3) Книга П, В. Е., февр., 879—881. 4) Рец. И. Каманина, К. С., № 7, 147—55.

Гр. ф.-Шакъ. Исторія Норманновъ въ Сициліи. Рец. М. Соловьева. Р. О., № 11, стр. 445—455.

Н. Шишкинъ. Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ. Касимовъ, 1889. И. В., янв., 205—207, рец. А. Б—ва.

Д-ръ М. С. Шляпошниковъ. Вавилонское плѣненіе, или Іудея и Вавилонія. Историческій очеркъ. Славянскъ, 1889 г. Рец. С. М. Восходъ, мартъ, отд. библіографіи, стр. 36—38.

К. Шмидтъ. Исторія педагогики, т. I, Москва, 1890. Р. М., іюнь, 354—356. 2) Р. Б., мартъ, 207.

Штриттеръ. Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. Перев. Ганъ. Тифлисъ. 1890 г. Р. М., окт., 479—480.

Щегловъ. Исторія соціальныхъ системъ отъ древности до настоящихъ дней. Т. I и П. Страхова рец. Р. В., V, 265—276. 2) Рец. безъ имени. Р. О., № 7, 433—41.

Щепкинъ. Старинные помѣщики на службѣ и дома. Изъ семейной хроники. 1578—1762. 1) Рец. Р. В., IX, 287—291. 2) Рец. К. Н. Бестужева-Рюмина. Ж. М. Н. Пр., іюль, 163—8. 3) Рец. Ред. Р. С., VIII, обертка. 4) И. В., сент., 699—700. Рец. А. Д.

Щербатовъ. Генералъ - фельдмаршалъ князь Паскевичъ, т. П. Рец. Ред. Р. С., IX, обертка.

Ф. Щербина. Земельная община кубанскихъ козаковъ. Воронежъ. 1889. Рец. Н. М., К. С., № 8, стр. 330—333.

В. Юргевичъ. Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. 1839—1889. Одесса, 1889

Рец. П. Г., К. Ст., № 6, стр. 571—572.

Д. И. Эварницкій. Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ и новороссійскаго края. Спб., 1889. 1) Рец. И. Ж. 1) К. С., № 2, стр. 366—368. 2) И. В., февр., 463—5. Рец. В. Б.

Д. И. Эварницкій. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. Спб., 1890. 1) Рец. Арк. Л—нко, К. С., № 4, стр. 184—185. 2) Рец. Лаппо-Данилевскаго. Ж. М. Н. Пр., іюль, 142—51.

А. В. Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья Сѣверной Россіи въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 г. Т. I. Великіе князья Владимірскіе и Владиміро-Московскіе. Спб., 1889. 1) Рец. К. Н. Бестужева-Рюмина, Ж. М. Н. Пр., февр., стр. 353—355. 2) И. В., январь, 1888—90. Рец. А. Б—ва.

Этнографическое обозрѣніе. Кн. II и III. 1889. Ж. М. Н. Пр., май, стр. 219—220.

В. Якушкинъ. Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX в. М. 1890 г. Рец. В. Н. Ст—ва въ. Ю. В., май, іюнь. 2) Рец. Безобразова, Р. О., № 5, 428—31. 3) И. В., сент., 688—90. Рец. В. М.

А. Яхонтовъ. Французское общество и народъ въ періодъ первой революціи. Наблюд., окт., 201—243.

ОТДѢЛЪ II.

Протоколъ XIX общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 28 марта 1891 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 25 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ о вновь поступившихъ въ библіотеку Общества книжныхъ пожертвованіяхъ: отъ Нижегородскаго Статистическаго Комитета, В. Н. Сторожева, автора польской книжки „Правдой, а не ложью", отъ департамента общихъ дѣлъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, отъ С. Ѳ. Ольденбурга и о поступленіи двухъ диссертацій (гг. Шляпкина и Берендтса), недавно защищавшихся въ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

3. Приступлено было къ баллотировкѣ кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое Общее Собраніе. Всѣ оказались избранными единогласно, кромѣ И. И. Васильева, который избранъ большинствомъ голосовъ.

4. В. Н. Беркутъ прочелъ рефератъ о программѣ историческаго курса въ русскихъ и нѣкоторыхъ заграничныхъ гимназіяхъ. (См. прил.). По поводу реферата В. Н. Беркута Я. Г. Гуревичъ представилъ нѣсколько разъясненій касательно програмы историческаго курса, нынѣ дѣйствующей въ нашихъ гимназіяхъ. Е. А. Бѣловъ выразилъ желаніе, чтобы для прохожденія курса русской древней исторіи прибавлено было 2 часа и для новой 1 часъ въ недѣлю. И. И. Васильевъ замѣтилъ референту, что онъ ничего не сообщилъ о програмахъ по исторіи, дѣйствующихъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Италіи и Америки. В. Н. Беркутъ отвѣчалъ, что онъ и не имѣлъ въ виду совершенно полнаго обозрѣнія програмъ заграничныхъ гимназій и въ своемъ рефератѣ представилъ систематизацію лишь тѣхъ матеріаловъ, которые собраны были Московскимъ историко-педагогическимъ кружкомъ въ теченіе нынѣшняго года. Кружокъ пытался добыть инструкцію и програмы изъ Англіи, но получилъ отвѣтъ, что таковыхъ въ Англіи не существуетъ. Желательно было бы также

ознакомиться съ програмами вюртембергскихъ гимназій, гдѣ однимъ древнимъ языкамъ отведено 104 часа, а также инструкціями католическихъ баварскихъ среднеучебныхъ заведеній. Къ сожалѣнію, подобнаго рода свѣдѣній Московскому историко-педагогическому кружку пока еще собрать не удалось. В. Д. Синовскій выразилъ мнѣніе, что поставленное В. Н. Беркутомъ требованіе, чтобы учебникъ исторіи давалъ ученику понятіе о развитіи человѣчества, слишкомъ неопредѣленно. В. Н. Беркуту, однако, терминъ этотъ представлялся достаточно яснымъ. Въ него входятъ, по мнѣнію референта, такія понятія, какъ политическія идеи, литература, искусство; слѣдя за ихъ исторіей, можно дать ученикамъ представленіе о культурномъ развитіи человѣчества. Н. И. Марковинъ замѣтилъ, что нѣкоторое противорѣчіе между строго научными требованіями инструкціи о преподаваніи исторіи въ прусскихъ гимназіяхъ и значительно съуженной програмой, вѣроятно, не такъ велико, какъ кажется. Учебники прусскихъ гимназій конспективнаго характера; но ученики этихъ гимназій знакомы съ исторической литературой, умѣютъ разбираться въ ней. Кромѣ того, по мнѣнію г. Марковина, введеніе систематическаго курса исторіи въ IV классъ нашихъ гимназій вполнѣ раціонально: въ женскихъ гимназіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи такой порядокъ существуетъ уже давно и не возбуждаетъ недоумѣній; желательнымъ было бы только ограничить нѣсколько матеріалъ, подлежащій изученію въ IV классѣ (напр., одною греческою исторіей и римской до Пуническихъ войнъ). Выразивъ несогласіе съ подобной точкой зрѣнія оппонента, В. Н. Беркутъ указалъ на два существенныхъ недостатка преподаванія исторіи въ прусскихъ гимназіяхъ: оно слишкомъ много полагается на домашнюю работу учениковъ, тогда какъ главное должно быть сдѣлано въ классѣ; оно даетъ ученикамъ возможность пополнять въ будущемъ свои познанія по исторіи; но вѣдь не всѣ ученики будутъ историками, и большинство, слѣдовательно, знать исторіи по выходѣ изъ гимназіи не будетъ. По окончаніи преній, Общее Собраніе, по предложенію г. предсѣдателя, благодарило В. Н. Беркута за прочитанное имъ сообщеніе.

5. Сообщеніе Н. И. Карѣева о систематизаціи занятій вопросами, касающимися преподаванія исторіи, за позднимъ временемъ, отложено было до слѣдующаго Общаго Собранія.

Протоколъ XX Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 11 апрѣля 1891 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при исполняющемъ должность секретаря С. Л. Степановѣ присутствовало 20 членовъ.

1. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Предложены въ члены Общества профессора Краковскаго Универси-

ситета Закржевскій и Смолька и преподаватели исторія Нейфельдъ и Никитскій.

3. В. Г. Яроцкій прочелъ рефератъ „Объ органическихъ теоріяхъ общественнаго развитія Шеффле и Спенсера". По поводу реферата сдѣлали замѣчанія: Е. А. Бѣловъ, г. Туганъ-Барановскій и Н. И. Карѣевъ.

Е. А. Бѣловъ замѣтилъ, что писатели, создавшіе теорію органическаго развитія, слишкомъ произвольно пользуются законами, выработанными натуралистами. Такъ напр., законъ о сложныхъ организмахъ, всегда побѣждающихъ простые организмы, во многихъ случаяхъ не приложимъ къ исторіи: стоитъ вспомнить только римскую имперію и варваровъ, ее разрушившихъ, Грецію и подчинившую ее Македонію. Референтъ возразилъ, что онъ не настаиваетъ на вѣрности аналогіи между общественнымъ развитіемъ и органическимъ, хотя прибавилъ, что сторонники органической теоріи общества могли бы указать, что римскій организмъ былъ организмъ больной, что въ немъ была гипертрофія однихъ органовъ на счетъ другихъ (напр., чрезвычайное развитіе крупнаго землевладѣнія). На это замѣчаніе референта Е. А. Бѣловъ сказалъ, что такая защита органической теоріи общества означала бы возвращеніе къ теоріи Вико, по которой народы переживаютъ всѣ возрасты отдѣльнаго человѣка. При такомъ отступленіи, добавилъ оппонентъ, законъ о побѣдѣ сложныхъ организмовъ уже не законъ. Далѣе, В. Г. Яроцкій, съ точки зрѣнія защитниковъ органической теоріи общества, замѣтилъ, что заслуга этой теоріи та, что она навѣки убила мечты о возвращеніи къ первобытной простотѣ. Е. А. Бѣловъ на это возразилъ, что онъ не знаетъ серьезныхъ писателей кромѣ Руссо, желавшихъ такого возвращенія, ибо фантазіи гр. Толстого не могутъ быть принимаемы въ расчетъ. Наконецъ, на просьбу Е. А. Бѣлова разъяснить, откуда произошла непослѣдовательность у Спенсера, референтъ отвѣтилъ выдержками изъ сочиненій этого писателя.

Г. Туганъ-Барановскій, выходя изъ соображенія, что референтъ сочувствуетъ примѣненію естественно-историческаго метода къ явленіямъ общественной жизни, назвалъ это сочувствіе большой ошибкой, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, къ общественной жизни начинаетъ прилагаться критерій органическаго развитія, вмѣсто критерія человѣческаго счастія. Неужели, пояснилъ оппонентъ, можно устранить вліяніе идеаловъ на общественную жизнь, которымъ нѣтъ мѣста въ органической теоріи общества. В. Г. Яроцкій отвѣтилъ, что онъ не выставляетъ себя сторонникомъ теоріи, противъ которой направлены замѣчанія оппонента, но считаетъ нужнымъ указать, во-первыхъ, что врядъ ли пригоденъ критерій человѣческаго счастія для объясненія явленій общественной жизни по причинѣ полной неопредѣленности этого критерія; во-вторыхъ, что находить аналогіи—потребность человѣческаго ума, и въ-третьихъ, что аналогія органическаго развитія нисколько не помѣшала Шеффле объяснить явленія жизни общества. Съ послѣднимъ замѣчаніемъ В. Г. Яроцкаго не соглашался

оппонентъ, добавившій, что большинство экономистовъ, къ пользѣ дѣла, обходятся безъ органическихъ аналогій.

Н. И. Карѣевъ сказалъ, что, по его мнѣнію, органическая теорія строитъ науку объ обществѣ не сверху (т.-е. исходя не изъ общихъ положеній) и не снизу (т.-е. исходя не изъ конкретныхъ фактовъ), а какъ-то сбоку. Если Шеффле и Спенсеръ, при общемъ исходномъ пунктѣ аналогіи общества съ организмомъ, дѣлаютъ, какъ показалъ референтъ, разные выводы, то объясняется это тѣмъ, что ихъ воззрѣнія опредѣляются въ сущности разными политико-экономическими ученіями и философскими взглядами, такъ что естественно-историческія аналогіи не опредѣляютъ ихъ основныхъ воззрѣній на взаимныя отношенія личности и общества. Будучи въ принципѣ противникомъ органическихъ аналогій, Н. И. Карѣевъ призналъ нѣкоторую относительную пользу за ними: они дали поводъ критикѣ лучше выяснить сущность историческаго процесса, такъ какъ критика подчеркнула черты различія между органическимъ развитіемъ и историческимъ процессомъ, но, кромѣ того, въ органической теоріи есть и вѣрная сторона (объ этомъ см. въ соч. Н. И. Карѣева „Сущность историческаго процесса"). Шеффле лучше, чѣмъ Спенсеръ, понялъ сущность исторіи, какъ процесса телеологическаго (Reformtrieb); но еще основательнѣе опровергается эволюціонный взглядъ Спенсера на исторію, какъ на процессъ только генетическій, у Лестера Уорда (Dynamic Sociology). Органическія аналогіи приложимы лишь къ тому обществу, которое не участвуетъ сознательно въ выработкѣ формъ общественной жизни. В. Г. Яроцкій, отвѣчая оппоненту, замѣтилъ, что всякая органическая теорія, логически построенная и послѣдовательно проведенная, нужна для борьбы съ крайнимъ индивидуализмомъ; что онъ, референтъ, и не думаетъ отрицать фактовъ сознательной человѣческой дѣятельности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякому извѣстны и явленія, возникающія безъ участія таковой дѣятельности, т.-е. естественно. Въ частности для Шеффле, по мнѣнію референта, органическая теорія принесла ту пользу, что помогла ему освободиться отъ узко-буржуазной экономической теоріи, которой онъ держался въ первыхъ своихъ трудахъ. Не соглашаясь съ В. Г. Яроцкимъ, Н. И. Карѣевъ сказалъ, что врядъ ли основательно приписывать органической теоріи заслугу реакціи противъ индивидуализма, такъ какъ одинъ изъ виднѣйшихъ ея представителей, Спенсеръ, остается рѣшительнымъ индивидуалистомъ въ своихъ экономическихъ взглядахъ, а что касается Шеффле, то онъ могъ измѣнить свои воззрѣнія независимо отъ органическихъ аналогій.

4. Н. И. Карѣевъ, за позднимъ временемъ, успѣлъ прочесть только тезисы изъ своего реферата „О систематизаціи занятій вопросами, касающимися преподаванія исторіи", и предложилъ образовать коммиссію изъ членовъ Общества, которая позаботилась бы о созданіи особой педагогической секціи при Историческомъ Обществѣ. В. Д. Сиповскій указалъ на желательность единенія въ этой секціи педагоговъ съ учеными. Принять участіе въ ком-

миссіи выразили желаніе слѣдующія лица: И. Н. Анонимовъ, В. Л. Беренштамъ, Я. Г. Гуревичъ, Н. И. Карѣевъ, Д. Д. Моревъ, В. П. Нечаевъ, В. Д. Сиповскій, С. Л. Степановъ, Ю. Ю. Цвѣтковскій и И. А. Шафрановъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Органическія теоріи общественнаго развитія.

(Краткое изложеніе реферата В. Г. Яроцкаго).

Органическія теоріи, заключая въ себѣ одинаковую общую основу, могутъ весьма существенно отличаться другъ отъ друга, смотря по тому, кто и для какой цѣли пользуется ими для разъясненія процесса общественнаго развитія. Другими словами, теоріи эти оставляютъ достаточно свободы для проявленія субъективныхъ взглядовъ ихъ авторовъ. Въ особенности это замѣтно изъ сравненія органическихъ теорій Шеффле и Спенсера. Имѣя совершенно одинаковые исходные пункты, каждый изъ этихъ двухъ авторовъ приходитъ къ совершенно обратнымъ выводамъ, что мы въ дальнѣйшемъ и постараемся прослѣдить. Сперва мы укажемъ на то, что составляетъ общую ихъ основу, а потомъ разсмотримъ ихъ заключенія и произведемъ имъ сравнительную оцѣнку.

Общимъ здѣсь является сравненіе или уподобленіе общественнаго развитія процессу развитія или перехода живыхъ настоящихъ организмовъ изъ простѣйшихъ видовъ въ болѣе сложные и потому болѣе совершенные. Главнѣйшее отличіе простыхъ или низшихъ организмовъ отъ высшихъ заключается прежде всего въ томъ, что у первыхъ все тѣло представляетъ собой почти совершенно однородный составъ, равно какъ и функціи всѣхъ частей тѣла или органовъ совершенно однообразны. Вслѣдствіе этого потеря какой-нибудь части тѣла не грозитъ гибелью для всего организма. Такимъ образомъ дождевой червякъ можетъ быть даже разрѣзанъ на двѣ части и каждая изъ нихъ можетъ отдѣльно существовать. Морская кубышка или амеба (родъ полипа) можетъ быть вывернута на изнанку, и тогда бывшая внѣшняя оболочка игравшая роль всасывающей ткани, начинаетъ исполнять функціи желудка, т.-е. переваривающаго органа и наоборотъ. Не то у высшихъ организмовъ, у которыхъ всѣ части тѣла дифференцированы, т.-е. каждый отдѣльный органъ имѣетъ свою спеціальную функцію и одинъ за другого работать не можетъ.

То же самое можно видѣть при сравненіи человѣческихъ обществъ, стоящихъ на низшихъ и высшихъ ступеняхъ своего развитія. Въ первобытномъ обществѣ образъ жизни, родъ занятій и т. п. у всѣхъ его членовъ совершенно одинаковы. Что мы скажемъ объ одномъ, любомъ, представителѣ такого общества, то можно сказать и обо всей данной группѣ лицъ, или даже

о цѣломъ племени или народѣ. Каждый изъ членовъ такого общества, будучи выхваченъ изъ своей среды, съумѣетъ поддержать существованіе свое или своей семьи. Но всѣ они вмѣстѣ взятые оказываются значительно слабѣе при возникновеніи борьбы между ними и обществами или группами высшихъ ступеней развитія. За то члены послѣднихъ обществъ гораздо болѣе безпомощны, будучи изолированы, потому что всѣ нуждаются во взаимной помощи, умѣя дѣлать только одно какое-нибудь дѣло (Примѣръ: современное состояніе цивилизованныхъ странъ, въ которыхъ раздѣленіе труда и занятій идетъ весьма далеко, такъ что различные классы существенно различаются другъ отъ друга по своимъ функціямъ и немыслимо раздѣльное ихъ существованіе).

Особенности *внутренняго* строенія низшихъ и высшихъ видовъ живыхъ организмовъ выражаются прежде всего въ устройствѣ двухъ главныхъ организаціонныхъ системъ—нервной, завѣдывающей сознательными функціями организма (нервная система головного мозга и ея непосредственныя развѣтвленія) и симпатической нервной системы, завѣдывающей питательными и растительными функціями. У низшихъ существъ первая система представляетъ собой непрерывный рядъ отдѣльныхъ нервныхъ узелковъ (у кольчатыхъ или суставчатыхъ организмовъ). Всѣ эти нервные узелки равносильны и равноправны; подчиненіе ихъ главному нервному центру весьма незначительно. У высшихъ же существъ, наоборотъ, главный (мозговой) нервный центръ доминируетъ надъ своими развѣтвленіями. Но зато развѣтвленія эти гораздо тоньше, проникаютъ сплошной массой весь организмъ и связываютъ всѣ части тѣла тѣснѣе съ дирижирующей дѣятельностью главнаго нервнаго центра. Чувствительность и потому средства самозащиты или обезпеченія интересовъ всего тѣла здѣсь гораздо значительнѣе.

То же самое можно замѣтить при сравненіи человѣческихъ обществъ на низшихъ и высшихъ ступеняхъ ихъ развитія. Въ человѣческихъ обществахъ системѣ головного мозга уподобляется организація политической власти, а симпатической нервной системѣ—хозяйственная организація, обезпечивающая обществу матеріальныя средства существованія. Политическая организація въ первобытныхъ обществахъ весьма не сложна—здѣсь нѣтъ единой центральной власти, а мѣсто ея занимаютъ власть и права главы семьи или рода (патріархальный строй общества). Это соотвѣтствуетъ массѣ самостоятельныхъ нервныхъ узелковъ у низшихъ организмовъ. Затѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія, число этихъ дирижирующихъ центровъ власти значительно сокращается, какъ напримѣръ, во времена феодальной системы (вотчинной, патримоніальной). Далѣе слѣдуетъ возникновеніе одной сильной центральной власти — времена абсолютизма, когда рушатся прежнія основы разграниченія членовъ общества на различныя самостоятельныя группы, вотчинныя помѣстья, корпораціи, сословія и т. д. Подъ единою властью подданные пользуются гораздо большею свободою передвиженія, и интересы ихъ уже болѣе защищены отъ произвола грубой власти помѣщиковъ-феодаловъ. Но на этомъ дѣло развитія не оста-

навливается и центральный органъ власти превращается въ учрежденіе, въ которомъ отражаются интересы всѣхъ частей организма ихъ представителями. Такимъ образомъ, обнаруживаются не только одни центробѣжныя распоряженія власти, но и центростремительная передача ощущеній всей периферіи тѣла. Таковъ процессъ развитія политическихъ учрежденій, аналогичный процессу развитія главной нервной системы у живыхъ организмовъ.

До сихъ поръ идутъ параллельно или согласно другъ другу системы и Шеффле и Спенсера; но вотъ уже далѣе между ними обнаруживается значительное разногласіе, именно по вопросу объ аналогіяхъ симпатической нервной системы и хозяйственной организаціи общества. Они оба еще согласны въ томъ, что въ обществѣ, какъ и въ организмахъ неизбѣжно совершается процессъ дифференціаціи или спеціализаціи органовъ, завѣдующихъ питаніемъ организма. Согласны они тоже и въ томъ еще, что число центровъ соотвѣтственной распорядительной власти сокращается и тамъ, и тутъ, что выражается въ раздѣленіи промысловъ и занятій и въ превращеніи массы мелкихъ отдѣльныхъ предпріятій въ болѣе ограниченное число крупнѣйшихъ. Разногласіе же возникаетъ по вопросу о взаимодѣйствіи этихъ двухъ организаціонныхъ системъ, а именно: Спенсеръ признаетъ полную независимость системы хозяйственной отъ политической, а Шеффле, наоборотъ, считаетъ, что взаимодѣйствіе ихъ должно обнаруживаться все болѣе и болѣе значительно. Спенсеръ видитъ въ политической системѣ проявленіе подчиненности или обязательной взаимной зависимости гражданъ, а въ сферѣ экономическихъ отношеній, по его мнѣнію, царитъ полная свобода или начало добровольной коопераціи. Центральная правительственная власть,—все равно абсолютная или представительная,—не должна вмѣшиваться въ сферу народнаго хозяйства. Да къ тому же и вообще задачи этой власти должны по возможности все болѣе и болѣе съуживаться, потому что первоначальная основа ея есть функція самообороны или нападенія, однимъ словомъ воинственная или хищническая организація.

Чѣмъ меньше будетъ власть эта издавать законовъ или вообще принуждать къ чему-либо гражданъ, тѣмъ лучше.

Вотъ заключительный выводъ Спенсера, который представляетъ собой весьма замѣтное отступленіе отъ процесса развитія или преобразованія живыхъ органическихъ видовъ.

Здѣсь мы видимъ нѣчто обратное—именно усиленіе значенія центра, сознательно регулирующаго жизнь и дѣятельность всѣхъ частей тѣла. Естественъ поэтому упрекъ, дѣлаемый Спенсеру, что онъ не выдерживаетъ своей схемы развитія. И самъ Спенсеръ замѣчаетъ эту непослѣдовательность, но оправдывается просто тѣмъ, что общество, съ одной стороны, есть настоящій организмъ, а съ другой стороны, имѣетъ и особенности въ своемъ развитіи. Въ то же время Спенсеръ выводитъ для общества неизбѣжность развитія по органическимъ, т.-е. безсознательнымъ законамъ и потому-то и считаетъ излишнимъ сознательное регулированіе общественныхъ отношеній. Нельзя поэтому

не признать его выводовъ произвольными и вытекающими просто изъ его личныхъ симпатій къ системѣ отношеній свободныхъ, которыя, по его мнѣнію, будто бы и существуютъ уже въ сферѣ экономической. Между тѣмъ это далеко не такъ, потому что здѣсь праѓа и давленіе капитала, во всѣхъ его многообразныхъ видахъ, весьма даютъ себя чувствовать, почему и нельзя, напримѣръ, считать наемныхъ рабочихъ вполнѣ равноправными съ капиталистами.

Это различие признается въ настоящее время самымъ существеннымъ источникомъ неравенства и зависимости однихъ общественныхъ классовъ отъ другихъ; въ то же время какъ въ области политической-то именно и осуществлены гораздо болѣе начала свободы и равноправности всѣхъ гражданъ, безъ различія ихъ по классамъ или сословіямъ. Поэтому Шеффле дѣлаетъ выводъ гораздо болѣе послѣдовательный какъ въ смыслѣ аналогіи и логичности, такъ и въ смыслѣ соотвѣтствія дѣйствительному процессу развитія общества, признавая, что на долю общественной и государственной власти должно выпадать все болѣе и болѣе заботъ по сознательному регулированію хозяйственныхъ интересовъ общества и характера отношеній между различными по своему положенію экономическими классами. Нельзя, по его мнѣнію, допускать стройной организаціи политической власти, съ одной стороны, и полной анархіи, т.-е. произволъ, въ сферѣ народнаго хозяйства, съ другой стороны, въ надеждѣ, что собственные интересы отдѣльныхъ частныхъ лицъ или коммерческихъ компаній поведутъ дѣло хозяйства въ духѣ наиболѣе согласующемся съ интересами цѣлаго народа или страны. Здѣсь слишкомъ большую роль играютъ произволъ, временный интересъ спекуляціи, вообще различныя случайности, которыя могутъ весьма вредно отзываться на благосостояніи значительной части гражданъ, по независящимъ отъ нихъ причинамъ часто совершенно разоряющихся. Въ сложномъ обществѣ, гдѣ всѣ члены взаимно обезпечиваютъ другъ друга, не можетъ быть мѣста для произвола сильныхъ и безпомощности слабѣйшихъ гражданъ. Каждый можетъ быть предоставляемъ самому себѣ только тамъ, гдѣ дѣйствительно имѣется возможность вполнѣ индивидуальными усиліями обезпечивать свое существованіе.

Въ современномъ же обществѣ благосостояніе цѣлыхъ классовъ общества, не говоря объ отдѣльныхъ лицахъ, всецѣло зависитъ отъ успѣшности или неуспѣшности дѣятельности другихъ классовъ и лицъ. Въ конечномъ выводѣ Шеффле приходитъ къ слѣдующему: общественное развитіе можно только *сравнивать*, а не вполнѣ уподоблять органическому развитію (какъ дѣлаетъ это Спенсеръ). Сравненіе это имѣетъ значеніе лишь одного изъ способовъ изученія, есть лишь методологичеткій или своего рода дидактическій пріемъ. Можно и слѣдуетъ признавать, до извѣстной степени, аналогичность въ условіяхъ развитія органическихъ существъ и обществъ, потому что есть цѣлая совокупность общественныхъ явленій, которыя суть продукты законоиѣрнаго безсознательнаго творчества общественныхъ и индивидуальныхъ силъ, дѣйствую-

щихъ однообразно, но безъ предварительнаго сговора или плана. Но рядомъ съ этимъ все бóльшую и бóльшую роль должны играть *сознательные* стимулы общественнаго развитія, какъ продукты самосознанія общества, результаты пользованія опытомъ и наблюденіемъ за развитіемъ другихъ странъ и народовъ. Этимъ сознательнымъ путемъ общество можетъ и даже призвано смягчать тѣ виды болѣе грубой зависимости, которые порождаются проявленіемъ чисто органическихъ законовъ развитія, въ родѣ напримѣръ, увеличенія могущества безличнаго капитала, крупной земельной собственности и т. п. Въ развитіи, напримѣръ, государственнаго хозяйства въ дѣлѣ устройства шоссейныхъ, водяныхъ и въ особенности желѣзно-дорожныхъ путей, почтъ и телеграфовъ, въ регулированіи лѣсного и водного хозяйства, международныхъ торговыхъ сношеній, не говоря уже объ организаціи народнаго образованія, санитарныхъ и гигіеническихъ мѣръ, объ устройствѣ равныхъ для всѣхъ судовъ, а равно и въ законодательномъ регулированіи отношеній хозяевъ и рабочихъ, обязательномъ страхованіи послѣднихъ и т. д.—во всемъ этомъ Шеффле видитъ осуществленіе установляемой имъ схемы общественнаго развитія. Кромѣ того, рядомъ съ расширеніемъ хозяйственной дѣятельности чисто государственной власти идетъ и замѣна частной предпріимчивости дѣятельностью общественныхъ, напримѣръ, земскихъ и городскихъ учрежденій, по удовлетворенію разныхъ матеріальныхъ потребностей, напримѣръ, освѣщенія, водоснабженія и т. п.

Дѣлая сравнительную оцѣнку обѣимъ разсмотрѣннымъ системамъ, слѣдуетъ поэтому отдать безусловное преимущество системѣ Шеффле, во-первыхъ, съ точки зрѣнія большей послѣдовательности, и, во-вторыхъ, потому еще, что она открываетъ достаточный просторъ для сознательнаго служенія общественнымъ интересамъ тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя призваны осуществлять эту высокую нравственную задачу.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Рефератъ Н. И. Карѣева о систематизаціи занятій вопросами, касающимися преподаванія исторіи.

Я предполагалъ сдѣлать это сообщеніе въ XIX засѣданіи нашего Общества (28 марта), пользуясь присутствіемъ на немъ посѣтившаго насъ В. Н. Беркута, товарища предсѣдателя московскаго историко-педагогическаго кружка [1]): это симпатичное учрежденіе съ самаго начала систематизировало свои занятія

---

[1]) Историческая секція учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній. См. „Историч. Обозрѣніе“, т. I, стр. 267—270 перваго отдѣла и т. II, стр. 38—44 второго отдѣла.

вопросами, касающимися преподаванія исторіи, и почтенный Владиміръ Николаевичъ могъ бы, конечно, сообщить намъ много интереснаго по этому предмету. За позднимъ временемъ чтеніе моего реферата не состоялось и было отложено до сегодняшняго засѣданія.

На необходимость систематизаціи упомянутыхъ занятій я позволилъ себѣ указать еще въ рѣчи своей о задачахъ нашего Общества, читанной въ одномъ изъ первыхъ его засѣданій [1]). Между тѣмъ, тогда было заявлено, что одинъ изъ членовъ нашего общества, представитъ рефератъ на эту тему, но сначала за массой работы, а потомъ за отъѣздомъ въ заграничную командировку лицо это (И. М. Гревсъ) не могло исполнить своего намѣренія. Послѣ этого въ апрѣлѣ прошлаго года (1890) мнѣ пришлось, такъ сказать, присутствовать при зарожденіи московскаго историко-педагогическаго кружка, а въ январѣ нынѣшняго (1891) года—быть въ одномъ изъ его засѣданій, и я еще болѣе убѣдился, что успѣшная разработка вопросовъ, касающихся преподаванія исторіи, можетъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ систематизаціи занятій этими вопросами. Я уже высказался въ этомъ смыслѣ, резюмируя пренія, вызванныя интереснымъ рефератомъ Я. Г. Гуревича объ исторіи, какъ наукѣ и какъ предметѣ преподаванія [2]), и думая воспользоваться пріѣздомъ въ Петербургъ В. Н. Беркута, рѣшился представить свои соображенія на этотъ счетъ Историческому Обществу въ видѣ краткой програмы вопросовъ, коими намъ слѣдовало бы заняться. Все мое сообщеніе и уложится сегодня въ 15 небольшихъ параграфахъ, составляя которые я имѣлъ въ виду тезисы къ реферату Я. Г. Гуревича [3]) и обсуждавшіяся у насъ въ прошломъ (1890) году общія руководящія положенія, принятыя членами московскаго кружка [4]), а отчасти рефераты Ю. Ю. Цвѣтковскаго и В. Н. Беркута, читавшіеся въ послѣднихъ (XVIII и XIX) засѣданіяхъ нашего Общества [5]). Быть можетъ, Общество нашло бы нужнымъ образовать особую коммиссію для разсмотрѣнія этого предмета или ограничилось бы только постановленіемъ о разсылкѣ предлагаемыхъ на его усмотрѣніе параграфовъ, но во всякомъ случаѣ желательно было бы, чтобы съ осени 1891 г. работы Общества, наиболѣе способныя заинтересовать нашихъ членовъ изъ преподавательскаго персонала и привлечь къ нему новыя силы изъ этой среды, были поставлены болѣе удовлетворительно и—главное—не отличались полнѣйшею случайностью. Съ своей стороны я взялъ бы на себя изготовленіе рефератовъ по двумъ вопросамъ, а именно: 1) о расположеніи фактическаго матеріала въ историческомъ курсѣ въ виду необходимости

---

[1]) Истор. Обозр., т. I, отд. II, стр. 8.

[2]) Тамъ же, I, отд. II, стр. 41.

[3]) Тамъ же, I, отд. II, стр. 35—36.

[4]) Тамъ же, т. I, отд. I, стр. 269—270 и т. II, отд. II, стр. 38—39.

[5]) Тамъ же, т. II, отд. II, стр. 31—32 (рефератъ Ю. Ю. Цвѣтковскаго, и т. II, отд. I, стр. 133—154 (реф. В. Н. Беркута).

изображенія одновременности извѣстныхъ явленій, происходящихъ въ разныхъ странахъ, и въ то же время необходимости не нарушать связи между послѣдовательными событіями, совершающимися въ одной странѣ, и 2) объ отношеніи отечественной исторіи къ всеобщей въ курсѣ средне-учебныхъ заведеній.

1. Систематическому обсужденію въ Историческомъ Обществѣ вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ, должно предшествовать соглашеніе въ главныхъ пунктахъ по вопросу о цѣли этого преподаванія, которая понимается невполнѣ одинаково [1]).

2. При опредѣленіи цѣли преподаванія исторіи нужно не смѣшивать съ нею естественные результаты этого преподаванія, сказывающіеся въ его вліяніи на моральномъ и политическомъ воспитаніи учащихся [2]).

3. Цѣлью преподаванія исторіи долженъ опредѣляться выборъ матеріала для преподаванія, конечно, въ зависимости отъ возраста учащихся [3]), отъ различія между отечественною и всеобщею исторіей [4]) и отъ той важности, какую въ разныя эпохи имѣютъ отдѣльныя категоріи фактовъ (политическая жизнь, религіозныя движенія, литература и искусства и т. п. [5]).

4. Въ основу преподаванія должна быть положена извѣстная канва для группировки разнообразнаго матеріала, безъ чего курсъ исторіи не будетъ имѣть цѣльности [6]).

5. Необходимо опредѣлить, какія области жизни доступны учащимся разныхъ возрастовъ въ виду возникающихъ на этотъ счетъ сомнѣній [7]), въ зависимость отъ чего можетъ быть поставленъ вопросъ о концетрическихъ курсахъ.

6. Необходимо точнѣе опредѣлить взаимныя отношенія отечественной и всеобщей исторіи съ точки зрѣнія выбора матеріала [8]).

7. При всемірно-исторической точкѣ зрѣнія, долженствующей господствовать въ преподаваніи всеобщей исторіи, весьма важно опредѣлить, какъ слѣдуетъ распредѣлить матеріалъ, относящійся къ исторіи разныхъ эпохъ въ жизни одного и того же народа и къ исторіи одной и той же эпохи въ жизни нѣсколькихъ народовъ [9]).

---

[1]) Ср. 5, 6 и 10 тезисы Я. Г. Гуревича и тезисъ 2 московскаго кружка.

[2]) Ср. 5 т. Я. Г. Г. и 3 московскаго кружка.

[3]) Ср. 4 т. моск. кружка и тезисъ 6 и 9 Я. Г. Г.

[4]) Ср. 4 т. моск. кружка и 8 т. Я. Г. Г.

[5]) Ср. 5 т. московскаго кружка.

[6]) Ср. 6 т. моск. кружка; Я. Г. Г. не обратилъ вниманія на эту сторону дѣла, ср. тезисъ 9.

[7]) Обстоятельство, выдвигаемое на первый планъ Я. Г. Г., но въ моск. тезисахъ оно игнорируется.

[8]) Ср. тезисъ 4 моск. кружка.

[9]) Ср. 8 тезисъ Я. Г. Г.; 5 т. моск. кружка говоритъ только о жизни одного народа.

8. Желательна ли и возможна ли выработка нормальной программы курса исторіи? [1]).

9. Какими качествами долженъ отличаться историческій учебникъ? Между прочимъ здѣсь возникаетъ вопросъ о правильности противоположенія исторіи, какъ науки и какъ предмета преподаванія [2]).

10. Въ какомъ отношеніи должна находиться къ учебнику школьная книга для чтенія, и что она должна изъ себя представлять? [3]).

11. Роль преподавателя равнымъ образомъ тоже понимается различно [4]).

12. Не было ли бы возможно составить каталогъ цѣльныхъ сочиненій (книгъ и статей) и списокъ отрывковъ, которые можно было бы рекомендовать для чтенія при преподаваніи исторіи?

13. Насколько полезны и въ какомъ отношеніи могутъ быть полезны письменныя работы учениковъ (такъ-называемыя сочиненія) на историческія темы?

14. Въ VII засѣданіи Историческаго Общества Я. Г. Гуревичъ возбудилъ вопросъ объ учрежденіи при историческихъ отдѣленіяхъ историко-филологическихъ факультетовъ педагогическаго семинарія. Вопросъ этотъ еще не обсуждался [5]).

15. Въ Историческомъ Обществѣ, кромѣ того, могли бы дѣлаться сообщенія объ историческихъ программахъ и руководствахъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, у насъ и заграницей, о методахъ преподаванія и о сочиненіяхъ по методикѣ исторіи, о разныхъ педагогическихъ наблюденіяхъ въ области этого преподаванія, а также возбуждаться частные вопросы, касающіеся того же предмета.

Протоколъ XXI Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 24 апрѣля 1891 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 17 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что А. И. Маркевичъ благодаритъ Историческое Общество за избраніе въ члены.

3. Г. предсѣдатель заявилъ, что второй томъ Историческаго Обозрѣнія

---

[1]) Одна изъ главныхъ задачъ моск. кружка.

[2]) Эта общая тема реферата Я. Г. Гуревича. Ср. также 2 тез. Ю. Ю. Цвѣтковскаго.

[3]) Вопросъ, возбужденный у насъ реф. Ю. Ю. Цвѣтковскаго.

[4]) См. въ тѣхъ же тезисахъ Ю. Ю. Цвѣтковскаго.

[5]) 12 тезисъ Я. Г. Г.

почти отпечатанъ и поступитъ въ продажу въ половинѣ мая мѣсяца текущаго года.

4. Г. библіотекарь прочелъ списокъ книжныхъ пожертвованій поступившихъ въ библіотеку Общества за текущій мѣсяцъ отъ Н. М. Благовѣщенскаго, Н. М. Лисовскаго, А. И. Маркевича, В. А. Мякотина, В. Н. Сторожева и отъ Таврической архивной коммиссіи.

5. Предложены въ члены Историческаго Общества слѣдующіе кандидаты: г. Освальдъ Бальцеръ (проф. Львовскаго университета), Н. А. Осокинъ, М. И. Туганъ-Барановскій.

6. По случаю выбытія изъ членовъ Комитета Е. Ф. Шмурло, въ силу § 20 Устава предложены кандидатами въ члены Комитета В. Д. Сиповскій и С. Л. Пташицкій.

7. С. А. Вершадскій прочелъ сообщеніе „Объ общественной организаціи крестьянъ въ Литвѣ XVI вѣка". А. С. Лаппо-Данилевскій сдѣлалъ нѣсколько сближеній между бытомъ Литовскихъ и Великорусскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сокращеніе реферата С. А. Бершадскаго „Общественная организація крестьянъ въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ въ началѣ XVI вѣка.

Государственному устройству Великаго княжества Литовскаго чужды основныя черты западно-европейскаго феодализма: 1) Отношенія государственной власти къ подданнымъ опираются не на договорѣ, а на историческомъ правѣ Гедиминовичей на свою „отчину и дѣдину". 2) Отношеніе власти ко всѣмъ подданнымъ непосредственная. 3) Крестьяне въ огромномъ большинствѣ составляютъ непосредственныхъ подданныхъ Великаго князя, сидящіе или на на помѣстныхъ земляхъ, или же на земляхъ, находящихся въ хозяйственномъ управленіи Великокняжескихъ чиновниковъ.

До половины XVI в. крестьяне владѣютъ землею на тѣхъ же правахъ, какъ и всѣ остальные свободные классы Великаго Княжества, уплачивая съ этихъ земель опредѣленныя подати и отбывая повинности. Размѣръ и того и другого опредѣлялся пропорціонально идеальной единицѣ носившей названіе „службы таглой". Въ частности эти повинности были слѣдующія: 1) „Дякло" — опредѣленное количество ржи, овса и сѣна, а равно и доставленіе этихъ продуктовъ въ ближайшій Великокняжескій дворъ. Въ мѣстахъ изобильныхъ пушными звѣрьми или богатыя медомъ и т. д., этотъ взносъ зерна замѣнялся соотвѣтствующимъ количествомъ мяса, воска, меду и т. п. 2) „Стаціи"—доставленіе на опредѣленныя мѣста („станы") того или иного количества съѣстныхъ припасовъ, фуража для Великаго князя или же мѣстныхъ властей. 3) Ремонтъ Великокняжескихъ зданій и „становъ".—Крестьяне организованы были въ XVI в.

въ жилыхъ мѣстахъ въ автономическія общины, управляемыя выборными крестьянами, носившими названіе „старцевъ". Тамъ, гдѣ старцы замѣнены или назначенными Великимъ княземъ чиновниками, крестьянамъ все-таки принадлежали слѣдующія права въ мѣстномъ управленіи: a) наблюденіе за всѣми пришлыми людьми; b) оказаніе помощи въ преслѣдованіи лихихъ людей, по требованію потерпѣвшаго (выходъ на „слѣдъ"); c) право суда по преступленіямъ лицъ, не подлежащихъ непосредственному суду Великокняжескаго намѣстника.

Содержаніе мѣстной администраціи производилось за счетъ крестьянъ, сообразно уставнымъ грамотамъ. Раскладка же и взиманіе этихъ податей принадлежали самимъ крестьянамъ.

Въ системѣ административныхъ округовъ автономныя крестьянскія общества назывались волостями („волости Поднѣпрскія") и стояли наравнѣ съ округами, тянувшими къ Великокняжсекимъ дворамъ „державами". Для нѣкоторыхъ сторонъ управленія и эти волости дѣлились на „станы". Тамъ, гдѣ крестьяне не имѣли автономическаго управленія, они дѣлились на „сороки" (волости), „десятки". Копные суды имѣли свои округи, точное соотношеніе которыхъ съ другими единицами опредѣлить трудно.

Протоколъ XXII Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 18 сентября 1891 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 20 членовъ.

1. Г. предсѣдатель заявилъ членамъ Общества объ утратахъ, какія потерпѣло Общество въ лицѣ И. Е. Андреевскаго, А. И. Акимова и В. Г. Грефе, и предложилъ почтить память ихъ вставаніемъ.

2. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

3. Г. редакторъ Историческаго Обозрѣнія заявилъ, что второй томъ Историческаго Обозрѣнія вышелъ и разосланъ гг. членамъ, уплатившимъ членскіе взносы; третій томъ Обозрѣнія печатается.

4. Г. предсѣдатель заявилъ, что правила пользованія книгами библіотеки Общества разсмотрѣны и утверждены совѣтомъ Университета.

5. Г. казначей (за отсутствіемъ г. библіотекаря) заявилъ, что въ библіотеку Общества поступило отъ А. В. Ходскаго, А. Н. Филиппова, Д. А. Столыпина, Д. М. Петрушевскаго, В. В. Лесевича, г. Мировича, А. Лебедева, Д. Первова, Н. И. Карѣева, Н. И. Барсова, отъ Воронежской публичной библіотеки, Казанскаго Общества исторіи, археологіи и этнографіи, Казанскаго университета, Кіевскаго Историческаго общества Нестора лѣтописца, Таврической ученой архивной коммиссіи, книжныхъ пожертвованій, всего 25 названій книгъ въ 117 томахъ. А. И. Павинскій, проф. Кайзль, д-ръ О. Бальцеръ

выслали также издаваемые ими журналы Athenaeum (польскій и чешскій) и Kwartalnik historyczny.

6. Въ виду продолжительности преній, возникающихъ по поводу сообщеній педагогическаго характера и неудобства совмѣщать такія сообщенія съ спеціальными рефератами по исторіи всеобщей и русской, постановлено образовать при Историческомъ Обществѣ особую педагогическую секцію, въ которой и будутъ обсуждаться вопросы касательно преподаванія исторіи.

7. Приступлено къ баллотировкѣ предложенныхъ въ прошломъ засѣданіи кандидатовъ. Гг. О. Бальцеръ и Туганъ-Барановскій оказались избранными единогласно, Н. А. Осокинъ—большинствомъ голосовъ.

8. Предложены въ члены общества слѣдующіе кандидаты: гг. В. Б. Каттерфельдъ, Э. Д. Гриммъ, В. П. Клячинъ, С. Н. Шубинскій, В. Д. Цвѣтницкій, Д. М. Петрушевскій, проф. І. Кайзль, проф. Ѳ. О. Масарикъ и г. Луи Фаржъ.

9. Въ виду выбытія Е. Ф. Шмурло изъ состава Комитета по случаю назначенія его исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора въ Дерптѣ, приступлено къ избранію въ члены Комитета одного изъ предложенныхъ Комитетомъ кандидатовъ гг. Сиповскаго и Пташицкаго. Избраннымъ оказался большинствомъ голосовъ г. Пташицкій.

10. Прочитана статья М. М. Ковалевскаго „Поворотный моментъ въ исторіи землевладѣнія и землевладѣльческихъ классовъ въ Англіи“.

11. С. А. Бершадскій прочелъ сообщеніе объ изданныхъ г. Каманинымъ Актахъ о еврейскомъ населеніи въ Югозападной Россіи (См. прил. I). На рефератъ С. А. Бершадскаго возражалъ В. А. Мякотинъ. Оппонентъ указалъ на недостаточную достовѣрность опубликованныхъ г. Каманинымъ цифровыхъ данныхъ и замѣтилъ, что предисловіе къ этимъ даннымъ, составленное г. Каманинымъ не имѣетъ никакого научнаго значенія и что переписи, кромѣ переписи 1764 г., никуда не годятся (См. приложеніе II).

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Объ Актахъ къ исторіи еврейскаго населенія въ Юго-западной Россіи въ концѣ XVIII вѣка, изданныхъ И. И. Каманинымъ. (Архивъ Юго-западной Россіи, т. V, ч. 2, въ двухъ томахъ).

(Краткое изложеніе реферата С. А. Бершадскаго).

Собранныя и обнародованныя г. Каманинымъ метрики представляютъ цѣнное прибавленіе къ тому ничтожному количеству матеріаловъ, которое мы имѣемъ въ настоящее время по исторіи евреевъ въ Литвѣ вообще и въ Юго-

западной Россіи въ частности. Каковы бы ни были погрѣшности въ собранныхъ матеріалахъ, они во всякомъ случаѣ единственныя, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи.

Не защищая безусловной достовѣрности всѣхъ переписей еврейскаго населенія, обнародованныхъ г. Каманинымъ, мы однако должны принять во вниманіе, что среди этихъ переписей есть одна, заслуживающая особеннаго вниманія, весьма близкая къ дѣйствительности. Это—перепись, произведенная на основаніи сеймовой конституціи 1764 г. Въ ней мы имѣемъ критерій для провѣрки показаній остальныхъ ревизій, съ ней должны были поневолѣ справляться и позднѣйшіе люстраторы еврейскаго населенія, разъ они не желали подвергнуться обвиненію въ злоупотребленіяхъ при производствѣ ревизіи.

Причина такой особенной достовѣрности ревизіи 1764—65 г. заключается въ слѣдующемъ: послѣ казацко-шляхетскихъ войнъ, евреи для возстановленія своего прежняго юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ должны были войти въ значительные долги. Суммы, занятыя ими у различныхъ лицъ, а, главнымъ образомъ, у монашескихъ орденовъ, были громадны, такъ напр., въ Польшѣ XVIII ст. одинъ только Виленскій кагалъ долженъ былъ іезуитамъ около 1,000,000 злотыхъ. Для погашенія этихъ долговъ, занятыхъ подъ круговую поруку, евреи должны были прибѣгнуть къ установленію особыхъ еврейскихъ податей, преимущественно въ видѣ обложенія предметовъ потребленія: мяса, хлѣба, рыбы, свѣчей и проч. Сверхъ этихъ косвенныхъ налоговъ введены были самими же евреями и прямые налоги въ видѣ добавочныхъ платежей къ тѣмъ еврейскимъ податямъ, которыя вносились въ государственное казначейство въ видѣ огульной суммы со всего еврейскаго населенія. Паденіе нравственныхъ принциповъ, господство и безконтрольное хозяйничанье еврейской денежной аристократіи суммами, шедшими съ евреевъ для уплаты процентовъ по займамъ и на ихъ погашеніе, привели массу бѣдняковъ евреевъ въ безвыходное положеніе. Единственнымъ освобожденіемъ отъ нравственнаго и экономическаго гнета кагала эта еврейская масса считала установленіе непосредственныхъ отношеній къ себѣ государственной власти.

Устраняя кагалы, какъ посредниковъ къ сбору податей съ евреевъ, государственная власть могла сразу весьма сильно увеличить цифру еврейскаго налога, поступающаго въ казну. Для этой операціи, т.-е. установленія поголовнаго налога, вносимаго въ казну непосредственно каждымъ еврейскимъ плательщикомъ, необходима была ревизія. Такая ревизія была предписана сеймомъ 1764 г. и осуществлена въ дѣйствительности. Едва ли можно сомнѣваться, что ревизія эта (произведенная по желанію всего бѣднаго еврейскаго населенія Литвы и на его глазахъ) не дала весьма точныхъ цифръ. Интересъ каждаго бѣдняка состоялъ въ томъ, чтобы уйти отъ произвола кагала, стать лицомъ къ лицу съ государственною властію, платить, вмѣсто случайной цифры,

опредѣляемой усмотрѣніемъ кагала, опредѣленную, заранѣе всѣмъ извѣстную сумму. Слишкомъ грубыя нарушенія со стороны ревизоровъ предписаній сейма вызвали бы немедленно протестъ со стороны заинтересованныхъ лицъ,—а таковыми лицами были почти всѣ евреи Великаго княжества Литовскаго и воеводствъ Южной Россіи.

Если позднѣйшія ревизіи вызывали возраженія и жалобы, если матеріалы ими собранные не могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными, то это происходитъ въ силу того обстоятельства, что надежды евреевъ на освобожденіе ихъ государственною властію отъ зависимости кагаловъ не оправдались, а потому эти бѣдные евреи относились къ позднѣйшимъ ревизіямъ холодно и безучастно; естественно, что эти послѣднія ревизіи стоятъ гораздо ниже первой ревизіи XVIII в.

Сверхъ напечатанія матеріаловъ, г. Кананинъ снабдилъ ихъ введеніемъ, въ которомъ эти матеріалы подвергнуты тщательной обработкѣ, облегчающей читателю знакомство съ этими сухими цифровыми данными.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Возраженія В. А. Мякотина на рефератъ С. А. Бершадскаго.

По прочтеніи реферата г. Мякотинъ попросилъ объясненій по двумъ пунктамъ. Во-первыхъ, г. референтъ нашелъ возможнымъ утверждать достовѣрность статистическихъ цифръ, заключающихся въ изданныхъ г. Кананинымъ документахъ, выводя эту достовѣрность теоретически изъ факта желательности для еврейскаго населенія Польши перехода отъ откупной системы въ сборѣ податей къ системѣ подати поголовной. Но это теоретическое соображеніе теряетъ свое значеніе въ виду прямыхъ и положительныхъ доказательствъ невѣрности еврейскихъ переписей, доказательствъ, собранныхъ въ рецензіи г. Н. М. на книгу Кананина, помѣщенной въ „Кіевской Старинѣ". Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ: на польскихъ сеймахъ, современныхъ этимъ переписямъ, часто дѣлались послами указанія на полную ихъ невѣрность; тогдашніе спеціалисты по еврейскому вопросу, работавшіе надъ нимъ и составлявшіе проекты реформы положенія евреевъ въ государствѣ, также не придавали никакого значенія цифрамъ поголовныхъ переписей, со стороны частныхъ лицъ и правительственныхъ чиновниковъ шли заявленія о постоянномъ укрываніи евреевъ отъ переписей и подкупѣ люстраторовъ. Наконецъ, прямое оффиціальное свидѣтельство объ этомъ имѣется въ изданныхъ самимъ г. Кананинымъ документахъ: именно, въ одной изъ переписей указывается количество евреевъ, укрывшихся отъ предыдущихъ тарифовъ, и для летичевскаго повѣта, напр., это количество достигаетъ 11% всего еврейскаго населенія повѣта. Въ виду этихъ и другихъ болѣе мелкихъ данныхъ г. Мякотинъ

полагалъ, что достовѣрность опубликованныхъ г. Каманинымъ цифръ остается совершенно недоказанной и нѣтъ возможности опредѣлить даже приблизительно степень ихъ недостовѣрности.

Такъ какъ г. Бершадскій согласился въ общемъ съ этимъ мнѣніемъ, оговоривъ однако, что онъ желалъ доказать только достовѣрность первой переписи, 1764 года, которая, по его мнѣнію, и доказывается высказанными имъ соображеніями, то оппонентъ, замѣтивъ, что для него нѣтъ противорѣчія между фактомъ желанія евреевъ платить подать не по откупной, а по поголовной системѣ, и невѣрностью переписей, перешелъ ко второму своему возраженію. Референтъ нашелъ возможнымъ признать важное научное значеніе за выводами, заключающимися въ предисловіи г. Каманина къ изданнымъ имъ документамъ. Выводы эти сдѣланы имъ на основаніи изученія и сопоставленія цифръ переписей, какъ призналъ самъ референтъ, недостовѣрныхъ. Если даже согласиться съ нимъ и считать перепись 1764 г. достовѣрною, то остается еще 7 невѣрныхъ переписей, на основаніи которыхъ авторъ предисловія дѣлаетъ выводы, конечно, тоже невѣрные. Помимо того нельзя признать удовлетворительнымъ и самый планъ работы. Положивъ въ основаніе своихъ разсужденій совершенно произвольное и искусственное утвержденіе, будто евреи въ Польшѣ занимались только арендой, пропинаціей и торговлей, не оправдывающееся даже изданными имъ же переписями, гдѣ встрѣчается много евреевъ ремесленниковъ, рабочихъ, прислуги, учителей и т. д., авторъ также произвольно построилъ вполнѣ искусственную схему зависимости разселенія евреевъ отъ степени пустоты мѣстнаго населенія, тяжести крестьянскихъ повинностей и торговли. Примѣненіе этой апріорной схемы къ фактамъ дѣйствительной жизни производится г. Каманинымъ чисто насильственнымъ путемъ, причемъ онъ не останавливается даже передъ созданіемъ новыхъ статистическихъ цифръ, не существующихъ въ его документахъ, а самая зависимость густоты еврейскаго населенія отъ указанныхъ факторовъ остается все-таки гадательной. Вѣнцомъ всего этого искусственнаго зданія является положеніе г. Каманина, что евреи были одною изъ главныхъ причинъ паденія Польши, рѣшительно ни на чемъ не основанное и ничѣмъ не доказанное. Въ виду недостовѣрности заключающихся въ источникахъ цифръ, несогласія положенія автора съ данными самихъ его источниковъ и ненаучности пріемовъ изслѣдованія книга г. Каманина, по мнѣнію г. Мякотина, въ научномъ отношеніи представляетъ изъ себя только отрицательную величину.

Г. Бершадскій, признавая справедливость сдѣланныхъ оппонентомъ частныхъ замѣчаній, не согласился однако съ его конечнымъ выводомъ. По его мнѣнію, прежде всего цифры переписей могутъ имѣть, если не абсолютное, то приблизительное значеніе и потому на нихъ можно основывать нѣкоторые выводы. Затѣмъ цѣнность выводовъ всякаго автора зависитъ, конечно, отъ широты его взгляда, но это не исключаетъ возможности и частныхъ, мелкихъ выводовъ. Въ этомъ смыслѣ имѣютъ значеніе и нѣкоторыя положенія г. Ка-

манина и несомнѣнная невѣрность его основного положенія о занятіяхъ евреевъ не обусловливаетъ еще собою невѣрности остальныхъ частей труда. Въ частности г. Бершадскій указалъ, что и по его мнѣнію разселеніе евреевъ могло, если не стоять въ зависимости, то обусловливать собою тяжесть крестьянскихъ повинностей. Авторъ предисловія къ актамъ смѣшалъ только, по его мнѣнію, причину съ послѣдствіями.

Протоколъ XXIII Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 9 октября 1891 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 19 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. редакторъ Историческаго Обозрѣнія заявилъ, что третій томъ Обозрѣнія печатается, и что въ составъ его войдутъ статьи: М. М. Ковалевскаго, Н. И. Карѣева, Е. А. Бѣлова, М. А. Дьяконова, А. С. Лаппо-Данилевскаго.

3. Г. Предсѣдатель заявилъ предложеніе Комитета собраться членамъ Общества черезъ двѣ недѣли (24 октября) для обсужденія вопроса объ образованіи особаго бюро педагогической секціи.

4. Г. Предсѣдатель заявилъ о вновь поступившихъ пожертвованіяхъ въ библіотеку Общества всего 11 названій книгъ въ 12 томахъ: отъ Казанскаго Университета, Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, А. И. Браудо, Г. Е. Аѳанасьева, Н. А. Котляревскаго, Е. В. Крылова, С. М. Середонина, Н. Д. Чечулина.

5. Произведена баллотировка кандидатовъ, предложенныхъ въ прошломъ Общемъ Собраніи: гг. Гриммъ, Кайзль, Клячинъ, Масарикъ, Петрушевскій, Фаржъ, Шубинскій, Цвѣтницкій избраны единогласно, г. Катгерфельдъ большинствомъ голосовъ.

6. Предложены кандидатами въ члены Общества: гг. Брикнеръ, Рождественскій и Шварсалонъ.

7. Г. В. Форстенъ прочелъ рефератъ; „Ливонскіе проекты въ XVI вѣкѣ“ (см. приложеніе), Е. А. Бѣловъ сообщеніе о „Верховникахъ и дворянствѣ“ [1]).

---

[1]) Печатается въ III т. „Ист. Обозр.“.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Краткое содержаніе реферата Г. В. Форстена: „Ливонскіе проекты XVI столѣтія“.

Во второй половинѣ XVI столѣтія сѣверъ и сѣверо-востокъ Европы былъ свидѣтелемъ полувѣковой борьбы изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ, борьбы не столько политической, сколько культурной, коммерціальной. Яблокомъ раздора сѣверныхъ державъ была Ливонія, т.-е. земли Ливонскаго ордена, основаннаго въ 1202 г. Среди причинъ, содѣйствовавшихъ быстрому распаденію ордена, реформація должна занять первое мѣсто; орденъ могъ держаться только, пока держался въ немъ католицизмъ. Съ 1558 года въ борьбѣ изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ принимаетъ участіе и Россія. Съ перваго же столкновенія съ ней стало ясно, что начавшаяся борьба не по силамъ ордену и паденіе его неминуемо. Тогда-то создаются рядъ плановъ и проектовъ, какъ сохранить цѣлостность и нераздѣльность орденскихъ земель, какъ спасти его отъ захвата Москвою. Критическое положеніе ордена послужило для многихъ предметомъ разнообразнѣйшихъ политическихъ спекуляцій.

Изъ Ливонскихъ проектовъ наиболѣе интересны слѣдующіе:

1) Проектъ Альбрехта Бранденбургскаго, послѣдняго гофмейстера и перваго герцога Пруссіи. Онъ, какъ вассалъ Польши, добивался секуляризаціи Ливонскихъ орденскихъ земель, а потомъ и присоединенія ихъ къ своимъ прусскимъ владѣніямъ. Но въ Ливоніи встрѣтилось много препятствій для достиженія этой цѣли. Здѣсь было слишкомъ много самостоятельныхъ политическихъ факторовъ, съ которыми Альбрехту не приходилось считаться у себя въ Пруссіи. Съ 1530 года братъ герцога Прусскаго Вильгельмъ сдѣлался коадъюторомъ архіепископа Рижскаго; при помощи Пруссіи и Польши онъ добивается секуляризаціи Рижской архіепископіи. Но Вольмарскій ландтагъ 1546 года разбилъ весь его планъ. Послѣ Пруссіи Мекленбургъ ухватился за мысль о секуляризаціи Ливонскаго ордена. Мекленбургскій герцогъ Христофоръ надѣялся достигнуть этого сначала при помощи Польши, а затѣмъ при помощи Швеціи, но оба раза потерпѣлъ неудачу.

2) Въ самый разгаръ Ливонской войны среди Ганзейскихъ городовъ возникъ планъ сдѣлать Ливонію провинціей Ганзы. Составленъ былъ обстоятельный разсчетъ необходимыхъ для этого плана военныхъ силъ и денегъ. Вѣроятно, война съ Швеціей помѣшала Любеку приняться за исполненіе его, (Бунге, Гандельманнъ).

3) Въ 1567 году составился новый проектъ относительно Ливоніи. Крупныя купеческія фирмы Германіи ни подъ какимъ видомъ не хотѣли допустить утвержденія въ Ливоніи иноземныхъ государей и убѣждали Германскаго импе-

ратора заключить миръ съ Москвою, соединиться съ нею дружескимъ договоромъ и предоставить ей безпрепятственныя сношенія съ Западной Европой. Этимъ путемъ императоръ добьется отъ Московскаго царя добровольной уступки Ливоніи. Взгляды этихъ торговыхъ компаній раздѣлялъ пфальцграфъ Рейнскій и нѣкоторые другіе князья. (См. Мюнх. архивъ и наши Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса, 1889 г.). Авторы этого проекта (Георгъ Либенауеръ, Кругмгаузенъ и др.), убѣждали императора послать царю орденъ, установить постоянную почту между Москвою и Вѣною и имѣть своего постояннаго посла при Московскомъ дворѣ. Все это потребуетъ 1,042,262 марокъ.

4) Къ 1570 году относится проектъ Ливонскаго королевства подъ протекторатомъ Москвы. Любопытно отношеніе къ этому проекту Фридриха II Датскаго. Онъ очень сочувствовалъ ему и надѣялся удержать такимъ путемъ свое вліяніе на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря. Союзъ Магнуса съ Москвою вызвалъ сильную вражду съ Даніей европейскихъ государей; они опасались утвержденія русскихъ на Балтійскомъ морѣ. „При необыкновенной способности русскихъ"—говорится въ одномъ политическомъ листкѣ—царь добьется своей цѣли; сегодня у него 4 корабля, черезъ годъ ихъ станетъ 10, потомъ 20, 40, 60 и т. д." (Дрезд., Копенгаг. и Мюнх. архивы. Наши Акты. №№ 10 и 56 до 60, № 63).

5) Весьма любопытенъ былъ и проектъ Максимиліана II—создать свой имперскій флотъ на Балтійскомъ морѣ съ цѣлью изгнать изъ Ливоніи иноземцевъ и сдѣлать ее Балтійской провинціей Германской имперіи. Съ 1570 года императоръ съ бóльшимъ вниманіемъ сталъ слѣдить за ходомъ событій на Балтійскомъ морѣ и обнаружилъ желаніе имѣть на Балтійскомъ морѣ своего адмирала, который бы возстановилъ тамъ прежнее положеніе дѣлъ, и оберегалъ интересы имперскихъ городовъ. Главная цѣль назначенія новаго административнаго лица на Балтійскомъ морѣ—это поддержаніе „правъ и репутаціи" императора на южномъ и восточномъ побережьяхъ его. (Мюнхенскій архивъ, наши Акты и письма; ср. также „Die Admiralsakten v. Pfalzgraf Georg Hans, Graf von Veldenz, въ Mittheil. aus dem Stadtarchiv von Köln, 1889 г.).

6) Въ 1575 году составленъ былъ проектъ передачи Ливоніи Франціи. Герцогъ d'Alençon долженъ былъ жениться на дочери Густава I—Елизаветѣ и стать намѣстникомъ французскаго правительства въ Ливонскомъ герцогствѣ. За этотъ планъ энергично стоялъ Генрихъ III, надѣявшійся изъ Ливоніи препятствовать торговымъ сношеніямъ Нидерландовъ. (См. акты, собранные Mollerup'омъ, а также Balt. Monatsschrift, 1889).

7) Теодоръ Шиманъ нашелъ въ Берлинскомъ архивѣ одинъ документъ, свидѣтельствующій о намѣреніи Грознаго сблизиться съ Іоанномъ Кюстринскимъ и ему передать Ливонію въ ленное владѣніе. Этотъ планъ могъ зародиться въ Грозномъ до его сближенія съ Магнусомъ, или же проектъ этотъ

созданъ царемъ Московскимъ во время Штеттинскихъ переговоровъ, которымъ онъ былъ крайне недоволенъ, что и выразилось въ письмѣ его къ Фридриху II. (Акты и письма къ Балтійскому вопросу); смерть Іоанна Кюстринскаго не дала этому проекту осуществиться.

8) Совершенно фантастическимъ слѣдуетъ считать проектъ Георга Ганса пфальцграфа Рейнскаго, герцога Баварскаго и графа von Veldenz, относящійся въ 1578 году. Георгъ Гансъ предлагалъ врагамъ Москвы соединиться и двинуться на Москву съ Бѣлаго моря; слѣдовало прежде всего укрѣпить устье Онеги, обезпечить за собою судоходную часть этой рѣки, а потомъ стать лагеремъ у Каргополя. Отсюда всего удобнѣе двинуться на Волгу, къ Балтійскому морю и Днѣпру. Для борьбы съ Москвою необходимо 10000-е войско. Швеція, Польша и Кетлеръ должны обезпечить себя и союзомъ съ татарами. Окруженный врагами съ сѣвера, запада и юга Московскій царь принужденъ будетъ положить оружіе и отказаться отъ Ливоніи. Проектъ Veldenz'а любопытенъ по множеству географическихъ данныхъ, разбросанныхъ въ немъ. (См. нашъ отчетъ о занятіяхъ въ Берлинскомъ архивѣ, гдѣ впервые упоминается о вышеназванномъ проектѣ; Акты и письма; Schiemann—Ein Abenteuerlicher Anschlag въ Balt. Monatsschrift, 1889).

Протоколъ XXIV (экстреннаго) Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 24 октября 1891 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 23 члена.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель указалъ на причины, вызвавшія образованіе педагогической секціи при Историческомъ Обществѣ, обратилъ вниманіе на desiderata, высказанныя въ педагогическомъ собраніи 2 мая 1891 г., и прочелъ программу вопросовъ по преподаванію исторіи, которые по мнѣнію Педагогической Коммиссіи должны были бы обсуждаться въ предстоящихъ засѣданіяхъ педагогической секціи (см. прил. I).

3. Обсуждались временныя правила педагогической секціи, предложенныя Комитетомъ (см. прил. II). Относительно перваго пункта сдѣланы слѣдующія замѣчанія: Г. Гераковъ считалъ удобнымъ допускать гостей на собранія педагогической секціи, г. Марковинъ предпочиталъ сдѣлать тѣ же засѣданія открытыми для публики. Г. Цвѣтковскій указывалъ на то, что всякій интересующійся дѣломъ преподаванія исторіи можетъ сдѣлаться членомъ секціи безъ затрудненій. Г. Гревсъ выражалъ желаніе считать всѣхъ преподавателей исторіи постоянными гостями. Гг. Гуревичъ и Беренштамъ высказались за предложенную редакцію. По разъясненіи этой редакціи г. предсѣдателемъ она

принята наравнѣ съ пунктами вторымъ и третьимъ. Относительно четвертаго пункта (образованія бюро секціи) рѣшено предоставить выборы членовъ въ бюро членамъ вновь образуемой секціи. Пятый и шестой пункты приняты безъ возраженій. По обсужденіи постановлено: утвердить временныя правила педагогической секціи.

4. Произведена баллотировка въ члены общества кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое общее собраніе: г. Брикнеръ оказался избраннымъ единогласно, гг. Рождественскій и Шварсалонъ—большинствомъ голосовъ.

5. И. М. Гревсъ прочелъ сообщеніе объ исторіи, какъ наукѣ и какъ предметѣ преподаванія, а также остановился на выясненіи главнѣйшихъ задачъ предстоящей дѣятельности педагогической секціи (см. прил. III). По поводу сдѣланнаго сообщенія В. А. Гольцевъ замѣтилъ, что наука исторіи не существуетъ, значитъ нѣтъ и научнаго преподаванія исторіи, слѣдовательно, исторія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ можетъ быть только предметомъ преподаванія; при этомъ референтъ ставитъ историческому преподаванію извѣстную цѣль (человѣка), слѣдовательно, вноситъ въ область историческаго преподаванія телеологическую, т.-е. этическую или философскую, а не чисто научную точку зрѣнія. С. Л. Степановъ указывалъ на возможность знакомить учениковъ съ важнѣйшими понятіями гражданскаго и государственнаго права въ доступной для нихъ формѣ. Я. Г. Гуревичъ вполнѣ соглашался съ возраженіями, сдѣланными референту В. А. Гольцевымъ, и настаивалъ на необходимости различать исторію, какъ науку, отъ исторіи, какъ предмета преподаванія. Ю. Ю. Цвѣтковскій не видѣлъ рѣзкаго принципіальнаго различія между исторіей какъ наукой и какъ предметомъ преподаванія, хотя и считалъ необходимымъ различать способы изложенія той и другой. Г. Беренштамъ считалъ оба мнѣнія, мнѣніе о научной постановкѣ преподаванія исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и мнѣніе объ исключительно педагогическомъ значеніи такого преподаванія, далеко не противоположными; при этомъ оппонентъ выражалъ несогласіе съ мнѣніемъ Каптерева о томъ, будто бы предметомъ науки служитъ одно спорное: не спорное, а самое важное, существенное является предметомъ научнаго изученія.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Протоколъ засѣданія педагогической коммиссіи 2 мая 1891 года.

Присутствовали: И. Н. Анонимовъ, В. А. Беренштамъ, Я. Г. Гуревичъ, Н. И. Карѣевъ, В. П. Нечаевъ и В. Д. Сиповскій.

Прочтена была предложенная Н. И. Карѣевымъ въ засѣданіи Ист. Общ. 11 апрѣля 1891 г. программа вопросовъ касающихся преподаванія исторіи. Во время чтенія, присутствовавшими были предложены нѣкоторыя

измѣненія въ формулировкѣ вопросовъ, послѣ чего программа получила слѣдующій видъ:

1. Систематическому обсужденію въ Историческомъ Обществѣ вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ, должно предшествовать соглашеніе въ главныхъ пунктахъ по вопросу о цѣли этого преподаванія, которая понимается не вполнѣ одинаково.

2. При опредѣленіи цѣли преподаванія исторіи нужно не смѣшивать съ нею естественные результаты этого преподаванія, сказывающіеся въ его вліяніи на моральномъ и политическомъ воспитаніи учащихся.

3. Цѣлью преподаванія исторіи долженъ опредѣляться выборъ матеріала для преподаванія, конечно, въ зависимости отъ возраста учащихся, отъ характера школы, отъ различія между отечественною и всеобщею исторіею и отъ той важности, какую въ разныя эпохи имѣютъ отдѣльныя категоріи фактовъ (политическая жизнь, религіозныя движенія, литература и искусства и т. п.).

4. Въ основу преподаванія должна быть положена извѣстная канва для группировки разнообразнаго матеріала, безъ чего курсъ исторіи не будетъ имѣть связности.

5. Необходимо опредѣлить, какія области жизни доступны учащимся разныхъ возрастовъ, въ виду возникающихъ на этотъ счетъ сомнѣній, въ зависимость отъ чего можетъ быть поставленъ вопросъ о концентрическихъ курсахъ, равно какъ о необходимости такъ называемаго элементарнаго курса, его содержанія и цѣли.

6. Необходимо точнѣе опредѣлить взаимныя отношенія отечественной и всеобщей исторіи съ точки зрѣнія выбора матеріала.

7. При всемірно-исторической точкѣ зрѣнія, долженствующей господствовать въ преподаваніи всеобщей исторіи, весьма важно опредѣлить, какъ слѣдуетъ распредѣлять матеріалъ, относящійся къ исторіи разныхъ эпохъ въ жизни одного и того же народа и къ исторіи одной и той же эпохи въ жизни нѣсколькихъ народовъ.

8. Въ какой мѣрѣ въ курсѣ исторіи можетъ быть допущено изложеніе исторіографіи и ознакомленіе съ критическими пріемами разработки исторіи?

9. Желательна ли и возможна ли выработка нормальной программы курса исторіи?

10. Какими качествами долженъ отличаться историческій учебникъ? Между прочимъ, здѣсь возникаетъ вопросъ о правильности противоположенія исторіи, какъ науки и какъ предмета преподаванія.

11. Въ какомъ отношеніи должны находиться между собою учебникъ, историческая хрестоматія, другія пособія (картины, атласы и др.), а также рекомендуемыя для чтенія книги?

12. Не было ли бы возможно составить каталогъ цѣльныхъ сочиненій

(книгъ и статей) и списокъ отрывковъ, которые можно бы было рекомендовать для чтенія при преподаваніи исторіи?

13. Въ чемъ должна заключаться роль учителя при преподаваніи исторіи?

14. Желательно ли учрежденіе при историческихъ отдѣленіяхъ историко-филологическихъ факультетовъ педагогическаго семинарія?

15. Насколько полезны и въ какомъ отношеніи могутъ быть полезны письменныя работы учениковъ (конспекты, сочиненія на историческія темы, хронологическія, синхронистическія и генеалогическія таблицы)?

16. Въ Историческомъ Обществѣ, кромѣ того, могли бы дѣлаться сообщенія объ историческихъ программахъ и руководствахъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, у насъ и за границей, о методахъ преподаванія и сочиненіяхъ по методикѣ исторіи, о разныхъ педагогическихъ наблюденіяхъ въ области этого преподаванія, а также возбуждаться частные вопросы, касающіеся того же предмета.

Затѣмъ, обсуждался вопросъ объ образованіи при Историческомъ Обществѣ *Историко-педагогической секціи*, причемъ согласились на слѣдующемъ: желательно образованіе историко-педагогической секціи; членами этой секціи могутъ быть члены Историческаго Общества—преподаватели средне-учебныхъ заведеній и профессора, занимающіеся преподаваніемъ историческихъ наукъ. Чтеніе рефератовъ, имѣющихъ болѣе общее содержаніе, можетъ быть перенесено, по рѣшенію секціи, въ собраніе Историческаго Общества.

Члены историко-педагогической секціи приплачиваютъ къ членскому взносу одинъ рубль.

Бюро секціи, дѣятельность котораго заключается въ созваніи собраній и составленіи протоколовъ засѣданій, состоитъ изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя и секретаря.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Временныя правила педагогической секціи при Историческомъ Обществѣ.

1. Въ Историческомъ Обществѣ образуется особая историко-педагогическая секція (Уставъ, § 15) для обсужденія вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ (§ 2, лит. с).

Примѣчаніе. По желанію секціи и съ согласія комитета (§ 18) чтеніе рефератовъ, имѣющихъ болѣе общее содержаніе, можетъ быть перенесено въ общее собраніе.

2. Членами этой секціи могутъ быть только члены Историческаго Общества.

3. Секція имѣетъ особое бюро, дѣятельность коего заключается въ со-

званія закрытыхъ засѣданій, составленія какъ протоколовъ засѣданій, такъ и годичнаго отчета.

Примѣчаніе. Публичныя собранія устраиваются лишь съ разрѣшенія Комитета Общества (§ 3, лит. а и § 33).

4. Въ составъ этого бюро входятъ предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя и секретарь, выбираемые на годъ членами секціи.

5. Протоколы и отчеты секціи печатаются въ „Историческомъ Обозрѣніи" вмѣстѣ съ протоколами и отчетами Общества.

6. Всѣ внѣшнія сношенія съ оффиціальными лицами и учрежденіями бюро секціи ведетъ черезъ Комитетъ Общества.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

По вопросу объ организаціи педагогической секціи при Историческомъ Обществѣ.

Краткое изложеніе сообщенія И. М. Гревса.

Данное сообщеніе не преслѣдуетъ широкой задачи разсмотрѣть весь вопросъ о постановкѣ преподаванія исторіи въ средней школѣ или разработать весь планъ дѣятельности открывающейся секціи; оно имѣетъ въ виду лишь намѣтить желательное общее направленіе работъ секціи путемъ указанія тѣсной связи, въ которой по существу находятся исторія-наука и исторія-учебный предметъ.

Учреждая при Историческомъ Обществѣ педагогическую секцію, необходимо предварительно отвѣтить себѣ на два основныхъ вопроса: 1) можетъ ли дѣйствительно это общество, преимущественно ученое, оказать прямое содѣйствіе разработкѣ теоріи и практики историческаго преподаванія въ средней школѣ, и насколько широко? 2) Если отвѣтъ на первый вопросъ окажется утвердительнымъ и область воздѣйствія Историческаго Общества на „гимназическую исторію" нарисуется осязательною и достаточно обширною,—къ какимъ цѣлямъ и по какимъ направленіямъ слѣдуетъ вести въ Обществѣ историко-педагогическую работу? Первый вопросъ опредѣлитъ самую возможность существованія секціи, второй послужитъ выясненію характера и систематизаціи ея дѣятельности.

Сущность перваго вопроса сводится къ опредѣленію связи между исторіею-наукою и исторіею-учебнымъ предметомъ: чѣмъ болѣе тѣсною и разнообразною будетъ представляться эта связь, чѣмъ болѣе будутъ сглаживаться различія между этими двумя понятіями (научною и учебною исторіею), тѣмъ болѣе широкою будетъ раскрываться область соприкосновенія работъ Историческаго Общества, какъ научнаго учрежденія, съ вопросами преподаванія исторіи въ гимназіи. Такимъ образомъ, для открывающейся секціи имѣетъ жизненную важ-

ность, будетъ ли противополагаться исторія-наука исторіи-учебному предмету или оба эти понятія будутъ объединены въ одинъ умственный образъ. Если остановиться на первомъ, то педагогическая секція врядъ ли можетъ вырости изъ Историческаго Общества, какъ нѣчто органическое, внутренно съ нимъ связанное, а явится при немъ лишь внѣшнимъ придаткомъ, такъ какъ при такомъ противоположеніи двухъ данныхъ понятій—и цѣли, и пути разработки преподаванія исторіи въ средней школѣ будутъ коренныкъ образомъ отличаться отъ задачъ и методовъ исторіи, какъ науки.

Поставить вопросъ о связи и взаимо-отношеніи двухъ указанныхъ направленій исторіи въ Историческомъ Обществѣ въ настоящее время и привесть его къ окончательному рѣшенію—является особенно важнымъ въ виду того, что на собраніяхъ его были раньше прочитаны два реферата, въ которыхъ исторія, какъ наука, если и не противополагалась вполнѣ рѣшительно исторіи, какъ учебному предмету, то во всякомъ случаѣ довольно рѣзко различалась отъ послѣдней. (Здѣсь имѣются въ виду рефераты Я. Г. Гуревича и Ю. Ю. Цвѣтковскаго, тезисы которыхъ напечатаны въ Историчеекомъ Обозрѣніи, см. т. I, стр. 35 и т. II, стр. 34).

Рефераты эти возбудили въ Обществѣ живой интересъ и сопровождались долгими и оживленными преніями, но не привели къ общему соглашенію; это обстоятельство и заставляетъ снова поставить вопросъ о томъ, *чѣмъ же должна быть исторія, преподаваемая въ средней школѣ*, вопросъ, черезъ который не можетъ перескочить основываемая секція, чтобы заняться раньше другими; тѣмъ болѣе, что несмотря на многое вѣрное, глубокое и цѣнное, даваемое указанными сообщеніями, основная точка зрѣнія ихъ подлежитъ спору, и признаніе ея правильною можетъ и связать, и направить въ невѣрную сторону работы секціи.

Вопросъ подлежитъ пересмотру. Говорятъ, исторія-наука имѣетъ въ виду всегда одну цѣль, вѣчную и неизмѣнную—*истину*, а исторія-учебный предметъ преслѣдуетъ другую, постоянно мѣняющуюся цѣль—*развитіе человѣка* (ребенка, юноши, ученика). Изъ этого выводятъ, что *исторія-наука* должна изучать развитіе историческаго процесса, отыскивать законы развитія человѣческихъ обществъ; *исторія-учебный предметъ* должна, пользуясь историческими фактами, содѣйствовать умственному развитію ребенка и возвышать его нравственно. Въ этомъ смыслѣ Я. Г. Гуревичъ и говоритъ: „Исторія имѣетъ значеніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ *не какъ наука*, а *какъ средство для умственнаго и нравственнаго развитія учениковъ*“. Ю. Ю. Цвѣтковскій особенно радикально проводилъ идею строгаго различенія между исторіею-наукою и исторіею-учебнымъ предметомъ. По его мнѣнію, гимназическій курсъ исторіи вовсе не долженъ быть систематическимъ изложеніемъ всего хода развитія человѣчества, а долженъ слагаться изъ монографическаго изложенія наиболѣе яркихъ и великихъ эпохъ въ жизни наиболѣе важныхъ народностей, причемъ главною цѣлью историческаго преподаванія въ школѣ

долженъ быть нестолько интеллектуальный моментъ (сообщеніе ученику основательныхъ знаній и твердыхъ сужденій по исторіи), сколько эмоціональный (возбужденіе интереса къ жизни народа и человѣчества) и этическій (развитіе въ немъ нравственнаго чувства).

Такое раздвоеніе неправильно. Всякая наука, какъ и всякій учебный предметъ имѣютъ въ виду одну цѣль—человѣка, его потребность, его благо. Въ этомъ смыслѣ и наука удовлетворяетъ потребности взрослаго познавать истину, и учебный предметъ отвѣчаетъ пытливости дѣтскаго ума, стремящагося къ пониманію окружающаго. Съ другой стороны, и наука можетъ волновать душу и подымать нравственность взрослаго человѣка, и учебный предметъ можетъ очищать и облагораживать душу ребенка. Такъ что общая цѣль—служеніе интересамъ (притомъ высшимъ) человѣка—объединяетъ науку и учебный предметъ.

Въ частности исторія, гдѣ бы ни преподавалась, для кого бы ни писалась, какъ бы ни разрабатывалась, имѣетъ одну цѣль: она стремится путемъ воспроизведенія прошлаго человѣчества дать изучающему пониманіе хода и результатовъ развитія личности и общества во взаимномъ ихъ отношеніи и тѣмъ дать ему матеріалъ для уразумѣнія современнаго состоянія человѣчества, своего положенія въ обществѣ и цѣли своей жизни. (Слова эти не даютъ научной формулы для опредѣленія цѣли исторіи, а лишь отмѣчаютъ нѣкоторые основные признаки понятія). Такой цѣли можетъ служить лишь изученіе исторіи, какъ *всемірно-историческаго процесса*. И въ средней школѣ только такой цѣльный систематической курсъ, изображающій *біографію культурнаго человѣчества*, а отнюдь не эпизодическій, рисующій лишь *черты изъ его жизни*, можетъ познакомить ребенка и юношу съ человѣчествомъ въ его развитіи и постепенномъ прогрессѣ. Только при такой точкѣ зрѣнія исторія пріобрѣтетъ въ школѣ самостоятельное мѣсто и важную роль; иначе она будетъ давать лишь рядъ несвязанныхъ между собой, хотя и интересныхъ, картинъ; иначе она представитъ изъ себя лишь отдѣлъ въ книгѣ для чтенія по родному языку, полезный и назидательный, а не самостоятельный предметъ съ своею задачею и ему одному принадлежащимъ значеніемъ въ общеобразовательномъ курсѣ. Только такое изученіе исторіи, какъ единаго цѣлаго, какъ стройно развивающагося процесса, дастъ юношѣ богатый и хорошій матеріалъ для построенія міровоззрѣнія и явится могучею силою, двигающею въ немъ развитіе ума (какъ организованной системы знаній) и характера (какъ организованной системы чувствованій и склонностей).

Такимъ образомъ, какъ вообще всегда не должно въ принципѣ раздѣлять коренннымъ образомъ науки отъ учебнаго предмета, а напротивъ слѣдуетъ ихъ возможно больше сближать, такъ и должна быть признана тождественною цѣль исторіи, какъ науки и какъ учебнаго предмета. *Исторія*, преподаваемая въ школѣ, какъ и та, которая излагается съ университетской каѳедры или изображается въ ученыхъ сочиненіяхъ и изслѣдованіяхъ, *должна*

раскрывать передъ умственнымъ взоромъ учениковъ, слушателей, читателей, общества, самихъ преподавателей или изслѣдователей сущность историческаго процесса, ходъ и результаты развитія человѣчества, задаваясь при этомъ опредѣленною интеллектуальною и этическою цѣлью. Не надо заботиться дать ученикамъ всю исторію въ смыслѣ наибольшаго количества фактовъ, какъ дѣлаетъ г. Иловайскій въ своемъ учебникѣ, а надо давать ученику постепенно раскрывающуюся картину развитія человѣческой культуры, изображая ее въ наиболѣе яркихъ, характерныхъ фактахъ, группирующихся вмѣстѣ-рядомъ и въ послѣдовательности (преемственности) на основаніи опредѣленной идеи и въ совокупности представляющихъ, какъ сказано, біографію культурнаго человѣчества.

Изъ сказаннаго не вытекаетъ, что между исторіею-наукою и исторіею-учебнымъ предметомъ нѣтъ никакой разницы. Здѣсь утверждается лишь, что различіе между ними заключается не въ сущности и не въ цѣли, что оно *не принципіальное*, а лишь *степенное*, которое должно выказаться въ *чувствѣ мѣры*, съ различною силою и различными способами прилагающееся къ историческому изображенію смотря потому, будетъ ли оно имѣть болѣе научное или болѣе педагогическое назначеніе. При проведеніи установленнаго принципа въ преподаваніи исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ это чувство мѣры должно выражаться въ 1) тщательномъ и строгомъ *выборѣ* матеріала и 2) извѣстномъ *характерѣ* и спеціальныхъ *пріемахъ изложенія*, основывающемся и сообразующихся, какъ съ особенностями возраста учащихся и частными воспитательными задачами, такъ и съ имѣющимися въ распоряженіи учителя временемъ и другими условіями учебной обстановки.

Поставленная точка зрѣнія (о принципіальномъ тождествѣ и лишь степенномъ, второстепенномъ различіи между исторіею-наукою и исторіею-учебнымъ предметомъ) можетъ быть удобно иллюстрирована путемъ критическаго разсмотрѣнія тѣхъ изъ тезисовъ рефератовъ Я. Г. Гуревича и Ю. Ю. Цвѣтковскаго, въ которыхъ эти два понятія противополагаются. Такой разборъ и былъ сдѣланъ докладчикомъ съ цѣлью развитія и обоснованія его основного воззрѣнія, причемъ были ближайшимъ образомъ указаны и главные пункты различія въ системѣ выбора матеріала и въ способахъ его изложенія какъ при чисто научной, такъ и при педагогической разработкѣ исторіи.

Въ общемъ выводѣ необходимо сказать, что лишь *научное* изображеніе исторіи нетолько въ смыслѣ достовѣрности, но и въ смыслѣ цѣльности (послѣдовательнаго проведенія черезъ курсъ принципа развитія)—можетъ имѣть и въ средней школѣ *педагогическое* значеніе. Только глубокое, энергичное и искусное примѣненіе такого метода въ преподаваніи исторіи даетъ возможность сообщить юношеству историческія свѣдѣнія, капитально-важныя для развитія его міровоззрѣнія, высоко образовательно подѣйствуетъ на его память, воображеніе и мышленіе, облагородитъ чувствованія и поможетъ выработкѣ хорошихъ склонностей, вызоветъ и утвердитъ тотъ интересъ къ человѣчеству, ту жажду

знанія, то постоянное стремленіе къ исканію истины и смысла существованія, которые будутъ ему такъ необходимы въ университетѣ, а потомъ въ жизни.

Несомнѣнно, такая точка зрѣнія вноситъ большія трудности въ преподаваніе исторіи: она потребуетъ отъ преподавателя нетолько основательныхъ научныхъ знаній по исторіи, о приращеніи и усовершенствованіи которыхъ онъ долженъ будетъ постоянно заботиться, но также яснаго понятія о дѣтской природѣ, сильной любви къ дѣлу и дѣтямъ, неослабѣвающаго вниманія и постоянно энергично работающей мысли; иначе будетъ постоянно грозить опасность подавить учениковъ непосильнымъ гнетомъ вмѣсто того, чтобы искуснымъ „педагогическимъ“ изложеніемъ освѣщеніемъ и „научнаго“ цѣлаго постоянно нормально возбуждать психическую дѣятельность, развивать умственно и укрѣплять нравственно индивидуальность ребенка и юноши. Задача исторического курса въ средне-учебномъ заведеніи представляющаяся въ такомъ видѣ, безусловно гораздо сложнѣе, чѣмъ та, которая обыкновенно имѣется въ виду, но за то это путь гораздо болѣе вѣрный къ результату гораздо болѣе плодотворному.

Если признано будетъ вѣрнымъ основное положеніе, что исторія-наука и исторія-учебный предметъ по существу если не тождественны, то кореннымъ образомъ сходны, и что различія ихъ заключаются въ признакахъ второстепенныхъ, то изъ таковаго признанія могутъ быть выведены слѣдующія очень важныя для обоснованія смысла дѣятельности открывающейся секціи заключенія:

1) Явится несомнѣннымъ, что возможно близкое общеніе съ наукою и внимательное слѣдованіе за ея прогрессомъ есть прямая обязанность преподавателя-историка и необходимое условіе успѣшности его работы.

2) Станетъ ясно, что дѣйствительно методика преподаванія исторіи будетъ усовершенствоваться вмѣстѣ съ прогрессомъ исторической науки.

3) Представится безспорнымъ, что трудная задача подготовки къ умѣнію удовлетворительно преподавать исторію въ средней школѣ можетъ достигаться дружными коллективными усиліями, и что такая совмѣстная научно-педагогическая работа явится великою силою, расширяющею знанія преподавателей, поддерживающею въ нихъ способность къ развитію и удерживающею отъ рутины.

4) Сдѣлается понятно, что при Историческомъ Обществѣ умѣстна и желательна историко-педагогическая секція, необходимыми членами которой должны быть, какъ учителя гимназіи, такъ и профессора Университета, и которая будетъ коллективно и систематически разрабатывать вопросы теоріи и практики преподаванія исторіи.

Секція, если участники съумѣютъ внести въ общую работу научную серіозность, педагогическую наблюдательность, энергичную взаимопомощь и искренное одушевленіе, можетъ организоваться въ маленькую школу хорошихъ добросовѣстныхъ, свѣдущихъ и любящихъ дѣло учителей исторіи.

Данное сообщеніе лишь намѣчаетъ главную идею, которая, по мнѣнію докладчика, должна лечь въ основу работъ секціи и дать имъ направленіе. Разработать ее детально и развить въ стройную теорію можно лишь постепенно и коллективно; но достигнуть соглашенія по данному пункту необходимо въ самомъ началѣ, такъ какъ невыясненность основного воззрѣнія наложитъ печать неопредѣленности и случайности на совмѣстную работу.

Въ заключеніе сообщенія указываются нѣсколько вопросовъ, около которыхъ удобно можетъ группироваться практическая работа секціи.

Секція должна организовать *серію постоянныхъ и по возможности систематическихъ рефератовъ и сообщеній научнаго и педагогическаго характера*, задачею которыхъ являлись бы:

1) Обозрѣніе капитальныхъ произведеній исторической литературы, необходимыхъ или вообще пригодныхъ для самообразованія учителя, какъ старыхъ (систематическая педагогическая исторіографія), такъ и вновь появляющихся (текущая педагогическая исторіографія).

2) Разработка отдѣльныхъ частей историческаго курса согласно даннымъ современной науки и серіознымъ педагогическимъ требованіямъ.

3) Разсмотрѣніе отдѣльныхъ вопросовъ методики преподаванія исторіи, поставленное, какъ на теоретическую, такъ и на практическую почву (самостоятельныя и библіографическія сообщенія по методикѣ исторіи).

Указанныя или однородныя съ ними работы, если онѣ именно будутъ производиться постоянно и систематически, дадутъ возможность секціи собрать постепенно матеріалъ и черезъ нѣкоторое время приступить къ составленію

а) *историческихъ руководствъ* и *книгъ для чтенія* для учениковъ
и б) *научной методики исторіи*,

хотя несомнѣнно къ этимъ послѣднимъ очень труднымъ задачамъ можно будетъ приступить лишь очень хорошо подготовленными, такъ какъ работу надъ ними надо будетъ вести по новымъ, совершенно отличнымъ отъ примѣнявшихся до сихъ поръ методамъ, которые раньше должны быть хорошо выяснены и твердо усвоены всѣми участниками въ работѣ.

Кромѣ работы надъ составленіемъ двухъ названныхъ основныхъ орудій историко-педагогической работы въ средней школѣ, секція должна поставить себѣ также задачею дать въ руки преподавателей и другія важныя пособія для ихъ работы. Именно:

а) Она должна облегчить учителю возможность опознаться и разобраться въ имѣющейся литературѣ предмета составленіемъ *Систематическаго обзора историко-педагогической литературы*, который впослѣдствіи будетъ дополняться *прибавленіями по текущей библіографіи*.

б) Она должна распространить идею о необходимости для самообразованія учителя широко пользоваться изученіемъ *вещественныхъ памятниковъ культуры*. Для достиженія этой цѣли ею должна быть поднята мысль о важ-

ности *историко-педагогическихъ экскурсій по Россіи и путешествій заграницу* для ознакомленія съ музеями и памятниками древности, а также должны составляться руководства для такихъ поѣздокъ (научные путеводители и объяснительныя книги) и организоваться самыя поѣздки.

Здѣсь указано лишь нѣсколько пунктовъ; совмѣстная работа укажетъ цѣлый рядъ другихъ, можетъ быть, и болѣе важныхъ. Во всякомъ случаѣ дружное обсужденіе, въ научно-поставленномъ трудѣ надъ изученіемъ вопросовъ преподаванія исторіи, несомнѣнно можетъ дать очень много: оно подыметъ умственный уровень учителей, будетъ постоянно освѣжать ихъ, давая новыя знанія, выводя изъ неподвижности, возбуждая интересъ къ наукѣ, вызывая увлеченіе дѣломъ. Являясь въ школу просвѣтленные близостью къ наукѣ и оживленные взаимнымъ общеніемъ, учителя будутъ вносить въ нее жизнь и движеніе, привлекать учениковъ интересомъ преподаванія, завязывать съ ними настоящую внутреннюю жизнь. Они, полюбивъ дѣло, съумѣютъ полюбить и учениковъ, и внося въ работу съ ними научную серіозность и педагогическое одушевленіе сдѣлаютъ изъ своего предмета дѣйствительно великую и свѣжую воспитательную силу.

Протоколъ XXV (экстреннаго) Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 7 ноября 1891 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Даниловскомъ присутствовало 17 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. Предсѣдатель заявилъ о томъ, что проф. Д. А. Корсаковъ, проф. О. Балцеръ и С. Н. Шубинскій благодарятъ за избраніе ихъ въ члены Общества.

3. Г. Предсѣдатель заявилъ о книжныхъ пожертвованіяхъ, поступившихъ въ библіотеку Общества отъ П. Г. Виноградова, г. М. Грушевскаго и П. И. Беллярминова, всего 5 названій въ 6 томахъ.

4. Предложены кандидатами въ члены Общества слѣдующія лица: П. И. Вознесенскій, А. А. Ешевскій, К. А. Ивановъ, А. А. Киселевъ, Я. И. Рудневъ, А. Л. Смирновъ, П. К. Тихомировъ, Н. Я. Шубинъ.

5. Въ занятіяхъ историко-педагогической секціи выразили желаніе участвовать: Н. И. Карѣевъ, Я. Г. Гуревичъ, Ю. Ю. Цвѣтковскій, В. Л. Беренштамъ, Н. Н. Гераковъ, Н. И. Марковинъ, С. А. Степановъ, В. В. Новодворскій, В. Д. Сиповскій, И. В. Васильевъ, О. М. фонъ-Фохтъ, А. И. Введенскій, Э. Д. Гриммъ, И. М. Гревсъ.

6. Приступлено къ выборамъ бюро секціи. Большинствомъ голосовъ избраны: въ предсѣдатели бюро Н. И. Карѣевъ, въ товарищи предсѣдателя Я. Г. Гуревичъ, въ секретари Ю. Ю. Цвѣтковскій.

6. Н. И. Карѣевъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: „Историческая наука и преподаваніе исторіи“ (см. приложеніе). По прочтеніи реферата Я. Г. Гуревичъ указалъ на значеніе, какое имѣетъ рефератъ, выразилъ согласіе съ основной точкой зрѣнія референта и предложилъ собранію благодарить Н. И. Карѣева за то вниманіе, какое онъ постоянно оказывалъ при своихъ научныхъ занятіяхъ дѣлу преподаванія исторіи. Предложеніе Я. Г. Гуревича встрѣчено было сочувственно Общимъ Собраніемъ. В. В. Лесевичъ замѣтилъ референту, что, принявъ различіе, существующее между науками конкретными и абстрактными, онъ разъяснилъ бы еще болѣе свою основную точку зрѣнія, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы различать и преподаваніе конкретной науки—исторіи отъ преподаванія абстрактной науки—соціологіи. Ю. Ю. Цвѣтковскій считалъ основныя положенія Н. И. Карѣева желательными съ идеальной точки зрѣнія, но практически неприменимыми; изложеніе въ средней школѣ процесса развитія человѣчества въ его цѣломъ, по мнѣнію оппонента, получило бы слишкомъ отвлеченный характеръ для того, чтобы вызвать интересъ въ учащихся. Противнаго мнѣнія оказались Н. И. Марковинъ, отчасти Я. Г. Гуревичъ и В. Д. Сиповскій. Н. И. Марковинъ полагалъ, что при надлежащемъ выборѣ матеріала и соотвѣтствующемъ способѣ его изложенія, преподаваніе исторіи съ предложенной референтомъ точки зрѣнія можетъ возбудить интересъ въ учащихся. Я. Г. Гуревичъ считалъ возможнымъ поддерживать тотъ же интересъ въ слушателяхъ высшихъ классовъ не только картиннымъ изображеніемъ исторіи, но и указаніемъ логической связи историческихъ событій и явленій. В. Д. Сиповскій полагалъ не невозможнымъ излагать исторію человѣчества въ его цѣломъ въ средне-учебномъ заведеніи. На замѣчанія оппонентовъ Н. И. Карѣевъ возразилъ, что, предлагая вышеуказанную точку зрѣнія, онъ имѣлъ въ виду одни высшіе классы, когда подводятся итоги, и разумѣлъ однѣ культурныя народности, разсматриваемыя съ всемірно-исторической точки зрѣнія. Предсѣдательствовавшій [1]) резюмировалъ пренія слѣдующимъ образомъ: „принципіальная точка зрѣнія Н. И. Карѣева не отвергается никѣмъ, а вносятся въ нее лишь практическія ограниченія“.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Историческая наука и преподаваніе исторіи.

(Краткое изложеніе реферата Н. И. Карѣева, читаннаго въ засѣданіи 7 окт. 1891 года).

Въ засѣданіи 24 октября, посвященномъ организаціи и программѣ дѣятельности историко-педагогической секціи, И. М. Гревсъ сдѣлалъ цѣлое сообщеніе,

[1]) На время преній предсѣдательство было передано Комитетомъ, за отсутствіемъ товарища предсѣдателя, секретарю Комитета А. С. Лаппо-Данилевскому.

въ коемъ, между прочимъ коснулся тезисовъ къ реферату Я. Г. Гуревича объ исторіи, какъ наукѣ и какъ предметѣ преподаванія, читанному въ засѣданіи 21 марта 1890 г. (Истор. Обозр., т. I, отд. II, стр. 35—36). Въ свое время обсужденію этихъ тезисовъ было посвящено цѣлое засѣданіе Общества, бывшее именно 25 апрѣля того же года (см. тамъ же, стр. 39—41), но какъ тогда, такъ и въ послѣднемъ собраніи споры, которые возникли по поводу исторіи-науки и исторіи-учебнаго предмета, не привели ни къ какому результату. Въ виду практическаго значенія обсужденія вопросовъ, касающихся преподаванія исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ, и въ виду необходимости выработать общіе принципы для работъ секціи, дѣло въ такомъ положеніи оставаться не должно. Цѣль настоящаго реферата—не возбужденіе новыхъ споровъ, а прекращеніе старыхъ.

Нашею непосредственною цѣлью вовсе не должно быть рѣшеніе вопроса о томъ, что такое исторія, какъ наука, ибо это насъ отвлекаетъ отъ прямого нашего предмета, имѣющаго строго-педагогическій характеръ. Когда ставится вопросъ объ исторіи, какъ наукѣ, при рѣшеніи его невольно берется въ расчетъ извѣстный идеалъ науки вообще, то, чѣмъ должна быть исторія, чтобы имѣть право на названіе науки, тогда какъ для насъ, въ данномъ случаѣ, важно лишь современное состояніе исторической литературы, т.-е. требуется просто-на-просто выяснить, какъ должно преподаваніе пользоваться тѣмъ, что въ настоящее время даетъ эта литература, введеніемъ же въ споръ вопроса о томъ, къ какому идеалу должна стремиться историческая наука сама по себѣ, этотъ предметъ ненужнымъ образомъ усложняется. Во-вторыхъ, въ такомъ случаѣ даются „наукѣ" различныя опредѣленія, вслѣдствіе чего у многихъ возникаетъ даже сомнѣніе относительно возможности называть исторію наукой, и мы здѣсь не разъ были свидѣтелями того, какъ, съ одной стороны, заявлялось, что исторія не есть наука (или наука „въ настоящемъ смыслѣ этого слова"), а съ другой отстаивалась, наоборотъ, научность исторіи, причемъ спорящіе, очевидно, подъ словомъ „наука" разумѣли разныя вещи. Въ-третьихъ, въ зависимости отъ сомнѣнія въ томъ, можно ли исторію считать за науку, указывалось на то, что „неустановленность" исторіи, какъ науки (2 тезисъ Я. Г. Гуревича), спорность ея положеній и т. п. создаетъ массу затрудненій для преподаванія, пожалуй, дѣлаетъ даже невозможнымъ ея преподаваніе [1]). Когда, однако, объ этомъ заходила рѣчь, то частные примѣры неустановленности и спорности брались не изъ самой исторіи, а изъ того, что можно назвать теоріей исторіи: тотчасъ же вводились въ споръ такія слова, какъ „историческіе законы", „открытіе законовъ, по которымъ совершается историческая жизнь", „принципъ эволюціи", „сущность историческаго процесса", „раскрытіе историческаго процесса", „роль личности въ исторіи". Все это не установлено и спорно, но вѣдь не теорія исторіи бываетъ предметомъ преподаванія въ школѣ, а сама исторія, т.-е. не философ-

---

[1]) Это, впрочемъ, не было мнѣніе самого Я. Г. Гуревича.

скія отвлеченности, а реальная дѣйствительность. Общій ходъ исторіи, преемственность народовъ, роль каждаго, главныя событія въ его жизни и т. п. не возбуждаютъ уже такихъ споровъ, какъ теоретическіе принципы: тутъ мы имѣемъ дѣло съ фактами, а не съ гипотезами, и объ неустановленности и спорности главнаго и существеннаго не можетъ быть и рѣчи. Разница между теоретической неустановленностью въ пониманіи отвлеченной сущности историческаго процесса и полною опредѣленностью въ научномъ представленіи дѣйствительнаго хода исторіи подтверждается частными примѣрами, и для преподаванія исторіи довольно того, что имѣется прочнаго и безспорнаго въ сознаніи ученыхъ историковъ, хотя бы въ теоретическомъ отношеніи они и не имѣли ничего установленнаго и непререкаемаго.

Итакъ, вопросъ объ исторіи, какъ наукѣ, нужно устранить при рѣшеніи педагогическаго вопроса о преподаваніи исторіи, ибо 1) послѣднее по-неволѣ имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что исторія изъ себя представляетъ въ данную минуту, а не съ тѣмъ, чѣмъ она должна быть, 2) не говоря уже о томъ, что для рѣшенія этого вопроса безразлично, можно ли исторію называть наукой съ той или другой, по необходимости условной, точки зрѣнія, и 3) что на этой почвѣ возбуждается еще совершенно посторонній вопросъ о теоріи исторіи.

Это разъ. Далѣе, самое противоположеніе исторіи, какъ науки и какъ предмета преподаванія, едва ли допустимо. Правильно ли или неправильно мы называемъ исторію наукой (конечно, правильно, но это другой вопросъ), но разъ мы ее такъ называемъ и разъ считаемъ нужнымъ ее преподавать, мы не можемъ допустить, чтобы этотъ предметъ преподаванія былъ не наукой: въ спорахъ, которые происходили въ Историческомъ Обществѣ, никто и не допускалъ иного отношенія. Слѣдовательно, нужно противоположить „предметъ преподаванія" не наукѣ, которая вѣдь тоже есть предметъ преподаванія, а чему-либо иному, такъ какъ исторія, какъ наука, можетъ быть предметомъ и другой дѣятельности человѣка: лучше было бы сказать—„исторія, какъ предметъ изслѣдованія и какъ предметъ преподаванія", ибо будемъ ли мы самоё её считать наукой или ненаукой, въ обоихъ случаяхъ мы будемъ мыслить два различныя къ ней отношенія и двѣ различныя дѣятельности, т.-е. изслѣдованіе и преподаваніе. На этомъ всѣ могутъ сойтись: историческое изслѣдованіе и историческое преподаваніе и существуютъ какъ таковыя, и одно на другое непохожи. Въ нашемъ Обществѣ лучше, однако, было бы говорить такъ: „историческая наука, какъ предметъ изслѣдованія и какъ предметъ преподаванія".

Этимъ различеніемъ устраняется еще одно недоразумѣніе, которое то и дѣло появлялось при обсужденіи нашего предмета въ засѣданіяхъ Общества. Когда говорилось—„исторія, какъ предметъ преподаванія", всегда подразумѣвалось, что дѣло идетъ о средней и низшей школѣ (ср. 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11 и 12 тезисы Я. Г. Гуревича); напротивъ, наука предполагалась достояніемъ университета, и на неправильность этого указывалось уже во время

преній 25 апр. 1890 г. С. Л. Степановымъ (Ист. Обозр., т. I, отд. II, стр. 40), хотя имъ и не сдѣлано было изъ этого вывода о томъ, что „преподаванію“ нужно противопоставить не „науку“, а „изслѣдованіе“. И въ университетѣ исторія, какъ и всѣ другія науки, суть прежде всего предметы преподаванія, хотя и не такого, какъ въ гимназіяхъ. Изслѣдованіе исторіи происходитъ въ кабинетахъ ученыхъ, въ академіяхъ, въ ученыхъ обществахъ, на ученыхъ съѣздахъ, въ университетскихъ же аудиторіяхъ происходитъ преподаваніе результатовъ ученыхъ изслѣдованій, каковымъ въ сущности должно быть и преподаваніе въ гимназіяхъ, или обученіе всѣмъ пріемамъ изслѣдованія, чего, конечно, въ гимназіяхъ уже не полагается. Работа изслѣдователя можетъ имѣть разныя цѣли, узкія и широкія, практическія и отвлеченныя и т. п., и равнымъ образомъ преподаваніе исторіи можетъ имѣть неодинаковую цѣль не только въ университетѣ и гимназіи, но и на разныхъ курсахъ университета (общіе и спеціальные курсы лекцій), какъ и, вѣроятно, въ разныхъ классахъ гимназіи (ср. 6 тезисъ Я. Г. Гуревича). Конечно, вопросъ о томъ, какія цѣли можно и должно ставить университетскому преподаванію исторіи, рѣшается особо самъ по себѣ, и опять-таки какъ бы онъ ни рѣшался, и его слѣдуетъ устранить при обсужденіи вопроса о преподаваніи исторіи въ средней и низшей школѣ, хотя, правда, и можно ссылаться на разницу, существующую между тѣмъ и другимъ. Во всякомъ случаѣ, университетское преподаваніе само по себѣ не есть наука: оно только ближе къ научному изслѣдованію въ его результатахъ и пріемахъ, чѣмъ гимназическое. Въ этомъ отношеніи вполнѣ заслуживаетъ мысль, развивавшаяся въ сообщеніи И. М. Гревса: различіе здѣсь не по существу дѣла, а въ степени.

Единственный практическій вопросъ, вопросъ, возникающій при указанномъ различеніи, есть вопросъ о томъ, что изъ исторіи, какъ предмета изслѣдованія, можетъ сдѣлаться предметомъ преподаванія. Преподаваніе на всѣхъ ступеняхъ должно быть сообщеніемъ готовыхъ результатовъ науки, причемъ, разумѣется, говоря вообще, непосредственная его близость къ изслѣдованію должна быть большею въ университетѣ, чѣмъ въ гимназіи, и большею также въ спеціальномъ курсѣ, чѣмъ въ общеобразовательномъ, т.-е. смотря по тому, желаютъ ли просто сообщить результаты науки или же и показать при этомъ, какъ эти результаты были получены. Остановимся сначала на сообщеніи результатовъ. Никто не станетъ отрицать, что учебникъ и преподаватель исторіи должны сообщать учащемуся лишь то, что признается научными изслѣдованіями, не спѣша превращать каждую новую мысль въ „послѣднее слово“ науки, но и не отставая отъ движенія послѣдней. Я. Г. Гуревичъ прямо подчеркиваетъ, что при всемъ, по его мнѣнію, „различіи между исторіей, какъ наукой и какъ предметомъ преподаванія, всѣ данныя и взгляды, сообщаемые въ курсѣ среднеучебныхъ заведеній, отнюдь не должны противорѣчить даннымъ и взглядамъ, выработаннымъ исторической наукою, а напротивъ должны совпадать съ ними“ (тезисъ 11). Московскій историко-педа-

гогическій кружокъ равнымъ образомъ считаетъ крайне необходимымъ основывать преподаваніе на „современномъ состояніи науки и научной литературы“ (Ист. Обозр., т. I, отд. I, стр. 270). На преподавателя это возлагаетъ серьезныя обязанности, исполненію коихъ должны особенно содѣйствовать представители науки. Не говоря объ общихъ курсахъ въ университетѣ для студентовъ, изъ коихъ многіе сдѣлаются преподавателями, нужно согласиться съ мнѣніемъ И. М. Гревса о томъ, что желательно болѣе частое и систематическое содѣйствіе преподавателямъ среднеучебныхъ заведеній со стороны профессоровъ, которые могли бы популяризировать научныя открытія, заключающіяся весьма часто въ слишкомъ громоздкихъ изслѣдованіяхъ. Особенно симпатична его мысль о необходимости дѣлать это въ нашемъ Обществѣ въ формѣ докладовъ о современномъ состояніи той или другой области науки, особенно важной въ педагогическомъ отношеніи. Далѣе учебники. Наши учебники не соотвѣтствуютъ даннымъ науки: они слишкомъ отстали, и это доказывается массой примѣровъ, взятыхъ хотя бы изъ наиболѣе распространенныхъ руководствъ, въ теченіе десятилѣтій господствующихъ въ школѣ. Московскій кружокъ поставилъ себѣ симпатичную задачу выработать научное руководство по исторіи, которое отражало бы на себѣ современное состояніе науки. Нужно желать успѣха этому предпріятію и содѣйствовать ему, обмѣниваясь съ московскими преподавателями результатами своихъ работъ, которыя, по всей вѣроятности, какъ это замѣтилъ И. М. Гревсъ, будутъ относиться къ области методики преподаванія исторіи. Здѣсь предстоитъ работа немалая.

Теперь другой вопросъ — объ отношеніи историческаго преподаванія къ научному изслѣдованію. Университетъ между прочимъ ставитъ цѣлью для своего преподаванія и сообщеніе пріемовъ историческаго изслѣдованія. Едва ли это должно быть совершенно чуждо и средней школѣ, если изслѣдованіе понимать не въ узкомъ смыслѣ критической работы надъ первоисточниками. Изслѣдованіе состоитъ не въ одномъ констатированіи фактовъ. Это только первая ступень въ работѣ историка, а затѣмъ идетъ установленіе связи между фактами и ихъ обобщеніе, т.-е. нахожденіе между ними причинной или эволюціонной (генетической) связи и сведеніе частнаго къ общему. Научная работа состоитъ не въ одномъ анализѣ, но и въ синтезѣ, и пріучая учениковъ сопоставлять факты, raisonner sur l'histoire, какъ говорили въ старину, мы учимъ ихъ историческому методу. Въ пріемахъ науки, какъ и въ ея содержаніи, одно болѣе, другое менѣе общедоступно и общеинтересно для людей всякаго возраста и въ частности для дѣтей и подростковъ, и историческое преподаваніе съ научнымъ характеромъ невольно знакомитъ учениковъ съ нѣкоторыми пріемами историческаго мышленія. Московскій кружокъ даже полагаетъ цѣлью преподаванія исторіи въ средней школѣ „развитіе въ учащихся историческаго отношенія къ жизни“, которое дается только научнымъ духомъ преподаванія (Ист. Об., т. I, отд. I, стр. 271). Я. Г. Гуревичъ въ

тез. 5 равнымъ образомъ упоминаетъ о вліяніи историческаго преподаванія на умственное развитіе учащихся посредствомъ не только сообщенія историческаго матеріала, но и „способа его передачи". Ту же мысль развивалъ въ засѣданіи, посвященномъ реферату Ю. Ю. Цвѣтковскаго, и Н. И. Марковинъ (Ист. Об., т. II, стр. 28). Понятное дѣло, что разсужденіе, допускаемое въ школѣ, должно быть по своему характеру научное, и съ этой стороны нѣтъ надобности противополагать преподаванія наукѣ.

Итакъ, въ преподаваніе исторіи въ средней школѣ должна быть внесена современная наука въ своихъ выводахъ и пріемахъ, но, конечно, не вся наука, ибо вся она не можетъ быть преподаваема даже и въ университетѣ, а далѣе, конечно, не во всѣхъ своихъ выводахъ и пріемахъ, но только въ тѣхъ, которые соотвѣтствуютъ цѣлямъ общаго образованія и возрасту учащихся, не говоря уже о количествѣ времени, какое отводится на это преподаваніе. Составляя программу вопросовъ по преподаванію исторіи, предложенную Обществу [1]), вопросъ объ отношеніи науки и преподаванія пришлось поэтому выкинуть, сдѣлавъ изъ него лишь примѣчаніе къ постороннему вопросу, но тѣмъ большее значеніе придано было другому вопросу, тоже поставленному Я. Г. Гуревичемъ и, пожалуй, главному въ его рефератѣ, именно вопросу о томъ, какія области жизни доступны учащимся разныхъ возрастовъ. Въ сущности это то же самое, что спросить: какіе результаты историческаго изслѣдованія могутъ быть доступны учащимся разныхъ возрастовъ, или что изъ исторіи, какъ науки, можетъ быть предметомъ преподаванія?

Вопросъ этотъ, однако, не можетъ быть рѣшенъ безъ предварительнаго рѣшенія вопроса о цѣли преподаванія: одна доступность ничего не значитъ, ибо, наприм., памяти, особенно молодой, мало ли что доступно, да и понимать юноша можетъ многое, изъ чего вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ все это и долженъ былъ знать. Въ упомянутой программѣ поэтому на первый планъ и выдвинутъ вопросъ о цѣли преподаванія исторіи, по которому мнѣнія не вполнѣ сходятся. Не претендуя на устраненіе разногласій относительно этого вопроса, нельзя не указать, что нѣкоторыя недоразумѣнія и здѣсь исчезли бы, если бы правильнѣе были поняты отношенія преподаванія къ наукѣ. Напр., въ тезисѣ (2) Московскаго кружка говорится о достиженіи „пониманія процесса историческаго развитія", что многимъ показалось слишкомъ громкимъ, и, пожалуй, проще было бы сказать, что важно „представленіе объ общемъ ходѣ исторіи", такъ какъ пониманіе процесса да вдобавокъ эволюціоннаго (= развитія) и недоступно учащимся, и въ самой „наукѣ" еще не установилось. Въ этомъ отношеніи у Я. Г. Гуревича формулировка лучше (тез. 5). Когда вообще заимствуются для рѣшенія историко-педагогическихъ вопросовъ термины изъ теоріи исторіи (процессъ, эволюція, развитіе и т. п.), дѣло, повторяю, ненужнымъ образомъ усложняется. Съ другой стороны, не

---

[1]) См. выше стр. 11 и сл. и 26.

слѣдуетъ при опредѣленіи указанной цѣли съуживать понятіе науки, законное въ другихъ сферахъ, а такое съуженіе было сдѣлано однимъ изъ оппонентовъ, возражавшихъ И. М. Гревсу и указывавшихъ на то, что наука не должна заключать въ себѣ субъективныхъ элементовъ. Точка зрѣнія была понятна: ее и мы проводили въ статьѣ „Философія, исторія и теорія прогресса" (Ист. Обозр., т. I),—но въ данномъ вопросѣ она неприложима. Пусть лучше не считаютъ исторію за науку, но представятъ право ея преподаванію не быть однимъ строго-объективнымъ изложеніемъ фактовъ.

Во всякомъ случаѣ, я думаю цѣль преподаванія исторіи не есть ознакомленіе съ исторической наукой: наука—средство, цѣль—въ жизни. По всей вѣроятности, на этомъ всѣ сойдутся, опредѣляя цѣль преподаванія исторіи, ибо въ сущности одно и то же говоритъ и московскій кружокъ („развитіе въ учащихся историческаго отношенія къ жизни" тез. 2), и Я. Г. Гуревичъ („сообщеніе и выясненіе.... для достиженія посильнаго пониманія государственныхъ и общественныхъ явленій современной жизни", тез. 5). Выборъ матеріала для преподаванія опредѣляется этою цѣлью, которая есть цѣль общеобразовательная. Мы, спеціалисты разныхъ областей знанія, бываемъ часто склонны приписывать при преподаваніи большое значеніе тому, что нужно только ученому, забывая потребности общаго образованія. Въ послѣднемъ отношеніи можно противополагать историческую науку историческому образованію: одно нужно для того, кто занимается изслѣдованіемъ, другого требуетъ человѣкъ, желающій просто быть образованнымъ, и преподаваніе исторіи (не въ одной гимназіи, но и въ университетѣ) должно имѣть въ виду не однихъ будущихъ ученыхъ или любителей исторической литературы, но просто образованныхъ людей. Московскій кружокъ очень хорошо подчеркнулъ связь преподаванія исторіи съ общимъ образованіемъ (тез. 1), и съ этой точки зрѣнія только второстепенный интересъ можетъ принадлежать поставленному въ нашей программѣ вопросу: „въ какой мѣрѣ въ курсѣ среднеучебныхъ заведеній можетъ быть допущено изложеніе исторіографіи и ознакомленіе съ критическими пріемами историческаго изслѣдованія"? Исторіографія и критическіе пріемы относятся къ области науки, преподаваніе имѣетъ въ виду жизнь. Тутъ мало спросить, доступно ли это ученикамъ, а нужно еще спросить, соотвѣтствуетъ ли это и цѣли преподаванія. Учитель, какъ спеціалистъ, можетъ быть заинтересованъ тѣмъ или другимъ предметомъ, который для учениковъ можетъ и не представлять интереса. Вообще въ исторіографіи и спеціальной, и популярной, могутъ быть интересы двоякаго рода—чисто-научные и жизненные, и нельзя не признать, что въ преподаваніи исторіи вторые, захватывающіе всего человѣка, говорящіе не одному уму, но и сердцу, должны занимать первое мѣсто. Съ интересностью сообщаемаго ученикамъ, независимо отъ того, какъ педагогъ думаетъ на нихъ подѣйствовать, нельзя не считаться, съ нею даже прямо должно считаться (ср. развитіе этой мысли въ ст. моей „Что такое общее образованіе?" Рус.

Школа, 1891, окт.). Съ этой стороны нельзя отнестись иначе, какъ съ симпатіей къ основной мысли реферата Ю. Ю. Цвѣтковскаго, касающагося, правда, не цѣли, а способовъ сообщенія ученикамъ историческихъ знаній. „Успѣхъ преподаванія исторіи въ школѣ зиждется исключительно на возбужденіи въ юношествѣ интереса къ самому предмету, и лишенное этого интереса преподаваніе исторіи въ школѣ можетъ оказать только одинъ вредъ",—таковъ первый тезисъ Ю. Ю. При погонѣ за научностью, понимаемою въ узкомъ смыслѣ (а такихъ узкихъ смысловъ много), можно именно лишить школьное преподаваніе интереса, если на первый планъ будетъ выдвигаться не историческая жизнь сама по себѣ, а наука о ней со всѣмъ тѣмъ, что интересно только для самихъ историковъ. На счетъ научности есть односторонніе взгляды: нѣтъ открытія законовъ—нѣтъ науки; допущены субъективные элементы—нѣтъ науки; руководство говоритъ воображенію и сердцу—нѣтъ науки! Наука тѣмъ „научнѣе", чѣмъ она отвлеченнѣе, и Ю. Ю. Цвѣтковскій вооружился именно противъ отвлеченности нашего преподаванія, настаивая на томъ, что предметъ долженъ быть интересенъ.

Такъ и слѣдуетъ поставить вопросъ: что изъ исторической науки можетъ быть настолько доступно для пониманія учениковъ, настолько соотвѣтствовать болѣе или менѣе отдаленной цѣли, ради которой ихъ учатъ исторіи, и настолько непосредственно ихъ интересовать, чтобы сдѣлаться предметомъ преподаванія? Вопросы жизни и общедоступнѣе, и общеинтереснѣе вопросовъ науки, которая своимъ исходнымъ предметомъ и конечною цѣлью имѣетъ ту же жизнь, да и преподаваніе, опираясь на науку, имѣетъ своей цѣлью не науку, а жизнь. Какъ бы мы ни опредѣляли содержаніе „исторіи, какъ науки", содержаніе „исторіи, какъ предмета преподаванія", если ужъ держаться устраняемой мною терминологіи, можно опредѣлять, лишь принимая въ расчетъ интересы жизни и тѣ сферы жизни, которыя не только доступны (точка зрѣнія Я. Г. Гуревича), но и интересны (точка зрѣнія Ю. Ю. Цвѣтковскаго) для юношескаго возраста.

Общіе выводы таковы. Нужно покончить съ вопросомъ о „наукѣ" и „преподаваніи", принявъ 11 тезисъ Я. Г. Гуревича со словъ: „всѣ данныя и взгляды и т. п.",—и оставивъ пока въ сторонѣ 8 пунктъ програмы вопросовъ, подлежащихъ нашему обсужденію.

Затѣмъ, слѣдуетъ на первый планъ поставить вопросъ о цѣли преподаванія исторіи въ средней школѣ. Въ прошломъ засѣданіи Я. Г. Гуревичемъ было предложено изучить вопросъ объ этомъ на основаніи того, какъ эта цѣль понималась въ разныя времена и понимается въ разныхъ мѣстахъ (ср. рефератъ В. Н. Беркута во II т. Ист. Обозрѣнія). Не отрицая пользы такого изученія, должно однако предпочесть принципіальную его постановку: имѣются ли въ виду при постановкѣ общаго вопроса интересы науки (учености) или жизни (образованія), интересы одного индивидуума или и интересы общества, наконецъ интересы учащагося по отношенію къ его будущему

или и интересы его настоящаго. Какъ бы мы ни рѣшали эти вопросы, во всякомъ случаѣ удовлетворять этимъ интересамъ нужно при помощи исторической науки, и цѣль ознакомленія съ ея выводами, пригодными для преподаванія, не можетъ быть иная, какъ образованіе правильнаго историческаго міросозерцанія, совпадающаго съ данными науки и съ требованіями личной и общественной нравственности. Послѣдній тезисъ и желательно было бы подвергнуть обсужденію.

Правила пользованія библіотекою Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

1. Библіотекою пользуются исключительно члены Общества, внесшіе членскій взносъ за текущій годъ.

2. Книги выдаются въ размѣрѣ не болѣе пяти однотомныхъ сочиненій. При выдачѣ сочиненій многотомныхъ общая сложность выданныхъ книгъ не должна превышать пяти томовъ.

3. Журналы выдаются въ размѣрѣ, не превышающемъ шести №№ или трехъ переплетовъ.

4. При выдачѣ наибольшаго количества книгъ одновременно могутъ быть выданы и журналы въ размѣрѣ, допущенномъ предыдущимъ параграфомъ.

5. Выдача и возвратъ книгъ и журналовъ производится въ дни засѣданій Общества.

6. Книги и журналы возвращаются обратно не позже, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ ихъ выдачи.

Примѣч. Пользованіе можетъ быть продолжено еще на мѣсяцъ, въ случаѣ, если ранѣе не было заявлено требованія на выданные книги и журналы другимъ членамъ Общества.

7. На лѣто пользованіе библіотекою прекращается. Посему всѣ книги и журналы, когда бы они ни были взяты, должны быть возвращены въ день послѣдняго передъ лѣтними каникулами засѣданія.

8. Книги и журналы выдаются подъ росписку получающаго. Возвратъ обозначается въ книгѣ подписью библіотекаря.

9. Утрата или порча книги или журнала обязываетъ получателя или доставить новый экземпляръ, или уплатить по оцѣнкѣ, произведенной Комитетомъ Общества.

Некрологъ.

Въ отчетномъ году Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ лишилось четырехъ своихъ членовъ—прив.-доц. А. И. Аммова, проф. И. Е. Андреевскаго, магистранта В. Г. Грефе и канд. ист.-фил. фак. А. М. Гриневецкаго. Помѣщаемъ ихъ краткіе некрологи.

А. И. Аммонъ. 17-го мая, въ 5 час. утра, скончался отъ катарральнаго воспаленія легкихъ приватъ-доцентъ московскаго университета Александръ Ивановичъ Аммонъ. А. И. родился 31-го января 1860 года въ Москвѣ, гдѣ отецъ его служилъ въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Покойный получилъ первоначальное образованіе въ нѣмецкой гимназіи при лютеранской церкви св. Петра и Павла, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1879 г. Поступивши въ московскій университетъ на юридическій факультетъ, А. И. особенно занимался подъ руководствомъ профессоровъ С. А. Муромцева и М. М. Ковалевскаго, и по окончаніи курса въ 1883 г. со степенью кандидата былъ, по представленію М. М. Ковалевскаго, оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ государственнаго права. Выдержавъ въ 1886 г. экзаменъ на степень магистра, А. И. поступилъ на службу въ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ съ 1888 г. принятъ былъ въ число приватъ-доцентовъ московскаго университета по каѳедрѣ государственнаго права, а съ 1890 г. сталъ работать въ Русскихъ Вѣдомостяхъ. Въ 1885—89 гг. покойнымъ напечатаны въ Юридическомъ Вѣстникѣ три слѣдующія работы: 1) „Политическая жизнь Англіи въ эпоху реставраціи", 2) „Демократія предъ судомъ англійскаго конституціоналиста" и 3) „Вліяніе революціи 1688 г. на государственный строй Англіи". Еще ранѣе А. И. совмѣстно съ В. Ѳ. Дерюжинскимъ перевелъ извѣстное сочиненіе Г. С. Мэна „Древній законъ и обычай". За послѣднее время А. И. усиленно занимался конституціонною исторіею Англіи и готовилъ магистерскую диссертацію „О политической философіи Гоббса".

И. Е. Андреевскій. 20 мая въ половинѣ второго часа дня скончался въ Петербургѣ заслуженный профессоръ, докторъ государственнаго права, Иванъ Ефимовичъ Андреевскій. Покойный родился въ Петербургѣ 13 марта 1831 года, воспитывался въ первой петербургской гимназіи и въ 1852 г. окончилъ курсъ по юридическому факультету петербургскаго Университета. Получивъ степень магистра государственнаго права въ 1854 г. послѣ защиты диссертаціи „о правахъ иностранцевъ въ Россіи до половины XV вѣка", онъ открылъ въ 1855 г. преподаваніе государственнаго, а вскорѣ и полицейскаго права въ петербургскомъ университетѣ и съ этого времени до 1887 г. является однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей университета. Въ 1883 году совѣтъ университета избираетъ И. Е. Андреевскаго ректоромъ университета и онъ назначается затѣмъ въ 1884 г. правительственнымъ ректоромъ и остается въ этой должности до 28 мая 1887 года. Дѣятельность И. Е. Андреевскаго не ограничивалась однимъ университетомъ, онъ состоялъ преподавателемъ энциклопедіи и исторіи русскаго права (съ 1855 г.) до самой своей смерти въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, а съ 1885 года директоромъ Археологическаго института. Литературная извѣстность И. Е. Андреевскаго пріобрѣтена имъ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій въ области исторіи русскаго права по преимуществу (кромѣ магистерской диссертаціи, сюда относятся „о договорѣ

Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключеннымъ въ 1270 г.", докторская диссертація „о намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ" 1864 г.). Пр. Андреевскій первый въ Россіи издалъ полный систематическій курсъ полицейскаго права (1870 г., вт. изд. 1874 г.) и началъ печатаніе курса русскаго государственнаго права (I томъ въ 1866 г.). Въ обоихъ произведеніяхъ покойный профессоръ обращаетъ особенное вниманіе на историческое развитіе различныхъ институтовъ права. Какъ историкъ, проф. Андреевскій относится съ особымъ сочувствіемъ къ самобытнымъ проявленіямъ русской жизни въ періодъ удѣльно-вѣчевой, отрицательно смотритъ на приказный московскій строй, затемнившій многія свѣтлыя проявленія истинно-русскихъ учрежденій. Въ новѣйшій періодъ особенно интересуется проф. Андреевскій земствомъ и посвящаетъ въ своемъ полицейскомъ правѣ много страницъ изслѣдованію дѣятельности нашихъ земствъ. По почину проф. Андреевскаго Императорское Вольно-Экономическое Общество начало издавать съ 1876 г. Земскій ежегодникъ, какъ лѣтопись земской жизни. Чрезвычайно живой и общительный, обладая замѣчательнымъ умѣніемъ говорить, И. Е. Андреевскій тотчасъ дѣлался душою всякаго дѣла, за которое онъ принимался: въ университетѣ пользовался онъ заслуженною славою выдающагося профессора и замѣчательною любовью студентовъ, особенно когда онъ занималъ должность ректора; въ Русскомъ Обществѣ Охраненія Народнаго Здравія, гдѣ онъ былъ вице-предсѣдателемъ, онъ съумѣлъ возбудить общій интересъ къ предначинаніямъ Общества, расширить кругъ занятій и обезпечить возможный успѣхъ. Какъ директоръ Археологическаго института, проф. Андреевскій много содѣйствовалъ развитію губернскихъ архивныхъ коммиссій и тѣмъ способствовалъ сохраненію и описанію многихъ памятниковъ старины. (Сообщено проф. С. В. Ведровымъ).

В. Г. Грефе. Вильгельмъ Германовичъ Грефе родился 17 іюля 1863 г. въ Петербургѣ, первоначальное образованіе получилъ дома; въ 1873 г. послѣ смерти отца по случаю болѣзни отправился въ Гётингенъ у Аугсбурга и посѣщалъ отъ 1874 до 1876 г. классическую гимназію св. Анны, находившуюся тогда подъ управленіемъ филолога Христіана Крона. Возвратившись въ Россію, онъ посѣщалъ въ продолженіе одного года нѣмецкую школу при церкви св. Екатерины и окончилъ свое образованіе въ училищѣ св. Петра, послѣ чего изучалъ въ Петербургскомъ университетѣ исторію (преимущественно среднюю). За сочиненіе „Зосимъ преимущественно какъ источникъ для времени Константина и Юліана Отступника" онъ получилъ золотую медаль. По окончаніи курса онъ сдалъ экзаменъ, причемъ удостоился кандидатскаго званія и, будучи оставленъ при университетѣ, на одинъ годъ отправился въ Берлинъ, гдѣ слушалъ лекціи Трейчке, Моммзена и Бреслау. У послѣднихъ онъ участвовалъ также въ семинаріяхъ и представилъ слѣдующія работы: 1) Изслѣдованіе о рѣчахъ Симмаха и Аллеманскихъ войнахъ Валентиніана, 2) Объ отношеніи римскихъ декуріоновъ къ государству въ позднѣйшія времена им-

періи, 3) Опытъ біографіи Аэція. Съ 1887 г. онъ въ Петербургѣ занимался частными уроками и усиленно приготовлялся къ магистерскому экзамену, который и сдалъ въ февралѣ 1891 г. Въ 1888 г. онъ помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Нар. Просв. рецензію на „Zosimi comitis et exadvocati historia nova. Edidit Lud. Mendelssohn L. 1887". Осенью 1889 г. онъ поступилъ на мѣсто учителя исторіи и географіи въ училищѣ при реформатской церкви.

А. М. Гриневецкій, кандидатъ Петербургскаго университета (выпуска 1887 г.), скончался 18 ноября сего года въ Ялтѣ отъ скоротечной чахотки. Покойный занимался въ университетѣ польской исторіей и между прочимъ участвовалъ въ переводѣ I тома Исторіи Польши Бобржинскаго, вышедшемъ въ свѣтъ подъ ред. проф. Карѣева. По окончаніи курса онъ поступилъ на частную службу и давалъ уроки исторіи въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Болѣзнь его застигла въ то время, какъ онъ приступилъ къ переводу II-го тома исторіи Бобржинскаго.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ за 1891 г.

Общество вступило во второй годъ своего существованія въ количествѣ 160 дѣйствительныхъ членовъ и 1 члена соревнователя. Въ теченіе года умерло 4 члена: И. Е. Андреевскій, А. И. Аммонъ, В. Г. Грефе и А. М. Гриневецкій; поступило 81 чл. Такимъ образомъ къ концу отчетнаго года въ Обществѣ числилось 239 членовъ. Изъ комитета Общества выбыли въ силу § 20 устава: В. Г. Дружининъ и Е. Ф. Шмурло. Избраны въ общемъ собраніи 12 декабря 1890 г.: С. Л. Степановъ и Е. Ф. Шмурло, который по случаю его назначенія въ Дерптъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора замѣненъ по выборамъ С. Л. Пташицкимъ. Въ нынѣшнемъ отчетномъ году въ силу того же § 20 устава выбываютъ А. С. Лаппо-Данилевскій и Г. В. Форстенъ.

Съ 1-го декабря 1890 г. по 1-е декабря 1891 г. было XIII общихъ собраній членовъ Общества. Дѣятельность Общества состояла въ чтеніи рефератовъ и ихъ обсужденіи, въ изданіи трудовъ, составленіи систематическаго указателя исторической литературы и заботахъ объ образованіи библіотеки Общества.

Научныя сообщенія сдѣланы были слѣдующими лицами: Е. Ф. Шмурло: Извѣстія Тедалди о Россіи, А. И. Покровскимъ: Новыя явленія въ области разработки древне-греческой исторіи, С. М. Середонинымъ: Военныя силы московскаго государства въ концѣ XVI вѣка, П. А. Шафрановымъ: Азовское войско, эпизоды изъ военной исторіи XIX вѣка, Н. И. Карѣевымъ: Политическая экономія и теорія историческаго процесса, С. Ѳ. Платоновымъ: О

третьемъ томѣ исторіи Иловайскаго, В. Т. Судейкинымъ: О дѣятельности Канкрина, В. В. Лесевичемъ: О книгѣ Trezza „Il pessimismo e l'evoluzione", В. І. Яроцкимъ: Объ органическихъ теоріяхъ общественнаго развитія Шеффле и Спенсера, С. А. Бершадскимъ: Объ общественной организаціи крестьянъ въ Литвѣ XVI вѣка, С. А. Бершадскимъ: Объ изданныхъ г. Каманинымъ актахъ о еврейскомъ населеніи въ югозападной Россіи, Г. В. Форстеномъ: Ливонскіе проекты въ XVI вѣкѣ, Е. А. Бѣловымъ: Верховники и дворянство, П. И. Вейнбергомъ: Отношенія Шиллера къ исторіи въ Маріи Стюартъ, Э. Д. Гриммомъ: Теорія Оттокара Лоренца объ естественныхъ періодахъ въ исторіи. Кромѣ того въ общемъ собраніи членовъ Общества 18-го сентября 1891 г. прочитана была статья М. М. Ковалевскаго: Поворотный моментъ въ исторіи землевладѣнія и землевладѣльческихъ классовъ въ Англіи.—По вопросу о преподаваніи исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ сдѣланы были сообщенія: И. И. Васильевымъ: О контурахъ географическихъ картъ и значеніи ихъ въ дѣлахъ преподаванія исторіи, Ю. Ю. Цвѣтковскимъ: О значеніи книги при изученіи исторіи въ школѣ, Н. И. Карѣевымъ: О систематизаціи занятій вопросами, касающимися преподаванія исторіи, И. М. Гревсомъ: Исторія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія, Н. И. Карѣевымъ: Объ исторической наукѣ и преподаваніи исторіи.

На изданіе трудовъ Историческаго Общества собраны были и израсходованы нижеслѣдующія суммы:

ПРИХОДЪ:

Пожертвованій въ 1890 г.	385 р.
Пожертвованій въ 1891 г.	100 „
Отъ продажи 1-го тома Ист. Обозр. . . .	210 „
Отъ продажи 2-го тома Ист. Обозр. . . .	84 „
Отчислено изъ членскихъ взносовъ на 1890 г.	300 „
Отчислено изъ членскихъ взносовъ на 1891 г.	400 „
Итого. . . .	1479 р.

РАСХОДЪ:

Изданіе перваго тома Истор. Обозр. .	792 р. 87 к.
За второй тоже уплачено.	624 „ — „
Итого . .	1416 р. 87 к.
Остается въ издательскомъ фондѣ. .	62 р. 13 к.

Первый томъ изданія трудовъ Историческаго Общества вышелъ въ концѣ 1890 года; ему дано было названіе „Историческаго Обозрѣнія". Томъ этотъ, заключающій въ себѣ 25 листовъ, былъ напечатанъ въ количествѣ 810

экземпляровъ изъ коихъ 210 поступило въ распоряженіе Общества для раздачи членамъ и даровой разсылки, а 600 предназначено для продажи.—23 января 1891 г. состоялось постановленіе комитета, утвержденное общимъ собраніемъ о томъ, чтобы впредь издавать „Историческое Обозрѣніе" 2 раза въ годъ въ концѣ весенняго и осенняго семестровъ по программѣ журнала выпусками не менѣе 12—15 листовъ. При этомъ редакція поручена была Н. И. Карѣеву. Въ срединѣ мая 1891 г. средства Общества позволили приступить къ изданію второго тома Обозрѣнія размѣрами въ 23 листа и въ количествѣ 800 экземпляровъ. Изъ нихъ 200 поступили въ непосредственное распоряженіе Общества, а 600 въ продажу. Въ настоящее время печатается и будетъ готовъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1891 года третій томъ Обозрѣнія. Многіе журналы и газеты (Вѣстникъ Европы, Недѣля, Живописное Обозрѣніе, Сѣверный Вѣстникъ, Русская Школа, Юридическое Обозрѣніе, Русская Мысль, Русскія Вѣдомости, Юридическій Вѣстникъ, Харьковскія губернскія вѣдомости, Южный Край, Русская Старина, Вопросы философіи и психологіи, Русское Богатство, Историческій Вѣстникъ, Новости, Новое Время, Биржевыя Вѣдомости, Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, Kraj)—помѣстили даровыя публикаціи о выходѣ въ свѣтъ обоихъ томовъ, за что общество приноситъ редакціямъ искреннюю благодарность. До 1-го ноября 1891 года изъ 210 экземпляровъ перваго тома Обозрѣнія, предназначенныхъ на раздачу, осталось 34, изъ 200 экземпляровъ втораго тома—20. Продано перваго тома 120 экземпляровъ, второго—60 экземпляровъ.

Въ отчетномъ году работы по составленію систематическаго указателя исторической литературы почти совсѣмъ не подвинулись впередъ. Главными причинами этого нужно признать крайнюю медленность поступленія списковъ книгъ, предназначаемыхъ къ разбору, со стороны сотрудниковъ и трудность организаціи нѣкоторыхъ отдѣловъ библіографіи. Вслѣдствіе сего, библіографическая коммиссія собралась въ отчетномъ году только одинъ разъ. Въ настоящее время Комитетомъ принимаются мѣры къ тому, чтобы подвинуть это дѣло впередъ.

Въ концѣ текущаго 1891 года при Обществѣ образовалась историко-педагогическая секція съ отдѣльнымъ бюро, состоящимъ изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя и секретаря. Работы этой секціи еще не начинались, но для нихъ выработана была особая программа и временныя правила. Программа и правила обсуждались въ особой историко-педагогической коммиссіи и въ Комитетѣ, а вслѣдъ за тѣмъ перенесены были и въ общее собраніе, которое ихъ и утвердило.

Библіотека Историческаго Общества помѣщается въ зданіи университета; для храненія книгъ библіотеки Правленіемъ университета отведено два шкафа. Правила пользованія библіотекой, выработанныя комитетомъ, утверждены были Совѣтомъ университета. Къ 1-му декабря 1891 г. въ библіотекѣ числилось: а) книгъ и брошюръ 206 названій въ 261 томѣ (считая въ томъ числѣ 4

дублета) и б) періодическихъ изданій—14 названій въ 27 томахъ. Всего въ отчетномъ году поступило 124 названія въ 239 томахъ и выпускахъ. Пожертвованія были сдѣланы: Г. Е. Аѳанасьевымъ, Н. И. Варсовымъ, И. М. Беллярминовымъ, Н. М. Благовѣщенскимъ, А. И. Браудо, Н. М. Бубновымъ, П. Г. Виноградовымъ, г. Грушевскимъ, А. Н. Деревицкимъ, г. Довнаръ-Запольскимъ, Н. И. Карѣевымъ, Н. А. Котляревскимъ, Е. В. Крыловымъ, г. Кунскимъ, В. В. Латышевымъ, А. С. Лебедевымъ, В. Ф. Левитскимъ, В. В. Лесевичемъ, Н. М. Лисовскимъ, А. И. Маркевичемъ, г. Мировичемъ, В. А. Мякотинымъ, г. Науновымъ, г. Первовымъ, Д. М. Петрушевскимъ, П. Д. Погодинымъ, г. Саввой, А. П. Сапуновымъ, С. М. Середонинымъ, К. Т. Солдатенковымъ, Д. А. Столыпинымъ, В. Н. Сторожевымъ, А. Н. Филиповымъ, Л. В. Ходскимъ, Н. Д. Чечулинымъ, А. Н. Щукаревымъ, анонимнымъ авторсмъ книги Prawdą! nie fałszem, гг. переводчиками греческихъ древностей Бузольта, Московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Архивомъ министерства юстиціи, Военно-ученымъ архивомъ главнаго штаба, Департаментомъ общихъ дѣлъ министерства государственныхъ имуществъ, Историко-филологическимъ обществомъ при Новороссійскомъ университетѣ, Обществомъ Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ, Обществомъ Нестора Лѣтописца, Ярославскою и Таврическою учеными архивными коммиссіями, Нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ, Редакціями Записокъ Казанскаго университета, Библіографа, Книжнаго вѣстника, Kwartalnika historicznego, Ateneum'а (польскаго) и Athenaeum'а (чешскаго).

Средства Общества составлялись изъ членскихъ взносовъ и чрезвычайныхъ поступленій:

Остатокъ отъ прошлаго года	815 р. 16 к.
Поступленіе съ 1 дек. 1890 г.	
Годовые членскіе взносы: 175 пятирублевыхъ . .	875 р. — к.
1 десятирублевый . .	10 р. — к.
2 сторублевыхъ. . .	200 р. — к.
Всего . . .	1085 р. — к.
Пожертвованіе	100 р. — к.
Продажа экземпляровъ 1 и 2 тома Историч. Обозр.	294 р. — к.
Итого поступленій за 1890—91 г.	1479 р. — к.
Всего приходу вмѣстѣ съ остаткомъ	2294 р. 16 к.

РАСХОДЪ.

На изданіе Историческаго Обозрѣнія	1416 р. 87 к.
Почтовые расходы.	72 р. 53 к.
Расходъ по библіотекѣ Общества	13 р. 80 к.
Вознагражд. за письмоводительство А. К. Кириллову.	50 р. — к.
Всего . . .	1553 р. 20 к.
Въ остаткѣ къ 1 декабря 1891 г.	740 р. 96 к.

Протоколъ ревизіонной коммиссіи.

1891 г. 5 декабря. С.-Петербургъ. Просмотрѣвъ отчетъ о состояніи суммъ Общества за 1891 годъ и провѣривъ дѣлопроизводство казначея, ревизіонная коммиссія нашла то и другое въ полномъ порядкѣ. Равнымъ образомъ и библіотека при ревизіи оказалась въ порядкѣ; но коммиссія позволяетъ себѣ выразить пожеланіе, чтобы члены Общества проявляли болѣе энергическую заботливость о пополненіи этой библіотеки, по крайней мѣрѣ, путемъ доставленія въ нее своихъ собственныхъ трудовъ и изданій. Коммиссія предлагаетъ на усмотрѣніе Общества вопросъ о томъ, нельзя ли изыскать болѣе успѣшные пути для полученія библіотекой Общества иностранныхъ и русскихъ историческихъ журналовъ, которыхъ въ данное время имѣется весьма немного. Желательно было бы также позаботиться о переплетѣ книгъ, поскольку это дозволятъ средства Общества.

Подписали: Е. Бѣловъ.
Ю. Цвѣтковскій.
В. Мякотинъ.

NB. Второй дополнительный списокъ членовъ Общества будетъ помѣщенъ въ IV томѣ „Историческаго Обозрѣнія“.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

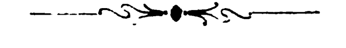
Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

издаваемый подъ редакціей

Н. И. КАРѢЕВА.

(1892 г.).

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1892.

1947

Печатается по постановленію Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель *Н. Карѣевъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

ОТДѢЛЪ I.

Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи.

Н. И. Карѣева.

I.

Въ этихъ замѣткахъ я возвращаюсь къ предмету, которому была посвящена статья „Политическая экономія и теорія историческаго процесса", напечатанная во второмъ томѣ „Историческаго Обозрѣнія". Въ ней я коснулся между прочимъ односторонностей и увлеченій, внесенныхъ, съ одной стороны, въ политическую экономію исторической точкою зрѣнія на явленія хозяйственной жизни народа, а съ другой — въ историческую науку изученіемъ экономической стороны общественнаго быта и развитія. Говоря о послѣднемъ, я долженъ былъ, однако, отмѣтить тотъ фактъ, что если въ экономической литературѣ было много теоретическихъ споровъ, вызванныхъ примѣненіемъ къ политической экономіи историческаго метода, то, наоборотъ, въ исторической литературѣ, возникновеніе и развитіе экономическаго направленія не отразилось замѣтнымъ образомъ въ области теоріи историческаго процесса. Послѣдняя вообще не разработана и въ частности въ ней совсѣмъ не разработанъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ исторіи и экономическихъ явленій. Историки экономическаго направленія въ свою очередь не даютъ себѣ труда обосновывать теоретически свое направленіе, и даже тогда, когда ихъ теорія слишкомъ ясно сводится къ положенію, по которому историческій процессъ по существу и въ основѣ своей есть процессъ экономическій, теорія эта только высказывается, но не доказывается. „Въ основѣ всѣхъ историческихъ работъ съ идейнымъ содержаніемъ, говорили мы, всегда лежитъ извѣстное представленіе о томъ, что такое исторія и въ чемъ она состоитъ, но достоинство науки требовало бы, чтобы такое представленіе не было простымъ предположеніемъ, принятымъ на вѣру,

подобно догмату, а было такъ или иначе обосновано, дурно ли — хорошо ли доказано. Весьма благодарную работу представила бы изъ себя задача разобрать ходячія въ наше время основныя предположенія историческихъ работъ, разъ мы не имѣемъ опредѣленно формулированныхъ историческихъ теорій, и быть можетъ, особый интересъ представило бы изслѣдованіе экономической гипотезы". Въ заключеніе мною было высказано пожеланіе, чтобы историки и экономисты лучше формулировали свои взгляды. „Историческое изученіе экономическихъ явленій въ сущности только-что начато, и нужно надѣяться, что современемъ оно дастъ матеріалъ для вѣрнаго и всесторонняго опредѣленія отношенія этихъ явленій къ другимъ соціальнымъ и культурнымъ явленіямъ, для коихъ они бываютъ и причинами, и слѣдствіями, и важными условіями, и побочными обстоятельствами и т. д. Съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса наибольшую важность имѣли бы, конечно, экономическія изслѣдованія, предпринятыя съ эволюціонной точки зрѣнія, при помощи сравнительнаго метода и на основаніи не одного историческаго, но и этнографическаго матеріала. Важно также было бы, чтобы историки-экономисты почаще подводили теоретическіе итоги подъ своими изслѣдованіями и обстоятельнѣе формулировали свои теоретическія посылки: въ этихъ итогахъ накоплялся бы научно обработанный матеріалъ для теоріи историческаго процесса, эти посылки могли бы служить предметомъ исторіологической критики, поставленной къ экономическому направленію въ исторіи въ худшія отношенія, нежели къ исторической школѣ въ экономической наукѣ, которая свои принципы формулировала". Эти заявленія встрѣтили одно замѣчаніе, о которомъ я считаю нужнымъ здѣсь упомянуть. Содержаніе моей статьи было вкратцѣ изложено въ библіографическомъ обзорѣ русскихъ журналовъ г. В. Н. Сторожева въ январьской книгѣ „Юридическаго Вѣстника" за 1892 г. Выписываю цѣликомъ относящееся къ вопросу мѣсто. „Подчеркнувъ, говоритъ рецензентъ, увлеченіе экономической исторіей въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ трудахъ, Н. И. Карѣевъ замѣчаетъ, что „историки экономическаго направленія *не* даютъ себѣ труда обосновывать теоретически свое направленіе, и даже тогда, когда ихъ теорія (т.-е. не писанная, а подразумѣваемая читателями) слишкомъ ясно сводится къ положенію, по которому историческій процессъ по существу и въ основѣ своей есть процессъ экономическій". Намъ кажется, что второй упрекъ по адресу историковъ, изучающихъ хозяйство, нѣсколько преждевремененъ, что выработка теоріи, о которой такъ естественно хлопочетъ Н. И. Карѣевъ, едва ли возможна въ настоящую минуту безъ достаточнаго запаса конкретныхъ наблюденій. Намъ вообще кажется, что только эмпирическій путь и можетъ

быть наиболѣе надежнымъ; соображенія метафизическаго свойства должны безусловно отойти на второй планъ" (стр. 129). Въ этихъ немногихъ строкахъ, на мой взглядъ, кроется крупное недоразумѣніе, требующее устраненія въ виду общаго характера высказанной здѣсь мысли. Двѣ вещи различныя—*теоретическая обосновка* принципа, по коему историческій процессъ въ самомъ существѣ своемъ сводится къ экономической основѣ, и *выработка теоріи* о роли хозяйственныхъ явленій въ историческомъ процессѣ: требуя первой, я только выражаю желаніе, чтобы извѣстная принципіальная предпосылка, лежащая въ основѣ извѣстнаго пониманія сущности историческаго процесса, не только подразумѣвалась (и не читателями только, а и самими авторами), но и обосновывалась сама какими-либо теоретическими соображеніями, и другое дѣло—научная теорія, являющаяся уже результатомъ работы надъ эмпирическимъ матеріаломъ съ извѣстной, опредѣленной точки зрѣнія; я нисколько не упрекаю „историковъ, изучающихъ хозяйство", за то, что они еще не создали теоріи экономической стороны историческаго процесса, да и самъ рекомендую имъ, какъ это видно изъ вышеприведеннаго мѣста, „эмпирическій путь" „конкретныхъ наблюденій" надъ историческимъ и этнографическимъ матеріаломъ: мой упрекъ можетъ относиться только къ тѣмъ, которые не просто „изучаютъ хозяйство", но и утверждаютъ при этомъ, что вся суть исторіи заключается въ однихъ экономическихъ перемѣнахъ, не давая себѣ труда обосновать такой взглядъ общими соображеніями, которыя отнюдь, конечно, не должны быть непремѣнно „метафизическаго свойства".

II.

Между тѣмъ существуетъ вѣдь и теоретическая обосновка упомянутаго взгляда, идущая, однако, не отъ историковъ, а отъ представителей научнаго соціализма. Въ статьѣ своей я слегка коснулся такъ называемаго „экономическаго матеріализма" [1]) школы Карла Маркса, обѣщавъ, между прочимъ, разсмотрѣть болѣе подробнымъ образомъ исходный пунктъ, основную точку зрѣнія и частныя теоремы этого направленія. Исполненіе указаннаго обѣщанія не входитъ въ мой теперешній планъ, но я все-таки намѣренъ, хотя бы въ самыхъ общихъ

[1]) См. также сопоставленіе этого направленія съ направленіемъ идейнымъ сдѣланное въ публичной лекціи объ „источникахъ историческихъ перемѣнъ", краткое изложеніе коей подъ этимъ заглавіемъ помѣщено въ „Рус. Богатствѣ" за 1892 г. № 1.

чертахъ, изложить сущность „экономическаго матеріализма", оговариваясь, впрочемъ, что вовсе не считаю всѣхъ историковъ, придерживающихся взгляда на экономическія явленія, какъ на основу исторіи, приверженцами именно той формулировки этого взгляда, какую мы находимъ у Маркса и Энгельса. Оставляя такимъ образомъ до другого раза исторію и критику этого воззрѣнія, я указываю здѣсь на „экономическій матеріализмъ" именно какъ на примѣръ теоретической предпосылки, съ точки зрѣнія которой разсматриваются историческіе факты. Съ другой стороны, я имѣю въ виду изложить въ общихъ чертахъ, какъ относятся къ этому направленію два новѣйшіе его послѣдователя: П. Вейзенгрюнъ, авторъ двухъ книжекъ „Die Entwickelungsgesetze der Menschheit" (1888) и „Verschiedene Geschichtsauffassungen" (1890), и г. П. Н., посвятившій тому же предмету статью подъ заглавіемъ. „Одна изъ гипотезъ о сущности историческаго процесса" (V и VI книги „Русской Мысли" за 1891 г.).

Родоначальники „экономическаго матеріализма", Марксъ и Энгельсъ, ставятъ свое ученіе въ преемственную связь съ философской системой и съ діалектическимъ методомъ Гегеля. Въ подробномъ изложеніи генезиса этой идеи, несомнѣнно, важный вопросъ представило бы отношеніе марксизма къ гегельянству, но для той цѣли, ради коей мы заговорили здѣсь объ „экономическомъ матеріализмѣ", гораздо большій интересъ имѣетъ то обстоятельство, что еще въ 1816 г. Сенъ-Симонъ опредѣлялъ политику, какъ науку о производствѣ, и предсказывалъ ея полнѣйшее поглощеніе экономіей; съ этой стороны „экономическій матеріализмъ" находится въ болѣе тѣсной связи съ самыми ранними соціальными ученіями XIX в., чѣмъ съ философіей Гегеля, и чрезъ то съ тѣмъ фазисомъ, къ какой вступила соціальная исторія Европы въ первой половинѣ текущаго столѣтія,—въ болѣе тѣсной связи, нежели съ извѣстными измѣненіями, которыя произошли въ гегельянствѣ. За первое проявленіе идеи „экономическаго матеріализма" въ исторіи послѣдователи этой доктрины принимаютъ знаменитый „Коммунистическій манифестъ" Маркса и Энгельса (1848 г.), но въ немъ, собственно говоря, опредѣленнаго исторіологическаго ученія мы не находимъ: тутъ выражены были только самыя общія мысли объ обществѣ и его исторіи. „Исторія, говорится въ самомъ началѣ, всѣхъ донынѣ существовавшихъ обществъ есть исторія борьбы классовъ"... „Трудно ли понять, говорится въ другомъ мѣстѣ, что съ образомъ жизни людей, съ ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ положеніемъ мѣняются также ихъ представленія, воззрѣнія, понятія, словомъ, все ихъ міросозерцаніе? Что же доказываетъ исторія идей, если не то, что умственная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальной? Господствующими идеями дан-

наго времени всегда были идеи господствующаго класса. Говорятъ объ идеяхъ, которыя создаютъ революціонное настроеніе во всемъ обществѣ; этимъ выражаютъ тотъ фактъ, что внутри стараго общества образовались элементы новаго строя, что рядомъ съ разрушеніемъ стараго образа жизни идетъ разложеніе старыхъ идей". Вотъ все существенное по интересующему насъ предмету, чтó только и можно найти въ „Манифестѣ". Заявляя, что „исторія всѣхъ донынѣ существовавшихъ обществъ основывалась на противоположности классовъ, принимавшей въ различныя эпохи различные виды", „Манифестъ" пророчитъ исчезновеніе тѣхъ формъ общественнаго сознанія, въ коихъ оно всегда вращалось, разъ произойдетъ полное уничтоженіе противоположности классовъ. Другими словами, основа исторіи не принимается здѣсь за нѣчто вѣчное. Далѣе, въ предисловіи къ сочиненію „Zur Kritik der politischen Oekonomie" Марксъ указываетъ на то, что „въ своей общественной жизни люди наталкиваются на извѣстныя, необходимыя, независящія отъ ихъ воли отношенія, именно на отношенія производства, соотвѣтствующія той или другой ступени развитія производительныхъ силъ. Вся совокупность этихъ отношеній производства, продолжаетъ онъ, составляетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ извѣстныя формы общественнаго сознанія". Отсюда онъ выводитъ, что „соотвѣтствующій матеріальной жизни способъ производства обусловливаетъ собою процессы соціальной, политической и духовной жизни вообще. Не понятія, поясняетъ онъ, опредѣляютъ общественную жизнь людей, но, наоборотъ, ихъ общественная жизнь обусловливаетъ собою ихъ понятія... Правовыя отношенія, говоритъ онъ еще, равно какъ и формы государственной жизни, не могутъ быть объяснены ни сами собою, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, совокупность которыхъ Гегель по примѣру англичанъ и французовъ XVIII столѣтія обозначилъ именемъ гражданскаго общества; анатомію же гражданскаго общества нужно искать въ его экономіи... На извѣстной ступени своего развитія, продолжаетъ онъ, матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства, или (говоря юридическимъ языкомъ) съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до тѣхъ поръ вращались. Изъ формъ, способствующихъ развитію производительныхъ силъ, эти имущественныя отношенія дѣлаются его тормазами... Съ измѣненіемъ экономическаго основанія измѣняется болѣе или менѣе быстро вся возвышающаяся на немъ огромная надстройка. Ни одна общественная формація не исчезаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производи-

тельныя силы, которымъ она предоставляетъ достаточно простора; и новыя, высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія".

Вотъ все самое важное и существенное въ теоріи, выраженное словами самого Маркса: съ одной стороны, это — представленіе всей исторіи, какъ борьбы классовъ на почвѣ экономическихъ интересовъ, съ другой — представленіе экономической структуры общества, какъ базиса, а всего остального, какъ надстройки, наконецъ—представленіе историческихъ перемѣнъ, какъ перемѣнъ, обусловливающихся измѣненіями исключительно экономическаго свойства. Дальнѣйшее развитіе этихъ положеній принадлежитъ другу Маркса Энгельсу, который, оцѣнивая значеніе Маркса, вообще ставитъ ему въ заслугу два крупныя открытія: матеріалическое пониманіе исторіи и разоблаченіе тайны капиталистическаго производства [1]). Собственно говоря по первому пункту самъ Энгельсъ высказывался гораздо болѣе, нежели Марксъ, но по его собственному заявленію, сдѣланному въ предисловіи къ сочиненію о нѣмецкой крестьянской войнѣ, матеріалистическое пониманіе исторіи именно имѣетъ своимъ родоначальникомъ не его, а Маркса [2]). Въ статьѣ своей о значеніи Маркса въ наукѣ, помѣщенной въ Arbeiter-Kalender за 1878 г., онъ на первое мѣсто ставитъ какъ разъ этотъ переворотъ, имъ произведенный во взглядѣ на исторію, которая оказывается-де не чѣмъ инымъ, какъ борьбою классовъ. Энгельсу же, сколько я знаю, принадлежитъ и развитіе той мысли, что „экономическій матеріализмъ" тѣсно связанъ съ философіей Гегеля, чѣмъ онъ старался придать своему ученію извѣстную умозрительную основу. Не касаясь вопроса о послѣдней по существу, я укажу только на мысль Энгельса объ этомъ, высказанную имъ въ „Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft". Дѣло идетъ объ антиисторичности соціальныхъ утопій. „Соціализмъ, говоритъ Энгельсъ, въ представленіи утопистовъ есть выраженіе абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, чтобы онъ собственной силою покорилъ весь міръ; а такъ какъ абсолютная истина не зависитъ отъ времени, пространства и историческаго развитія человѣчества, то это уже дѣло чистой случайности, когда и гдѣ она будетъ открыта". Научное значеніе соціализмъ могъ получить, лишь ставъ на реальную почву, которую создала философія Гегеля, величайшая заслуга которой, говоритъ Энгельсъ, „состоитъ

---

[1]) Ср. B. Limanowski. Historya ruchu społecznego w XIX stuleciu Lwow. 1890. Стр. 279 и слѣд.

[2]) Der Deutsche Bauernkrieg. Lpzg. 1870. Стр. 4.

въ томъ, что она въ первый разъ представила весь естественный, историческій и духовный міръ въ видѣ процесса, т.-е. изслѣдовала его въ безпрерывномъ движеніи, измѣненіи и развитіи, и пыталась обнаружить взаимную внутреннюю связь этого движенія и развитія". Съ другой стороны, Энгельсъ указываетъ на то, что „уразумѣніе полной ошибочности господствовавшаго въ Германіи идеализма должно было неизбѣжно привести къ матеріализму", который однако остается діалектическимъ. Къ этому присоединились обстоятельства времени, и „новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю исторію новому изслѣдованію, и тогда выяснилось, что *вся* она, за исключеніемъ первобытнаго состоянія, была исторіею борьбы классовъ, что эти борющіеся общественные классы являются въ каждый данный моментъ результатомъ условій производства и обмѣна, короче—*экономическихъ* отношеній своего времени". Однимъ словомъ, „Гегель освободилъ отъ метафизики пониманіе исторіи,—онъ сдѣлалъ его діалектическимъ,—но его собственный взглядъ на нее былъ идеалистиченъ по существу. Теперь идеализмъ былъ изгнанъ изъ его послѣдняго убѣжища, изъ области исторіи, теперь пониманіе исторіи стало матеріалистическимъ, теперь найденъ былъ путь для объясненія человѣческаго *самосознанія* условіями человѣческаго *существованія*, вмѣсто прежняго объясненія этихъ условій человѣческимъ самосознаніемъ". Такимъ образомъ, по мнѣнію Энгельса, у Гегеля „экономическій матеріализмъ" заимствовалъ историческое пониманіе, идею развитія и процесса, и вся разница заключается въ томъ, что историческій идеализмъ Гегеля смѣнился историческимъ матеріализмомъ, который толкуется Энгельсомъ слѣдующимъ образомъ: „Матеріалистическое пониманіе исторіи, говорится въ одномъ мѣстѣ указаннаго сочиненія, основывается на томъ положеніи, что производство и обмѣнъ продуктовъ служатъ основаніемъ всякаго общественнаго строя; что въ каждомъ историческомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ, а съ нимъ и образованіе классовъ или сословій зависитъ отъ того, какъ и что производится этимъ обществомъ и какимъ способомъ обмѣниваются произведенные продукты". Отсюда онъ выводитъ, что „коренныхъ причинъ соціальныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ нужно искать не въ головахъ людей, не въ болѣе или менѣе ясномъ пониманіи ими вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіи способовъ производства и обмѣна; другими словами, не въ философіи, а въ экономіи данной эпохи. Пробудившееся сознаніе неразумности и несправедливости существующихъ общественныхъ отношеній, убѣжденіе въ томъ, что „разумъ сталъ безуміемъ, благодѣяніе мученіемъ",—служитъ лишь указаніемъ того, что въ способахъ производства и формахъ обмѣна постепенно совершились измѣненія, настолько зна-

чительныя, что имъ не соотвѣтствуетъ болѣе порядокъ, выкроенный по мѣркѣ старыхъ экономическихъ условій". Въ другомъ мѣстѣ Энгельсъ такъ формулируетъ ту же мысль: „экономическій строй общества каждой данной эпохи представляетъ ту реальную почву, свойствами которой объясняется въ послѣднемъ анализѣ вся надстройка, образуемая совокупностью правовыхъ и политическихъ учрежденій, равно какъ и религіозныхъ, философскихъ и прочихъ воззрѣній каждаго даннаго историческаго періода". Впрочемъ, какъ и въ „Манифестѣ" 1848 г., и здѣсь высказывается мысль о невѣчности описываемаго порядка вещей. По мнѣнію Энгельса, именно, „раздѣленіе общества на классы эксплуатирующіе и эксплуатируемые, господствующіе и угнетаемые было необходимымъ слѣдствіемъ прежняго недостаточнаго развитія производства... Но если, замѣчаетъ онъ, раздѣленіе на классы и имѣетъ извѣстное историческое оправданіе, то оно имѣетъ его лишь для даннаго періода и при данныхъ условіяхъ. Оно коренилось въ слабости производства и будетъ сметено полнымъ развитіемъ современныхъ производительныхъ силъ".

Не будемъ останавливаться долѣе на изложеніи взглядовъ Энгельса; отмѣтимъ лишь одну подробность, заключающуюся въ томъ, что съ теченіемъ времени Энгельсъ дополнилъ свой взглядъ новыми соображеніями, которыя внесли въ него существенное измѣненіе. Излагая вкратцѣ идеи Энгельса, польскій историкъ общественныхъ движеній въ XIX в., Б. Лимановскій, замѣчаетъ, между прочимъ, что Энгельсъ „въ послѣднее время значительно расширилъ матеріалистическое пониманіе исторіи". Именно, „прежде онъ признавалъ за его основу изслѣдованіе экономическихъ отношеній, изслѣдованіе экономической структуры общества, а потомъ онъ призналъ равносильное значеніе за изслѣдованіемъ семейнаго устройства". Приведши слова Энгельса, въ коихъ выражается эта мысль, Лимановскій дѣлаетъ такого рода заключеніе: „идя этой дорогой расширенія матеріалистическаго пониманія исторіи, мы можемъ сказать, что по этому ученію главнымъ факторомъ является производство и воспроизведеніе равно какъ матеріальной, такъ и умственной жизни. Такимъ образомъ къ двумъ равносильнымъ факторамъ—экономическому и соціальному—въ тѣсномъ смыслѣ мы прибавляемъ еще факторъ интеллектуальный" [1]). Приводя эти заключительныя соображенія Лимановскаго, я имѣю въ виду ихъ совпаденіе съ воззрѣніями двухъ названныхъ мною послѣдователей „экономическаго матеріализма", т.-е. Вейзенгрюна и г. П. Н., тоже выдвигающихъ значеніе интеллектуальнаго (психическаго) фактора въ исторіи. Самъ Энгельсъ не дошелъ до такого пониманія,

---

[1]) B. Limanowski, o. p., 285.

расширивъ свой первоначальный взглядъ только подъ вліяніемъ новаго представленія о первобытныхъ формахъ брачныхъ и семейныхъ отношеній, именно принявъ въ расчетъ не одинъ только процессъ производства продуктовъ, но и процессъ воспроизведенія человѣческихъ поколѣній. Въ данномъ отношеніи вліяніе шло со стороны „Древняго Общества“ Моргана [1]). Уже самъ Марксъ хотѣлъ представить выводы изъ изслѣдованій Моргана въ освѣщеніи своего пониманія исторіи: Энгельсъ занялся этимъ дѣломъ во исполненіи воли своего покойнаго друга, результатомъ чего было его сочиненіе о происхожденіи семьи, собственности и государства [2]), и заключающее въ себѣ упомянутое расширеніе взгляда. Но его мы оставляемъ пока въ сторонѣ.

III.

Объ „экономическомъ матеріализмѣ“ писано было очень мало. Въ своей статьѣ „Политическая экономія и теорія историческаго процесса“ мнѣ уже пришлось отмѣтить лишь отчасти (стр. 76—157) посвященную предмету небольшую книгу Вейзенгрюна подъ заглавіемъ „Die Entwickelungsgesetze der Menschheit“. Послѣ того я познакомился еще съ другою книжкою того же автора подъ заглавіемъ „Verschiedene Geschichtsauffassungen“ и сдѣлалъ обѣ предметомъ небольшой замѣтки объ „экономическомъ направленіи въ исторіи“, помѣщенной въ № 5 и 6 „Юридическаго Вѣстника“ за 1891 г. Сравненіе обѣихъ книгъ представляетъ немалый интересъ: авторъ, ревностный сторонникъ „экономическаго матеріализма“, во второмъ трудѣ уже во многомъ отступаетъ отъ первоначальныхъ своихъ утвержденій, и въ этомъ заключается интересъ сравненія. Отсылая за нѣсколько болѣе подробнымъ изложеніемъ дѣла къ названной замѣткѣ, позволяю себѣ здѣсь повторить вкратцѣ ея содержаніе.

„Законы развитія“ написаны крайне несистематично и спутанно; въ нихъ много лишняго, почти совсѣмъ не идущаго къ дѣлу; нѣкоторые высказанные тамъ взгляды подверглись во второмъ сочиненіи существеннымъ поправкамъ. Объ обѣихъ можно однако сказать, что собственно теоретическаго обоснованія экономической концепціи въ нихъ нѣтъ: это — сопоставленіе „экономическаго матеріализма“ съ другими концепціями, очеркъ его генезиса, изложеніе его теоремъ, и

---

[1]) Lewis H. Morgan. Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery, throngh Barbarism to Civilisation. London. 1877

[2]) Fr. Engels. Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates im Anschluss an H. Lewis Morgan's Anschaunngen.

наконецъ, примѣненіе основной точки зрѣнія къ всемірной исторіи, причемъ авторъ вообще беретъ очень небольшую группу писателей. Именно во второмъ своемъ сочиненіи Вейзенгрюнъ называетъ всѣ, по его мнѣнію, главнѣйшія сочиненія въ духѣ „экономическаго матеріализма": это „Капиталъ" Маркса, это—его же „Elend der Philosophie" и „Коммунистическій манифестъ" (1848); далѣе труды Энгельса: «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft", „Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates" и „Ludwig Feuerbach, ueber den Ausgang der Klassischen deutschen Philosophie"; наконецъ „Le matérialisme économique de Charles Marx", Поля Лафарга [1]). Разсматривая разныя исторіологическія воззрѣнія нашего времени, Вейзенгрюнъ ставитъ имъ въ вину то, что въ нихъ вообще „принципъ поддержки жизни не играетъ самостоятельной роли", что ими экономическія отношенія „или оставляются въ пренебреженіи, или объясняются изъ какихъ-либо другихъ факторовъ" [2]), и противополагаетъ имъ ту теорію, которая прежде всего обращается къ анализу экономическихъ отношеній, всегда выдвигаетъ ихъ на первый планъ и объясняетъ изъ нихъ умственное движеніе, измѣненія въ нравахъ, фазисы религіи. Въ такомъ именно смыслѣ онъ весьма рѣзко ставитъ вопросъ: „происходитъ ли развитіе человѣчества болѣе на чисто интеллектуальной или же, наоборотъ, на экономической основѣ, т. е. какое происхожденіе—интеллектуальное преимущественно или же преимущественно экономическое—было у революцій, реформъ, реакцій, соціальныхъ движеній всякаго рода, происходившихъ въ теченіе вѣковъ, словомъ, у всякаго движенія, какое только происходило до сего дня? [3]). Онъ рѣшительно становится на сторону экономическаго происхожденія культурныхъ и соціальныхъ перемѣнъ, заявляя себя приверженцемъ „экономическаго матеріализма", т. е. такой исторической теоріи, которая кладетъ въ основу исторіи народное хозяйство и сводитъ къ нему все содержаніе общественной жизни, какъ совокупность разныхъ сосуществующихъ элементовъ [4]). Поэтому Вейзенгрюнъ вполнѣ присоединяется къ воз-

---

[1]) Verschiedene Geschichtsauffassungen, 27. Въ другомъ сочиненіи онъ называетъ Маркса, Энгельса и американскаго соціолога Моргана „единственными представителями этой теоріи въ тѣсномъ смыслѣ слова". Entwickelungsgesetze, 47. Къ сожалѣнію, намъ пока не удалось имѣть въ рукахъ сочиненія Лафарга.

[2]) Ibid., Verschied. Gesch., 20.

[3]) Ibid., 23.

[4]) Der „oekonomische Materialismus" kann definirt werden als die Geschichtstheorie, welche, als Basis der Entfaltung in der Geschichte die oekonomische Productionsweise annimmt und alle anderen Umstände darauf zurückführen will, ohne die reelle Bedeutung dieser Umstände zu läugnen; dieselben

зрѣнію Маркса и Энгельса. Онъ думаетъ, что отъ первыхъ шаговъ человѣка на землѣ до современности нѣтъ уже ни одного перехода, который не былъ бы теперь объясненъ съ ихъ точки зрѣнія. „Это—экономическій основной процессъ. Юридическіе, политическіе, религіозные, философскіе, литературные моменты развиваются рядомъ съ нимъ и по отношенію къ главному экономическому движенію образуютъ движенія побочныя" [1]). Вейзенгрюнъ не столько доказываетъ правильность такого пониманія сущности историческаго процесса, сколько разыскиваетъ, какъ оно сложилось. Между обоими сочиненіями по этому вопросу есть впрочемъ разница. По рѣшительному заявленію перваго, косвенное вліяніе на зарожденіе экономическаго направленія оказала нѣмецкая философія и въ частности гегельянство [2]). Вейзенгрюнъ даже думаетъ, что безъ діалектическаго метода едва ли можно представить себѣ „экономическій матеріализмъ" [3]). Но онъ не доказываетъ своего тезиса, да и доказать его было бы невозможно, такъ какъ діалектическій методъ относится къ *формѣ* историческаго процесса, а „экономическій матеріализмъ" — къ его *содержанію*. Во второмъ своемъ сочиненіи Вейзенгрюнъ уже ставитъ вопросъ, насколько вѣрно воззрѣніе, ставящее въ связь экономическое направленіе и гегельянство. Изъ того, говоритъ онъ, что манера писать у Маркса и Энгельса напоминаетъ Гегелеву, еще ничего не слѣдуетъ [4]), и онъ высказывается тутъ въ томъ смыслѣ, что вліяніе гегельянства въ данномъ случаѣ было болѣе формальнаго свойства [5]); настоящій же зародышъ новаго направленія онъ усматриваетъ теперь въ сочиненіяхъ французскихъ утопическихъ соціалистовъ и у Родбертуса [6]). Если стать на эту точку зрѣнія, должно потерять всякую силу одно соображеніе, высказанное въ первомъ трудѣ въ защиту всего направленія. Вейзенгрюнъ здѣсь предупреждаетъ, именно что „экономическій матеріализмъ" не слѣдуетъ смѣшивать съ утилитаристическимъ сведеніемъ нравственныхъ понятій къ идеѣ пользы: видя основу исторіи въ матеріальныхъ отношеніяхъ, а въ духовныхъ движеніяхъ какъ бы надстройку, это направленіе тѣмъ болѣе не можетъ отрицать ихъ

---

haben mit einen Einfluss in der menschlichen Entfaltung, wirken auf einander ein, treten als coexistirende Elemente auf. Entwickelungsgesetze, 96—97.

1) Ibid., 154.

2) Ibid., 48 sq.

3) Ibid., 158.

4) Versch. Gesch., 21.

5) Кромѣ того, онъ говоритъ: Nur als Vorbereitung, als unklaren, unvollkommenen Ausdruck der oekonomischen Geschichtsbetrachtung kann ich die Hegel'sche Anschauung betrachten, 22.

6) Ibid., 22 sq.

реальнаго значенія, что косвенно оно само развилось изъ нѣмецкой идеалистической философіи [1]). Это-то соображеніе и теряетъ силу, разъ нѣмецкая идеалистическая философія повліяла на „экономическій матеріализмъ" только своею формальною стороною. Есть еще одно ученіе, съ коимъ Вейзенгрюнъ пытается связать „экономическій матеріализмъ". Именно онъ постоянно указываетъ на марксово пониманіе среды, какъ на базисъ всего „экономическаго матеріализма" [2]), но весьма трудно въ его изложеніи понять логическую связь между тѣмъ и другимъ. Разсуждаетъ онъ такимъ образомъ: по Марксу, человѣкъ окруженъ средою двоякаго рода, естественной и искусственной, при чемъ вторая для исторіи важнѣе первой. „Искусственная среда выступаетъ главнымъ образомъ въ своемъ матеріальномъ дѣйствіи. Исторія не должна особенно заниматься психическими дѣйствіями въ ея соціальной формѣ, она должна заниматься объясненіемъ политическихъ и юридическихъ движеній, равно какъ движеній философскихъ и религіозныхъ, и объяснять ихъ изъ экономической, матеріальной основы" [3]). Тѣснѣе, конечно, связанъ „экономическій матеріализмъ" съ идеей классовой борьбы, сущность коей заключается въ томъ, что съ извѣстнаго момента человѣчество дѣлится на двѣ большія группы: одна экономически господствуетъ, другая матеріально подчинена первой, какими бы она правами сама ни обладала. Каждая эпоха, далѣе, развиваетъ новыя матеріальныя силы, и всегда возникаетъ борьба между ними и болѣе ранними формами производства. Все это совершается постепенно, возникаетъ органически изъ данныхъ отношеній" [4]). Духовная производительность идетъ за матеріальной, и господствующія идеи времени суть только идеи господствующаго класса, а новые способы производства создаютъ и новыя идеи [5]). Такое представленіе *всей* исторіи, всегда и вездѣ совершающейся, было навѣяно соціальнымъ движеніемъ эпохи; но, даже снявъ съ „экономическаго матеріализма" Карла Маркса его соціалистическую оболочку, Вейзенгрюнъ высказываетъ ту мысль, что исторія подтверждаетъ основной его тезисъ (о главенствѣ экономическихъ условій) достаточными примѣрами, и съ этой стороны тезисъ кажется ему „почти непоколебимымъ" [6]). При этомъ онъ объявляетъ, что классовая

---

[1]) Entwickelungsgesetze, 158.
[2]) Ibid., 11, 89, 127, 154, 158 и др.
[3]) Versch. Gesch., 28.
[4]) Ibid., 37.
[5]) Ibid., 43.
[6]) Entwickelungsgesetze, 110. Вейзенгрюнъ считаетъ возможнымъ обосновать экономическій матеріализмъ и внѣ теоріи о классовой борьбѣ, 107 sq.

борьба представляетъ изъ себя красную нить исторіи [1]). Наконецъ, подтвержденіе „экономическому матеріализму“ онъ видитъ въ „Древнемъ обществѣ“ Моргана. Это сочиненіе привѣтствовалъ, какъ извѣстно, и Энгельсъ въ сочиненіи о происхожденіи семьи, частной собственности и государства. Суть дѣла въ томъ, что, по мнѣнію, высказанному Вейзенгрюномъ въ первомъ сочиненіи, основную идею „экономическаго матеріализма“ Морганъ перенесъ на доисторическій бытъ [2]), но во второмъ онъ уже говоритъ, что только Энгельсъ, пользуясь замѣтками Маркса, съумѣлъ „интерпретировать соціологію Моргана въ своемъ смыслѣ“ [3]), и что поэтому связь между теоріей Моргана и „экономическимъ матеріализмомъ“ была установлена главнымъ образомъ самимъ Энгельсомъ, хотя тутъ не все шло вполнѣ гладко [4]). Быть можетъ, въ силу того, что „экономическій матеріализмъ“ подтверждается не столько самимъ Морганомъ, сколько интерпретаціей Энгельса, американскій писатель, такъ рѣшительно записанный Вейзенгрюномъ въ число представителей экономическаго направленія въ первомъ сочиненіи, во второмъ уже не играетъ такой роли.

Вейзенгрюнъ чувствовалъ, однако, недостаточность теоретической разработки того воззрѣнія на исторію, которое онъ защищаетъ. Уже въ первомъ сочиненіи онъ пополняетъ кое-какіе пробѣлы „экономическаго матеріализма“, но во второмъ онъ еще яснѣе видитъ недостатки теоріи въ томъ видѣ, какъ она существуетъ. Онъ не скрываетъ отъ себя всей трудности опредѣлить „отношеніе различныхъ формъ соціальнаго движенія къ экономическому содержанію“ [5]), хотя не затрудняется, однако, на основаніи частныхъ примѣровъ формулировать такіе „соціологическіе законы“, какъ то, что „всѣ политическіе, религіозные, юридическіе, философскіе и литературные элементы относятся къ экономическимъ, какъ форма къ содержанію“, что „соціальная форма развивается за соціальнымъ содержаніемъ“, и что „соціальная форма переживаетъ соціальное содержаніе“ [6]). По его словамъ, „экономическій матеріализмъ“ вовсе не отрицаетъ вліянія другихъ элементовъ, придавая имъ, впрочемъ, значеніе элементовъ вторичныхъ и второстепен-

---

[1]) Seit Herodot bis auf Buckle sucht ja die Geschichte unablässig nach einer möglichst prägnanten Formel.... Wir glauben nun, dass der Begriff des Klassenkampfes für die Geschichte zum ersten Mal in umfassendster Weise eine solche allgemeine Erklärungsweise giebt... Im Klassenkampf glauben wir diesen rothen Faden gefunden zu haben. Ibid., 113.

[2]) Entwickelungsgesetze, 154.

[3]) Verschied. Gesch., 29.

[4]) Ibid., 45. 46.

[5]) Ibid., 115.

[6]) Ibid., 120.

ныхъ, и только упускаетъ изъ виду, что эти элементы, отдѣляясь отъ экономическаго основного движенія, соединяются между собою, расширяются и усиливаются, приходятъ въ болѣе быстрое движеніе, получаютъ при этомъ свои собственныя формы движенія и изъ элементовъ надстройки превращаются въ основы иныхъ стадій развитія. Въ этомъ направленіи онъ дополняетъ ученіе „экономическаго матеріализма" цѣлымъ рядомъ соображеній и историческихъ иллюстрацій, изложенныхъ, къ сожалѣнію, нѣсколько спутанно и не всегда достаточно вразумительно [1]). Важно здѣсь только то, что такой горячій послѣдователь доктрины выступаетъ съ указаніемъ въ ней существеннаго пробѣла. „Экономическій матеріализмъ", говоритъ онъ, и не могъ придти къ сознанію необходимости развить далѣе эти основоположенія. Обративъ все свое вниманіе на экономическій фундаментъ, впервые имъ понятый, направленіе это не могло принять въ расчетъ всѣхъ явленій. „Мы, продолжаетъ онъ, весьма естественно, какъ и представители этого направленія, приписываемъ самое важное значеніе экономическому фундаменту, но на этомъ не останавливаемся, а объясняемъ діалектическимъ способомъ процессъ развитія въ его совокупности и начертываемъ новый рядъ развитія" [2]). Пониманіе развитія, какое онъ находитъ, напр., у Энгельса, кажется ему простотаки механическимъ [3]). Объявляя во второмъ своемъ сочиненіи, что „экономическій матеріализмъ" есть наилучшая историческая теорія, Вейзенгрюнъ прямо указываетъ на необходимость „нѣкоторыхъ къ ней добавленій и измѣненій, которыя, впрочемъ, по его словамъ, не должны противорѣчить принципу этого способа объясненія" [4]). По вопросу о томъ, дѣйствительно ли такъ развиваются изъ матеріальныхъ основъ юридическіе, политическіе и другіе элементы, какъ объ этомъ учитъ „экономическій матеріализмъ", онъ высказываетъ уже нѣкоторое сомнѣніе. „Я того мнѣнія, говоритъ онъ, что Марксъ упустилъ изъ виду важный моментъ. Существуетъ нѣкоторый болѣе постоянный элементъ, нежели вѣчно измѣняющіяся матеріальныя условія. И общія психическія свойства человѣка измѣняются и вмѣстѣ съ тѣмъ исправляются въ силу идущаго впередъ экономическаго движенія [5]). Иначе чувствуютъ грекъ и римлянинъ, иначе—современный французъ и итальянецъ, но перемѣны въ области чувствованій, обусловленныя не только экономическими, но и психическими измѣненіями, въ свою

[1]) Ibid., 173—220.
[2]) Ibid., 221.
[3]) Ibid., 221.
[4]) Versch. Gesch., 45.
[5]) Ibid., 48.

очередь оказываютъ хотя и ограниченное дѣйствіе на матеріальное движеніе. Это—маленькая реакція психическихъ факторовъ на соціальный элементъ въ исторіи, повидимому, не принимавшаяся Марксомъ въ расчетъ. Въ свою очередь этотъ пробѣлъ можно не принимать въ расчетъ при изслѣдованіи формъ, какія можетъ получать механизмъ производства. Но разъ я долженъ объяснить изъ матеріальныхъ элементовъ элементы политическіе или эстетическіе, я конечно, долженъ обращать вниманіе на эти общечеловѣческіе, хоть и измѣняющіеся, но все-таки болѣе постоянные элементы" [1]). Вейзенгрюнъ даже прямо говоритъ, что гдѣ у Маркса увлеченіе, тамъ у его послѣдователей уже просто каррикатура, и если, напр., Марксъ не особенно внимателенъ къ культурной исторіи, то его ученики готовы идти далѣе и совершенно ее устранить [2]), а это онъ ставитъ имъ прямо въ вину.

Послѣднія заявленія Вейзенгрюна, весьма поучительны: „нѣкоторыя дополненія и измѣненія", вносимыя имъ въ теорію „экономическаго матеріализма", ведутъ, на нашъ взглядъ, прямо къ подрыву основного положенія всей теоріи.

IV.

Одновременно съ моей замѣткой о книжкахъ Вейзенгрюна появилась въ „Русской Мысли" упомянутая уже статья г. П. Н. объ „одной изъ гипотезъ о сущности историческаго процесса", подъ каковою гипотезою разумѣется какъ-разъ „экономическій матеріализмъ". Задачей своею авторъ прямо ставитъ—„изложеніе развитія, которому можетъ подлежать гипотеза экономическаго матеріализма" (Р. М. V, 44 — 45). Въ основу своей работы онъ положилъ первую книжку Вейзенгрюна, признавая его идеи „оригинальными и достаточно достовѣрными", но находя въ то же время, что Вейзенгрюнъ выставляетъ свои положенія „съ большою самоувѣренностью и смѣлостью". (V, 49). Вторая книжка нѣмецкаго писателя г-ну П. Н. осталась неизвѣстною, и онъ такимъ образомъ передавалъ только первоначальные взгляды Вейзенгрюна, которые, какъ мы только что видѣли подверглись нѣкоторому измѣненію во второмъ сочиненіи. Авторъ статьи объ „одной изъ гипотезъ" самъ признаетъ себя сторонникомъ „экономическаго матеріализма". Всѣ историческія явленія, по его словамъ раздѣляются на двѣ категоріи: одни, говоритъ онъ, „относятся

[1]) Ibid., 49.
[2]) Ibid., 50.

къ области психологіи, личной или массовой, другія—къ области экономики" (нужды и средства V, 44). Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ (вмѣстѣ съ Вейзенгрюномъ) различаетъ въ историко-философскихъ трудахъ два теченія, изъ коихъ называетъ одно идеалистическимъ, другое—матеріалистическимъ, прибавляя, что послѣднее-то и относится къ гипотезѣ „экономическаго матеріализма" (V, 50). По его мнѣнію, въ настоящее время преобладаетъ идеалистическое пониманіе, а экономизмъ лишь пробиваетъ себѣ дорогу, и въ большинствѣ случаевъ историки обращаютъ вниманіе на экономическія явленія, какъ на сосуществующія только съ другими, а не какъ на причиняющія ихъ (V, 53, 54), что едва ли характеризуетъ теперешнее состояніе исторической науки [1]). Между тѣмъ, думаетъ онъ, экономическое направленіе разрѣшаетъ одну изъ главнѣйшихъ историко-философскихъ проблеммъ. Именно онъ говоритъ, что соціологическія изслѣдованія не привели къ открытію одной общей причины историческаго процесса потому, что въ нихъ не было предложено какой-либо гипотезы, которая могла бы считаться „нормальнымъ понятіемъ" историческаго процесса (V, 45), причемъ подъ такимъ „нормальнымъ понятіемъ" (выраженіе Вундта) какой-либо области явленій онъ разумѣетъ „такое явленіе, которое, будучи постояннымъ въ данномъ процессѣ, въ то время, когда всѣ другія явленія не только измѣняются, но и появляются, и исчезаютъ, потому самому составляетъ, вѣроятно, причину всѣхъ этихъ измѣняющихся въ процессѣ эволюціи явленій и причину самого процесса" (V, 47). Признавая гипотетичность „нормальнаго понятія" всѣхъ наукъ, г. П. Н. ставитъ вопросъ о такой гипотезѣ и для науки объ историческомъ процессѣ (V, 48), оговариваясь въ одномъ мѣстѣ, что, по его мнѣнію, нормальнымъ понятіемъ не долженъ быть непремѣнно одинъ какой-нибудь историческій или соціологическій факторъ. „Самый процессъ, говоритъ онъ, настолько сложенъ, что естественно предполагать, что сложно и измѣнчиво его нормальное понятіе, т.-е. что какой-нибудь историческій факторъ играетъ роль причины въ извѣстный, болѣе или менѣе продолжи-

---

[1]) Наоборотъ, многими историками теперь признается, что именно соціальная, экономическая, финансовая исторія представляетъ очередное дѣло нашей науки. Напр., г. Милюковъ въ предисловіи къ книгѣ своей «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго» (Спб. 1892 г.), указывая на бóльшую близость своей темы къ „очереднымъ вопросамъ" исторической науки (сравнительно съ темами по культурѣ), говоритъ такъ: «Эта наука, какъ мы понимаемъ ея современныя задачи, ставитъ на очередь изученіе матеріальной стороны историческаго процесса, изученіе исторіи экономической и финансовой, исторіи соціальной, исторіи учрежденій» (стр. XIII).

тельный періодъ процесса, въ слѣдующій же періодъ можетъ уступить свою руководящую роль какому-нибудь другому фактору“ (V, 49). Такимъ „нормальнымъ понятіемъ“ для пережитыхъ и переживаемыхъ фазисовъ историческаго процесса г. П. Н., согласно съ воззрѣніями Маркса и Энгельса, считаетъ классовую борьбу на экономической почвѣ, и съ этой-то стороны „экономическій матеріализмъ“ является для него наиболѣе вѣроятною историко-философской теоріей. Онъ, однако, не прибавляетъ никакихъ новыхъ соображеній, которыя подкрѣпляли бы основную мысль теоріи, и признается, что сама теорія крайне невыработана. По его мнѣнію, причина того, что гипотеза „экономическаго матеріализма“ не дождалась ни „великой книги“ (намекъ на слова Литтре: „il n'y a pas de grande doctrine sans grand livre), ни даже ряда основательныхъ изслѣдованій, лежитъ въ партійномъ способѣ происхожденія гипотезы, послѣднее же обстоятельство онъ считаетъ однако простою случайностью: „гипотеза, говоритъ онъ, могла появиться съ такимъ же удобствомъ въ рядахъ другой партіи и еще лучше внѣ партій... И въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ онъ, совсѣмъ не нужно быть марксистомъ или даже просто соціалистомъ, чтобы принять эту гипотезу за вѣроятную“, ибо „можно смотрѣть на гипотезу „экономическаго матеріализма“ совершенно независимо отъ убѣжденій соціальныхъ и политическихъ партій“ (VI, 34). Съ послѣднимъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться въ виду того, что основная мысль направленія нерѣдко раздѣляется такими историками, которые исходятъ изъ иныхъ идей, нежели тѣ, коими руководились Марксъ и Энгельсъ, но едва ли вѣрно данное авторомъ объясненіе того обстоятельства, что доктрина не отличается разработанностью: разъ она могла появиться и дѣйствительно появлялась въ другихъ партіяхъ, уже одно это гарантировало возможность спокойной разработки ея теоретическихъ основъ. На нашъ взглядъ дѣло объясняется иначе: провести въ одной „великой книгѣ“ или въ рядѣ „основательныхъ изслѣдованій“ идею объ экономической структурѣ общества, какъ основѣ, по отношенію къ коей вся духовная культура и соціальная организація представляютъ изъ себя лишь надстройки,—провести эту идею притомъ послѣдовательно, безъ пробѣловъ и натяжекъ было бы дѣломъ прямо невозможнымъ. Дальше бѣглаго наброска теоріи гипотеза идти не можетъ: всякая попытка ее развить требуетъ внесенія въ нее дополненій и измѣненій, которыя приводятъ къ противорѣчіямъ съ исходнымъ пунктомъ и тѣмъ самымъ нарушаютъ послѣдовательность въ общемъ ходѣ разсужденія. Въ послѣднемъ отношеніи непослѣдовательностью отличается и самъ г. П. Н., вводя въ исторію интеллектуальный факторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивая то воззрѣніе, по которому „экономическій

матеріализмъ“ былъ именно изгнаніемъ изъ пониманія исторіи психическаго начала. И онъ также думаетъ, что „для гипотезы экономическаго матеріализма философія Гегеля и его понятія о діалектическомъ методѣ имѣли рѣшающее значеніе: сама гипотеза, говоритъ онъ, была предложена бывшими лѣвыми гегельянцами (Марксомъ и Энгельсомъ); она, такъ сказать, вытекла изъ метода гегельянства и только матеріализировала основу философіи Гегеля, подставивъ, вмѣсто психики, экономику, вмѣсто идеи—матеріальную жизнь“ (V, 54). Пусть такъ, но г. П. Н. именно находитъ необходимымъ ввести въ „гипотезу“ изгнанныя изъ нея „психику“ и „идею“, о чемъ, впрочемъ, рѣчь будетъ дальше. Во всякомъ случаѣ онъ подчеркиваетъ неразработанность основоположеній „экономическаго матеріализма“ и возвращается къ этому въ разныхъ мѣстахъ своей статьи. Наприм., по совершенно вѣрному его замѣчанію, нѣтъ „ни одного основательнаго историческаго изслѣдованія, гдѣ бы проводилась послѣдовательно эта гипотеза, ни одного философскаго историческаго разсужденія, ни одной провѣрки гипотезы примѣненіемъ ея къ изслѣдованію явленій культурной или прагматической исторіи“ (VI, 33). „Гипотеза экономическаго матеріализма, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, до сихъ поръ гипотеза, и будетъ таковою до тѣхъ поръ, пока не будетъ провѣрена изученіемъ конкретныхъ историческихъ явленій, разсматриваемыхъ съ ея точки зрѣнія“ (VI, 52, ср. 54). Этому соотвѣтствуетъ и незначительность литературы „экономическаго матеріализма“, какъ таковаго. „Весь литературный багажъ гипотезы“ г. П. Н. сводитъ, кромѣ книгъ, указанныхъ Вейзенгрюномъ, къ Первобытной культурѣ Зибера, статьямъ Каутки и къ „ряду этюдовъ, замѣтокъ, газетныхъ и журнальныхъ статей“, отмѣтивъ еще книгу Роджерса: „Economic interpretation of history“ и книгу Джиббинса: „Industrial history of England“, съ коими ему, впрочемъ, не удалось еще основательно познакомиться (VI, 33—34). Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ еще на книгу Липперта: Culturgeschichte der Menschheit [1]) и книгу Летурно объ эволюціи собственности, въ коихъ (какъ тоже въ сочиненіяхъ Лоріа и Торнтона) „болѣе или менѣе проглядываютъ“ идеи экономическаго матеріализма, хотя „и Липпертъ, и Летурно, какъ можно судить по отдѣльнымъ ихъ выраженіямъ и по общему характеру ихъ изслѣдованій, или совсѣмъ незнакомы съ гипотезой, или не проникли въ ея сущность“ (VI, 37). При болѣе близкомъ знакомствѣ и съ нѣкоторыми другими сочиненіями послѣднюю оговорку онъ долженъ былъ бы распространить и на нихъ, въ чемъ нашъ читатель убѣдится, напр., изъ той части настоящихъ замѣтокъ, гдѣ рѣчь

[1]) Отчетъ о которой данъ имъ самимъ въ „Русск. Мысли“.

будетъ идти о книгѣ Роджерса, слишкомъ смѣло занесенной г. П. Н. въ списокъ сочиненій, написанныхъ въ духѣ „экономическаго матеріализма". Правымъ оказывается г. П. Н. и тогда, когда не соглашается съ Энгельсомъ, по мнѣнію котораго гипотеза „экономическаго матеріализма" проникла въ широкіе круги со все растущею скоростью: „гипотеза, вполнѣ основательно говоритъ онъ, не только не имѣетъ такой массы приверженцевъ, какъ полагаетъ Энгельсъ, но она мало извѣстна даже въ наукѣ. Если, прибавляетъ онъ, мы сопоставимъ съ ея извѣстностью ту быстроту, съ которою распространяются другія научныя гипотезы, то разница выйдетъ поразительная",—и при этомъ онъ указываетъ на дарвинизмъ, изъ примѣненій коего къ одной соціологіи можно было бы составить цѣлую библіотеку (VI, 33). И это, прибавимъ мы, тѣмъ замѣчательнѣе, что, наоборотъ, экономическое направленіе, взятое въ болѣе широкомъ смыслѣ, начинаетъ играть все болѣе и болѣе видную роль въ современной исторической наукѣ. Со стороны приверженца „экономическаго матеріализма" такія признанія особенно знаменательны: они свидѣтельствуютъ и о внутренней слабости гипотезы.

Между тѣмъ г. П. Н. находитъ возможнымъ упрекать въ игнорированіи этой точки зрѣнія—такихъ ученыхъ, которые по роду своихъ занятій и не обязаны быть экономистами. Отмѣчая именно, что поле литературныхъ явленій остается совершенно неразработаннымъ съ „соціо-экономической точки зрѣнія", онъ какъ бы обвиняетъ „школу Тэна" за то, что у нея иная точка зрѣнія: она „не признаетъ главенства экономическихъ отношеній и часто проглядываетъ ихъ, даже какъ сосуществующія, и не имѣетъ въ виду въ своихъ критико-литературныхъ изслѣдованіяхъ борьбы классовъ, какъ „нормальнаго понятія" текущаго историческаго процесса" (VI, 42). То, что авторъ называетъ „школой Тэна", дѣйствительно страдаетъ односторонностью, на которую и намъ не разъ приходилось указывать, но полная истина заключалась бы не въ замѣнѣ условной точки зрѣнія „школы" исходнымъ пунктомъ „экономическаго матеріализма", а въ присоединеніи къ психологическому изслѣдованію, характеризующему „школу", изслѣдованія соціологическаго, составляющаго слабую ея сторону. Въ сущности вѣдь то же самое говоритъ и нашъ авторъ разбирая (вслѣдъ за Вейзенгрюномъ) ученіе Тэна о средѣ и отмѣчая то обстоятельство, что въ понятіи среды, по Тэну, отсутствуетъ „если не наиболѣе важная, то во всякомъ случаѣ очень вліятельная сторона, именно экономическая" (V, 56). Но онъ перестаетъ быть правымъ, когда понятіе среды, у Тэна чисто психологическое, прямо замѣняетъ понятіемъ среды, исключительно экономическимъ. „Неясному, какъ онъ выражается, и нерасчлененному понятію Тэна о средѣ" онъ

противополагаетъ гипотезу „экономическаго матеріализма" съ ея „достаточно опредѣленнымъ понятіемъ о средѣ". Указавъ далѣе на раздѣленіе среды на естественную и искусственную, онъ продолжаетъ: „существенный факторъ понятія объ искусственной средѣ составляютъ экономическія отношенія; къ нимъ происходитъ приспособленіе человѣческаго общества и всѣхъ другихъ общественныхъ факторовъ. Они, произведенныя всякими предохранительными силами,—причина, а всѣ другіе факторы суть ихъ слѣдствія" (V, 57). Когда, однако, у него является надобность точнѣе опредѣлить содержаніе этого понятія, онъ сходитъ съ почвы чисто экономическаго пониманія и приближается къ пониманію психологическому, характеризующему Тэна. Въ другомъ мѣстѣ онъ мимоходомъ опредѣляетъ искусственную среду, какъ ее понимаетъ „экономическій матеріализмъ", именно въ смыслѣ „разныхъ классовъ и ихъ подраздѣленій и, конечно, не просто грубыхъ интересовъ классовъ, ихъ матеріальной борьбы, а болѣе высокихъ чертъ, убѣжденій, нравовъ, обычаевъ, склада натуры,—однимъ словомъ, духа этихъ классовъ" (VI, 42). Какъ бы то ни было, это новый примѣръ отступленія отъ исходнаго пункта всей гипотезы, примѣръ, въ коемъ психологической „надстройкѣ" приписывается слишкомъ важное значеніе сравнительно съ матеріально-экономическимъ фундаментомъ.

Но это еще не все, ибо г. П. Н. идетъ и далѣе того, и въ этомъ заключается наиболѣе любопытная сторона его статьи. Защищая гипотезу „экономическаго матеріализма" отъ того odium'а, который можетъ быть возбужденъ терминомъ, г. П. Н. прямо указываетъ на возможность идеализированія „экономическаго матеріализма", „признающаго возвышенныя отправленія (функціи) общества надстройками, а экономику фундаментомъ", ибо, говоритъ онъ, „изъ самой сущности гипотезы можно сдѣлать тотъ выводъ, что интеллектуальныя слѣдствія экономической основы выдѣляются изъ нея и ведутъ до значительной степени самостоятельное существованіе, дѣлаясь сами важными историческими факторами. Творцы гипотезы, продолжаетъ онъ, не успѣли или не съумѣли сдѣлать такого вывода, но это не потому, конечно, чтобы его нельзя было сдѣлать, а потому что у гипотезы не было „великой" книги или просто многихъ изслѣдованій. А если можно сдѣлать подобный выводъ, то по идеальности гипотеза не уступаетъ какой угодно другой научной гипотезѣ" (VI, 35). И такъ, для г. П. Н. оказалось необходимымъ внести идеальность въ доктрину, которая прямо и основывала себя на замѣнѣ идеализма матеріализмомъ. „Какъ въ первой части историческаго процесса, разсуждаетъ г. П. Н., изъ господствующихъ семейныхъ отношеній выдѣляются отношенія экономическія, и притомъ чѣмъ дальше идетъ

процессъ, тѣмъ сильнѣе, пока они не сдѣлаются столь сильными, что сами становятся во второй части процесса господствующими, такъ и во второй части историческаго процесса при господствѣ экономическихъ отношеній сначала только сосуществуютъ интеллектуальныя и политическія отношенія, но потомъ они начинаютъ выдѣляться [1]) изъ господствующихъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ они должны дѣлаться сильнѣе и самостоятельнѣе, такъ что возможно предвидѣть эпоху ихъ конечнаго торжества и ихъ господства, по крайней мѣрѣ, господства интеллектуальныхъ отношеній при сосуществованіи политическихъ" (VI, 45, 4, 46). Авторъ приводитъ нѣсколько историческихъ соображеній въ доказательство того, что его „предположеніе о выдѣленіи изъ экономическаго фундамента политической и интеллектуальной [2]) надстроекъ для самостоятельной жизни не такъ ужъ гадательно, какъ можетъ представиться это сначала", и что „сущность третьей части историческаго процесса, имѣющей цѣлью производство интеллектуальныхъ условій дальнѣйшаго существованія человѣческаго общества, не такъ ужъ утопична" (VI, 52). Въ доказательство вѣрности своей мысли онъ приводитъ еще то соображеніе, что „новѣйшая и позднѣйшая исторія развитія послѣдняго фазиса экономическихъ отношеній отличается особенно быстрымъ ускореніемъ прогресса знаній и политическихъ идей", которое само пророчитъ „будущее выдѣленіе интеллектуальныхъ элементовъ надстройки въ самостоятельное существованіе" (VI, 53). Не касаясь по существу этой теоріи „выдѣленій", не можемъ не отмѣтить того, что она придумана только для спасенія „экономическаго матеріализма" при допущеніи самостоятельной роли и психическаго начала. „Можетъ показаться, чувствуетъ самъ г. П. Н., что именно предыдущія разсужденія вполнѣ уничтожаютъ гипотезу. Что же это за основа, если выдѣлявшіеся изъ нея элементы могутъ вытѣснить ее и стать сами основами? На это отвѣтимъ, что существуетъ аналогія съ вытѣсненіемъ семейныхъ отношеній первой части историческаго процесса, какъ его „нормальнаго понятія", и экономическими отношеніями („нормальнымъ понятіемъ"), основой второй части историческаго процесса, съ происходящимъ теперь, по нашему мнѣнію, процессомъ. Значитъ ли это, однако, что эти семейныя отношенія не были тогда основою? Конечно, не значитъ. А значитъ только то, что въ такомъ діалектическомъ, вѣчно текущемъ процессѣ, какъ историческій, основа можетъ измѣняться" (VI, 53). Но въ такомъ случаѣ, спрашивается, можетъ ли теорія историческаго процесса быть

[1]) Въ статьѣ вообще не разъ говорится о „выдѣленіи интеллектуальныхъ отношеній изъ историческихъ". По его словамъ, это выдѣленіе подмѣчено вѣрно въ книжкѣ Вейзенгрюна.

[2]) Въ статьѣ, очевидно, по ошибкѣ стоитъ: индустріальной.

построена на исключительно экономическомъ принципѣ, разъ въ разныя времена у этого процесса разныя основы и въ одинъ и тотъ же моментъ „сосуществуютъ“ разные факторы? По мнѣнію самого г. П. Н., „нѣтъ причины считать невозможнымъ измѣненіе процесса эволюціи экономическихъ фазисовъ“, т. е. въ томъ смыслѣ, чтобы „ранѣе развившіяся интеллектуальныя отношенія оказали вліяніе на измѣненіе процесса эволюціи экономическихъ отношеній“; вопросъ же о томъ, „могутъ ли интеллектуальныя и политическія отношенія развиться раньше соотвѣтствующихъ имъ экономическихъ“, разрѣшается имъ утвердительно на основаніи примѣра новыхъ странъ (VI, 50), когда ими заимствуются проявленія высшей духовной жизни старыхъ странъ (VI, 52, 53). Наконецъ, г. П. Н. считаетъ классовую борьбу только частью „нормальнаго понятія“ историческаго процесса, ибо „было время, когда ея не существовало и, вѣроятно, будетъ время, когда она существовать не будетъ: и Марксъ, и Энгельсъ—оба признаютъ это“ (VI, 43). Онъ дѣлитъ поэтому историческій процессъ на три части съ нормальными понятіями 1) *семьи*, когда процессъ имѣлъ цѣлью *производство индивидуумовъ*, 2) *классовой борьбы*, когда цѣлью процесса является *производство продуктовъ* (VI, 45), и 3) *управляющей силы интеллекта*, когда „цѣль процесса будетъ состоять въ *производствѣ интеллектуальныхъ и политическихъ условій* дальнѣйшаго существованія человѣчества“ (VI, 46). Мы думаемъ, однако, что эти три „производства“ не были тремя моментами одного и того же процесса, слѣдовавшими одинъ за другимъ во времени, а „сосуществующими“ сторонами человѣческой жизни на всѣхъ ступеняхъ историческаго развитія, и если „производство индивидуумовъ“ нужно отнести въ область біологическаго процесса, то процессъ историческій состоялъ не столько въ „производствѣ продуктовъ“, сколько въ „производствѣ интеллектуальныхъ (=культурныхъ) и политическихъ (=соціальныхъ), въ томъ числѣ и экономическихъ условій“, дальнѣйшаго существованія человѣчества.

Г-нъ П. Н. слегка задѣваетъ въ своей статьѣ и вопросъ о роли личности въ исторіи, находя, что разбираемая имъ гипотеза „не только не устраняетъ изъ исторіи роли личности, но включаетъ признаніе этой роли“. Онъ думаетъ однако, что послѣ его „разсужденій о выдѣленіи интеллектуальныхъ элементовъ общественной надстройки вопросъ можетъ представиться настолько яснымъ, что дальнѣйшаго объясненія онъ и не потребуетъ“ (для читателя его статьи). „И въ самомъ дѣлѣ, это—такъ, продолжаетъ онъ,—интеллектуальный элементъ всецѣло принадлежитъ и воплощается въ человѣческихъ личностяхъ, и потому гипотеза должна признать, или вѣрнѣе сказать, изъ самой ея сущности непосредственно вытекаетъ, что роль личности

есть ростущая общественная функція",—и онъ думаетъ, что „въ вопросѣ о роли личности въ исторіи все дѣло въ томъ, въ какую эпоху историческаго процесса и при какомъ развитіи экономическихъ основъ опредѣляется роль личности. Экономическій матеріализмъ, дополняетъ онъ свою мысль, съ большею или меньшею опредѣленностью уясняетъ этотъ вопросъ", ибо „онъ долженъ признать роль личности въ процессѣ растущею функціей" (VI, 54). Дѣло въ томъ, что при господствѣ семейныхъ отношеній эта роль ничтожна и случайна, но она увеличивается при господствѣ экономическихъ отношеній, такъ какъ сама эта искусственная среда есть до извѣстной степени сознательное и безсознательное созданіе человѣка, а въ будущемъ эта роль сдѣлается даже преобладающей. „Это, по словамъ самого г. П. Н., собственно все, что можетъ сказать гипотеза экономическаго матеріализма, какъ гипотеза историческая. Она только должна доказать это координированіемъ историческихъ фактовъ. Дальнѣйшее же уясненіе вопроса о роли личности относится къ области психологіи, а не исторіи, и въ исторію можетъ войти только какъ матеріалъ для ея построеній" (VI, 55). Я не вижу, однако, причины, почему такое пониманіе роли личности въ исторіи связывается именно съ гипотезою „экономическаго матеріализма", и послѣднее замѣчаніе г. П. Н. прямо указываетъ на то, что съ одной экономіей, безъ психологіи, теорія исторіи обойтись не можетъ, не говоря уже о томъ, что и въ непсихологической сторонѣ исторіи одной экономіи мало, ибо здѣсь нужны и другія части соціологіи.

V.

Заканчиваю эти замѣтки разсмотрѣніемъ книги Роджерса объ экономическомъ объясненіи исторіи. Но прежде нѣсколько словъ о самомъ авторѣ [1]).

Джемсъ Торольдъ Роджерсъ (род. 1823, ум. 1890 г.) издалъ первый томъ прославившаго его сочиненія по исторіи земледѣлія и цѣнъ въ Англіи (A history of agriculture and prices in England) въ 1866 г., и тогда уже онъ указывалъ на то, что экономическое выясненіе исторіи имѣетъ первостепенное значеніе для пониманія прошедшаго въ области ли юридическихъ древностей, дипломатическихъ интригъ или военныхъ походовъ. Въ 1888 г., за два года до смерти,

[1]) См. статью о Роджерсѣ проф. И. В. Лучицкаго въ февральск. книгѣ „Юридич. Вѣстника" за 1891 г. (некрологъ, читанный въ Историческомъ Обществѣ Нестора въ Кіевѣ).

онъ издалъ VI томъ своей исторіи цѣнъ и свою „Economic interpretation of history“, въ которой повторилъ то же самое. О капитальномъ трудѣ Роджерса и его научномъ значеніи распространяться здѣсь было бы излишнимъ, такъ какъ насъ занимаютъ теперь только его теоретическія положенія, а послѣднія интересны, какъ воззрѣнія, сложившіяся самостоятельно, безъ всякаго вліянія со стороны марксизма. Окончивъ курсъ въ Соутъ-Гемптонской школѣ и Оксфордскомъ университетѣ, получивъ въ послѣднемъ высшую ученую степень, онъ увлекся сначала религіознымъ движеніемъ тракторіанизма и даже сдѣлался священникомъ, но потомъ подчинился вліянію Кобдена и Брайта и сталъ заниматься экономическими и политическими вопросами, принявъ на себя профессуру политической экономіи въ Оксфордѣ [1]), причемъ его экономическіе взгляды, слагавшіеся подъ вліяніемъ Кобдена и Милля, въ сущности были манчестерскими и по нѣкоторымъ пунктамъ оставались таковыми до самой его смерти. Весьма поздно онъ сталъ на ноги въ области политической экономіи, создавъ самостоятельные взгляды по многимъ вопросамъ и подвергнувъ критикѣ съ исторической точки зрѣнія отдѣльныя положенія своихъ учителей (Manual of political Economy, 1868 г.), хотя его теоретическіе выводы и оказались довольно слабыми. Обозрѣвая его ученую и политическую дѣятельность въ этотъ періодъ его жизни, мы не обнаруживаемъ въ ней ни малѣйшихъ слѣдовъ соціализма, и это одно, въ согласіи съ другими данными его біографіи, указываетъ на самостоятельность его историко-экономической теоріи. Для разъясненія послѣдней и важно одно изъ послѣднихъ его сочиненій, „The economic interpretation of history“, а въ немъ первая глава объ экономической сторонѣ исторіи (The economical side of history). Съ нею я познакомлю теперь читателя.

„Экономическое изъясненіе исторіи“, книга болѣе, чѣмъ въ 500 стр., составилась изъ лекцій, читанныхъ въ Оксфордѣ въ 1887—88 гг., и по части теоретическихъ разсужденій, кромѣ предисловія, въ коемъ дѣлается нападеніе на абстрактную политическую экономію, содержитъ именно только одну первую лекцію подъ указаннымъ заглавіемъ: „The economical side of hystory“, да и тутъ мы имѣемъ дѣло болѣе съ историческими примѣрами, доказывающими важность „экономической стороны“ (economical side) исторіи, нежели съ какими-либо отвлеченными теоремами. Слабость теоретическаго мышленія, обнаружившаяся въ экономическихъ трактатахъ Роджерса, сказалась и на тѣхъ страницахъ его книги, на которыхъ онъ даетъ общія разсуж-

[1]) Въ 1862 г., въ 1867 г. онъ ее оставляетъ и возвращается на нее лишь въ 1888 году.

денія объ экономической сторонѣ исторіи. Къ абстрактному мышленію онъ, повидимому, вообще относился съ недовѣріемъ и, наприм., въ предисловіи къ разсматриваемой книгѣ прямо заявляетъ, что давно уже сталъ подозрѣвать, не есть ли политическая экономія простое „собраніе логомахій, имѣющихъ лишь малое отношеніе къ фактамъ общественной жизни“ (стр. VI). Занявшись изученіемъ остававшихся прежде совершенно неизвѣстными фактовъ изъ соціальной жизни отдаленныхъ временъ, онъ „началъ открывать, что многое, кажущееся для популярныхъ экономистовъ естественнымъ, само по себѣ въ высшей степени искусственно, что то, чему они даютъ названіе законовъ, слишкомъ часто только поспѣшныя, необдуманныя и неточныя обобщенія, и что многое изъ того, въ чемъ они видятъ нѣчто завѣдомо безспорное, оказывается завѣдомо ложнымъ“ (стр. VI). Отсюда онъ заключилъ, что политическая экономія находится на дурной дорогѣ, а это сказывается, наприм., и при разрѣшеніи рабочаго вопроса безъ всякаго отношенія къ исторіи, его создавшей (стр. VII). Съ этой точки зрѣнія онъ и критикуетъ англійскую абстрактную (metaphysical) политическую экономію (стр. VIII и слѣд.), противополагая ей свое историческое изслѣдованіе и свою парламентскую опытность, прибавляя, что политическая экономія должна объяснить всю соціальную жизнь (Political economy, rightly taken, is the interpretation of all social conditions, XII). Въ этихъ заявленіяхъ слышатся, съ одной стороны, тѣ мотивы, которые заставляли вообще всю „историческую школу“ экономистовъ нападать на „классическое“ направленіе науки о народномъ хозяйствѣ, съ другой—свойственная многимъ спеціалистамъ привычка смотрѣть на *все* общество лишь подъ извѣстнымъ, обусловленнымъ тою или другою спеціальностью, угломъ зрѣнія.

Для насъ важнѣе нападки Роджерса на историковъ за малое вниманіе, какое они, по его словамъ, обращаютъ на экономическіе факты. Съ нападенія такого рода и начинается первая его лекція. „Во всѣхъ почти исторіяхъ и во всѣхъ почти сочиненіяхъ по политической экономіи находятся обыкновенно въ пренебреженіи собираніе и изъясненіе экономическихъ фактовъ, подъ чѣмъ я разумѣю такія извѣстія, которыя рисуютъ общественную жизнь и распредѣленіе богатства въ различныя эпохи исторіи человѣчества. Но пренебреженіе это дѣлаетъ исторію неточною или, по крайней мѣрѣ, несовершенной, а изъ политической экономіи—одно только умственное усиліе, можетъ быть, даже вредную иллюзію (стр. 1). Каждый историкъ, продолжаетъ онъ,— каждый историкъ скажетъ вамъ, что не дѣло исторіи сохранить то, что не изображаетъ сразу прогрессъ расы или постороннее вліяніе. Совершенно также ошибается въ своихъ выводахъ и политико-экономъ, который, оцѣнивая современное состояніе промышленныхъ силъ

и агентовъ, не принимаетъ въ расчетъ обстоятельства, создавшія или измѣнившія эти силы, конечно, если только не будетъ чуда. Исторія, не пытавшаяся различать относительную важность фактовъ и не изслѣдующая, какимъ образомъ можно вводить въ объясненіе рядъ современныхъ фактовъ, есть просто безпорядочный и несовершенный словарь. Политическая экономія, разъ она пренебрегаетъ поправкою очевидности, есть грубая метафизика, дающая весьма искусственное и фальшивое представленіе о дѣйствительной жизни". Роджерсъ оговаривается, однако, что даже „самыя сухія лѣтописи признаютъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, даже когда имъ не удается ихъ объяснить. „Каждый историкъ, напримѣръ, говоритъ онъ, отмѣчаетъ моровую язву XIV в. Онъ наблюдаетъ, что англійскіе короли въ своихъ попыткахъ относительно Франціи неизмѣнно старались привлечь Нидерланды на свою сторону. Онъ сообщаетъ тотъ фактъ, что въ послѣдней четверти XIV вѣка было большое возмущеніе въ Англіи, ожесточенное междоусобіе въ XV, серьезное ослабленіе англійской славы въ XVI. Но эти историки, прибавляетъ онъ, никогда не дѣлали попытки открыть, не содѣйствовали ли могущественнымъ образомъ какіе-либо экономическіе факты этимъ событіямъ". Для примѣра онъ ссылается на XVII вѣкъ, который „былъ совершенно поглощенъ великою борьбой этого времени". Замѣчая, что „просто остались неотмѣченными всѣ факты экономическаго характера, которые остановили бы на себѣ вниманіе во всякой другой странѣ, по его словамъ, политическая исторія этого столѣтія писалась постоянно и многократно, но въ совершенномъ пренебреженіи была его соціальная или экономическая исторія", хотя весьма часто причина важнаго политическаго событія и крупнаго соціальнаго движенія бывала чисто экономическою, если даже и оставалась неоткрытою (стр. 2). Указавъ на сторону дѣла, которою дѣйствительно долгое время пренебрегали историки, Роджерсъ распространяется о важности документовъ, коими онъ, главнымъ образомъ, пользовался для своихъ научныхъ изслѣдованій, отдавая имъ предпочтеніе передъ другими. „Въ послѣдней четверти XI в., говоритъ онъ, между прочимъ, былъ составленъ въ высшей степени замѣчательный документъ, обзоръ почти всей Англіи. По всей справедливости онъ считается однимъ изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ антикварныхъ и историческихъ сокровищъ, какими обладаетъ нація. Долгое время онъ не былъ напечатанъ. Его часто разсматривали съ антикварскими цѣлями, но онъ никогда не былъ разобранъ. Мой другъ, профессоръ Фриманъ, обнародовалъ весьма богатую исторію норманскаго завоеванія. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ собралъ всѣ данныя исторіи въ обыкновенномъ смыслѣ слова, какія только можно было получить изъ какихъ угодно націо-

нальныхъ и иноземныхъ источниковъ, но онъ мало пользовался Думсдэйбукомъ, который по приведеніи въ порядокъ остова фактовъ, содержитъ гораздо больше подлиннаго живого матеріала, нежели всѣ другіе его авторитеты" (стр. 3). Нѣсколько ниже онъ ссылается еще на то, что „Галламъ какъ-то выражалъ сожалѣніе, что мы не могли бы теперь воскресить жизнь отдѣльной средневѣковой деревни, но, прибавляетъ онъ, средства это сдѣлать существуютъ въ большомъ количествѣ, и изучающій эти документы долженъ обладать въ самомъ дѣлѣ слабымъ воображеніемъ, если онъ не можетъ представить себѣ жизнь англичанина временъ Плантагенетовъ съ колыбели до могилы, возсоздать всѣхъ людей, съ которыми онъ соприкасался, и опредѣлить удѣльный вѣсъ всѣхъ элементовъ маленькаго общества, въ коемъ онъ жилъ. Равнымъ образомъ, говоритъ онъ еще, чрезвычайно много существуетъ матеріала по исторіи управленія и финансовъ, и историки пользовались этимъ матеріаломъ далеко не такъ, какъ онъ того заслуживалъ бы", и т. д. Впрочемъ, Роджерсъ „не отрицаетъ и даже охотно признаетъ, что основательное изученіе исторіи сдѣлало значительные успѣхи. Это, соглашается онъ, болѣе не простой разсказъ о войнѣ и мирѣ, о королевскихъ генеалогіяхъ, о тѣхъ событіяхъ, по поводу коихъ сложилось изреченіе, что счастливы народы, не знающіе исторіи. Исторія начала заниматься изученіемъ конституціонной старины, хотя даже здѣсь обнаруживается сильная тенденція усматривать позднѣйшее развитіе въ раннихъ зачаткахъ и придавать много значенія сомнительнымъ мнѣніямъ. Исторія, далѣе, начала признавать прогрессъ законовѣдѣнія, хотя она рѣдко признавала экономическія условія, коимъ юриспруденція обязана своимъ развитіемъ. Она слегка, совсѣмъ слегка коснулась соціальной исторіи, положенія народа, измѣнчивыхъ судебъ землевладѣнія и труда и обстоятельствъ, при которыхъ привились и развились среди насъ разные виды промышленности" (стр. 4). Но онъ находитъ и поводы укорять историковъ. „XVII столѣтіе, говоритъ онъ, есть вѣкъ умственныхъ и политическихъ великановъ, вѣкъ длинной и непрерывной борьбы, и онъ будетъ всегда изучаться. Но то, что о немъ доселѣ писали, было не чѣмъ инымъ, какъ изображеніемъ драмы, оцѣнкою характеровъ тѣхъ дѣятелей, которые принимали участіе въ этой колоссальной схваткѣ", тогда какъ для Роджерса „это столѣтіе представляется въ иномъ и весьма отличномъ видѣ—какъ исторія народа, судьбы котораго до сихъ поръ всегда обходились молчаніемъ". Опять историкъ-экономистъ указываетъ не только на пробѣлъ въ прежнихъ освѣщеніяхъ фактовъ, но идетъ и далѣе, утверждая, что экономическіе факты и важнѣе всѣхъ другихъ. „Въ одномъ отношеніи, продолжаетъ онъ, въ самомъ дѣлѣ исторія сдѣлала большой шагъ впередъ, и я приписываю это философіи, которая ищетъ

объясненія характеровъ и мотивовъ государственныхъ людей и государей, когда сами они были государственными людьми. Едва ли нужно говорить, что нѣкоторые писатели, смотря по силѣ ихъ дарованій, бываютъ постоянно подвержены обвиненію въ пристрастіи или парадоксальности. Историкъ можетъ быть вполнѣ добросовѣстно убѣжденъ въ томъ, что онъ даетъ вѣрное изображеніе людей и ихъ времени, и что онъ можетъ быть столь же достовѣрнымъ, какъ онъ самъ о себѣ думаетъ. Но чѣмъ сильнѣе и богаче его воображеніе, тѣмъ болѣе подлежитъ онъ опасности сгущенія красокъ на картинѣ, можетъ быть, съ рискомъ для ея живости"... „Трудно, говоритъ онъ нѣсколько ниже,—трудно въ философіи исторіи избѣжать пристрастія; невозможно, думаю я, миновать обвиненія въ немъ. Вулканъ можетъ быть потухшимъ, кора лавы можетъ выдерживать на себѣ путника, но глубоко въ расщелинахъ холодѣющей массы еще сохраняется пылающій жаръ. Критика великихъ людей прошедшаго непремѣнно должна быть объяснена, какъ проведеніе аналогіи съ настоящимъ (стр. 5). Споръ о добродѣтеляхъ и порокахъ Маріи Стюартъ до сихъ поръ еще не прекратился. Репутація Пенна все еще съ жаромъ защищается. Существуютъ чистосердечные апологеты Вентворта, Лоуда, Шэфтсбери. Нѣкоторые изъ васъ знаютъ, что недавно Гардинеръ проявилъ немалое искусство, выставляя первыхъ двухъ въ новомъ свѣтѣ и придавая новый видъ великой парламентской борьбѣ... Я могъ бы, замѣчаетъ онъ, умножить эти примѣры. Прибавлю только, что разъ великіе историки философской школы съ трудомъ могутъ избѣжать обвиненія въ пристрастіи, то посредственные дѣятели въ той же области почти неизмѣнно впадаютъ въ очевидные парадоксы и грубыя преувеличенія. Это дальнѣйшая ступень, на которой дѣлается попытка написать портретъ, и неуспѣхъ бываетъ полный". Вотъ отъ этого-то метода, который обозначенъ, какъ „философскій", Роджерсъ и отличаетъ методъ экономическій въ выгодную для него сторону.

„Кто, по его словамъ, занимаясь исторіей, ставитъ себѣ менѣе притязательную, но болѣе трудную задачу экономическаго изъясненія, тотъ становится на болѣе надежную и менѣе требовательную почву. Если я въ состояніи указать вамъ, что цѣна пшеницы часто поднималась въ первой половинѣ XVII столѣтія до 55 ш. и болѣе за квартеръ и что плата крестьянину насильственно понижалась средствами, какія только могла придумать администрація, до 6 пенсовъ и менѣе, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до критики тѣхъ, которые стали бы отрицать, что это было притѣсненіе. Если я могу показать вамъ, что пахотная земля поколѣніе тому назадъ сдавалась въ десять разъ дороже, нежели въ той же первой половинѣ XVII столѣтія, меня не устрашитъ цѣлый легіонъ Рикардо высказать весьма серьез-

ныя сомнѣнія касательно того, далъ ли этотъ выдающійся человѣкъ исчерпывающую предметъ теорію земельной ренты“ (стр. 6). Сопоставивъ вполнѣ несоизмѣримыя вещи и сдѣлавши еще разъ нападеніе на абстрактную политическую экономію, Роджерсъ показываетъ на примѣрахъ, „какимъ образомъ экономическіе факты могутъ служить объясненію исторіи“, и эти примѣры заступаютъ у него мѣсто общихъ теоретическихъ соображеній“. Я уже упомянулъ, говоритъ онъ, что Плантагенеты всегда пользовались Фландріей, какъ опорнымъ пунктомъ при нападеніяхъ своихъ на Францію, и что наши Эдуардъ III и Генрихъ V заботливо относились къ дружбѣ фламандцевъ и ихъ правителей. Средства, коими они пользовались для достиженія своихъ дипломатическихъ цѣлей, заключались въ свободномъ или стѣсненномъ вывозѣ англійской шерсти. Съ XIII по XVI вѣкъ „шерсть была королемъ“. Четверть столѣтія тому назадъ мятежные штаты американскаго союза признавали, что „хлопчатая бумага была королемъ“, и что ограниченіе количества этого необходимаго для британской промышленности матеріала несомнѣнно произведетъ дипломатическій переворотъ въ Англіи, вынудитъ признаніе независимости южныхъ штатовъ и заставитъ жителей Соединеннаго Королевства отказаться отъ своей ненависти къ рабству. Прекращеніе снабженія бумагой повлекло за собою большое бѣдствіе, но по причинамъ, которыя будутъ мною объяснены послѣ, сторонники Юга ошиблись въ своемъ расчетѣ (стр. 8).—Англія была единственной страною въ Европѣ, производившей шерсть. Въ извѣстномъ смыслѣ это замѣчательное промышленное явленіе обязано было своимъ происхожденіемъ ея климату и почвѣ, хотя нѣкоторыя части Англіи въ теченіе столѣтій были и остаются до сихъ поръ болѣе пригодными для этого производства, нежели другія. Въ петиціи, представленной въ парламентъ въ 1454 г., предлагалось, чтобы извѣстные сорта шерсти, числомъ сорокъ четыре, не допускаемы были къ вывозу, кромѣ какъ по цѣнамъ, обозначеннымъ въ росписи. Эти цѣны идутъ отъ 260 ш., за мѣшокъ,—цѣна извѣстнаго сорта герефордской шерсти,—до 52 ш., что платилось за суффолькскую. Болѣе, нежели за столѣтіе передъ тѣмъ, позволеніе вывозить шерсть давалось для извѣстныхъ количествъ и по извѣстнымъ цѣнамъ, причемъ цѣны не были такъ высоки, какъ въ росписи 1454 года. Возможно, что предметомъ петиціи было поощреніе англійской торговли сукномъ, и въ равной степени вѣроятно, что цѣлью этого было принудить фламандцевъ къ активному содѣйствію въ тѣхъ замыслахъ относительно Франціи, которые за годъ передъ тѣмъ оказались столь бѣдственно-тщетными, когда Шрюсбери потерпѣлъ пораженіе и былъ убитъ при Шатильонѣ.—Дѣйствительная монополія, какою Англія пользовалась въ поставкѣ шерсти, происходила менѣе

отъ климата и почвы, нежели отъ сохраненія порядка въ королевствѣ. Въ теченіе долгаго времени каждый въ Англіи, начиная съ короля и кончая крѣпостнымъ крестьяниномъ, былъ сельскимъ хозяиномъ. Послѣ того, какъ землевладѣльцы вынуждены были оставить землепашество, они все еще оставались овцеводами, производили шерсть и торговали ею. Когда, благодаря распространенію или распредѣленію собственности, каждый заинтересованъ въ охраненіи ея правъ, не бываетъ большого искушенія воровать или совершать насилія, и всѣ склонны открывать и наказывать такія дѣянія. Поэтому англичане могли разводить овецъ, наиболѣе беззащитный скотъ. Всякій, кто знаетъ что-нибудь о состояніи западной Европы отъ XIII до XVII столѣтія, долженъ знать, что землепашцы не держали овецъ, ибо будь у нихъ овцы, они ихъ лишились бы вслѣдствіе грабежей дворянства и его слугъ. Королевскій миръ былъ охраною для овцеводовъ. Итакъ Англія пользовалась монополіей въ торговлѣ шерстью. Эта монополія была до такой степени совершенна, а спросъ на этотъ продуктъ такъ силенъ, что англійскіе парламенты были въ состояніи наложить вывозную пошлину на шерсть, свыше рыночной стоимости продукта, не уменьшая его цѣны (стр. 9). Другими словами, вывозная пошлина уплачивалась иностраннымъ потребителемъ—финансовый успѣхъ, къ которому стремилось всякое правительство и котораго ни одно не достигало за исключеніемъ англійскаго". Причиною такого явленія Роджерсъ считаетъ весьма рѣдкое, но въ данномъ случаѣ дѣйствительно бывшее соединеніе нѣкоторыхъ условій, наблюдаемое по отношенію къ англійской шерсти въ теченіе всего періода, когда такъ могущественна была дипломатическая сила Англіи. „Во все время своихъ экономическихъ занятій, прибавляетъ онъ, я не встрѣчалъ того же самаго ни для одного какого-либо товара, и я думаю, что зрѣлище этого отношенія Англіи къ Фландріи и ея правителямъ гораздо поучительнѣе, нежели родословная герцоговъ Бургундскихъ или безплодный разсказъ о военныхъ операціяхъ на французской границѣ Нидерландовъ. Самая лучшая шерсть стоила въ Англіи въ XV столѣтіи 20 ш. за тодъ, т.-е. около 4 квартеровъ пшеницы. Тремя вѣками позднѣе, когда другія цѣны возрасли отъ девяти до двѣнадцати разъ, англійская шерсть прекраснаго качества продавалась менѣе, чѣмъ за половину того, во что она цѣнилась въ періодъ, о которомъ я говорилъ ради примѣра". Таковъ одинъ примѣръ, приведенный въ видѣ доказательства того, сколько выигрываетъ исторія отъ изученія экономическихъ фактовъ; за нимъ слѣдуетъ другой. „Въ XII и XIII столѣтіяхъ было много и притомъ весьма хорошихъ путей отъ рынковъ Индостана на Западъ ради провоза того восточнаго продукта, который былъ въ большомъ ходу,

какъ приправа къ грубой и часто нездоровой пищѣ нашихъ предковъ. Главными портами, куда привозился этотъ продуктъ, были Селевкія въ Левантѣ, Требизондъ на Черномъ морѣ, и Александрія, а отсюда онъ поступалъ преимущественно въ руки венеціанскихъ и генуезскихъ купцовъ и увозился чрезъ альпійскіе проходы къ верхнему Дунаю и на Рейнъ. Здѣсь онъ былъ источникомъ благосостоянія для городовъ, расположенныхъ по этому водному пути. Торговый потокъ не былъ ни глубокъ, ни широкъ, но за то онъ приносилъ оплодотвореніе, и всякій знакомый съ исторіей знаетъ, какую важную роль играли эти города въ позднее время средневѣковья (стр. 10). Съ теченіемъ времени всѣ эти пути, кромѣ одного, были отрѣзаны варварами, которые опустошали и все еще опустошаютъ Среднюю Азію, такъ какъ самые изъ нихъ вредные и дикіе заняли то, что нѣкогда составляло наиболѣе цвѣтущія страны въ мірѣ, Грецію и Малую Азію, и погрузили ихъ въ безнадежное варварство. Отсюда у наиболѣе предпріимчивыхъ западныхъ народовъ явилась мысль по возможности обойти съ тыла этихъ грабителей, открывъ длинный морской путь въ Индію. Вся торговля съ Востокомъ зависѣла отъ того, чтобы оставалась открытою египетская дорога, а этой дорогѣ стала также угрожать опасность. Начало открытіямъ положилъ португальскій государь. Экспедиція Колумба была попыткой найти путь въ Индію черезъ Атлантическій океанъ. По любопытному совпаденію Мысъ Доброй Надежды былъ обойденъ и Новый Свѣтъ былъ открытъ почти одновременно. Эти открытія были сдѣланы какъ разъ во время. Селимъ I, турецкій султанъ, въ свое короткое царствованіе (1512—1520), покорилъ Месопотамію и священные города Аравіи и присоединилъ Египетъ. Вслѣдствіе этихъ завоеваній былъ теперь запертъ единственный путь, еще остававшійся свободнымъ, какой только былъ извѣстенъ старому міру. Цвѣтущія мануфактуры Александріи были сразу уничтожены. Египетъ перестал̃ъ быть большой дорогой изъ Индостана. Селимъ обладалъ всею энергіей расы, къ которой принадлежалъ, и всѣми ея пороками. Я увидѣлъ, что должна была дѣйствовать какая-то причина, коей до сихъ поръ не подозрѣвали, для внезапнаго и страшнаго вздорожанія всѣхъ восточныхъ товаровъ въ концѣ первой четверти XVI столѣтія, и нашелъ, что это должно было произойти отъ завоеванія Египта. Русло торговли быстро пересохло. Города, которые, благодаря ей, процвѣтали, постепенно пришли въ упадокъ, поскольку, по крайней мѣрѣ, дѣло касалось указаннаго источника ихъ богатства. Нилъ въ торговомъ отношеніи сдѣлался flumen epotum Medo, и прекратилась торговля на Дунаѣ и на Рейнѣ. И итальянскіе города быстро склонились къ упадку. Нѣмецкое дворянство, включавшее себя въ число гражданъ

вольныхъ городовъ, обѣднѣло и обратилось къ простому средству для вознагражденія своихъ потерь—къ грабежу своихъ крестьянъ (стр 11). Отсюда возникла крестьянская война съ ея ужасами и жестокимъ подавленіемъ и развитіе тѣхъ дикихъ сектъ, которыя извратили и остановили нѣмецкую реформацію. Битва при пирамидахъ, въ которой Селимъ пріобрѣлъ господство надъ Египтомъ для османскихъ турокъ, внесла разореніе и нищету въ тысячи домовъ, гдѣ никогда и не слыхали объ этомъ событіи. Таковы факты, на которые проливается свѣтъ экономическимъ объясненіемъ исторіи" (стр. 12). Указавъ на эти два примѣра, приведенные нами почти цѣликомъ, Роджерсъ замѣчаетъ, что у него въ теченіе его чтеній будетъ не мало случаевъ представить и другіе примѣры, имѣющіе такое же значеніе, какъ и тѣ два, что были приведены, высказывая при этомъ убѣжденіе, что „опускать такіе экономическіе факты значитъ дѣлать занятіе исторіей безплоднымъ, а ея лѣтописи не соотвѣтствующими дѣйствительности. При всемъ, какое только возможно, стараніи, говоритъ онъ, разсказъ историка не можетъ быть чѣмъ инымъ, какъ несовершеннымъ и неточнымъ очеркомъ. Наша хронологія будетъ въ порядкѣ, послѣдовательность фактовъ точна, подробности походовъ вѣрны, измѣненія въ границахъ правильны, и тѣмъ не менѣе мы будемъ далеки отъ пониманія мотивовъ какого-нибудь общественнаго дѣянія и оставаться въ полномъ невѣдѣнія относительно настоящихъ причинъ событій. Столь же мало поможетъ намъ разборъ намѣреній и поведенія общественныхъ дѣятелей. Въ исторіи великой драмы религіозныхъ войнъ мы можемъ сдѣлать болѣе или менѣе разумную оцѣнку Филиппа II и Вильгельма Оранскаго, Генриха Наваррскаго и Елизаветы Англійской, Морица, Барневельдта, Ришелье, Бекингама, англійскихъ пуританъ, Лоуда и Страффорда, Эліота, Пима, Гемпдена, Кромвеля, Фердинанда Штирійскаго, Максимиліана Баварскаго, Густава Адольфа и Валленштейна, но при всѣхъ стараніяхъ нашихъ намъ никогда не удастся устранить пересмотръ нашихъ приговоровъ. За то когда мы бываемъ руководимы экономическими фактами съ крупнымъ и далеко простирающимся значеніемъ, мы можемъ приходить къ заключеніямъ, коихъ уже нельзя измѣнять, такъ какъ ихъ нельзя оспаривать" (стр. 12). Въ этомъ и заключается истинная причина того предпочтенія, которое Роджерсъ отдаетъ экономическимъ фактамъ передъ всѣми другими фактами въ исторіи, причемъ, какъ это можно видѣть изъ приведенныхъ выписокъ, онъ слишкомъ съуживаетъ область этихъ фактовъ, разумѣя подъ ними только одни событія. Я привелъ содержаніе цѣлой половины первой лекціи Роджерса (12 страницъ изъ 22): остальное имѣетъ такой же характеръ частныхъ иллюстрацій той общей мысли, что многое въ

исторіи требуетъ экономическаго объясненія, ни въ какомъ случаѣ, однако, не доказывающихъ того, чтобы вся исторія объяснялась одной экономіей. И во всей своей книгѣ, какъ и въ другихъ трудахъ своихъ, Роджерсъ далъ намъ не мало такихъ иллюстрацій: двадцать двѣ ея главы представляютъ какъ бы двадцать два маленькихъ изслѣдованія изъ экономической исторіи Англіи въ разныя эпохи. Впрочемъ, этотъ характеръ работы Роджерса уже былъ мною мимоходомъ отмѣченъ въ статьѣ „Политическая экономія и теорія историческаго процесса".

Одинъ, я думаю, можетъ быть выводъ изъ настоящихъ замѣтокъ: экономическое направленіе въ исторіи, какъ направленіе, кладущее въ основу исторической жизни явленія народнаго хозяйства, пока не имѣетъ прочныхъ основъ, и хотя въ извѣстномъ смыслѣ встрѣтились другъ съ другомъ „экономическій матеріализмъ", исходящій изъ отвлеченной идеи, и „историческій экономизмъ", строящій свое зданіе на фактической почвѣ, ни тотъ, ни другой не имѣютъ прочной теоретической основы: первый при малѣйшей критикѣ даже вполнѣ къ нему благосклонныхъ писателей оказывается одностороннимъ, второй какъ будто самъ не рѣшается формулировать свою основную мысль.

Замѣчу въ заключеніе, что я оцѣниваю оба явленія, т.-е. и исторіологическое ученіе, и исторіографическое направленіе исключительно съ теоретической точки зрѣнія, признавая за обоими все то значеніе, какое имъ можетъ и должно принадлежать и въ области политической экономіи, и въ области исторической науки внѣ ихъ отношенія къ абстрактной теоріи историческаго процесса, главнымъ образомъ и заставляющей меня касаться этого вопроса въ отдѣльныхъ замѣткахъ, посвященныхъ экономическимъ факторамъ исторіи.

Древнерусскія междукняжескія отношенія по договорамъ.

Н. Н. Дебольскаго.

I.

Вопросъ о междукняжескихъ отношеніяхъ—вопросъ до сихъ поръ открытый, хотя почти всѣ историки Россіи и русскаго права пытались рѣшить его въ томъ или иномъ духѣ. Предлагаемая статья есть слабый опытъ анализа также междукняжескихъ отношеній по ихъ договорамъ, т.-е. со времени великаго князя Симеона Гордаго.

Существующія въ русской наукѣ воззрѣнія на княжескія отношенія сводятся къ слѣдующимъ группамъ:

Карамзинъ въ своей „Исторіи Государства Россійскаго" считаетъ уже первыхъ русскихъ князей монархами [1]), хотя, впрочемъ, признаетъ, что наряду съ этимъ въ Россіи господствовали въ слабой степени и принципы феодальнаго строя [2]). Такое воззрѣніе вообще было свойственно тому времени [3]) и было плодомъ отсутствія строгой исторической критики.

Дерптскій профессоръ Эверсъ создалъ въ приложеніи къ нашему быту [4]) теорію родоваго престолонаслѣдія. По его мнѣнію [5]), „власть принадлежала владѣтельному дому и, подобно всякому другому имуществу, была семейнымъ достояніемъ" и далѣе [6]): „впрочемъ, верховная власть надъ цѣлымъ государствомъ необходимо принадле-

---

[1]) И. Г. Р. т. I, изд. *1818* г., стр. 116: Старшій братъ... основалъ монархію россійскую... стр. 234: „Слова новгородцевъ... были основаніемъ перваго устава государственнаго въ Россіи, т.е. монархическаго".

[2]) Ibid., стр. 116.

[3]) Ср. *Л. Максимовичъ*, „Указатель россійскихъ законовъ", М. 1803, ч. I.

[4]) „Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи" пер. И. Платонова, Спб. 1835, и „Studien zur Kenntniss der Vorzeit Russlands", Dorp. 1830.

[5]) „Древн. русск. право", стр. 26.

[6]) Ibid., стр. 108.

жала... старшему сыну, потому что онъ былъ наслѣдникомъ отца" и затѣмъ [7]): „Der Grossfürst übte... eine fast unumschränkte Gewalt über seine Brüder, wenn diese keine hinreichende Macht zum Widerstande haten". Эверсъ по поводу Карамзина замѣчаетъ [8]): „in Russland beginnen die Anordnungen der Monarchen zu Gunsten der Volksaufklärung schon mit Wladimir dem Crossen", и дѣлаетъ такой приговоръ [9]): „Das Letztere ist des Historiographen Zusatz. Die Chronik sagt nichts davon". Къ Эверсу примыкаетъ и С. М. Соловьевъ. Онъ говоритъ [10]): „всѣ князья суть члены одного рода, вся Русь составляетъ нераздѣльную родовую собственность". Но тогда какъ Эверсъ занимается вопросомъ о князьяхъ до монгольскагѡ нашествія, Соловьевъ высказываетъ свой взглядъ и на княжескія отношенія болѣе поздняго времени, чтѡ для насъ, какъ относящееся къ нашей темѣ, болѣе важно. Соловьевъ указываетъ [11]), что скоро по смерти Ярослава, именно во второмъ періодѣ [12]), родовыя отношенія смѣняются отношеніями болѣе государственными. Родъ распадается на семьи; главы семей носятъ названіе великаго князя, остальные члены—удѣльныхъ князей. Семьи ведутъ между собою борьбу, которая оканчивается побѣдою Москвы и единодержавіемъ.

Теорія родоваго быта нашла себѣ сильнаго противника въ В. И. Сергѣевичѣ. Этотъ ученый замѣчаетъ [13]): „Между князьями не было подчиненія по какому-нибудь общему правилу; не было великаго князя, который пользовался бы лучшими правами сравнительно съ младшими князьями. Въ отношеніяхъ князей мы замѣчаемъ то же начало, какое мы видѣли въ отношеніяхъ князей къ народу, а именно—начало соглашенія". Затѣмъ авторъ опровергаетъ [14]) доказательства С. М. Соловьева объ извѣстной власти великаго князя и соотвѣтствующихъ обязанностяхъ младшихъ князей. В. И. Сергѣевичъ совершенно справедливо, по нашему мнѣнію, указываетъ на то, что С. М. Соловьевъ невѣрно понималъ приводимыя имъ въ свою защиту мѣста лѣтописи. Но В. И. Сергѣевичъ свою теорію „домогательства" прилагаетъ и къ болѣе позднему времени [15]). Это, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ справедливо, что мы и попытаемся доказать ниже.

---

[7]) „Stud. z. Kentn. d. Vorzeit Russlands", „Entwickelung des Russischen Rechts nach der ersten bis zu zweiten „Prawda", S. 4.

[8]) Stud. z. Kentn. d. Vorz. Russl.", „Nestor und Karamsin", S. 89.

[9]) Ibid., S. 252.

[10]) „Исторія отношеній князей Рюрикова дома", M., 1847, вступл., стр. 1.

[11]) Ibid., стр. IV—IX.

[12]) Отъ Андрея Боголюбскаго до Іоанна Калиты.

[13]) „Лекціи по исторія русскаго права". Спб. 1889—1890, стр. 185.

[14]) Ibid., стр. 238—244.

[15]) Напримѣръ, тамъ же стр. 214, 215.

Б. Н. Чичеринъ далъ [16]) теорію вотчиннаго обладанія князьями ихъ владѣніями. Особенно эту систему замѣчаемъ мы, по его словамъ, въ періодъ послѣмонгольскій, хотя, впрочемъ, онъ дѣлаетъ замѣчаніе [17]), что и при Ярославѣ Владиміровичѣ было то же самое. Чичеринъ говоритъ [18]): „Государственныхъ стремленій мы вовсе не видимъ; источники указываютъ намъ только на хозяйственныя распоряженія", и затѣмъ [19]): „тогда не дѣлалось различія между имуществомъ государственнымъ и частнымъ княжескимъ. Все, что принадлежало князю, принадлежало, какъ собственность". Наконецъ, Чичеринъ, кромѣ защиты своей теоріи, опровергаетъ теорію родовую въ лицѣ С. М. Соловьева [20]). Наши возраженія на теорію Б. Н. Чичерина читатель найдетъ ниже.

Н. И. Костомаровъ проводилъ теорію федеративнаго строя древней Руси [21]). Онъ говоритъ [22]): „Русская земля составляетъ федерацію земель. Еще въ IX вѣкѣ, какъ показываетъ намъ лѣтопись, необходимость отбоя норманновъ вынудила нѣсколькихъ изъ народцевъ, обитавшихъ на русскомъ материкѣ, соединиться", и затѣмъ [23]): „призванный родъ служилъ звеномъ соединенія земель. У народовъ не было ни малѣйшаго понятія о централизованномъ государствѣ. Они понимали только союзъ земель". Такимъ образомъ, по мнѣнію Костомарова [24]), „въ древнія времена славянорусскій народъ разбивался на народцы", которые и составляли федерацію. Подъ вліяніемъ монгольскаго ига у насъ образовывается строй феодальный [25]). Сюзереномъ былъ ханъ, его вассалами великіе князья, а ихъ вассалами—князья удѣльные. Этотъ строй держался, пока была сильна Орда. Но „какъ только ханы перестали поддерживать созданный ими строй.., мелкіе князья очутились безъ внѣшней подпоры противъ крупныхъ и сильныхъ" [26]). Все окончилось уничтоженіемъ удѣловъ и торжествомъ Москвы надъ другими великими княженіями. Эта теорія представляется намъ рядомъ недоразумѣній. Дѣйствительно, Н. И. Костомаровъ самъ ог-

---

[16]) „Духовныя и догов. грамоты великихъ и удѣльныхъ князей" (*Русскій Вѣстн.* 1857, т. 7 и 8).

[17]) Ibid., т. 8, стр. 6.

[18]) Ibid., т. 7, стр. 657.

[19]) Ibid., т. 7, стр. 685.

[20]) Ibid., т. 8, стр. 10 и слѣд.

[21]) „Мысли о федерат. началѣ др. Руси".

[22]) „О значеніи критич. трудовъ Конст. Аксакова по русской исторіи". Спб. 1861, стр. 15.

[23]) Ibid., стр. 15.

[24]) „Начало единодержавія въ древней Руси" (*В. Евр.* 1870, № XI, стр. 7).

[25]) Ibid., № XII стр. 497 и слѣд.

[26]) Ibid., т. XII, стр. 517 и слѣд.

раничиваетъ то понятіе феодализма, которое онъ вводитъ въ нашу исторію. Онъ говоритъ [27]): „мы принимаемъ слово *феодализмъ* въ значеніи его общихъ признаковъ и разумѣемъ подъ нимъ такой политическій строй, когда весь край находится въ рукахъ владѣтелей, образующихъ изъ себя низшія и высшія ступени съ извѣстнаго рода подчиненностью низшихъ высшимъ и съ верховнымъ главою выше всѣхъ". Не знаемъ, въ правѣ ли историкъ давать этому строю имя феодальнаго. Гизо говоритъ [28]): „Le caractère propre, général, de la féodalité... c'est le démembrement du peuple et du pouvoir en une multitude de petits peuples et de petits souverains; l'absense de toute nation genérale, de tout gouvernement central" и затѣмъ, указавъ, что *feodum* то же, что *beneficium* [29]), говоритъ [30]): „*beneficium* désigna... une terre reçue d'un supérieur, à titre de récompense, de bienfait, et qui obligeait envers lui à certaines charges, à certains services... Les chefs germains... faisaient des présents d'armes... (a leurs compagnons) Les dons de terres... vinrent s'ajouter à ces presents mobiliers". Ничего этого въ Россіи мы не находимъ.

Въ послѣднее время М. Ф. Владимірскій-Будановъ возобновилъ теорію федераціи, хотя съ существеннымъ измѣненіемъ [31]). Онъ разбираетъ поречисленныя нами теоріи, опровергаетъ ихъ [32]), и затѣмъ говоритъ [33]), что „основаніемъ древнерусскаго государства служатъ... отношенія... территоріальныя". Онъ указываетъ, что федерація была не народовъ, такъ какъ народъ былъ одинъ [34]), а князей [35]). О преобладаніи одного князя надъ другими не было и рѣчи [36]). Дѣла рѣшались съѣздами [37]). Такъ было и послѣ монгольскаго завоеванія [38]), хотя съ тѣмъ измѣненіемъ, что федерація была великихъ князей, а удѣльные были въ нѣкоторой зависимости отъ нихъ [39]). Эта теорія, справедливая въ томъ, что удѣльные князья въ послѣмонгольскій періодъ подчинялись великимъ—не справедлива, признавая за отношеніями великихъ князей характеръ федераціи. Мы поста-

---

[27]) Ibid., т. XII, стр. 511.
[28]) „Histoire de la civilisation en France". Paris. 1862. vol. III. p. 209.
[29]) Ibid., p. 233.
[30]) Ibid., p. 234.
[31]) „Обзоръ исторіи русскаго права", изд. 2-ое, Кіевъ 1888 г., ч. 1.
[32]) Ibid., стр. 11—13.
[33]) Ibid., стр. 13.
[34]) Ibid., стр. 25—26.
[35]) Ibid., стр. 68.
[36]) Ibid., стр. 66—67.
[37]) Ibid., стр. 69.
[38]) Ibid., стр. 104—105.
[39]) Ibid., стр. 106.

раемся ниже доказать, что эти отношенія имѣли характеръ международный.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ привести основныя положенія нашей работы. Они состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Князья удѣльные [40]) были въ нѣкоторой зависимости отъ великихъ, сперва какъ младшіе члены семьи, потомъ какъ вассалы. 2) Великіе князья были самостоятельными (въ внѣшнихъ отношеніяхъ) владѣтелями. Ихъ договоры—договоры международные.

II.

Междукняжескіе договоры дошли до насъ со времени Симеона Гордаго. Всѣ они были заключены или между двумя великими князьями [41]), или между великимъ княземъ и удѣльнымъ [42]), или между двумя удѣльными [43]). Содержаніе княжескихъ договоровъ этого времени весьма широко и касается различныхъ предметовъ. Цѣлью нашего изслѣдованія будетъ только разборъ условій, выражающихъ взаимныя политическія отношенія князей, ихъ заключившихъ. Содержаніе договоровъ, въ объемѣ, только что указанномъ, очень однообразно; но все-таки можно усмотрѣть, что нѣкоторыя условія встрѣчаются рѣшительно во всѣхъ договорахъ, а нѣкоторыя только въ отдѣльныхъ ихъ группахъ. Разсматривая эти группы, мы видимъ, что онѣ совпадаютъ съ указанными выше видами субъектовъ договоровъ. Поэтому, разбирая содержаніе междукняжескихъ договоровъ, раздѣлимъ ихъ условія на: 1) встрѣчающіяся вообще въ княжескихъ договорахъ; 2) встрѣчающіяся въ договорахъ великихъ князей съ удѣльными; 3) въ договорахъ великихъ князей съ великими, и 4) въ договорахъ удѣльныхъ князей съ удѣльными. Мы принимаемъ такое дѣленіе, какъ

---

[40]) Читатель помнитъ, что мы говоримъ лишь о времени съ Симеона Гордаго.

[41]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 31, 32, 36, 48, 65, 76—77, 88—89, 115—116, 119—120.—А. А. Э., т. I., №№ 14, 25, 33.—А. о. къ и. З. Р. №№ 33, 50, 51, 79.

[42]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 23, 27, 29, 33, 35, 37, 38, 43-44, 45, 46, 47, 49—50, 52—53, 54—55, 56—57, 58—59, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 68, 69, 70, 71—72, 73—74, 75, 78—79, 80—81, 84—85, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 97—98, 99—100, 101—102, 106—107, 108—109, 110—111, 113, 114, 118, 123—124, 125—126, 127, 128, 133—134, 160—161.—А. А. Э., т. I, №№ 10, 26, 29.—А. о. къ и. З. Р., т. I., №№ 41, 63.

[43]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 67.—А. А. Э., т. I, № 70.

болѣе соотвѣтствующее нашей цѣли, хотя обыкновенно [44]) дѣлать по содержанію договоровъ независимо отъ ихъ субъектовъ.

А. Условія княжескихъ договоровъ вообще.

Сюда мы причисляемъ тѣ условія междукняжескихъ договоровъ, которыя зависятъ не отъ того, великіе ли князья ихъ заключили или удѣльные, а только отъ силы этихъ князей, ихъ вліянія на сосѣдей, отъ счастливыхъ обстоятельствъ и т. п. Такой характеръ носитъ большинство изъ условій, встрѣчающихся въ дошедшихъ до насъ договорахъ.

Обыкновенно, всѣ договорныя грамоты начинаются съ условія: *„а брата своего старѣйшаго имѣти ны и чтити въ отцово мѣсто“* [45]), или: *„имѣти вамъ мене собѣ отцемъ“* [46]), или: *„имѣти мене собѣ братомъ старѣйшимъ“* [47]), *„имѣти братомъ“* [48]), *„имѣти братаничемъ“* [49]), и, какъ дополнительное условіе: *„сына твоего имѣти братомъ ровнымъ“* [50]). Этому соотвѣтствовало обратное условіе: *„имѣти въ . . . .* [51])*“*, или: *„а мнѣ великому князю васъ держати въ сыновствѣ и во чти безъ обиды“* [52]), или: *„имѣти братомъ молодшимъ“* [53]). Условія эти были не болѣе, какъ формулами вѣжливости, которыя устанавливались между князьями, какъ въ позднѣйшее время въ договорахъ Московскихъ государей съ королями Шведскимъ и Польскимъ о титулѣ [54]). Условія эти выражали бо́льшую слабость стороны, признавшей себя *братомъ молодшимъ* и т. д., сравнительно съ другою стороною, но совершенно не зависѣли отъ того, великіе ли князья ихъ заключили или удѣльные,—и правъ на преобладаніе не давали и, вообще, не носили ограничительнаго характера; они только констатировали фактъ преобладанія.

---

[44]) *Чичеринъ* „Опыты по исторіи русскаго права“, изд. 1858 г. *В. И. Сергѣевичъ* „Вѣче и князь“, изд. 1867 г. *С. М. Соловьевъ* „Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома“, изд. 1847 г.

[45]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 23, 33, 37, 97—98.

[46]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 47.

[47]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 29, 31, 32, 36, 46, 64, 71, 73, 75, 84, 95, 99, и др.—А. А. Э., т. I, № 10.

[48]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 76, 77.—А. А. Э., т. I, № 14.

[49]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 48.

[50]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 62.

[51]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 23 (пропущено, вѣроятно, „въ сына мѣсто“).

[52]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 47.

[53]) См. прим. 47.

[54]) „Собр. узакон. русск. государства“ *Карновича*, т. I, изд. 1875 г., стр. 180, № 19, и стр. 402, № 192.

Выраженіе: *„имѣти во отцево мѣсто“* встрѣчается въ пяти договорахъ: 1) въ древнѣйшемъ изъ дошедшихъ до насъ — Симеона Ивановича съ братьями Иваномъ и Андреемъ Ивановичемъ [55]); 2) въ договорѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ [56]); 3) въ договорной грамотѣ великаго князя, Василія Дмитріевича, съ братьями Андреемъ и Петромъ Дмитріевичами [57]); 4) въ договорной грамотѣ великаго князя Юрія Дмитріевича съ князьями Иваномъ Можайскимъ и Михаиломъ Верейскимъ [58]); 5) въ договорѣ великаго князя Ивана III Васильевича съ княземъ Борисомъ Васильевичемъ Волоцкимъ [59]). Мы перечисляемъ эти договоры въ виду небольшаго ихъ числа и въ виду тѣхъ замѣчаній, которыя дѣлаетъ С. М. Соловьевъ о значеніи *„быти во отцево мѣсто“*. Для Симеона Ивановича съ братьями это условіе было простою вѣжливостью къ старшему брату. По духовному завѣщанію Ивана Даниловича Калиты [60]) они получили почти равные удѣлы: Симеонъ 26 городовъ, Иванъ 23 города, Андрей 21 городъ. Москва была раздѣлена на три части, а Владимірскимъ великимъ княженіемъ Иванъ Калита не счелъ удобнымъ распорядиться и оно вполнѣ зависѣло отъ воли царя-хана (Тинбека, а съ 1342 г. Чанибека), который и отдалъ его Симеону. Договоръ былъ заключенъ, вѣроятно, до поѣздки братьевъ въ орду и сразу послѣ смерти отца и, хотя С. М. Соловьевъ и говоритъ [61]), что годъ 1341 на договорѣ выставленъ издателями произвольно, но его словамъ противорѣчитъ встрѣчающееся въ договорѣ упоминаніе, что онъ заключенъ *„у отча гроба“*. Такимъ образомъ, матеріальнаго преобладанія Симеона надъ братьями не было. Что же касается до того, что Симеонъ названъ: *„господинъ князь великій“*, то это можетъ быть объяснено, какъ согласіе братьевъ на занятіе Симеономъ великокняжескаго стола, согласіе не противодѣйствовать ему въ ордѣ. Эта уступка объясняется характеромъ и возрастомъ братьевъ: Иванъ былъ человѣкъ ничтожный [62]), а Андрей слишкомъ молодъ [63]).

---

[55]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 23.

[56]) Ibid. № 33.

[57]) Ibid. № 37.

[58]) Ibid. № 47.

[59]) Ibid. № 97—98.

[60]) Ibid. № 22.

[61]) „Ист. Рос. съ древн. вр.“, т. III, стр. 414, прим. 455 (изд. 1870 г.).

[62]) П. С. Р. Л. т. X. Никоновск. Подъ лѣтомъ 6848 (т.-е. 1339 г.) читаемъ, что Иванъ былъ *„благовѣрный и христолюбивый и тихій и кроткій и милостивый“*.

[63]) П. С. Р. Л., т. X. Никон. Подъ лѣтомъ 6835 (т.-е. 1326 г.): *„родися сынъ Андрей“*, значитъ, ему въ годъ смерти отца было 15 лѣтъ.

Это же условіе въ договорѣ великаго князя Василія Дмитріевича съ братьями въ 1405 году носитъ, по нашему мнѣнію, совершенно такой же характеръ почтенія и не даетъ никакого права старшему надъ младшими. И Андрей, и Петръ Дмитріевичи были людьми уступчивыми и не энергичными; это видно изъ того, что они согласились не препятствовать сыну Василія Дмитріевича, Василію Васильевичу, занять великокняжескій престолъ по смерти отца, тогда какъ старшій братъ Юрій и самый младшій Константинъ отказались.

Въ договорѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ 1388 г. и Юрія Дмитріевича съ Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами 1433 года мы также не находимъ особенныхъ ограниченій младшихъ князей старшими, хотя здѣсь условіе „*имѣти во отца мѣсто*" объясняется не уступчивостью. Владиміръ Андреевичъ началъ было приготовленія къ войнѣ противъ Дмитрія Ивановича и только потомъ, убоявшись, рѣшилъ не начинать серьезныхъ военныхъ дѣйствій и заключилъ этотъ договоръ. Этой нравственной побѣдой великаго князя и объясняется приниженный тонъ Владиміра Андреевича. Юрій Дмитріевичъ съ княземъ Иваномъ Можайскимъ, воевалъ противъ великаго князя Василія Васильевича и отнялъ у послѣдняго великокняжескій столъ. Сѣвши въ Москвѣ, онъ заключилъ договоры со своими союзниками, и тонъ этихъ договоровъ соотвѣтствуетъ силѣ союзниковъ: съ князьями Суздальскими, почти какъ равный съ равнымъ, князя Боровскаго признаетъ братомъ молодшимъ, а Ивана Можайскаго сыномъ. Это объясняется фактическимъ преобладаніемъ Юрія Дмитріевича надъ Можайскими князьями, которые, съ другой строны, какъ упорные враги Василія Васильевича, не имѣли близкой надежды вступить съ нимъ въ договорныя отношенія. Наконецъ, что касается до договора Ивана Васильевича съ княземъ Борисомъ Васильевичемъ Волоцкимъ, то здѣсь мы находимъ громадное превосходство владѣній великаго князя надъ владѣніями Бориса Васильевича. Василій Васильевичъ Темный, умирая, оставилъ Ивану Васильевичу одну треть Москвы, Коломну, Владиміръ, Переяславль, Кострому, Галичъ, Устюгъ, Вятку, Суздаль, Нижній-Новгородъ, Муромъ, Юрьевъ, Великую Соль, Боровскъ, Суходолъ, Калугу, Алексинъ. Да послѣ смерти брата Юрія Иванъ Васильевичъ захватилъ его удѣлъ: Дмитровъ, Можайскъ, Медынь, Серпуховъ, Хотунь. У Бориса же Васильевича были только Ржевъ, Волокъ и Руза [64]). Этимъ, мы думаемъ, вполнѣ объясняется, что младшій братъ призналъ старшаго отцемъ. Но почему тогда въ другихъ договорахъ

[64]) „Ист. Рос. съ др. вр.", т. IV, изд. 1863 г., стр. 123.

этихъ же князей мы такого условія не встрѣчаемъ [65])? Это объясняется просто: во время заключенія другихъ договоровъ Иванъ Васильевичъ былъ стѣсненъ. Въ 1481 г. только-что ушелъ Ахматъ, который угрожалъ Московскому княженію; передъ этимъ братья готовы были между собою начинать войну; въ союзѣ съ Борисомъ Васильевичемъ былъ и Андрей Большой. Кромѣ того, Новгородъ все еще волновался. Въ 1486 году, послѣ смерти матери, которая одна связывала братьевъ между собою, Иванъ Васильевичъ опасался усобицы съ братьями, которые были въ сношеніяхъ съ Литвою и съ недавно покореннымъ Новгородомъ, и этимъ договоромъ хотѣлъ себя обезопасить отъ нихъ. Такимъ образомъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ упоминается о *„быти во отца мѣсто“*, условіе это встрѣчается, какъ формула вѣжливости, ни къ чему не обязывающая сторону, почему-либо болѣе слабую по отношенію къ сторонѣ болѣе сильной и энергичной. С. М. Соловьевъ, по поводу отношеній великаго князя Рязанскаго Ивана Ѳедоровича къ великому князю Московскому Юрію Дмитріевичу замѣчаетъ [66]): „Еслибы Рязанскій князь назвалъ себя сыномъ Московскаго, то этимъ самымъ, по новому порядку вещей, поступилъ бы къ нему въ подручническія отношенія“. Изъ тѣхъ договоровъ, на которые было указано выше, совершенно не видно, чтобы это было такъ. Разбирая отношенія князей, заключившихъ договоры, намъ надо было искать указаній внѣ договоровъ, такъ какъ условія самихъ договоровъ одинаково выгодны для обѣихъ сторонъ, за исключеніемъ условій, которыя опредѣляютъ отношенія удѣльныхъ князей къ великимъ и о которыхъ сказано отдѣльно въ каждомъ договорѣ,—значитъ, они не подразумѣваются въ словахъ: *„быти отцемъ“*.

Условіе „имѣти *въ отца моего мѣсто*“ [67]) имѣетъ совершенно другое значеніе—это значитъ, что одна изъ сторонъ обязывается быть съ сыномъ въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ была съ отцомъ.

Условіе *„имѣти въ сына мѣсто“* прямо вытекаетъ изъ условія *„имѣти въ отца мѣсто“* и подкрѣпляетъ его съ другой стороны и, какъ и то, никакихъ правъ ни на что не даетъ и не налагаетъ обязанностей. Встрѣчаемое въ договорѣ Суздальскихъ князей Василія и Ѳедора Юрьевичей съ Дмитріемъ Шемякою, тогда княземъ Московскимъ, дополнительное условіе *„быть сыну твоему братомъ ровнымъ“*, по нашему мнѣнію, не влечетъ за собою тѣхъ правъ на престолъ, которыя приписываетъ ему С. М. Соловьевъ. Онъ говоритъ [68]): „сынъ Шемяки, князь Иванъ Дмитріевичъ, долженъ былъ считать князя Ва-

[65]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 110—111, 123—124.
[66]) „Ист. отн. между кн. Рюрик. дома“, стр. 443.
[67]) А. А. Э., т. I, № 70.
[68]) „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. IV, стр. 78.

силія Юрьевича братомъ равнымъ, слѣдовательно, въ случаѣ смерти Шемяки, Суздальскій князь, будучи равнымъ сыну его и наслѣднику, имѣлъ равное съ нимъ право на великое княженіе Владимірское!" Но намъ кажется, что во время усобицы, когда ни Шемяка, ни Суздальскій князь не знали, кто завтра будетъ княземъ Московскимъ, нельзя было придавать серьезнаго значенія обѣщанію признавать когонибудь равнымъ своему сыну, если даже и допустить, что изъ этого вытекаетъ право на престолъ; вѣдь въ случаѣ смерти Шемяки на княженіе Московское, кромѣ князя Суздальскаго, было два претендента—сынъ Шемяки Иванъ и великій князь Василій Васильевичъ Темный; да князь Иванъ Можайскій, которому было раньше обѣщано Суздальское княженіе, тоже былъ противъ князей Василія и Ѳедора Юрьевичей. Но, кромѣ того, и правъ-то изъ этого условія никакихъ не вытекало; Шемяка не былъ великимъ княземъ Владимірскимъ — имъ былъ Василій Васильевичъ,—онъ былъ просто княземъ Московскимъ. Затѣмъ, если у насъ случалось, что князья по договору передавали свое княженіе не сыну, а иному князю, то объ этомъ упоминалось отдѣльно въ договорѣ [69]).

Условіе: „*имѣти собѣ братомъ старѣйшимъ*" и обратное: „*имѣти братомъ молодшимъ*" встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ вышеупомянутыя условія. Во-первыхъ, во всѣхъ договорахъ великихъ князей съ удѣльными [70]), кромѣ названныхъ выше, во многихъ договорахъ великихъ князей съ великими [71]) и въ одномъ изъ договоровъ удѣльныхъ князей съ удѣльными [72]). Условіе это есть просто способъ выраженія почтенія и никакихъ правъ ни на что не даетъ. Мы равно встрѣчаемъ это условіе и въ договорахъ великихъ князей съ удѣльными и въ другихъ группахъ: значитъ, это не особенность отношеній какойнибудь группы. Мы замѣчаемъ только нѣкоторое преобладаніе на сторонѣ старѣйшей надъ стороною молодшею, но преобладаніе это чисто фактическое, внѣдоговорное; имъ опредѣляется это условіе старѣйшинства, а не оно вытекаетъ изъ старѣйшинства. Мы видимъ, что содержаніе договоровъ, гдѣ заключается это условіе, очень разнообразно и иногда одинаково выгодно для обѣихъ сторонъ. Но, кажется, трудно допустить, чтобы ограниченіе было въ пользу младшей стороны. В. И. Сергѣевичъ [73]) приводитъ договоръ великаго князя Василія Васильевича съ Боровскимъ княземъ Василіемъ Ярославичемъ и князьями Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами, какъ доказатель-

[69]) Напр., С. Г. Гр. и Д., т. I, № 118.
[70]) См. примѣч. 42.
[71]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 32, 119—120.
[72]) А. А. Э., т. I, № 70.
[73]) „Вѣче и князь", стр. 258

ство, что великій князь ограниченъ былъ судомъ младшихъ. Намъ кажется, что это условіе: *„а братъ нашъ князь великій Борисъ Александровичъ и нашъ братъ молодшій Михаилъ Ондреевичъ и князь Василій Ярославовичъ будетъ съ правымъ на виноватаго“* можно толковать иначе: конечно, de facto, Василій Васильевичъ не подчинился бы добровольно суду братьи молодшей, произошла бы война — судъ Божій, неизвѣстно, кто бы побѣдилъ. Если же, de jure, братья молодшая осудила бы его поведеніе, то это, конечно, никакого значенія не имѣло бы. Мнѣ кажется, что это условіе есть такая же клятва какъ: *„да будетъ Богъ съ правымъ на виноватаго“*. Но, съ другой стороны, нельзя согласиться со словами С. М. Соловьева по поводу договора Михаила Тверскаго съ Дмитріемъ Донскимъ [74]): „Михаилъ призналъ себя младшимъ братомъ Дмитрія, т.-е. сталъ къ нему въ такую же зависимость, въ какой находился Владиміръ Андреевичъ“. С. М. Соловьевъ полагаетъ, что съ Андрея Боголюбскаго прекращаются родовыя отношенія князей, которыя раньше, по его мнѣнію, существовали. Съ уничтоженіемъ же власти старшаго въ родѣ, если таковая и была въ старину, признаніе себя младшимъ братомъ не влечетъ ровно никакихъ послѣдствій. Что же касается до зависимости Владиміра Андреевича, то она была основана не на этомъ условіи старѣйшинства (см. ниже).

Условіе *„имѣти братомъ“* предполагаетъ совершенное равенство силъ обоихъ субъектовъ договоровъ. Для аналогіи укажемъ, что и теперь государи называютъ другъ друга „братомъ“. Это и тогда, какъ и теперь, простая формула вѣжливости. Условіе это встрѣчается въ договорахъ Москвы съ Тверью [75]), Москвы съ Литвою и Польшей [76]), Твери съ Литвой и Польшей [77]) и, какъ дополнительное, въ договорахъ великихъ князей съ удѣльными [78]).

Наконецъ, въ одномъ договорѣ великаго князя Рязанскаго Ивана Ѳедоровича съ княземъ Московскимъ Юріемъ Дмитріевичемъ встрѣчается условіе: *„быти братаничемъ“*, т.-е. племянникомъ. Это подало поводъ С. М. Соловьеву къ слѣдующему замѣчанію [79]): „итакъ, что же хотѣлъ сказать князь Рязанскій, называя себя племянникомъ князя Московскаго, а не сыномъ? Онъ хотѣлъ сказать то, что между ними существуетъ кровная связь, вслѣдствіе которой онъ будетъ уважать Юрія, какъ брата своей матери, а тотъ долженъ любить и уважать

---

[74]) „Ист. отн. между князьями Рюрикова дома“, стр. 384.
[75]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 77—76.—А. А. Э., т. I, № 14.
[76]) А. о. къ н. З. Р., т. I, № 50.
[77]) А. о. къ и. З. Р., т. I, № 79.
[78]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 33, 35, 90 и др.
[79]) „Ист. отн. между кн. Рюрикова дома“, стр. 443.

его, какъ сына своей сестры, безъ всякихъ однако родовыхъ отношеній, которыя уже теперь служатъ сильнѣйшимъ князьямъ для достиженія государственныхъ цѣлей". Намъ кажется, великій князь Рязанскій тутъ ровно ничего не хотѣлъ сказать, кромѣ того, что онъ племянникъ великаго князя Московскаго. Но почему тогда другіе князья называли другъ друга не по настоящимъ степенямъ родства? Слабые не считали это достаточно вѣжливымъ по отношенію къ болѣе сильнымъ, а равные по силѣ, какъ Москва, съ одной стороны, и Тверь съ Литвой, съ другой стороны, находились въ такихъ натянутыхъ отношеніяхъ, что не считали нужнымъ считаться родствомъ. А между Тверью и Литвою мы находимъ въ одномъ договорѣ упоминаніе о *дѣдствѣ* [80]: *„а господину моему дѣду великому князю Витовту меня великаго князя Бориса Александровича, своего внука, боронити отъ всякаго думою и помочью"*.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что условіе наименованія субъектовъ договоровъ по степенямъ родства не имѣетъ значенія права на преобладаніе, а есть, скорѣе, результатъ взаимнаго положенія князей. Чичеринъ говоритъ [81]: „случалось даже, что эти отношенія (т.-е. степени родства) измѣнялись между одними и тѣми же лицами: такъ Михаилъ Андреевичъ Можайскій въ одномъ договорѣ 1465 года обязывается держать великаго князя Ивана Васильевича и брата его Юрія братьями старѣйшими, Андрея Васильевича Большаго просто братомъ, а Бориса и Андрея Меньшаго братьями молодшими; но въ томъ же году заключается новый договоръ, по которому всѣ они становятся братьями старѣйшими. Изъ этого видно, что степени опредѣлялись не однимъ родствомъ, не естественнымъ только происхожденіемъ, но и могуществомъ того или другаго князя".

Слѣдующее условіе, которое мы находимъ въ междукняжескихъ договорныхъ граматахъ есть условіе: *„быти за одинъ"*. Это условіе можно назвать цѣлью договоровъ, такъ какъ большинство ихъ заключалось съ цѣлью обезпечить себѣ союзника въ дѣлахъ военныхъ. Условіе это встрѣчается въ разныхъ формахъ: иногда просто: *„быти намъ за одинъ"* [82], иногда въ видѣ: *„а быти ти съ нами вездѣ за одинъ по думѣ, какъ будетъ годно, безъ хитрости"* [83], или *„быти ти съ нами вездѣ за одинъ и до своего живота, а намъ также быти съ тобою вездѣ за одинъ и до своего живота"* [84].

Въ большинствѣ договоровъ дѣло не ограничивалось такою фор-

---

80) А. отн. къ Ист. Зап. Рос., т. I, № 33.

81) „Опыты по ист. рус. пр.", „Дух. и дог. гр. уд. и вел. кн.", стр. 300—301.

82) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 23, 37, 38 и др.—А. А. Э. т. I, № 10.

83) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 36.

84) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 43—44, 52—53, 54—55 и др.

мулою и подтверждалось еще договоромъ о союзѣ оборонительномъ: *„а кто будетъ брату нашему старѣйшему недругъ, то и намъ недругъ, а кто будетъ брату нашему старѣйшему другъ, то и намъ другъ"* 85). Иногда къ этому присоединялось условіе о совокупности въ дѣйствіяхъ наступательныхъ; такъ: *„А гдѣ ми будетъ всѣсти на конь, всѣсти вы со мною, а гдѣ будетъ самому не всѣсти, а будетъ ми васъ послати, всѣсти вы на конь безъ ослушанія"* 86), или: *„а гдѣ ми будетъ, брате, пойти на рать, или моему брату князю Володимеру Ондреевичю, всѣсти съ нами самому на конь безъ хитрости; а пошлемъ воеводъ, и тобѣ своихъ воеводъ послати"* 87), или, наконецъ: *„А тобѣ, брате мой молодшій, ми служити безъ ослушанія по згадцѣ, како будетъ ми слично и тобѣ, брате мой молодшій, а ми тобе кормити по твоей службѣ"* 88).

Условіе *„быти за одинъ"* постоянно встрѣчается одинаково для обѣихъ сторонъ въ тѣхъ договорахъ, которые дошли до насъ въ двойномъ видѣ. Какъ извѣстно, всѣ договоры писались въ двухъ редакціяхъ: одна отъ имени одного князя, другая отъ имени другаго. Въ нѣкоторыхъ договорахъ 89) и въ одной редакціи упомянуто: *„быти ти со мною за одинъ, а мнѣ быти съ тобою за одинъ"*, а въ нѣкоторыхъ 90) въ каждой встрѣчается только по одному условію: *„а быти ти со мною за одинъ"*, относя это „ти" то къ одному, то къ другому князю. Конечно, условіе: *„быти намъ за одинъ"* —не требуетъ двойной редакціи.

Большинство договоровъ дошло до насъ только въ одной редакціи—и потому насъ не должно смущать, что мы въ нихъ находимъ только вторую форму выраженія. Какъ мы видѣли, иногда къ условію: *„быти за одинъ"* присоединяются слова: *„по думѣ"*, *„какъ будетъ годно"*, *„безъ хитрости"*, *„до своего живота"*. Это простое расширеніе указанной формулы. Первыя два выраженія смягчаютъ обязательность договора, вторыя два подкрѣпляютъ ее и придаютъ бо́льшую опредѣленность. Можно, пожалуй, указать, что въ одномъ договорѣ великаго князя Рязанскаго Ивана Ѳедоровича съ великимъ княземъ Литовскимъ Витовтомъ 91) мы встрѣчаемъ условіе: *„а быти ми съ нимъ за одинъ на всякаго; а съ кѣмъ онъ миренъ, а съ тѣмъ и язъ миренъ, а съ кѣмъ онъ немиренъ, а съ тѣмъ и язъ немиренъ; а великому князю Витовту меня боронити отъ всякаго"*. Съ перваго взгляда

---

85) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 23, 27, 29, 32, 33, 35, 37 и др.
86) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 23, 33, 35 и др.
87) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 28.
88) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 27.
89) С. Г. Гр. и Д. т. I, №№ 43—44, 52—53, 54—55, 65 и др.
90) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 45, 47.
91) А. А. Э., т. I, № 25.

кажется, что договоръ совершенно исключаетъ формулу: *„а тебѣ бити со мною за одинъ“*; но дѣло въ томъ, что слово *„боронити“* совершенно то же значитъ, что и *„бити за одинъ“*, только употребляется въ договорахъ, носящихъ покровительственный тонъ. Тонъ великаго князя Рязанскаго очень приниженъ, и со стороны Витовта слова: *„бити за одинъ“* замѣнены словомъ *„боронити“*. В. И. Сергѣевичъ говоритъ [92]): „обязательство „быть за одинъ на всякаго недуга“ принимаетъ на себя только одна сторона, довольствуясь обязательствомъ другой „блюсти и боронить“ ея владѣнія. Это различіе условливается различіемъ политической роли договаривающихся сторонъ“.

Нѣсколько иной тонъ носитъ пояснительное условіе о друзьяхъ и недругахъ; мы находимъ въ большинствѣ договоровъ, которые дошли до насъ въ двухъ редакціяхъ, что враги и друзья одной стороны будутъ врагами и друзьями другой, безъ обратнаго условія въ пользу послѣдней стороны. Обратное упоминаніе встрѣчается только въ одномъ договорѣ великаго князя Василія Васильевича съ Дмитріемъ Шемякою и Дмитріемъ Краснымъ [93]). В. И. Сергѣевичъ [94]) думаетъ, что эта неполнота произошла отъ неясности нашихъ договоровъ. Онъ указываетъ, что формула о друзьяхъ и недругахъ покрываетъ формулу *„бити за одинъ“* и неполноту первой считаетъ простымъ нежеланіемъ повторять одно и то же условіе два раза. Намъ кажется, что это не совсѣмъ такъ: мы формулу *„бити за одинъ“* всегда встрѣчаемъ для обѣихъ сторонъ въ двойныхъ редакціяхъ договоровъ; формула же объ друзьяхъ и недругахъ нигдѣ, кромѣ указаннаго выше случая, не встрѣчается со стороны обоихъ субъектовъ въ тѣхъ же, дошедшихъ до насъ, двойныхъ редакціяхъ, хотя обыкновенно встрѣчается въ пользу одной стороны. Это, намъ кажется, служитъ указаніемъ на то, что выраженіе: *„кто мнѣ другъ, тотъ и тебѣ другъ“* имѣетъ нѣсколько другой характеръ, чѣмъ условіе *„бити за одинъ“*. Мы думаемъ, что такая односторонность этого условія опредѣляется силою той стороны, которой друзья и враги дѣлаются друзьями и врагами другой. Что это не преимущество великихъ князей передъ удѣльными, видно изъ того, что мы встрѣчаемъ это условіе и въ договорахъ великихъ князей съ великими. Въ большинствѣ случаевъ мы находимъ преобладаніе на сторонѣ Москвы, вѣроятно въ силу бо́льшаго ума и энергіи ея князей. Мы имѣемъ, впрочемъ, одинъ договоръ [95]), гдѣ говорится, что друзья и враги великаго князя Литовскаго и короля Польскаго Казимира должны быть друзьями

---

[92]) „Вѣче и князь“, стр. 139.
[93]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 60.
[94]) „Вѣче и Князь“, стр. 139.
[95]) А. отн. къ ист. Зап. Рос., т. I, № 50.

и врагами Московскаго великаго князя Василія Васильевича. Чтобы показать, что условіе это опредѣляется преобладаніемъ одной стороны надъ другой, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Единственный договоръ, гдѣ упоминается о томъ, что друзья и недруги общи для обѣихъ сторонъ, заключенъ въ 1440 году. Въ 1439 г. на Москву напалъ ханъ Улу-Махметъ. Дмитрій Шемяка не пришелъ на помощь Василію Васильевичу, какъ этого требовалъ договоръ, заключенный въ 1436 г.[96]). За это Василій Васильевичъ началъ противъ него военныя дѣйствія. Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ. Затѣмъ онъ, въ свою очередь, подошелъ къ Москвѣ и здѣсь заключенъ былъ этотъ договоръ[97]). Ясно, что, съ одной стороны, Василій Васильевичъ не могъ играть передовой роли, находясь подъ страхомъ нападенія, съ другой стороны, ему нужно было, чтобы Шемяка подтвердилъ еще разъ, что у нихъ одни друзья и враги. Этимъ объясняется общая форма того договора. Теперь укажемъ примѣры преобладанія. Въ договорѣ Симеона Ивановича съ братьями, какъ мы уже видѣли, преобладаніе на сторонѣ старшаго брата, какъ болѣе энергичнаго.

Въ договорѣ Юрія Дмитріевича съ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ 1428 года[98]) преобладаніе малолѣтняго Василія Васильевича объясняется тѣмъ, что въ 1427 году Софья Витовтовна, его мать, поручила Московское княженіе и сына своему отцу, великому князю Литовскому Витовту[99]). Въ договорѣ 1433 года великаго князя Рязанскаго Ивана Ѳедоровича съ великимъ княземъ Московскимъ Юріемъ Дмитріевичемъ[100]) Иванъ Ѳедоровичъ былъ стороною слабѣйшею—онъ въ 1430 г. былъ даже принужденъ заключить унизительный договоръ съ Витовтомъ[101]). Кромѣ того, онъ былъ племянникомъ Юрія Дмитріевича и, вѣроятно, подчинился вліянію своего энергичнаго дяди. Этими примѣрами мы ограничимся. Замѣтимъ еще, что во всѣхъ договорахъ сторона дающая тонъ—сторона сильнѣйшая. Впрочемъ, часто это преобладаніе вытекаетъ не изъ договора: мы имѣемъ нѣкоторые договоры[102]), гдѣ, напр., условіе единенія выгодно для обѣихъ сторонъ, а друзья и недруги одной стороны должны быть друзьями и недругами другой безъ обратнаго упоминанія. Такой же характеръ носитъ условіе: „*всести на конь*“ вмѣстѣ съ одною стороною. Оно тоже не представляетъ особенности отно-

96) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 56—57.
97) „Истор. Рос. съ древн. вр.“, т. IV, стр. 64.
98) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 43—44.
99) „Ист. Рос. съ древн. вр.“, т. IV, стр. 54—55.
100) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 48.
101) А. А. Э., т. I, № 25.
102) А. отн. къ ист. Зап. Рос., т. I, № 50.

шеній одной изъ группъ; мы одинаково находимъ его и въ договорахъ великихъ князей съ удѣльными и великихъ князей съ великими. Постоянно мы видимъ, что на сторонѣ, которая требуетъ, чтобы другая *„всѣла на конь"*, съ прибавленіемъ, иногда, *„безъ ослушанья"* болѣе силы. Приведу нѣкоторые примѣры изъ договорныхъ грамотъ удѣльныхъ князей съ великими и великихъ съ великими. Въ договорѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ 1362 года [103]) мы находимъ, что преобладаніе на сторонѣ великаго князя Московскаго. Послѣ смерти Ивана Ивановича остались два малолѣтнихъ сына: Дмитрій и Иванъ и племянникъ Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій. Въ ордѣ ярлыкъ на великое княженіе добылъ Дмитрій Константиновичъ Суздальскій. Но бояре Московскіе перекупили ярлыкъ у хана и съ помощью Тверскаго и Рязанскаго великихъ князей отправились войною на Суздальскаго князя. Тотъ уступилъ и Дмитрій трудами бояръ Московскихъ сѣлъ на великокняжескомъ столѣ [104]). Это было въ 1362 г. Договоръ относится къ тому же году, значитъ онъ заключенъ боярами Московскими, въ рукахъ которыхъ былъ малолѣтній Владиміръ Андреевичъ, съ боярами Серпуховскими. Этимъ объясняется преобладающій тонъ Дмитрія передъ Владиміромъ, такъ какъ бояре Московскіе отличались и умомъ и энергіею [105]). По поводу договоровъ великаго князя Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ и именно этого условія: *„всѣсти на конь"* Чичеринъ замѣчаетъ [106]): „это одинокая попытка, показывающая перевѣсъ одного князя надъ другимъ, но государственнаго здѣсь нѣтъ ничего". Можно прибавить еще, что это *не одинокая* попытка, а часто употребляющееся средство въ рукахъ болѣе сильныхъ князей по отношенію къ болѣе слабымъ.

Возьмемъ еще договоръ. Напр., договоръ Дмитрія Юрьевича Шемяки съ Суздальскими князьями Өедоромъ и Василіемъ Юрьевичами 1446 года [107]). Договоръ этотъ заключенъ въ трудное время для Шемяки и казалось бы опровергаетъ то, что преобладаніе на сторонѣ, требующей отъ другой *„всѣсти на конь"*. Но разсмотримъ обстоятельства, при которыхъ заключенъ этотъ договоръ. Шемяка, ослѣпивъ Василія Васильевича, сослалъ его въ Угличъ; туда же заманилъ хитростью и его дѣтей [108]). Въ его власти было мириться съ нимъ или держать въ заключеніи и въ это время онъ заключилъ

---

[103]) С. Г. Гр. и Д., т. 1, № 27.
[104]) „Ист. Рос. съ др. вр.", т. III, стр. 319.
[105]) Ibid., стр. 319—320.
[106]) „Оп. по ист. рус. пр.", „Дух. и дог. гр. удѣл. и вел. кн.", стр. 305.
[107]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 62.
[108]) „Ист. Рос. съ др. вр.", т. IV, стр. 74.

договоръ съ князьями Суздальскими, у которыхъ былъ сильный врагъ въ лицѣ вѣрнаго союзника Шемяки, Ивана Андреевича Можайскаго, которому Дмитрій обѣщалъ отдать княженіе Суздальскихъ князей. Итакъ, очевидно, преобладаніе на сторонѣ Дмитрія. Но чѣмъ тогда объяснить нѣкоторыя льготныя условія этого договора въ пользу Суздальскихъ князей? Мы думаемъ, что это объясняется тѣмъ, что самъ Дмитрій Шемяка не чувствовалъ себя въ силѣ требовать только-что разобраннаго условія безвозмездно. Онъ потребовалъ, чтобы его враги были врагами Суздальскихъ князей, такъ какъ ему въ то время были очень важны союзники, чтобы не допустить ихъ собраться около Василія Васильевича. Съ другой стороны, надо замѣтить, что льготное условіе, которое мы находимъ въ пользу Суздальскихъ князей, право сношеній съ ордою, во время тогдашняго упадка орды — было очень небольшею платою за союзъ, тѣмъ болѣе, что, утвердившись на Московскомъ престолѣ, Шемяка могъ заставить Суздальскихъ князей заключить съ нимъ новый договоръ. Разберемъ теперь это условіе въ договорѣ великаго князя съ великимъ. Мы имѣемъ его, напр., въ договорѣ Тверскаго великаго князя Михаила Александровича съ великимъ княземъ Московскимъ Дмитріемъ Ивановичемъ 1368 г. 109). Этотъ договоръ былъ заключенъ во время громаднаго преобладанія Дмитрія надъ Михаиломъ. Тверскаго князя заманили въ Москву на третейскій судъ и схватили. Испуганные приближеніемъ трехъ Ордынскихъ царевичей, его выпустили, но заставили предварительно заключить этотъ договоръ 110). Ясно, что преобладаніе тутъ было на сторонѣ Москвы. Договорная грамата великаго князя Московскаго Юрія Дмитріевича съ великимъ княземъ Рязанскимъ Иваномъ Θедоровичемъ 1433 года 111) заключена, какъ мы видѣли, при преобладаніи Москвы надъ Рязанью. Въ договорѣ того же вел. князя Рязанскаго съ вел. княземъ Московскимъ Василіемъ Васильевичемъ 1447 года 112) мы видимъ также преобладаніе Москвы надъ Рязанью. Василій Васильевичъ только-что возвратился въ Москву окруженный союзниками: Василіемъ Ярославичемъ Боровскимъ, Михаиломъ Андреевичемъ Верейскимъ, Борисомъ Александровичемъ Тверскимъ, а вел. князь Рязанскій, связанный обязательствомъ съ Литвою, тогда слабою, растерзанною усобицею, искалъ твердой опоры въ Москвѣ. Въ договорѣ этомъ сказано: *„а пойдетъ на насъ князь Литовскій и тебѣ самому* (т.-е. вел. кн. Вас. Вас.)

---

109) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 28.
110) „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. III, стр. 324.
111) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 48.
112) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 65.

насъ боронити“, это показываетъ страхъ Рязанскаго вел. князя передъ Литвою. Ясно, что преобладаніе было на сторонѣ Москвы. Это же мы замѣчаемъ и во всѣхъ договорахъ, гдѣ мы находимъ это условіе: „*всѣсти на конь*“.

И такъ, мы видимъ, что условіе единенія, какъ цѣль договоровъ, не модифицируется; способы же единенія измѣняются соотвѣтственно вліянію и силѣ князей, заключившихъ договоръ.

Затѣмъ мы находимъ въ междукняжескихъ договорныхъ граматахъ условіе: „*хотѣти добра*“, такъ напр.: „*а добра ти мнѣ хотѣти во всемъ, а мнѣ, князю великому тобе, брата своего держати въ братьствѣ и безъ обиды во всемъ*“ [113]), или просто: „*добра ти намъ хотѣти во всемъ безъ хитрости*“ [114]). Иногда это условіе взаимное [115]): въ одной половинѣ договора „*а добра вы мнѣ хотѣти во всемъ*“ въ пользу одного князя, а въ другой половинѣ въ пользу другаго князя. Иногда даже въ одной редакціи мы имѣемъ это условіе въ пользу обѣихъ сторонъ. Такъ: „*а хотѣти ми, господине, добра тобѣ своему господину, а тобѣ, моему господину, великому князю меня держати въ братствѣ и во чти безъ обиды и добра, господине, мнѣ хотѣти такоже во всемъ вездѣ безъ хитрости*“ [116]). Къ этому условію обыкновенно еще присоединяется дополнительное: „*а что слышевъ ото крестьянина или отъ поганина о нашемъ добрѣ или о лисѣ, то ти намъ повѣдати въ правду, по цѣлованью, безъ хитрости*“ [117]). Это условіе представляетъ вторую, отрицательную сторону условія: „*быть за одинъ*“. Условіе единенія требуетъ союза. Условіе „*хотѣти добра*“ требуетъ, чтобы союзникъ не заводилъ измѣны. Условіе это, значитъ, требуетъ хранить союзъ. Условіе сообщать „*о лисѣ и о добрѣ*“ вводится потому, что у князей не было пословъ другъ у друга и только случайно они могли узнавать о замыслахъ сосѣдей. Условіе „*хотѣти добра*“, мы встрѣчаемъ во всевозможныхъ договорахъ князей; оно не ограничиваетъ никого и не даетъ никакихъ правъ, а представляетъ простое требованіе политики; но и здѣсь мы находимъ требованіе „*хотѣти добра*“ направленнымъ со стороны сильнѣйшей къ болѣе слабой. Условіе сообщать „*о добрѣ и о лисѣ*“ равно встрѣчается съ обѣихъ сторонъ. Укажемъ примѣры для условія „*хотѣти добра*“. Во всѣхъ договорахъ Дмитрія

---

[113]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 27, 29, 49—50 и др.

[114]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 33, 36, и др. А. А. Э., т. I, № 29.

[115]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 76—77, 115—116. А. отн. къ ист. Зап. Рос., т. I, № 50.

[116]) С. Г. Гр. и Д., т. 1, № 95.

[117]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 36, 43—44 и др.

Ивановича Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ [118]) мы видимъ на сторонѣ Дмитрія Ивановича силу, и отъ его лица обращено требованіе *„хотѣти добра“*. Также и въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Тверскимъ вел. княземъ Михаиломъ Александровичемъ [119]), какъ указано выше, преобладаніе на сторонѣ Дмитрія Ивановича и т. д. Надо еще прибавить, что это условіе, какъ несущественное, не всегда и встрѣчается, а иногда встрѣчается безъ дополнительнаго условія *„повѣдати о добрѣ и о лисѣ“*. Гораздо существеннѣе слѣдующее условіе, которое мы встрѣчаемъ во всѣхъ княжескихъ договорахъ одинаково для обѣихъ сторонъ и независимо отъ ихъ положенія соціальнаго и отъ ихъ силы. Условіе это *„блюсти удѣлы и примыслы“*. Его мы встрѣчаемъ въ видѣ: *„а вотчины нашіе Москвы и всего великаго княженія и Новгорода великаго блюсти, а не обидѣти“* [120]), или: *„а въ твой ми удѣлъ даньщиковъ своихъ и приставовъ не всылать, такоже и тобѣ въ мой удѣлъ даньщиковъ своихъ и приставовъ не всылать, ни во все мое великое княженіе* [121]). Къ этому прибавляется условіе взаимномъ соблюденіи промысловъ, т.-е. того, что каждый князь себѣ прикупитъ или завоюетъ. Такъ: *„или кто изъ насъ, брате,... что промыслилъ или прикупилъ, или кто посемъ что прикупитъ или примыслитъ чтоже... своимъ волостемъ и того блюсти, а не обидѣти“* [122]). Это условіе встрѣчается рѣшительно во всѣхъ договорахъ. Мы имѣемъ нѣкоторые договоры совершенно невыгодные для одной стороны, даже подчиняющіе одну сторону другой, почти на условіяхъ служебныхъ. Напр., договоръ вел. князя Рязанскаго Ивана Θедоровича съ Литовскимъ вел. княземъ Витовтомъ 1430 г. [123]). Тутъ великій князь Рязанскій ставится въ подчиненныя отношенія къ Витовту — это видно изъ самаго начала договора: *„господину осподарю моему великому князю Витовту, се язъ князь великій Иванъ Θедоровичъ Рязанскій добилъ есмь челомъ далъ ся ему на службу и осподарь мой князь великій Витовтъ принялъ меня князя великаго Ивана Θедоровича на службу“*. Какъ видно, отношенія чисто служебныя, о какой-нибудь равноправности и говорить нельзя, а между тѣмъ мы и здѣсь встрѣчаемъ условіе, чтобы Витовтъ не вступался въ удѣлъ великаго князя Рязанскаго. Это же мы находимъ въ договорѣ князя Пронскаго Ивана Владиміровича съ ве-

---

[118]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 27, 29, 33, 35.

[119]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 28.

[120]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 28.

[121]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 27, 29, 33, 35 и др. А. А. Э., т. I, №№ 10, 14 и др. А. отн. къ ист. Зап, Рос., т. I, №№ 33, 41 и др.

[122]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 23.

[123]) А. А. Э., т. I № 25.

ликимъ княземъ Витовтомъ [124]) и въ договорѣ князя Ѳедора Львовича Новосильскаго и Одоевскаго съ великимъ княземъ Литовскимъ и королемъ Польскимъ Казиміромъ [125]). Это же условіе встрѣчается и во всѣхъ договорахъ князей между собою. Условіе это одно изъ самыхъ важныхъ условій княжескихъ договоровъ. Имъ обезпечивалось за каждымъ княземъ внутреннее управленіе его княженія. Какъ бы ни былъ князь ограниченъ съ внѣшней стороны, внутри онъ былъ господиномъ, и за нимъ оставались всѣ функціи княжескаго управленія: судъ, предводительство войскомъ, сборъ повинностей и т. д. Это было всеобщее правило. Чичеринъ говоритъ даже [126]) по поводу подробной (съ перечисленіемъ удѣловъ) редакціи этого условія о соблюденіи удѣловъ: „изъ всѣхъ удѣльныхъ князей не было ни одного, который призналъ бы себя въ такой зависимости отъ великаго, какъ Владиміръ Андреевичъ отъ Дмитрія Донскаго, а между тѣмъ съ этихъ-то договоровъ и начинаются подробныя условія, которыя потомъ повторяются въ послѣдующихъ, заключенныхъ съ его внукомъ. Изъ этого мы должны заключить, что подробныя условія являлись именно тамъ, гдѣ нужно было оградить слабѣйшаго князя отъ сильнѣйшаго“.

Итакъ, условіе о соблюденіи удѣловъ встрѣчается во всѣхъ договорахъ, но тонъ этого условія измѣняется соотвѣтственно силѣ и преобладанію сторонъ, заключавшихъ договоръ. Иногда мы встрѣчаемъ съ одной стороны обѣщаніе: *„печаловатися тобою и твоею волостью“* [127]), т.-е. обѣщаніе заботиться, чтобы твои границы не нарушались сосѣдями. Это находится, понятно, въ договорахъ со слабѣйшими князьями, хотя не необходимое слѣдствіе ихъ слабости: мы не во всѣхъ договорахъ слабыхъ съ сильными князьями находимъ условіе *„печаловатися“*. Приведемъ примѣры, гдѣ условіе это встрѣчается: въ договорной грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича съ братьями Андреемъ и Петромъ Дмитріевичами 1405 года [128]), нравственное преобладаніе было на сторонѣ великаго князя (см. выше). Въ договорѣ великаго князя Василія Васильевича съ князьями Можайскимъ Иваномъ и Верейскимъ Михаиломъ Андреевичами 1433 года [129]) мы находимъ, что Василій Васильевичъ трудами своего боярина Ивана Дмитріевича получилъ великокняжескій престолъ. Отъ отца онъ получилъ удѣлъ, усиленный Муромомъ и Нижнимъ-Новгородомъ, а князья Иванъ и Михаилъ наслѣдовали свои владѣнія отъ своего отца Андрея Дми-

[124]) А. А. Э., т. I, № 26.
[125]) А. отн. къ ист. Зап. Рос., т. I, № 41.
[126]) „Опыты по Ист. рус. пр.“, „Дух. и дог. гр. уд. и вел. кн.“, стр. 307.
[127]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 37, 46, 52—53, 54—55 и др.
[128]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 37.
[129]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 46.

тріевича: первый получилъ Можайскъ, а второй Верею. Этимъ и ограничивались ихъ владѣнія. Слабость этихъ князей и потомъ заставляла ихъ неоднократно передаваться на сильнѣйшую сторону изъ борющихся: Василія Васильевича или Юрія Дмитріевича и Дмитрія Юрьевича Шемяки. Въ доказательство того, что условіе „*печаловатися*“ не необходимо встрѣчается въ договорахъ слабыхъ съ сильными князьями, укажемъ на договоръ Дмитрія Ивановича Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ 1362 г. [130]), въ которомъ нѣтъ этого условія, а между тѣмъ Владиміръ Андреевичъ, какъ сказано выше былъ въ невыгодномъ положеніи относительно Дмитрія Ивановича. Условіе о соблюденіи удѣловъ еще дополнялось условіями „*закладней не держати*“ [131]) въ чужомъ княженіи, т.-е. не имѣть заложенной недвижимой собственности. „*Селъ и деревень въ твоемъ удѣлѣ не купить*“,[132]) ни князю, ни его боярамъ. Этими условіями также обезпечивалась внутренняя самостоятельность отдѣльныхъ княженій, такъ какъ доходъ съ владѣній чужаго князя шелъ въ чужую казну, да внутри этихъ владѣній управлялъ чужой князь. Еще мы находимъ условіе, которое можно здѣсь упомянуть; это: „*печаловатися княгинею и дѣтьми*“ [133]) послѣ смерти одной стороны и „*неподъискиватися подъ дѣтьми нѣкоторою хитростію*“ [134]).

Въ заключеніе позволимъ себѣ привести слова В. И. Сергѣевича [135]): „Во весь княжескій періодъ мы не встрѣчаемъ ни одной попытки подчинить внутреннее управленіе и судъ нѣсколькихъ волостей, имѣющихъ своихъ особыхъ князей, какому-либо одному князю; эта мысль совершенно чужда разсматриваемой эпохѣ“.

Б. Условія договоровъ великихъ князей съ удѣльными.

Въ этомъ отдѣлѣ мы постараемся разобрать условія, которыя опредѣляли отношенія удѣльныхъ князей къ великимъ и отличали ихъ отъ другихъ отношеній. Понятно, что всѣ эти условія опредѣлялись уже не силою сторонъ ихъ заключившихъ, а ихъ соціальнымъ положеніемъ. Какъ мы увидимъ, тонъ этихъ условій иногда измѣнялся сообразно могуществу того или другаго князя, но существо ихъ оставалось постоянно одно и то же. Въ началѣ этого отдѣла мы упо-

130) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 27.
131) С. Г. Гр. и Д. т. I, № 28, 33 и др.
132) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 23 и др.
133) С. Г. Гр. и Д. Д., т. I, № 23 и др.
134) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 99—100 и др.
135) „Вѣче и князь“, стр. 149.

мянемъ объ одномъ условіи, которое по существу своему принадлежитъ къ условіямъ договоровъ удѣльныхъ князей съ великими, но встрѣчается въ трехъ договорахъ Литовскаго и Московскаго великихъ князей съ великими князьями Рязанскими Иваномъ Ѳедоровичемъ и Иваномъ Васильевичемъ 136). Условіе это: *„не канчивати“*, т.-е. обязательство не заключать договоровъ безъ вѣдома союзника. Условіе это можетъ не зависѣть отъ силы стороны, заключающей его, и не ограничивать ее — тогда оно двустороннее. Но можетъ и быть написаннымъ въ пользу только великаго князя. Въ первомъ случаѣ оно встрѣчается въ такомъ видѣ: *„а тобѣ, господине, князь великій, безъ насъ недоканчивати ни съ кѣмъ, а братьѣ твоей молодшей безъ тобе не доканчивати ни съ кѣмъ“* 137), или: *„а тобѣ, брату моему молодшему, безъ мене не доканчивати, не ссылатися ни съ кѣмъ-же, тakоже и мнѣ безъ тобе“* 138). Во второмъ случаѣ условіе это бываетъ: *„а тобѣ любви не имати, не канчивати ни съ кѣмъ безъ моего вѣданіа, а съ кѣмъ язъ иму любовь и доконъчанье и мнѣ въ доконъчальную грамоту писать тобя* [иногда: *и мнѣ и тобя съ тѣмъ учинить въ доконъчаньи*] 139). Мы находимъ это условіе во всѣхъ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и силы ихъ и, какъ сказано, въ трехъ договорахъ великихъ князей съ великими. Какъ извѣстно, Иванъ Ѳедоровичъ великій князь Рязанскій, былъ послѣднимъ независимымъ княземъ Рязанскимъ. Уже онъ долженъ былъ искать опоры то въ Литвѣ, то въ Москвѣ. Въ договорѣ съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ 1430 г. 140), гдѣ мы находимъ условіе *не канчивати*, Рязанскій князь совершенно вступаетъ въ служебныя отношенія къ Литвѣ; онъ *„добилъ челомъ осподарю своему, далъ ся ему на службу“*. Поэтому этотъ договоръ нельзя разсматривать какъ договоръ великаго князя съ великимъ. Онъ совершенно сходенъ съ договоромъ великаго князя Витовта съ княземъ Пронскимъ 141), который даже не названъ великимъ, хотя отецъ его, Владиміръ Пронскій, названъ въ договорной грамотѣ Дмитрія Донскаго съ Литовскимъ великимъ княземъ Ольгердомъ 1371 г. 142), великимъ княземъ. Мы думаемъ, что и Рязанскій великій князь, если бы оставался въ служебныхъ отношеніяхъ къ Литвѣ, утратилъ бы свое званіе великаго. Конечно, въ этомъ положеніи вещей

136) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 65, 115—116. А. А. Э., т. I, № 25.
137) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 23.
138) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 27, 33, 35, 37 и др.
139) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 65, 52—53, 71—72, 115—116 и др.
140) А. А. Э., т. I, № 25.
141) А. А. Э., т. I, № 26.
142) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 31.

большую роль играла сила Литвы по отношенію къ Рязани, и мы не можемъ признать, чтобы здѣсь условіе *не канчивати* опредѣлялось соціальнымъ положеніемъ князей; но можно думать, что отношенія Ивана Ѳедоровича къ Литвѣ были переходною ступенью къ отношеніямъ удѣльныхъ князей къ великимъ. По поводу договорной граматы Ивана Ѳедоровича съ великимъ княземъ Московскимъ Василіемъ Васильевичемъ 1447 года [143]), я приведу слова С. М. Соловьева [144]): „Отъ служебныхъ отношеній къ великому князю Литовскому Рязанскому великому князю легко, естественно, переходить въ служебныя отношенія къ великому князю Московскому; это была для него уже не новость“. Мы дѣйствительно находимъ длинное опредѣленіе въ этомъ договорѣ того, что великій князь Рязанскій не можетъ имѣть внѣшнихъ сношеній помимо Москвы: онъ какъ политическая единица уничтожается. Умирая въ 1456 г., онъ передалъ своего малолѣтняго сына Василія Московскому князю, который послалъ въ рязанскій удѣлъ своихъ намѣстниковъ [145]). Въ 1464 г. Иванъ Васильевичъ III отпустилъ великаго князя Рязанскаго Василія Ивановича въ Рязань, но тотъ скоро возвратился и женился на сестрѣ великаго князя Аннѣ. Въ 1483 году онъ умеръ, оставя сыновей Ивана и Ѳедора. Иванъ Васильевичъ Рязанскій заключилъ съ великимъ княземъ Московскимъ договоръ въ 1483 г. [146]), совершенно сходный съ договоромъ его дѣда; но къ условію того договора прибавляется условіе давать деньги на содержаніе Татарскаго царевича Даньяра, чего не было раньше ни въ одномъ договорѣ великихъ князей съ великими. Это условіе, какъ это будетъ показано ниже, было отличительнымъ условіемъ удѣльныхъ князей съ великими. Такимъ образомъ этого великаго князя Рязанскаго мы можемъ считать совершенно приравненнымъ къ удѣльнымъ Московскимъ князьямъ и носящимъ только титулъ великаго князя, оставленный ему, благодаря его слабости и зависимости. Во всѣхъ остальныхъ договорахъ великихъ князей съ великими мы или вовсе не встрѣчаемъ условія „*не канчивати*“ [147]) или встрѣчаемъ его въ специальной формѣ, съ указаніемъ съ кѣмъ не канчивати, но безъ упоминанія этого слова [148]) (объ этотъ смотр. ниже). Такимъ образомъ, какъ правило абсолютно необходимое, это

---

[143]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 65.

[144]) „Ист. отн. кн. Рюрик. дома“, стр. 483.

[145]) „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. IV, стр. 90.

[146]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 115—116.

[147]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 31, 48, 76—77, 88—89, А. отн. къ ист. Зап. Рос., т. I, №№ 33, 50, 51, 79.

[148]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 32, 36, 119—120. А. А. Э., т. I, №№ 14, 33.

условіе встрѣчается только во всѣхъ договорахъ великихъ князей съ удѣльными; только между ними такая тѣсная связь, что союзы заключаются сообща. Въ началѣ это условіе было двусторонне; великій князь также, какъ и удѣльный, обѣщалъ *„не канчивати"*. Но постепенно, когда удѣльные князья стали переходить на степень служебныхъ князей, когда великіе князья стали смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ вассаловъ, мы замѣчаемъ, что удѣльные князья обѣщаютъ не канчивати, не ссылатися и цѣлованье сложити къ другимъ князьямъ, а великіе князья обѣщаютъ писать удѣльныхъ въ цѣловальныя граммоты, т.-е. оставляютъ за собою право инициативы въ заключеніи союзовъ, хотя все-таки обѣщаютъ оповѣщать объ этомъ своихъ союзниковъ [149]). Такого рода форма договоровъ начинаетъ употребляться съ 1434 года, съ договора великаго князя Московскаго Василія Васильевича съ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякою [150]). Обѣ эти формы условія совершенно не зависятъ отъ силы союзниковъ, но вытекаютъ изъ ихъ политическихъ отношеній. Во время возвышенія Москвы на Руси было нѣсколько великихъ князей, подразумѣвая подъ этимъ независимыхъ государей. Забѣлинъ говоритъ [151]), что титулъ великаго князя означалъ старшаго въ своей волости. Никоновская лѣтопись [152]) называетъ великими князьями Дмитрія Ивановича Московскаго, Дмитрія Константиновича Суздальскаго, Андрея Константиновича Суздальскаго. Кромѣ того, великими князьями были: князь Литовскій, князь Тверской, князь Рязанскій, князь Смоленскій, князь Пронскій [153]). Скоро Дмитрій Константиновичъ былъ побѣжденъ Москвою и потерялъ свое значеніе, Андрей Константиновичъ умеръ, Пронскій князь сдѣлался служебнымъ княземъ Литовскимъ, Смоленскій князь Святославъ былъ убитъ въ 1386 году въ битвѣ съ Литовцами у Мстиславля, а въ Смоленскъ былъ посаженъ князь

---

[149]) Условіе: *„а хотя будеши съ кѣмъ въ целованьи и къ тому тебѣ целованье сложити"* встрѣчается и независимо отъ условія *„не канчивати"*, хотя обыкновенно вмѣстѣ съ нимъ—по этому мы упоминаемъ объ немъ здѣсь.—Отдѣльно отъ условія *не канчивати* это условіе иногда встрѣчается и въ договорахъ вел. князей съ великими для обезпеченія договору большей крѣпости. Напр. въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Михаиломъ Тверскимъ 1368 г. [С. Г. Гр. и Д , т. I, № 28] со стороны Тверскаго князя. Это условіе опредѣлялось силою сторонъ его заключившихъ: складывала цѣлованье сторона слабѣйшая. Можно указать, что и Моск. вел. князья даютъ такое обѣщаніе: напр. въ договорѣ 1398 г. Василій Дмитріевичъ обѣщалъ Михаилу Александровичу сложить цѣлованье къ Литвѣ [А. А. Э., т. I, № 14].

[150]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 52—53.

[151]) „Домашній бытъ русскихъ царей", ч. I, изд. 1862 г., стр. 6.

[152]) „Полн. Собр. Рус. Лѣт.", т. X, Ник. Подъ лѣтомъ 6869 (1360 г.).

[153]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 31.

изъ Литовской руки Юрій Святославичъ [154]) и съ этого времени Смоленскіе князья потеряли свое значеніе. Но оставшіеся великіе князья были независимыми государями, и сношенія ихъ были чисто международныя (объ этомъ см. ниже). Но кромѣ великихъ князей, въ каждой изъ этихъ волостей были удѣльные — Тверскіе удѣльные князья, Московскіе, Литовскіе, Рязанскіе. Первоначально удѣльные князья были въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ великими князьями. Напр. въ Москвѣ Симеонъ, Иванъ и Андрей Ивановичи; Василій, Петръ и Андрей Дмитріевичи; Иванъ, Андрей Большой, Андрей Меньшой и Борисъ Васильевичи; Василій и Юрій Ивановичи—были братьями. Дмитрій Донской и Владиміръ Андреевичъ были двоюродными братьями и т. д. Въ Твери Михаилъ Александровичъ былъ двоюроднымъ братомъ Еремѣя Константиновича и племянникомъ Василія Михаиловича. Это родство объясняется тѣмъ, что отцы раздавали удѣлы всѣмъ своимъ сыновьямъ. Въ отношеніяхъ первыхъ удѣльныхъ князей къ великимъ мы и видимъ черты чисто родственныя. До Юрія Дмитріевича и Василія Васильевича въ Москвѣ не было усобицъ; но какъ скоро ослабѣли родственныя связи, которыя еще подкрѣплялись тѣмъ, что великіе князья были обыкновенно гораздо старше и опытнѣе удѣльныхъ князей являются усобицы. Изъ такой близости вытекали всѣ эти условія, *не канчивати*, *не ссылатися съ ордою* (см. ниже). Но постепенно, когда явилось много удѣльныхъ князей, когда усложнились ихъ родственныя связи и взаимныя отношенія, великіе князья стали смотрѣть на удѣльныхъ, какъ на своихъ вассаловъ. Нѣкоторые удѣльные князья, какъ Верейскій, Боровскій, и не противились этому, видя свою слабость. Князья Галицкіе, оба энергичные и умные, стали воевать съ Москвою, были побѣждены и принуждены насильно принять новый режимъ. Такимъ образомъ, къ концу княженія Василія Васильевича Темнаго удѣльные князья дѣлаются зависимыми, вассальными. Въ Тверскомъ великомъ княженіи дѣло шло еще скорѣе, и энергичный Михаилъ Александровичъ уже обращался съ удѣльными какъ съ служебными князьями, а Борисъ Александровичъ въ договорѣ съ великимъ княземъ Витовтомъ 1427 года [155]) говоритъ: *„а дядемъ моимъ и братьѣ моей и племени моему, князи быть въ моемъ послусѣ“*. Удѣльные князья Рязанскіе изъ-за слабости великаго князя только при Иванѣ Васильевичѣ Рязанскомъ въ 1496 г. [156]) дѣлаются зависимыми князьями, вѣроятно подъ вліяніемъ Москвы, въ служебныхъ отно-

[154]) „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. III, стр. 370.
[155]) А. отн. къ ист. Зап. Рос., т. I, № 33.
[156]) С. Г. Гр. и Д. т. I, № 127.

шеніяхъ къ которой былъ уже тогда великій князь Рязанскій. Этимъ зависимымъ положеніемъ удѣльныхъ князей и объясняются тѣ условія, которыя служатъ отличительнымъ признакомъ ихъ договоровъ. Условіе *„не канчивати“*, какъ абсолютное, прямо вытекаетъ изъ близости удѣльныхъ князей къ великимъ, а потомъ при ослабленіи родственныхъ [157]) связей сохранялось въ силѣ бо́льшимъ могуществомъ великихъ князей и вліяніемъ старины. Надо замѣтить, что эта зависимость касалась только внѣшнихъ сношеній князей, какъ уже сказано выше, а внутри своей области каждый князь былъ господиномъ; укажемъ на подобное же явленіе въ отношеніяхъ князей къ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ, выясняющееся изъ льготныхъ грамотъ; даже въ XVI вѣкѣ въ жалованной грамотѣ Троицко-Сергіевскому монастырю 7133 г. (1624 г.) говорится [158]): *„а правъ ли или виноватъ монастырскій человѣкъ и онъ въ правдѣ и въ винѣ Архимандриту съ братіею, а намѣстники наши и ихъ тіуны въ монастырскаго человѣка и въ крестьянина въ праваго и въ виноватаго не вступаются-жъ ничѣмъ“*. По поводу отношеній великихъ князей къ удѣльнымъ В. И. Сергѣевичъ говоритъ [159]): „великіе князья, какъ и старѣйшины, не пользовались никакими лучшими правами сравнительно съ другими князьями. Въ дополненіе къ тѣмъ фактамъ, которые указываютъ на совершенное равенство правъ великихъ князей и просто князей и приведены въ очеркѣ исторіи княжескихъ отношеній, укажемъ еще на полные тексты договоровъ, въ большинствѣ которыхъ великіе князья опредѣляютъ свои отношенія къ князьямъ не отличеннымъ этимъ титуломъ, на совершенно равныхъ условіяхъ, продолжая тѣмъ не менѣе оставаться великими“. Намъ кажется, что это не совсѣмъ справедливо. Въ концѣ очерка исторіи княжескихъ отношеній (стр. 240—247) упоминается о князьяхъ съ Димитрія Донскаго до Ивана III и перечисляются отношенія удѣльныхъ князей къ великимъ, причемъ показывается, что они то воевали, то мирились, и мирились на условіи *„не канчивати“*. Объ отношеніяхъ великихъ князей къ великимъ не упоминается, а вопросъ и состоитъ именно въ различіи отношеній удѣльныхъ князей къ великимъ и великихъ къ великимъ. Кромѣ того, позволимъ себѣ указать, что В. И. Сергѣевичъ совершенно не упоминаетъ объ условіи *„не знати орду“*, которое (см. ниже) было самымъ

---

[157]) Надо замѣтить, что мы говоримъ о *родственныхъ* связяхъ, но отнюдь не о *родовыхъ*. Тутъ связь *не по праву* старшаго въ родѣ, *а по естественной близости* братьевъ между собою.

[158]) „Собр. Узак. Рус. Госуд.“, изд. Карновича, т. I, № 205, стр. 416. Ср. Горбунова „льготныя грам. монастырямъ“, (Арх. ист. и пр. свѣд. изд. Калачевымъ 1861 г.).

[159]) „Вѣче и князь“, стр. 263—264.

важнымъ признакомъ договоровъ удѣльныхъ князей съ великимъ [160]). Относительно условія „*не канчивати*“ В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что это условіе было то въ общей, то въ частной формѣ [161]); мы это раздѣленіе принимаемъ, но присоединяемъ къ нему еще указаніе, что общая форма принадлежала договорамъ удѣльныхъ князей съ великими, а частная, и безъ упоминанія слова „канчивати“—договорамъ великихъ князей между собою. Чичеринъ говоритъ [162]): „договоръ есть форма не государственнаго права, а гражданскаго или международнаго, ибо въ послѣднемъ государства разсматриваются, какъ свободныя, независимыя другъ отъ друга нравственныя лица. По этому если мы видимъ, что отношенія удѣльныхъ князей къ великимъ опредѣляются договорами, то мы уже изъ этого обстоятельства въ правѣ заключить, что великій князь не государь, а удѣльные не подданные. Это свободныя лица, соединенныя довольно шаткою родственною связью и вступающія въ добровольныя взаимныя обязательства“. Затѣмъ далѣе онъ говоритъ [163]): „мы не можемъ приложить здѣсь даже понятія объ отношеніяхъ международныхъ: удѣльный князь относится къ великому не только какъ самостоятельный владѣлецъ къ самостоятельному владѣльцу, но и какъ родственникъ“ и далѣе [164]): „отношенія эти были родственныя, имущественныя, договорныя, наслѣдственныя, то-есть чисто гражданскія, вращающіяся въ области частнаго права“. Дѣйствительно, отношенія удѣльныхъ князей къ великимъ не имѣютъ характера международныхъ сношеній—этимъ то они и отличаются отъ отношеній великихъ князей къ великимъ. Они не были и отношеніями подданныхъ къ государю въ настоящемъ значеніи этого слова. Были ли это отношенія родственныя, или имущественныя, или наслѣдственныя, или договорныя? Намъ кажется, что это сперва были отношенія родственныя, а потомъ отношенія вассала къ суверену. Отношеній наслѣдственныхъ не могло быть, такъ какъ если великій князь дѣлался наслѣдникомъ удѣльнаго, то объ этомъ особо писалось въ договорѣ. Если удѣльный наслѣдовалъ великому, то по правамъ родства, а не потому что онъ удѣльный князь. Имущественныя отношенія были въ томъ смыслѣ,

---

[160]) Въ послѣднемъ (1890 г.) изд. своихъ лекцій В. И. Сергѣевичъ, впрочемъ, говоритъ о сношеніяхъ съ ордою. Онъ указываетъ, что это нововведеніе Дмитрія Донскаго, но что и послѣ него князья Тверскіе и Рязанскіе сами сносятся съ ордою. (Стр. 199 пр. **). Замѣтимъ, что они сносятся потому, что были *великими*, а остальные *удѣльными*.

[161]) „Вѣче и князь“, стр. 142, 147 (примѣч. 30).

[162]) „Опыты по ист. рус. пр.“, „Дух. и дог. гр. уд. и вел. кн.“, стр. 299.

[163]) Ibid., стр. 334.

[164]) Ibid., стр. 335.

какъ указываетъ Кавелинъ 165): „каждый князь примышлялъ себѣ владѣнія и старался увеличить ихъ елико возможно. Московскіе князья были умнѣе, искуснѣе, счастливѣе другихъ и они мало-по-малу прибрали къ рукамъ всю Россію". Въ доказательство же того, что отношенія договорныя не противорѣчили въ то время отношеніямъ служебнымъ, укажемъ на договоръ князя Одоевскаго и Новосильскаго съ королемъ Польскимъ, великимъ княземъ Литовскимъ Казиміромъ 1450 г. 166) и на договоръ князя Θедора Львовича Воротынскаго съ нимъ же въ 1448 г. 167). Князь Воротынскій былъ намѣстникомъ Казиміра въ Козельскѣ. Да и самыя крестоцѣловальныя грамоты, какъ напр. Данилы Дмитріевича Холмскаго 1474 г. 168), суть договоры. М. Ф. Владимірскій-Будановъ говоритъ 169): „въ нынѣшнемъ государствѣ договоры между властію и подданными существовать не могутъ. Но въ прежнее время они составляли одинъ изъ весьма обыкновенныхъ пріемовъ установленія государственныхъ отношеній". Изъ этихъ отношеній удѣльныхъ князей къ великимъ вытекало и слѣдующее отличительное условіе ихъ договоровъ—условіе *„не знати орду"*, т. е. не имѣть сношеній съ ордою. Оно встрѣчается въ слѣдующемъ видѣ: *„а ординскія тяюсть и проторъ дати ти мнѣ брату своему старѣйшему съ своего удѣла"* 170), или: *„а дань и ямъ давати ти мнѣ съ своее отчины по давному какъ еси давалъ отцу моему, великому князю"*. И къ этому прибавлено: *„а перемѣнитъ Богъ орду, не иму давати татаромъ и тобѣ имати дань и ямъ съ своее отчины"* 171). Иногда это условіе встрѣчается въ видѣ: *„А орда знати ти великому князю, а мнѣ орды не знати"* 172). Въ началѣ, въ большинствѣ договоровъ мы встрѣчаемъ прибавленіе условія, что если великій князь не будетъ платить дани татарамъ, то и удѣльные князья ему не платятъ дани. Это объясняется тѣмъ, что они не были даньщиками великихъ князей; а то, что въ началѣ договоръ ограничивался денежною стороною, объясняется тѣмъ, что во время силы и могущества орды русскіе князья старались только о томъ, какъ бы избавиться отъ надзора орды; чѣмъ меньше они имѣли съ нею дѣлъ, тѣмъ было лучше, и великіе князья могли не опасаться, чтобы удѣльные стали

---

165) „Сочиненія", т. II, изд. 1859 г., стр. 576.

166) „А. отн. къ ист. Зап. Рос., т. I, № 63.

167) „А. отн. къи ст. Зап. Рос., т. I, № 48.

168) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 103.

169) „Христоматія по ист. рус. пр.", вып. 2-ой, изд. 1887 г., стр. 10, примѣч.

170) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 27.

171) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 43—44, 49—50.

172) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 45, 47, 52—53, 54—55, и др. А. Э. т. I, № 10.

сноситься съ татарами. Сношенія ограничивались уплатой дани, подкупомъ мурзъ и добываніемъ великокняжескихъ ярлыковъ. Но достойно замѣчанія, что и въ то время удѣльные князья не прямо платили дань въ орду, но черезъ своихъ великихъ князей: такъ было въ Москвѣ, такъ было въ Рязани [173]), и, вѣроятно, такъ было и въ Твери, такъ какъ мы видѣли, что Тверскіе великіе князья очень скоро обратили своихъ удѣльныхъ князей въ служебныхъ. Этимъ недопущеніемъ удѣльныхъ князей въ орду великіе князья, во-первыхъ, предотвращали усобицы изъ-за великокняжескаго престола, во-вторыхъ, держали въ рукахъ удѣльныхъ князей, которыхъ они могли принудить платить дань Татарамъ. Мы видимъ, что удѣльные князья сильно должали Московскимъ великимъ князьямъ: князь Юрій Васильевичъ, братъ Ивана III Васильевича, оставилъ послѣ себя долгу 752 р., Андрей Васильевичъ Меньшой — 30000 р., Михаилъ Верейскій 267 р. [174]). Этимъ условіемъ пользовались великіе князья и для того, чтобы по своему желанію давать удѣльнымъ князьямъ княжескіе ярлыки, которые они доставали отъ Татаръ. Мы видимъ, что великіе князья требуютъ отъ удѣльныхъ, чтобы они не держали у себя своихъ ярлыковъ, а выдавали ихъ великому князю. Такъ, напр., въ дог. 1451 г. Суздальскій князь Иванъ Васильевичъ обѣщается Московскому великому князю Василію Васильевичу [175]): *„а что будетъ у мене ярлыковъ старыхъ на Суждаль, и на Новгородъ на Нижній, и на Городецъ, и на все Новгородское княженіе и мнѣ, Господине, князю Ивану тѣ ярлыки всѣ отдати тебѣ великому князю и твоимъ дѣтямъ безхитростно. А новыхъ мнѣ ярлыковъ не имати“*. Но послѣ Куликовской битвы русскіе князья увидѣли, что Татары побѣдимы; орда стала распадаться, ослабѣла. Татарскіе царевичи поступали на службу великихъ князей Московскихъ (напр. Даньяръ). Тогда мы видимъ, что условіе *„платити ямъ и проторъ“* измѣняется въ условіе *„не знати орды“*, т.-е. не имѣть сношеній съ ордою. Почему? Вѣдь было уже условіе *„не канчивати“*? Но то было условіе обоюдное, а татарская сила настолько еще была велика, что въ рукахъ умныхъ и энергичныхъ князей была грозна и опасна. Мы видимъ, что великіе князья Московскіе нанимаютъ на службу себѣ Татаръ — напр. Василій Васильевичъ Московскій [176]). Условіе *„не знати орды“* не позволяло удѣльнымъ князьямъ пользоваться этимъ же средствомъ. С. М. Соловьевъ [177]) думаетъ, что знать орду, значитъ платить ей дань. Но

---

[173]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 127.

[174]) „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. V, стр. 211.

[175]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 80—81.

[176]) „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. IV, стр. 69.

[177]) „Ист. отн. кн. Рюрикова дома“, стр. 326.

Кавелинъ справедливо замѣчаетъ [178]): „Едва ли такъ. Слово „*знать*“ имѣетъ болѣе широкій смыслъ и значитъ вообще имѣть сношенія, для чего бы то ни было“. Чичеринъ говоритъ [179]) по поводу этого условія: „это временное отношеніе къ внѣшнимъ побѣдителямъ, въ которомъ самый могущественный князь стоитъ на первомъ планѣ“. Но почему оно существовало только среди отношеній удѣльныхъ князей къ великимъ? Почему великіе князья даже въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ не обязывались „*не знати орды*“? Если бы это было слѣдствіемъ могущества великихъ князей, то оно распространялось бы на всѣхъ одинаково. Лишь князь получалъ бы перевѣсъ, онъ сбрасывалъ бы съ себя это условіе. Мы, правда, видимъ, что Суздальскіе князья Василій и Ѳедоръ Юрьевичи въ договорѣ съ Димитріемъ Шемякою 1446 г. выговариваютъ себѣ: „*а орда намъ, господине, знати собою*“ [180]), но это былъ единичный фактъ и при томъ въ исключительныхъ обстоятельствъ, какъ мы это видѣли выше. Но уже Василій Васильевичъ Темный въ договорѣ 1447 г. [181]) уничтожилъ это условіе, и дѣло возвратилось къ старому порядку вещей. Въ другихъ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими мы не находимъ, чтобы при какихъ-либо обстоятельствахъ выговаривалось условіе „*знати орду*“, хотя мы имѣетъ договоры, гдѣ, кромѣ условія „*не знати орды*“ и нѣкотораго превосходства въ тонѣ со стороны великаго князя, замѣчается совершенное равенство. Такимъ образомъ мы видимъ, что условіе „*не знати орды*“ прямо вытекало изъ взаимнаго положенія удѣльныхъ и великихъ князей, сперва какъ близкихъ родственниковъ, потомъ какъ вассаловъ и сувереновъ. Послѣднее условіе договоровъ удѣльныхъ князей съ великими касается формы выраженія. Удѣльные князья обязываются: „*держать подъ великимъ княземъ великое княженіе честно и грозно*“ [182]). Условіе это встрѣчается не во всѣхъ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими и никакихъ выгодъ великому князю не даетъ. Это просто способъ выраженія, равнозначущій, „*блюсти удѣлы*“, хотя встрѣчается и въ тѣхъ договорахъ, гдѣ условіе „*блюсти удѣлы*“ есть. Такая тавтологія объясняется тономъ этого условія—болѣе почтительнымъ. Но должно замѣтить, что это условіе встрѣчается только въ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими, хотя обыкновенно со стороны слабѣйшихъ изъ удѣльныхъ князей. Напр., въ договорахъ Владиміра Андреевича съ

---

[178]) „Сочиненія“, т. II, стр. 570.

[179]) „Опыты по ист. рус. пр.“, „Дух. и дог. гр. уд. и вел. кн.“, стр. 330.

[180]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 62.

[181]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 80—81.

[182]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 27, 29, 33, 35, 45, 47, 52—53, 54—55 и др.

Дмитріемъ Донскимъ[183]), въ договорѣ Дмитрія Шемяки съ Василіемъ Тёмнымъ 1434 г.[184]) и др. Чичеринъ замѣчаетъ[185]): „Въ самомъ дѣлѣ, что въ сущности значатъ слова: «честно и грозно»? Первоначально они относились только къ великому княжеству, т.-е. къ Владимірской области, которая имѣла свою честь, ибо обладаніе ею давало старшинство; впослѣдствіи это выраженіе перенесено и на великаго князя. Удѣльный князь долженъ былъ держать его *честно*, то-есть блюсти его честь, отдавать ему должный почетъ, и *грозно*, то-есть бояться эту честь нарушить. Это значеніе вполнѣ ясно изъ словъ, которыя во многихъ грамотахъ прибавляются къ этому выраженію: „*безъ обиды*". Держать великаго князя и великое княженіе честно и грозно, значило воздавать имъ должную честь и бояться ихъ обидѣть. Но и великій князь со своей стороны обязывался держать удѣльнаго въ чести и не обидѣть его и его владѣній. Условіе было, слѣдственно, обоюдное и на сторонѣ великаго князя былъ только бóльшій почетъ, превосходство положенія, которое обозначалось выраженіями большей почтительности". Это условіе также слѣдствіе положенія удѣльныхъ князей по отношенію къ великимъ князьямъ. Мы не видимъ его въ договорахъ великихъ князей съ великими. Является оно съ договора Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ 1362 г.[186]) и, какъ мы сказали, въ договорахъ слабѣйшихъ удѣльныхъ князей съ великими; это первоначальная, словесная форма выраженія зависимости ихъ отъ великаго князя: онъ былъ для нихъ грозенъ, они держатъ его княженіе подъ нимъ, а онъ ихъ жалуетъ. Такимъ образомъ всѣ отличительныя условія договоровъ удѣльныхъ князей съ великими вытекаютъ изъ ихъ взаимныхъ политическихъ положеній.

В. Условія договоровъ великихъ князей съ великими.

Договоры великихъ князей съ великими отличаются отъ другихъ договоровъ главнымъ образомъ своимъ международнымъ характеромъ: это договоры двухъ независимыхъ государей различныхъ государствъ. Владимірскій-Будановъ говоритъ[187]): „договоры XIV и первой половины XV в. скорѣе могутъ быть причислены къ международнымъ сдѣлкамъ и притомъ договоры между великими князьями Тверскимъ, Ря-

[183]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 27, 29, 33.
[184]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 52—53.
[185]) „Опыты по ист. рус. пр.", „Дух. и дог. гр. уд. и вел. князей", стр. 303.
[186]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 27.
[187]) „Хрест. по ист. рус. пр.", вып. 2-й, стр. 10 (прим.).

занскимъ, Московскимъ, рѣшительнѣе, чѣмъ договоры между великими князьями съ одной стороны и удѣльными съ другой" [188]). Что касается договоровъ съ удѣльными князьями, то мы старались показать, что они совсѣмъ не имѣютъ международнаго характера. Относительно же договоровъ великихъ князей съ великими повторяемъ слова Владимірскаго-Буданова. По своему тону и по условіямъ, эти договоры одинаковы и между Москвой и Литвой, и между Литвой и Тверью, и между Тверью и Москвой, а въ началѣ и ихъ всѣхъ съ Рязанью. Конечно, какъ тонъ, такъ и условія ихъ измѣнялись сообразно внѣшнимъ обстоятельствамъ, силѣ и энергіи договаривающихся сторонъ— такъ измѣняются и современные международные договоры, — но постоянно въ нихъ видна одна особенная черта — международность. Надо замѣтить, что мы употребляемъ слово *международный*, такъ какъ другаго нѣтъ. Но мы не хотимъ сказать, что въ Москвѣ былъ другой народъ, другое племя, чѣмъ въ Твери. Мы хотимъ только сказать, что Москва другое государство, чѣмъ Тверь. Какъ уже упомянуто выше, около того времени, отъ котораго дошли до насъ междукняжескіе договоры, было много великихъ князей. Постепенно твердо установились четыре великихъ княженія: Московское, Тверское, Литовское, Рязанское. Великіе князья этихъ княженій постоянно стараются подчинить себѣ одинъ другаго, что Москвѣ и удалось подъ конецъ XV столѣтія сдѣлать съ Рязанью и Тверью. Рязань была обращена въ служебное княженіе, а Тверь сразу покорена при ея князѣ Михаилѣ Борисовичѣ въ 1485 году. Ея князь бѣжалъ въ Литву. Но пока эти великіе князья были великими, мы видимъ въ ихъ договорахъ указанный выше оттѣнокъ. Главное отличительное условіе этихъ договоровъ есть: *„а въ орду путь чистъ"*—т.-е. условіе не препятствовать сношеніямъ съ ордою. Оно встрѣчается въ видѣ: *„а къ ордѣ ти, брате, и къ царю путь чистъ и твоимъ дѣтямъ и внучатамъ и твоимъ людемъ"* [189]) или въ видѣ: *„а орду, брате, мнѣ знати по старинѣ, а къ ордѣ ми, брате, черезъ твою землю путь чистъ и моимъ посломъ"* [190]). Во многихъ договорахъ [191]) объ этомъ не упоминается вовсе, но изъ этого нельзя

[188]) Въ своемъ „Обзорѣ исторіи рус. пр." 1888 г. Владимірскій-Будановъ придерживается теоріи федераціи князей. Эта теорія, имѣющая кой-какія основанія для до-монгольской Руси, ни на чемъ не основывается для Руси послѣмонгольской. Если изъ того, что были договоры, были союзы, заключать къ федераціи, то тогда всѣ Европейскія государства суть федераціи. Федерація предполагаетъ все-таки общую союзную власть—конгрессъ. Если мы и можемъ, съ грѣхомъ пополамъ, подвести подъ названіе конгресса съѣзды князей то въ послѣмонгольскій періодъ даже и ихъ не было.

[189]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 76—77, 88—89. А. А. Э., т. I, №№ 14, 33.

[190]) Р. А. „отн. къ ист. Зап. Рос.", т. I, № 50.

[191]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 31, 48, 65 и др.

заключить, что на практикѣ не существовало такого условія. Напр., въ договорѣ Рязанскаго великаго князя Ивана Васильевича 1483 г. съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Московскимъ [192]) не упоминается объ этомъ, а въ договорѣ того же Рязанскаго великаго князя съ Рязанскимъ удѣльнымъ княземъ Ѳедоромъ Васильевичемъ 1496 г. [193]) говорится, чтобы Ѳедору Васильевичу не знати орды, а знати ее великому князю, а этотъ великій князь, какъ мы видѣли выше, былъ почти служебнымъ княземъ Москвы. Если же и онъ имѣлъ путь чистъ въ орду, то значитъ это было общее правило присущее великимъ князьямъ. Условіе это въ договорахъ не установлялось, а подтверждалось, обезпечивалось. Это условіе *„знати орду“*, собственно говоря, единственное самостоятельное условіе договоровъ великихъ князей съ великими. Остальныя условія суть видоизмѣненія нѣкоторыхъ условій, которыя встрѣчаются вообще въ княжескихъ договорахъ и въ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими имъ только приданъ характеръ международности. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ нимъ, укажемъ на одну отличительную черту договоровъ великихъ князей съ великими—условіемъ это назвать трудно—это *опредѣленіе границы* между великими княженіями. Почти въ каждомъ договорѣ мы это встрѣчаемъ [194]). Въ договорахъ же удѣльныхъ князей съ великими мы ни въ одномъ не видимъ опредѣленія границы. Ясно, что два великія княженія представляли двѣ такія отдѣльныя единицы, которыя важно было—и скажемъ—возможно было разграничить. Ихъ границы были болѣе постоянны, болѣе тверды, чѣмъ границы княженій удѣльныхъ и великихъ. Наконецъ, это опредѣленіе границы даетъ указаніе на то, что великіе князья смотрѣли на иное великое княженіе, какъ на иную землю, они старались ее завоевать, но отчиною не считали. Изъ того, что границы великихъ княженій установлялись великими князьями для всей волости, включая сюда и удѣлы, мы опять утверждаемся въ мысли, что великіе князья были представителями всей волости. Слѣдующее условіе, которое мы находимъ въ договорныхъ грамотахъ великихъ князей съ великими—это спеціальное, частное условіе о мирѣ и войнѣ съ опредѣленными врагами. Оно замѣняло условіе объ общности друзей и враговъ и условіе *„не канчивати“*. Оно писалось такъ [195]): *„съ татары оже намъ будетъ миръ, по думѣ: а будетъ намъ дати выходъ, по думѣ же; а будетъ не дати, по думѣ же. А пойдутъ на насъ татарове или на тобе,*

---

[192]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 115 -116.
[193]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 127.
[194]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 48, 65, 76—77, 88—89 и др.
[195]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 28.

битися намъ тобѣ съ одного всѣмъ противу ихъ или мы пойдемъ на нихъ и тобѣ съ нами съ одного пойти на нихъ", или [196]): „*а коли имѣшь килчѣя* (посла) *слати въ орду и то ти намъ явити. А что ти слышевъ отъ орды, а то ти намъ повѣдати, а вѣсти ти намъ отсылати; а отдалится отъ насъ орда, тобѣ съ нами учинити по думѣ*", или: „*а быти намъ, брате, на татары и на ляхи и на Литву и на Нѣмци за одинъ и на всякаго нашего недруга*" [197]). Также говорится: „*а ци, брате, по грѣхомъ пойдетъ на насъ царь ратью или рать татарская; и тебѣ, брате, намъ помочь послати въ правду, безъ хитрости; а пойдутъ, брате, на насъ Литва Ляхове, или Нѣмци; и тебѣ, брате, къ намъ на помочь самому всѣсти на конь и со своею братьею молодшею въ правду, безъ хитрости; а котораго ти, брате, князя надо оставити себѣ на сторожѣ и тобѣ его оставити* [198]), или: „*а будетъ намъ, брате, взяти любовь съ Витовтомъ или съ Литвою и намъ, брате, безъ тобе любви не взять ни безъ твоихъ дѣтей ни внучатъ; а вамъ, брате, безъ насъ любви съ ними не взять, тобѣ ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ внучатомъ, ни безъ нашихъ братьевъ, ни безъ нашихъ дѣтей*" [199]). Мы видимъ, что общее условіе *не канчивати* здѣсь замѣнено указаніемъ, съ кѣмъ не заключать договоровъ. Великій князь Московскій Василій Дмитріевичъ и Тверской Михаилъ Александровичъ по договору 1398 г. [200]) могли заключать договоры съ Рязанью, но имъ важно было уговориться не заключать другъ безъ друга договоровъ съ Витовтомъ, такъ какъ Московскій князь былъ съ нимъ во враждѣ изъ-за Новгорода [201]), а договоръ писался въ пользу Тверскаго князя, словомъ, этого требовала политика того и другаго князя. Такъ же въ договорахъ объ общности друзей и враговъ между великими князьями упоминается всегда, противъ какихъ враговъ и эти враги измѣняются, смотря по обстоятельствамъ. Напр., въ договорѣ Дмитрія Ивановича Донскаго съ Тверскимъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ 1368 г. [202]) упоминается о совмѣстномъ дѣйствіи только противъ Татаръ, такъ какъ для великаго князя Московскаго они представлялись самымъ главнымъ врагомъ, а договоръ написанъ въ пользу Москвы; въ договорѣ же того же Тверскаго князя съ великимъ княземъ Московскимъ Василіемъ

---

196) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 36.
197) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 76—77, 88—89.
198) Ibid.
199) А. А. Э., т. I, № 14.
200) Ibid.
201) „Ист. Рос. съ др. вр.", т. IV стр. 30.
202) С. Г. Гр. и Д., т. 1, № 28.

Дмитріевичемъ 1398 г. [203]) еще прибавляются Нѣмци и Литва и Ляхи, такъ какъ для обоихъ великихъ князей были важны отношенія къ ордену, къ Витовту, къ Ягайлѣ и т. д. Такимъ образомъ условіе это не абсолютное, а частное, по извѣстному случаю. Во многихъ договорахъ мы вовсе не находимъ его [204]). Между тѣмъ ни въ одномъ договорѣ удѣльнаго князя съ великимъ мы не встрѣчаемъ спеціальнаго указанія, что съ такимъ-то княземъ не сноситься, и противъ такихъ-то быть за одинъ. Мы, правда, имѣемъ въ одномъ договорѣ великаго князя Московскаго Василія Васильевича съ княземъ Галицкимъ Юріемъ Дмитріевичемъ 1433 г. [205]) условіе: *„а въ Литву ти у мене помощи не имати“*, но это условіе отрицательнаго характера и объясняется тѣмъ, что въ Литвѣ княжилъ побратимъ и своякъ Юрія Дмитріевича Свидригайло [206]). Въ остальныхъ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими даже и не упоминается объ опредѣленныхъ княженіяхъ, а просто говорится *„не канчивати“*. Конечно, мы видимъ, что въ зависимости отъ обстоятельствъ, отъ ума и энергіи великихъ князей то одинъ беретъ верхъ, то другой, но надо замѣтить, что всегда мы или вовсе не встрѣчаемъ упоминанія объ условіяхъ ограничивающихъ внѣшнія сношенія, или встрѣчаемъ въ частной формѣ и всегда съ характеромъ международности. Съ фактомъ взаимной независимости и политическаго равенства великихъ князей между собою никто не станетъ спорить. В. И. Сергѣевичъ признаетъ это [207]) относительно всѣхъ князей вообще. С. М. Соловьевъ, который старается, какъ намъ кажется, всѣхъ подчинить Московскому великому князю, самъ указываетъ, что подчиненіе одного великаго князя другимъ дѣло случая, силы и ловкости бояръ [208]). Владимірскій-Будановъ [209]) считаетъ отношенія всѣхъ князей болѣе или менѣе международными, и отношенія великихъ князей другъ къ другу рѣшительнѣе другихъ. Въ заключеніе этого отдѣла упомянемъ, что подъ конецъ XV столѣтія великіе князья Московскіе, захвативъ Рязань, захвативъ великій Новгородъ, стали называться *великими князьями всея Руси*— первый разъ такой титулъ въ договорахъ встрѣчается въ договорной грамотѣ великаго князя Московскаго Ивана Васильевича III въ 1484 г. съ великимъ княземъ Тверскимъ Михаиломъ Борисовичемъ [210]). Въ

---

[203]) А. А. Э., т. I, № 14.
[204]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 31, 48. А. отн, къ ист. Зап. Рос. т. I, № 51.
[205]) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 49—50.
[206]) „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. IV, стр. 69.
[207]) „Вѣче и князь“, стр. 150.
[208]) „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. III, стр. 321.
[209]) „Хрест. по ист. Рус. пр.“, вып. 2-й, стр. 10 (прим.).
[210]) С. Г. Гр. и Д. т., I, № 119—120.

слѣдующій годъ была захвачена Москвою Тверь, и тогда великій князь Московскій еще съ бо̀льшимъ основаніемъ могъ именоваться *великимъ княземъ всея Руси.* Въ сношеніяхъ съ Ливоніей и мелкими нѣмецкими владѣніями Иванъ Васильевича III принимаетъ даже титулъ *царя всея Руси* [211]), но надо замѣтить, что этотъ титулъ вовсе не употреблялся въ сношеніяхъ съ русскими князьями.

Г. Условія договоровъ удѣльныхъ князей съ удѣльными.

Такихъ договоровъ до насъ дошло только два: договорная запись Дмитрія Юрьевича Шемяки и Ивана Андреевича Можайскаго съ Михаиломъ Андреевичемъ Верейскимъ и Василіемъ Ярославичемъ Боровскимъ 1448 г. [212]) и договорная грамота князя Ивана Васильевича (сына Василія Ярославича Боровскаго) съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ въ 1461 г. [213]). Отличительный признакъ ихъ тотъ, что они заключены посовершенно частному случаю, касаются только одного вопроса. Въ первомъ договорѣ, который былъ заключенъ послѣ того, какъ Василій Васильевичъ Темный снова сѣлъ на великокняжескій столъ, Шемяка бѣжалъ въ Каргополь, бояринъ Сабуровъ передался Василію Васильевичу [214]), оба князя обращаются къ посредству Михаила Андреевича Верейскаго и Василія Ярославича Боровскаго, вѣрныхъ союзниковъ великаго князя Василія Васильевича, чтобы начать переговоры съ Москвою. Въ этой договорной записи намѣчаются условія, о которыхъ хотятъ Шемяка и Можайскій договариваться съ Московскимъ великимъ княземъ — это предлиминарный договоръ, который долженъ былъ быть еще утвержденъ Василіемъ Васильевичемъ и потомъ быть написаннымъ отъ его лица. Настоящій договоръ былъ Иваномъ Андреевичемъ заключенъ съ Василіемъ Васильевичемъ въ томъ же 1448 г. [215]) позднѣе, при чемъ подтверждается старый договоръ 1447 г. [216]), а Дмитрій Шемяка по всей вѣроятности вовсе не заключалъ договора, такъ какъ въ томъ же году началъ военныя дѣйствія противъ Москвы. Такимъ образомъ это, собственно, не договоры удѣльныхъ съ удѣльными князьями, а договоръ удѣльныхъ князей съ великимъ, представителями котораго были князья Верейскій и Боровскій. Договоръ Ивана Васильевича съ Иваномъ Андреевичемъ,

---

211) „Ист. Рос. съ др. вр.", т. V, стр. 207.
212) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 67.
213) А. А. Э., т. I, № 70.
214) „Ист. Рос. съ др. вр.", т. IV, стр. 77.
215) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 68.
216) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 63.

бывшимъ Можайскимъ князем, есть договоръ двухъ изгнанныхъ князей о томъ, чтобы сообща идти возвращать себѣ потерянныя владѣнія и освободить отца Ивана Васильевича, Василія Ярославича Боровскаго, изъ заточенія. Василій Ярославичъ былъ схваченъ Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ и заточенъ сперва въ Угличѣ, а потомъ въ Вологдѣ, гдѣ и умеръ [217]). Въ договорѣ этомъ говорится: „*на семъ на всемъ, господине, брате старѣйшій, князь Иванъ Андреевичъ, цѣлуй ко мнѣ крестъ, ко своему брату молодшему, князю Ивану Васильевичу; что, господине, князь великій Василій Васильевичъ отнялъ у тебя твою отчину и дѣдину на крестномъ цѣлованьи и выгонялъ тобя изъ твоея отчины и дѣдины и также, господине, князь великій Василій Васильевичъ ялъ моего отца князя Василія Ярославича на крестномъ цѣлованьи безвинно и мене выгонилъ изъ моее отчины и дѣдины: и тобѣ, господине, князь Иванъ Андреевичъ пойти доставати своее отчины и дѣдины и князя Василія Ярославича и нашее отчины и дѣдины*“. Затѣмъ говорится, что долженъ дать Иванъ Можайскій Ивану Васильевичу, если ему удастся захватить великокняжескій столъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что договоры удѣльныхъ князей съ удѣльными не представляютъ обычнаго явленія—это исключительные случаи. Въ обѣихъ договорныхъ грамотахъ говорится, что удѣльный князь и великій или черезъ посредство удѣльныхъ князей или, если одна изъ сторонъ займетъ великокняжескій столъ, вступятъ въ такія-то отношенія. Этотъ фактъ снова указываетъ, что удѣльные князья одни, безъ великихъ, въ самостоятельныя договорныя отношенія не вступали по вопросамъ, касающимся ихъ владѣній и внѣшнихъ сношеній. Между тѣмъ великіе князья въ договорахъ между собою и съ удѣльными часто [218]) упоминаютъ о взаимныхъ отношеніяхъ удѣльныхъ князей между собою и регулируютъ ихъ. Итакъ, какъ самостоятельный родъ договоровъ, договорныя граматы удѣльныхъ князей между собою значенія не имѣютъ. Мы помѣстили ихъ отдѣльно, такъ какъ они существуютъ отдѣльно, а также, какъ отрицательное доказательство отсутствія внѣшнихъ сношеній удѣльныхъ князей съ другими князьями помимо своихъ великихъ князей.

---

[217]) „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. IV, стр. 86.
[218]) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 31, 36, 43—44 и др.

Изъ швейцарской юбилейной литературы 1891 года.

А. П. Сапожникова.

I.

Въ прошломъ году въ память 600-лѣтняго основанія швейцарскаго союза и въ честь 700-лѣтняго юбилея города Берна, разныя швейцарскія учрежденія (швейцарскій союзный совѣтъ, организаціонный комитетъ празднованія юбилея города Берна, швейцарскія историческія общества и пр.) предприняли рядъ изданій по исторіи Швейцаріи и Берна, поражающихъ роскошью изданія и полнотою матеріала и дающихъ возможность познакомиться съ общимъ ходомъ швейцарской исторіи. Правда, въ изданныхъ книгахъ нѣтъ ничего новаго: то, что́ было извѣстно раньше, добросовѣстно собрано и освѣщено съ точки зрѣнія спеціальнаго міровоззрѣнія того или другого автора, то, что́ не было извѣстно—осталось неизвѣстнымъ. Знакомясь съ содержаніемъ главнѣйшихъ изъ юбилейныхъ книгъ, мы поражаемся тѣми громадными и важными пробѣлами, какими характеризуется швейцарская исторіографія, особенно въ области изученія первыхъ вѣковъ существованія швейцарскаго союза. Швейцарскіе историки дѣлаютъ все возможное, чтобы возстановить историческую картину жизни своей родины, но, за отсутствіемъ многихъ древнихъ актовъ или иныхъ историческихъ памятниковъ, всѣ ихъ усилія остаются тщетными.

Поэтому среди юбилейной литературы вниманіе историка Швейцаріи останавливается преимущественно на трудахъ, посвященныхъ посильному разрѣшенію многихъ вопросовъ, до сихъ поръ не нашедшихъ разрѣшенія. Такимъ трудомъ является именно книга Цюрихскаго профессора, д-ра В. Эксли (W. Oechsli) „Die Anfänge der

schweizerischen Eidgenossenschaft", изданная по порученію швейцарскаго союзнаго совѣта. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью не простое изложеніе уже собраннаго матеріала, а освѣщеніе политической исторіи при помощи детальной разработки нѣкоторыхъ, мало изслѣдованныхъ сторонъ исторической жизни Швейцаріи, какъ напр., экономической, правовой и культурной. Онъ кладетъ въ основу своего труда не народныя преданія, какъ это дѣлаютъ другіе швейцарскіе историки, а научную истину. Казалось бы, что въ наше время для научныхъ трудовъ не можетъ быть иного критерія, что народныя преданія, не имѣющія исторической подкладки, могутъ лишь служить матеріаломъ для исторіи развитія народной фантазіи, исторіи народной литературы, устной или письменной, но не исторіи, изображающей дѣйствительный ходъ прошедшей жизни. Между тѣмъ въ этомъ же году, по тому же поводу, Бернскій профессоръ Hilty издалъ книгу объ исторіи швейцарскихъ конституцій, въ которой беретъ народныя преданія подъ свою защиту, и высказываетъ недовольство слишкомъ, по его мнѣнію, критическимъ отношеніемъ ученыхъ къ различнымъ памятникамъ народной старины. Впрочемъ, объ этой книгѣ поговоримъ отдѣльно.

Книга профессора Oechsli настолько интересна, что мы считаемъ не лишнимъ познакомить русскихъ читателей съ ея содержаніемъ. Въ первой главѣ: „о заселеніи лѣсныхъ кантоновъ" авторъ указываетъ на то, что сама природа предначертала, до извѣстной степени, историческую роль Швейцаріи—быть посредницей между главными народами Средней Европы, ведя въ тоже время самостоятельную отъ послѣднихъ жизнь. Въ древности на Швейцарской землѣ столкнулись италійскіе народы съ кельтами и германцами, во время переселенія народовъ—съ алеманнами, бургундами и лангобардами. Съ заключеніемъ вѣчнаго союза трехъ лѣсныхъ кантоновъ, въ 1291 г., Швейцарія начала жить особою политическою жизнью, среди трехъ могущественныхъ сосѣдей—Германіи, Италіи и Бургундіи, создавъ своеобразное государство, получившее право гражданства въ ряду другихъ европейскихъ государствъ. До недавняго времени ученые придерживались того взгляда, что лѣсные кантоны, въ періодѣ до Карла Великаго, не были заселены, такъ какъ въ нихъ не найдены памятники—курганы, свайныя постройки, сосуды и т. д., которые указывали бы на существованіе тамъ людей до пришествія германцевъ. Но въ недавнее время сдѣланы кое-какія находки, указывающія на то, что и въ до-германскомъ періодѣ лѣсные кантоны имѣли своихъ обитателей. Oechsli идетъ еще дальше и заявляетъ, что лѣсные кантоны были заселены еще до римской культурной эпохи, основываясь на нѣкоторыхъ находкахъ, и даже въ періодѣ свайныхъ построекъ,

хотя слѣдовъ послѣднихъ при Фирвальдштедскомъ озерѣ не найдено. Болѣе многочисленны и достовѣрны слѣды бронзоваго періода: нѣкоторые предметы этого времени хранятся въ Цюрихскомъ антикварномъ музеѣ,—предметы, найденные въ Швицѣ, Ури и Унтервальденѣ и указывающіе на существованіе, въ названныхъ кантонахъ, кочующихъ народовъ. Римскія же монеты и предметы домашняго употребленія, найденные въ большомъ количествѣ, несомнѣнно указываютъ, по мнѣнію Oechsli, на существованіе заселенныхъ мѣстъ въ древней Швейцаріи, въ до-германской эпохѣ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ многія имена различныхъ деревень, рѣкъ, долинъ, горъ и т. д. носятъ слѣды римскаго происхожденія.

О времени германизаціи древней Швейцаріи и объ условіяхъ ея не осталось никакихъ историческихъ памятниковъ; все, что̀ сказано по этому поводу въ старыхъ историческихъ сочиненіяхъ, основано на басняхъ XV и XVI столѣтій. Нѣкоторые найденные предметы указываютъ на то, что Алеманны уже въ III и IV столѣтіяхъ достигли береговъ Фирвальдштетскаго озера; вообще можно принять, что германское заселеніе началось въ V столѣтіи и продолжало усиливаться до IX ст. При этомъ на основаніи этимологическаго разбора именъ различныхъ мѣстностей лѣсныхъ кантоновъ Oechsli приходитъ къ выводу, что алеманны заселяли эти кантоны только послѣ того, какъ заняли не-лѣсные и не-гористые кантоны и не группами, а отдѣльными семьями, можетъ быть помѣщики со своими крѣпостными были первыми алеманнами въ этихъ областяхъ. Этимъ объясняется малочисленность находокъ язычеcко-алеманнскаго періода. Нѣкоторыя данныя изъ позднѣйшей исторіи позволяютъ заключить, что въ Швицѣ по преимуществу селились свободные алеманны. Напротивъ, въ Ури, надо принять, селились алеманнскіе герцоги съ своими крѣпостными. Въ Унтервальденѣ заселеніе могло произойти двоякимъ образомъ: во-первыхъ вначалѣ крупное землевладѣніе помѣщиковъ и поселенія съ крѣпостными могли преобладать, или, во-вторыхъ кантонъ заселился крестьянами, скоро утратившими свободу; что касается культуры этого періода, то различныя географическія имена указываютъ на стремленіе алеманновъ расчищать лѣсъ для пахотныхъ земель. Относительно же того, сопровождалась ли германизація края рабствомъ, истребленіемъ или изгнаніемъ романскаго населенія, или же произошла ассимиляція двухъ народностей, невозможно имѣть яснаго представленія за отсутствіемъ историческихъ данныхъ. Фактъ тотъ, что въ началѣ исторіи, удостовѣренной памятниками (письменными), германизація края окончательно завершилась. Первыя историческія извѣстія о лѣсныхъ кантонахъ восходятъ до VIII ст., когда Ури былъ мѣстомъ изгнанія нѣкоторыхъ выдающихся сановниковъ того

времени, какъ аббата Рейхенаускаго. Цѣлое столѣтіе проходитъ, пока снова является историческое извѣстіе объ Ури, именно когда этотъ кантонъ былъ подаренъ Людвигомъ Нѣмецкимъ, внукомъ Карла Великаго, монастырю St. Felix et Regula въ Цюрихѣ. Это показываетъ, что Ури уже въ срединѣ IX ст. былъ населенъ. Въ немъ были уже 3 церкви, кромѣ главной въ Альторфѣ. Весь кантонъ принадлежитъ королю и не только земля, но и люди, ее обрабатывающіе, составляютъ собственность владѣтеля, такъ что въ массѣ тогдашнее населеніе Ури было несвободно, а находилось въ крѣпостной зависимости отъ короля. Новѣйшіе историки принимаютъ, что не весь кантонъ Ури былъ подаренъ монастырю, а только часть. Oechsli не раздѣляетъ этого мнѣнія. Другое воззрѣніе историковъ, что не вся земля принадлежала королю, а только часть, и что на ряду съ нимъ были землевладѣльцы, именно свободные крестьяне, также не принято Oechsli. Впослѣдствіи, конечно, возникли отдѣльныя имѣнія, принадлежавшія графамъ и т. п. лицамъ, но земля все-таки считалась собственностью короля. Что касается свободныхъ крестьянъ въ XIII ст., то ихъ появленіе надо приписать процессу эманципаціи, отдѣльные періоды котораго въ продолженіе X—XII ст. остались неизвѣстными. Аббатисса Цюрихскаго монастыря была еще XIII и XIV ст. главнымъ крупнымъ собственникомъ въ кантонѣ Ури и имѣла право патроната надъ всѣми тамошними церквами. Ея владѣнія заключали въ себѣ деревни, сады, виноградники, пашни, луга, разбросанные по всему краю. Это владѣніе, какъ всякое другое, въ то время раздѣлялось на 2 части: одна часть находилась подъ непосредственнымъ управленіемъ владѣтелей или ихъ чиновниковъ и называлась terra salica; другая часть отдавалась крестьянамъ участками, наслѣдовавшимися въ семьѣ, и называлась наслѣдованное владѣніе (Erblehen). Первыя земли могли отдаваться въ аренду, но по истеченіи срока переходили обратно во владѣніе аббатиссы, вторыя же составляли въ сущности неотъемлемую собственность крестьянъ, платившихъ различные оброки. Возможно даже, что въ XIII и XIV ст. крестьяне могли отдавать свои земли безъ разрѣшенія аббатиссы. Послѣдняя не могла даже забрать крестьянскихъ земель за неисправную уплату оброковъ; получить эти земли обратно она могла только куплей. Третій родъ владѣній монастыря составляли земли, данныя чиновникамъ или рыцарямъ, платившимъ за пользованіе не оброкомъ, а службой. Наконецъ въ зависимости отъ монастыря находились альменды. Все владѣніе аббатиссы раздѣлялось въ срединѣ XIII столѣтія на 4 участка (villicatus, Meierämter), во главѣ которыхъ стояло по одному чиновнику, Meier'у; на обязанности этихъ чиновниковъ лежалъ сборъ податей и налоговъ въ подвѣдомственныхъ имъ участкахъ. Вѣроятно,

что раньше эти чиновники исполняли также судейскія и полицейскія дѣла, но съ усиленіемъ власти королевскихъ намѣстниковъ и съ развитіемъ самоуправленія общинъ эта часть обязанностей была съ нихъ снята; по крайней мѣрѣ, въ документахъ XIII ст. объ этомъ болѣе не упоминается. За труды мейеры получали жалованье и доходъ съ отведеннаго имъ участка земли. Въ 1393 г. эти были должности отмѣнены.

Оброки вносились частью деньгами, частью натурой, но такъ что за земли, за которыя вносили деньгами, не платили натурой и обратно. Полный доходъ монастыря въ первыя времена неизвѣстенъ за отсутствіемъ матеріаловъ. Кромѣ этого постояннаго дохода были еще случайные, напр., съ наслѣдниковъ монастырскихъ крестьянъ, съ покупателей монастырскихъ имѣній; въ XIII ст. аббатисса получала наслѣдство незаконорожденныхъ и не оставившихъ дѣтей монастырскихъ крестьянъ.

На ряду съ цюрихской аббатиссой былъ уже въ Ури въ концѣ XII и началѣ XIII ст. многочисленный классъ свѣтскихъ владѣтелей, изъ которыхъ самыми могущественными были фогты, позже графы изъ Рапперсвиля. Какимъ образомъ названные графы пріобрѣли свои владѣнія въ Ури, неизвѣстно: во всякомъ случаѣ аббатисса уступила имъ земли довольно рано, такъ какъ уже въ XIII ст. рапперсвильскіе крѣпостные стояли на еще болѣе низкой ступени свободы, нежели монастырскіе крестьяне. Въ XIII столѣтіи почти всѣ свѣтскіе владѣтели постепенно уступили свои земли продажей, дареніемъ и т. д. монастырямъ и вообще духовенству; иные же владѣтели продали не земли, а только право на налоги.

Только спустя почти 250 лѣтъ съ появленія имени Ури въ историческихъ документахъ, упоминается въ послѣднихъ имя „Швицъ", другого лѣсного кантона. Владѣнія въ Швицѣ имѣли въ X и XI вв. монастырь Einsiedeln, женскій монастырь Schämris, монастырь Engelberg, Beromünster и т. д. По скольку можно видѣть изъ оставившихся документовъ, общій доходъ монастырскихъ владѣній былъ не особенно великъ. Здѣсь, какъ и въ Ури, кромѣ духовныхъ владѣтелей, были и свѣтскіе. Крестьяне послѣднихъ были сначала несвободны, но вскорѣ откупились отъ крѣпостничества, наполнивъ собою ряды свободныхъ крестьянъ, всегда жившихъ на собственной землѣ и никогда не бывшихъ подъ ярмомъ крѣпостничества. Свободные крестьяне въ Швицѣ платили владѣльцамъ налогъ въ 3000 франковъ (60 марокъ) въ годъ. Въ третьемъ лѣсномъ кантонѣ, въ Унтервальденѣ, также довольно рано появляются духовные владѣтели, напр., въ XI в. владѣнія Люцернскаго монастыря. Въ XIII ст. послѣдній имѣлъ 15 деревень (Dinghofe), изъ которыхъ три находились въ Унтерваль-

вѣтъ. Каждая деревня составляла общину съ избранными судьями и правами, въ то же время подчинялись и всѣмъ общимъ правамъ и высшимъ судамъ въ Люцернѣ и составляли одно общее товарищество. У нихъ въ силу были судебныя собранія. Во главѣ каждой деревни стояли по общему монастырскому праву два распорядительныхъ чиновника „Meier“ и „Keller“, имѣвшихъ особые участки земли „Meierhof“ и „Kellerhof“. Иногда въ нѣсколькихъ деревняхъ Meier былъ въ тоже время Keller'омъ. Первый чиновникъ исполнялъ судейскія и полицейскія обязанности, второй собиралъ подати. Вмѣстѣ они слѣдили, чтобы браки заключались между людьми одной и той же деревни, а не разныхъ, и управляли непосредственнымъ монастырскимъ имѣніемъ. Кромѣ вышеозначенныхъ двухъ чиновниковъ былъ еще такъ называемый Bannwart, вѣдавшій лѣсами. Люцерскіе монастырскіе крестьяне, въ массѣ несвободные, составляли въ XIII ст. строго закрытую общину. Кто вступаетъ въ бракъ съ лицомъ изъ другой деревни, тотъ не можетъ передать своимъ имѣнія дѣтямъ. Кто не уплатилъ монастырю податей, тотъ долженъ за это дать лошадь, корову или быка. Умираетъ монастырскій крестьянинъ, Keller идетъ съ наслѣдникомъ въ Люцернъ—ре[illegible]. Если наслѣдники имѣнія изъ той же деревни не имѣютъ платежныхъ [illegible], то пробстъ даетъ его имъ. Если налогъ съ наслѣдства въ продолженіе года не будетъ уплаченъ, то имѣніе отдается монастырю. Тоже бываетъ при невзносѣ податей въ продолженіе трехъ лѣтъ. Наслѣдственныя ленныя земли (Erblehen) могутъ быть продаваемы, по крайней мѣрѣ, лицамъ той же деревни, но покупатель долженъ внести опредѣленную пошлину. Кромѣ этого общаго права для всѣхъ 15 монастырскихъ деревень существовало еще отдѣльное право для каждой деревни.

Свѣтскія и духовныя землевладѣнія образуютъ одну основу древне-швейцарской исторіи. Другая основа—это старая каролингская имперская конституція, частью сохранившаяся въ лѣсныхъ кантонахъ и имѣвшая на политическое развитіе послѣднихъ большое вліяніе. Съ подчиненіемъ алеманновъ франкскому государству лѣсные кантоны должны были принять франкскій государственный строй. Государство раздѣлялось на Gaue, во главѣ которыхъ стоялъ королевскій чиновникъ—графъ; Gau раздѣлялся на сотни, которыми управлялъ сотникъ (centenarius), избиравшійся графомъ при участіи сотни. Gau былъ военный и административный округъ, сотня—судебный. Графъ былъ—военначальникъ, администраторъ, сборщикъ податей и судья. Онъ могъ заставить подвѣдомственныхъ ему жителей принимать участіе въ проложеніи дорогъ, въ возстановленіи общественнаго спокойствія, онъ долженъ былъ собирать слѣдуемыя королю подати и наби-

рать войско. Графъ не былъ судьей, а только предсѣдателемъ въ судѣ, судъ собственно производила вся община, что является характерной чертой древне-германскаго судебнаго процесса. Народъ имѣлъ не только право, но обязанность въ участіи въ судѣ. Неограниченная натуральная повинность въ связи съ неоплачиваемой военной службой и системой денежныхъ штрафовъ была главной причиной экономическаго разоренія бѣдныхъ свободныхъ крестьянъ. Карлъ Великій облегчилъ имъ повинности, позволивъ имъ только три раза въ году присутствовать на общихъ судебныхъ засѣданіяхъ. Графъ получалъ за свои труды треть судебныхъ доходовъ, остальныя двѣ трети онъ отдавалъ королю; кромѣ того онъ пользовался доходами съ нѣкоторыхъ королевскихъ имѣній. Уже довольно рано замѣтна склонность графовъ къ полученію подарковъ отъ своихъ подчиненныхъ; многія запрещенія со стороны первыхъ каролинговъ указываютъ на распространенность послѣдняго обычая. Подъ вліяніемъ ленной системы графства, какъ и всѣ имперскія должности, стали наслѣдственными, причемъ графъ мало-по-малу терялъ значеніе чиновника и становился самостоятельнымъ господиномъ въ своей территоріи. Однако въ XIII в. графы были еще чиновниками и утверждались королемъ. Подобное состояніе было въ XIII столѣтіи въ лѣсныхъ кантонахъ, гдѣ графское достоинство хотя и начало передаваться по наслѣдству, но съ королевскаго утвержденія.

Первое извѣстное политическое событіе изъ исторической жизни кантона Швица — пограничная распря съ монастыремъ Einsiedeln изъ-за земли, полученной отъ расчищенія лѣсовъ и необходимой для альпійскаго хозяйства жителей кантона. На сторонѣ Швица были графы Рудольфъ и Арнольдъ Ленцбургскіе, но императоръ Генрихъ V въ 1114 году призналъ жалобу монастыря правильной и рѣшилъ дѣло въ пользу послѣдняго. Этимъ пограничная распря не кончилась. Швицерцы считали резолюцію придворнаго суда неправильной и рѣшили силой отобрать захваченныя у нихъ земли, найдя себѣ союзника въ лицѣ графа Рудольфа Ленцбургскаго. Дѣло снова пошло на разсмотрѣніе короля Конрада III въ Страсбургѣ въ 1143 г. и на сей разъ въ присутствіи 3 епископовъ, 4 аббатовъ, 2 герцоговъ, 1 маркграфа и 24 графовъ вынесена была та же резолюція, какъ въ 1114 году. Швейцарскіе историки расходятся по вопросу объ участіи графовъ Ленцбургскихъ въ этой распрѣ: одни, какъ Tschudi, Müller и др. предполагаютъ, что графы разсматривали Швицъ, какъ свое наслѣдственное владѣніе, и потому защищали его отъ королей, другіе же, какъ Oechsli, принимаютъ, что графы были заинтересованы въ этой распрѣ только потому, что они имѣли владѣнія въ Швицѣ. Свободные алеманны въ Швицѣ были въ хозяйственномъ союзѣ съ та-

вмѣстѣ съ крупными владѣтелями; они вмѣстѣ составляли Markgenossenschaft, владѣвшую общими владѣніями нераздѣленной земли, лѣсовъ и луговъ, такъ что владѣтели и свободные имѣли одинаковый интересъ въ распредѣленіи ихъ. Этимъ объясняется участіе графовъ Ленцбургскихъ въ процессѣ Швица съ монастыремъ Einsiedeln.

Въ 1172—73 годахъ вымерли обѣ графскія ленцбургскія линіи, и Швицъ былъ отданъ въ графское вѣдомство, а также владѣніе Альбрехту Габсбургскому. Въ его время снова возгорѣлась старая распря: Швицерцы вырубили лѣса, распахивали землю подъ пашни и поселялись на мѣстѣ бывшихъ лѣсовъ деревнями. Нѣкоторые аббаты не обратили на это вниманія, но въ 1215 г. аббатъ Конрадъ въ союзѣ съ Раппершвильскими графами сжегъ швицерскія деревни, убилъ и ранилъ многихъ крестьянъ и отнялъ свою землю. Распря продолжалась три года, пока обѣ стороны не согласились обратиться за разрѣшеніемъ къ графу Рудольфу старшему Габсбургскому. Послѣдній примирилъ обѣ стороны, назначивъ новую пограничную черту ихъ владѣній. Унтервальденъ тоже перешелъ во владѣнія Габсбургскаго дома, именно къ графу Рудольфу Молчаливому.

Главныя права наслѣдственныхъ графовъ заключались въ низшемъ и высшемъ судѣ надъ свободнымъ населеніемъ. Только земскій судъ подъ предсѣдательствомъ графа или его замѣстителя (Landrichter) могъ приговаривать преступниковъ къ смертной казни. Для свободныхъ крестьянъ были еще низшіе суды, во главѣ которыхъ были сотни и которые были компетентны въ гражданскихъ и мелкихъ уголовныхъ дѣлахъ. Сотникъ (Hunne, Centenar, Ammanus) назначался графомъ, иногда же выбирался судебной общиной и утверждался графомъ. Недовольные рѣшеніями низшихъ судовъ могли аппелировать въ высшіе. Что касается кантона Швица, то существованіе въ немъ графскаго земскаго суда (Landgericht) теперь констатировано. Въ Унтервальденѣ хоть и нѣтъ слѣдовъ такого суда, но многія данныя указываютъ на существованіе въ немъ низшихъ судовъ.

Кромѣ права суда Габсбургскіе графы могли установлять налоги и требовать исполненія разныхъ повинностей подчиненныхъ имъ свободныхъ крестьянъ въ Швицѣ и Унтервальденѣ. Общая сумма денежнаго налога неизвѣстна. Кромѣ того, каждый житель вышеназванныхъ деревень долженъ былъ разъ въ году дать пѣтуха. Не смотря на то, что въ Швицѣ и Унтервальденѣ въ XIII ст. остались слѣды каролингскаго государственнаго строя съ сотниками и пр., можно принять, что свободныхъ крестьянъ, жившихъ сотнями и подчиненныхъ только областному графу, было мало. Съ того времени, какъ графы получили исключительное судейское право въ своихъ областяхъ, они въ свою очередь это право начали передавать дру-

гимъ, увеличивая такимъ путемъ число своихъ вассаловъ. Обыкновенно они отдавали деревни въ ленное владѣніе рыцарямъ и дворцовымъ чиновникамъ, предоставляя послѣднимъ право суда по гражданскимъ и мелкимъ уголовнымъ судамъ и пользованія штрафами. Крупныя уголовныя дѣла рѣшались графами. Такая низшая судебная инстанція для деревни называлась „Vogtei" и скоро ихъ появилось значительное количество, вытѣсняя прежніе сотенные суды. Фогтъ отличался отъ сотника тѣмъ, что онъ не былъ графскимъ чиновникомъ, а леннымъ вассаломъ, и могъ свое ленное право передавать по наслѣдству, отдавать въ аренду и подъ залогъ. Фогты брали отъ своихъ подчиненныхъ особые налоги, принуждали крестьянъ къ различнымъ повинностямъ и къ барщинѣ, брали третью часть покупной суммы при продажѣ имѣній и т. д. Положеніе крестьянъ, подчиненныхъ фогту, было несравненно тягостнѣе, нежели непосредственно подчиненныхъ графу. Поэтому такихъ крестьянъ считали не вполнѣ свободными, а какъ бы занимающими середину между свободными и крѣпостными. Такихъ фогтовъ было много до XIV ст. въ Швицѣ и Унтервальденѣ.

Вначалѣ графскія права были распространены исключительно на свободный элементъ населенія. Несвободные не могли пользоваться судомъ и правомъ; они были зависимы отъ произвола своего господина, который отвѣчалъ за нихъ при причиненіи ими вреда постороннимъ лицамъ. Соціальная эволюція въ франкскомъ государствѣ повела къ тому, что крупныя владѣнія достались свѣтскимъ и духовнымъ феодаламъ, множество же обѣднѣвшихъ свободныхъ поступало въ услуженіе къ послѣднимъ и обрабатывало за опредѣленную плату наряду съ крѣпостными владѣльческія земли. Положеніе такихъ обѣднѣвшихъ, но еще свободныхъ крестьянъ было несомнѣнно лучше, такъ какъ они имѣли защитниковъ въ правительственныхъ чиновникахъ и судахъ. Дабы воспрепятствовать вмѣшательству правительства во внутреннія дѣла феодальныхъ владѣній, феодалы выработали рядъ правилъ, регулирующихъ ихъ отношенія къ зависимымъ отъ нихъ свободнымъ крестьянамъ,—правилъ, принесшихъ пользу крѣпостнымъ, бывшимъ до того времени вполнѣ подчиненными произволу своихъ господъ. Въ каждомъ владѣніи выработались особое право и особый судъ (Hofrecht и Hofgericht). Въ судѣ принимали активное участіе всѣ подчиненные феодала, какъ свободные, такъ и полусвободные; феодалъ или его управляющій предсѣдательствовалъ и приводилъ рѣшенія суда въ исполненіе. Развитію этихъ судовъ много помогалъ иммунитетъ. Еще во время Меровинговъ короли награждали духовныхъ и свѣтскихъ владѣтелей привилегіями, закрывшими графамъ и другимъ чиновникамъ доступъ для исполненія

своихъ обязанностей въ имѣнія привилегированныхъ владѣтелей, такъ что графы обращались обыкновенно къ владѣтелю, дабы онъ самъ взялъ у такого-то подати, представилъ такого-то въ судъ и т. д. Скоро понятіе иммунитета еще болѣе расширилось: оно обыкновенно означало освобожденіе отъ государственныхъ налоговъ и податей или право взиманія послѣднихъ въ пользу владѣтеля. Кромѣ того, привилегированнымъ владѣтелямъ дана была низшая судебная юстиція, а затѣмъ и высшая. Имѣніе короля представляло подобное привилегированное владѣніе: онъ раздѣлилъ его на домены (fisci), во главѣ которыхъ поставилъ чиновниковъ (judices) съ низшей судебной компетенціей; уголовныя дѣла рѣшались графами, но не на королевской землѣ, до тѣхъ поръ пока не введены были имперскіе фогты, окончательно удалившіе графовъ отъ королевскихъ имѣній. Владѣнія епископскихъ церквей и старыхъ аббатствъ также пользовались привилегіей иммунитета, причемъ во главѣ такихъ владѣній былъ свѣтскій представитель, advocatus (фогтъ), на ряду съ настоящимъ духовнымъ владѣтелемъ. Онъ исполнялъ судейскія обязанности и былъ представителемъ владѣнія во внѣшнихъ сношеніяхъ. Отношенія церковныхъ фогтовъ къ епископу, аббату или пробсту были сначала различны. При нѣкоторыхъ монастыряхъ и церквахъ фогты назначались королемъ и считались государственными чиновниками; при иныхъ епископы избирали фогтовъ, считавшихся тогда церковными чиновниками, и наконецъ при иныхъ фогтство переходило по наслѣдству въ семьѣ основателя монастыря. При разбросанности имѣній фогты имѣли подчиненныхъ помощниковъ, находившихся въ ленной отъ нихъ самихъ зависимости. Фогты часто были весьма тяжелы для населенія монастырскихъ владѣній, и потому нѣкоторые духовные владѣтели ограничили ихъ права, предоставивъ имъ право суда надъ уголовными преступниками, полицейскія же и гражданскія дѣла оставляли за собою. За свои труды церковные фогты пользовались доходомъ съ нѣкоторыхъ земель и получали треть штрафовъ. Кромѣ монастыря, и свѣтскіе владѣтели пользовались привилегіей иммунитета.

Для лѣсныхъ кантоновъ важною иммунитетною областью было цюрихское имперское фогтство, такъ какъ въ ней заключался кантонъ Ури. Объ управленіи имперскихъ фогтовъ кантономъ Ури ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что по смерти герцога Бертольда V въ 1218 г. кантонъ Ури сдѣланъ былъ отдѣльнымъ фогтствомъ. Въ Швицѣ иммунитетомъ пользовался монастырь Einsiedeln, получившій его въ 946 г. отъ Оттона I, а въ Унтервальденѣ монастырь Мурбахъ-Люцернъ.

Словами: „Non est amplius nisi liber et servus“, капитулярій

Карла Великаго выразилъ основную идею древне-германскаго сословнаго права. У большей части племенъ была, впрочемъ, древняя аристократія, состоявшая изъ нѣскольких фамилій, близкихъ къ вымиранію, и были такъ называемые „полусвободные“, но все же главная масса населенія раздѣлялась на свободныхъ, принимавшихъ участіе въ судѣ, служившихъ государству и имѣвшихъ свои опредѣленные участки земли, и несвободныхъ — безправныхъ. Эта противоположность служила также основой средневѣковаго сословнаго различія, но рядъ фактовъ значительно измѣнилъ сословныя грани. Франкскій государственный строй, обѣднѣніе свободныхъ крестьянъ, увеличеніе крупныхъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей, возникновеніе новой аристократіи въ лицѣ ленныхъ вассаловъ, способствовали уменьшенію числа свободныхъ и увеличенію несвободныхъ крестьянъ. Въ то же время положеніе послѣднихъ значительно улучшилось, благодаря упорядоченію ихъ отношеній къ своимъ господамъ и благодаря тому, что различная служба была замѣнена оброкомъ съ земли.

По обычному праву въ XIII в. еще строго различали между свободными и несвободными крестьянами, между свободными, жившими на своей собственной землѣ и непосредственно подчиненными королю и его графамъ, и свободными, но подчиненными фогтамъ или жившими на земляхъ какого-нибудь владѣтеля. Браки между рыцарями и вполнѣ свободными крестьянами считались приличными, таковые между последними и подчиненными крестьянами считались неприличными. Иначе было по ленному праву. Рыцари, происходившіе отъ свободныхъ и несвободныхъ, получали за свою службу ленныя владѣнія и стремились къ тому, чтобы затруднить доступъ постороннимъ элементамъ общества въ ихъ ряды. Они стали по отношенію къ свободнымъ нерыцарямъ аристократами и заключали браки только между собою. Барбаросса окончательно запретилъ крестьянамъ вступать въ рыцарское сословіе. Рыцари дѣлились на свободныхъ и несвободныхъ, на высшую и низшую аристократію. Высшая аристократія составилась изъ наслѣдственныхъ имперскихъ чиновниковъ, графовъ и князей, и изъ „свободныхъ господъ“, владѣтелей, могущихъ посвятить себя рыцарской службѣ. Въ лѣсныхъ кантонахъ жила только одна фамилія изъ высшей аристократіи, именно фамилія Attinghusen въ Ури. Несвободные рыцари (Ministerialen) происходятъ отъ бывшихъ крѣпостныхъ, выдвинувшихся, благодаря личнымъ услугамъ оказаннымъ господамъ, надъ остальными своими сотоварищами. Исполняя рыцарскую службу, они находились въ почетѣ и принадлежали къ аристократіи, но свободу не получали и были вполнѣ подчинены своимъ господамъ. Несвободные рыцари постепенно раздѣлились на 2 группы—на рыцарей и слугъ (clientes, armigeri, famuli). Въ лѣсныхъ кантонахъ было много

несвободныхъ рыцарей, перечисленіе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что въ письменныхъ документахъ рыцарскіе слуги ставились на одну доску съ выдающимися элементами крестьянства. О многочисленности рыцарства въ лѣсныхъ кантонахъ въ первые вѣка нашего тысячелѣтія говорятъ многія развалины, сохранившіяся до настоящаго времени.

Свободное сельское населеніе нерыцарскаго сословія распадалось на 3 класса: на вполнѣ свободныхъ въ личномъ и имущественномъ отношеніяхъ, на подчиненныхъ фогту и на свободныхъ, но зависимыхъ отъ владѣтеля. Первый классъ вполнѣ свободныхъ крестьянъ составлялъ главную массу населенія лѣсныхъ кантоновъ въ XIII в., менѣе было крестьянъ второго класса. Кромѣ свободныхъ были и несвободные, особенно въ кантонѣ Ури. Положеніе послѣднихъ мало извѣстно, но можно принять, что имъ лучше жилось при духовныхъ, нежели свѣтскихъ владѣтеляхъ. Они имѣли право откупаться отъ свѣтскаго господина, но обязательно должны были сдѣлаться крѣпостными монастыря. Особенно много крѣпостныхъ было въ Унтервальденѣ.

Что касается сельскаго хозяйства того времени, то можно принять, что тогда на-ряду съ скотоводствомъ процвѣтало земледѣліе, особенно въ Ури, а также и винодѣліе. Важно было для жителей того времени, какъ и нынѣ, садоводство, процвѣтавшее во всѣхъ трехъ кантонахъ. Главное же мѣсто въ сельскомъ хозяйствѣ занимали въ XII и XIII вв., безъ сомнѣнія, скотоводство и молочное хозяйство. (Oechsli собралъ еще немногочисленныя данныя объ охотѣ, рыболовствѣ, пчеловодствѣ и лѣсоводствѣ). Каждый крестьянинъ принадлежалъ къ Markgenossenschaft съ правомъ общаго пользованія общинными землями и лѣсами; только въ Унтервальденѣ въ XIII в. не было болѣе общинныхъ земель. Oechsli приводитъ рядъ фактовъ, характеризующихъ распаденіе такихъ крестьянскихъ общинъ. На-ряду съ земледѣліемъ промышленность была мало развита: она служила лишь добавленіемъ къ первому. Болѣе важны были, особенно для Ури, торговля и перевозка товаровъ, особенно съ открытія С.-Готардской дороги. Важнымъ источникомъ дохода для жителей лѣсныхъ кантоновъ была военная служба у чужестранныхъ князей. Что касается численности населенія, то по этому вопросу мало что извѣстно. Въ одномъ походѣ Швицъ выставилъ 1500 воиновъ, такъ что можно принять, что его населеніе было не менѣе настоящаго (18,000). Также мало извѣстно объ умственныхъ потребностяхъ населенія и о способахъ его удовлетворенія: есть данныя, указывающія, что рыцарямъ не были чужды поэзія миннезингеровъ и стремленіе къ украшенію жилищъ произведеніями искусства. Для массы, конечно, церковь представляла

сумму умственной жизни (Oechsli приводитъ нѣкоторыя данныя о возникновеніи церквей въ лѣсныхъ кантонахъ до XIV в.).

Послѣ изложенія вышеуказанныхъ различныхъ культурно-историческихъ моментовъ въ жизни лѣсныхъ кантоновъ до основанія швейцарскаго союза Oechsli переходитъ къ изложенію политическихъ событій, непосредственно предшествовавшихъ этому основанію. Въ 1231 г. король Генрихъ подарилъ кантону Ури свободу; въ 1240 г. Фридрихъ II далъ свободу кантону Швицъ. Изложивъ всѣ обстоятельства, сопровождавшія появленіе этихъ двухъ актовъ, и посвятивъ нѣсколько страницъ описанію возникновенія Унтервальдена изъ отдѣльныхъ союзовъ, Oechsli разсматриваетъ союзъ 1291 г. Сначала онъ изслѣдуетъ отношеніе Рудольфа Габсбургскаго къ лѣснымъ кантонамъ, а затѣмъ говоритъ о самомъ союзѣ послѣднихъ и излагаетъ войну съ Австріей. Нѣтъ надобности излагать послѣднія главы разбираемаго сочиненія: онѣ ничего новаго въ себѣ не содержатъ и могутъ быть прочтены въ любой исторіи Швейцаріи. Болѣе важны главы, посвященныя культурѣ, такъ какъ онѣ содержатъ въ себѣ много новаго и представляютъ интересный вкладъ въ исторіографію Швейцаріи. Въ общемъ авторъ сдѣлалъ все, что только въ настоящее время было можно для удачнаго выполненія своей задачи: онъ основывалъ свои воззрѣнія на всемъ нынѣ имѣющемся матеріалѣ съ объективнымъ отношеніемъ къ предмету, достойнымъ подражанія. Отсутствіе предвзятыхъ взглядовъ на народъ, какъ классъ, сословіе и націю, оставляетъ на читателя пріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что и швейцарскіе историки страдаютъ вообще своего рода національной маніей величія.

Къ 356 страницамъ текста сдѣлано приложеніе въ 316 стр. Въ немъ заключается статья проф. Hunziker'а „Жилой домъ въ лѣсныхъ кантонахъ“ (Das Wohnhaus in den Waldstätten). На 4½ стр. авторъ кратко описываетъ различные типы швейцарскихъ домовъ. Далѣе слѣдуетъ полемика съ Paul Schweizer'омъ по вопросу о томъ, есть ли документъ о свободѣ, данный Швицу въ 1240 г. привилегія, или только предварительное письмо императора о желаніи дать свободу. Oechsli признаетъ его какъ уже данную привилегію. Въ отдѣльной замѣткѣ Oechsli доказываетъ ложность взгляда, будто въ 1240 г. Ури и Унтервальденъ получили документы о свободѣ. Далѣе въ приложеніяхъ помѣщены: 1) сличеніе оригинала документа объ основаніи союза въ 1291 г., хранящагося въ архивѣ Швица, съ документомъ въ Nidwalden'ѣ; 2) документъ о дарованіи кантону Ури независимости королемъ Генрихомъ VII, 26 мая 1231 года (оригиналъ утерянъ) 3) документъ, данный кантону Швицу Фридрихомъ II въ 1240 г., оригиналъ съ котораго хранится въ архивѣ Швицъ, 4) документъ объ

основанія союза въ 1291 г., оригиналъ котораго тамъ же; 5) переводъ этого документа на нѣмецкомъ языкѣ XIV столѣтія (оригиналъ-пергаментъ безъ печати хранится въ государственномъ архивѣ Нидвальдена; 6) документъ о независимости, данный Унтервальдену Генрихомъ VII въ 1309 г., оригиналъ котораго—въ государственномъ архивѣ Обвальдена; 7) документъ 1309 г., по которому Генрихъ VII освобождаетъ Унтервальденъ отъ внѣобластного суда; 8) нѣмецкій документъ 1316 г. о союзѣ трехъ кантоновъ, оригиналъ котораго находится въ государственномъ архивѣ Нидвальдена; 9) текстъ перваго перемирія трехъ кантоновъ съ Австріей въ 1318 г., оригиналъ коего хранится въ люцернскомъ государственномъ архивѣ. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о тщательныхъ снимкахъ съ важнѣйшихъ документовъ изъ исторіи основанія Швейцаріи по географической картѣ Швейцаріи временъ ея возникновенія, приложенныхъ къ сочиненію проф. Oechsli.

II.

Профессоръ государственнаго и международнаго права въ бернскомъ университетѣ и извѣстный государственный дѣятель Швейцаріи, Hilty издалъ трудъ подъ заглавіемъ: „Die Bundesverfassungen der Schweizerischen Eidgenossenschaft. Zur sechsten Säcularfeier des ersten ewigen Bundes vom 1 August 1291 geschichtlich dargestellt im Auftrag des schweiz. Bundesrathes von Professor Dr. C. Hilty“. Bern 1891. Во введеніи къ этому труду онъ изложилъ свое политическое міровоззрѣніе и въ частности свои взгляды на историческую науку. Писать исторію, по его мнѣнію, могутъ только люди, убѣжденные въ нравственной задачѣ государственнаго организма, люди, не признающіе ученій нѣкоторыхъ современныхъ соціологическихъ школъ. Какъ въ своихъ „Политическихъ Ежегодникахъ“, такъ и въ указанномъ трудѣ, проф. Hilty не упускаетъ случая вступить въ полемику съ соціалистами, что придаетъ его работѣ чисто публицистическій характеръ. Съ другой стороны, указавъ на малое знакомство народа съ отечественной исторіей въ силу того, что историческія сочиненія приняли через-чуръ ученыя формы, онъ предлагаетъ изъятіе учебниковъ и монографій изъ школы и общежитія съ замѣною ихъ чтеніемъ лѣтописцевъ, конечно, со всѣми баснями и миѳами. За что же, спрашивается, такое нападеніе на связное изложеніе и группировку историческихъ событій и такая любовь къ ненаучнымъ писаніямъ лѣтописцевъ? За то, что историческія сочиненія будто бы ослабляютъ интересъ къ отечественной исторіи, порождаютъ сомнѣніе во всякой

исторической истинѣ и вызываютъ стремленіе къ основанію космополитическаго государства. Для всѣхъ „настоящихъ“ швейцарцевъ Швейцарія все еще представляетъ отдѣльное государство, единственное по своему назначенію и съ миссіей, чуждой какому бы то ни было другому народу. Въ чемъ заключается эта миссія, Hilty однако не указываетъ и вмѣсто того, чтобы посовѣтовать швейцарскому народу позаботиться о выполненіи своей миссіи также среди других народовъ, онъ предлагаетъ ему окружить себя китайской стѣной. Въ первой главѣ своего труда авторъ старается доказать, что какъ народное повѣрье, такъ и историческая критика имѣютъ одинаковое значеніе для разрѣшенія вопроса о происхожденіи Швейцаріи. Вся исторія кантоновъ Ури, Швица и Унтервальдена, до XIII столѣтія мало извѣстна въ государственномъ и правовомъ отношеніи и врядъ-ли когда либо будетъ извѣстна. Въ 853 г. внукъ Карла Великаго, Людовикъ Германскій, подарилъ „область Ури“ женскому монастырю въ Цюрихѣ. Изъ акта, даннаго по этому поводу, нельзя вывести заключенія, что весь кантонъ Ури былъ подаренъ; вѣрнѣе то, что только нѣкоторыя помѣстья, принадлежавшія королю, отданы были монастырю, остальная же часть кантона осталась независимой, поскольку отдѣльныя мѣстности его не находились во владѣніи другихъ лицъ. Рѣшеніе этого вопроса важно потому, что въ швейцарской исторической наукѣ господствуютъ два теченія. Одни ученые признаютъ, что часть жителей лѣсныхъ кантоновъ всегда была политически свободна, другіе же утверждаютъ, что первые швейцарцы были зависимыми отъ разныхъ владѣтелей и только отвоевали себѣ свободу. Какъ бы то ни было, съ 1240 г. всѣ три лѣсные кантоны получили документы „о независимости“ (Freiheitsbriefe), и съ этого времени можно считать существованіе Швейцаріи. Уже въ 1252 г. папа Иннокентій IV въ буллѣ упоминаетъ о союзѣ Швица съ Люцерномъ и Сарненомъ (Sarnen). До 1291 г. исторія лѣсныхъ кантоновъ не оставила почти никакихъ слѣдовъ политической жизни, и только въ 1291 г. былъ заключенъ знаменитый междукантональный договоръ, положившій начало Швейцарскому союзу. Правда, до сихъ поръ историческая критика не могла точно установить, дѣйствительно ли въ 1291 г. заключенъ былъ первый договоръ между тремя кантонами, но вѣрно то, что въ это время въ первый разъ заключенъ былъ между ними письменный и вѣчный союзъ. Содержаніе акта 1291 г. показываетъ, что основатели швейцарскаго союза были не чужды политики своего времени и хорошо знали, на какихъ данныхъ прочно обосновать свое начинаніе. Въ культурно-историческомъ отношеніи актъ этотъ важенъ тѣмъ, что онъ включилъ въ союзъ всѣхъ жителей лѣсныхъ кантоновъ, какъ свободныхъ, такъ и крѣпостныхъ; онъ былъ первымъ ша-

гомъ къ полному освобожденію крѣпостныхъ отъ своихъ господъ, не имѣвшихъ съ 1291 года болѣе политическихъ правъ надъ несвободными крестьянами. Въ государственно-правовомъ отношеніи актъ этотъ былъ первымъ шагомъ къ полному освобожденію отъ германской имперіи, такъ какъ, по одному изъ его пунктовъ, союзные швейцарцы не признавали имперскихъ фогтовъ—не-швейцарцевъ. Понятно, что сосѣдніе владѣтели не очень радушно встрѣтили возникновеніе свободнаго государства, и уже довольно скоро швейцарскій союзъ долженъ былъ бороться за свою самостоятельность. Для этой цѣли лѣсные кантоны вступили въ союзъ съ Цюрихомъ 16 октября 1291 г. противъ австрійскаго дома по смерти короля Рудольфа. Главное, что способствовало упроченію союза на первыхъ порахъ, было то обстоятельство, что имперія находилась въ періодѣ своего распаденія на многія отдѣльныя владѣнія. Швейцарское свободное государство составляло антиподъ владѣльческихъ государствъ, опиравшихся на системѣ феодализма. Впрочемъ, и Швейцарія также вскорѣ стала господствовать надъ чуждыми ей областями и жителями, и въ силу этого она не можетъ похвалиться, что во все время ея существованія всѣ ея жители были одинаково свободны, пользовались одинаковыми правами.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшей государственно-правовой исторіи Швейцаріи, Hilty останавливается на сагѣ о Вильгельмѣ Теллѣ, за которой онъ признаетъ нѣкоторую долю истины. Болѣе достовѣрна, говоритъ онъ, союзная клятва на Рютли въ 1307 г., но въ доказательство приводитъ не точно установленные историческіе факты, а только свои предположенія. Какъ бы то ни было, Швейцарія фактически, безъ Вильгельма Телля или съ нимъ, была признана со стороны сосѣднихъ государствъ самостоятельною. Послѣ битвы при Моргартенѣ Австрія признала швейцарскій союзъ. Въ силу этого 9 декабря 1315 года латинскій союзный актъ 1291 года былъ опубликованъ на нѣмецкомъ языкѣ, чѣмъ положено начало оффиціальному существованію союза. Въ актѣ 1315 года есть добавленіе, по которому внѣшняя политика состоитъ въ вѣдѣніи союза и никакой кантонъ безъ вѣдома и согласія остальныхъ не можетъ заключать политическихъ договоровъ съ иностранными государствами или подчиниться кому бы то ни было. Въ 1318 г. заключено было съ Австріей перемиріе, въ силу котораго герцоги, владѣвшіе землями въ трехъ лѣсныхъ кантонахъ, должны были отказаться отъ всякихъ притязаній на государственныя права и пользоваться своими землями лишь въ частно-правовыхъ отношеніяхъ. По отношенію къ германской имперіи союзъ на первыхъ порахъ держался примирительной политики; онъ согласился считаться частью имперіи съ условіемъ,

что онъ будетъ пользоваться правами, изложенными въ актѣ 1291 г. До 1331/32 г. назначались для союза имперскіе фогты, съ этого же года о послѣднихъ болѣе нѣтъ свѣдѣній. О внутренней государственно-правовой жизни перваго союза трехъ кантоновъ извѣстно мало. Въ актахъ отмѣченъ лишь одинъ съѣздъ (Tagsatzung) 24 іюля 1348 г. въ Бегтенридѣ для разрѣшенія пограничнаго спора между Ури и Швицомъ. Болѣе важнымъ событіемъ въ политической и государственной жизни трехъ кантоновъ было принятіе въ союзъ города Люцерна. Но въ виду того, что Люцернъ былъ въ зависимости отъ Австріи и что часть жителей его была противъ соединенія съ лѣсными кантонами, новый союзъ собственно состоялъ изъ двухъ частей: Люцерна съ одной стороны и Ури, Швица и Унтервальдена съ другой. Подобная группировка уже тогда предвѣщала, что Швейцарія не можетъ развиться въ одно цѣльное государство, а только въ союзъ государствъ. Въ 1332 году къ союзу примкнули австрійскія мѣстности Герсау (Gersay) и Веггисъ (Wäggis) при Фирвальдштедтскомъ озерѣ. Но Герсау вскорѣ было подчинено Люцерну и въ швейцарскомъ союзѣ впервые участвуетъ городъ-владѣтель, способствовавшій вмѣстѣ съ другими подобными городами впослѣдствіи господству аристократіи въ швейцарскихъ республикахъ. Вскорѣ за Люцерномъ вступилъ въ союзъ Цюрихъ въ 1351 г., приведшій собою новый элементъ въ государственную жизнь Швейцаріи—различіе городовъ и деревень въ политическомъ отношеніи и право отдѣльныхъ кантоновъ къ заключенію самостоятельныхъ договоровъ съ разными государствами. Вскорѣ въ войнѣ съ австрійцами союзъ присоединилъ къ своей территоріи Гларусъ и Цугъ, которые были уступлены Австріи по бранденбургскому миру 1352 г. Въ дальнѣйшей борьбѣ съ Австріей, союзъ чуть было не лишился Цюриха, заключившаго особый договоръ (регенсбургскій) съ Австрійцами, но за то Бернъ вступилъ въ союзъ и своей сепаратной политикой способствовалъ тому, что Швейцарія не могла стать цѣльнымъ государствомъ.

Во всѣхъ союзныхъ актахъ непремѣнно были слѣдующіе существенные пункты: обязательство безпрекословной помощи противъ внѣшнихъ враговъ, даже безъ формальнаго приглашенія, и неразрывность союза. Неограниченно было право отдѣльныхъ кантоновъ въ веденіи войнъ съ иностранными государствами, но кантоны могли имъ въ этомъ случаѣ придти на помощь, если кантонъ ведущій войну дастъ клятву о важности причины, побудившей его къ наступательному движенію. Въ позднѣйшихъ актахъ установлены періодическія нормальныя возстановленія союзовъ присягой всѣхъ взрослыхъ чрезъ каждыя пять лѣтъ. Ревизіи союзной конституціи въ современномъ значеніи никогда не было. Государственное имя союза гласило для иностранцевъ „der

alte, grosse Pundt in hochtütschen Landen", „partes magnae ligae veteris Alemaniae altae" (старый большой союзъ въ верхне-германскихъ земляхъ); государственнаго герба не было до настоящаго столѣтія, также не было знамени.

Дальнѣйшее увеличеніе союза осуществилось присоединеніемъ Фрейбурга, Солотурна, Базеля, въ XV и XVI столѣтіяхъ. Съ Шафгаузеномъ союзъ заключенъ былъ 1 іюня 1454 г., съ Аппенцеллемъ, бывшимъ прежде въ зависимости отъ Швейцарскаго союза, въ 1513 г. Въ такой же зависимости находились многіе города и мѣстности съ монархическимъ или республиканскимъ правленіями. Таковы были: республика Герсау, аббатство Энгельбергъ, городъ Рапперсвиль, монастырь Эйнзидельнъ, всѣ большіе швейцарскіе монастыри и епископства, и наконецъ долина Урзеренъ. Отъ союза зависили также многіе мелкіе свѣтскіе владѣтели. За то нѣкоторые кантоны были вполнѣ независимы. Такъ, въ сношеніяхъ съ иностранными государствами Граубюнденъ и Валлисъ были самостоятельны; въ Граубюнденѣ жили самостоятельныя посольства иностранныхъ державъ. Договоры, по которымъ вышеназванныя мѣстности были зависимы отъ союза, суть слѣдующіе: аббатъ С. Галленскій былъ въ вѣчномъ союзѣ съ Цюрихомъ, Люцерномъ, Швицомъ и Гларусомъ съ 17 августа 1451 г.; городъ С. Галленъ съ 1455 г., городъ Биль (Biel) съ Берномъ съ 1352 г.; городъ Мюльгаузенъ съ 27 августа 1468 г.; городъ Роттвейль при Некарѣ съ 1519 г.; три союза въ Рэтіи (Граубюнденѣ) съ 1473 г., Валлисъ съ 1416 г.; графство Невшатель-Валангенъ съ 1290 г.; городъ Женева съ 1526 г. и т. д. Кромѣ того, въ прежней Швейцаріи были, особенно послѣ реформаціи, настоящія подданныя мѣстности. До послѣдняго времени господствовало еще стремленіе въ средѣ аристократовъ—матеріально осчастливить подданныхъ и въ частно-правовомъ отношеніи управлять ими справедливо, но ни за что не желали они дать своимъ подданнымъ политической свободы. Но эти подданные, надо полагать, были столь многочисленны и потому сильны, что правительства Цюриха и Берна должны были къ нимъ обращаться, какъ и къ другимъ гражданамъ, за запросами при введеніи новыхъ законовъ.

Переходя къ изложенію дипломатическихъ сношеній съ иностранными государствами, Hilty подробно останавливается на отношеніяхъ къ имперіи. До швабской войны Швейцарія несомнѣнно принадлежала къ имперіи и только съ 1499 г. союзъ сталъ самостоятельнымъ государствомъ, именно послѣ базельскаго мира этого года, несмотря на то, что въ соотвѣтственныхъ актахъ объ этомъ не совсѣмъ опредѣленно выражено. Оффиціально самостоятельность Швейцаріи была признана иностранными государствами главнымъ образомъ лишь въ 1697 г. въ такъ-называемомъ Рисвикскомъ мирѣ. Отношенія къ Австріи имѣли

долгое время вліяніе на конституцію Швейцаріи, особенно въ силу обязательства союза—заботиться о нейтральности Верхней Бургундіи. За это Австрія отдала подъ протекторатъ Швейцаріи Франшъ-Конте. Первое появленіе Франціи въ швейцарской исторіи было не особенно дружелюбное, точно такъ какъ и второе, вторженіе арманьяковъ въ Швейцарію подъ начальствомъ дофина, будущаго Людовика XI. Впослѣдствіи швейцарцы жили дружно съ французами, и извѣстно участіе швейцарцевъ въ качествѣ наемныхъ солдатъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ до 1830 г. Съ папой и Савойей Швейцарія уже довольно рано имѣла сношенія, главнымъ образомъ по поводу религіи.

Реформація сразу раздѣлила маленькую страну на двѣ непримиримыя части и повела къ крупнымъ политическимъ событіямъ. Цвингли и вызванный его проповѣдями „Мандатъ о вѣрѣ" (Mandat vom Glauben) были злобой дня въ XVI вѣкѣ. Интересный мандатъ стоилъ бы того, чтобы привести его въ настоящей статьѣ, но это чрезвычайно увеличило бы статью. Союзный совѣтъ высказался въ немъ противъ лютеранства и цвингліанства не только потому, что основы католицизма могутъ рушиться, но главнымъ образомъ потому, что сочиненія послѣдователей Лютера и Цвингли вызвали безпорядки среди крестьянъ. Совѣтъ обѣщаетъ крестьянамъ послабленіе въ налогахъ и въ отбываніи повинностей безъ введенія новыхъ религіозныхъ ученій. Какъ выполнилъ свое обѣщаніе Совѣтъ, показываютъ крестьянскія движенія XVII ст., принявшія довольно серьезные размѣры. Цюрихъ не призналъ вышеназваннаго мандата и заключилъ съ городомъ Констанцемъ союзъ (christliches Burgrecht); католическіе же кантоны Ури, Швицъ, Унтервальденъ, Люцернъ и Цугъ заключили съ королемъ венгерскимъ, эрцгерцогомъ австрійскимъ Фердинандомъ такъ-называемый „Фердинандскій союзъ". Къ Цюриху пристали Бернъ, Базель, С.-Галленъ и т. д., чтобы сообща выступить въ поле противъ католическихъ кантоновъ. Война продолжалась недолго и закончилась миромъ при Каппелѣ въ 1529 г. Главное основаніе трактата этого мира — новый принципъ о равноправности двухъ формъ христіанской церкви въ дѣлахъ швейцарскаго союза. Этимъ самымъ признанъ былъ для обще-швейцарскихъ дѣлъ принципъ, что община, а не общая церковь есть представительница вѣры. Но вскорѣ борьба снова возгорѣлась и послѣ двухъ пораженій евангелической партіи при Каппелѣ и Цугербергѣ заключенъ былъ второй миръ при Каппелѣ 20/24 ноября 1531 г. Время отъ второго до третьяго мира 1656 г. католическая контръ-реформація значительно окрѣпла, и католики заключили нѣсколько отдѣльныхъ союзовъ, раздѣлившихъ Швейцарію на двѣ части, причемъ евангелическая часть была въ меньшинствѣ кантоновъ и по-

тому мало способная къ защитѣ своего направленія въ обыкновенномъ швейцарскомъ государственномъ правѣ. Во второй половинѣ XVI в. еще существовала формальная группировка обѣихъ религіозныхъ общинъ въ церковномъ отношеніи посредствомъ гельветическаго религіознаго догмата (Glaubensbekenntniss) 1566 года для одной партіи и промульгаціонной буллы „In coena Domini" Тридентскаго собора 1572 г. для другой. Политически католическая Швейцарія организовалась въ знаменитый золотой, или борромеевскій, союзъ въ 1586 г. въ Люцернѣ; впослѣдствіи въ 1655 и 1714 г. онъ снова возобновлялся.

Къ этой католической организаціи присоединились Аппенцель, католическая часть Гларуса, Валлисъ, Базельскій епископъ, аббатъ С. Галлена и городъ Ротвейль. Въ евангелическомъ союзѣ участвовали города Цюрихъ, Бернъ, Базель, Шафгаузенъ, евангелическіе Гларусъ и Аппенцель, Мюльгаузенъ, Биль (Biel), три союза въ Ретіи, Женева, Невшатель, Мюнстерталь, Нейенштадтъ и евангелическій Тоггенбургъ.

Обѣ части имѣли свои особенныя связи за границей: католическая Швейцарія заключила союзы съ Савойей въ 1577 г., съ папой Піемъ IV въ 1566 г. и съ Филиппомъ II, королемъ Испаніи въ 1587 г. На сторонѣ реформистовъ были: городъ Страсбургъ, маркграфъ Баденскій, пфальцграфъ, герцогъ Вюртембергскій, Нидерланды, Венеція и иногда Франція. Отчасти политическое и церковное раздѣленіе было смягчено Баденскимъ договоромъ 1632 г. и третьимъ миромъ, послѣ первой битвы при Вильмергенѣ въ 1656 г. Только послѣ битвы при Бремгартенѣ противъ войскъ с. галленскаго аббата и второй битвы при Вильмергенѣ въ 1712 году Бернъ заключилъ съ католическими кантонами миръ въ Аарау, положившій конецъ религіознымъ войнамъ, продолжавшимся почти 200 лѣтъ и значительно опустошившимъ страну. Этимъ миромъ обѣ партіи признали общую союзную конституцію, продержавшуюся до конца стараго союза.

„Каждая религіозная реформа, говоритъ Hilty, является слѣдствіемъ соціальныхъ несправедливостей и совершенно послѣдовательно выводитъ эти несправедливости на свѣтъ Божій". Авторъ на основаніи документовъ рисуетъ положеніе народа, его экономическую и политическую зависимость отъ аристократіи, и переходитъ къ изложенію событій 1653 г., извѣстныхъ подъ названіемъ швейцарскихъ крестьянскихъ войнъ. Желая положить предѣлъ господству аристократіи, крестьяне основали 23 апрѣля 1653 г. новую Швейцарію, утвержденную 30 апрѣля открытымъ поднятіемъ рукъ, а основныя

положенія программы крестьянъ были 14 мая на второмъ большомъ крестьянскомъ съѣздѣ изложены на пергаменѣ съ печатями. Господствовавшіе тогда классы послѣ пораженія крестьянъ сочли нужнымъ сдѣлать уступки въ соціальныхъ правахъ меньшей братіи, слѣдствіемъ чего явился проектъ о ревизіи конституціи союза въ 1655 году.

Существенная часть швейцарской союзной конституціи того времени была основана на обычномъ правѣ, особенно въ отношеніи организаціи и компетенціи съѣздовъ (Tagsatzungen) и швейцарско-правительственныхъ вмѣшательствъ (Intervention). Съѣзды были единственнымъ, въ началѣ только случайнымъ, впослѣдствіи же постояннымъ органомъ союза. Швейцарское государственное право различало: 1) общіе съѣзды, большею частью конгрессы мира, на которыхъ на ряду съ кантонами принимали участіе привилегированные подчиненные города и иностранные союзники; 2) исключительно швейцарскіе съѣзды для тринадцати кантоновъ. Послѣдніе съѣзды между прочимъ издавали постановленія о сельской полиціи, обсуждали вопросы обще-швейцарскаго права и права вмѣшательства въ кантональную жизнь. Въ послѣднихъ двухъ главахъ своего сочиненія Hilty описываетъ новѣйшую исторію швейцарскаго государственнаго права, но новаго въ этихъ главахъ мало. Вліяніе французской революціи 1789, вмѣшательство Наполеона въ внутреннюю жизнь Швейцаріи, событія 30-хъ и 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія и наконецъ ревизія конституціи въ 1874 г. составляютъ содержаніе послѣднихъ главъ. Кромѣ большаго числа актовъ, помѣщенныхъ дословно въ текстѣ, къ книгѣ Hilty приложены нѣкоторые цѣнные памятники швейцарской исторической жизни, какъ напр. швейцарскія конституціи 1803, 1815 и 1874 годовъ, актъ о принятіи Унтервальдена въ Союзъ, фототипіи съ акта 1291 г. на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. По своему фактическому содержанію книга проф. Hilty составляетъ цѣнный вкладъ въ швейцарскую историческую литературу, особенно если не обращать вниманіе на довольно странную философію автора, къ сожалѣнію встрѣчающуюся чуть ли не на каждой страницѣ. Этимъ закончимъ обзоръ юбилейной обще-швейцарской литературы, такъ какъ оффиціальныхъ изданій больше не вышло, мелкія же статьи и брошюры не представляютъ въ научномъ отношеніи ничего интереснаго. Единственная заслуга этихъ статей и брошюръ заключается въ томъ, что въ нихъ опубликовано множество актовъ, бывшихъ дотолѣ неизвѣстными.

Въ прошломъ году и городъ Бернъ праздновалъ 700-лѣтнюю годовщину своего существованія. Но историческая литература отъ

этого очень мало выиграла. Кой-что новаго можно найти въ оффиціально изданномъ альбомѣ историческихъ статей, трактующихъ о частностяхъ, мало интересныхъ для не-швейцарцевъ. Исторія города Берна, написанная для народа приватъ-доцентомъ Бернскаго университета Мюлиненомъ, по порученію организаціоннаго комитета празднества не заключаетъ въ себѣ не только ничего научнаго и новаго, но даже вѣрнаго изложенія историческихъ событій. Презрительное отношеніе къ народной массѣ, восхваленіе аристократіи, къ которой принадлежитъ авторъ, не могутъ, конечно, считаться научными. Впрочемъ, эта книжка вполнѣ гармонировала съ празднествомъ, бывшимъ не народнымъ, какъ объ этомъ трубили газеты, а аристократическимъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ книжкѣ Мюлинена вообще между историческими дѣятелями нѣтъ совсѣмъ простыхъ смертныхъ людей, какихъ во множествѣ знаетъ швейцарская исторія, а управляютъ, воюютъ и т. д. только „фоны"; въ описаніи крестьянскихъ войнъ XVII ст. авторъ всецѣло на сторонѣ аристократіи, не смотря на то послѣдняя сама въ цѣломъ рядѣ актовъ признала, что отчасти крестьяне правы и что они нуждались въ облегченіяхъ. Съ особеннымъ одушевленіемъ говоритъ онъ и о наказаніяхъ, коимъ подверглись крестьяне послѣ пораженія. Съ глубокимъ сожалѣніемъ отзывается онъ зато о паденіи аристократическаго режима послѣ французской революціи, не видя ничего хорошаго въ не-аристократической Швейцаріи.

Кромѣ разобранныхъ нами сочиненій изданы были по случаю юбилейныхъ празднествъ слѣдующіе труды: 1) „Die Chronik des weissen Buches von Sarnen"—старинная лѣтопись о возникновеніи и развитіи швейцарскаго союза. Вновь издана бернскимъ профессоромъ Фетизеромъ съ приложеніемъ перваго союзнаго акта 1291 г. на семи языкахъ. 2) Базельское историческое и антикварное общество издало памятную книгу: „Denkschrift etc...". 3) Священикъ фонъ-Агъ (Ah), епископскій коммиссаръ въ Керпсѣ (Обвальденѣ) издалъ: Die Bundesbriefe der schweizerischen Eidgenossenschaft 1291—1513" съ историческими примѣчаніями; 4) Бешенштейнъ E... Nach sechs Jahrhunderten 1291—1891". 5) Либенау: „Am Vorabend der Bundesfeier von 1891" въ газетѣ „Katholische Schweizerblätter 1891"; кн. 2. 6) Куони: „Die Gründung der Eidgenossenschaft" 7) Андреа (г-жа Гарбальдъ) „Вильгельмъ Телль", историческій разсказъ. 8) Воше (Vaucher): „Les commencements de la Conféderation Suisse". Организаціонный комитетъ бернскихъ юбилейныхъ празднествъ издалъ роскошную объемистую книгу, въ которую вошли 7 статей выдающихся бернскихъ историковъ, но новаго въ этихъ статьяхъ очень мало. Содержаніе книги

слѣдующее: 1) „Историческій ростъ города Берна до возникновенія бернскаго государства“, профессора Блема; 2) „Аристократія и цехи Берна“ архитектора Родта; 3) „Хронисты и историки стараго Берна“ пр.-доцента Тоблера; 4) „Государственное управленіе стараго Берна“ д-ра Гейзера; 5) „Актъ о свободѣ отъ средневѣковой римской имперіи, дарованный городу Берну“ (Berner Handveste) проф. Цеерледера; 6) „Историко-критическія изслѣдованія вышеуказаннаго акта“ проф. Гидбера и 7) „Планъ старыхъ бернскихъ укрѣпленій“ маіора Ребера

Секта ессеевъ.

С. В. Лурье.

Передавая событія еврейской исторіи времени Маккавея Іонаѳана (160—143 г. до Р. Х.), Іосифъ Флавій [1]) упоминаетъ о существованіи трехъ еврейскихъ сектъ (αἱρέσεις): фарисеевъ, садуккеевъ и ессеевъ. Благодаря роли, которую первыя двѣ секты играли въ послѣдующей жизни еврейскаго народа, характеръ и особенности ихъ воспроизведены въ источникахъ, если не съ желательными подробностями, то по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ. Что же касается до ессеевъ, вліянію которыхъ суждено было выйти далеко за предѣлы ихъ небольшого отечества, то, какъ это ни странно, — оставшіяся о нихъ свѣдѣнія скудны, ненадежны и оставляютъ широкій просторъ для догадокъ и предположеній [2]). Если въ послѣднее время и удалось про-

---

[1]) Ioseph. Antiqu. XIII, 5, 9.

[2]) Въ виду своеобразнаго устройства секты, запрещавшей постороннему лицу доступъ къ богослуженію, къ трапезамъ и т. п.,—даже къ свидѣтельствамъ современниковъ, какъ Іосифъ Флавій и Филонъ Александрійскій, необходимо относиться съ величайшею осторожностью. Въ частности, что касается Іосифа, то при пользованіи имъ необходимо имѣть въ виду во-1-хъ то, что онъ о многомъ могъ не упоминать по незнанію (ср. Antiqu. XVIII, 2, 5, гдѣ онъ отдѣлывается фразою „θυσίας οὐχ ἐπιτελοῦσι διαφορότητι ἁγνειῶν ἃς νομίζοιεν", очевидно не зная въ точности, каковы были отношенія ессеевъ къ Іерусалимскому храму); во 2-хъ то, что онъ могъ невольно или даже умышленно эллинизировать философскія и религіозныя вѣрованія ессеевъ для того, чтобы сдѣлать свой разсказъ понятнымъ римскому или греческому читателю (подозрительнымъ въ этомъ смыслѣ является, напр. его сообщеніе въ Bell. Jud. II, 8, 11); въ 3-хъ то, что свои предположенія, быть можетъ невѣрныя, онъ выдаетъ за истину (до очевидности ясный примѣръ представляетъ Bell. Jud. II, 8, 2). Филонъ говоритъ о ессеяхъ въ сочин. Quod omnis probus liber и въ отрывкѣ изъ Апологіи (Ἰουδαίων Ἀπολογία), сохранившемся у Евсевія въ Praep. evan-

лить нѣкоторый свѣтъ на отдѣльныя стороны этого загадочнаго явленія, то воспроизведеніе жизни цѣлаго тѣмъ не менѣе можетъ быть предпринимаемо лишь съ величайшею осмотрительностью: въ данномъ случаѣ ошибка возможна не только благодаря недостаточности и отсутствію источниковъ, но и благодаря умышленному ихъ искаженію.

Происхожденіе ессейской секты нужно отнести къ первой половинѣ II в. до Р. Х., когда въ стонавшей подъ Сирійскимъ владычествомъ Іудеѣ образовался вліятельный и могущественный классъ Эллинистовъ, стремившихся къ сближенію съ греческою культурою. Нѣкоторые крайніе представители этого направленія, къ которымъ принадлежалъ между иными и первосвященникъ Менелай, шли такъ далеко, что требовали даже водворенія эллинскаго культа въ Іудеѣ, устраненія религіи предковъ и совершеннаго слиянія (ἐπιμιξία) съ языческимъ населеніемъ. Были предприняты въ этомъ смыслѣ нѣкоторые шаги. Въ Іерусалимѣ была устроена по греческому образцу гимназія, были введены греческія игры и были даже попытки введенія жертвоприношеній Зевсу и инымъ языческимъ богамъ. Въ народной массѣ это направленіе не находило сочувствія, и изъ ея среды выдѣлилась группа лицъ, тенденціи которыхъ были прямо противоположны тенденціямъ Эллинистовъ; горячо преданные религіи предковъ, они порицали всѣ новшества, какъ грѣхъ, и ждали спасенія народу отъ возстановленія іудейской вѣры во всей ея первоначальной чистотѣ. Не слѣдуетъ думать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели [3]), что эти лица (набожные—Chassidim—'Ασιδαῖοι) уже при первомъ своемъ появленіи сплотились въ одно организованное общество; они не со-

gelica, VIII, 11. Подлинность обоихъ сочиненій была оспорена впервые Франкелемъ и затѣмъ Graetz'омъ въ его Geschichte der Juden Bd. III b., № 25, стр. 799—800. Противъ названныхъ авторовъ выступили Zeller въ своей Philos. d. Griechen Bd. III b. 3 Aufl., стр. 307 и особенно убѣдительно проф. Lucius въ соч. Der Essenismus und das Judenthum, стр. 13—23. Послѣдній опровергнулъ доводы Франкеля и положилъ Апологію въ основу своей работы. Что касается до сочиненія περὶ βίου θεωρετικοῦ, найденному среди соч. Филона, то оно большинствомъ ученыхъ (кромѣ Целлера) считается подложнымъ. Изъ источниковъ нужно еще указать на Плинія Старшаго, посвятившаго въ своей Hist. Nat. V, 16, 17 коротенькую замѣтку ессеямъ. Остальные писатели (они указаны въ соч. Bellermann'a Geschichtliche Nachrichten über Essäer u. Therapeuten, 1821), напр., Solinus, Porphyrius и мн. другіе, черпали изъ указанныхъ выше сочиненій и не прибавили къ нимъ ничего новаго.

[3]) Graetz II b., стр. 237, Lucius, op. cit., стр. 91. Оба автора ссылаются на выраженіе I книги Маккав. II, 42: συναγωγὴ 'Ασιδαίων и заключаютъ изъ этого, что асидеи съ самаго начала составляли „einen geschlossenen Verein". Но для такого заключенія слово συναγωγή и соотвѣтствующее ему Kahal Chassidim (Ps. 149, 1 у Graetz'a) недостаточно; его можно переводить (ср. Lucius l. c.) просто словомъ „группа" въ смыслѣ случайнаго собранія людей.

ставляли первоначально даже организованной политической партіи. Это были люди набожные, вѣрные традиціи, рѣшившіеся на борьбу лишь тогда, когда началось насильственное обращеніе евреевъ въ язычество [4]). Они возбуждали народъ къ сопротивленію, убѣждали его не измѣнять завѣтамъ прошлаго и укрѣпляли его въ вѣрѣ, что Богъ не оставитъ своего народа и покараетъ его угнетателей. За это они подверглись сильнымъ преслѣдованіямъ, и значительная часть ихъ наконецъ была истреблена по повелѣнію Антіоха Епифана. Весьма вѣроятно, что именно во время этой борьбы часть асидеевъ, извѣрившись въ возможности побѣды надъ врагомъ и въ осуществленіи лелѣяннаго идеала, удалилась отъ общественной жизни и въ тиши уединенія, скрываясь отъ хулителей Іеговы и осквернителей его храма, вела праведную, безгрѣшную жизнь. Въ ихъ средѣ назиреатъ, т.-е. обычай давать обѣтъ воздержанія въ теченіе извѣстнаго времени отъ вина, мяса, чувственныхъ удовольствій и проводить дни въ молитвѣ и покаяніи, получилъ дальнѣйшее развитіе и изъ временнаго сдѣлался пожизненнымъ (Nazir Olam) [5]). Религіозное чувство асидеевъ не находило уже удовлетворенія при существовавшемъ строѣ жизни. Быть можетъ, удаленію отъ общества и строгости ихъ жизни способствовали и иностранныя философскія ученія, занесенныя къ тому времени въ Іудею; но фактъ тотъ, что появилась своеобразная религіозная секта, или, какъ нѣкоторые не безъ основанія говорятъ, религіозный орденъ, съ прочной организаціей, съ опредѣленными цѣлями,—секта, становившаяся все болѣе и болѣе замкнутою, все болѣе и болѣе недоступною вторженію новыхъ идей. То, что Талмудъ [6]) разсказываетъ о двухъ школахъ асидеевъ: школѣ

---

[4]) Ср. Graetz. II b, 318 sq., Derenbourg Histoire de la Palestine etc. vol. I, p. 54 sq.

[5]) Въ литературѣ распространено мнѣніе (основ. на I Маккав., 7), что асидеи составляли въ Іудеѣ „партію войны"; это будто бы мѣшаетъ признать преемственную связь между ними и ессеями, гнушавшимися войны (ср. Hildenfeld, Zeit. f. wiss. Theol. 1882, III 260—261). Намъ кажется, что если даже допустить не безспорную „воинственность" асидеевъ (ср. напр. Lucius 89 sq.), предположеніе высказанное въ текстѣ отъ этого не страдаетъ. Мы далеки отъ того, чтобы отожествлять асидеевъ съ ессеями. Мы утверждаемъ лишь, что послѣдніе вышли изъ среды асидеевъ, именно изъ той ихъ части, которая разочаровалась въ возможности побѣды.

[6]) Abot, I, 5. Объ антагонизмѣ этихъ школъ и времени ихъ существованія ср. Graetz, II b, стр. 274, прим. 2. Относительно того, можно ли считать Талмудъ достовѣрнымъ источникомъ при изслѣдованіи вопроса о ессеяхъ, въ литературѣ существуетъ разногласіе. Такъ, Lucius op. cit., 34 (знакомый съ Талмудомъ изъ вторыхъ рукъ), отрицаетъ его значеніе для даннаго вопроса, между тѣмъ какъ другіе какъ д-ръ Франкель (Die Essener nach Talmudischen Quellen,

Іосифа-бенъ-Іоэзера и школѣ Іосифа-бенъ-Іоханана, можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что первая выражала настроеніе большинства, въ то время какъ вторая, проповѣдывавшая „общеніе съ бѣдными", порицавшая „близкія отношенія къ женщинамъ" (это единственныя сохранившіяся отъ нихъ изреченія), составила то зерно, изъ котораго развился орденъ ессеевъ [7]. Нѣтъ никакой возможности прослѣдить на основаніи источниковъ исторію ордена и тѣ видоизмѣненія, которыя онъ претерпѣлъ отъ своего возникновенія до той эпохи, въ которую подробно его описываетъ Іосифъ Флавій. Можно указать на отдѣльныя черты, что и будетъ сдѣлано въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Названіе ессеевъ объясняютъ самымъ различнымъ образомъ (существуетъ 14 гипотезъ о происхожденіи этого слова). Наиболѣе вѣроятнымъ представляется образованіе слова отъ Sacha — купаться, или отъ Chasa — набожный [8]. Первое находитъ оправданіе въ частыхъ купаніяхъ ессеевъ (о нихъ ниже), второе въ общемъ ихъ направленіи. Въ послѣднемъ можно было бы видѣть лишнее доказательство въ пользу существованія исторической связи ессеевъ съ асидеями (Chasidim), названіе которыхъ несомнѣнно происходитъ отъ Chasa. По свидѣтельству Іосифа [9] члены ессейской секты или ордена, смотря по времени, въ которое они принадлежали ордену, дѣлились на четыре класса; этихъ классовъ Іосифъ не называетъ, но мы можемъ до извѣстной степени пополнить этотъ пробѣлъ нѣкоторыми данными изъ еврейскихъ источниковъ. Въ Mischna Bechorot 30 b. (Tosefta Demai c. 2) [10] мы находимъ слѣдующее мѣсто, повидимому трактующее о пріемѣ членовъ въ орденъ: „Его (т.-е. желающаго вступить въ орденъ) принимаютъ къ Kenap-

---

Monatschrift, 1853) находитъ возможнымъ дать полную картину ессейской жизни на основаніи одного только Талмуда. Что ессеи упоминаются въ Талмудѣ, Frankel доказалъ (см. ниже), сопоставивъ данныя Талмуда съ данными Іосифа и Филона. Но онъ, на вашъ взглядъ, идетъ слишкомъ далеко (стр. 31 и др.), полагая, что подъ названіями Chaberim, Cenuim, Zakenim etc. подразумѣваются ессеи.

[7]) Derenbourg op. cit., p. 461, совершенно отрицаетъ историческую связь между асидеями и ессеями. „Les Assidéens, говоритъ онъ, cessèrent d'exister aussitôt (?) que le danger qui menaçait la religion est disparu". Доказательствъ этого положенія мы не находимъ. Д. допускаетъ впрочемъ, что между иными названіями, обозначавшими ессеевъ, было и назв. Chassidim.

[8]) Ср. Graetz III b, стр. 700—701, Bellerman l. c. 6—14.

[9]) Ioseph. B. I. II, 8, 10: διήρηνται δὲ κατὰ χρόνον τῆς ἀσκέσεως εἰς μοίρας τέσσαρας.

[10]) Ср. Frankel op. cit., 33. Онъ считаетъ эту Mischna, изобилующую постановленіями о священнич. чистотѣ, составленною подъ ессейскимъ вліяніемъ. Это сомнительно, т. к. постановленія о чистотѣ (см. ниже) имѣютъ источникомъ своимъ указ. мѣста Levitic.

haim, а затѣмъ къ Taharot. Если онъ говоритъ: беру только Kenaphaim, его принимаютъ; если онъ беретъ только Taharot, а не Kenaphaim, его не принимаютъ совсѣмъ". Kenaphaim и Taharot, очевидно, первые изъ 4 классовъ, о которыхъ говоритъ Флавій. Объявляющему желаніе поступить въ орденъ выдавали небольшой топоръ, полотняный передникъ (Kenaphaim) и бѣлое платье [11]); въ теченіи цѣлаго года онъ (Baal Kenaphaim) [12]) остается еще внѣ ордена и долженъ вести предписанный ему образъ жизни, сходный съ тѣмъ, который вели и остальные ессеи [13]). По истеченіи года доказавшій строгостью и воздержанностью образа жизни свою подготовленность стать членомъ ордена, освящается вмѣстѣ съ прочими самою чистою водою (καθαρωτέρων πρὸς ὑδάτων) и допускается въ орденъ (πρόςεισι ἔγγιον τῇ διαίτῃ) [14]); но доступъ къ трапезамъ ему еще этимъ не разрѣшенъ. Нужно думать, что это вторая ступень—Taharot, упомянутая выше. Далѣе, его испытываютъ еще въ теченіе двухъ лѣтъ, и если онъ оказывается достойнымъ, — то принимается окончательно въ орденъ. Но прежде чѣмъ допустить его до общественной трапезы,—его заставляютъ дать „страшную", какъ говоритъ Флавій [15]), клятву—прежде всего въ томъ, что онъ будетъ почитать Бога; затѣмъ въ томъ, что онъ будетъ соблюдать справедливость въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, что онъ никому не причинитъ зла ни по доброй волѣ, ни по принужденію. Онъ обязуется, далѣе, ненавидѣть злыхъ и помогать справедливымъ; свято соблюдать данное слово и больше всего повиноваться властямъ, ибо всякая власть исходитъ отъ Бога (οὐ γὰρ δίχα Θεοῦ περιγίγνεσθαί τινι τὸ ἄρχειν) [16]). Онъ клянется въ томъ, что, если онъ самъ когда-либо достигнетъ власти, то будетъ пользоваться ею умѣренно и не унизитъ подчиненныхъ своихъ блескомъ (платьемъ или украшеніями). Онъ долженъ любить правду и уличать лжецовъ; руки должны быть чисты отъ кражи, а духъ свободенъ отъ желанія нечистой прибыли. У него не должно быть тайны отъ собрата по ордену, а выдавать чужимъ ихъ тайны онъ не долженъ даже въ томъ случаѣ, еслибы ему грозили смертью. Онъ долженъ сохранять въ тайнѣ книги ордена и имена ангеловъ, а передавать новымъ членамъ ученіе ордена онъ долженъ только въ томъ видѣ, въ какомъ оно было передано ему

---

[11]) Ioseph. B. I. II, 8, 7.

[12]) Ср. указ. въ Талмудѣ (Sabbat, 49a, 130a) на нѣкоего Elissa B. Ken. и Kohelet 10, 30.

[13]) Ioseph. Ibid., 7.

[14]) Ibidem.

[15]) Ibidem.

[16]) Подъ τὸ ἄρχειν въ данномъ случаѣ можно понимать только власть въ орденѣ, а не власть вообще.

самому [17]). По значенію своему въ орденѣ классы различались до того рѣзко, что, какъ передаетъ Іосифъ [18]), даже случайное прикосновеніе члена высшаго класса къ члену низшаго, считалось для перваго осквернeніемъ, отъ котораго онъ долженъ былъ очиститься омовеніемъ такъ, какъ будто бы онъ прикоснулся къ человѣку, совершенно, не принадлежащему къ ордену. Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что сохраненіе священнической чистоты было одною изъ главнѣйшихъ обязанностей ессея, и отъ малѣйшаго оскверненія онъ долженъ былъ очищаться. Любопытно то, что благовонныя масла, бывшія въ большомъ употребленіи не только въ народѣ, но и у священнослужителей, считались ессеями „скверною", и прикосновеніе къ нимъ, какъ и ко всему нечистому, требовало омовенія. Безукоризненная внѣшняя чистота, обязательная бѣлая одежда,—должны были служить какъ бы символами ихъ внутренней чистоты и безпорочности. Изъ приведенной клятвы уже видно, до чего доходила солидарность и связь между членами: они не могли даже имѣть другъ отъ друга тайны! Во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ упомянутаго давленія на классы, между членами секты существовало полнѣйшее равенство. Они презирали богатство [19]), и у нихъ существовала безусловная общность имущества. Каждый новопоступающій членъ отказывается отъ своего имущества въ пользу ордена, каждый беретъ у другого то, въ чемъ нуждается, и съ своей стороны отдаетъ все, что имѣетъ и производитъ лишняго. Купли-продажи между членами не бываетъ, и отъ употребленія денегъ между собою они отказались совершенно [20]). Ессеи, число которыхъ доходило до четырехъ тысячъ [21]), не жили въ одномъ мѣстѣ, и когда какому-либо члену ордена приходилось бывать въ чужомъ городѣ, онъ являлся къ сочленамъ, жившимъ въ данномъ мѣстѣ, былъ—хотя бы и незнакомый—принимаемъ, какъ близкій родственникъ, и могъ располагать ихъ имуществомъ, какъ своею собственностью [22]). При описанномъ братскомъ отношеніи между членами общества, въ немъ господствовалъ строгій порядокъ, обусловленный авторитетомъ, которымъ пользовались извѣстныя лица. Zeller [23]) на основаніи одного мѣста изъ Іосифа (о различіи клас-

---

[17]) Весьма интересно сопоставл. Псалма XV съ приведенною клятвою ессеевъ. Ср. Lucius 107. До L. на это обратилъ вниманіе M. Pécaut N. R. de Théologie. 1858.

[18]) Ioseph. Ibid., 10.

[19]) Ioseph. Ibid., 3.

[20]) Ibidem.

[21]) Philo Ap. опредѣл. число ессеевъ въ 10 т. (?)

[22]) Ibid., 4.

[23]) Phil. d. Gr. III b 3 Aufl., стр. 280.

совъ) дѣлаетъ выводъ о іерархическомъ устройствѣ общества. Съ послѣднимъ нельзя согласиться, такъ какъ не видно, чтобы лица высшаго класса пользовались какою-либо властью надъ лицами низшаго. Вѣрно лишь то, что въ сектѣ нѣкоторыя должностныя лица пользовались значительною властью. Таковыми были напр., попечители (ἐπιμεληταί), контролю которыхъ подлежали всѣ дѣйствія членовъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя были вызываемы милосердіемъ и любовью къ ближнему [24]). Далѣе, сборщики податей (ἀποδέκται προσόδων) [25]), бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ священниками, отправлявшими богослуженіе и наблюдавшими за приготовленіемъ орденской пищи. Наконецъ, во многихъ городахъ были „попечители надъ чужими" (κηδεμόνες τῶν ξένων), у которыхъ хранилось платье и иное имущество, принадлежавшее ордену. Всѣ эти должностныя лица выбирались обществомъ по всей вѣроятности пожизненно. Наибольшимъ нравственнымъ авторитетомъ въ орденѣ пользовалось большинство, такъ что напр., если девять человѣкъ держались извѣстнаго мнѣнія, то десятый не позволялъ себѣ даже высказывать свое мнѣніе, если оно расходилось съ мнѣніемъ девяти. Отправленіе правосудія лежало на обязанности собраній изъ 100 человѣкъ [26]) и совершалось со всею возможною тщательностью и осмотрительностью. Кромѣ общихъ наказаній, извѣстныхъ Моисееву закодательству и введенныхъ позднѣйшею практикою, было одно достойное вниманія, примѣнявшееся должно быть въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, — именно исключеніе изъ секты. Исключенный, связанный клятвами и обѣщаніями, данными при вступленіи въ орденъ, между прочимъ клятвою не прикасаться къ пищѣ, приготовленной не по ихъ обряду, въ концѣ концовъ погибалъ отъ голода, если изъ жалости къ несчастному его не принимали обратно.

Переходимъ къ разсмотрѣнію образа жизни ессеевъ. Какъ уже было упомянуто, ессеи жили въ разныхъ городахъ Іудеи [27]); кромѣ того, у нихъ были поселенія въ уединенныхъ мѣстахъ, вдали отъ

---

[24]) Ioseph. Ibid., 6.

[25]) Ioseph. Antiqu. XVIII, 1, 5.

[26]) Ioseph. B. I. II, 8, 9.

[27]) Относительно вопроса о мѣстѣ жительства ессеевъ мы находимъ противорѣчіе въ источникахъ. У Philo QOPL читаемъ: κωμηδὸν οἰκοῦσι τὰς πόλεις ἐκτρεπόμενοι и т. д. Въ отрывкѣ же изъ Апологіи у Euseb. Pr. ev. VIII, 11: οἰκοῦσι δὲ πολλὰς πόλεις τῆς Ἰουδαίας, πολλὰς δὲ κώμας καὶ μεγάλους καὶ πολυανθρώπους ὁμίλους. Вѣрно послѣднее. Ср. у Ioseph. B. I. II, 8, 4 и др. Указ. противорѣчіе между прочимъ дало поводъ Грецу (Gesch. d. Iuden III b, № 25, стр. 800) признать подложность Апологіи. Также и Hilgenfeld Z. f. w. Theol. 1882, 275. Ср. Zeller, III b, стр. 282, пр. 4 и Lucius, стр. 21 sq.

городовъ; изъ такихъ поселеній самымъ значительнымъ была колонія на западномъ берегу мертваго моря [28]). Главными занятіями ессеевъ было земледѣліе [29]), скотоводство, пчеловодство [30]) и иныя мирныя занятія [31]). Всѣ предметы, необходимые для ихъ скромной и непритязательной жизни, они старались производить сами, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть лишнихъ столкновеній съ нечистымъ и грѣшнымъ міромъ.

День начинали они до восхода солнца набожнымъ обращеніемъ къ нему, мольбою о томъ, чтобы оно взошло и распространило свои божественные лучи [32]). Послѣ молитвы „попечитель" колоніи назначалъ каждому члену извѣстную работу, продолжавшуюся безъ перерыва пять часовъ. Послѣ этого они собирались всѣ въ одно мѣсто, одѣвали полотняные передники и погружались въ холодную воду [33]). За этимъ очистительнымъ купаніемъ слѣдовала трапеза, состоявшая изъ хлѣба и зелени. До и послѣ ѣды священникъ возсылалъ Богу молитвы, которымъ присутствовавшіе внимали съ благоговѣніемъ. На трапезу они смотрѣли какъ на священнодѣйствіе. Суровыя, сосредоточенныя лица съ опущенными взорами, бѣлоснѣжныя одежды, до крайности бѣдная пища и торжественная тишина, царствовавшая въ большомъ собраніи, — все это должно было производить сильное впечатлѣніе на самихъ участвующихъ, а постороннему человѣку, какъ замѣчаетъ Іосифъ, „оно должно было казаться страшною мистеріею". Вторая половина дня была повтореніемъ первой.

Что касается до религіозной стороны ихъ сектантской жизни, то прежде всего нужно сказать, что въ основу ученія было положено пятикнижіе. До чего доходило у ессеевъ уваженіе къ послѣднему, можно судить по тому, что за пренебрежительный отзывъ о Моисеѣ виновный подвергался смертной казни [34]). Но не одно пятикнижіе регулировало ихъ религіозную жизнь. Существенныя части ученія

---

[28]) Plin, Hist. nat. V, 16.

[29]) Ioseph. B. I. II, 8, 5, Ant. XVIII, 1, 5 Philo Qu. omn. pr.

[30]) Philo y Euseb. VIII, 11.

[31]) Ibidem.

[32]) Ibidem.

[33]) Можно предположить, что разсказъ Іосифа въ данномъ случаѣ не совсѣмъ вѣренъ. Купанія по всей вѣроятности происходили по утрамъ. Въ Талмудѣ сохранился любопытный разговоръ между фарисеями и Toble Schacharis (ἡμεροβαπτισταί—ессеи). Toble Schacharis—говорятъ: „мы слышали о васъ, фарисеи, что вы упоминаете имя Господне до омовенія". Фарисеи на это отвѣчаютъ: „мы слышали о васъ, Toble Schacharis, что вы упоминаете имя Господне тѣломъ, которое нечисто". Изъ этого между прочимъ видно, что купанія происходили по утрамъ.

[34]) Ioseph. B. J. II, 8, 9.

были изложены въ ихъ сочиненіяхъ, державшихся въ строгой тайнѣ, и не дошедшихъ до насъ. Основываясь на свидѣтельствѣ Филона и на общихъ соображеніяхъ о характерѣ и настроеніи ордена, можно думать, что въ священныхъ книгахъ ессеевъ содержались аллегорическія толкованія на св. писаніе и нѣкоторыя религіозно-философскія ученія, которыя, какъ мы увидимъ дальше, не были продуктомъ самостоятельнаго творчества ессеевъ. Аллегорическое [35]), толкованіе библіи состояло въ томъ, что самые безхитростные разсказы, самыя обыкновенныя положенія принимались за образы, символы, за которыми скрывался тайный, глубокій смыслъ. Понятно, что при такомъ отношеніи къ св. писанію представлялось богатѣйшее поле для религіозно-теософическаго изслѣдованія, которому по всей вѣроятности давалъ направленіе и характеръ общій господствовавшій въ сектѣ религіозный духъ. При произвольности и субъективности аллегорическаго толкованія, легко всегда найти то, чего ищешь; предвзятое мнѣніе является рѣшающимъ; поэтому понятна клятва, дававшаяся при вступленіи каждымъ новымъ членомъ,—передавать ученіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно дошло до него самого. Это ведетъ насъ къ указанію одной черты ихъ религіозно-философскаго міровоззрѣнія, которое имѣетъ много общаго съ мистицизмомъ позднѣйшихъ еретическихъ христіанскихъ сектъ съ одной стороны, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ является отголоскомъ языческихъ представленій—съ другой. Эта черта символизмъ. Выше мы указали на то, что ессеи обращались съ мольбою къ солнцу; извѣстно, далѣе, что нечистоты они закапывали въ землю (для этой цѣли они всегда носили съ собою топорикъ) для того, чтобы не осквернить божественныхъ взоровъ [36]). Нельзя, конечно, думать, что ессеи обоготворяли солнце, какъ таковое. Для нихъ солнце было символомъ божественнаго зрѣнія или божественной лучезарности. Не подлежитъ сомнѣнію, что персидское ученіе объ ангелахъ и демонахъ, реципированное евреями во время плѣна, съ особенною любовью культивировалось ессеями, и уже одни

[35]) Вопросъ объ аллегорическомъ толкованіи нельзя считать безспорнымъ. Текстъ Филона (Qu. omn. pr. lib. 12) гласитъ: Εἶθ'ὁ μὲν τὰς βίβλους ἀναγιγνώσκει λαβών, ἕτερος δὲ τῶν ἐμπειροτάτων ὅσα μὴ γνώριμα παρελθὼν ἀναδιδάσκει. τὰ γὰρ πλεῖστα διὰ συμβόλων ἀρχαιοτρόπῳ ξηλώσει παρ 'αὐτοῖς φιλοσοφεῖται. Нѣкоторые (Ritschl l. c. 339, Hilgenfeld, Iüdische Apocalyptik, 268) παρελθών переводятъ: „обходя"; поэтому послѣднее получаетъ тотъ смыслъ, что они миновали объясненіе символовъ. Вѣрнѣе по нашему мнѣнію παρελθὼν переводить: „приступая"; тогда послѣднее значитъ: самые опытные приступаютъ къ толкованію, ибо они объясняютъ по старому обычаю символически. Иначе, зачѣмъ были бы нужны ἐμπειρότατοι, если трудныя мѣста пропускались? (Ср. объяс. Zeller'a Theol. Jahrb. l. c.).

[36]) Ioseph. B. I. II, 8, 9. Ср. также Deuter. XXIII, 13 sq.

имена ангеловъ указываютъ на то, что они были символами божественныхъ качествъ [37]). Восторженное преклоненіе передъ Богомъ, предъ его свойствами переходило на ихъ символы; отсюда весь культъ ангеловъ, подробности котораго погибли для насъ вмѣстѣ съ священными книгами ессейскаго ордена. Точно также, напр., они объектировали и символизировали нѣкоторыя абстрактныя понятія: такъ „правое" они считали символомъ всего лучшаго, чистаго, справедливаго, такъ что даже выплевывать направо отъ себя считали грѣхомъ [38]). Въ этой любви къ символизированію абстракцій слѣдуетъ, кажется, искать источникъ того педантически-боязливаго отношенія къ чистотѣ, которое было характеристическимъ для ессеевъ. Выше мы упомянули уже объ этомъ фактѣ и о томъ, что послѣ каждаго прикосновенія къ тому, что считалось „нечистымъ", необходимо было омовеніе. Понятіе „чистаго", также какъ понятіе „праваго", было символомъ всего лучшаго и святаго; подъ него было подведено все, что соотвѣтствуетъ буквальному смыслу слова, а затѣмъ и все истинное согласное съ закономъ и даже нравственно-чистое. Такъ, очистительнаго омовенія требовало прикосновеніе къ трупу, къ человѣку, не принадлежащему къ ордену, къ пищѣ, не приготовленной по обрядамъ ордена и мн. др. Благовонныя масла, напр., также считались нечистыми и, конечно, только потому, что употребленіе ихъ было запрещено постановленіями ордена [39]). При всемъ томъ нужно имѣть въ виду то, что не только въ убѣжденіи ессеевъ, но и въ дѣйствительности основу ихъ ученія составляло св. писаніе, только въ немъ мы находимъ отправную точку ихъ теоретической и практической философіи. Отчасти стремленіемъ къ чистотѣ, отчасти взглядомъ на чувственныя наслажденія, какъ на грѣхъ, объясняется безбрачіе ессеевъ. Передача этого факта у Іосифа [40]) не совсѣмъ ясна.

---

[37]) Такъ Michael (кто, какъ Богъ) означаетъ несравненность, величіе Бога, Gabriel—силу Бога, Azriel—помощь Бога и т. д.

[38]) Ioseph. Ibid.

[39]) Изслѣдователи, склонные всѣ особенности, находимыя ими въ жизни ессеевъ, объяснять заимствованіемъ, находились въ затруднительномъ положеніи, когда заходила рѣчь объ отвращеніи ессеевъ къ благовоннымъ масламъ. Одни (Zeller) думаютъ, что это заимствовано изъ Греціи, другіе—изъ Персіи, третьи—изъ Индіи. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ гораздо вѣроятнѣе предположить, что употребленіе благовонныхъ маслъ было запрещено, какъ употребленіе предмета роскоши, что вполнѣ понятно въ орденѣ съ ясно выраженнымъ аскетическимъ характеромъ. Названные ученые считаютъ это запрещеніе заимствованнымъ потому, что масла были въ ходу у евреевъ. Именно поэтому и могло, на мой взглядъ, явиться запрещеніе совершенно самостоятельно.

[40]) Ioseph. Ibid., 2.

„Они воздерживаются отъ брака, говоритъ онъ, не потому, что желали бы совершеннаго его уничтоженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращенія человѣческаго рода, а потому, что боятся необузданныхъ страстей женщинъ и думаютъ, что ни одна женщина не можетъ сохранить обѣта вѣрности, даннаго мужу". Ясно, что Іосифъ въ данномъ случаѣ высказываетъ не истинное мнѣніе ессеевъ, а свои собственныя неудачныя предположенія.

Истинныя причины безбрачія ессеевъ по всей вѣроятности заключались въ томъ, что ессеямъ былъ присущъ взглядъ на женщину, какъ на существо сравнительно нечистое, а на общеніе съ нею, какъ на актъ, оскверняющій мужчину. Такъ же, какъ запрещеніе маслъ, безбрачіе ессеевъ многими считалось заимствованнымъ. Доказывали это (Zeller, напр., l. c.) тѣмъ, что у евреевъ имѣть семью было обязанностью каждаго, и что семейная жизнь у нихъ была въ большомъ почетѣ; если еврейская секта отрицала бракъ, — *значитъ* она заимствовала это отрицаніе извнѣ. Не говоря уже о формальныхъ недостаткахъ подобнаго доказательства, мы должны замѣтить, что между перениманіемъ идей и перениманіемъ учрежденій существуетъ большое различіе: первыя заносятся часто изъ одной страны въ другую, какъ болѣзни,—неизвѣстно кѣмъ и какъ,—заимствованіе не предполагается сознательнымъ; въ то время какъ заимствованіе учрежденій, въ особенности такихъ, которыя чужды быту даннаго мѣста, непремѣнно предполагаетъ сознательный активный процессъ. Спрашивается, можно ли думать, чтобы, считая себя евреями κατ᾽ἐξοχήν, полагая, что всѣ правила истинной, угодной Богу жизни заключены въ пятикнижіи Моисея, — ессеи *сознательно* переняли откуда бы то ни было обычай, несогласный съ ихъ традиціею? Конечно, нѣтъ. На нашъ взглядъ, безбрачіе ессеевъ легко объясняется ложнымъ истолкованіемъ ими Levitic. XV, 16—18; они объясняли это такимъ образомъ, что всякое сношеніе съ женщиною оскверняетъ человѣка. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что безбрачіе не было необходимымъ элементомъ ессейскаго ученія. Была одна часть ессеевъ, которая, исходя изъ того взгляда, что продолженіе человѣческаго рода есть обязанность человѣка [41]), признавала „бракъ необходимымъ; но при этомъ всѣ стороны брачной жизни, даже нравственное удовлетвореніе отъ чувства привязанности къ женщинѣ, они считали вреднымъ и оскверняющимъ: одно только произведеніе потомства оправдывало то, какъ они думали, необходимое зло.

Какъ истые евреи, чувствовавшіе всю силу національныхъ узъ, связывавшихъ ихъ съ остальнымъ народомъ, ессеи къ Іеру-

---

[41]) Ibidem, 2.

салимскому храму относились, какъ къ святынѣ, и посылали въ храмъ подарки, хотя сами они, какъ отрицавшіе жертвоприношенія, впослѣдствіи въ храмъ не допускались [42]). Относительно этого вопроса мы у Іосифа [43]) опять находимъ темную фразу, возбуждающую недоразумѣнія. Онъ говоритъ, что ессеи „воздерживались отъ жертвоприношеній въ Іерусалимѣ потому, что это было связано съ очищеніями, отличными отъ тѣхъ, которыя съ ихъ точки зрѣнія должны были быть соблюдаемы. Поэтому, оставаясь вдали отъ общей святыни, они приносятъ жертвы у себя (ἐφ'αὐτῶν)". Ritschl [44]) полагаетъ, что ессеи употребляли только пищу, посвященную Богу, и что самыя священныя трапезы ихъ носили характеръ жертвоприношенія; но этому объясненію противорѣчитъ показаніе Іосифа, что изгоняемые изъ ордена питались находимыми ими растеніями, очевидно не какъ жертвоприношеніями. У Іосифа (l. c.) мы, кажется, имѣемъ дѣло съ одною изъ тѣхъ темныхъ фразъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мысль для него самого была неясна. Несомнѣнно только то, что жертвоприношеній въ обыкновенномъ смыслѣ слова они не приносили, такъ какъ внѣ храма это считалось безусловно запрещеннымъ. Богослуженія ихъ происходили по субботамъ съ особою торжественностью, и состояли въ томъ, что читалось св. писаніе, излагались съ подобающею торжественностью толкованія на св. писаніе и тайныя ученія ордена [45]).

Святость субботняго дня соблюдалась ессеями до крайности: они не только не готовили себѣ въ этотъ день пищу, но считали грѣхомъ перемѣщеніе какого-либо сосуда съ одного мѣста на другое и даже отъ отправленія естественныхъ нуждъ они воздерживались въ этотъ день изъ боязни осквернить его святость.

Какъ свидѣтельствуетъ Филонъ [46]), ессеи не придавали никакой цѣны чисто философскому изслѣдованію, находя логическія изслѣдованія безполезными, а физическія недоступными для человѣческаго ума. Единственная достойная тема для размышленій—это величіе Бога и сотвореніе имъ вселенной; единственное достойное стремленіе—это стремленіе

---

[42]) Lucius op. [illegible] 101 пр., переводитъ ἀναθήματα, подарки,—словомъ „подать". Это толкованіе, очевидно, такъ же мало говоритъ въ пользу мнѣнія автора о разрывѣ ессеевъ съ храмомъ, какъ и общепринятое.

[43]) Ioseph. Antiqu. XVIII, 2, 5.

[44]) Theolog. Jahrb. XIV sq. Ἱερεῖς διὰ ποίησιν σίτου τε καὶ βρωμάτων онъ толкуетъ въ томъ смыслѣ, что ποίησιν употреблено вм. π. θυσίας. См. по этому поводу Zeller Phil. d. Gr. l. c. и его же статью въ Theolog. Jahrb. XV, стр. 414.

[45]) Philo l. c.

[46]) Ibidem.

къ добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, если въ природѣ, какъ мы видѣли, все есть только отраженіе сверхчувственнаго начала, познаваемаго внутреннимъ созерцаніемъ при условіи святой жизни,—какой смыслъ и какое значеніе можетъ имѣть философское изслѣдованіе? Но при всемъ томъ не могли обойтись безъ рѣшенія основныхъ философскихъ вопросовъ лежащихъ, такъ сказать, на порогѣ всякаго религіозно-философскаго міровоззрѣнія. Прежде всего, конечно, обращаетъ на себя вниманіе вопросъ о безсмертіи души. Какъ извѣстно, дуализмъ души и тѣла не былъ вовсе извѣстенъ еврейской теологіи, господствующимъ было ученіе о воскресеніи мертвыхъ; между тѣмъ ессеи прямо признали отличіе духа отъ тѣла и безсмертіе перваго. Іосифъ [47]) говоритъ, что душа, по ученію ессеевъ, состоитъ изъ тончайшаго эѳира, до рожденія человѣка пребываетъ въ небесныхъ пространствахъ и непреодолимымъ стремленіемъ притягивается въ тѣло. Послѣ смерти душа, вырвавшись изъ тѣлесныхъ оковъ, какъ бы освобожденная отъ долговременнаго рабства, блаженная и радостная, устремляется вверхъ. Души праведныхъ попадаютъ въ рай, по ту сторону океана, въ мѣстность, гдѣ не бываетъ ни дождя, ни снѣга, ни палящаго зноя, ни мертвящаго холода, гдѣ мягкая температура освѣжается легкимъ зефиромъ. Грѣшники попадаютъ въ мрачную, холодную подземную пещеру, осужденные на вѣчныя муки. Это описаніе ессейскихъ представленій о загробномъ мірѣ Іосифа можно заподозрить въ нѣкоторомъ ихъ эллинизированіи; такъ, составъ души слишкомъ напоминаетъ извѣстное греческое ученіе; далѣе, общее описаніе ессейскаго рая не вполнѣ совпадаетъ съ земнымъ идеаломъ ессеевъ, чего собственно слѣдовало бы ожидать. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно, что ессеи были первыми іудеями, принявшими ученіе о безсмертіи души и загробной жизни въ указанномъ смыслѣ. Не слѣдуетъ однако думать, что дуализмъ ессевъ былъ проведенъ послѣдовательно въ ихъ религіозной системѣ. Въ послѣдней мы можемъ найти лишь зародышъ того ученія, которое, провозгласивъ коренное различіе между міромъ матеріи, міромъ необходимости и зла съ одной стороны и міромъ духа, безсмертія и свободы съ другой,—произвело переворотъ въ господствовавшихъ философскихъ, этическихъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ. Въ этомъ смыслѣ интересно замѣчаніе Филона (l. c.), что ессеи источникомъ зла считали нѣчто отличное отъ Бога, воззрѣніе совершенно чуждое еврейской традиціи въ Палестинѣ. Вторымъ вопросомъ, получившимъ у ессеевъ иное рѣшеніе, чѣмъ то, которое было общепринятымъ въ Іудеѣ, былъ вопросъ о свободѣ воли. Какъ извѣстно, фарисеи признавали, что въ общемъ порядокъ міра преду-

---

[47]) Ioseph. B. I. II, 8, 11.

становленъ Богомъ, но что въ твореніи добра и зла человѣкъ свободенъ. Ессеи, наоборотъ [48]) утверждали, что все предустановлено, что свободы воли нѣтъ совершенно, и что помимо рѣшенія судьбы человѣкъ не можетъ предпринять ни малѣйшаго шага. Здѣсь необходимо для вѣрной оцѣнки ессейскаго ученія замѣтить, что εἱμαρμένη — судьба, о которой говоритъ Іосифъ, имѣла у нихъ иное значеніе, чѣмъ у грековъ. Для ессеевъ судьба не была слѣпымъ олицетвореніемъ бездушной необходимости.

Воля (ψῆφος), предустановившая порядокъ міра и человѣческой жизни, была разумная и милосердная; путь жизни, проложенный ею— самый лучшій и удовлетворяетъ самымъ высшимъ требованіямъ нравственной природѣ человѣка. Послѣднему въ его поискахъ за истиною, въ его стремленіи къ идеалу остается только углубиться въ свою собственную душу, добыть изъ нея свои благороднѣйшіе порывы, свои безкорыстныя импульсы къ дѣятельности и слѣдовать имъ. Этимъ самымъ онъ будетъ слѣдовать Высшей Волѣ. Изъ этого не слѣдуетъ, что все, что совершается въ мірѣ, есть самое лучшее, такъ какъ отдѣльно отъ Высшей Воли есть еще источникъ зла. Трудно думать, въ виду замѣчанія Филона, чтобы у ессеевъ была законченная система, чтобы ихъ ученія о духѣ, матеріи и свободѣ были систематически сведены въ одно цѣлое; и мы рисковали бы модернизировать ихъ, если бы пытались идти дальше въ ихъ анализѣ.

Несомнѣнно то, что своеобразный детерминизмъ ессеевъ не только не подавлялъ личности, но и вознесъ ее до небывалой высоты. Онъ поставилъ для нея задачу уподобиться безконечно доброму, нравственному и великому. Тотъ духъ моральной дисциплины, который господствовалъ въ орденѣ, доказываетъ, что это стремленіе къ идеалу не было для нихъ пустымъ звукомъ. Мы уже выше имѣли случай видѣть, до какой степени доходило ихъ презрѣніе къ низшаго рода удовольствіямъ, къ чувственности, къ богатству, къ суетной сторонѣ власти. Мы видѣли, что дѣйствія членовъ, вытекавшія изъ любви къ ближнему, не подлежали контролю ордена; и въ этомъ направленіи каждый членъ ордена имѣлъ не только право, но и обязанность дѣйствовать въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Они ненавидѣли рабство и считали его богопротивнымъ [49]). Они были справедливы и чувствомъ справедливости умѣряли свой гнѣвъ. Они любили миръ. Данное ими слово соблюдалось свято, и они считали уже преступнымъ человѣка, которому нельзя было вѣрить безъ клятвы. Сами они считали клятву грѣхомъ и по поступленіи въ орденъ никогда ее не

[48]) Ioseph. Antiqu. XIII, 5, 9.
[49]) Philo. Ibidem.

давали. Страданія и опасности они презирали; боль переносили съ удивительнымъ мужествомъ. Славную смерть за доброе дѣло они считали величайшимъ счастьемъ (νομίζουσι ἀθανασίας ἀμείνω!). „До чего доходило величіе духа у нихъ, разсказываетъ Іосифъ [50]), лучше всего доказываетъ война съ римлянами. Ихъ мучили, рѣзали, жгли, вытягивали члены, пытали всѣми имѣвшимися орудіями, добиваясь отъ нихъ непочтительнаго слова о законодателѣ или принятія запрещенной пищи: но достигнуть этого не могли,—не говоря уже о томъ, что отъ нихъ нельзя было добиться льстиваго слова, обращеннаго къ мучителямъ. Съ улыбкою среди невыразимыхъ страданій, насмѣхаясь надъ римлянами, они бодро разставались съ жизнью въ надеждѣ на вѣчное блаженство".

Для полноты характеристики ессеевъ мы должны упомянуть еще о двухъ чертахъ, приписываемыхъ имъ: о дарѣ предсказывать будущее и дарѣ лѣченія болѣзней магическими формулами. О первомъ Іосифъ [51]) говоритъ, какъ о неподлежащемъ сомнѣнію фактѣ, и прибавляетъ, что рѣдко случается, чтобы предсказанія ессеевъ не оправдывались. Извѣстно, что царь Иродъ съ большимъ уваженіемъ относился къ ессеямъ. Для того, чтобы объяснить этотъ казавшійся страннымъ фактъ, народная фантазія создала легенду [52]), будто нѣкій ессей Menachem предсказалъ Ироду, еще мальчику, что онъ будетъ царемъ Іудеи, а затѣмъ, что онъ будетъ долго царствовать [53]). Что касается до второго дара, то трудно указать, въ чемъ именно состояли ихъ методы лѣченія. Случаи психическаго воздѣйствія на больныхъ со стороны ессеевъ, пользовавшихся необыкновеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ въ народѣ, конечно, вполнѣ возможны, но интересъ, конечно, не въ этомъ, а въ тѣхъ священныхъ книгахъ, которыя заключали формулы, заклинанія демоновъ, словомъ, тѣ средства, которыя составляли, такъ сказать, обстановку ихъ чудотворно-медицинской дѣятельности. Graetz [54]) дѣлаетъ догадку, что Sofer Refuot, книга лѣченій, составленіе которой Талмудъ, арабскіе и византійскіе писатели приписываютъ царю Соломону, была въ ходу у ессеевъ и считалась одною изъ тайныхъ орденскихъ книгъ. Подробности объ этомъ намъ неизвѣстны.

Переходя къ вопросу о происхожденіи ессейской секты, мы прежде всего должны вспомнить, что возникновеніе ея относится къ

---

[50]) Ioseph. B. I. 10.

[51]) Ibidem, 12.

[52]) Есть извѣстія еще о нѣкоемъ Іудѣ, предсказавшемъ (106 г.) смерть Антигона, брата Аристобула, и о Симонѣ, толкователѣ сновъ.

[53]) Ioseph. Ant. XV, 10, 45.

[54]) Graetz III b. № 12, 701. Ср. также Zeller, Theol. Jahrb. XV, 45.

первой половинѣ II в., ко времени угнетеннаго положенія Іудеи. Уже въ этомъ фактѣ, въ связи съ господствомъ грекофильской партіи, можно видѣть стимулъ, способствовавшій появленію на свѣтъ разсматриваемаго общества. Нельзя, конечно, думать, что эти обстоятельства одни были достаточны для того, чтобы создать столь сложное и богатое содержаніемъ явленіе. Они были каплей, переполнившей уже полную чашу, моментомъ, усилившимъ и ускорившимъ общественное броженіе и поведшимъ къ тому, что неопредѣленные общественные элементы выяснились, міровоззрѣнія опредѣлились рѣзко, произошло извѣстное раздѣленіе на партіи. Съ точки зрѣнія Reuss'a, который въ своемъ сочиненіи Histoire de la Théologie Chretienne au siècle apostolique, пытается объяснить происхожденіе ессейскаго общества исключительно внѣшними обстоятельствами, утверждая, что ессеи, разочаровавшись въ возможности личнаго удовлетворенія въ обществѣ, обратились за нимъ къ созерцательно-аскетической жизни въ орденѣ,— съ этой точки зрѣнія остаются непонятными многія части приведеннаго выше орденскаго ученія. Отношеніе ессеевъ къ жертвоприношеніямъ, классовое устройство, отношеніе къ св. писанію, все это съ точки зрѣнія одной только реакціи противъ филелленизма не можетъ быть объяснено. Гретцъ (l. c.) утверждаетъ, что ессейское ученіе есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе, или какъ онъ выражался, преувеличеніе ученія фарисеевъ. Онъ думаетъ, что строго до фанатизма религіозные асидеи, которыхъ онъ вполнѣ отождествляетъ съ ессеями, не удовлетворенные набожностью фарисеевъ, все больше и больше отдѣлялись отъ ствола еврейской націи, отъ фарисеевъ, и въ своихъ „преувеличеніяхъ“ ушли такъ далеко, что въ концѣ концовъ составили такую „*оппозицію* іудейству, о которой не думали ни его приверженцы, ни противники“ (III b., 98). Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Самъ Гретцъ признаетъ, что между фарисеями и ессеями, насколько можно судить по ненадежнымъ источникамъ, были разногласія по очень существеннымъ пунктамъ, какъ по вопросу о безсмертіи души, о воздаяніи въ загробной жизни и т. д. Мы могли бы еще къ этому прибавить, что во взглядѣ на жертвоприношенія, на бракъ, на задачи человѣческой жизни, ессеи расходились съ фарисеями до того рѣзко, что назвать ученіе однихъ видоизмѣненіемъ или преувеличеніемъ ученія другихъ не представляется никакой возможности. Мнѣніе Гретца, поскольку оно говоритъ, что секта ессевъ была продуктомъ еврейской народной жизни, что ессеи были евреями и хотѣли быть только евреями, вполнѣ вѣрно. Корни ессеньзма, несомнѣнно, лежали глубоко въ нѣдрахъ *еврейской* жизни; вопросъ только въ томъ, не сплелись ли съ его вѣтвями чуждыя вѣтви—другими словами, *всѣ ли* элементы ессейской жизни произрасли

на національно-іудейской почвѣ. Этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ тѣмъ бо̀льшую важность въ виду господствующаго мнѣнія объ особенной связи ессенизма съ христіанствомъ. Гретцъ не можетъ не признать, что отдѣльныя черты ессейскаго ученія заимствованы, но онъ не придаетъ имъ того значенія, которое онѣ имѣли въ дѣйствительности. Замѣтимъ, кстати, что въ изложеніи Гретца ученіе ессеевъ не вездѣ вполнѣ ясно. Такъ, онъ говоритъ (стр. 96), что конечною цѣлью ихъ было достиженіе пророческаго вдохновенія. Пророческіе голоса давно замолкли, и ессеи думали набожною жизнью сподобиться того, чтобы святой духъ (Ruach Hakadesch) снизошелъ къ нимъ и прояснилъ тьму временъ. И тогда, говоритъ онъ, когда эта цѣль будетъ достигнута, когда пророчества возродятся, когда юноши и мужи опять будутъ видѣть небесные образы, опять съумѣютъ подымать завѣсу будущаго, тогда приблизится великое мессіанское царство, царство небесное (Malchut schamaïm), которое однимъ ударомъ положитъ конецъ трудамъ и мукамъ земной жизни. Все это совершенно непонятно. Во-первыхъ, нельзя сказать, чтобы пророчества были „конечною цѣлью ессеевъ", хотя бы уже потому, что пророчества были только средствомъ для воздѣйствія на народъ; пришлось бы съ точки зрѣнія Гретца сказать, что конечною цѣлью ессеевъ была общественная дѣятельность посредствомъ пророчествъ; но это не совпадаетъ съ тѣмъ, что передаютъ объ ессеяхъ источники. Не подлежитъ сомнѣнію, что ессеи стремились къ пророчеству; но это у нихъ совпадало съ стремленіемъ къ совершенству, къ соединенію съ Богомъ. Выдѣлить изъ этого общаго стремленія пророчества и сдѣлать ихъ центромъ ессейской жизни — значитъ игнорировать самые существенные ея моменты. Второе, что неясно у Гретца, это то, какъ онъ представлялъ себѣ отношенія пророчествъ къ небесному царству по ученію ессеевъ; наконецъ то, чѣмъ собственно было само небесное царство по представленію ессеевъ: было ли оно идеаломъ, который человѣчество строгостью, набожностью и воздержностью должно достигнуть на землѣ, или это была перспектива будущаго нетлѣннаго блаженства въ лучшемъ мірѣ? Источники слишкомъ скудны не только для того, чтобы отвѣтить на эти вопросы, но и для того, чтобы ихъ поставить. Разрѣшать же ихъ, какъ это повидимому склоненъ дѣлать Гретцъ, на основаніи позднѣйшихъ данныхъ, въ этомъ случаѣ болѣе рискованно, чѣмъ когда либо.

За чисто еврейское происхожденіе ессенизма высказались между прочимъ два протестантскихъ теолога: Ritschl [56]) и Lucius [57]). Первый думаетъ, что сущность ессенизма заключается въ стремленіи „осу-

---

[56]) Theologische Jahrb. XIV, 315 sq.

[57]) Der Essenismus in seinem Verhältniss z. Judenthum. Strassburg, 1881.

ществить идеалъ царства священниковъ". Въ ессейской сектѣ не было міранъ; всѣ были священниками и должны были подчиняться предписаніямъ, имѣвшимся для левитовъ. Что предписанія для левитовъ во многихъ случаяхъ могли служить (какъ при очистительныхъ омовеніяхъ) образцомъ для ессеевъ, вполнѣ вѣроятно, но приписывать весь строй ихъ жизни и ихъ ученіе одному стремленію къ священству не представляется возможнымъ. Самъ Ritschl долженъ былъ признать, что его теорія находится въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ источниками, и допустить вслѣдствіе этого возможность нѣкоторыхъ заимствованій (стр. 337 сл.); но кромѣ того, новиціатъ, классовое устройство и иныя особенности ессейской секты не имѣютъ ничего общаго съ идеею всеобщаго священства. Lucius (op. cit.) центромъ своей теоріи дѣлаетъ отношенія ессеевъ къ іерусалимскому храму. Принимая связь между асидеями и ессеями, авторъ находитъ, что послѣдніе не могли примириться съ тѣмъ фактомъ, что первосвященническій престолъ заняли лица, не имѣвшія на него права по рожденію (Менелай, Алкимъ etc.). Храмъ, по ихъ мнѣнію, былъ оскверненъ, нечестивые узурпировали высшую духовную власть и набожнымъ осталось лишь одно: уступить силѣ, удалиться отъ общаго культа и служить Богу вдали отъ поруганнаго храма. Lucius въ образованіи ессейской секты отрицаетъ всякое иностранное вліяніе и всѣ особенности ихъ жизни силится объяснить ихъ разрывомъ съ храмомъ. Мы не будемъ опровергать этого взгляда, такъ какъ выше, на нашъ взглядъ, приведенъ достаточный матеріалъ для возраженій. Замѣтимъ только, что такъ же, какъ и Ritschl, Lucius не можетъ своимъ объясненіемъ обнять все, что намъ даютъ источники, и съ другой стороны предполагаетъ то, чего въ источникахъ нѣтъ. Удивительно, что Lucius, столь обстоятельно разбирающій источники, не задалъ себѣ вопроса, почему Іосифъ Флавій и Филонъ не сообщаютъ ничего о *разрывѣ* съ храмомъ и о протестѣ противъ незаконности первосвященниковъ: причина была бы слишкомъ явная и значительная для того, чтобы она могла ускользнуть отъ вниманія обоихъ писателей. Интересно отмѣтить одно мнѣніе, на которое мы находимъ намекъ еще у Эвальда, а въ новѣйшее время развитое Бунзеномъ [58]) и Гильгенфельдомъ [59]). Послѣдній утверждаетъ, что ессеи составляли небольшое племя, внутренно (происхожденіемъ?) связанное съ еврействомъ. Это были потомки Іонадава Рехабита, о которыхъ упоминаетъ Іеремія XXXV, 5—10, 14, 16 и др. Вотъ что мы узнаемъ изъ Іереміи. Потомки Рехаба на предложеніе пить вино отвѣчаютъ: „мы не пьемъ

---

[58]) Bunsen, The Angel Messiah of Buddhists, Essenes and Christians.
[59]) Zeitschr. f. wissensch. Theologie 1882, стр. 281 сл.

вина, ибо отецъ нашъ Іонадавъ, сынъ Рехаба, запретилъ намъ это, говоря: чтобы ни вы, ни дѣти ваши не пили вина (6), не строили домовъ, не сѣяли сѣмянъ и не садили виноградниковъ, а жили бы въ шалашахъ... (7). Такъ мы повинуемся повелѣнію отца нашего Іонадава, сына Рехаба, во всемъ, что онъ велѣлъ намъ: ни мы, ни жены, ни сыновья, ни дочери наши не пьемъ вина (8), не строимъ домовъ, въ которыхъ мы бы жили, не имѣемъ ни виноградниковъ, ни пашень, ни сѣмянъ (9)". Это племя, по мнѣнію Гильгенфельда, и были ессеи. Прежде всего мы должны замѣтить, что запрещеніе у ессеевъ ѣсть мясо и пить вино, запрещеніе, на которомъ строились цѣлыя теоріи о происхожденіи секты,—нельзя считать доказаннымъ, между тѣмъ какъ у Рехабитовъ это запрещеніе было очевидно однимъ изъ важнѣйшихъ. Далѣе рехабитамъ было запрещено заниматься земледѣліемъ, между тѣмъ какъ о ессеяхъ мы изъ двухъ источниковъ (Іосифъ и Филонъ, см. выше) знаемъ, что оно было однимъ изъ ихъ главнѣйшихъ занятій. Рехабиты не строили домовъ—ессеи жили въ домахъ въ городахъ и въ деревняхъ. Изъ приведеннаго отрывка изъ Іереміи мы не имѣемъ даже права заключать объ аскетизмѣ рехабитовъ, между тѣмъ какъ аскетическій характеръ секты ессеевъ не подлежитъ сомнѣнію. Предполагать ихъ тождество, или даже считать ессенизмъ дальнѣйшимъ развитіемъ рехабитской жизни не представляется, такимъ образомъ, достаточно основаній.

Іосифъ, говоря въ одномъ мѣстѣ о ессеяхъ, указываетъ на ихъ сходство съ пиѳагорейцами. Это замѣчаніе навело Целлера [60]) на мысль, что ессенизмъ испыталъ на себѣ сильное вліяніе новопиѳагорейцевъ. Въ доказательство своей мысли онъ приводитъ отдѣльныя общія черты обоихъ орденовъ: общность имущества, безбрачіе, воздержаніе отъ мяса и вина (?), тайныя ученія, предсказанія будущаго, ученіе о загробной жизни и др. [61]). Но, какъ уже замѣтилъ Hilgenfeld [62]), греческое вліяніе на Іудею имѣло просвѣтительный, а не мистическій характеръ. Кромѣ того, какъ сказано было уже выше, чисто іудейское происхожденіе нѣкоторыхъ изъ особенностей, которыя Целлеръ считаетъ заимствованными, доказывается почти съ очевидностью. Целлеръ, правда, признаетъ, что по характеру и значенію своему ессеи составляли общество еврейское по преимуществу; но,

---

[60]) Phil. d. Gr. III b. l. c.; Theol. Jahrb. XV, l. c.

[61]) Theol. J. XV, 430. Целлеръ много разъ ссылается на соч. Филона de vita contempl., въ которомъ описывается жизнь египетскихъ терапевтовъ. Матеріалъ, сообщаемый въ этомъ сочиненіи Филономъ, былъ бы весьма цѣненъ, если бы самое сочиненіе, какъ это признано большинствомъ ученыхъ, не было подложно. Ср. объ этомъ Graetz III b., № 25.

[62]) Z. f. w. Theol. 1882, 266.

когда онъ начинаетъ разбирать отдѣльныя его черты, оказывается, что всѣ онѣ греческаго происхожденія. Послѣднее особенно трудно предположить. Нельзя думать, чтобы ессеи заимствовали самыя дорогія имъ вѣрованія отъ тѣхъ самыхъ язычниковъ, отъ которыхъ они ждали гибели своему народу. Если прибавить къ этому то, что пиѳагорейцы были политеистами и уже однимъ этимъ должны были внушать къ себѣ недовѣріе и нелюбовь ессеямъ,—вѣроятность заимствованія у нихъ уменьшится еще болѣе. Такъ же далеко, какъ Целлеръ, идетъ въ другомъ направленіи Hilgenfeld въ одной изъ своихъ старыхъ работъ (Der Essäismus und Iesus). Онъ утверждаетъ, что ессенизмъ есть результатъ вліянія парсизма, а самый парсизмъ носитъ явные слѣды знакомства съ религіей Будды. Гильгенфельдъ у персидскихъ маговъ находитъ то же самое, что Целлеръ нашелъ въ пиѳагорейскомъ союзѣ: дѣленіе на классы, воздержаніе отъ вина и мяса и т. д. [63]). По нашему мнѣнію, черты сходства въ устройствѣ ессейской секты и иного подобнаго общества не даютъ еще основанія предположить заимствованіе, если оно не доказывается еще инымъ путемъ; многія положенія, регламентировавшія жизнь ордена, таковы что могли сложиться одинаково въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время совершенно независимо. Многія же, очевидно, еврейскаго происхожденія. Къ тому, что выше нами было сказано о происхожденіи ессейскаго общества, мы должны прибавить, что вѣроятность происхожденія ихъ отъ асидеевъ увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что еврейскіе источники совершенно не упоминаютъ о ессеяхъ, но часто говорятъ о Chassidim (Ἀσιδαῖοι), иногда съ эпитетомъ Ch. Harischonim (первоначальные) и т. д. Трудно думать, чтобы Талмудъ совершенно игнорировалъ ессеевъ, несомнѣнно игравшихъ роль въ религіозной жизни палестинскихъ евреевъ и во всякомъ случаѣ представлявшихъ столь необыкновенное явленіе, что обойти его молчаніемъ нельзя было. Этимъ мы не хотимъ сказать, что ессенизмъ не испыталъ никакихъ иностранныхъ вліяній. Идея безсмертія души [64]), демонологія, предсказанія, искусство лѣченія магическими средства-

---

[63]) Hilgenflild ищетъ заимствованій даже тамъ, гдѣ ихъ очевидно быть не можетъ. Такъ, онъ утверждаетъ, что „топоръ“, который ессеи носили съ собою, былъ магическимъ орудіемъ у персовъ и какъ таковой былъ перенятъ (стр. 99). Между тѣмъ, въ Deuter. XXIII, 13 прямо предписано имѣть топоръ для закапыванія испражненій, что совершенно совпадаетъ съ Ioseph. B. J. l. c.

[64]) Lucius (op. cit.) указываетъ на Kohelet II, 20—21 и XII, 7 въ доказательство того, что ученіе о безсмертіи души не было чуждо еврейству. При этомъ единичномъ свидѣтелѣ дѣлается вѣроятнымъ предположеніе, что авторъ книги Kohelet (жившій въ I в. до Р. Х.) самъ находился подъ вліяніемъ ессейскихъ или иностранныхъ идей.

ми—все это воспринято у чужого народа, такъ какъ въ іудействѣ мы не находимъ ничего, что дало бы поводъ къ образованію этихъ понятій. Если мы представимъ себѣ процессъ образованія разсматриваемой секты, обстоятельства, вызвавшія ее къ жизни, цѣли, которыя она преслѣдовала, мы легко придемъ къ тому заключенію, что *далекіе отъ завѣдомаго перениманія тѣхъ или иныхъ идей, ессеи, какъ вѣрные сыны Израиля, признавали только пятикнижіе, и только подъ видомъ толкованія реципировали постепенно и безсознательно идеи, случайно дошедшія до нихъ и соотвѣтствовавшія ихъ настроенію и цѣлямъ.* Не слѣдуетъ предполагать, что эти идеи были заимствованы изъ одного мѣста. Важно лишь то, что въ своемъ религіозно-философскомъ міровоззрѣніи ессеи эти идеи органически связали съ господствовавшими на ихъ родинѣ, и такимъ образомъ придали имъ особую жизненность, силу и способность къ дальнѣйшему развитію.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, когда секта ессеевъ перестала существовать. Можно думать, что это случилось къ концу перваго вѣка нашей эры, послѣ взятія Іерусалима и успѣховъ новаго ученія. Послѣднее, несомнѣнно, имѣло много родственныхъ ессенизму чертъ и адептовъ своихъ легче всего могло вербовать въ средѣ еврейскихъ сектантовъ. Весьма вѣроятно, что христіанство болѣе всего способствовало упадку ессенизма тѣмъ именно, что, ассимилировавши съ собою лучшіе его элементы, лишило его первоначальнаго значенія и по отношенію къ религіозно-этическому движенію въ Іудеѣ само стало на его мѣсто [1]).

Берлинъ, 6 февраля 1892 г.

---

[1]) Въ февральскомъ выпускѣ Journal des savants за 1892 г. помѣщена статья Э. Ренана „L'essenisme“, составляющая разборъ сочиненій Луціуса Die Therapeuten (1880) и Der Essenismus (1881). *Прим. ред.*

Учредительное Собраніе и борьба венеціанскаго правительства съ его политическими принципами.

М. М. Ковалевскаго.

(По неизданнымъ депешамъ венеціанскихъ резидентовъ и по тайному архиву государственныхъ инквизиторовъ).

I.

Ни одна попытка самостоятельной обработки исторіи французской революціи не можетъ обойтись въ настоящее время безъ изученія обильнаго матеріала, представляемаго журналами собраній, рѣчами клубовъ, протоколами муниципальныхъ совѣтовъ и избирательныхъ комитетовъ. Оба „Общества исторіи французской революціи", съ такимъ примѣрнымъ рвеніемъ соперничающія въ изданіи этихъ первоисточниковъ, тѣмъ самымъ указываютъ намъ на путь, какого слѣдуетъ держаться при пересмотрѣ ходячихъ ученій о причинахъ и ходѣ того политическаго переворота, которому не одна Франція, но и вся Европа обязана новымъ направленіемъ ея общественной и политической жизни. Общераспространенныя повѣствованія о событіяхъ, ознаменовавшихъ собою 1789-й и слѣдующіе за нимъ годы, почти всецѣло опираются на мемуарахъ современниковъ и на той богатой памфлетной литературѣ, какую вызвали различные фазисы борьбы короля и привилегированныхъ сословій съ среднимъ, аристократовъ и монтаньяровъ, „умѣренныхъ" и „бѣшеныхъ". Но эти источники заключаютъ въ себѣ одинъ существенный недостатокъ: они написаны въ духѣ партій; они дорожатъ не столько истиной, сколько проведеніемъ извѣстныхъ взглядовъ, защитою извѣстныхъ интересовъ. Къ тому же большинство мемуаровъ написаны нерѣдко на разстояніи десятилѣтій со времени повѣствуемыхъ ими событій. Они заключаютъ въ себѣ, въ большинствѣ случаевъ, только личную апологію ихъ авторовъ, просла-

вляютъ или оправдываютъ ихъ образъ дѣйствій въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. Это скорѣе адвокатскія защиты, нежели безпристрастныя рѣшенія. Не только факты, но и рѣчи отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей передаются ими въ такихъ разнообразныхъ редакціяхъ, что потребовалась бы цѣлая критическая работа для возстановленія наиболѣе вѣроятнаго текста [1]).

И въ газетныхъ отчетахъ трудно расчитывать на строгую передачу содержанія и порядка преній. Пристрастіе „Монитера" давно признано, а какъ часто сами ораторы измѣняли въ печати текстъ произнесенныхъ ими рѣчей, доказываетъ неоднократно заявленный современиками протестъ противъ той печатной редакціи, какую слова Мирабо находили въ издаваемомъ имъ органѣ. Напомнимъ, наконецъ, еще тотъ характерный фактъ, что рѣчь, произнесенная тѣмъ же Мирабо о королевскомъ „veto", передана была одними журналистами въ смыслѣ благопріятномъ признанію его за монархомъ, а другими, и во главѣ ихъ Демуленомъ, въ смыслѣ отрицанія. Такимъ образомъ, вполнѣ основательнымъ является требованіе положить въ основу историческаго повѣствованія менѣе подверженную спорамъ и сомнѣніямъ оффиціальную запись всего происходившаго въ стѣнахъ собраній, комитетовъ, клубовъ, коммиссій и подкоммиссій, запись, обнародованію которой посвящены изданія Лорана и Клавеля, предпринятыя по порученію французскихъ законодательныхъ камеръ.

Но и въ этихъ источникахъ нельзя найти отвѣта на вопросъ, какое впечатлѣніе производили происходившія во Франціи событія при дворахъ Европы, въ какой мѣрѣ отдѣльныя правительства считали себя заинтересованными въ исходѣ этихъ событій, видѣли въ нихъ предостереженіе или угрозу для собственной дѣятельности. Тщетно стали бы мы искать отвѣта на эти вопросы и въ европейской журналистикѣ того времени, еще стоявшей въ тискахъ цензуры и принужденной хранить упорное молчаніе объ интересовавшихъ весь міръ событіяхъ. Какъ расчитывать на выраженіе общественныхъ взглядовъ на французскую революцію въ такихъ газетахъ, какъ напримѣръ, венеціанская „Городская газета" и выходившій въ той же

---

[1]) Недаромъ и доселѣ продолжаются споры о томъ, сдѣланъ ли былъ Мирабо протестъ противъ королевскаго декрета отъ 23 іюня 1789 года въ присутствіи самого короля и въ той рѣзкой, непочтительной формѣ, какая приводится въ нѣкоторыхъ мемуарахъ и такъ мало отвѣчаетъ его монархическому „credo". Что именно сказалъ Мирабо церемоніймейстеру Дре-Брезе послѣ того, какъ послѣдній передалъ собранію приказъ короля оставить залу засѣданій, до сихъ поръ составляетъ предметъ недоумѣній и догадокъ. Выяснено пока только одно, что приписываемыя Мирабо слова не были имъ произнесены, хотя смыслъ ихъ болѣе или менѣе сохраненъ въ ходячей редакціи.

Венеціи „Новый почталіонъ“, когда простой разговоръ въ кофейняхъ о поведеніи якобинцевъ приравниваемъ былъ къ преступленію и дѣлался поводомъ для обыска и ареста. А между тѣмъ безъ точнаго выясненія того представленія, какое отдѣльныя правительства Европы въ разное время составляли себѣ о французскихъ событіяхъ, невозможно понять того положенія, въ какое они считали нужнымъ становиться къ этимъ событіямъ, невозможно понять причинъ, побудившихъ ихъ смотрѣть на революцію, какъ на заговоръ противъ всѣхъ престоловъ, какъ на угрозу всему, не только общественному и государственному, но и международному строю Европы. Мнѣ не безъизвѣстно, конечно, то обстоятельство, что это враждебное отношеніе Европы обыкновенно объясняется тѣмъ вызовомъ, который будто бы въ разное время дѣлаемъ былъ ей различными революціонными правительствами Франціи. Но я надѣюсь показать въ дальнѣйшемъ изложеніи, сколько преувеличенія и фактическихъ извращеній заключаетъ въ себѣ это ходячее толкованіе.

Чтобы понять ближайшій источникъ тѣхъ взглядовъ, какими европейскіе кабинеты руководствовались въ своей политикѣ по отношенію къ Франціи, надо прежде всего познакомиться съ тѣми представленіями, какія они составляли себѣ о ходѣ революціи. Поведеніе какъ частныхъ лицъ, такъ и правительствъ опредѣляется не столько самимъ характеромъ событій, сколько тѣми впечатлѣніями, какія производятъ на нихъ эти событія. Вотъ почему и интересно прослѣдить тотъ путь, какимъ складывались представленія европейскихъ кабинетовъ насчетъ различныхъ фазисовъ того насильственнаго переворота, какой переживала Франція. Но задавшись этимъ вопросомъ, мы неминуемо придемъ къ сознанію, что безъ внимательнаго изученія депешъ европейскихъ дипломатовъ при французскомъ дворѣ немыслимо сколько-нибудь вѣрное представленіе о томъ, какъ смотрѣли и чего ожидали отъ революціоннаго движенія отдѣльныя правительства Европы. Такимъ образомъ обращеніе къ дипломатической перепискѣ, какъ къ источнику, вызывается не столько надеждою найти въ ней новыя фактическія подробности или разъясненіе сокровенныхъ причинъ событій, сколько увѣренностью, что въ нихъ лежитъ ключъ къ пониманію побудительныхъ мотивовъ европейской политики по отношенію къ французской революціи.

Многіе изъ этихъ дипломатическихъ отчетовъ давно уже пріобрѣли извѣстность достовѣрныхъ, разностороннихъ и обстоятельныхъ историческихъ свидѣтельствъ, тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что они составляемы были подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ событій. Это обстоятельство даетъ намъ возможность знакомиться изъ чтенія этихъ отчетовъ съ настроеніемъ минуты, съ по-

стоянными перемѣнами въ общественномъ мнѣніи, съ подготовленіемъ имъ тѣхъ или другихъ движеній, съ отголоскомъ, какой эти движенія находили въ общественномъ сознаніи, однимъ словомъ, съ цѣлымъ рядомъ сторонъ, которыя не могутъ найти правильнаго освѣщенія въ написанныхъ нѣкоторое время спустя личныхъ воспоминаніяхъ. По этой причинѣ иностранныя депеши могутъ служить значительнымъ подспорьемъ и для фактической исторіи. Онѣ могутъ дать новое освѣщеніе той внутренней связи, въ которой стоятъ между собою отдѣльныя событія; онѣ могутъ объяснить намъ причину, по которой ничтожные въ другихъ условіяхъ факты могли повлечь за собою довольно серьезныя послѣдствія, такъ какъ настроеніе общественной среды благопріятствовало преувеличенному къ нимъ отношенію. Особенно интересны тѣ депеши, въ основу которыхъ положены дневники, подобные тому, какой американскій резидентъ Моррисъ велъ почти безостановочно въ періодъ времени отъ 1789 по 1799 годъ. Исторія не однихъ только національнаго и законодательнаго собраній, но и смѣнившаго ихъ конвента и представительныхъ совѣтовъ директоріи находитъ въ Моррисѣ весьма пристрастнаго, правда, но въ то же время крайне искренняго повѣствователя. Несравиенно впрочемъ искреннѣе та часть его дневника и тѣ подробности его писемъ, въ которыхъ затрогивается общественная жизнь Франціи, жизнь клубовъ, салоновъ, литературныхъ и ученыхъ кружковъ и рядомъ съ этимъ жизнь улицы и въ частности тѣхъ рабочихъ кварталовъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ кварталѣ Сентъ-Антуанъ и Сентъ-Марсо, подготовлялись тѣ народные взрывы, которыми такъ часто прерываемы были и безъ того бурныя засѣданія представительныхъ палатъ.

Тогда какъ Моррисъ стоитъ всего ближе къ аристократическимъ кружкамъ во Франціи, а также къ тѣмъ высшимъ рядамъ буржуазіи, которые давали тонъ дебатамъ національнаго собранія и образовали изъ себя впослѣдствіи центръ оппозиціи по отношенію къ демагогической политикѣ конвента, посолъ шведскаго короля баронъ Сталь-Гольштейнъ, благодаря своему браку съ дочерью главы министерства Неккера, поставленъ въ благопріятнѣйшія условія для ознакомленія съ видами и цѣлями партіи, ознаменовавшей свое пребываніе въ рядахъ правительства попыткой перенести во Францію англійскую конституцію.

Въ непосредственной близости ко двору стоитъ австрійскій министръ-резидентъ Мерси-Даржанто, совѣтникъ и другъ королевы. Его депеши открываютъ предъ нами картину тѣхъ внутреннихъ несогласій, которыя господствовали въ средѣ королевской семьи. Онѣ обнаруживаютъ безличіе и слабость Людовика XVI, энергію и бодрость ума его державной супруги; имъ мы обязаны вѣрнымъ изображеніемъ

того безвыходнаго положенія, въ какое съ самаго начала была поставлена королевская власть, благодаря разоренію казны, невозможности добыть средства безъ согласія средняго сословія и неумѣнью привязать къ себѣ депутатовъ отъ народа, постоянно раздражаемыхъ пристрастнымъ отношеніемъ къ привилегированнымъ сословіямъ. Тогда какъ депеши Морриса сдѣлались достояніемъ исторіи еще съ середины текущаго столѣтія, дипломатическія донесенія Сталя-Гольштейна впервые обнародованы были въ 1881 году, а Мерси-Даржанто извѣстны въ существеннѣйшихъ чертахъ по работамъ Арнета и Жюста конца семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Депеши англійскаго посла Дорсета отъ 1789 года до сихъ поръ еще не изданы, но ими пользовался уже не одинъ историкъ.

Въ 1885 году впервые отпечатаны были донесенія, посланныя англійскому двору въ періодъ времени отъ іюня 1790 года по январь 1793 года. Авторами ихъ былъ сперва графъ Гауеръ, а позднѣе агенты Линдзе и Менро. Эти источники на нашъ взглядъ представляютъ несравненно меньшій интересъ, чѣмъ упомянутые нами выше. Свѣдѣнія, даваемыя Гауеромъ, кратки и прибавляютъ мало новаго къ тому, что̀ сообщаютъ намъ другія одновременныя свидѣтельства, тѣмъ не менѣе все, что́ онъ говоритъ о ходѣ конституціонныхъ работъ, заслуживаетъ вниманія, такъ какъ исходитъ отъ лица, близко знакомаго съ англійскими порядками и склоннаго разсматривать вопросы государственнаго устройства съ точки зрѣнія этихъ порядковъ. Къ этому же сводится главнымъ образомъ интересъ и впервые появившейся въ печати въ концѣ прошлаго года полу-офиціальной, получастной переписки Вильяма Милеса съ различными государственными людьми Англіи. Послѣ продолжительнаго пребыванія при мелкихъ германскихъ дворахъ, породившихъ въ немъ, по собственному его сознанію, ненависть къ деспотизму, Милесъ, очутившись въ Парижѣ въ августѣ 1790 года, сначала всецѣло уходитъ въ изученіе перемѣнъ, произведенныхъ революціей во всемъ складѣ французской жизни. Онъ добивается пріема въ клубъ якобинцевъ и входитъ въ близкія, дружескія сношенія съ Лафайетомъ и нѣкоторыми другими вожаками движенія, онъ не скрываетъ своего восторга при видѣ полнаго упадка тяготѣвшей надъ Франціей „тиранніи".

Но вскорѣ преобладаніе демагогическихъ тенденцій и характеръ насилія, какой принимаютъ направленныя противъ короля движенія народныхъ массъ, производятъ въ Милесѣ рѣшительный переворотъ. Его чувство законности, его глубокая привязанность къ англійскимъ учрежденіямъ не могутъ помириться ни съ самоуправствомъ толпы, ни съ попыткой построить монархію на почвѣ республиканскихъ учрежденій съ полнымъ отрицаніемъ начала полити-

ческаго равновѣсія между властями и сосредоточеніемъ всѣхъ государственныхъ функцій въ рукахъ единой народной палаты. Задолго до переворота 10 августа 1792 года и сопровождавшихъ его „сентябрьскихъ избіеній“ аристократовъ и священниковъ, Милесъ объявляетъ дѣло революціи потеряннымъ. Въ теченіе всего періода, который тянется отъ казни короля и завершается паденіемъ республики, Милесъ остается негодующимъ свидѣтелемъ торжества якобинскихъ теорій и проявленія всѣхъ ужасовъ террора. Его интересъ къ свободѣ и равенству замѣтно падаетъ и онъ успокаивается на мысли, что внѣ англійскихъ порядковъ съ широкимъ преобладаніемъ аристократіи и монархіи нѣтъ гарантій для политической свободы.

Не меньшій интересъ сравнительно со всѣми только что перечисленными донесеніями иностранныхъ дипломатовъ представляютъ доселѣ неизданныя депеши венеціанскихъ резидентовъ. Эти депеши направлены частью къ сенату, частью къ государственнымъ инквизиторамъ. Извѣстно, что республика св. Марка издавна назначала на дипломатичеекіе посты наиболѣе выдающихся членовъ своего дворянства, людей, которые, прошедши предварительно чрезъ рядъ должностей, выносили, какъ общее правило изъ своего продолжительнаго знакомства съ государственными дѣлами, тотъ практическій смыслъ, ту трезвость мысли, которую не въ силахъ дать одно кабинетное мышленіе. Въ теченіе всего революціоннаго періода три дипломата смѣнили другъ друга на посту „дворянина отъ Венеціи, акредитованнаго при французскомъ дворѣ“—офиціальный титулъ, издавна присвоенный венеціанскимъ посламъ, что не помѣшало однако конвенту поставить вопросъ о томъ, насколько французской демократіи, отмѣнившей дворянскія отличія, удобно признать этотъ титулъ за представителемъ хотя бы и иностраннаго двора [1]). Первымъ по времени является Антоніо Капелло, назначенный посломъ во Францію еще въ 1786 году; до назначенія въ Версаль Капелло успѣлъ перебывать на цѣломъ рядѣ въ высшей степени отвѣтственныхъ должностей и познакомиться какъ съ финансовымъ управленіемъ, такъ и съ монетнымъ дѣломъ, съ провинціальной администраціей и доманіальнымъ вѣдомствомъ. Его попеченію ввѣряемы были попеременно и въ разные годы завѣдыванье арсеналомъ и университетомъ въ Падуѣ, народнымъ продовольствіемъ и контролемъ за соблюденіемъ законовъ противъ роскоши, утилизація посторонних зе-

---

[1]) Подробности на этотъ счетъ можно найти въ первыхъ депешахъ Альвизе Квирини къ сенату и инквизиторамъ, въ депешахъ, посланныхъ осенью 1795 года.

мель государства и провѣрка правъ на феодальныя помѣстья, водоснабженіе и надзоръ за порядкомъ покупки золота и серебра для обращенія ихъ въ монету [1]). Съ 1778 года мы встрѣчаемъ его посломъ въ Испаніи. Свою миссію при французскомъ дворѣ онъ оставилъ въ началѣ 1790 года только для того, чтобы занять однохарактерный постъ въ Римѣ. Преемникомъ его въ періодѣ отъ 1790 по 1792 годъ, т.-е. до момента провозглашенія республики и послѣдовавшаго затѣмъ перерыва дипломатическихъ сношеній, былъ Альморо или Эльморао Пизани. Онъ получилъ солидное образованіе въ іезуитскихъ школахъ въ Пармѣ и Болоньѣ, успѣлъ объѣздить почти всѣ европейскіе дворы, побывать на посту совѣтника синьоріи „Savio agli ordini", Совѣтника по управленію провинціями, „Savio di terra ferma", пока не былъ назначенъ посломъ при дворѣ испанскаго короля Карла III. Добровольный переходъ Капелло въ Римъ открылъ Пизани возможность перейти въ Парижъ [2]). Съ отмѣной королевской власти во Франціи, онъ, подобно прочимъ посламъ, счелъ свои служебныя обязанности временно прекращенными и, опасаясь личныхъ преслѣдованій со стороны якобинскаго правительства, удалился въ Лондонъ.

Оставленіе имъ Парижа не сопровождалось однако полнымъ перерывомъ дипломатической переписки между венеціанскимъ посломъ при французскомъ дворѣ и акредитовавшимъ его правительствомъ. Пизани сталъ слѣдить за французскими событіями изъ Лондона, а оплачиваемые республикой св. Марка тайные агенты продолжали непосредственно доносить инквизиторамъ о ходѣ парижскихъ событій во все время продолженія террора. Паденіе Робеспьера и послѣдовавшее затѣмъ торжество умѣренной партіи поставили на очередь вопросъ о возвращеніи венеціанскаго посла въ Парижъ. Въ виду недоразумѣній, возникшихъ между Альморо Пизани и французскимъ правительствомъ, венеціанская республика предпочла сдѣлать новое назначеніе, и выборъ ея палъ на члена одной изъ древнѣйшихъ фамилій на Альвизе Квирини. Изъ порученій, данныхъ на этотъ разъ венеціанскому послу, важнѣйшимъ было слѣдить за военными приготовленіями французской республики, за подготовляемымъ ею походомъ въ Италію. Квирини долженъ былъ увѣдомлять сенатъ и инквизиторовъ о томъ, что думаютъ французы сдѣлать съ тѣми территоріальными пріобрѣтеніями, какія ихъ будущія побѣды надъ сардинскими и австрійскими войсками могутъ передать въ ихъ руки.

---

[1]) Біографическія данныя объ Антоніо Капелло сообщаетъ Carlo Massa въ 28 томѣ „Rivista Europea". Римъ. 1882 годъ.

[2]) Dandalo. La caduta della republica di Venezia. Appendice, стр. 169.

Въ расчеты Венеціи нимало не входило, разумѣется, образованіе изъ нихъ самостоятельной или зависимой отъ Франціи республики, владѣнія которой граничили бы съ ея собственными и рано или поздно могли бы сдѣлаться очагомъ въ нихъ революціоннаго движенія. Ея интересамъ не отвѣчалъ также предполагаемый раздѣлъ отнятыхъ у Австріи земель между Сардиніей и Генуей и она льстила себя надеждой сама получить долю добычи, не стоившей ей въ тоже время ни малѣйшаго труда. Инструкціи, данныя Квирини, не оставляли, въ самомъ дѣлѣ, ни малѣйшаго сомнѣнія въ рѣшимости синьоріи сохранить во что бы то ни стало нейтральное положеніе между воюющими. Первые шаги, сдѣланные Квирини на его столь трудномъ посту, были настолько успѣшны, что, передавая въ письмахъ къ нему впечатлѣніе, сдѣланное въ сенатѣ его первыми депешами, зять Квирини Гаспаро Липомано говоритъ объ аплодисментахъ, которыми не разъ оглашалась зала присутствія во время чтенія этихъ депешъ. „Всѣ окружали меня", пишетъ онъ, говоря: „какой молодецъ Квирини, какъ славно онъ исполняетъ свою должность". Не меньшее впечатлѣніе произвели ваши донесенія въ „прегади" или „тѣсномъ совѣтѣ", и вы можете разсчитывать на офиціальное заявленіе благодарности и на похвалы вашей мудрости и такту" [1]).

Такъ благопріятно начавшаяся миссія окончилась однако полнымъ пораженіемъ. Отклонивши не разъ предложенный ей Франціей наступательный и оборонительный союзъ противъ австрійцевъ, республика Св. Марка въ тоже время не приняла никакихъ мѣръ къ защитѣ своихъ границъ отъ воюющихъ. Одна за другой ея провинціи занимаемы были австрійскими и французскими войсками, позволявшими себѣ всевозможныя насилія и реквизиціи. Принадлежавшія республикѣ крѣпости заняты были французскими гарнизонами, сдѣлавшимися распространителями республиканскихъ идей. При ихъ почти нескрываемомъ содѣйствіи Бергамо, Брешія и Кремона одна за другой отложились отъ Венеціи и провозгласили себя независимыми городскими муниципіями. Преданные Св. Марку и возмущенные французскими реквизиціями, крестьяне съ береговъ Гварды тщетно сдѣлали попытку остановить эти движенія. Начатый ими отпоръ нашелъ, правда, поддержку въ городскомъ демосѣ Вероны, но „трехдневная кровавая баня", ознаменовавшая собою веронское возстаніе, столь

---

[1]) Библіотека Quirini Stampaglia въ Венеціи заключаетъ въ себѣ цѣлый томъ частной корреспонденціи между Липомано и Альвизе Квирини. (Clas. VII caput. 78). Она содержитъ въ себѣ въ высшей степени цѣнный матеріалъ для исторіи паденія Венеціанской республики и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается неизданной. Приведенное въ текстѣ письмо помѣчено 15 августа 1795 года.

близкое по характеру къ знаменитымъ „сицилійскимъ вечернямъ", кончилась торжествомъ французовъ и провозглашеніемъ политической независимости Вероны отъ Венеціи. Во все время, пока продолжались сперва частныя вымогательства, затѣмъ открытыя насилія, Альвизе Квирини поставленъ былъ въ безысходное положеніе человѣка, обязаннаго протестовать противъ нарушеннаго права, не прибѣгая въ то же время ни къ какимъ угрозамъ и зная напередъ, что его правительство отступитъ передъ всякой мыслью о репрессіи. Правда, сознавая безплодность своей, можно сказать, платонической борьбы съ французской директоріей, Квирини на свой страхъ пустилъ въ ходъ болѣе обѣщавшій пріемъ воздѣйствія — подкупъ, но, на его бѣду, Наполеону удалось продать Венецію австрійцамъ и подписать миръ въ Кампо-Форміо прежде, чѣмъ подкупленному Квирини Баррасу пришло на мысль исполнить свое обѣщаніе и отозвать французскія войска изъ венеціанскихъ владѣній. Одна за другой Виченца, Падуя, Тревизо, Удино произвели въ своихъ стѣнахъ демократическіе перевороты и приняли независимое отъ Венеціи муниципальное устройство по образцу французскаго. Оставшись снова владѣтельницей однихъ островов Адріатики, Венеція одно время думала о военномъ сопротивленіи, но у нея не хватило ни денегъ, ни энергіи для осуществленія этого плана. Одни навербованныя въ Далмаціи славянскія войска обнаруживали готовность защищать ее до послѣдней минуты, даже противъ ея воли, но страхъ, внушаемый венеціанской олигархіи этими съ трудомъ сдерживаемыми патріотами былъ такъ великъ, что она поспѣшила удалить ихъ изъ своихъ границъ, по первому требованію Наполеона. Послѣ этого не осталось ей другого исхода, какъ подчиниться безусловно волѣ иноземца. Инквизиторы были арестованы и препровождены къ мирному побѣдителю. Политическія тюрьмы были при этомъ взломаны толпою. Сенатъ и Прегади упразднены, и временное правительство, подъ предсѣдательствомъ бывшаго дожа, составлено путемъ поголовнаго избранія. Съ установленіемъ демократическаго режима прекратилась сама собою миссія Квирини. Директорія поспѣшила снабдить его паспортомъ, но на обратномъ пути онъ имѣлъ неосторожность остановиться въ Миланѣ, гдѣ былъ задержанъ и заключенъ въ тюрьму по обвиненію въ неплатежѣ по векселю, выданному имъ въ обезпеченье обѣщанной Баррасу взятки. Тщетно онъ и его семья протестовали противъ недѣйствительности обязательства, условія котораго не были исполнены противной стороной. Только благодаря вмѣшательству водворившагося въ Венеціи австрійскаго правительства, удалось семьѣ Квирини выкупить изъ неволи своего черезъ-чуръ опрометчиваго сочлена.

Безплодная по своимъ политическимъ результатамъ, корреспон-

денція Альвизе Квирини въ то же время принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ документовъ для исторіи термидоріанцевъ и директоріи, и можно только высказать сожалѣніе, что она доселѣ погребена въ числѣ рукописей венеціанскаго архива и библіотеки Квирини Стампалія.

Депеши всѣхъ трехъ упомянутыхъ мной дипломатовъ, числомъ болѣе шестисотъ, отличаются нѣкоторыми общими достоинствами, независимо отъ бо́льшаго или меньшаго таланта ихъ авторовъ. Въ своихъ еженедѣльныхъ отчетахъ корреспонденты Венеціанскаго Сената не только стараются дать вѣрную картину всего того, что́ происходитъ въ собраніи и въ министерствахъ, но они пытаются раскрыть и все то, что́ совершается, такъ сказать, за кулисами официальной политики. Чрезъ своихъ агентовъ они проникаютъ въ народныя сходбища и клубы, чѣмъ и объясняются частыя и вполнѣ вѣрныя предсказанія, какія нерѣдко содержатъ напередъ ихъ депеши. Это внимательное отношеніе ко всѣмъ безъ различія сферамъ политическаго воздѣйствія даетъ имъ возможность усмотрѣть ту внутреннюю связь между отдѣльными фазисами революціоннаго процесса, которая остается скрытой для болѣе одностороннихъ наблюдателей. Направляя свои посланія Сенату и инквизиторамъ, венеціанскіе резиденты, очевидно, не имѣютъ возможности пускаться въ тѣ подробныя описанія салоновъ и общественной жизни, которыя придаютъ такую цѣну личному дневнику Морриса, но, съ другой стороны, они гораздо разностороннѣе въ характеристикѣ господствующихъ политическихъ теченій, въ изображеніи духа отдѣльныхъ партій и выставляемыхъ ими програмиъ. Ихъ постоянныя сношенія съ государственными людьми Франціи и добросовѣстность, съ какой они разыскиваютъ мельчайшіе мотивы событій — причина тому, что въ ихъ депешахъ мы находимъ не мало фактовъ, ускользнувшихъ отъ вниманія прочихъ современниковъ. Ихъ расторопность, ихъ умѣнье создавать себѣ связи и устанавливать отношенія въ такихъ сферахъ, въ которыя, обыкновенно, иностранцамъ трудно проникнуть, мирятся съ полной неразборчивостью средствъ и съ готовностью во всякое время покупать дорогою цѣною услуги какъ собственныхъ подданныхъ, такъ и французовъ. Нельзя отказаться отъ удивленія при видѣ той ловкости, съ которой они создаютъ себѣ словоохотливыхъ корреспондентовъ во всѣхъ безъ различія политическихъ партіяхъ, не компрометируя себя связью ни съ одной. Мы попеременно встрѣчаемъ ихъ въ кабинетѣ министра и на тайномъ свиданьи съ оплачиваемымъ ими агентомъ. Они равно извлекаютъ выгоду изъ всѣхъ нескромностей, изъ всѣхъ интригъ, изъ всѣхъ видовъ недоброжелательства и измѣны. Слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру своихъ знаменитыхъ предшественниковъ XVI

и XVII столѣтій Навагеро, Барбаро, Контарини, они умудряются стоять со всѣми на короткой ногѣ: они вхожи одинаково и ко двору, и къ самымъ рѣшительнымъ и неспособнымъ на компромиссъ членамъ оппозиціи. Они озабочены поддержаніемъ тѣсной пріязни со всѣми членами дипломатическаго корпуса и съ напускной наивностью спрашиваютъ иногда указаній и совѣтовъ у своихъ болѣе или менѣе словоохотливыхъ коллегъ. Зная, напримѣръ, близость Морриса съ нѣкоторыми руководящими салонами и тѣ пути, какими онъ можетъ проникнуть въ интимный совѣтъ Маріи-Антуанетты, Альморо Пизани ставитъ однажды американскому послу открытый вопросъ, что онъ знаетъ о готовящейся контръ-революціи. Рѣзкій отвѣтъ Морриса, что онъ ничего не знаетъ и знать не желаетъ [1]), не отстраняетъ хитраго венеціанца отъ новыхъ попытокъ войти въ душу своего американскаго собрата. Со дня на день его посѣщенія становятся все чаще и чаще, и мы находимъ его вскорѣ неизмѣннымъ посѣтителемъ тѣхъ пирушекъ, которыя такъ любилъ устраивать Моррисъ. Всего чаще однако венеціанскіе резиденты обращаются за услугами къ собственнымъ соотечественникамъ, поселившимся во Франціи, подчасъ также къ французскимъ подданнымъ, приведенныхъ нищетою или враждебностью къ доходному, правда, но мало почетному занятію шпіонствомъ. Одни соглашаются оказать имъ это содѣйствіе и безвозмездно, польщенные ихъ вниманіемъ, подкупленные подчасъ простымъ приглашеніямъ на обѣды; другіе умѣютъ соблюсти свою выгоду и не отступаютъ передъ мыслью сдѣлать заемъ или обезпечить за собой мѣсячную пенсію. Едва Пизани удается оставить Парижъ вслѣдъ за заключеніемъ королевской семьи въ Temple, какъ онъ спѣшитъ рекомендовать инквизиторамъ двухъ оставленныхъ имъ въ Парижѣ агентовъ. Оба они—французы; оба одинако отличаются, по его свидѣтельству, большою ловкостью и рвеніемъ, и оба дѣйствительно вскорѣ оправдываютъ это довѣріе самыми обстоятельными отчетами о томъ, что творится даже въ секретныхъ засѣданіяхъ комитета общественной безопасности (Salut publique). Преемникъ Пизани Квирини въ тѣхъ же видахъ поддерживаетъ сношенія даже съ тѣми изъ венеціанцевъ, которыхъ инквизиторы прямо обвиняютъ въ якобинствѣ. Таковъ, напримѣръ, порученный его надзору Зенобіо; Квирини устанавливаетъ за нимъ тайный надзоръ и въ то же время эксплоатируетъ его всячески, что не мѣшаетъ однако

---

[1]) Мы читаемъ въ дневникѣ Морриса отъ 10 января 1792 года. L'ambassadeur de Venise me demande mon opinion sur les affaires de France. Je lui déclare, que je suis mal informé et ne demande à l'être. (Томъ I, стр. 498).

этому прославленному радикалу служить тайнымъ агентамъ Англіи и въ концѣ концовъ подвергнуться публичному изгнанію изъ Франціи. При содѣйствіи подобнаго же посредника, человѣка еще болѣе сомнительной честности, также венеціанскаго уроженца, но только славянскаго происхожденія, Висковича, Альвизо Квирини завязываетъ свои переговоры о подкупѣ съ Баррасомъ и получаетъ отъ него обѣщаніе подавить силою оружія начавшуюся въ венеціанскихъ владѣніяхъ демократическую революцію и возсоединить съ республикой св. Марка отпавшія отъ нея провинціи. Но не къ однимъ только мелкотравчатымъ заговорщикамъ и проходимцамъ, вродѣ Зенобіо и Висковича прибѣгаютъ полномочные послы республики св. Марка, чтобы привесть въ движеніе тѣ тайныя пружины, которыми подчасъ опредѣляется дѣятельность государственныхъ мужей и политическихъ партій. Очень часто они сами идутъ за справками въ салоны господствующей буржуазіи. Чтобы стать на равную ногу съ людьми, которыхъ одинаково отдѣляетъ отъ него и рожденіе и прошлое, венеціанскій дворянинъ старается принять ихъ нравы и привычки и самый способъ держать себя въ обществѣ. Несмотря на нѣжную привязанность къ супругѣ, Квирини не отступаетъ предъ мыслью прослыть открыто въ парижскихъ салонахъ за сердечнаго друга madame Mio, плебейское происхожденіе которой ни для кого не составляло тайны. Его встрѣчаютъ одѣтымъ въ модный костюмъ тѣхъ „incroyables“, которые одно время давали тонъ парижскому обществу, и изъ устъ его раздаются рѣчи, которыя, очевидно, не были расчитаны на то, чтобы завоевать ему симпатіи добрыхъ католиковъ и аристократовъ, какими были его соотечественники [1]).

Посѣщая салоны, театры, клубы и публичныя собранія, венеціанскіе дипломаты слѣдили въ то же время весьма внимательно за періодической печатью и памфлетной литературой. Они старались ежедневно давать себѣ отчетъ въ тѣхъ перемѣнахъ, какія переживало общественное мнѣніе и программы отдѣльныхъ партій. Весьма часто ихъ депеши заключаютъ въ себѣ резюмэ газетныхъ толковъ. Это резюмэ сопровождается каждый разъ приложеніемъ наиболѣе распространенныхъ органовъ печати. Венеціанское правительство абонировано было на нѣсколько газетъ въ Парижѣ и требовало при-

[1]) „Представьте себѣ, читаемъ мы въ частной корреспонденціи маркиза Анри Жозефа Коста, бывшаго начальника сардинской арміи, что въ то самое время, когда Бонапартъ продавалъ его родину, венеціанскій посолъ корчилъ изъ себя француза. Онъ старался выдавать себя за cisisbée madame Mio и наряжался въ костюмъ парижскаго incroyable. (Смотри „Un homme d'autrefois par le comte Costa de Beauregard. Paris. 1886, стр. 412).

сылки посломъ выдающихся брошюръ и даже наиболѣе популярныхъ стихотвореній. Одна изъ депешъ Пизани посвящена наполовину передачѣ того впечатлѣнія, какое произвело на него марсельеза. Онъ пишетъ инквизиторамъ о прелести ея мелодіи и о глубокомъ энтузіазмѣ, какой она вызываетъ въ массахъ.

Только благодаря постоянному чтенію и непрекращающимся бесѣдамъ съ выдающимися людьми всѣхъ партій въ состояніи былъ Капелло такъ глубоко изучить втеченіе немногихъ мѣсяцевъ характеръ тѣхъ учрежденій, которыми Національное собраніе успѣло подарить Францію; только благодаря имъ, въ состояніи былъ онъ должнымъ образомъ оцѣнить слабыя стороны этихъ порядковъ и подготовленіе ими сперва полной анархіи, а затѣмъ столь же неограниченнаго деспотизма.

Когда читаешь ту поразительную по глубинѣ и ясности реляцію, какую онъ доложилъ въ засѣданіи Венеціанскаго Сената по своемъ возвращеніи изъ миссіи, не можешь отказаться отъ невольнаго изумленія передъ быстротою пониманія и оригинальностью этого ума, нимало не уступающаго по своей силѣ и энергіи автору знаменитыхъ „Размышленій о французской революціи“, англичанину Борку. Но не однимъ только прирожденнымъ талантомъ вѣетъ отъ этихъ поистинѣ пророческихъ страницъ, онѣ также поражаютъ васъ способностью критическаго отношенія къ ходячимъ политическимъ теоріямъ, не исключая и знаменитаго ученья Монтескье о раздѣленіи властей. На каждомъ шагу читатель убѣждается въ томъ, что Капелло одинаково чужды и слѣпая приверженность къ старому порядку, и энтузіазмъ новатора. Онъ далекъ отъ систематической оппозиціи всему, что̀ сдѣлано было революціей, оппозиціи, подобной той, примѣръ которой представляетъ намъ Боркъ. Онъ далекъ отъ мысли считать старинную французскую конституцію жизнеспособной и допускавшей необходимость одной только реформы. Но онъ столь же чуждъ увлеченіямъ новыми государственными порядками, построенными въ угоду отвлеченной теоріи и разрывающими всякую связь съ прошлымъ. Не въ „Духѣ Законовъ“, а въ чтеніи политическихъ рѣчей Мирабо и въ долголѣтнемъ знакомствѣ съ административной практикой надо искать источникъ того скептическаго отношенія, въ какое Капелло становится къ конституціи, высшая задача которой—замкнуть дѣятельность короля въ отправленіи однѣхъ исполнительныхъ функцій, лишить не только его, но и назначаемыхъ имъ министровъ всякой законодательной иниціативы и всякаго даже совѣщательнаго голоса, въ обсужденіи народныхъ нуждъ и отвѣчающихъ имъ мѣропріятій. Подобно Борку, но совершенно независимо отъ него, Капелло предвидитъ, что послѣдствіемъ конституціи будетъ съ одной стороны абсо-

лютизмъ собранія, а съ другой анархія въ мѣстномъ управленіи, не знающемъ другихъ органовъ, кромѣ избираемыхъ на короткій срокъ администраторовъ и судей. Въ одно слово съ Моррисомъ онъ предвидитъ, что предоставленныя сами себѣ муниципіи вскорѣ разорвутъ всякую связь съ центральнымъ правительствомъ; федеративная программа будущихъ жирондистовъ намѣчена имъ въ общихъ чертахъ за годъ до созванія Законодательнаго Собранія.

Не легки были условія, созданныя для европейской дипломатіи французскимъ переворотомъ. Выросшіе въ совершенно другихъ условіяхъ, пріученные къ строгому этикету, къ мелочному соблюденію разъ установленныхъ обычаевъ и привычекъ, члены дипломатическаго корпуса съ трудомъ могли помириться съ тѣмъ новымъ положеніемъ, въ какое поставило ихъ демократизированіе французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Надо прочесть депеши британскаго посла графа Гауера или донесенія венеціанскихъ дипломатовъ, чтобы понять то изумленіе, какое должно было вызвать въ этихъ представителяхъ стараго порядка, привыкшихъ къ атмосферѣ дворовъ и аристократическихъ салоновъ, безцеремонность тона и пренебреженіе приличіями, обнаруженныя въ сношеніяхъ „торжествующей націи", какъ съ неограниченнымъ нѣкогда повелителемъ его судебъ, такъ и съ министрами, аккредитованными при его дворѣ. Легко представить себѣ недоумѣніе, овладѣвшее однимъ изъ главъ англійской аристократіи при видѣ министерства иностранныхъ дѣлъ занятымъ торговками, безцеремонно прижимавшими къ своей груди старика Монморена и случайно собранныхъ въ его салонѣ членовъ дипломатическаго корпуса.

„Вчера, пишетъ графъ Гауэръ 1 апрѣля 1791 года, я имѣлъ передъ глазами примѣръ той распущенности, какую обнаруживаютъ въ это время жители этой страны. Отправившись къ министру Монморену въ послѣобѣденное время, я пораженъ былъ при входѣ въ его гостинную присутствіемъ въ ней цѣлой толпы народа. Мое изумленіе еще болѣе возрасло, когда въ дамской половинѣ общества я призналъ тѣхъ самыхъ торговокъ, которыя извѣстны здѣсь подъ наименованіемъ dames de la halle или poissardes; онѣ прощались уже съ министромъ, обнимая его самымъ дружескимъ образомъ. Та же церемонія была продѣлана ими прежде со всѣми тѣми членами дипломатическаго корпуса, которые имѣли несчастіе обѣдать въ этотъ день у министра" [1]).

---

[1]) Смотри The Despatches of Earl Gover edited by Oscar Browning Cambridge. 1885, стр. 75. Подобныя же вольности пуассардки позволяли ебѣ и въ обращеніи съ королевой. Въ письмѣ къ графу Мерси отъ 7 октября

Каково было также раздраженіе венеціанскихъ резидентовъ, привыкшихъ всюду встрѣчать на своемъ пути почетъ и уваженіе, каждый разъ, когда толпа останавливала ихъ экипажъ на улицѣ, заставляя ихъ отказаться отъ этой „аристократической затѣи“ и изъ чувства равенства продолжать прогулку пѣшкомъ! Надо было имѣть находчивость Морриса, чтобы избѣжать подобной необходимости, сославшись на то, что онъ лишился способности владѣть ногами на службѣ у демократіи. Оставался, впрочемъ, и другой путь — путь ходатайства предъ министромъ о назначеніи почетной стражи и надѣленіи посольскихъ курьеровъ правомъ держать при себѣ палку [1]). Принудительныя прогулки пѣшкомъ были далеко не единственнымъ неудобствомъ, отъ котораго страдали члены дипломатическаго корпуса во Франціи. Въ депешѣ отъ 16 ноября 1789 года Капелло представляетъ длинный списокъ всѣхъ притѣсненій, которыя пришлось перенести ему съ начала революціи. Отъ него потребовали не только платежа поголовнаго сбора (capitation), но и обязательной иллюминаціи его квартиры по случаю народныхъ торжествъ нерѣдко нѣсколько ночей подрядъ и это съ цѣлью облегчить національной гвардіи надзоръ за спокойствіемъ улицъ. Съ полнымъ нарушеніемъ посольскихъ привилегій экипажи дипломатическихъ агентовъ останавливаемы были при въѣздѣ въ Парижъ и подвергались не разъ самому тщательному обыску. Австрійскій посолъ Мерси считалъ нужнымъ предупредить императора Іосифа II о томъ, что тайна корреспонденціи не соблюдается болѣе во Франціи, и что посылаемыя съ курьерами депеши легко могутъ быть отобраны по дорогѣ. Въ подтвержденіе этихъ опасеній онъ ссылался на тотъ фактъ, что вслѣдъ за принудительнымъ переселеніемъ короля въ Парижъ курьеры министровъ Монморена, Де-Ла-Люйерна и Де-Латуръ-Дю-Пенъ были задержаны, и находившіеся при нихъ пакеты вскрыты [2]). Ко всему этому прибавилась въ ноябрѣ 1789 года угроза подвергать обыску и частныя жилища министровъ. Изданный Національнымъ Собраніемъ декретъ допускалъ возможность обыска, не дѣлая ни для кого никакихъ изъятій. Законодатели ссылались на необходимость равнаго подчиненія всѣхъ гражданъ государственнымъ указаніямъ и объявляли всякаго рода привилегіи и изъятія въ этомъ отношеніи за порожденія деспотизма. Дипломатическій корпусъ подписалъ общій протестъ, но много мѣ-

---

1789 года Марія Антуанетта пишетъ: „Я говорю съ народомъ, члены національной гвардіи и пуассарды протягиваютъ мнѣ руки, я даю имъ свою (Смотри feuillet de Conches томъ I, стр. 262).

[1]) Смотри депешу Антоніо Капелло къ Сенату за № 207.

[2]) Mercy à Joseph II, 17 августа и 12 декабря, 1789 года. Correspondance secrète du comte de Mercy (томъ II, стр. 261 и 267).

сацевъ прошло прежде, чѣмъ послѣдовало удовлетвореніе этой какъ нельзя болѣе справедливой претензіи.

Чѣмъ сильнѣе возрасталъ революціонный потокъ, тѣмъ затруднительнѣе становилось положеніе аккредитованныхъ при французскомъ дворѣ дипломатовъ. Не разъ они останавливались въ недоумѣніи предъ вопросомъ, принять имъ или отвергнуть приглашеніе „украсить своимъ присутствіемъ праздники гражданства“ (fêtes civiques), устраиваемые въ ознаменованіе той или другой побѣды надъ „главой исполнительной власти“, и только личное заявленіе короля, что онъ радъ встрѣтить ихъ на этихъ празднествахъ, рѣшало вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Послѣ неуспѣха, которымъ увѣнчалось бѣгство короля въ Вареннѣ, послы очутились въ еще болѣе ложномъ положеніи: съ одной стороны ихъ должность требовала продолженія оффиціальныхъ визитовъ при дворѣ, а съ другой—одного появленія ихъ было достаточно, чтобы вызвать подозрѣніе въ тайныхъ интригахъ и принадлежности къ никогда не существовавшему при королевѣ „австрійскому комитету“. Чтобы избѣжать вскрытія своихъ депешъ, венеціанскіе послы постоянно выдумывали новые пути для своихъ курьеровъ, пересылая нерѣдко свою корреспонденцію на Базель и Бергамо. Подчасъ имъ приходило въ голову, что самая жизнь ихъ подвержена опасности. Не остановленъ ли былъ въ самомъ дѣлѣ на границѣ одинъ аббатъ, по ошибкѣ принятый за сардинскаго посла, графа Кордана, и не принудила ли его толпа раздѣться почти до-нага и выдать всѣ имѣвшіяся при немъ бумаги? И что всего обиднѣе, виновники подобнаго самоуправства никогда не могли быть обнаружены и всегда избѣгали наказанія, такъ какъ въ глазахъ національнаго собранія и послушныхъ его волѣ министровъ они подлежали отвѣтственности только за „избытокъ патріотизма“.

Понятно, что при такихъ условіяхъ венеціанскіе дипломаты смотрѣли на окончаніе своей миссіи не безъ нѣкотораго вожделѣнія, если Капелло просилъ, какъ милости, скорѣйшаго перевода на другой постъ, а Пизани говорилъ о принятіи имъ дипломатической миссіи въ Парижѣ, какъ о доказательствѣ его готовности принести себя въ жертву отечеству.

Вслѣдъ за десятымъ августа 1792 года и сопровождавшими его сентябрьскими избіеніями, европейскіе дипломаты сочли нужнымъ оставить Францію. Моррисъ почти одинъ предпочелъ остаться на своемъ посту. Онъ не побоялся подвергнуть свою жизнь опасности, не взирая на то, что его колкія нападки на демагоговъ навлекли на него нерасположеніе членовъ республиканскаго министерства, обвинявшихъ его въ аристократизмѣ. Онъ не внялъ даже довольно открытымъ инсинуаціямъ Бриссо, который, желая побудить его къ скорѣйшему

признанію республики, давалъ ему понять, что въ противномъ случаѣ ему придется оставить Парижъ. Онъ остался нѣмъ на всѣ увѣщанія и подъ предлогомъ, что выжидаетъ инструкцій, продолжалъ жить въ своемъ недавно устроенномъ дворцѣ, въ самомъ центрѣ аристократическаго Сенъ-Жерменскаго квартала.

Что касается до прочихъ пословъ, то одни сочли нужнымъ запастись заблаговременно французскими паспортами, другіе, и въ числѣ ихъ министры пармскій и шведскій, попробовали обойтись безъ этой формальности, но были задержаны по дорогѣ. Англійскому послу пришлось добиваться паспорта болѣе недѣли. Венеціанскій возвращенъ былъ насильственно въ Парижъ, сундуки его вскрыты, бумаги временно отобраны и прочтены. Только при вмѣшательствѣ законодательнаго собранія удалось ему получить разрѣшеніе на оставленіе Франціи [1]).

Во все время продолженія террора, до переворота 9 термидора не видно было въ Парижѣ иностранныхъ пословъ, за исключеніемъ американскаго. Большинство правительствъ и въ числѣ ихъ венеціанское довольствовались услугами оплачиваемыхъ агентовъ. Англія до самаго открытія военныхъ дѣйствій продолжала держать при своей миссіи въ Парижѣ особыхъ chargés d'affaires для завѣдыванія текущими дѣлами и покровительства собственнымъ подданнымъ. Но съ паденіемъ террора американское федеративное правительство, а за нимъ и венеціанская синьорія сочли нужнымъ признать молодую республику. Венеція приняла у себя аккредитованнаго Франціей посланника Лалемана и возобновила свою миссію въ Парижѣ. Венеціанскія депеши обнимаютъ собою такимъ образомъ весь періодъ французской революціи. Ознакомленіе съ ними одинаково полезно и для историка Франціи, и для историка Италіи, такъ какъ они, особенно съ похода Наполеона въ Пьемонтъ и Ломбардію, постоянно заняты выясненіемъ вопросовъ, одинаково интересующихъ и французское, и венеціанское правительства.

Мы, очевидно, не имѣемъ возможности познакомить читателя со всѣмъ богатствомъ ихъ содержанія; но чтобы дать ему представленіе о характерѣ тѣхъ свѣдѣній, какія можно почерпнуть изъ чтенія этихъ мало извѣстныхъ еще документовъ, мы намѣреваемся въ настоящей статьѣ освѣтить съ помощью ихъ тотъ періодъ исторіи французской революціи, въ теченіе котораго принципы 89 года были установлены Учредительнымъ Собраніемъ въ рядѣ декретовъ и декларацій и сдѣлались предметомъ дѣятельной пропаганды со стороны

---

[1]) Депеши графа Гауэра. Вступительный очеркъ къ нимъ Браунинга стр. XXXIV. Моррисъ. Дневникъ и корреспонденція; томъ I, стр. 576, 577, 582.

парижскихъ клубовъ. Любопытно выяснить то отношеніе, въ какое стали къ этимъ принципамъ офиціальные представители венеціанской республики, такъ какъ имъ объясняется въ значительной степени характеръ тѣхъ мѣръ, какія приняты были въ Венеціи для предотвращенія широкаго разлива революціонныхъ идей и огражденія себя такимъ образомъ отъ того, что европейскіе дворы конца прошлаго столѣтія разумѣли подъ названіемъ французской заразы. Для ознакомленія съ этими мѣрами мы сочли нужнымъ обратиться къ архиву Инквизиторовъ, къ годичнымъ отчетамъ ихъ секретарей и къ донесеніямъ ихъ тайныхъ агентовъ или такъ называемыхъ „confidenti“. Инквизиторы, какъ извѣстно, сосредоточивали въ своихъ рукахъ не только верховную государственную полицію, но и верховный государственный судъ. Поэтому записи ихъ судебныхъ приговоровъ, такъ называемыя „annotazioni“, способны пролить не мало свѣта на характеръ политической агитаціи и содержаніе ходячихъ политическихъ доктринъ. Читатель найдетъ поэтому въ нашей статьѣ частыя ссылки на этотъ цѣнный источникъ для исторіи внутренняго быта Венеціи. Въ связи съ полицейскими донесеніями онъ доставилъ намъ необходимый матеріялъ для выясненія вопросовъ, какими средствами венеціанское правительство боролось съ принципами французской революціи.

II.

Извѣстно, какія событія предшествовали открытію генеральныхъ штатовъ 1789 года: констатированіе дефицита, подготовленнаго еще расточительностью Людовика XV и войною за американскую независимость, но вполнѣ обнаружившагося въ министерство Калонна; созывъ нотаблей съ цѣлью добиться квази-легальнаго утвержденія новыхъ налоговъ; образованіе новаго министерства Ломени де-Бріенна и его безуспѣшная борьба съ парламентами, не желавшими вносить въ протоколы финансовыхъ мѣропріятій; возрастающій протестъ противъ „деспотизма“ министровъ, требованіе министерской отвѣтственности и ближайшаго собранія штатовъ; наконецъ, возвращеніе Неккера на нѣкогда занимаемый имъ министерскій постъ,—возстановленіе парламентовъ; новый созывъ нотаблей для обсужденія порядка назначенія сословныхъ представителей и самое открытіе генеральныхъ штатовъ въ Версалѣ въ противность мнѣнію Неккера, дававшему предпочтеніе Парижу. Таковы факты, наполняющіе собою подготовительный періодъ французской революціи. Разсказанные столько разъ въ мемуарахъ современниковъ и повѣствованіяхъ новѣйшихъ историковъ, они нашли

въ Капелло не только внимательнаго наблюдателя, но и въ высшей степени безпристрастнаго судью. Не подчиняясь духу партій, не раздѣляя ни ихъ ненавистей, ни ихъ предразсудковъ, венеціанскій резидентъ распредѣляетъ отвѣтственность между всѣми ближайшими виновниками наступающихъ событій. Онъ констатируетъ тѣ быстрыя перемѣны, какія переживаетъ въ эти годы общественное мнѣніе и предвидитъ слѣдствія, какія можетъ имѣть для будущаго слабость короля и ошибки правительства. Съ рѣдкою проницательностью онъ ищетъ въ условіяхъ времени и въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ предсказанія будущаго. Проживъ рядъ лѣтъ между французами, Капелло успѣлъ ознакомиться съ ихъ народнымъ геніемъ и духомъ ихъ учрежденій. Это дало ему вѣрный критерій для оцѣнки людей и событій, оцѣнки, которой бы тщетно стали искать мы въ случайныхъ наблюденіяхъ посѣтившихъ революціонную Францію путешественниковъ. Свидѣтельства Капелло объ этомъ начальномъ періодѣ революціи заслуживаютъ быть отмѣченными, такъ какъ они позволяютъ установить ту точку зрѣнія, съ какой будетъ смотрѣть на ея дальнѣйшій ходъ этотъ внимательный и прозорливый наблюдатель. Капелло говоритъ въ своихъ депешахъ о необыкновенно возбужденномъ состояніи французскаго общества еще въ іюлѣ 1786 года. Парламенты Парижа, Бордо, Дижона и Тулузы обнаруживаютъ систематическую оппозицію. По его мнѣнію, источникъ ея лежитъ всецѣло въ ревнивомъ охраненіи собственныхъ привилегій. Капелло осуждаетъ поведеніе парламентовъ и предсказываетъ ихъ пораженіе, говоря, что опорой имъ служатъ только покрытыя пылью хартіи, тогда какъ правительство имѣетъ въ своемъ распоряженіи армію, которая даже въ мирное время считаетъ въ своихъ рядахъ отъ двухсотъ до трехсотъ тысячъ солдатъ. Сочувствуя парламенту болѣе изъ ненависти къ правительству, нежели изъ солидарности съ интересами верховныхъ палатъ, общественное мнѣніе настойчиво требуетъ созыва сословнаго представительства. Капелло разсказываетъ въ одной изъ своихъ депешъ, какъ на представленіи въ Версалѣ оперы Панціэло „Теодоро въ Венеціи“, на слова актера, игравшаго роль короля: „что дѣлать, гдѣ искать пріюта?“, изъ рядовъ публики послышался голосъ: „въ собраніи свѣдущихъ людей!“ Хотѣли задержать виновнаго, но королева воспротивилась этому, говоря: „нельзя преслѣдовать сумасшедшаго“ [1]). „Мнѣнія весьма раздѣлены, пишетъ въ той же депешѣ венеціанскій резидентъ; одни ждутъ всего отъ будущаго созыва нотаблей, другіе высказываютъ опасенія за свои привилегіи, боятся всякой перемѣны, всякаго новшества и преслѣдуютъ ѣдкой сатирой всѣхъ и каждаго, кто предлагаетъ ихъ.

---

[1]) Депеша 1 января 1786 года.

Въ одной изъ ближайшихъ своихъ депешъ (депеша отъ 19 февраля 1786 года) Капелло находитъ случай подкрѣпить сказанное примѣромъ. Сессія нотаблей открыта. Высшее духовенство, предводимое архіепископомъ Тулузскимъ, Ломени де-Бріенномъ, противится всякой финансовой реформѣ, основу которой составляло равенство обложенія. Поземельный налогъ отвергнутъ по этой только причинѣ. Какъ примирить его, въ самомъ дѣлѣ, съ тѣми податными изъятіями, которыми доселѣ пользовались земли духовенства. Тотъ же духъ партіи овладѣлъ и верховными судами. Они боятся, чтобы въ число злоупотребленій, отмѣна которыхъ предоставлена нотаблямъ, не включены были и ихъ привилегіи. Они заявляютъ себя противниками задуманныхъ правительствомъ провинціальнымъ собраній, такъ какъ боятся, что эти собранія уменьшатъ ихъ значеніе и власть. Дворянство, повидимому, менѣе руководствуется собственными интересами и охотно говоритъ объ общемъ благѣ. Его депутаты высказались открыто противъ отмѣны поголовнаго сбора съ дворянъ, заявляя, что такая мѣра была бы несправедливостью по отношенію къ прочимъ сословіямъ. Но такъ какъ тѣ же депутаты не хотятъ и слышать о поземельномъ налогѣ, который сдѣлался бы гораздо болѣе тягостнымъ для дворянства, Капелло не считаетъ возможнымъ отнестись серьезно къ заявленному ими стремленію къ равноправію и говоритъ, что они ищутъ только возможности отвести глаза обществу отъ требуемыхъ обстоятельствами реформъ.

Рисуя общественное настроеніе, Капелло говоритъ намъ о его непостоянствѣ, о легкости, съ какой французы мѣняютъ свои взгляды на существеннѣйшіе вопросы политики и объ отсутствіи въ нихъ чувства мѣры при оцѣнкѣ людей и событій. Минутная популярность Калонна, послѣдствіе созыва имъ нотаблей смѣняется внезапно почти поголовнымъ недоброжелательствомъ. Для этого достаточно было обнаруженія факта, къ которому всѣ, повидимому, были подготовлены издавна; я разумѣю дефицитъ. Дефицитъ этотъ созданъ былъ послѣднею войною съ Англіей, но расточительность государственнаго контролера, чрезмѣрныя издержки двора и биржевыя спекуляціи покровительствуемыхъ министромъ банкировъ значительно увеличили его за послѣдніе годы. Калоннъ не счелъ возможнымъ скрывать долѣе его размѣровъ и Капелло энергически порицалъ его за это, нападая на неблагоразуміе тѣхъ „правительствъ, которыя обнаруживаютъ предъ толпою свои скрытыя язвы". „Ничто, утверждаетъ онъ, не вызывало необходимости подобнаго шага",—мнѣніе, съ которымъ трудно согласиться и которое, очевидно, составлено было уже послѣ событій, когда отклоненіе нотаблями финансовыхъ предложеній правительства не оставило сомнѣнія въ полномъ его неуспѣхѣ. Капелло совершенно

правъ, тѣмъ не менѣе, когда говоритъ, что обнаруженіе дефицита самимъ министромъ уменьшило уваженіе къ правительству, показавъ слабость и страхъ, какой оно питаетъ къ общественному мнѣнію. Капелло объясняетъ намъ причину несогласій между нотаблями и Калонномъ, указывая на то обстоятельство, что правительство остановилось на полпути и, сдѣлавъ заявленіе насчетъ дефицита, въ то же время отказало нотаблямъ въ предоставленіи счетовъ, боясь, что они послужатъ къ собственному ихъ осужденію. Имя Мирабо впервые встрѣчается въ депешахъ Капелло въ связи съ обнаруженіемъ того ажіотажа, которому дефицитъ обязанъ былъ своимъ вдзрастаніемъ и въ которомъ главная отвѣтственность падала на Калонна.

Непостоянство и непослѣдовательность, въ которой Капелло обвиняетъ общественное мнѣніе во Франціи, сказались весьма ярко въ томъ положеніи, какое занято было имъ по отношенію къ главѣ новаго министерства Ломени-де-Бріенну. Забывая, что архіепископъ Тулузскій былъ главнымъ виновникомъ неуспѣха попытки установить большее равенство въ обложеніи введеніемъ поземельнаго налога, французская нація сочувственно отнеслась къ выбранному королевой министру и государственныя бумаги значительно поднялись на биржѣ; это выраженіе общественнаго довѣрія страннымъ образомъ сопровождало собою, на разстояніи немногихъ дней, взрывъ недовольства произведенной высылкой Неккера изъ Парижа. Эта административная мѣра была вызвана ожесточеннымъ характеромъ, принятымъ полемикой Неккера съ Калонномъ по вопросу объ источникѣ и дѣйствительныхъ размѣрахъ дефицита. Все, что Парижъ заключалъ въ себѣ выдающагося, приняло участіе въ этой демонстраціи. Съ самаго отъѣзда изгнаннаго изъ Парижа Неккера домъ его былъ переполненъ посѣтителями. Всѣ считали нужнымъ записать свое имя и выразить тѣмъ сочувствіе человѣку, внезапно сдѣлавшемуся самымъ популярнымъ гражданиномъ Франціи.

„Можно было думать, пишетъ венеціанскій резидентъ, что дѣло идетъ не объ изгнанникѣ, а о человѣкѣ, допущенномъ ко всѣмъ почестямъ тріумфа" [1]). Капелло справедливо видитъ въ только что описанномъ имъ фактѣ косвенное осужденіе павшему министру и составляетъ самъ цѣлый обвинительный актъ пратив администраціи Калонна. Эта администрація, пишетъ онъ, вызвала недовѣріе не однихъ высшихъ сословій; министра открыто обвиняли въ оплатѣ услугъ всѣхъ и каждаго, кто помогалъ ему сохранить власть въ своихъ рукахъ, и средства на это шли не изъ кармана Калонна, а изъ государственной казны. Калонна обвиняютъ также и не безъ

[1]) Депеша отъ 7-го апрѣля 1787 года.

основанія въ растратѣ казенныхъ денегъ въ Индіи и это обвиненіе поддерживаетъ не кто иной, какъ Лафайетъ. Если нотабли отказали въ установленіи поземельнаго налога, то потому, что министръ, скрывши отъ нихъ дѣйствительный размѣръ дефицита, не внушалъ имъ никакого довѣрія. Примирительное отношеніе короля не устранило дальнѣйшей оппозиціи, а только усилило, по словамъ Капелло, ея увѣренность въ побѣдѣ [1]). Отказъ нотаблей дать средства правительству въ формѣ поземельнаго налога впервые поставилъ на очередь вопросъ о государственномъ банкротствѣ Франціи.

Капелло не признаетъ неизбѣжности такого исхода, говоря, что во всей Европѣ нѣтъ страны богаче Франціи. Но онъ вполнѣ оцѣниваетъ тѣ трудности, какія переживаетъ правительство и корень которыхъ, говоритъ онъ, лежитъ въ томъ, что „король, не имѣя абсолютной власти, лишенъ конституціей возможности взимать новыя субсидіи безъ согласія національнаго представительства или по меньшей мѣрѣ парламентовъ“ [2]). Это свидѣтельство какъ нельзя болѣе цѣнно; оно доказываетъ намъ, что не позже, какъ въ апрѣлѣ 1787 года, въ общественное сознаніе проникло убѣжденіе, что французская монархія, въ отличіе отъ деспотіи, ограничена сословіями и верховными судами. На истолкованіи права короля вводить новые налоги и парламентовъ — препятствовать ихъ установленію отказомъ въ регистраціи и сосредоточится борьба Бріенна съ верховными судами, борьба, которая въ конечномъ исходѣ поведетъ къ созыву Генеральныхъ Штатовъ. Мы не будемъ слѣдить за различными перипетіями этой борьбы по депешамъ Капелло, такъ какъ онѣ не прибавляютъ ничего существенно новаго къ тому, что извѣстно намъ изъ другихъ источниковъ. Еще со временъ Токвиля установленъ тотъ взглядъ, что сочувствіе, какимъ во все время этой борьбы пользовались парламенты со стороны общества, объясняется не привязанностью націи къ ихъ устарѣлымъ привилегіямъ, а самымъ фактомъ ихъ оппозиціи. Стоило только правительству принять болѣе либеральную политику, и общество охотно перешло на его сторону и радостно привѣтствовало сперва пріостановку, а затѣмъ и совершенное закрытіе верховныхъ судовъ декретами Національнаго Собранія. Но если такова была ихъ конечная судьба при полномъ разгарѣ революціонныхъ страстей, ничто не предвѣщало еще такого исхода въ концѣ 1788 года; напротивъ того, ихъ упорное противодѣйствіе министерству Бріенна, мужество, обнаруженное отдѣльными членами парламентовъ, сдѣланное ими впервые заявленіе о необходимости созвать Генеральные Штаты—

---

[1]) Депеша 23 апрѣля 1787 года

[2]) Ibid.

все это вмѣстѣ взятое сдѣлало ихъ весьма популярными и обезпечило имъ легкую побѣду надъ министерствомъ. Въ корреспонденціи Мерси д'Аржанто съ Іосифомъ II и его министромъ Кауницомъ въ подробности разсказаны всѣ обстоятельства, какими на этотъ разъ сопровождалась смѣна министерства. Самому Мерси поручено было королевой вести переговоры съ Неккеромъ. Отъ короля долго хранили въ тайнѣ имя будущаго министра, зная о его нерасположеніи къ нему. Неккеръ рѣшительно отказался войти въ составъ министерства, пока во главѣ его останется Бріеннъ. Онъ ссылался на то, что никакая популярность не изгладитъ дурного впечатлѣнія, какое вызвано было предписанной Бріенномъ пріостановкой платежей изъ государственной казны. Оно можетъ исчезнуть только при полной перемѣнѣ какъ самой политики, такъ и тѣхъ, кто направляетъ ее. Хотя новымъ убѣжденіямъ Мерси и удалось поколебать упорство Неккера, и онъ отдалъ себя безусловно въ распоряженіе королевы, но само правительство, не исключая и Бріенна, признало полезнымъ уступить, на этотъ разъ, требованіямъ общественнаго мнѣнія и образовать новый кабинетъ [1]).

Капелло рисуетъ намъ состояніе Франціи въ началѣ осени 1788 года, говоря, что, не смотря на обѣщаніе короля созвать генеральные штаты [2]), трудно предвидѣть улучшеніе въ будущемъ. Непослѣдовательность и отсутствіе твердости въ исполненіи разъ задуманныхъ мѣропріятій характеризуетъ собою дѣятельность правительства. Положеніе крайне трудное, и надо хорошо обдумать планъ дѣйствій. Созваніе штатовъ въ такую минуту, когда всѣ умы возстановлены противъ правительства—дѣло опасное. Оно можетъ имѣть послѣдствія, о которыхъ теперь никто не думаетъ. Авторитетъ, если не короля, то министровъ понесетъ неизбѣжно большой уронъ. Издавна установившееся воззрѣніе благопріятно предоставленію генеральнымъ штатамъ права обличать всѣ злоупотребленія и безпорядки въ администраціи. Кто скажетъ напередъ, что именно будущіе штаты отнесутъ къ числу такихъ злоупотребленій и безпорядковъ.

¹) Correspondance secrète du comte Mercy-Argeanteau (письмо Мерси къ Іосифу II отъ 14 сентября 1788 года, томъ II, стр. 189—209) и сопровождающіе его документы, какъ-то: письмо королевы къ Мерси отъ 19 августа 1788 года и Мерси—къ королевѣ отъ 20 и 21 августа того же года, а также переписка Мерси съ Неккеромъ и архіепископомъ и новыя письма королевы къ Мерси отъ 23 и 24 августа.

²) Въ переговорахъ съ Неккеромъ затронутъ былъ этотъ вопросъ, и королева увѣдомила Мерси письмомъ 24 августа 1788 года, что король твердо рѣшилъ собрать штаты въ назначенный срокъ и обсудить съ ними мѣры къ прекращенію дефицита (Ibid. стр. 209).

Тѣмъ же штатамъ приписывается право установленія новыхъ субсидій. Опять-таки возникаетъ вопросъ, къ какимъ мѣрамъ обратятся они для полученія средствъ на эти субсидіи, и не вызоветъ ли попытка уравновѣсить бюджетъ цѣлаго переворота во всемъ строѣ государства. (Депеша отъ 14 августа 1788 года). Возбужденіе, о которомъ говоритъ Капелло въ своей депешѣ отъ 14 августа 1788 года, не прекращается и въ ближайшіе мѣсяцы, отдѣляющіе насъ отъ выборовъ въ генеральные штаты. Источникомъ его является, съ одной стороны, вполнѣ понятное стремленіе привилегированныхъ сословій сохранить свои старинныя привилегіи и въ частности свободу отъ податей, а съ другой — рѣшимость средняго сословія положить конецъ этимъ привилегіямъ. Чтобы обезпечить себѣ возможность равной борьбы въ отстаиваньи своихъ вѣковыхъ вольностей, дворянство стоитъ за равенство своего представительства съ среднимъ сословіемъ. За немногими исключеніями это равенство признаваемо было за нимъ на всѣхъ предшествовавшихъ сессіяхъ генеральныхъ штатовъ, и между прочимъ на той, которой закончилась ихъ дѣятельность 1614 года. Неудивительно, поэтому, если заодно съ духовенствомъ и членами верховныхъ судовъ дворяне, засѣдавшіе въ собраніи нотаблей, высказались единогласно въ пользу ближайшаго созыва сословныхъ представителей въ томъ порядкѣ и въ томъ же числѣ, что и въ 1614 году. Но этого именно и желало избѣжать среднее сословіе. Капелло вполнѣ становится на его сторону и въ защиту требованія имъ двойного представительства ссылается на фактъ значительнаго увеличенія его численности, благодаря новымъ земельнымъ пріобрѣтеніямъ и естественному росту населенія. Буржуазія такъ дорожитъ равенствомъ числа своихъ депутатовъ съ тѣмъ, какое представятъ въ своей совокупности депутаты отъ обоихъ высшихъ сословій, что на провинціальныхъ штатахъ Дофинэ рѣшено было вовсе не посылать депутатовъ, если правительство не удовлетворитъ этого требованія. Другое знаменіе времени — изъ желанія добиться популярности—засѣдающіе между нотаблями члены верховныхъ судовъ поддерживаютъ ходатайство средняго сословія и стоятъ за двойное число его представителей. Капелло рѣшается утверждать, что если бы король принялъ въ этомъ вопросѣ рѣшеніе, противное интересамъ средняго сословія, онъ тѣмъ самымъ вызвалъ бы неминуемо междоусобную войну. Таково повидимому было и мнѣніе Неккера, которому среднее сословіе обязано принятіемъ начала двойнаго его представительства въ штатахъ. Эта первая побѣда, достигнутая тѣми, кто впервые обозначенъ былъ въ собраніи нотаблей именемъ „гражданъ", по словамъ Капелло, увеличила ихъ смѣлость и требовательность. Штаты въ Дуэ высказались въ пользу поголовнаго счета голосовъ,

въ противность старому порядку, требовавшему голосованія по сословіямъ. Въ одной изъ сессій этихъ штатовъ высказана была даже угроза воздержаться отъ посылки депутатовъ въ Версаль, если правительство не рѣшитъ вопроса въ желательномъ для нихъ смыслѣ. Вскорѣ вопросъ о счетѣ голосовъ сдѣлался столь же жгучимъ, какъ и вопросъ о двойномъ представительствѣ средняго сословія. Правительство не посмѣло взять на себя его рѣшеніе и оставило его на выборъ сословныхъ представителей. Но Капелло еще въ январѣ 89 года предвидѣлъ, что побѣда останется на сторонѣ средняго сословія. Свои предсказанія на этотъ счетъ онъ заканчиваетъ слѣдующей характерной сентенціей: „хорошо, если народъ не остается въ неизвѣстности насчетъ принадлежащихъ ему правъ, но не надо также, чтобы онъ зналъ ихъ во всемъ ихъ объемѣ, въ противномъ случаѣ Франція неминуемо превратится въ подобіе демократической республики“ [1]). Не въ однихъ только рядахъ высшей буржуазіи происходило это богатое послѣдствіями движеніе. Оно затронуло собою и народныя массы. Интересъ, какой представляетъ разсказъ Капелло о событіяхъ предшествовавшихъ собранію Генеральныхъ Штатовъ, лежитъ именно въ тѣхъ подробностяхъ, какія содержатся въ немъ о первыхъ народныхъ мятежахъ, и въ тѣхъ предсказаніяхъ насчетъ будущаго, поводъ къ которымъ даютъ эти мятежи. Впервые проявились они въ срединѣ августа 1788 года во время празднествъ, устроенныхъ по случаю возвращенія Неккера. Парижское простонародье пожелало освѣтить улицы, но войску данъ былъ приказъ воспрепятствовать этому намѣренію. Исполненіе приказа повело къ открытому столкновенію. На мѣстѣ стычки нашлись мертвые и раненые. Правительство сочло нужнымъ прибѣгнуть къ устрашительнымъ мѣрамъ, и восемь человѣкъ подвергнуты были казни. Впечатлѣніе, произведенное этой расправой, было самое печальное. Въ серединѣ сентября, по случаю отставки хранителя печати Ламуаньона и замѣны его въ министерствѣ другомъ Неккера, Барантеномъ, повторились новыя народныя празднества и новые безпорядки, во всемъ подобные прежнимъ. Солдаты денно и нощно оставались подъ оружіемъ и силою разгоняли сборища на улицахъ и площадяхъ. Число убитыхъ и раненыхъ на этотъ разъ было даже больше прежняго. Капелло говоритъ о томъ, что въ толпѣ замѣчено было присутствіе нѣсколькихъ агитаторовъ, и что общественное мнѣніе открыто обвиняло въ подстрекательствѣ нѣкоторыхъ членовъ верховныхъ судовъ, вымещавшихъ на Ламуаньонѣ свою злобу за продолжительную прі-

---

[1]) Депеша отъ 19 января 1788 года. По венеціанск. лѣтосчисл. годъ въ Венеціи начинался съ марта.

остановку парламентовъ, ссылку и заточеніе нѣкоторыхъ выдающихся членовъ магистратуры. Ненависть народа къ тѣмъ, кого онъ считалъ виновниками недавнихъ угнетеній, какъ и мѣсяцемъ раньше, ознаменовалась сожженіемъ чучелъ, изображавшихъ подвергшихся отставкѣ министровъ. Капелло говоритъ по этому случаю о воспламенимости французскаго демоса; онъ не знаетъ мѣры ни въ радостяхъ своихъ, ни въ печаляхъ; толпа останавливаетъ экипажи на Pont neuf и заставляетъ проѣзжающихъ стать на колѣни передъ памятникомъ Генриха IV въ знакъ сочувствія королю, отпустившему Бріенна и Ламуаньона и призвавшему Неккера. Та же необузданность сказывается, по словамъ Капелло, и въ томъ неумѣренномъ восторгѣ, съ какимъ толпа привѣтствуетъ имя новаго министра и въ томъ ожесточеніи, съ которымъ она поджигаетъ казармы полковъ, воспротивившихся иллюминаціи. Французы столь же непостоянны и неумѣренны, какъ ихъ климатъ. Этими словами заканчиваетъ Капелло свой разсказъ о сентябрскихъ событіяхъ.

Причины болѣе общаго характера и несравненно болѣе серьезныя вскорѣ усилили недовольство народныхъ массъ. Неурожай вызвалъ дороговизну припасовъ. Хлѣбъ, стоившій въ годъ прибытія венеціанскаго резидента во Францію восемь су, возросъ въ мартѣ 89 года до четырнадцати. Такому же повышенію цѣнъ подверглись и другіе предметы первой необходимости, и въ числѣ ихъ мясо. Одновременно сокращеніе издержекъ домашняго обихода дворомъ и нѣкоторыми выдающимися членами дворянства и духовенства оставило многихъ безъ заработковъ. Въ своей совокупности обѣ причины обусловили собою недостаточность продовольствія; паника сдѣлала остальное. Пошелъ слухъ о томъ, что суровая зима и весеннія наводненія лишаютъ надежды на урожай. Дѣйствительность далеко не оправдывала однако этихъ опасеній. Правда, жители прибрежныхъ къ Луарѣ селеній сильно пострадали отъ разлива, вызваннаго обиліемъ таявшихъ снѣговъ. Но въ прочихъ частяхъ страны жатва была богата, и 89 годъ отнюдь не можетъ быть отнесенъ къ числу неурожайныхъ годовъ. Это признаетъ въ числѣ другихъ историковъ и Адольфъ Шмидтъ, которому мы обязаны столькими интересными подробностями о внутренней жизни Парижа въ эпоху революціи. „Отсутствіе неурожая, замѣчаетъ онъ, не помѣшало однако высокому уровню цѣнъ на хлѣбъ. Закупки хлѣба спекулянтами, значительный вывозъ за-границу, стѣсненія, которымъ продолжала подвергаться торговля хлѣбомъ въ связи съ тою необезпеченностью, какая вызывалась общимъ состояніемъ дѣлъ, сами собою объясняютъ причину этого факта. Декретъ 29 августа 1788 года, провозгласившій свободу хлѣбной торговли внутри Франціи и запретившій вывозъ хлѣба за-границу подъ

страхомъ судебной отвѣтственности, какъ за измѣну, обнародованъ былъ слишкомъ поздно и не могъ остановить дѣятельности скупщиковъ, не помѣшавъ сохраненію значительныхъ хлѣбныхъ запасовъ провинціями и мѣстностями, озабоченными прежде всего собственнымъ продовольствіемъ. А эти два обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, необходимо должны были обусловить высоту хлѣбныхъ цѣнъ на рынкѣ [1]). Депеши Капелло даютъ право сомнѣваться, чтобы Неккеръ заслуживалъ въ дѣйствительности упрекъ въ не своевременномъ принятіи мѣръ противъ хлѣбнаго вывоза. Но позже, 22 сентября 1788 г., Капелло въ донесеніи сенату заявляетъ, что вывозъ зерна и муки заграницу запрещенъ правительствомъ по ходатайству провинціальныхъ штатовъ. Въ другой депешѣ отъ 1 декабря 1788 г., увѣдомляя о просьбѣ, сдѣланной французскому правительству Испаніей дозволить ввозъ хлѣба въ ея границы, Капелло вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ знать, что эта просьба не была уважена, и что правительство подтвердило свой запретъ, распространяя его въ этотъ разъ на всѣ виды хлѣба. Чтобы воспрепятствовать обходу закона и прекратить дѣятельность скупщиковъ, правительство запретило продавать зерно и муку иначе, какъ на рынкахъ. Въ апрѣлѣ 1789 года, опять таки по свидѣтельству Капелло, значительныя партіи хлѣба прибыли изъ Сардиніи въ порты Прованса и Лангедока, и новые транспорты ожидаемы были изъ Сициліи. Чтобы поощрить ввозъ, обѣщана была премія въ тридцать су съ квинтала, поступавшаго изъ-за-границы зерна и въ сорокъ съ квинтала муки. Эту премію правительство обязалось платить, начиная съ перваго мая и оканчивая первымъ сентября [2]).

Всѣ эти мѣры не помѣшали однако дороговизнѣ хлѣба и не предупредили мятежей. Безпорядки начались прежде всего въ Марселѣ; народъ потребовалъ уменьшенія цѣны на хлѣбъ и мясо. Власти согласились на это требованіе, и разница между покупной и продажной цѣною была покрыта муниципалитетомъ. Какъ дорого обошлась ему эта щедрость, можно судить по тому, что на каждомъ франкѣ стоимости хлѣба муниципалитету приходилось терять два су и четыре су на каждомъ франкѣ стоимости мяса [3]). Движенія, подобныя Марсельскому, проявились вскорѣ въ Эксѣ и Тулонѣ. Въ столицѣ же мятежъ вспыхнулъ за нѣсколько дней до собранія Штатовъ. Три тысячи рабочихъ квартала Сентъ-Антуанъ осадили фабрику обоевъ, принадлежавшую нѣкоторому Ревельону, которому совершенно ошибочно, какъ оказалось впослѣдствіи, приписано было выраженіе, что

---

[1]) Смотри Adolph Schmidt. Paris pendant la révolution (томъ II, стр. 121).
[2]) Смотри депешу отъ 27 апрѣля 1789 года
[3]) Депеша 20 апрѣля 1789 года.

французскій рабочій долженъ довольствоваться заработкомъ въ пятнадцать су въ день. Войска разогнали толпу, но она вернулась снова, день спустя, ограбила и сожгла все до тла. Многихъ жертвъ стоило усмиреніе этого мятежа и десятки людей положены были на мѣстѣ присланнымъ для подавленія его полкомъ [1]). Такимъ образомъ тѣ два фактора, которые опредѣляютъ собою революціонное движеніе ближайшихъ годовъ, антагонизмъ средняго сословія съ высшими и необезпеченность рабочаго класса—послѣдствіе дороговизны припасовъ и сокращенія производства, обнаруживаются уже въ началѣ 1789 года. Депеши Капелло не оставляютъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Они же указываютъ и на два другіе источника наступающихъ событій: на внезапно овладѣвшій французами духъ равенства и свободы и на слабость правительства, призваннаго умѣрять эти трудно поддающіеся удержу порывы. Они говорятъ намъ о томъ, что желаніе выйти изъ „хаоса деспотизма", порожденнаго ниспроверженіемъ основъ древней французской конституціи, раздѣлялось всѣми выдающимися людьми этого времени, и что самъ Людовикъ XVI только потому не поддавался этому теченію, что по своей слабости не могъ освободиться отъ вліянія придворныхъ интригъ, главою которыхъ была Марія Антуанетта.

Личныя впечатлѣнія Капелло сходятся въ этомъ отношеніи съ тѣми, какимъ Моррисъ даетъ выраженіе въ письмахъ, посланныхъ имъ въ ближайшіе мѣсяцы, слѣдовавшіе за пріѣздомъ въ Парижъ. „Вопросъ о томъ, получитъ ли Франція конституцію, или воля короля попрежнему останется единственнымъ закономъ, пишетъ этотъ сподвижникъ Вашингтона и Франклина, занимаетъ въ настоящее время умы всѣхъ и заставляетъ биться всѣ сердца". Духъ независимости внезапно пробудился во всѣхъ классахъ общества; правда, тѣ пути, которые ведутъ къ свободѣ, сознаются во Франціи довольно смутно, но желать ее—всѣ желаютъ, всѣ одинаково заинтеросованы въ исходѣ будущихъ выборовъ, всѣ обнаруживаютъ дѣятельность и энергію, всѣ ищутъ блага и весьма часто достигаютъ противнаго [2]). „Разговоры о политикѣ сдѣлались преобладающими; о ней спорятъ даже въ салонахъ, пишетъ Моррисъ въ мартѣ 1789 г., ну точно въ Филадельфіи; и разговоры эти ведутся въ томъ же духѣ, что и тамъ. Республиканизмъ становится своего рода нравственной инфлуенцой" [3]). Моррисъ настолько пораженъ смѣлостью доктринъ,

---

[1]) Эти событія произошли 27 и 28 апрѣля, Капелло упоминаетъ о нихъ въ депешѣ отъ 4-го мая 1789 года.

[2]) Письмо Морриса къ графу Демустое, французскому послу въ Америкѣ.

[3]) Дневникъ, стр. 35.

высказываемыхъ въ салонахъ, что обвиняетъ въ республиканствѣ наравнѣ Лафайета и посѣтителей гостиной госпожи де-Тэссэ. Онъ предсказываетъ, что большинство будущаго собранія не отступитъ предъ мыслью полнаго ниспроверженія монархіи [1]).

Капелло менѣе рѣшителенъ въ своей оцѣнкѣ общественныхъ теченій. Онъ думаетъ, что большинство озабочено только установленіемъ ограниченной монархіи, признающей за націей извѣстныя права и сохраняющей остальныя за королемъ, пока нація не имѣла того, что можетъ быть названо конституціей, т.-е., строго опредѣленнаго порядка, регулирующаго права народа и права короля [2]). Это обстоятельство и дало возможность парламентамъ сосредоточить въ своихъ рукахъ такую „произвольно расширенную“ власть. Что нація озабочена чѣмъ то совершенно постороннимъ интересамъ верховной магистратуры—доказательство этому Капелло видитъ въ результатахъ выборовъ. Кто, какъ не парламенты, потребовалъ созыва генеральныхъ штатовъ, правда, болѣе изъ желанія создать новыя трудности для правительства, нежели въ видахъ оживленія этихъ старинныхъ учрежденій; одно то обстоятельство что число членовъ парламента между депутатами самое ничтожное, не показываетъ ли, что нація мало помышляетъ о верховныхъ судахъ, еще недавно столь популярныхъ [3])? Не раздѣляя нерасположенія Морриса къ парламентамъ, Капелло сходится съ нимъ въ предсказаніи ожидающей ихъ участи. „Весьма вѣроятно, говоритъ онъ, что штаты низведутъ ихъ до роли обыкновенныхъ гражданскихъ и уголовныхъ судовъ. О тѣхъ задачахъ, которыя ставитъ себѣ общественное мнѣніе, о тѣхъ политическихъ цѣляхъ, какія преслѣдуются націей, всего удобнѣе судить по содержанію наказовъ. Инструкціи, данныя герцогомъ Орлеанскимъ лицамъ, призваннымъ представлять его на выборахъ, содержатъ въ себѣ рядъ мыслей, доказывающихъ, что вопросомъ дня является гарантія личной свободы, свобода слова и печати, установленіе суда присяжныхъ и отвѣтственнаго министерства“. Капелло подчеркиваетъ тотъ фактъ, что большинство бальяжей поставило на видъ депутатамъ не соглашаться ранѣе на установленіе новыхъ субсидій, какъ послѣ отмѣны тѣхъ злоупотребленій, о какихъ говорятъ наказы [4]). Такой пріемъ, очевидно, вполнѣ могъ достигнуть той цѣли, какую ставили себѣ избиратели. Онъ могъ побудить правительство къ немедленному удовлетворенію народныхъ требованій. Англія освятила его вѣковою практикой.

---

[1]) Ibid., стр. 33, 56, 59.

[2]) Депеша отъ 22 декабря 1788 года.

[3]) Депеша 13 апрѣля 1789 года.

[4]) Депеша 30 марта 1789 года,

Торжество ея парламента, его вліяніе на отмѣну старинныхъ злоупотребленій и проведеніе реформъ было въ значительной степени обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что общины вотировали субсидіи въ послѣднихъ по времени засѣданіяхъ. Генеральные штаты не придерживались подобной практики, и это обстоятельство не мало содѣйствовало тому, что воля націи не разъ оставляема была безъ вниманія королемъ, издававшимъ ордонансы и эдикты въ прямомъ противорѣчіи съ ходатайствами сословнаго представительства. Если вотированіе субсидій въ концѣ парламентской сессіи могло упрочить за собою въ будущемъ авторитетъ народнаго представительства, то въ настоящемъ оно заключало въ себѣ серьезную опасность въ томъ смыслѣ, что не давало правительству возможности пополнить государственную казну и положить конецъ дефициту. Скудость денежныхъ средствъ, которыми располагало правительство, была такъ велика, что въ моментъ паденія министерства Бріенна въ государственномъ казначействѣ оставалось всего-на-всего двѣсти тысячъ ливровъ [1]).

Моррисъ констатируетъ тотъ фактъ, что равенство даже въ средѣ высшихъ сословій сдѣлало во Франціи такія же успѣхи, какъ и свобода. „Цѣлая группа молодыхъ дворянъ, пишетъ онъ, прониклась самою пламенною вѣрою въ прирожденное равенство людей“ [2]). Капелло дѣлаетъ одинохарактерное показаніе. „Рѣзкія пререканія дворянъ и буржуазіи о податныхъ привилегіяхъ высшихъ сословій стихли, никому болѣе не приходитъ въ голову заявлять претензію на налоговыя изъятія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ дворянствомъ, превозносившимся своими услугами отечеству на полѣ брани, данъ былъ устами одного изъ членовъ средняго сословія слѣдующій отвѣтъ: „ужъ не думаете ли вы, что въ нашихъ жилахъ течетъ вода?“ [3]). Но если дворянство соглашалось раздѣлить съ прочими сословіями бремя податей, то оно продолжало охранять весьма ревниво прочія свои преимущества, и въ числѣ ихъ право на исключительное занятіе офицерскихъ мѣстъ одинаково въ арміи и во флотѣ [4]). Будущность собранія, пишетъ Капелло, всецѣло зависитъ отъ того, какъ рѣшенъ будетъ вопросъ о его составѣ [5]). Двойное даже представительство средняго сословія не обезпечитъ вполнѣ его преобладанія, такъ какъ высшія сословія, благодаря своему богатству, всегда будутъ

---

[1]) Смотри корреспонденціи Мерси; письмо его къ Іосифу II отъ 14 сентября 1788 года, т. I, стр. 193.

[2]) Дневникъ, т. I, стр. 58.

[3]) Смотри депешу 9 февраля 1788 года.

[4]) Смотри депешу 22 декабря 1788 года.

[5]) Депеша 24 ноября 1788 года.

имѣть возможность добиться большинства голосовъ съ помощью подкупа [1]). Чтобы предотвратить такой исходъ, необходимо ввести поголовный счетъ голосовъ взамѣнъ прежняго голосованія по сословіямъ. Если эта система будетъ принята, Францiя неудержимо устремится къ демократіи. Предвидѣть это позволяютъ слѣдующіе факты: сильное броженіе сказывается одинаково на провинціальныхъ штатахъ Бретани, Бургундіи и Дофинэ. Всѣхъ волнуетъ вопросъ о томъ, кто будутъ представители средняго сословія, въ какомъ числѣ они будутъ избраны и какъ будутъ считаться ихъ голоса въ будущихъ штатахъ. Тогда какъ въ 1614 году изъ 184 депутатовъ отъ средняго сословія, 132 были дворянскаго происхожденія, большинство вновь избранныхъ представителей принадлежитъ къ буржуазіи. Когда нѣсколько дворянъ вздумало принять участіе въ выборныхъ собраніяхъ Парижа, ихъ принудили удалиться. Въ каждомъ изъ восьмидесяти избирательныхъ округовъ, на которые раздѣлена была столица, выборъ палъ на лицъ средняго сословія [2]). Не менѣе характеренъ тотъ фактъ, что депутатами отъ духовенства въ большинствѣ случаевъ назначены приходскіе священники. Знаменательно также, что Калоннъ, явившійся во Фландрію въ надеждѣ быть выбраннымъ отъ дворянства, принужденъ былъ пуститься въ обратный путь въ виду враждебности населенія [3]). Такимъ образомъ все доказываетъ, что Францiя подчинилась вполнѣ овладѣвшему умами влеченію къ свободѣ и общественной справедливости.

Прежде чѣмъ судить о томъ, каковъ вѣроятный ходъ событій, необходимо, по мнѣнію Капелло, выяснить себѣ то положеніе, какое правительство заняло по отношенію къ общественному мнѣнію. Венеціанскій резидентъ не разъ указываетъ на то, что внутренняя политика правительства не отличается ни силою, ни послѣдовательностью. Людовикъ XVI лишенъ энергіи, имъ управляетъ жена. Марія Антуанетта—дѣйствительная виновница паденія Калонна, одинъ видъ котораго былъ ей непріятенъ. Ея вліянію надо приписать также назначеніе министромъ Бріенна. Хотя возвращеніе Неккера и совершилось, какъ мы показали выше, при непосредственномъ вмѣшательствѣ королевы, но, по словамъ Капелло, онъ не пользуется ея расположеніемъ. Не менѣе враждебны ему и принцы крови, за исключеніемъ Monsieur (старшаго брата Людовика XVI, будущаго короля Людовика XVIII) и герцога Орлеанскаго (Philippe Egalité). Принцы не отступили даже передъ мыслью ухудшить положеніе отставкой

---

[1]) Депеша 22 декабря 1788 года.
[2]) Депеша отъ 27 апрѣля 1789 года.
[3]) Депеша 13 апрѣля 1789 года.

единственнымъ человѣка, способнаго предупредить междоусобную войну и губительное банкротство. Они настаиваютъ на немъ, добровольно закрывая глаза на ея неизбѣжныя послѣдствія. Ихъ ненависть къ Неккеру такъ велика, что они возлагаютъ на него отвѣтственность за всѣ возникшіе въ странѣ безпорядки. Эмигрировавшій въ Германію вслѣдъ за взятіемъ Бастиліи графъ Артуа по поводу разлива Неккера, не пренебрегая каламбуромъ, скажетъ, что куда онъ ни явится, онъ всюду находитъ развалины и опустошенія отъ Неккера [1]. „Это шарлатанъ, упоенный собственнымъ величіемъ и слѣпо идущій на революцію, послѣдствій которой онъ не въ состояніи предвидѣть“ — такъ судятъ о Неккерѣ нѣкоторые германскихъ дворовъ, мнѣніе, въ которомъ нельзя не видѣть прямого отраженія взглядовъ французскихъ эмигрантовъ. Оно не далеко, однако, отъ того, какое высказываетъ Майльсъ. „Господинъ Неккеръ, пишетъ онъ 17 апрѣля 1789 года, думаетъ, что онъ все самъ направляетъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ не болѣе, какъ слѣпое орудіе въ рукахъ собственныхъ агентовъ“. Всѣ эти отзывы стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ свидѣтельствомъ Капелло. Для Капелло Неккеръ человѣкъ, ниспосланный Франціи самимъ Провидѣніемъ. Его не терпятъ только тѣ, кто видитъ униженіе Франціи въ томъ, что во главѣ ея дѣлъ стоитъ иностранецъ [2]. Но большинство націи относится къ нему по заслугамъ. Еще недавно благородство его намѣреній исторгало слезы изъ глазъ нотаблей, а народъ праздновалъ его возвращеніе, какъ торжество свободы надъ абсолютизмомъ. „Это человѣкъ рѣдкій во всѣхъ отношеніяхъ, пишетъ Капелло о Неккерѣ въ депешѣ отъ 6 апрѣля 1789 года; его самоотверженіе дошло до того, что онъ не отступилъ передъ мыслью пожертвовать собственнымъ имуществомъ для интересовъ казны. Онъ свято относится къ своимъ обязанностямъ, онъ отдаетъ имъ все свое время, отказывая себѣ даже въ отдыхѣ. Капелло высказываетъ опасеніе, что многочисленныя препятствія, встрѣчаемыя Неккеромъ на каждомъ шагу, лишатъ его рано или поздно той твердости, съ которой онъ смотритъ на будущее. Безчестная и безпечная оппозиція, какую дѣлаютъ ему враги, способна породить въ немъ отвращеніе къ власти. Трудно переносить спокойно всѣ тѣ клеветы, которыя ежедневно сыплются на его голову, и то завѣдомо ложное толкованіе, какое дается всѣмъ его поступкамъ. Въ самомъ министерствѣ онъ находитъ поддержку только со стороны по-

1) The correspondence of William Augustus Miles on the French Revolution. Томъ I. Лондонъ 1890 г., стр. 15?.

2) Депеша отъ 1 сентября 1788 года.

заго хранителя печати Барантена и министра иностранныхъ дѣлъ графа Монморена. Къ счастію, этотъ послѣдній пользуется полнымъ довѣріемъ Людовика XVI, который обыкновенно слѣдуетъ всѣмъ его совѣтамъ [1]).

Увлеченіе Неккеромъ не дѣлаетъ Капелло слѣпымъ, къ его ошибкамъ. Подобно Моррису, онъ осуждаетъ Неккера за то, что жгучій вопросъ о совмѣстномъ или раздѣльномъ засѣданіи сословій не былъ рѣшенъ имъ въ томъ или другомъ смыслѣ до созыва Генеральныхъ Штатовъ. Онъ не скрываетъ также своихъ опасеній, что масса дѣлъ, ввѣренныхъ попеченію Генеральныхъ Штатовъ, и численность самаго ихъ состава сдѣлаютъ крайне трудной нормальную дѣятельность собранія. Безпорядки, недавно проявившіеся въ Бретани и вызвавшіе почти вооруженное столкновеніе между высшими сословіями и средними, даютъ поводъ думать, что засѣданія Генеральныхъ Штатовъ будутъ крайне бурны. Не въ одной Бретани замѣтны признаки революціоннаго движенія. То же можетъ быть сказано и о Бургундіи. Въ одномъ только Дофинэ, въ которомъ среднее сословіе еще ранѣе добилось численнаго преобладанія на Штатахъ, господствуетъ относительное спокойствіе [2]). Не безъ удивленія сообщаетъ поэтому Капелло въ депешѣ отъ 27 апрѣля 1789 года, что, несмотря на его пессимистическія ожиданія, порядокъ не былъ нарушенъ во Франціи во все время производства выборовъ, и что въ самомъ Парижѣ дѣло обошлось несравненно спокойнѣе, чѣмъ можно было ожидать.

III.

Событія, предшествовавшія взятію Бастиліи, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы ожидать много новыхъ подробностей отъ разсказа даже такого обстоятельнаго повѣствователя, какимъ, въ своихъ депешахъ, является Капелло. Намъ интересно поэтому прослѣдить въ его депешахъ не столько постепенный ходъ зарожденія революціонныхъ движеній, сколько видоизмѣненіе собственныхъ его взглядовъ на ихъ характеръ и ближайшія послѣдствія. Весьма субъективный въ своихъ оцѣнкахъ, готовый ежечасно подѣлиться личными впечатлѣніями, Капелло получаетъ для насъ благодаря этому тѣмъ большую цѣну. Мы имѣемъ дѣло не съ хладнокровнымъ наблюдателемъ, объективно передающимъ то, что происходитъ вокругъ него, а съ человѣкомъ, горячо относящимся ко всему, что совершается на его глазахъ, не

---

1) Депеша отъ 27 апрѣля 1789 года.

2) Депеша 2 и 9 февраля 1788 года.

скрывающимъ своихъ радостей и опасеній и охотно отмѣчающимъ различныя перемѣны своего собственнаго настроенія.

Пятаго мая въ день открытія Генеральныхъ Штатовъ мы находимъ его въ Версалѣ на трибунѣ, отведенной дипломатическому корпусу. Интересъ, возбужденный Генеральными Штатами, былъ такъ великъ, что сотни иностранцевъ добивались доступа на трибуны. Одинъ англійскій посолъ потребовалъ для своихъ соотечественниковъ шестнадцать входныхъ билетовъ. Всѣ требованія далеко не могли быть удовлетворены или удовлетворены были слишкомъ поздно, такъ что на галлереѣ осталось нѣсколько свободныхъ мѣстъ. Капелло говоритъ намъ о большомъ энтузіазмѣ, вызванномъ тронною рѣчью короля, и о слезахъ, какія эта рѣчь исторгла у присутствующихъ. Онъ сообщаетъ намъ также о знакахъ неодобренія, какими встрѣчено было появленіе Мирабо въ числѣ депутатовъ отъ средняго сословія.

Непопулярность королевы и популярность герцога Орлеанскаго отмѣчены Капелло въ его депешахъ. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что финансовый отчетъ Неккера, одно чтеніе котораго продолжалось цѣлые три часа, не удовлетворилъ ожиданій ни одного изъ сословій. Дворянство и духовенство прочли въ немъ угрозу для своихъ привилегій, а среднее сословіе не нашло въ немъ именно того, чего искало: принципіальнаго рѣшенія вопроса о совмѣстномъ засѣданіи всѣхъ представителей и поголовномъ счетѣ голосовъ. На разстояніи немногихъ недѣль, въ теченіе которыхъ весь интересъ сосредоточился на подавленіи безпорядковъ въ Марселѣ, Капелло, возвращаясь къ дѣятельности Генеральныхъ Штатовъ, высказываетъ соболѣзнованіе, что она проходитъ въ безплодныхъ препирательствахъ между депутатами высшихъ сословій и депутатами буржуазіи по вопросу о совмѣстной или раздѣльной повѣркѣ полномочій.

Свою нетерпимость къ среднему сословію дворянство доводитъ до того, что отказываетъ даже его депутатамъ въ названіи „Общинъ королевства", названіи, прибавляетъ Капелло, присвоенномъ имъ еще Филиппомъ IV Красивымъ. Не менѣе строгъ Капелло въ своемъ сужденіи и о представителяхъ буржуазіи. „Прискорбно видѣть, пишетъ онъ, что въ средѣ каждаго изъ сословій не мало личностей, цѣль которыхъ, повидимому, поддерживать раздоры. Депутаты отъ средняго сословія думаютъ болѣе всего о популярности и съ этою цѣлью допустили публику въ залу своихъ засѣданій, чего не сдѣлали оба высшихъ сословія". Очень коротко изложено въ депешахъ поведеніе средняго сословія, начиная съ знаменитаго засѣданія „jeu de paumes" и оканчивая фактомъ соединенія сословій въ одной камерѣ по именному приказу короля. Капелло ничего не говоритъ ни о быстрой популярности Мирабо, ни о знаменитомъ отвѣтѣ, данномъ имъ цере-

моніймейстеру Дре-Брезэ, онъ ограничивается тѣмъ, что даетъ политикѣ средняго сословія квалификацію сильной и энергичной. Сочувственно относится онъ къ содержанію королевскаго декрета отъ 23 іюня, хотя и находитъ его несвоевременнымъ. Источникъ слабости правительственной репрессіи лежитъ, по его мнѣнію, въ духѣ неповиновенія, какой овладѣлъ арміей; правительству трудно положиться на нее.

„Когда, пишетъ Капелло въ депешѣ отъ 29 іюня 1889 года, народъ узналъ о соединеніи сословій, онъ въ порывѣ радости сплошной толпой окружилъ дворецъ, крича: „да здравствуетъ король!" Людовикъ XVI, сопровождаемый Маріей-Антуанеттой, показался на одномъ изъ балконовъ. Энтузіазмъ достигъ въ это время крайняго предѣла, а на глазахъ монарховъ показались слезы умиленія". Всѣ, повидимому, были тронуты и лелѣяли надежду на мирное возрожденіе Франціи, благодаря совокупнымъ усиліямъ короля и націи. Одинъ венеціанскій резидентъ высказывалъ опасеніе за будущее, говоря: „умѣренность не есть свойственная народу добродѣтель и быстрая побѣда, одержанная среднимъ сословіемъ, неизбѣжно усилитъ его надменность". Эти опасенія оправдались такъ быстро, что ближайшую депешу (отъ 5 іюля) Капелло считаетъ нужнымъ начать той самой фразой, какою заканчивалось его послѣднее письмо. „Первая побѣда, одержанная Національнымъ Собраніемъ, прибавляетъ онъ, открыла народу его силы, сдѣлала его дерзкимъ и отважнымъ, онъ не хочетъ болѣе носить цѣпей, налагаемыхъ на него законами, его не останавливаетъ даже соображеніе общественной безопасности; безпорядки всякаго рода проявились за послѣдніе дни, грозя не только внутреннему спокойствію и миру, но и королевскому авторитету. Они внесли ужасъ въ сердца добрыхъ гражданъ и вызвали въ нихъ опасеніе еще болѣе страшныхъ потрясеній въ будущемъ. Ужасно подумать, что французскій солдатъ, потерявшій привычку повиновенія, не слушаетъ болѣе голоса начальствующихъ. Два гренадера, посаженные въ тюрьму по приказу полковника, дали поводъ къ открытому мятежу. Король поставленъ былъ въ необходимость отпустить ихъ на свободу. Пока это происходило въ Версалѣ, въ Парижѣ совершалось нѣчто аналогичное; одиннадцать солдатъ, принадлежащихъ къ числу французскихъ гвардейцевъ, посажены были въ тюрьму". Многочисленная толпа, состоящая изъ солдатъ и мятежниковъ, проломила двери тюрьмы и освободила насильственно всѣхъ безъ различія заключенныхъ. Но время, когда Національное Собраніе сочтетъ нужнымъ идти рука объ руку съ народнымъ мятежемъ, еще не настало. Безпорядки въ полкахъ вызвали поэтому съ его стороны мѣру, которую Капелло называетъ мудрой. Ходатаямъ за виновныхъ данъ

былъ совѣтъ обратиться къ королю и просить его милости. Король же поспѣшилъ удовлетворить это желаніе. Капелло не воздерживается по этому поводу отъ замѣчанія о тяжкомъ положеніи монарха, который не въ силахъ ни предупредить преступленій, ни покарать ихъ, какъ должно.

Очагомъ безпорядковъ Капелло считаетъ Пале-Рояль. Венеціанскій резидентъ передаетъ ходячій слухъ о томъ, что герцогъ Орлеанскій оплачиваетъ пале-рояльскихъ демагоговъ изъ собственнаго кармана. Если правительство не положитъ своевременнаго конца разгулу этихъ проповѣдниковъ мятежа, надо быть готовымъ на все. Кровь пролита уже въ Ліонѣ, гдѣ войску съ трудомъ удалось подавить народное возстаніе [1]), а теперь очередь за Парижемъ. На этотъ разъ источникомъ безпокойствъ являются интриги, направленныя придворной партіей противъ Неккера. Принцы крови, при содѣйствіи Маріи-Антуанетты, временно овладѣли королемъ и предписали ему образъ дѣйствій. Недалеко отъ Версаля установленъ военный лагерь. Тщетно собраніе, по предложенію Мирабо, требовало его удаленія. Король остался нѣмъ къ этимъ мольбамъ. Графъ Артуа (будущій король Карлъ X) добился отозванія Неккера. Пока опальный министръ направляется къ ближайшей бельгійской границѣ, баронъ Бретейль ставится во главѣ новаго министерства и замышляетъ военное занятіе столицы. Но эти проекты контръ-революціи своевременно угаданы народомъ. При извѣстіи объ отбытіи Неккера, парижане требуютъ закрытія магазиновъ и театровъ и торжественной процессіей, предшествуемой траурными знаменами, проносятъ по Парижу изображеніе опальнаго министра и любимаго ими герцога Орлеанскаго. Городскія заставы разрушены, общественные магазины, принадлежащіе нѣкоторымъ монастырскимъ обителямъ, разграблены. Уже мятежники собираются идти на Версаль, но нѣмецкой кавалеріи, предводительствуемой герцогомъ Ламбескъ, удается на время остановить ихъ шествіе. Она отрѣзываетъ имъ путь, на площади Людовика XV (нынѣ площадь Согласія) мѣшаетъ ихъ движенію въ направленіи Елисейскихъ полей. Видя дула пушекъ направленными противъ себя, толпа отступаетъ, но вскорѣ къ ней присоединяются французскіе гвардейцы, возмущенные присутствіемъ въ Парижѣ нѣмецкаго полка (Royal allemand). Кровавая стычка завязывается между противниками. Конецъ ей положенъ даннымъ войскамъ приказомъ отступить по направленію къ Версалю, дабы оградить его отъ нападенія со стороны мятежниковъ. Капелло пишетъ свою депешу въ самый день событія 13 іюля 1789 года.

---

[1]) Депеша 6 іюля 1789 года.

По его словамъ, буржуазія уже заявила о своей солидарности съ народомъ. Всѣ взялись за оружіе, кто въ интересахъ поддержанія порядка, кто въ видахъ его низверженія. Шайки воровъ грабили и жгли все, что ни попадалось имъ на пути. Общественное мнѣніе приписывало имъ проектъ поджога оперы, и этотъ слухъ доводилъ венеціанскаго резидента до отчаянія, такъ какъ его жилище имѣло одну общую стѣну съ оперой. Капелло считаетъ себя на половину погибшимъ. Онъ не рѣшается выйти на улицу, утверждая, что всѣ честные люди поставлены въ необходимость сидѣть у себя въ заперти. Чтобы предотвратить отъ себя опасность, онъ приказываетъ всѣмъ членамъ посольства украсить себя революціонными значками. Зеленыя кокарды прикрѣпляются къ ихъ шляпамъ и навѣшиваются на грудь. Одну минуту онъ думаетъ о томъ, чтобы обезопасить входъ въ свою квартиру выставленіемъ венеціанскаго герба. Но послѣ зрѣлаго обсужденія онъ приходитъ къ заключенію, что это не остановитъ толпы и что всего лучше вооружить членовъ своей свиты.

Кто познакомится съ этимъ разсказомъ о военныхъ приготовленіяхъ венеціанскаго посольства, не въ состояніи будетъ отказаться отъ изумленія при чтеніи похвалъ, какія въ ближайшей своей депешѣ Капелло расточаетъ по адресу революціи 14 іюля, называя ее славной и безсмертной. Но онъ самъ же спѣшитъ объяснить намъ причину такой быстрой перемѣны взгляда, говоря, что, если начало возстанію было положено чернью съ цѣлью ограбить богатыхъ, оно вскорѣ приняло болѣе правильную форму и болѣе общій характеръ, благодаря поддержкѣ со стороны буржуазіи. Весь Парижъ съ изумительнымъ единодушіемъ всталъ на защиту общаго дѣла, пуская въ ходъ средства, не имѣющія ничего общаго съ тѣми, какія были задуманы ворами и грабителями. Нѣтъ примѣра движенія, которое ведено было бы столь успѣшно, стоило бы меньшихъ жертвъ и которое бы такъ скоро достигло намѣченной цѣли. При звукахъ набата, собранные въ приходскихъ церквахъ граждане приняли мѣры къ возстановленію порядка и къ организаціи муниципальнаго правительства. Тайно руководимые депутатами отъ средняго сословія, они прежде всего озаботились водвореніемъ мира и съ этою цѣлью образовали въ меріи постоянный комитетъ. Затѣмъ приступлено было къ организаціи городской милиціи по образцу той, которая нѣкогда существовала въ столицѣ. Въ составъ ея вошло сорокъ восемь тысячъ гражданъ. Внѣшнимъ значкомъ служитъ имъ кокарда изъ двухъ цвѣтовъ, тѣхъ самыхъ, которые встрѣчаются на городскомъ гербѣ: голубого и краснаго. Маркизъ Лафайэтъ единогласно назначенъ начальникомъ національной гвардіи. По улицамъ внезапно появились патрули, не по-

кидавшіе ихъ ни днемъ, ни ночью въ интересахъ общественной безопасности. Всѣхъ, кого заставали грабящими частные дома, задерживали и вѣшали на мѣстѣ. Когда воры и поджигатели принуждены были обратиться въ бѣгство, мѣсто преступнаго мятежа заняла „благородная революція", общая всѣмъ гражданамъ. Парижъ представлялъ изъ себя видъ семьи, объединенной согласіемъ. До двухъ сотъ тысячъ человѣкъ оставались подъ оружіемъ [1]), французская гвардія, городская гвардія и даже войска швейцарцевъ приняли сторону народа. Такимъ образомъ, весь Парижъ, все то, что способно было въ немъ носить оружіе, а не одно только простонародье, какъ утверждаютъ это реакціонные историки, является ближайшимъ виновникомъ революціи 14 іюля. Неудивительно поэтому, если возстаніе слѣдовало въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣленному плану, которому едвали можетъ подчиниться простой народный бунтъ. Толпа послѣдовательно заняла дворецъ инвалидовъ и арсеналъ изъ желанія запастись хранимымъ въ немъ оружіемъ. Общественные магазины, принадлежащіе нѣкоторымъ аббатствамъ, въ томъ числѣ аббатству Сенъ-Жерменъ, были вскрыты насильственно и хранящіеся въ нихъ припасы послужили для провіантированья Національной Гвардіи. Наконецъ рѣшено было осадить Бастилію, такъ какъ, говоритъ Капелло, не владѣя этой цитаделью, нельзя сдѣлаться повелителемъ надъ Парижемъ. Это послѣднее свидѣтельство заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Оно объясняетъ намъ причину, по которой аристократическій, такъ сказать, характеръ этой тюрьмы, заточеніе въ ней членовъ лучшихъ фамилій не помѣшало парижскому демосу направить на нее первые свои удары.

Поступая такимъ образомъ, парижане руководствовались не приписываемымъ имъ намѣреніемъ отомстить за обиды, причиненныя человѣческому разуму въ лицѣ заключенныхъ въ Бастилію писателей, а желали обезопасить себя отъ возможности внезапнаго нападенія со стороны парижскаго гарнизона. Говорить послѣ этого, что народъ и на этотъ разъ былъ обойденъ буржуазіей и послужилъ чуждому ему дѣлу, нѣтъ основанія. Онъ пошелъ на Бастилію потому, что хотѣлъ овладѣть Парижемъ. Слухъ о томъ, что губернаторъ Бастиліи Де-Лонэ съ часу на часъ ждетъ подкрѣпленій, что подземными ходами свѣжія войска собираются проникнуть въ крѣпость, долженъ былъ еще усилить въ народѣ рѣшимость взять Бастилію штурмомъ. Капелло говоритъ намъ объ этомъ слухѣ; онъ же объясняетъ намъ

---

[1]) По изслѣдованіямъ Бабо, численность городского населенія въ это время не превышала 600 тысячъ человѣкъ. (Смотри Babeau, Etat de Paris en 1789).

причину той ярости, какую проявила толпа по отношенію къ губернатору крѣпости, говоря, что Де-Лонэ, выставивъ бѣлое знамя въ знакъ готовности сдаться, повелѣлъ затѣмъ встрѣтить залпомъ осаждавшихъ. Современные историки установили тотъ фактъ, что Бастилія сдана была лишь изъ страха измѣны со стороны гарнизона. Они же оправдали поведеніе губернатора, выяснивъ, что съ его стороны не было дано того приказа, въ какомъ обвиняли его современники. Но для объясненія причинъ народной жестокости достаточно сослаться на ходившіе въ народѣ слухи,—нѣтъ надобности, чтобы эти слухи отвѣчали дѣйствительности.

Интересно также сообщеніе Капелло, о томъ, что правительство подготовляетъ контръ-революцію. Одного этого факта вполнѣ достаточно для объясненія причинъ возстанія 14 іюля. Парижъ ежеминутно ждалъ прибытія войскъ съ высотъ Монмартра. Смѣлымъ шагомъ народъ рѣшился предупредить намѣреніе правительства. Успѣхъ, которымъ увѣнчалось возстаніе, былъ такъ полнъ и такъ быстръ, что всѣ очевидцы сходятся въ признаніи 14 іюля однимъ изъ счастливѣйшихъ и величайшихъ моментовъ въ исторіи. „Потомство, пишетъ Капелло, съ трудомъ повѣритъ, что такіе важные результаты достигнуты такъ легко". Революція закончена, пишетъ въ свою очередь Моррисъ, я хочу сказать, что король и дворянство побѣждены. Людовикъ XVI получилъ заслуженый урокъ; онъ имѣлъ случай убѣдиться, что армія стоитъ за свободу, и это одно парализовало въ немъ всякую силу сопротивленія [1]). Англійскій посолъ гр. Дорсетъ приблизительно пишетъ тоже въ своемъ донесеніи отъ 16 іюля 1789 года. Возстаніе 14 іюля, по его заявленію, величайшая изъ всѣхъ революцій, извѣстныхъ доселѣ исторіи. Благодаря ей Франція сразу сдѣлалась страною свободы. Власть короля была ограничена, а дворянство низведено къ одному уровню съ націей [2]). Весьма вѣрно также оцѣнивали современники то вліяніе, какое взятіе Бастиліи будетъ имѣть на сосѣднія съ Франціей государства. Въ письмѣ къ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ герцогу Лидсу Милесъ, состоявшій въ это время дипломатическимъ агентомъ во Франкфуртѣ, пишетъ, что паника овладѣла всѣми мелкими дворами Германіи. Потрясеніе, пережитое Франціей неминуемо отразится вскорѣ во всей Европѣ. Для Германіи оно можетъ сдѣлаться въ

---

[1]) Письмо къ Вашингтону отъ 29 іюля 1789 года, (томъ I, стр. 143), а также страница 132 и 134.

[2]) Фламмермонъ. Неизданные отчеты о взятіи Парижа. (Парижъ 1885 г. стр. 20).

ровной степени источникомъ и великихъ благъ, и нескончаемыхъ бѣдствій [1]).

О томъ замѣшательствѣ, какое неожиданное торжество парижскаго демоса произвело при французскомъ дворѣ, можно судить по письмамъ Мерси къ Іосифу II. „Я только что вернулся изъ Версаля, пишетъ Мерси 23 іюля 1789 года, я нашелъ въ немъ всѣ дѣла въ страшномъ безпорядкѣ. Никакихъ мѣръ не принято и не рѣшено даже, какого поведенія держаться въ будущемъ. Все предоставлено случаю. Положеніе дѣлъ въ столицѣ, сообщаетъ тотъ же Мерси, носитъ угрожающій характеръ. Можно предвидѣть, что Парижъ захочетъ предписывать законы Собранію“ [2]). Зять Неккера баронъ Сталь также говоритъ въ своей депешѣ отъ 2 августа о безпорядкахъ въ Парижѣ и во всей Франціи. Не расчитывая болѣе на войско, отказавшееся стрѣлять въ народъ, король утратилъ всякую исполнительную власть. Въ странѣ водворилась анархія. Народъ не только повелѣваетъ, но и самъ приводитъ въ исполненіе свои приговоры [3]).

Современной исторіографіи удалось установить тотъ фактъ, что взятіе Бастиліи сопровождалось однохарактерными возстаніями на протяженіи всей Франціи.

Въ городахъ народъ спѣшилъ овладѣть цитаделью и захватить въ свои руки оружіе. Въ селахъ онъ осаждалъ замокъ и предавалъ разграбленію феодальный архивъ [4]). Капелло даетъ намъ мало подробностей объ этихъ мѣстныхъ движеніяхъ. Онъ ограничивается общимъ замѣчаніемъ о совершенномъ упадкѣ королевской власти во Франціи и о неспособности ея сдержать въ предѣлахъ повиновенія ни столицу, ни провинціи. Фактически власть повсюду уже въ рукахъ народа, который во многихъ мѣстахъ прекратилъ платежъ податей. Всюду также организуется національная гвардія по образцу парижской. Страхъ въ такой степени овладѣлъ высшими классами общества и въ частности феодальнымъ дворянствомъ, замки котораго преданы сожженію, что болѣе 80 тысячъ паспортовъ выдано въ теченіе немногихъ недѣль, слѣдующихъ за взятіемъ Бастиліи. Богатѣйшія фамиліи выселяются изъ Франціи, а это въ свою очередь отражается весьма невыгодно на судьбѣ рабочаго люда. Чтобы дать заработокъ нуждающимся, правительство организовало общественныя работы на высотахъ Монмартра. Ежедневно двѣнадцать тысячъ рабо-

---

[1]) Депеша отъ 30 іюля 89 года (Корреспонденція Милесэ, томъ I, стр. 122).

[2]) Correspondence secréte du comte de Mercy, (томъ II, стр. 257).

[3]) Correspondence du baron de Staël-Holstein. (Парижъ 81 г. стр. 108).

[4]) Смотри между прочимъ La France pendant la revolution, par le vicomte de Broc. Томъ II, стр. 30—34.

чихъ пріобрѣтаютъ благодаря имъ средства къ существованію. Но подобная помощь только капля въ морѣ. Торговый договоръ Франціи съ Англіей, допустивши конкурренцію англійскихъ мануфактуръ и самый фактъ расширенія машиннаго производства, оставилъ безъ куска хлѣба толпы рабочихъ во всѣхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, начиная съ Ліона. Хлѣбъ, временно упавшій въ цѣнѣ послѣ грабежа монастырскихъ магазиновъ, сталъ быстро дорожать. Семи- и восьмилѣтніе запасы, накопленные въ этихъ хлѣбохранилищахъ, разошлись въ теченіе немногихъ недѣль, и Парижъ снова на ряду съ провинціями сталъ терпѣть недостачу въ продуктахъ первой необходимости. Надо принять во вниманіе только-что описанныя условія для вѣрной оцѣнки мотивовъ, вызвавшихъ „великодушный отказъ“ дворянства отъ феодальныхъ правъ въ знаменитую ночь 4 августа. Капелло вѣрно оцѣниваетъ эти мотивы, говоря, что этотъ отказъ былъ въ значительной степени результатомъ страха [1]). „Аналогичныя причины, говоритъ онъ, побудили духовенство пожертвовать церковной десятиной“. Капелло далеко не относится съ оптимизмомъ къ отмѣнявшимъ феодальное право декретамъ Наіональнаго Собранія. Онъ не безъ основанія ставитъ на видъ, что общность и неопредѣленность обѣщаній, какія содержатъ въ себѣ эти декреты, не мало будутъ содѣйствовать пріостановкѣ всякихъ платежей, одинаково въ пользу бывшихъ сеньёровъ и въ пользу казны. Трудно въ самомъ дѣлѣ ждать отъ народа, что онъ съумѣетъ опредѣлить границу между личными и реальными правами сеньёровъ, между повинностями, отмѣняемыми сразу и безъ вознагражденія, и такими, которыя подлежатъ выкупу. Всего вѣроятнѣе, что онъ сразу прекратитъ всякіе взносы и увидитъ въ отмѣнѣ феодальнаго порядка не голое обѣщаніе будущихъ благъ, а совершившійся фактъ. Капелло также весьма строго относится къ рѣшенію покончить сразу со всѣми привилегіями провинцій наперекоръ самымъ торжественнымъ обѣщаніямъ французскихъ королей свято и нерушимо сохранять эти привилегіи. Наконецъ, слѣдуя аббату Сіесу, онъ съ полнымъ основаніемъ доказываетъ, что отмѣна церковной десятины принесетъ выгоды однимъ собственникамъ, отнюдь не земледѣльцамъ, что она обогащаетъ богатыхъ и не уменьшаетъ налоговыхъ тягостей бѣдняковъ.

Немного также энтузіазма въ отзывѣ Капелло о „деклараціи правъ человѣка и гражданина“. По его словамъ, Національное Собраніе потеряло много цѣннаго времени на рѣшеніе вопросовъ метафи-

---

[1]) Депеша 17 августа 1789 года.

зики и пренебрегло благодаря этому болѣе практической задачей найти средство для покрытія государственнаго дефицита. Къ тому же въ современныхъ условіяхъ Франціи гораздо важнѣе было бы составить декларацію обязанностей гражданъ, а не перечень какихъ-то естественныхъ правъ человѣка. Человѣкъ въ естественномъ состояніи и гражданинъ государства мало имѣютъ между собою общаго. Капелло не понимаетъ, какое значеніе можетъ имѣть упоминаніе въ текстѣ конституціи о правахъ, принадлежащихъ человѣку ранѣе возникновенія государства. Но если онъ относится отрицательно къ содержанію самой декларація, то онъ вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ тѣхъ побудительныхъ причинахъ, которыя заставили Собраніе начать свою учредительную дѣятельность съ провозглашенія неотъемлемыхъ правъ личности. Когда въ его стѣнахъ впервые былъ поставленъ вопросъ о конституціи, сразу обнаружились въ немъ, по словамъ Капелло, два противоположныя теченія: одни, слѣдуя англійскому и американскому образцу, вознамѣрились наградить Францію конституціей, превосходящей всѣ остальныя, другіе, наоборотъ, хотѣли ограничить дѣятельность Собранія одной реформой существующихъ учрежденій. Обѣ партіи сходились только въ одномъ, въ желаніи дать серьезныя гарантіи тому, что̀ стало извѣстно впослѣдствіи подъ наименованіемъ „необходимыхъ вольностей“ (libertés nécessaires). Такъ какъ, говоритъ Капелло, въ нѣкоторыхъ принципахъ всѣ были согласны, то и сочли нужнымъ начать конституціонную работу съ установленія этихъ не подлежавшихъ спору принциповъ. Вотъ причина, по которой „декларація правъ“ предпослана была всѣмъ прочимъ статьямъ конституціи [1]).—Едва ли не интереснѣйшую сторону депешъ Капелло составляетъ критика тѣхъ новыхъ основъ государственнаго устройства, надъ выработкою которыхъ неустанно въ теченіе двухъ лѣтъ работало Національное Собраніе. Исходнымъ моментомъ этой критики является то положеніе, что учрежденія не выдумываются сразу, а ростутъ, что приспособленность ихъ къ нравамъ и характеру націи— первый залогъ ихъ живучести, и что стремленіе къ идеальному совершенству, какъ и обуреваемость принципами, могутъ отразиться крайне невыгодно на дѣятельности законодателя. Англійскіе и американскіе порядки, быть можетъ, очень хороши сами по себѣ, думаетъ Капелло, но они едва ли возможны въ странѣ, которая, подобно Франціи, „болѣе нуждается въ добрыхъ нравахъ, нежели въ добрыхъ законахъ“ [2]). Всего болѣе вредитъ учредительной дѣятельности Собранія его безпочвенность, представленіе, что учрежденія могутъ быть выдуманы

---

[1]) Депеша 10 августа 1789 года.

[2]) Депеша отъ 7 сентября 1789 года.

цѣликомъ, точно дѣло идетъ о какомъ-то воображаемомъ государствѣ, а не объ имѣвшей долгое историческое прошлое французской монархіи. „Члены Національнаго Собранія, пишетъ онъ въ депешѣ 17 августа, сочиняютъ свою конституцію, точно они вышли только изъ естественнаго состоянія и впервые приступили къ установленію государственной жизни путемъ общественнаго договора". Поступая такимъ образомъ, они, очевидно, должны были создать нѣчто еще небывалое, и дѣйствительно, ничего подобнаго ихъ демократической монархіи міръ еще не видѣлъ. Законодательная власть въ ней всецѣло сосредоточивается въ рукахъ Національнаго Собранія или вѣрнѣе въ небольшой кучкѣ людей, которая командуетъ этимъ собраніемъ. Исполнительная же, наоборотъ — доведена до полнаго ничтожества. Франція, пишетъ Капелло, быть можетъ, единственная страна въ мірѣ, въ которой все то, что называется полиціей или администраціей, на самомъ дѣлѣ, вовсе не существуетъ [1]). Но какая, спрашивается, надобность была ослаблять вліяніе исполнительной власти въ странѣ, въ которой всего ощутительнѣе потребность въ порядкѣ и безопасности? Національное Собраніе сдѣлало все отъ него зависящее, чтобы свести на ничто участіе короля въ законодательной дѣятельности. Ни онъ, ни его министры не могутъ вносить въ Собраніе новыхъ законовъ; мало этого, оно отказываетъ даже министрамъ въ правѣ говорить ему именемъ короля и постановило поэтому не читать королевскаго адреса по вопросу о „veto", адреса, текстъ котораго составленъ былъ Неккеромъ и заключалъ въ себѣ возраженія правительства противъ абсолютнаго „veto". Страхъ исполнительной власти понудилъ также Собраніе провозгласить себя постояннымъ и не подлежащимъ распущенію ранѣе двухлѣтняго срока и созыва новаго представительства. Наконецъ оно отняло у короля возможность отклонять необдуманныя мѣропріятія, налагая на нихъ свой запретъ. Относительное „veto" не оставляетъ за монархомъ возможности пріостановить дѣйствіе вреднаго въ его глазахъ закона болѣе, какъ на извѣстный срокъ. Въ реляціи, прочитанной Капелло венеціанскому сенату послѣ возвращенія его изъ миссіи, 2 декабря 1790 года, мы встрѣчаемъ слѣдующую общую оцѣнку конституціонной дѣятельности Собранія. „Конституція, надъ сочинительствомъ которой работаетъ Національное Собраніе, говоритъ онъ въ этой реляціи,—нѣчто не имѣющее имени. Нельзя назвать ее монархической, такъ какъ она отнимаетъ всякую власть у короля, нельзя также считать ее демократической, такъ какъ, благодаря системѣ двойныхъ выборовъ и избирательному цензу, народъ не допускается къ законодательной власти. Еще менѣе пред-

[1]) Депеши 14 и 21 сентября.

ставляетъ она характеръ аристократическій: аристократизмъ объявленъ преступленіемъ, если не противъ короля, то противъ націи. Эта конституція есть своего рода чудовище; въ ней всѣ власти смѣшаны, она соединяетъ въ себѣ поэтому и два недостатка, которые обыкновенно не проявляются одновременно: съ одной стороны—тенденцію къ деспотіи, а съ другой—къ анархіи".

Правильная организація государствъ, говоритъ Капелло, предполагаетъ собою раздѣленіе, равновѣсіе и такую комбинацію властей, при которой одна поддерживала бы другую. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ различные виды власти сосредоточиваются въ однѣхъ рукахъ, тамъ не можетъ быть рѣчи о правильности или разумности. А между Національное Собраніе начало съ того, что захватило въ свои руки всѣ виды власти, оно отняло у короля всякое участіе въ законодательствѣ, право назначенія судей и мѣстныхъ администраторовъ. Все это порядки, возможные только въ государствѣ съ крайне ограниченной территоріей, а не въ монархіи, имѣющей 25 милліоновъ подданныхъ. Превышая данныя имъ полномочія, выраженіемъ которыхъ служили ихъ наказы, депутаты Національнаго Собранія объявили его постояннымъ. Чего они хотятъ — это сдѣлаться повелителями надъ націей, тогда какъ ихъ назначеніе—быть ея делегатами. Отсутствіе всякой умѣряющей, посредствующей власти,—безъ чего, говоритъ Капелло, повторяя Монтескье, не можетъ быть свободы,—служитъ ручательствомъ тому, что самодержавіе не преминетъ сосредоточиться всецѣло въ рукахъ Собранія.

По своему пессимизму отзывъ Капелло о конституціонной дѣятельности Учредительнаго Собранія приближается къ тѣмъ, какіе одновременно высказаны были сторонниками смѣшанной монархіи одинаково во Франціи и за ея предѣлами. Мнѣніе Капелло довольно близко къ тому, какого придерживались Мунье, Мале-Дю-Панъ и Малуэ. Въ депешахъ австрійскаго посла, какъ и въ перепискѣ Морриса съ Вашингтономъ, можно найти повтореніе тѣхъ же мыслей объ абсолютизмѣ Собранія и о ниспроверженіи имъ всякихъ посредствующихъ властей, какія мы находимъ у Капелло. Не позже 25 іюля 1789 года Мерси уже говорилъ о будущей конституціи, какъ о могилѣ королевской власти, прибавляя въ слѣдующей затѣмъ депешѣ, что французы въ дѣлѣ ограниченія монархической власти далеко опередили собою англичанъ [1]). „Идеи, какихъ Генеральные Штаты придерживаются по отношенію къ конституціи, пишетъ въ свою очередь Сталь въ депешѣ отъ 30 августа, должны быть признаны крайними. Если мнѣніе большинства восторжествуетъ, королевская власть ли-

---

[1]) Стр. 258 и 260.

шится всякаго вліянія. Еще отрицательнѣе отношеніе Морриса къ конституціи. По его мнѣнію, она никуда не годится, и онъ такъ убѣжденъ въ вѣрности этого положенія, что приглашаетъ Лафайета, одного изъ ближайшихъ участниковъ въ ея составленіи, отказаться всецѣло отъ выработанныхъ Собраніемъ основъ, усилить власть короля, дать ему начальство надъ арміей и право назначенія чиновниковъ, наконецъ ввести двухпалатную систему по образцу англійской. О томъ, какъ строго судилъ французскую конституцію Боркъ, едва ли нужно распространяться, такъ какъ его взгляды, довольно близкіе къ тѣмъ, которыхъ придерживается Капелло, слишкомъ хорошо извѣстны. Замѣчательно однако, что ни одинъ изъ этихъ критиковъ не обратилъ вниманія на ту слабую сторону новаго государственнаго порядка во Франціи, которая всего болѣе должна была бы поразить всѣхъ этихъ скрытыхъ и явныхъ сторонниковъ англійскихъ порядковъ. Я разумѣю ту искусственную разобщенность между законодательной и исполнительной властью, источникъ которой лежитъ въ томъ, что согласно конституціи 1791 года Національное Собраніе лишено возможности руководить внутренней и внѣшней политикой чрезъ посредство выбираемыхъ изъ его среды членовъ солидарнаго министерства. Только благодаря подобному министерству создана въ Англіи возможность парламентскаго режима, того взаимодѣйствія законодательства и исполненія, о которомъ тщетно мечталъ Капелло. Это не значитъ однако, чтобы въ 1789 году не было во Франціи людей, сознававшихъ всю выгоду, какую представляетъ для страны англійская система кабинета. Мирабо былъ въ ихъ числѣ, и если его проекту составить министерство изъ членовъ большинства не суждено было осуществиться, то вина въ этомъ всецѣло падаетъ на тѣхъ, кто изъ личной зависти или изъ страха счелъ нужнымъ заградить ему дорогу къ власти, объявивъ въ формѣ декрета, что исполненіе обязанностей депутата непримиримо съ занятіемъ какой-либо исполнительной должности.

IV.

Пока Національное Собраніе занималось обсужденіемъ первыхъ статей конституціи, парижане продолжали терпѣть отъ дороговизны припасовъ, сокращенія производства и постепеннаго паденія кредита. Правда, въ первыя недѣли, слѣдовавшія за революціей 14 іюля, хлѣбные запасы оказались въ изобиліи, частью благодаря захватамъ, произведеннымъ въ монастырскихъ складахъ, частью благодаря насильственной отмѣнѣ ввозныхъ пошлинъ въ города. Никто не счи-

талъ нужнымъ высказывать опасеній за будущее, никто не предвидѣлъ возможности стѣснительныхъ мѣръ для хлѣбной торговли со стороны провинцій, терпѣвшихъ отъ быстраго подвоза хлѣба въ Парижъ, а между тѣмъ не проходитъ нѣсколькихъ недѣль, и Капелло поставленъ въ необходимость заявить въ своей депешѣ, что одна изъ хлѣбныхъ провинцій сѣверо-востока Франціи, Артуа, сочла нужнымъ установить вывозныя пошлины на хлѣбъ, боясь оскудѣнія собственныхъ запасовъ. Это сразу повысило цѣны въ Парижѣ не столько благодаря фактическому недостатку въ немъ хлѣба, сколько потому, что скупщики, предвидя прекращеніе дальнѣйшаго подвоза, рѣшили пріостановить временно всякую распродажу въ ожиданіи неизбѣжнаго повышенія цѣнъ. Этого было достаточно, чтобы внушить народу подозрѣніе въ тайныхъ проискахъ враждебныхъ революціи партій. Ихъ стали обвинять въ намѣреніи извести Парижъ голодомъ, и такъ какъ народъ издавна пріученъ былъ самимъ правительствомъ смотрѣть на него, какъ на источникъ всякаго благополучія и всякихъ бѣдствій, то неудивительно, что въ ночь съ 4-го на 5-е октября рѣшено было цѣлою толпою направиться въ Версаль и просить королевской помощи и вмѣшательства. Капелло сообщаетъ, что до тридцати тысячъ человѣкъ приняли участіе въ этомъ шествіи; онъ же передаетъ весьма распространенный въ то время слухъ, что въ числѣ лицъ, едва не проникшихъ въ спальню Маріи-Антуанетты, было нѣсколько депутатовъ, переодѣтыхъ торговками. Такъ какъ послѣ долгихъ препирательствъ Національное Собраніе постановило уничтожить всѣ протоколы слѣдствія о причинахъ безпорядковъ 5-го октября, то нѣтъ возможности провѣрить справедливость этого слуха. Извѣстно однако, что королева продолжала обвинять въ подстрекательствѣ толпы многихъ депутатовъ, преданныхъ герцогу Орлеанскому, и что ея подозрѣніе падало также и на Мирабо.

Разсказъ Капелло о событіяхъ 5-го октября не богатъ новыми подробностями, но онъ интересенъ, главнымъ образомъ, по причинѣ раскрытія нѣкоторыхъ тайныхъ мотивовъ движенія. Во-первыхъ, онъ рѣшительно утверждаетъ, что ближайшей цѣлью похода парижскихъ пуассардокъ на Версаль было обнаруженіе заговора переселить короля въ Мецъ и приблизить его такимъ образомъ къ генеральной квартирѣ маршала Буйе. Этотъ заговоръ тѣмъ болѣе правдоподобенъ, что воспослѣдовавшее затѣмъ бѣгство короля въ Вареннъ предпринято было въ томъ же направленіи и съ тою же цѣлью соединиться съ предводительствуемой маршаломъ арміей. Слухъ о заговорѣ, пишетъ Капелло, дошелъ до герцога Орлеанскаго, который поспѣшилъ подѣлиться имъ съ преданными ему депутатами народной партіи. Капелло передаетъ намъ также о намѣреніи партіи, благопріятной

контръ-революціи окружить Парижъ войсками, прекратить всякій подвозъ хлѣба изъ провинцій, поджечь и разграбить жилища главнѣйшихъ участниковъ революціи, перебить наиболѣе популярныхъ депутатовъ и объявить затѣмъ Національное Собраніе закрытымъ. Капелло сообщаетъ все это, какъ слухъ, и не ручается за основательность этихъ опасеній, но онъ весьма рѣшительно высказывается насчетъ факта наложенія значковъ на нѣкоторые дома въ Парижѣ съ вѣроятной цѣлью привлечь на нихъ вниманіе тѣхъ, которымъ будетъ поручено приведеніе въ исполненіе королевскихъ предначертаній.

Чтобы предупредить грозившую ему опасность, Парижъ и пошелъ на Версаль. Такъ какъ общественное мнѣніе, правильно или неправильно, связывало всѣ проекты контръ-революціи съ именемъ королевы, то къ ней и сказалась съ наибольшею силою ненависть толпы. „Да здравствуетъ нація! Поповъ и королеву на висѣлицу"! (à la lanterne), таковы были, по словамъ Капелло, крики, раздававшіеся въ толпѣ во все время передвиженія королевской фамиліи изъ Версаля въ Парижъ. Показаніе венеціанскаго резидента заслуживаетъ тѣмъ бóльшаго вниманія, что онъ указываетъ намъ на его источникъ. Папскій нунцій, ничего не зная о томъ, что̀ происходитъ въ Версалѣ, въ самый день возстанія отправился ко двору. На полу-пути его встрѣтило грозное шествіе. Головы убитыхъ гвардейцевъ представлены были ему на пикахъ, и онъ, по словамъ Капелло, едва не умеръ отъ ужаса при видѣ этого столь неожиданнаго зрѣлища.

Возстаніе 5-го октября, окончившееся полнымъ торжествомъ парижскаго простонародья, перенесеніемъ королевской резиденціи, а съ нею и резиденціи Національнаго Собранія въ столицу, не завершило собою ряда народныхъ волненій. Дороговизна припасовъ и произведенная ею всеобщая задолженность въ средѣ рабочаго населенія продолжали время отъ времени вызывать новые мятежи. Капелло упоминаетъ о нихъ въ своихъ депешахъ [1]), сообщая то о попыткѣ взломать mont de piété и унесть положенную въ обезпеченіе долга одежду, то объ убійствѣ булочника Франсуа, несправедливо обвиненнаго въ нежеланіи продавать хлѣбъ по положенной таксѣ. Онъ видитъ въ этихъ дѣйствіяхъ проявленіе „той природной жестокости, которой всегда отличались кровожадные галлы".

„Тщетно, думаетъ онъ, Людовикъ XIV старался привить имъ бóльшую мягкость нравовъ. Этотъ такъ называемый „народъ философовъ" охотно становиться и судьею, и палачемъ" [2]). Безпорядки

---

[1]) Смотри депеши 19 октября 89 года, 9 ноября 89 года и 14 декабря 89 года.

[2]) Депеша отъ 27 октября 89 года.

происходятъ не въ одномъ Парижѣ, они охватили собою всю Францію. Говоря о мятежѣ въ Тулонѣ, Капелло въ депешѣ отъ 14 декабря спѣшитъ прибавить: „Нѣтъ возможности сообщить о всѣхъ происходящихъ во Франціи волненіяхъ: они сдѣлались столь же часты, какъ смѣна холода и тепла“. Многіе изъ этихъ безпорядковъ вызваны непосредственно врагами революціи. Считая свободу короля нарушенной, благодаря почти насильственному переселенію его въ Парижъ, многіе депутаты и въ числѣ ихъ Мунье и Лалли рѣшились добровольно оставить собраніе и, вернувшись въ среду своихъ довѣрителей, старались всячески возстановить провинціи противъ столицы. Ихъ агитація не прошла безслѣдно и нашла откликъ въ средѣ провинціальнаго представительства и верховныхъ судовъ. Въ Дофинэ сдѣлана была попытка собрать провинціальные штаты съ цѣлью противодѣйствія Національному Собранію. Парламенты въ Мецѣ, Руанѣ и Реннѣ высказали нежеланіе вносить новые декреты въ свои протоколы. Нѣкоторые члены высшаго духовенства также стали открыто высказываться противъ собранія. Епископъ Трегье обратился къ своей паствѣ съ воззваніемъ, въ которомъ объявлялъ всѣ мѣры Собранія ничтожными по существу, такъ какъ утвердившій ихъ король—въ плѣну у революціонеровъ. Епископъ призывалъ народъ къ открытому противодѣйствію, и послушные его голосу крестьяне, при звонѣ сельскихъ колоколовъ, стали собираться на церковныхъ папертяхъ, вооруженные косами и цѣпами [1]). Такимъ образомъ уже къ осени 89 года ярко обрисовывались тѣ враждебные революціи элементы, съ которыми придется сразиться Собранію. Это съ одной стороны—дорожащія своей автономіей провинціи и выступающіе на защиту своихъ старинныхъ вольностей парламенты, а съ другой запуганное отмѣной церковной десятины и предвидящее секуляризацію своихъ земель духовенство. Чтобы сломить ихъ противодѣйствіе, національное собраніе, слѣдуя указаніямъ Сіеса, вводитъ нивелирующее дѣленіе Франціи на департаменты, отмѣняетъ провинціальные штаты, закрываетъ парламенты, создаетъ новую избирательную администрацію для общины, округа и департамента и налагаетъ руку на церковныя имущества, объявляя ихъ собственностью націи и опредѣляя взамѣнъ поступившихъ съ нихъ доходовъ годовое жалованье священникамъ и епископамъ. Капелло съ подробностью останавливается на критикѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій. Онъ видитъ въ новомъ департаментскомъ дѣленіи и въ отмѣнѣ парламентовъ явное нарушеніе историческаго права, въ избирательныхъ органахъ мѣстнаго управленія попытку политическаго дробленія Франціи и переходъ само-

[1]) Депеша 29 ноября 89 года.

державія въ руки муниципіи [1]). Говоря о секуляризаціи церковной собственности, запрещеніи монашескихъ обѣтовъ, онъ высказываетъ опасеніе за совершенное ниспроверженіе католицизма во Франціи, благодаря удачнымъ проискамъ кальвинистовъ [2]). Многіе, говоритъ онъ, уже открыто высказываются въ пользу протестантизма, находя его болѣе соотвѣтствущимъ разуму, и еще большее число не желаетъ никакой религіи. Многіе надѣются, что не позже пяти-шести лѣтъ католицизмъ не будетъ болѣе господствующей религіей, и мѣсто его займетъ кальвинизмъ. Съ ужасомъ сообщаетъ онъ о чудовищномъ успѣхѣ, какой имѣетъ на сценѣ „Французской комедіи“ трагедія Шенье „Карлъ IX“. „Въ ней, пишетъ онъ, явно осмѣивается католическая вѣра, и на сценѣ фигурируетъ въ присвоенномъ ему костюмѣ кардиналъ Лоренскій, дающій благословеніе на истребленіе гугенотовъ. Въ лицѣ кардинала авторъ пьесы соединилъ черты измѣнника, министра, священника и фарисея“.

Нечего и говорить, съ какимъ недоброжелательствомъ принимаетъ Капелло всѣ мѣры Національнаго Собранія, направленныя къ уравненію политическихъ правъ сектантовъ съ католиками. По его словамъ оно сдѣлало возможнымъ пріобрѣтеніе французскаго гражданства каждымъ, кто готовъ нести публичныя тягости и платить марку серебра прямого обложенія. Для Національнаго Собранія безразлично, кто бы ни былъ этотъ пришелецъ, негръ-ли, турокъ, язычникъ и корсаръ съ береговъ Туниса и Варварійскихъ владѣній. Даже комедіанты, говоритъ онъ, и всѣ, занятые „подлыми“ профессіями, не исключая палача, надѣлены равными съ прочими гражданами избирательными правами, такъ что можно предвидѣть, что нѣкоторые депутаты будутъ принуждены оставлять залу засѣданій, чтобы смѣшить публику въ роли театральныхъ комиковъ-буффоновъ. Національное Собраніе отсрочило пока рѣшеніе вопроса о правахъ евреевъ; но подъ страхомъ впасть въ противорѣчіе съ собственными мѣропріятіями, оно неминуемо должно признать за ними гражданское равноправіе [3]). Въ депешѣ отъ 4-го января 1790 г. Капелло пишетъ: „недовольство, вызванное мѣрами собранія настолько сильно, что со дня на день можно ждать во Франціи контръ-революціи. Противъ собранія стоятъ духовенство, дворянство, парламенты и всѣ тѣ, кого народное представительство возстановило противъ себя отмѣною правительственныхъ пенсій. На ихъ сторонѣ — также и часть народа, который ждалъ не вѣсть какихъ благъ отъ революціи и въ

[1]) Депеша 14 декабря 89 года.
[2]) Депеша 9 ноября 89 года.
[3]) Депеша отъ 28 декабря 89 года.

настоящее время находится въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ прежде". Пользуясь дарованной собраніемъ свободой печати, которая для Капелло, равнозначительна „свободѣ клеветы", газетчики и памфлетисты ежедневно забрасываютъ грязью депутатовъ и изданные ими декреты. У самаго входа въ Собраніе продаются эти памфлеты. Въ столицѣ и провинціяхъ анархія въ полномъ ходу. „Потребовалось бы, пишетъ Капелло, цѣлой книги для описанія всѣхъ происходящихъ безпорядковъ; никогда не было въ Парижѣ столько нищихъ и столько воровъ, шайки разбойниковъ вырубаютъ лѣса въ селахъ и сожигаютъ таможенныя заставы въ городахъ; въ Эльзасѣ и въ Лотарингіи контрабанда производится открыто съ оружіемъ въ рукахъ. Одновременно во многихъ мѣстахъ прекратился платежъ налоговъ, и государственная казна со дня на день все болѣе и болѣе пустѣетъ. Такой порядокъ вещей не можетъ держаться безконечно. Провинціи уже прислали въ Парижъ своихъ комиссаровъ въ числѣ двухсотъ человѣкъ съ полномочіемъ слѣдить за дѣйствіемъ Собранія и доводить ихъ до свѣдѣнія избирателей. Они сознали невозможность полагаться во всемъ на „кучку адвокатовъ и стряпчихъ", не имѣющихъ состоянія, неразборчивыхъ на средства и обладающихъ опаснымъ даромъ слова. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ Собраніе быть болѣе осмотрительнымъ въ своихъ мѣрахъ. Зная враждебность къ себѣ общественнаго мнѣнія, большинство старается вступить въ соглашеніе съ меньшинствомъ. Уже съ обѣихъ сторонъ назначены лица для веденія переговоровъ. Въ этомъ я вижу единственный залогъ спасенія, пишетъ Капелло въ депешѣ отъ 4 января 1790 года. Оно предвѣщаетъ возможность болѣе умѣренной политики въ будущемъ и толкованія высказанныхъ Собраніемъ крайнихъ принциповъ въ болѣе умѣренной политикѣ въ будущемъ и толкованія высказанныхъ собраніемъ крайнихъ принциповъ въ болѣе примирительномъ духѣ, съ тѣми необходимыми оговорками и измѣненіями, какимъ эти принципы должны подчиниться въ примѣненіи ихъ на практикѣ".

Удаленіе герцога Орлеанскаго изъ Парижа, подъ предлогомъ дипломатической миссіи въ Англію не мало содѣйствовало, по словамъ Капелло, возстановленію относительнаго спокойствія; не замѣтно болѣе сходокъ на площадяхъ; въ Пале-Роялѣ не раздаются болѣе тѣ демагогическія рѣчи, которыя еще недавно произносились въ немъ. И центральное правительство, и городская дума приняли мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія. По общему мнѣнію Парижъ снабженъ хлѣбомъ на шесть мѣсяцевъ. Трудность положенія происходитъ главнымъ образомъ отъ недостатка финансовыхъ средствъ. Еще въ концѣ ноября начались патріотическія пожертвованія, и члены Національнаго Собранія добровольно сняли съ своихъ башма-

ковъ серебряныя пряжки. Но этого, разумѣется, не достаточно для покрытія издержекъ. Голландцы и генуэзцы отказываютъ въ займѣ. Швейцарцы предлагаютъ всего на всего милліонъ франковъ, тогда какъ правительство нуждается по меньшей мѣрѣ въ ста милліонахъ на покрытіе однихъ издержекъ ближайшаго года [1]). Недостатокъ средствъ и есть главная причина принятія Собраніемъ мѣръ къ секуляризаціи церковной собственности, которая должна пойти въ обезпеченіе дѣлаемыхъ правительствомъ займовъ изъ comptoir d'Escompte [2]). Налогъ равный четвертой части ежегоднаго дохода, хотя и установленъ Собраніемъ, но далеко не оправдываетъ возложенныхъ на него надеждъ, и это потому, думаетъ Капелло, что показаніе дохода предоставлено самимъ плательщикамъ, и каждый, разумѣется, старается скрыть его по возможности. Съ другой стороны обезпеченіе государственныхъ займовъ церковными имуществами не внушаетъ особаго довѣрія, въ виду трудности реализировать ихъ продажу. Такимъ образомъ вопросъ о банкротствѣ возникаетъ снова. „Оно, пишетъ Капелло 25 января 89 года, произвело бы возстаніе въ столицѣ, но далеко не въ провинціяхъ, которыя доселѣ отказывались принимать правительственныя бумаги. Имѣются даже такія мѣстности, которыя желали бы банкротства и считаютъ его наилучшимъ исходомъ изъ затрудненій. Объясняется это тѣмъ, что однихъ процентовъ по иностраннымъ займамъ Франція платитъ около ста милліоновъ и что при провозглашеніи банкротства исчезнетъ самъ собой этотъ платежъ“ [3]). Желаніе укрѣпить довѣріе и тѣмъ самымъ содѣйствовать доддержанію кредита вызываетъ, пишетъ Капелло въ началѣ февраля 1790 г., одинаково въ королѣ и Національномъ Собраніи стремленіе къ соглашенію. Король внезапно является въ Собраніе и, заявляя о своемъ согласіи на новые декреты, въ то же время настаиваетъ на необходимости усиленія исполнительной власти, въ видихъ предупрежденія анархіи и возстановленія правильности налоговыхъ поступленій. „Рѣчь короля, пишетъ Капелло, вызвала не мало аплодисментовъ, но не сопровождалась никакими другими болѣе реальными результатами. Обѣщаніе любить, поддерживать и защищать конституцію вызвало благодарность Собранія, посылку почетной депутаціи королю, иллюминацію города и даже заказъ бронзовой доски, увѣковѣчивающей память о случившемся. Но объ усиленіи исполнительной власти и о возстановленіи порядка въ финансахъ никто не думаетъ“ [4]).

---

[1]) Депеша 29 ноября 1789 года.
[2]) Депеша 21 декабря 89 года.
[3]) Депеша 25 января 89 года.
[4]) Депеша отъ 8 февраля 1790 года.

Предложеніе надѣлить короля правомъ издавать общеобязательные административные регламенты, подобные „прокламаціямъ" англійскихъ правителей, регламенты, которые бы до пересмотра ихъ собраніемъ имѣли силу законовъ, не было принято: исполнительная власть короля не только не была усилена, но еще подверглась значительнымъ ограниченіемъ. Судебная реформа отняла у него право назначенія судей, распространивъ и на нихъ начало избранія, а реорганизація арміи и флота сохранила за королемъ право назначенія лишь весьма небольшаго числа высшихъ офицеровъ.

Не смотря на непрекращающіяся возстанія въ провинціяхъ, на ежечасное посягательство на собственность со стороны вооруженныхъ шаекъ, Собраніе отступаетъ передъ мыслью объ усиленіи исполнительной власти; а между тѣмъ платежъ податей почти прекратился за отсутствіемъ энергичной администраціи и въ виду попустительства со стороны выборныхъ мѣстныхъ органовъ [1]). Въ депешѣ отъ 8-го марта, передавая содержаніе манифеста Неккера къ Собранію, Капелло говоритъ, что до конца года правительству потребуется еще 294 милліона франковъ, которыхъ взять не съ кого. Отчаяваясь въ успѣхѣ, Неккеръ ссылается на разстроенное здоровье и даетъ понять, что онъ поставленъ будетъ въ необходимость отказаться отъ дальнѣйшаго завѣдыванія французскими финансами.

Финансовый комитетъ собранія находитъ преувеличеннымъ требованіе 294 милліоновъ и низводитъ его до 132. Въ то же время онъ отказывается принять предложенные министромъ планы финансовыхъ реформъ, такъ что Неккеру не остается иного пути, какъ исполнить свою угрозу. Говоря о печальномъ концѣ его министерской карьеры, Капелло сообщаетъ о совершенномъ упадкѣ его популярности. Даже друзья его ограничиваются заявленіемъ о честности его намѣреній, соглашаясь въ то же время, что ему не достаетъ той политической прозорливости, которая необходима въ государственномъ человѣкѣ. Послѣдней мѣрой Неккера было требованіе 40,000 милліоновъ на покрытіе издержекъ всего на всего по 1-е мая. Въ концѣ марта, когда заявлено было это требованіе лажъ на золото достигъ уже высоты тридцати су (на двадцать франковъ полтора франка). Собраніе отвѣчаетъ на сдѣланный ему министромъ запросъ установленіемъ ассигнацій, которыхъ рѣшено было выпустить на сумму 400 милліоновъ, обезпечивши ихъ платежъ секуляризированной церковной собственностью [2]). До этого времени церковныя имущества только въ принципѣ признаны были достояніемъ націи; теперь можно

---

[1]) Депеша 1 марта 90 года.

[2]) Депеша 12 апрѣля 1790 года.

было предвидѣть ихъ близкое поглощеніе съ помощью публичныхъ продажъ. Неудивительно поэтому, если въ самомъ Собраніи нашлось меньшинство въ двѣсти семьдесятъ человѣкъ, составленное изъ духовныхъ и дворянъ, для протеста противъ этой мѣры и если само Собраніе распалось съ этого времени на двѣ неравныя половины, изъ которыхъ одна, по словамъ Капелло, получила названіе партіи аристократовъ, а другая—партіи бѣшеныхъ.

На югѣ Франціи, въ Нимѣ и Монтобанѣ поддерживаемые эмигрантами безпорядки съ каждымъ днемъ принимали все болѣе и болѣе характеръ религіозной борьбы католиковъ и кальвинистовъ. А тутъ еще ко всѣмъ прочимъ вопросамъ, раздѣлявшимъ собою французовъ, присоединился вопросъ о томъ, оставаться ли Авиньону попрежнему въ рукахъ папъ или быть присоединеннымъ къ Франціи. Рѣшенію его въ послѣднемъ смыслѣ противорѣчило сдѣланное самимъ собраніемъ заявленіе о томъ, что его отношеніями къ иностраннымъ правительствамъ будутъ руководить впредь стремленіе къ миру и отказъ отъ завоевательной политики. Пришлось поэтому избрать худшую изъ всѣхъ мѣръ — поддерживать тайнымъ образомъ и не жалѣя денежныхъ средствъ революціонныя движенія въ связанной съ Авиньономъ территоріи и подготовить такимъ образомъ инкорпорированіе, оправдываясь народнымъ желаніемъ [1]).

Въ концѣ іюня къ прочимъ причинамъ недовольства присоединилась еще отмѣна дворянскихъ титуловъ и гербовъ. По словамъ Капелло, она вызвала безумную ярость въ средѣ аристократіи и не получила одобренія въ массахъ.

Онъ объясняетъ послѣднее обстоятельство тѣмъ, что не мало рабочихъ находило средства къ жизни въ изготовленіи тѣхъ самыхъ ливрей, ношеніе которыхъ приравнено въ настоящее время къ преступленію. Само Собраніе сознало свою ошибку и съ его согласія, какъ думаетъ Капелло, Неккеръ предложилъ королю отказать декрету въ утвержденіи, но Людовикъ XVI, опасаясь, чтобы его пользованіе правомъ „veto“ не истолковано было, какъ доказательство оставленной въ его рукахъ свободы, поспѣшилъ дать декрету свою санкцію [2]).

Весьма подробно описываетъ Капелло приготовленіе къ „празднику федераціи“ національныхъ гвардій отдѣльныхъ городовъ и провинцій, внезапное возвращеніе герцога Орлеанскаго помимо королевскаго согласія, но съ одобренія Собранія, энтузіазмъ толпы и приниженное положеніе короля, которому не дозволено было занять даже

---

[1]) Депеша 21 іюня 1790 года; 19 и 29 іюля 90 года.

[2]) Депеша 28 іюня 90 года.

перваго мѣста на этомъ національномъ праздникѣ. „Постановивъ само, что Франція—монархія, Національное Собраніе тѣмъ не менѣе сочло возможнымъ предписать, что королю отведено будетъ кресло по лѣвую руку отъ президента, какъ главѣ подчиненной законодательству исполнительной власти". „Французскіе революціонеры, разсуждаетъ по этому случаю Капелло, постоянно ищутъ создать что-нибудь новое и въ этой погонѣ за оригинальностью не боятся даже сдѣлаться смѣшными" [1]).

V.

Праздникъ федераціи былъ послѣднимъ изъ тѣхъ революціонныхъ событій, свидѣтелемъ которыхъ привелось быть Капелло. Онъ отозванъ былъ въ концѣ іюля, но прежде, чѣмъ оставить свой постъ, венеціанскій дипломатъ счелъ нужнымъ представить общую картину того новаго положенія, какое создало для Европы государственное потрясеніе во Франціи. Не разъ уже ему приходилось обращать вниманіе сената и инквизиторовъ на тѣ опасности, какими грозитъ всѣмъ государствамъ разливъ революціонныхъ идей. Онъ указывалъ на участіе французскихъ агитаторовъ въ бельгійскомъ возстаніи и такимъ образомъ косвенно подтверждалъ свидѣтельство Іосифа II, объявлявшаго патріотовъ Брабанта обезьянами французовъ [2]). Капелло увѣдомлялъ Сенатъ и о мѣрахъ германскихъ владѣтельныхъ князей къ противодѣйствію революціонной агитаціи и о рѣшеніи, принятомъ нѣкоторыми депутатами народной партіи — издать своего рода катехизисъ революціонныхъ принциповъ и перевесть его на всѣ языки, не исключая и русскаго. Въ депешѣ отъ 21 іюля 1790 года онъ обращаетъ вниманіе Сената на тотъ космополитическій характеръ, какой агитаторы стараются придать принятымъ Франціей принципамъ, приглашая всѣ націи высказать имъ свое сочувствіе. Съ этою цѣлью, пишетъ онъ, устроено было слѣдующее безумство. „Такъ какъ въ Парижѣ не мало живетъ иностранцевъ, не только родомъ изъ Европы, но и изъ другихъ странъ свѣта, и такъ какъ большинство этихъ поселенцевъ состоитъ изъ неимущихъ бродягъ и лицъ, изгнанныхъ изъ собственной ихъ родины, то рѣшено было повліять на нихъ раздачею денегъ и всякаго рода инсинуаціями и побудить ихъ послать Національному Собранію депутацію, составленную изъ вся-

---

[1]) Депеша отъ 12 іюля 90 года.

[2]) Mercy. Correspondence (томъ II, стр. 259). Письмо отъ 3 августа 89 года.

каго сброда. Депутація выразила Собранію сочувствіе по поводу достигнутой революціей свободы и пожеланіе, чтобы всѣ народы міра послѣдовали примѣру Франціи". Эта мирная демонстрація далеко не вызвала въ Капелло того легкаго отношенія, какое обнаруживаетъ къ ней Моррисъ. Распространеніе якобинскихъ эмиссаровъ въ Нидерландахъ и Пруссіи въ связи съ заявленіемъ Собранія о безповоротномъ присоединеніи къ Франціи Корсики, временно уступленной ей Генуей въ обезпеченія долга, наконецъ почти явная поддержка авиньонскихъ революціонеровъ побуждаетъ Капелло видѣть въ только что описанномъ имъ „національномъ маскарадѣ" серьезную угрозу для всѣхъ правительствъ. Въ донесеніи, посланномъ имъ на имя государственныхъ инквизиторовъ, онъ считаетъ нужнымъ предупредить высшую государственную полицію о тайныхъ замыслахъ парижскихъ клубовъ и въ частности о пропагандѣ, организованной „клубомъ 1789 года", которому онъ присваиваетъ по этому случаю названіе „клуба для пропаганды свободы" (Club de propaganda libertate). Задача клуба—распространять революціонныя идеи черезъ посредство эмиссаровъ низкаго происхожденія, которые проникаютъ повсюду, во всѣ классы общества и сѣютъ въ подданныхъ недовольство противъ правительствъ. Съ тою же цѣлью клубъ содѣйствуетъ изданію книгъ, пропагандирующихъ ядовитыя ученія о правѣ сопротивленія, о неограниченной свободѣ и равенствѣ. Не мало въ клубѣ депутатовъ Національнаго Собранія, въ числѣ ихъ Лафайетъ, Бальи, Мирабо, Сіесъ и многіе другіе. Многіе члены клуба отправились въ Брабантъ, чтобы содѣйствовать упроченію въ немъ демократіи. Они обѣщали инсургентамъ поддержку Національнаго Собранія, но вскорѣ имъ пришлось искать спасенія въ бѣгствѣ въ виду торжества противниковъ. Въ числѣ ихъ самымъ выдающимся былъ Гюгъ Де Семонвиль (которому впослѣдствіи пришлось играть видную роль на посту французскаго полномочнаго министра въ Константинополѣ). Подобные же эмиссары тайно дѣйствуютъ въ Англіи, Голландіи, Германіи, Италіи, Испаніи. Нѣкоторыя правительства и во главѣ ихъ испанское, сочли нужнымъ оградить свою страну отъ зловреднаго вліянія французскихъ идей, запретивши входъ въ свои границы всего того, что печатается во Франціи. Мнѣ удалось, пишетъ Капелло, достать одну брошюру, озаглавленную „Доносъ всѣмъ европейскимъ дворамъ о заговорѣ противъ ихъ спокойствія". Эта брошюра содержитъ въ себѣ всѣ правила поведенія этого дьявольскаго учрежденія (Капелло разумѣетъ „клубъ 1789 года"). На ряду съ этимъ сообществомъ, члены котораго въ конституціонныхъ вопросахъ были всегда сторонниками умѣренныхъ рѣшеній, существуетъ въ Парижѣ другой враждебный ему—„клубъ якобинцевъ". Въ немъ дѣйствуютъ братья

Ламэты, герцогъ Эгильонъ, Барнавъ, Робеспьеръ, Петіонъ, Дюпоръ. Ихъ задачей было лишить короля всякой власти, сосредоточивъ ее всецѣло въ рукахъ Собранія. И тотъ, и другой клубъ имѣютъ своихъ корреспондентовъ и свои мѣстныя подраздѣленія почти во всѣхъ городахъ Франціи. Расходясь во многомъ между собою, всѣ они сходятся въ желаніи подготовить повсюду возстаніе съ помощью печати и подкуповъ. Обоимъ клубамъ надо приписать устройство въ іюнѣ 1790 года вымышленной депутаціи отъ всѣхъ народовъ міра, депутаціи, въ которой многіе явились переодѣтыми въ китайцевъ и арабовъ.

Это сообщеніе настолько обезпокоило государственную полицію Венеціи, что преемнику Капелло Пизани приказано было дать новыя и болѣе точныя свѣдѣнія о посылаемыхъ изъ Франціи агитаторахъ; государственные инквизиторы увѣдомляли его одновременно, что до нихъ дошелъ слухъ, будто 150 эмиссаровъ должны быть направлены одновременно изъ Дижона въ Швейцарію и Италію, Испанію, Германію и Нидерланды [1]). Три недѣли спустя тѣ же инквизиторы передаютъ послу, что въ самой Венеціи сдѣлана попытка образовать клубъ по подобію якобинскаго и вступить съ нимъ въ постоянную переписку. Послу поручается узнать имена тѣхъ подданныхъ Венеціи, которые играютъ роль посредниковъ въ этихъ переговорахъ [2]). Удовлетворяя этому требованію, Пизани дѣлаетъ новые шаги къ раскрытію тѣхъ тайныхъ путей, какими французскіе революціонеры стараются распространить свои взгляды за-границей. Результаты его разслѣдованія переданы имъ въ депешѣ отъ 20 іюня 1791 года [3]). „Общества, которое ставило бы себѣ прямою цѣлью пропаганду революціонныхъ идей за-границей, во Франціи не существуетъ; но изъ этого не слѣдуетъ, пишетъ онъ. чтобы опасность заразы была меньше; напротивъ того, я считаю ее весьма серьезной и прямо отношу къ числу моихъ обязанностей подробное донесеніе вамъ обо всемъ, что въ этомъ направленіи дѣлается во Франціи. Если въ статуты обоихъ клубовъ—якобинскаго и клуба 1789 года—не входитъ прямо требованіе пропаганды, то, съ другой стороны, большое число лицъ, принадлежащихъ къ этимъ клубамъ, доводя свою любовь къ принципамъ свободы до бѣшенства, считаютъ услугой для человѣчества распространеніе повсюду революціонныхъ взглядовъ и призваніе всѣхъ на-

[1]) Смотри государственный архивъ въ Венеціи (Inquisitori di Stato Dispacci degli Ambasciatori in Francia).

[2]) Ibid. Inquisitori di Stato: письмо ихъ къ Пизани отъ 21 января 1791 года.

[3]) Idid. письмо 11 февраля 1791 года.

родовъ къ революціи. Многіе въ этихъ видахъ берутъ на себя тайныя порученія за-границей, жертвуя подчасъ собственными деньгами, другіе получаютъ ихъ безъ труда изъ рукъ фанатиковъ. Такъ какъ многіе изъ членовъ обоихъ клубовъ принадлежатъ къ Національному Собранію, то неудивительно, если комитеты послѣдняго не разъ пользовались услугами этихъ эмиссаровъ и получали отъ нихъ донесенія, какъ отъ шпіоновъ. О размѣрахъ, какіе приняла пропаганда, можно судить потому, что оба клуба въ Парижѣ въ совокупности состоятъ въ перепискѣ не менѣе, какъ съ двумя стами мѣстныхъ клубовъ, не считая еще нѣсколькихъ клубовъ за-границей, въ частности въ Англіи, раздѣляющихъ ихъ принципы (Пизани, очевидно, имѣетъ въ виду „клубъ конституціонный и клубъ друзей революціи 1688 года"). Отъ всѣхъ этихъ клубовъ эмиссары получаютъ рекомендаціи и поддержку. Съ помощью денежныхъ раздачъ самими эмиссарами не мудрено создать себѣ корреспондентовъ между иностранными подданными, тѣмъ болѣе, что между ними не мало также людей, раздѣляющихъ ихъ принципы и готовыхъ помочь имъ всячески. Въ настоящее время дѣло идетъ уже не о простомъ распространеніи фанатическихъ принциповъ, но о подготовленіи непосредственныхъ возстаній противъ отдѣльныхъ правительствъ, въ надеждѣ, что внутренніе безпорядки будутъ служить препятствіемъ къ ихъ вмѣшательству во французскія дѣла".

Знакомство съ только что приведенными донесеніями раскрываетъ передъ нами причины тѣхъ строгихъ мѣропріятій, какія приняты были въ Венеціи въ теченіе ближайшихъ четырехъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за революціей противъ распространенія французскихъ идей, а потому французскихъ журналовъ и брошюръ въ предѣлахъ венеціанскихъ владѣній. Въ обязанности тайныхъ агентовъ и такъ называемыхъ „confidenti" включенъ былъ надзоръ за прибывавшими изъ Франціи путешественниками. Нѣкоторымъ агентамъ, какъ напр., Domenico Cassoto поручено было съ этою цѣлью вступить въ близкія сношенія съ французскимъ посломъ Лалеманъ, сдѣлаться, такъ сказать, его шпіонами, и, пользуясь своимъ положеніемъ, пріобрѣсти возможность почти ежедневнаго увѣдомленія инквизиторовъ о поведеніи посла и его знакомствахъ [1]). Контроля не избѣгли и французскіе эмигранты, привлеченные въ Верону поселеніемъ въ ней графа Прованскаго (будущаго короля Людовика XVIII). По отчетамъ одного изъ „confidenti", маркиза Агдоло, эти „жертвы революціи" опасны не менѣе ихъ противниковъ. Ни въ одномъ изъ нихъ, пишетъ онъ, я не нашелъ

---

[1]) Государственный Архивъ въ Венеціи (Riferte dei Confidenti, Busta № 562).

ни настоящаго роялиста, ни настоящаго якобинца (convenzionale). Первыхъ, вѣроятно, вовсе нѣтъ между ними; что же касается до вторыхъ, то если и найдутся какіе, ихъ трудно узнать, всѣ они носятъ маску. Лучшіе изъ эмигрантовъ — необузданные волокиты, готовые соблазнить всѣхъ женщинъ [1]).

Надзора требуютъ такимъ образомъ всѣ безъ различія французы, и такъ какъ, по словамъ агентовъ, они большіе любители кофеенъ и охотно заводятъ въ нихъ разговоры о своихъ дѣлахъ, принося съ собою и французскіе журналы, то вскорѣ одной изъ главныхъ заботъ инквизиторовъ и ихъ агентовъ сдѣлались донесенія о лицахъ, посѣщающихъ эти кофейни, и о происходящихъ между ними бесѣдахъ. О характерѣ этихъ донесеній можно судить по слѣдующему образцу. Одинъ изъ „confidenti", Leandro Gambara доводитъ до свѣдѣнія инквизиторовъ 3 сентября 1793 года, что въ одной тавернѣ (Osteria della Cerva) въ Бергамо ему привелось подслушать слѣдующій разговоръ: Ремарини, родомъ венеціанецъ, но женатый на француженкѣ, утверждалъ, что въ Парижѣ вполнѣ установилась свобода и въ подкрѣпленіе своей мысли ссылался на то, что одинъ знакомый ему священникъ, желая вступить въ бракъ, ограничился тѣмъ, что, подошедши къ „arbre de liberté" (т.-е. къ коммеморативному дереву, посаженному въ память установленія свободы), взялъ въ руку его стволъ. Онъ продолжалъ утверждать, что даже крестьяне и тѣ живутъ во Франціи свободно, не подчиняясь дисциплинѣ и не поставленные въ необходимость трудиться въ потѣ лица; говорилъ онъ также, что Франціи некого бояться и что она можетъ выставить въ поле столько людей, сколько потребуется. Присутствующіе удивлялись такимъ рѣчамъ и по выходѣ Ремарини съ ужасомъ воскликнули: „да вѣдь онъ на-половину якобинецъ" [2]). Подобнаго рода рѣчи не обходились даромъ произнесшимъ ихъ, и въ мемуарахъ современниковъ мы не разъ читаемъ показанія въ родѣ слѣдующаго: сегодня 21 февраля 1793 года въ Падуѣ сбиры въ полдень овладѣли личностью одного еврея, доктора Салона и отвели его въ тюрьму. Не прошло и получаса и мы снова увидѣли его связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. Въ этомъ видѣ онъ положенъ былъ въ экипажъ и препровожденъ въ Венецію въ обществѣ сбира. Его виновность очевидна, такъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно, что онъ высказывался въ пользу французовъ, и прежде губернаторъ не разъ увѣщевалъ его, предсказывая ему его участь. Ходитъ слухъ, что онъ состоялъ въ тайной корреспонденціи съ Фландріей. Если это правда, то пошли ему Господь заслуженную кару [3]).

---

[1]) Ibid. Busta, № 543. Донесенія отъ 27 декабря 1794 года.
[2]) Referte dei Confidenti. 600.
[3]) Городская библіотека въ Падуѣ; рукопись, озаглавленная: „Истори-

Одновременно строгія мѣры были приняты противъ всякихъ попытокъ организовать политическіе клубы, и если разрѣшались какія-нибудь сообщества, то чисто литературныя, какъ напримѣръ, тотъ клубъ, который открытъ былъ въ Падуѣ 1 марта 1790 года и получилъ особое разрѣшеніе на выписку нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ [1]). Особенному преслѣдованію подвергнуты были массоны. „Confidenti“ въ числѣ своихъ полномочій считали обязанность доносить имена всѣхъ тѣхъ, кто заподозрѣны въ принадлежности къ иностраннымъ ложамъ. Мѣстныя ложи были закрыты еще въ 1785 году одинаково въ Венеціи и въ Падуѣ [2]). Что касается до газетъ и книгъ, то они подвергнуты были строгой цензурѣ, и особымъ „riformatori“, поставленнымъ надъ падуанскимъ университетомъ, поручено было зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы выходящія въ самой Венеціи или въ подчиненныхъ ей городахъ сочиненія не заключали въ себѣ ничего противнаго законамъ и учрежденіямъ республики, а также не проповѣдывали ложныхъ идей и не относились пренебрежительно къ дѣйствующимъ властямъ въ государствѣ [3]). Сами инквизиторы не разъ призывали къ себѣ на судъ лицъ, обвиняемыхъ въ пристрастіи „къ пагубнымъ принципамъ неповиновенія, неограниченной свободы и абсурднаго равенства“. 26 мая 1794 года члены одного сообщества въ Брешіи, извѣстнаго подъ наименованіемъ „казино добрыхъ друзей“, обвинены были въ чтеніи иностранныхъ газетъ и взаимномъ поддерживаніи другъ въ другѣ вредныхъ теорій и преступныхъ желаній. Въ числѣ обвиненныхъ мы встрѣчаемъ двухъ графовъ Карло Аричи и Федериго Мазукели. Они заключены были одинъ въ Бергамскую, другой въ Веронскую крѣпости. Остальные подсудимые въ числѣ десяти человѣкъ подвергнуты были кто аресту, кто выговору. Между ними мы встрѣчаемъ и имя будущаго предводителя возстанія въ Брешіи, Франческо Гамбара [4]).

Перваго августа того же 1794 года слѣдуетъ новый приговоръ инквизиторовъ, на этотъ разъ противъ лицъ, позволившихъ себѣ въ Каверзерѣ „въ присутствіи толпы и въ назиданіе неразумнымъ излагать и высказывать сочувствіе французской системѣ свободы и равен-

---

ческое повѣствованіе о событіяхъ въ Падуѣ съ 1787 по 1794 годъ. Повѣствованіе это принадлежитъ падуанскому жителю Girolamo Polcastro.

[1]) Ibid. стр. 24.

[2]) Смотри Le annotazioni degli Inquisitori di Venezia di Agosto Barzoni.

[3]) Arch. Stor. Ital. Serie III. Томъ II, часть 1, 1870. Смотри ежегодные отчеты секретарей инквизиторовъ 1793, 1794 и слѣдующихъ годовъ (Арх. Госуд. инкв. 209).

[4]) Barzoni. Выше цитированное сочиненіе, страница 93.

ства. Въ числѣ обвиненныхъ встрѣчается и нѣсколько священниковъ, которыхъ предписано заключить въ монастырь св. Георгія Побѣдоносца въ Венеціи. Шестью днями позже слѣдуетъ новый приговоръ противъ лицъ, открыто проповѣдывавшихъ въ Valdebiade принципы свободы и независимости и искавшихъ пріобрѣсти прозелитовъ". Виновные, въ числѣ ихъ медикъ, посажены одни въ крѣпость въ Зарѣ, другіе въ „верхнія тюрьмы", помѣщавшіяся подъ самой крышей палаццо дожей въ Венеціи и извѣстныя подъ наименованіемъ „piombi", отъ свинцовой крыши дворца. Той же участи подвергнуты были, полтора года спустя, 21 мая 1796 г. два венеціанца; обвиненіе на этотъ разъ состояло въ томъ, что они привѣсили тайно ночью къ статуямъ гигантовъ, поставленныхъ на верху главной лѣстницы, ведущей во дворецъ дожей, двѣ прокламаціи, начинавшіяся словомъ „Libertas" 1). Недѣлю спустя инквизиторы присуждаютъ къ десятидневному заключенію въ тѣ же „piombi" лицъ, выражавшихъ публично неодобреніе существующему порядку управленія республикой и признававшихъ желательнымъ ближайшій приходъ французовъ и подчиненіе имъ Бергамо. Наконецъ 31 января 1797 года, состоялся послѣдній приговоръ подобнаго рода противъ одного жителя Вероны, высказывавшаго за нѣсколько мѣсяцевъ до водворенія французовъ свое осужденіе венеціанской администраціи, которую онъ признавалъ тягостной для подданныхъ и пристрастной 2).

О томъ, въ какой мѣрѣ всѣмъ вышеизложеннымъ мѣропріятіямъ удалось предотвратить „шедшую изъ Франціи заразу", можно судить отчасти по донесеніямъ тѣхъ же „confidenti". При входѣ французскихъ войскъ въ Верону упомянутый выше агентъ маркизъ Агдоло поставленъ былъ въ необходимость заявить, что населеніе не оправдало его ожиданій. Въ кофейняхъ слышатся рѣчи, ничего не имѣющія общаго съ прежними, открыто высказывается сочувствіе принципамъ французской революціи, и на сцену выступаютъ снова франмассоны, существованіе которыхъ Агдоло еще недавно отрицалъ. 29 августа 1795 года confidente сообщаетъ, что въ кофейняхъ не только офицеры, но и лавочники открыто высказываютъ сочувствіе военнымъ успѣхамъ французовъ, называя доброю вѣстью всякое газетное сообщеніе о побѣдѣ „патріотовъ". „Я жестоко ошибся въ моей оцѣнкѣ, пишетъ онъ; скрытые якобинцы сбросили теперь свою маску и число добрыхъ гражданъ далеко не составляетъ большинства. Простой народъ и духовенство еще придерживаются здравыхъ мыслей, но дворяне,

---

1) Ibid. стр. 100 и 101.
2) Ibid. стр. 105.

гражданство, купцы, лавочники всѣ думаютъ одно и то же и думаютъ скверно, точь-въ-точь французскіе „патріоты" [1]).

Легкость, съ которой произведена была революція въ Бергамо и Брешіи, и роль, какую приняли въ ней мѣстные дворяне, въ свою очередь доказываютъ, какъ мало удалось высшей государственной полиціи въ Венеціи воспрепятствовать распространенію демократическихъ идей. Если въ возстаніи Брешіи можетъ быть отмѣчено участіе французскихъ войскъ, то того же отнюдь нельзя сказать о бергамской революціи, которая обошлась безъ всякаго иноземнаго вмѣшательства. Это признаютъ и донесенія венеціанскаго резидента въ Миланѣ, Винченти Фоскарини [2]). Это же заявлялъ въ своемъ офиціальномъ отчетѣ и французскій генералъ Ландріе, говоря: „въ Бергамо народъ давно искалъ отдѣлиться отъ Венеціи. Восторженные разсказы французскихъ солдатъ о свободѣ и правахъ человѣка еще усилили въ немъ желаніе независимости" [3]).

Извѣстно, что Наполеонъ въ своихъ мемуарахъ, написанныхъ на островѣ Св. Елены, рѣшительно отклоняетъ всякое участіе въ подстрекательствѣ брешіанцевъ къ отложенію отъ Венеціи, ссылаясь на то, что было бы верхомъ безумія устраивать безпорядки въ тылу своей арміи и подвергать себя опасности быть отрѣзаннымъ отъ Ломбардіи на обратномъ пути изъ Тироля. Его показанія сходятся съ тѣмъ объясненіемъ, которое Карно далъ при свиданіи венеціанскому послу Квирини, въ отвѣтъ на обвиненіе французскаго гарнизона въ открытой поддержкѣ мятежниковъ: „Брешіанцы увлечены были примѣромъ французовъ, пребываніе въ ихъ средѣ французскихъ ополченій породнило ихъ съ принципами свободы и равенства. Вина такимъ образомъ падаетъ не столько на начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ, давшихъ братскую поддержку своимъ единомышленникамъ, сколько на тѣ принципы, сторонникомъ которыхъ сдѣлался народъ Брешіи". Наконецъ быстрота, съ какой Падуя и Винченца провозгласили свою независимость и разорвали всякую связь съ Венеціей, изъ устъ самихъ венеціанцевъ вызываетъ горестное сознаніе, что хваленая преданность провинцій „мягкому режиму метрополіи" была не болѣе, какъ обманомъ. „Во всѣхъ подчиненныхъ Венеціи земляхъ, пишетъ братъ Альвизо Квирини, Павелъ, въ частномъ письмѣ отъ 20 мая

---

[1]) Государств. Архивъ Венеціи. Riferte dei confidenti. 543. Донесенія отъ 25 авг. 1795 года.

[2]) Донесенія венеціанскаго резидента изъ Милана № 241 (Донесеніе 14 марта 1797 года).

[3]) Ibid. Приложено къ депешѣ отъ 21 марта 1797 года.

[4]) Депеши Альвизо Квирини къ сенату отъ конца марта и начала 1797 г.

1797 года, обнаруживается рѣшительная ненависть къ венеціанцамъ. Принадлежащее „патриціямъ“ имущество расхищается, въ теченіе столькихъ столѣтій относились мы къ падуанцамъ не какъ къ подданнымъ, а какъ къ друзьямъ. И что же! они изгоняютъ насъ изъ своего города; наши владѣнія и виллы въ Местрэ, Тревизо и Падуѣ разграблены и разрушены и всѣми овладѣло такое безуміе, что о разрывѣ съ Венеціей говорится, какъ о чемъ-то окончательномъ и безповоротномъ. Падуя уже мечтаетъ о томъ, чтобы сдѣлаться вторымъ городомъ въ Ломбардіи“ [1]) (послѣ Милана). Такъ пало среди не только всеобщаго равнодушія, но и всеобщаго сочувствія полувѣковое владычество венеціанской олигархіи надъ сѣверо-восточной Италіей. Тщетными оказались всѣ мѣры предупрежденія: цензура, тайная полиція, надзоръ за клубами и мѣстами народныхъ сборищъ и самый даже судъ инквизиціи съ его ссылками въ дальнія крѣпости Далмаціи и заточеніями на островахъ Лидо, въ Веронѣ, Бергамо и подъ раскаленной свинцовой кровлей дворца дожей. Разливъ демократическихъ идей („безумной свободы и абсурднаго равенства“) смылъ въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ вѣками сложившійся строй венеціанской олигархіи, несмотря на ея всѣми признанную мудрость и прославленную Монтескье умѣренность въ пользованіи властью. Одинъ свободный отъ прямого обложенія крестьянскій людъ сохранилъ добрую память о Св. Маркѣ и въ числѣ послѣднихъ защитниковъ венеціанской независимости мы встрѣчаемъ и тѣхъ Schiavoni или Славянъ-Далматинцевъ, которые подъ кровомъ Венеціи нашли защиту своей національности и своей гражданской свободы.

Beaulieu, villa Batava
(23) 11 Марта 1890 г.

---

[1]) Biblioteca Quirini Stampalia въ Венеціи, рукопись, помѣченная Cl. VII, cod. 85 и заключающая въ себѣ частную переписку братьевъ Квирини. Томъ I, письмо Paolo Quirini отъ 20 мая 1797 года.

Очерки современнаго историческаго преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа.

И. М. Гревса и П. Д. Погодина[1]).

ВВЕДЕНІЕ.

Намъ приходится одновременно проводить значительную часть нашей заграничной командировки въ Парижѣ. Такая жизнь въ продолженіе цѣлаго ряда мѣсяцевъ въ научной атмосферѣ одного изъ первостепенныхъ культурныхъ центровъ Европы сама по себѣ даетъ множество новыхъ, самыхъ разнообразныхъ и яркихъ впечатлѣній научнаго характера. Они глубоко захватываютъ вниманіе и сообщаютъ немало важныхъ свѣдѣній даже независимо отъ тѣхъ знаній, которыхъ удается достигнуть въ спеціальной работѣ. Эти впечатлѣнія воспринимаются съ большею интенсивностью, благодаря тому особенному умственному возбужденію, которое обыкновенно охватываетъ каждаго занимающагося любимой наукой въ особенно благопріятныхъ условіяхъ. Но дѣйствуютъ они различно: иногда воодушевляютъ и подымаютъ энергію, сразу открывая и освѣщая настоящій путь; иногда приводятъ въ недоумѣніе, наталкиваютъ на затрудненіе, которое нерѣдко трудно бываетъ разрѣшить собственными силами, и тѣмъ задерживаютъ правильный и свободный ходъ работы. Такъ какъ мы работаемъ если не около одного и того же пункта, то на общемъ полѣ исторической науки, то неизбѣжно встрѣчаемся часто на однихъ и тѣхъ же путяхъ. Занимаясь въ однѣхъ и тѣхъ же библіотекахъ, посѣщая нерѣдко однѣ и тѣ же лекціи, стараясь знако-

[1]) Введеніе и первый Очеркъ (Парижскій Историко-Филологическій Факультетъ въ Сорбоннѣ) составлены И. М. Гревсомъ, второй (École libre des sciences politiques) П. Д. Погодинымъ.

миться и пользоваться вообще всѣми учеными учрежденіями Парижа, которыя могутъ служить пособіями для исторической работы, мы постоянно переживаемъ общія впечатлѣнія. Намъ приходилось не разъ. безъ сомнѣнія, сообщать другъ другу о достигаемыхъ результатахъ, дѣлиться свѣдѣніями и вопросами, общими силами пытаться разбирать затрудненія и отыскивать наиболѣе удобныя средства для ихъ устраненія. Такое общеніе въ научной работѣ часто оказывало каждому изъ насъ существенныя услуги, всегда доставляло цѣнныя указанія. Оно и привело насъ къ мысли, что мы могли бы въ богатой массѣ пережитыхъ впечатлѣній и пріобрѣтенныхъ свѣдѣній въ области организаціи научной работы за-границей найти нѣчто интересное и для другихъ. Исходя изъ этой мысли, мы и задумали постепенно сгруппировать имѣющійся у каждаго матеріалъ въ рядъ очерковъ или описаній нѣкоторыхъ изъ ученыхъ и педагогическихъ учрежденій Парижа, являющихся тамъ орудіями разработки исторіи, какъ науки, и средствами для полученія и усовершенствованія научно-историческаго образованія. Мы останавливаемся для начала на *описаніи организаціи историческаго преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа.* Но предлагая читателямъ „Историческаго Обозрѣнія" первые опыты такихъ очерковъ, мы находимъ нужнымъ предпослать имъ нѣсколько объяснительныхъ словъ, чтобы показать, какой смыслъ мы имъ придаемъ, кому и какую желали бы оказать ими услугу, какой подать хорошій примѣръ.

Мы имѣемъ въ виду прежде всего интересы тѣхъ, которые, какъ мы теперь, въ ближайшемъ будущемъ отправятся за-границу для научныхъ занятій исторіею. Время заграничной командировки очень важный моментъ въ научномъ развитіи начинающаго русскаго ученаго, часто онъ бываетъ даже рѣшающимъ. Но значеніе его можетъ быть вполнѣ плодотворно только въ томъ случаѣ, если командированный съумѣетъ наилучшимъ образомъ воспользоваться всѣми научными средствами, которыя даетъ Западная Европа для его цѣли, т.-е. какъ для усовершенствованія общаго его историческаго образованія, такъ и для разработки спеціально изслѣдуемаго имъ пункта. Между тѣмъ добиться возможности цѣлесообразно тратить время, не теряя его безполезно на розысканіе лучшихъ и наиболѣе подходящихъ условій работы, ему не всегда легко. Командируемый за-границу, обыкновенно очень молодой и во всякомъ случаѣ начинающій ученый, снабжается краткою инструкціею. Она ставитъ ему основную задачу занятій, назначаетъ одно или нѣсколько главныхъ мѣстъ для долгаго пребыванія, указываетъ имена двухъ-трехъ профессоровъ и ученыхъ, лекціи которыхъ ему рекомендуется слушать или высшимъ руководствомъ которыхъ воспользоваться. Обладая такимъ краткимъ

итинераріемъ, молодой ученый является за-границу и сразу попадаетъ въ несравненно болѣе сложную и яркую культурную обстановку, несравненно болѣе напряженно и разносторонне живущую научную среду, чѣмъ та, въ которой онъ привыкъ вращаться на родинѣ. Новыя впечатлѣнія сильно дѣйствуютъ на воображеніе, возбуждаютъ умъ, будятъ дѣятельность. Но они вмѣстѣ съ тѣмъ и подавляютъ, заставляютъ прежде всего разбросаться и растеряться. Онъ часто не знаетъ, за что взяться сначала, гдѣ прежде всего найти удобную почву для сосредоточенія ума и систематизаціи занятій. Правда, идеальною задачею каждаго командируемаго было бы на основаніи инструкціи заранѣе разработать планъ поѣздки, опредѣлить въ общихъ чертахъ, въ какомъ порядкѣ передвигаться, сколько гдѣ остановиться, какими библіотеками, архивами, музеями пользоваться, какія лекціи и въ какой связи посѣщать. Но этотъ идеалъ рѣдко можетъ быть осуществленъ на дѣлѣ. Обыкновенно командировка застаетъ отъѣзжающаго среди многочисленныхъ занятій, которыя надо прервать, а хотѣлось бы привести къ какому-нибудь концу. Да и фактически трудно ему узнать заранѣе въ Россіи то, что ему необходимо, о наличности и организаціи лучшихъ орудій и пособій для ученой работы за-границей. Профессора, его руководители, не всегда могутъ намѣтить ему твердую дорогу: они сами въ большинствѣ случаевъ бывали за-границей за много лѣтъ до того, когда посылаютъ туда своихъ учениковъ, а тамъ условія и обстановка работы быстро мѣняется; имъ же трудно и некогда бываетъ за этимъ слѣдить. Взяться же за эту задачу самому, т.-е. изучить самостоятельно заранѣе, какія существуютъ за-границей наиболѣе для него важныя ученыя учрежденія, которыми онъ долженъ больше всего воспользоваться, ему также невозможно. Подходящаго библіографическаго и справочнаго *vade-mecum'a* для научныхъ поѣздокъ за-границу, не только такого образцоваго, какимъ является *Бедекеръ* для туристовъ, но даже и какого бы то ни было, не имѣется. Необходимый матеріалъ разсѣянъ по множеству книгъ, журналовъ, лексиконовъ, энциклопедій и справочныхъ изданій, и его при полномъ отсутствіи у насъ сколько-нибудь хорошо устроенныхъ органовъ біографическихъ розысканій нельзя и собрать въ соотвѣтствующей полнотѣ. Да и вообще такая работа можетъ быть удовлетворительно произведена лишь на мѣстѣ. Такъ что молодой ученый является за-границу съ полнымъ незнаніемъ ея научной обстановки, обладая кромѣ инструкціи лишь нѣсколькими, на лету схваченными неопредѣленными совѣтами и указаніями людей, раньше бывавшихъ тамъ, и заранѣе обреченный на ошибки и упущенія.

Единственною помощью въ такихъ неизбѣжныхъ затрудненіяхъ могъ бы служить ему опытъ товарищей-предшественниковъ.

Всѣ командированные должны бы были вести по возможности обстоятельныя записи своихъ впечатлѣній, наблюденій, выводовъ и заключеній, отмѣчая не только то, что они видѣли и дѣлали и чего достигли, но и то, чего они сдѣлать не могли, въ чемъ ошибались, въ чемъ и почему встрѣчали затрудненія. При этомъ имъ необходимо слѣдовало бы набрасывать характеристики различныхъ учрежденій, которыя въ однихъ случаяхъ оказывали существенныя услуги различнымъ пунктамъ ихъ работы, въ другихъ являлись неудовлетворительными. Въ этихъ записяхъ они рисовали бы себя работающими въ опредѣленной научной средѣ и испытывающими въ развитіи своего умственнаго настроенія вліянія ея благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій. Изъ такихъ замѣтокъ накопился бы весьма разнообразный и очень драгоцѣнный матеріалъ, его можно было бы систематизировать, обработывать и публиковать и тѣмъ оказать очень важную услугу лицамъ, о которыхъ мы говоримъ, при ихъ первой оріентировкѣ за-границей и при выработкѣ ими плана занятій.

Очерки, о которыхъ идетъ рѣчь, должны прежде всего имѣть предметомъ описаніе, какъ вообще главнѣйшихъ европейскихъ научныхъ центровъ съ точки зрѣнія ихъ удобства или недостатковъ для ученыхъ занятій, такъ въ частности ихъ научно-образовательныхъ учрежденій—университетовъ, академій, спеціальныхъ ученыхъ институтовъ, обществъ и школъ, библіотекъ, архивовъ, музеевъ, памятниковъ древности и т. д. Описывая учрежденія, служащія орудіями для научныхъ изслѣдованій, весьма полезно характеризовать тутъ же лицъ, которыя ихъ создали или для нихъ работаютъ, составляя, такъ сказать, ихъ живую душу. Изложеніе должно быть точно, серіозно и обстоятельно, снабжено тщательными указаніями на литературу, изученіемъ которой можно было бы его развить и дополнить. Но оно не должно носить непремѣнно характеръ учено-критическаго изслѣдованія или теоретически поставленной статьи, а скорѣе имѣть видъ конкрентнаго описанія, оживленнаго и окрашеннаго свѣжимъ элементомъ личнаго впечатлѣнія.

Только въ такого рода описательныхъ очеркахъ современной организаціи и постояннаго улучшенія учрежденій, служащихъ на Западѣ пособіями и органами разработки исторіи, историческаго образованія, а также храненія и изученія памятниковъ старины, можетъ найти человѣкъ, ѣдущій за-границу на долгій срокъ для работы, нужную путеводную нить. Нужно только, чтобы описанія эти были многочисленны, разнообразны, составлены съ добросовѣстностью,

пониманіемъ и одушевленіемъ, и чтобы они являлись результатомъ коллективной работы цѣлаго ряди лицъ.

Если обычай такого рода работъ установится, и онѣ будутъ возобновляться изъ года въ годъ и особенно централизоваться около одного или немногихъ доступныхъ органовъ, то не только не будетъ такимъ образомъ пропадать безъ пользы для другихъ очень драгоцѣнный индивидуальный опытъ, но постепенно будетъ наростать и постоянно освѣжаться традиція научныхъ занятій русскихъ за-границею. Тогда попадающій въ сложную заграничную научную обстановку молодой русскій научный работникъ получитъ важную точку отправленія и опоры въ своихъ неопытныхъ начинаніяхъ, будетъ знать, куда ему обращаться, чего искать, чего опасаться и съ чѣмъ бороться. Ему будетъ дано, такимъ образомъ, надежное руководство для организаціи труда, а при нынѣшнемъ состояніи науки это одно изъ капитальнѣйшихъ условій успѣха научныхъ изслѣдованій. Опытъ товарищей-предшественниковъ освѣтитъ ему путь, дастъ ясные практическіе отвѣты, которые ему нужны, но которыхъ онъ нигдѣ сразу иначе не найдетъ безъ очень большаго труда. Конечно, всякій серіозный, любящій дѣло и хоть нѣсколько знающій, чего онъ ищетъ, работникъ, съумѣетъ, попавъ за-границу, и самъ постепенно найти всѣ средства, необходимыя для выполненія его задачи; но сколько предстоитъ ему при этомъ утомительныхъ блужданій, раздражающей и безполезной траты времени, а, можетъ быть, и непоправимыхъ промаховъ. Да и въ лучшемъ случаѣ къ чему же каждому начинать сначала все, что должны были продѣлать работавшіе до него?

Посильный примѣръ подобнаго рода очерковъ мы и хотимъ представить въ нашихъ описаніяхъ историческаго преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа. Мы надѣемся и сами продолжить ихъ впослѣдствіи, и вызвать въ другихъ желаніе расширить и улучшить такіе опыты. Мы придаемъ своему изложенію скромную форму описаній и впечатлѣній, стараясь быть, по возможности, полными и обстоятельными, но не стремясь ставить ихъ теоретически и научно. Мы направляемъ свои опыты въ редакцію „Историческаго Обозрѣнія“, такъ какъ она, думается намъ, должна сочувствовать самой идеѣ, положенной въ ихъ основаніе и только-что намѣченной нами, и такъ какъ напечатанные въ „Историческомъ Обозрѣніи“, они прямо попадутъ въ руки читателей, которыхъ мы преимущественно имѣли въ виду. Мы обращаемся, повторяемъ, прежде всего къ нашимъ товарищамъ, отправляющимся за-границу для научно-историческихъ занятій, но желали бы вызвать интересъ и сочувствіе также и въ другихъ: въ профессорахъ университетовъ, которымъ близки вопросы объ организаціи научнаго преподаванія исторіи и судьбы

исторической науки вообще; въ учителяхъ гимназій, которые могутъ воспользоваться лѣтнею свободою для образовательной поѣздки за-границу; въ студентахъ-историкахъ, приступающихъ къ научнымъ занятіямъ и, можетъ быть, мечтающихъ по окончаніи курса собственными усиліями дополнить свое образованіе за-границей; въ представителяхъ образованнаго общества, увлекающихся движеніемъ западно-европейской науки, желающихъ слѣдить за ея результатами и, по возможности, пользоваться ими. Главное наше желаніе показать пользу такого рода очерковъ для занимающихся и интересующихся исторіею у насъ, найти сотрудниковъ и продолжателей, такъ чтобы постепенно оказалось возможнымъ образовать въ „Историческомъ Обозрѣніи“ постоянный отдѣлъ *Обзоровъ организаціи учрежденій, служащихъ на Западѣ органами развитія исторической науки и показателями ея современнаго состоянія и прогресса.*

Начинаемъ мы съ описанія состоянія историческаго преподаванія въ одномъ изъ главныхъ университетскихъ центровъ Европы, такъ какъ имѣть данныя для сужденія объ этомъ вопросѣ съ самаго начала весьма важно для ѣдущаго за-границу съ научною цѣлью: инструкція ставитъ ему обыкновенно двѣ задачи—разработать диссертацію и дополнить свою историческую подготовку слушаніемъ лекцій у лучшихъ профессоровъ.

Что исторія принадлежитъ къ числу наукъ, очень энергично и широко разрабатывающихся во Франціи, доказательствомъ тому служитъ громадная, въ большинствѣ случаевъ солидная, а часто замѣчательная литература появляющихся тамъ историческихъ сочиненій, цѣлый рядъ очень хорошихъ и важныхъ періодическихъ изданій по исторіи, множество историческихъ обществъ, столичныхъ и провинціальныхъ. Что исторія занимаетъ весьма видное мѣсто въ высшемъ общественномъ образованіи во Франціи, подтвержденіемъ тому является длинный списокъ историческихъ курсовъ, читающихся въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа. Такъ въ *Сорбоннскомъ историко-филологическомъ факультетѣ* (*Faculté des lettres de Paris*) читается около 15 публичныхъ курсовъ по разнымъ отдѣламъ исторіи и ведется еще больше историческихъ семинарій. Параллельно съ факультетомъ исторія, вмѣстѣ съ классическою филологіею, занимаетъ первостепенное мѣсто въ программѣ лекцій *Высшей Нормальной Школы* (*Ecole Normale Superiure*); ей посвящена значительная часть курсовъ историко-филологическаго отдѣленія, а также и отдѣленія религіозныхъ наукъ въ *Ecole des hautes Etudes*; преподаваніе въ *Ecole des Chartes* также всецѣло историческое, историко-юридическое и

историко-археологическое. Въ числѣ лекцій, читаемыхъ въ *Collège de France*, находимъ опять очень не мало историческихъ. Элементъ исторіи бросается въ глаза и въ росписаніи лекцій въ такихъ болѣе спеціальныхъ школахъ, какъ *Ecole des beaux arts* и *Ecole libre des sciences politiques*. Далѣе въ Парижѣ существуетъ спеціальная *Историко-археологическая школа* (*Ecole du Louvre*); нѣсколько историко-юридическихъ курсовъ читается въ *Ecole de droit*; наконецъ, публичные историческіе курсы учреждены по почину парижскаго муниципалитета въ *Hôtel de Ville*. Судить о достоинствѣ всѣхъ этихъ курсовъ можно, разумѣется, лишь при ближайшемъ ознакомленіи съ ними; но самая ихъ многочисленность, разнообразіе учрежденій, въ которыхъ они ведутся, различіе цѣлей, во имя которыхъ они читаются въ тѣхъ или иныхъ учебныхъ заведеніяхъ и, стало быть, разнообразіе ихъ характера,—являются уже симпатичною и оригинальною особенностью, которая даетъ возможность удовлетворять разностороннимъ историческимъ интересамъ, соотвѣтствовать самымъ различнымъ вкусамъ, широко вызывать научную инициативу въ учащемся юношествѣ, ставить работу на разныя основанія и двигать ее по всевозможнымъ направленіямъ. Духъ свободнаго разнообразія въ преподаваніи исторіи—великое дѣло для возбужденія и питанія историческаго интереса, поддержанія научной энергіи, развитія историческаго творчества [1]).

Мы останавливаемся для начатія на *Парижскомъ Историко-филологическомъ факультетѣ* потому, что онъ представляетъ изъ себя наиболѣе общеобразовательное изъ учебныхъ заведеній, гдѣ мы находимъ преподаваніе исторіи съ научнымъ характеромъ, и на *Свободной Школѣ Политическихъ Наукъ*, потому что она является особенно оригинальнымъ образовательнымъ учрежденіемъ новаго типа, гдѣ читается цѣлый рядъ очень своеобразныхъ историческихъ курсовъ.

---

[1]) См. о развитіи исторической науки во Франціи за послѣдній періодъ обстоятельную статью парижскаго профессора Габріэля Моно (Monod) въ нѣмецкомъ историческомъ журналѣ *Quidde*— Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 2 Bd. (1889), s. 160 (подъ заглавіемъ: Die geschichtlichen Studien in Frankreich).

I.

Парижскій историко-филологическій факультетъ въ Сорбоннѣ [3]).

1.

Еще не такъ давно (въ шестидесятыхъ годахъ) французскіе историко-филологическіе факультеты (*Facultés des lettres*) едва ли заслуживали названія настоящихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Читавшіяся въ нихъ публичныя лекціи, блестящія, построенныя на чисто-ораторскихъ основаніяхъ, не предназначались для студентовъ (таковыхъ совсѣмъ не было), но для неопредѣленной, постоянно мѣняющейся аудиторіи, которую составляли люди обоего пола и самыхъ различныхъ возрастовъ—старики и старухи, юноши и дѣвушки, об-

[3]) Какъ сказано, данный очеркъ представляетъ лишь группировку личныхъ моихъ впечатлѣній, причемъ я не задавался цѣлью ни научно-критически оцѣнить съ принципіальной точки зрѣнія систему высшаго историческаго образованія во Франціи, ни изложить его исторію. Я старался лишь дополнить свои впечатлѣнія впечатлѣніями другихъ и освѣтить ихъ точками зрѣнія нѣкоторыхъ изъ французскихъ профессоровъ, близко стоявшихъ къ дѣлу университетскаго преподаванія исторіи и его реформы. Указываю нѣсколько статей и работъ, которыми я пользовался, какъ выясняющими пособіями: 1) P. Frédéricq. „L'enseignement supérieur de l'histoire à Paris" (Rev. intern. de l'ens. 1883, juillet)—прекрасный очеркъ бельгійскаго профессора, изъ котораго я почерпнулъ много фактовъ и указаній; 2) Статьи и рѣчи проф. E. Lavisse, печатавшіяся въ „Rev. intern. de l'enseignem.", „Revue bleue" и другихъ журналахъ и собранныя потомъ въ двухъ книгахъ. a) „Questions d'enseignement national" (Paris, Colin, 1885) и b) „Etudes et étudiants" (Paris, Colin, 1890), которыя, какъ принадлежащія перу человѣка много работавшаго для осуществленія реформы высшаго образованія, превосходно выясняютъ сущность современной системы факультетскаго преподаванія исторіи; 3) Брошюра проф. G. Monod—„De la possibilité d'une réforme de l'enseignement supérieur" (Paris, Leroux, 1876), также очень интересная и важная; 4) Различныя статьи разныхъ авторовъ и оффиціальные акты, помѣщенные въ различныхъ годахъ „Revue ineernationale de l'ensignement". — Кромѣ того, полезныя данныя относительно послѣднихъ годовъ можно найти въ книгѣ испанскаго профессора Rafael Altanura, „La enseñanza della historia" (Madrid, Fontanet, 1891). Много цѣнныхъ разъясненій удалось мнѣ также получить въ личныхъ бесѣдахъ съ профессорами, которые съ замѣчательною любезностью давали мнѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія.

разованные рентьеры, любители наукъ и искусствъ, священники, свѣтскія женщины, наконецъ праздные люди всякихъ категорій. Въ этомъ отношеніи факультетъ тогда ничѣмъ не отличался по общему составу своей аудиторіи и по характеру курсовъ отъ *Collège de France*, о которомъ Мишлэ гдѣ то разсказываетъ интересный анекдотъ, какъ нѣсколько крестьянокъ, возвращавшихся съ рынка, зашли нечаянно на лекцію Эдуарда Кинэ и подумали, что они въ церкви. Странное это было преподаваніе, къ которому безразлично допускались всѣ желающіе, и въ которомъ лекціи походили на церковныя проповѣди [4]). При этомъ надо сказать, что профессоры факультетовъ были заняты больше производствомъ всякаго рода государственныхъ экзаменовъ, чѣмъ чтеніемъ лекцій. На экзамены уходило около четырехъ мѣсяцевъ въ году, такъ что за вычетомъ двухъ каникулярныхъ мѣсяцевъ а затѣмъ рождественскихъ и пасхальныхъ праздниковъ, оставалось меньше полугода на годичный курсъ.

Первый изъ французскихъ администраторовъ, который обратилъ вниманіе на ненормальность такого положенія вещей, былъ извѣстный историкъ *Викторъ Дюрюи*, бывшій министромъ народнаго просвѣщенія при второй имперіи (1863—69 гг.) и оказавшій большія услуги дѣлу организаціи общественнаго образованія вообще. Въ особомъ докладѣ Наполеону III (въ 1868 г.) министръ смѣло и рѣшительно говоритъ [5]): „Если факультеты, непосредственно подготовляющіе къ жизненнымъ карьерамъ, какъ юридическій и медицинскій, вездѣ собираютъ вокругъ своихъ каѳедръ многочисленное юношество, то напротивъ того, филологическій и физико-математическій (*Facultés des lettres et des sciences*) во многихъ мѣстахъ еле влачатъ существованіе и нигдѣ не группируютъ около себя постоянныхъ и систематически работающихъ студентовъ. Ихъ наполняютъ слушатели различныхъ возрастовъ и жизненныхъ положеній, которыхъ привлекаетъ талантъ преподавателя, но на которыхъ онъ не оказываетъ того продолжительнаго вліянія, каковое необходимо для того, чтобы преподаваніе было дѣйствительно плодотворно... Но высшее образованіе не должно и не можетъ ограничиваться лишь возбужденіемъ интереса къ занятіямъ: оно предназначено въ особенности къ тому, чтобы дать слушателямъ въ руки научные методы и обучить ихъ наукамъ, которыя эти методы создали. Въ Германіи ученые, подобные Бекку, Ритчлю, Велькеру, Ранке и

---

[4]) G. Monod. De la possib. d'une réf. de l'ens. sup. p. 26.

[5]) См. очень интересный сборникъ „Administration de l'instruction publique. Ministère de von Exc. M. V. Durny“. Paris (Delalain), 1870, 8°, 932 стр. (p. 717—719), а также для дополненія „Circulaires et instructions officielles relatives à l'instruction publique. Ministère de son Exc. M. V. Duruy“. Paris (Delalain), 1870, 8°, 716 стр.

Раугнеру, читают курсы по 8, 10 и даже 12 часовъ въ недѣлю. Эти курсы нисколько не походятъ на тѣ большія, строго обработанныя и тонко отдѣланныя лекціи, которыя требуютъ у нашихъ профессоровъ столько же труда на ихъ приготовленіе, сколько нужно для составленія академической рѣчи. Это спеціальныя детальныя занятія со студентами, которые записываютъ каждое слово учителя, такъ какъ въ каждомъ они находятъ указанія, полезныя для работы. Такимъ образомъ установились въ Германіи серьезные школьные нравы въ университетахъ, въ которыхъ мы всегда находимъ для каждой вѣтви человѣческихъ знаній по нѣскольку выдающихся профессоровъ, а вокругъ каждаго группируются многочисленные ученики. Во Франціи же рядомъ съ краснорѣчивыми профессорами, привлекающими въ свою аудиторію сотни слушателей, мы видимъ замѣчательныхъ ученыхъ, у которыхъ часто также мало учениковъ, способныхъ впослѣдствіи замѣнить ихъ, какъ и критиковъ, умѣющихъ отмѣтить ихъ ошибки, и многимъ каѳедрамъ угрожаетъ остаться пустыми, когда покинутъ ихъ занимающіе ихъ высокіе представители науки, за неимѣніемъ въ средѣ малочисленныхъ учениковъ выдающихся учителей, достойныхъ преемниковъ имъ".

Я привелъ подлинныя слова министра въ оффиціальномъ докладѣ главѣ государства, такъ какъ съ одной стороны можно ручаться, что въ нихъ нѣтъ преувеличенія въ худую сторону, а съ другой въ нихъ очень ярко рисуется основной недостатокъ организаціи высшаго факультетскаго образованія во Франціи въ это еще недавнее отъ насъ время. Это были факультеты безъ студентовъ, въ которыхъ произносились краснорѣчивыя рѣчи смѣшанной публикѣ, но не было чисто научнаго общенія, ученой школы, спеціальной работы учителя съ учениками. Правда, встрѣчались уже и тогда въ нѣкоторыхъ факультетахъ профессоры, устраивавшіе рядомъ съ публичными курсами для широкой публики (grande leçon d'apparat), спеціальныя лекціи (petite leçon). Первымъ, дѣлавшимъ такія попытки, надо назвать извѣстнаго профессора литературы *Сен-Марк-Жирардена* [6]) и особенно филолога *Ежера (Egger)*, который всегда приглашалъ къ

---

[6]) „Моя „малая лекція" въ Сорбоннѣ, говоритъ онъ, отличается отъ „большой" главнымъ образомъ однимъ: въ первой, которая обыкновенно посвящается чтенію какого-нибудь текста, я работаю передъ глазами своихъ учениковъ и учу ихъ работать; во второй я приношу имъ свою работу уже готовою". Слова эти я нашелъ въ очень интересномъ отчетѣ вывѣшняго попечителя Парижскаго учебнаго округа (Vice-Recteur de l'Académie de Paris) Octave Gréard, L'enseignement supérieur à Paris en 1881 Paris (Delalain), 4°, 1882. Въ изложеніи выдающагося представителя современной французской учено-педагогической

себѣ своихъ наиболѣе постоянныхъ слушателей, давалъ имъ совѣты, руководилъ ихъ занятіями, читалъ частныя лекціи на дому и такимъ образомъ обращалъ ихъ въ настоящихъ учениковъ. О *Мишлэ* также говорятъ, что когда онъ преподавалъ въ *Collège de France*, онъ старался всегда окружить себя нѣсколькими постоянно работавшими учениками, съ которыми собственно и занимался. Но попытки эти оставались единичными, въ общемъ же факультетское преподаваніе исчерпывалось чисто ораторскими публичными лекціями-рѣчами [7]).

Дюрюи, какъ видно изъ приведенной выписки, хорошо понялъ корень зла и твердо рѣшился начать борьбу съ нимъ, положить основаніе настоящей научной организаціи преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, учредить систему правильной научной работы профессоровъ съ постоянными слушателями, создать библіотеки и лабораторіи. Чтобы подготовиться основательно къ предпринимаемому серьезному дѣлу, онъ пожелалъ собрать возможно болѣе полныя и широкія свѣдѣнія о положеніи высшаго образованія за-границею. Французскіе посланники и консулы получили программы вопросовъ, на которые должны были дать подробные фактическіе отвѣты; посылались для изученія дѣла спеціальныя лица въ разныя страны. Вскорѣ стали прибывать въ министерство отчеты и очерки, между которыми можно найти очень интересныя работы [8]). Вся эта предварительная ра-

---

администраціи мы находимъ много любопытныхъ фактовъ и точекъ зрѣнія по интересующему насъ вопросу.

[7]) См. выше названную статью P. Frédéricq въ „Revue intern. de l'enseignem.". 1883, t. II, p. 761 (Juillet).—Исключеніе изъ такой общей характеристики надо, впрочемъ, сдѣлать для Ecole des Chartes, основанной въ 1821 г. и прочно устроенной въ 1847, гдѣ преподаваніе ведется по строго-научной системѣ професорами-спеціалистами, обращающимися къ опредѣленнымъ ученикамъ, которые проходятъ опредѣленный курсъ и обязаны производить опредѣленныя работы. Но она не даетъ широко-историческаго образованія, а является лишь спеціальною школою, подготовляющею архивистовъ-палеографовъ.

[8]) Таковъ напр. прекрасный этюдъ о Кенигсбергскомъ Университетѣ, принадлежащій перу французскаго вице-консула въ этомъ городѣ, Даза (Dahse). Для изученія нѣмецкихъ университетовъ вообще, а также бельгійскихъ и голландскихъ, былъ спеціально командированъ профессоръ историко-филологическаго факультета въ Дуэ, Карлъ Гиллебрандъ. Результатомъ его поѣздки явилась книга: Karl Hillebrand, „De la réforme de l'enseignement supérieur" (Paris, Germer-Baillère. 1868, 12°), въ которой рисуется сравнительная картина французскаго и нѣмецкаго университетскаго строя, и ставятся главныя задачи реформы. Далѣе существуетъ также интересный отчетъ Деможо и Монтюси объ изученіи ими Англійскихъ университетовъ (Demogeot et Montucci, „De l'enseignement supérieur en Angleterre et en Ecosse". Rapport. P. 1870, 8°). См. также отчетъ C. Hippeau, „L'instruction publique aux Etats unis" (P. 1869, 8°); въ слѣдующіе годы имъ были представлены такіе же отчеты объ организаціи

бота подготовляла реформу высшаго образованія. Но главныя трудности заключались въ томъ, какъ практически приступить къ ней, какъ тронуть факультеты, большинство профессоровъ которыхъ крѣпко держалось старыхъ порядковъ. Не рѣшаясь идти на проломъ, министръ придумалъ путь, какъ обойти препятствіе: онъ не коснулся факультетовъ, но основалъ рядомъ съ ними *Ecole pratique des hautes études* (1868). Говорятъ, что при этомъ онъ сказалъ съ тонкою шуткою: „Факультетъ—старая, но еще крѣпкая стѣна, которую я не въ силахъ свалить; но я посѣю въ одной изъ ея расщелинъ Практическую Школу и расчитываю, что корни молодого растенія проникнуть въ глубину старой стѣны и довершатъ ея разрушеніе".

Подробное описаніе историческаго преподаванія въ *Ecole des hautes études* будетъ предметомъ слѣдующаго моего очерка; теперь скажу лишь вскользь, что въ ней дѣлалась первая попытка настоящаго научнаго преподаванія исторіи молодыми профессорами, чуждыми старой рутины, вносившими въ дѣло свѣжій духъ новизны и реформы, новыя идеи и методы, которымъ они выучились за-границей, преимущественно въ Германіи, но въ примѣненіе которыхъ они вносили ту оригинальность и блескъ, тотъ ясный умъ и ту особенную тонкость, не чуждую ни глубины, ни силы, которыя всегда характеризуютъ французскій геній. Профессоры обращались тамъ къ опредѣленной аудиторіи студентовъ, записанныхъ и проходящихъ правильный курсъ въ систематической послѣдовательности и посвящающихъ себя научной дѣятельности, для подготовки къ которой они не находили раньше хорошей школы. Ecole des hautes études положила основаніе новой эрѣ въ организаціи высшаго образованія во Франціи, показала первый весьма удачный примѣръ примѣненія новаго „научнаго" метода вмѣсто стараго „ораторскаго" и должны были пробудить въ людяхъ, кому дороги были интересы развитія французской науки, еще болѣе широкую инициативу преобразованія и стремленіе распространить его и на организацію факультетовъ.

2.

Дюрюи не успѣлъ этого сдѣлать [9]); страшное народное бѣдствіе 1870—71 гг. остановило на время реформу. Молодая республика въ первые годы существованія должна была заботиться о другихъ дѣ-

образованія въ Германіи, Англіи и Италіи; и отчетъ A. Wurts, „Les hautes études pratiques en Allemagne". P. 1870, 4°.

[9]) См. краткія данныя о попыткахъ Дюрюи сдѣлать нѣкоторыя улучшенія и въ организаціи факультетовъ въ книгѣ Lavisse, „Questions d'enseignement national", p. 15.

лахъ, казавшихся болѣе насущными. Но вопросъ долженъ былъ снова возникнуть. Въ министерство Валлона (перв. полов. 70-хъ годовъ) вниманіе высшей администраціи уже обратилось къ факультетамъ. А съ 1875 г. стали раздаваться болѣе смѣлые и рѣшительные голоса съ требованіемъ преобразованія факультетовъ на научныхъ началахъ. Прекраснымъ выраженіемъ и ясною формулою того, чего добивались тогда молодые ученые и профессора, одушевленные стремленіемъ создать для французскаго юношества настоящую научную школу, можетъ служить брошюра *Г. Моно*, одного изъ дѣятельнѣйшихъ преподавателей *Ecole des hautes études* и сотрудника Дюрюи, точное заглавіе которой я выписалъ выше [10]): это былъ, какъ не безъ гордости говорилъ мнѣ самъ авторъ, „первый ударъ колокола, который сзывалъ ученыхъ людей Франціи къ очень важному дѣлу".

Авторъ прямо и рѣзко заявляетъ, что „во Франціи нѣтъ высшаго образованія". „Во всѣхъ странахъ Европы, продолжаетъ онъ (стр. 12), кромѣ Турціи и Франціи существуютъ университеты, т.-е. большія научныя учрежденія, въ которыхъ представлены всѣ отрасли человѣческаго знанія. Они содержатся государствомъ, учатъ отъ его имени, но пользуются широкимъ самоуправленіемъ. Въ нихъ избранная часть юношества страны заканчиваетъ свое образованіе, получаетъ одновременно и общую умственную культуру, наиболѣе высокую, и спеціальную подготовку, наиболѣе основательную, и гдѣ необходимо пробыть 3—4 года нетолько, чтобы стать профессоромъ, учителемъ, юристомъ, священникомъ или чиновникомъ, но чтобы заслужить названіе образованнаго человѣка". Франція, которая еще въ средніе вѣка выработала замѣчательные образцы университетовъ и завѣщала ихъ новой Европѣ, теперь сама все это потеряла. „А между тѣмъ, какъ огромно значеніе хорошо и твердо организованнаго высшаго образованія! Оно даетъ единство народному духу; оно—центръ, около котораго группируется лучшая часть молодости сраны, гдѣ она завязываетъ отношенія, которыя сохраняются всю жизнь, гдѣ она учится забывать провинціальную, семейную, партійную, религіозную исключительность, все подчинять идеямъ науки и родины. Это единство духа и настроенія распространяется нетолько на тѣхъ, кто учится въ университетахъ, но и на весь народъ, такъ какъ члены преподавательской корпораціи, получившіе подготовку въ университетахъ, а потомъ разсѣявшіеся по гимназіямъ и учительскимъ школамъ и повсюду въ администраціи народнаго просвѣщенія, приносятъ съ собою идеи и методы высшаго образованія. Научный духъ проникаетъ

---

[10]) „De la possibilitè d'une rèforme de l'enseignement surérieur". Появилась первоначально въ „Revue politique et littèraire" (см. 23 Mai 1874).

такимъ образомъ во всѣ слои народа.... Научный духъ — это духъ строгаго различенія, глубокой критики, правильныхъ методовъ мышленія; это подчиненіе сужденія фактамъ, тщательно собраннымъ, терпѣливо изученнымъ и разумно сгруппированнымъ; это любовь и исканіе истины и дѣйствительности во всемъ, ненависть къ предразсудку, рутинѣ и фразѣ. Духъ этотъ также необходимъ въ начальномъ и среднемъ, какъ и въ высшемъ образованіи. По степени его распространенія измѣряется умственная зрѣлость страны; свѣтъ этотъ льется сверху изъ университетовъ на народъ, отъ ученыхъ профессоровъ къ учителямъ, отъ нихъ ко всѣмъ. Современное превосходство Германіи (слова эти, нужно помнить, говорились въ 1874 г.) въ этомъ именно и коренится. Ренанъ говорилъ въ 1867 г., что никто иной, какъ именно германскіе университеты одержали побѣду подъ Садовой. Мы знаемъ теперь, увы, другія поля сраженія, гдѣ также побѣдили нѣмецкіе университеты, и гдѣ они возвратили умственное и нравственное единство странѣ, въ прошломъ которой мы видимъ матеріальное единство постоянно разбитымъ и историческія традиціи порванными". Я выписалъ эти слова, несмотря на ихъ спеціально-французскій патріотическій оттѣнокъ, потому что они проникнуты прекрасною мыслію о первенствующемъ значеніи просвѣщенія вообще и въ частности свободнаго развитія высшаго образованія нетолько для умственнаго, но и для нравственнаго и даже для матеріальнаго развитія страны, для укрѣпленія ея индивидуальности, самосознанія и силы.

Брошюра профессора Моно представляетъ прежде всего попытку объяснить паденіе во Франціи высшаго образованія. Онъ выводитъ этотъ фактъ изъ причинъ историческихъ, отыскивая начало его еще въ до-революціонной Франціи; но онъ касается также причинъ нравственныхъ, кроющихся въ самой жизни современнаго французскаго общества и особенностяхъ національнаго характера француза; и наконецъ матеріальныхъ, связанныхъ главнымъ образомъ съ недостатками университетской организаціи [11]). Затѣмъ авторъ строитъ тео-

[11]) „Нѣкоторые не безъ основанія приписываютъ недостатокъ истиннаго стремленія къ научному образованію во французскомъ юношествѣ необходимостью для него какъ можно скорѣе добиться прочнаго матеріальнаго положенія, чтобы обезпечить свое существованіе въ обществѣ, ряды котораго очень сжаты, жизнь дорога, а потребности высоки. Спросите у молодого человѣка, къ какой карьерѣ онъ себя предназначаетъ. Онъ назоветъ ремесло, которое будетъ дѣлать, скажетъ, что онъ будетъ адвокатомъ, учителемъ, торговцемъ. Поставьте тотъ же вопросъ студенту нѣмецкаго университета. Онъ отвѣтитъ вамъ указаніемъ на науки, которыя изучаетъ, скажетъ, что онъ хочетъ быть юристомъ, историкомъ, химикомъ, филологомъ. Развѣ нѣмцы менѣе корысто-

ретическій планъ реформъ, ставя его на принципіальную почву и охватывая имъ всю систему высшаго образованія. Наконецъ обращаясь къ практической сторонѣ вопроса, онъ указываетъ необходимый немедленный минимумъ реформъ и намѣчаетъ дальнѣйшую ихъ послѣдовательность и конечную цѣль. Я не могу останавливаться на разборѣ взглядовъ Моно, такъ какъ не имѣю въ виду дать очеркъ исторіи высшаго образованія во Франціи или критически разсмотрѣть его съ принципіальной стороны [12]); но мнѣ нужно упомянуть о главныхъ пунктахъ его практическаго плана реформъ, такъ какъ до извѣстной степени онъ легъ въ основу той организаціи факультетскаго преподаванія, которая дѣйствуетъ теперь.

Для прочнаго обезпеченія коренной реформы высшаго образованія Моно считаетъ безусловно необходимымъ уничтоженіе отдѣльныхъ факультетовъ, разбросанныхъ по многочисленнымъ большимъ и малымъ городомъ Франціи, часто бѣдныхъ и слабыхъ, всегда разобщенныхъ, имѣющихъ жалкое число слушателей и рѣдко оказывающихъ на край сколько-нибудь глубокое умственное вліяніе; они должны быть замѣнены *полными университетами*, которые будутъ учреждены въ главныхъ центрахъ въ видѣ большихъ, богатыхъ и могущественныхъ очаговъ высшей умственной культуры. Они должны будутъ обладать самою широкою научною и административною автономіею, правомъ полнѣйшей свободы самостоятельно привлекать къ себѣ преподавательскія силы и полною свободою преподаванія, чисто научнаго, чуждаго какихъ бы то ни было практическихъ цѣлей и дающаго лишь ученыя степени. Университеты эти должны будутъ объединять въ себѣ учащееся юношество страны, независимо отъ происхожденія и взглядовъ, независимо отъ практическихъ расчетовъ на почвѣ безусловно безкорыстныхъ и совсѣмъ свободныхъ научныхъ интересовъ. Несомнѣнно, это реформа огромная, которая можетъ быть осуществлена лишь постепенно въ теченіе очень многихъ лѣтъ [13]); но въ видѣ перваго шага къ ней Моно указываетъ рядъ

любивы, чѣмъ французы? Нисколько! Но условія, среди которыхъ они ростутъ— совсѣмъ другія. Для учениковъ нашихъ высшихъ школъ наука представляетъ не что иное, какъ приготовленіе къ экзаменамъ, которые откроютъ имъ доступъ къ профессіи; нѣмецкій студентъ отдается въ университетѣ занятіямъ, въ которыхъ окончательный экзаменъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе, и которыя сами въ себѣ имѣютъ смыслъ (Monod, p. 20, 21)“.

[12]) Всѣмъ интересующимся университетскимъ вопросомъ, я очень рекомендую познакомиться съ этой брошюрой. Очень интересно въ ней между прочимъ опредѣленіе *принциповъ университетскаго преподаванія* и той роли которую должны въ обществѣ играть университеты (см. стр. 12 и сл.).

[13]) Она до сихъ поръ не сдѣлалась еще дѣйствительностью. Напротивъ

мѣръ, которыя могутъ быть довольно просто осуществлены внутри факультетовъ при современной ихъ общей организаціи, и уже окажутъ существенное вліяніе для установленія новаго научнаго духа въ преподаваніи.

„Цѣль высшаго образованія, формулируетъ нашъ авторъ (стр. 30), съ одной стороны развивать и поддерживать вкусъ и традицію безкорыстнаго научнаго изслѣдованія, съ другой—объединять духовныя стремленія народа, являясь центромъ и источникомъ его умственной жизни“. Цѣли эти во Франціи не достигаются въ виду того, что нѣтъ въ факультетахъ ни серіозныхъ студентовъ, ни серіознаго преподаванія. Стало быть, надо дать прежде всего факультетамъ настоящихъ учениковъ. Сдѣлать это возможно, обязавъ всѣхъ юношей, готовящихся къ учительскимъ и профессорскимъ карьерамъ, непремѣнно проходить черезъ факультеты, работая тамъ впродолженіе, по крайней мѣрѣ, трехъ лѣтъ подъ руководствомъ профессоровъ [14]),

---

того, проектъ основанія университетовъ, очень умѣренный и уже утвержденный Палатою Депутатовъ, почти похороненъ Сенатомъ. Такъ что друзьямъ радикальной реформы высшаго образованія, которые были далеко не удовлетворены и самымъ проектомъ, приходится начинать всю борьбу опять сначала. См. объ университетской реформѣ во Франціи книгу L. Liard, „Universités et Facultés“ (Paris, Colin, 1890) и цѣлый рядъ статей въ „Revue internationale de l'enseignement“, „Revue des deux Mondes“ и др. за 1890—91 гг. — Тотъ же L. Liard, который стоитъ теперь во главѣ совѣта по высшему образованію въ Мин. Нар. Просв., предпринялъ обширный трудъ „L'enseignement supérieur en France“. Пока вышло 2 тома (это будетъ историческій обзоръ за столѣтіе 1789—1889).

[14]) Нужно замѣтить, что во Франціи далеко не все юношество интеллигентнаго или состоятельнаго класса проходитъ черезъ высшее образованіе. Степень *бакалавра* считается достаточною для допущенія къ очень многимъ общественнымъ должностямъ, и гимназія (лицей) является обычною рамкою, въ которой проходитъ, и которою оканчивается школьная жизнь средняго француза этихъ классовъ. (Нужно, впрочемъ, пояснить, что гимназическій курсъ во Франціи шире и обученіе гораздо лучше, чѣмъ у насъ). Только техническіе процессы, требующіе спеціальной подготовки, привлекали къ высшему образованію, и потому медицинская и различныя инженерныя школы имѣютъ уже давно многочисленныхъ учениковъ. Для поступленія на нѣкоторыя государственныя мѣста требуются спеціальные экзамены, что заставляло часть будущихъ чиновниковъ посѣщать курсы юридической школы. Но историко-филологическій и физико-матем. факультеты, не подготовляющіе къ жизненнымъ карьерамъ, оставались почти пустыми: во вторые шли, по крайней мѣрѣ, немногіе истинные любители наукъ, первые не представляли интереса и для такихъ исключеній. Гдѣ же подготовлялись къ будущей дѣятельности учителя? Немногіе лучшіе въ Высшей Нормальной школѣ. Большинство нигдѣ. Они пристраивались немедленно послѣ полученія степени бакалавра къ младшимъ классамъ лицея и проходили тамъ пятилѣтній stage въ качествѣ помощниковъ преподавателей или надзирателей, т.-е. брались за дѣло, на которое не были способны,

облегчивъ возможность удовлетворенія этому правилу для бѣднѣйшихъ учрежденіемъ стипендій. Это несомнѣнно повліяетъ и на самый духъ преподаванія. „Факультетскіе профессора, имѣя передъ собою постоянную и серіозную аудиторію, измѣнятъ характеръ своихъ курсовъ: вмѣсто того, чтобы стремиться забавлять или восхищать толпу, они будутъ стремиться учить небольшую группу студентовъ, которые потомъ, ставъ учителями, можетъ быть, администраторами, будутъ вносить въ школу, управленіе и общество научный, серіозный духъ, который воспитаетъ въ нихъ факультетское образованіе". Вслѣдъ за этимъ должны быть приняты по мнѣнію Моно, и другія мѣры: глубокія измѣненія въ планахъ преподаванія, закрытіе курсовъ для посторонней публики и предоставленіе ихъ записавшимся студентамъ; увеличеніе числа часовъ, отводимыхъ для каждаго курса, измѣненіе ихъ характера въ истинно ученый; увеличеніе числа профессорскихъ каѳедръ и широкое развитіе приватъ-доцентуры; свобода выбора для профессора предмета курса, для студента посѣщаемыхъ лекцій; коренное преобразованіе системы экзаменовъ и освобожденіе университетскихъ профессоровъ отъ ихъ производства. Всѣ эти измѣненія, логически между собою связанныя и вытекающія одно изъ другаго, заканчиваетъ авторъ (стр. 9), должны привести въ концѣ концовъ къ высшей цѣли—т.-е. объединенію факультетовъ въ большіе университеты, широко самоуправляющіеся (хотя и вспомоществуемые государствомъ и находящіеся подъ его наблюденіемъ), одушевленные взаимно духомъ благороднаго и плодотворнаго соревнованія на полѣ служенія наукѣ. А все это въ результатѣ подыметъ французскую науку, расширитъ умственное и нравственное развитіе французскаго общества [15]).

Голосъ г. Моно о необходимости серьезной реформы высшаго образованія во Франціи не былъ одинокимъ; онъ собственно даже не подымалъ вопросъ, а только давалъ первое вполнѣ ясное обнаруже-

---

которое портили и которое деморализовало ихъ и мѣшало основательно готовиться къ будущему экзамену на учительскую степень (нужно напомнить къ тому же, что они нигдѣ не могли найти настоящаго руководства для такого приготовленія). Моно говоритъ объ этомъ съ горечью (стр. 25). Лависсъ приводитъ очень любопытные примѣры того, до какой степени до реформы факультетовъ подготовка учителей была предоставлена случаю („Questions de l'enseignement national", p. 7—14). Каждому интересующемуся стоитъ прочесть эти страницы, чтобы представить себѣ, какой хаосъ царствовалъ въ организаціи высшаго образованія во Франціи еще недавно, и чтобы еще лучше оцѣнить то благо, которое оказала уже странѣ реформа.

[15]) См. послѣдовательное развитіе и аргументацію этихъ мыслей у Моно на стр. 29 и слѣд.

ніе назрѣвшей настоятельной потребности, для удовлетворенія которой говорили, писали и работали почти всѣ выдающіеся ученые люди Франціи, имѣющіе отношеніе къ высшему преподаванію. Они дѣйствовали словомъ и примѣромъ, работая въ *Ecole des hautes études*, стараясь придать болѣе научный характеръ лекціямъ въ *Collège de France* и въ обоихъ факультетахъ, вліяя на министерство народнаго просвѣщенія своимъ авторитетомъ и личнымъ участіемъ въ совѣтахъ и комиссіяхъ, а также на школьное законодательство. Они сгруппировались вмѣстѣ, чтобы соединить силы и систематизировать трудъ въ особое учено-педагогическое общество—*Société de l'enseignement supérieur*. Оно разрабатывало всѣ очередные теоретическіе и практическіе вопросы, устраивало собранія, давая имъ широкую гласность, дѣйствовало черезъ печать, наконецъ основало свой періодическій органъ—*Revue internationale de l'enseignement* [16]). Въ числѣ главныхъ сотрудниковъ этого чрезвычайно интереснаго (до сихъ поръ существующаго) журнала мы видимъ знаменитыя имена Пастера, Бертело, Поля Бера, Тэна, Фюстель-де-Куланжа, Гастона Париса, Мишэля Бреаля [17]), Гастона Буасье, Сореля, а также менѣе громкія, но также весьма почтенныя имена Лависса, Моно, Ліара и др. Въ числѣ статей помѣщенныхъ въ немъ въ различные годы, мы находимъ много интересныхъ теоретическихъ, критическихъ, историческихъ и описательныхъ работъ по различнымъ вопросамъ высшаго образованія во Франціи и другихъ странахъ.

Французы по своему національному типу представляютъ много весьма существенныхъ недостатковѣ. Однимъ изъ главныхъ является преувеличенное стремленіе общества къ матеріальному наслажденію и легкое подчиненіе большинства рутинѣ, выработаннымъ формамъ. И то, и другое есть обратная сторона вліянія большого богатства съ одной стороны и высокой культуры съ другой. Но эти недостатки, крупные и отталкивающіе, ослабляются тѣми блестящими свойствами ума и характера, которые всегда обнаруживаетъ въ критическіе моменты лучшая часть интелигентнаго меньшинства: оно всегда умѣетъ понять національную бѣду или ошибку, увлечься идеальнымъ стремленіемъ побѣдить сознанное общественное зло, съ пылкою энергіею и страстнымъ патріотизмомъ работать для борьбы съ нимъ и успокаивается лишь послѣ уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, ослабленія зла. У насъ до сихъ поръ многіе склонны смотрѣть на французовъ,

---

16) Paris, Masson, 12 книжекъ въ годъ.

17) См. прекрасныя главы, посвященныя высшему образованію въ двухъ книгахъ. Michel Bréal. 1) L'instruction publique en France. P. 1872, и 2) Excursions pédagogiques. P. 1882.

какъ на націю, которая бросается, очертя голову, на путь всеобщей ломки и разрушенія. Тѣ, которые посмотрятъ на нынѣшнюю Францію сами, напротивъ того часто удивляются ея консерватизму и рутинерству, о которыхъ я только что говорилъ. На самомъ же дѣлѣ она во многихъ отношеніяхъ даетъ намъ рѣдкій примѣръ страны, въ которой консервативное большинство, цѣпко держащееся старыхъ традицій или пріобрѣтенныхъ формъ, постоянно побѣждается вліяніемъ прогрессивнаго меньшинства, понимающаго новыя потребности и выдвигающаго новыя задачи. Такая комбинація общественныхъ силъ ведетъ Францію къ развитію, и можно быть увѣреннымъ, что несмотря на тотъ кризисъ и застой, который она видимо переживаетъ теперь, для нея откроются опять пути разносторонняго и богатаго прогресса. Въ частности въ интересующемъ насъ вопросѣ организаціи общественнаго воспитанія способность современныхъ французовъ къ постоянному прогрессу сказывается очень сильно. Стоитъ вспомнить, что сдѣлано въ послѣдній періодъ ея исторіи послѣ 1870 года для распространенія и улучшенія начальнаго, средняго и высшаго образованія; чтобы согласиться съ этимъ, стоитъ прослѣдить за блестящимъ успѣхомъ французской науки, дабы это стало совсѣмъ очевиднымъ [18]), хотя несомнѣнно слѣдуетъ прибавить, что сдѣлать остается еще не мало и въ данной частной области.

3.

Еще въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ въ факультетскомъ преподаваніи все шло по старому. Слова проф. Лависса, который какъ разъ въ это время былъ переведенъ въ Сорбонну изъ Высшей Нормальной Школы, очень ясно выражаютъ, насколько такіе порядки мало удовлетворяли серьезнаго преподавателя. „Я очень живо чувствовалъ честь, которая мнѣ была сдѣлана, говоритъ онъ; но мнѣ пришлось пережить трудныя минуты въ первые мѣсяцы моего преподаванія въ Парижскомъ историко-филологическомъ факультетѣ. Дѣло происходило во второмъ семестрѣ 1879—80 г. Перенесенный сразу изъ аудиторіи Высшей Нормальной Школы, гдѣ профессоръ живетъ въ тѣсномъ общеніи съ учениками, я чувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ въ огромныхъ амфитеатрахъ, гдѣ приходилось теперь читать; и хоть у меня нѣтъ никакого отвращенія къ публичному слову, хоть я вовсе не от-

---

[18]) См. для изученія успѣховъ въ организаціи общественнаго образованія во Франціи въ новѣйшій періодъ, прекрасный трудъ Octave Gréaud, Education et instruction. Paris, Hachette, 1887, 4 v. 16°.

носился съ равнодушіемъ къ обязанности преподавать анонимной аудиторіи, мнѣ все-таки казалось, что жизнь моя лишится чего-то дорогого и высоко привлекательнаго, если я не буду по прежнему тѣсно окруженъ группою молодыхъ головъ, и если для меня потеряна будетъ возможность вызывать въ нихъ то тонкое чувство почтительной привязанности, которое соединяло каждаго изъ насъ съ его учителями. Я закончилъ свою вступительную лекцію убѣдительнымъ приглашеніемъ желающихъ изъ моихъ слушателей стать моими дѣйствительными учениками, т.-е. вмѣстѣ работать. Никто изъ присутствующихъ не отвѣтилъ на мой призывъ. Это было для меня настоящимъ горемъ. Но такъ и закончился годъ" 19).

На слѣдующій годъ уже проведена была факультетская реформа. Я буду говорить о ней лишь насколько дѣло относится къ историческому преподаванію и намѣчу ее лишь въ общихъ чертахъ: не выяснивъ нѣсколько ея сущности, нельзя отчетливо описать характеръ современнаго историческаго преподаванія въ Сорбоннѣ 20).

Надо дать хорошую элементарно-научную школу будущимъ учителямъ и профессорамъ исторіи прежде всего, а также людямъ, которые думаютъ впослѣдствіи посвятить себя спеціально ученымъ изслѣдованіямъ или даже тѣмъ, которые, предназначая себя общественной службѣ или политической дѣятельности, желали бы получить настоящее научно-историческое образованіе. Такова основная цѣль реформы. „Высшая Нормальная Школа", благодаря ограниченности состава своихъ учениковъ, не можетъ удовлетворить этой цѣли; гимназическій курсъ, завершаемый государственнымъ экзаменомъ зрѣлости и званіемъ *bachelier ès lettres*, недостаточенъ. Такою школою должны быть историко-филологическіе факультеты. Преподаваніе въ нихъ необходимо слѣдуетъ приспособить къ такой именно цѣли. Факультетскіе курсы должны обращаться къ опредѣленнымъ студентамъ, ищущимъ серьезнаго историческаго образованія и желающимъ пройти основательную школу. Закрыть весь курсъ для посторонней публики

---

19) Quest. de l'enseignement national.

20) Познакомиться съ сущностью реформы и ходомъ ея изъ года въ годъ можно, пересмотрѣвъ соотвѣтствующіе годы Revue int. de l'ens., въ которомъ ведется очень обстоятельная хроника учебнаго дѣла, печатаются главные оффиціальные документы и постоянно помѣщаются статьи, выясняющія и комментирующія, а также и подготовляющія реформы и указывается библіографія. Для знакомства съ современною организаціею факультетовъ полезно изданіе министерства „Annuaire de l'instruction publique pour l'année 1889", t. II, а также „Annuaire de la jeunesse", издающійся ежегодно „Vuibert" (первый годъ 1890) и очень важная справочная книга „Livret de l'étudiant à Paris" (которая съ нынѣшняго года будетъ выходить также ежегодно).

реформа не рѣшалась или не нашла нужнымъ. Значительная часть ихъ остаются публичными (cours publics), хотя и они имѣютъ въ виду преимущественно студентовъ, которые составляютъ постоянный контингентъ ихъ посѣтителей. „Такія лекціи, говоритъ Лависсъ (Questions de l'ens., p. 25), полезны для всѣхъ... Это умственная школа, широко открытая и поддерживающая въ обществѣ интересъ къ наукѣ. Они оказываютъ услуги и самому профессору, и студентамъ. Профессоръ въ спеціальномъ курсѣ находится въ интимной домашней обстановкѣ, онъ занимается, какъ работникъ, съ своими учениками, обучая ихъ техникѣ дѣла. Публичный курсъ побуждаетъ его искать болѣе совершенной формы, излагать не ходъ своихъ изслѣдованій, а ихъ результаты, хорошо строить цѣлое, заботясь о его гармоніи, группируя матеріалъ, избѣгая загромождающихъ подробностей; онъ долженъ показать въ нихъ студентамъ, что необходимо послѣ долгой подготовительной работы, послѣ того какъ матеріалъ собранъ и изученъ, искусно сгруппировать и обобщить его, выстроивъ изъ него цѣльное зданіе".

Но рядомъ съ такими публичными курсами, изучающими научнымъ образованіемъ послѣдніе результаты историческихъ изслѣдованій, учреждены были курсы закрытые (*cours fermés*, *conférences)*, къ слушанію которыхъ допускаются лишь записавшіеся (записи, впрочемъ, производятся свободно и буквально) и которые представляютъ собою различнаго рода практическія упражненія (семинаріи) или спеціальную разработку отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ, имѣющія цѣлью знакомить слушателей съ самыми методами историческихъ изслѣдованій [21]). Зерномъ *студентовъ* — понятія совершенно новаго въ факультетахъ — должны быть правительственные стипендіаты на учительскія должности [22]); вокругъ нихъ будутъ группироваться ищущіе учительства или профессорства на свой собственный счетъ и далѣе желающіе всякаго рода, стремящіеся къ серьезному историческому образованію и добивающіеся ученыхъ степеней.

Поступать въ факультетъ, т.-е. записываться на спеціальные курсы и допускаться къ университетскимъ экзаменамъ будутъ молодые люди, получившіе по окончаніи гимназіи (lycée) званіе *bachelier ès lettres* [23]). Имъ рекомендуется въ теченіе двухъ лѣтъ слушать

---

[21]) О характерѣ закрытыхъ курсовъ въ нхъ идеѣ см. подробно у Lavisse, Quest. de l'ens. nat. p. 50 et suiv.

[22]) Такія стипендіи были учреждены первоначально въ министерство Ваддингтона въ 1877 г., потомъ расширены въ первое министерство Жюля Ферри. См. ст. Frédéricq, Rev. int. de l'ens. 1883, Juillet, p. 779.

[23]) Женщины имѣютъ равныя права съ мужчинами; иностранные дипломы соотвѣтствующаго характера принимаются во вниманіе.

профессорскіе курсы по исторіи, а также по классической и національной филологіи, литературѣ и философіи, а затѣмъ разрѣшается приступить къ экзамену на степень *licencié en histoire*. Полученіе ея даетъ право готовиться дальше и приступить опять черезъ два года послѣ еще прослушаннаго ряда соотвѣтствующихъ, болѣе серьезныхъ и спеціальныхъ лекцій къ экзамену на степень *agrégé en histoire*, которая представляетъ собою учительскій дипломъ для преподаванія въ среднихъ школахъ [24]). Такимъ образомъ нормальный университетскій курсъ для будущаго учителя гимназіи является четырехъ годичнымъ; онъ разбивается на двѣ половины экзаменомъ *licence* и заканчивается *agrégation*. Профессорская и учебная карьера проходится обыкновенно въ томъ же порядкѣ. Степень „licencié" обязательна для будущаго доктора; но онъ предпочитаетъ также въ большинствѣ случаевъ пройти черезъ „agrégation" (хотя и не обязательно для докторства) и пробыть нѣсколько лѣтъ преподавателемъ средне-учебныхъ заведеній, прежде чѣмъ представить двѣ диссертаціи, одну латинскую, другую французскую, которыя требуются во Франціи для полученія докторства, и затѣмъ профессуры (Особаго докторскаго устнаго экзамена во Франціи нѣтъ). Правда, законъ не нашелъ возможнымъ запретить кандидатамъ на *licencié* представляться къ экзаменамъ по окончаніи перваго факультетскаго года, а кандидатамъ на *agrégation* послѣ второго, но такъ какъ экзамены эти сложны и

---

[24]) Я не могу останавливаться на характеристикѣ и анализѣ состава этихъ экзаменовъ, такъ какъ это не относится прямо къ моей задачѣ, и я боюсь затянуть изложеніе и безъ того черезъ-чуръ разросшееся. Скажу только, что licence en histoire есть довольно обширное испытаніе, состоящее изъ многочисленныхъ письменныхъ и устныхъ отвѣтовъ, какъ по общимъ (историко-филологическимъ), такъ и по спеціальнымъ (историческимъ) предметамъ, которые должны дать удостовѣреніе въ степени серіозности общаго высшаго образованія кандидата и его общей способности его къ преподаванію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ низшаго типа (collèges). Agrégation en histoire есть конкурсный экзаменъ на право преподаванія въ гимназіяхъ (лицеяхъ), для выдержанія котораго требуется показать (опять въ цѣломъ рядѣ письменныхъ и устныхъ испытаній) основательное знакомство съ исторіею и способность, какъ преподавать ее, такъ и производить научныя изслѣдованія. Кромѣ экзамена для полученія степени agrégé необходимо представить диссертацію, т.-е. научную обработку небольшой исторической темы. Желающіе познакомиться съ вопросомъ подробнѣе могутъ обратиться для общей характеристики экзаменовъ къ статьѣ Fredericq, l. c. p. 778—81, книгѣ Lavisse, Questions d'enseignement nat. p. 28 и къ его же ст. „Le concours pour l'agrégation d'histoire" въ Rev. int. de l'ens. 1881, t. I, p. 137, Fevr. См. также ст. Geffroy въ Rev. des deux Mondes 1 Déc. 1880. Программы этихъ экзаменовъ, которыя каждый годъ мѣняются, печатаются у книгопродавца Delalain. (Примѣрный образецъ для 1891—92 г. можно найти въ „Livret de l'étudiant de Paris").

трудны, то можно было думать, что они рѣдко будутъ рѣшаться на такую сложную попытку вопреки факультетской рекомендаціи. Студенты могутъ выбирать лекціи, какія имъ нравятся и проводить ихъ въ той связи и послѣдовательности, которая кажется имъ наиболѣе подходящею. Имъ не навязывается никакая обязательная программа. Чтобы привязать ихъ къ слушанію курсовъ, пріучить ихъ къ новымъ университетскимъ порядкамъ, рѣшено было сдѣлать изъ специальныхъ закрытыхъ лекцій занятія, подготовляющія къ лиценціату и агрегаціи, т.-е. дать имъ практическій интересъ и постепенно подымать научную высоту и серьезность ихъ, не пугая обязанностью.

Таковъ былъ характеръ реформы факультетскаго преподаванія. Она давала студентовъ факультетамъ, она полагала первыя основанія настоящей исторической школы, которую студенты должны были проходить подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ, чтобы стать впослѣдствіи историками, т.-е. либо учителями исторіи, либо факультетскими профессорами, либо учеными спеціалистами. Рядомъ съ кандидатами на учительскія и профессорскія должности приглашались къ слушанію Сорбоннскихъ курсовъ въ дополненіе къ ихъ собственнымъ занятіямъ и воспитанники Нормальной Школы, Ecole des hautes études и Ecole des chartes, и такимъ образомъ создавалось между ними плодотворное общеніе въ работахъ и взаимная помощь.

Для устройства преподаванія по новому типу потребовалось и новое зданіе, и дѣйствительно заложена была *Новая Сорбонна*, а въ ожиданіи ея возведенія устроены были тутъ же около Старой Сорбонны временныя помѣщенія—бараки (*Nouvelles salles Gerson ou baraquements*). Это было деревянное зданіе легкое, свѣтлое, хорошо вентилируемое, составлявшее рѣдкую противоположность съ громадными, темными, душными и грязными амфитеатрами Старой Сорбонны. Студенты-историки имѣютъ въ немъ аудиторію для курсовъ, прекрасно освѣщенную и удобно устроенную, чтобы слушать и записывать; рядомъ съ нею находилась другая зала для работы: это маленькая библіотека со всѣми необходимыми руководствами, классическими трудами и справочными изданіями, въ которой студенты могли оставаться для занятій до вечера, и небольшой, но уютный кабинетъ для профессоровъ, гдѣ студенты легко могли найти ихъ и удобно бесѣдовать. „Такимъ образомъ, говоритъ Фредерикъ (p. 763), который посѣтилъ Сорбонну во второй годъ послѣ преобразованія, въ Парижѣ теперь есть также маленькій историческій институтъ, скромно, но разумно обставленный. Мнѣ казалось, когда я вошелъ туда и пробылъ нѣкоторое время, что я нахожусь въ симпатичномъ помѣщеніи Лейпцигскаго историческаго семинарія“. „Студенты, замѣчаетъ Лависсъ (Quest. de l'ens. p. 24), могутъ смотрѣть на факультетъ, какъ на свое на-

учное жилище; профессоръ также чувствуетъ тамъ себя дома, ему пріятно ощущать себя среди студентовъ, которыхъ онъ знаетъ, съ которыми постоянно работаетъ".

Реформа, о которой я говорю, была впервые приведена въ дѣйствіе въ 1880—81 учебномъ году. Осенью передъ открытіемъ курсовъ студенты были созваны въ большой амфитеатръ Старой Сорбонны и тамъ послѣ краткаго привѣтствія декана каждое отдѣленіе слушало своего вновь назначеннаго „directeur d'études". Для историковъ говорилъ Лависсъ. Со свойственной ему глубиною, теплотой и одушевленіемъ онъ разъяснялъ имъ принципы новой системы преподаванія, призывалъ новое университетское юношество къ серьезному труду. Съ этихъ поръ установился между профессорами прекрасный академическій обычай: въ началѣ каждаго года обращаться къ студентамъ съ такими общими „allocutions", въ которыхъ они выясняли своимъ ученикамъ, что и какъ тѣ должны дѣлать, и къ чему стремиться, что искать въ высшей школѣ, куда они вступаютъ, чего ждать отъ своихъ учителей, какого рода курсы выбирать, въ какомъ порядкѣ и какую при этомъ соблюдать мѣру. Такія слова освѣщали юношамъ дорогу, они ободряли ихъ въ новой обстановкѣ, придавали интимный оттѣнокъ начинающемуся общенію между ними и представителями знанія въ храмѣ науки.

Инниціаторы реформы могли радоваться. „Великія надежды возможны теперь, когда мы видимъ въ нашихъ стѣнахъ это юношество, которое заставляетъ молодить Старую Сорбонну"! восклицаетъ Лависсъ [25]). Положено основаніе серьезной исторической школѣ, которая будетъ принимать въ свои нѣдра любознательное и серьезное юношество, давать имъ солидное историческое образованіе, доставлять Франціи хорошихъ учителей, выдающихся профессоровъ, оригинальныхъ и глубокихъ ученыхъ; а вмѣстѣ съ возрожденіемъ исторической науки будетъ подыматься и національное самосознаніе, и народная мысль. Надобно только, чтобы плодотворный принципъ послѣдовательно и широко развивался по намѣченному направленію". Статья Фредерика и отчетъ о дѣятельности факультета за 1883—84 г. [26]) даютъ понятіе о состояніи преподаванія въ самые первые годы послѣ реформы. Я постараюсь показать на основаніи собственныхъ впечатлѣній, насколько оно развилось къ началу 90-хъ годовъ, т.-е. насколько оправдались надежды.

[25]) См. прекрасную статью его „L'enseignement historique en Sorbonne et l'éducation nationale" (Rev. des deux Mondes, 15 Fevr. 1882), въ которой онъ задается цѣлью разъяснить публикѣ широкіе принципы и значеніе новой системы факультетскаго преподаванія.

[26]) Напечатанъ въ Revu intern. de l'enseignem. 1884, Fevr.

4.

Я посѣщалъ лекціи Сорбонны отчасти въ послѣдній семестръ прошлаго, но главнымъ образомъ въ первый семестръ нынѣшняго (1891—92) учебнаго года (надо замѣтить, что первый семестръ начинается въ Парижѣ въ первой половинѣ ноября и оканчивается въ началѣ апрѣля; второй начинается въ концѣ апрѣля и оканчивается въ началѣ іюля). Впрочемъ, семестральное дѣленіе мало имѣетъ значенія, такъ какъ курсы распредѣляются на цѣлый годъ. Я повторялъ посѣщенія по нѣсколько разъ; если характеръ курса не обнаруживался сразу, я дополнялъ свои впечатлѣнія разспросами профессоровъ и знакомствомъ съ другими подобнаго же рода описательными работами. Я думаю, что составилъ себѣ достаточно вѣрное понятіе о системѣ Сорбоннскаго преподаванія исторіи, и объ особенностяхъ самихъ преподавателей, чтобы рѣшиться подѣлиться съ читателемъ тѣмъ, что я видѣлъ и старался изучить.

Парижскій историко-филологическій факультетъ помѣщается, какъ сказано, въ Сорбоннѣ, расположенной на склонѣ знаменитой еще въ исторіи стараго Парижа горы Св. Женевьевы, вершина которой увѣнчана теперь Пантеономъ. Старая Сорбонна и соприкасающаяся съ нею новая, открытая въ 1889 г., занимаютъ обширный кварталъ между Rue des Ecoles, Rue St. Jacques, Rue Gerson и Rue de la Sorbonne. На первую улицу выходитъ высокій довольно безвкусный фасадъ новаго зданія съ огромнымъ параднымъ входомъ и неуклюжими пиластрами смѣшаннаго стиля. Черезъ Rue de la Sorbonne вы входите, пройдя низкими воротами, на обширный дворъ Старой Сорбонны. Васъ охватываетъ мирно-благоговѣйное настроеніе. Сѣрыя стѣны съ старинными окнами глядятъ серьезно. Направо передъ самыми глазами возвышается красивый куполъ старой церкви съ часами, бой которыхъ каждыя четверть часа нарушаетъ покой двора, обыкновенно пустыннаго; изрѣдка лишь раздаются въ немъ звонкіе удары о мостовую ногъ запоздавшаго на лекцію посѣтителя, и только въ перерывахъ между чтеніями дворъ оживляется молодою толпою студентовъ и слушательницъ, сквозь которую пробираются пожилые любители наукъ обоего пола. Прямо напротивъ отъ воротъ находятся входы въ большіе амфитеатры, налѣво подъ прямыми солнечными часами—двери въ университетскую библіотеку и въ лабиринтъ корридоровъ, соединяющихъ Старую Сорбонну съ новою. Наконецъ въ послѣдней стѣнѣ направо отъ воротъ расположены входы въ Ecole des hautes études.

Подъ воротами расклеены большія афиши съ росписаніемъ лекцій не только Сорбоннскихъ, но вообще всѣхъ государственныхъ высшихъ учебныхъ заведеній Парижа—внѣшній признакъ современнаго сближенія этихъ учебныхъ заведеній вмѣсто прежней ихъ полной разобщенности. На росписаніи лекцій историко-филологическаго факультета мы находимъ длинный списокъ историческихъ курсовъ, читающихся очень многочисленными лицами, которыя названы тутъ вмѣстѣ съ ихъ университетскими званіями—*professeur*, *maître de conférences* (доцентъ), *chargé de cours* (преподаватель), *professeur libre* (приватъ-доцентъ)[27]. Мы сразу замѣчаемъ, сравнивая нынѣшнее росписаніе съ росписаніемъ начала 80-хъ годовъ, что преподаваніе разрослось и привлекло къ себѣ большія силы[28]). Просмотрѣвъ имена профессоровъ, мы не находимъ въ ихъ числѣ ни одного очень громко звучащаго имени, ни одного ученаго таланта первой величины, подобныхъ Ренану, Тэну или Сорелю, которые еще украшаютъ современную французскую науку, или равныхъ по преподавательскому дарованію Фюстель де Куланжу, краснорѣчивый и убѣжденный голосъ котораго еще такъ недавно раздавался въ залахъ Сорбонны, приковывая къ себѣ вниманіе многочисленныхъ слушателей. Но всѣ они чрезвычайно почтенные и въ большинствѣ случаевъ несомнѣнно выдающіеся ученые; между ними нельзя почти найти ни одной посредственности. Словомъ, въ теперешнемъ составѣ профессоровъ исторіи въ Сорбоннѣ мы не можемъ назвать ни одной первоклассной ученой индивидуальности, но средній уровень ученаго достоинства его членовъ очень высокъ.

Буду систематически описывать по порядку читающіеся курсы, кратко характеризуя каждаго преподавателя, а въ концѣ-концовъ попытаюсь намѣтить общее заключеніе. Но прежде чѣмъ переходить къ изображенію отдѣльныхъ курсовъ, скажу примѣнительно ко всѣмъ вообще, что въ числѣ многочисленныхъ преподавателей факультета нѣтъ ни одного безусловно плохого лектора и можетъ быть названо нѣсколько прекрасныхъ. Даръ хорошаго изложенія есть положительно

---

[27]) Всѣ они назначаются министромъ по представленію совѣта факультета (въ Парижѣ всѣ они не только профессора, но и доценты и преподаватели должны имѣть докторскую степень) и отличаются между собою, какъ по получаемому жалованію, такъ и по участію въ факультетскихъ дѣлахъ.

[28]) Въ 1881 г. было 330 записанныхъ студентовъ филологическаго факультета (см. Gréard, Educ. et enseignem. IV, 67); въ 1886 г. число ихъ повысилось до 970 (Ibid.); въ 1889 г. ихъ было уже 1200. Въ 1883 г. читалось 15 публичныхъ и закрытыхъ курсовъ по исторіи (Lavisse, Rev. int. de l'enseignem. 1884, Fevr.); нынѣшній годъ ихъ читается вдвое больше. Измѣненіе характера преподаванія привлекало студентовъ; увеличившееся число студентовъ требовало приглашенія лишнихъ преподавателей.

прирожденное свойство француза, которое, повидимому, въ большинствѣ случаевъ достается ему безъ большого труда. Мнѣ пришлось слышать и въ Сорбоннѣ, и въ Ecole des hautes études студентовъ, превосходно излагавшихъ свои мысли.

Древняя исторія нынѣ представлена въ Сорбоннѣ двумя лицами—ординарнымъ профессоромъ (professeur titulaire), *Бушэ-Леклеркомъ* и преподавателемъ (chargé de cours) *Гиро* (*Paul Guiraud*).

Первый изъ нихъ читаетъ въ Сорбоннскомъ амфитеатрѣ публичный курсъ *исторіи римской республики въ послѣдній періодъ отъ Суллы до Цезаря*. Это извѣстный своими трудами преимущественно по исторіи древней религіи [29]), не старый еще, умный и очень знающій ученый. Какъ лекторъ, онъ принадлежитъ къ числу слабѣйшихъ изъ всѣхъ, которыхъ я слышалъ: говоритъ вяло, слегка на распѣвъ; постройка лекціи довольно шаблонная, характеристики лицъ нѣсколько блѣдныя, одушевленія мало. Содержаніе курса представляетъ подробное фактическое изложеніе исторіи народа, причемъ внутреннимъ событіямъ отдается важное мѣсто; источники указываются и характеризуются профессоромъ тщательно, такъ что, я думаю, начинающій студентъ, который привыкнетъ къ монотонности изложенія, вынесетъ изъ курса не мало полезнаго. Какъ и всѣ другіе профессора Бушэ-Леклеркъ читаетъ кромѣ публичнаго курса и закрытыя лекціи для записавшихся студентовъ-историковъ. Лекціи эти происходятъ въ залахъ перваго этажа Новой Сорбонны, которыя послѣ ея открытія замѣнили въ качествѣ историческаго института временные бараки, описанные мною выше. Въ нынѣшнемъ году онъ посвящаетъ эти лекціи, во-первыхъ, *краткому обозрѣнію греко-римскихъ древностей* для кандидатовъ на *licence*. Оно представляетъ изъ себя не что иное, какъ резюмэ и разъясненіе его же учебника римскихъ государственныхъ учрежденій [30]) съ краткимъ введеніемъ о развитіи государственнаго устройства въ Греціи. Курсъ настолько кратокъ, что, напримѣръ, на одной изъ лекцій, на которыхъ я присутствовалъ, профессору удалось разсмотрѣть источники римскаго права, начиная съ децемвировъ и кончая Юстиніаномъ. Лекція была ясная, но черезъ-чуръ суммарная. Необходимость такого курса профессоръ мотивировалъ въ бесѣдѣ со мною тѣмъ, что студенты являются въ факультетъ очень плохо подготовленными, такъ какъ въ гимназіи они проходятъ древнюю исторію въ среднихъ классахъ, потомъ къ ней больше не возвращаются и страдаютъ отсутствіемъ даже элементарныхъ знаній по

---

[29]) Histoire de la divination dans l'antiquité, 4 v. 1879—82 и Les pontifes de l'ancienne Rome, 1871.

[30]) Manuel des institutions romaines, Paris (Hachette). 1886.

основнымъ вопросамъ. Вотъ почему вмѣсто того, чтобы предлагать имъ самостоятельныя практическія занятія, онъ предпочитаетъ читать имъ дополнительный курсъ, который ввелъ бы ихъ понемногу въ серьезное чтеніе по римскимъ и греческимъ древностямъ.

Другой закрытый курсъ Бушэ-Леклерка заключается въ изученіи изъ *Noctes Atticae* Авла Геллія, какъ историческаго источника, для кандидатовъ на agrégation. При мнѣ профессоръ коментировалъ самъ отрывокъ, трактующій о римскомъ *pomoerium*'ѣ. Лекція была очень хорошая, основательная и оживленная. Профессоръ сначала прочелъ и отчетливо перевелъ текстъ, потомъ приводилъ, анализировалъ и сравнивалъ мнѣнія различныхъ ученыхъ, преимущественно нѣмецкихъ (Моммзена, Ниссена, Гильберта, также Штудемунда, Детлевсена и др.), относясь къ нимъ съ большимъ уваженіемъ (онъ отличный знатокъ нѣмецкой ученой литературы по древнему міру), и въ заключеніе высказалъ свое обобщающее воззрѣніе, сдержанное, хорошо обставленное, основательно аргументированное. Т. о., лекція представляла интересный научный экскурсъ въ область римской топографіи и первоначальной исторіи. Студенты—ихъ было немного (человѣкъ 8)—слѣдили за изложеніемъ съ большимъ вниманіемъ и интересомъ, записывали, предлагали вопросы, на которые профессоръ охотно, обстоятельно и любезно отвѣчалъ, давалъ библіографическія указанія, ставилъ пункты для ихъ самостоятельныхъ работъ. Въ общемъ выходила простая бесѣда слушателей съ профессоромъ, очень полезная для первыхъ, полная важныхъ свѣдѣній для ихъ занятій. Въ концѣ лекціи двое изъ слушателей предложили и были поддержаны остальными—измѣнить характеръ упражненія, т.-е. взять на себя подготовленіе къ каждому разу перевода и комментарія, такъ чтобы профессору оставалось лишь дѣлать дополненія и исправленія. Профессоръ охотно согласился, но замѣтилъ съ добродушною ироніею, что опасается, какъ бы при такомъ способѣ занятій не пришлось застрять на мѣстѣ по случаю возможныхъ болѣзней или внезапныхъ отсутствій будущихъ комментаторовъ, и сослался на опытъ прежнихъ лѣтъ, когда онъ велъ курсъ такимъ образомъ и терпѣлъ неоднократныя крушенія. Студенты дали слово быть аккуратными и на слѣдующій разъ, по крайней мѣрѣ, сдержали обѣщаніе: одинъ изъ нихъ весьма удовлетворительно приготовилъ свой отрывокъ.

Второй преподаватель, *Поль Гиро* [31]), читаетъ въ Новой Сор-

[31]) Авторъ очень хорошаго изслѣдованія „Les assemblées provinciales dans l'empire Romain". P. 1887 и работающій теперь надъ обширнымъ капитальнымъ трудомъ по исторіи земельной собственности въ древней Греціи, который въ первоначальномъ рукописномъ видѣ уже былъ премированъ Академіею нравственныхъ и политическихъ наукъ.

боннѣ также одинъ публичный и два закрытыхъ курса. Публичный курсъ составляетъ продолженіе начатаго имъ еще въ прошломъ году *Общаго обозрѣнія исторіи Римской Имперіи*, которую профессоръ предполагаетъ довести въ нынѣшнемъ году до смерти Марка Аврелія. Замѣчу кстати, что на всѣ курсы, какъ публичные, такъ и закрытые, всѣ профессора удѣляютъ по одной часовой лекціи въ недѣлю, такъ что надо большое, именно французское умѣніе искусно строить и сжато, и выпукло излагать, чтобы можно было въ такое небольшое время сдѣлать нѣчто цѣльное и значительное. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что часовая лекція продолжается въ Парижѣ дѣйствительно 60, а не 40—45 минутъ, какъ у насъ.

Проф. Гиро, молодой еще человѣкъ, однако, съ преждевременно пробивающеюся сѣдиною въ очень черныхъ волосахъ, съ сухимъ энергичнымъ лицомъ южнаго типа и умными, проницательными, нѣсколько суровыми глазами. Читаетъ онъ просто и спокойно, безъ паѳоса и ораторскихъ украшеній, опредѣленно и рѣзко. Строитъ курсъ онъ также въ видѣ фактической исторіи времени, останавливаясь и на внѣшнихъ, и на внутреннихъ событіяхъ войны и мира, жизни государства и общества, религіи и нравовъ. Лекціи носятъ характеръ вполнѣ научнаго руководства по исторіи Римской Имперіи. На одной изъ тѣхъ, которыя я слушалъ, профессоръ говорилъ о послѣднихъ годахъ царствованія Нерона. Изложеніе было пересыпано множествомъ замѣчаній, свидѣтельствующихъ о самостоятельной работѣ и оригинальности взглядовъ ученаго: онъ ясно изображалъ положеніе государства, искусно группируя источники, ярко характеризовалъ и съ большою строгостью судилъ императора, изображалъ бытъ и нравы придворной и аристократической среды, горячо оспаривалъ различныя частныя мнѣнія другихъ ученыхъ. Всѣ лекціи его вообще слушаются съ интересомъ и оставляютъ какое-нибудь новое свѣдѣніе, возбуждаютъ новую мысль. Аудиторія, не очень большая, полна народа: въ числѣ слушателей нѣсколько дамъ и священниковъ.

На спеціальныхъ лекціяхъ Гиро комментируетъ вновь найденный трактатъ *Аристотеля объ аѳинскомъ государствѣ* для кандидатовъ на *licence* и ведетъ практическіе рефераты (leçons) на разныя темы по древней исторіи для подготовленія къ *agrégation*. Студенты (при мнѣ ихъ было человѣкъ 20) заранѣе готовятъ къ переводу и историческому объясненію небольшіе отрывки текста Аристотеля, профессоръ поправляетъ и дополняетъ. Отношеніе его къ ученикамъ совсѣмъ иное, чѣмъ у предыдущаго. Онъ критикуетъ работу съ большою строгостью, даже придирчивостью, лишь неохотно хваля хорошую и тяжело обрушиваясь на недостатки плохой. Тонъ его обращенія рѣзкій и обыкновенно недовольный; замѣчанія часто колкія.

отвѣты нерѣдко саркастическіе. Такое обращеніе очень странно дѣйствуетъ, когда видишь передъ собою хорошаго профессора, работающаго съ учениками надъ научнымъ вопросомъ, ими самими выбраннымъ, тѣмъ болѣе, что самъ Гиро можетъ быть очень любезнымъ: въ моихъ сношеніяхъ съ нимъ я лично, напримѣръ, ничего кромѣ самаго милаго вниманія не встрѣтилъ. Правда, онъ говоритъ, что студенты *первыхъ годовъ*—настоящіе школьники, что никакихъ мыслей о наукѣ у нихъ въ головѣ нѣтъ и дальше экзамена никуда не распространяются ихъ стремленія. Мнѣніе это отчасти подтверждаютъ и другіе профессора, но это однако не мѣшаетъ имъ относиться къ студентамъ снисходительнѣе и мягче и достигать хорошихъ успѣховъ въ занятіяхъ съ ними. Что касается до собственныхъ дополненій Гиро къ комментаріямъ студентовъ, то они замѣчательно хороши. Разъ мнѣ удалось слышать, какъ онъ, ставъ на мѣсто одного изъ своихъ молодыхъ учениковъ, неудачно выполнившихъ задачу, началъ самъ разбирать отрывокъ Аристотеля: изъ его глубокихъ, умныхъ и тонкихъ замѣчаній выстраивалась реальная картина политической и соціальной жизни Аѳинъ въ началѣ II в. и превосходное объясненіе возвышенія Солона и характеръ его власти.

Рефераты, о которыхъ я только что сказалъ, представляютъ у г. Гиро отвѣты на различныя темы по древней исторіи. Я присутствовалъ при разборѣ однимъ изъ кандидатовъ на званіе agrégé одной изъ рѣчей Лисія, на мой взглядъ живо и обстоятельно составленномъ и недурно изложенномъ устно по конспекту. Но профессоръ все же отнесся къ работѣ чрезвычайно строго и объявилъ автору, что туманность (la confusion) составляетъ отличительную черту его мышленія. Профессоръ сообщилъ мнѣ заглавіе нѣсколькихъ подобнаго рода работъ по римской исторіи, которыя онъ предложилъ студентамъ въ нынѣшнемъ году. Привожу ихъ, чтобы дать понятіе о предметахъ такихъ практическихъ упражненій: 1) Этруски, 2) Римскій домъ, 3) Римское государственное устройство по Цицерону, 4) Сципіонъ Африканскій, 5) Изучить по рѣчамъ Цицерона противъ Верреса судебную организацію въ Сициліи, 6) Верцингеторикъ, 7) Изучить по Тациту отношеніе Тиберія къ Сенату, 8) Организація Нарбоннской Галліи въ I в. по Р. Хр., 9) Палатинъ и императорскій дворъ въ первомъ вѣкѣ, 10) Политическіе процессы при Троянѣ по Плинію, 11) Игры въ Римѣ во время имперіи, 12) Епископская власть въ IV в., 13) Стилихонъ.—Какъ видно, темы разнообразныя, но не всегда опредѣленныя (какъ понимать, напр., тему объ Этрускахъ?). Я распрашивалъ профессора, какія задачи онъ ставитъ даннымъ работамъ. Общею цѣлью является подготовка къ тѣмъ устнымъ отвѣтамъ-урокамъ, которые составляютъ главное испытаніе въ кон-

курсѣ на agrégation. Работы эти имѣютъ въ виду либо дать упражненіе въ анализѣ какого-нибудь одного текста, либо научить извлекать изъ нѣсколькихъ матеріалъ для освѣщенія историческаго вопроса, либо разработать какой-нибудь пунктъ по пособіямъ, либо наконецъ изложить какой-либо вопросъ чисто популярно. Знанія литературы вопроса для такого рода работъ профессоръ не требуетъ, глубокое научное изученіе не ставитъ условіемъ. Иногда даже, имѣя въ виду нужды гимназическаго преподаванія, къ которому готовятся кандидаты, онъ предлагаетъ имъ приготовить рефератъ почти экспромптомъ—въ недѣлю времени. Все это придаетъ работамъ, часто не безынтереснымъ, школьный характеръ, чуждый настоящей научности.

Такимъ образомъ въ нынѣшнемъ году читается два публичныхъ курса по древней исторіи и оба посвящены исторіи Рима, причемъ лишь въ практическихъ занятіяхъ греческая исторія занимаетъ мѣсто. Это обстоятельство является послѣдствіемъ той разобщенности профессоровъ, которая вытекаетъ изъ самой бюрократической организація факультетовъ, изъ отсутствія у нихъ обычая и дѣятельнаго желанія коллективно обсуждать всѣ мелочи факультетской жизни и сообща разрабатывать ежегодное распредѣленіе курсовъ, сообщая ему разносторонность и полноту. Нужно, впрочемъ, сказать, что проф. Гиро обыкновенно читалъ, до сихъ поръ, греческую исторію и опять вернется къ ней, когда окончитъ свое обозрѣніе исторіи Римской имперіи.

Недостатокъ самостоятельнаго курса по исторіи Греціи нѣсколько возмѣщается интереснѣйшимъ курсомъ *по исторіи греческаго искусства* проф. *Колиньона* (*Maxime Collignon*). Талантливый и краснорѣчивый лекторъ, глубокій и основательный ученый, бывшій ученикъ французской аѳинской школы, издавшій нѣсколько прекрасныхъ популярныхъ руководствъ и спеціальныхъ ученыхъ трактатовъ по археологіи, проф. Колиньонъ читаетъ въ нынѣшнемъ году *исторію монументальной скульптуры въ Греціи*. Когда я былъ у него на лекціи, онъ говорилъ въ необыкновенно изящной формѣ, съ большою научною полнотою и художественною тонкостью о фронтонахъ Пареенона, иллюстрируя свою рѣчь туманными картинами. Нѣсколько странно было сидѣть въ университетской аудиторіи, полной разнообразной публики, и чувствовать себя вдругъ погруженнымъ въ полумракъ, слышать лишь голосъ профессора и видѣть кончикъ его палочки на освѣщенномъ экранѣ, на которомъ отпечатывались одна за другою чудныя фигуры фронтоновъ, но конкретная ясность, художественная полнота впечатлѣнія отъ этого увеличились. Нужно сказать вообще, что художественная археологія одна изъ тѣхъ отраслей исторической науки, которая особенно подходитъ и особенно удается французскому генію.

Кромѣ публичнаго курса проф. Колиньонъ читаетъ еще для студентовъ практическій курсъ о греческой вазовой живописи и разбираетъ ихъ спеціальныя работы по археологіи. Для занятій классической археологіею мало-по-малу составляется въ Новой Сорбоннѣ школьный музей, состоящій изъ книгъ, рисунковъ, атласовъ, снимковъ и образцовъ, которыми студенты могутъ пользоваться съ разрѣшенія профессора; но пока онъ находится еще въ зачаточномъ состояніи.

Если присоединить къ описаннымъ чисто историческимъ и археологическимъ курсамъ курсы по исторіи греческой и римской литературы, между профессорами которыхъ находятся такіе талантливые преподаватели какъ *Decharme* и *Croiset*, то можно сказать, что классическій міръ вполнѣ достойно представленъ въ росписаніи историческихъ лекцій въ Сорбоннѣ.

Перехожу къ *средневѣковой исторіи.* Въ настоящее время она находится въ рукахъ двухъ выдающихся преподавателей — *Люшэра*, занимающаго каѳедру въ качествѣ ординарнаго профессора, и *Ланглуа*, которому поручено веденіе курсовъ по вспомогательнымъ историческимъ наукамъ (sciences auxiliaires d'histoire).

Первый извѣстный ученому міру прекрасными изслѣдованіями по исторіи Франціи временъ первыхъ Капетинговъ [32]), одинъ изъ лучшихъ представителей современной французской исторической школы, сосредоточиваетъ свои чтенія преимущественно на второй половинѣ среднихъ вѣковъ (Le bas moyen âge).

Такъ два года тому назадъ онъ читалъ прекраснѣйшій курсъ по исторіи городовъ [33]). Нынѣшній годъ публичный курсъ его, читающійся, къ сожалѣнію, въ старо-сорбоннскомъ амфитеатрѣ, очень неудобномъ для спокойнаго слушанія и особенно для записыванья, посвященъ *Исторіи церковныхъ учрежденій во Франціи въ періодъ старшихъ Капетинговъ.* Первая бросающаяся въ глаза внѣшняя особенность профессора—холодная сдержанность и корректность во всемъ, въ лицѣ, костюмѣ, манерахъ, изложеніи. Молодое еще, довольно полное и румяное лицо его съ жидкой остроконечной бородкой, высокимъ лбомъ и рѣдкими гладко причесанными волосами всегда спокойно и безстрастно. Онъ говоритъ не очень громко, но отчетливо произнося слова. Дикція его хороша въ смыслѣ ясности, но немного непріятна сухостью основного тона и страдаетъ недостаткомъ оттѣнковъ и от-

---

[32]) Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers Capétiens, 2 ed. P. 1891, 2 v. и др.

[33]) Курсъ этотъ напечатанъ въ 1890 г. подъ заглавіемъ „Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs. Paris (Hachette).

сутствіемъ увлеченія. Но, когда вслушаешься въ содержаніе, эти особенности пропадаютъ, такъ какъ невольно подчиняешься внутренней стройности лекціи. Каждое слово имѣетъ удивительную силу и говорится съ полнымъ убѣжденіемъ, такъ какъ является результатомъ личнаго самостоятельнаго изслѣдованія. Слушая, видишь передъ собою несомнѣнно крупную ученую силу. Одна изъ лекцій, которыя мнѣ удалось слушать, была посвящена характеристикѣ сельскаго духовенства въ средніе вѣка (le curé de paroisse). Я рѣдко слышалъ такое умное и глубокое, такое стройное и уравновѣшенное и вмѣстѣ съ тѣмъ такое реальное, живое историческое изображеніе. Сельскій священникъ вполнѣ рельефно представлялся въ изложеніи профессора, и не только какъ учрежденіе въ его отношеніи къ церкви, государству и обществу, но и какъ единичное лицо въ его постоянныхъ столкновеніяхъ съ разнаго рода лицами прихода, какъ господами, такъ и крестьянами. Я искренне жалѣлъ, что время не позволяло мнѣ слушать профессора Люшэра систематически, такъ какъ убѣжденъ, что знакомство съ его курсомъ въ его цѣломъ въ высшей степени полезно и поучительно.

Спеціальные курсы Люшэра менѣе хороши по замыслу, хотя очень интересны по исполненію. Оба состоятъ изъ рефератовъ на отдѣльныя очень разнообразныя темы по средневѣковой исторіи, выбранныя самими студентами и нисколько не систематизированныя: въ этой безсистемности главный недостатокъ постановки практическихъ упражненій у Люшэра. Разница между обоими курсами заключается лишь въ томъ, что кандидаты на agrégation подготовляютъ работы въ видѣ устныхъ лекцій, которыя тутъ же разбираются профессоромъ, а кандидаты на licence пишутъ работы, которыя предварительно разсматриваются профессоромъ, потомъ читаются и разбираются на лекціи. Въ противоположность Гиро, который не считаетъ нужнымъ давать ученикамъ систематическую литературу вопроса и часто довольствуется анализомъ одного лишь текста, Люшэръ сообщаетъ своимъ слушателямъ-спеціалистамъ и всѣ главные источники по вопросу, и основную библіографію, предоставляя имъ такимъ образомъ разобраться въ немъ. При мнѣ одинъ изъ будущихъ agrégés излагалъ сущность религіозной политики Филиппа Красиваго. Работа была весьма хорошая, очень недурно изложенная, основанная на первоисточникахъ и на критическомъ изученіи литературы, сжатая, ясно построенная, съ хорошо соразмѣренными частями и опредѣленными заключеніями. Профессоръ слушалъ внимательно, постоянно отмѣчая перомъ приходившія ему въ голову мысли. Послѣ окончанія чтенія онъ высказалъ нѣсколько умѣренныхъ похвалъ и обратился къ аудиторіи, состоявшей человѣкъ изъ 20, съ просьбою сдѣлать за-

мѣчанія о прочитанномъ. Всѣ говорили вполнѣ свободно и очень охотно. Одинъ, почти пожилой аббатъ энергично отстаивалъ правоту папы. Профессоръ очень терпимо руководилъ преніями, возражалъ мягко, съ обычною сдержанностью, но дружественно и всегда соблюдая уваженіе къ говорящему. Работа вмѣстѣ съ учениками, видно, нѣсколько развертывала его замкнутую внѣшность, интересовала и занимала его. Въ концѣ бесѣды онъ резюмировалъ ее, воздавъ должное и референту, и оппонентамъ. Получилась привлекательная картина серьезной общей работы. Слушатели этихъ лекцій, которые составляютъ высшую категорію постоянныхъ студентовъ Сорбонны (candidats à l'agrégation), производятъ впечатлѣніе основательно занимающихся людей. Въ противоположность студентамъ первыхъ годовъ, очень юныхъ, между которыми попадаются совсѣмъ дѣтскія лица, они взрослы и солидны, многіе изъ нихъ уже преподаютъ или преподавали; между ними постоянно попадаются открытыя, тонкія, мыслящія лица, въ нихъ часто видны будущіе выдающіеся научные работники или педагогическіе дѣятели.

Я присутствовалъ еще при чтеніи также весьма хорошаго очерка средневѣковой схоластической философіи въ XI и XII вв., представленнаго однимъ изъ кандидатовъ на licence. Одобряя работу, Люшэръ даже на минуту вышелъ изъ своей обычной сдержанности, очевидно, желая поддержать юношу, справившагося съ нелегкою задачею. Аудиторія была полна цѣлою толпою совсѣмъ молодыхъ, очень внимательно слушавшихъ людей. Они записали продиктованный планъ реферата и заносили замѣчанія, которыя на слѣдующій разъ высказывали въ видѣ вопросовъ или возраженій. Любезно приглашенный профессоромъ въ его кабинетъ послѣ одной изъ лекцій, я попросилъ у него нѣсколько разъясненій по поводу прослушанныхъ курсовъ. Я указалъ ему на то, что спеціальные курсы, на мой взглядъ, слишкомъ привязаны къ экзаменамъ, и что это лишаетъ ихъ значительной доли научности, свободы и разнообразія. Онъ съ этимъ согласился, сказавъ, что здѣсь, въ Сорбоннѣ, настоящей науки нѣтъ, а есть лишь элементарная подготовка къ ней. Отчего же, прибавилъ я, профессора не попробуютъ эмансипировать себя отъ экзаменовъ, не объявляютъ курсовъ внѣ рамокъ практическихъ упражненій и толкованія текстовъ, назначенныхъ для экзаменовъ. Онъ отвѣтилъ, что никто на такія лекціи не пойдетъ, что духъ студентовъ не наученъ, а утилитаренъ. При этомъ онъ сослался на своего товарища, Ланглуа, который объявилъ курсъ внѣ экзаменной программы и не имѣетъ слушателей.

Съ большимъ интересомъ пошелъ я на лекціи Ланглуа, чтобы посмотрѣть, какъ ставитъ онъ спеціальные курсы, свободные отъ

экзаменовъ, и убѣдиться, насколько вѣрно только-что приведенное замѣчаніе Люшэра. Профессоръ *Ланглуа*, бывшій воспитанникъ Ecole des Chartes и Ecole des hautes études, лишь третій годъ преподаетъ въ Сорбоннѣ, гдѣ онъ замѣнилъ очень выдающагося ученаго, *Жири*, который создалъ тамъ каѳедру средневѣковой палеографіи и дипломатики [84]). Но онъ съ честью справляется съ нелегкою задачей. Онъ читаетъ три курса, всѣ закрытые. Первый, на который я попалъ, былъ курсъ *средневѣковой археологіи*. Онъ представляетъ нововведеніе, которымъ факультетъ обязанъ иниціативѣ профессора Ланглуа, и который читается первый годъ [85]). Маленькая аудиторія полна народа (все мужчины, вообще на спеціальныхъ лекціяхъ почти не видно дамъ). Профессоръ, живой и подвижный человѣкъ, совсѣмъ молодой съ умными и быстрыми глазами, говоритъ о различныхъ видахъ орнаментаціи—скульптурной и полихромической въ готическихъ краскахъ и о постепенномъ развитіи ея типовъ; говоритъ медленно, почти диктуетъ, изложеніе постоянно прерывается демонстраціею рисунковъ. Содержаніе лекціи довольно интересное, но вполнѣ научное, живое и тонкое; оно обнаруживаетъ въ профессорѣ и большія знанія, и хорошій художественный вкусъ, и любовь къ предмету. Лекція постоянно переходитъ въ бесѣду, простую и пріятную. Студентамъ предлагаются вопросы, на которые они отвѣчаютъ обыкновенно съ знаніемъ дѣла. Видно, что курсъ интересуетъ ихъ, и что они надъ нимъ работаютъ не безъ усердія. Слѣдующая лекція посвящена была характеристикѣ распространенія готическаго стиля по Европѣ и также дополнялась демонстрированіемъ рисунковъ. Съ наступленіемъ теплаго времени года профессоръ будетъ устраивать систематическія экскурсіи въ Парижѣ и окрестностяхъ для изученія на мѣстахъ памятниковъ и музеевъ.

Обиліе слушателей на лекціяхъ Ланглуа по средневѣковой археологіи опровергаетъ или, по крайней мѣрѣ, ограничиваетъ мнѣніе Люшэра. Курсъ этотъ не имѣетъ никакого отношенія къ экзаменамъ, а между тѣмъ охотно посѣщается и вызываетъ работу. Правда, что на другихъ двухъ курсахъ Ланглуа (на которые собственно и намекалъ Люшэръ) по *средневѣковой палеографіи, дипломатикѣ и хронологіи* и по *латинской литературѣ XI и XII вв.*, также очень хорошихъ, солидныхъ и интересныхъ, я засталъ лишь по нѣскольку слушателей, но самый предметъ ихъ таковъ, что можетъ привлечь лишь людей,

---

[84]) См. въ ст. Frédéricq (Rev. int. de l'ens. 1883, Juillet, p. 785) весьма похвальный отзывъ о преподаваніи Жири въ Сорбоннѣ.

[85]) См. статью Langlois объ идеѣ и программѣ этого курса въ „Revue politique et littéraire“, 1891, 7 Novembre.

прямо отдавшихъ себя ученымъ изслѣдованіямъ, а такихъ всегда немного. Но и этимъ немногимъ лекціи по такимъ спеціальнымъ предметамъ, читающіяся съ тѣмъ талантомъ и знаніемъ дѣла, какія вноситъ въ нихъ проф. Ланглуа, принесутъ весьма важную пользу, а это все, на что можетъ расчитывать профессоръ, избирающій своею спеціальностью готовить будущихъ ученыхъ изслѣдователей, научая ихъ владѣть необходимыми орудіями работы. Примѣръ профессора Ланглуа показываетъ, что можно отрѣшаться отъ экзаменовъ, читать курсы свободные и чисто научные и имѣть слушателей, что, стало быть, нужны лишь знанія, талантъ и энергія, чтобы улучшать преподаваніе. Это дѣло профессоровъ, они должны подымать студентовъ къ себѣ, а не спускаться къ нимъ или пассивно ждать, пока уровень студентовъ повысится самъ собою.

Для *новой исторіи* (*histoire moderne*) Сорбонна имѣетъ трехъ преподавателей—*Лемонње*, временно замѣняющаго Лависса, *Бертольда Зеллера* (*Zeller*) и *Пижонно* (*Pigeonneau*).

Я очень сожалѣю, что мнѣ не удалось слышать *Лависса*, котораго привыкъ уважать за его книги, посвященныя вопросамъ организаціи высшаго образованія, за его прекрасныя рѣчи и обращенія къ студентамъ и вообще за его энергическую работу въ дѣлѣ преобразованія высшихъ учебныхъ заведеній Франціи. Онъ уже третій годъ не читаетъ лекцій, находясь во временномъ отпуску. Отсутствіе его представляетъ пробѣлъ въ историческомъ преподаваніи парижскаго историко-филологическаго факультета, такъ какъ онъ одинъ читалъ курсы, посвященные исторіи Германіи. Фредерикъ въ своей статьѣ объ историческомъ преподаваніи въ Сорбоннѣ въ началѣ 80-хъ годовъ очень сочувственно говоритъ о немъ. Заимствую у него характеристику Лависса для полноты описанія. „Я присутствовалъ, разсказываетъ бельгійскій профессоръ (стр. 784), на нѣсколькихъ дѣйствительно превосходныхъ лекціяхъ г. Лависса о Франціи и Германіи въ средніе вѣка. На одной изъ нихъ онъ немногими живописными, отчетливыми, смѣло набросанными штрихами характеризовалъ Филиппа Августа и Людовика Св., приводя постоянно отрывки изъ современныхъ имъ источниковъ. Другой разъ онъ быстро эскизировалъ роль аристократическихъ собраній во Франціи до XIII в. и горячо рекомендовалъ слушателямъ заняться этимъ, еще неизслѣдованнымъ вопросомъ, приводя въ примѣръ нѣмецкую науку, которая уже давно съ большимъ упорствомъ расчищаетъ дебри своего средневѣковья. Наконецъ я прослушалъ двѣ лекціи, въ которыхъ профессоръ изображалъ борьбу Германіи съ венграми и славянами въ первую по-

ловину исторіи среднихъ вѣковъ. Онъ постоянно отсылалъ слушателей къ текстамъ старыхъ хроникъ и къ трудамъ лучшихъ нѣмецкихъ историковъ. Это были элементарныя чтенія, имѣвшія въ виду подготовку слушателей къ agrégation. Но сколько оригинальныхъ взглядовъ высказывалось профессоромъ на каждомъ шагу въ его блестящемъ изложеніи, отличающемся удивительною сжатостью, опредѣленностью, ясностью, твердостью, которое нерѣдко еще окрашивалось неожиданно остроумнымъ сближеніемъ, ироническимъ замѣчаніемъ, яркою подробностью, брошенною по пути громкимъ и звучнымъ голосомъ съ заразительнымъ убѣжденіемъ и одушевленіемъ. Студенты, число которыхъ колебалось между 30 и 50, слушали съ почти страстнымъ вниманіемъ и тщательно записывали слова учителя". Кромѣ того, Лависсъ читалъ исторію образованія прусскаго государства, и Фредерикъ, можетъ быть, не безъ преувеличенія, называетъ его лекціи лучшими историческими лекціями въ Парижѣ. Но во всякомъ случаѣ это очень даровитый профессоръ, хоть и не первокласный ученый: „Его знанія, его сильный характеръ, выдающійся профессорскій талантъ, его преданность ученикамъ дѣлаютъ изъ него душу начавшагося движенія, которое, я увѣренъ, заканчиваетъ Фредерикъ, будетъ имѣть рѣшающее значеніе на развитіе историческаго знанія во Франціи". Я слышалъ, что съ будущаго года г. Лависсъ вернется къ преподаванію, но будетъ читать уже не средневѣковую, а новую исторію.

Пока вмѣсто него читаетъ въ нынѣшнемъ году *Лемонньe*, посвящая свой публичный курсъ *Исторіи отношеній между искусствомъ, идеями и нравами во Франціи въ XVII и XVIII вв.* По своей внѣшности онъ настоящая противоположность Люшэру. Это совсѣмъ еще молодой блондинъ съ свѣтлыми улыбающимися глазами, необыкновенно подвижнымъ, добродушнымъ и привѣтливымъ лицомъ. Самое движеніе, съ которымъ онъ входитъ и кланяется, самая манера его держать себя непринужденно и просто и вмѣстѣ съ тѣмъ скромно, самый голосъ его, мягкій и задушевный, придаетъ лекціи его характеръ живой и располагающей интимности. Его много слушаютъ: онъ говоритъ, увлекаясь и безсознательно старается привязать аудиторію къ предмету, къ которому самъ очевидно относится съ любовью. Изложеніе его такъ и свѣтится одушевленіемъ, оно полно оттѣнковъ, согрѣто теплыми тонами, не чуждо и сильныхъ чертъ, но совсѣмъ чуждо фразы и ложнаго паѳоса. При мнѣ онъ говорилъ о Пуссэнѣ, и лекція являлась изящнымъ цѣлымъ, свидѣтельствующемъ и о большихъ знаніяхъ профессора (онъ раньше преподавалъ въ Ecole des beaux arts), и о томъ, что онъ подходитъ къ предмету съ оригинальными пріемами, тонко анализируетъ матеріалъ и выводитъ изъ него

самостоятельныя заключенія, и о томъ, что онъ умѣетъ внести въ группировку фактовъ своеобразную идею, оживить ихъ симпатичнымъ настроеніемъ, дать слушателямъ нетолько новыя свѣдѣнія, но и возбудить въ нихъ работу нравственной мысли. Слушатели награждаютъ его одушевленнымъ аплодисментамъ.

Практическіе курсы Лемонные также очень интересны и не лишены своеобразности. Для кандидатовъ на *licence* онъ читалъ первое полугодіе спеціальный курсъ по исторіи судебныхъ учрежденій въ средневѣковой и новой Франціи до революціи, а затѣмъ предложилъ слушателямъ рядъ спеціальныхъ работъ по исторіи Парижскаго парламента. На чтеніи одной изъ такихъ работъ—о несмѣняемости членовъ парламента—я имѣлъ случай присутствовать. Работа была очень обстоятельная и добросовѣстная, но написанная по недостаточно ясному плану и довольно плохо изложенная. При разборѣ ея профессоръ обнаружилъ тѣ же привлекательныя свойства серіознаго ученаго, способнаго преподавателя и симпатичнаго человѣка. Разборъ его можетъ служить образцомъ научно-методологическаго упражненія; обращеніе его со студентами, при большой строгости требованій и критики, также подходитъ къ той серіозной близости на почвѣ научно-педагогическаго труда, которая должна быть идеаломъ отношеній между учителемъ и учениками, и которая сильно способствуетъ нетолько нравственному, но и научному вліянію перваго на вторыхъ. Кандидаты на agrégation готовятъ для Лемонные спеціальные рефераты-лекціи по вопросамъ новой и новѣйшей исторіи самаго разнообразнаго содержанія.

Не задерживаюсь долго на характеристикѣ курсовъ *Зеллера* и *Пижонно*, какъ не отличающихся выдающимися достоинствами. Первый изъ нихъ читаетъ дополнительный курсъ по *исторіи Европы въ концѣ XVII и въ XVIII в.*, который не представляетъ ничего особеннаго: онъ и не очень обстоятеленъ, и довольно блѣденъ; интересенъ онъ тѣмъ, что захватываетъ собою кромѣ Франціи и другіе европейскія страны, впрочемъ, изложеніе кратко и шаблонно. Онъ ведетъ кромѣ того практическія занятія для подготовки къ экзаменамъ (между прочимъ, коментируетъ мемуары Бассомпьера).—Курсы втораго, которые также не могутъ быть названы выдающимся по достоинству, тѣмъ интересны, что они сосредоточиваются на экономической исторіи. Онъ читаетъ въ нынѣшнемъ году исторію Французской колонизаціи и торговли во время реставраціи и исторію экономическихъ доктринъ въ первую половину XIX в. и руководитъ практическими упражненіями. Оригинальностью и свѣжестью точки зрѣнія курсы его не отличаются, хотя даютъ много фактовъ.

Но мнѣ хочется сказать нѣсколько болѣе обстоятельныхъ словъ о

нынѣшнемъ представителѣ каѳедры *исторіи Французской революціи*, спеціально учрежденной въ Сорбоннѣ на средства города Парижа, профессорѣ *Оларъ* (*Aulard*).

Главный редакторъ хорошаго издающагося въ Парижѣ спеціальнаго историческаго журнала *La révolution française*, авторъ одного обширнаго труда и нѣсколькихъ мелкихъ изслѣдованій по исторіи революціи и издатель многочисленныхъ источниковъ для исторіи этого періода, профессоръ Оларъ принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ современныхъ знатоковъ великаго переворота, создавшаго новую Францію. Знанія его положительно огромны, распоряжается онъ ими, какъ настоящій хозяинъ, и можно удивляться, до какой степени они у него въ головѣ хорошо организованы, и какъ всегда прекрасно служатъ ему и его слушателямъ. Онъ гораздо меньше писалъ, чѣмъ знаетъ, гораздо меньше извѣстенъ, чѣмъ того заслуживаетъ. Его превосходныя лекціи, умѣлое и основательное веденіе интереснаго и богатаго научнаго журнала и рядъ частныхъ работъ служатъ главнымъ доказательствомъ его ученаго дарованія; а то обстоятельство, что онъ до сихъ поръ не выпустилъ ни одного широко-обобщающаго труда, можетъ быть, лучше всего доказываетъ настоящую научную добросовѣстность, которая не позволяетъ ему обнародовать такое сочиненіе иначе, какъ ближе къ концу своей научной карьеры.

Проф. Оларъ читаетъ въ Сорбоннѣ очень разнообразные курсы по исторіи революціи. Нынѣшній годъ курсъ его посвященъ *исторіи Конвента*. Въ первой лекціи онъ мотивировалъ свой выборъ тѣмъ, что исторія Конвента особенно послѣ паденія Робеспьера (да и вообще обратный ходъ революціи) сравнительно довольно мало изучались, и между Робеспьеромъ и Наполеономъ существуетъ какой-то пробѣлъ, внутри котораго не прослѣжена филіація идей и событій, что лишаетъ исторію революціи необходимой цѣльности и полноты, затемняетъ общій взглядъ на весь періодъ и нарушаетъ пониманіе той внутренней связи, которая соединяетъ Наполеона съ революціей. Читаетъ Оларъ, какъ и другіе, разъ въ недѣлю въ самомъ большомъ изъ Сорбонскихъ амфитеатровъ, слушаетъ его масса самой разнообразной публики. Блестящимъ лекторомъ Олара назвать нельзя: у него для этого нѣтъ достаточныхъ внѣшнихъ данныхъ, ни достаточной силы и широты голоса, ни достаточной музыкальности слуха; нѣтъ у него также ни ораторской манеры, ни эффектнаго жеста, нѣтъ и достаточной пылкости. Но за всѣмъ тѣмъ онъ отлично читаетъ. Прежде всего чувствуется, что лекція стоитъ на прочномъ фундаментѣ, воздвигнутомъ самимъ профессоромъ, что ставитъ его въ свободное отношеніе къ матерьалу и даетъ ему возможность пользоваться имъ для всѣхъ необходимыхъ цѣлей и для характеристики самыхъ тонкихъ вопро-

совъ Далѣе въ лекціи обнаруживаются личныя, твердо продуманныя политическія убѣжденія, склоняющія его на сторону главныхъ дѣятелей революціи, и прочувствованныя историческія симпатіи; но освѣщая ими лекціи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ проявляетъ постоянное умѣнье поставить научное безпристрастіе выше крайности личнаго вкуса и взгляда.

Преобладающими особенностями лекціи могутъ быть названы— ясность и архитектурная правильность плана, большая систематичность и послѣдовательность изложенія, облегчающая возможность слѣдить, схватывать и запоминать, какъ цѣлое, такъ и подробности, чувство мѣры, глубина сужденія, простота изображенія, серьозность, но и сдержанность критики. Я слушалъ между прочимъ лекцію, въ которой проф. Оларъ говорилъ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ Робеспьера. Обобщая выводы изъ предшествующей части курса онъ указывалъ, какъ Франція во время революціи постепенно переходила отъ абсолютной монархіи къ монархіи конституціонной, потомъ къ либеральной республикѣ жирондистовъ, диктатурѣ монтаньяровъ и наконецъ термидоріанской анархіи. Онъ охарактеризовалъ экономическое положеніе Франціи и настроеніе партій и группъ при началѣ реакціи и приступилъ къ изображенію личностей, которыя стали выдвигаться на освободившееся послѣ исчезновенія главныхъ вождей революціи мѣсто. Вторая половина лекціи была посвящена характеристикѣ вновь выступившаго на политическую авансцену аббата Сійэса. Оларъ изображалъ знаменитаго и типичнаго дѣятеля путемъ воспроизведенія его біографіи, причемъ характеристическія черты его міровоззрѣнія, политическаго темперамента и нравственной природы постепенно прямо выводились изъ его теорій, словъ и дѣйствій, мостерски собирались въ цѣльный образъ и дали въ заключеніе очерка историческій портретъ поразительной правдивости, реальности и силы, превосходную иллюстрацію людей и настроенія изображаемаго момента. Излишне прибавлять, что лекціи Олара доставляютъ большое умственное наслажденіе. Многочисленные слушатели безмолвны и внимательны и довольно слабый голосъ профессора хорошо доходитъ до далекихъ угловъ огромной залы.

Закрытый курсъ профессора Олара посвященъ анализу *Мемуаровъ Тибодо*. Студенты берутъ небольшіе отрывки и для выясненія и провѣрки ихъ дѣлаютъ на основаніи указаннаго профессоромъ матеріала рядъ мелкихъ экскурсовъ въ область исторіи французской революціи. Они хорошо работаютъ, а ученый комментарій и разборъ профессора даютъ имъ драгоцѣнныя фактическія указанія и оказываютъ неоцѣнимыя методологическія услуги. На этихъ лекціяхъ обширная ученость и выдающіяся достоинства ума и таланта Олара обнаружива-

ются съ особенною очевидностью мнѣ пришлось присутствовать на одной изъ такихъ бесѣдъ, на которой профессоръ съ удивительной оригинальностью и тонкостью разбиралъ вопросъ объ эмиграціи и о централистической политики монтаньяровъ.

Для преподаванія новой и новѣйшей исторіи (histoire moderne et contemporaine) Сорбонна имѣетъ въ рядахъ своихъ профессоровъ еще одного извѣстнаго ученаго, хорошо знакомаго и намъ, *Альфреда Рамбо*.—Это историкъ, особенно извѣстный тѣмъ, что онъ одинъ изъ первыхъ научнымъ обрзомъ сталъ знакомить французское общество съ Россіею. Въ этомъ смыслѣ его сочиненіе о русскомъ богатырскомъ эпосѣ (La Russie éqique, 1876) имѣетъ большое значеніе во французской литературѣ, посвященной странамъ Восточной Европы, и руководство по исторіи Россіи (Histoire de Russie, 1878) есть первый и до сихъ поръ единственный французскій обще-историческій трудъ о прошломъ нашей родины, написанный человѣкомъ, знающимъ русскій языкъ и изучавшимъ подлинные источники и съумѣвшимъ воспроизвести нашу исторію болѣе или менѣе правдиво и талантливо. Кромѣ того онъ прекрасно издалъ инструкціи французскимъ посламъ въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ (Recueil d'instructions données aux ambassadeurs et aux ministres de France. Russie. 2 v.), предпославъ изданію интересное и важное введеніе. Но ученыя работы проф. Рамбо не ограничиваются исторіею Россіи. Онъ посвящалъ свои изслѣдованія и многимъ другимъ вопросамъ. Онъ занимался византійскою исторіею, въ области которой ему принадлежитъ обширный и важный научный трудъ о Константинѣ Багрянородномъ (L'empire grec au X siécle. Constantin le Porphyrogénéte. 1870), и исторіею отношеній между Франціей и Германіей въ началѣ нынѣшняго вѣка и французскою колоніальною исторіею. Имъ изданы также очень хорошія популярныя книги по исторіи французской цивилизаціи (Histoire de la civilisation française, 3v.) и по исторіи французской революціи (Petite histoire de la révolution française), въ которыхъ онъ является нетолько ученымъ, обладающимъ большими знаніями и обширною начитанностью, но и прекраснымъ писателемъ, хорошо владѣющимъ языкомъ.

Какъ профессоръ въ Сорбоннѣ, онъ читаетъ ежегодно два публичныхъ курса, изъ которыхъ одинъ непремѣнно посвященъ исторіи Россіи, другой какому-нибудь пункту или періоду исторіи XIX в. въ Европѣ. То, что онъ излагаетъ исторію внѣ-французскихъ странъ, очень важное обстоятельство, такъ какъ мы видимъ, что большинство курсовъ Сорбонны не заходятъ за предѣлы французской отечествен-

ной исторіи. Въ 1883 г. Рамбо читалъ курсъ исторіи Россіи въ царствованіе Екатерины II, въ прошломъ году исторію Россіи въ XIX в. (Александровскую и Николаевскую эпоху), въ нынѣшнемъ исторію Россіи въ XVI в. Фредерикъ съ большимъ сочувствіемъ говоритъ о внутреннихъ достоинствахъ лекціи Рамбо. Я могу сказать, что онѣ производятъ пріятное впечатлѣніе именно тѣмъ, что обнаруживаютъ самостоятельное знакомство съ первоисточниками и въ большинствѣ случаевъ довольно вѣрное пониманіе дѣла, очень рѣдкое въ французахъ, когда они говорятъ о Россіи. Но, повидимому, профессоръ довольно мало имѣетъ возможности слѣдить за новѣйшею русскою ученоисторическою литературою и пользуется пособіями въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ устарѣлыми. Для русскаго изложеніе проф. Рамбо можетъ показаться поверхностнымъ, что, впрочемъ, не можетъ быть поставлено ему въ вину, если помнить отсутствіе подготовки его слушателей, для которыхъ почти каждый фактъ новъ и въ высшей степени цѣненъ, если они интересуются предметомъ. Таково впечатлѣніе, вынесенное мною изъ прослушанныхъ лекцій, которыя касались характеристики внутренняго строя русскаго государства и общества передъ смутою.

По исторіи Европы въ XIX в. Рамбо читаетъ разнообразные курсы. Въ 1883 г. онъ излагалъ исторію европейскихъ событій въ 1848 г. и позже. Курсъ его, по мнѣнію Фредерика, отличался „удивительною ясностью, возвышеннымъ спокойствіемъ, основательностью, остроуміемъ, оригинальностью, искренностью и безпристрастіемъ“, такъ что онъ называетъ его однимъ изъ лучшихъ, которые ему удалось слышать въ Парижѣ. Въ нынѣшнемъ году онъ читаетъ *исторію Индіи въ царствованіе королевы Викторіи.* Когда прослушаешь лекцію Рамбо, будучи знакомъ съ его книгами, выносишь нѣкоторое разочарованіе, такъ какъ лекторскія его качества не соотвѣтствуютъ писательскимъ. Онъ читаетъ довольно однообразно и скучно, строитъ лекцію по школьной элементарной схемѣ, хотя содержаніе ея богато важными фактами и любопытными выводами.

Раздражающимъ образомъ дѣйствуетъ на лекціяхъ Рамбо самая публика. Явленіе это повторяется и на лекціяхъ нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ, читающихъ публично въ старыхъ залахъ Сорбонны; но у Рамбо это очевиднѣе, вѣроятно, потому, что онъ не имѣетъ опредѣленныхъ постоянныхъ учениковъ, такъ какъ не ведетъ историческаго семинарія. Читаетъ онъ въ поздній часъ дня, и аудиторія его крайне пестрая. На скамьяхъ большого амфитеатра можно наблюдать оригинальные типы: почтенные старцы покойно дремлютъ, опершись о стѣну; молоденькія дамы шепчутся между собой; старуха съ сѣдыми буклями является, опоздавъ на четверть часа, расталкиваетъ другихъ, столпившихся по дорогѣ къ ея обычному мѣсту, и, усѣвшись, быстро

начинаетъ записывать что-то карандашомъ въ памятной книжечкѣ; молодой франтъ, подымаясь по лѣстницѣ, небрежно роняетъ зонтикъ; дверь постоянно хлопаетъ. Я удивлялся терпѣнію профессора и его способности невозмутимо читать, обращаясь къ дѣйствительно внимательнымъ слушателямъ, посреди такого безпорядка и при такой неделикатности посѣтителей. Это нестерпимая привычка, остатокъ сорбоннскихъ нравовъ прежнихъ временъ, которая сильно мѣшаетъ успѣху серьезнаго преподаванія.

Прежде чѣмъ окончить описаніе историческаго преподаванія въ Сорбоннѣ, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о лекціяхъ *Сеньобоса* (*Seignobos*). Онъ читаетъ (въ качествѣ maître de conferences) два курса: одинъ изъ нихъ посвященъ *Исторіи внѣ-европейскихъ государствъ въ XIX в.* и представляетъ заключеніе общаго курса всеобщей исторіи новаго времени, который онъ ведетъ уже нѣсколько лѣтъ. Ставя такимъ образомъ программу своихъ чтеній, проф. Сеньобосъ сознательно хочетъ пополнить отсутствіе курсовъ, захватывающихъ большую историческую эпоху, широкую географическую область и обширную сферу вопросовъ, которое дѣйствительно замѣчается, какъ видный пробѣлъ въ Сорбоннскихъ историческихъ курсахъ. Второй курсъ его посвященъ *методологіи исторіи* и распадается на три части: теорія исторической критики, историческаго построенія и историческаго изображенія. Какъ видно, курсы Сеньобоса по замыслу очень важны и полезны. Не могу ничего сказать о ихъ достоинствѣ или недостаткахъ, такъ какъ мнѣ не удалось присутствовать на его лекціяхъ (они были временно прерваны по болѣзни профессора въ то время, когда я могъ посѣщать ихъ), и знаю о нихъ лишь изъ разъясненій самого профессора. Во всякомъ случаѣ идея ихъ вполнѣ правильна, и введеніе такихъ курсовъ въ Сорбоннскую программу очень желательно.

Если я прибавлю ко всѣмъ охарактеризованнымъ курсамъ указаніе на курсъ декана *Гимли* (проф. географіи) по *исторіи открытія, завоеванія и изслѣдованія Америки отъ Колумба до нашихъ дней* и затѣмъ назову два свободныхъ курса *Rochemonteix* по исторіи Египетской цивилизаціи и *L. Cahun* по исторіи государствъ, основанныхъ въ Азіи монголами, то получится полное представленіе о читающихся въ настоящемъ году въ Сорбоннѣ историческихъ курсахъ.

5.

Я старался описать, по возможности, подробно современное состояніе историческаго преподаванія въ Сорбоннѣ, не задаваясь цѣлью критически разсмотрѣть самую систему его, а лишь дать картину ея

фактическаго осуществленія въ нынѣшнемъ году. Я имѣлъ въ виду одно—показать желающимъ воспользоваться историческими лекціями въ Сорбоннѣ въ ближайшемъ будущемъ, что̀ они могутъ въ нихъ найти полезнаго, или вообще дать интересующимся этимъ вопросомъ матеріалъ для размышленія и сравненія. Краткія историческія свѣдѣнія, которыя я сообщилъ въ началѣ очерка, имѣютъ для меня второстепенное значеніе фона картины и не претендуютъ на полноту. Именно въ виду того, что я держался такой точки зрѣнія, я выдвигалъ преимущественно положительную сторону дѣла и теперь могу ограничиться въ заключеніе лишь самыми бѣглыми замѣчаніями о нѣкоторыхъ недостаткахъ современной постановки его.

Говоря вообще о современномъ состояніи историческаго преподаванія въ Сорбоннѣ, можно утверждать, что оно представляетъ вполнѣ удовлетворительное выполненіе хорошаго принципа въ той формѣ, которая 10—12 лѣтъ тому назадъ была лучшею, самою прогрессивною, но теперь уже требуетъ измѣненія и расширенія, грозя подчиниться рутинѣ. Двѣнадцать лѣтъ назадъ требовалось дать студентовъ пустымъ факультетамъ и пріучить ихъ къ работѣ подъ руководствомъ профессоровъ. Это было осуществлено тѣмъ, что будущимъ учителямъ вмѣнено было въ обязанность проходить факультетскіе курсы. Надо было привязать ихъ къ спеціальной исторической работѣ: этого достигли, придавъ историческимъ семинаріямъ характеръ упражненій, подготовляющихъ къ экзаменамъ. Результатъ оправдалъ намѣренія: факультетъ имѣетъ многочисленныхъ слушателей, и они привыкли приносить въ университетскую аудиторію плоды своихъ домашнихъ занятій. Но такая постановка должна была необходимо съузить преподаваніе, лишить его научной свободы и глубины. Оно осталось подчиненнымъ несовершенной, постоянно мѣняющейся и случайной программѣ экзаменовъ. Профессоръ отдаетъ свой спеціальный курсъ не изученію тѣхъ источниковъ, которые могутъ служить особенно хорошими средствами ознакомить учениковъ съ методами ученой работы и развить духъ исторической критики, а элементарному, школьному комментированію часто очень мало интереснаго текста, случайно введеннаго въ программу экзамена. Помочь дѣлу можетъ прежде всего министерство, возбудивъ и правильно поставивъ вопросъ о коренномъ преобразованіи системы экзаменовъ съ цѣлью уничтожить въ нихъ многіе негодные остатки схоластической старины и потерявшихъ значеніе элементовъ стараго риторическаго образованія. Оно должно добиться замѣны ихъ упрощенною по формѣ, но гораздо болѣе серьезною по сущности прививкою общей культуры и научной подготовки кандидатовъ на педагогическія и общественныя должности. Но многое могутъ сдѣлать и профессора смѣлою и свободною иниціативою. Они

могутъ больше вліять на разумное составленіе программы испытаній; какъ экзаменаторы, обращать вниманіе на главное, ставя вопросы и предъявляя требованія, дѣйствительно научныя; какъ преподаватели, они должны эмансипировать себя отъ экзаменовъ, объявляя курсы и семинаріи, не имѣющіе къ нимъ прямого отношенія, а самостоятельно разрабатывающіе важный научный вопросъ; они должны доказывать студентамъ теоретически и показывать на дѣлѣ, что не тотъ будетъ имѣть успѣхъ на экзаменѣ, кто лучше всѣхъ выучитъ переводъ и комментарій извѣстнаго числа отрывковъ, а тотъ, кто пріобрѣтетъ основательныя историческія знанія и разовьетъ умъ серьезною работою надъ источниками. Это будетъ трудно, такъ какъ придется разомъ идти противъ укоренившейся административной практики и противъ узко-утилитарнаго духа студентовъ, болѣе преданныхъ развлеченію, чѣмъ труду, ищущихъ корысти, а не научнаго образованія. Это будетъ требовать большого напряженія, такъ какъ на подготовку къ подобнаго рода лекціямъ понадобится много времени, а на веденіе ихъ придется удѣлить больше учебныхъ часовъ. Но это надо сдѣлать, и никто кромѣ самихъ людей науки не способенъ продолжать усовершенствованіе организаціи высшаго образованія по этому единственно правильному пути.

Публичные курсы Сорбонны и теперь уже вполнѣ научны и могутъ быть сравнены по своимъ внутреннимъ достоинствамъ со многими лучшими курсами германскихъ университетовъ. Но и въ ихъ программѣ, а главнымъ образомъ въ ихъ распредѣленіи и взаимоотношеніи необходимо сдѣлать много измѣненій. Мы почти не видимъ въ нынѣшнемъ росписаніи — курсовъ по общеевропейской исторіи, нѣтъ даже общаго курса по исторіи Франціи. Каждый профессоръ выбираетъ темою своихъ лекцій спеціальный предметъ, которымъ занимается въ данное время, не спрашивая себя, что читаютъ другіе и какія потребности учащихся остаются неудовлетворенными. Можетъ быть, отъ такой постановки дѣла качество курсовъ выигрываетъ, такъ какъ каждый профессоръ читаетъ то, что онъ лучше всего знаетъ и чѣмъ больше всего интересуется. Но общіе курсы, освѣщающіе большія и важныя историческія эпохи, необходимы для юношей, только начинающихъ заниматься наукой, и ихъ обязательно установить, точно также, какъ вообще необходимо устанавливать распредѣленіе курсовъ сообща всѣмъ факультетомъ и выбирать предметы каждаго такъ, чтобы они дополняли остальные, и чтобы въ совокупности исторія человѣчества въ ея различныхъ народахъ, періодахъ и основныхъ вопросахъ была равномѣрно представлена.

Таковы главныя реформы факультетскаго преподаванія исторіи, которыя уже теперь намѣчаются силою вещей: это будетъ естествен-

ный второй шагъ послѣ перваго, сдѣланнаго въ 80-мъ году, и результатомъ его будетъ созданіе изъ факультета настоящей научно-исторической школы, которая будетъ давать хорошую элементарную основу научнаго образованія. Задача эта будетъ облегчена основаніемъ университетовъ, когда отдѣльныя вѣтви наукъ объединятся въ могущественныя цѣлыя, когда факультеты потеряютъ свою бюрократическую организацію и получатъ автономное существованіе, когда представители университетской науки, освобожденные отъ производства чисто практическихъ экзаменовъ, будутъ предоставлены главной своей заботѣ—давать любознательному юношеству научное руководство, подготовляя въ представителяхъ его образованныхъ людей и гражданъ.

Въ 1883 г. Фредерикъ говоритъ: „Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что Франція съумѣетъ довести дѣло реформы высшаго образованія до конца, и что возникшее и разросшееся такимъ образомъ движеніе дастъ Франціи блестящую школу историковъ, которые, вѣрные своему національному генію, съумѣютъ быть равно сильными въ содержаніи и формѣ, равно великими въ ученомъ изслѣдованіи и въ философскомъ синтезѣ". Мнѣ кажется, что дѣйствительно можно вѣрить въ такое будущее.

Но уже и теперь русскій научный работникъ-историкъ, который явится въ Сорбонну, чтобы усовершенствовать свое образованіе, найдетъ, если онъ начинающій, въ публичныхъ историческихъ курсахъ ея богатый матеріалъ для пополненія своихъ знаній; если же онъ уже прямо готовится къ профессурѣ, онъ вынесетъ изъ посѣщеній и публичныхъ, и закрытыхъ не мало важнаго для выработки пріемовъ научно-историческаго преподаванія. Тѣ же изъ нихъ, которые ищутъ болѣе глубокой учено-исторической школы и помощи въ изученіи болѣе тонкихъ пріемовъ исторической работы, должны идти въ Парижѣ, въ Ecole des hautes études, куда надѣюсь и я повести своихъ читателей въ слѣдующемъ своемъ очеркѣ, если они захотятъ слѣдовать за мной.

Парижъ, 26 (14) марта 1892.

II.

Ecole libre des Sciences Politiques.

Ecole libre des Sciences politiques, какъ показываетъ самое названіе, особенно гордится своею свободою; оно поставляетъ себѣ въ главную заслугу передъ обществомъ и государствомъ свою чуткость и отзывчивость на новыя потребности въ высшемъ политическомъ образованіи, свое умѣнье удовлетворять назрѣвающія нужды, не стѣсняясь условленными рамками и смѣло пролагая новые пути. То удивительное процвѣтаніе, котораго она успѣла достигнуть за короткое время съ ничтожными въ началѣ средствами, сочувствіе, встрѣченное ею въ обществѣ, и подражаніе ей внѣ Франціи, служатъ ручательствомъ того, что она удачно исполнила свои задачи. Оттого постановка въ ней историческаго преподаванія пріобрѣтаетъ особое значеніе: по ней можно судить, какую роль призвана играть исторія въ высшемъ политическомъ образованіи современнаго общества, насколько исторія нужна, независимо отъ традиціи, удерживающей нерѣдко по воспоминаніямъ многое обветшалое, утратившее жизненные соки и это полагающей въ вершину угла; даже болѣе: она проливаетъ свѣтъ на будущее исторіи, какъ образовательнаго предмета. Школа задается цѣлью доставить высшее политическое образованіе, съ теченіемъ же времени можетъ только увеличиться нужда въ немъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрочиться положеніе наукъ, способствующихъ его достиженію.

Сама по себѣ Ecole libre des Sciences politiques составляетъ одну изъ особенностей новаго времени, одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ того, что можетъ создать независимо отъ правительства частная дѣятельность, благодаря своей энергичности, гибкости, умѣнью примѣняться къ новой средѣ и новымъ потребностямъ, успѣвающая нерѣдко тамъ, гдѣ государство съ своими рутинными и медленными дѣйствіями терпитъ полную неудачу. Французское правительство давно уже сознавало съ теоретической точки зрѣнія нужду въ школѣ, которая давала бы политическое образованіе; ему прямо необходимо было имѣть разсадникъ служащихъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, но всѣ его попытки въ данномъ случаѣ оказались тщетными. Частная же предпріимчивость, задавшись несравненно болѣе широкими цѣлями и располагая ничтожными въ началѣ средствами, безъ всякой казенной поддержки съумѣла основать и упрочить положеніе школы высшаго политическаго образованія. При откры-

тіи курсовъ всѣ денежные источники сводились къ нѣсколькимъ тысячамъ франковъ, собраннымъ директоромъ для обезпеченія каѳедръ, да изъ нѣсколькихъ взносовъ, произведенныхъ впередъ членами комитета основателей; теперь же школа располагаетъ капиталомъ до трехъ милліоновъ франковъ. Первыя лекціи читались въ залѣ, которая нанималась по часамъ, теперь у школы свой домъ съ садомъ въ одномъ изъ аристократическихъ кварталовъ Парижа, аудиторія, устроенная со всѣми новѣйшими педагогическими приспособленіями, прекрасная библіотека съ множествомъ журналовъ; первые слушатели походили болѣе на простыхъ любопытныхъ, теперь школа насчитываетъ ежегодно до 400 студентовъ, посѣщающихъ лекціи очень исправно и усердно занимающихся. Не безъ гордости въ 18-лѣтнюю годовщину своего основанія могла обернуться школа на пройденный путь, на побѣжденныя трудности и вспомнить всѣ тѣ заслуги, которыя она успѣла оказать странѣ и обществу за непродолжительное время своего существованія. Болѣе 3000 молодыхъ людей получили въ ней высшее образованіе, она подняла значительно уровень знаній, необходимыхъ для занятія государственныхъ должностей; она привлекла болѣе 1000 иностранцевъ и, разсѣявъ ихъ предразсудки и предубѣжденія, внушила многимъ любовь и уваженіе къ Франціи; она ввела въ университетское преподаваніе новые курсы; въ нѣсколькихъ выдающихся лицахъ она открыла удивительныя профессорскія способности, остававшіяся раньше незамѣтными для нихъ самихъ; ей обязаны своимъ существованіемъ нѣсколько книгъ первой важности, представляющихъ развитіе и окончательную обработку много разъ повторявшихся курсовъ.

Горячій патріотизмъ и страстная любовь къ молодежи были тѣми двигателями, которые придали силу и мужество основателю этой школы Бутми въ его трудномъ предпріятіи. Въ 1871 году, немедленно вслѣдъ за франко-прусскою войною, когда удивленная и пораженная страна устремила всѣ свои помыслы на отысканіе причинъ постигшаго ее бѣдствія, когда началась усиленная работа національнаго перевоспитанія, исправленія и пополненія всякихъ недостатковъ и пробѣловъ, Бутми указывалъ на отсутствіе такого заведенія, которое создавало бы людей, способныхъ сдерживать и умѣрять пылъ партійныхъ страстей и осуществить въ странѣ правленіе лучшихъ. „Гдѣ,—восклицаетъ онъ въ письмѣ къ своему сотруднику въ дѣлѣ устройства школы,—просвѣщенный человѣкъ, внимательный наблюдатель главныхъ умственныхъ движеній своего вѣка, умѣряющій ихъ силу или дающій имъ направленіе? гдѣ разсудительный гражданинъ, способный обсуждать политическіе вопросы? гдѣ школа, создающая ихъ? Если же ученые будутъ по-прежнему читать только слу-

шателямъ спеціалистамъ, если государственные дѣятели не будутъ находить свѣдущихъ помощниковъ, знающихъ критиковъ внѣ круга своихъ будущихъ преемниковъ, это признакъ, что народъ обреченъ на паденіе". Отъ этого паденія можетъ спасти его только широкое политическое образованіе. Французскія высшія ученыя учрежденія должны стать залогомъ успѣха и могущества Франціи подобно тому, какъ германскіе университеты послужили основой величія Германіи, обезпечивъ за ней умственное, а съ нимъ и политическое превосходство надъ другими народами. Высшія парижскія школы должны по крайней мѣрѣ давать юношеству самое меньшее, что можно требовать отъ образованнаго человѣка, чтобы онъ зналъ свое время и интересовался имъ. Французскіе коллежи учатъ многимъ прекраснымъ вещамъ, но только не этому, тогда какъ въ высшей степени важно, чтобы всякое поколѣніе вступало въ жизнь не удивляясь, чтобы оно умѣло въ ней распознаться, умѣло дѣйствовать, и, если ему еще многому приходится учиться, чтобы оно не теряло времени на собраніе первоначальныхъ свѣдѣній. Представить взору молодыхъ людей умственное движеніе во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія на послѣдней и высшей ступени его развитія, уничтожить пропасть, раздѣляющую свѣтскаго человѣка отъ ученаго и литератора, гражданина отъ политическаго дѣятеля—вотъ самое необходимое дополненіе всякаго либеральнаго воспитанія.

Какія же науки необходимы для такого образованія? Очевидно, всѣ тѣ, которыя даютъ ясное пониманіе современной политической жизни и подготовляютъ къ сознательному участію въ ней, т.-е. sciences d'état, науки государственныя, sciences politiques, науки политическія, т.-е. все то, на что можетъ распространиться дѣятельность правительства и общества, что могутъ обнять законы и трактаты. Такимъ образомъ, для того, чтобы достигнуть цѣли, поставленной Бутми, нужно было возвести изученіе этой обширной области въ самостоятельную систему высшаго образованія. Но тутъ и начались трудности, теоретическія даже, не говоря уже про матеріальныя. Первымъ условіемъ успѣха всякой самостоятельной программы является ея внутреннее единство. Его-то въ данномъ случаѣ на первый взглядъ и не было, самое разнообразіе наукъ о государствѣ, самое различіе ихъ по матеріалу и методу исключало, казалось, всякую возможность найти его. Многіе шли въ данномъ случаѣ такъ далеко, что называли прямо химерою всѣ замыслы и надежды образовать единое, нераздѣльное цѣлое изъ стольких разнообразныхъ предметовъ. Сколько ни сглаживать частныя различія между ними, говорили они, все же останется три отдѣльныя группы наукъ, историческая, администра-

тивная и экономическая, которыя и нужно распредѣлить по соотвѣтствующимъ факультетамъ.

Но Бутми горячо оспариваетъ это мнѣніе. Онъ отстаиваетъ право этихъ группъ на самостоятельное мѣсто въ высшемъ образованіи уже потому, что онѣ взаимно пополняютъ другъ друга; разъединенныя, онѣ утратили бы много своей жизненной силы и пріобрѣли бы новую, чуждую имъ окраску отъ соотвѣтствующихъ факультетовъ; въ изученіи напримѣръ финансоваго права получила бы перевѣсъ юридическая точка зрѣнія, надъ экономическою и фискальною; преподаваніе дипломатической исторіи пострадало бы, если бы отдѣлить его отъ преподаванія международнаго права и практической подготовки дипломатовъ. Бутми ссылается въ данномъ случаѣ на примѣръ Мюнхена и Тюбингена, гдѣ эти группы наукъ образуютъ особый самостоятельный факультетъ (камеральный). Недовольствуясь этими практическими доказательствами, Бутми и съ теоретической точки зрѣнія называетъ ошибочнымъ взглядъ тѣхъ, кто отрицаетъ единство этихъ трехъ группъ. Единство въ совокупности наукъ, предназначенныхъ образовывать администраторовъ, законодателей гражданъ, говоритъ Бутми, зависитъ не столько отъ аналогичности предметовъ и пріемовъ, сколько отъ общности духа. Оно покоится глубоко на элементѣ нравственности и чувства, оно проявляется въ общемъ историческомъ характерѣ преподаванія, гдѣ исторія должна занимать первое мѣсто. Взгляды Бутми на значеніе ея въ средѣ политическихъ наукъ слишкомъ важны, слишкомъ характеристичны для постановки историческаго преподаванія въ Ecole libre des sciences politiques для того, чтобы не изложить ихъ хотя бы вкратцѣ.

По мнѣнію Бутми, исторіи принадлежитъ первенствующее мѣсто между государственными науками какъ ради нея самой, такъ ради того, что отъ нея другія науки должны заимствовать, если не методъ, то точку зрѣнія и рамки. Всякая наука должна представляться слушателю въ своемъ постепенномъ, естественномъ развитіи. Такъ должно быть съ политической экономіей, такъ должно быть съ правомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ различны по интересу и по значенію два курса политической экономіи, одинъ, дающій только сухія формулы и теоріи, другой, показывающій, какъ постепенно рождаются въ каждомъ вѣкѣ его главные экономическіе взгляды въ зависимости отъ свойствъ соціальной среды, зарождающей ихъ, развивающей и измѣняющей. Можетъ ли быть другое болѣе необходимое дополненіе къ юридическому курсу, чѣмъ объясненіе законовъ изъ постоянно мѣняющагося духа времени!

Но исторія занимаетъ преобладающее положеніе въ системѣ высшаго политическаго образованія, не только потому, что всѣ осталь-

ныя науки должны преподаваться въ ея духѣ; она важна сама по себѣ, по своимъ качествамъ, по своему вліянію на умы. Она совершенно необходимый факторъ въ высшемъ политическомъ образованіи съ моральной точки зрѣнія, которая должна быть основой всѣхъ наукъ политическихъ, и съ узко практической, утилитарной. Въ первомъ случаѣ исторія является „школою нравственности, она учитъ умѣренности и терпѣнію, она питаетъ благородныя страсти; она изощряетъ умъ видомъ постоянно измѣняющихся фактовъ, она закаляетъ волю отъ соприкосновенія съ сильными характерами". Во второмъ— исторія для государственнаго человѣка есть самый вѣрный руководитель; она знакомитъ его не съ отвлеченными существами, а съ реальными людьми. Всѣ эти причины, взятыя вмѣстѣ заставили Бутми положить исторію въ основу политическаго образованія по крайней мѣрѣ въ теченіе одного года.

Такъ какъ историческій духъ по замыслу Бутми долженъ сообщаться и преподаванію другихъ предметовъ, административныхъ и экономическихъ, то вліяніе его на постановку этихъ предметовъ и нужно указать вкратцѣ. Вліяніе это на изученіе административныхъ наукъ выразилось въ томъ, прежде всего, что преподаваніе не ограничивается однимъ французскимъ правомъ, но обнимаетъ также право другихъ народовъ. „Еслибы этого не было, говоритъ Бутми, то умъ слушателей, исключительно сосредоточенный на одной французской системѣ, пріобрѣлъ бы наклонность думать, что внѣ ея ничто невозможно, что все ей противорѣчащее и отъ нея отличающееся составляетъ абсурдъ, что самое малое уменьшеніе государственной власти и контроля, самое ничтожное исправленіе въ злоупотребленіяхъ юрисдикціи поколеблетъ самыя основы государства". Между тѣмъ, какъ знакомство съ иностраннымъ законодательствомъ разрушаетъ ореолъ, окружающій французскую организацію и представляющій ее единою и неприкосновенною. „Важно только, чтобы это знакомство было основательно и не вызвало бы или простое отрицаніе, или стремленіе къ поспѣшному и необдуманному подражанію въ зависимости отъ того, склоненъ ли характеръ слушателя къ покою или къ перемѣнамъ".

Что касается до наукъ экономическихъ, то онѣ также много выигрываютъ отъ сосѣдства съ исторіей, къ которой онѣ ближе, чѣмъ къ какому бы то ни было другому предмету: это также справедливо, какъ для политической экономіи въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и для соціологіи въ широкомъ значеніи этого слова. Если брать политическую экономію, то она, по мнѣнію Бутми, когда сгладятся крайности теоретическаго и статистическаго направленія, еще больше ощутитъ потребность повѣрки своихъ выводовъ, основанныхъ на понятіи полезности, посредствомъ принциповъ нравственности и на этой почвѣ

сойдется она съ исторіей, которая вмѣстѣ съ географіей дастъ ей новые матеріалы и ограничитъ безусловность ея выводовъ, показавъ необходимость исключеній въ виду національныхъ особенностей. Если же брать соціологію, то она прямо заявляетъ притязаніе быть сущностью исторіи. Политическая исторія въ ея глазахъ лишь разсказъ о внѣшнихъ происшествіяхъ, бороздящихъ только поверхность водъ, но не способныхъ измѣнить ихъ глубокаго русла; прослѣдить его и берется соціологія. Она опирается на біологію и психологію; въ литературѣ стремится она раскрыть громадныя силы человѣческаго ума и воображенія; она привлекаетъ себѣ на помощь право и всѣ вмѣстѣ, эти науки, политическія и юридическія, раньше независимыя другъ отъ друга, соединяются въ соціальной наукѣ и увлекаются ею въ широкое историческое русло, гдѣ только и получаютъ истинно-научный характеръ.

Особенно рѣзко сказывался историческій характеръ преподаванія въ первые два года существованія школы—1872 и 1873, когда всѣ предметы почти читались съ исторической точки зрѣнія: тутъ была дипломатическая исторія Европы съ Вестфальскаго мира, военная исторія ея со времени Фридриха Великаго, исторія экономическихъ ученій съ Адама Смита, исторія земледѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ успѣховъ Европы въ XIX столѣтіи, исторія финансовъ съ 1789, исторія государственныхъ учрежденій Европы и Новаго Свѣта съ 1776, законодательная исторія Европы и новаго свѣта послѣ кодекса Наполеона, административная исторія Европы съ XVII вѣка, соціальная исторія Европы съ 1789 года. Въ мою задачу не входитъ говорить о тѣхъ многочисленныхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергался этотъ курсъ, какъ мало-по-малу выдвигались новые предметы и курсъ принималъ все болѣе и болѣе практическій характеръ, задавшись цѣлью, кромѣ вообще образованныхъ людей, подготовлять чиновниковъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, государственный совѣтъ, финансы и колоніи. Исторія продолжаетъ занимать по прежнему первенствующую роль въ двухъ отдѣленіяхъ школы. И директоръ школы при всѣхъ этихъ преобразованіяхъ успокоиваетъ себя мыслію, что чистая наука безъ практическаго примѣненія подобна изысканнымъ блюдамъ, которыя одни не могутъ напитать человѣка; для того, чтобы онѣ дѣйствительно укрѣпляли его силы и не ослабляли ихъ, для того, чтобы они не развили прихотливости вмѣсто здороваго апетита, необходимо примѣшивать къ нимъ болѣе простыя блюда,—трудно догадаться объ этой истинѣ; ее можетъ показать только опытъ.

Придя къ этому убѣжденію, директоръ школы тѣмъ сильнѣе возставалъ противъ крайности въ новомъ направленіи. Въ виду того, что многіе слушатели стали ограничиваться только пріобрѣтеніемъ

свѣдѣній, необходимыхъ для поступленія на государственную службу, онъ настоялъ на томъ, чтобы курсы общаго характера были сдѣланы обязательными и составляли бы необходимое условіе для полученія диплома. Замѣчательно, что рядомъ съ очень высокимъ умственнымъ развитіемъ во французскомъ обществѣ уживается постоянно стремленіе свести до минимума количество научныхъ занятій, необходимыхъ для полученія диплома. Противъ этого школа борется изо всѣхъ силъ; она не только дѣлаетъ обязательными общіе курсы, она при всякомъ удобномъ случаѣ старается показать слушателямъ ложность ихъ воззрѣній даже съ точки зрѣнія ихъ личной пользы. Упомянувъ о греческой революціи 1848 г. и о томъ, какія замѣчательныя донесенія присылалъ объ ней французскому правительству Тувенель, тогда еще совсѣмъ молодой человѣкъ, случайно очутившійся во главѣ миссіи за временнымъ отсутствіемъ посланника, Сорель сказалъ: „Господа! это должно служить для васъ поучительнымъ примѣромъ; вы всегда должны быть готовы очутиться въ положеніи Тувенеля. Всегда можетъ случиться въ странѣ важное событіе, когда вы временно будете замѣнять вашего начальника. Отъ того съумѣете ли вы быть на высотѣ вашей задачи, зависитъ польза государства, которому вы служите и, ваше собственное будущее. Я постоянно слышу въ обществѣ: „зачѣмъ столько наукъ? дипломатъ вырабатывается въ канцеляріяхъ“ да вы и сами думаете: „въ этой Ecole des sciences politiques загромождаютъ наши головы изученіемъ множества ненужныхъ для жизни предметовъ“. Это большое заблужденіе. Канцелярія никогда не можетъ образовать дипломата. Чѣмъ тамъ занимаются? перепиской депешъ, часто не понимая ихъ смысла, потому для скорости работы длинную депешу разрѣзаютъ на двѣ и на три части. Развѣ это можетъ замѣнить широкое политическое образованіе, которое дается только знакомствомъ съ науками. Безъ него ваша несостоятельность выступитъ съ необыкновенной ясностью, какъ только вамъ случайно и временно придется занять отвѣтственный постъ“.

Въ настоящее время нормальная продолжительность курса въ Ecole libre des sciences politiques два года, но посредствомъ нѣкоторыхъ комбинацій въ программахъ онъ можетъ быть и трехлѣтнимъ. Въ школѣ пять отдѣловъ, вокругъ которыхъ и группируются всѣ предметы преподаванія: отдѣлъ административный, дипломатическій, финансовъ и политической экономіи, колоніальный и общій отдѣлъ (государственное право и исторія).

Историческіе курсы, читающіеся въ школѣ, такъ распредѣляются по этимъ отдѣламъ. Для административнаго отдѣла обязательны: конституціонная исторія Франціи, Англіи, Соединенныхъ Штатовъ, съ 1789 г. (1 годовая лекція). Конституціи Бельгіи, Швейцаріи, Герма-

ніи, Австро-Венгріи и Италіи (1 г. л.). Парламентская и законодательная исторія Франціи съ 1789 года (1 г. л.). Для дипломатическаго: Географія и этнографія (1 г. л.). Дипломатическая исторія съ 1648 до 1789 (1 г. л.). Дипломатическая исторія съ 1789 до нашихъ дней (2 г. л.). Обзоръ современной Европы (1 г. л.) и Восточныя дѣла (1 г. л.). Для колоніальнаго: Исторія сношеній Западныхъ государствъ съ крайнимъ Востокомъ (1 г. л.). Для общаго отдѣла: конституціонная исторія Англіи, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ съ 1789 (1 г. л.). Конституціи Бельгіи, Швейцаріи, Германіи, Австріи и Италіи (1 г. л.). Парламентская и законодательная исторія Франціи съ 1789 (1 г. л.). Дипломатическая исторія съ 1789 года до нашихъ дней (2 г. л.). Обзоръ современной Европы (1 г. л.). Исторія политическихъ идей и общественнаго настроенія за послѣдніе два вѣка (1 г. л.). Географія и этнографія (1 г. л.).

Историческое преподаваніе за 1891—1892 годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ[36].

Дипломатическую исторію Европы съ Вестфальскаго мира до 1789 года излагаетъ Пижоно[37]. Какъ ученый, Пижоно питаетъ болѣе склонности къ исторіи торговли и колоніальныхъ отношеній. Этимъ вопросамъ посвящены его лучшіе курсы въ Ecole des sciences politiques и въ Faculté des lettres и его лучшія сочиненія, между которыми первое мѣсто принадлежитъ исторіи торговли Франціи до конца

---

[36]) Статья эта обязана своимъ возникновеніемъ любезности директора Ecole libre des sciences politiques Бутми, разрѣшившаго мнѣ присутствовать на тѣхъ историческихъ курсахъ, на которые я не былъ записанъ въ качествѣ вольнослушателя. Вынесенныя оттуда впечатлѣнія и легли въ основу очерка этого, а необходимыя свѣдѣнія объ организаціи школы почерпнулъ я изъ программы ея (Ecole libre des sciences politiques. Année scolaire 1891—1892. Organisation.—Programme des cours. Paris. Cotillon 1891 in 12°), изъ очерка ея исторіи (Ecole libre des sciences politiques 1871—1889, Paris. Chamerot 1889 in 8°), изъ статей Бутми Observations sur l'enseignement des sciences politiques et administratives (Rev. internation. de l'enseignem. pb. p. l. soc. d. l'enseignem. supér. Paris, Masson, 1881. 15 mrs. 1881. 237—250). De la place des sciences politiques et sociales dans l'enseignement supérieur. (Ann. d. l'éc. libr. d. scienc. polit. Paris. Alcan, 1891. 25—44. Статья Сореля: Sur l'enseignement de l'histoire diplomatique. (Rev. int. d. l'ens. 15 janv. 1881. 25—31).

[37]) Вотъ болѣе подробная программа курса Пижоно:

I. Европа въ началѣ 17-го вѣка.—Французскій и Австрійскій царственные дома.—Католики и протестанты.—Ришелье и Мазарини.—Вестфальскій миръ.—Пиринейскій миръ.

II. Европа въ 1661 г.—Политика Людовика XIV.—Три Европейскія коалиціи.—Утрехтскій договоръ.

16-го вѣка 38). Теперь Пижоно уже старикъ, но въ немъ сохранилось еще много живости и энергіи. Хотя вообще отличительною чертою французскихъ профессоровъ является необыкновенное искусство, съ которымъ они владѣютъ словомъ, но на этотъ счетъ Пижоно представляетъ исключеніе. Его дикція искусственна и утомительна; даже въ построеніи той лекціи, которую мнѣ пришлось слышать не было той обработанности, того изящества, въ которомъ французы такіе неподражаемые мастера.

Параллельно съ курсомъ Пижоно читаетъ Кӧкленъ, бывшій ученикъ Ecole 39). Кӧкленъ еще совершенно молодой человѣкъ, авторъ неоконченнаго сочиненія о Раштадтскомъ конгрессѣ 40) и одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Journal des Débats. Та лекція, на которой мнѣ пришлось присутствовать, была посвящена Исторіи Великой Сѣверной войны съ Полтавской битвы до 1718 года. Судя по библіографическимъ указаніямъ, она была построена не на особенно большомъ ученомъ фундаментѣ (о Петрѣ Великомъ лекторъ зналъ только одно сочиненіе Schuyler'a, правда хорошее 41), но Кӧкленъ съумѣлъ овладѣть вполнѣ своимъ матеріаломъ, онъ привелъ его въ такой стройный порядокъ, облекъ въ такую красивую, живую форму, что слушатель выносилъ съ его лекціи самое пріятное впечатлѣніе.

III. Европа въ началѣ XVIII вѣка.—Кардиналъ Флери.—Война за Австрійское наслѣдство.—Семилѣтняя война.—Парижскій миръ.—Морское преобладаніе Англіи.

IV. Европа и ея колоніи 1763 г.—Шуазель.—Пріобрѣтеніе Лорени и Корсики.—Раздѣлы Польши.—Борьба Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатовъ за независимость.—Вооруженный нейтралитетъ.

38) Pigeonneau. Histoire du commerce de la France depuis les origines jusqu'à la fin du XVI siècle. Paris. Cerf. 1885—1889. 2 v. in 8°.

39) Программа курса Кӧклена состоитъ въ слѣдующемъ:

I. Библіографія дипломатической исторіи.
II. Вестфальскій миръ.
III. Испанія, Англія, Голландія въ XVII вѣкѣ.
IV. Сѣверъ и Востокъ (Швеція, Россія, Польша, Турція) въ XVII и XVIII вѣкѣ.
V. Развитіе Пруссіи.
VI. Англія и ея колоніи въ XVIII вѣкѣ.

40) La politique française au congrès de Rastadt. (Ann. d. l'éc. libr. d. Scienc. Polit. 15 janv. 15 juil. 1886).

41). Schuyler. Peter the Great. New-York. 2 v. in 8°. Автору извѣстны русскіе источники въ подлинникѣ, онъ основательно обработалъ ихъ пользуясь указаніями и руководствомъ проф. Бестужева-Рюмина, что въ связи съ его многочисленными путешествіями, открывшими ему много новыхъ любопытныхъ матеріаловъ помогло создать ему лучшее сочиненіе, которое написано о Петрѣ Великомъ не порусски.

Продолженіе къ курсу Пижоно-Коклена составляетъ курсъ Сореля-Вандаля.

Между всѣми профессорами, читающими исторію въ Ecole libre des Sciences Politiques, первое мѣсто, и какъ лекторъ, и какъ ученый, безъ сомнѣнія, занимаетъ Сорель. Да и во всей Франціи въ настоящее время, кромѣ Тэна, по талантливости ему нѣтъ равнаго. Высокій, бѣлокурый, плотнаго массивнаго сложенія, Сорель представляетъ изъ себя настоящій типъ француза-сѣверянина не только по внѣшности, но и по особенностямъ своего ума и дарованій. Пылкая впечатлительная природа дѣлаетъ француза-южанина и въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ рабомъ воображенія; яркіе образы, быстро возникающіе и исчезающіе въ его головѣ, влекутъ его къ себѣ съ неотразимою силою и не останавливаясь на томъ, возможны ли, и исполнимы, онъ стремится во что бы то ни стало осуществить или описать то, что переполняетъ его душу. Тѣ же основныя духовныя свойства принимаютъ другой видъ въ французѣ-сѣверянинѣ, подъ вліяніемъ разсудительности и выдержки, въ немъ преобладающихъ. Стремительность, „furia francese" переходитъ въ энергичность, въ способность уноситься изъ міра дѣйствительнаго въ область видѣній, въ умѣнье, возвышаясь надъ событіями, обнимать ихъ однимъ взоромъ и схватывать ихъ общій смыслъ и значенье, тотъ ésprit des géneralités, который составляетъ характерную особенность французовъ. Именно необычайная ясность и энергичность ума является преобладающею чертою въ дарованіяхъ Сореля. Это прежде всего поражаетъ слушателя въ его лекціи. Въ ней нѣтъ мѣста сомнѣніямъ и колебаніямъ, точно также какъ нѣтъ ихъ въ жестахъ Сореля и его манерѣ держать себя, рѣшительной и увѣренной. Войдя на каѳедру, онъ быстрыми и точными движеніями вынимаетъ изъ портфеля множество книгъ, изъ которыхъ на лекціи онъ нерѣдко читаетъ выдержки, и стукнувъ одною изъ нихъ по столу, чтобы въ многолюдной и шумной аудиторіи воцарилась тишина, начинаетъ лекцію. Говоритъ онъ чрезвычайно скоро и отчетливо, почти никогда не заглядывая въ записки, которыя онъ даже не всегда приноситъ. Да онѣ ему почти и не нужны. Его голова работаетъ съ такою быстротою, онъ такъ проникнутъ своимъ предметомъ, онъ такъ ясно видитъ разбираемое явленіе и его мѣсто въ исторіи, что нужныя слова, ясныя и точныя, кажется, сами приходятъ ему на языкъ, а лекція сама собою получаетъ стройность и соразмѣрность частей. Прежде всего онъ старается отдѣлить въ излагаемыхъ событіяхъ существенное отъ второстепеннаго, зерно отъ мякины, но не для того, какъ дѣлаютъ другіе, чтобы сжечь зерна и собрать мякину въ житницы. Его анализъ при этомъ отличается необыкновенной тонкостью и глубиной; полученныя обобщенія онъ умѣетъ возводить къ причинамъ столь простымъ

и очевиднымъ, что только слушателю приходится удивляться, какъ раньше ему самому не пришла въ голову та же мысль. Но въ этомъ и есть тайна большаго ума: открывать простое и очевидное, что до тѣхъ поръ между тѣмъ никому не приходило въ голову, и вносить такимъ образомъ свѣтъ туда, гдѣ былъ раньше мракъ. Тамъ, гдѣ безсильна историческая критика съ своими методами, Сорелемъ руководитъ историческое чутье, рѣдко вводящее его въ обманъ. Меня, какъ русскаго, поразила та вѣрность, съ которой онъ умѣлъ понять не только характеръ русской политики, но и стихійныя стремленія русскаго народа, схватить духъ русскаго государственнаго устройства. Этому умѣнью представлять съ необыкновенной наглядностію историческія событія, разлагая ихъ на составные элементы и возводя къ общимъ причинамъ, безъ сомнѣнія, много помогаютъ его психологическія способности. Для того, чтобы очертить характеръ и побужденія дѣйствующихъ лицъ, ему довольно нерѣдко бываетъ нѣсколько штриховъ. Анекдотомъ, тонко выбраннымъ и разсказаннымъ съ большимъ искусствомъ, двумя, тремя ѣдкими замѣчаніями онъ умѣетъ подвести итогъ всей человѣческой дѣятельности. Но одного знанія человѣческаго сердца, одного холоднаго пониманія историческихъ событій, ихъ смысла и значенія еще мало, чтобы вызвать ѣдкую иронію; тутъ нужно другое болѣе страстное чувство и такимъ чувствомъ является въ Сорелѣ патріотизмъ. Для того, чтобы понять вполнѣ, что такое для французовъ любовь къ родинѣ, нужно пожить во Франціи, нужно побыть въ той особенной обстановкѣ, гдѣ все направлено на прославленіе или служеніе отечеству, гдѣ сами улицы своими именами увѣковѣчиваютъ славу французской науки, литературы и оружія. Нужно видѣть, какъ при одномъ воспоминаніи о бѣдствіи, постигшемъ ихъ родину, затуманиваются неподдѣльною, благородною грустью лица французовъ, какъ при одной мысли о ея славѣ и величіи разгораются яркимъ блескомъ ихъ глаза. Все, что есть высокаго и чистаго въ ихъ душѣ, все, что въ ней есть самоотверженнаго, и идеальнаго, сосредоточивается въ этомъ святомъ для нихъ чувствѣ. Его одинаково раздѣляютъ всѣ классы, всѣ политическія партіи безъ различія оттѣнковъ и это чувство, не затемняя ясности ученаго взгляда у Сореля, не вредя его безпристрастію, вливаетъ живую струю въ его лекціи и заставляетъ мѣстами дышать ихъ настоящимъ лиризмомъ [42]).

Дополненіемъ къ курсу Сореля является курсъ Вандаля, который также излагаетъ дипломатическую исторію Европы въ XIX столѣтіи, но сосредоточиваетъ свое вниманіе преимущественно на

[42]) Болѣе подробная программа курса Сореля состоитъ въ слѣдующемъ.

восточныхъ дѣлахъ [43]. Вандаль молодой еще человѣкъ, но уже много сдѣлавшій для разработки исторіи отношеній Франціи къ Турціи и Россіи. Послѣднее и лучшее сочиненіе его въ этой области вышло недавно подъ заглавіемъ: „Наполеонъ и Александръ“ [44]. Но вообще какъ ученому и какъ профессору Вандалю вредитъ стремленіе быть краснорѣчивымъ въ духѣ герцога Брольи. Способность и умѣнье писать изящно, легко и красиво, безъ сомнѣнія, составляетъ большое качество въ историкѣ, оно оживляетъ сухость его изысканій, архивныхъ работъ, но для этого нужно необходимо, чтобы оно было естественнымъ. Иначе отъ этого пострадаетъ и форма, и содержаніе самого сочиненія. Въ концѣ концовъ слушателю и читателю должны показаться утомительными эти длинныя описанія съ перечисленіемъ всего того, что можно сказать о предметѣ, это накопленіе образовъ и сравненій, вызванныхъ не тѣмъ, что автора поразила какая-нибудь новая, неожиданная черта въ предметѣ, а тѣмъ, что ему захотѣлось по этому поводу сказать нѣсколько красивыхъ фразъ. Потомъ за этою постоянною заботою о стилѣ, объ описаніи внѣшности событій, автору не остается довольно времени и мѣста, чтобы оцѣнить надлежащимъ

I. Европа въ 1818 году.—Эпоха конгрессовъ.—Борьба Греціи за независимость.
II. Революція 1830, независимость Бельгіи.
III. Европа и Іюльская монархія.
IV. Революція 1848 г.
V. Вторая имперія.—Крымская война.
VI. Объединеніе Италіи.
VII. Объединеніе Германіи.
VIII. Франко-прусская война. Берлинскій конгрессъ.

Конференція же Сореля посвящена ближайшему разсмотрѣнію организаціи дипломатической службы (министерство иностранныхъ дѣлъ, посольства, корреспонденціи, архивы, иностранные дворы, общество, пресса), источниковъ дипломатической исторіи съ 1818 года.—Изученіе текстовъ.—Понятія о критикѣ и о историческомъ методѣ—разницы между историческимъ изложеніемъ и дипломатическимъ стилемъ.

[43]) Программа лекцій Вандаля слѣдующая:

Возникновеніе современнаго восточнаго вопроса.—Освобожденіе Греціи.—Мегеметъ Али и Египетскій кризисъ.—Крымская война.—Исполненіе и пересмотръ Парижскаго трактата.—Русско-турецкая война 1877/1878 года и Берлинскій конгрессъ.—Вопросы относительно исполненія Берлинскаго трактата.—Тунисъ, Египетъ и Болгарія.

[44]) Vandal, Alb. Louis XIV et l'Egypte. Paris. Picard, 1889 in 8°.—Louis XV et Elisabeth de Russie. Paris. Plon, 1882 in 8°.—Une ambassade française en Orient sous Louis XV. La mission de M-is de Villeneuve 1728—1741. Paris. Plon, 1887 in 8°.—Napoléon I et Alexandre. L'alliance russe sous le premier empire. I. De Tilsit à Erfurt. Paris. Plon, 1891 in 8°.

образомъ ихъ смыслъ и значеніе. Отъ того страдаетъ сама историческая истина. Вандаль такъ любитъ красивыя фразы и слова, что невольно находитъ поводъ и случай тамъ, гдѣ они недостаточно оправдываются историческими фактами: онъ невольно въ силу склонностей своего ума и вкусовъ подгоняетъ не столько форму къ содержанію, сколько содержаніе къ формѣ. Впрочемъ, пристрастіе Вандаля къ риторикѣ находитъ оправданіе вообще въ томъ, что ее очень любитъ французское общество. Для того, чтобы изгнать ее изъ университетскаго преподаванія, нуженъ былъ цѣлый походъ нѣсколькихъ выдающихся ученыхъ, воспитанныхъ на нѣмецкихъ образцахъ, да и теперь ея корни еще очень живучи. Я сужу по тому, какими аплодисментами награждаетъ аудиторія Вандаля за вычурныя стилистическія фигуры въ его рѣчи, за остроты въ родѣ „пролитія большаго количества чернилъ и малаго количества крови", за изображеніе „трехцвѣтнаго знамени развѣвающимся въ защиту гуманности и прогресса".

Съ большимъ любопытствомъ пошелъ я на лекцію Анатоля Лероа Болье о политической исторіи разныхъ Европейскихъ государствъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ [45]). Мнѣ хотѣлось поглядѣть на знаменитаго знатока Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ послушать научную лекцію о томъ, что обыкновенно бываетъ предметомъ политическихъ памфлетовъ и руководящихъ газетныхъ статей. Нужно сказать, что подобный курсъ составляетъ одну изъ исключительныхъ особенностей Ecole libre des sciences politiques. Я не знаю другого высшаго заведенія во Франціи, гдѣ бы съ каѳедры трактовалась исторія, совершающаяся на нашихъ глазахъ. Отсутствіе исторической перспективы, отсутствіе главнѣйшихъ источниковъ, необходимость по частному судить объ общемъ, по внѣшности заключать о внутреннемъ значеніи исключаетъ въ глазахъ большинства профессоровъ современныя событія изъ области научнаго изученія, слѣдовательно и изъ числа предметовъ университетскаго преподаванія. Эти соображенія не остановили Бутми. На его взглядъ современное преподаваніе и грѣшитъ тѣмъ, что оно слишкомъ много занимается отдаленнымъ прошлымъ и слишкомъ мало настоящимъ. Пополнить этотъ пробѣлъ въ высшемъ образованіи и должна была по его идеѣ Ecole libre des sciences politiques. Его не смутила новизна и необычайность подобнаго курса. „Профессора", пишетъ онъ въ отчетѣ о состояніи школы, „исторіи дипломатической, конституціонной, парламентской и законодательной

---

[45]) Вотъ въ чемъ состоитъ болѣе подробная программа его лекцій:

I. Восточная Европа.—Россія.—Турція.—Балканскія государства.

II. Центральная и южная Европа.—Австро-Венгрія.—Германія.—Италія и папскій престолъ.—Испанія.—Швейцарія.—Бельгія и Голландія.

не могутъ, а можетъ быть и не должны заниматься событіями, совершающимися на нашихъ глазахъ: они изучаютъ совершившееся, а не совершающееся, оттого-то и становится необходимымъ такой курсъ, который давалъ бы возможность будущимъ дипломатамъ приложить къ современнымъ событіямъ свѣдѣнія, пріобрѣтенныя ими при изученіи исторіи и права". Признавая вполнѣ необходимость и всю практическую пользу подобнаго курса, можно было бы только усумниться въ его научности, если бы его читалъ иной кто, а не Анатоль Леруа Болье. Вся предшествующая его разносторонняя ученая дѣятельность, продолжительное и глубокое изученіе главныхъ вопросовъ, волнующихъ современное общество, подготовили его къ успѣшному разрѣшенію нелегкой задачи, выпавшей на него въ видѣ этого курса. По отзыву Сореля книга Анатоля Лероа Болье: „Императоръ, король, папа и реставрація" 45) до сихъ поръ остается единственной исторической страницей между всѣмъ, что писалось о Наполеонѣ III. Въ Revue des deux Mondes и теперь появляется рядъ его статей о папствѣ, соціализмѣ и демократіи 46); въ томъ же приблизительно духѣ написано его сочиненіе о католикахъ, либералахъ, церкви и либерализмѣ съ 1830 года до нашихъ дней 47). Только при такой подготовкѣ могъ Лероа Болье взять на себя трудную обязанность, не сходя съ научной почвы, завершить образованіе молодыхъ людей по всѣмъ отраслямъ политическихъ наукъ и заполнить въ ихъ умѣ пространство, лежащее между областью научнаго изученія и событіями текущей жизни. Своимъ слушателямъ, какъ кажется, извѣстенъ Лероа Болье не столько перечисленными выше сочиненіями, сколько своимъ извѣстнымъ трехтомнымъ трудомъ о Россіи 48). По крайней мѣрѣ его имя до такой-то степени связано въ ихъ представленіи съ понятіемъ о Россіи, что одинъ изъ нихъ, съ которымъ я разговаривалъ до начала лекціи сказалъ мнѣ: самъ Лероа Болье имѣетъ видъ d'un moujick russe. Дѣйствительно, появившійся затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ на каѳедрѣ тихою и робкою походкою Анатоль Лероа Болье своею болѣзненною наружностью мало подходилъ къ обыкновенному типу

III. Великобританія и колоніальная политика разныхъ народовъ. —Англичане и русскіе въ Азіи.—Египетскій вопросъ.—Раздѣлъ Африки.

45) Leroy-Beaulieu, An. Un empereur, un roi, un pape, une restauration. Paris. Charpentier, 1879.

46) Id. La papauté, le socialisme et la démocratie. Rev. d. d. Mond. 15 déc. 1891.

47) Id. Les Catholiques—libérax, l'église et le libéralisme de 1830 à nos ours. Paris. Plon, 1885 in 18°.

48) Id. Empire des tsars et les Russes. Paris. Hachette. 1882 — 1889. 3 v. in 8°.

живаго, энергичнаго француза, а своею нестриженною бородою и длинными волосами оправдывалъ странное уподобленіе, сдѣланное на его счетъ однимъ изъ его слушателей. Наливъ въ стаканъ воды и положивъ туда по французскому обычаю сахару Лероа Болье началъ лекцію, помѣшивая ложечкою въ стаканѣ. Говоритъ онъ медленно, но ясно и плавно, съ мягкими жестами, пріятнымъ пѣвучимъ голосомъ, изрѣдка оживляя лекцію какимъ нибудь характернымъ анекдотомъ. При щекотливости разбираемыхъ имъ вопросовъ, при постоянной возможности задѣть или оскорбить взгляды своихъ слушателей, онъ старается быть въ высшей степени умѣреннымъ въ выраженіяхъ и осторожнымъ въ выводахъ. Его лекція походитъ не столько на исторію новѣйшихъ событій, сколько на разсужденія объ нихъ. Онъ стремится найти въ нихъ все существенное и возстановить ускользающую для большинства связь съ предшествующимъ и то, что можетъ показаться на первый взглядъ случайнымъ, возвести къ общимъ причинамъ. Онъ не стѣсняется хронологіей, онъ беретъ изъ событій самыя характерныя, которыя и группируетъ по произволу, преслѣдуя только ту цѣль, чтобы у слушателей получалось ясное, цѣльное представленіе о главныхъ современныхъ явленіяхъ.

Отъ исторіи дипломатической я перехожу къ исторіи государственнаго права, конституціонной и законодательной, какъ она называется въ программахъ Ecole libre des sciences politiques. Конституціонную исторію Франціи съ 1789 по 1875 годъ читаетъ Діецъ [49]), главный редакторъ самой ученой французской газеты „Journal des Débats". Это тоже одна изъ особенностей школы, что къ профессорской каѳедрѣ получаютъ одинаковый доступъ на ряду съ профессіональными учеными и чиновники, и журналисты. Это одно изъ примѣненій принципа свободы, положеннаго въ основу устройства школы. И принципъ этотъ при томъ рѣдкомъ дарѣ открывать способности, которымъ отличается директоръ школы Бутми, былъ въ высшей степени плодотворенъ для пополненія преподавательскаго персонала. Хотя напримѣръ у Діеца почти нѣтъ ученыхъ сочиненій, хотя его дѣятельность посвящается главнымъ образомъ вопросамъ публицистики, это не мѣшаетъ его курсу быть въ высшей степени обработаннымъ и продуманнымъ. А читаетъ онъ его съ внѣшней стороны положительно безукоризненно. Мнѣ рѣдко приходилось видѣть такого живаго, подвижнаго

[49]) Діецъ читаетъ по слѣдующей программѣ:

Организація парламентскихъ и законодательныхъ работъ въ революціонныхъ собраніяхъ во время консульства и имперіи.—Дѣло „grands comités".—Уничтоженіе феодализма и кодексъ гражданскаго права.—Кодексъ преступле-

лектора. Во время чтенія Діецъ разводитъ руками, качаетъ головой, пожимаетъ плечами, но все это дѣлается такъ умѣстно, естественно и непроизвольно, что эта живость дикціи подкупаетъ слушателя и усиливаетъ въ немъ интересъ къ лекціи.

Конституціонную исторію Европы съ 1789 года до нашихъ дней [50]) читаетъ Лебонъ, начальникъ канцеляріи президента сената. Лебонъ является вполнѣ питомцемъ школы. По окончаніи курса съ отличіемъ онъ былъ отправленъ на ея счетъ въ Англію для занятія въ архивахъ. Оттуда привезъ онъ матеріалы для своего сочиненія объ Англіи и французской эмиграціи и издалъ его подъ непосредственнымъ руководствомъ и съ предисловіемъ Сореля [51]). Съ 1887 года, когда появилась первая работа Лебона, подъ его именемъ вышло уже много изданій по исторіи дипломатіи, между которыми я укажу на тщательный трудъ въ собраніи инструкцій, данныхъ французскимъ министрамъ и посламъ о Баваріи, Палатинатѣ и другихъ мелкихъ

ній и наказаній IV года и уголовный кодексъ.—„La constitution civile du clergé" и конкордатъ.—Университеты.—Первая реставрація и „сто дней."—Ордонансы 5 сентября.—Законы о выборахъ, о печати, объ арміи.—Кабинетъ Виллеля.—Законы о святотатствѣ, о правѣ старшинства, о печати (законы, называемые de justice et d'amour).—Полиньякъ и ордонансы.—Іюльская монархія.—Законъ 1833 года о первоначальномъ образованіи.—Коалиція.—Министерство Гизо.—Революція 1848 года.—Законъ 1850 объ образованіи.—Законъ 31 мая.—Имперія.—Законодательное и экономическое движеніе до 1860 г. „Пятеро"—успѣхи либеральныхъ идей.—19 января 1867 г.; законы о собраніяхъ и о печати.—Кабинетъ Олливье.—Плебисцитъ.—Національная оборона, правительство Тьера, очищеніе территоріи.—24 мая 1873 г.—Свобода высшаго образованія.—Обсужденіе конституціи 1875 года.

[50]) Лебонъ разсматриваетъ ближайшимъ образомъ слѣдующія явленія:

Англія. Источники конституціоннаго права.—Аристократія; ея основы въ земельной собственности; роль въ мѣстномъ управленіи; палата лордовъ.—Средніе классы; составъ избирателей въ 1832, 1867 и 1868 годахъ, палата общинъ, законодательный органъ и основа всего правительства.—Исполнительная власть, министры, король, кабинетъ.

Соединенные штаты. Федеральная конституція; историческій очеркъ ея развитія.—Исполнительная власть.—Избраніе президента; его права.—Министры внѣ палатъ.—Конгрессъ, сенатъ, его исполнительная власть; палата депутатовъ.—Судебная власть, ея политическое значеніе.—Государственное устройство отдѣльныхъ штатовъ: ихъ отношеніе къ федеральной власти.

Франція. Французскія конституціи съ 1791 по 1875 гг.—Обзоръ главныхъ конституціонныхъ вопросовъ: двѣ палаты, ихъ права, ихъ отношеніе къ исполнительной власти.—Отвѣтственность министровъ.—Пересмотры конституціи.

[51]) Lebon, Andr. Angleterre et l'émigration française de 1794—1801. Paris, Plon, 1882 in 8°.

нѣмецкихъ государствахъ [52]). Плодъ его занятій государственнымъ правомъ составляетъ сочиненіе о нѣмецкой конституціи [53]) и нѣкоторыя другія изданія, которыя носятъ слишкомъ спеціальный характеръ, для того, чтобы говорить объ нихъ въ этомъ бѣгломъ очеркѣ постановки историческаго преподаванія въ Ecole libre des sciences politiques. Лебонъ не обладаетъ свойствами выдающагося лектора; онъ читаетъ медленно, сухо и дѣловито, постоянно заглядывая въ записки. Его чтеніе напоминаетъ докладъ чиновника, оно сосредоточивается главнымъ образомъ на фактахъ, что не исключаетъ однако въ Лебонѣ стремленія отыскивать за внѣшнею организаціею учрежденій ихъ духъ и значеніе, за парламентскимъ устройствомъ видѣть роль партій, за избирательными законами роль классовъ.

Въ моемъ очеркѣ, несмотря на его краткость, былъ бы ощутительный пробѣлъ, еслибы я не сказалъ ничего о курсѣ Леви Брюля, основываясь на томъ, что въ этомъ году онъ не читается. Онъ посвященъ „исторіи политическихъ идей и общественнаго мнѣнія за послѣдніе два вѣка", т.-е. изученію того могущественнаго фактора, который царитъ безраздѣльно въ государствахъ съ свободными учрежденіями и которому принадлежитъ глухое и скрытое, но тѣмъ не менѣе и неотразимое вліяніе въ государствахъ, съ формами наружно исключающими возможность этого предположенія. „Вы требуете отъ насъ уступокъ Россіи, говорилъ турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ лорду Странгфорду въ 1821 году, вы говорите, что мы идемъ на вѣрную гибель, разрывая съ ней, но султанъ не можетъ дѣйствовать иначе, не то народъ и янычары сочтутъ его недостойнымъ властвовать надъ собою" [54]). Въ двухъ величайшихъ событіяхъ этого вѣка объединеніи Германіи и объединеніи Италіи выразилась сила общественнаго мнѣнія и сказалось его торжество. Курсъ Леви Брюля, насколько можно судить по его программѣ и по интересной его книжкѣ „Германія послѣ Лейбница" (очеркъ развитія національнаго нѣмецкаго самосознанія) [55]) и ставитъ своею задачею показать, какъ возникла и развилась національная идея въ Германіи, какъ побѣдила она космополитизмъ, какъ отождествилась постепенно съ идеей единаго государства. Леви Брюль старается указать, что сдѣлалъ каждый

---

[52]) Id. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France.., VII. Baviére, Palatinat, Deux-Ponts... in 8°.

[53]) Etudes sur l'Allemagne politique. Paris. Plon, 1890.

[54]) № 124, CCXXXIII Т. Д., А. Ф. М. И. Д. Віелла къ Пакье 1 августа 1821 г.

[55]) Levy-Bruhl. L'Allemagne depuis Leibnitz. Essais sur le développement de la conscience nationale en Allemagne. 1700—1748, Paris. Hachette. 1890.

отдѣльный человѣкъ въ этомъ великомъ дѣлѣ, какую роль играли профессора, школьные учителя, поэты, философы, политическіе дѣятели. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать исторію идей и потому, естественно, противъ книги Леви Брюля было сдѣлано не мало возраженій, я ихъ не стану здѣсь повторять. Еслибы даже онъ и преувеличилъ значеніе учителей и профессоровъ въ дѣлѣ объединенія Германіи, то этимъ онъ раздѣлилъ бы только увлеченіе французскихъ профессоровъ нѣмецкими университетами и ихъ свойствами, но отъ нѣкоторыхъ крайностей все же не умалилась бы важность его курса, интереснаго по замыслу и предмету, такъ какъ настроеніе человѣка и общество всегда останется главною причиною событій.

Считая, что семинаріи при нѣмецкихъ университетахъ являются главными разсадниками науки, что именно онѣ развиваютъ въ студентахъ любовь къ самостоятельнымъ занятіямъ, Бутми создалъ нѣчто подобное и въ своей школѣ въ видѣ groupes de travail. Первоначально этой цѣли служили конференціи, имѣвшія задачей развивать въ слушателяхъ тѣ способности, которыхъ не можетъ затронуть преподаваніе съ каѳедры, открывать студентамъ доступъ къ источникамъ подъ руководствомъ профессоровъ, но потомъ онѣ получили характеръ профессіональной подготовки и образовавшійся такимъ образомъ пробѣлъ былъ заполненъ groupes de travail. Groupes de travail по замыслу основателя должны были пріучать студентовъ заниматься изъ любви къ знанію, а не только ради пріобрѣтенія аттестата. Въ нихъ должны были найти просторъ индивидуальность молодаго человѣка, особенности его мышленія, онѣ должны были объединить въ совокупной работѣ учителя и ученика, укрѣпить дружественную связь между студентами общимъ стремленіемъ къ научнымъ занятіямъ. Въ группахъ два разряда: высшій и низшій. Въ высшемъ уже окончившіе курсъ разработываютъ отдѣльные научные вопросы подъ руководствомъ профессоровъ, въ низшемъ, подготовительныхъ къ высшимъ, занимаются студенты подъ предсѣдательствомъ одного изъ бывшихъ учениковъ школы. Мнѣ удалось побывать на засѣданіи обоихъ видовъ groupes de travail.

Въ студенческомъ собраніи юный предсѣдатель исполнялъ свои обязанности съ большимъ искусствомъ и увѣренностію. По обычаю засѣданіе открылось такъ-называемымъ exposé. Одинъ изъ участниковъ, заранѣе подготовившись, долженъ былъ устно изложить отдѣльный экзаминаціонный вопросъ по своему выбору ровно въ десять минутъ. Въ ограниченности времени и заключалась вся трудность

задачи. Для того, чтобы въ такой короткій срокъ дать слушателямъ полное и ясное понятіе о предметѣ, нужно было умѣнье говорить сжато и стройно. Когда exposé кончилось, предсѣдатель и секретарь произвели его оцѣнку, указали слабыя и сильныя, по ихъ мнѣнію, его стороны; студентъ защищался, и въ начавшемся оживленномъ спорѣ нашли себѣ полный просторъ познанія и діалектическія способности говорившихъ; слушатели, которыхъ было съ дюжину, видимо слѣдили за преніями съ большимъ интересомъ.

Затѣмъ на каѳедру взошелъ какой-то южный американецъ и на очень плохомъ французскомъ языкѣ прочелъ вторую часть своего довольно наивнаго реферата, имѣвшаго притязаніемъ изобразить политику нейтральныхъ державъ во время франко-прусской войны. Я не знаю, что послужило ему пособіемъ; онъ про это не обмолвился ни единымъ словомъ; самое большое, какой-нибудь учебникъ новѣйшей дипломатической исторіи да нѣсколько дурно понятыхъ отрывковъ изъ книги Сореля о франко-прусской войнѣ. Тѣмъ забавнѣе было слышать изъ его устъ громкія фразы: „я далекъ отъ того, чтобы быть противникомъ революціи 4 сентября, но считаю ее вредной съ дипломатической точки зрѣнія“. Слушатели, занявшіе удобныя позы на мягкихъ диванахъ небольшой, свѣтлой и уютно убранной аудиторіи, держали себя очень прилично, ничѣмъ не обнаруживая скуки или нетерпѣнія, одинъ негръ ухитрился даже записывать. Несмотря на довольно замѣтныя ошибки референта, возражать ему охотниковъ не нашлось и, поговоривши минутъ съ двадцать, онъ сошелъ съ каѳедры при жидкихъ аплодисментахъ, чѣмъ засѣданіе и кончилось.

Мнѣ кажется, что необыкновенная широта темъ, избираемыхъ участниками groupes de travail составляетъ явленіе вредное, она нестолько пріучаетъ ихъ къ разумному, толковому чтенію, сколько развиваетъ въ нихъ поверхностность и привычку къ повторенію общихъ мѣстъ. Что, напримѣръ, можно сказать въ теченіе часа о значеніи этнографическаго элемента въ восточномъ вопросѣ, или о другой темѣ, своею обширностію не уступающей названнымъ выше? Но, помимо этого, студенческія groupes de travail приносятъ несомнѣнную пользу: онѣ развиваютъ товарищескій духъ и пріучаютъ къ умѣнью говорить, организовывать общества, что совершенно необходимо въ странѣ съ сильно развитою парламентскою жизнію.

Засѣданіе высшей groupe de travail по дипломатической исторіи происходило подъ предсѣдательствомъ Вандаля, любезно допустившаго меня въ число слушателей. Къ сожалѣнію, я попалъ неудачно; мнѣ хотѣлось составить себѣ понятіе о научномъ вліяніи школы, мнѣ хотѣлось видѣть, какъ занимаются питомцы школы, какъ руководятъ ими профессора, этого-то мнѣ и не удалось. Референтомъ былъ не

ученикъ Ecole libre des Sciences politiques, а ученикъ Ecole d'Athènes, давно уже ставшей на свои ноги. Къ тому избранный имъ вопросъ отличался такою спеціальностію, что исключалъ всякую возможность руководства со стороны профессора. Рефератъ былъ посвященъ этнографіи современной Македоніи. Съ внѣшней стороны онъ былъ прочитанъ безукоризненно, референтъ говорилъ очень свободно, очень красиво, съ большимъ оживленіемъ, но самое содержаніе оставляло на мой взглядъ желать лучшаго. Вина тому кроется въ двойственности характера, приданнаго докладчикомъ его сообщенію. Это заразъ и ученое изслѣдованіе, и описаніе личныхъ путевыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ Македоніи, оттого историческій и этнографическій очеркъ не имѣетъ достаточной глубины и основательности, а описаніе путешествія по неволѣ утрачиваетъ часть своей живости и картинности. Вандаль, сдѣлавъ красивое resumé реферата, предложилъ слово представителямъ балканскихъ народностей (составъ школы, какъ я уже говорилъ, чрезвычайно разнообразенъ и въ средѣ студентовъ есть всегда нѣсколько грековъ и славянъ), тѣ оказались не на высотѣ задачи, они перенесли пренія на совершенно ненаучную почву политическихъ вкусовъ и настроенія балканскихъ народовъ и, видя ихъ несостоятельности, Вандаль поспѣшилъ заключить засѣданіе. Если этотъ рефератъ и не давалъ ничего для научнаго развитія слушателей въ смыслѣ методовъ и пріемовъ, то все же онъ былъ полезенъ, сообщая имъ новыя свѣдѣнія и расширяя ихъ политическій кругозоръ.

Къ сожалѣнію, въ ту пору, когда я писалъ этотъ очеркъ, не происходило ни одного собранія groupe de travail подъ предсѣдательствомъ Сореля, и я былъ такимъ образомъ лишенъ возможности составить объ немъ понятія, какъ объ руководителѣ семинарія. Судя потому, однако, какъ много пользы приносятъ студентамъ его конференціи, судя по превосходной его статьѣ объ особенностяхъ изученія дипломатической исторіи, онъ обладаетъ всѣми необходимыми качествами, чтобы распространять на занимающихся подъ его руководствомъ самое благотворное научное вліяніе.

Въ видѣ поощренія школа печатаетъ лучшія изъ возникающихъ такимъ образомъ работъ на страницахъ своего журнала, который сталъ выходить съ 1886 года подъ заглавіемъ „Лѣтописей свободной школы политическихъ наукъ [51])". Журналъ этотъ, тщательно редактируемый и составляющій за каждый годъ увѣстистый томъ большаго формата, не можетъ не быть интереснымъ, уже судя по именамъ

[51]) Annales de l'école libre des Sciences Politiques, recueil trimestriel. Paris. Alcan.

сотрудниковъ. Большинство профессоровъ школы помѣщаютъ въ немъ отрывки своихъ сочиненій, прежде ихъ выхода въ свѣтъ, отдѣльными изданіями. Въ каждомъ почти номерѣ можно найти одну или двѣ статьи, подписанную такими именами, какъ Сорель, Леонъ Сэ, Пижонно, Бутми, Стурмъ, Вандаль, Лебонъ и друг. При дѣятельномъ сотрудничествѣ профессоровъ и бывшихъ воспитанниковъ школы, студенческія сочиненія естественно не могутъ занимать много мѣста на страницахъ этого журнала, они тамъ рѣдкіе гости, ютящіеся главнымъ образомъ среди рецензій и какъ всѣ рецензіи начинающихъ, они ограничиваются тѣмъ, что стараются дать вѣрное понятіе о разбираемыхъ книгахъ, не пускаясь въ особую критику.

Въ такомъ видѣ представляется историческое преподаваніе въ Ecole libre des Sciences politiques за 1891—1892 учебный годъ. Безъ сомнѣнія, счастливый составъ профессорской коллегіи, выдающіяся способности многихъ изъ ея членовъ поддерживаютъ его на высокомъ научномъ уровнѣ и не даютъ ему превратиться въ повтореніе избитыхъ общихъ мѣстъ и пустое фразерство. Но при широтѣ курса опасность съ этой стороны есть, и всегда будетъ потомъ представляться болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, чтобы подобная программа, какъ бы ни было талантливо ея исполненіе, могла пробудить въ слушателяхъ жажду настоящаго, научнаго знанія и умѣнье пріобрѣтать его самостоятельно. Существованіе groupes de travail еще ничего не доказываетъ. Большинство ихъ участниковъ рядомъ съ Ecole libre des Sciences politiques посѣщало другія высшія заведенія, да еслибы даже во всѣхъ статьяхъ, принадлежащихъ студентамъ въ Лѣтописяхъ школы, можно было видѣть исключительные плоды ученаго вліянія Ecole libre, его нельзя было бы назвать вполнѣ благотворнымъ. Въ нихъ нѣтъ той тщательности критической обработки, той основательности, той глубины изслѣдованія, которыми отличаются труды École des chartes, École de d'Athènes, École de Rome, и которыя въ связи съ ясностію мысли и даромъ изложенія обезпечиваютъ за французской наукой такое блестящее будущее.

Произнося это сужденіе, я долженъ оговориться, что оно основывается на томъ впечатлѣніи, которое произвело на меня историческое преподаваніе въ школѣ, что, можетъ быть, оно было инымъ, еслибы я прослушалъ всѣ курсы. Затѣмъ, смотря на историческое преподаваніе съ точки зрѣнія научнаго вліянія, изъ желанія отмѣтить то, что можетъ интересовать пріѣзжающихъ въ Парижъ русскихъ, я дѣлаю своего рода натяжку, такъ какъ Ecole libre des Sciences politiques и не поставляетъ своею первою цѣлью быть разсадникомъ чистой, строгой научности. Она стремится прежде всего дать своимъ воспитанникамъ основательное политическое образованіе, дать имъ

вѣрное понятіе о современности, сдѣлать изъ нихъ практическихъ дѣятелей, которые умѣли бы примѣнять къ жизни пріобрѣтенныя научныя свѣдѣнія. Отъ этой практической дѣятельности не отказываются сами профессора Ecole libre, несмотря на всю свою ученость. Сорель, напр., остается первымъ секретаремъ Сената; Леруа Болье ученый, не пренебрегающій публицистикой въ широкомъ смыслѣ этого слова; Діецъ и Кöклэнъ прямо журналисты; Лебонъ начальникъ канцеляріи; Вандаль не такъ давно вышелъ только въ отставку изъ должности дѣлопроизводителя въ Государственномъ Совѣтѣ. Преслѣдуя эти практическія цѣли, школа попутно не упускаетъ однако случая служить исторіи, какъ наукѣ, а какъ образовательному предмету. Она поощряетъ въ своихъ ученикахъ возникновеніе чисто научныхъ стремленій, создавая стипендіи для заграничныхъ путешествій лучшихъ студентовъ, помѣщая ихъ труды на страницахъ своего журнала. Среди программъ высшаго образованія она открыла чувствительный пробѣлъ въ видѣ отсутствія курсовъ, посвященныхъ ближайшимъ событіямъ и съумѣла заполнить этотъ пробѣлъ. Въ этомъ ея неоспоримая заслуга, и съ этой точки зрѣнія она любопытна для всякаго русскаго, пріѣзжающаго въ Парижъ.

Личность и значеніе Григорія VII въ исторической литературѣ.

А. С. Вязигина.

Уясненіе значенія историческихъ дѣятелей представляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ и наиболѣе интересныхъ задачъ исторической науки. При рѣшеніи этой задачи чрезвычайно важное значеніе имѣютъ отзывы современниковъ, обыкновенно ложащіеся въ основу послѣдующихъ воззрѣній: потомству, вооруженному научными пріемами, порой чуждому страстей, волновавшихъ далекое прошлое, приходится, повидимому, только исправлять односторонность ихъ приговора. Но чѣмъ выше историческій дѣятель, чѣмъ шире кругъ его воздѣйствія на современное ему общество, чѣмъ крупнѣе плоды его жизни, тѣмъ сильнѣе и живучѣе разногласіе въ сужденіяхъ о немъ, въ его оцѣнкѣ: то и другое начало, та или иная мысль, имъ выраженныя или проводимыя, затрогиваютъ въ большей или меньшей степени и отдаленное потомство, часто рѣзко отрицающее то, предъ чѣмъ преклонялись его отцы или чему послужатъ его внуки. Этимъ объясняется неустойчивость и колебаніе во взглядахъ на Цезаря, Лютера, Наполеона и многихъ другихъ дѣятелей прошлаго. Правда, тысячи работниковъ различныхъ вѣковъ и народовъ содѣйствуютъ приближенію къ истинѣ. Съ какой, однако, медленностью и какими затрудненіями прокладываетъ себѣ путь болѣе трезвое отношеніе, показываетъ хотя бы бѣглый очеркъ смѣны сужденій о такой крупной личности, какъ Григорій VII.

Смутная пора зарожденія новаго направленія въ жизни народовъ всегда сопровождается разгаромъ страстей и бурными проявленіями дремлющихъ силъ. Разъ будущее даетъ битву прошедшему, нечего и думать о безпристрастіи и справедливости взглядовъ на пред-

ставителей сталкивающихся течений: всюду царитъ духъ нетерпимости и партійной исключительности. Поэтому важно знать, какъ смотритъ на себя самъ Григорій VII [1]). Онъ видѣлъ въ себѣ орудіе божественнаго промысла, направленное къ установленію царства Бога на землѣ, поборника справедливости, врага всего неправаго и мірского, но въ то же время отлично сознавалъ нравственное несоотвѣтствіе своихъ средствъ и преслѣдуемой идеальной цѣли, казнился и мучился этимъ, видя неудачу своихъ начинаній, встрѣчая въ большинствѣ противниковъ, вмѣсто союзниковъ. Неудивительно поэтому, что Григорій самъ отмѣтилъ разногласіе, существовавшее при оцѣнкѣ его дѣятельности: „въ однихъ и тѣхъ же дѣлахъ и побужденіяхъ, пишетъ онъ [2]), одни находятъ меня жестокимъ, другіе непомѣрно снисходительнымъ". Другой современникъ выразился [3]) еще рѣзче: „Весь христіанскій Западъ раздѣлился надвое: одни говорятъ, что Григорій добръ, другіе называютъ его лжепастыремъ, лжемонахомъ и лжехристіаниномъ".—Не трудно, однако, подмѣтить, что подобное разнорѣчіе является отраженіемъ взглядовъ писателей на происходившія предъ ихъ глазами событія, прямымъ слѣдствіемъ ихъ принадлежности къ той или иной партіи: такъ для слѣпыхъ и ярыхъ сторонниковъ церковныхъ преобразованій за неустанные труды въ этомъ направленіи Григорій былъ посланникомъ небесъ, „вторымъ Ильей", „возстановителемъ попранныхъ завѣтовъ первоначальной христіанской чистоты". И вотъ Бонидо [4]), Бернридъ [5]), Вало [6]), Ансельмъ еп. Луккскій [7]), Гебгардъ арх. Зальцбургскій [8]), Бардо [9]), Доницо [10]) и множество мелкихъ памфлетистовъ [11]) поютъ Григорію хвалебные гимны, фанатики мо-

---

[1]) Наиболѣе сказывается отношеніе Григорія къ себѣ и своимъ задачамъ въ его письмахъ, изданныхъ Филиппомъ Яффе (Bibliotheca rerum Germanicarum. T. II. Monumenta Gregoriana).

[2]) R. I № 77 c. 97.

[3]) Widonis Ferriensis, de scismate Hildebrandi. M. G. S. T. II. Lib. I c. 2 p. 156.

[4]) Liber adamicum Laffé B. R. G. T. II.

[5]) Vita Gregorii R. P. VII. Watterich, Vitae rom. pont. T. I.

[6]) Epistola ad Gregorium pont. Migne C. P. ser. lat. T. 148.

[7]) Anselmi Lucensis episcopi Liber contra Wibertum. Libelli de lite Imp. et Pont.

[8]) Gebehardi Salisburgensis archiepiscopi epistola. Libelli de lite Imp. et Pont. T. 1.

[9]) Vita Anselmi ep. Lucensis M. G. S. T. XII,

[10]) Vita Mathildis M. G. S. T. XII.

[11]) Bernoldi chronicon. M. G. S. T. V. Bertholdi Annales M. G. S. T. V. Bernoldi opuscula Migne C. P. ser. lat. T. 148.

нахи Шварцвальдскихъ монастырей 12) и Валломброзо 13) чтутъ его, какъ святого, ведущаго добро къ побѣдѣ надъ зломъ. За то находились ревнители, считавшіе Гильдебранда недостаточно неумолимымъ и непреклоннымъ въ преслѣдованіи намѣченной цѣли, указывавшіе новые пути для ея достиженія. Таковъ кардиналъ Гумбертъ, выдвинувшій совѣсть міряпъ, какъ могучій рычагъ для проведенія преобразованій 14). Да и въ сердцахъ поборниковъ возстановленія преданій императорскаго Рима, какъ главы вселенной, дѣятельность Григорія, работавшаго надъ возведеніемъ вѣчнаго города на степень столицы міродержавныхъ намѣстниковъ Бога, находила сочувственный откликъ: епископъ Альфонъ Салернскій 15) прославлялъ Григорія за это стремленіе на ряду съ героями древняго Рима.

Зато ярые и неумѣренные приверженцы прежняго строя и существовавшихъ издавна отношеній между папствомъ и императорствомъ напрягаютъ всѣ усилія, чтобы подорвать нравственное обаяніе его личности, доказавъ честолюбивую и своекорыстную основу всѣхъ его побужденій. Въ этомъ отношеніи Бенцо 16), еп. Альбскій и кардиналъ Бенно 17) не знаютъ себѣ соперниковъ. Если вѣрить ихъ пламеннымъ обвиненіямъ и остроумнымъ нападкамъ, то нѣтъ преступленія, которое не тяготѣло бы надъ головой преступнаго монаха, нарушившаго царившую прежде тишину своими „дьявольскими измышленіями", волшебника, прелюбодѣя и убійцы.

Но и между имперіалистами были люди болѣе спокойные и трезвые: они сознавали всю шаткость и произвольность подобныхъ заявленій, хотя усматривали въ Григоріи виновника церковныхъ неурядицъ (Вальрамъ, еп. Наумбургскій 18), возведшаго свой произволъ выше всѣхъ установленій (Видо-Оснабрюкскій 19), Петръ Крассъ 20). Особенно сильное проводѣйствіе вызывали мѣры Григорія противъ безбрачія (Зигибертъ 21); Epistala cujusdan contra iaicorum in pres-

---

12) Migne C. P. ser. lat. T. 143.

13) Наибольшаго вниманія заслуживаютъ: Manegoldi ad Gebehardum Liber. Lib. de lite Im. et Pon. T. I. и сочиненія Альтмана, еп. Пассаускаго. Paderborn 1890.

14) Humberti Cardinalis Libri III adversus simoniacos. Lib. de lite Im. et Pont. T. I.

15) Ozanam, Documents inédis.

16) Panegyricus ad imperatorem Heinricum IV. M. G. S. T. XI.

17) De vita et gestis Hildebrandi. Goldasti Apologia pro Henrico IV.

18) De unitate ecclesiae conservanda.

19) Excerpta ex Wiponis Osnabrugensis Libro de controversia inter Hildebrandum et Heinricum imperatorem. Libelli de lite Im. et Pont. T. I.

20) Defensio Heinrici IV regis. Lib. de lite Imp et Pont.

21) Sigiberti Chronicon M. G. S. T. VI.

byteros conjugatos calumniam [22]). Epistola Udalrici ad Nicolaum papam [23]). Впрочемъ, даже при беззавѣтной преданности императору иные находили церковныя преобразованія необходимыми и лишь несмѣло укоряли папу въ необузданности и произволѣ. Въ свою очередь, нѣкоторые団ависты оттѣняли слабыя стороны своего вождя: безызвѣстные монахи, бѣжавшіе міра и его страстей, робко отмѣчали на страницахъ своихъ скудныхъ подробностями хроникъ: „Этотъ папа первый присвоилъ себѣ управленіе государствомъ и управлялъ вселенной, какъ императоръ [24]). Заживо погребенный въ своей кельѣ, Маріаннъ Скоттъ [25]) тоже порицаетъ крутыя средства и мѣры Григорія, хотя признаетъ, что онъ стремился къ обновленію человѣчества, погрязшаго въ порокахъ.

Равнымъ образомъ, умѣренные написты, признававшіе необходимымъ преобразованіе церкви и ратовавшіе за бо́льшую независимость апостольскаго престола, не раздѣляли вполнѣ воззрѣній Григорія на отношенія между властями и склонялись къ признанію державныхъ правъ императора. Такъ смотрѣли: Даміани [26]), Дезидерій Монтекассинскій [27]), Гуго Клюнійскій [28]). Они же, опредѣляя значеніе дѣятельности Григорія, ставятъ ему въ заслугу то, что онъ провелъ реформу во всѣхъ странахъ Западной Европы, не ограничиваясь, подобно предшественникамъ, одной Италіей. Справедливость подобнаго замѣчанія доказываетъ широкій интересъ къ личности и дѣятельности папы, замѣчаемый у современныхъ ему писателей почти всѣхъ странъ Европы, хотя и здѣсь мѣриломъ при ея оцѣнкѣ являются мѣстныя условія и обстоятельства. Англо-саксонскіе лѣтописцы [29]) отзываются о ней съ горечью и сожалѣніемъ, видя въ Гильдебрандѣ виновника униженія и порабощенія ихъ народа Норманнами. Даже Ланфранкъ [30]) разошолся съ Григоріемъ по вопросу о причастіи и отношеніяхъ отдѣльныхъ церквей къ Риму.

Во Франціи, благодаря близости разсадника реформы, Клюньи, смотрѣли болѣе благосклонно. Аббатъ Гуго [31]) восхваляетъ подвиги

---

22) Martene et Durand. Thesaurus T. I.

23) Jaffé B. R. G. T. V. vita Heinrici IV. M. G. S. T. XII.

24) Annales Romualdi. M. G. S. T. XII.

25) Mariani Scotti chronicon M. G. S. T. V.

6) Petri Damiani, Opera omnia Migne C. P. ser. lat. T. 144 и 145.

27) Migne C. P. ser. lat. T. 149.

28) Jaffé M. R. G. T. II.

29) Rogerus de Hoveden. Annalium Anglicanorum libri duo; Guillelmi Malmesberiensis de rebus gestis regum Anglorum M. G. S. T. X.

30) Ludendorf. Berengarius Turonensis.

31) Hugonis Flaviniensis Chronicon. M. G. S. T. VIII.

и настойчивость Григорія, съ какой тотъ, „подобно своему великому тезкѣ, стремился сдѣлать церковь свободной, чистой и православной", хотя, видимо, не сочувствуетъ его притязаніямъ на безусловную власть въ свѣтскихъ и церковныхъ дѣлахъ всѣхъ странъ.

Вообще, это стремленіе Григорія убить самостоятельность отдѣльныхъ церквей создало ему не мало враговъ. Козьма [32]) довольно рѣзко порицаетъ вмѣшательство Рима въ распри, раздиравшія чешскую церковь, и требованіе безбрачія. Арнульфъ [33]) и Ландульфъ [34]) горько упрекаютъ Григорія за покровительство насиліямъ патеровъ, за неуваженіе къ правамъ церкви св. Амвросія, за властное обращеніе съ ломбардскими епископами. Иначе смотрѣли набожные и суевѣрные Норманны Южной Италіи, чуждые вѣковыхъ мѣстныхъ воспоминаній и освященныхъ временемъ правъ: Аматъ [35]) восторженно преклоняется предъ личными достоинствами папы и предъ его дѣломъ, а Вильгельмъ Апулійскій [36]) усматриваетъ въ немъ „утѣшителя печалей, дорогу къ свѣту, наставника честнаго, сдерживающаго уздою законовъ надменныхъ и покровительствующаго смиреннымъ, грозу преступниковъ и щитъ для правыхъ". Подобный риторическій отзывъ находится въ нѣкоторой связи съ близкими отношеніями Роберта Коварнаго съ папой. Но эти добрыя связи, равно какъ притязанія Рима на церковное всесвѣтное главенство, нажили Григорію новаго врага, Анну Комненъ [37]). На ея взглядъ: „этотъ безбожный пастырь, исчадіе ночного мрака, съ словами мира и любви на устахъ, съ жаждой власти и надменностью въ душѣ, мнилъ себя полубогомъ, а въ императорѣ усматривалъ холуосла, своимъ высокомѣріемъ возбудилъ борьбу, гдѣ не брезгалъ ничѣмъ".

Въ подобной же неразборчивости и въ средствахъ не стѣснялся укорять папу и непримиримый врагъ Генриха IV, Бруно [38]), сочувствующій Григорію тамъ только, гдѣ не страдали интересы возлюбленной Саксоніи. Другой противникъ Генриха, Ламбертъ [39]), необыкновенно высоко ставитъ папу, какъ человѣка, но обнаруживаетъ полное непониманіе церковной реформы, не сочувствуя ей, какъ „измѣненію

[32]) Cosmae Chronicon Boëmorum. M. G. S. T. IX.
[33]) Arnulfi Gesta archiepiscoporum Mediolanensium. M. G. S. T. VIII.
[34]) Landulfi Historia Mediolanensis. M. G. S. T. VIII.
[35]) L' ystoire de li Normant et la chronique de Robert Viscart par Aimé, moine du Monte Cassin par Champollion-Figeac.
[36]) Guillelmi Apuliensis, Gesta Roberti Wiscardi. M. G. St T. IX.
[37]) Alexias Corpus scrip. hist. Byzan. vol. I.
[38]) Brunonis De bellu saxonico M. G. S. T. V.
[39]) Lamberti Annales. G. S. T. V.

завѣтовъ Бенедикта Нурсійскаго, не подымаясь надъ уровнемъ нѣмецкаго монаха, знавшаго только свой родной уголъ.

Однимъ словомъ, всюду оказываютъ воздѣйствіе партійность, мѣстные интересы, ограниченность и узость писателей, не старавшихся воспроизвести образъ Григорія во всей его полнотѣ.

Правда, два современника [40]), лично знавшіе его, собрали въ своихъ трудахъ фактическій матеріалъ, рисующій Григорія и образцомъ христіанскихъ добродѣтелей, и вмѣстилищемъ всевозможныхъ пороковъ, но, сознавая полную несовмѣстимость столь противорѣчивыхъ данныхъ, воздержались отъ окончательнаго вывода.

Такимъ образомъ, какъ почти всегда, отзывы современниковъ лишь могутъ послужить основой для сужденій послѣдующихъ историковъ, отклонившихся отъ тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ видно или только одно хорошее, или только одно дурное. Дѣйствительность же остается подернутой мракомъ пристрастія. При такихъ условіяхъ, очевидно, о выясненіи міроваго значенія Григорія его современниками не можетъ быть и рѣчи.

Обстоятельства мало перемѣнились съ полетомъ времени: борьба, возбужденная въ исходѣ XI в., не умолкала въ теченіе остальной части среднихъ вѣковъ, то замирая, то вспыхивая съ новою силою, и этимъ самымъ мѣшала дать цѣльную и всеохватывающую оцѣнку Григорія. Не было ни критической провѣрки источниковъ, ни стремленія отыскать истину. Каждый бралъ у современниковъ Григорія то, что совпадало съ личнымъ настроеніемъ; въ большинствѣ же случаевъ ограничивались или огульной бранью, или неумѣреннымъ восхваленіемъ новаго „святого и мученика". Начало новаго времени застаетъ многіе памятники XI в. заброшенными и забытыми, интересъ къ Григорію угасшимъ. Новые перевороты разбудили было задремавшую ненависть къ великому папѣ.

Уже съ эпохи возрожденія и реформаціи личность и дѣятельность Григорія VII снова приковываетъ къ себѣ вниманіе западноевропейскихъ изслѣдователей. Само собой понятно, что пора броженія, смуты и разгаръ борьбы между зарождавшимся протестантизмомъ и католицизмомъ не могли выработать правильной и безпристрастной оцѣнки лица, находившаго или безпощадныхъ и безжалостныхъ хулителей, или восторженныхъ поклонниковъ. Такъ, Гуттенъ видитъ въ немъ „преступнѣйшаго въ мірѣ монаха", Лютеръ обвиняетъ его въ честолюбіи, алчности и, съ свойственнымъ пристра-

---

[40]) Wenrici scholastici Trevirensis epistola. Lib. de lite Imp. et Pon. T. I. Wido, episcopus Ferrariensis de scismate Hildebrandi. M. G. S. T. XII.

стіемъ къ грубоватой остротѣ, въ самомъ имени Гильдебранда усматриваетъ нѣчто адское, ужасающее (Hellebrandt). Не лучше отзывались и протестантскіе историки церкви. Фабрицій въ своихъ Acta romanorum pontificum (1567 г.) выставляетъ Гильдебранда волшебникомъ, отравителемъ, другомъ сатаны, нарушителемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Центуріаторы считали его чудищемъ, какого еще не носила земля, а его мѣропріятія заклейменными печатью антихриста. Среди протестантовъ выработался даже терминъ: „гильдебрандизмъ" для обозначенія насилія, произвола, косности и застоя въ области религіознаго и умственнаго развитія, ученія объ обманѣ, возведенномъ въ основу всѣхъ дѣйствій и поступковъ, о попраніи всего справедливаго и нравственнаго ради своекорыстныхъ разсчетовъ. Стало быть, у представителей протестантскихъ воззрѣній возобладали взгляды наиболѣе рѣзкихъ современныхъ противниковъ Григорія, Бенцо и Бенно. Конечно, противная сторона стремилась не только снять навѣты и обвиненія, но и возвеличить одного изъ наиболѣе выдающихся представителей папства; Бароній (1593 г.) въ Annales ecclesiastici отстаиваетъ святость и цѣлесообразность преобразованій Григорія VII, спасшаго миръ изъ когтей діавола, іезуитъ Гретчеръ [41]) роется въ архивахъ и библіотекахъ, стараясь найти новыя данныя для прославленія и защиты Григорія. Противники не дремали: Гольдастъ издалъ [42]) рядъ сочиненій, современныхъ борьбѣ за инвеституру и бросающихъ сильную тѣнь на ея виновника. Но усиливающаяся католическая реакція ставила въ ряды католическихъ писателей новыхъ борцовъ; болландисты (1688 Acta sanctorum), принимая на вѣру всѣ легенды, закрѣпляли за Григоріемъ славу чудотворца, отмѣченнаго божественнымъ промысломъ, папы зачисляли въ святые поборниковъ и сотрудниковъ его преобразованій. Эта крайность вызывала бурю негодованія даже среди болѣе умѣренныхъ католиковъ, рядъ памфлетовъ, бѣглыхъ листковъ и мелкихъ сочиненій, проникнутыхъ злобой, ненавистью или обожаніемъ, обожествленіемъ, мало-по-малу отодвигалъ на задній планъ слабые проблески исторической истины, замѣтные въ изданныхъ Гретчеромъ и Гольдастомъ памятникахъ. И въ этой борьбѣ, и въ восхваленіяхъ ярыхъ католиковъ слышится отголосокъ современниковъ Григорія, Маріановъ, Бернардовъ съ братіей.—Пора реакціи миновала, отрицательное отношеніе къ Григорію завоевывало себѣ все больше и больше

---

[41]) Gretserus, Apologia pro Gregorio VII pontifice maximo in qua insunt hoctenus inedita quaedam pro lodem pontifice opuscula. Ingolstadii. 1610.

[42]) Apologia pro Henrico IV imperatore contra Gregorium VII papam. Hanoviae 1611.

поклонниковъ: философскій вѣкъ не могъ вѣрить розсказнямъ о чудесахъ и проявленіяхъ небесной благодати. Даже Боссюэ обвинялъ Григорія въ невѣроятномъ властолюбіи и высокомѣрной гордости, а Вольтеръ прямо называетъ его „сумасшедшимъ, бичемъ міра, безразсуднымъ плутомъ". Дѣло доходило до того, что во время извѣстнаго столкновенія французскаго короля съ папой появилось сочиненіе, выставлявшее Григорія стряпчимъ дьявола [43]). Ядомъ и желчью пропитаны страницы мелкихъ работъ, отстаивавшихъ независимость государства отъ церкви, свѣтской власти отъ папъ и сваливающихъ на Григорія всю отвѣтственность за чудовищныя притязанія Рима. Но ни эти отзывы, напоминающіе точку зрѣнія современныхъ Григорію крайнихъ имперіалистовъ, ни всѣ предшествующія работы не имѣли ни малѣйшаго научнаго значенія, являясь не плодомъ изученія, всесторонняго и глубокаго, а порожденіемъ партійныхъ страстей, преслѣдующихъ предвзятыя цѣли.

Только съ XIX в. началось относительно болѣе спокойное и трезвое *изученіе* времени Григорія. Увеличивающееся количество историческаго матеріала способствовало зарожденію и усиленію этого направленія, вступившаго въ борьбу съ унаслѣдованными отъ XVIII в. крайностями. По мнѣнію Муззарелли [44]) (1789), Григорій олицетворялъ собой изумительное долготерпѣніе и смиреніе, совершеннѣйшую доброту и кротость, истинную святость; въ глазахъ Мюллера [45]) онъ казался „стойкимъ, какъ герой, мудрымъ, какъ сенаторъ, пылкимъ, какъ поэтъ, строго нравственнымъ человѣкомъ". Тогда какъ для Генке [46]) „это былъ дерзкій злодѣй, исполненный коварства, отчаянной смѣлости и въ то же время глубоко разумный міранинъ, герой съ постоянной и рѣшительной душой; подъ видомъ благородной гордости въ немъ скрывался низкій плутъ, высокомѣрный святоша, безъ религіи, безъ вѣры и вѣрности"; для Бовера [47]) „лицемѣръ, лжецъ и еретикъ, измышлявшій происшествія и постановленія, извращавшій смыслъ св. писанія"; для Шпиттлера [48]) въ Григоріи VII, при необычайныхъ духовныхъ дарованіяхъ, замѣтна склонность къ хитрости, коварству, искаженіямъ, необузданная гордость, безграничная жажда власти, упрямая настойчивость въ стремленіи наложить на народы иго невыносимой тиранніи". Протестанты, такимъ обра-

---

[43]) Adam, l'avocat du diable, ou mémoires historiques et critiques sur la vie et la légende du pape Grégoire VII (1743).

[44]) Magazin für Kirchengesch. B. 25.

[45]) S. v. Müller, Reisen der Päpste.

[46]) Henke, Geschichte der christ. Kirche.

[47]) Bower's Geschich. der Röm. Päpste.

[48]) Spittler, Geschichte des Papstthums.

зомъ, начали признавать за Григоріемъ кое-какія хорошія черты, но большинство держалось крайняго мнѣнія, и въ нѣкоторыхъ университетахъ происходила ожесточенная борьба между профессорами, представителями стараго и новаго направленія. Въ дѣлѣ разработки наибольшее значеніе имѣетъ разногласіе, царившее между іенскими профессорами Грейсбахомъ, ярымъ протестантомъ, и Люденомъ [49], стоявшимъ на болѣе умѣренной точкѣ зрѣнія: по словамъ послѣдняго, „въ мысляхъ Григорія заключались крупныя ошибки, въ его надеждахъ горькія разочарованія, весь его замыселъ чудовищенъ. Но, что легко подмѣтить въ наши дни, послѣ 700-лѣтняго опыта, то могло остаться во время Гильдебранда скрытымъ отъ самаго зоркаго глаза. Во всякомъ случаѣ, *кажется*, планы Гильдебранда вытекали изъ самыхъ благородныхъ побужденій, живущихъ въ человѣческой груди: состраданіе къ несчастьямъ человѣчества и глубокое желаніе устранить ихъ причины лежали въ его убѣжденіяхъ, сильный умъ способствовалъ ихъ образованію. Это была попытка улучшить и облагородить жизнь, одѣтая покрываломъ живой духовной вѣры. Несправедливо отрицать въ немъ любовь къ людямъ или даже сомнѣваться въ его благочестіи: *гораздо вѣроятнѣе*, что весь его планъ былъ вызванъ любовью и религіозными побужденіями".

Разнообразіе и противоположность мнѣній, горячее слово Людена, нѣкоторая гадательность даваемой имъ оцѣнки натолкнули его ученика Фойгта на изученіе первоисточниковъ, такъ какъ предшественники основывались больше на отвлеченныхъ соображеніяхъ, не на дѣйствительныхъ данныхъ. Съ любовью углубился молодой ученый въ тщательное ознакомленіе съ памятниками и вскорѣ написалъ на латинскомъ языкѣ „Разсужденіе о Григоріи VII" [50]), небольшое по объему и предназначенное pro venia legendi. Работа начинается теплымъ посвященіемъ Людену и отличается видимой несамостоятельностью. Обаяніе учителя было еще слишкомъ сильно. Прошло еще три года въ упорныхъ занятіяхъ, и плодомъ ихъ явилось надѣлавшее много шуму сочиненіе Hildebrand, als Papst Gregorius VII (Weimar, 1815), пріобрѣвшее автору громкую извѣстность и обрекшее на забвеніе всю предшествующую литературу о Григоріи VII.

Причины такого успѣха кроются уже въ самомъ времени появленія книги, совпавшемъ съ началомъ реакціи въ З. Европѣ, когда принялись за укрѣпленіе устоевъ, поколебленныхъ французской революціей, когда въ обществѣ пробуждалось религіозно-мистическое на-

---

[49]) Luden, Gesch. des deutschen Volkes. B. VIII.

[50]) De Gregorio septimo dissertatio. Halis saxonum. 1812.

строеніе, когда вновь прорастали симпатіи къ папству, столь униженному Наполеономъ. Фойгтъ пошелъ на встрѣчу духу времени, поручивъ германскому посланнику въ Римѣ поднести папѣ экземпляръ своей книги. Католическое духовенство зачитывалось имъ, ему дѣлались лестныя предложенія, побуждая и впредь также прославлять папство; католики возымѣли даже надежду обратить его въ лоно истинной церкви. Почти во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ появились отзывы, или хвалебные, или хулительные, такъ какъ протестанты не остались безучастными зрителями: изъ множества замѣтокъ, статей и сочиненій обращаетъ на себя вниманіе книга Зольтля [51]), старающагося довольно спокойно опровергнуть воззрѣніе на Григорія, какъ на „героя, святого и благодѣтеля человѣчества", и особенно Кассандеръ съ своимъ „Zeitalter Hildebrands für und gegen ihn" (1842), гдѣ Фойгтъ прямо названъ „воодушевленнымъ панегиристомъ, новымъ апологетомъ Гильдебранда, проводящимъ его обожествленіе: „поэтическое, подобное эпосу, сочиненіе Фойгта о св. папѣ Григоріи VII, по мнѣнію Кассандера, по самому своему изложенію, романтическому, благочестивому, опушенному вполнѣ недоказательными цитатами, *не исторія*". Не смотря на это, отчасти даже благодаря отпору протестантовъ, имя Фойгта гремѣло на Западѣ и спросъ на его сочиненіе возрасталъ до того, что, спустя 4 года послѣ перваго изданія, понадобилось перепечатать его, включивъ въ Bibliothek historischer Classiker aller Nationen (28 B.); появились и переводы французскій [52]) и итальянскій [53]), выдержавшіе по нѣскольку изданій, въ Англіи вышла его передѣлка [54]). Все это указываетъ на несомнѣнныя достоинства книги. Дѣйствительно прелестью новизны отзывается смѣлая и воодушевленная параллель между Григоріемъ VII и Лютеромъ, глубокимъ убѣжденіемъ въ истинѣ вѣетъ съ страницъ, гдѣ Фойгтъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ доказываетъ, что Григорій VII не былъ своекорыстнымъ и честолюбивымъ тиранномъ, а прежде всего церковнымъ преобразователемъ. Заслуживаетъ также полнѣйшаго сочувствія попытка Фойгта—оцѣнить Григорія VII съ той точки зрѣнія, на какой онъ самъ стоялъ, примѣнительно къ запросамъ и потребностямъ его времени: „его дѣянія, пишетъ Фойгтъ (617), получаютъ правильную оцѣнку только тогда, когда смотришь

---

[51]) Gregor der Siebente. 1847. Leipzig.

[52]) Histoire du Pape Grégoire VII et de son siècle, d'après les monuments originaux, par J. Voigt, traduite de l'allemand par l'Abbé jager.

[53]) Storia di papa Gregorio VIIe de suoi contemporanei di Giovanni Voigt Versione di Fr. Vergani.

[54]) J. W. Bowden. The life and pontificate of Gregory VII. Lond. 1840.

на нихъ, какъ на поступки папы для папства: идея міродержавія папства была идеей не одного человѣка, а времени. Папство было необходимо въ средневѣковой жизни и, какъ міровое явленіе, имѣло въ исторіи своеобразное, великое развитіе. Конечно, нѣмецъ будетъ съ болью смотрѣть на униженіе своего императора въ Каноссѣ и назоветъ папу жестокимъ, непримиримымъ и честолюбивымъ тиранномъ; конечно, француза охватитъ гнѣвъ при видѣ злополучій своей страны и короля, виновникомъ которыхъ является папа. Но историкъ, стремящійся понять жизнь съ міровой точки зрѣнія, долженъ стоять выше угла зрѣнія нѣмца или француза: его приговоръ не могутъ вызвать или направить національныя чувства". Оцѣнивая значеніе Григорія, Фойгтъ замѣчаетъ: „Цѣлью и вѣнцомъ его дѣятельности, по его собственному взгляду, была полная свобода церкви, возвышеніе ея власти надъ всѣми остальными: побѣда алтаря надъ трономъ, торжество церкви надъ государствомъ для улучшенія ея состоянія, для прекращенія тѣхъ золъ и нестроеній, которыя были связаны съ зависимостью духовенства отъ государства. Два пути вели къ достиженію этой цѣли—мира и борьбы, но и тотъ, и другой требовали подчиненія свѣтской власти, прежде всего ея главы—германскаго короля" (186). По мнѣнію Григорія, „церковь должна быть великой, свободной и всемогущей; государство же подчинено ей потому, что она основана Богомъ для вѣчности, оно—людьми для міра. Обезпеченіе этого идеальнаго порядка навсегда было жизненной его задачей, лежащей въ самыхъ обязанностяхъ его сана. Это онъ ясно высказываетъ въ своихъ письмахъ, лучшемъ источникѣ для его оцѣнки (613). Онъ былъ убѣжденъ въ своемъ призваніи воплотить въ жизнь этотъ идеалъ и стремился къ нему всѣмъ существомъ" (620—1).

Такой широкій и свободный взглядъ протестанта на папство, требованіе отъ историка забвенія національныхъ симпатій и антипатій являются несомнѣннымъ шагомъ впередъ. Но въ зародышѣ все это можно найти у учителя Фойгта, Людена, такъ что ученику принадлежитъ лишь попытка развить и строже обосновать взглядъ, высказанный учителемъ съ нерѣшительностью и осторожностью. Подобно Людену-же, Фойгтъ отвлеченными соображеніями старается опровергнуть упрекъ въ властолюбіи, тяготѣвшій надъ Григоріемъ, не приведеніемъ говорящихъ за себя поступковъ; онъ даже впадаетъ въ крайность, утверждая, что многое въ словахъ папы о его власти надъ міромъ нельзя понимать буквально и на этомъ основаніи оставляетъ безъ разъясненія множество любопытныхъ чертъ и мыслей.

О полномъ воспроизведеніи времени Григорія VII въ книгѣ Фойгта не можетъ быть и рѣчи: лишь вскользь, мелькомъ говоритъ онъ о политической дѣятельности, обративъ главное вниманіе на

церковную; за подробнымъ изложеніемъ германскихъ происшествій почти совершенно сглаживается міровое положеніе, пріобрѣтенное для папства Григоріемъ, его связь со всѣми выдающимися событіями времени. Картина нарисована ярко и сочно, но въ ней нѣтъ ни перспективы, ни полной жизненности фигуръ, нѣтъ и приблизительнаго соотвѣтствія съ истиной. Едва-ли не самымъ главнымъ недостаткомъ Фойгта слѣдуетъ счесть его пользованіе источниками: онъ очень мало занимается критическимъ взвѣшиваніемъ извѣстій, ограничиваясь прикрашеннымъ велерѣчіемъ пересказомъ, не дѣлая различія между свидѣтельствами писателей современныхъ и позднѣйшихъ: наряду съ письмами Григорія VII онъ ссылается на Баронія, Сигонія, Фіорентини, кардинала Аррагонскаго. По основному взгляду Фойгтъ наиболѣе примыкаетъ къ самому Григорію. Это и понятно. Лучше другихъ памятниковъ онъ изучилъ регистръ Григорія VII и положилъ его въ основу своего изложенія, твердо вѣря въ непогрѣшимость почерпнутыхъ оттуда данныхъ, даже не трудясь сопоставить и разъяснить довольно частыя противорѣчія папы. Въ силу такихъ пріемовъ изложеніе Фойгта значительно устарѣло; многія частности и подробности совершенно невѣрны, характеристики другихъ выдающихся дѣятелей крайне блѣдны, односторонни и скомканы. Нѣтъ общей картины времени, нѣтъ связующей нити между появленіемъ Григорія и предшествующимъ развитіемъ папства, между его дѣятельностью и послѣдующимъ ходомъ событій. Вотъ почему въ наше время это сочиненіе имѣетъ лишь историческое значеніе, какъ первый объемистый трудъ, посвященный великому папѣ, не научное, такъ какъ указанные недостатки слишкомъ велики, чтобы сохранить за Фойгтомъ надѣтый на него современниками вѣнецъ [55]).

Какъ было уже замѣчено, книга Фойгта натолкнула на изученіе источниковъ противную сторону. Помимо замѣтокъ, прямо направленныхъ противъ него, протестантскіе ученые постарались дать и въ общихъ сочиненіяхъ оцѣнку дѣятельности Григорія съ своей точки зрѣнія. Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, извѣстному Штенцелю съ его „Geschichte Deutschlands unter den Fränkischen Kaisern“ (1827), съ котораго начинается, строго говоря, научно критическое изученіе нѣмецкаго средневѣковья. Глубоко тщательное и внимательное собираніе матеріала, тонкій критическій его анализъ, привлеченіе новыхъ памятниковъ (Боницо), живой, прекрасный языкъ ъ

[55]) Въ силу удачнаго раскрытія Фойгтомъ церковной стороны преобразованій Григорія церковные историки (Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte и Neander, Allgemeine Geschichte d. Christ. Relig. und. Kirche B. V). усвоили себѣ его точку зрѣнія, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями.

горячая любовь къ дѣлу, которому отданы лучшіе годы жизни, дѣлаютъ трудъ Штенцеля неоцѣненнымъ пособіемъ и краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшихъ изысканій. Цѣлью своего изслѣдованія онъ поставилъ „истину, чуждую всякихъ политическихъ и религіозныхъ партій, не прекрасную картину, раскрашенную легендами и сагами, а вѣрное воспроизведеніе людей и ихъ отношеній въ связи съ обстоятельствами времени, насколько позволяютъ сохранившіяся извѣстія" (Einleit. VIII). Къ сожалѣнію, прекрасный трудъ Штенцеля, давшаго впервые изложеніе основныхъ пріемовъ исторической критики и систематическое обозрѣніе источниковъ, легшихъ въ основаніе работы, страдаетъ при оцѣнкѣ Григорія VII значительными недостатками. Штенцель прямо имѣлъ въ виду Фойгта и далъ вполнѣ противоположный отзывъ [56]): „Честолюбіе и властолюбіе были главной пружиной его поступковъ, словъ и мыслей. Онъ былъ рожденъ владыкой и повелѣвалъ, будучи священнослужителемъ, папой, низвергнутый съ трона, изгнанный такъ же, какъ и пользуясь всей полнотой власти. Онъ поставилъ себѣ чудовищную цѣль—властвовать надъ міромъ посредствомъ слова, быстро шелъ къ ней, неуклонно преслѣдовалъ ее всѣми силами, путемъ всякихъ жертвъ, не боясь самой смерти. Предъ честолюбивыми замыслами померкъ вопросъ о нравственности средствъ, ведущихъ къ цѣли, даже самой цѣли: вся его душа была наполнена мыслью о власти. Поэтому онъ не спрашивалъ, что̀ будетъ, когда его самого не станетъ, кто можетъ сѣсть на престолъ міра, достигнутый имъ. Никогда не заботились объ этомъ тѣ, кто потрясалъ міръ, иначе они оставили бы его спокойнымъ. Эти великіе грабители человѣческаго счастья дерзко идутъ впередъ, не видятъ того, что попираютъ ногами. Съ ужасомъ и нѣмымъ изумленіемъ смотритъ человѣчество на эти чуждыя ему существа и послѣ ихъ смерти все вступаетъ въ прежнюю колею, только исторія хранитъ о нихъ воспоминаніе. Если спросить, къ чему привели стремленія Григорія къ улучшенію людской нравственности, то строгое проведеніе безбрачія имѣло очень вредныя послѣдствія, запрещеніе инвеституры повело къ тому, что прежде подкупали королей и ихъ совѣтниковъ, теперь кардиналовъ. Оказалось, что всегда было справедливымъ и потому пренебрегаемымъ постоянно положеніе: „не форма, а духъ имѣетъ жизнь, не лучшіе законы, не болѣе совершенное государственное устройство, но лучшіе, болѣе совершенные люди обусловливаютъ счастье". Въ послѣднихъ строкахъ явственно обнаруживается разочарованіе, вызванное теоретическими построеніями французскихъ республиканцевъ — дань реакціонному направленію. Отрицаніе значенія великихъ людей,

---

[56]) B. I, 523—24.

очевидно, объясняется мыслью, навѣянной происшедшимъ на глазахъ историка быстрымъ возвышеніемъ и паденіемъ Наполеона. Та же реакція сказывается и въ взглядѣ на Григорія, какъ на честолюбца и только. Въ этомъ отношеніи Штенцель сдѣлалъ шагъ назадъ, считая личнымъ дѣломъ Григорія его преобразованія и стремленіе къ міровому господству. Безпристрастіе покинуло его едва ли не въ самую необходимую минуту. Оторвавъ Григорія отъ почвы средневѣкового папства, новѣйшій изслѣдователь потерялъ ключъ къ истинѣ и подорвалъ значеніе своего труда, до сей поры еще служащаго настольной книгой всѣхъ занимающихся исторіей Саліевъ, не папства. Съ легкой руки Штенцеля отрицательное отношеніе къ Григорію возобладало въ средѣ протестантскихъ бытописателей, чему въ значительной степени содѣйствовало новое броженіе, охватившее З. Европу: съ одной стороны стремленіе націй къ объединенію, съ другой—постепенное паденіе реакціоннаго направленія.

Подъ вліяніемъ этихъ условій сложился взглядъ, выраженный въ цѣломъ рядѣ сочиненій, представлявшихъ средневѣковье въ самомъ радужномъ свѣтѣ, какъ пору могущества нѣмецкаго народа, столь противоположную современности, когда, раздробленный и безсильный, онъ является ничтожнымъ отраженіемъ былого величія. Такова, между прочимъ, точка зрѣнія Флото въ его Kaiser Heinrich der Vierte und sein Zeitalter (II В-е 55 и 56 г.).

Уже при бѣгломъ чтеніи книги Флото вниманіе останавливается на поэтической стрункѣ, сказывающейся въ живомъ, образномъ языкѣ, блестящихъ описаніяхъ и яркомъ, мѣткомъ воспроизведеніи характеровъ. Одной подкупающей внѣшностью не ограничиваются достоинства труда. Въ то время, какъ ни одинъ изъ общихъ изслѣдователей этой эпохи не счелъ нужнымъ познакомить читателя съ внутреннимъ строемъ тогдашней жизни, Флото посвятилъ почти цѣлую треть (138 стр. изъ 436) перваго тома разсмотрѣнію составныхъ частей германской имперіи, характеристикѣ ихъ обитателей, строя феодальнаго государства, положенія рыцарства, духовенства, горожанъ, монастырей, крестьянъ, состоянію религіозной и научной образованности времени. Основательное и тщательное знакомство съ источниками, даже попытка дать понять, какіе вопросы особенно волновали умы— все это принадлежитъ къ лучшимъ сторонамъ книги Флото. Кромѣ того, онъ обладаетъ сильнымъ критическимъ чутьемъ: онъ первый посягнулъ на пресловутую достовѣрность Ламберта и во множествѣ подстрочныхъ примѣчаній рѣзко, хотя почти всегда основательно, обнаруживаетъ лживость и партійность извѣстій герсфельдскаго монаха. Къ письмамъ Григорія VII онъ также приложилъ критическіе пріемы и открылъ неточности въ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Но у Флото есть и значительные недостатки: дѣлу нахожденія исторической истины вредятъ пылкость и страстность автора: онъ не безпристрастный наблюдатель явленій прошлой жизни своей родины, а прежде всего горячій германскій патріотъ, глубоко убѣжденный протестантъ, искренній и ярый поборникъ идеи единства нѣмецкой націи. Всѣ эти свойства и положили рѣзкій отпечатокъ на его трудъ; въ папствѣ онъ видитъ врага свободы Германіи, мысли и совѣсти. Съ этой точки зрѣнія произноситъ уничтожающій приговоръ надъ дѣятельностью Григорія VII [57]): онъ воспользовался благопріятнымъ моментомъ, чтобъ положить основаніе тому порядку вещей, въ какомъ онѣ находятся донынѣ. Еще въ наши дни мы видимъ монументы, имъ воздвигнутые: безбрачіе духовенства, раздробленіе Германіи, расколъ въ церкви. Ему удалось освободить папскій престолъ отъ воздѣйствія императорской власти, точнѣе, указать пути и средства къ этому освобожденію. При его преемникахъ папа сдѣлался какъ бы земнымъ богомъ, но это же всемогущество обусловило позорное и постепенное паденіе: со времени Фридриха II апостольскій намѣстникъ опускался все ниже и ниже, не устоявъ на захваченной высотѣ. Далѣе, Григорій исторгъ епископовъ изъ-подъ власти свѣтскихъ владѣтелей. Спитъ и заблуждается тотъ, кто думаетъ, будто симонія прекратилась, разъ епископовъ стали избирать клиръ и народъ: подобные выборы лишь открыли широкій просторъ проискамъ и подкупамъ. Даже на умственномъ уровнѣ духовенства отразилось устраненіе правъ императоровъ: мѣсто образованныхъ и начитанныхъ пастырей заняли узкіе фанатики или своекорыстные проходимцы; подданные епископовъ изнывали подъ ихъ произволомъ, и это вызывало общее недовольство духовенствомъ, вызвало появленіе славныхъ мучениковъ Гуса и Іеронима, сожженныхъ порочными жрецами Ваала. Наконецъ, Григорій лишилъ духовенство возможности вступать въ бракъ. Запрещеніе браковъ священниковъ, вопреки доводамъ разсудка, смыслу евангельскихъ завѣтовъ, кореннымъ потребностямъ человѣческой природы—дьявольское дѣло. Длинная цѣпь преступленій и проявленій гнуснаго разврата и грубой чувственности тянется вслѣдъ за этимъ роковымъ запрещеніемъ. Даже сами папы впослѣдствіи сознавались, что безбрачіе было проведено въ силу вѣскихъ соображеній, но оно должно быть уничтожено по настоятельному требованію основаній, еще болѣе глубокихъ. Правда, новѣйшіе защитники безбрачія увѣряютъ, будто, благодаря ему, духовенство спаслось отъ опасности сдѣлаться кастой съ унаслѣдованными приходами и должностями. Но подобная точка зрѣнія вполнѣ ошибочна: ни въ одномъ изъ писемъ

---

[57]) B. II, p. 274 sq.

Григорія VII нельзя найти даже намека на такую опасность; ни его предшественники, ни преемники не знали ничего о ней. Если даже признать ея существованіе въ то время, что невозможно, то и тогда нѣтъ основаній стоять теперь за безбрачіе: прежде по наслѣдству приходы доставались законнымъ дѣтямъ, впослѣдствіи рожденнымъ внѣ брака. Наоборотъ, именно безбрачіе превратило духовенство въ касту, поставившую своей задачей господство надъ міромъ, въ могущественный союзъ нѣсколькихъ милліоновъ неженатыхъ людей, называющихъ себя церковью и составившихъ заговоръ противъ свободы, нравственности и счастья остального христіанства, превратило ее въ исполинское чужеядное растеніе, обвившее сотней тысячъ узъ дерево общества съ цѣлью помѣшать его росту, грозя даже самому его существованію. И такое положеніе дѣлъ было прямымъ слѣдствіемъ преобразованій Григорія VII. Вина за это лежитъ въ пресловутой свободѣ церкви, начертанной имъ на своемъ знамени. Эта-то свобода церкви повела прямымъ путемъ къ расколу, къ славной реформаціи 16 столѣтія, которую не одолѣютъ и врата ада, къ великому возмущенію міранъ противъ безнравственнаго духовенства, къ прекрасному божественному подвигу Лютера и Кальвина, влившихъ немного свѣжей крови въ дряблое и отжившее тѣло римской церкви.

Отсюда ясно, что Флото смотритъ на дѣло Григорія VII съ точки зрѣнія современнаго протестанта, приближающейся къ взглядамъ противниковъ безбрачія въ XI вѣкѣ, не историческаго изслѣдователя, и это превращаетъ мѣстами его трудъ въ остроумный, злой и ѣдкій памфлетъ на католичество. Но свое пристрастіе Флото ярче обнаруживаетъ при оцѣнкѣ системы, не личности; непомѣрно нападая на преобразованія Григорія, онъ отдаетъ дань должнаго уваженія искренности и чистотѣ намѣреній папы, опровергаетъ клеветы, пущенныя врагами по поводу его частной жизни. Отмѣтивъ у Григорія неразборчивость въ средствахъ и несокрушимую послѣдовательность въ стремленіи къ намѣченной цѣли, Флото съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на вольномъ полетѣ мысли великаго папы, сказывающемся въ его отношеніяхъ къ Беренгару, евреямъ и сарацинамъ. Здѣсь Григорій стоялъ безконечно выше современниковъ и даже болѣе отдаленнаго потомства. Оттѣнивъ рѣзкія черты характера Григорія, Флото старается, дѣлая общій отзывъ, сохранить безпристрастіе, поставить его дѣятельность въ связь съ (общимъ) теченіемъ жизни и воззрѣніями его времени: „О Гильдебрандѣ будутъ всегда отзываться дурно, если не примутъ во вниманіе всего средневѣковаго міросозерцанія: наша планета—центръ міра; человѣчество—наидрагоцѣннѣйшая часть вселенной; избранные—христіане, имѣютъ своимъ главой святого намѣстника апостола Петра. Каждый дрожалъ тогда предъ не-

извѣстностью загробной жизни; муки и блаженство были въ рукахъ папы, получившаго отъ св. Петра силу запирать и отворять двери рая. Гильдебрандъ и сознавалъ, что получилъ отъ Бога вмѣстѣ съ саномъ папы всю землю въ наслѣдіе и какъ посредникъ между вседержителемъ и міромъ долженъ дать отчетъ за всѣхъ христіанъ. И онъ проникнутъ былъ этой идеей, хотя порой терялъ ее изъ виду, давая просторъ земнымъ страстямъ. Но и онъ былъ только *человѣкъ*, хотя безспорно великій".

Но хотя личность Григорія VII представлена съ ея свѣтлыми и темными сторонами и сдѣлана попытка намѣтить связь между его дѣятельностью и запросами времени, равно какъ предшествующимъ развитіемъ, въ общемъ все-таки заключеніе оказывается неблагопріятнымъ: гордыня заставила великаго папу идти къ господству надъ міромъ, не сознаніе того, что инымъ путемъ нельзя прійти къ достиженію завѣтной цѣли. Самая борьба является скорѣе дѣломъ честолюбія и властолюбія единичной личности; въ этомъ сказывается одностороннее увлеченіе протестанта, проникнутаго духомъ нѣкоторой нетерпимости къ папству, склонившагося къ увѣреніямъ Вольрама и Видо.

Отдавая дань своему времени, такимъ образомъ, безпристрастный изслѣдователь борется въ Флото съ крайнимъ сторонникомъ извѣстной партіи, и эта борьба мѣшаетъ вполнѣ правильному взгляду на событія прошлаго. Впрочемъ, безстрастное, глубокое и вдумчивое отношеніе къ явленіямъ исторической жизни не было для Флото цѣлью, онъ стремился не къ ея воспроизведенію во всей полнотѣ и наготѣ, а старался въ читателѣ возбудить желаніе воротить блаженные дни сильной императорской власти, когда Германія стояла во главѣ западно-европейскаго міра. Поэтому для уясненія мірового значенія Григорія Флото не сдѣлалъ крупнаго шага впередъ. Заслуги его ограничились отдѣльными вѣрными замѣчаніями, главное, критикой Ламберта и Григорія, чѣмъ онъ подорвалъ вліяніе взглядовъ Фойгта, остроумнымъ и убѣдительнымъ опроверженіемъ взгляда Пертца на подложность эпоса о саксонской войнѣ, привлеченіемъ новыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ „Dicta cujusdam" напечатанъ цѣликомъ при I томѣ, а изъ Манегольда сдѣланы пространныя извлеченія во второмъ. Наоборотъ, у французовъ гораздо дольше держалась оцѣнка Григорія, сдѣланная Фойгтомъ. Ея воздѣйствіе ярко замѣтно въ надѣлавшихъ много шуму чтеніяхъ Гизо по исторіи цивилизаціи въ Европѣ, гдѣ отрицается мнѣніе, считающее Григорія VII „приверженцемъ неподвижности, противникомъ умственнаго развитія, общественнаго прогресса, человѣкомъ, обрекавшимъ міръ на состояніе застоя или реакціи". Отъ себя Гизо прибавляетъ: „Григорій VII былъ ре-

форматоръ путемъ деспотизма; подобно Карлу Великому и Петру Великому онъ хотѣлъ преобразовать церковь, а посредствомъ церкви гражданское общество, распространить въ нихъ болѣе нравственности, справедливости, благоустройства. Но это намѣреніе не осуществилось, благодаря самому Григорію, впавшему въ ошибку: 1) теоретика, заранѣе начертавшаго и объявившаго свой планъ со всѣми его развѣтвленіями, 2) революціонера, пытавшагося сдѣлать больше, чѣмъ могъ". „Вообще, по моему мнѣнію, заканчиваетъ Гизо, Григорій VII больше повредилъ, нежели помогъ предпріятію, на пользу котораго хотѣлъ дѣйствовать". Само собой понятно, что подобныя заявленія носятъ отвлеченный, умозрительный характеръ, не будучи снабжены фактической подкладкой. Однако, въ виду значительнаго распространенія и общаго вниманія, вызваннаго чтеніями Гизо, подобная точка зрѣнія подготовляла собой появленіе болѣе научныхъ трудовъ, гдѣ бѣглыя замѣчанія нашли бы себѣ оправданіе въ данныхъ памятниковъ.

Довольно далеко пошелъ въ этомъ направленіи извѣстный бельгійскій ученый Лоранъ. Хотя и онъ не посвятилъ Григорію VII особой работы, а коснулся лишь мимоходомъ въ VI томѣ своей Histoire du droit des gens et des relations internationales (VI tome: La papauté et l'empire 1860). Сообразно общему характеру этого сочиненія, Лоранъ не вдается въ подробности, въ критическое сличеніе извѣстій, впадаетъ въ частностяхъ даже въ ошибки, но за то, какъ никто до него, даетъ прекрасную оцѣнку значенія Григорія и его дѣятельности въ связи съ запросами времени и предшествовавшимъ развитіемъ.

Исходя изъ мысли о господствѣ и призваніи церкви, основанныхъ на власти духовной, что требуетъ отъ церкви для оправданія ея притязаній высокой нравственности и образованности ея членовъ, Лоранъ указываетъ на полное несоотвѣтствіе жизни духовенства XI в. и этого идеала. Картина церковныхъ нестроеній, набросанная сильной и смѣлой кистью, на основаніи свидѣтельствъ современниковъ, объясняетъ, по Лорану, задачу Григорія VII: „онъ нашелъ церковь въ развалинахъ, насильно возвратилъ ее къ христіанскому идеалу, возвышая ее надъ императорствомъ. Онъ спасалъ церковь, основывая ея могущество, онъ спасалъ христіанство и цивилизацію". „Такъ какъ корень зла былъ въ рабствѣ церкви, то должно было, ради ея спасенія, порвать нити, связывающія ее съ міромъ".

Для этого необходимо было, во-первыхъ, уничтожить браки священниковъ, связь съ обществомъ, грозившую превратить, сообразно общему теченію, духовенство въ касту; во-вторыхъ, уничтожить

[58]) P. 261.

инвеституру—звено, соединяющее церковь съ государствомъ. Благодаря феодализму, всякое посягновеніе на инвеституру подрывало основы свѣтской власти и Григорій сознательно шелъ къ уничтоженію государственности: съ его точки зрѣнія короли и императоры были только вассалами св. престола (167). Плодомъ дѣятельности Григорія было основаніе могущества папъ, но это могущество подготовлялось вѣками. Сужденія Григорія о безконечномъ преобладаніи духовной власти надъ свѣтской имѣли своихъ предшественниковъ, были логическимъ выводомъ христіанскаго ученія о бренности и непрочности всего земного, о безусловномъ превосходствѣ духа надъ плотію: подчиненіе міранъ церкви вытекало отсюда само собой. Требованія Григорія имѣли въ основѣ взглядъ того времени на папство и его обязанности, какъ духовнаго главы всего христіанскаго міра, и въ его честолюбіи нѣтъ ничего личнаго. Но оміреніе церкви зашло далеко и для искорененія его необходимо было выдержать борьбу съ цѣлымъ міромъ, грубымъ и свирѣпымъ. Для борьбы съ желѣзнымъ вѣкомъ необходимо быть самому желѣзнымъ человѣкомъ, и Григорій былъ удивительной силы и энергіи. Онъ былъ безжалостенъ, какъ мечъ закона. Но и онъ испытывалъ порой мучительныя терзанія при видѣ тщетности своихъ усилій". „Григорій умеръ мученикомъ своей вѣры; счастливы страдальцы за истину. Богъ предоставляетъ эти страданія великимъ людямъ. Ихъ невзгоды плодотворны для человѣчества. Григорій работалъ не безполезно для церкви, какъ онъ говорилъ въ минуты огорченія: своей могучей рукой онъ прекратилъ паденіе католицизма и направилъ христіанство на путь, предназначенный Провидѣніемъ. Однако, томленія великихъ людей среднихъ вѣковъ, особенно Григорія, великаго изъ великихъ, вызываютъ глубокое чувство грусти. Григорій заблуждался, основныя опоры его вѣрованій были ошибочны... Папа не былъ органомъ Бога. Духовная власть, которую онъ желалъ установить, изъ-за которой онъ боролся всю свою жизнь, не была божественнымъ учрежденіемъ. Григорій не былъ намѣстникомъ Божіимъ, онъ вмѣстѣ со всѣми средними вѣками ошибался въ пониманіи Христа, жизни, будущности человѣчества, но въ тоже время онъ былъ однимъ изъ избранниковъ, ведущихъ родъ человѣческій къ исполненію его назначенія. Въ немъ есть чувство, господствующее надъ его заблужденіями—сознаніе права и обязанности, твердое желаніе наставить людей на дѣйствительно путь Божій, путь справедливости и нравственности" (82).

Вотъ самое существенное въ сужденіи Лорана.

Такой основной взглядъ далъ Лорану возможность безпристрастно оцѣнить вождей борьбы за инвеституру: „проклятія, сыпавшіяся на ихъ голову,—только заблужденіе партій. Не дѣло исторіи

проклинать; мы владѣемъ безусловной истиной не больше, чѣмъ владѣли нами отцы, за что же проклинать ихъ за ихъ ошибки, когда мы сами должны признаться, что принимаемое нами за истину имѣетъ въ себѣ частицу заблужденія? Но справедливая оцѣнка прошедшаго не есть еще его принятіе, заблужденія людей нельзя возводить на степень закона" (169).

По высокому безпристрастію, одинаково чуждому крайностей католицизма и протестантизма, по человѣчности отношенія къ прошлому, по прекрасному разъясненію заблужденій Григорія, по раскрытію преемственной связи его идей съ основными положеніями христіанства, Лоранъ стоитъ безконечно выше нѣмецкихъ изслѣдованій; но его книга скорѣе общій взглядъ, не точное и подробное научное изысканіе; вредитъ безупречности характеристики Григорія и провиденціализмъ, въ который впадаетъ Лоранъ. Инымъ пошибомъ отличается современный Лорану французскій публицистъ Ланфре [59]), отчасти затронувшій вопросъ о нравственности средствъ Григорія, оставленный Лораномъ открытымъ и дающій такую оцѣнку великаго папы: „Гильденбрандъ, папа, столь извѣстный подъ именемъ Григорія VII, представляетъ собой высшее и полнѣйшее олицетвореніе того теократическаго идеала, о которомъ мечтали римскіе первосвященники. Ему принадлежитъ если не осуществленіе этого идеала, то первая и точная его формулировка: при немъ папство смѣло провозгласило себя законодателемъ человѣчества и его исключительнымъ и законнымъ властелиномъ. Если что слѣдуетъ осуждать, то лишь тиранническую систему, апостоломъ которой сдѣлался Гильдебрандъ, и средства, часто столь недостойныя, которыя онъ пускалъ въ ходъ для осуществленія своихъ видовъ. Но никакъ нельзя отказать ему въ преданности, мужествѣ и геніи, которые онъ обнаруживалъ, дѣйствуя съ полной вѣрой въ правоту своего дѣла". „Онъ всецѣло былъ преданъ одной идеѣ, что составляетъ великую черту, если даже эта идея не вѣрна". Въ характерѣ Гильдебранда мы видимъ цѣльность и безкорыстіе высшаго честолюбія. Съ самой юности онъ ставилъ выше всего принципъ, бывшій для него второй религіей (93). „Григорій VII стремился къ всемірной монархіи и шелъ къ этой цѣли съ непреклонной смѣлостью жреца, убѣжденнаго, что дѣйствуетъ въ пользу добраго дѣла и что цѣль оправдываетъ средства. Та непоколебимость, та увѣренность, которыя онъ высказываетъ въ лжи, являются въ столь возвышенной личности поразительными и обнаруживаютъ уродство, необходимое для пріобрѣтенія невозмутимости въ своемъ притворствѣ, сохраненія неизмѣнной твердости среди столькихъ

[59]) Lanfrey. Histore politique des papes. 1860.

ужасовъ и недоступности угрызеніямъ совѣсти". Въ основаніяхъ, которыя Григорій приводилъ въ подтвержденіе своихъ притязаній на верховное главенство надъ различными странами, Ланфре видитъ „набожныя мистификаціи". „Смѣшеніе макіавелизма въ средствахъ и искренности въ цѣли составляетъ сущность всей его жизни. Въ немъ не было ничего посредственнаго, и онъ всегда являлся великодушнымъ и милосерднымъ къ своимъ личнымъ врагамъ. Григорій былъ однимъ изъ тѣхъ благородныхъ умовъ, которые составляютъ принадлежность всѣхъ вѣковъ и народовъ. Безкорыстіе высокихъ стремленій смягчало жестокость этого непреклоннаго сердца, въ которомъ мы не безъ удивленія находимъ глубокую любовь къ правдѣ вмѣстѣ со столькими беззаконіями".

Характеристика Ланфре уступаетъ данной Лораномъ по глубинѣ мысли и въ ней сквозитъ плохое знакомство съ вѣкомъ Григорія: то, что въ наши дни кажется „ложью и набожной мистификаціей", въ XI столѣтіи было для многихъ несомнѣнной истиной и упрекъ въ уродствѣ, отсутствіи угрызеній совѣсти падаетъ самъ собою при бѣгломъ даже знакомствѣ съ регистромъ Григорія. Дѣло объясняется тѣмъ, что Ланфре писалъ на основаніи пособій, и его взглядъ на Григорія представляетъ собой сочетаніе различныхъ сторонъ и чертъ, позаимствованныхъ у предшественниковъ и соединенныхъ съ большимъ безпристрастіемъ. Эта небольшая, живо написанная книга имѣла то значеніе, что въ широкій кругъ читателей стали проникать болѣе трезвые и историческіе взгляды на папство, какъ учрежденіе естественное, на его дѣятелей и представителей, лишенныхъ ореола святыхъ, равно какъ и позорнаго клейма преступниковъ. Этимъ и исчерпывается значеніе книги Ланфре, такъ какъ множество грубѣйшихъ фактическихъ ошибокъ, почти полное незнакомство съ источниками подрываютъ всякую возможность притязаній на что либо большее.

Оба послѣднія сочиненія отводятъ особенное вниманіе взглядамъ Григорія на государство и свѣтскую власть; это происходитъ изъ желанія удовлетворить жгучей потребности ихъ времени. На сочиненіяхъ Лорана и Ланфре отразилось, смѣнившее рознь между католичествомъ и протестантствомъ, разногласіе по вопросу объ отношеніяхъ церкви и государства, волновавшему тогда просвѣщенные умы Западной Европы и не пришедшему еще, какъ показываютъ недавнія событія во Франціи, Германіи и Италіи, къ благополучному и окончательному разрѣшенію. Конечно, всѣ сторонники сохраненія сильнаго воздѣйствія церкви на государство отстаивали преобразованія Григорія VII и видѣли въ немъ вождя къ лучшей, новой

жизни, еще не наступившей, благодаря отпору не сознающих свою пользу противников.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ этого направленія явился извѣстный Гфрёреръ (Papst Gregorius VII und sein Zeitalter 7 B—de Schaffhausen 1859—61). Протестантъ по рожденію, сначала раціоналистъ, затѣмъ позитивистъ, по убѣжденіямъ Гфрёреръ все болѣе и болѣе склонялся, занимаясь исторіей христіанства, къ католичеству и закончилъ переходомъ въ него. Чудовищное прилежаніе, усидчивость и любовь къ научнымъ занятіямъ соединялись въ немъ съ рѣдкимъ остроуміемъ, необычайнымъ даромъ создавать смѣлыя комбинаціи для пополненія пробѣловъ въ источникахъ. Но не полученіе спеціальнаго историческаго образованія породило существенные недостатки — отсутствіе строгаго метода и предвзятость сужденій. Эти свойства отразились и на разсматриваемомъ трудѣ. По громадному объему (въ общей сложности 5326 страницъ), это сочиненіе, безспорно, занимаетъ первое мѣсто въ ряду историческихъ монографій и едва ли можно разсчитывать на появленіе болѣе обширнаго изслѣдованія. Во всѣхъ частяхъ замѣтна необыкновенная начитанность, широкое знакомство съ источниками. Но нельзя сказать, что изслѣдователь вполнѣ побѣдилъ собирателя матеріала.

Во многихъ мѣстахъ нѣтъ его переработки, очень часто приведены обширныя дословныя выписки изъ памятниковъ, связанныя лишь двумя-тремя словами. Подобный пріемъ содѣйствуетъ увеличенію объема, но мало способствуетъ уясненію главной мысли, порой скрадываемой нестройной грудой пестрыхъ и неидущихъ къ дѣлу подробностей.

Развитіе плана прерывается множествомъ повтореній, отступленій, мелочей и частностей.

Все это порождаетъ путаницу и нестройность доказательствъ.

Самые выводы не вытекаютъ изъ собранныхъ данныхъ, наоборотъ, всѣ данныя подогнаны подъ предвзятыя заключенія. Спокойнаго и сдержаннаго отношенія къ прошлому нѣтъ; повсюду сквозятъ склонности писателя, повсюду замѣтны нѣсколько высокомѣрный тонъ, необычайно высокое мнѣніе о достоинствахъ своей работы и презрительное отношеніе къ представителямъ иныхъ воззрѣній.

Эти недостатки на ряду съ громаднымъ объемомъ, тяжелымъ, необработаннымъ и неуклюжимъ языкомъ, оттолкнули многихъ отъ изученія книги Гфререра, что раздражало его самолюбіе. Но до послѣдней минуты въ немъ теплилась вѣра въ правильность постановки вопроса: когда десятилѣтній геркулесовскій трудъ подорвалъ его силы и передъ нимъ разверзлась преждевременная могила, онъ жилъ мыслью о своей книгѣ: слабѣющей рукой онъ выражаетъ, въ недоконченномъ

за смертью предисловіи къ 7-му тому, предчувствіе, что „Папа Григорій VII и его время“ надолго переживетъ его земное существованіе. Дѣйствительно, безъ этой книги не можетъ обойтись ни одинъ изслѣдователь XI столѣтія, чуждый партійныхъ страстей: столько здѣсь новаго, самобытнаго; тутъ передъ нимъ развертывается всесторонняя картина жизни тогдашняго общества, начиная съ высшихъ слоевъ и кончая низшими, проходитъ длинная вереница историческихъ дѣятелей, зачастую въ новомъ яркомъ освѣщеніи. Изученіе простирается не на одну политическую сторону, а захватываетъ развитіе учрежденій, культурный ростъ человѣчества, знакомитъ даже съ внѣшнимъ видомъ наиболѣе замѣчательныхъ городовъ. Книга Гфререра будитъ мысль, наталкиваетъ на цѣлый рядъ размышленій, вопросовъ, недоумѣній. Съ его предположеніями и объясненіями нельзя часто согласиться, но почти всегда съ ними нужно считаться. Обширность размѣровъ, всесторонность разсмотрѣнія дѣлаютъ ее настоящей сокровищницей свѣдѣній по исторіи всѣхъ странъ, съ какими только завязывалъ связи Григорій VII. Ни до Гфререра, ни послѣ него никто не положилъ столько труда для уясненія міровой попытки этого папы. Но предъ Гфрereромъ лишь постепенно раскрылся тотъ планъ, по которому онъ и написалъ своего Григорія. По началу это было простое продолженіе „Церковной исторіи“ [60]), начатое именно съ того момента, на которомъ она прерывалась, со смерти Генриха III. И вотъ, въ I книгѣ своего „Григорія“ Гфрерeръ, помимо обозрѣнія итальяно-германскихъ происшествій до утвержденія Александра II на папскомъ престолѣ, въ виду значенія и вліянія нѣмецкой аристократіи, останавливается на происхожденіи важнѣйшихъ княжескихъ династій Германіи, на положеніи, занятомъ различными владѣтельными домами по отношенію къ коронѣ и обусловленномъ развивающейся наслѣдственностью леновъ, на мѣрахъ, путемъ которыхъ императоры думали бороться съ этимъ зломъ—планъ общихъ податей и постояннаго наемнаго войска.

Вторая книга посвящена подробному изложенію хода событій въ Германіи и отчасти Италіи до смерти Александра II. Только при приближеніи къ описанію понтификата самого Григорія VII у Гфререра открылись глаза, и онъ понялъ, что нужно для „настоящей исторіи Григорія VII“. „Идеи, осуществляемыя Григоріемъ и бывшія въ значительной степени достояніемъ лучшихъ умовъ XI столѣтія, въ сущности коренились въ отношеніяхъ, созданныхъ прошлымъ. Григорій самъ объявляетъ, что можетъ свершить свое дѣло только въ единеніи съ Клюньи“. 1) Отсюда необходимо основательно знать

[60]) Allgemeine Kirchengeschichte von Gfrörer. IV B.

дѣятельность и идеалы этого братства. Далѣе связи Григорія съ Матильдой и судьба ея владѣній, впослѣдствіи служившихъ яблокомъ раздора между папами и императорами, 2) заставляютъ углубиться въ изученіе ихъ строя. Отношенія Григорія къ Вильгельму, котораго онъ отличалъ, дѣлаютъ обязательнымъ 3) знаніе положенія дѣлъ въ Англіи. Обвиненія Григорія въ стремленіи къ мірскому господству получаютъ правильную оцѣнку при 4) знакомствѣ съ развитіемъ итальянской демократіи. Сношенія Григорія съ Испаніей становятся понятными 5) при изученіи хода историческаго развитія этой страны. Наконецъ, какъ владыка церкви, Григорій входилъ въ сношенія со всѣми странами центральной Европы, равно какъ и ея окраинами, землями, открытыми смѣлыми норманскими мореходами, даже Сѣверной Африкой, гдѣ уцѣлѣли остатки древне-христіанскихъ общинъ. Подробности и характеръ этихъ связей будутъ понятны 6) только при знаніи прошлой судьбы этихъ странъ. Вѣнцомъ же своего труда Гфререръ думалъ сдѣлать борьбу между Григоріемъ и Генрихомъ, доведшимъ своимъ поведеніемъ папу до крайнихъ мѣръ.

Таковы очертанія, намѣченныя [61]) Гфререрокъ для продолженія своего труда. Однако исполинскій замыселъ только расширился при выполненіи. И вотъ, 3-я книга говоритъ о связяхъ его, начиная съ Россіи „Славіи" и Скандинавіи до Исландіи, Гренландіи и, наконецъ, только что открытыхъ береговъ С. Америки. Необходимость уяснить причины, побуждавшія ихъ обитателей прибѣгнуть къ папѣ, заставляетъ Гфререра остановиться на ихъ предшествующей исторіи, причемъ онъ принимаетъ во вниманіе народную жизнь, богослуженіе, сношенія съ болѣе культурными народами юга. Оцѣнкѣ извѣстнаго Снорро Стурлезона отведено также видное мѣсто.

Въ 4-й книгѣ изложены по такому же плану отношенія Григорія къ Даніи, Англіи и Нормандіи. Вліянію Клюньи приписано рѣшающее значеніе въ бытовой исторіи норманновъ. Побѣда при Гастингсѣ обновила одряхлѣвшій брито-саксонскій міръ, а Вильгельмъ Завоеватель своимъ законодательствомъ открылъ новую лучшую эру: совмѣстной дѣятельности Григорія и Вильгельма Завоевателя обязанъ своимъ существованіемъ новый и прочный порядокъ на всемъ сѣверѣ, положившій предѣлъ пиратству, уводу населенія; Божій міръ воцарился на океанѣ и открылъ тысячи дорогъ къ обогащенію торговлею. Альбіонъ, наконецъ, обязанъ имъ зародышемъ политическаго строя, которымъ онъ такъ гордится.

Пятая книга повѣствуетъ о временахъ первыхъ Капетинговъ, начинаясь обзоромъ мелкихъ правительственныхъ домовъ, изъ кото-

---

[61]) II p. 433—436.

рыхъ многіе были могущественнѣе Капетинговъ и обладали землями, не только не подчиненными ихъ скипетру, но даже признававшими власть иноземныхъ владыкъ. Усиленіе Капетинговъ, эту неразрѣшимую загадку, по мнѣнію прежнихъ изслѣдователей, Гфрёреръ думаетъ объяснить политикой королей, ставшихъ въ союзъ съ церковью, такъ что Григорій VII принужденъ былъ заботиться объ устраненіи опасности превращенія галликанскаго клира въ государственную машину. Обуздывая королей, Григорій взлелѣялъ и французское рыцарство.

Шестая книга отведена государствамъ Пиренейскаго полуострова и сѣверной Африки. Борьба между христіанами и мусульманами, шедшая здѣсь, зарождаетъ въ головѣ Григорія VII мысль о соединенномъ напорѣ западныхъ христіанъ на исламъ. Онъ первый проповѣдуетъ крестовый походъ. Такое положеніе дѣлъ вызываетъ необходимость обозрѣть существовавшія до той поры отношенія между христіанскимъ и мусульманскимъ міромъ. Обозрѣвъ исторію мусульманскаго халифата въ Испаніи, Гфрёреръ оттѣняетъ благотворное воздѣйствіе Клюньи: подъ его вліяніемъ зародилось и окрѣпло у испанцевъ сознаніе единства, мудрые законы повели къ тому, что исчезло рабство и угнетенное положеніе низшихъ классовъ; всѣ получили политическія права и весь испанскій народъ пріобрѣлъ отпечатокъ благородства. Позднѣйшимъ попыткамъ королей Леона, направленнымъ къ установленію деспотіи, помѣшалъ Григорій VII.

Подходя къ изложенію столкновенія между германскимъ королемъ и римскимъ папой, Гфрёреръ дѣлаетъ небольшое отступленіе (989 стр.): „Необходимость точнаго понятія о правахъ папъ и императоровъ заставляетъ его обратиться къ изученію ихъ предшествовавшихъ отношеній. 7-я книга и даетъ исторію возникновенія и развитія церковнаго государства, посвящаетъ читателя въ исторію папства и имперіи до 1002 г., причемъ политикѣ Каролинговъ и Оттоновъ, „безъ знанія которой невозможно понять образъ дѣйствій Саліевъ“, отведено значительное мѣсто, равно какъ изложенію возникновенія и расширенія вліянія Клюньи.

Переходомъ къ непосредственной темѣ служитъ восьмая книга, излагающая исторію Западной Европы, преимущественно Италіи и Германіи, до 1056 г., года смерти Генриха III, которой начинается, какъ извѣстно, первая книга.

Все сочиненіе заканчивается 9-й книгой (966 стр.), содержащей въ себѣ чрезвычайно подробную исторію борьбы тіары съ короной, проявленія движенія въ германскихъ городахъ, характеристики источниковъ и дѣятелей этой эпохи. Таково въ самыхъ общихъ чертахъ обозрѣніе колоссальнаго труда Гфрёрера.

Какъ видно, различные моменты жизни Григорія разсмотрѣны

въ немъ съ полнотой, не заставляющей желать бо̀льшаго. Но отдѣльныя части связаны очень слабо и отличаются полной почти самостоятельностью. Цѣльной, сводящей всѣ отдѣльныя замѣчанія характеристики Григорія и всеохватывающаго уясненія его міроваго значенія, Гфререръ не далъ [62]), „находя безполезнымъ въ концѣ утомительной работы присовокуплять сводъ данныхъ, упражненіе въ краснорѣчіи, которыя внимательный читатель находитъ въ различныхъ томахъ: исторія Григорія—высшая его похвала". Зато ясно выраженъ оригинальный взглядъ Гфререра на побужденія, легшія въ основу системы Григорія VII и на самую систему: „Едва ли, пишетъ Гфререръ [63]), кто-нибудь преслѣдовалъ столь высокія цѣли и безъ денегъ, безъ военной силы достигъ столь поразительныхъ успѣховъ. Рѣдкій властный геній жилъ въ Гильдебрандѣ, но не демоническій, не исполненный своекорыстія, а христіанскій, высокосвященническій. Проповѣдь Евангелія начинается словами: „царство небесное приближается. Или христіанство—сплошная цѣпь лжи (нечестивая мысль!) или—ученіе о распространеніи царства Бога на землѣ является основой порядковъ, проводимыхъ Искупителемъ міра. Въ такомъ духѣ учили и дѣйствовали св. отцы, главнымъ образомъ, бл. Августинъ въ своемъ сочиненіи „De civitate Dei". Подобное же убѣжденіе лежитъ въ основѣ дѣятельности Григорія VII. Поставленная имъ предъ собой задача состояла въ томъ, чтобъ открыть на землѣ царство Бога, устранить узы, сковывавшія его появленіе, другими словами, ввести такой порядокъ вещей, когда Евангеліе служило бы законодательной книгой народовъ, когда обязанности, выдвинутыя имъ для подданныхъ и господъ, были бы осуществлены до мелочей".

„При господствѣ монархическаго начала въ германо-латинскомъ мірѣ стремленія Григорія къ установленію лучшаго строя могли воплотиться только тогда, когда всѣ владѣтели признали бы завѣты Евангелія обязательными, и Григорій неустанно старался побудить князей, частью убѣжденіями, частью предоставленіемъ имъ различныхъ выгодъ. Письма его служатъ въ данномъ случаѣ лучшимъ доказательствомъ. Въ очень многихъ изъ нихъ проводится та мысль, что осуществленіе царства Бога на землѣ не можетъ быть дѣломъ свѣтской власти, основанной путемъ насилія и преступленій, а церкви, созданія Бога. Для Григорія была неоспоримой истиной вѣра въ долгъ папы быть верховнымъ главой этого царства и вести народы ко спасенію и вѣчному блаженству (407). Если тысячелѣтнее существованіе церкви еще не привело къ полному установленію завѣта Спасителя,

[62]) B. VII, p. 961.
[63]) II, 403.

то въ этомъ виновато господство свѣтской власти. Григорій потому и требовалъ отъ всѣхъ христіанскихъ князей повиновенія апостольской власти и громогласно объявлялъ, что короли, не признающіе это повиновеніе своею обязанностью, лишаются короны".

„Правовой исторической основой для подкрѣпленія такихъ требованій папы, въ глазахъ Григорія, служатъ ленныя обязательства, въ которыя добровольно вошли къ папамъ всѣ народы, просвѣщенные ими путемъ убѣжденія, равно какъ и обращенные императорами путемъ насилія. Эти ленныя обязательства, принятыя задолго до Григорія VII, оставались безъ примѣненія. Теперь, благодаря клюнійцамъ, ихъ духовнымъ и матеріальнымъ средствамъ, почва была подготовлена для признанія во всей полнотѣ правъ и обязанностей папъ. Симонія, существованіе которой было жизненнымъ условіемъ для королей, съ ихъ точки зрѣнія была тяжкимъ грѣхомъ, и эта точка зрѣнія, проводимая клюнійцами, пріобрѣла за себя голосъ общественнаго мнѣнія, силы, съ которой приходилось считаться и въ средніе вѣка. Вѣчныя жалобы на симонію неизбѣжно вызывали постановку требованія устраненія свѣтской власти отъ замѣщенія духовныхъ должностей, вели къ запрещенію свѣтской инвеституры и избранію духовенства клиромъ и народомъ подъ условіемъ согласія папы, какъ верховнаго главы государства. Подобный порядокъ, конечно, отдавалъ королей въ руки папъ, такъ какъ духовенство располагало, помимо нравственнаго вліянія, значительной военной и денежной силой. Стало быть, царство Божіе изъ области мечтаній переходило въ жизнь, зато власть свѣтскихъ владѣтелей, могущество которыхъ покоилось на правѣ распоряжаться духовными ленами, приходила въ окончательный упадокъ. Это крайнее средство вызывалось только крайнимъ положеніемъ дѣлъ. Направленіе времени, проводимое монахами и даже многими епископами, работало въ руку папѣ. Демократическія силы, проснувшіяся въ Ломбардіи, также являлись союзниками папъ, тѣмъ болѣе, что Григорій хотѣлъ тиранніи князей противопоставить широкое развитіе свободы массъ". „Планъ Григорія возстановить равновѣсіе между господствомъ и свободою, обуздавъ произволъ владыкъ, былъ величественъ и простъ: христіанскія племена, раздѣленныя по языку и происхожденію, образуютъ одну семью, чтущую намѣстника Петра общимъ своимъ духовнымъ главой. Долгъ намѣстника Христа наблюдать, чтобы повсюду соблюдали сводъ законовъ Божьяго царства—Евангеліе. Короли христіанскіе должны смотрѣть на себя, какъ на вассаловъ Іисуса Христа, и въ силу этого дать престолу Петра ленную присягу. Эти отношенія имѣютъ своимъ практическимъ выводомъ, что законность королевскихъ приказаній и предписаній обусловлена согласіемъ епископовъ, которые являются

представителями папы въ отдѣльныхъ государствахъ. Царство Бога на землѣ не терпитъ неограниченной монархіи, а только сословную. Всѣ важнѣйшія дѣла отдѣльныхъ государствъ должны подвергаться обсужденію на особыхъ совѣщательныхъ собраніяхъ, рѣшенія которыхъ получаютъ законную силу только послѣ согласія епископовъ.

Въ письмахъ Григорія нѣтъ указанія на то, что онъ находилъ неудобнымъ присутствіе на этихъ засѣданіяхъ свѣтскихъ вельможъ, графовъ, герцоговъ, главъ богатыхъ и выдающихся родовъ, а потому слѣдуетъ несомнѣнно признать, что если бы города или граждане уже тогда добились политическихъ правъ, Григорій ничего бы не имѣлъ противъ ихъ участія на имперскихъ собраніяхъ, только предоставилъ бы духовенству, какъ представителю высшихъ интересовъ, болѣе полномочій. Кромѣ сословной монархіи въ Божьемъ царствѣ возможно существованіе и республиканской формы правленія, но само собой понятно, что и свободныя государства даютъ ленную присягу намѣстнику Петра.

Важнѣйшіе органы, при посредствѣ которыхъ папа управляетъ многочленнымъ тѣломъ божьяго царства, аббаты и епископы, на которыхъ поэтому обращено его особенное вниманіе. Ни одинъ клирикъ не можетъ сдѣлаться аббатомъ или епископомъ безъ утвержденія папы, который имѣетъ власть ихъ низлагать, отрѣшать, переводить и т. д. Для поддержанія болѣе живого общенія съ епископами папа разсылаетъ легатовъ, пользующихся всѣми правами папы, какъ его полномочные представители.

Таковы приблизительно основныя очертанія зданія, къ возведенію котораго стремился Григорій. Бросается въ глаза, что папа здѣсь оказывается атласомъ, держащимъ тягость міра. Только духъ величайшей силы и полнѣйшей чистоты воли могъ ее выдержать. Разъ папѣ недоставало силъ исполина, разъ въ немъ возобладали низменныя человѣческія страсти, вся система могла обратиться въ тираннію. Только геніи, подобные Гильдебранду, могли воплотить этотъ строй, но какъ рѣдко появляются они"!

Такимъ образомъ, Гфререръ, прекрасно раскрывъ идеальныя, коренныя побужденія Григорія, стремившагося установить царство Бога на землѣ, влагаетъ въ его голову цѣлое соціально-политическое ученіе, въ которомъ не трудно уловить воздѣйствіе различныхъ событій, разыгравшихся на Западѣ за послѣднія 50 лѣтъ: образованіе республикъ, усиленіе представительнаго правленія, національныя движенія натолкнули Гфререра на открытіе въ дѣятельности Григорія безразличнаго отношенія къ формѣ правленія, сочувствія положенію и интересамъ массъ и отдѣльнымъ народамъ, подымавшимъ голову изъ-подъ гнета германскихъ императоровъ. Подъ вліяніемъ та-

кихъ утвержденій у читателя слагается убѣжденіе, что католицизмъ вовсе не косность, тираннія и застой, какъ рисуютъ его противники, а широкое всеобъемлющее ученіе, чуждое нетерпимости и узости, что совершенно непримѣнимо къ нему особенно въ средніе вѣка. Потомству легко находить въ прошломъ подтвержденіе своихъ излюбленныхъ теорій, усматривая въ немъ слѣды и зачатки теченій настоящаго, видя тонкій и глубокій расчетъ дѣятеля тамъ, гдѣ онъ самъ былъ орудіемъ рокового сцѣпленія обстоятельствъ. Тоже стройное католическое міросозерцаніе проходитъ чрезъ весь взглядъ Гфререра на преобразованія Григорія, какъ средство къ воплощенію истинно христіанскихъ воззрѣній.

Если при оцѣнкѣ системы замѣтно сильное вліяніе пристрастія католика, то при оцѣнкѣ личности замѣтно преклоненіе передъ ея необычайно высокими способностями и качествами, даже ихъ преувеличеніе. Самобытность плана, созрѣвшаго въ головѣ Гильдебранда еще въ молодые его годы, подлежитъ большому сомнѣнію въ виду уже извѣстнаго ученія кардинала Гумберта. Данныя источниковъ, враждебныхъ Григорію, отвергаются путемъ часто невѣроятныхъ скачковъ мысли; для усиленія противоположности на его противниковъ Гфререръ взводитъ крайне нелѣпыя и ужасныя обвиненія, на которыя нѣтъ ни малѣйшаго намека у самыхъ завзятыхъ клеветниковъ Генриха IV.

Съ другой стороны, указывая на связь воззрѣній Григорія съ предшествующей порой, Гфререръ до крайности преувеличиваетъ вліяніе Клюньи, забывая различіе взглядовъ Гуго Клюнійскаго, Даміани и Гильдебранда, не разъ приводившее ихъ къ столкновеніямъ. Преувеличиваетъ онъ и значеніе ленныхъ отношеній, въ которыя будто бы стали всѣ свѣтскіе владѣтели къ апостольскому трону: подобныя отношенія существовали лишь въ его смѣлой фантазіи.

Впрочемъ, такіе промахи вполнѣ естественны у человѣка партіи: для глубоко убѣжденнаго католика нѣтъ возможности смотрѣть на дѣло Григорія другими глазами: церковь для него стоитъ безконечно выше государства, поглощаетъ его.

Трудъ Гфререра вызвалъ, какъ и слѣдовало ожидать, несочувственные отзывы протестантскихъ изслѣдователей, склонявшихся къ признанію зависимости церкви отъ государства. Но никто не взялъ на себя смѣлости провѣрить *всѣ* его выводы путемъ сличенія съ данными источниковъ. Больше другихъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи Баксманъ въ своей „Политикѣ папъ отъ Григорія I до Григорія VII [64]).

[64]) Baxmann. „Die Politik der Päpste von Gregor I bis auf Gregor VII". 1869. III.

Полемизируя съ Гфререромъ во множествѣ примѣчаній, Баксманъ уже въ своемъ введеніи открыто заявляетъ, что будетъ производить оцѣнку историческихъ явленій съ протестантской точки зрѣнія, и оправдываетъ это свое заявленіе самымъ употребленіемъ термина „политика“ примѣнительно къ дѣятельности папъ. „Мірскія цѣли и побужденія, по его мнѣнію, всегда были основаніемъ поступковъ римскихъ первосвященниковъ и въ этомъ отношеніи Григорій VII не представляетъ исключенія. Онъ—вѣрное зеркало Григорія I по своему поповскому міросозерцанію, которое подъ видомъ святости и покровомъ мнимаго отвращенія отъ всего земного, все-таки ищетъ мірского и служитъ своекорыстнымъ цѣлямъ. Римская іерархія—созданіе отдѣльныхъ лицъ, проникнутыхъ духомъ честолюбія и властолюбія. Въ основѣ всей дѣятельности папъ лежитъ мысль Григорія I, воплощенная Григоріемъ VII, мысль о безконечномъ превосходствѣ церкви и папства и весьма низменное понятіе о государствѣ и свѣтской власти. Въ системѣ же Григорія Баксманъ видитъ сочетаніе ветхозавѣтнаго левитизма—въ области религіи, въ соціальной и политической идеѣ грознаго Рима и нѣмецкаго феодализма“ 65).

Широкое пользованіе пособіями, не только нѣмецкими, но и французскими, англійскими и итальянскими; хорошее знакомство съ источниками, равно какъ попытка объединить и связать дѣятельность цѣлаго ряда папъ указаніемъ общей руководящей идеи—принадлежитъ къ числу несомнѣнныхъ достоинствъ книги Баксмана. Но эта оцѣнка односторонняя, точка зрѣнія сознательно партійна, а потому и все сочиненіе тенденціозно, стало быть, не научно. Въ дѣлѣ изученія преобразованій Григорія VII трудъ Баксмана не имѣетъ самостоятельнаго значенія, не знаменуя собой новаго освѣщенія уже извѣстныхъ фактовъ, или привлеченія новыхъ матеріаловъ.

Наиболѣе объемистой работою, выставленною протестантами въ противовѣсъ Гфререру, является третій томъ „Исторіи времени нѣмецкихъ императоровъ“ Гизебрехта 66). Не смотря на рѣзкія нападки Гфререра, обвинявшаго его въ несамостоятельности, зависимости отъ трудовъ своихъ, Флото и Штенцеля, предлагавшаго даже въ доказательство несправедливости этихъ обвиненій выпустить свое сочиненіе раньше выхода окончанія „Григорія VII“, Гизебрехтъ сохранилъ по отношенію къ своему противнику сдержанность, безпристрастіе. Изучивъ подобно ему громадное количество памятниковъ всевозможныхъ родовъ и видовъ, онъ не кичится этимъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ признать, что Гизебрехту далеко не хватаетъ оригиналь-

65) T. II p. 327.
66) Giesebrecht. Geschichte der deutschen Kaiserzeit.

ности, самобытности и вольнаго размаха творческой мысли. Изложеніе окрашено велерѣчіемъ, напыщенностью, тонъ приподнятъ и неестественъ. Критика источниковъ въ большинствѣ случаевъ заимствована; въ основу не всегда положенъ наиболѣе надежный источникъ. И въ ширинѣ воспроизведенія Гизебрехтъ уступаетъ Гфререру. Его сочиненіе—не полная и всесторонняя исторія времени нѣмецкихъ императоровъ, а подробное и мелочное изложеніе политическихъ судебъ Германіи и внѣшней политики ея правителей за разсматриваемый періодъ. Какъ осторожный и дѣльный сводъ всего относящагося сюда матеріала, сочиненіе это имѣетъ неоспоримое значеніе, но не расширяетъ нашего кругозора. Кромѣ того, подобно Флото, Гизебрехтъ предпринялъ свой трудъ не съ чисто научной цѣлью, а въ патріотическихъ видахъ. Желая воскресить идеалъ пламенныхъ мечтаній и страстныхъ стремленій своихъ современниковъ къ объединенію и возрожденію Германіи, Гизебрехтъ вмѣсто безхитростнаго воспроизведенія прошлаго съ его свѣтлыми и темными сторонами особенно подчеркиваетъ былое могущество нѣмецкаго народа, сильнаго своимъ единствомъ подъ властной волей императоровъ, державшихъ въ своихъ мощныхъ рукахъ судьбы всего запада. Поэтому въ дѣятельности Григорія Гизебрехтъ отмѣчаетъ главнымъ образомъ ея вліяніе на судьбу нѣмецкаго императорства, не высказываетъ ничего, чего не подмѣтили бы его предшественники. Вотъ наиболѣе говорящія мѣста изъ его книги:

P. 585. „Григорій, думавшій основать духовную державу, не оставилъ ничего кромѣ политико-церковной системы, но системы такой, первые начатки которой коренятся въ глубинѣ предшествовавшихъ столѣтій, а слѣдствія замѣтны и въ наши дни. Онъ не принадлежалъ къ духамъ, одареннымъ самобытной творческой силой, но его слѣдуетъ безспорно причислить къ тѣмъ, кто даетъ рѣшительный поворотъ колебающимся умамъ тысячъ и въ силу этого направляетъ развитіе человѣчества на иные пути. Его самое существенное значеніе для хода исторіи заключается въ томъ, что онъ произвелъ переломъ въ существовавшихъ прежде міровыхъ отношеніяхъ, послѣ котораго нѣмецкое императорство не могло упрочить своего вѣками созданнаго главенства на западѣ".

P. 581. „Несомнѣнно, что онъ проявлялъ, въ качествѣ преемника Петра, притязанія на неограниченную власть не только въ церковныхъ, но и въ мірскихъ дѣлахъ, смотрѣлъ на папство какъ на высшее судилище на землѣ, врученное ему для проведенія божественнаго порядка повсюду, поэтому каждый противникъ былъ для него безбожникомъ и подлежалъ наказанію. Когда излюбленная кара—анаѳема не помогала, Григорій думалъ, что необходимо взяться за мечъ

или за другія насильственныя мѣры и въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ ничего общаго съ апостолами, превосходитъ даже судей ветхаго завѣта".

Хотя Гизебрехтъ и причисляетъ себя къ безпристрастнымъ изслѣдователямъ, рисующимъ „истинный образъ Григорія VII", однако подобное заявленіе по крайней мѣрѣ смѣло. Отказывая, вопреки Гфреreру, Гильдебранду въ творческой силѣ, Гизебрехтъ не приводитъ въ пользу своего утвержденія никакихъ соображеній, затемняетъ истинную цѣль Григорія, заключающуюся, по его мнѣнію, „въ свободѣ церкви, связанной съ проведеніемъ строжайшаго романизма"—въ чемъ самъ Григорій видитъ только средство; за нераскрытіемъ пути церковныхъ преобразованій, общее значеніе дѣятельности великаго папы у протестантскаго изслѣдователя осталось неяснымъ вслѣдствіе односторонняго и неполнаго освѣщенія и напоминаетъ взгляды современныхъ Григорію умѣренныхъ имперіалистовъ. Нѣсколько больше историческаго пониманія, безпристрастія и ясности обнаружилъ Грегоровіусъ въ своей „Исторіи города Рима въ средніе вѣка" (есть плохой русскій переводъ).

Это сочиненіе получило громкую и заслуженную извѣстность, благодаря громаднымъ свѣдѣніямъ автора, его тонкой наблюдательности, отличному знакомству съ памятниками средневѣковаго Рима и чарующей прелести изящнаго, образнаго языка.

Для Грегоровіуса, какъ знатока предшествующихъ судебъ папства, Григорій VII былъ наслѣдникомъ законныхъ цѣлей римскихъ епископовъ; но признаніе такой связи и преемственности не умаляетъ значенія дѣятельности великаго папы [67]): „Григорій VII былъ наслѣдникомъ исконныхъ цѣлей папства, но несравненный геній владыки и государственнаго человѣка присущъ ему лично, а его революціонная смѣлость не знаетъ себѣ равной ни въ древнемъ Римѣ, ни въ новое время. Этотъ монахъ не дрогнулъ предъ мыслью ниспровергнуть весь строй Европы съ цѣлью воздвигнуть на его развалинахъ тронъ папы". Вообще Грегоровіусъ обнаруживаетъ склонность преувеличить значеніе Григорія VII. Онъ объявляетъ Гильдебранда всемогущимъ министромъ 6 папъ, величайшимъ политикомъ всѣхъ временъ и народовъ, вождемъ преобразовательнаго теченія, съумѣвшимъ всѣхъ сдѣлать своимъ орудіемъ—монаховъ, фанатическое рвеніе которыхъ онъ подогрѣвалъ, папъ, которымъ давалъ направленіе, патеровъ, которыхъ, какъ истый демагогъ, высылалъ въ поле противъ аристократіи и надменныхъ епископовъ, могущественныхъ и мечтательныхъ маркграфинь Тосканы, дружбу которыхъ онъ пріоб-

[67]) Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Vierter Band. 1862.

рѣлъ, хищныхъ норвановъ, которыхъ сдѣлалъ вассалами и защитниками римской церкви". Понятно, что и дѣятельность подобнаго человѣка не могла остаться безслѣдной: „на его знамени первоначально стояли только два заимствованныя изъ каноновъ запрещенія: брака священниковъ и симоніи. И то, и другое было язвой своего времени, но они же съ большимъ искусствомъ послужили орудіемъ, пробившимъ проломъ, чрезъ который папство вторглось въ государство и пріобрѣло господство надъ міромъ. Эта геніальная мощь, съ которой Гильдебрандъ завоевалъ свободу церкви, основалъ господство іерархіи, достойна изумленія. Держава священнослужителей, не имѣющихъ другого оружія, кромѣ креста, евангелія, благословенія и проклятія, заслуживаетъ бо́льшаго удивленія, чѣмъ всѣ царства римскихъ и азіатскихъ завоевателей, и Григорій былъ основателемъ этой державы. Мысль поставить смертнаго во главѣ грѣшнаго міра въ качествѣ богоподобнаго существа съ ключами отъ рая и ада въ рукахъ и подчинить міръ этому апостолу уничиженія и намѣстнику Бога столь поразительна, столь страшна, что вызываетъ изумленіе и послѣдующихъ поколѣній. Это явленіе предполагаетъ дѣтскую, наивную вѣру, чтобы вѣчное начало добра стояло предъ нами воплощеннымъ, видимымъ и достижимымъ. Передача власти нравственно вязать и разрѣшать одному человѣку, быть можетъ, самое изумительное дѣяніе, какое только знаетъ всемірная исторія. Но оно получаетъ свое объясненіе, когда знаешь, что церковь долгое время была величайшей страстью, святѣйшей силой, общей идеей человѣчества. Изъ ея нѣдръ исключительно вытекали глубочайшія вѣра и знаніе, гармонія и красота, земное и небесное блаженство. Только послѣ борьбы, вызванной Григоріемъ VII, замѣтенъ расцвѣтъ духа въ мірѣ, до той поры грубомъ, безобразномъ, лишенномъ духовной жизни. Но исторія не воплотила его идеалъ, остававшійся позади понятій развившагося человѣчества. Ученіе апостоловъ живетъ донынѣ, а іерархическія основы Григорія VII уже давно пожрало время. Григорія слѣдуетъ упрекнуть въ томъ, что онъ раздѣлилъ церковь на грѣшныхъ безправныхъ мірянъ и на святую полноправную касту священнослужителей, образовавшихъ церковь въ собственномъ смыслѣ; онъ погубилъ остатки христіанской общины, влилъ въ церковь политическій духъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой папа. Она сдѣлалась законченнымъ учрежденіемъ, объединяющимъ всѣ государственныя формы: демократію, аристократію, монархію. Сосредоточеніе догматической власти въ одной кастѣ породило зло духовной тиранніи, почему понятно, что дѣло Григорія должно было повлечь за собой нѣмецкую реформацію. Самое лучшее, что сдѣлалъ Григорій VII, было пробужденіе духа въ мірѣ, благодаря борьбѣ, посягавшей на всѣ нравственныя стороны жизни. Неизмѣримое дви-

женіе охватило всѣ слои церкви и государства [68]). Исполинская борьба этихъ двухъ формъ, образовавшихъ соціальное цѣлое, создала великую духовную жизнь средневѣковья и не получила своего разрѣшенія и въ наше время".

Такимъ образомъ и Грегоровіусъ представляетъ Григорія лишь съ одной стороны, какъ политическаго революціонера на апостольскомъ престолѣ, преслѣдующаго господство надъ міромъ. Идеи, носителемъ которыхъ выступалъ Григорій, не раскрыты у Грегоровіуса, сведшаго его значеніе къ чисто отрицательнымъ послѣдствіямъ. „Единственно полезный результатъ—пробужденіе спавшей мысли—произошелъ вопреки его желанію". Такіе недостатки произошли оттого, что въ пользованіи источниками замѣтны существенные пробѣлы, даже погрѣшности, и это повело съ одной стороны къ крайнему преувеличенію значенія Григорія, съ другой къ недостаточно полному и яркому воспроизведенію его предначертаній. Стало быть, представителямъ противной стороны не удалось вполнѣ опровергнуть основныхъ положеній Гфререра, вліяніе котораго замѣтно и въ оцѣнкѣ, данной Грегоровіусомъ. Тѣмъ понятнѣе его успѣхъ у единомышленниковъ.

Воздѣйствіе сочиненія Гфререра отразилось и на католической исторіографіи. Здѣсь первое мѣсто по своимъ достоинствамъ занимаетъ трудъ Hefele Conciliengeschichte [69]). Будучи хорошо знакомъ съ источниками, Гефеле пользовался пособіями безъ различія партій и соблюдалъ безпристрастіе къ самымъ противуположнымъ мнѣніямъ, хотя былъ искренне убѣжденнымъ и строгимъ католикомъ. Дѣлая мѣстами самостоятельныя изысканія, онъ возстаетъ противъ смѣлыхъ догадокъ и построеній Гфререра, но цѣликомъ беретъ его основное воззрѣніе на Григорія VII [70]), поэтому самостоятельнаго строго научнаго значенія это сочиненіе не имѣетъ, да и не притязаетъ на него, „желая дать сподручное пособіе историкамъ и теологамъ для пріобрѣтенія общихъ свѣдѣній по исторіи соборовъ".

Другимъ крупнымъ явленіемъ оказывается трудъ французскаго аббата Деляра [71]), хотя и отдаленный 30-ти-лѣтнимъ промежуткомъ но написанный подъ вліяніемъ Гфререра. Католическое міросозерцаніе автора сказывается уже въ заглавіи, гдѣ Григорій названъ „святымъ", и отражается на всей книгѣ. Не смотря на обширный размѣръ своего труда, знаніе источниковъ и внимательное къ нимъ от-

---

[68]) B. VI, p. 245—249.

[69]) B. V.

[70]) B. V, p. 20—22.

[71]) Saint Grégoire VII et la réforme de l'eglise au XI-e siècle pas l'Abbé Delare, T. III. Paris. 1889.

ношеніе, Деляръ не пришелъ ни къ какимъ новымъ выводамъ и заключеніямъ, соединивъ до нѣкоторой степени взглядъ Гфререра съ воззрѣніями Лорана. Подобно первому, онъ приводитъ цѣликомъ чуть ли не всѣ дошедшія до насъ письма Григорія, смотритъ на отношенія властей, ставитъ преобразованія его въ тѣснѣйшую связь съ клюнійской реформой, подобно второму выводитъ ихъ изъ состоянія церкви. Почти строго хронологическій порядокъ изложенія ведетъ къ разбросанности и затрудняетъ возсозданіе общаго. Кромѣ того, Деляръ ограничивается въ заключеніи лишь бѣглой и краткой оцѣнкой [72]), явственно позаимствованной у Гфререра. „Лучшій панегирикъ Григорія, единственно достойный его — это его исторія; приводить здѣсь главныя событія его жизни ради краснорѣчія — безполезный трудъ".

„Читатель самъ знаетъ ихъ и можетъ произнести свой судъ, давъ отчетъ, что было и чего хотѣлъ Гильдебрандъ. Возвратить церкви ея честь и достоинство — вотъ чего онъ хотѣлъ. Это было высшей цѣлью его стремленій и его жизни".

„Найдя церковь порабощенной, онъ приложилъ всѣ силы своего генія, чтобъ порвать эти цѣпи, отдать ей самостоятельность и свободу".

Такимъ образомъ, Деляръ позволилъ себѣ и нѣкоторое отступленіе отъ своего образца, считая цѣлью желаній Григорія то, въ чемъ Гфререрь видѣлъ средство: у Деляра остается невыясненнымъ, почему Григорій стремился къ свободѣ церкви. Вообще оригинальнаго, какъ было замѣчено, книга Деляра не даетъ, такъ какъ проводимая имъ параллель между Наполеономъ и Григоріемъ VII не отличается глубиной и сводится только къ внѣшнему совпаденію различныхъ обстоятельствъ ихъ жизни.

Особнякомъ въ католической исторіографіи стоитъ посмертная работа Виллъмена „Histoire de Gregoire VII précedée d'un discours sur l'histoire de la papauté jusqu'au XI-e siècle". Будучи написана еще въ 1834 г., она обнаруживаетъ полное незнакомство съ нѣмецкой литературой, открытыми съ того времени новыми матеріалами и лучшими ихъ изданіями, заслуживая упоминанія по оригинальности мысли, положенной въ ея основу. Виллъменъ смотритъ на споръ за инвеституру, какъ на борьбу свободной церкви Италіи противъ угнетенной нѣмецкой, а на Григорія, какъ на борца за свободу совѣсти и права націй, на вольное развитіе противъ грубой силы,—взглядъ, не имѣющій ни малѣйшей основы въ первоисточникахъ.

Таковы важнѣйшіе и наиболѣе имѣвшіе значеніе въ дѣлѣ раз-

---

[72]) T. III, p. 628.

работки взгляда на значеніе и личность Григорія VII. Для полноты очерка необходимо упомянуть еще о точкѣ зрѣнія знаменитаго Ранке: VII томъ его Weltgeschichte привлекаетъ уже однимъ именемъ мастистаго ученаго. Какъ и слѣдовало ожидать, въ своей оцѣнкѣ Ранке ближе подходитъ къ протестантскому направленію, но избѣгаетъ его крайностей.

„Григорій VII снова возвратился къ мысли о церковномъ главенствѣ надъ свѣтскими владѣтелями, мысли, возникшей въ IX столѣтіи и сдѣлавшей первый шагъ къ своему воплощенію благодаря возстановленію Имперіи Оттономъ I. Но это возвращеніе носило иной отпечатокъ: прежде епископы искали защиты у Рима, теперь они были вполнѣ подчинены римскому главенству. Самъ Григорій прекрасно выразилъ свою систему въ своихъ диктатахъ. Это притязаніе на всемогущество папы выступило теперь противъ императорства, занятаго борьбой въ духовно-свѣтской области. Свои притязанія Григорій обосновываетъ на лжеисидоровскихъ декреталіяхъ, неправильномъ толкованіи подлинныхъ мѣстъ Св. Писанія, на невѣрныхъ ссылкахъ на историческіе примѣры, имѣвшіе совершенно другое значеніе. Но въ дѣйствительности они покоились на его взглядѣ на призваніе римской церкви: въ его глазахъ непогрѣшимый папа являлся полномочнымъ представителемъ апостольской власти, вяжущимъ на небѣ и на землѣ".

„Іерархическая система Григорія имѣла цѣлью сдѣлать власть клира основой всего земного существованія. Запрещеніе инвеституры и браковъ духовенства было необходимо для ея проведенія. Великій іерархъ глубоко вдумался въ ту точку зрѣнія, на которой стоялъ. Онъ шелъ на встрѣчу запросамъ времени, смотрѣвшаго на лицо духовное, какъ на существо высшее. Все, что онъ говорилъ, отличалось достоинствомъ, послѣдовательностью и силой. Онъ обнаруживалъ врожденный талантъ къ свѣтскимъ дѣламъ. Заявленія Григорія не содержали въ себѣ глубокаго ученія. Почти все, что онъ выставлялъ на видъ, было сказано до него. Но въ немъ все это слагалось въ стройную систему, вопроса объ относительной истинности которой нельзя и поднимать. Григорій VII—величайшее изъ когда-либо имѣвшихъ мѣсто церковно-политическихъ явленій" [73]).

Ранке очевидно не правъ, если припомнимъ Лорана и Гфререра, считая начало стремленія къ Царству Божьему на землѣ плодомъ IX столѣтія, не первохристіанскихъ воззрѣній. Но существеннымъ его недостаткомъ необходимо признать малое вниманіе, обращенное на внутреннюю, идейную сторону борьбы, на состояніе развитія обще-

---

[73]) Weltgeschichte, B. VII, p. 309—313.

ства, на его внутренній строй. Какъ вообще въ всемірной исторіи, такъ и здѣсь политическимъ событіямъ отведено наиболѣе мѣста. Что же касается критической стороны, то и здѣсь трудъ великаго ученаго далеко не безукоризненъ: будучи однимъ изъ главныхъ виновниковъ паденія славы достовѣрности, установленной за Ламбертомъ, Ранке не всегда критически относится къ его извѣстіямъ или неудачно выбираетъ основу для своего изложенія, отвергая ихъ. Такъ онъ создаетъ своего рода культъ Бернольду, вопреки точнымъ документальнымъ даннымъ. Наконецъ, при изложеніи подробностей недостаточно глубокое, тщательное и всестороннее изученіе источниковъ даетъ о себѣ знать. Въ оцѣнкѣ же Григорія Ранке примкнулъ къ взглядамъ своихъ предшественниковъ, протестантскихъ изслѣдователей уже прежняго направленія.

Трудъ Ранке вызвалъ рѣзкую критику со стороны Мартенса [74]), выражающаго намѣреніе дать въ недалекомъ будущемъ обстоятельную исторію Григорія VII. Хотя Мартенсъ въ обнародованныхъ трудахъ [75]) не подвергаетъ общей оцѣнкѣ дѣятельность Григорія, однако его точка зрѣнія уже выяснилась съ достаточной опредѣленностью.

Цѣлью своей Мартенсъ поставилъ доказать, что съ одной стороны Григорій VII, вопреки мнѣнію лучшихъ протестантскихъ изслѣдователей, отнюдь не былъ великимъ папой, съ другой—за нимъ нельзя признать и святости, какъ дѣлаютъ католическіе историки. Для оправданія этого утвержденія Мартенсъ прибѣгаетъ къ своеобразнымъ пріемамъ: онъ подчеркиваетъ недостовѣрность только противниковъ Генриха IV, говоря: „ихъ данными можно пользоваться лишь въ томъ случаѣ, если они не ведутъ къ прославленію своихъ или униженію противниковъ". Данныя сторонниковъ Григорія онъ или замалчиваетъ, или толкуетъ ихъ крайне насильственно и искусственно. Другимъ недостаткомъ Мартенса является его пристрастіе къ оригинальности, заставляющее его выдѣляться новыми толкованіями, хитросплетеніями, поднимать вопросы, даже не возникавшіе за очевидностью ихъ рѣшенія, и давать имъ смѣлое, но вполнѣ неосновательное разрѣшеніе [76]). Съ такимъ методомъ едва-ли можно ожи-

---

[74]) Heinrich IV und Gregor VII, nach der Schilderung von Ranke's Weltgeschichte, kritische Betrachtungen von Dr. Wilh. Martens. Danzig 1887.

[75]) Кромѣ указаннаго см. еще: Die Besetzung des päpstlichen Stuhls unter den Kaisern Heinrich III und Heinrich IV. Freiburg. B. 1887 и журнальныя статьи: Gregors VII Maassnahmen gegen Heinrich IV (in der Zeitschrift für Kirchenrecht B. XVII; Ueber die Geschichtschreibung Bonithos von Sutri (in der Tübinger Theologischen Quartalschrift. B. LXV).

[76]) Такова его послѣдняя работа: War Gregor VII Mönch? Danzig 1891 г.

дать удачнаго исхода отъ намѣренія Мартенса, тѣмъ болѣе, что онъ и теперь сводитъ значеніе Григорія къ созданію для папъ „potestas directa in temporalia“ и смотритъ на церковь съ точки зрѣнія яраго прусскаго протестанта.

Едва-ли Мартенсъ избѣгнетъ и общей ошибки всѣхъ своихъ предшественниковъ, смотрящихъ на Григорія, какъ на вполнѣ законченное существо съ застывшими воззрѣніями и взглядами. Жизнь не знаетъ подобной неизмѣняемости: идеальное воззрѣніе Григорія на папство, какъ учрежденіе, предназначенное свыше для спасенія грѣшнаго міра, уже въ первые годы его дѣятельности натолкнулось на житейскую косность, на сѣрую дѣйствительность. Она показала, что для его воплощенія необходимы силы матеріальныя, могущество свѣтское. Надо пріобрѣсти его и тогда идеалъ достигнутъ. Новыя препятствія, новая борьба, достиженіе завѣтной мечты все отодвигается и средство начинаетъ дѣлаться цѣлью. Исполинскія, но человѣческія силы истощались, сломленныя неутомимой мощью обстоятельствъ, прозой жизни. и Григорій 1080 года уже не походилъ на Гильдебранда и Григорія 70 г.

Людямъ XIX вѣка, чуждымъ глубокой всепроникающей вѣры въ подобный идеалъ, не вполнѣ понятна эта смѣна, и вотъ почему не всесокрушающимъ и всеизмѣняющимъ временемъ, а жалкимъ честолюбіемъ объясняютъ они дѣятельность Григорія.

Неудачу общихъ изслѣдователей до нѣкоторой степени восполняютъ обильные плоды, приносимые мелкой детальной разработкой исторіи второй половины XI столѣтія. Это направленіе въ послѣдніе годы стало господствующимъ: ежегодно [77]) какъ въ спеціальныхъ историческихъ, такъ въ юридическихъ и теологическихъ журналахъ, программахъ или диссертаціяхъ выходятъ въ свѣтъ то мелкія критическія замѣтки къ тексту или вопросу о достовѣрности отдѣльныхъ мѣстъ или извѣстій различныхъ источниковъ, то появляются статьи, посвященныя разработкѣ различныхъ моментовъ и сторонъ дѣятель-

---

[77]) И тутъ отражаются запросы и вліянія времени: такъ 800-лѣтняя годовщина Каноссы, совпавшая съ такъ называемой культурной борьбой, вызвала рядъ работъ, частью публицистическаго, частью научнаго характера. См. между прочимъ *Franke*, Nicht nach Canossa 1876. *E. Hoffmann*, Gregor VII und Heinrich IV. Prag. 1876. *Adolf*, Kaiser Heinrich IV zur Errinnerung an der Büsse von Canossa. Hannover 1877. Gregor VII und der Gang nach Canossa von *Kalthoff*. Berlin 80, и т. д. Больше значенія имѣютъ: *R. Goldschmit*, die Tage von Tribur und Canossa. Strassburg 1873. *T. Braun*. Die Tage von Canossa unter Heinrich IV. Marburg 1873 и 1874. *Schubart*, Heinrich IV in Kanossa. Berlin 82. *Knöpfler*. Die Tage von Tribur und Canossa (Hist. pol. Blätter 1884 г. 5 и 6 тетрадь.

ности Григорія 78) или выдающихся его современниковъ; замѣчается стремленіе написать исторіи отдѣльныхъ Западно-Европейскихъ земель за разсматриваемый періодъ времени. Между всѣми этими произведеніями есть очень дѣльныя работы, главнымъ образомъ, изслѣдованія цѣлыхъ памятниковъ, пролагающія на нихъ новыя воззрѣнія или окончательно устанавливающія тотъ или иной взглядъ на поставленный вопросъ 79).

Конечно, для будущаго историка Григорія VII многія изъ этихъ работъ сослужатъ большую службу удачнымъ разрѣшеніемъ мелкихъ вопросовъ, разъясненіемъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ подробностей, критической и тщательной провѣркой данныхъ, указаніемъ круга источниковъ того или иного писателя.

Но иногда трудъ предпринимается не для отысканія истины, а

---

78) Заслуживаютъ упоминанія: *Ruppel*. Die Wahl Papst Gregors VII. Chemnitz 1876; *Knöpfler*. Die Wahl Gregors VII (Hist. pol. Blät. 1884.). *Mirbt*. Die Wahl Gregors VII. Narburg 1891. *Mädge*. Die Politik Gregors VII den Gegenkönigen Rudolf und Hermann gegenüber. Elberfeld 1879. *Lüngen*. Zur Politik Gregors VII gegen Heinrich IV. Bochum 82. *Dehnicke*. Die Massnahmen Gregors VII gegen Heinrich IV während der Jahre 1076—80. Halle a. S. 89. *Meltzer*. Papst Gregor VII und die Bischofswahlen. Dresden 76. *Piper*. Die Politik Gregors VII gegenüber der deutschen Metropolitangewalt. Quedlinburg 84. *Hoffmann*. Das Verhältniss Gregors VII zu Frankreich. Breslau. 1877. *Wiedemann*. Gregor VII und Erzbischof Manasses I von Reims. Leipzig 84. *Mevs*. Zur Legation des Bischofs Hugo von Die unter Gregors VII. Greifswald 87.

79) Такова произведшая переворотъ въ взглядѣ на Бенцо работа *Hugo Lehmgrübner*, Benzo von Alba, ein Verfechter der Kaiserlichen Staatsidee unter Heinrich IV. Berlin 1887. *Panger*. Wido von Ferrara. Leipzig 80, доказалъ несамостоятельность этого источника. *Kubo*, Beiträge zur Kritik Lamberts von Hersfeld 1890 и *Diffenbacher*, Lambert von Hersfeld als Historiograph. Heidelberg 1890, показали бѣдность языка Ламберта и какъ слѣдствіе ея однообразіе описаній различныхъ происшествій, вопреки установившемуся мнѣнію о блестящемъ и богатомъ запасѣ выраженій герсфельдскаго монаха. Его достовѣрность сильно потрясли: *Delbrück*, Ueber die Glaubwürdigkeit Lamberts von Hersfeld 73. *Lefarth*, Lambert von Hersfeld. 81 и *Ausfeld*, Lambert von Hersfeld und der Zehntstreit zwischen Mainz, Hersfeld und Turingien 79. Оцѣнка писемъ Григорія VII въ связи съ болѣе точнымъ установленіемъ времени ихъ написанія и лучшимъ ихъ изданіемъ сдѣлала значительные успѣхи. См. Giesebrecht, De Gregorii VII registro emendando Brunsvigae 1858. Die Urkunden der päpstlichen Kanzleiuon *Pflugk Harttung*. München 82. Его же. Die Register und Briefe Gregors VII. N. A. B. VI. Die Register Gregors VII. N. A. B. VIII. Zwei Papstbriefe Zeitschrift für Kirchengeschichte. B. XIII 92 г. *Löwenfeld*, Der Dictatus papa Gregors VII und eine Ueberarbeitung desselben im XII Jahrhundert. B. 16. N. A. *Schöfer*. Zur Datierung zweier Briefe Gregors VII N. A. B. 17. 92 г. *Doebel*. Zum Rechtfertigungschreiben Gregors VII an die Deutsche Nation vom Sommer 1076. 1891.

съ цѣлью высказать болѣе или менѣе оригинальное и остроумное соображеніе, зачастую лишенное всякихъ прочныхъ основъ, покоющееся лишь на шаткихъ догадкахъ, натяжкахъ и хитросплетеніяхъ.

Къ такимъ положительно отнимающимъ лишь время для прочтенія работамъ относятся главнымъ образомъ сочиненія, опредѣляющія для различныхъ авторовъ путемъ сличенія выраженій кругъ пользованія классическими или средневѣковыми писателями. Здѣсь дѣло доходитъ зачастую до смѣшного: сходство иногда существуетъ въ воображеніи автора, иногда легко объясняется общностью предмета или школьнаго преподаванія. Если писатель употребляетъ извѣстное выраженіе, находимое, положимъ, у Лукана или Сульпиція, то отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ читалъ ихъ произведенія. Сходство въ выраженіяхъ попадается даже у современныхъ писателей, пишущихъ на разговорномъ живомъ языкѣ; латинскій же узнавали не изъ жизни, а выучивали путемъ чтенія. Можно употребить оборотъ Саллюстія, заимствовавъ его изъ десятыхъ рукъ, отъ учителя, не видя въ глаза ни единаго изъ его твореній, не говоря уже объ изученіи.

Всѣ подобныя работы въ громадномъ большинствѣ случаевъ — простой хламъ, который съ теченіемъ времени отойдетъ въ област печальныхъ воспоминаній. Остается пожалѣть о силахъ и усидчивости, напрасно затраченныхъ, о безднѣ учености, воотще изливаемой [80]). Вообще новое направленіе, имѣющее и свои отмѣченныя выше хорошія стороны, уклонилось нѣсколько съ прямого пути. Ни состояніе общественной мысли, ни уровень умственнаго развитія, ни нравственные запросы и потребности Западно-Европейскаго человѣчества въ XI вѣкѣ, а стало быть, и коренныя причины преобразованій, далеки отъ своего окончательнаго разъясненія.

Итакъ, прошло болѣе 800 лѣтъ почти непрерывнаго интереса къ дѣятельности великаго папы, но еще до сихъ поръ самая личность Григорія въ его молодые годы, его раннія отношенія къ многимъ выдающимся дѣятелямъ первой половины XI столѣтія, установленіе вліяній и воздѣйствій, сдѣлавшихъ изъ него то, чѣмъ онъ былъ, основныя его побужденія остаются въ тѣни, еще ждутъ и зовутъ работниковъ. Русскимъ изслѣдователямъ здѣсь открывается широкое

---

[80]) Образцомъ подобнаго увлеченія можетъ послужить литература о „Carmen de bello saxonico“ главнымъ образомъ полемика между Панненборгомъ и Гундлахомъ. *Pannenborg.* Forschungen. B. XIII, *Gundlach*, Ein Dictator aus der Kanzlei Heinrichs IV. 84. *Pannenborg.* Forschungen B. XXV; *Gundlach*. Wer ist der Verfasser des Carmen de bello saxonico. 87. *Pannenborg.* Lambert von Hersfeld, der Verfasser der Carmen de bello Saxonico 89. См. также Edee, Forschungen XXVI B.

и благодарное поле: имъ говорятъ не такимъ страстнымъ и жгучимъ языкомъ, какъ для западныхъ ученыхъ, великіе образы прошлаго, ихъ менѣе волнуютъ воспоминанія о прежнемъ, давно умчавшемся времени, менѣе будятъ злобу или пріязнь теперешнія отношенія — плодъ предшествующихъ заблужденій или высокихъ порывовъ сошедшихъ уже въ могилу историческихъ дѣятелей. Для нихъ „всемірная исторія"—не всемірный судъ, а безстрастное воспроизведеніе прошлаго во всемъ его величіи или безобразіи.

Новѣйшія польскія сочиненія по польской исторіи конца XVIII вѣка.

С. Л. Пташицкаго.

Столѣтняя годовщина польской конституціи 3 мая 1791 г. вызвала въ польской литературѣ цѣлый рядъ брошюръ и ни одного капитальнаго труда, посвященнаго этому событію, обратившему въ свое время вниманіе всей Европы. Въ настоящее время писать о переворотѣ 3 мая 1791 г. и очень легко и очень трудно. Какъ конституціи, такъ и перевороту посвящено уже очень много работъ, поэтому сказать что нибудь новое не легко. Перечень только важнѣйшихъ трудовъ, относящихся къ этому вопросу, займетъ нѣсколько страницъ убористой печати (ср. Bibliografia konstytucyi въ изданіи Познанскаго общества имени Сташица — Trzeci Maj — стр. 184 и сл.). Это было такое явленіе, которое, по замѣчанію проф. Карѣева, сразу измѣнило европейское общественное мнѣніе въ пользу поляковъ. Новѣйшій французскій историкъ Сорель говорилъ, что „польская революція 1791 года имѣла рѣдкую привиллегію возбуждать одновременно удивленіе и сторонниковъ французской революціи и самаго непримиримаго изъ ея противниковъ" (Карѣевъ. Паденіе Польши, 68). Со дня появленія въ свѣтъ конституціи до послѣдняго времени этому акту посвящаютъ свое вниманіе выдающіеся ученые и политическіе дѣятели, а все таки до сихъ поръ не установился на него опредѣленный взглядъ, не только у западноевропейскихъ, но и у польскихъ публицистовъ. Какъ у современниковъ конституціи явились лица, ставшія въ опозицію ей, такъ и въ послѣднихъ публицистическихъ голосахъ, рядомъ съ незнающимъ границъ восторгомъ, нашлись слова полнаго порицанія. Нѣкто г. Брейтеръ (Słowo o konstytucyi 3 Maja. Lwów. стр. 27), въ рѣзкихъ выраженіяхъ обрушивается какъ на

конституцію, такъ и на ея творцовъ. По его мнѣнію, конституція лишена всякихъ прогрессивныхъ и либеральныхъ началъ и даже явилась приложеніемъ печати къ могилѣ. Авторы ея были неисправимымъ народомъ, который даже въ послѣдній моментъ, даже на глазахъ у смерти остался неисправимымъ. Между тѣмъ иностранный историкъ (Сорель) въ тоже время считаетъ день 3 мая самымъ прекраснымъ въ новой исторіи Польши: онъ напоминалъ великія сцены, знаменовавшія конецъ деспотизма, и варшавскій сеймъ ставилъ во главѣ конституціи тѣже начала, что и собраніе Франціи.

Среди такихъ разнородныхъ мнѣній любопытенъ голосъ заслуженнаго дѣятеля, который въ столѣтнюю годовщину могъ сказать—„изъ депутатовъ сейма (четырехлѣтняго) я зналъ—Лубенскаго, Солтыка, Линовскаго, Нѣмцевича, Кицинскаго, а изъ политическихъ дѣятелей того времени Шанявскаго и Сташица. То время для меня является скорѣе преданіемъ, чѣмъ исторіей". Мнѣніе такого лица для историка политическихъ взглядовъ очень цѣнно. Оно, съ одной стороны, равносильно мнѣнію современника, съ другой—публициста, вооруженнаго послѣднимъ словомъ исторической науки. Такой именно характеръ имѣетъ небольшая брошюра недавно скончавшагося заслуженнаго галиційскаго политическаго дѣятеля, Павла Попеля (Powstanie i upadek konstytucyi 3-go Maja, według dokumentów oryginalnych. Kraków. стр. 72). Авторъ ставитъ себѣ задачею опредѣлить, изъ какихъ побужденій, теченій и началъ (natchnień, prądów i żywiołów) произошла эта конституція, отчего противъ нея образовалась такая сильная опозиція, имѣла ли она въ себѣ жизненныя начала, даже въ томъ случаѣ, если бы содѣйствіе сосѣдей не уничтожило ея. Кто былъ составителемъ конституціи—неизвѣстно, но г. Попель, вмѣстѣ съ Калинкою, предполагаетъ, что самъ король составилъ ее по французски, а переводъ сдѣлалъ Коллонтай. Актъ этотъ постепенно созрѣвалъ и его проведеніе облегчилъ законъ 18-го апрѣля о городахъ. Города оказались сторонниками готовившейся конституціи, а, посвященная въ тайну подготовленія, Варшава способствовала расположенію въ пользу ея политическихъ и сеймовыхъ кружковъ. Хотя дѣло подготовлялось въ большой тайнѣ, однако въ городѣ шелъ говоръ о томъ, что въ замкѣ готовится государственный переворотъ. Тайну эту г. Попель считаетъ при тогдашнихъ условіяхъ необходимой. Вся эта работа была результатомъ соединенія всѣхъ здоровыхъ и чистыхъ началъ въ народѣ. Ее то авторъ брошюры считаетъ величайшею заслугою творцовъ конституціи. Авторъ при этомъ не рѣшается дать утвердительный отвѣтъ на вопросъ было ли еще время для спасенія отечества, но, по его мнѣнію, было достаточно времени, чтобы спасти честь отечества. Она является свидѣтельствомъ того, что были

способные и истинные патріоты, которымъ нечего было доискиваться и которые ничего не получили. За свои убѣжденія они поплатились тюрьмою, конфискаціей имущества и ссылкою. Они могли сдѣлать политическіе промахи, что было весьма легко во время, наполненное гнилыми испареніями французской революціи, но это ошибки такія, какія и теперь, по прошествіи ста лѣтъ, еще повторяются. Можно упрекать конституцію въ томъ, что она была мало революціонна, что она недаровала правъ крестьянамъ. Но если этотъ актъ не ввелъ въ жизнь сразу всей политической правды, то истинный политикъ хорошо пойметъ, что личные интересы, вѣковые политическіе предразсудки не легко сразу преодолѣть. Далѣе авторъ сильно возстаетъ противъ тѣхъ, кто обвиняетъ конституцію въ революціонныхъ началахъ и въ якобинизмѣ. Наслѣдственный король съ правомъ опредѣлять членовъ сената, не одобрять законы, одобренные сеймомъ, господствующая католическая религія не указываютъ на якобинское направленіе. Сеймъ, обнародовавшій конституцію, не исполнилъ, однако, вполнѣ своей обязанности. Сеймъ не позаботился въ надлежащей мѣрѣ объ обезпеченіи финансовъ и народной обороны, далъ королю дискреціональную власть и думалъ, что все уже исполнилъ. Дали королю власть, но не дали денегъ, войска, оружія и магазиновъ. Чувства были возвышенныя, но однихъ чувствъ мало, нужна еще крѣпкая воля, благоразуміе и дѣйствіе. А этого не было. Могла ли такая конституція и при такихъ условіяхъ заключать въ себѣ жизненныя начала, объ этомъ теоретически разсуждать трудно. Я, говоритъ авторъ, не вѣрю во всѣ бумажныя конституціи. Тѣ конституціи прочны, которыя опредѣляютъ уже существующія отношенія. Авторы конституціи 3 мая находились въ томъ счастливомъ положеніи, что имѣли данныя общественныя силы въ шляхтѣ, сенатѣ и въ городахъ, получившихъ недавно право гражданства, что могли дать силу и даже перевѣсъ королевской власти. Правда, власть королевская была ограничена, сеймъ постоянный (gotowy) могъ быть легко причиною недоразумѣній, но вѣдь все это составлялось, когда господствовала теорія Руссо, когда гремѣли голоса парижскаго народнаго собранія, и все это, однако, оттолкнули отъ себя польскіе сердца, уши и головы. Это все способствовало тому, что отовсюду раздались серьезныя голоса въ похвалу новой конституціи.

Вообще маститый авторъ относится весьма сочувственно какъ къ конституціи, такъ и къ ея авторамъ; порицаетъ ея противниковъ, составителей и приверженцевъ тарговицкой конфедераціи. Въ началѣ моей работы, говоритъ авторъ, я самъ благосклоннѣе смотрѣлъ на торговичанъ: казалось, оправдывалъ ихъ страхъ передъ французской революціей и надежда получить отъ Россіи лучшія условія политиче-

скаго существованія. Но, изучивъ на основаніи оригинальныхъ документовъ весь ходъ ихъ дѣятельности, я съ сердечною болью рѣшительно и категорически долженъ ихъ осудить. Тарговица это раздѣленіе страны на многочисленныя враждующія партіи.

Съ тѣмъ же чувствомъ уваженія относится къ конституціи другой авторъ не публицистъ, а историкъ, судящій событіе и самъ актъ не на основаніи традиціи, а по архивнымъ матеріаламъ и уже не какъ человѣкъ, знавшій дѣятелей сейма, а историкъ, отстоящій отъ событія на сто лѣтъ. Для своей публичной рѣчи на торжественномъ собраніи Краковской Академіи 30 мая 1891 г. ея генеральный секретарь, проф. **Смолька**, избралъ темой положеніе, занятое государствами по отношенію къ конституціи 3 мая (Stanowisko mocarstw wobec konstytucyi 3-go Maja Kraków. стр. 27). Рѣчь эта составляетъ небольшой очеркъ болѣе обширнаго изслѣдованія. Авторъ даетъ въ ней результатъ своего изученія документовъ, изданныхъ Вивено (Vivenot. Quellen zur Geschichte des Deutschen Kaiserpolitik) и лично добытыхъ авторомъ изъ вѣнскаго, лондонскаго и ватиканскаго архивовъ. Брошюра пр. Смольки даетъ значительно меньше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе. Авторъ останавливается главнымъ образомъ на отношеніи къ Польшѣ императора Леопольда послѣ объявленія конституціи 3 мая. Въ своемъ разсужденіи пр. Смолька не приводитъ документовъ, на основаніи которыхъ дѣлаетъ выводы, и потому нѣтъ возможности ихъ провѣрить. Такъ онъ доказываетъ, что Польша въ умѣ императора Леопольда играла выдающуюся роль. Леопольдъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли—воспрепятствовать увеличенію Пруссіи въ особенности на счетъ Польши и не допустить, чтобы Россія, увеличенная на счетъ Турціи и Польши, стала тѣснить Австрію съ восточныхъ ея границъ. Къ достиженію этой цѣли могла ему помочь Польша независимая, съ конституціей, обезпечивающей ея внутренній строй и подъ наслѣдственной властью саксонскаго дома, тѣсно связаннаго съ Австріей. Имѣя это въ виду, Леопольдъ заключилъ миръ съ Турціей, сблизился съ Пруссіей, а въ австро-прусской конвенціи 25 іюля 1791 г. помѣщена секретная статья гарантирующая польскую конституцію. Разсматривая дѣятельность Леопольда по отношенію къ Польшѣ, авторъ, кажется, слишкомъ односторонне оцѣниваетъ ее и думаетъ, что только смерть Леопольда способствовала паденію Польши. По отношенію же къ перевороту 3 мая авторъ высказываетъ мнѣніе, что еслибы Польша его не совершила, то отбросила бы послѣднюю доску спасенія, на которой могла бы въ 1791 г. счастливо выплыть.

Проф. Бальцеръ въ статьѣ о реформахъ политическихъ и общественныхъ конституціи 3 мая (Reformy społeczne i polityczne konstytucyi 3 Maja. Kraków. стр. 80) обратилъ особенное вниманіе на

крестьянскую реформу и доказалъ, что сеймъ сдѣлалъ все, что могъ и что слѣдовало сдѣлать.

Крестьянскому вопросу посвящена книжка г. Б. Дескура (Krótki rys dziejów stronnictwa ludowego. Lwów. стр. 82). Авторъ разсматриваетъ дѣятельность защитниковъ интересовъ простого народа, которыхъ и называетъ народною партіей.

Дѣла еврейскія на сеймѣ 1791 года разсмотрѣны въ брошюрѣ г. Э. Дейхеса, изданной еврейскимъ обществомъ во Львовѣ (Sprawa żydowska w czasie sejmu wielkiego Lwów. стр. 87). Авторъ главнымъ образомъ руководствовался изслѣдованіемъ Гумпловича о проектѣ реформы евреевъ Станислава Августа, но рядомъ съ этимъ воспользовался и всею существующею литературой вопроса и даже сдѣлалъ самъ новыя разысканія въ этой области. Главная тенденція всѣхъ реформъ четырехлѣтняго сейма по отношенію къ евреямъ клонилась къ тому, чтобы превратить евреевъ въ полезныхъ гражданъ. Реформу еврейства считали дѣломъ на столько важнымъ, что самъ король занялся этимъ вопросомъ и по его инициативѣ и настоянію проектъ былъ представленъ сейму. Въ проектѣ особенно заслуживаетъ вниманія вопросъ объ усиленномъ надзорѣ надъ кагалами и еврейскими училищами.

На основаніи тщательно собранныхъ матеріаловъ, д-ръ Г. Савчинскій далъ прекрасный очеркъ дѣятельности президента Варшавы Яна Декерта, одного изъ первыхъ защитниковъ городскаго сословія (Jan Dekert, prezydent miasta Warszawy. Lwów. стр. 67). Въ своемъ трудѣ авторъ дѣлаетъ характеристику городскихъ отношеній въ Польшѣ до Декерта, указываетъ на причины упадка городовъ и дѣлаетъ бѣглый очеркъ новыхъ теченій въ польскомъ мѣщанствѣ, требующемъ себѣ новыхъ политическихъ правъ, которыя ему и были дарованы въ 1791 году за стараніемъ Декерта. По настоянію Декерта и другіе города начали домогаться политическихъ правъ.

Небольшой очеркъ д-ра К. Бонковскаго (Kraków w czasie konstytucyi 3 Maja. Kraków. стр. 22) представляетъ намъ на основаніи рукописныхъ матеріаловъ, положеніе, занятое Краковомъ по вопросу о городской реформѣ. Краковъ, довольствуясь своими правами, не заботился о судьбѣ другихъ городовъ и только по настоянію Декерта почувствовалъ свою солидарность съ другими городами и рѣшился выслать своихъ представителей въ Варшаву для общей поддержки представленій другихъ городовъ.

Характеръ спеціальнаго разсужденія по частному вопросу имѣетъ рѣчь д-ра Б. Дембинскаго въ краковскомъ юридическомъ обществѣ, посвященная сравненію конституціи 3 мая съ французскою революціей (Konstytucya 3 Maja a Rewolucya francuska. Poznań. стр. 19).

Сравненіе польской революціи съ французской не разъ появлялось, но это настолько обширная тема, что ее не представлялось возможнымъ исчерпать въ маленькой брошюрѣ. Авторъ доказываетъ, что польская конституція не находится ни въ какой зависимости отъ французской, но что въ ней можно подмѣтить только общіе взгляды, такъ какъ польскіе и французскіе политики находились подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же философскихъ и политическихъ ученій, и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Руссо.

Самымъ пространнымъ (по объему), изъ вновь вышедшихъ сочиненій о конституціи 3 мая, является книга проф. А. Соколовскаго (O Sejmie czteroletnim. Lwów. стр. 197). Авторъ искусно воспользовался существующею литературою о четырехлѣтнемъ сеймѣ для того, чтобы въ популярномъ изложеніи представить весь ходъ дѣятельности этого сейма и точное развитіе конституціи, ставшей вѣнцомъ всей этой дѣятельности. Авторъ говоритъ, что для надлежащей оцѣнки конституціи необходимо познакомиться съ тѣми условіями, при которыхъ она появилась, и что сильно ошибаются тѣ, которые судятъ конституцію и ея авторовъ съ точки зрѣнія современныхъ намъ взглядовъ и требованій, и смотритъ на нее глазами критиковъ и знатоковъ современныхъ намъ условій. Законодательство, дающее сто лѣтъ тому назадъ новую политическую и общественную организацію стоящей безначаліемъ (stojącej nierządem) шляхецкой республикѣ, не можетъ вполнѣ соотвѣтствовать современному намъ духу времени и современнымъ требованіямъ. Поэтому значеніе конституціи можно надлежащимъ образомъ оцѣнить только на основаніи близкаго знакомства безпорядка и польской анархіи наканунѣ обнародованія конституціи. Только на такомъ фонѣ дѣлается яснымъ значеніе реформъ, имѣющихъ цѣлью исправленіе общественныхъ недостатковъ и внутренняго государственнаго строя, проводимыхъ въ конституціи. По мнѣнію автора, конституція не представляла собою ничего вполнѣ совершеннаго, но что она была первымъ шагомъ реформы и, по тогдашнимъ условіямъ, была актомъ достойнымъ удивленія, который, удаляя гнилыя основанія государства, предвѣщалъ новую эпоху политическаго и общественнаго возрожденія.

Попытку популярнаго изложенія значенія судебъ конституціи представляетъ изданный польской Матицей во Львовѣ трудъ д-ра Финкеля (O konstytucyi 3 Maja w setną rocznicę jej nadania. Lwów. стр. 142). Авторъ назначилъ свою книгу для народа, поэтому въ ней и не претендовалъ на новыя ученыя открытія. Съ болѣе научнымъ характеромъ является разсужденіе того же автора, прочитанное въ львовскомъ юридическомъ обществѣ (Konstytucya 3 Maja wstęp histo-

ryczny. Lwów. стр. 24). Впрочемъ, и здѣсь авторъ не даетъ ничего новаго, а только передаетъ вкратцѣ все извѣстное о началѣ и обнародованіи конституціи.

Изъ массы статей публицистическаго характера слѣдуетъ отмѣтить статью проф. С. Тарновскаго, въ издаваемомъ имъ въ Краковѣ Przegląd Polski (Przed 3 Maja i po nim). Среди изданій, появившихся по случаю столѣтія конституціи, особенное мѣсто занимаютъ изданные г. Бартошевичемъ—памятная книжка (Księga pamiątkowa setnej rocznicy ustanowienia konstytucyi 3 Maja. Kraków. T. I стр. 308 и II стр. 295) и Альбомъ портретовъ и гравюръ (Album portretów, rycin i widoków, odnoszących się do konstytucyi 3 Maja. Kraków. стр. 21). Въ первомъ изданіи издатель хотѣлъ популяризировать рѣдкія современныя изданія, относящіяся къ конституціи и нѣкоторые неизданные доселѣ матеріалы. Первый томъ содержитъ, между прочимъ, нѣсколько отрывковъ изъ сочиненій Коллонтая, изъ его статьи о началѣ и паденіи конституціи; вторую часть его замѣчаній о сочиненіи Ржевускаго о престолонаслѣдіи; цѣликомъ безъ примѣчаній—послѣднія наставленія Польшѣ. Кромѣ того перепечатаны: Красинскаго—письмо по вопросу о престолонаслѣдіи; предисловіе Сташица къ наставленіямъ Польшѣ; Езерскаго—катехизисъ о тайнахъ польскаго правительства: народный катехизисъ 1791 г. Въ этомъ же томѣ помѣщено по рукописямъ нѣсколько басенъ и сатиръ Нѣмцевича и Трембецкаго и дневникъ событій за апрѣль и май 1791 г., составленный самимъ издателемъ. Во второмъ томѣ изданы нѣкоторые еще ненапечатанные матеріалы, относящіеся къ конституціи, а именно неизвѣстное письмо короля къ Букатому и другія письма короля, взятыя изъ архива Чарторыйскихъ; описаніе празднованія обнародованія конституціи въ разныхъ мѣстностяхъ, отрывки изъ донесеній польскаго посланника въ Константинополѣ Потоцкаго и рядъ другихъ матеріаловъ.

Въ *Альбомѣ* собраны, главнымъ образомъ, портреты разныхъ дѣятелей эпохи четырехлѣтняго сейма — Станислава Августа, Ст. Малаховскаго, Коллонтая, Игн. Потоцкаго, К. Мостовскаго, Ст. Потоцкаго, В. Кицинскаго, смоленскаго епископа Горженскаго, И. У. Нѣмцевича. Изъ гравюръ издатель помѣстилъ—пять видовъ Варшавы, нѣсколько картинъ представляютъ разныя современныя сцены—присягу короля, залъ засѣданій сейма и др. Далѣе воспроизведены рисунки разныхъ современныхъ медалей, факсимиле заглавнаго листа перваго изданія конституціи и № 37 Варшавской газеты отъ 7 мая 1791 г.

Большинство польскихъ газетъ и журналовъ, кромѣ спеціальныхъ статей, издало юбилейные нумера, посвященные 3-му мая. Изъ нихъ болѣе интересны—Часъ (№ 101), со статьею проф. Тарновскаго; Польскій

Дневникъ (№ 122), содержащій, кромѣ нѣсколькихъ статей, портреты дѣятелей сейма; въ Газетѣ Народовой (№ 106) слѣдуетъ отмѣтить статьи—Бостеля, Коллонтай и патріотическая партія; Маргаша—Реформа мѣщанскихъ отношеній по конституціи 3-го мая; Львовскій Курьеръ (№ 122) помѣстилъ рядъ одностороннихъ статей, большею частью направленныхъ противъ конституціи: Бигелейзена—Проявленіе революціонныхъ идей во время конституціи; Каспровича—Упадокъ городовъ и ихъ участіе въ конституціи; Выслоуха—Мнѣнія противниковъ возрожденія сто лѣтъ тому назадъ, характеристика главныхъ дѣятелей либеральной партіи 3 мая. Тоже изданіе въ № 200 помѣстило статью, отыскивающую въ конституціи массонскія начала. Польскій курьеръ (№ 120), кромѣ портретовъ и рисунковъ, вошедшихъ въ альбомъ Бартошевича и нѣкоторыхъ перепечатокъ, помѣстилъ статью—Церковь и духовенство по отношенію къ конституціи. Польское Обозрѣніе (Przegląd Polski) помѣстило рядъ статей Тарновскаго, Смольки, Бальцера, вышедшихъ впослѣдствіи отдѣльно и о которыхъ уже сказано выше. Школа (№ 18) обратила вниманіе на отношеніе конституціи къ школьнымъ вопросамъ, а также на дѣятельность въ этомъ отношеніи Коллонтая.

Наконецъ, въ разныхъ городахъ появился рядъ брошюръ, имѣющихъ исключительно популярный характеръ: во Львовѣ—Фалькевича, Литвина, Выслоуховой и изданіе безыменное Третіе мая; въ Краковѣ—Микляшевскаго, въ Данцигѣ — Седлячковны и въ Познани—Памятная книжка 3-е мая.

Обзоръ отдѣльныхъ брошюръ, изданныхъ въ воспоминаніе конституціи 3-го мая, слѣдуетъ заключить двумя невольно напрашивающимися общими замѣчаніями. Всѣ эти изданія вышли за-границей, а варшавская польская печать почему то не обмолвилась ни единымъ словомъ о фактѣ, интересовавшемъ и волновавшемъ всю польскую заграничную печать въ теченіе цѣлаго года. Такое молчаніе едва-ли можетъ показаться естественнымъ. Во-вторыхъ, въ заключеніе приходится повторить слова рецензента львовскаго изданія Kwartalnik Historyczny, что въ столѣтнюю годовщину конституціи 3-го мая мы постоянно слышали о воодушевленіи, благодарности, съ которою народъ ее принялъ. Но не является ли это самообманомъ, и нынѣшнее поколѣніе не переноситъ свои чувства и взгляды на современниковъ? Пожалуй, въ настоящее время эта конституція среди поляковъ популярна болѣе, чѣмъ въ 1791 г. Слѣдовало бы посчитать, сколько она тогда нашла защитниковъ, сколько враговъ и индеферентныхъ!

Историческая хроника.

Тридцатилѣтіе ученой дѣятельности А. Г. Брикнера и В. И. Герье и пятидесятилѣтіе Н. М. Благовѣщенскаго. — Историко-литературные и историко-юридическіе курсы въ университетахъ за 1891—92 годъ.—Историческое преподаваніе въ Дерптскомъ университетѣ въ 1891—92 году. — Историческая наука въ университетахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ и Кіевскомъ въ 1891 году. — Историческіе диспуты, оставленные при университетѣ и пробныя лекціи.—Историческое преподаваніе въ Духовной Академіи.—Ученыя Общества.—Историческая секція учебнаго отдѣла въ Москвѣ.—Историческій кружокъ студентовъ Дерптскаго университета.— Премія Г. Ѳ. Карпова за изслѣдованія по русской исторіи.—Харьковскій историческій архивъ.

Тридцатилѣтіе ученой дѣятельности проф. А. Г. Брикнера (1861—91) [1]. Александръ Густавовичъ Брикнеръ, сынъ негоціанта, родился въ С.-Петербургѣ 24 іюля 1834 г. Окончивъ гимназическій курсъ въ Петропавловскомъ училищѣ, онъ сначала посвятилъ себя коммерческой карьерѣ, но потомъ увлекся научными занятіями и, отправившись въ 1857 г. за-границу, три года слушалъ лекціи въ университетахъ Гейдельбергскомъ, Іенскомъ и Берлинскомъ. Въ 1860 г., представивъ въ Гейдельбергѣ диссертацію „Der Reichstag zu Worms. Die Verhandlungen über das Reichsregiment 1521" (Heidelberg. 1860), онъ получилъ степень доктора философіи и, возвратившись затѣмъ въ Петербургъ, вскорѣ занялъ здѣсь каѳедру всеобщей исторіи въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія (1861—67). Въ 1864 г. онъ защитилъ въ Петербургскомъ университетѣ диссертацію (см. ниже) на степень магистра и послѣ того нѣкоторое время читалъ въ немъ лекціи въ качествѣ привать-доцента. Въ 1867 г. онъ получилъ степень доктора всеобщей исторіи въ Дерптскомъ универ-

[1]) Приводимыя свѣдѣнія извлечены изъ статьи г. Р. С. присланной для II-го тома „Историч. Обозрѣнія", но къ сожалѣнію, пришедшей слишкомъ поздно, и затѣмъ напечатанной отдѣльно на правахъ рукописи.

ситетѣ и вслѣдъ затѣмъ переѣхалъ въ Одессу, гдѣ занималъ каѳедру всеобщей исторіи до 1872 г., когда онъ перешелъ на каѳедру русской исторіи въ Дерптъ. Удаленный съ этой должности въ 1891 г. онъ затѣмъ былъ назначенъ профессоромъ Казанскаго университета, гдѣ и находится въ настоящее время. Многочисленные труды и изслѣдованія проф. Брикнера по русской исторіи, главнымъ образомъ 17-го и 18-го вв., писанные на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, появлялись по преимуществу въ журналѣ Министерства Нар. Просв., Русскомъ Вѣстникѣ, Древней и Новой Россіи, Историческомъ Вѣстникѣ, Вѣстникѣ Европы, Russische Revue, Baltische Monatsschrift Historische Zeitschrift, и др. Называемъ здѣсь главнѣйшія его работы.

a) *Исторія Россіи до Петра В.* „Мѣдныя деньги въ Россіи (1656—63) и денежные знаки въ Швеціи (1716—19)“ Спб. 1864, (магистерская диссертація). Въ болѣе обширномъ видѣ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ монографій о другихъ финансовыхъ предпріятіяхъ такого же рода п. з.: Finanzgeschichtliche Studien, Kupfergeldkrisen. S.-Petersburg, 1867 (докторская диссертація). „Юрій Крижаничъ о восточномъ вопросѣ“ Др. и н. Россія, 1876, т. III. „Русскіе туристы-дипломаты въ Италіи въ XVII столѣтіи“. Р. Вѣстн. т. CXXVII и CXXXIII, 1877, мартъ, апрѣль и іюль, и отдѣльно. „Юрій Крижаничъ, его жизнь и литературная дѣятельность“. Р. Вѣстн. 1887, № 6 и 7. „Russische Diplomaten im 17. Jahrhundert.“ Russ. Revue, т. XXVIII, 1888.

b) *Эпоха Петра Великаго.* „Иванъ Посошковъ какъ экономистъ“ (Ж. М. Н. Пр., т. CLXXXI и CLXXXIII, 1875 и 1876 и отдѣльно). „Патрикъ Гордонъ и его дневникъ“ (Ж. М. Н. Пр., т. CXCVI—CXCVII, 1877—8 и отдѣльно). „Fürst Wassilij Golizyn“ (Russ. Revue, т. XIII, 1878). „Peter der Grosse“ (въ коллекціи Weltgeschichte in Einzeldarstellungen. Berlin. 1878). „Iwan Possoschkow, Ideen und Zustände in Russland im Zeitalter Peters des Grossen“. Leipzig. 1878. „Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго (Ж. М. Н. Пр. 1879, т. CCV, окт.). „Мнѣнія Посошкова о религіи и церкви, о нравственности и воспитаніи, о войскѣ, о судопроизводствѣ и законодательствѣ“ (Р. Вѣстн., 1879, № 3 и 6 и отдѣльно, „Die Reise Peters des Grossen ins Ausland. 1697—8“ (Russ. Revue т. XIV. 1879). „Der Zarewitsch Alexei (1690—1718)“. Heidelberg. 1880. „Христіанъ Фр. Веберъ. Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго“ (Ж. М. Н. Пр., т. CCXIII, 1881, № 1 и 2). „Исторія Петра Великаго“. Спб. 1882. 2 тт.

c) *Періодъ отъ 1725 до 1762 г.* „Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники (1741—1807)“ (Р. Вѣстн., т. CXIII 1874 и.

отдѣльно; на нѣм. языкѣ п. з.: „Die Familie Braunschweig in Russland“ (Russ. Revue, т. V и VIII, 1875 и 1876 и отдѣльно).

d) *Эпоха Екатерины II.* „Arssenij Mazejowitsch, ein Beitrag zur Geschichte des Kampfes zwischen Kirche und Staat unter der Regierung Katharina II“ (Russ. Revue, т. XVI, 1880). „Большая Коммиссія 1767—68 гг.“ (Ж. М. Н. Пр., т. CCXVII и CCXVIII 1881, № 9, 10 и 12). „Katharina die Zweite“ (въ коллекціи Allgemeine Weltgeschichte in Einzeldarstellungen. Berlin 1883). „Жизнь Петра III до вступленія на престолъ“. (Р. Вѣстн. т. CLXIII, 1883 и 1884). „Исторія Екатерины II“. Спб. 1885. 3 тт. „Потемкинъ“ (Новь, т. XIII—XVII, 1887 и отд. Спб. 1891). „Семейная хроника Воронцовыхъ“ (Вѣстн. Европы 1887, № 8 и 1888, № 5 и 8). „Зельмира“ (1782—1788) (Ист. Вѣстникъ, т. XLI, 1890). „Густавъ IV и Екатерина II въ 1796 г.“ (Вѣстн. Евр. 1890, №№ 8, 9, 10 и 11).

Помимо этихъ рубрикъ можно указать еще такія работы пр. Брикнера: „Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи“ (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 7). „Russische Geschichtschreibung 1855—1881. Meyer's Lexikon. Jahressupplement, III, 1882); „Die Europäisirung Russlands“. Leipzig 1887; Bilder aus Russlands Vergangenheit. I. Beiträge zur Culturgeschichte Russlands im XVII Jahrhundert. Leipzig. 1887. Съ 1888 г. имъ предпринято изданіе „Матеріаловъ для жизнеописанія гр. Н. П. Панина“ (т. I. Спб. 1888, т. II, III и IV. Спб. 1890). Наконецъ пр. Брикнеръ написалъ еще нѣсколько статей по теоріи исторіи.

Болѣе полный списокъ трудовъ А. Г. Брикнера появится въ Словарѣ С. А. Венгерова. А. Г. состоитъ членомъ историческаго Общества.

Тридцатилѣтіе ученой дѣятельности проф. В. И. Герье.

19-го января 1892 г. происходило чествованіе тридцатилѣтія ученой дѣятельности профессора всеобщей исторіи московскаго университета В. И. Герье. На квартиру къ юбиляру въ два часа дня собрались его бывшіе ученики, болѣе сорока человѣкъ. Одинъ изъ нихъ, профессоръ всеобщей исторіи П. Г. Виноградовъ, прочелъ слѣдующій адресъ:

„Глубокоуважаемый учитель! Въ наступающемъ году начинается для васъ новый періодъ университетской дѣятельности. Оглядываясь на тридцать лѣтъ служенія, посвященнаго московскому университету, вы имѣете право съ гордостью сказать, что исполнили свой долгъ, а поколѣнія студентовъ, для которыхъ вы трудились, единодушно засвидѣтельствуютъ, что вы совершили плодотворное и памятное дѣло.

„На отвѣтственномъ посту—на каѳедрѣ Грановскаго—вы были не только достойнымъ представителемъ науки, подчинявшимъ вниманіе содержательностью, многосторонностью, продуманностью изложенія,—преподаваніе ваше проводило идеи всемірно-историческаго прогресса и потому было гуманитарнымъ и просвѣтительнымъ въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ. Сообщая богатыя свѣдѣнія, вы умѣли въ то же время возбуждать стремленіе къ самостоятельной научной работѣ, а своими твердыми убѣжденіями, съ которыми дѣятельность ваша всегда шла въ полномъ соотвѣтствіи, своей неослабной энергіей въ преслѣдованіи цѣлей добра и истины, вы дали вашимъ ученикамъ рѣдкій примѣръ сознательнаго исполненія гражданскаго долга. Ваше имя останется знаменательнымъ въ исторіи московскаго университета.

„Вы положили душу въ свое дѣло; вѣрьте, что ученики ваши это поняли и не забудутъ. Всѣ они, несмотря на различіе возраста, занятій, взглядовъ, единодушны въ благодарности и уваженіи къ вамъ. Всѣ горячо желаютъ, чтобы служеніе ваше въ стѣнахъ славнаго университета продлилось на многіе годы".

Адресъ этотъ, украшенный художественною виньеткою и вложенный въ изящную папку, подписанъ болѣе чѣмъ 130 бывшими учениками профессора. По прочтеніи адреса, В. И. Герье произнесъ слѣдующую небольшую рѣчь:

„Примите мою глубокую задушевную благодарность. Примите ее прежде всего отъ меня лично, какъ отъ человѣка, которому Вы скрасили минуту чувствительнаго перелома въ его жизни. Мнѣ довелось дожить до конца моей профессуры; я долженъ бы быть исполненъ чувства довольства и благодарности — но къ этому чувству невольно примѣшивается и заслоняетъ его живое сознаніе эфемерности жизни и человѣческихъ усилій. Вашъ привѣтъ заглушаетъ это сознаніе и замѣняетъ его радостнымъ, праздничнымъ настроеніемъ. Глядя на васъ, представителей различныхъ прошедшихъ при мнѣ черезъ университетъ поколѣній, я снова переживаю свою жизнь и она завершается для меня гармоническимъ аккордомъ. Примите также глубокую благодарность отъ профессора и представителя каѳедры. Наука, особенно наша, легко разъединяетъ людей; она развивается въ различіи взглядовъ и методовъ, а эти различія нерѣдко ведутъ и къ личному разобщенію. Ваше присутствіе здѣсь показываетъ, что я былъ счастливъ въ этомъ отношеніи и не испыталъ горечи отчужденія отъ нѣкогда близко стоявшихъ людей. Я высоко цѣню это и глубоко вамъ за это признателенъ. Но позвольте мнѣ придать тому, что вы собрались сегодня около меня, и болѣе общее значеніе и видѣть въ этомъ знакъ вашего сочувствія университетской традиціи, которую я старался поддерживать. Каѳедра всеобщей Исторіи имѣетъ своимъ

призваніемъ, какъ указываетъ ея названіе, выдвигать къ изученію обще-научные вопросы и обще-человѣческіе интересы. Ваше присутствіе здѣсь служитъ мнѣ утѣшительнымъ ручательствомъ, что эта традиція не прервется въ Московскомъ университетѣ. И еще одно слово. Ваше дружное участіе въ общемъ заявленіи внушаетъ мнѣ желаніе удержать этотъ моментъ и продлить его въ общей дѣятельности на пользу преподаваемой нами науки. Болѣе свободный теперь отъ обязательныхъ и срочныхъ занятій, я готовъ посвятить этому дѣлу мой досугъ и мои силы. Я былъ бы счастливъ, еслибы мое прощаніе съ каѳедрой, которая насъ соединила, послужило къ новому объединенію между нами и дало бы толчекъ къ болѣе организованной совмѣстной дѣятельности московскихъ преподавателей исторіи".

Послѣ этого были прочитаны телеграммы (болѣе шестидесяти) изъ разныхъ городовъ Россіи, а также изъ-за границы, съ поздравленіями и горячими пожеланіями отъ бывшихъ учениковъ и ученицъ В. И. Герье. Юбиляра привѣтствовала депутація отъ психологическаго Общества въ составѣ предсѣдателя проф. Н. Я. Грота, товарища предсѣдателя проф. Н. А Звѣрева, членовъ Л. М. Лопатина и В. П. Преображенскаго, а также проф. В. О. Ключевскій, С. А. Муромцевъ и многіе другіе. Отъ бывшихъ слушательницъ профессора былъ также прочитанъ поздравительный и благодарственный адресъ; кромѣ того горячія привѣтствія были произнесены нѣкоторыми изъ бывшихъ учениковъ В. И. Герье.

Приводимъ списокъ трудовъ В. И. Герье. Книги: „Борьба за польскій Престолъ въ 1733 г." 1862 г. „Очеркъ развитія исторической науки" 1866 г. „Лейбницъ и его вѣкъ" 1868 г. „Виллигизъ архіепископъ Майнцскій" 1869 г. „Officium et miracula Sancti Willigisi" 1869 г. „Отношеніе Лейбница къ Россіи и Петру В." По неизд. бум. Лейбница. 1871 г. „Сборникъ писемъ и матеріаловъ Лейбница, отн. къ Россіи и П. В." 1873 г. „Тоже въ нѣм. изд. съ истор. введеніемъ" 1873 г. „Русскій дилеттантизмъ и общинное землевладѣніе" (В. Герье и Б. Чичеринъ) 1878 г. „L'abbé de Mably, moraliste et politique" 1886 г. Paris, Vieweg Editeur. „Понятіе о власти и народѣ по Наказамъ 1789 г." (Рѣчь на Унив. актѣ) 1884 г. „Рѣчь въ М. Г. Думѣ по случаю 100-лѣтн. юбилея Жалов. Грамоты городамъ" 1885 г. Статьи: „О сословіяхъ въ Швеціи", Русск. Вѣстн. апр. 1862 г. „Педагогическая литература", Русск. Вѣстн. іюль, 1863 г. „Т. Н. Грановскій, въ біогр. очеркѣ А. Станкевича", Вѣстн. Евр. май 1869 г. „Кронпринцесса Шарлота" по неизд. письмамъ, Вѣстн. Евр., май, іюнь, 1872 г. (вышла отд. книгой на нѣм. яз., переводъ Б. Р. 1874 г). „Университетскій вопросъ" Вѣстн. Евр. апр. 1873 г. „Республика или монархія установятся во Франціи?" Сборн. Госуд. Знаній III томъ,

1873 г. „Консерватизмъ у Римлянъ", В. Евр., сент. 1875 г. „Свѣтъ и тѣни университ. быта", В. Евр., февр. 1876 г. „Наука и государство", В. Евр., окт., ноябрь 1876 г. „Послѣдній Варягъ" (Карлъ XII), Древн. и Нов. Россія 1876 г. „Союзъ между Россіей и Пруссіей въ 1813 г.", Др. и Нов. Россія 1877 г. „Теорія и практика женскаго образованія", В. Евр., апр. 1877 г. „Августъ и установл. Р. Имперіи", В. Евр. іюнь, іюль, авг. 1877 г. „Ипполитъ Тэнъ, какъ историкъ Франціи", В. Евр., апр. май, сент., дек. 1878 г. „Національная исторіографія въ Герм.", Истор. Вѣстн., мартъ 80 г. „Сергѣй Мих. Соловьевъ" Ист. Вѣстн. № 1, 1880 г. Разборъ соч. Рокэна „Революц. духъ до революціи", Истор. Вѣстн., № 8 и 9, 1880 г. [1]). „S. Solovief", Histor. Zeitschift v. Siebel 1880 г. „Картина изъ Франц. террора", Ист. В., янв. 1882 г. „Народность и прогрессъ", Русская Мысль, апр. 1882 г. „Понятіе о народѣ у Руссо" Р. Мысль, май и авг. 1882 г. „Ученіе о нравственности и соціальныя утопіи Мабли", Р. Мысль, янв. и февр. 1883 г. „Франц. этикъ и соціалистъ XVIII в.", Р. Мысль, ноябрь, 1883 г. „Полит. теоріи аббата Мабли", В. Евр., янв. 1887 г. „Кудрявцевъ и его учено-лит. труды", В. Евр. сент., окт. 87 г. „Методъ Тэна", В. Евр., сент. 1889 г. „Ипполитъ Тэнъ и его значеніе въ исторіи науки", В. Евр., янв., февр. 90 г. „Средневѣковое міросозерцаніе", В. Евр. янв., февр. мартъ, апр. 1891 г. „Торжество теократическаго начала на западѣ" Вѣст. Евр. 1892, янв. и февр.—„Св. Елизавета" въ моск. сборникѣ „Помощь голодающимъ". „Францискъ Ассизскій, апостолъ нищеты". В. Е., 1892, май.

Приводимъ также два письма и нѣсколько телеграммъ, полученныхъ въ этотъ день Владиміромъ Ивановичемъ:

„Глубокоуважаемый профессоръ! Сегодня исполнилось тридцать лѣтъ Вашего служенія наукѣ и университету, тридцать лѣтъ неустанной и плодотворной дѣятельности, поставившей имя Ваше въ ряду тѣхъ славныхъ именъ, которыми по справедливости гордится Московскій университетъ.

Въ этотъ знаменательный день чествованія Вашихъ заслугъ, позвольте, Владиміръ Ивановичъ, и намъ, Орловцамъ, бывшимъ Вашимъ студентамъ, сказать и свое краткое и слабое, быть можетъ, но искреннее и сердечное слово.

Вы словомъ и дѣломъ учили насъ честно относиться къ наукѣ, строго чтить ее, какъ чтите Вы сами, видѣть въ ней ту великую силу, которая дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Вы выводили насъ на широкій путь знанія и на этомъ пути мы научились цѣнить и самое

---

[1]) Статья эта помѣщена подъ рубрикою Современная Исторіографія, гдѣ другія рецензіи написаны не В. И. Герье.

знаніе, и упорный трудъ, къ нему приводящій, научились любить и глубоко уважать человѣка, руководившаго насъ въ этомъ трудѣ, освѣщавшаго намъ дорогу, влагавшаго въ это знаніе жизнь и душу, и строгую правду. И навсегда осталось у насъ въ числѣ самыхъ лучшихъ и дорогихъ воспоминаній это время нашей университетской жизни, и чувство наше къ Вамъ не ослабѣло, не остыло, а стало глубже и сознательнѣе.

Во имя этого чувства, Владиміръ Ивановичъ, примите отъ насъ поздравленіе и искреннее пожеланіе, чтобы долго, долго еще не ослабѣвали Ваши силы, чтобы долго еще гордился Вами Университетъ, чтобы долго еще для его студентовъ Вы были тѣмъ, чѣмъ были для насъ“.

„Дорогой наставникъ, незабвенный учитель, многоуважаемый Влад. Ив.! Исполнившійся тридцатилѣтній періодъ ученаго и учительнаго служенія Вашего родному университету, безъ сомнѣнія, несетъ Вамъ чувство глубокаго удовлетворенія, когда Вы, многоуважаемый Влад. Ив., обращаетесь воспоминаніемъ къ пройденному Вами пути. Непрестаннымъ, разнообразнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ многоплоднымъ трудомъ глубокаго ученаго, даровитаго профессора, опытнаго и благожелательнаго наставника — руководителя, наполненъ этотъ многолѣтній періодъ Вашей дѣятельности. И мы, скромные дѣятели на нивѣ отечественнаго просвѣщенія, имѣющіе честь считать себя Вашими учениками, здѣсь, въ Курскѣ, не можемъ не присоединиться сердцемъ и мыслью къ нашимъ московскимъ товарищамъ въ выраженіи той искренней любви, которую будитъ въ нашей душѣ воспоминаніе о профессорѣ-наставникѣ, умѣющемъ возбуждать въ своихъ юныхъ слушателяхъ не только любовь къ прекраснѣйшей изъ наукъ, но и любовь къ труду, неотразимое стремленіе къ неподкупной истинѣ и благоговѣйное чувство долга. Отъ всей души, поэтому, просимъ Васъ, дорогой Влад. Ив., принять отъ насъ, какъ выраженіе нашей признательности, сердечныя пожеланія, да сохранитъ Господь Ваши силы для блага русской молодежи и на пользу отечественной науки и просвѣщенія еще въ теченіи многихъ, многихъ лѣтъ“.

Вильно (Телегр.). Глубокоуважаемый профессоръ, мы, бывшіе ваши слушатели, ко дню тридцатилѣтія Вашего благотворнаго служенія наукѣ, шлемъ вамъ съ западной окраины нашего дорогаго отечества сердечный привѣтъ и задушевныя пожеланія, чтобы на долгіе годы вы сохранили на пользу просвѣщенія ту свѣжесть, благодаря вашимъ неустаннымъ занятіямъ наукою, которая насъ такъ оживляла и пробуждала въ насъ любовь къ просвѣщенному труду.

Елизаветполь (Тел.). Дорогой наставникъ, позвольте мнѣ, ва-

шему ученику, съ далекой окраины принести искреннее поздравленіе въ день Вашего тридцатилѣтняго служенія, и благодарность за ваше наставничество въ духѣ исторической правды и нравственнаго прогресса. Да продлитъ Всемогущій дни вашей жизни для пользы юношества и науки.

Елецъ (Тел.). Въ знаменательный день исполнившагося тридцатилѣтія служенія родному просвѣщенію съ чувствомъ признательности привѣтствуемъ васъ, высокоуважаемый Влад. Ив., какъ ревностнаго служителя русской науки и славнаго дѣятеля на педагогичесскомъ поприщѣ вообще и развитія женскаго образованія въ частности.

Кутаисъ (Тел.). Владиміръ Ивановичъ! Съ восторгомъ привѣтствуютъ васъ съ сегодняшнимъ днемъ ваши ученики Грузины, желаютъ вамъ здравія, многія лѣта на пользу науки, на славу Московскаго Университета.

Ливны (Тел.). Въ знаменательный день тридцатилѣтней годовщины Владиміра Ивановича Герье, отъ всей души присоединяюсь къ привѣтствію товарищей, да здравствуетъ на многія лѣта нашъ общій учитель, строгій идеалистъ въ наукѣ и дѣятельности, хранитель лучшихъ университетскихъ преданій.

Муромъ (Тел.). Глубокоуважаемый учитель! Привѣтствую васъ, какъ сторонника высшаго женскаго образованія и ревностнаго помощника русской женщины на пути къ ея развитію. Питаю глубокую надежду, что ваша почтенная дѣятельность продлится много лѣтъ для блага науки и русскаго просвѣщенія.

С.-Петербургъ (Тел.). Глубокоуважаемый Владиміръ Ивановичъ! Къ приносимымъ вамъ сегодня поздравленіямъ присоединяю и свое привѣтствіе вмѣстѣ съ другими учениками вашими, чествуя въ васъ ученаго, высоко цѣнящаго просвѣтительное значеніе науки въ общественной жизни, профессора, научающаго своихъ слушателей понимать идейную сторону исторіи, Академическаго дѣятеля, вѣрнаго добрымъ традиціямъ Московскаго Университета и почитая въ васъ человѣка, доблестно подающаго примѣръ стойкости въ разъ принятомъ направленіи [1]).

Ставрополь (Тел.). Въ знаменательный для васъ день тридцатилѣтія служенія наукѣ привѣтствуемъ васъ, глубокоуважаемый Владиміръ Ивановичъ, какъ достойнаго преемника великихъ учителей исторической школы Московскаго Университета.

Тверь (Тел.). Искренно привѣтствую высокоуважаемаго юбиляра, отъ души надѣюсь, что въ признательности общества и въ горячихъ

---

[1]) Телеграмма эта послана проф. Н. И. Карѣевымъ, ученикомъ В. И. Герье.

симпатіяхъ многочисленныхъ учениковъ почерпнетъ онъ новыя силы и бодрость духа для дальнѣйшаго плодотворнаго служенія наукѣ и просвѣщенію.

Шуя (Тел.). Владиміръ Ивановичъ! Намъ, бывшимъ ученикамъ вашимъ, особенно пріятно привѣтствовать васъ въ настоящій знаменательный день тридцатилѣтія учено-профессорской дѣятельности вашей, какъ истиннаго друга того юношества, которое ищетъ свѣта и знанія, и какъ представителя науки, снискавшаго своими научно-литературными трудами глубокое уваженіе всей читающей Россіи.

Историческое Общество также привѣтствовало телеграммой В. И., состоящаго его членомъ.

Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности проф. Н. М. Благовѣщенскаго (1842—1892 гг.).

Историческое Общество, въ лицѣ своего предсѣдателя и приглашеннаго имъ изъ членовъ Общества Е. А. Бѣлова, старѣйшаго слушателя Н. М. Благовѣщенскаго, участвовало въ чествованіи и своего члена Н. М. Благовѣщенскаго по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности 13 февраля 1892 года. Празднованіе это имѣло чисто частный характеръ, такъ какъ служебный юбилей Н. М. будетъ праздноваться 29 сентября сего года, когда исполнится полвѣка его государственной службы. Въ февральской книжкѣ „Русской Старины" появилась обширная статья о Н. М. Благовѣщенскомъ, а кромѣ того оцѣнку его дѣятельности дали проф. И. В. Цвѣтаевъ (въ „Филологическомъ Обозрѣніи"), проф. В. Качановскій (въ „Вѣстникѣ Славянства"), гг. А. Стрѣльцовъ и Д. Р. (въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", 1892 г. № 43), г. П. Быковъ (въ „Всемірной Иллюстраціи", № 1206 съ портретомъ юбиляра). Были также замѣтки объ юбилеѣ и въ главныхъ газетахъ. Свѣдѣнія о Н. М. Благовѣщенскомъ см. еще въ книгѣ В. Григорьева „С.-Петербургскій Университетъ" (Спб. 1870 г.), въ альбомѣ М. Семевскаго „Знакомые" (Спб. 1888 г.) и брошюрѣ И. В. Цвѣтаева „Сорокъ лѣтъ учено-литературной дѣятельности Н. М. Благовѣщенскаго" (Спб. 1888 г.).

Историко-литературные и историко-юридическіе курсы въ русскихъ университетахъ.

А. *Курсы историко-литературные. С.-Петербургскій университетъ.* По исторіи древней литературы: энциклопедія фи-

лологіи (въ весеннемъ и осеннемъ полугодіи — 1 ч.) проф. Помяловскаго; исторія александрійской поэзіи въ царствованіе первыхъ трехъ Птоломеевъ (въ обоихъ полугодіяхъ—1 ч.) проф. Зѣлинскаго. По исторіи русской литературы: общій курсъ (въ об. пол.—3 ч.) и спец. курсъ объ источникахъ и пособіяхъ (вес. пол.—2 ч.) пр.-доц. Морозова, спец. курсы о Пушкинѣ (въ об. пол.—2 ч.) и по исторіи русской литературной критики (въ об. пол.—2 ч.) проф. Незеленова, курсъ по исторіи древне-русской литературы XIV и XV вв. (ос. пол.—2 ч.) пр.-доцента Шляпкина. По исторіи всеобщей литературы: общій курсъ по исторіи зап.-европейскихъ литературъ (въ об. пол.—3 ч.) и спеціальный по исторіи франц. литературы XIX в. (вес. пол.—1 ч.) пр.-доц. Вейнберга; спеціальные курсы по исторіи французской литературы XVI в. (1 ч.) пр.-доц. Батюшкова и западно-европейской литературы XIV и XV вв. (2 ч.) пр.-доц. Ланге.

Московскій университетъ. По исторіи древней литературы: исторія греческой литературы (2 ч.) проф. Луньяка. По исторіи русской литературы: общій курсъ (2 ч.) и семинарій (2 ч.) проф. Соколова; спеціальные: исторія русской словесности XVII и XVIII вв. (2 ч.) пр.-доц. Бѣльскаго; исторія р. словесности XVI и XVII вв. (1 ч.) пр.-доц. Истрина; исторія р. литературы XVIII в. (1 ч.) пр.-доц. Александрова. По славянскимъ литературамъ: общій курсъ исторіи слав. литературъ (2 ч.) проф. Соколова. Общій курсъ исторіи зап.-европейскихъ литературъ (2 ч.) и спеціальный по исторіи романа (2 ч.) проф. Веселовскаго; исторія англійской драмы отъ Шекспира до Шеридана (4 ч.) и семинарій по исторіи зап.-евр. литературъ (2 ч.) проф. Стороженко.

Казанскій университетъ. Исторія древней литературы: исторія аттическаго краснорѣчія перваго періода (2 ч.) пр.-доц. Шестакова. Исторія русской литературы: Общій курсъ (3 ч.) и практическія занятія (3 ч.) проф. Архангельскаго. Исторія чешской литературы (1 ч.) проф. Александрова. Исторія зап.-европейскихъ литературъ съ эпохи возрожденія до половины XIX в. (4 ч.) пр.-доц. Берга.

Новороссійскій университетъ. Исторія древней литературы: разсмотрѣніе источниковъ и пособій къ изученію исторіи римской литературы (1 ч. практическихъ занятій въ весеннемъ полугодіи) проф. Модестова. Исторія русской литературы: общій курсъ (2 ч.) проф. Некрасова и спеціальные по исторіи новой словесности отъ Карамзина до Пушкина (2 ч.) и древней—XIV—XVI вв. (2 ч.) пр.-доц. Яковлева. Чешскій и польскій языки и ихъ литературы (1 ч.) проф. Кочубинскаго. Исторія зап.-европ. литературъ не читается.

Университетъ св. Владиміра. Исторія древней литературы: общій курсъ по исторіи римской литературы (2 ч.) проф. Кулаков-

скаго. По исторіи русской литературы: спеціальный курсъ по исторіи литературы XVI—XVII вв. (2 ч. въ весеннемъ полугодіи) проф. Владимірова. По исторіи славянскихъ литературъ: исторія чешской литературы (въ осенн. пол. 1 ч.) и исторія польской литературы (въ осенн. полуг. 1 ч.) проф. Флоринскаго. Общій курсъ по исторіи зап.-европ. литературъ XV—XVIII вв. (4 ч.) проф. Дашкевича.

В. *Курсы историко-юридическіе. С.-Петербургскій университетъ.* Исторія римскаго права: общій курсъ (4 ч.) проф. Ефимова. Исторія русскаго права: общій курсъ (5 ч.) проф. Сергѣевича; общій курсъ внѣшней исторіи русскаго права (3 ч.) и спеціальный о городскихъ наказахъ 1767 г. (2 ч.) проф. Латкина. Политическая экономія: исторія науки о народномъ хозяйствѣ (2 ч.) проф. Георгіевскаго. Полицейское право: исторія полиціи (1 ч. въ вес. пол.) пр. Ведрова.

Московскій университетъ. Исторія римскаго права: общій курсъ съ семинаріемъ (6 ч.) проф. Боголѣпова. Исторія русскаго права: общій курсъ до Уложенія 1649 г. съ практич. занятіями (6 ч.) проф. Мрочекъ-Дроздовскаго, и общій курсъ отъ Уложенія царя Алексѣя до изданія Свода Законовъ (2 ч.) пр.-доц. Филиппова. Политическая экономія: семинарій у проф. Чупрова (1 ч.), состоящій въ изученіи Адама Смита. Исторія философіи права: общій курсъ (2 ч.) проф. Звѣрева.

Университетъ св. Владиміра. Исторія римскаго права, общій курсъ (4 ч.) проф. Казанцева. Исторія русскаго права (5 ч.) и практическія занятія (2 ч.) проф. Владимірскаго-Буданова. Исторія философіи права (древней—1 ч.) проф. Ренненкампфа.

Новороссійскій университетъ. Исторія римскаго права: общій курсъ (4 ч.) проф. Сокольскаго. Исторія русскаго права: общій курсъ (4 ч.) и практическія занятія (1 ч.) проф. Леонтовича. Исторія философіи права: общій курсъ (2 ч.) проф. Чижева.

Дерптскій университетъ за 1891—2 г.

Историческіе курсы въ первомъ полугодіи. 1) общее государствовѣдѣніе и политическая географія (4 ч. въ нед.) орд. проф. Р. Мукке; 2) источники греческой и римской исторіи (4 ч. въ недѣлю) орд. проф. Л. Мендельсонъ; 3) исторія среднихъ вѣковъ (4 ч. въ недѣлю) и практическія занятія (2 ч.) орд. пр. Р. Гаусманъ; 4) исторія 19-го столѣтія (3 ч. въ недѣлю) и практическія занятія по исторіи испанскихъ открытій въ Америкѣ (3 ч.) орд. проф. О. Вальцъ; 5) русская исторія IX—XVI вв. (4 ч. въ недѣлю) и практическія занятія (2 ч.) э.-о. пр. Е. Шмурло; 6) введеніе въ славянскія и русскія древност-

(спец. курсъ) о. проф. П. Висковатовъ; 7) церковная исторія со времени реформаціи (на богословскомъ факультетѣ—5 ч.) и практическія занятія (1 ч.) орд. пр. Н. Бонветшъ; 8) церковная исторія (для студентовъ православнаго исповѣданія—3 ч.) протоіерей П. Образцовъ.

Историческіе курсы во второмъ полугодіи. 1) греческая исторія (4 ч.) орд. проф. Л. Мендельсонъ; 2) латинская палеографія (4 ч.) и практическія занятія по исторіи (2 ч.) орд. пр. Р. Гаусманъ; 3) исторія Европы съ 1830 г. (4 ч.) и практическія занятія по источниковѣдѣнію и критикѣ источниковъ XV в. (2 ч.) орд. проф. О. Вальцъ; 4) исторія Россіи отъ XVI до XIX в. (4 ч.) и спеціальный курсъ: сношенія Россіи съ западно-европейскими государствами въ XVII в. (2 ч.) э.-о. проф. Е. Шмурло; 5) древняя церковная исторія (на богословскомъ факультетѣ — 4 ч.) и практическія занятія по церковной исторіи (тамъ же—2 ч. орд. пр. І. Гауслейтеръ; 6) церковная исторія (для студентовъ православнаго исповѣданія—3 ч.) прот. П. Образцовъ.

Историко-юридическіе и историко-литературные курсы въ первомъ полугодіи. a. 1) исторія философіи права (4 ч.) кандидатъ Ад. Зачинскій, исп. должность доцента; 2) историческое развитіе государственнаго права и политическихъ ученій (3 ч.) доц. К. Бергбомъ; 3) политическая экономія (4 ч.) и статистика (4 ч.) э.-орд. проф. Н. Карышевъ; 4) практическія занятія по статистикѣ (на ист.-фил. ф-тѣ—2 ч.) и аграрная и промышленная политика (6 ч.—тамъ же) орд. пр. Р. Мукке; 5) внѣшняя исторія римскаго права (5 ч.) пр.-доц. А. Гуляевъ; 6) исторія русскаго права (8 ч.) э.-о. пр. М. Дьяконовъ; 7) исторія права Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи (6 ч.) орд. пр. К. Эрдманъ. b. 1) введеніе въ исторію греческой литературы (2 ч.) и Тибуллъ (2 ч.) орд. пр. В. Гершельманъ; 2) сатиры Горація (2 ч.) орд. пр. Л. Мендельсонъ; 3) исторія древней философіи (4 ч.) э. о. пр. Як. Озе; 4) сравнительная исторія средневѣковой литературы (2 ч.) и нѣмецкая прозаическая литература по смерти Гете (1 ч.) доцентъ В. Мазингъ; 5) новая русская литература послѣ Пушкина (4 ч.) и спец. курсъ: русская литература древняго времени (4 ч.) орд. проф. П. Висковатовъ.

Историко-юридическіе и историко-литературные курсы во второмъ полугодіи. a. 1) политическая экономія (4 ч.) и статистика (2 ч.) э.-о. пр. Н. Карышевъ; 2) сравнительное современное государственное право (3 ч.) доц. К. Бергбомъ; 3) исторія, теорія и техника статистики (4 ч.), практическія упражненія по статистикѣ (2 ч.) и торговая политика (4 ч. на ист.-фил. фак-тѣ) орд. пр. Р. Мукке. b. 1) исторія римской литературы (3 ч.) и Тибуллъ (1 ч.) орд. пр. В. Гершельманъ;

2) сравнительная исторія средневѣковой литературы (2 ч.); 3) исторія новой русской литературы (4 ч.) и 4) исторія сербской и болгарской литературы (4 ч.) орд. пр. П. Висковатовъ; 5) исторія философіи новѣйшаго времени и практическія упражненія по Аристотелю (2 ч.) э.-о. пр. Як. Озе.

Историческая наука въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1891 году.

Въ нынѣшнемъ году „Отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорскаго С.-Петербургскаго университета за 1891 г.“ (составленный проф. Д. П. Коноваловымъ) вышелъ въ свѣтъ къ годичному акту 8 февраля. Приводимъ изъ него главныя свѣдѣнія, могущія спеціально интересовать читателей „Историческаго Обозрѣнія“. Оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію въ 1891 году было—93. Изъ нихъ при историко-филологическомъ факультетѣ состояло—21. Состояли при университетѣ со стипендіями: а) на счетъ штатной суммы Дмитрій Кудрявскій, Александръ Липовскій, Венедиктъ Мякотинъ (по 1 октября) и Борисъ Тураевъ; б) на счетъ суммы въ 18.000 р., ассигнованной С.-Петербургскому университету на стипендіи и пособія: Павелъ Вознесенскій и Алексѣй Покровскій. Состояли при университетѣ безъ стипендій: Михаилъ Быстровъ (съ 1 сентября), Александръ Васильевъ (по 10 октября), Николай Волковъ, Эрвинъ Гриммъ (съ 1 октября), Вильгельмъ Каттерфельдъ (съ 1 октября), Сергѣй Жебелевъ, Алексѣй Кедровъ (съ 20 марта), Викторъ Кондзеровскій, Михаилъ Крашенинниковъ (по 1 сентября), Михаилъ Крыжановскій, Петръ Погодинъ (командированъ за-границу), Сергѣй Рождественскій (съ 1 сентября), Евгеній Соловьевъ, Петръ Шефферъ (съ 1 сентября) и Ѳеодоръ Щербатскій (по 1 апрѣля).

Въ 1891 году степень магистра получили по историко-филологическому факультету:

1) Ѳедоръ Дмитріевичъ Батюшковъ—степень магистра исторіи всеобщей литературы, по защищеніи диссертаціи „Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средне-вѣковой литературы“;

2) Михаилъ Никитичъ Крашенинниковъ—степень магистра римской словесности, по защищеніи диссертаціи „Римскіе муниципальные жрецы и жрицы“;

3) Илья Александровичъ Шляпкинъ—степень магистра русской словесности, по защищеніи диссертаціи „Св. Дмитрій Ростовскій и его время (1651—1709)“.

По юридическому факультету—Эдуардъ Николаевичъ Берендтсъ—степень магистра финансоваго права, по защищеніи диссертаціи „Государственное хозяйство Швеціи. Часть I. Исторія государственнаго хозяйства Швеціи до 1809 г.“.

Степень доктора получили по историко-филологическому факультету:

1) Николай Михайловичъ Бубновъ—степень доктора всеобщей исторіи, по защищеніи диссертаціи „Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ“;

2) Алексѣй Никитичъ Гиляровъ—степень доктора философіи, по защищеніи диссертаціи „Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историческій свидѣтель. I. Методологія и свидѣтельства о философахъ“;

3) Викторъ Карловичъ Ернштедтъ—степень доктора греческой словесности, по защищеніи диссертаціи „Порфиріевскіе отрывки изъ аттической комедіи“.

По юридическому факультету—Леонидъ Владиміровичъ Ходскій—степень доктора политической экономіи, по защищеніи диссертаціи „Земля и земледѣльцы“.

На историко-филологическомъ факультетѣ происходили слѣдующія практическія занятія со студентами, имѣющія отношеніе къ исторіи: проф. И. В. Помяловскій руководилъ занятіями студентовъ-филологовъ старшихъ семестровъ по изученію и объясненію латинскихъ надписей по сборнику Вилльямса и по IV и V-му томамъ Corpus Inscriptionum latinarum. Проф. Н. И. Карѣевъ велъ въ осеннемъ полугодіи практическія занятія по исторіи XVIII вѣка, состоявшія въ разборѣ политической литературы и памятниковъ политическаго законодательства второй половины XVIII вѣка. Проф. А. И. Незеленовъ руководилъ практическими занятіями студентовъ по изслѣдованію памятниковъ народной словесности и новой русской литературы, а также по изученію біографій писателей въ связи съ ихъ сочиненіями. Проф. Θ. Θ. Соколовъ велъ вечернія практическія занятія на дому по чтенію греческихъ надписей. Прив.-Доц. И. А. Шляпкинъ руководилъ занятіями студента V семестра Гофмана по изученію сказаній объ Александрѣ Невскомъ и занятіями окончившаго курсъ филологическаго факультета Миллера по палеографіи и изученію пособій по исторіи древней русской литературы.

Въ рубрикѣ „Научно-литературные труды профессоровъ и другихъ преподавателей университета“ между иными отмѣчены слѣдующія работы:

Проф. И. В. Помяловскій издалъ: а) житіе Киріана отшельника по рукописи казанской духовной академіи, б) Θеодосій о мѣсто-

положенія Святой Земли, въ Сборникѣ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Проф. Н. И. Карѣевъ напечаталъ статьи: 1) Политическая экономія и теорія историческаго прогресса. 2) Всеобщая исторія въ университетѣ. 3) Историческая наука и преподаваніе (всѣ три въ „Историческомъ Обозрѣніи“). 4) Экономическое направленіе въ исторіи (Юрид. Вѣстн. № 5—6). 5) Новая біографія Мирабо („Русская Мысль“, январь). 6) Исторія и философское значеніе идеи прогресса („Сѣверный Вѣстникъ“, № 11—12). 7) Что такое общее образованіе? („Русская Школа“ № 10). 8) Замѣтки о книгѣ г. Бубнова „Сборникъ писемъ Герберта“ („Вѣстникъ Европы“ № 6) и мелкія рецензіи. Кромѣ того редактировалъ II и III томы „Историческаго Обозрѣнія“, русскій переводъ II тома польской исторіи М. Бобржинскаго и историческія статьи въ „Энциклопедическомъ словарѣ“.

Проф. Н. И. Веселовскій напечаталъ II томъ сочиненія „Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей“.

Проф. А. И. Незеленовъ напечаталъ: 1) Рецензію на диссертацію г. Шляпкина „Св. Димитрій Ростовскій и его время“ (въ Журн. Мин. Нар. Просв.). 2) Статью „Ив. Алексѣев. Гончаровъ („Русское Обозрѣніе“, октябрь).

Прив.-доц. П. А. Сырку редактировалъ по порученію академіи наукъ послѣднюю часть исторіи Аѳона, составленную епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ; приготовилъ къ печати два очерка своихъ разысканій о русскихъ повѣстяхъ иноземнаго происхожденія и напечаталъ въ Журналѣ М. Н. Пр. рецензію на изданіе проф. И. В. Помяловскаго: „Житіе св. Саввы Освященнаго“.

Прив.-доц. Э. А. Вольтеръ издаетъ за-границею литовскую рукопись Довконта „Исторія Литвы“ (Lietuvoos Istorija).

Прив.-доц. Г. В. Форстенъ напечаталъ статью: „О сношеніяхъ Швеціи съ Россіей въ царствованіе Христины“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1891 г. іюнь) и приготовилъ къ печатанію въ томъ же журналѣ статью: „Сношенія Даніи съ Москвою при Христіанѣ IV“ (1588—1648).

Прив.-доц. И. А. Шляпкинъ напечаталъ магистерское разсужденіе: „Св. Димитрій Ростовскій“ и приготовилъ къ печати: 1) „Къ біографіи Франциска Скорины“. 2) „Записки Бѣгичева о Грибоѣдовѣ“. 3) „Берлинскіе матеріалы для исторіи новой русской литературы“. 4) „Темы народныхъ картинокъ за послѣднія 50 лѣтъ“.

Прив.-доц. С. Ѳ. Платоновъ приготовилъ къ изданію и отпечаталъ, подъ редакціею академиковъ Бычкова и Бестужева-Рюмина,

XIII томъ Русской Исторической Библіотеки, издаваемой Археографической коммиссіею Мин. Нар. Просвѣщенія.

Прив.-доц. В. Э. Регель напечаталъ „Analecta Bisantino-Russica. Petropoli 1891 г.“, печатаетъ „Fontes rerum bysantinarum. Tom. I, pars. I.

Прив.-доц. I. П. Сениговъ занятъ написаніемъ докторской диссертаціи на тему „Вѣче и сельскій сходъ въ древней Россіи“ и статей: „Народное воззрѣніе на дѣятельность Іоанна Грознаго“, „Принципы сельскаго управленія въ древней и новой Россіи“ и народнаго чтенія: „Царь Іоаннъ Грозный“.

Прив.-доц. А. С. Лаппо-Данилевскій напечаталъ: 1) Рѣчь (вступительную) передъ магистерскимъ диспутомъ (Истор. Обозр., т. I). 2) Статью о выслуженныхъ вотчинахъ въ Московскомъ Государствѣ XVI и XVII вв. (ib. т. 3). 3) Критическую замѣтку на статью кн. Л. Голицына и С. Краснодубровскаго: „Уксхъ, доклады и изслѣдованія по исторіи Укса“, Саратовъ 1891 г. въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія 1891 г. № 7.

Прив.-доц. Н. Д. Чечулинъ напечаталъ статьи: „Къ вопросу о населенности посадскаго двора XVII в.“ (Журн. Мин. Нар. Просв.). 2) „Иванъ Ѳедоровъ, первый русскій книгопечатникъ“ („Родникъ“). 3) „Мемуары, ихъ значеніе и мѣсто въ ряду историческихъ источниковъ“ („Библіографъ“). 4) Нѣсколько критическихъ замѣтокъ о новыхъ книгахъ. По порученію Импер. Русск. Геогр. Общ. въ теченіе всего 1891 г. проредактировалъ подготовленный Н. В. Калачевымъ алфавитный указатель къ изданнымъ Обществомъ писцовымъ книгамъ XVI в. и составилъ къ нимъ предисловіе.

Прив.-доц. С. Ф. Ольденбургъ напечаталъ нѣсколько статей и рецензій и былъ занятъ изданіемъ трудовъ покойнаго проф. И. П. Минаева, издавъ уже нѣкоторые изъ нихъ.

Проф. В. И. Сергѣевичъ собралъ и приготовилъ къ печати матеріалъ для VIII т. работъ екатерининской законодательной коммиссіи; приготовилъ къ печати II т. „Русскихъ юридическихъ древностей“.

Проф. Ю. Э. Янсонъ напечаталъ между другими трудами новое изданіе „Теоріи Статистики“, значительно дополненное и исправленное.

Проф. Ѳ. Ѳ. Мартенсъ печатаетъ имѣющій выйти въ свѣтъ въ началѣ 1892 г. X томъ издаваемаго по порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“. Въ печатаемый нынѣ томъ войдутъ трактаты, заключенные Россіею съ Англіей съ 1648 по 1801 годъ. Актамъ предшествуютъ подробные историческіе очерки,

составляемые на основании документовъ Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Проф. М. И. Горчаковъ напечаталъ въ „Юридической Лѣтописи" статью „Была ли учреждена инквизиція въ восточной церкви"; составилъ по порученію Академіи наукъ критическій отзывъ о сочиненіи И. А. Чистовича „С.-Петербургская духовная академія за послѣднія 30 лѣтъ" (1858—1888). Спб. 1889.

Проф. С. А. Бершадскій оканчиваетъ печатаніе „Актовъ къ внутреннимъ отношеніямъ Литвы въ VII вѣкѣ". Печатаетъ „Курсъ лекцій по исторіи и философіи права". Приготовилъ къ печати статьи, имѣющія быть напечатанными въ началѣ 1892 года: 1) „Въ изгнаніи", очерки изъ исторіи юридическаго и общественнаго положенія евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ въ XV вѣкѣ, на основаніи печатнаго и рукописнаго матеріала; 2) „О количествѣ, составѣ и распредѣленіи населенія въ княжествѣ Литовскомъ въ началѣ XVI в.", на основаніи архивнаго матерьяла; 3) „Административное дѣленіе и устройство В. Княжества Литовскаго въ началѣ XVI в.", на основаніи рукописныхъ матеріаловъ; 4) „Очеркъ изъ исторіи внутреннихъ отношеній польскихъ евреевъ въ XVI в.", на основаніи рукописнаго матеріала.

Проф. В. Н. Латкинъ приготовилъ къ печати „Проектъ новаго Уложенія 1754—66 гг., составленный Елизаветинской законодательной коммиссіей".

Прив.-доц. Н. М. Коркуновъ напечаталъ статьи: 1) „Финляндскій сеймъ" („Юридич. Лѣтопись" 1891 г. № 1); 2) „Международное право и его система" („Юридич. Лѣтопись" 1891 г., № 10).

Прив.-доц. А. А. Исаевъ напечаталъ, между прочимъ статью „Что сдѣлали Тургеневъ и Григоровичъ для русской экономической мысли" (въ Сборникѣ, изданномъ въ пользу голодающихъ редакціею „Русской Мысли").

Прив.-доц. Л. П. Дымша напечаталъ „Введеніе въ курсъ мѣстнаго управленія Англіи, Франціи и Пруссіи" и предпринялъ трудъ: „Государственное право Швеціи".

Заслуж. проф. К. Ѳ. Голстунскій приступилъ къ изданію Монгольско-Русскаго Лексикона, котораго отлитографировалъ 12 листовъ.

Проф. С. М. Георгіевскій печаталъ въ журналѣ „Русское Обозрѣніе" статью „Миѳическія воззрѣнія и миѳы китайцевъ".

Проф. А. А. Цагарели напечаталъ: 1) „Грамоты и другіе историческіе документы XVIII вѣка, относящіеся до Грузіи. Томъ I. Съ картой Закавказья 1771 г." 2) „Сношенія Россіи съ Кавказомъ въ XVI—XVIII столѣтіяхъ", отдѣльное изданіе рѣчи, читанной на актѣ 8 февраля 1891 г.

Прив.-доц. Н. А. Мѣдниковъ продолжаетъ печатать „Исторію Палестины по арабскимъ источникамъ". Изд. Православнаго Палестинскаго Общества.

Кромѣ того, въ отчетѣ значатся рефераты и публичныя лекціи профессоровъ и преподавателей.

Проф. Н. И. Карѣевъ въ Историческомъ Обществѣ при Спб. университетѣ читалъ рефераты: 1) „Политическая экономія и исторія историческаго прогресса", 2) „Систематизація занятій вопросами, касающимися преподаванія исторіи", 3) „Историческая наука и преподаваніе исторіи". Читалъ четыре публичныхъ лекціи въ пользу литературнаго фонда на тему „Исторія и философское значеніе идеи прогресса", четыре лекціи въ пользу учителей и учениковъ школъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, на тему „Возрожденіе и Реформація" и одну лекцію въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая на тему „Первые гуманисты".

И. д. проф. Платоновъ прочелъ 5 публичныхъ лекцій (въ Педагог. Музеѣ) на тему „Русское общество передъ реформою Петра Великаго".

Прив.-доц. Г. В. Форстенъ читалъ рефератъ въ Историческомъ Обществѣ „О ливонскихъ проектахъ въ XVI в.".

Прив.-доц. И. А. Шляпкинъ дѣлалъ доклады: 1) „Объ одной иконѣ Александра Невскаго", 2) Изъ исторіи Деревяницкаго монастыря. Читалъ въ Комитетѣ Грамотности одну лекцію „О народныхъ картинахъ за послѣднее время" и одну въ Славянскомъ благотворительномъ Обществѣ „О преподобномъ Сергіи Радонежскомъ".

Прив.-доц. А. С. Лаппо-Данилевскій сдѣлалъ сообщеніе въ общемъ собраніи Историческаго Общества: „Вопросъ о дѣленіи первобытной культуры на періоды (каменный, бронзовый и желѣзный) въ современной археологической литературѣ".

Прив.-доц. Н. Д. Чечулинъ въ Археологическомъ Обществѣ сдѣлалъ сообщеніе: „Русскія деревянныя жилыя помѣщенія въ XVI в." Прочелъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая лекцію на тему: „Болотовъ, типичный представитель русскаго общества XVIII в.".

Прив.-доц. А. Н. Щукаревъ сдѣлалъ въ Археолог. Общ. сообщенія: 1) Микенская культура, 2) Шлиманъ и его раскопки.

Проф. С. А. Бершадскій въ Историческомъ обществѣ сдѣлалъ доклады: 1) „Экономическое и общественное положеніе крестьянъ въ Литвѣ въ началѣ XVI в.", 2) „О переписяхъ еврейскаго населенія въ юго-западной Россіи въ XVIII в.", по поводу переписей, изданныхъ подъ редакціей Каманина Кіевской Археологической Коммиссіей. Прочелъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая публичную лекцію на тему: „О романтическомъ направленіи въ живописи".

Прив.-доцентъ Н. М. Коркуновъ прочелъ въ пользу пострадав-

шихъ отъ неурожая публичную лекцію на тему „Общественное значеніе права.

Приводимъ также свѣдѣнія о дѣятельности Неофилологическаго Общества при Спб. университетѣ.

Въ 1891 году дѣлами Неофилологическаго Общества завѣдывалъ комитетъ въ прежнемъ составѣ (предсѣдатель—А. Н. Веселовскій, товарищъ предсѣдателя—А. Н. Пыпинъ, секретарь—Ѳ. Д. Батюшковъ, казначей—Р. О. Ланге, библіотекарь—Ѳ. А. Браунъ, совѣщательные члены—гр. А. А. Бобринскій и Л. Н. Майковъ). Въ число членовъ вступило пять лицъ. Въ теченіе года состоялось 8 засѣданій, на которыхъ, помимо разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ, было прочитано нѣсколько рефератовъ и сообщеній по нижеслѣдующимъ предметамъ:

А. Н. Веселовскій прочелъ два этюда о Боккаччіо, причемъ первый изъ нихъ (чит. на засѣданіи 15-го февраля) былъ посвященъ разсмотрѣнію научно-литературной дѣятельности монаха Варлаама, учителя Боккаччіо, второй (чит. на засѣданіи 29-го марта) касался исторіи любви Боккаччіо къ Маріи, дочери неаполитанскаго короля Роберта, описанной имъ въ романѣ „Фьямента“. На другомъ засѣданіи (10-го мая) А. Н. Веселовскій прочелъ замѣтку къ вопросу объ источникахъ русской повѣсти „О купцѣ Басаргѣ и его мудромъ сынѣ“. Кромѣ того А. Н. Веселовскій сообщилъ на различныхъ засѣданіяхъ о новостяхъ литературы по разнымъ вопросамъ, входящимъ въ программу занятій Общества. По поводу новыхъ изслѣдованій легенды о Вѣчномъ жидѣ было прочитано въ томъ же засѣданіи сообщеніе Ѳ. Д. Батюшкова. Другой докладъ г. Батюшкова (на засѣданіи 25-го января) былъ посвященъ разсмотрѣнію источниковъ различныхъ представленій и повѣрій о разлученіи души съ тѣломъ въ русскихъ духовныхъ стихахъ. Наконецъ, на засѣданіи 25-го октября, г. Батюшковъ доложилъ о неизданныхъ Мордовскихъ свадебныхъ пѣсняхъ, по сообщенію г. Евсевьева изъ Казани.

На засѣданіи 15-го февраля И. Н. Ждановъ прочелъ сообщеніе по поводу брошюры пр. Красносельцева „Къ вопросу о греческихъ источникахъ Бесѣды трехъ Святителей“. Въ томъ же засѣданіи г. Бойль прочелъ введеніе къ своему изслѣдованію „Объ образныхъ выраженіяхъ у Шекспира“, отрывки изъ котораго были имъ прочитаны на слѣдующемъ засѣданіи (15-го марта), причемъ г. Бойль воспользовался переводомъ указанныхъ имъ выраженій у Шекспира, исполненнымъ студентомъ г. Аничковымъ. На засѣданіи 29-го марта П. И. Вейнбергъ сообщилъ о книгѣ Брандеса „Молодая Германія“, составляющей послѣдній выпускъ его труда о главныхъ теченіяхъ литературы въ XIX вѣкѣ. Въ слѣдующемъ засѣданіи, 12-го апрѣля,

Гр. Н. Потанинъ прочелъ рефератъ о тюрко-монгольскихъ параллеляхъ къ нѣмецкимъ сказаніямъ о Вольфъ-Дидрихѣ, о Гугъ-Дитрихѣ и объ Ортнитѣ.

На засѣданіи 10-го мая ак. Л. Н. Майковъ сообщилъ о побывальщинахъ объ Ильѣ Муромцѣ въ старинныхъ рукописяхъ. На засѣданіи 25-го октября Ѳ. А. Браунъ прочелъ докладъ по поводу гипотезы пр. Будиловича о готскомъ происхожденіи названія „Русь". Въ тотъ же вечеръ г. Гливенко (студентъ) прочелъ отрывки своего перевода испанскаго романа XVI вѣка „Ласарилльо изъ Тормеса".

Свѣдѣній о филологическомъ и юридическомъ Обществахъ въ отчетѣ не имѣется.

Къ отчету приложена обширная (стр. 25—94) записка о наградахъ студентовъ С.-Петербургскаго университета медалями въ 1892 г. и о вновь предложенныхъ темахъ для соисканія наградъ медалями въ 1893 году.

По историко-филологическому факультету. На тему „Исправить и дополнить помпеянскую городскую хроникуНиссена на основаніи новѣйшихъ раскопокъ и изслѣдованій" представлены двѣ работы, изъ коихъ одна награждена золотою медалью (студ. VIII сем. Михаила Ростовцева), а другая почетнымъ отзывомъ (студ. IV сем. Д. Петрова).

На тему по русской исторіи „Родъ князей Шуйскихъ въ XV—XVII вѣкахъ" представлено одно сочиненіе съ девизомъ: „Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней". „Трудно было ожидать, сказано въ „Запискѣ",—чтобы въ теченіе неполнаго года могъ быть представленъ столь обстоятельный отвѣтъ на данную тему. Сочиненіе юнаго автора не только содержитъ въ себѣ сводъ біографическаго матеріала о Шуйскихъ, но представляетъ и попытку съ разныхъ сторонъ оцѣнить эти данныя, повѣрить ихъ критически и освѣтить сопоставленіемъ съ фактами, общественной и политической исторіи удѣльной и Московской Руси". Авторъ развернулъ „въ стройной послѣдовательности изученный имъ очень обширный матеріалъ и разработалъ всѣ детали темы съ должною обстоятельностью и даже съ излишнею словоохотливостью, которая, впрочемъ, извинительна въ первомъ ученомъ опытѣ и не умаляетъ внутреннихъ достоинствъ труда. Достоинства же эти заслуживаютъ полнаго признанія. Авторъ обнаруживаетъ тонкую наблюдательность и большой критическій тактъ,—качества, позволяющія ему въ разработкѣ вопроса сразу стать на свои ноги, подмѣтить и объяснить ошибки ученыхъ предшественниковъ, высказать свое сужденіе—всегда точное и доказательное—независимо отъ составившихся уже мнѣній. Можно удивляться, далѣе, той энергіи, съ какою авторъ велъ свои работы, тому воодушевленію, съ какимъ онъ излагалъ ихъ результаты, и слѣдуетъ поже-

лать, чтобы безспорныя способности автора нашли себѣ должное примѣненіе на поприщѣ отечественной науки и чтобы его энергія столь же ярко проявилась и въ его дальнѣйшихъ работахъ". Въ виду сказаннаго, авторъ этого сочиненія, студентъ IV семестра Александръ Раевскій награжденъ золотою медалью.

На вторую тему по русской исторіи „Землевладѣніе въ Тверскомъ уѣздѣ въ XVI вѣкѣ", представлены два сочиненія. „Первое изъ нихъ съ девизомъ: „Самъ себя вини: что ты посѣялъ, то и жни" (Крыловъ), содержитъ въ себѣ двѣ части. Въ одной заключаются статистическія таблицы, составленныя на основаніи Тверскихъ писцовыхъ книгъ XVI столѣтія; въ другой—общій очеркъ формъ землевладѣнія, основанный какъ на матеріалѣ, сгруппированномъ въ таблицахъ, такъ и на другихъ историческихъ данныхъ... Авторъ съ большимъ усердіемъ и съ похвальною точностью распредѣлилъ данныя писцовыхъ книгъ по нѣсколькимъ десяткамъ таблицъ, удачно избирая самыя формы таблицъ такимъ образомъ, что онѣ съ должною полнотою отражаютъ содержаніе изслѣдуемой писцовой книги. Правда, робость молодаго изслѣдователя передъ новымъ для него матеріаломъ заставляла его иногда слишкомъ придерживаться текста писцовой книги, слишкомъ дробить и поэтому не всегда правильно опредѣлять рубрики, по которымъ онъ разносилъ свѣдѣнія; но этотъ недостатокъ таблицъ легко устраняется простымъ соединеніемъ рубрикъ и ни разу не возбуждаетъ въ читателѣ-спеціалистѣ сомнѣній въ правильности помѣщенныхъ въ таблицѣ цифръ. Эта часть работы, свидѣтельствуя о большомъ трудолюбіи автора, удостовѣряетъ въ то же время, что авторъ овладѣлъ источникомъ, надъ которымъ трудился. Уже одна эта часть разбираемаго сочиненія, могла бы дать автору право на почетную награду". Отмѣтивъ недостатки 2-й части работы, рецензентъ дѣлаетъ о ней такой выводъ: „Поэтому работа автора пріобрѣла характеръ этюда не по исторіи земельнаго владѣнія въ извѣстномъ районѣ, а по исторіи формъ нашего землевладѣнія вообще; данныя по Тверскому уѣзду примѣнены были къ характеристикѣ землевладѣнія по всей Московской Руси, а не обратно, и выводъ автора, будучи направленъ на факты не мѣстной, а общей нашей исторіи, явился довольно безсодержательнымъ и небезспорнымъ". Впрочемъ, „нельзя не признать и второй части разбираемаго труда весьма удовлетворительно выполненною въ частностяхъ. Начитанность въ сферѣ монографій по русской исторіи, умѣнье владѣть обширнымъ матеріаломъ, не теряясь въ немъ, наблюдательность, приводящая къ цѣннымъ частнымъ выводамъ, все это обнаруживаетъ въ авторѣ способность и нѣкоторую подготовку къ ученымъ изысканіямъ". Автору

этого сочиненія, студенту VIII семестра Ивану Лаппо присуждена серебряная медаль.

„Второе сочиненіе съ девизомъ: „Земля—основаніе всѣхъ отношеній человѣка къ обществу" (Бѣляевъ), къ сожалѣнію, не окончено и кромѣ введенія, посвященнаго описанію тверскихъ писцовыхъ книгъ, заключаетъ въ себѣ четыре отдѣльныхъ очерка, не вполнѣ послѣдовательно развивающихъ данную тему. Нельзя не пожалѣть отъ души, что авторъ не успѣлъ завершить своего труда: ученыя и литературныя свойства представленной части его сочиненія таковы, что позволяютъ предполагать въ начинающемъ авторѣ хорошую эрудицію и выдающіяся литературныя способности. Въ виду всего этого, хотя трудъ молодаго изслѣдователя и не представляетъ собою чего либо цѣльнаго и законченнаго, онъ все-таки заслуживаетъ самаго живаго одобренія" и потому авторъ этого труда, студентъ VIII семестра Александръ Круглый, удостоенъ награды серебряною медалью.

На тему по новой исторіи „Дворянскіе наказы (cahiers) 1789 г." подано два сочиненія неодинаковаго достоинства, но сходныя въ томъ, что оба не были окончены къ сроку.

Одно сочиненіе подано подъ девизомъ: „Δεῖ τοὺς ἀγαθοὺς ἢ νικᾶν, ἢ εἴκειν τοῖς ὑπερέχουσιν". Авторъ не успѣлъ разсмотрѣть тѣ постановленія cahiers, въ коихъ рѣчь идетъ о самомъ дворянствѣ въ его отношеніяхъ не только къ государству, но и къ феодальнымъ правамъ, къ поземельной собственности, къ крестьянству. Можно еще упрекнуть его за то, что онъ не предпослалъ своей работѣ общаго введенія, въ которомъ ему слѣдовало бы опредѣлить свою задачу, выяснить, что было сдѣлано до сихъ поръ по изученію cahiers вообще и дворянскихъ въ частности въ исторической литературѣ, намѣтить частные вопросы, вытекающіе изъ общей задачи и современнаго состоянія предмета въ наукѣ и указать на пріемы, наиболѣе пригодные при изученіи такого матеріала, какимъ являются наказы 1789 г. Кромѣ того, давая весьма обстоятельный обзоръ дворянскихъ желаній, авторъ не даетъ намъ изображенія того, чѣмъ было дворянство во Франціи наканунѣ 1789 г. Таковы крупные недостатки сочиненія, но за то въ немъ почти нѣтъ мелкихъ недостатковъ и промаховъ: работа сдѣлана чисто и аккуратно, такъ что на незначительныхъ погрѣшностяхъ не стоитъ и останавливаться. Авторъ вообще внимательно изучалъ наказы, въ однородномъ матеріалѣ умѣлъ всегда найти наиболѣе характерное; всѣ понятія и отношенія, встрѣчаемыя въ источникѣ, онъ передаетъ и толкуетъ вѣрно, дѣлаетъ надлежащіе выводы изъ имѣвшихся въ его распоряженіи данныхъ, судитъ обо всемъ здраво и трезво, располагаетъ добытые результаты въ послѣдовательномъ порядкѣ. Поэтому авторъ этого сочиненія, студентъ VIII се-

местра Николай Колоколовъ, признанъ достойнымъ награды серебряною медалью.

Сочиненіе съ девизомъ „Adhuc sub judice lis est“ награды не удостоено.

На тему по средней исторіи „Хронографическое обозрѣніе царствованія императора Анастасія I“, представлено одно сочиненіе съ девизомъ:

„Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой“.

„Основныя условія для рѣшенія задачи заключались именно въ томъ, чтобы кромѣ знакомства съ литературой и пособіями по предмету было обнаружено собственное самостоятельное изученіе источниковъ и на основаніи этого изученія сдѣлано было правильное и точное изложеніе фактовъ съ особенною заботливостію объ установленіи вѣрной хронологіи. Не было нужды заботиться ни о какихъ-либо широкихъ обобщеніяхъ, ни о литературной художественности изложенія. На волю автора предоставлялось либо совсѣмъ не касаться вѣроисповѣдныхъ споровъ и церковной политики Анастасія, либо ограничиться и здѣсь болѣе внѣшнею политическою стороною, такъ какъ для настоящей оцѣнки вѣроисповѣдной политики Анастасія требовалось бы многое такое, чего нельзя ожидать отъ начинающаго, особенно если онъ не обладаетъ богословскимъ образованіемъ. Сочиненіе подъ девизомъ „Дѣла давно минувшихъ дней“ и т. д. вполнѣ удовлетворительно рѣшаетъ задачу въ ея сейчасъ указанныхъ предѣлахъ. Авторъ весьма тщательно изучилъ источники, обозрѣнію которыхъ посвященъ первый отдѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ значительная доля рукописи (болѣе 50 страницъ изъ 231). Важнѣйшія пособія всѣ были извѣстны автору, начиная съ Лебо, продолжая Финлеемъ и грекомъ Папарригопуло, кончая опять англичаниномъ Bury (Bury, A. history of the later roman empire, London, 1889). Во второмъ отдѣлѣ—въ части, посвященной изложенію внѣшнихъ событій, особенной похвалы заслуживаетъ именно весьма подробное и отчетливое изложеніе персидской войны, сопровождаемое постоянными ссылками (въ примѣчаніяхъ) на хронику Іисуса Столпника и критическими соображеніями о послѣдовательности фактовъ, а также указаніями по географіи. Отдѣлъ третій представляетъ хронологическую таблицу событій, составленную на основаніи предыдущаго изслѣдованія и, конечно, во многомъ исправляющую показанія пресловутой хронографіи Муральта, недостатки которой еще разъ ярко обнаруживаются“. Авторъ этого сочиненія студ. VIII сем. Александръ Васильевъ, награжденъ золотою медалью.

На другую тему по средней исторіи: „Византійское управле-

въ Италіи преимущественно по письмамъ папы Григорія Великаго" представлено сочиненіе подъ девизомъ „In nova fert animus mutatas dicere formas corpora".

„Означенная тема была предложена для соисканія наградъ съ цѣлію содѣйствовать пересадкѣ на русскую почву, а если возможно, то и дальнѣйшей обработкѣ вопроса, который въ послѣднее время занималъ иностранную ученую литературу и вызвалъ появленіе двухъ капитальныхъ трудовъ—одного на нѣмецкомъ языкѣ, другаго—на французскомъ: (L. M. Hartmann, Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540—750) Leipzig. 1889). Diehl, Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne, Paris, 1888).

Тщательное изученіе текстовъ сообщило автору такую увѣренность, что онъ могъ занять твердое самостоятельное положеніе при рѣшеніи подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ. Самый существенный вопросъ заключался въ слѣдующемъ: когда, какъ и почему именно совершилась въ Италіи перемѣна прежняго римскаго административнаго устройства, которое характеризуется строгимъ отдѣленіемъ гражданской власти отъ военной съ преимуществами для первой, другимъ порядкомъ, основаннымъ напротивъ на подчиненіи гражданскаго элемента военному, на сліяніи обѣихъ властей. Всѣхъ больше для рѣшенія поставленнаго выше вопроса потрудился Диль, который выставилъ на видъ значеніе процесса превращенія съ великимъ мастерствомъ и очень ярко, и вотъ именно противъ этого общаго взгляда французскаго ученаго направлены главные выводы представленной на соисканіе медали диссертаціи, выводы, основанные на весьма внимательномъ изученіи источниковъ и полученные самымъ правильнымъ методическимъ способомъ. Процессъ замѣны гражданскихъ чиновниковъ военными происходилъ помимо какой либо оффиціальной реформы и не систематически, а случайно, подъ давленіемъ обстоятельствъ, гдѣ главную роль играетъ необходимость военной защиты отъ Лангобардовъ; совершался этотъ процессъ гораздо медленнѣе и вовсе не съ такою правильностію, какъ это кажется Дилю, да и самый результатъ вовсе не выразился въ такой стройной формѣ, какъ у него доказывается. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ главномъ и существенномъ нашъ молодой начинающій изслѣдователь совершенно правъ и уже одно это сообщаетъ его сочиненію значеніе серьознаго ученаго труда, а тѣмъ болѣе даетъ право на полученіе золотой медали, которая и присуждена автору, студенту VIII семестра Сергѣю Рункевичу".

По юридическому факультету. На тему по исторіи русскаго права: „Губныя и уставныя грамоты" представлено 12 сочиненій.

Изъ нихъ сочиненіе съ девизомъ: „A. R. To live in hearts we leave behind, is not to die“ состоитъ изъ двухъ частей, вмѣщающихъ въ себѣ 22 главы. „Авторъ воспользовался всею литературою предмета, а также просмотрѣлъ всѣ относящіеся до интересующаго его вопроса первоисточники, о чемъ свидѣтельствуютъ разбросанныя въ изобиліи по всему сочиненію ссылки на нихъ. Въ своихъ выводахъ авторъ всегда самостоятеленъ, хотя и очень остороженъ, причемъ, высказывая извѣстное мнѣніе, старается непремѣнно аргументировать его данными изъ первоисточниковъ, дѣлая это очень умѣло и въ большинствѣ убѣдительно. Наконецъ, знакомство съ иностранной литературой и сравнительный методъ, примѣненный въ изслѣдованіи, составляютъ также одно изъ достоинствъ работы. Въ виду всего сказаннаго, автору этого сочиненія студенту VI семестра Николаю Ретвиху присуждена золотая медаль.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Es wächst der Mensch mit seinen höh'ren Zwecken“ состоитъ изъ четырехъ частей. Въ своихъ выводахъ авторъ всегда самостоятеленъ, причемъ пользуется не только одними печатными первоисточниками, но и нѣкоторыми архивными данными. Иногда онъ даже даетъ болѣе, чѣмъ того требуетъ тема, такъ говоря о значеніи грамотъ въ области финансоваго права, онъ останавливается на древне-русскихъ финансахъ вообще, высказывая по этому поводу нѣсколько мнѣній, вполнѣ умѣло аргументированныхъ и обоснованныхъ данными первоисточниковъ. Правда, съ нѣкоторыми мнѣніями можно не согласиться, можно даже найти нѣсколько фактическихъ неправильностей, но все это не измѣняетъ самостоятельнаго характера сочиненія и не умаляетъ хорошихъ достоинствъ послѣдняго. Имѣя въ виду указанныя достоинства работы, авторъ ея, студентъ VIII семестра Сергѣй Шумаковъ награжденъ золотою медалью.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre“ состоитъ изъ четырехъ частей, вмѣщающихъ въ себѣ опредѣленное число отдѣловъ и главъ. Со многими мнѣніями автора трудно согласиться, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ отличаются неопредѣленностью, а нѣкоторыя недостаточно обоснованы, поэтому имѣютъ до извѣстной степени характеръ голословныхъ положеній. Но, принимая во вниманіе огромную литературу (какъ въ формѣ отдѣльныхъ монографій, такъ и въ формѣ журнальныхъ статей), ссылками на которую испещрено сочиненіе и среди которой авторъ съумѣлъ вполнѣ оріентироваться, значительное расширеніе темы безъ ущерба для дѣла разработки послѣдней, знакомство съ первоисточниками и умѣніе съ точки зрѣнія исторической критики отнестись къ ихъ даннымъ, наконецъ вполнѣ самостоятельный, не-

компилятивный характеръ многихъ частей сочиненія, авторъ этого сочиненія студентъ VIII семестра Александръ Михельсонъ награжденъ золотою медалью.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Pour juger le passé il ne faut pas l'étudier avec la préoccupation ou avec le dégout du présent". Сочиненіе совершенно самостоятельнаго характера и вполнѣ соотвѣтствуетъ данной темѣ. Авторъ весьма добросовѣстно отнесся къ разработкѣ послѣдней, хотя ко многимъ мнѣніямъ его трудно присоединиться. Главнымъ источникомъ работы служатъ самыя грамоты и можно сказать, что авторъ исчерпалъ ихъ содержаніе до послѣдней возможности. Но благодаря частымъ повтореніямъ одного и того же (о чемъ уже было сказано), что крайне затрудняетъ чтеніе сочиненія, напрасно увеличивая его размѣръ, а также свидѣтельствуетъ въ пользу нѣкоторой неумѣлости автора работать, сочиненіе это признано достойнымъ только серебряной медали. Авторами этого сочиненія оказались студенты VI семестра Сергѣй Степановъ и Аркадій Стюговъ.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минувшую судьбу". Въ своихъ выводахъ авторъ старается быть самостоятельнымъ, хотя это не всегда ему удается, такъ, онъ нерѣдко впадаетъ самъ съ собою въ противорѣчіе, напр. въ одномъ мѣстѣ сочиненія доказывается, что губные цѣловальники занимали вполнѣ самостоятельное положеніе, а изъ другаго мѣста оказывается, что они были подчинены губнымъ старостамъ; точно также въ одномъ мѣстѣ своей работы авторъ заявляетъ, что губные дьяки никакой самостоятельностью не пользовались, такъ какъ являлись „чисто исполнительными органами", а въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что они, будучи выборными должностями, „довольно самостоятельны". Но, принимая во вниманіе отлично составленный сведенный текстъ грамотъ, а также и словарь-указатель къ нему, затѣмъ весьма добросовѣстную разработку вопроса о значеніи грамотъ въ качествѣ источника послѣдующаго законодательства, авторъ его студентъ VIII семестра Николай Трофименко признанъ достойнымъ награжденія серебряною медалью.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется". Сочиненіе написано въ довольно сжатой формѣ, причемъ многія мнѣнія автора не могутъ быть приняты. Но въ работѣ имѣется не мало и хорошихъ сторонъ, такъ, очень тщательно составлена таблица сопоставленій текста сходныхъ статей грамотъ и законодательныхъ памятниковъ послѣдующаго времени, равно какъ такою же тщательностью обработки отличается и сводный текстъ. Наконецъ, къ сочиненію приложена карта мѣстностей, въ которыхъ дѣйствовали изучаемыя авторомъ грамоты, въ виду чего авторъ,

студентъ VIII семестра Николай Мундель, награжденъ серебряною медалью.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Царь Іоаннъ Грозный, какъ былъ царь мудрый и въ правосудіи многое тщаніе изъявилъ“ (Татищевъ) имѣетъ нѣсколько аналогичныхъ чертъ съ предыдущимъ. Такъ и въ этой работѣ лучшей частью является сводный текстъ, всѣмъ же остальнымъ вопросамъ темы посвященъ сравнительно сжатый очеркъ, служащій какъ бы введеніемъ къ сводному тексту. Многія мнѣнія автора также не могутъ считаться вѣрными. Но рядомъ съ подобными мнѣніями встрѣчаются и такія (въ особенности тамъ, гдѣ авторъ толкуетъ статьи памятниковъ), которыя, будучи вполнѣ самостоятельны и находясь въ противорѣчіи съ мнѣніями нѣкоторыхъ ученыхъ, хорошо обоснованы и могутъ быть даже приняты. Въ виду всего сказаннаго, авторъ этого сочиненія студентъ VIII семестра Иванъ Надежинъ награжденъ серебряною медалью.

Пять слѣдующихъ сочиненій, могутъ быть сведены въ одну группу, такъ какъ и по своему внѣшнему виду, и по своему внутреннему содержанію они имѣютъ много общаго другъ съ другомъ. Изъ нихъ сочиненіе подъ девизомъ: „Первая пороша—не санный путь“ (студента VI семестра Михаила Кочукова), хотя и представляетъ изъ себя добросовѣстно составленную работу, авторъ которой старается по возможности исчерпать все, что относится до губныхъ и уставныхъ грамотъ, но лишено сведеннаго текста этихъ послѣднихъ, что является одной изъ существенныхъ частей темы. Сочиненіе (студента VIII семестра Николая Дебольскаго) подъ девизомъ: „Яко отъ зла неприложени будутъ, яко казнити на взбраненіе злу“ (митр. Іоаннъ), наоборотъ, хотя и обладаетъ сведеннымъ текстомъ, но за то остальныя главы, посвященныя исторіи, внѣшнему виду и анализу содержанія грамотъ изложены очень поверхностно и кратко; кромѣ того, въ сочиненіи не имѣется словаря-указателя и таблицы къ возстановленію первоначальнаго текста грамотъ, вошедшихъ въ сведенный текстъ. Сочиненіе подъ девизомъ: „Безъ Бога, не до порога“ (студента VI семестра Леонида Іевреинова), обладаетъ и сведеннымъ текстомъ (хорошо составленнымъ) и таблицею къ нему, а также и словаремъ—предметнымъ и географическимъ, но за то, какъ и предыдущее, далеко не разрѣшаетъ всѣхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ темы; глава же, посвященная выясненію значенія грамотъ въ качествѣ источниковъ послѣдующаго законодательства, свидѣтельствуетъ, что авторъ даже и не понялъ, что требовалось отъ него для разрѣшенія этого вопроса. Наконецъ, сочиненія подъ девизомъ: „И пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ, правдивыя сказанья перепишетъ“ (студента VI семестра Александра Волкова) и подъ девизомъ: „Будешь въ университетѣ-

сонъ свершится на яву и т. д." (студента VI семестра Сергѣя Дьяконова) вполнѣ компилятивнаго характера, далеко неисчерпывающія вдобавокъ всей литературы вопроса. Однако, принимая во вниманіе трудъ, положенный авторами всѣхъ названныхъ сочиненій, а также и нѣкоторыя хорошія стороны послѣднихъ, сочиненія эти признаны достойными почетныхъ отзывовъ.

Для соисканія медалей, на тему „Ученіе Спинозы о правѣ и государствѣ, въ связи съ его общей философской теоріей", предложенную юридическимъ факультетомъ въ 1891 г., представлено девять сочиненій.

„Первое мѣсто по достоинству принадлежитъ труду подъ девизомъ „Смотри въ корень". По глубокому изученію произведеній Спинозы, широкому знакомству съ литературою предмета, ясному и вполнѣ литературному изложенію, самостоятельности отношенія къ различнымъ вопросамъ, какъ метафизическимъ, такъ и юридическимъ, это сочиненіе стоитъ внѣ всякаго сравненія со всѣми остальными: не только текстъ Спинозы и значительная литература вопроса стали вполнѣ духовною собственностію автора, но и распоряжается онъ всѣмъ этимъ достояніемъ съ полною свободою и замѣчательнымъ искусствомъ. Изо всѣхъ писавшихъ на предложенную тему, одинъ только авторъ этого изслѣдованія коснулся весьма темнаго, хотя и весьма важнаго вопроса о происхожденіи философіи Спинозы (ближайшій корень системы онъ видитъ въ схоластикѣ). По мнѣнію автора, заслуги Спинозы въ ученіи о правѣ и государствѣ, сравнительно съ трудами современныхъ ему представителей политической литературы, незначительны, такъ какъ основные принципы его философской системы лишали его возможности коснуться вопросовъ, наиболѣе существенныхъ для теоріи права и государства. Отношенія власти и подданныхъ, вопросъ о границахъ государственнаго вмѣшательства, предѣлахъ свободы индивидуума и т. п. не могли быть имъ юридически конструированы. Поэтому и въ своихъ идеальныхъ государствахъ Спиноза заботится не о томъ, чтобы опредѣлить права государства и подданныхъ, но о томъ, чтобы сдѣлать фактически невозможнымъ нарушеніе благъ, находящихся въ обладаніи членовъ этихъ государствъ. Указанныя достоинства съ лихвою выкупаютъ незначительныя неточности и поверхностное знакомство автора съ еврейскою средневѣковою философіею. Въ виду этого, авторъ, прослушавшій курсъ по юридическому факультету. Николай Лазаревскій, награжденъ золотою медалью,

Второе сочиненіе, подъ девизомъ „Chi non fa, non falla; e chi non falla, non impara", не смотря на свой гораздо меньшій объемъ и далеко не такую обширную эрудицію, какъ у только что разсмотрѣннаго, отличается также выдающимися достоинствами. Написанное

отличнымъ языкомъ, сочиненіе это показываетъ основательное знакомство автора съ доктринами Спинозы, правильное ихъ пониманіе и самостоятельное критическое къ нимъ отношеніе. По мнѣнію автора, между политическимъ ученіемъ и этикою, ученіемъ о естественномъ состояніи и коренными положеніями метафизики Спинозы существуютъ несогласимыя противорѣчія. Указавъ далѣе, что отсутствіе у Спинозы точнаго критерія справедливости и несостоятельность юридической теоріи подрываютъ и значеніе его ученія о государствѣ, авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе указаніями на неточность и противорѣчивость ученія Спинозы о формахъ правленія и о свободѣ совѣсти. Хотя авторъ не приводитъ почти литературныхъ указаній, но правильное пониманіе доктринъ Спинозы и самостоятельное отношеніе его къ нимъ предполагаютъ и доказываютъ основательное знакомство съ положеніемъ Спинозовскихъ вопросовъ въ литературѣ. Поэтому хотя сочиненіе и не даетъ совершенной и исчерпывающей разработки ученія Спинозы, но въ виду указанныхъ выше достоинствъ, авторъ изслѣдованія, студентъ юридическаго факультета IV семестра, Владиміръ Вальденбергъ удостоенъ награды серебряною медалью.

Сочиненіе, подъ девизомъ „Труденъ первый шагъ", отводитъ первое мѣсто разработкѣ философскихъ началъ ученія Спинозы. Языкъ сочиненія весьма опредѣленный, постановка вопросовъ большею частію правильна, хотя и безъ особой самостоятельности. Что касается, однако, изложенія авторомъ ученія Спинозы о правѣ и государствѣ, то выясненіе основныхъ началъ, природы и происхожденія государствъ проведены отчетливо, но юридическая конструкція недостаточна, а выясненіе значенія политическихъ доктринъ Спинозы слабо. Эти недостатки выкупаются, однако, какъ указанными выше достоинствами, такъ знакомствомъ съ литературой, равномѣрно, внимательною и замѣчательно пропорціональною обработкою всѣхъ частей сочиненія. Въ виду всего указаннаго авторъ этого сочиненія студентъ IV семестра историко-филологическаго факультета Александръ Нечаевъ награжденъ серебряною медалью.

Сочиненіе, подъ девизомъ „Quod potui feci", написано, главнымъ образомъ, на основаніи изученія текста произведенія Спинозы. Литература пособій довольно незначительна, хотя и утилизирована авторомъ. Главнѣйшія произведенія Спинозы изучены основательно, нельзя сказать, однако, чтобы труднѣйшія изъ проблемъ ученія были разрѣшены вполнѣ удачно. Нельзя не поставить въ заслугу автору того, что онъ старается, хотя и не вполнѣ удовлетворительно, привести ученіе Спинозы въ связь съ историческими отношеніями и современнымъ Спинозѣ государственнымъ устройствомъ Голландіи. Въ виду

указаннаго автору, студенту юридическаго факультета IV семестра Константину Колобневу, присуждена серебряная медаль.

Что касается остальныхъ пяти сочиненій, то они, представляя доказательство знакомства авторовъ съ текстомъ сочиненій Спинозы, по крайности главнѣйшихъ, значительно уступаютъ первымъ четыремъ и въ частности:

Сочиненіе, подъ девизомъ „Шагъ за шагомъ", устанавливая во вступленіи связь Спинозы съ Декартомъ („Спиноза есть довершенный Декартъ"), обнаруживаетъ съ первыхъ шаговъ недостаточное проникновеніе въ истинный духъ спинозовскихъ доктринъ. Гораздо лучше исполнена та часть сочиненія, которая посвящена ученію о правѣ и государствѣ. Несмотря на указанные недостатки, въ виду довольно значительнаго труда, положеннаго авторомъ для изученія матеріала и знакомства съ пособіями, а также въ виду недурнаго перевода „Политическаго трактата" Спинозы на русскій языкъ, автору его, студенту IV семестра, князю Михаилу Оболенскому, присужденъ почетный отзывъ.

Сочиненіе подъ девизомъ „....Puto me... talia tradidisse, ex quibus multa praeclara, maxime utilia et cognitu necessaria concludi possunt" написано на основаніи довольно близкаго знакомства съ текстомъ и значительнымъ количествомъ пособій, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ. Несмотря на многіе недостатки, въ виду удовлетворительнаго исполненія болѣе важной части сочиненія, авторъ его студентъ юридическаго факультета, Ѳаддей Недзвецкій, удостоенъ почетнаго отзыва,

Сочиненіе подъ девизомъ „Omnia praeclara tam difficilia, quam rara", распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая, посвященная общимъ философскимъ ученіямъ, обработана удовлетворительно, если и не вполнѣ самостоятельно. Главнѣйшія доктрины Спинозы изложены безъ особыхъ ошибокъ и яснымъ языкомъ. Въ противоположность этому, вторая часть сочиненія, т.-е. ученіе о правѣ и государствѣ, отличается компилятивнымъ характеромъ. Въ виду, однако, основательнаго знакомства съ философскими доктринами Спинозы и литературою вопроса авторъ, студентъ юридическаго факультета, VI семестра, Александръ Лякубъ, удостоенъ почетнаго отзыва.

Сочиненіе подъ девизомъ „Sequitur ergo id omne optimum esse, quod homo vel civitas agit, quatenus maxime sui juris est", представляетъ собою добросовѣстное, тщательное, хотя и не особенно глубокое изложеніе существенныхъ доктринъ Спинозы. Знакомство автора съ литературою не особенно обширно, но то, что приведено имъ, понято надлежащимъ образомъ. Не внося ничего новаго, авторъ исполняетъ задачу по общепринятому плану, отводя философскимъ ученіямъ Спинозы, сравнительно, незначительное мѣсто. Отношенія автора къ

Спинозѣ и литературѣ предмета далеко не самостоятельны, терминологія и языкъ могли бы быть болѣе опредѣленными. Однако эти недостатки съ избыткомъ выкупаются внимательнымъ изученіемъ текста, послѣдовательностію изложенія и равномѣрностію обработки всѣхъ частей сочиненія. Въ виду всего указаннаго, авторъ этого сочиненія, студентъ юридическаго факультета IV семестра, Августъ Келеръ, удостоенъ почетнаго отзыва.

Сочиненіе, подъ девизомъ:

„Великій вѣчный міръ не знаетъ тлѣнья,
Смерть преходящаго свободна и легка,
Какъ грезы свѣтлыя проносятся мгновенья,
Вслѣдъ за вѣками слѣдуютъ вѣка",

Въ виду удовлетворительной разработки значительной части предложенной темы, автору этого сочиненія, студенту юридическаго факультета IV семестра, Александру Миронову, присужденъ почетный отзывъ.

На факультетъ восточныхъ языковъ на тему по китайской словесности: „Историко-географическое описаніе юго-восточной Монголіи по сочиненію „Мэнъ-гу-ю-му-цзи" поступило четыре сочиненія, изъ коихъ два удостоено золотыхъ медалей (студ. VI сем. Марцеллій Коносевичъ и Дмитрій Поздпѣевъ и два—серебряныхъ (студ. VI сем. Михаилъ Батшевъ и Зиновій Полчновскій).

Для соисканія наградъ медалями въ 1893 году предлагаются студентамъ и слушателямъ университета слѣдующія историческія темы: По историко-филологическому факультету: *По русской словесности*: Повѣсти Карамзина, въ связи съ жизнью автора и съ главными явленіями западно-европейской сентиментальной литературы (на 2 года).

II. По *славянской филологіи:* Представить съ краткимъ жизнеописаніемъ и общимъ обзоромъ произведеній Амоса Коменскаго историко-критическій разборъ или Лабиринта Свѣта или Дидактики и Школы Материнской, съ приложеніемъ точнаго и литературнаго перевода съ чешскаго языка того или другаго изъ этихъ сочиненій Коменскаго (на 1 годъ).

III. *По русской исторіи*: „Царственная книга", ея составъ и происхожденіе (на 1 годъ).

IV. По *классической филологіи*: Исторія и церемоніалъ римскихъ ludi saeculares по литературнымъ и эпиграфическимъ памятникамъ (на 1 годъ).

V. По *теоріи и исторіи искусствъ*: Литургическіе труды патріарха Софронія.

VI. По *всеобщей исторіи:* Сочиненіе Мирабо „De la Monarchie prussienne“ (на 2 года).

По факультету восточныхъ языковъ: I. По *исторіи востока:* Историческій очеркъ Уйгуровъ. II. По *османской словесности:* Историческія черты и легендарныя свойства эпическаго сказанія о султанѣ Сары-Салтыкѣ.

Историческая наука въ московскомъ университетѣ въ 1891 г.

Пользуясь данными отчета московскаго университета, читаннаго на годичномъ актѣ 12 янв. 1892 г., приводимъ слѣдующія свѣдѣнія по этому предмету. Между учеными трудами членовъ университета отмѣтимъ слѣдующіе: 1) По историко-филологическому факультету: Заслуженный профессоръ Герье прочиталъ въ Политехническомъ Музеѣ 10 публичныхъ лекцій по исторіи XVIII в., и напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“ статью о „Средневѣковомъ міровоззрѣніи“ (янв.-апрѣль). Ординарные профессора: Иванцовъ-Платоновъ подготовлялъ матеріалы для изслѣдованія о патріархѣ Фотіѣ. Стороженко прочиталъ въ Политехническомъ Музеѣ 10 публичныхъ лекцій по „Исторіи романа“ и напечаталъ слѣдующія статьи: „Женскіе типы, созданные Лермонтовымъ“ („Русск. Вѣдомости“ 16 апрѣля), „Прототипы Фальстафа“ („Артистъ“—сентябрь), „Возникновеніе реальнаго романа“ (Сѣверный Вѣстникъ“—декабрь) и „Юношеская любовь Гёте“ (въ сборникѣ—„Помощь Голодающимъ“). Цвѣтаевъ напечаталъ: 1) II-й томъ „Учебнаго Атласа античнаго ваянія“, 2) въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ ст. о книгѣ Благовѣщенскаго „Винкельманъ и позднія эпохи греческаго искусства“, 3) въ „Филологическомъ Обозрѣніи“ ст. „О нѣкоторыхъ ученіяхъ въ исторіи античнаго искусства“; дѣлалъ три доклада въ Моск. Археологическомъ Обществѣ подъ заглавіемъ: „Изъ путешествія по Греціи въ 1889 г.“, которые должны быть напечатаны въ „Трудахъ“ Общества. Ключевскій въ „Русской Мысли“ (январь 1891 г.) напечаталъ продолженіе статьи „Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси“; въ Политехническомъ Музеѣ прочиталъ 10 публичныхъ лекцій по исторіи России XVIII в. Гротъ въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ напечаталъ статьи: Введеніе въ исторію новой философіи, Бэконъ и Гоббесъ, Декартъ и Мальбраншъ, Спиноза; въ Политехническомъ Музеѣ прочиталъ 10 публичныхъ лекцій по исторіи новой философіи (XVII и XVIII вѣка). Миллеръ напечаталъ въ журналѣ „Русская Мысль“ 8 Экскурсовъ въ область русскаго эпоса; въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ рецензію книгъ В. Латышева—Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti

Euxini vol. II (кн. VIII), Сумцова—„Культурныя переживанія" (тамъ же), Э. Вольтера—Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губ. (кн. IX), И. Смирнова—Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ. Виноградовъ напечаталъ въ изданіяхъ оксфордскаго университета сочиненіе подъ заглавіемъ „Villainage in England"; редактировалъ переводъ сочиненія Дайси—„Основы государственнаго права Англіи"—и составилъ къ нему предисловіе и примѣчанія, читалъ въ Оксфордѣ Ильчестерскій курсъ „о славянофильствѣ и западныхъ идеяхъ въ Россіи" (Slavophilism and Western Ideas in Russian Culture); читалъ въ Москвѣ публичную лекцію въ пользу мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая „И. В. Кирѣевскій и начало московскаго славянофильства" и началъ чтеніе публичнаго курса о „Политическихъ ученіяхъ въ Греціи". Экстраординарные профессора: Шварцъ напечаталъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ [Ξενοφῶντος] Ἀθηναίων πολιτεία: О государствѣ Аѳинскомъ, сочиненіе неизвѣстнаго автора V вѣка; напечаталъ разборъ книги г. Благовѣщенскаго, Винкельманъ и позднія эпохи греч. скульптуры въ „Филологическомъ Обозрѣніи". Соколовъ напечаталъ: открытое имъ сочиненіе Юрія Крижанича „Толкованіе историческихъ пророчествъ", и изслѣдованіе объ этомъ сочиненіи въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" (и отдѣльно: „Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ" выпускъ II). Приватъ-доценты: Веселовскій помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы" статью „Мертвыя души, глава изъ этюда о Гоголѣ", произнесъ рѣчь о „Демонѣ" Лермонтова, прочелъ десять публичныхъ лекцій о новой русской литературѣ и участвовалъ въ энциклопед. словарѣ Брокгауза. Милюковъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. печаталъ изслѣдованіе о „государственномъ хозяйствѣ Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго". По порученію Академіи Наукъ, составилъ рецензію на сочиненіе А. С. Лаппо-Данилевскаго (печатается въ XXXIII присужденіи Уваровскихъ наградъ). Въ англ. журн. Athenaeum напечаталъ годичный литературно-научный обзоръ. Въ „Русской Мысли" напечаталъ статью „С. Т. Аксаковъ". Безобразовъ напечаталъ: 1) О сношеніяхъ Россіи съ Франціей („Русское Обозрѣніе" № 1—6, 8—12). 2) Очерки средневѣковой жизни („Наблюдатель" № 3—7). 3) Рецензію на книгу Мабиллиса (Журн. Мин. Нар. Просв. № 11). 4) Біографическіе очерки Карамзина и С. М. Соловьева (Дѣтскій Отдыхъ" № 5 и 6). 5) Историческую повѣсть „Императоръ Михаилъ" „(Русская Мысль" № 3—5). Корелинъ печаталъ диссертацію объ итальянскомъ гуманизмѣ. Князь Трубецкой напечаталъ: Метафизика въ древней Греціи („Вопросы философіи и психологіи"). Аппельротъ издавалъ и редактировалъ (вмѣстѣ съ А. Адольфомъ) журналъ „Филологическое Обозрѣніе" и напечаталъ въ журналѣ „Гим-

назія“ (кн. VII) статью: „Изображенія божествъ въ древней Греціи“, „Aristophaneae capita selecta“. Астафьевъ напечаталъ: брошюру „Изъ итоговъ вѣка“, съ приложеніемъ писемъ „Еврейство и Россія“, рядъ статей въ „Русской жизни“, подъ общимъ заглавіемъ „Буржуазія и Россія“. Александровъ напечаталъ: 1) Памяти М. Ю. Лермонтова („Московск. Вѣдомости“, 1891 г., № 193). 2) Исторія новѣйшей русской литературы, А. М. Скабичевскаго (рецензія)—(„Москов. Вѣдом.“ 1891 г., № 209). 3) О значеніи народности въ литературѣ (вступительная лекція)—(„Московск. Вѣд.“ 1891 г., № 278). 4) Іеросхимонахъ Амвросій—(Московск. Вѣдом.“ 1891 г., № 285). 5) К. Н. Леонтьевъ (біографическія свѣдѣнія)—(„Московск. Иллюстр. Газета“ 1891 г., № 311). Випперъ помѣстилъ въ журналѣ „Русская Мысль“ (августъ) статью „Государственныя идеи Штейна“ (пробная лекція въ Моск. Универс.); участвовалъ въ журналѣ Русская Школа и въ Историч. Обозрѣніи, изд. Карѣевымъ. По юридическому факультету: Заслуженный профессоръ Павловъ 1) напечаталъ въ „Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ и отдѣльною брошюрой статью подъ заглавіемъ: „по поводу нѣкоторыхъ недоумѣній въ наукѣ православнаго церковнаго права“; 2) началъ печатать въ томъ же журналѣ и въ томъ же видѣ изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права“. Ординарные профессора: Янжулъ читалъ въ Обществѣ этнографіи докладъ „Экономическое значеніе времени и пространства“ и напечаталъ его въ „Вѣстникѣ Европы“; прочелъ публичную лекцію въ пользу голодающихъ „Сосѣдскія братства“; редактировалъ переводъ „Исторіи политической экономіи Ингрема“ и выпустилъ его въ свѣтъ. Чупровъ читалъ въ Политехническомъ Музеѣ курсъ изъ 10 публичныхъ лекцій о господствующихъ направленіяхъ въ экономической литературѣ XIX вѣка. Боголѣповъ издалъ для своихъ слушателей 3-й и 4-й выпускъ „Пособія къ лекціямъ по Исторіи Римскаго права“. Графъ Камаровскій сдѣлалъ сообщенія въ Юридическомъ Обществѣ: „Къ вопросу о современныхъ вооруженіяхъ“ (напечатано въ Русской Мысли) и „Международный третейскій судъ въ Америкѣ“ (напечатано въ Юридическомъ Вѣстникѣ); помѣстилъ въ Русской Мысли статью „Властолюбивые замыслы С. Штатовъ въ области экономической политики“ и приступилъ къ обработкѣ для печати своего курса. Привать-доценты: Пустороелевъ напечаталъ статью въ Юридическомъ Вѣстникѣ подъ заглавіемъ: „Историческій очеркъ покровительства освобожденнымъ изъ заключенія.“ Филипповъ напечаталъ изслѣдованіе: „О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформою“. Гусаковъ печаталъ въ университетскихъ извѣ-

стіяхъ „Источники обязательственнаго права древняго Рима". Подъ рубрикой „стипендіаты" въ числѣ оставленныхъ при университетѣ значатся: окончившіе испытаніе въ испытательныхъ коммиссіяхъ съ дипломами первой степени: Богословскій—по каѳедрѣ русской исторіи, Ярошевскій—по каѳедрѣ греческой словесности,—съ содержаніемъ; окончившіе испытанія въ испытательныхъ коммиссіяхъ съ дипломами первой степени: Каллашъ—по каѳедрѣ русскаго языка и словесности, Чичаговъ—по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, Флеровъ и Семеновъ—по каѳедрѣ классической филологіи, Мсеріанцъ—по каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія, Покровскій—по каѳедрѣ русской исторіи,—безъ содержанія.

Занятія студентовъ въ семинаріяхъ. Въ этомъ отдѣлѣ отчета между прочимъ читаемъ: Въ семинаріи по новой исторіи, у засл. пр. В. И. Герье, въ осеннее полугодіе, студенты для работъ были распредѣлены на двѣ группы, сообразно съ знаніемъ или незнаніемъ иностранныхъ языковъ, умѣніемъ пользоваться пособіями на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Студенты первой группы писали и разбирали рефераты по исторіи Папства на основаніи книги Ранке о Папахъ въ русскомъ переводѣ; студенты второй группы писали и разбирали рефераты на слѣдующія темы: 1) причина раздора между Карломъ I и парламентомъ, 2) столкновенія между долгимъ парламентомъ и арміей и 3) политическая роль Мирабо по преніямъ въ національномъ собраніи. Въ семинаріи по древней исторіи у ор. проф. П. Г. Виноградова, студенты VII семестра историческаго отдѣленія занимались разборомъ исторической части сочиненія Аристотеля Ἀθηναίων πολιτεία. Въ семинаріи по русской исторіи, у ор. проф. В. О. Ключевскаго, въ весеннее полугодіе занятія состояли въ обзорѣ основныхъ источниковъ русской исторіи: лѣтописей, хронографовъ и пр., съ подробнымъ разборомъ отдѣльныхъ памятниковъ, по которымъ составлялись рефераты, а въ осеннее полугодіе—въ обзорѣ русской исторіографіи XVII и XVIII столѣтій, причемъ также составлялись рефераты объ отдѣльныхъ произведеніяхъ.

Испытанія на ученыя степени и званія. На основаніи Устава въ факультетскихъ собраніяхъ производились установленныя испытанія лицъ, желающихъ получить ученыя степени и званія и, по удостоенію факультетовъ, утверждены университетскимъ совѣтомъ между другими:

Въ степени доктора—магистры: Томсонъ и Ульяновъ—сравнительнаго языковѣдѣнія, и Лопатинъ—философіи.

Въ степени магистра—кандидаты: Филипповъ и Александренко—государственнаго права. Означенныя лица напечатали и публично защитили диссертаціи: Томсонъ—*Историческая грамматика соврем-*

наго армянскаго языка города Тифлиса, Ульяновъ—*Значеніе глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ,* Лопатинъ—*Законъ причинной связи какъ основа умозрительнаго знанія дѣйствительности,* Филипповъ—*О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою,* Александренко—*Англійскій тайный совѣтъ и его исторія.*

Въ томъ же отчетѣ помѣщены и слѣдующія свѣдѣнія о состоящихъ при Московскомъ университетѣ ученыхъ обществахъ.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ 1891 году составъ должностныхъ лицъ общества былъ тотъ же, что и въ 1890 году: предсѣдательствующій Ю. Д. Филимоновъ, секретарь Е. В. Барсовъ, казначей С. А. Бѣлокуровъ и библіотекарь Ю. Д. Филимоновъ. Всѣхъ засѣданій Общества было шесть, изъ коихъ одно торжественное годовое (18 марта). Кромѣ рѣшенія тѣхъ вопросовъ, съ которыми обращались въ Общество различныя лица и учрежденія, на засѣданіяхъ обсуждались и дѣла, относящіяся къ изданію „Чтеній" Общества, въ чемъ главнымъ образомъ состояла ученая дѣятельность Общества. Въ этомъ году было издано четыре тома „Чтеній", книги 155, 156, 157 и 158. Въ нихъ были напечатаны: 1) Въ отдѣлѣ „Изслѣдованій": а) трудъ дѣйств. члена С. А. Бѣлокурова объ извѣстномъ паломникѣ по востоку въ XVII вѣкѣ Арсеніи Сухановѣ, содержащій его біографію (ч. I); б) его же „О мнимой библіографической рѣдкости XVII в."; в) К. И. Якубова „Русскія рукописи стокгольмскаго государств. архива"; г) А. Чумакова „Осада Ревеля герцогомъ Магнусомъ, королемъ ливонскимъ, голдовникомъ царя Ивана IV"; д) Д. И. Сапожникова „Самосожженіе въ русскомъ расколѣ"; е) архимандрита Леонида „Свѣдѣнія о славянскихъ и русскихъ переводахъ патериковъ различныхъ наименованій и обзоръ редакцій оныхъ"; ж) І. А. „Христорождественская церковь въ Сергіевомъ посадѣ".

2) Въ отдѣлѣ „Матеріаловъ историческихъ": а) матеріалы для исторіи приказнаго судопроизводства въ Россіи, собранные К. П. Побѣдоносцевымъ; б) двѣ сказки Вл. Атласова объ открытіи Камчатки, сообщенныя Н. Н. Оглоблинымъ; в) іерусалимскій патріархъ Досиѳей въ его сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ. Сообщилъ Н. Ѳ. Каптеревъ.

3) Въ отдѣлѣ „Матеріаловъ историко-литературныхъ": а) напечатаны 5 сочиненій Юрія Крыжанича: „Pûtno opîsanie ot Lewówa do Moskwi", „Besida ko Czirkásom wo osobi Czircása upîsana", „Usmotrenie o Carskom Weliczestwo" „Објасньење виводно о письмѣ словѣнскомъ" и „Толкованье историческихъ пророчествъ". Означенныя сочиненія печатались подъ наблюденіемъ проф. М. И. Соколова,

В. И. Колосова и В. Н. Щепкина; б) описаніе рукописей тверскаго музея, составленное М. И. Сперанскимъ; в) свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ хожденіе въ св. землю русскаго игумена Даніила въ началѣ XII в. Трудъ Н. В. Рузскаго; г) рукописи сербскаго письма XIII—XVIII вв. находящіяся въ библіотекахъ московской губерніи архим. Леонида и д) библіотека россійская епископа Дамаскина (Руднева).

4) въ отдѣлѣ „Матеріаловъ иностранныхъ“: а) начало русскаго государства. Три чтенія Dr. Томсена въ переводѣ Н. И. Аммона; б) Бернгардъ Шаньеръ, Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. Переводъ съ латинскаго съ примѣчаніями и приложеніями И. М. Ивакина и в) лѣтопись византійца Ѳеофана, въ переводѣ (1846 г.) проф. В. И. Оболенскаго.

5) Въ отдѣлѣ „Смѣси“ помѣщены четыре небольшихъ сообщенія.

Въ засѣданіяхъ общества были также прочитаны рефераты: а) дѣйств. чл. С. А. Бѣлокуровымъ „О мнимой библіографической рѣдкости XVII в.“ и б) членомъ соревнователемъ В. Н. Щепкинымъ „о глаголическихъ отрывкахъ въ Вѣнѣ, найденныхъ проф. В. И. Ягичемъ“.

Общество Любителей Россійской Словесности. Въ мартѣ 1891 года были произведены выборы въ предсѣдатели Общества. Закрытою баллотировкою оказался избраннымъ вновь на три года академикъ Н. С. Тихонравовъ. За отказомъ отъ должности секретаря Общества, Д. Д. Языкова, въ секретари избранъ А. И. Станкевичъ. Въ томъ же засѣданіи единогласно былъ избранъ снова на три года прежній казначей А. Е. Носъ и избраны временнымъ предсѣдателемъ—проф. Н. И. Стороженко, а членами приготовительнаго комитета—проф. А. Н. Веселовскій и Л. И. Поливановъ. Въ концѣ года (въ ноябрѣ) былъ избранъ временнымъ секретаремъ Общества новый членъ В. И. Шенрокъ.

Общество имѣло въ 1891 году 6 очередныхъ засѣданій, на которыхъ обсуждались текущія дѣла Общества, и 2 публичныхъ, изъ коихъ одно было посвящено исключительно чествованію памяти поэта М. Ю. Лермонтова. Въ публичныхъ засѣданіяхъ было прочтено 9 рефератовъ г. предсѣдателемъ Общества, и гг. членами: Л. Ф. Маклаковой, А. Н. Веселовскимъ, И. И. Ивановымъ, Г. А. Мачтетомъ, Н. И. Стороженко и В. А. Крыловымъ. Кромѣ того Общество издало „Сборникъ на 1891 годъ“—громадный томъ болѣе чѣмъ въ 40 печатныхъ листовъ 8⁰, заключающій въ себѣ массу новаго, интереснаго историко-литературнаго матеріала, равно какъ и беллетристическія произведенія гг. членовъ Общества въ стихахъ и въ прозѣ.

Психологическое Общество. Совѣтъ Общества за истекшій годъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя Н. Я. Грота, товарища

председателя Н. А. Зверева, кандидата къ нему Л. М. Лопатина, секретаря Н. А. Иванцова, товарища секретаря Н. Я. Колубовскаго, казначея Н. А. Абрикосова, кандидата его С. Е. Корсакова, библіотекаря и постояннаго редактора Трудовъ Общества В. П. Преображенскаго. Въ настоящее время Общество состоитъ изъ 14 почетныхъ членовъ, 142 действительныхъ (считая въ томъ числе и членовъ-учредителей), 34 членовъ соревнователей и 6 членовъ корреспондентовъ. Деятельность Общества выражалась главнымъ образомъ въ чтеніи и обсужденіи рефератовъ въ заседаніяхъ; всехъ заседаній было въ отчетномъ году 15, въ которыхъ были доложены и обсуждены между иными следующіе рефераты: П. А. Каленова „Ученіе Шиллера о красоте и эстетическомъ чувстве". В. А. Гольцева „Идеалы и действительность". Вл. С. Соловьева „Идеалы и идолы". П. Е. Астафьева „О ценности жизни". К. Н. Венцеля „Мораль жизни и свободнаго идеала". К. Н. Венцеля „Критика этическаго ученія Гюйо". Н. А. Иванцова „Т. Г. Гексли, какъ представитель современнаго научнаго міровоззренія". Вл. С. Соловьева „О причинахъ упадка средневековаго міросозерцанія". П. Е. Астафьева „О безусловномъ критеріи нравственности". В. А. Гольцева „Идея справедливости въ трудахъ французскихъ мыслителей XIX века".

Общество приступило къ печатанію V-го выпуска своихъ Трудовъ, который должна составить Этика Спинозы въ переводе Н. А. Иванцова.

Независимо отъ сего при участіи Общества продолжалось изданіе журнала „Вопросы философіи и психологіи" подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. За истекшій II-й годъ изданія платныхъ подписчиковъ было 1460 (изъ нихъ 525 подписчиковъ получали журналъ по удешевленной цене), безплатныхъ—133, всего—1593. Число печатныхъ листовъ доходитъ до $100^1/_4$ (въ первый годъ было только 90). Въ журнале принимали участіе за истекшій годъ 45 сотрудниковъ, изъ которыхъ 22 стали принимать участіе только съ этого года.

Московское Юридическое Общество. Въ 1891 году бюро Общества состояло изъ председателя С. А. Муромцева, товарища председателя В. А. Гольцева, секретаря Н. Н. Ржондковскаго, товарища секретаря А. Н. Маркова, казначея В. В. Сиротинина и библіотекаря А. Ф. Акулова. Органъ Общества „Юридическій Вестникъ" издавался по прежнему подъ редакціей С. А. Муромцева и В. М. Пржевальскаго. Въ теченіе года были доложены въ Юридическомъ Обществе между иными следующіе рефераты: В. А. Гольцевымъ „О книге Летурно: „L'évolution juridique". Имъ же „Судъ и печать после 20 ноября 1864 года". Д. А. Дрилемъ „Какъ иногда развивается преступность". Гр. Л. А. Камаровскимъ „Вопросъ о международномъ

третейскомъ судѣ въ Америкѣ". С. И. Викторскимъ „Гласный уголовный судъ въ современной Россіи".

Бюро статистическаго отдѣленія Юридическаго Общества состояло изъ предсѣдателя А. И. Чупрова, товарища предсѣдателя Н. А. Каблукова, секретаря С. М. Блеклова и товарища секретаря А. Н. Миклашевскаго.

Въ отдѣленіи были доложены слѣдующіе рефераты:

В. Н. Григорьевымъ „Перепись г. С.-Петербурга 15 декабря 1890 года". Н. Н. Черненковымъ „Переходы земель при четвертномъ владѣніи". И. И. Янжуломъ „О новомъ законодательствѣ для защиты рабочихъ въ Финляндіи". А. Д. Соколовымъ „Подворное владѣніе въ Семеновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи". С. М. Блекловымъ „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Зубцовскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи". Н. М. Астыревымъ „Къ вопросу о сервитутныхъ отношеніяхъ въ Юго-Западномъ краѣ въ настоящее время". И. В. Веретенниковымъ „О вліяніи различій въ размѣщеніи частнаго и крестьянскаго землевладѣнія на хозяйственный бытъ".

Историческая наука въ Кіевскомъ университетѣ.

Заимствуемъ изъ отчета о состояніи и дѣятельности университета св. Владиміра въ 1891 г. (Кіев. Унив. Извѣстія, 92, февр.) слѣдующія данныя.

Изъ перечисленныхъ ученыхъ трудовъ отмѣтимъ слѣдующіе. По историко-филологическому факультету: ординарнаго профессора Т. Д. Флоринскаго: 1) Новое открытіе въ области глаголицы и вопросъ о происхожденіи славянскаго письма, 2) „Памяти Миклошича" и 3) „Обзоръ новыхъ книгъ по славяновѣдѣнію".—Ординарнаго профессора В. С. Иконникова: „Опытъ русской исторіографіи" въ 2-хъ томахъ и „Губернскія ученыя архивныя коммиссіи".—Ординарнаго профессора И. В. Лучицкаго: 1) „Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ Даніи съ XVI по XVIII в." („Сѣв. Вѣст., декабрь, 1890 г.), 2) Сорольдъ Роджерсъ „Юрид. Вѣст. мартъ, 1891 г.) и 3) „Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи" (Сѣв. Вѣст., іюль—сентябрь, 1891).—Ординарнаго профессора Ю. А. Кулаковскаго: изслѣдованіе: „Керченская христіанская катакомба 491 года (6 вып. Матеріаловъ Арх. Ком.), статьи: Древнія надписи Черноморскаго побережья" (Ж. М. Н. П.) и „Конецъ язычества" (Кіев. Унив. Изв.).—Ординарнаго профессора Н. П. Дашкевича: „Описаніе Черноморья", составленное Эмидіемъ д'Асколи въ 1634 г., и статья объ этомъ памятникѣ (V кн. „Чтен. Истор. Общ."). — Ординарнаго профес-

сора П. В. Владимірова: „Очеркъ развитія творчества Н. В. Гоголя" (рѣчь, произнесенная въ торжеств. собр. унив. 16 янв. 1891 г.).—Ординарнаго профессора I. А. Леціуса: „О значеніи слова satura въ исторіи римской литературы" (Филол. Обозр.).—И. д. экстраординарнаго профессора Голубева: 1) „Матеріалы для исторіи южнорусской церкви" (вып. I), 2) „Кіево-могилянская коллегія при жизни своего фундатора кіевскаго митрополита П. Могилы". („Труд. Кіевск. Дух. Акад." за 1891 г.).—Приватъ-доцента П. В. Голубовскаго: „Нѣсколько соображеній къ вопросу о князѣ Турѣ" (Журн. „Кіевская Старина", октябрь, 1891).

По юридическому факультету: заслуженный ординарный профессоръ А. В. Романовичъ-Славатинскій, по порученію Имп. Спб. Акад. Наукъ, составилъ: „Разборъ сочиненія сенатора Н. П. Семенова „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II" („Зап. Имп. Акад. Наукъ"). Ординарнаго профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Населеніе Юго-Западной Россіи" („Архив. Юго-Зап. Россіи" ч. VII, т. II).—Ординарнаго профессора Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго: 1) „Творческая сила обычая въ уголовномъ правѣ" („Юрид. Вѣст." 1891 г., № 2).

При Университетѣ св. Владиміра состоятъ между прочимъ ученыя общества: 1) Историческое Нестора лѣтописца. Въ минувшемъ году общество имѣло 12 засѣданій; изъ нихъ 11 очередныхъ, и одно торжественное, годичное. Во всѣхъ засѣданіяхъ было сдѣлано 30 докладовъ. Кромѣ разработки историческихъ вопросовъ, дѣятельность общества Нестора Лѣтописца выразилась въ изданіи V-й книги своихъ „Чтеній" и приготовленіи къ печати VI-й. Въ личномъ составѣ общества произошли слѣдующія перемѣны: изъ бывшихъ къ началу 1891 г. 21 почетнаго и 97 дѣйствительныхъ членовъ въ теченіе года выбыло за смертію два почетныхъ и одинъ дѣйствительный. Вновь избрано 10 дѣйствительныхъ. Въ почетные члены возведенъ предсѣдатель общества, профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Такимъ образомъ, къ началу 1892 г. Общество Нестора Лѣтописца состоитъ изъ 20 почетныхъ и 105 дѣйствительныхъ членовъ.

Кіевское юридическое Общество. Къ 1 января 1892 г. имѣло: 3 почетныхъ, 203 дѣйствительныхъ члена и 12 по отдѣленію обычнаго права. Предсѣдателемъ Общества состоялъ заслуженный профессоръ В. Г. Демченко. Изъ рефератовъ, выслушанныхъ въ истекшемъ году въ собраніяхъ Общества, особенно слѣдуетъ отмѣтить: А. С. Гольденвейзера „О соціальныхъ теченіяхъ и реформахъ XIX столѣтія въ Англіи" и В. Г. Демченко: „О задачахъ кодификаціи у насъ относительно договора найма имуществъ".

По юридическому факультету. На тему: „уголовное право Ли-

товскаго статута въ связи съ развитіемъ русскаго уголовнаго права вообще", представлено три сочиненія. Первое изъ нихъ принадлежитъ студенту Іоакиму Малиновскому. Второе представлено студентомъ Николаемъ Максименко. Третье сочиненіе представлено окончившимъ юридическій факультетъ съ дипломомъ I-й ст. Григоріемъ Демченко. Юридическій факультетъ удостоилъ гг. Малиновскаго, Максименко и Демченка—награды золотыми медалями.

Для соисканія наградъ медалями въ 1892 году предложены факультетами слѣдующія темы: Историко-филологическимъ: 1) По русской исторіи: „Сильвестръ Медвѣдевъ". 2) По всеобщей исторіи: „Полемика во второй половинѣ XI вѣка по вопросу объ отношеніи папской власти къ императорской". 3) По исторіи западно-европейскихъ литературъ: „Сказочный типъ дурачка". 4) По русской словесности: „Антоній Радзивиловскій, игуменъ Кіево-Николаевскаго монастыря, и его сочиненія". Юридическимъ: По церковному праву: „Св. Правительствующій Сунодъ при Петрѣ Великомъ, его организація и дѣятельность".

Диспуты.

— 17 ноября 1891 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ происходилъ докторскій диспутъ и. д. э. о. проф. философіи въ Кіевскомъ университетѣ А. Н. Гилярова, представившаго въ историко-филологическій факультетъ диссертацію подъ заглавіемъ:„ Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Ч. I. (Методологія и свидѣтельства о философахъ)".

Вмѣсто отчета о диспутѣ приводимъ оффиціальный факультетскій отзывъ о книгѣ г. Гилярова, составленный проф. философіи въ Спб. унив. А. И. Введенскимъ къ „Протоколамъ засѣданій совѣта Имп. Спб. Унив." (№ 45).

Разсматриваемое сочиненіе г. Гилярова составляетъ только первую часть предпринятаго имъ изслѣдованія, и въ ней онъ ограничивается лишь разборомъ свидѣтельствъ Платона объ упомянутыхъ имъ философахъ кромѣ софистовъ; задача же этой части сводится къ тому, чтобы установить общую точку зрѣнія на значеніе свидѣтельствъ Платона, дабы впослѣдствіи приступить при ея помощи къ оцѣнкѣ его свидѣтельствъ о софистахъ. Все сочиненіе распадается на 4 главы. Въ двухъ первыхъ характеризуется исторія и современное положеніе изслѣдуемаго вопроса, а также и современное положеніе вопроса о подлинности діалоговъ Платона. Въ 3-й гл. авторъ старается опредѣлить цѣли, которыя преслѣдовалъ Платонъ при составленіи діало-

говъ, и выяснить тѣ правила, которыя послѣдній считалъ нужнымъ соблюдать для наилучшаго достиженія своихъ цѣлей. Приэтомъ г. Гиляровъ приходитъ къ такимъ главнымъ выводамъ: „Платонъ *сознательно* не могъ извращать истину ни по одному изъ приписываемыхъ ему древними и новыми критиками побужденій“ (стр. 81); главная же цѣль его сочиненій удовлетворить личной потребности философскаго творчества, такъ что „спрашивать, зачѣмъ Платонъ написалъ тотъ или другой діалогъ, неумѣстно“ (стр. 72); онъ писалъ и не для напоминанія слушателямъ объ устныхъ урокахъ и не для полемики, которая отсутствуетъ въ его сочиненіяхъ, замѣняясь критической діалектикой (стр. 73 и 74), а ради творчества. 4-ю главу авторъ назначилъ для рѣшенія вопроса, не искажаетъ ли Платонъ истину безсознательно, и для этого предпринялъ въ ней систематическій сводъ и пересмотръ его свидѣтельствъ обо всѣхъ философахъ, кромѣ софистовъ. Главнѣйшіе же выводы этой главы сводятся къ тому, что у Платона вообще фактическія свѣдѣнія о философахъ, а также и ихъ характеристики вполнѣ соотвѣтствуютъ исторической истинѣ (стр. 357) и что какъ свидѣтель въ области исторіи философіи Платонъ во всякомъ случаѣ не ниже Аристотеля (стр. 358).

Выводы автора не исправляютъ тѣхъ или другихъ частностей въ господствующихъ среди историковъ философіи взглядахъ по изслѣдуемому г. Гиляровымъ вопросу и не пополняютъ ихъ, а почти сплошь упраздняютъ ихъ. Поэтому при оцѣнкѣ его работы приходится обращать вниманіе почти исключительно на то, сколь прочно обосновалъ онъ свои выводы.

Но въ его сочиненіи есть недостатки, которые дѣлаютъ многіе изъ его доводовъ неубѣдительными. Прежде всего кидается въ глаза то невниманіе, съ которымъ отнесся авторъ къ вопросу о подлинности діалоговъ. Онъ не только не выдѣляетъ выводовъ изъ спорныхъ діалоговъ въ особую группу, такъ чтобы всегда было ясно, подъ какимъ условіемъ имѣетъ мѣсто тотъ или другой выводъ, но и не заботится о томъ, чтобы пользоваться только такими діалогами, нападенія на подлинность которыхъ были бы у него отражены солидными аргументами. Напротивъ, характеризуя во 2-й главѣ вопросъ о подлинности, какъ неразрѣшенный и даже неразрѣшимый при употреблявшихся до сей поры методахъ, авторъ прямо рекомендуетъ пользоваться пока всѣми діалогами (стр. 42), и не задумывается, при всякомъ ли вопросѣ будетъ пригоденъ подобный пріемъ и насколько онъ позволителенъ въ его собственномъ изслѣдованіи. Къ тому же, хотя г. Гиляровъ и оговаривается здѣсь, что не слѣдуетъ строить рѣшительныхъ выводовъ на основаніи наиболѣе подозрительныхъ діалоговъ, но онъ нигдѣ не указываетъ, какіе онъ счи-

таетъ за наиболѣе подозрительные, и вездѣ пользуется всѣми одинаково; а среди упоминаемыхъ имъ діалоговъ находятся не только Софистъ, Политикъ, Парменидъ, но и Менексенъ, оба Гиппія и т. д. Только однажды, именно по поводу Парменида, вспоминаетъ онъ о необходимости свести счеты съ нападеніями на подлинность употребляемыхъ имъ діалоговъ; но при этомъ онъ самымъ поверхностнымъ образомъ раздѣлался съ Ибервегомъ, разсматривая изо всѣхъ доводовъ послѣдняго противъ подлинности Парменида только одинъ, и притомъ такой, который самъ Ибервегъ приводитъ между прочимъ и настаивать на которомъ онъ не считаетъ возможнымъ (стр. 354). И тутъ же г. Гиляровъ высказался, что не видитъ надобности разсматривать всѣ доказательства, приводимыя противъ подлинности Софиста, Филеба и Парменида, такъ какъ они исходятъ изъ такихъ принциповъ, которые еще не поставлены внѣ сомнѣнія.

Другую причину неубѣдительности доводовъ автора составляетъ способъ обработки 3-й главы, которая образуетъ какъ бы центръ тяжести всѣхъ доказательствъ автора, ибо 4-я глава не служитъ и не предназначается имъ для того, чтобы служить фактической повѣркой выводовъ 3-й: объ этомъ онъ и самъ ясно высказывается, говоря, что 4-я глава должна дать только отвѣтъ на вопросъ, не искажалъ ли Платонъ истину *безсознательно* (стр. 31 и 81); это видно и изъ того, что тѣ сомнѣнія, которыя у него возникаютъ при разборѣ свидѣтельствъ Платона, часто рѣшаются въ его пользу на основаніи выводовъ 3-й гл. (напр. стр. 94, 95, 295). А въ 3-й гл. всѣ выводы (въ томъ числѣ и тѣ, что Платонъ не имѣлъ никакихъ мотивовъ для сознательнаго искаженія истины и что его сочиненія чужды полемики и не назначались для напоминанія объ устныхъ урокахъ) получаются исключительно путемъ разсмотрѣнія діалоговъ безъ всякой повѣрки другими источниками: не считать же за подобную повѣрку, если у автора сорвалось однажды такое голословное утвержденіе, будто бы „то, что мы знаемъ о характерѣ устныхъ бесѣдъ Платона, *совсѣмъ не походитъ на содержаніе* діалоговъ“ (стр. 73). Такимъ образомъ выводы этой главы оправдываются только тѣмъ впечатлѣніемъ, которое авторъ выноситъ изъ чтенія Платона. Для читателей же г. Гилярова это впечатлѣніе остается по слѣдующимъ причинамъ ничѣмъ не мотивированнымъ. 1) Авторъ начинаетъ съ изложенія извѣстнаго мѣста въ Федрѣ, гдѣ говорится о сравнительномъ достоинствѣ устной и письменной рѣчи, и утверждаетъ, будто бы одно этого мѣста уже достаточно, чтобы убѣдиться въ отсутствіи у Платона стремленій къ обличительной проповѣди, полемикѣ и всяки сознательныхъ побужденій искажать истину, такъ что надо толь провѣрить, всегда ли онъ оставался вѣренъ высказанному здѣ

взгляду (стр, 45), чему авторъ и посвящаетъ остальную часть главы. А какъ именно изъ разсматриваемаго мѣста можно вывесть это, не говорится. 2) Вся остальная часть главы составлена изъ нагроможденныхъ другъ на друга цитатъ или перефразовъ, отдѣльно выхваченныхъ мѣстъ изъ діалоговъ, связываемыхъ между собой часто внѣшнимъ образомъ, а потомъ слѣдуетъ перечень выводовъ, которые по словамъ автора можно сдѣлать изъ сопоставленія того, что находится передъ ними (стр. 72). Но самаго сопоставленія онъ не производитъ и тѣхъ положеній, которыя надо для полученія вывода добавить къ цитатамъ, какъ вспомогательныя посылки, не указываетъ. Приводя же ту или другую цитату, авторъ никогда не задумывается, пригодна ли она по своей связи съ текстомъ діалога для того, чтобы служить доказательствомъ его выводовъ, и не обращаетъ вниманія, кѣмъ и при какихъ условіяхъ высказаны приводимыя имъ слова. Отъ этого выходитъ, напримѣръ, что даже ироническія слова Сократа, въ которыхъ послѣдній признаетъ Калликла расположеннымъ къ нему, высказанныя Сократомъ послѣ того, какъ Калликлъ всячески обругалъ его, приводятся г. Гиляровымъ въ доказательство того, что Платонъ считаетъ нужнымъ сводить дѣйствующихъ лицъ или дружелюбно или безразлично расположенныхъ другъ къ другу (стр. 60 и 77),

Что же касается до 4-ой главы, то она разработана болѣе удовлетворительно, хотя тоже не чужда недостатковъ. Какъ болѣе крупные, можно отмѣтить слѣдующіе. Авторъ иногда крайне небрежно передаетъ мнѣнія упоминаемыхъ имъ писателей: напримѣръ, онъ говоритъ, что по мнѣнію Аристотеля вся бывшая до него философія не болѣе, какъ дѣтскій лепетъ; словечко же „не болѣе какъ“ оказывается прибавленнымъ со стороны г. Гилярова къ тому мѣсту, на которое онъ ссылается (ибо въ текстѣ стоитъ всего только (ἔοικεν ψελλιζομένῃ), да и вся то фраза выхвачена безъ связи съ текстомъ который придаетъ ей совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ приписываемый авторомъ (стр. 160). Подобная небрежность встрѣчается неоднократно. Далѣе, въ этой главѣ есть много лишняго: напримѣръ, на 80 страницахъ (207—287) авторъ разсуждаетъ о преимуществахъ телеологическаго міровоззрѣнія предъ механизмомъ и, разумѣется, крайне небрежно вслѣдствіе желанія вмѣстить въ небольшомъ пространствѣ то, что требуетъ обширнаго изслѣдованія (тутъ находится критика и матеріализма и механическаго объясненія цѣлесообразности организмовъ и т. д.); или же вдругъ авторъ начинаетъ слѣдить за отзвуками платонизма у Гегеля, Спенсера и т. д. Вообще же про всю 4-ю главу можно замѣтить, что, назначивъ ее для отвѣта на вопросъ, не искажаетъ ли Платонъ истины безсознательно, авторъ не

поясняетъ, въ чемъ долженъ состоять подобный вопросъ, коль скоро извѣстно, что Платонъ сознательно не могъ искажать истину, и коль скоро извѣстно, что онъ имѣлъ достаточную способность для пониманія упоминаемыхъ имъ философскихъ ученій; а поэтому проводимыя въ 4-й главѣ мысли и взаимное отношеніе ея частей зачастую оказываются крайне неясными.

Но, не смотря на всѣ указанные недостатки, сочиненіе г. Гилярова обнаруживаетъ въ немъ очень близкое знакомство съ Платономъ и значительную начитанность, простирающуюся не только на источники и литературу вопроса, но и на другія сочиненія по философскимъ дисциплинамъ. Приэтомъ онъ старается быть вполнѣ самостоятельнымъ изслѣдователемъ, т.-е. не только работаетъ по первымъ источникамъ, но и смѣло доводитъ свои соображенія до конца, не подчиняясь никакимъ авторитетамъ. Трудъ же его небезполезенъ и во всякомъ случаѣ можетъ служить нѣкоторымъ подспорьемъ для изслѣдователя доаристотелевской философіи: именно, въ немъ содержится систематическій сводъ извѣстій Платона о философахъ, снабженный толкованіями, основанными на пріобрѣтеніяхъ новѣйшей критики, чѣмъ онъ отличается отъ свода, находящагося въ Prosopographia platonica Принстрера, изданный въ 20-хъ годахъ; по поводу же этихъ извѣстій высказываются часто замѣчанія въ пользу Платона, съ которыми долженъ считаться тотъ, кто не довѣряетъ его показаніямъ. А мимоходомъ въ этой книгѣ дѣлаются даже попытки полнѣй освѣтить нѣкоторые пункты Платоновскаго ученія: такова параллель, приводимая авторомъ между процессомъ образованія міровой души въ Тимеѣ и діалектическимъ соединеніемъ идей въ Софистѣ. Въ виду всего этого я нахожу возможнымъ допустить автора до защиты его диссертаціи".

— 2-го февраля 1892 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ происходилъ магистерскій диспутъ С. М. Середонина по диссертаціи: „Сочиненіе Д. Флетчера Of the Russe Common Wealth, какъ историческій источникъ".

Въ своей рѣчи диспутантъ указалъ на то, что въ современной русской исторической литературѣ большая часть трудовъ посвящена разработкѣ вопросовъ правовыхъ, финансовыхъ и экономическихъ. Изученіе цѣлаго ряда новыхъ документовъ,—писцовыхъ, переписныхъ и другихъ книгъ, десятенъ, смѣтныхъ списковъ, дало возможность придти къ весьма цѣннымъ и точнымъ выводамъ по многимъ вопросамъ. При такомъ направленіи научной литературы иностранныя описанія Россіи, нѣкогда считавшіяся въ ряду важнѣйшихъ источниковъ, отодвинуты были въ послѣднее время на второй планъ. Однако, такое пренебреженіе къ иностраннымъ описаніямъ должно считать

временнымъ, происходящимъ отъ вполнѣ понятнаго увлеченія документами новаго рода, только недавно сдѣлавшимися доступными для научной разработки. Несмотря на величайшую точность своихъ данныхъ, оффиціальные документы по малочисленности своей не могутъ дать полной картины состоянія Руси за тотъ или другой періодъ, между тѣмъ какъ достоинства иностранныхъ описаній Россіи и заключается въ томъ, что они даютъ изображеніе всѣхъ сторонъ жизни государствъ и общества, хотя, разумѣется, иностранныя извѣстія значительно уступаютъ первымъ въ точности и полнотѣ сообщаемыхъ свѣдѣній; провѣренныя же и дополненныя данными оффиціальными, иностранныя сочиненія даютъ довольно полную и точную картину внутренняго состоянія Руси и помогаютъ обобщать отрывочныя данныя, извлеченныя изъ русскихъ архивовъ. Далѣе диспутантъ указалъ на условность нѣкоторыхъ своихъ выводовъ. Иныя показанія разбираемаго имъ сочиненія могутъ быть провѣрены лишь съ весьма приблизительною вѣроятностью; такія показанія онъ принималъ или отвергалъ на основаніи общаго знакомства своего съ изучаемой эпохой; читателямъ же книги эти выводы могутъ показаться недостаточно обоснованными.

Положенія, извлеченныя изъ диссертаціи, слѣдующія:

1) По богатству данныхъ по исторіи управленія, финансовъ и экономическаго быта русскаго народа, сочиненіе Флетчера не имѣетъ себѣ равнаго среди другихъ иностранныхъ сочиненій о древней Россіи. Къ сожалѣнію, цѣнный фактическій матеріалъ невѣрно освѣщенъ авторомъ съ точки зрѣнія идей, выработанныхъ феодальнымъ строемъ западно-европейскихъ государствъ.

2) Разсказы Горсея — главный источникъ свѣдѣній Флетчера о Россіи, кромѣ его личныхъ наблюденій и впечатлѣній.

3) Политическія стремленія Грознаго оцѣнены Флетчеромъ по результатамъ его дѣятельности, сказавшимся въ первые годы царствованія его преемника. Если иногда Флетчеръ и принималъ слѣдствіе поступковъ Грознаго за причину ихъ, тѣмъ не менѣе онъ подмѣтилъ одну изъ главныхъ задачъ Грознаго, — подорвать значеніе родовой княжеской аристократіи.

4) Хорошо характеризованы Флетчеромъ личности царя Ѳеодора, царицы Ирины и Бориса Годунова; особенно цѣнны его замѣчанія объ отношеніяхъ Годунова къ знатнѣйшимъ боярскимъ родамъ и царевичу Димитрію.

5) Изъ географическихъ сообщеній Флетчера только тѣ, которыя касаются сѣверной окраины государства, представляютъ нѣкоторый интересъ для русской исторической науки.

6) Сдѣланное Флетчеромъ описаніе русскихъ построекъ, одежды,

пищи, препровожденія времени даютъ живую и правдивую картину русскаго общества конца XVI вѣка.

7) Рѣзкіе отзывы Флетчера объ умственныхъ и нравственныхъ недостаткахъ и порокахъ русскаго народа въ значительной степени объясняются, какъ своеобразными условіями жизни московскаго общества, такъ и противодѣйствіемъ, оказываемымъ обществомъ и правительствомъ эгоистическимъ стремленіямъ англичанъ; къ тому же, слѣдуетъ имѣть въ виду, что Флетчеръ велъ сношенія въ Москвѣ съ дипломатами того времени и торговыми людьми; масса же народа осталась ему неизвѣстна.

8) Извѣстія Флетчера о раздѣленіи населенія на сословія довольно точно обозначаютъ разряды лицъ, на которые распадался служилый классъ. Изображеніе экономическаго быта населенія сдѣлано не совсѣмъ вѣрно: доходы духовенства, монастырей и боярства преувеличены, положеніе тяглаго класса представлено худшимъ, чѣмъ каковымъ оно было въ дѣйствительности.

9) Въ опредѣленіи степени и характера власти государя надъ подданными Флетчеромъ, какъ и другими иностранцами, не приняты во вниманіе ни сила обычая, ни аристократическій строй государства, отчего Флетчеръ и не понялъ значенія совѣщаній царя съ думой и представителями духовенства. Извиненіемъ Флетчеру служитъ то обстоятельство, что онъ наблюдалъ жизнь государства въ ненормальное время.

10) Изъ сообщеній Флетчера объ управленіи Россіей наибольшаго вниманія заслуживаетъ упоминаніе о Четвертяхъ. Послѣднія были самостоятельными учрежденіями, территоріальнаго характера, сложившимися въ 70-ыхъ годахъ XVI ст. подъ вліяніемъ двухъ причинъ: введенія въ 50-ыхъ еще годахъ земскаго самоуправленія и раздѣленія государства на земщину и опричнину.

11) Показанный Флетчеромъ излишекъ доходовъ надъ расходами Московскаго государства,—1.430.000 р., не можетъ быть принятъ ни за чистый доходъ государства, ни даже за валовой доходъ; цифры Маржерета, отъ 400.000 р. — 530.000 р. ежегодныхъ поступленій въ казну, слѣдуетъ признать болѣе близкими къ истинѣ.

12) Равнымъ образомъ преувеличеннымъ должно считать и показанное Флетчеромъ число дѣтей боярскихъ, числившихся по спискамъ Разряда, 80.000 человѣкъ; на дѣлѣ это число не превышало 20.000—25.000 чел.

Оффиціальными оппонентами выступили проф. С. Ѳ. Платоновъ и приватъ-доцентъ А. С. Лаппо-Данилевскій.

Первый оппонентъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, началъ съ общей характеристики труда диспутанта и, въ частности, съ оцѣнки самой

темы. Сдѣланный г. Середонинымъ выборъ темы оппонентъ находилъ основательнымъ и соотвѣтствующимъ тому состоянію, въ какомъ находится разработка исторіи XVI вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и невыгоднымъ для самого изслѣдователя. Тема представляетъ нѣкоторое методическое неудобство въ томъ отношеніи, что лишаетъ изслѣдовоніе внутренняго единства содержанія и равномѣрности въ критической разработкѣ частностей. Книга г. Середонина поэтому заключаетъ въ себѣ не развитіе одной темы, а совокупность многихъ и притомъ неравномѣрно обработанныхъ историческихъ темъ. Тѣмъ не менѣе оппонентъ соглашался, что если нужно признавать своевременнымъ и полезнымъ для нашей исторіографіи спеціальное критическое изученіе иностранныхъ извѣстій о Московской Руси, то г. Середонину въ этой области слѣдовало взяться именно за книгу Флетчера, какъ наиболѣе любопытную и важную. Съ этой точки зрѣнія выборъ памятника для изслѣдованія сдѣланъ былъ весьма правильно. Что касается до исполненія труда диспутанта, то Платоновъ признавалъ его въ общемъ вполнѣ удовлетворительнымъ и научнымъ. Планъ изложенія г. Середонинымъ задуманъ удачно, за немногими исключеніями (оппонентъ указалъ ихъ въ главахъ I, II и IV). Общіе пріемы изслѣдованія опредѣлены правильно; критическая повѣрка сообщеній Флетчера производилась въ ученомъ отношеніи самостоятельно, хотя, по мнѣнію оппонента, г. Середонинъ мѣстами чувствовалъ излишнее довѣріе къ авторитетности нѣкоторыхъ существующихъ въ ученой литературѣ мнѣній; наконецъ, для повѣрки Флетчера изслѣдователемъ привлеченъ былъ обширный и хорошо подобранный историческій матеріалъ, свидѣтельствующій о солидной начитанности автора въ первоисточникахъ. Переходя затѣмъ къ указанію недостатковъ диссертаціи, оппонентъ замѣтилъ, что недосмотры и промахи автора въ большинствѣ случаевъ являлись неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неудобствъ самой темы. Многообразіе сообщеній Флетчера и необходимость для ихъ повѣрки перебрать громадное количество матеріала требовали отъ изслѣдователя совершенныхъ познаній по исторіи цѣлой эпохи: авторъ очень часто съ успѣхомъ преодолѣвалъ трудности изслѣдованія, но иногда допускалъ погрѣшности и въ отношеніи полноты матеріала, и въ отношеніи изложенія. Эти погрѣшности происходили оттого, что авторъ не доводилъ до конца своей работы по тому или другому вопросу, останавливался на полдорогѣ, замѣняя выводъ предположеніемъ, точное рѣшеніе—приблизительнымъ. Изъ примѣровъ такой недоработанности оппонентъ указалъ: неточность хронологическихъ справокъ на стр. 103—104; неправильное толкованіе грамоты 1591 года на стр. 107; нѣкоторую путаницу показаній относительно Важскихъ доходовъ Годунова на стр. 191; смѣшеніе ближней думы съ „отвѣт-

ной“ коммиссией на стр. 220 и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ пр более внимательномъ отношеніи къ матеріалу возможенъ былъ бы или болѣе точный выводъ, или болѣе правильное объясненіе фактовъ. Если для такого рода погрѣшностей можно находить объясненіе и даже оправданіе въ темѣ, то другіе промахи слѣдуетъ, по мнѣнію оппонента, прямо поставить на счетъ самому изслѣдователю; къ такимъ относятся, напримѣръ, неточности перевода англійскаго текста и неправильный его пересказъ (примѣры оппонентъ указалъ на стр. 106, 149, 156, 179, 219). Послѣ обмѣна мнѣній по поводу частныхъ замѣчаній оппонента, послѣдній возвратился къ общей оцѣнкѣ диссертаціи и свои заключительныя слова посвятилъ опредѣленію тѣхъ научныхъ результатовъ, которые достигнуты изслѣдованіемъ г. Середонина: по мнѣнію оппонента, г. Середонину удалось не только оцѣнить показанія Флетчера въ отношеніи ихъ ученой пригодности, но попутно, при обсужденіи отдѣльныхъ мѣстъ книги Флетчера, внести нѣчто новое и въ изученіе вообще Московской исторіи XVI вѣка. Не одинъ разъ диспутантъ въ разработку спеціальныхъ вопросовъ вноситъ или новый матеріалъ, или новые домыслы, предлагая такимъ образомъ читателю самостоятельные ученые экскурсы. Изъ такихъ экскурсовъ на изслѣдованіи г. Середонина о происхожденіи московскихъ четей оппонентъ остановился съ особеннымъ сочувствіемъ [1]), признавая, что это и другія побочныя изслѣдованія обличаютъ въ диспутантѣ хорошую ученую подготовку, способность самостоятельно поставить вопросъ, довести его разрѣшеніе до опредѣленнаго вывода и изложить результаты ученой работы съ безспорнымъ литературнымъ дарованіемъ.

Вторымъ оппонентомъ былъ прив.-доц. А. С. Лаппо-Данилевскій. Указавъ въ общихъ чертахъ на достоинства диссертаціи г. Середонина (живой языкъ, интересное содержаніе, не лишенныя остроумія предположенія), оппонентъ отмѣтилъ слѣдующіе недостатки труда. Во-первыхъ, г. Середонинъ не вездѣ точенъ въ выраженіяхъ; говоря, наприм., объ „административномъ управленіи“ и причисляя къ нему судопроизводство, разумѣя подъ „владѣльческими правами“, повидимому, права суверенныя и т. п., авторъ обнаруживаетъ недостаточное знакомство съ юридической терминологіей. Далѣе вслѣдствіе неудачнаго выбора темы—разнообразія предметовъ, о коихъ говоритъ Флетчеръ, и желанія автора все самому провѣрить—онъ не могъ достаточно углубиться ни въ одинъ изъ нихъ; да и самъ г. Середонинъ

---

[1]) Обстоятельную оцѣнку этого частнаго изслѣдованія г. Середонина о четяхъ проф. Платоновъ даетъ въ статьѣ: „Какъ возникли чети?“ въ майской книжкѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1892 г.

находитъ, что отрывочность у него была неизбѣжной. Отсюда у него, съ одной стороны, пропуски, съ другой поверхностныя и невѣрныя рѣшенія. Гдѣ какъ не въ его книгѣ искать точныхъ указаній на рукописи или, по крайней мѣрѣ, изданія и переводы Флетчера? Между тѣмъ г. Середонинъ этимъ совсѣмъ не занимается. Нѣтъ у него также и біографіи Флетчера, а тѣ біографическія данныя, которыя онъ сообщаетъ, случайны; такъ, наприм., авторъ не упоминаетъ ни о литературныхъ талантахъ семьи Флетчера, ни о его поэтическомъ талантѣ, ни о томъ, что онъ былъ членомъ парламента. При провѣркѣ показаній Флетчера г. Середонинъ пользуется довольно ограниченнымъ количествомъ источниковъ и пособій. Ему мало извѣстнымъ остался архивный матеріалъ: незнакомство, наприм., съ десятнями XVI в. было причиной невѣрныхъ заключеній о военномъ устройствѣ. Пособіями авторъ пользовался случайно: для характеристики финансоваго строя въ XVI в. онъ обращается къ новому труду г. Милюкова о XVIII в. и упускаетъ изъ виду изслѣдованіе (1852) Незабитовскаго, относящееся къ болѣе ранней эпохѣ. Да и то, что дано г. Середонинымъ, не всегда заслуживаетъ одобренія. Неизвѣстно, для чего авторъ излагаетъ сочиненія другихъ англичанъ, писавшихъ о Россіи до Флетчера: ихъ сочиненія можно было или разсмотрѣть, какъ источники для самого Флетчера, но это не сдѣлано (кромѣ Горсея), или ихъ же привести для сравненія и оцѣнки, которыхъ въ трудѣ г. Середонина тоже не оказывается. Указавъ на невыдержанность системы изложенія и искусственность плана сочиненія, оппонентъ перешелъ къ оцѣнкѣ того, какъ г. Середонинъ пользовался русскими первоисточниками, причемъ привелъ случаи, когда онъ бралъ указанія изъ вторыхъ рукъ, не провѣряя чужихъ выводовъ (стр. 84, 118 и др.). Не ограничиваясь исправленіемъ ошибокъ Флетчера, г. Середонинъ старается замѣнить его невѣрныя сужденія болѣе правильными, что ему не всегда удается. Г. Лаппо-Данилевскій сослался при этомъ на нѣсколько невѣрныхъ воззрѣній самого автора о характерѣ нашего сельскаго хозяйства въ XVI вѣкѣ, — экономическая исторія имъ вообще затронута слабо,—объ отношеніи между крестьянами и помѣщиками (стр. 200—202) и др. Финансовымъ вопросомъ и вопросомъ о военномъ управленіи г. Середонинъ занялся больше, но каждый изъ этихъ вопросовъ самъ могъ бы составить тему для диссертаціи, и г. Середонинъ въ сущности коснулся только частныхъ вопросовъ— о происхожденіи московскихъ четвертей и о численности войска, хотя имъ и далъ болѣе общіе заголовки: „извѣстія о финансовомъ управленіи", „о военномъ управленіи". Отмѣтивъ одно противорѣчіе (307, 310, 313) въ общихъ взглядахъ магистранта на финансовое управленіе, г. Лаппо-Данилевскій перешелъ къ разбору новой теоріи о четвертяхъ, прово-

димой авторомъ: хотя его критика взгляда г. Милюкова заключаетъ справедливыя указанія, тѣмъ не менѣе собственная его теорія недостаточно обоснована, что оппонентъ и подтверждалъ детальнымъ разборомъ теоріи г. Середонина. Посвятивъ много вниманія этому вопросу, авторъ почти совсѣмъ не затронулъ другія стороны старой финансовой системы. Правда, онъ указалъ на то, что извѣстія Флетчера о нашемъ бюджетѣ въ XVI в. не заслуживаютъ довѣрія, но его попытка опредѣлить бюджетъ по случайнымъ и частнымъ примѣрамъ и даннымъ XVII вѣка не можетъ быть признана удачной. Г. Середонинъ положилъ много труда на опредѣленіе численности московскаго войска, но заслуживаетъ упрека за то, что незнакомъ съ десятнями, важнѣйшимъ источникомъ по этому предмету. Г. Лаппо-Данилевскій на основаніи десятенъ и сдѣлалъ нѣсколько поправокъ. Въ заключеніе оппонентъ свелъ всѣ указанные имъ недостатки къ двойственности въ методѣ изученія невѣрно поставленной темы: писать о сочиненіи, посвященномъ внутреннему быту Московскаго государства въ XVI в., и о самомъ этомъ бытѣ по данному сочиненію—двѣ вещи разныя; автору изъ такого сплава не удалось выковать логически послѣдовательной и стройной цѣпи разсужденій.

Изъ публики г. Середонину возражалъ Е. А. Бѣловъ. На стр. 74 своего труда магистрантъ сослался на г. А. И. Ясинскаго, возражавшаго г. Бѣлову, который вѣритъ обвиненіямъ Флетчера московской знати и воеводъ по поводу сожженія Москвы ханомъ въ 1571 году. Е. А. Бѣловъ указывалъ г. Середонину на то, что полагаться на г. Ясинскаго, какъ на авторитетъ, нельзя, въ доказательство чего привелъ примѣръ неаккуратнаго пользованія г. Ясинскимъ—сочин. Иванишева о жизни Курбскаго на Литвѣ. Затѣмъ Е. А. Бѣловъ защищалъ свое мнѣніе по существу по поводу словъ С. М. Середонина, сказавшаго, что доводы г. Ясинскаго противъ Е. А. Бѣлова достаточно убѣдительны, чтобы снять съ памяти князей Мстиславскаго, Бѣльскаго, Воротынскаго и др. позорное пятно: перечисляя воеводъ, г. Середонинъ забылъ кн. Ив. Андр. Шуйскаго, который могъ мстить за отца, казненнаго руками псарей.

По окончаніи диспута С. М. Середонинъ былъ признанъ достойнымъ степени магистра русской исторіи при апплодисментахъ присутствовавшей на диспутѣ публики.

— 6-го декабря 1891 года въ Харьковскомъ университетѣ магистръ классической филологіи, *А. Н. Деревицкій*, защищалъ диссертацію на степень доктора подъ заглавіемъ: „О началѣ историко литературныхъ занятій въ древней Греціи“. Диссертація эта имѣетъ отношеніе и къ исторіи, особенно къ исторіи культуры: въ ней много мѣста удѣлено вопросу, напримѣръ, объ Александрійскомъ музеѣ.

библіотекѣ. Оффиціальными оппонентами были проф. философіи Ѳ. А. Зеленогорскій, коснувшійся въ своихъ возраженіяхъ, между прочимъ, вліянія Аристотеля на развитіе историко-литературныхъ занятій и вопроса о томъ, былъ ли музей „интернатомъ", и проф. классической филологіи И. В. Нетушилъ, помимо замѣчаній чисто филологическихъ, затронувшій вопросъ о томъ, основаніе музея не стояло ли въ связи съ культами, существовавшими въ Египтѣ?

Положенія, извлеченныя изъ диссертаціи А. Н. Деревицкаго „О началѣ историко-литературныхъ занятій въ древней Греціи":

1) Собираніе историко-литературнаго матеріала началось въ Греціи со временъ Писистрата и затѣмъ шло параллельно съ изслѣдованіями въ области религіозныхъ преданій, съ розысканіями геортологическими, археологическими и проч.; центромъ историко-литературныхъ занятій первоначально служили древнѣйшія и популярнѣйшія произведенія поэтическаго творчества, преимущественно поэмы Гомера.

2) Въ основаніи преданія объ ономакритовой рецензіи гомеровскаго текста лежитъ историческій фактъ.

3) Болѣе систематичными историко-литературныя занятія стали приблизительно съ половины V в. до Р. X., когда и книжная торговля развилась и достигла небывалыхъ дотолѣ размѣровъ. Къ этому времени относятся первые историко-литературные компендіумы.

4) Труды Аристотеля и перипатетиковъ, посвященные вопросамъ исторіи греческой литературы, сдѣлались исходнымъ пунктомъ широкаго научнаго движенія, плодами коего явились историко-литературныя работы александрійской эпохи.

5) Важнѣйшею изъ такихъ работъ слѣдуетъ считать „Таблицы" Каллимаха, которыя представляли собою первую въ исторіи попытку систематическаго распредѣленія всѣхъ наличныхъ произведеній греческой литературы по родамъ ея и выразили осязательно, при помощи наглядной формулы, всю силу научной и литературной производительности греческой націи.

6) Исторія возникновенія каллимаховыхъ „Таблицъ" связана съ исторіею александрійской библіотеки, а исторія послѣдней — съ судьбами александрійскаго музея. Оба учрежденія были дѣломъ одного и того же лица и находились въ близкомъ соотношеніи другъ съ другомъ.

7) Александрійскій музей былъ устроенъ по типу музея перипатетиковъ, представлялъ собою родъ общежитія, состоялъ подъ протекторатомъ верховнаго жреца, какъ высшій органъ культа музъ и обоготворенныхъ Птолемэевъ, и заключалъ въ себѣ цѣлую систему

ученыхъ учрежденій, преслѣдовавшихъ цѣли преподаванія и научной разработки различныхъ отраслей знанія.

8) Большая александрійская библіотека, по идеѣ ея созидателей, должна была совмѣстить въ себѣ все, что дотолѣ произвела греческая мысль въ области литературы и науки; она занимала отдѣльный корпусъ, подчиненный вѣдѣнію одного лица (библіотекаря), въ распоряженіи котораго находился цѣлый штатъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ и служителей.

9) Каллимахъ принадлежалъ къ числу библіотекарей и занималъ эту должность съ 254/3 г. до Р. Х.

10) При немъ общее количество рукописей въ библіотекѣ простиралось до 400,000, изъ коихъ оказалось 90,000 подлежавшихъ занесенію въ раціональный каталогъ: это были исключительно греческія рукописи, безъ примѣси иноязычныхъ, а равно простыя (ἁπλαῖ) въ противоположность рѣдкостямъ, представлявшимъ интересъ лишь для библіофила. Внѣ разсмотрѣнія по разнымъ причинамъ осталось 310,000 нумеровъ (дублеты, не греческія рукописи и проч.).

11) Составленіе „Таблицъ“ (πίνακες) привело Каллимаха къ необходимости считаться съ трудными критическими вопросами самаго разнообразнаго свойства, — съ вопросами о подлинности отдѣльныхъ произведеній, о ихъ надписаніи, о ихъ полнотѣ или недостаточности, о времени ихъ возникновенія и т. п.

12) Заглавіе каллимаховой работы слѣдуетъ признавать въ той редакціи, которую она имѣетъ въ словарѣ Свиды.

13) Въ распредѣленіи своего матеріала Каллимахъ слѣдовалъ не алфавитному, а предметному порядку, располагая имена авторовъ въ ихъ хронологической послѣдовательности.

14) Къ именамъ авторовъ въ „Таблицахъ“ присоединялись замѣчанія и сообщенія біографическаго свойства.

15) Въ отдѣльныхъ статьяхъ каталога при перечисленіи произведеній, принадлежавшихъ одному писателю, Каллимахъ слѣдовалъ тому порядку, какой въ данномъ случаѣ представлялся наиболѣе удобнымъ (κατ' εἴδη, κατὰ μέτρα, κατὰ στοιχεῖα и проч.).

16) Въ связи съ „Таблицами“ Каллимаха находились другія работы того же автора, служившія для нихъ либо подготовительными этюдами, либо болѣе или менѣе необходимыми дополненіями. Таковы: а) πίναξ τῶν κατὰ χρόνους καὶ ἀπ' ἀρχῆς γενομένων διδασκάλων, б) περὶ ἀγώνων, в) γραφεῖον, г) μουσεῖον.

17) „Таблицы“ Каллимаха дополнялись каллимаховцами: Эратосѳеномъ, Аристофаномъ византійскимъ, Гермиппомъ смирнскимъ, Истромъ и др.

18) „Жизнеописанія“ Гермиппа представляли рядъ самостоятель-

ныхъ, то болѣе обширныхъ, то небольшихъ этюдовъ, изслѣдованій и статей, связанныхъ между собою не столько единствомъ плана, сколько единствомъ содержанія и направленія. Они были вызваны желаніемъ подвергнуть новой обработкѣ именно тѣ отдѣлы каллимаховой работы, которые были наименѣе удачны, наиболѣе слабы.

19) Strab. XVII p. 794 слѣдуетъ читать: καὶ οἶχον μέγαν, ἐν ᾧ καὶ τὸ συσσίτιον. Здѣсь οἶχος значитъ „домъ", а συσσίτιον—„столовая", „мѣсто трапезы".

20) Crat. Mallot. frgm. 10 (Wachsm. p. 71) слѣдуетъ присоединить къ числу фрагментовъ, уцѣлѣвшихъ отъ „Пергамскихъ таблицъ" (πίναχες Περγανηνοί).

21) Athen. I p. 5 b. слѣдуетъ, быть можетъ, привлечь къ числу фрагментовъ каллимаховыхъ „Таблицъ".

— 25 ноября 1891 г. въ московской духовной академіи и. д. доцента по каѳедрѣ церковной археологіи и литургики А. П. Голубцовъ защищалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны (М. 1891. V+384 стр.), представленное имъ для полученія степени магистра богословія. Оффиціальные оппоненты, орд. профессора Е. Е. Голубинскій и В. О. Ключевскій, съ похвалой отозвались о сочиненіи г. Голубцова. По ихъ заключенію, „Пренія о вѣрѣ" достаточно разъясняютъ одинъ изъ важныхъ моментовъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Возраженія оппонентовъ касались лишь нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ изслѣдованія. Е. Е. Голубинскій не соглашался съ мнѣніемъ диспутанта о способѣ присоединенія латинянъ къ православію въ 1-й половинѣ XVII в. и по нѣкоторымъ другимъ второстепеннымъ въ сочиненіи вопросамъ. Проф. В. О. Ключевскій остановилъ вниманіе на недостаточно ясномъ представленіи диспутантомъ характера возникшей между православными и протестантами полемики. Защиту диссертаціи совѣтъ Академіи единогласно призналъ удовлетворительною (Церк. Вѣд. 1891 г. № 49).

— 12 февраля 1892 г. въ кіевской дух. академіи А. В. Никитинъ защищалъ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацію: „Синагоги іудейскія, какъ мѣста общественнаго богослуженія". Оффиціальными оппонентами были проф. Олесницкій и доц. Дмитріевскій; кромѣ того возражалъ и проф. Розовъ. Защита признана удовлетворительною (Церк. Вѣд. 1892, № 9).

— 8 марта 1892 г. въ с.-петербургской духовной академіи и. д. доцента по каѳедрѣ психологіи В. С. Серебрениковъ защищалъ представленное имъ на соисканіе степени магистра богословія сочиненіе подъ заглавіемъ: „Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Опытъ установки Локкова ученія на основаніи историко-

критическаго изслѣдованія и критическаго разсмотрѣнія его въ связи съ христіанскимъ ученіемъ объ образѣ Божіемъ". Предъ началомъ коллоквіума В. С. Серебрениковъ произнесъ небольшую рѣчь о значеніи своего труда. „Опытъ о прирожденныхъ началахъ ума и дѣятельности" (1690) Дж. Локка составилъ эпоху въ психологической и философской наукѣ; но до сихъ поръ сочиненіе это не было изслѣдовано надлежащимъ образомъ. Ученые историки философіи смотрятъ на Локка то какъ на сенсуалиста, то какъ на чистаго эмпирика; между тѣмъ истинное знаніе Локкъ признавалъ не за впечатлѣніями, а за дѣйствіями разсудка и разума; скорѣе по своимъ гносеологическимъ и психологическимъ положеніямъ Локкъ—ученикъ Декарта. Въ силу этого и характеръ полемики Локка противъ прирожденныхъ идей принимаетъ нѣсколько иной видъ: Локкъ подъ идеями разумѣлъ готовыя понятія, а подъ принципами—готовыя истины; существованія же въ душѣ прирожденныхъ силъ и различныхъ способностей Локкъ не отрицалъ. Основныя воззрѣнія Локка не противорѣчатъ, такимъ образомъ, христіанскому ученію о душѣ человѣческой, какъ образѣ Божіемъ; но въ частныхъ своихъ положеніяхъ Локкъ расходится съ христіанствомъ; такъ, онъ высказывалъ мнѣніе о возможной, при всемогуществѣ Божіемъ, матеріальности человѣческой души,—что и дало поводъ къ ошибочнымъ взглядамъ на Локка, какъ родоначальника сенсуализма, матеріализма и т. п.; но такія матеріалистическія тенденціи Локка не согласуются съ его собственными основными воззрѣніями. Первый оффиціальный оппонентъ, проф. М. И. Каринскій, указавъ на господствующее теперь крайнее сенсуалистическое направленіе въ философіи и вытекающія отсюда задачи для христіанской апологетики, навстрѣчу которымъ идетъ сочиненіе диспутанта, призналъ за его трудомъ важныя достоинства въ историко-философскомъ отношеніи, состоящія особенно въ уясненіи отношенія между ученіемъ Локка и философіей Декарта и въ установленіи основныхъ взглядовъ Локка. Въ своихъ замѣчаніяхъ магистранту г. Каринскій отмѣтилъ то, что магистрантъ не поставилъ въ связь нѣкоторыхъ изъ возраженій Локка противъ врожденныхъ идей съ характеристикой отношеній его къ Декарту, что въ сочиненіи есть нѣкоторыя преувеличенія въ выводахъ по вопросу объ отношеніи Локка къ Гоббесу, что толкованіе отношенія у Локка между волей и свободой недостаточно мотивировано, и самое это отношеніе можетъ быть понимаемо иначе, чѣмъ понимаетъ его магистрантъ, что одно изъ возраженій г. Серебреникова противъ Локкова предположенія о возможной матеріальности души можетъ рисовать взглядъ Локка на этотъ предметъ въ не совсѣмъ вѣрномъ свѣтѣ и, наконецъ, что есть основаніе въ разъясненіи неосновательности ходячей теоріи ассоціаціи идей идти далѣе, чѣмъ

идетъ магистрантъ. Второй оффиціальный оппонентъ, проф. Ѳ. Г. Елеонскій, началъ свои замѣчанія указаніемъ на то, что предметъ сочиненія имѣетъ не только философскій, но и богословскій интересъ, такъ какъ въ основу критической оцѣнки ученія Локка о прирожденныхъ началахъ полагаются не только философскія начала, но прежде всего и главнымъ образомъ христіанское ученіе о богоподобной природѣ человѣка. Отмѣтивъ вполнѣ научный пріемъ, употребленный авторомъ при изложеніи ученія Св. Писанія объ образѣ Божіемъ и состоящій въ установленіи чтенія важнѣйшихъ для этого мѣстъ кн. Бытія чрезъ сравненіе еврейскаго текста съ переводомъ 70 и другими, оппонентъ не соглашался тутъ съ нѣкоторыми выводами автора (напр., относительно словъ Бытія I, 27). Въ группировкѣ ученія отцовъ и учителей церкви объ образѣ Божіемъ, послѣ указанія выдающихся достоинствъ этой части труда, заключающихся въ обстоятельномъ и тщательномъ изложеніи патристическихъ свѣдѣній, было отмѣчено отсутствіе относящихся сюда мѣстъ изъ Іустина Философа и Иринея; сдѣлано далѣе замѣчаніе о несправедливо приписанномъ Тертулліану антропоморфическомъ понятіи о Богѣ, какъ всесовершенномъ духѣ. Въ качествѣ неоффиціальнаго оппонента сдѣлалъ нѣсколько возраженій профессоръ богословія въ с.-петербургскомъ университетѣ прот. В. Г. Рождественскій. Въ заключеніе коллоквіума ректоръ академіи, епископъ Антоній, выразилъ свое сочувствіе философско-богословскому труду диспутанта. Какъ диссертація, такъ и защита ея признаны совѣтомъ вполнѣ удовлетворительными [1]).

Оставленный при университетѣ.

При харьковскомъ университетѣ оставленъ въ качествѣ стипендіата для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ *всеобщей исторіи Андрей Сергѣевичъ Вязигинъ.*

А. С. Вязигинъ, по окончаніи курса въ харьковской 3-й гимназіи, поступилъ на историко-филологич. факультетъ (1886 г.) и въ теченіе всего своего пребыванія въ университетѣ занимался преимущественно исторіей, какъ русской, такъ и всеобщей; имъ были представлены слѣдующія работы: 1) „Левъ Діаконъ и его извѣстія, касающіяся русской исторіи“; 2) „Vita Heinrici IV“ (переводъ этого памятника на рус. языкъ); 3) „Vita Heinrici IV, какъ литературный

---

[1]) Замѣтка о коллоквіумѣ г. Серебреникова составлена по отчетамъ „Церковнаго Вѣстника“ (1892 г. № 11) и „Церковныхъ Вѣдомостей“ (Приб., 1892 г., № 11).

и историческій памятникъ эпохи борьбы за инвеституру"; 4) „Ламбертъ Герсфельдскій и Каносса"; 5) „Смуты патеровъ въ Миланѣ"; 6) „Смерть царевича Димитрія" (рефератъ, читанный въ засѣданіи Харьковскаго Историко-филологическаго Общества 12 мая прошлаго года, подробности см. въ „Историч. Обозрѣніи", т. III, стр. 245—6); 7) „Разборъ мнѣній и свидѣтельствъ источниковъ о личности перваго самозванца". Въ 1889 году г. Вязигинъ удостоенъ былъ золотой медали за сочиненіе на тему: „Борьба Генриха IV съ Григоріемъ VII до избранія Рудольфа Швабскаго". Въ 1890 г. онъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей (А. Д. Маляренко) перевелъ на русскій языкъ извѣстный учебникъ *Бузольта*: „Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей". Переводъ этотъ напечатанъ. Лѣтомъ прошлаго года А. С. Вязигинъ составилъ популярную біографію Григорія VII для Павленковскаго изданія (эта біографія тоже напечатана). Въ настоящее время, готовясь къ магистерскому экзамену, г. Вязигинъ подготовляетъ диссертацію изъ исторіи того же XI в., которымъ онъ преимущественно занимался до сихъ поръ.

Пробныя лекціи.

— 29 февраля 1892 г. въ засѣданіи историко-филологическаго факультета с.-петербургскаго университета, магистрантъ А. И. Покровскій читалъ двѣ пробныя лекціи для полученія званія приватъ-доцента по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Темой для первой лекціи г. Покровскій избралъ „Аграрное законодательство Лицинія"; для второй лекціи назначена была факультетомъ слѣд. тема: „Аѳины послѣ Солона и тираннія". Испытаніе на степень магистра всеобщей исторіи держалъ въ настоящемъ году оставленный при университетѣ Б. А. Тураевъ, занимающійся преимущественно др. исторіей Востока.

25-го и 30-го января с. г. въ харьковскомъ университетѣ читалъ пробныя лекціи для полученія званія приватъ-доцента по исторіи Востока *А. Н. Гренъ*, оріенталистъ, занимающійся преимущественно языками и этнографіей Кавказа. Предметомъ первой его лекціи (по собственному выбору) былъ „вопросъ о происхожденіи Кира"; лекторъ старался доказать эламское происхожденіе основателя персидской монархіи. Вторая лекція была на тему, предложенную факультетомъ „Первыя столкновенія Византіи и мусульманъ".

— Въ текущемъ году для соисканія медалей въ харьковскомъ университетѣ предложена тема по *новой исторіи*: „Отношенія Франціи къ Россіи при Людовикѣ XV".

Историческое преподаваніе въ Спб. духовной академіи.

По нынѣ дѣйствующему уставу духовныхъ академій, въ нихъ положено 8 кафедръ историческихъ наукъ, которыя въ здѣшней духовной академіи занимаютъ слѣдующіе профессора: 1) Древняя Общая Гражданская исторія (исторія Востока, Греціи и Рима)—экстра-орд. проф. А. П. Лопухинъ; 2) Новая Общая Гражданская исторія (средняя и новая исторія)—орд. проф. Н. А. Скабалановичъ; 3) Русская Гражданская исторія — доц. П. Н. Жуковичъ; 4) Общая церковная исторія—экстра-орд. проф. В. В. Болотовъ; 5) Исторія а разборъ западныхъ исповѣданій—орд. проф. И. Е. Троицкій; 6) Русская церковная исторія — экстра-орд. проф. П. Ѳ. Николаевскій; 7) Исторія и обличеніе русскаго раскола орд. проф. И. Ѳ. Нильскій; 8) Библейская исторія В. и Н. Завѣта—Ѳ. Г. Елеонскій. Кромѣ того въ академіи читаются еще Библейская археологія съ еврейскимъ языкомъ (экстра-орд. проф. И. Г. Троицкій) и Церковная археологія съ литургикой (экстра-орд. проф. Н. В. Покровскій). Наконецъ въ с.-петербургской академіи (въ одной только этой академіи), съ 80 годовъ, читается студентамъ I курса Исторія славянскихъ церквей (экстра-орд. проф. И. С. Пальмовъ).

Изъ этихъ наукъ древняя и новая гражданская исторія, русская гражд. исторія и исторія западныхъ исповѣданій не обязательна для всѣхъ студентовъ академіи; вмѣсто нихъ они могутъ слушать лекціи: а) русскаго и церковно-славянскаго языка и исторіи русской литературы и б) теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ.

Каждый профессоръ, читающій ту или другую историческую науку, имѣетъ двѣ лекціи въ недѣлю; но его слушаютъ одновременно студенты двухъ курсовъ (I и II, или II и III, или III и IV), такъ что студенты по каждой наукѣ, читаемой тѣмъ или другимъ профессоромъ, выслушиваютъ всего четыре лекціи втеченіе своего академическаго ученія. Профессоръ обыкновенно дѣлитъ свой курсъ на двѣ половины и въ одномъ году читаетъ одну половину курса, въ слѣдующемъ—другую (напр. профессоръ рус. церк. исторіи въ одномъ году читаетъ исторію восточно-русской церкви, въ другомъ—западно-русской).

Ученыя Общества.

27 февраля 1892 г. состоялось подъ августѣйшимъ предсѣдательствомъ Государя Императора годовое собраніе Императорскаго русскаго историческаго Общества, въ коемъ А. А. Половцевымъ былъ

прочитанъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1890 и 1891 г. Изъ этого отчета видно, что со дня послѣдняго общаго собранія Общества изданы были 73—81 томы и, кромѣ того, приступлено къ печатанію: проф. Трачевскимъ—82-го тома о сношеніяхъ съ Франціею послѣ 1804 г., проф. Сергѣевичемъ—83-го тома о екатерининской коммиссіи 1767 г., Н. Ѳ. Дубровинымъ—84-го тома бумагъ графа Киселева, сообщенныхъ гр. Д. А. Милютинымъ, 85-го тома дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ Крымомъ и Турціею. Томъ этотъ остановился въ печатаніи, вслѣдствіе смерти Г. Ѳ. Карпова. Нынѣ членъ Общества Д. Ѳ. Кобеко и профессоръ С.-Петербургскаго университета Смирновъ приняли на себя докончить начатый покойнымъ Г. Ѳ. Карповымъ трудъ. По окончаніи чтенія отчета, нѣкоторыми членами Общества были прочитаны изготовленные ими опыты біографій, а именно: К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ „о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ", статья, назначенная для біографическаго словаря; Я. К. Гротомъ „о заслугахъ для русскаго языка филолога, академика Александра Христофоровича Востокова"; Н. Ѳ. Дубровинымъ изъ жизнеописанія императора Николая I—два эпизода: „юность императора", а затѣмъ „распоряженія его относительно защиты Севастополя". Въ заключеніе Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было выразить, какъ сообщаетъ „Прав. Вѣстн.", желаніе объ избраніи въ почетные члены Общества его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича, президента Императорской академіи наукъ. Общее собраніе членовъ Общества съ отмѣннымъ сочувствіемъ приняло къ исполненію такое выраженіе воли Августѣйшаго своего Почетнаго Предсѣдателя. Затѣмъ, на основаніи §§ 29, 31 и 45 устава Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, приступлено было къ переизбранію должностныхъ лицъ Общества, окончившихъ сроки служенія, причемъ единогласно выбраны на новое трехлѣтіе: въ должность предсѣдателя—А. А. Половцовъ; вице-предсѣдателя—А. Ѳ. Бычковъ; секретаря—Г. Ѳ. Штендманъ; казначея—Е. М. Ѳеоктистовъ, и въ члены совѣта—В. И. Сергѣевичъ.

— Въ засѣданіи географическаго отдѣленія Общества любителей естествознанія (въ Москвѣ) 18 февраля 1892 г. было доложено сообщеніе проф. П. Г. Виноградова о книгѣ покойнаго Л. И. Мечникова „Цивилизація и историческія рѣки", вышедшей въ 1889 г. Мечниковъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ извѣстнаго Эл Реклю въ составленіи послѣднимъ его монументальной „Géograpl universelle". Знаменитый географъ въ личной бесѣдѣ съ рефере томъ высказалъ свое полное согласіе съ теоріей Мечникова, и э согласіе во взглядахъ отразилось, между прочимъ, въ послѣдни

томахъ его „Географіи". Основное положеніе Мечникова заключается въ томъ, что онъ главнымъ факторомъ, способствующимъ развитію культуры, считаетъ „географическую среду", въ которой живетъ и дѣйствуетъ данный народъ, и съ особенной силой обрушивается на тотъ „аристократизмъ" въ наукѣ, слѣдуя которому, приписываютъ созданіе европейской цивилизаціи превосходству духовныхъ свойствъ создавшихъ ее народовъ. Изъ географическихъ условій Мечниковъ выдѣляетъ въ своей книгѣ водныя, и въ частности—рѣки, въ которыхъ онъ видитъ однако не одни только удобные пути сообщенія, но и другіе, болѣе важные факторы культуры. Останавливаясь на древнѣйшихъ восточныхъ цивилизаціяхъ—египетской, ассиро-вавилонской, индійской и китайской, связанныхъ съ рѣками Ниломъ, Тигромъ и Евфратомъ, Индомъ и Гангомъ, Хоанъ-го и Янъ-тце-кіангомъ,— Мечниковъ высказываетъ мнѣніе, что рѣки эти вліяли на культурное развитіе поселявшихся по нимъ народовъ, главнымъ образомъ, своею разрушительною силою, выражающеюся въ наводненіяхъ и ихъ послѣдствіяхъ,—силою, которая вызывала на борьбу съ нею и обращеніе ея на пользу человѣку. Всѣ эти древнѣйшія цивилизаціи заявили себя прежде всего обширными коллективными работами по устройству плотинъ и проведенію отводящихъ и оросительныхъ каналовъ, для регулированія разливовъ рѣкъ и наилучшей утилизаціи ихъ въ цѣляхъ земледѣлія. Такія работы требовали коопераціи и могли быть осуществлены лишь при условіи политическаго единства и централизаціи власти, выразившейся въ образованіи деспотическихъ монархій. Такимъ образомъ, Мечниковъ видитъ источникъ деспотизма не столько въ военной централизаціи, сколько въ экономической. Впослѣдствіи рѣки утратили свое прежнее значеніе для развитія цивилизаціи, которая была перенесена на берега Средиземнаго моря, а затѣмъ—и на берега океана. За періодомъ рѣчныхъ цивилизацій послѣдовали періоды цивилизаціи Средиземнаго моря и наконецъ—всемірной, океанической. Отмѣчая односторонность теоріи Мечникова, референтъ призналъ все-таки ее заслуживающей вниманія, какъ проводящую одинъ принципъ чрезъ всю исторію человѣчества и подчеркивающую одинъ изъ важныхъ географическихъ факторовъ въ эволюціи культуры. Интересное сообщеніе г. Виноградова вызвало нѣсколько замѣчаній со стороны Д. Н. Анучина, П. Н. Милюкова и В. М. Михайловскаго.

— Одесское историко - филологическое общество: Въ засѣданіи 26 ноября 1891 г. проф. В. К. Надлеръ, занятый въ настоящее время окончаніемъ V-го тома своего сочиненія „Исторія Александра I", сдѣлалъ сообщеніе по вопросу: объ отношеніи Александра I ко второй бурбонской реставраціи. Проф. Надлеръ въ началѣ своего рефе-

рата указалъ на то обстоятельство, что Александръ I явился въ 1815 года, во время переговоровъ о второмъ парижскомъ мирѣ, покровителемъ Франціи, и что только благодаря его заступничеству, Франція была тогда спасена отъ участи Польши. Въ то время западно-европейскія государства, во главѣ съ сильной тогда Австріей, имѣли серьезное намѣреніе отрѣзать отъ Франціи территорію по восточной границѣ и весь Эльзасъ,—территорію съ населеніемъ въ 5 милліоновъ. Помимо того, нѣкоторые мечтали, пользуясь поддержкой самихъ французовъ, образовать изъ единой Франціи нѣсколько королевствъ. Г. Надлеръ остановился на разъясненіяхъ причинъ, которыя руководили тогда дѣйствіями русскаго Монарха и старался доказать, что попытки прежнихъ изслѣдователей этой исторической эпохи объяснить образъ дѣйствій Александра I его личными симпатіями или вліяніемъ на него другихъ, близкихъ ему лицъ не выдерживаютъ критики. По его мнѣнію, изъ несомнѣнныхъ и ближайшихъ источниковъ (документовъ) оказывается, что политика Александра I въ отношеніи къ Франціи опредѣлялась соображеніями чисто политическаго свойства, вѣрно и ясно понимаемыми интересами Россіи и европейскаго равновѣсія. Александръ I понималъ всю необходимость Франціи, какъ великой и независимой державы въ системѣ европейскихъ государствъ. Онъ справедливо опасался, что раздробленіе Франціи повлечетъ за собою усиленіе центральныхъ государствъ Европы и создастъ новую опасность какъ для равновѣсія Европы, такъ и для Россіи. Въ томъ же засѣданіи прочтена была статья с.-петерб. проф. Дестуниса: Матеріалы для византійскаго словаря, гдѣ авторъ указываетъ слѣды старинной земельной терминологіи въ современныхъ греческихъ провинціальныхъ говорахъ.

Въ засѣданіи 17 дек. 1891 г. А. В. Лонгиновъ сдѣлалъ сообщеніе „о значеніи Лысогорскаго и Тынецкаго монастырей въ судьбѣ греко-славянскаго обряда на побережьи Руси и Польши“. Затѣмъ экстраординарный профессоръ А. А. Павловскій сдѣлалъ сообщеніе „о значеніи раскопокъ Шлимана“. Указавъ на недостатки и слабыя стороны научной дѣятельности Шлимана, какъ археолога, между которыми существеннѣйшими являются отсутствіе научности, проявляющееся въ стремленіи къ смѣлымъ гипотезамъ и сопоставленіямъ и неточности въ передачѣ результатовъ раскопокъ, — референтъ нашелъ, что всѣ эти недостатки съ избыткомъ покрываются огромнымъ значеніемъ его находокъ. Эти находки открыли совершенно новую культурную эпоху въ Греціи, существованіе которой подозрѣвалось нѣкоторыми учеными, строившими болѣе или менѣе смѣлыя гипотезы о ея характерѣ, но эти гипотезы впервые получили солидную основу въ находкахъ Шли-

мана. Заканчивая свой рефератъ, г. Павловскій выразилъ сожалѣніе, что смерть похитила у археологіи Шлимана ранѣе, чѣмъ онъ исполнилъ задуманный планъ раскопокъ на Критѣ, такъ какъ эти раскопки, неоспоримо, должны были пролить свѣтъ на вопросъ о понятіяхъ этой культуры и о ея происхожденіи.

Въ засѣданіи 28 января 1892 года проф. Н. Ѳ. Красносельцевъ сдѣлалъ сообщеніе о „церковныхъ церемоніяхъ храма св. Софіи въ Константинополѣ". Предметъ доклада составляетъ уставъ церковныхъ службъ въ томъ видѣ, какъ послѣднія совершались въ означенномъ храмѣ въ IX вѣкѣ. Уставъ этотъ недавно найденъ на островѣ Патмосѣ, въ библіотекѣ тамошняго монастыря св. Іоанна Богослова. Сдѣлавъ общія заключенія о памятникѣ и особенно о его составѣ, отражающемъ въ себѣ процессъ происхожденія вообще церковныхъ уставовъ, референтъ остановился съ бóльшею подробностью на опредѣленіи времени происхожденія устава Великой церкви. Въ текстѣ этого устава нашлось нѣсколько весьма ясныхъ указаній на начало IX в., какъ время первой редакціи устава, и на конецъ того же вѣка, какъ время окончательной редакціи, съ чѣмъ согласуются и палеографическія данныя. Затѣмъ проф. Красносельцевъ сдѣлалъ краткій анализъ памятника по тремъ рубрикамъ: топографическій элементъ, историческій и спеціально-литургическій. Въ первой рубрикѣ собраны данныя, относящіяся къ храмамъ, въ которыхъ совершались богослуженія въ Константинополѣ въ IX в. Оказывается, что въ уставѣ содержатся указанія болѣе чѣмъ на 90 храмовъ, изъ коихъ нѣкоторые доселѣ не были извѣстны, или извѣстны подъ другими названіями. Оставивъ въ сторонѣ храмы извѣстные, докладчикъ сдѣлалъ свои замѣчанія о бывшихъ до сихъ поръ неизвѣстными. Въ рубрикѣ, касающейся историческаго элемента, проф. Красносельцевъ указалъ на праздники въ честь построенія города, построенія или обновленія церквей, избавленія отъ ужасовъ землетрясенія, отъ нашествія варваровъ и праздники въ память вселенскихъ соборовъ. Въ числѣ указаній на избавленіе отъ варваровъ нашлось одно, хотя и темное, указаніе на нашествіе руссовъ при Аскольдѣ и Дирѣ. Въ рубрикѣ литургической указано на факты, оправдывающіе особенности древнѣйшихъ обрядовъ литургіи, и на преобладаніе, такъ называемаго, „пѣсненнаго послѣдованія" въ ежедневномъ богослуженіи. Въ заключеніе докладчикъ сказалъ нѣсколько словъ о значеніи устава церковныхъ церемоній храма св. Софіи для объясненія придворныхъ церемоній, описанныхъ Константиномъ Багрянороднымъ.

— Въ Императорскомъ Одесскомъ обществѣ исторіи и древностей въ засѣданіи 17 декабря 1891 г. проф. В. А. Яковлевъ прочелъ сообщеніе о томъ, когда были заложены первыя церкви въ Одессѣ.

Опровергая утвержденія историковъ г. Одессы, что такая закладка была произведена 22 августа 1795 г., проф. Яковлевъ доказывалъ, что она совершилась въ ноябрѣ того же года.

Харьковское Историко-Филологическое Общество.

— Въ засѣданіи 10 окт. 1891 г. происходили выборы предсѣдателя и секретаря; избраны прежніе—проф. М. С. Дриновъ предсѣдателемъ, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ—секретаремъ. Въ томъ же засѣданіи М. М. Плохинскимъ сдѣлано было сообщеніе: „Мазепа, какъ великороссійскій помѣщикъ“ (по даннымъ семейнаго архива кн. Барятинскаго).

— Въ засѣданіи 16 января 1892 г. былъ прочитанъ обширный рефератъ проф. А. С. Лебедева „О вотчинномъ управленіи и бытѣ монастырей Курской и Бѣлгородской епархіи“ (по архивнымъ даннымъ). А. С. Лебедевъ представилъ любопытную характеристику монастырскаго хозяйства и управленія въ предѣлахъ Курской и отчасти Харьковской губерніи. Матеріаломъ для него послужили документы двухъ монастырскихъ архивовъ—Курскаго—Знаменскаго и Николаевскаго—Бѣлгородскаго. Они будутъ приложены къ изслѣдованію и напечатаны въ 4 томѣ „Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества“. Изъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ Обществомъ, отмѣтимъ два болѣе интересныя. Одно лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, предложило обществу свои рукописныя записки съ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ были вскрыты только черезъ 50 лѣтъ, а до тѣхъ поръ хранились въ наглухо запечатанномъ пакетѣ; общество приняло это предложеніе. Слѣдующій пятый томъ трудовъ общества будетъ заключать въ себѣ посмертное, еще не изданное сочиненіе покойнаго проф. А. А. Потебни—третью часть „Записокъ по русской грамматикѣ“; здѣсь же будетъ помѣщенъ его фототипическій портретъ. Выручка отъ продажи этого изданія пойдетъ въ фондъ для учрежденія преміи имени покойнаго за сочиненія изъ области его занятій. Для веденія дѣла общество изъ своей среды избрало коммиссію, на обязанности которой будетъ лежать приготовленіе къ изданію рукописи и веденіе корректуры; въ составъ коммиссіи вошли гг.: Дриновъ, Халанскій, Ляпуновъ и Овсяннико-Куликовскій.

— Въ засѣданіи 20 февраля 1892 г. Н. Ѳ. Сумцовъ сдѣлалъ обзоръ научной дѣятельности академика М. И. Сухомлинова. Л. Ю. Шепелевичъ прочелъ одну главу изъ своей работы о „Павловомъ видѣніи“, первая часть которой была напечатана въ прошломъ году. Референтъ говорилъ о празднованіи воскресенья въ первые вѣка христіанства. Далѣе онъ указалъ на памятники, въ которыхъ праздно-

ваніе воскреснаго дня примѣняется къ душамъ, осужденнымъ на вѣчныя муки, въ частности—на Павлово видѣніе. Въ заключеніе было сказано нѣсколько словъ объ отношеніи Данта къ этому вопросу. Д. И. Миллеръ предложилъ обществу свое сообщеніе „О Голштинскихъ наборахъ въ Малороссіи“. Въ царствованіе Петра III-го, извѣстнаго своею приверженностью ко всему голштинскому, производились между прочимъ наборы вольныхъ людей въ голштинскій отрядъ и въ Малороссіи. Референтъ извлекъ изъ архива Малороссійской коллегіи документальныя данныя объ этихъ „вербункахъ“ и составилъ на основаніи ихъ яркую историческую картинку; рельефными чертами очерчено было возбужденіе, поднятое среди тогдашнихъ канцеляристовъ и „панычей“ призывами вербовщиковъ, и указаны причины его; охарактеризованъ былъ и наборъ „великорослыхъ“, отличавшійся отъ перваго своимъ демократическимъ характеромъ; указана роль мѣстной администраціи въ этомъ дѣлѣ; затѣмъ изложенъ и эпилогъ этого печальнаго для малороссійскихъ „голштинцевъ“ предпріятія; со смертью Петра III-го обстоятельства круто измѣнились и „малороссійцы“ должны были вернуться ни съ чѣмъ въ „батьковскія хаты“. Наконецъ, было прочитано сообщеніе отсутствующаго члена общества П. В. Иванова: „О путяхъ Игоря Сѣверскаго въ землю Половецкую въ 1185 году“. Авторъ, вопреки принятымъ въ послѣднее время мнѣніямъ гг. Аристова и Голубовскаго, предполагаетъ, что Игорь не далеко зашелъ вглубь Половецкой земли—потерпѣлъ пораженіе отъ Половцевъ не въ Екатеринославскихъ степяхъ, а въ нынѣшней Курской губ. Опровергая соображенія Аристова и Голубовскаго, г. Ивановъ старался собрать и положительныя доказательства въ пользу своего мнѣнія (изъ лѣтописей, данныхъ топографической номенклатуры). Общій выводъ сдѣланъ осторожно и не претендуетъ на непогрѣшимую достовѣрность.

Въ засѣданіи 12 марта 1892 г. было сдѣлано два сообщенія: Е. П. Радакова прочла рефератъ „О походахъ козаковъ на работы къ Ладожскому каналу“ и г. Харціевъ „О бумагахъ покойнаго проф. А. А. Потебни“. Г-жа Радакова воспользовалась всѣми печатными первоисточниками по взятому ею вопросу и дополнила ихъ архивными данными. Документальными данными она провѣрила подозрительныя въ глазахъ ученаго міра свидѣтельства „Исторіи Руссовъ“ и Орлика и возстановила подлинный характеръ этого событія со всею его бытовою обстановкою. Изложеніе своего частнаго спеціальнаго вопроса г-жа Радакова поставила въ связь съ общимъ ходомъ русской исторіи, съ характеромъ мѣропріятій и реформъ Петра Великаго. Въ томъ же засѣданіи проф. Д. И. Багалѣемъ былъ сдѣланъ докладъ относительно принадлежащаго обществу историческаго архива. Указавъ на огромное количество цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи документовъ, состав-

ляющихъ нынѣ собственность общества и университета, докладчикъ высказалъ пожеланіе, чтобы Архивъ былъ введенъ въ штатъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета. Но прежде, чѣмъ это будетъ сдѣлано, необходимо теперь же ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о дарованіи правъ государственной службы архиваріусу, который теперь служитъ по найму и не несетъ никакой отвѣтственности ни за цѣлость документовъ, ни за точность выдаваемыхъ имъ выписей разнымъ частнымъ лицамъ. Необходимо также, чтобы правленіе университета назначило въ архивъ особаго служителя въ помощь архиваріусу. Въ заключеніе этихъ двухъ прямыхъ ходатайствъ докладчикъ выразилъ желаніе, чтобы и изъ университетскаго архива была выдѣлена извѣстная часть старыхъ дѣлъ (за первые 60 лѣтъ существованія университета) для научной разборки и пользованія. Это особенно необходимо въ виду приближающагося столѣтняго юбилея Харьковскаго университета; составленіе коллективнымъ образомъ Біографическаго Словаря профессоровъ Харьковскаго университета (по образцу Кіевскаго) возможно будетъ только при томъ условіи, если старыя дѣла, имѣющія теперь только историческій интересъ, сдѣлаются доступными для научныхъ изслѣдованій, если они, въ качествѣ особаго отдѣленія, будутъ возсоединены съ Историческимъ архивомъ Историко-филологическаго общества.

Засѣданія исторической секціи учебнаго отдѣла Моск. Общества распространенія технич. знаній.

Засѣданіе 18 ноября. В. А. Фуксъ прочиталъ докладъ *о недостаткахъ въ направленіи работъ секціи и желательныхъ измѣненіяхъ въ немъ.* До сихъ поръ на первомъ планѣ стояло составленіе учебника. Задержка въ соотвѣтствующихъ докладахъ, несвязность наличныхъ рефератовъ даетъ основаніе указать на тѣ затрудненія, которыя сопряжены съ разрѣшеніемъ вышеупомянутой задачи коллективной работой. По мнѣнію референта, коллективная работа въ высшей степени плодотворна въ составленіи программы и хрестоматіи. Настоятельно приглашая обратиться къ этому дѣлу, референтъ предлагалъ дѣйствовать систематически и подвигаться въ хронологическомъ порядкѣ. Лишь послѣ разработки подробной программы можно приступать къ учебнику, при составленіи котораго желательно не дробленіе, а напротивъ, сосредоточеніе работы въ немногихъ рукахъ.

В. Н. Беркутъ, приступая къ изложенію *программы эпохи гражданскихъ войнъ въ Римѣ,* остановился на вопросѣ объ учебникѣ по древней исторіи. По новымъ программамъ курсъ древней исторіи

долженъ быть пройденъ дважды, въ IV и VIII классѣ классической гимназіи. Второй курсъ названъ повторительнымъ, что, по мнѣнію референта, неправильно, такъ какъ лишь въ старшемъ классѣ ученики могутъ быть введены въ пониманіе явленій античнаго міра. Въ курсѣ IV класса матеріалъ долженъ быть значительно ограниченъ и переработанъ соотвѣтственно умственному уровню мальчиковъ 14—15 л. Въ виду этого референтъ предлагалъ принять систему двухъ учебниковъ по древней исторіи и находилъ нужнымъ начать съ составленія учебника для VIII класса.

Собраніе высказалось за первое предложеніе референта единогласно, за второе—большинствомъ голосовъ.

Засѣданіе 2 декабря. Засѣданіе началось съ обсужденія доклада В. А. Фукса.

Резюмированныя еще разъ предложенія референта были дополнены слѣдующимъ образомъ: совмѣстное обсужденіе программы становится текущей работой коммиссіи, но для того, чтобы не останавливать работы по составленію учебника, текущая работа уступаетъ мѣсто сообщеніямъ по учебнику и ведется въ свободное отъ такихъ сообщеній время.

Противники предложеній В. А. Фукса (А. Н. Поливановъ, В. Н. Беркутъ, М. К. Любавскій) настаивали на возможности коллективнаго составленія учебника и находили, что при новомъ направленіи работы будетъ парализовано составленіе учебника. Съ другой стороны, они находили, что при разработкѣ программы въ хронологическомъ порядкѣ нельзя разсчитывать на своевременное участіе спеціалистовъ.

Защитники предложеній В. А. Фукса (О. П. Герасимовъ, Р. Ю. Випперъ, В. Е. Гіацинтовъ, В. Н. Сторожевъ) находили, что обѣ работы, по составленію систематической программы и по учебнику, могутъ идти самостоятельно. При обсужденіи программы самое важное— не спеціальныя знанія, а классный опытъ; спеціалисты окажутъ тѣ же услуги при разработкѣ систематической программы, что и въ работахъ на темы, случайно выдвигавшіяся. При новомъ направленіи станетъ болѣе возможнымъ и болѣе обязательнымъ участіе всѣхъ членовъ, посѣщающихъ собранія.

Предложенія В. А. Фукса въ дополненной формѣ были приняты большинствомъ 10 голосовъ противъ 2.

В. Н. Беркутъ, продолжая чтеніе доклада, начатаго въ предшествующемъ засѣданіи, перешелъ къ изложенію руководящихъ точекъ зрѣнія въ характеристикѣ эпохи гражданскихъ войнъ въ Римѣ. Основной принципъ въ составленіи систематическаго курса исторіи состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего выяснить, что далъ извѣстный періодъ для всемірной исторіи. Первый вѣкъ до Р. Х. въ римской

исторіи является временемъ заготовки того матеріала, съ которымъ выступила имперія въ своей работѣ: 1) романизаціи, 2) борьбы съ варварами. Матеріалъ этотъ составляютъ: 1) громадный запасъ провинцій, 2) извѣстная форма власти и управленія, 3) культурное богатство эллино-римскаго міра. Какъ исторія пріобрѣтенія провинцій, такъ и исторія усвоенія римлянами эллинской культуры составляютъ существенное содержаніе характеристики предшествующаго періода. При изложеніи разбираемой эпохи главное вниманіе должно быть сосредоточено на внутреннихъ событіяхъ, на политико-соціальной исторіи.

Засѣданіе 16 декабря. В. А. Фуксъ доложилъ *общую программу исторіи Востока.* Референтъ находилъ желательнымъ двукратное прохожденіе курса исторіи Востока: въ IV классѣ—на основаніи разсказовъ Геродота, въ VIII—на основаніи открытій и выводовъ современной науки. Останавливаясь на программѣ втораго курса, референтъ выставилъ слѣдующія общія положенія: 1) изъ курса должны быть выключены легенды, не подтверждаемыя новѣйшими изслѣдованіями; 2) исторія Востока должна быть излагаема преимущественно съ культурной стороны; 3) должно быть обращено особое вниманіе на географическія условія мѣстности, вліяніемъ которыхъ объясняются особенности быта; 4) полезны иллюстраціи въ видѣ картинъ, атласовъ и т. п.; 5) число хронологическихъ данныхъ должно быть ограничено; 6) изложеніе исторіи Востока должно быть по возможности сжато.

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ преніяхъ А. Н. Поливановъ выдвинулъ необходимость ознакомленія съ легендами въ виду того, что онѣ служатъ сюжетами для произведеній искусства и литературы, но предлагалъ перенести изложеніе ихъ въ уроки русскаго языка. Р. Ю. Випперъ находилъ, что и въ IV классѣ не слѣдуетъ давать фактовъ, опровергнутыхъ наукой; курсъ исторіи Востока въ VIII классѣ, по необходимости повторительный, слѣдуетъ признать излишнимъ. Въ курсъ исторіи Востока необходимо ввести исторію Индіи (1 урокъ), такъ какъ 1) на ней лучше всего объяснить кастическій строй, 2) необходимо дать понятіе о буддизмѣ.

По окончаніи преній Р. Ю. Випперъ представилъ, какъ образчикъ небольшой статьи для хрестоматіи, *картинку изъ Раблэ* (Аббатство Телема) въ видѣ иллюстраціи идеаловъ эпохи Возрожденія.

1892 годъ. Засѣданіе 13 января. О. П. Герасимовъ доложил *программу исторіи Греціи отъ древнѣйшихъ временъ до греко-персидскихъ войнъ.* Референтъ началъ съ указанія на затрудненія при изученіи курса греческой исторіи за отмѣченный періодъ: 1) трудно добиться представленія объ общемъ развитіи Греціи благодаря тому, что вниманіе учениковъ сосредоточено на Спартѣ и Аѳинахъ, 2) труд

установить связь и преемственность между періодомъ героическимъ и слѣдующимъ за нимъ, 3) затруднительно вплетеніе въ общую канву культурныхъ фактовъ.

Программа была разобрана референтомъ по слѣдующимъ рубрикамъ:

1) Происхожденіе грековъ (связь съ другими арійскими народами, дѣленіе на племена).

2) Географическій обзоръ Греціи (физическія свойства, названія областей, сношенія съ культурными народами, легенды о переселенцахъ, результаты раскопокъ.

3) Передвиженіе племенъ и начало колонизаціи Востока.

4) Религія грековъ (почитаніе мертвыхъ и родовой бытъ, олимпійскіе боги, Дельфійскій оракулъ, сказанія о герояхъ, Гомеръ).

5) Характеристика политическаго и соціальнаго строя по Гомеру.

6) Спарта (соціальный строй въ связи съ завоеваніемъ, политическій строй по ретрѣ Ликурга, воспитаніе спартанцевъ, дополненіе къ ретрѣ, эфоратъ, гегемонія Спарты, олимпійскія игры, колонизація Запада).

7) Аѳины (характеръ аристократіи въ сравненіи со спартанской, установленіе господства аристократіи, реформы Дракона и Солона по новымъ даннымъ трактата Аристотеля, тираннія, какъ общее явленіе греческой жизни извѣстнаго періода, реформа Клисѳена).

Референтъ имѣлъ въ виду не курсъ опредѣленнаго класса, а указаніе общей суммы фактовъ, которую долженъ вынести ученикъ изъ среднеучебнаго заведенія. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ преніяхъ первые два оппонента возражали, стоя на той же точкѣ зрѣнія.

Проф. П. Г. Виноградовъ, коснувшись затрудненій, отмѣченныхъ референтомъ, находилъ первое неустранимымъ за недостаткомъ данныхъ по исторіи другихъ греческихъ государствъ, кромѣ Спарты и Аѳинъ. Общія характеристики должны быть даны на отдѣльныхъ моментахъ исторіи этихъ государствъ. Пріемъ обращенія референта съ легендами устраняетъ второе затрудненіе. Что касается третьяго, то культурные факты могутъ быть размѣщены въ двухъ отдѣлахъ: 1) въ главѣ о религіи, при характеристикѣ боговъ и 2) въ главѣ о Пизистратѣ (культъ Діониса, мистеріи, начало трагедіи); умственное движеніе въ колоніяхъ слѣдуетъ отмѣтить отдѣльно. Далѣе оппонентъ находилъ, что географическое обозрѣніе должно предшествовать этнографическому. Изложеніе легенды о Ликургѣ, какъ историческаго факта, недопустимо въ учебникѣ. Провести въ курсѣ постепенное развитіе строя Спарты затруднительно; характеристику воспитанія и общественныхъ нравовъ впрочемъ слѣдуетъ отнести къ концу періода и связать съ позднѣйшимъ строемъ. Въ главу объ Аѳинахъ важно

ввести новыя данныя изъ трактата Аристотеля (напр. постепенное развитіе архонтата) черты Драконовской и Солоновской реформы въ учебномъ изложеніи придется слить; начало тимократіи отнести къ Дракону; ареопагъ представить какъ аѳинскую герусію до Солона. Желательно болѣе подробное изображеніе эпохи Пизистрата, особенно со стороны демократизаціи Аѳинъ, облегчившей реформу Клисѳена (улучшеніе экономическаго быта крестьянъ при помощи государственнаго кредита).

П. Н. Милюковъ находилъ возможнымъ изображать спартанскій строй систематически, родовую схему отнести къ Аѳинамъ, культурную исторію Греціи цѣликомъ отнести къ V вѣку.

Р. Ю. Випперъ указалъ на необходимость раздѣльнаго обсужденія программы IV и VIII классовъ.

Засѣданіе 27 января. Собраніе продолжало обсужденіе доклада *О. П. Герасимова*. Согласно предложенію, сдѣланному въ предшествующемъ засѣданіи, былъ выдѣленъ курсъ IV класса и только этотъ курсъ имѣлся въ виду въ преніяхъ.

Р. Ю. Випперъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія: 1) въ географическомъ обзорѣ слѣдуетъ давать лишь физическое описаніе, политическія названія вводить по мѣрѣ изученія исторіи, 2) названія трехъ племенъ (устраняя ахеянъ) пріурочить къ разсказу о передвиженіи и колонизаціи и дать сразу общую картину разселенія грековъ по колоніямъ, 3) съ характеристикой Спарты связать указаніе на общія черты аристократіи, ея идеалы, занятія, забавы (культъ Аполлона, идея государства), 4) въ главу объ Аѳинахъ помѣстить вставку о развитіи колоній, матеріальномъ, политическомъ и умственномъ, какъ введеніе въ исторію переворотовъ въ Греціи, 5) Драконово законодательство устранить, 6) Клисѳенову реформу филъ объяснить въ общихъ чертахъ.

О. П. Герасимовъ не согласился съ оппонентомъ по 2 и 4 пункту. Въ изображеніи колонизаціи лучше держаться исторической связи и послѣдовательности (колонизація Запада въ связи съ мессенскими войнами); въ заключеніе можно дать общій обзоръ колоній для перехода къ эпохѣ грекоперсидскихъ войнъ. Вставка о развитіи колоній въ главѣ объ Аѳинахъ неудобно разрѣжетъ этотъ отдѣлъ.

Въ собраніи обнаружилось разногласіе, по пунктамъ 2, 4 и 6 (выясненіе реформы Клисѳена иные находили труднымъ для IV класса).

О. П. Герасимовъ предложилъ собранію отложить окончательное рѣшеніе по спорнымъ вопросамъ до представленія имъ исправленной и дополненной согласно съ нѣкоторыми возраженіями программы. Предложеніе это было принято собраніемъ. (Сообщено Р. Ю. Випперомъ).

Дополняемъ этотъ отчетъ выдержкой изъ статьи „Рус. Вѣд." (№ 46) о годичномъ засѣданіи учебнаго отдѣла О. Р. Т. З., бывшемъ

8 февраля. Послѣ чтенія отчета и небольшаго перерыва Е. Н. Щепкинъ прочиталъ сообщеніе: „*Преподаваніе исторіи въ Англіи въ связи съ среднимъ образованіемъ вообще*". Въ прошломъ году кружокъ московскихъ преподавателей исторіи задался мыслью ознакомить московскихъ педагоговъ съ постановкою преподаванія исторіи въ европейскихъ школахъ. Въ основаніе сообщеній предполагалось брать исключительно оффиціальныя программы и въ крайнемъ случаѣ объяснительныя къ нимъ записки. Но при этомъ обнаружился слѣдующій чрезвычайно любопытный фактъ. Оказалось, что программа всегда оттѣсняется на задній планъ учебниками, и преподаваніе каждаго даннаго предмета такимъ образомъ всецѣло находится, такъ-сказать, въ рукахъ составителя распространеннаго руководства, такъ какъ рѣдкій учитель позволяетъ себѣ отступать отъ послѣдняго. У насъ преподаваніемъ исторіи всегда руководили Кайдановъ, Смарагдовъ, Иловайскій. Но учебникъ все-таки придерживается болѣе или менѣе программы. Въ Англіи же никакихъ программъ не оказалось. Докладчикъ сдѣлалъ затѣмъ подробный историческій очеркъ развитія англійской школы, вполнѣ выяснившій причины того разнообразія программъ и пріемовъ, какое замѣтно въ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Большинство англійскихъ школъ возникло путемъ частной благотворительности или по инидіативѣ отдѣльныхъ педагоговъ, и только часть ихъ имѣетъ оффиціальное происхожденіе. Поэтому преподаваніе въ школахъ регулируется почти исключительно желаніями частныхъ лицъ. Только въ послѣднее время въ оффиціальныхъ сферахъ проявилось стремленіе объединить преподаваніе. Въ основаніе своего дальнѣйшаго сообщенія о преподаваніи исторіи референтъ взялъ докладъ, сдѣланный Мальтономъ въ „коллегіи наставниковъ", полагая, что эта авторитетная коллегія выражаетъ взгляды большинства англійскихъ педагоговъ. Вкратцѣ выводы англійскаго педагога сводятся къ слѣдующему. Преподаваніе исторіи должно имѣть цѣлью развить въ ученикахъ любовь къ человѣчеству, строившему исторію. Существующій способъ постепеннаго подготовленія всѣхъ школьниковъ къ серьезнымъ занятіямъ исторіей долженъ считаться неудовлетворяющимъ цѣли, такъ только незначительная часть ихъ дѣлаются завзятыми историками. Среди учениковъ должны получить широкое распространеніе живые историческіе разсказы, хотя бы и нѣсколько искажающіе дѣйствительность поэтическими вымыслами (Вальтеръ-Скоттъ, хроники Шекспира). Въ преподаваніи не должна имѣть мѣсто узкая политическая партійность [1]).

[1]) Рефератъ Е. Н. Щепкина будетъ напечатанъ въ V томѣ „Историч. Обозрѣнія".

Историческій кружокъ студентовъ Дерптскаго университета.

Въ началѣ 1890 года среди нѣсколькихъ студентовъ Дерптскаго университета, избравшихъ спеціальностію циклъ историческихъ наукъ, явилась мысль объ образованіи историческаго кружка. Иниціаторами были: Н. Бушъ, А. ф.-Гернетъ и П. Рорбахъ. При дѣятельномъ участіи профессоровъ Гаусмана и Брикнера, они выработали уставъ кружка, получившій въ мартѣ того же 1890 года утвержденіе университетскаго начальства. Уставъ этотъ состоитъ изъ 34 параграфовъ. Извлекаемъ изъ него наиболѣе существенныя положенія.

Кружокъ (Historischer Verein) ставитъ своею задачею объединеніе дерптскихъ студентовъ историковъ на почвѣ серьезнаго научнаго общенія, преслѣдуя общее образованіе и въ то же время отнюдь не исключая ни одного изъ развѣтвленій исторической науки. Цѣль кружка осуществляется посредствомъ: а) литературныхъ рефератовъ, б) чтенія источниковъ, в) докладовъ самостоятельныхъ монографій и г) бесѣдъ. *Рефераты* должны систематически слѣдить за всѣмъ выдающимся въ современной исторической литературѣ; но, по мѣрѣ надобности, обсуждаются и ранѣе опубликованныя произведенія. Признано желательнымъ аккуратно слѣдить за дѣятельностью ученыхъ обществъ, и во всякомъ случаѣ обязательно знакомить съ ходомъ работъ „Общества древней германской исторіи", „Мюнхенской коммиссіи" и „Рижскаго общества исторіи и древностей". *Чтеніе* имѣетъ въ виду главнымъ образомъ ознакомить слушателей путемъ избранныхъ отрывковъ съ характерными чертами историческаго памятника (или крупнаго историческаго писателя) и его значеніемъ въ наукѣ. Предварительно таковаго чтенія даются объясненія въ размѣрѣ, необходимомъ для того, чтобы лучше оріентироваться въ данномъ произведеніи. *Докладомъ* можетъ служить любая тема, получившая одобреніе Кружка. Вопросъ о принятіи темы или недопущеніи ея рѣшается въ собраніи простымъ большинствомъ голосовъ. Основныя положенія доклада должны быть изложены въ формѣ тезисовъ. Подъ *бесѣдою* понимаются: а) пренія о тезисахъ, б) разъясненія предложенныхъ вопросовъ и в) вообще всякій устный обмѣнъ мыслей о вопросахъ и предметахъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ исторіей.

Кружокъ избираетъ научную коммиссію изъ четырехъ сочленовъ спеціалистовъ по исторіи средневѣковой, новой, русской и мѣстн балтійской. Эта коммиссія вырабатываетъ программу того, что долж быть реферировано, слѣдитъ за текущей литературою, намѣчает какой памятникъ или писатель могъ бы служить темою для чтен указываетъ наиболѣе подходящіе изъ нихъ отрывки и т. п.

Членомъ Кружка можетъ быть всякій студентъ Дерптскаго университета. Кружокъ избираетъ предсѣдателя и вице-предсѣдателя. Первый руководитъ дѣятельностью Кружка, вообще является его оффиціальнымъ представителемъ, а во время засѣданій руководитъ преніями. На вице-предсѣдателѣ лежитъ обязанность вести протоколы засѣданій, завѣдывать кассою и библіотекою, а также замѣнять предсѣдателя въ его отсутствіе.

Засѣданія въ періодъ учебныхъ мѣсяцевъ происходятъ обыкновенно черезъ каждые 14 дней. На всякій докладъ удѣляется не болѣе ³/₄ часа. Въ случаѣ самостоятельныхъ монографій референтъ обязанъ на предыдущемъ засѣданіи сообшить источники и пособія, какими онъ пользовался. Уставъ дозволяетъ вводить постороннихъ гостей-посѣтителей, но лишь при полномъ согласіи на то всѣхъ членовъ Кружка. О каждомъ засѣданіи съ указаніемъ его программы профессора историческихъ каѳедръ Дерптскаго университета оповѣщаются особо. За два года существованія въ Историческомъ Кружкѣ перебывало 24 члена. Уже въ силу основныхъ условій составъ его постоянно долженъ обновляться. Первымъ предсѣдателемъ былъ студентъ А. ф. Гернетъ; съ сентября 1890 г. таковымъ состоитъ студентъ Н. Бушъ при вице-предсѣдателѣ А. ф. Геденштрёмѣ. Къ сказанному остается добавить, что всѣ рефераты, обсужденія ихъ, протоколы и пр. ведутся на языкѣ нѣмецкомъ.

Вотъ перечень докладовъ, рефератовъ и чтеній бывшихъ въ Кружкѣ съ 13 марта 1890 г. (перваго засѣданія) по апрѣль 1892 г.

1. Развитіе папства (реферировалъ Рорбахъ).— 2. Норманнскій вопросъ (реф. Драгендорфъ).— 3. Литература балтійской исторіи за послѣднія 25 лѣтъ (Гернетъ).—4. Генрихъ Латышъ и чтеніе избранныхъ мѣстъ изъ его хроники (Фере).—5. Архивъ князя Воронцова, (Геденштрёмъ).—6. Вопросъ о Валленштейнѣ (Гиргензонъ).—7. По вопросу о философіи исторіи (Рорбахъ).—8. „Mittheilungen aus der Gesch. Livlands. XIII, 3“ (Фейерэйзенъ).—9. Такъ назыв. Фредегарій и изданіе его въ Monumenta Germaniae (Вальтеръ).—10. Баронъ фонъ-Штейнъ и чтеніе изъ его автобіографіи (Рорбахъ).—11. О могильныхъ находкахъ въ приходѣ Тирсенъ, Лифл. губ. (Рорбахъ).—12. Висби и его развалины (Геденштрёмъ).—13. Некрологи въ Monumenta Germaniae (Вальтеръ). — 14. Картографія Балтійскаго края (Гернетъ). — 15. „Сборникъ русскаго историческаго общества“ (Грейфенгагенъ).—16. „Hansarecesse“ (Фейерэйзенъ)—17. „Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber“ Ранке и чтеніе избранныхъ мѣстъ изъ этого сочиненія (Бушъ).—18. Рѣчи Слейдана по поводу избранія Карла V и Sabinus. Elec. Karoli V.—19. Мемуары г-жи Роланъ (Брейтцеръ).—20. Разборъ соч. Шмидта: „Freiherr v. Stein“ (Геден-

штрёмъ).— 21. Очеркъ развитія Ганзы (Радозерскій).—22. Орденъ св. Гроба Господня (Вальтеръ).—23. Изъ исторической литературы Балтійскаго края (Бушъ).—24. Взглядъ Нитча на развитіе Германіи (Вальтеръ).—25. Чтеніе изъ „Hermann Hildebrand" Копмана.—26. Мнѣнія Ранке объ исторіи Лифляндіи (Фейерэйзенъ).—27. Neues Archiv, XVI, 1 (Грейфенгагенъ).—28. Хроника Бодекера и чтеніе изъ нея отрывковъ (Бушъ).—29. Дѣятельность историческихъ обществъ въ Остзейскихъ губерніяхъ (Гландштремъ).—30. Разборъ „Papstfabeln im Mittelalter, Деллингера (Зихтенштейнъ).—31. Діалогъ Ульриха ф. Гуттена: „Inspicientes" (Нейманнъ).—32. С. М. Соловьевъ (Гиргензонъ).—33. Чтеніе изъ соч. Дройзена: „Studien zur balt. Geschichte" (Бушъ).—34. С.-Пуфендорфъ и чтеніе выдающихся отрывковъ изъ его историч. трудовъ (Гернетъ).—35. Три утопическихъ государства: Платона, Т. Мора и Кампанеллы (Геденштрёмъ).—36. Титмаръ Мерзебургскій (Грейфенгагенъ).—37. Чтеніе отрывковъ изъ хроники Титмара (Бушъ).—38. Александрійскій патріархатъ (Рорбахъ).—39. Замѣтка по поводу хроники Титмара (Нейманнъ).—40. „Descriptio insularum aquilonis", Адама Бременскаго (Драгендорфъ).—41. Эккегардтъ ф. Аура (Бушъ).—42. Чтеніе изъ его хроники (Вальтеръ).—43. Возстаніе Ливовъ и Латышей въ 1212 г. (Зихтенштейнъ).—44. Разборъ книги Гарнака: „Das Kurfürstencollegium" (Гиргензонъ).—45. Фр. ф. Бунге и В. Грейфенгагенъ (Грейфенгагенъ).—46. Чтеніе изъ „De schismate Hildebrandi (Геденштрёмъ).—47. Хожденіе въ Іерусалимъ Даніила Паломника (Нейманнъ).—48. Григорій Турскій и чтеніе отдѣльныхъ мѣстъ его хроники (Зихтенштейнъ).—49. Рига и Ревель въ книгѣ Гегеля „Städte und Gilden" (Бушъ).—50. Историкъ Дерптскаго университета (Вальтеръ).—51. Limes romanus (Нейманнъ).—52. Дерптскіе историки (Вальтеръ).—53. Разборъ книги Неймана: Alt-Riga" (Бушъ).—54. Изъ исторической литературы Балтійскаго края (Фейерэйзенъ).

— *Премія Г. Ѳ. Карпова за изслѣдованія по русской исторіи*. При Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, состоящемъ при Московскомъ университетѣ, учреждена ежегодная премія въ 500 руб. имени доктора русской исторіи, Геннадія Ѳедоровича Карпова, за изслѣдованія по русской исторіи, на счетъ % съ пожертвованнаго для этой цѣли капитала. Срокъ представленія сочиненій на эту премію назначается 1-го ноября сего 1892 года. О присужденіи преміи объявлено будетъ 24-го апрѣля 1893 г.

Правила о порядкѣ присужденія преміи, утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія, слѣдующія:

§ 1. Къ соисканію преміи имени Геннадія Ѳедоровича Карпова

допускаются всѣ самостоятельныя изслѣдованія по русской исторіи, основанныя на первоисточникахъ.

§ 2. Въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи.

§ 3. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и члены Общества.

§ 4. Срокомъ доставленія сочиненій на соисканіе преміи полагается 1-е ноября предшествующаго конкурсному года.

§ 5. Сочиненія доставляются на имя Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ или же на имя его секретаря.

§ 6. На конкурсъ допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ языкѣ. Авторамъ ихъ предоставляется на волю выставлять на нихъ свое имя или же скрывать его подъ девизомъ, помѣщеннымъ въ особомъ, приложенномъ къ рукописи, конвертѣ, равно какъ и на самой рукописи.

§ 7. Въ случаѣ присужденія преміи за сочиненіе, представленное въ рукописи, премія выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи его сочиненія.

§ 8. Сочиненія, уже удостоенныя преміи какимъ-либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи имени Геннадія Ѳедоровича Карпова не допускаются.

§ 9. Премія выдается въ количествѣ 500 руб. и ни въ какомъ случаѣ не дробится.

§ 10. Право на полученіе ея принадлежитъ только авторамъ и ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

§ 11. Въ началѣ ноября мѣсяца года, предшествующаго конкурсному, Общество избираетъ изъ среды себя особую коммиссію, въ составѣ 5 членовъ, по присужденію означенной преміи.

§ 12. Члены этой коммиссіи не могутъ участвовать въ конкурсѣ.

§ 13. Коммиссія для каждаго сочиненія избираетъ особаго рецензента или изъ своей среды, или изъ членовъ Общества, а въ случаѣ надобности приглашаетъ къ разсмотрѣнію сочиненій и постороннихъ ученыхъ.

§ 14. Рецензентамъ, не входящимъ въ составъ коммиссіи, послѣдняя можетъ присуждать золотыя медали.

§ 15. Письменныя рецензіи на конкурсныя сочиненія должны быть доставлены не позже 1-го апрѣля конкурснаго года.

§ 16. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ коммиссія имѣетъ сужденіе о присужденіи преміи. Постановленіе ея объявляется въ чрезвычайномъ засѣ-

даніи Общества, 24-го апрѣля, въ день кончины Геннадія Θеодоровича Карпова.

§ 17. Въ случаѣ неприсужденія въ какомъ-либо году премін, она присоединяется къ основному капиталу, изъ процентовъ съ котораго она составляется.

§ 18. Проценты, получаемые съ капитала, сверхъ 500 р., употребляются на вознагражденіе рецензентовъ золотыми медалями.

§ 19. О результатахъ каждаго присужденія Общество печатаетъ подробный отчетъ, съ приложеніемъ рецензіи увѣнчаннаго преміею сочиненія.

— *Харьковскій историческій архивъ съ 1 окт. 1890 г. по 1 окт. 1891 г.* Архивъ находится въ вѣдѣніи Историко-филологическаго Общества. Архиваріусомъ состоитъ кандидатъ историческихъ наукъ М. Плохинскій, завѣдующимъ — проф. Д. Багалѣй. Въ истекшемъ году занесено въ каталогъ 2445 номеровъ новыхъ дѣлъ. Поступили въ архивъ слѣдующіе документы отъ разныхъ лицъ и учрежденій: 1) дѣла 5-го харьковскаго украинскаго военнаго поселенія; 2) дѣло о переселеніи малороссіянъ въ 1785 году на Царицынскую линію и Кавказъ; 3) о возмущеніи подданныхъ Базилевскаго и нѣкоторыхъ др. Организованъ при архивѣ новый отдѣлъ—писемъ и бумагъ университетскихъ дѣятелей; сюда поступили документы покойныхъ профессоровъ Харьковскаго университета М. Н. Петрова и И. В. Платонова. Въ справочной библіотекѣ, учрежденной для занимающихся въ архивѣ и членовъ Общества, числится въ настоящее время 439 томовъ разныхъ книгъ и брошюръ; каталогъ библіотеки отпечатанъ. Съ цѣлью научной разработки архивнаго матеріала архивъ посѣщали слѣдующія лица: П. П. Короленко, работающій надъ исторіей запорожскихъ козаковъ, проф. Д. И. Багалѣй, извлекавшій матеріалы для исторіи магдебургскаго права въ Малороссіи, Д. П. Миллеръ, занимавшійся изслѣдованіемъ вопросовъ о шелководствѣ и голштинской службѣ въ Малороссіи, Ел. П. Радакова, собирающая данныя о натуральныхъ повинностяхъ козаковъ, А. А. Русовъ, извлекавшій акты, касающіеся Густынскаго монастыря, о. Ник. Лащенко, интересовавшійся бумагами Платонова и нѣкоторыми другими. Нѣкоторыя лица обращались за справками о своихъ фамильныхъ документахъ. Библіотекой пользовались работавшіе въ архивѣ, члены Общества, посторонніе ученые и студенты по рекомендаціи членовъ Общества.

Новыя книги, доставленныя въ библіотеку Историческаго Общества.

1. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга восьмая. Москва 1891 (VIII+92+177+459+XI стр.). Ц. 3 р. 50 к. *I-й отдѣлъ* книги посвященъ обзору ученыхъ занятій, совершенныхъ посторонними лицами и вѣдомствами на основаніи документовъ Архива. *II-й отдѣлъ* содержитъ въ себѣ: 1) окончаніе статьи Н. Н. Ардашева: „Книги записныя приговорамъ бывшаго Вотчиннаго архива"; 2) „Каменный приказъ и его дѣла (1775—1783 гг.)",—ст. В. В. Шереметевскаго, и 3) Письма современниковъ къ бояр. Ив. А. Мусину-Пушкину (1704—11 г.) съ предисл. и примѣч. А. А. Гоздаво-Голомбіевскаго. *III-й отдѣлъ* даетъ полный текстъ всѣхъ отысканныхъ пока въ Архивѣ (десяти) десятенъ XVI в.; трудъ приготовленія ихъ къ изданію, обработки и составленія примѣчаній и особыхъ поясненій исполненъ В. Н. Сторожевымъ. Въ примѣчаніяхъ имъ сведенъ рядъ данныхъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ тексту, а въ поясненіяхъ къ каждой десятнѣ весь историческій матеріалъ, въ ней заключающійся, съ дополненіями изъ десятенъ XVII в.; въ поясненіяхъ же сдѣлано сопоставленіе коломенской десятни съ коломенской писцовой книгой XVI в., напечатанъ алфавитъ къ „Тысячной книгѣ" и даны таблицы сборныхъ пунктовъ для разбора и денежной раздачи въ XVII в.

2. Журналы Комитета Министровъ. Царствованіе Императора Александра I. 1802—26 гг. Т. II. 1810—12 гг. Спб. 1891. 756 стр. Ц. 3 р. Журналъ Комитета Министровъ 1810—12 гг., за исключеніемъ лишь болѣе второстепенныхъ дѣлъ, напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ, въ томъ самомъ видѣ, какъ они изложены въ подлинникахъ; дѣлопроизводство Комитета по менѣе существеннымъ вопросамъ сгруппировано по разрядамъ дѣлъ и помѣщено въ особыхъ

извлеченіяхъ по каждому году отдѣльно. Журналамъ Комитета предпосланы обозрѣніе главнѣйшихъ предметовъ обсужденія Комитета Министровъ въ 1810—12 гг. и предметный указатель за 1810—12 гг.; въ концѣ тома напечатаны указатели біографическій и географическій. Трудъ исполненъ подъ непосредственнымъ руководствомъ статсъ-секретаря Куломзина.

3. *Г. Е. Аѳанасьевъ.* Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Одесса. 1892. XX + 519 стр. Ц. 3 р. Содержаніе: Предисловіе. Земледѣлецъ и рынокъ. Рыночные регламенты. Рыночные чины. Время, размѣръ и районъ покупокъ. Купцы. Циркуляція хлѣба между провинціями. Пеажи. Каботажъ и частныя распоряженія. Реформа хлѣбной торговли и реакція. Вывозъ. Реформа внѣшней хлѣбной торговля. Вопросъ хлѣбной торговли въ печати. Реакція противъ вывоза хлѣба. Общество Голодовки. Реформы Тюрго. Нэккеръ; первое министерство. Ввозъ хлѣба. Де-Каллонъ; оживленіе надеждъ на освобожденіе хлѣбной торговли. Второе министерство Нэккера; реакція. Заключеніе. Приложенія.

4. Новый историкъ Малороссіи. Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи" (Т. I. Стародубскій полкъ). *Д. И. Багалѣя.* Спб. 1891. 148 стр. (Изъ Отч. о 32 присужд. наградъ гр. Уварова).

5. Къ литературной исторіи Вольтера. Вольтеръ и „Римскія Дѣянія". Профессора *Н. Барсова.* Спб. 1892. 24 стр. (Отд. отт. изъ ж. „Вѣстн. Иностр. Литер.").

6. *Н. И. Барсовъ.* Существовала-ли въ Россіи инквизиція? Спб. 1892. 20 стр. Ц. 25 к. (Отд. отт. изъ ж. „Истор. Вѣстн.").

7. *М. Бобржинскій.* Очеркъ исторіи Польши (Dzieje Polski). Переводъ съ 3-го польскаго изданія подъ редакціей проф. Спб. унив. Н. И. Карѣева. Изданіе Л. Ф. Пантелеева. Томъ II. Спб. 1891 (340 стр., съ картою).

8. *Ольгерда Вильчинскаго.* Начало Руси по сказаніямъ современниковъ и курганамъ. Спб. 1892. 80 стр. Ц. 80 к.

9. *Эмиль Геннекенъ.* Опытъ построенія научной критики (Эстопсихологія). Переводъ съ французскаго *Д. Струнина.* Изд. ж. „Русское Богатство". Спб. 1892. 121 стр. Ц. 80 к. Содержаніе: Предисловіе. Эволюція критики. Эстетическій анализъ. Психологическій анализъ. Соціологическій анализъ. Научно-критическій синтезъ (с. эстетическій, психологическій и соціологическій). Критика и исторія.

10. Византійскій поэтъ Мануилъ Филъ. Къ исторіи Болгаріи въ XIII—XIV вѣкѣ. *Хрисанѳа Лопарева,* секретаря Императорскаго Общества любителей древней письменности. Спб. 1891. 54 стр. Очеркъ поэтической дѣятельности представителя упадка византійской поэзіи

Мануила Фила (1270?—1350? гг.) и подробное разсмотрѣніе его исторической поэмы (перепечатанной въ приложеніи) со стороны ея значенія для исторіи Византіи и славянъ.

11. Памятники древней письменности. LXXXIV. Слово о погибели рускыя земли. Вновь найденный памятникъ литературы XIII вѣка. Сообщеніе *Хрусанѳа Лопарева.* (Общ. л. др. п.) Спб. 1892. 27 стр. Ц. 50 к. Сохранившееся въ ркп. XV в. Начало „Слова о пог. р. з. по (?) смерти в. кн. Ярослава“, пис. ок. 1238 г.,—текстъ со введеніемъ и примѣчаніями.

12. Памятники древней письменности. LXXXV. Житіе преподобнаго Стефана Комельскаго. Сообщеніе *Хрусанѳа Лопарева.* (Общ. л. др. п.). Спб. 1892. 23 стр. Ц. 50 к. Житіе и подвизи преп. Стефана, иже на Комельскомъ езерѣ монастырь совокупльшаго, и преставившагося въ л. 7050 (по двумъ спискамъ).

13. Описаніе рукописей Императорскаго Общества любителей древней письменности. Трудъ *Хрусанѳа Лопарева.* Часть I. Рукописи въ листъ. Спб. 1892 г. VII + 373 стр. Обозрѣніе содержанія 190 рукописей (между ними нѣск. манускр. греч., лат., франц. и нѣм.); важнѣйшія статьи приведены цѣликомъ или въ извлеченіяхъ.

14. (*Хр. Лопаревъ*). Библіотека графа С. Д. Шереметева. Томъ второй. Собранія гр. А. С. Шереметевой и гр. Д. Н. Шереметева въ С.-Петербургѣ. Спб. 1892. 271 стр. Заглавія книгъ (1087 + 732 №№) списаны цѣликомъ и точно приведены эпиграфы и записи, а иногда и выдержки изъ сочиненія.

15. Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Выпускъ 1-й. 1683—1762 г. Ген. шт. полк. *Д. Ѳ. Масловскій,* ордин. проф. Ник. Акад. Ген. Шт. Изд. при содѣйствіи Ник. Акад. Ген. Шт. Спб. 1891 (356 + 62 + 40 стр.).

15а. Чертежи, планы и схемы къ 1-му выпуску Записокъ по исторіи военнаго искусства въ Россіи Д. Ѳ. Масловскаго.

16. Значеніе и успѣхи классической археологіи. Вступительная лекція и. д. экстр. проф. Имп. Новоросс. унив. *А. А. Павловскаго.* Одесса. 1892. 24 стр. Перечисленіе археол. раскопокъ и находокъ въ Греціи и М. Азіи въ XIX в., и картина развитія древнегреческаго искусства.

17. Значеніе раскопокъ Генриха Шлимана. (Рефератъ, чит. въ Ист.-фил. Общ. при Новоросс. унив. проф. *А. А. Павловскимъ*). Одесса. 1891. 7 стр.

18. *В. Пискорскій.* Франческо Ферруччи и его время. Очеркъ послѣдней борьбы Флоренціи за политическую свободу (1527—1530). Кіевъ. 1891. X + 192 стр. Ц. 1 р. 50 к. (Изъ „Кіевскихъ Универ. Изв.“). Авторъ изучаетъ (отчасти по рукоп. матер.) причины паде-

нія Флорентійской республики и тѣ политическія и соціальныя условія, при которыхъ оно совершилось. (Содержаніе работы: Введеніе. Франческо Ферруччи. Флоренція въ XV—XVI вв. Переворотъ 16 мая 1527 г. Н. Каппони и Ф. Кардуччи. Война и осада Флоренціи. Паденіе республики).

19. (*Ник. Полетаевъ*). Протоіерей М. І. Діевъ и его историко-археологическіе и этнографическіе труды. Кострома. 1891. 76 стр.—Очеркъ жизни и ученой дѣятельности прот. Діева (1794—1866), „изучавшаго какъ мѣстный, родной край (костромской), такъ и прошлое всей вообще Россіи“.

20. Общинная наша система въ литературѣ. Къ вопросу о высшемъ преподаваніи. *Д. Столыпина.* М. 1892. 21 стр.

21. Матеріалы для исторіи русскаго дворянства. I. Десятни и Тысячная книга XVI вѣка, въ обработкѣ *В. Н. Сторожева.* М. 1891. IV + 459 стр.—Отд. изданіе III отдѣла VIII книги Оп. док. и дѣлъ М. Арх. М. Ю. (см. выше).

22. Къ вопросу о „четвертчикахъ“. *В. Сторожевъ.* Спб. 1892. 23 стр. (Извл. изъ Журн. М. Н. Пр.).

23. Два челобитья. Матеріалъ для исторіи русскаго дворянства. Сообщилъ *В. Н. Сторожевъ.* 9 стр. Отт. изъ „Библіогр. Записокъ“. 1892 г.

24. Законы подражанія (Les lois de l'imitation). *Ж. Тарда.* Переводъ съ французскаго. Изданіе Ф. Павленкова. (Популярно-научная библіотека). Спб. 1892 IV + 370 стр. Ц. 1 р. 50 к.—Тардъ „старался составить очеркъ общей соціологіи, постановить и формулировать ея принципы“. Очеркъ имѣетъ слѣдующее содержаніе: Всеобщность повторенія. Соціальныя сходства и подражаніе. Что такое общество. Что такое исторія. Логическіе законы подражанія. Внѣлогическія вліянія; обычай и мода. Общія соображенія и выводы.

25. Мемуары, ихъ значеніе и мѣсто въ ряду историческихъ источниковъ. *Н. Чечулинъ.* Изданіе редакціи журнала „Библіографъ“ (Н. М. Лисовскаго). Спб. 1891. 16 стр.—Вступительная лекція, читанная въ Спб. унив. предъ началомъ курса „Русскіе мемуары XVIII в.“ (содержаніе ея изложено въ „Историч. Обозр.“, II, 1, 169—170).

26. Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ. 2-е изданіе, исправл. и дополн. Сочиненіе *Николая Ивановича Шишкина.* (1-е изд. одобр. Уч. Ком. М. Н. Пр. для ср. и н. уч. з.). Рязань, 1891. VIII + 201 стр. Ц. 1 р. 25 к.

27. *Е. Шмурло.* XVI-й вѣкъ и его значеніе въ русской исторіи. Спб. 1891. 35 стр. (Изъ год. Отчета Училища св. Анны).—Авторъ

„указываетъ грань между старой и новой Россіей на рубежѣ XV и XVI стол.“.

28. Извѣстія Джіованни Тедальди о Россіи временъ Ивана Грознаго. *Е. Шмурло*. Спб. 1891. 35 стр. (Отд. отт. изъ Ж. М. Н. Пр.). Нѣсколько словъ о Тедальди. Текстъ, переводъ и комментарій записанныхъ А. Поссевиномъ его сообщеній (рефератъ объ этихъ изданіяхъ былъ читанъ проф. Шмурло въ Истор. Обществѣ, ср. „Истор. Обозр.“, II, 2, 12).

29. *Е. С. Шумигорскій*. Императрица Марія Θеодоровна (1759—1828). Ея біографія. Томъ первый. Спб. 1892. VIII + 440 стр. (съ портр.) Ц. 5 р.—Разсказъ о жизни Маріи Θеодоровны до восшествія на престолъ Павла I.

30. *Н. Н. Θирсовъ*. Правительство московской Россіи и Петръ Вел. въ ихъ отношеніяхъ къ торгово-промышленному классу. Каз. 1891. 17 стр. (Изъ Уч. Зап. Каз. Унив.).

31. Николай Михайловичъ Благовѣщенскій, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго, почетный членъ Казанскаго и бывшій ректоръ Варшавскаго университетовъ. Полувѣковая годовщина его ученой и общественной дѣятельности въ 1842—92 гг. Отт. изъ „Русской Старины“, 1892 г. февр., стр. 519—534.

32. Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета. Томъ XLVI, изд. подъ ред. орд. проф. Кочубинскаго. Одесса. 1891. 14 + 639 стр. Ц. 3 р.—Этотъ томъ содержитъ въ себѣ только одну статью историческаго характера—историко-юрид. изслѣдованіе проф. И. Г. Табашникова „Прошлое векселя“ (стр. 1—442).

33. Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ университетѣ. Томъ X. Каз. 1892. Вып. 1, стр. 1—132. Ц. 1 р. Содержаніе: Отъ Редакціоннаго Комитета.—Доистор. археологія въ Скандинавіи. И. С.—Оброчныя земли на Вяткѣ въ XVII в. А. А. Спицына.—Мордва. Истор.-этногр. очеркъ. I. И. Н. Смирнова.—Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ Восточной Россіи. — Хроника. — Матеріалы.—Библіографія. Вып. 2, стр. 133—256. Ц. 1 р. Содержаніе: Доистор. археологія въ Германіи и Австро-Венгріи. И. С.—Слѣды древняго поселенія въ окрестн. г. Спасска Каз. г. А. Обрѣзкова.—Древняя курганная могила около дер. Бѣлымеръ въ Спасскомъ у. (съ фотогр.) А. А. Штукенберга.—Мордва. I (прод.) И. Смирнова.—Формы погребенія у совр. и др. нар. Вост. Рос. А. К.—Этнограф.-статист. данныя о бракахъ у чувашъ Каз. губ. В. К. Магницкаго.—Хроника.—Матеріалы.—Библіографія.—Протоколы.

34. Извѣстія таврической ученой архивной коммиссіи. *№ 14.* Подъ редакціей прав. дѣлъ Арс. Маркевича. Симферополь, 1891.

140 стр.—Содержаніе: Реестръ дѣламъ крымскаго двора съ 1474 по 1779 г., учиненный Н. Бантышъ-Каменскимъ въ 1808 г. Сообщ. Ѳ. Ѳ. Лашковъ.—Статейный списокъ московскаго посланника въ Крымъ Ивана Судакова въ 1587—88 г. Съ предисл. Ѳ. Ѳ. Лашкова.—Скиѳскій всадникъ. (Поясная пряжка). Сообщ. проф. Н. И. Веселовскаго (съ изобр.).—Дѣла арх. Тавр. Губ. Правл., относящ. до сохран. памятниковъ старины въ пред. Тавр. губ. (прод.) А. Х. Стевена.—Раскопки кургановъ въ окрестн. Симферополя, произв. проф. Н. И. Веловскимъ въ 1891 г. А. Кашпара.—Керченскія древности. Хр. П. Ящуржинскаго.—Опис. дѣлъ Таврич. Истор. Архива (прод.) А. И. Сѣницкаго.—Изъ дѣлъ Канцеляріи Николаевскаго военнаго губернатора. Сообщ. П. А. Ивановъ.—Протоколы засѣданій коммиссіи.

Некрологъ.

За послѣднее время скончались три члена Историческаго Общества:

Н. А. Поповъ. 22 декабря 1891 г., въ Москвѣ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался Нилъ Александровичъ Поповъ, заслуженный ординарный профессоръ московскаго университета и управляющій московскимъ архивомъ министерства юстиціи [1]). Покойный родился 28 марта 1833 г. въ г. Бѣжецкѣ, Тверской губ., происходилъ изъ дворянъ, образованіе получилъ въ тверской губернской гимназіи (1844—1850 гг.) и въ московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету (1850—1854 гг.) гдѣ слушалъ лекціи С. М. Соловьева, Т. Н. Грановскаго, П. Н. Кудрявцева и О. М. Бодянскаго. Уже въ пору студенчества онъ пристрастился къ занятіямъ русскою исторіей, такъ что при выходѣ изъ университета со степенью кандидата онъ получилъ золотую медаль за сочиненіе „Исторія вопроса о русской начальной лѣтописи". Окончивъ курсъ въ университетѣ, покойный Н. А. получилъ ничтожное мѣсто надзирателя второй московской гимназіи съ жалованьемъ въ 14 руб. въ мѣсяцъ, какъ сообщаетъ проф. А. А. Кочубинскій въ одномъ фельетонѣ „Новороссійскаго Телеграфа" и учителемъ четвертой московской гимназіи, какъ сообщаетъ самъ Н. А. въ своей автобіографической запискѣ, напечатанной въ „Памятной книжкѣ московскаго архива министерства юстиціи" (тамъ же напечатанъ приблизительно полный списокъ его печатныхъ работъ). Въ 1857 году Н. А. былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ русской исторіи въ казанскій университетъ, а въ 1860 г. переведенъ тѣмъ же званіемъ въ московскій универси-

[1]) На его мѣсто назначенъ ординарный профессоръ Варшавскаго университета Дмитрій Яковлевичъ *Самоквасовъ.*

тетъ. Съ тѣхъ поръ его жизнь и дѣятельность навсегда сосредоточивается въ Москвѣ, которую онъ покидалъ лишь на время своихъ заграничныхъ командировокъ въ 1862—64 и 1870 гг. Въ 1861 г. онъ получилъ степень магистра за сочиненіе, имѣвшее въ свое время большой интересъ „Василій Никитичъ Татищевъ и его время" (М. 1861 in 8°, стр. 803), а въ 1869 г. степень доктора русской исторіи за огромный трактатъ „Россія и Сербія" (историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 г. М. 1869 in 8°, т. I, стр. XIV + 521; т. II стр. X + 657), доставившій автору популярное имя и большія связи въ славянскихъ земляхъ (послѣ него осталась обширная переписка съ славянами).

Н. А. былъ непосредственнымъ ученикомъ и почитателемъ Сергѣя Михайловича Соловьева[1]) (впослѣдствіи уже по защитѣ докторской диссертаціи онъ женился на его дочери, Вѣрѣ Сергѣевнѣ, о которой такъ тепло говоритъ въ своемъ воспоминаніи проф. А. А. Кочубинскій), такъ что до первой заграничной командировки занимался исключительно русскою исторіей, обратившись къ исторіи и современному положенію славянъ не столько подъ вліяніемъ О. М. Бодянскаго (уроки котораго все-таки оказали на него вліяніе), сколько подъ вліяніемъ духа времени и требованій университетской карьеры; однако отъ обращенія къ славянамъ онъ не потерялъ интереса къ русской исторіи и не прекратилъ чтенія лекцій по русской исторіи, составлявшихся подъ воздѣйствіемъ историческихъ работъ С. М. Соловьева. Его труды по исторіи и современному положенію славянъ, по устройству славянскаго отдѣла Этнографической выставки 1867 г. въ Москвѣ и участію въ качествѣ секретаря славянскаго благотворительнаго комитета (гдѣ его обширная дѣятельность значительно заслонялась личностью предсѣдателя комитета И. С. Аксакова) еще ждутъ оцѣнки. Вмѣстѣ съ научною и профессорскою дѣятельностью Н. А. соединялъ такимъ образомъ дѣятельность практическую, а также публицистическую и педагогическую (участіе въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" и въ „Современной Лѣтописи", а также „Московскихъ Вѣдостяхъ" той поры, когда послѣднія еще могъ терпѣть человѣкъ съ независимымъ образомъ мыслей). Въ послѣднее время дѣятельность Н. А. сосредоточилась на занятіяхъ по устройству московскаго архива министерства юстиціи; онъ и скончался посреди этихъ непрекращавшихся ни на минуту занятій. Для болѣе подробнаго знакомства съ дѣятельностью покойнаго Н. А. отсылаемъ къ фельетонамъ „Новорос-

[1]) Біографія С. М. Соловьева была завѣтною мечтою Н. А—ча, съ этою цѣлью онъ собралъ много матеріала, за обработку котораго уже было принялся.

сійскаго Телеграфа" и „Варшавскаго Дневника", къ статьямъ П. Н. Полевого и К. Н. Бестужева-Рюмина (въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" и „Историческомъ Вѣстникѣ") и къ рефератамъ, читаннымъ въ московскихъ археологическомъ, этнографическомъ и исторіи и древностей Россійскихъ обществахъ В. Н. Сторожевымъ, В. Ѳ. Миллеромъ, И. И. Шимко и А. А. Гоздаво-Голомбіевскимъ (двумъ послѣднимъ принадлежитъ *особенно обстоятельный очеркъ* жизни и дѣятельности покойнаго Н. А., хотя и безъ достаточной критической оцѣнки научнаго значенія Н. А.). Какъ на общую черту всѣхъ замѣтокъ и воспоминаній, до сихъ поръ появившихся о покойномъ Н. А. (о многихъ мы не упомянули), нельзя не указать на прекрасный отзывъ о немъ, какъ о человѣкѣ, полномъ гуманности, самой симпатичной общительности и преданномъ постоянному труду.

(Сообщено *В. Н. Сторожевымъ*).

І. А. Клейберъ. Іосифъ Андреевичъ Клейберъ родился въ С.-Петербургѣ 3 декабря 1863 г. Въ 1880 г., окончивъ курсъ во второй С.-Петербургской гимназіи съ серебряной медалью, онъ поступилъ на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго Университета. Въ 1882 г. удостоенъ серебряной медали за сочиненіе, предложенное факультетомъ на тему „О методѣ взаимныхъ поляръ". Въ 1883 г. удостоенъ золотой медали за сочиненіе „О падающихъ звѣздахъ", причемъ сочиненіе это было напечатано на счетъ Университета. Въ 1884 г. Іосифъ Андреевичъ окончилъ курсъ со степенью кандидата и былъ оставленъ при Университетѣ по каѳедрѣ астрономіи. Въ 1886 г. началъ читать на Высшихъ Женскихъ Курсахъ курсъ по „Теоріи вѣроятностей" и вслѣдъ затѣмъ и въ Университетѣ на юридическомъ факультетѣ „Приложеніе теоріи вѣроятностей къ изслѣдованію общественныхъ явленій". Въ 1888 г. защищалъ въ Казанскомъ Университетѣ диссертацію на степень магистра астрономіи „Сглаживаніе рядовъ наблюденій по способу наименьшихъ квадратовъ". Часть 1888 и 1889 годовъ онъ провелъ въ Кембриджѣ, гдѣ занимался математикой. Живымъ воспоминаніемъ объ этомъ пребываніи въ англійскомъ Университетѣ остался его очеркъ „Кембриджскій Университетъ" (Вѣстн. Европы 1890 г. сентябрь-октябрь). Въ 1890/91 г. Іосифъ Андреевичъ читалъ еще лекціи въ Университетѣ на математическомъ отдѣленіи. Весною 1891 г. онъ заболѣлъ и уѣхалъ лѣчиться заграницу. Осложнившійся туберкулозный процессъ повлекъ за собою смерть. Іосифъ Андреевичъ скончался въ Ниццѣ 31 января 1892 года. Кромѣ ряда спеціальныхъ работъ въ области астрономіи и математики, покойный писалъ еще и популярные астрономическіе очерки. Изъ другихъ статей его назовемъ „75 лѣтній юбилей Берлинскаго университета" (Русск. Бог.

1885). „La vitesse moyenne de l'homme" (Rev. Scient 1885). „Новое изслѣдованіе Гольтона о наслѣдственности". (Русск. Бог. 1886), „Ускореніе процесса письма", (тамъ же 1887). Осталась ненапечатанною за смертью автора работа: „Дневникъ моего ребенка". Задуманы имъ и частью подготовлены „Основы міросозерцанія"; „О соотношеніи явленій видимаго міра"; „О передачѣ мысли на разстояніи".

М. И. Семевскій. 9 марта скончался въ Кронштадтѣ редакторъ-издатель „Русской Старины" Михаилъ Ивановичъ Семевскій.

Покойный родился 4 января 1837 г. и воспитывался первоначально въ Полоцкомъ Кадетскомъ Корпусѣ, а затѣмъ въ Дворянскомъ полку (Константиновскомъ корпусѣ) въ Петербургѣ. Здѣсь подъ вліяніемъ извѣстнаго преподавателя русской словесности Ир. Ив. Введенскаго въ немъ пробудилась горячая любовь къ изученію русской исторіи и исторіи русской литературы. Въ 1855 г. Семевскій былъ выпущенъ изъ корпуса прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка и вслѣдъ затѣмъ, живя по обязанностямъ службы болѣе года въ Москвѣ, онъ познакомился съ нѣкоторыми тамошними литературными кружками, и особенно съ А. Н. Островскимъ, А. Д. Галаховымъ и А. А. Григорьевымъ. Въ 1856 г. въ „Москвитянинѣ" появилась первая его статья и за нею послѣдовалъ рядъ историческихъ монографій изъ времени Петра Великаго преимущественно на основаніи документовъ Государственнаго Архива), Елизаветы Петровны и проч. [1]) Эти статьи, написанныя живо и общедоступно, имѣли большой успѣхъ среди читающей публики и возбуждали интересъ къ новой русской исторіи. Хотя впослѣдствіи М. И. Семевскій съ величайшею скромностью отзывался о своихъ историческихъ монографіяхъ, но онъ имѣлъ полное право сказать въ автобіографической замѣткѣ, что въ нихъ въ весьма живой формѣ трактовалось объ „историческихъ лицахъ, и въ особенности о представителяхъ власти въ Россіи XVIII вѣка, въ самыхъ простыхъ образахъ, низводя ихъ съ ходулей, на которыхъ они до сихъ поръ высились. Въ этихъ монографіяхъ эти лица были оживляемы предъ умственнымъ взоромъ читателя со всѣми ихъ малыми и крупными недостатками, со всѣми ихъ человѣческими слабостями, со всѣми послѣдствіями въ ихъ характерахъ и ихъ дѣйствіяхъ вліянія той среды, въ которой взросли и дѣйствовали эти герои и героини, эти монархи и монархини". Эти монографіи имѣли и то значеніе, что постепенно подрывали цензурныя стѣсненія, мѣшавшія свободному изслѣдо-

[1]) Списокъ всѣхъ трудовъ М. И. Семевскаго до начала изданія „Русской Старины" и наиболѣе обширный некрологъ покойнаго см. въ „Русской Старинѣ" 1892 г. № 4.

ванію въ русской исторіи событій XVIII и XIX вѣка. (Еще въ 1860 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, запрещавшее печатать историческія монографіи о государяхъ и государыняхъ, царствовавшихъ послѣ смерти Петра Великаго). Наиболѣе обратили на себя вниманіе публики монографіи М. И. Семевскаго о царицѣ Прасковьѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и семействѣ Монсовъ и историческіе очерки подъ названіемъ „Слово и дѣло" (эти монографіи были переизданы имъ въ 80-хъ годахъ и „Слово и дѣло" даже двумя изданіями).

Кромѣ литературной дѣятельности М. И. Семевскій не мало времени во второй половинѣ 50-хъ и первой половинѣ 60-хъ годовъ посвятилъ и преподаванію русской исторіи, при чемъ особенно выдѣлился какъ талантливый преподаватель въ Смольномъ Институтѣ (въ 1860—62 гг.), куда былъ приглашенъ знаменитымъ педагогомъ К. Д. Ушинскимъ. Въ 1863 г. онъ занятъ былъ обозрѣніемъ народныхъ школъ въ Псковской губ. (по порученію министерства народнаго просвѣщенія), результатомъ котораго было составленіе интереснаго труда по этому предмету. Оставивъ въ 1861 году военную службу, Семевскій съ 1864 г. сталъ служить въ Государственной канцеляріи и вскорѣ былъ зачисленъ въ отдѣленіе по устройству сельскаго состоянія. Въ 1882 г., съ упраздненіемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, онъ оставилъ службу въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Съ 1870 г. Семевскій сталъ издавать историческій журналъ „Русская Старина", который скоро завоевалъ себѣ симпатію и большое распространеніе въ читающей публикѣ. Созданіе этого журнала главная заслуга М. И. Семевскаго, такъ какъ „Русская Старина" знакомила русское общество съ неприкрашенною исторіею нашего недавняго прошлаго, будила самосознаніе и честную мысль, облегчала пониманіе недостатковъ настоящаго времени. Это была неоффиціальная каѳедра русской исторіи, и редакторъ „Русской Старины" имѣлъ огромную аудиторію въ пять, шесть тысячъ заинтересованныхъ и внимательныхъ слушателей. Исполненіе такой отвѣтственной обязанности требовало не только большаго редакторскаго таланта, но и умѣнія обходить тѣ препятствія, съ которыми сопряжено наше журнальное дѣло. Неустанный трудъ по редактированію журнала сдѣлался уже прямо непосильнымъ, когда М. И. Семевскому въ 1883—1885 гг. пришлось соединять обязанности редактора съ должностью товарища городскаго головы; за это время его здоровье на столько пострадало, что въ 1885 г. онъ сложилъ съ себя службу по городскому управленію, не переставая до самой смерти усердно нести обязанности члена городской училищной коммиссіи. Пребываніе за

границей въ теченіе почти цѣлаго года (1886—87) значительно поправило здоровье М. И. Семевскаго, но затѣмъ оно стало опять ухудшаться: доктора находили у него болѣзненныя измѣненія въ сердцѣ и околосердечныхъ сосудахъ.

Скончался М. И. Семевскій отъ крупознаго воспаленія легкихъ въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ за три дня до смерти прочелъ лекцію о Петрѣ Великомъ.

Письмо въ редакцію.

Въ мою замѣтку объ историческихъ книжкахъ „для народа", помѣщенную въ III томѣ „Историческаго обозрѣнія" вкралась небольшая ошибка, исправить которую я считаю долгомъ передъ своими читателями. На стр. 162, гдѣ говорится, что Выс. утв. „Постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній дано полномочіе одобрять или неодобрять книги для чтенія въ аудиторіяхъ", мною пропущены слова: „въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ", что слѣдуетъ изъ точнаго смысла Высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи Постоянной коммиссіи, состоявшагося 6 апрѣля 1872 г. (п. п. 3 и 4).

Н. Рубакинъ.

1 марта 1892 г.

Отъ Редакціи.

Кромѣ письма Н. А. Рубакина редакціею „Историческаго Обозрѣнія" была получена большая записка г. предсѣдателя „Постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ" И. П. Хрущова по поводу статьи Н. А. Рубакина въ III томѣ «Историческаго Обозрѣнія» объ историческихъ книжкахъ для народа, разбирающей и нѣкоторыя изданныя коммиссіей книжки. Въ этой запискѣ указывается исправляемое письмомъ г. Рубакина невѣрное сообщеніе его статьи о правахъ коммиссіи, а кромѣ того выставляется, между прочимъ, на видъ слѣдующее:

1) „Настольная книга", которую г. Рубакинъ разбираетъ въ видѣ образца издаваемыхъ коммиссіей чтеній, издана не самой коммиссіей, а состоящимъ при ней издательскимъ обществомъ, имѣющимъ свою самостоятельную, отдѣльную отъ коммиссіи дѣятельность, и притомъ это книга справочная, календарная, которую надо учить, а не читать.

2) Авторъ записки упрекаетъ г. Рубакина въ невѣрномъ толкованіи словъ одной брошюры о томъ, почему стала портиться переписка книгъ на Руси, когда „монашескихъ рукъ стало недоставать“: это значитъ, что явились наемные мастера этого дѣла, которые относились къ нему небрежно, не такъ, какъ благочестивые и усердные монахи.

3) Указанное г. Рубакинымъ мѣсто въ брошюрѣ о царствованіи Михаила Ѳедоровича (правительство было вынуждено на такую жестокую мѣру противъ невиннаго младенца, т.-е. на казнь сына Марины Мнишекъ) въ новомъ изданіи этой брошюры совсѣмъ опущено, да и въ прежнемъ изданіи авторъ брошюры говоритъ объ этомъ „со скорбью“, называя мѣру жестокою и „для оттѣнка своего чувства“ обозначая младенца невиннымъ.

ОТДѢЛЪ II.

Протоколы Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Протоколъ XXVI общаго собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 13 ноября 1891 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 18 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что В. Д. Цвѣтницкій благодаритъ за избраніе его въ члены Общества.

3. Г. предсѣдатель заявилъ о пожертвованіи А. Н. Деревицкимъ его послѣдняго сочиненія объ историко-литературныхъ занятіяхъ въ древней Греціи въ библіотеку Общества.

4. Приступлено было къ баллотировкѣ кандидатовъ, предложенныхъ въ прошломъ общемъ собраніи. Всѣ оказались избранными единогласно.

5. С. Ѳ. Ольденбургъ сдѣлалъ запросъ о томъ, въ какомъ положеніи находится дѣло составленія систематическаго указателя исторической литературы. На этотъ запросъ г. предсѣдатель отвѣчалъ, что дѣло остановилось по нижеслѣдующимъ причинамъ: 1) Многіе изъ сотрудниковъ еще не прислали обѣщанныхъ списковъ книгъ, подлежащихъ разбору. 2) Отдѣлъ по русской исторіи остается неорганизованнымъ. 3) Вести дѣло большою коммиссіей оказалось неудобнымъ. Новыя соображенія на этотъ счетъ г. предсѣдатель полагалъ въ скоромъ времени внести въ Комитетъ, откуда они поступятъ на разсмотрѣніе Общаго Собранія.

6. П. И. Вейнбергъ прочелъ сообщеніе объ отношеніи Шиллера къ исторіи въ „Маріи Стюартъ".

7. Э. Д. Гриммъ сдѣлалъ сообщеніе: Теорія Оттокара Лоренца объ естественныхъ періодахъ исторіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Изложеніе реферата П. И. Вейнберга.

Важный вообще вопросъ о значеніи художественныхъ произведеній съ историческимъ характеромъ, какъ освѣщенія историческихъ фактовъ и явленій (трагедіи Шекспира, Гете, отчасти и Божественная Комедія и др.)—пріобрѣтаетъ особенный интересъ по примѣненію къ драматическимъ произведеніямъ Шиллера, потому что здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ геніальнымъ дѣятелемъ въ области исторической трагедіи, но и съ профессоромъ исторіи и авторомъ нѣсколькихъ спеціально-историческихъ сочиненій, въ которомъ при очень слабой подготовкѣ къ занятію каѳедры и отсутствіи въ послѣдствіи строго научныхъ знаній, метода и т. п. существовало уже съ самаго ранняго возраста влеченіе къ занятію исторіею въ видѣ чтенія и обученія, а равно и собственной производительности.

Взглядъ Шиллера на исторію — какъ взглядъ философа XVIII вѣка и поэта высшаго идеализма—философскій, сообразный съ одною изъ основныхъ идей Канта, и основная точка зрѣнія во всѣхъ историческихъ трудахъ его—общечеловѣческая; господствующія идеи — человѣческая свобода, человѣческое достоинство и человѣческое право, вслѣдствіе чего выбираетъ онъ для обработки и въ качествѣ историка, и какъ драматургъ, соотвѣтствующіе этимъ воззрѣніямъ сюжеты, отбрасывая все, что не имѣетъ близкаго отношенія къ нимъ. Заслуга *историка* Шиллера, незначительная относительно науки въ строгомъ значеніи этого слова, важна, какъ дѣло цивилизаторское вообще въ сферѣ своего народа,—особенно по сравненію съ тѣмъ, что было сдѣлано въ нѣмецкой исторической наукѣ до него,—дѣло, которому самъ онъ придавалъ громадную важность, будучи проникнутъ убѣжденіемъ въ величіи исторіи, ея нравственной высокой цѣли, ея воспитательной силы.—Какъ поэтъ субъективный, Шиллеръ вносилъ этотъ субъективный элементъ и въ свои историческія изображенія, сохраняя при этомъ однако полное безпристрастіе, которое онъ называлъ священнѣйшимъ долгомъ историка, а какъ служитель красоты, требовалъ отъ всякаго историческаго изложенія изящной внѣшней формы, подавая въ этомъ отношеніи блистательный примѣръ своими собственными произведеніями.

Всѣ эти воззрѣнія и особенности Шиллера - *историка*, куда надо присоединить еще его пріемъ въ изображеніи историческихъ явленій, основанный на мысли, что историкъ долженъ весь усвоенный имъ матеріалъ „aus sich heraus zur Geschichte construiren“,—все это находится въ тѣсной связи съ обработкою историческихъ сюжетовъ Шиллеромъ-*поэтомъ*, при чемъ законодательницею его во многихъ отношеніяхъ сдѣлалась „Гам-

бургская Драматургія“ Лессинга съ ея мыслями объ исторической вѣрности, о разницѣ между исторіею и драматическимъ произведеніемъ съ историческимъ характеромъ и т. п.—Между этими историческими трагедіями Шиллера „Марія Стюартъ“ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Къ сочиненію ея онъ приступилъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ серьезной подготовки, воспользовавшись бывшими въ его распоряженіи источниками: сочиненіями Брантома, Робертсона, Камбдена, Архенгольца, Юма, Буханана, дю-Шеня, Rapin Toyras и нѣсколькими мелкими статьями. Нѣкоторыя подробности, равно какъ отдѣльныя выраженія дѣйствующихъ лицъ, авторъ почти буквально заимствовалъ въ томъ или другомъ изъ этихъ источниковъ; въ общемъ близко держался исторіи, какою нашелъ ее въ этихъ сочиненіяхъ, и если дѣлалъ отступленія, то весьма незначительныя относительно самой сущности дѣла, и притомъ такія, которыя обусловливались рамками трагедіи и соображеніями художника. Такимъ образомъ создалось то, что Гофмейстеръ правильно называетъ патетическою Character und Situationsstück на широкомъ историческомъ фонѣ. На первомъ планѣ два характера—Елисаветы и Маріи, причемъ въ изображеніи ихъ авторъ руководствовался не только своими соображеніями и симпатіями, какъ поэта-идеалиста и художника, но и тѣмъ, что онъ добылъ въ этомъ отношеніи въ историческихъ работахъ, служившихъ для него источниками; все это нашло себѣ мѣсто и въ воспроизведеніи другихъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи, главное достоинство которой вообще составляетъ превосходное изображеніе характеровъ въ историческомъ отношеніи (не касаясь здѣсь эстетическаго). А къ нему присоединяются (вопреки обвиненію Карлейля и другихъ критиковъ) безукоризненное изображеніе историческаго фона, на которомъ построена трагедія, тонкое и глубокое проведеніе существенныхъ чертъ взаимнаго отвращенія двухъ народовъ, такихъ-же чертъ католицизма и протестантизма, воспроизведеніе борьбы партій и т. п. частности, которыя (какъ и вообще драматическія сочиненія Шиллера) приводятъ къ заключенію, что авторъ беллетристическихъ произведеній съ историческимъ содержаніемъ (если это писатель крупный и проникнутый историческимъ чутьемъ) имѣетъ право на признаваніе его, какъ своего рода источника, историкомъ-ученымъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о томъ, что одинъ критикъ называетъ „божественною экономіею исторіи“.

Сообщеніе П. И. Вейнберга вызвало возраженіе со стороны Е. А. Бѣлова. Е. А. Бѣловъ указалъ на фанатизмъ Маріи Стюартъ, который обнаруживается и изъ ея писемъ. П. И. Вейнбергъ придавалъ особенное значеніе главнымъ образомъ личнымъ отношеніямъ Маріи Стюартъ къ Елисаветѣ.

Н. И. Карѣевъ резюмировалъ пренія, замѣтивъ, что Марія Стюартъ любила католицизмъ не только изъ личнаго удовлетворенія, но и по болѣе сложнымъ побужденіямъ. Въ заключеніе преній г. предсѣдатель благодарилъ П. И. Вейнберга, не состоящаго членомъ Общества, за сдѣланное сообщеніе.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Изложеніе реферата Э. Д. Гримма о книгѣ О. Лоренца.

Сочиненіе Оттокара Лоренца: Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben (Берлинъ, въ 2-хъ томахъ 1886 и 1891) заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія, во-первыхъ потому, что въ немъ разбираются важные теоретическіе вопросы, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ характеръ исторической науки, а во-вторыхъ въ виду значенія автора, пользующагося заслуженнымъ авторитетомъ, благодаря цѣлому ряду сочиненій по средне-вѣковой исторіи Германіи. Сочиненіе можно раздѣлить на двѣ части: исторіографическую, въ которой разсматриваются главныя направленія въ исторической наукѣ XIX в. въ Германіи (Шлоссеръ, Дальманъ, Риль, Дю-Буа Реймонъ, Ранке) и теоретическую, въ которой Лоренцъ излагаетъ свой законъ естественной періодизаціи исторіи. Разбору послѣдняго посвященъ рефератъ.

Доказавши нелѣпость обыкновеннаго раздѣленія исторіи на древнюю, среднюю, новую и новѣйшую, Лоренцъ изъявляетъ надежду установить естественное и научное подраздѣленіе исторіи, основывающееся на самой сущности историческаго матеріала. Объектъ исторіи—человѣкъ; все, что мы видимъ въ исторіи, не только отдѣльные факты, но и всѣ состоянія, черезъ которыя проходитъ развитіе человѣчества, есть результатъ дѣятельности личностей. Цѣлью исторіи поэтому должно быть изслѣдованіе характера дѣйствующихъ и производящихъ всѣ историческія явленія личностей, ибо только тогда возможно и пониманіе результатовъ ихъ дѣятельности; слѣдовательно, и естественное дѣленіе исторіи, какъ зависимое отъ самаго характера историческаго матеріала, должно основываться на различіи качествъ историческихъ личностей, различіи, которое въ извѣстныхъ періодахъ времени проявляется достаточно рѣзко, чтобы отдѣлить эти періоды другъ отъ друга. Именно, даже самое поверхностное наблюденіе убѣждаетъ насъ въ томъ, что всегда по три поколѣнія (дѣдъ, отецъ, сынъ) стоятъ въ тѣсной не только физической, но и духовной связи другъ съ другомъ, а три поколѣнія—какъ знали ужъ Гомеръ и Геродотъ—занимаютъ промежутокъ времени въ 100 лѣтъ. Столѣтіе такимъ образомъ есть выраженіе тѣсной связи, существующей между тремя поколѣніями и слѣдовательно представляетъ объективно-данную основу для періодизаціи исторіи.

Практически однако дѣленіе исторіи на столѣтія неудобно, такъ какъ это слишкомъ незначительный промежутокъ времени. Поэтому желательно установить болѣе обширные естественные періоды: таковыми при „эмпирическомъ" разсмотрѣніи исторіи оказываются періоды въ 300 и 600 лѣтъ.

Противъ этого ученія, какъ сознается самъ Лоренцъ, можно выставить

слѣдующія возраженія: во-первыхъ, ни одна эпоха не представляетъ чистаго проявленія дѣятельности исключительно одного поколѣнія, ибо одновременно существуетъ и дѣйствуетъ цѣлый рядъ поколѣній; во-вторыхъ, ходъ исторіи въ сущности почти всегда зависитъ именно отъ тѣхъ личностей, которыя пережили свое поколѣніе, такъ что трудно опредѣлить и время дѣятельности каждаго поколѣнія; въ-третьихъ, его „законъ" примѣнимъ лишь къ народамъ съ моногамическимъ семейнымъ устройствомъ, т.-е. не примѣнимъ ни ко всѣмъ дикимъ, ни къ многимъ культурнымъ народамъ (Арабы!), такъ что „естественные" періоды Лоренца естественны во всякомъ случаѣ по отношенію къ христіанскимъ народамъ.

Лоренцъ старается устранить всѣ 3 возраженія: относительно перваго, онъ говоритъ, что, не смотря на одновременное существованіе различныхъ поколѣній, все-таки возможно достаточно точно опредѣлить общій характеръ ихъ; относительно втораго, что руководительницей при опредѣленіи времени дѣятельности поколѣнія должна быть генеалогія, понимаемая, какъ наука о духовныхъ свойствахъ человѣка въ ихъ соотношеніи съ свойствами его предковъ и потомковъ; относительно третьяго, съ которымъ онъ совершенно согласенъ, онъ замѣчаетъ, что „цѣль исторіи есть объясненіе соціальнаго положенія нашего европейскаго, преимущественно германскаго и романскаго міра", и что, слѣдовательно, на ихъ исторіи и должна основываться періодизація всей исторіи.

Ясно, что возраженія этимъ не устранены. Прибавимъ къ нимъ еще нѣсколько: въ основѣ „закона" Лоренца лежитъ недоразумѣніе относительно значенія наслѣдственности въ исторіи, которое по Лоренцу всегда равно, между тѣмъ какъ оно обратно пропорціонально степени культурнаго развитія народа: чѣмъ ниже цивилизація народа, тѣмъ важнѣе наслѣдственность, чѣмъ она выше, тѣмъ болѣе наслѣдственность теряетъ значеніе—и въ первомъ и во второмъ случаѣ, очевидно, невозможно выдѣлить ровно 3 поколѣнія, какъ стоящія въ какой-то особенно тѣсной связи. Кромѣ того, это и практически невозможно, такъ какъ рѣшеніе съ какого члена генеалогія считаетъ новый рядъ поколѣній совершенно произвольно, т.-е. неестественно. Далѣе не только одно столѣтіе, но и одно поколѣніе заключаетъ въ себѣ самыя рѣзкія противоположности и вовсе не отличается опредѣленнымъ, цѣльнымъ характеромъ.

Наконецъ и „эмпирическія" доказательства Лоренца не менѣе слабы, чѣмъ его теоретическіе доводы, такъ что, очевидно всю попытку Лоренца упорядочить запутанную періодизацію исторіи слѣдуетъ признать неудавшейся и ненаучной.

По поводу сдѣланнаго сообщенія Н. И. Карѣевъ замѣтилъ, что попытку Лоренца примѣнить ариѳметику къ исторіи дѣйствительно слѣдуетъ признать неудачной, но не соглашался съ вполнѣ отрицательнымъ взглядомъ, какой мимоходомъ высказалъ Э. Д. Гриммъ на сочиненіе Эйкена о средневѣковомъ міровоззрѣніи.

Протоколъ XXVII Общаго (годового) Собранія гг. членовъ Императорскаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 14 декабря 1891 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ, присутствовало 28 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Читанъ и утвержденъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества въ 1891 году [1]).

3. Приступлено къ избранію двухъ членовъ Комитета, взамѣнъ выбывшихъ по очереди А. С. Лаппо-Данилевскаго и Г. В. Форстена. По баллотировкѣ оказалось, что А. С. Лаппо-Данилевскій получилъ 26 голосовъ, В. А. Мякотинъ—10, С. М. Середонинъ—9, Г. В. Форстенъ—12. Въ виду того, что кромѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго никто изъ предложенныхъ кандидатовъ не получилъ достаточнаго количества голосовъ, приступлено было ко вторичной баллотировкѣ, которая дала слѣдующіе результаты: В. А. Мякотинъ получилъ 8 голосовъ, С. М. Середонинъ—9, Г. В. Форстенъ—13. Такъ какъ и по вторичной баллотировкѣ оказалось, что ни одинъ изъ кандидатовъ не получилъ большинства голосовъ, то и рѣшено было отложить баллотировку до слѣдующаго Общаго Собранія, въ надеждѣ, что къ этому времени члены Общаго Собранія придутъ между собою къ соглашенію.

4. Разсмотрѣна и утверждена смѣта прихода и расхода на будущій 1892 годъ (см. прил. I); членскій взносъ опредѣленъ въ 5 руб.

5. Въ будущемъ 1892 г. рѣшено Общія Собранія назначить на среды 22 января, 19 февраля, 18 марта, 15 апрѣля, 23 сентября, 21 октября, 18 ноября и 16 декабря.

6. А. С. Лаппо-Данилевскій прочелъ рефератъ: „Вопросъ о дѣленіи первобытной культуры на періоды (каменный, бронзовый и желѣзный) въ современной археологической литературѣ“ (см. прил. II). По прочтеніи реферата нѣсколько замѣчаній высказано было кн. П. А. Путятинымъ, проф. Н. И. Веселовскимъ, проф. Н. А. Меншуткинымъ, В. Л. Беренштамомъ, Ю. Ю. Цвѣтковскимъ. Кн. Путятинъ охарактеризовалъ палеолитическую эпоху и настаивалъ на ея самостоятельномъ существованіи до неолитической, чего, впрочемъ, не отрицалъ и референтъ, указавшій также на преемство формъ, какое замѣчается въ предметахъ неолитической эпохи и бронзоваго вѣка. Н. И. Веселовскій считалъ необходимымъ разграничить палеолитическую эпоху отъ неолитической. Референтъ выяснилъ, что онъ вовсе не отрицаетъ необходимости подобнаго рода разграниченія; онъ (референтъ) полагалъ, однако, возможнымъ признать

---

[1]) Напечатанъ въ III томѣ „Историческаго Обозрѣнія“.

мнѣніе проф. Головкинскаго о томъ, что характеръ издѣлія нерѣдко находится въ прямой зависимости отъ матеріала: кремневыми орудіями можно пользоваться и въ полированномъ и въ неполированномъ, діоритовыми или нефритовыми—лишь въ полированномъ видѣ. Такимъ образомъ, умѣніе полировать орудія могло обнаружиться ранѣе примѣнительно къ діориту, чѣмъ къ кремню; слѣдовательно, и полированныя діоритовыя орудія могли встрѣчаться одновременно съ неполированными кремневыми. Словомъ, преемство палеолитической и неолитической эпохи съ достовѣрностью возможно утверждать, по мнѣнію референта, въ сущности лишь относительно орудій однородныхъ по матеріалу и назначенію, наприм., кремневыхъ неполированныхъ и полированныхъ стрѣлъ. Н. А. Меншуткинъ указывалъ на справедливость точки зрѣнія референта. В. Л. Беренштамъ сомнѣвался въ возможности существованія самостоятельнаго мѣднаго вѣка, что, впрочемъ, и референтъ признавалъ лишь относительно немногихъ странъ, да и то въ видѣ предположенія. В. Л. Беренштамъ также считалъ маловѣроятнымъ, чтобы первобытный человѣкъ ознакомился случайно съ плавленіемъ желѣзной руды, и полагалъ болѣе вѣроятнымъ мнѣніе, по которому человѣчество ознакомилось первоначально съ метеорическимъ чистымъ желѣзомъ. Референтъ замѣтилъ В. Л. Беренштаму, что ознакомленіе человѣка съ метеорическимъ желѣзомъ предполагаетъ такую же, если не большую случайность, какъ и ознакомленіе съ плавленіемъ желѣзной руды; референтъ при этомъ сослался на послѣднее изданіе труда Бека (Geschichte des Eisens), гдѣ, по его мнѣнію, довольно удачно опровергнута теорія первичнаго ознакомленія первобытнаго человѣка съ метеорическимъ желѣзомъ. Ю. Ю. Цвѣтковскій просилъ референта разъяснить то значеніе, какое онъ придаетъ бронзовому вѣку. Референтъ удовлетворилъ просьбу Ю. Ю. Цвѣтковскаго, указавъ на то, что изобрѣтеніе бронзы не было результатомъ самостоятельнаго развитія древне-европейской туземной техники; бронза, вѣроятно, проникла въ Европу съ Востока и постепенно распространялась съ южныхъ полуостровов въ среднюю и сѣверную Европу; впрочемъ, бронзовыя издѣлія обнаруживаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ связь съ туземными формами каменныхъ предметовъ и, слѣдовательно, могли возникнуть изъ слитковъ бронзы, обрабатываемыхъ на мѣстѣ.

6. Г. предсѣдатель заявилъ, что для ускоренія изданія систематическаго указателя исторической литературы Комитетомъ предположено: 1) Раздѣлить предпринятый Обществомъ указатель на двѣ отдѣльныя части, издавъ первоначально указатель книгъ по всеобщей исторіи. 2) Поручить редактированіе этой части П. Г. Виноградову (проф. Московскаго Университета) и Н. И. Карѣеву. Постановлено: предложеніе Комитета утвердить и разослать бланки о состоявшемся рѣшеніи всѣмъ лицамъ, выразившимъ желаніе участвовать въ дѣлѣ составленія указателя.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Смѣта прихода и расхода на 1892 годъ.

Приходъ. Остатокъ отъ 1891 г. . . .	740 р. 96 к.	
Годовые взносы отъ членовъ . . .	1000 „ — „	
Доходъ отъ изданій	400 „ — „	
Итого		2140 р. 96 к.
Расходъ. Отчисленіе въ издательскій фондъ	500 р. — к.	
Печатаніе „Историческаго Обозрѣнія“ въ 1892 г.	600 „ — „	
Вознагражденіе за письмоводство . .	60 „ — „	
Почтовые расходы.	80 „ — „	
Расходы по библіотекѣ	15 „ — „	
Непредвидѣнные расходы.	25 „ — „	
Выписка историческихъ журналовъ .	100 „ — „	
Итого		1380 „ — „
Остатокъ. .		760 р. 96 к.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Вопросъ о дѣленіи первобытной культуры на періоды: каменный, бронзовый и желѣзный въ современной археологіи.

(Краткое изложеніе реферата А. С. Лаппо-Данилевскаго).

Вопросъ о дѣленіи первобытной культуры на періоды: каменный, бронзовый и желѣзный уже поднимался въ классической литературѣ. Гезіодъ высказывалъ регрессивную, Лукрецій—прогрессивную точку зрѣнія на преемство этихъ періодовъ. Научное изученіе такого преемства началось однако не ранѣе XVIII вѣка, когда труды Меркати (онъ умеръ въ 1593 г., но работы его были изданы лишь въ 1717 г.), Карла, Эстерлинга, Гелвига, А. де-Жюссье, Эккарда, Магюделя и Гоге стали указывать на возможность существованія каменнаго вѣка, а труды знаменитаго Буше де-Пертъ въ 1836 г. и слѣд. окончательно показали то великое значеніе, какое имѣетъ каменный вѣкъ въ исторіи первобытной культуры. Такимъ образомъ, съ того времени, когда Лейэль на Абердинскомъ конгрессѣ торжественно призналъ существованіе потретичнаго человѣка, древняя культура стала дѣлиться на періодъ каменныхъ и періодъ металлическихъ издѣлій. Точнѣе опредѣлилось это дѣленіе

подъ вліяніемъ трудовъ Томсена, разбившаго исторію человѣческой культуры на вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный. Распространенію этой теоріи особенно способствовала научная дѣятельность Ворсо (Worsae).

Въ настоящее время, однако, безусловный характеръ этой классификаціи сталъ подвергаться сильнымъ ограниченіямъ. Старая школа, устанавливая это дѣленіе, недостаточно обратила вниманіе на свойства матеріала (камня, бронзы, желѣза) и на вліяніе, какое эти свойства могли оказывать на пріемы первобытной техники, слишкомъ мало посвятила труда и на выясненіе того хронологическаго преемства, въ какомъ одинъ за другимъ слѣдовали издѣлія камня, бронзы и желѣза.

По свойствамъ матеріала издѣлія изъ камня не всѣ должны быть полированы. Тогда какъ кремень можетъ обойтись безъ шлифовки, діоритъ, сланцы и многія другія породы не могутъ. Отсюда слѣдуетъ выводъ весьма важный. Періоды палеолитическій и неолитическій могутъ сосуществовать для сдѣланныхъ изъ разнаго матеріала различныхъ издѣлій; дѣленіе это получаетъ несомнѣнное хронологичское значеніе лишь примѣнительно къ сдѣланному изъ одного и того же матеріала, но въ разное время различно отдѣланному виду или роду орудій. Свойства породъ, изъ которыхъ могутъ выдѣлываться каменныя орудія, сравнительно со свойствами металловъ разъясняютъ намъ нѣсколько и другой вопросъ: вопросъ о „переживаніи" каменныхъ орудій. Коэффиціентъ твердости діорита, а тѣмъ болѣе кремня, превосходитъ такой же коэффиціентъ мѣди и бронзы. Коэффиціенты твердости кварца и стали одинаковы. Отсюда становится понятнымъ, почему нѣкоторыя изъ каменныхъ издѣлій продолжаютъ употребляться наравнѣ съ металлическими.

Не менѣе любопытенъ анализъ свойствъ металловъ, поскольку имъ разъясняется дѣленіе древней культуры на вѣка: бронзовый и желѣзный. Для приготовленія бронзы требуется, какъ извѣстно, предварительное знакомство съ мѣдью и оловомъ. И то, и другое встрѣчаются въ чистомъ видѣ, тогда какъ желѣзо (за исключеніемъ метеорическаго) извѣстно намъ обыкновенно лишь въ соединенномъ видѣ; наиболѣе распространеннымъ считается двусѣрнистое желѣзо: FeS^2. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, легче ознакомиться съ составными частями того соединенія, которое мы называемъ бронзой, чѣмъ съ желѣзомъ. За то мѣдь обрабатывать гораздо труднѣе желѣза. Мѣдь плавится при температурѣ приблизительно въ 1100° С., тогда какъ желѣзо можно добывать изъ руды и въ нерасплавленномъ видѣ при температурѣ въ 700° С. При этомъ бронза требуетъ знакомства не только съ мѣдью, но и съ оловомъ, которое далеко не такъ распространено на земномъ шарѣ, какъ желѣзо. Послѣднее, наоборотъ, принадлежитъ къ числу элементовъ, значительно распространенныхъ не только въ массѣ земной коры, но и во всей вселенной. Его окислы, различныя ихъ соединенія и его сѣрнистыя соединенія находятся въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ земной коры. Всѣ эти соображенія въ связи съ цѣлымъ рядомъ новѣйшихъ археологическихъ открытій и

историческихъ справокъ, приводятъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно періода металлическихъ издѣлій. Въ этомъ періодѣ слѣдуетъ различать два второстепенныхъ хронологическихъ подраздѣленія: 1) періодъ самостоятельнаго развитія отдѣльныхъ соціальныхъ группъ, и 2) періодъ культурнаго взаимодѣйствія отдѣльныхъ группъ между собою. Въ теченіе перваго изъ этихъ второстепенныхъ періодовъ далеко не всюду наблюдается *естественное* преемство мѣднаго (?), бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. Такое преемство возможно предполагать въ мѣстностяхъ, гдѣ были мѣдныя, оловянныя и желѣзныя руды, а также въ сосѣднихъ съ ними областяхъ (Индо-Китаѣ, Паропамизѣ, странѣ Массагетовъ и Мексикѣ). Но тамъ, гдѣ не было оловянныхъ рудъ, какъ, наприм., въ прародинѣ Аріевъ (если только искать её въ Средней Азіи), въ Египтѣ, Сѣверной Америкѣ, вслѣдъ за мѣдными издѣліями естественно могли бы слѣдовать и желѣзныя. Наконецъ, въ такихъ странахъ, гдѣ не находится ни мѣдныхъ, ни оловянныхъ рудъ, какъ въ большей части Африки, неудивительно констатировать одни желѣзныя орудія (наприм., у Мандинго). Эта естественная послѣдовательность могла *искусственно* осложниться въ теченіе второго изъ второстепенныхъ періодовъ— періода культурнаго взаимодѣйствія между отдѣльными соціальными группами. Иллюстраціей такого искусственнаго осложненія можетъ служить исторія металловъ въ Европѣ, гдѣ желѣзный вѣкъ не сразу послѣдовалъ за каменнымъ лишь потому, что бронза или бронзовыя издѣлія съ востока занесены были на Европейскій югъ, и отсюда постепенно распространялись на сѣверъ.

Если болѣе внимательный анализъ матеріала, изъ котораго выдѣлывались первобытныя орудія, даетъ намъ возможность установить болѣе раціональное дѣленіе первобытной культуры на періоды, то и изученіе новѣйшихъ археологическихъ открытій, могильниковъ, въ которыхъ совмѣстно находились предметы разныхъ „вѣковъ", привели къ тому же результату. Въ силу этихъ новыхъ данныхъ теперь уже нѣтъ возможности говорить безъ значительныхъ оговорокъ о хронологическомъзначеніи дѣленій первобытной культуры на вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный. Во-первыхъ, вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный, если и встрѣчаются послѣдовательно у одного и того же народа, то во всякомъ случаѣ не идутъ безусловно одинъ за другимъ, а такъ сказать, входятъ другъ въ друга. Первый еще длится, когда наступаетъ второй, второй еще не кончился, когда начинается третій. Да оно и понятно. Развитіе слагается изъ звеньевъ, которыя не лежатъ рядомъ одинъ за другимъ, а цѣпляются другъ за друга. Во-вторыхъ, въ настоящее время не трудно доказать, что продолжительность вышеуказанныхъ періодовъ у различныхъ народовъ разновременна. Греко-римскій міръ (въ узкомъ смыслѣ) зналъ металлы уже въ то время, когда окружавшіе его варвары ихъ еще не знали; такъ, свайныя постройки приписываются нѣкоторыми изслѣдователями древнимъ кельтамъ, причемъ въ Британіи послѣдніе сохранили этотъ обычай даже въ болѣе позднее время; въ Скандинавіи желѣзо становится извѣстнымъ также ко временамъ Рождества Христова. Наконецъ, въ-третьихъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что

быстрота переходовъ отъ одного періода къ другому въ разныхъ мѣстностяхъ различна, ибо нерѣдко совершается подъ культурнымъ вліяніемъ разновременно развивающихся сопредѣльныхъ группъ. До начала нынѣшняго вѣка лапландцы такъ же, какъ и эскимосы употребляли одни каменныя и костяныя орудія; лишь благодаря вліянію европейской культуры они сразу и сравнительно весьма быстро ознакомились съ желѣзными издѣліями. Такимъ образомъ, имѣя значеніе лишь относительно хронологическое, дѣленіе развитія человѣческой культуры на вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный—получитъ значеніе культурное. Имъ опредѣляется степень развитія человѣчества, но не со всѣхъ сторонъ, а, главнымъ образомъ, въ техническомъ отношеніи, ибо тотъ или другой характеръ матеріала и способа его обработки едва ли можно считать достаточно полнымъ показателемъ всесторонняго развитія данной соціальной группы.

Таковы тѣ поправки, которыя, какъ мнѣ кажется, можно внести съ точки зрѣнія современныхъ археологическихъ знаній въ старое дѣленіе первобытной культуры на періоды: каменный, бронзовый и желѣзный.

Протоколъ XXVIII Общаго собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 22 января 1892 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ, присутствовали 21 членъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. По предложенію г. предсѣдателя, собраніе почтило память покойнаго члена Общества Н. А. Попова вставаніемъ.

3. Г. предсѣдатель заявилъ, что по случаю юбилеевъ В. И. Герье и Н. М. Благовѣщенскаго комитетомъ рѣшено: В. И. Герье послать поздравительную телеграмму, а поздравленіе Н. М. Благовѣщенскаго поручить Н. И. Карѣеву.

4. Г. предсѣдатель заявилъ, что отъ Д. А. Столыпина поступилъ членскій взносъ размѣромъ въ 100 руб. и Г. Е. Аѳанасьевымъ пожертвованъ въ пользу Общества гонораръ за его статью, помѣщенную въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, размѣромъ въ 170 рублей.

5. Объявлено о вновь поступившихъ книжныхъ пожертвованіяхъ отъ А. И. Браудо, В. Н. Сторожева, В. В. Качановскаго, Н. И. Карѣева, Д. Ѳ. Масловскаго, И. Н. Ардашева, В.- К. Пискорскаго, Н. Полетаева, Е. Ф. Шмурло и А. Н. Ткачева. Въ обмѣнъ присланы также: Вопросы философіи и психологіи, Труды общества археол., ист. и этногр. при Каз. университетѣ, изданія Московскаго архива Министерства Юстиціи.

6. Г. предсѣдатель заявилъ, что проф. Масарикъ и проф. Кайзль благодарятъ общество за избраніе ихъ въ члены.

7. Г. редакторъ Историческаго Обозрѣнія заявилъ, что печатаніе III-го тома Историческаго Обозрѣнія обошлось всего въ 917 руб. 6 коп. Къ печатанію IV-го тома приступлено будетъ въ скоромъ времени.

8. Приступлено къ избранію члена комитета. В. А. Мякотинъ отказался отъ кандидатуры въ члены комитета. По баллотировкѣ оказалось, что Г. В. Форстенъ избранъ въ члены комитета большинствомъ голосовъ (15-ти противъ 5-ти).

9. Приступлено къ избранію кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое Общее собраніе. Всѣ оказались избранными единогласно.

10. Предложены кандидатами въ члены общества: И. В. Бѣлогостицкій и Д. Д. Семеновъ.

11. В. Б. Каттерфельдъ прочелъ рефератъ: „Дворянскіе наказы въ 1789 году и ихъ роль во французской исторической литературѣ" (См. прил. I). По прочтеніи реферата Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о причинахъ сходства статей разныхъ cahiers.

12. Г. В. Форстенъ сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ Bonsdorf'a: „Nyen och Nyenskans". С. Л. Степановъ сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ Fustel de Coulanges: „Nouvelles recherches sur quelques problemes d'histoire".

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Дворянскіе наказы 1789 г. и ихъ роль во французской исторической литературѣ.

(Изложеніе реферата В. Б. Каттерфельда).

Слѣдуя традиціоннымъ формамъ, принятымъ со времени Ген. Штатовъ 1560 г., правительство Людовика XVI въ моментъ созыва народныхъ представителей 1789 г. нашло нужнымъ потребовать отъ общества, чтобы оно изложило свои желанія и нужды въ челобитныхъ и представило послѣднія ему на разсмотрѣніе. Какъ ни страннымъ должно казаться подобное рабское слѣдованіе традиціи, тѣмъ болѣе, что само правительство, хотя оно и мало способно было вникнуть въ смыслъ совершающихся событій, все же не могло не чувствовать, что предстоящій созывъ Ген. Штатовъ знаменуетъ собою полный разрывъ съ его прежней политикою и переходъ къ совершенно новому существованію, — однако этому именно слѣдованію исконнымъ формамъ, принятымъ при созывѣ Ген. Штатовъ, мы обязаны любопытнѣйшимъ и важнѣйшимъ источникомъ для исторіи и оцѣнки французскаго общества при вступленіи его въ новую эру политическаго существованія. Наказы 1789 г.—громадный фотографическій аппаратъ, въ которомъ сохранился увѣковѣченнымъ духовный обликъ французской націи наканунѣ переворота, отдѣляющаго старую феодальную Францію отъ нынѣшней новой. О значеніи наказовъ какъ

историческаго источника распространяться нѣтъ надобности. Оно доказывается уже тѣмъ интересомъ, какой былъ ими возбужденъ въ самый моментъ ихъ появленія. На первыхъ же порахъ было сдѣлано нѣсколько попытокъ подвести имъ итогъ, обобщить ихъ содержаніе, результатомъ чего явилось нѣсколько résumés, каковы: Прюдома, Дюпонъ-де-Немура и др., относящіеся еще къ 1789 году. Но эти обобщенія, въ виду спѣшности своей, не могли не носить случайнаго и къ тому же тенденціознаго характера, такъ какъ составлялись ad hoc, для того, чтобы оправдать революцію, показать, что все, ею предпринятое, истекало непосредственно изъ національной воли, запечатлѣнной въ наказахъ. Но вотъ прошелъ первый пылъ революціи, наказы начали утрачивать свой живой, практическій интересъ и скоро были совсѣмъ забыты. Прюдомово резюме, да еще тенденціозное изложеніе содержанія наказовъ у Бюшэ и Ру въ 1 томѣ ихъ „Histoire parlementaire de la Rév. fr.", вышедшемъ въ 1834 г.,— вотъ тотъ мутный источникъ, изъ котораго въ теченіе первой половины нашего столѣтія черпали свои свѣдѣнія историки этой эпохи. Новый толчекъ къ изученію наказовъ былъ сообщенъ Токвилемъ, который въ приложеніи къ своей исторіи „Стараго порядка и революціи" далъ впервые безпристрастный анализъ занимающихъ насъ здѣсь дворянскихъ наказовъ. Въ этомъ анализѣ знаменитый историкъ пришелъ, повидимому, неожиданно для себя самого, къ чрезвычайно благопріятнымъ по отношенію къ французскому дворянству выводамъ: онъ открылъ въ немъ „духъ и великія достоинства аристократіи, и что революція, уничтоживъ дворянство, тѣмъ самымъ отняла у націи необходимую часть ея существа и нанесла свободѣ рану неизлѣчимую"; „нація будетъ вѣчно сожалѣть, что, вмѣсто подчиненія этого дворянства власти законовъ, его уничтожили и вырвали съ корнемъ"—вотъ подлинныя выраженія Токвиля, въ которыхъ онъ даетъ волю своему несимпатическому отношенію къ революціи. Такъ какъ „Анализъ" Токвиля остался во французской исторіографіи и по настоящее время едва ли не единственной попыткою научной оцѣнки наказовъ 1789 г. и такъ какъ выводы, къ которымъ пришелъ его авторъ, пріобрѣли право гражданства во французской исторической литературѣ, а потому не могли не оказывать могущественнаго вліянія на дальнѣйшее развитіе исторіографіи по революціонной эпохѣ—какъ это и видно, напр., въ сочиненіи Тэна „La Révolution", авторъ котораго, произнося свой безапелляціонный приговоръ надъ революціей, ссылается, между прочимъ, и на Токвилевскіе выводы, то намъ необходимо съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на положеніяхъ знаменитаго историка. Дѣйствительно ли надо признать выводы Токвиля послѣднимъ словомъ науки? Прежде всего, намъ кажется, автору „Стараго порядка и революціи" можно сдѣлать упрекъ въ слишкомъ довѣрчивомъ и недостаточно критическомъ отношеніи къ разбираемымъ имъ наказамъ. Правда-ли, какъ онъ говоритъ, что послѣдніе представляютъ собою „результатъ продолжительныхъ дебатовъ со стороны заинтересованныхъ въ ихъ составленіи лицъ и зрѣлаго обсужденія редакторовъ"? Вѣдь еще не такъ давно французская историческая

литература, не колеблясь, признавала сельскіе наказы за выраженіе истинныхъ желаній и взглядовъ крестьянскаго сословія, да еще и по настоящее время даже такой серьезный писатель, какъ Шерестъ, очень склоненъ отстаивать подобное положеніе. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что нашей русской исторической наукѣ принадлежитъ заслуга, что она первая указала на недостатокъ критическаго отношенія къ упомянутымъ наказамъ и первая представила научный ихъ анализъ. Спрашивается, не то же ли повторится теперь съ дворянскими наказами? Имѣемъ ли мы право признавать ихъ за точное выраженіе мнѣній этого сословія? Посмотримъ, прежде всего, какъ составлялись наказы. Согласно королевскому регламенту для производства выборовъ въ Ген. Штаты, дворянство каждаго главнаго судебнаго округа—grand baillage или grande sénéchaussée—должно было, собравшись въ главномъ городѣ своего округа, выбрать изъ своей среды коммиссію для редактированія наказа; каждому члену собранія предоставлялось право передавать коммиссіи для ея руководствованія мемуары, записки, образцы наказовъ и прочій матеріалъ, годный для составленія наказа. Выработанный коммиссіею наказъ поступалъ на обсужденіе собранія, причемъ каждому предоставлялось право, въ случаѣ несогласія съ той или другой статьею редакціи, — принятой большинствомъ, требовать занесенія своего мнѣнія отдѣльно въ протоколъ. Замѣчательно, что при всемъ томъ редакція наказовъ не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ активнаго участія, принятаго въ ихъ составленіи собраніемъ избирателей. Ни малѣйшаго разногласія не обнаруживается по отношенію къ вопросамъ первостепенной важности, отъ разрѣшенія которыхъ въ томъ или другомъ смыслѣ зависѣла вся будущность націи; за то тамъ же въ наказахъ мы найдемъ слѣды несомнѣннаго неудовольствія, которое возбуждали отдѣльныя статьи, затрогивавшія личные интересы того или другого члена собранія: такъ, въ одномъ изъ наказовъ многіе члены собранія не хотятъ военныхъ реформъ, проектированныхъ составителями редакціи и имѣвшихъ въ виду улучшить положеніе нижнихъ чиновъ на счетъ высшихъ; въ другомъ—члены судебной корпораціи выражаютъ неудовольствіе по поводу намѣренія ограничить размѣры судебныхъ округовъ, съ цѣлью сдѣлать судъ болѣе доступнымъ и т. п. Какимъ диссонансомъ звучатъ подобныя себялюбивыя притязанія рядомъ съ громкими и напыщенными разглагольствованіями о свободѣ, о естественныхъ правахъ, о возрожденіи человѣчества? Неужели тѣ и другія мысли могутъ уживаться при нормальныхъ условіяхъ въ одной и той же головѣ? Или здѣсь надо предполагать какое-нибудь насиліе? Можно ли общій тонъ наказовъ, отъ многіе изъ которыхъ проникнуты революціоннымъ радикализмомъ, относить на счетъ всего собранія или здѣсь надо видѣть дѣло рукъ извѣстной только части дворянства, которой, благодаря ея философскому образованію, въ эпоху составленія наказовъ удалось разыграть крупную роль и захватить это дѣло въ свои руки? Не слѣдуетъ забывать также и минутнаго настроенія участвовавшихъ въ собраніи лицъ, особенно тѣхъ, которымъ принадлежала

редакція наказовъ: въ началѣ 1789 г., въ эпоху, когда составлялись наказы, общество находилось въ необыкновенно возбужденномъ состояніи: при всеобщемъ подъемѣ духа, возможно было, что въ наказы попадало не мало такихъ вещей, которыя съ истинными взглядами и желаніями огромнаго большинства дворянъ имѣли весьма мало общаго; за то цѣлыя мѣста, не говоря уже объ отдѣльныхъ выраженіяхъ, въ наказахъ непремѣнно выписаны прямо изъ брошюрной литературы и въ частности изъ тѣхъ примѣрныхъ cahiers, которыхъ во 2-й половинѣ 1788 и началѣ слѣдующаго года вышло несчетное количество: недаромъ можно указать не менѣе 50 мѣстъ въ различныхъ наказахъ, которыя повторяются слово въ слово; есть примѣры, что 2 наказа представляютъ почти дословное повтореніе одинъ другого. Если послѣ всего сказаннаго есть хоть нѣкоторое основаніе усомниться въ исходной точкѣ Токвиля, по которой наказы представляютъ собою точное выраженіе мнѣній и желаній дворянства наканунѣ революціи, то особенное значеніе долженъ пріобрѣсть вопросъ, можно ли на французское дворянство 1789 г. смотрѣть какъ на единую, компактную массу, какъ это дѣлаетъ Токвиль, или внутри его надо различать нѣсколько группъ, различныхъ между собою и по соціальному своему положенію, и по политической роли, выпадавшей имъ на долю въ старой французской монархіи, и наконецъ по самымъ своимъ убѣжденіямъ? Выясненіе этого вопроса стоитъ въ непосредственной связи съ научной оцѣнкой наказовъ какъ историческаго источника и даетъ намъ въ то же время ключъ къ уразумѣнію дальнѣйшаго поведенія дворянства въ эпоху революціи, поведенія, которое находится, повидимому, въ рѣшительномъ противорѣчіи какъ съ духомъ, такъ и съ содержаніемъ его же собственныхъ наказовъ. Достаточно одного взгляда, брошеннаго въ наказы, чтобы убѣдиться въ томъ, что французское дворянство наканунѣ революціи уже давно перестало составлять единую и компактную массу. Во-первыхъ, какъ совершенно особую группу изъ него, надо выдѣлять придворное дворянство, составлявшее привилегированный классъ внутри этого сословія и потому вызывавшее къ себѣ нескрываемую вражду и зависть всего остального сословія. Въ дѣлѣ составленія наказовъ эта часть дворянства, какъ вслѣдствіе своей сравнительной малочисленности, такъ и въ виду недружелюбнаго къ ней отношенія остального сословія, не могла играть большой роли, за то позднѣе, послѣ первыхъ разочарованій дворянства въ революціи, эта группа должна была мало-по-малу сдѣлаться господиномъ положенія, такъ какъ ей принадлежало громадное преимущество,—она съумѣла остаться нетронутой духомъ времени, идеи вѣка остались ей совершенно чуждыми. Въ самомъ дѣлѣ, прочтите протоколы засѣданій нотаблей 1786 и 1878 гг. или, еще лучше, извѣстное письмо принцевъ конца 1788 г., гдѣ они протестуютъ противъ намѣренія короля дать третьему сословію двойное представительство на Ген. Штатахъ. Написанное въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху, когда, если вѣрить увлекающимся историкамъ, самое сельское населеніе научилось говорить языкомъ Монтескье и Руссо, оно носитъ на себѣ несомнѣнную печать XIV в.,

и это въ то самое время, когда наказы остального дворянства бредятъ неотъемлемыми правами человѣка, возрожденіемъ націи, революціею. Давъ время утихнуть первому пылу революціонной горячки, охватившей, казалось, всю націю, эта часть дворянства выжидаетъ моментъ, когда революція успѣетъ отрезвить общество, чтобы стать во главѣ дворянства, увлечь его за собою и заставить его разъ навсегда проститься съ своими прежними иллюзіями, порвать съ идеями вѣка и торжественно сжечь за собою корабли. Достигнуть этого результата было тѣмъ легче, что само провинціальное дворянство не представляло съ своей стороны какой-либо единой массы: оно распадалось— и это очень легко прослѣдить въ наказахъ—на двѣ довольно рѣзко ограниченныя группы,—съ одной стороны стояло городское дворянство, съ каждымъ днемъ все возраставшее въ числѣ, по мѣрѣ того, какъ пустовали деревни и замки покидались своими владѣльцами, а въ то-же время, благодаря продажности должности, изъ которыхъ очень многія давали дворянское званіе, въ него вступали все новые члены изъ городской буржуазіи. Эта часть дворянства выдавалась и своею матеріальною обезпеченностью—недаромъ большая его часть еще недавно были богатыми буржуа—и, главное, своею начитанностью, своимъ знакомствомъ съ идеями вѣка. Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что именно этой части дворянства принадлежала главная роль въ составленіи наказовъ, что ей и ея философской эрудиціи обязаны наказы своимъ догматическимъ характеромъ. И по матеріальному своему положенію, и по знакомству съ идеями вѣка городскому дворянству въ значительной степени уступала та менѣе вліятельная группа дворянъ, которая, по захудалости своей, не имѣла возможности покинуть деревню. Незадолго до революціи физіократическія идеи проникли въ эту группу дворянства и вызвали въ ней сильное оживленіе: недавно еще съ завистью смотрѣвшее на своихъ болѣе счастливыхъ собратій, имѣвшихъ возможность пользоваться всѣми удобствами городской жизни и прожигать здѣсь свое состояніе, сельское дворянство почувствовало вдругъ сильный подъемъ духа. Считая себя за представителя земли, оно было вполнѣ увѣрено, что оно вмѣстѣ съ крестьянствомъ одно только приноситъ пользу государству, что оно одно только компетентно судить о нуждахъ земли и объ интересахъ сельскаго населенія. Выросши въ своихъ собственныхъ глазахъ на цѣлую голову, оно почувствовало потребность проявить себя, дать почувствовать свою нравственную мощь—и вотъ, въ это самое время правительство обращается къ сословіямъ съ предложеніемъ изложить свои нужды и желанія. Понятно, что сельское дворянство, считавшее себя обиженнымъ, несправедливо затертымъ, отодвинутымъ на задній планъ, не хотѣло опустить такого благопріятнаго случая. Но такъ какъ, по философской своей эрудиціи, оно оставалось далеко позади городского дворянства, то по-неволѣ должно было предоставить послѣднему главную роль въ редактированіи наказовъ. Среди этого городского дворянства было не мало идеологовъ, которымъ было нипочемъ смастерить при помощи 2—3 случайныхъ брошюръ какой-угодно революціонный

наказъ: многообѣщающія фразы о возстановленіи попранныхъ правъ націи, хотя и должны были казаться большинству собранія немного туманными, немного непонятными, не могли однако не ласкать слуха, тѣмъ болѣе, что большинство въ простотѣ своей не сомнѣвались, что подъ попранными правами націи подразумѣваются именно ихъ права, и что Ген. Штаты первымъ дѣломъ займутся возстановленіемъ дворянства во всѣхъ его правахъ, мало по малу отнятыхъ у него и присвоенныхъ себѣ государственною властью. Оттого то среди идеологическихъ мечтаній на тему о возстановленіи націи, дворянство, вообще говоря, не только не думаетъ жертвовать своими насущными интересами, но сплошь и подрядъ требуетъ себѣ новыхъ привилегій, новыхъ подачекъ. Чѣмъ замѣтнѣе въ наказѣ бьетъ оптимистическая жилка, чѣмъ больше въ немъ идеологіи, тѣмъ меньше мѣста отводится въ немъ сословнымъ притязаніямъ и, наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ разсѣеваются иллюзіи, связанныя съ созывомъ Ген. Штатовъ, и исчезаетъ обаяніе, производимое на собраніе революціоными идеями, сословные интересы выступаютъ на первый планъ. Понятно, послѣ этого, что когда, подъ вліяніемъ быстро чередовавшихся событій, дворянство начало разочаровываться въ революціи, увидѣвъ, что послѣдняя приведетъ его не къ возстановленію его правъ, а къ ихъ полному уничтоженію, когда, отрезвленное революціею, оно убѣдилось, что всѣ его мечтанія о какомъ то метафизическомъ счастіи не болѣе какъ бредни, ему уже немногаго стоило стряхнуть съ себя обаяніе революціонныхъ идей, которому оно на-время поддалось, и открыто выступить въ защиту своихъ сословныхъ интересовъ. Такой, только на первый взглядъ неожиданный, поворотъ фронта былъ со стороны дворянства тѣмъ естественнѣе, что въ лицѣ придворнаго дворянства, ни одной минуты не позволившаго себѣ увлекаться иллюзіями, оно нашло себѣ точку опоры, пріобрѣло достойныхъ руководителей, готовыхъ простить блудному сыну его минутное ослѣпленіе и снова вернуть на путь истины. Вотъ гдѣ надо искать ключъ къ пониманію дальнѣйшаго поведенія дворянства во время революціи вплоть до того момента, когда оно рѣшилось вступить въ ряды эмиграціи, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ добывать себѣ отцовское наслѣдіе (извѣстно, что точка зрѣнія, по которой французскіе дворяне считались прямыми потомками франкскихъ завоевателей, была общераспространена въ XVIII в., — вспомнимъ хотя бы сочиненіе Булленвилье). Вотъ это то и проглядѣлъ авторъ „Стараго порядка и революціи“ и дѣйствительно, надо согласиться, что всякій, кто ожидалъ бы найти въ дворянскихъ наказахъ исключительно защиту сословныхъ интересовъ, не могъ, при чтеніи этихъ наказовъ, не поддаться своеобразному обаянію, производимому на него ихъ идеалистическимъ полетомъ мыслей, ихъ повидимому искреннимъ оптимизмомъ. Но отдайтесь первому впечатлѣнію—и вы не только не возстановите на основаніи вашего знакомства съ наказами духовнаго облика дворянства въ его настоящемъ, не искаженномъ въ преломляющей средѣ идей времени и минутнаго настроенія, и пр., и пр. видѣ, вы не съумѣете объяснить,

какимъ образомъ это дворянство, до 1789 г. бывшее, повидимому, самымъ либеральнымъ въ Европѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ, чтобы не сказать мѣсяцевъ, обратилось въ самаго яраго противника революціи; вы должны будете, вмѣстѣ съ Токвилемъ, свалить всю отвѣтственность за это на революцію, искать объясненія этой перемѣны не во внутреннихъ мотивахъ, не въ убѣжденіяхъ самого дворянства, а извнѣ, въ насиліи, допущенномъ по отношенію къ дворянству революціею, какъ это и дѣлаетъ извѣстная часть французской исторіографіи съ Тэномъ во главѣ, если только тенденціозный памфлетъ послѣдняго на революцію заслуживаетъ названія строгаго историческаго изслѣдованія. Что касается автора „Стараго порядка и революціи", то въ оправданіе его слѣдуетъ замѣтить, что наблюденія, которыя онъ успѣлъ сдѣлать надъ наказами, были имъ высказаны только мимоходомъ, на что указываетъ и самое мѣсто, которое „анализъ" занимаетъ въ его книгѣ: мы найдемъ его не въ самомъ текстѣ, а между прибавленіями, гдѣ ему отведено 14 страничекъ очень скромнаго формата; кромѣ того нашему историку были извѣстны, очевидно, далеко не всѣ наказы, судя, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ неточностямъ, которыя бросаются въ глаза при чтеніи анализа. Во всякомъ случаѣ за работою Токвиля нельзя не признать одного достоинства—отсутствія тенденціи, безпристрастнаго отношенія къ дѣлу. Этого достоинства мы не найдемъ въ послѣдующихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ тому же вопросу; я имѣю здѣсь въ виду сочиненіе Шассена „Le génie de la Révolution" и вышедшее немного позднѣе соч. Понсена „Les cahiers de 89", появившіяся оба въ серединѣ 60-хъ годовъ, въ такое время, когда снова стала пробуждаться во Франціи политическая мысль и когда общество, тяготясь Наполеоновской диктатурою, снова обратилось къ изученію судебъ первой революціи. Но при борьбѣ различныхъ тенденцій, либеральной и радикальной, желавшей каждая для своихъ цѣлей воспользоваться матеріаломъ, доставляемымъ исторіей, о научной разработкѣ революціонной эпохи не могло быть и рѣчи. Представитель радикализма Шассенъ, принимаясь за изученіе наказовъ 1789 г., задавался опредѣленной цѣлью,—доказать, что революція „вся намѣчена, опредѣлена и уполномочена въ наказахъ", и тѣмъ освободить ее отъ всякихъ нареканій. Сочиненіе его читается съ большимъ интересомъ, но значеніе оно имѣетъ исключительно какъ произведеніе публицистики, на научный же характеръ претендовать ни въ какомъ случаѣ не можетъ, да, кажется, и не хочетъ. Къ тому же оно не окончено: вышло всего 2 тома, не составляющіе, повидимому, и половины всего задуманнаго труда. Авторъ другого сочиненія, представитель либеральной тенденціи Понсенъ задался цѣлью доказать, въ противоположность своему политическому противнику, что составители наказовъ 1789 г. вообще не хотѣли и не предвидѣли той революціи, которая на нихъ обрушилась. „Любовь къ свободѣ, говоритъ онъ, установленіе ея царства на землѣ посредствомъ господства законовъ, возрожденіе, не разрушеніе древняго французскаго государственнаго строя—вотъ истинный смыслъ наказовъ". Соотвѣтственно

этому и самое сочиненіе Понсена носитъ характерное названіе „Les cahiers de 89 ou les vrais principes libéraux“. Относясь къ революціи отрицательно, Понсенъ долженъ былъ питать сочувствіе къ дворянству и, дѣйствительно, онъ не только съ особенною охотою цитируетъ дворянскіе наказы, находя въ нихъ всего сильнѣе выраженною любовь къ свободѣ, но въ то же время старается, по возможности, сгладить различія между сословіями, ослабить значеніе тѣхъ вопросовъ, которые ихъ раздѣляли, чтобы подогнать факты подъ то положеніе, въ которомъ онъ хочетъ насъ убѣдить. Такимъ образомъ и здѣсь вопросъ былъ поставленъ на чисто публицистическую почву. Историкъ, желающій воспользоваться наказами 1789 года, какъ историческимъ источникомъ для воспроизведенія духовнаго облика французскаго общества наканунѣ революціи, желающій найти въ наказахъ ключъ къ уразумѣнію событій, характеризующихъ революцію, не найдетъ почти ничего у упомянутыхъ двухъ авторовъ. Между тѣмъ вскорѣ послѣ появленія въ печати этихъ двухъ произведеній, былъ сдѣланъ важный шагъ: съ 1867 года начало выходить предпринятое по порученію французскаго правительства Мавидалемъ и Лораномъ изданіе Парламентскихъ архивовъ, первая серія которыхъ, состоящая изъ 7 томовъ (6 томовъ текста и 1 томъ, содержащій подробный къ нимъ указатель), заключаетъ въ себѣ значительное количество составленныхъ въ 1879 году наказовъ: если говорить только о наказахъ привилегированныхъ сословій, включая сюда и городскую буржуазію, то напечатаннаго въ сборникѣ матеріала окажется даже слишкомъ достаточно, чтобы на его основаніи составить себѣ понятіе о состояніи умовъ наканунѣ революціи. Характерно, однако, что первое время этотъ сборникъ не обратилъ на себя никакого вниманія. Онъ остался неизвѣстнымъ и Тэну, въ многотомномъ сочиненіи котораго по эпохѣ революціи нѣтъ ни слова о наказахъ 1789 г.: извѣстно, что между первымъ томомъ этого сочиненія, содержащимъ изображеніе французскаго общества до революціи, и слѣдующимъ томомъ „Révolution“, начинающимся съ описанія безпорядковъ, предшествовавшихъ взятію Бастиліи, такъ-назыв. „anarchie spontanée“, находится пробѣлъ, обнимающій время, предшествовавшее непосредственно созыву Ген. Штатовъ, самый созывъ, составленіе наказовъ и первоначальную дѣятельность Ген. Штатовъ и Національнаго Собранія. Въ заключеніе нельзя не упомянуть о сочиненіи, которое хотя и не разрѣшаетъ, но въ значительной степени подготовляетъ работу научнаго изслѣдованія наказовъ: я имѣю въ виду вышедшее въ 1884 г. сочиненіе Шереста „La chûte de l'ancien régime“, содержащее очень основательное и вмѣстѣ интересное изложеніе событій 1788—9 гг. Во 2-мъ томѣ этого обширнаго труда есть 2 главы, посвященныя оцѣнкѣ наказовъ 1789 года. Это, послѣ Токвиля, вторая попытка воспользоваться богатымъ содержаніемъ наказовъ въ качествѣ историческаго источника по эпохѣ, предшествующей революціи. Хотя на этотъ разъ попытка вышла гораздо удачнѣе прежней, но все-таки это только попытка: цѣльнаго изслѣдованія какъ о наказахъ

вообще, такъ и о дворянскихъ наказахъ въ частности, до сихъ поръ не было и нѣтъ во французской исторіографіи.

Протоколъ XXIX Общаго собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 18 марта 1892 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ, присутствовало 20 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго собранія.

2. По предложенію г. предсѣдателя Собраніе почтило память покойныхъ членовъ Общества: Г. А. Клейбера и М. И. Семевскаго вставаніемъ.

3. Г. предсѣдатель заявилъ о томъ, что В. И. Герье и Н. М. Благовѣщенскій благодарятъ Общество за присланныя имъ поздравленія по случаю ихъ юбилеевъ.

4. Г. предсѣдатель заявилъ, что д-ръ Кентржинскій благодаритъ Общество за избраніе.

5. Прочитанъ списокъ поступившихъ въ библіотеку книгъ отъ гг.: Д. Струнина, Н. Н. Ѳирсова, В. Н. Сторожева, А. Прохаски, Н. И. Барсова, О. Вильчинскаго, д-ра Кентржинскаго, М. И. Семевскаго, А. А. Павловскаго, Н. И. Шишкина, Д. И. Багалѣя, статсъ-секретаря Куломзина, Д. А. Столыпина, Г. Фрасера, Таврической учебной архивной коммиссіи, ред. Славянскаго Обозрѣнія, а также въ обмѣнъ за изданія общества—отъ редакцій: Сѣвернаго Вѣстника, Кіевской Старины, Русскаго архива, Ученыхъ записокъ Казанскаго университета, Казанскаго общества исторіи, этнографія и археологіи. Кромѣ того, Д. А. Столыпинъ прислалъ свою брошюру: „Общинная наша система“, въ количествѣ пятидесяти экземпляровъ, для раздачи членамъ Общества.

6. Приступлено къ баллотировкѣ кандидатовъ, предложенныхъ на прошломъ Общемъ собраніи. Д. Д. Семеновъ избранъ единогласно, И. В. Бѣлогостицкій—большинствомъ голосовъ.

7. Предложены въ члены общества кандидаты: А. С. Вязигинъ, В. Ѳ. Дерюжинскій, И. П. Житецкій, А. Д. Маляренко, И. П. Созоновичъ, Н. А. Ставровскій, Е. Н. Щепкинъ, А. Ѳ. Энманъ.

8. В. В. Лесевичъ прочелъ рефератъ: „О культурно-историческомъ соотношеніи между „переживаніями“ и „бредовыми психозами“ (см. прилож. I). На рефератъ В. В. Лесевича сдѣлалъ нѣсколько возраженій д-ръ Томашевскі Работа д-ра Танци, по мнѣнію оппонента, незначительна, да и самаго Танг нельзя считать авторитетомъ, хотя бы, напримѣръ, въ его опредѣленіи пар нойи, которое не соотвѣтствуетъ клиническимъ даннымъ. Не отдѣльныя лѣпыя слова и даже не цѣлое нелѣпое міросозерцаніе, какъ полагаетъ кладчикъ, а комплексъ ненормальныхъ состояній, какъ результатъ патологи

ческихъ измѣненій мозга, называется бредовымъ психозомъ. Напрасно также референтъ упрекалъ психіатровъ въ томъ, что они легко относятся къ діагнозу и не принимаютъ во вниманіе соціальныхъ условій, въ которыхъ живетъ больной субъектъ; напротивъ, и къ тому, и къ другому психіатры относятся внимательно и серьезно. Дюпрель и Мота, которыхъ референтъ считаетъ больными, для психіатровъ—здоровые люди. Возвращаясь къ работѣ Танци, д-ръ Томашевскій замѣтилъ, что теорія переживаній нисколько не объясняетъ явленій бредового психоза, такъ какъ субъекты, имъ одержимые, во всякой обстановкѣ, хотя бы вернулись въ условія жизни первобытнаго человѣка, будутъ людьми больными. В. В. Лесевичъ, возражая на замѣчанія д-ра Томашевскаго, отмѣтилъ если не авторитетность, то, по крайней мѣрѣ, извѣстность д-ра Танци, какъ редактора „Rivista sperimentale di freniatria“ и автора статей, помѣщаемыхъ въ „Rivista di filosofia scientifica“; работы Танци при этомъ обратили на себя вниманіе иностранной литературы, переводились на другіе языки. Работа Танци, о которой сообщалъ онъ, г. Лесевичъ, въ своемъ рефератѣ, сама по себѣ заслуживаетъ вниманіе въ виду интереса вопроса, ею поставленнаго. Что касается упрека по адресу психіатровъ, будто бы высказаннаго референтомъ, то это, по словамъ В. В. Лесевича, рѣшительно недоразумѣніе, такъ какъ онъ, напротивъ, обвинялъ публику, не понимающую вердиктовъ психіатровъ. Взглядъ психіатра на содержаніе бреда у психическихъ больныхъ долженъ разниться отъ взгляда на то же явленіе у историка культуры. Послѣдній съ полнымъ правомъ можетъ видѣть въ этомъ и содержаніе, и переживаніе, и „оживаніе“, какъ это видно изъ данныхъ, собранныхъ въ Архивѣ Психіатріи проф. Ковалевскаго (т. I, № 1). Обращаясь къ вопросу о томъ, могъ ли бы психически больной субъектъ приспособляться къ той средѣ, къ которой относится характеръ его бреда, В. В. Лесевичъ полагалъ, что и самъ Танци не сталъ бы утверждать о возможности такого приспособленія, такъ какъ признаетъ наличность мозговой болѣзни въ каждомъ случаѣ психическихъ аномалій. Наконецъ, сомнѣнія д-ра Томашевскаго въ болѣзни Дюпреля и Мота, кажется, могутъ быть опровергнуты такими діагнозами такихъ извѣстныхъ спеціалистовъ, какъ Амадеи и Шпехта. Въ заключеніе спора Н. И. Карѣевъ обратилъ вниманіе на необходимость изученія психологіи для историковъ.

9. Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ сообщеніе о печатаемой работѣ М. С. Корелина „Ранній итальянскій гуманизмъ“.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О культурно-историческомъ соотношеніи между „переживаніями“ и бредовыми психозами.

Изложеніе реферата В. В. Лесевича.

1) Вопросомъ о соотношеніи между „переживаніями“ и психозами особенно много занималась итальянская школа психіатровъ. Работы Ломброзо,

Ферри, Гарофало и др. имѣютъ обширную извѣстность. До сихъ поръ вниманіе школы останавливалось, главнымъ образомъ, надъ соотношеніемъ между „переживаніями" и психозами моральной сферы, въ послѣдніе же два—три года одинъ изъ представителей школы Е. Танци (E. Tanzi), ассистентъ при клиникѣ Туринскаго университета, занялся изслѣдованіемъ соотношенія между „переживаніями" и психозами интеллектуальной сферы и сблизилъ первобытныя воззрѣнія съ идеями бреда душевно-больныхъ [1]).

2) Основное свое положеніе Танци формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „заблужденія, лжетолкованія, бредъ, происходящій отъ сумасшествія, хотя и и кажутся единичными явленіями и случайными уклоненіями, всегда различаемыми отъ здравомыслія, суть только болѣзненныя повторенія тѣхъ воззрѣній, которыя когда то были всеобщими. По этой причинѣ не трудно соединить ихъ въ отдѣльныя группы, объяснить ихъ и установить ихъ формы. Между клиническими данными психіатра и историческими данными демопсихолога существуетъ неразрывная связь. Разъ эта связь будетъ схвачена, какъ сейчасъ же легко представится тотъ всеобщій законъ развитія человѣческаго разума, который съ перваго взгляда встрѣчалъ въ фактѣ психопатическаго бреда нѣчто такое, къ чему приложиться онъ не могъ и по отношенію къ чему онъ являлся какъ бы исключеніе. Въ подтвержденіе этого взгляда Танци даетъ длинный рядъ сдѣланныхъ имъ сближеній между „переживаніями" и идеями бреда. Данныя первой категоріи представляютъ ему: Шварцъ, Фридлендеръ, Э. Тэйлоръ, Винсонъ, Бастіано, А. Лангъ, Масперо, Мартинъ Шульце, А. Ревиль, Гэдохъ, Себильо, Дж. Леббокъ, Роб. Гартманъ, Питре́, Артуръ Графъ, Габерландъ, Гольцманъ, Леруа Больё, Теодоръ Вайцъ, Бэссакъ, Менанъ, Гарсенъ де-Тасси, Оскаръ Губагъ, Ленорманъ, Филье, Люзель, Потто, Германъ Коппъ, Шрадеръ, Банкрофтъ, Летурно и др. Данныя же второй категоріи имѣетъ онъ въ той спеціальной литературѣ и тѣхъ самостоятельныхъ наблюденіяхъ, которыя послужили для монографіи о первичномъ помѣшательствѣ, вышедшей отдѣльною книгою въ 1886 г. и составленной въ сотрудничествѣ съ д-ромъ Риво (La paranoia. Reggio-Emilia. 1886).

Референтъ полагаетъ:

1) Отдавая полную справедливость глубинѣ интереса дѣлаемаго Танци сближенія и признавая за нимъ большой талантъ и обширныя познанія, нельзя не замѣтить, что онъ, заимствуя одинъ изъ элементовъ своего основнаго по-

---

[1]) Танци состоялъ редакторомъ журнала „Rivista di filosofia scientifica" вплоть до прекращенія журнала въ декабрѣ прошлаго года и въ настоящее время значится въ числѣ редакторовъ „Rivista sperimentale di freniatrica". Взгляды его съ наибольшею полнотою изложены въ статьѣ: „J neologismi degli alienati" (Rev. sper. di fr. 1889—90. Vol. XV, fasc. IV, Vol. XVI, fasc. 1, II) и въ статьяхъ: „Rev. di filos. scient. 1890, Vol. IX и 1891, Vol. X. Первая изъ этихъ статей переведена въ американскомъ психіатрическомъ журналѣ „The Alienist and Neurologist" 1891, № 1.

ложенія у Тэйлора, не остановился надъ установленнымъ Тэйлоромъ различеніемъ между „переживаніями“ и „оживаніями“. Если бы Танци обратилъ должное вниманіе на это различеніе, онъ не могъ бы не замѣтить, что „переживанія“ представляютъ лишь неисчезнувшіе еще и въ наше время фазисы развитія и съ психозами сближены быть не могутъ, такъ что подъ общее положеніе Танци могутъ быть подведены лишь „оживанія“.

2) Разсмотрѣвъ нѣкоторые близкіе нашему времени примѣры „оживаній“, нельзя не видѣть, что психіатрическая ихъ оцѣнка неизбѣжно разнится отъ оцѣнки общественной, въ сильной степени зависящей отъ массы и интенсивности образующихся въ обществѣ „переживаній“. Располагая извѣстные случаи „оживаній“ въ одинъ рядъ, можно сказать, что степень признанія психопатическаго значенія отдѣльныхъ звеньевъ этого ряда находится въ прямой зависимости отъ степени доступности для данной общественной среды, той очевидности, которую истинность каждаго переживанія имѣетъ для человѣка, вооруженнаго наукою. По этой причинѣ основатель новой религіи Ладзарети имѣлъ послѣдователей только между поселянами, тогда какъ Анджело Мотта, будто бы открывшій способъ металлизаціи органическихъ тѣлъ, нашелъ поклонниковъ и въ образованномъ классѣ, и Дю-Прель, предлагающій новую мистическую теорію душевныхъ болѣзней, встрѣчаетъ восторженный пріемъ и у называющихъ себя учеными [1]).

Протоколъ XXX (экстреннаго) общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 28 марта 1892 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо Данилевскомъ присутствовало 20 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что въ библіотеку Общества поступили книжныя пожертвованія отъ г. Корженёвскаго, Московскаго Археологическаго Общества и Новороссійскаго Университета.

3. Г. редакторъ Историческаго Обозрѣнія заявилъ, что четвертый томъ сборника уже печатается: набраны, или набираются, статьи гг. Карѣева, Дебольскаго, Сапожникова, Лурье, Ковалевскаго (М. М.), Гревса и Погодина имѣются въ виду также и другія статьи.

4. Приступлено къ выбору въ члены кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое общее собраніе; всѣ оказались избранными.

---

[1]) Источниками для характеристики Ладзарети, Мотта и Дю-Преля служили слѣдующія сочиненія: C. Lombroso. Pazzi ed anomali. 1886.—G. Barzelloti. Santi, solitari e filosoifi. 1886.—G. Amadei. Uno scoperto matoido. La metallizzatione dei corpi organici di Angelo Motta 1889.—G. Specht. Die Mystik im Jrrsinn. Erwiderung an Baron Carl du Prel. 1891.

5. Предложенъ въ члены общества С. В. Лурье.

6. П. А. Шафрановъ прочелъ рефератъ объ экономическомъ бытѣ Выгорѣцкаго старообрядческаго общежительства въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. На рефератъ П. А. Шафранова нѣсколько замѣчаній сдѣлано было Н. И. Барсовымъ. Н. И. Барсовъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что референтъ не принялъ во вниманіе свѣдѣнія о старообрядческихъ общежительствахъ, которыя можно почерпнуть изъ вѣдомства духовнаго (Синодальнаго Архива) и которыя не сходятся съ оффиціальными показаніями вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ; эти показанія, въ свою очередь, расходятся съ реальными цифрами, какъ это можно видѣть изъ писемъ Аркадія Олонецкаго. Н. И. Барсовъ настаивалъ также на необходимости различать монастыри, скиты и суземки раскольниковъ.

7. А. С. Лаппо-Данилевскій сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ А. Н. Post'a: Ueber die Aufgaben der Allgemeinen Rechtsrisenschaft, (1891) и Н. И. Карѣевъ—о книгѣ Дайси: Основы государственнаго права Англіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Экономическій бытъ выгорѣцкаго старообрядческаго общежительства.

(Изложеніе реферата П. А. Шафранова).

Подъ именемъ выгорѣцкаго общежительства разумѣются старообрядческіе безпоповскіе скиты—Данилово и Лекса, находившіеся въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи. Основаніе перваго изъ этихъ скитовъ относится къ 1695-му году.

Трудно было жить первымъ обитателямъ скитовъ; многимъ лишеніямъ подвергались они въ борьбѣ съ суровою природою: лѣсами, болотами и суровымъ климатомъ.

Въ лѣсахъ нужно было выжигать мѣста для пашней и затѣмъ очищать эти мѣста отъ камней; приходилось осушать болота для сѣнокосовъ и при всей громадности трудовъ приходилось все же первымъ поселенцамъ испытывать голодъ, такъ какъ „весенніе утренники, т. е. морозы, уничтожали всякое хлѣбное прозябеніе“.

Среди такихъ лишеній выговскіе поселенцы прожили первыя 10 лѣтъ XVIII вѣка, пока подспорьемъ земледѣлію не явилась торговля чужимъ хлѣбомъ и пока самое земледѣліе не стало болѣе обезпечивать жизнь выговцев, а это могло явиться только тогда, когда выговцы отъ подсѣчнаго хозяйства соединеннаго съ огромнымъ трудомъ и потерей времени, перешли къ постояннымъ пашнямъ или трехпольному хозяйству. Этотъ переходъ совершался

степенно, по мѣрѣ того, какъ выговцы народили достаточно удобренія для полей. Для удобренія полей необходимо было содержаніе болѣе или менѣе значительнаго количества скота и мы видимъ, что выговцы дѣйствительно въ обширныхъ размѣрахъ занялись разведеніемъ скота, именно коровъ и лошадей.

Кромѣ скотоводства и земледѣлія, выговцы мало по малу завели у себя разныя ремесленныя заведенія: „швальни"—портную и чоботную, „кузнечную", „кожевню", „мѣдню"; занялись перепискою книгъ, дѣланіемъ образовъ, крестовъ и другихъ церковныхъ принадлежностей. Занимались также выговцы разными промыслами, какъ-то: рыбной ловлей и охотой, а также вели обширную торговлю. Выговцы имѣли даже на Бѣломъ морѣ свои морскія суда, на которыхъ они выѣзжали къ берегамъ Шпицбергена и Новой Земли для боя моржей и китовъ.

Въ концѣ XVIII и началѣ настоящаго столѣтія выгорѣцкое общежительство уже обращаетъ на себя вниманіе съ одной стороны своимъ обширнымъ хозяйствомъ, своими богатствами и оригинальностью своего устройства и жизни,—съ другой своимъ религіозно-нравственнымъ вліяніемъ не только на Олонецкій и Поморскій край, но и на безпоповцевъ всей Россіи. Это былъ безпоповскій Іерусалимъ. По оффиціальнымъ даннымъ, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія общежительство имѣло земли пашенной 863 десятины, не считая сѣнокосовъ. Земля эта разбросана была на большомъ пространствѣ вокругъ скитовъ, именно, кромѣ двухъ главныхъ селеній Данилова и Лексы она находилась при 12 т. н. пашенныхъ дворахъ. Это были земледѣльческія колоніи выговскихъ скитовъ.

Для опредѣленія размѣровъ скотоводства есть только одна цифра, относящаяся къ концу XVIII столѣтія, именно количество рогатаго скота—коровъ въ то время простиралось до 500 штукъ, изъ нихъ до 200 штукъ въ Лексѣ и до 300 въ Даниловѣ. Доходы скитовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, простирались до 200 тысячъ.

Данилово и Лекса въ экономическомъ отношеніи сперва представляли одну общину, но въ 30-хъ годахъ этого столѣтія Лекса отдѣлилась отъ своей метрополіи, послѣ того какъ нашла себѣ богатую покровительницу въ лицѣ дѣвицы Голашевской, наслѣдницы купцовъ Долгихъ.

Съ конца 30-хъ годовъ начались для выговскихъ скитовъ притѣсненія со стороны администраціи, какъ мѣстной, такъ и центральной; притѣсненія эти окончились полнымъ разрушеніемъ скитовъ и всего ихъ огромнаго хозяйства. Эти притѣсненія можно раздѣлить на три періода. Первый періодъ съ 1836 по 1841-й годъ былъ сравнительно легкій; мѣры, принимаемыя противъ выговцевъ, имѣли цѣлью только ослабить вліяніе выгорѣцкаго общежительства среди безпоповцевъ; администрація дѣйствовала еще неувѣренно, съ одной стороны не имѣя еще въ рукахъ точныхъ свѣдѣній ни о степени матеріальнаго благосостоянія общежительства, ни о степени религіозно-нравственнаго вліянія его; съ другой стороны стѣсняясь Высочайшимъ повелѣніемъ, которое

давало право только на принятіе мѣръ къ ослабленію вліянія скитовъ и рекомендовало строгую постепенность въ мѣропріятіяхъ.

Второй періодъ съ 1841 по 1853 годъ, уже болѣе тяжелый для выговцевъ, насталъ тогда, когда правительство увидѣло, что принятыя имъ мѣры далеко еще не уничтожили вліянія выговскихъ скитовъ, что у нихъ есть еще сильное средство въ рукахъ для поддержанія своего вліянія—это матеріальныя богатства и главнымъ образомъ земля. Нужно было, стало быть, уничтожить экономическое благосостояніе скитовъ и вотъ на ихъ земли переселили больше 100 душъ православныхъ крестьянъ изъ Псковской губерніи; при этомъ выговцевъ ограничили 4-хъ десятиннымъ надѣломъ, вмѣсто 12 десятинъ пашенной—удобной земли, и отняли у нихъ всѣ пашенные дворы. Это событіе, дѣйствительно, нанесло непоправимый ударъ экономическому благосостоянію скитовъ. Но и послѣ этого выговскіе скиты все еще проявляли нѣкоторую жизнь, такъ какъ часть земель у нихъ осталась, осталось также часть постоянныхъ обитателей скитовъ, а главное—остались ихъ святыни—молитвенные дома, могилы ихъ учителей и основателей скитовъ, ихъ древнія книги, иконы и др. священныя вещи; это продолжало привлекать въ скиты богомольцевъ, а скитамъ давало возможность распространять свое вліяніе продажей книгъ и другихъ священныхъ предметовъ и даже посылкою по прежнему своихъ агентовъ для проповѣди и сбора подаяній. Администрація получала свѣдѣнія объ этомъ и вотъ поэтому рѣшила принять окончательныя мѣры для искорененія вліянія выговскихъ скитовъ. Эти окончательныя мѣры состояли въ выселеніи почти всѣхъ старообрядцевъ изъ выговскихъ скитовъ, разореніе ихъ молитвенныхъ домовъ, кладбищъ и даже оградъ вокругъ селеній и отобраніе всѣхъ священныхъ предметовъ.

Это происходило въ періодъ съ 1853 по 1855 годъ, во время управлении министерствомъ внутр. дѣлъ ген.-ад. Бибикова.

Второй добавочный списокъ членовъ Историческаго Общества [1]).

218 *Арабажинъ*, Константинъ Ивановичъ. Преподаватель Николаевскаго корпуса, оставл. при унив. (Кіевскомъ) по каѳедрѣ славяновѣдѣнія.

219 *Бальцеръ*, Освальдъ, д-ръ, редакторъ „Kwartalnika Historycznego".

220. *Брикнеръ*, Александръ Густавовичъ, проф. Казанскаго университета.

221. *Бѣлогостицкій*, Иванъ Васильевичъ.

222. *Вознесенскій*, Павелъ Ивановичъ, оставленный при унив. по каѳедрѣ философіи. Коломенская ул., д. 7, кв. 21.

223. *Вязигинъ*, Андрей Сергѣевичъ, оставленный при университетѣ по каѳедрѣ исторіи. Харьковъ, Дѣвичья ул., д. 14.

224. *Гриммъ*, Эрвинъ Давидовичъ, оставл. при универс. по каѳ. всеобщей исторіи. Вас. Островъ, 4 линія, Академія Художествъ.

225. *Дерюжинскій*, Владиміръ Ѳедоровичъ, профес. полиц. права, Дерптъ, Садовая, д. 22.

226. *Ешевскій*, Александръ Аполлоновичъ, преподаватель, Вас. Островъ, 10 линія, д. 25, кв. 1.

227. *Житецкій*, Игнатъ Павловичъ, преподаватель, Казанская ул. д. 8.

228. *Закржевскій*, Викентій, проф. Краковскаго университета.

229. *Иванова*, Зинаида Сергѣевна. Москва.

230. *Ивановъ*, Константинъ Алексѣевичъ, преподаватель. Калинкинская площадь, д. 3/5.

231. *Кайзль*, Іосифъ, проф. Чешскаго университета въ Прагѣ.

---

[1]) Начало см. въ I и II томахъ Историческаго Обозрѣнія. Здѣсь помѣщены фамиліи лицъ, вступившихъ въ члены Общества съ 24 апр. 1891 г. включительно по 22 апр. 1892 г.

232. *Каттерфельдъ*, Вильгельмъ Богдановичъ, оставл. при университетѣ по каѳедрѣ всеобщ. ист. Гороховая ул. д. 44 кв. 6.

233. *Кентржинскій*, Войцѣхъ, директоръ Института Оссолинскихъ во Львовѣ.

234. *Киселевъ*, Александръ Аполлоновичъ, преподаватель. Англійскій пр. д. 22 кв. 12.

235. *Клячинъ*, Василій Петровичъ, магистрантъ всеобщ. ист. Кіевъ. Университетъ.

236. *Корженевскій*, Іосифъ, д-ръ. Краковъ.

237. *Лурье*, Семенъ Владиміровичъ, кандид. юрид. фак. Берлинъ.

238. *Маляренко*, Андрей Демьяновичъ, преподаватель. Пенза, 1-я Пензенская гимназія.

239. *Масарикъ*, Ѳома, проф. Чешскаго унив. въ Прагѣ.

240. *Миллеръ*, Евгеній Леонтьевичъ, кандид. ист. фил. фак. Гатчина, Бомбардирская ул. д. Ивановой, кв. 1.

241. *Нейфельдъ*, Абрамъ Абрамовичъ, преподаватель. Хортица, Екатеринославской губ. Центральное училище.

242. *Никитскій*, Тимоѳей Николаевичъ, преподаватель. Ковно, Гимназія.

243 *Осокинъ*, Николай Алексѣевичъ, профессоръ. Казань, Университетъ.

244. *Петрушевскій*, Дмитрій Моисеевичъ, оставленный при унив. по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Кіевъ.

245. *Прохаска*, Антонъ, проф. Львовъ.

246. *Рождественскій*, Сергѣй Васильевичъ, оставленный при университетѣ по каѳедрѣ русской исторіи. С.-Петербургскій Университетъ.

247. *Рубинштейнъ*, Михаилъ Александровичъ, преподаватель. Бассейная, уголъ Лиговки, гимназія Гуревича.

248. *Рудневъ*, Яковъ Ивановичъ, преподаватель. Выборгская сторона, Симбирская ул. д. 10. 1-я прогимназія.

249. *Семеновъ*, Дмитрій Дмитріевичъ.

250. *Смирновъ*, Алексѣй Логиновичъ.

251. *Смолька*, Станиславъ, проф. Краковъ.

252. *Созоновичъ*, Иванъ Петровичъ, проф. Варшава, ул. Берга, д. 6.

253. *Ставровскій*, Никаноръ Андреевичъ, преподаватель. Сумы, Харьковской губ. Гимназія.

254. *Тихомировъ*, Павелъ Константиновичъ, Екатерининскій каналъ, д. 70 кв. 10.

255. *Туганъ-Барановскій*, Михаилъ Ивановичъ, магистрантъ по полит. экономіи.

256. *Тычинкинъ*, Константинъ Семеновичъ, преподаватель. Бассейная ул. уголъ Лиговки, гимназія Гуревича.

257. *Фаржъ*, Людовикъ. Paris.

258. *Цвѣтницкій,* Владиміръ Дмитріевичъ, кандидатъ ист. фил. факульт. Тифлисъ. Верхняя Московская балка, д. 24.

259. *Шварсалонъ,* Константинъ [redacted] ул. д. 37 кв. 6.

260. *Шубинскій,* Сергѣй Николаевичъ, ред. „Историческаго Вѣстника". Невскій пр. д. 38. Книжный магазинъ „Новаго Времени".

261. *Шубинъ.* Николай Яковлевичъ. Вас. Островъ, 10 линія д. 25 кв 1.

262. *Щепкинъ,* Евгеній Николаевичъ, преподаватель. Москва, 2-я Мѣщанская, д. Никитина.

263. *Энманъ,* Александръ Өедоровичъ, помощникъ библіотекаря въ Акад. Наукъ. Вас. Островъ, 1 линія, д. 18 кв. 24.